UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00308920 8

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
ESTATE OF THE LATE
JOHN B. C. WATKINS

Надежда Анатолiевна
Кортовъ

БИБЛIОТЕКА
ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ
ПОДЪ РЕДАКЦIЕЙ
С. А. ВЕНГЕРОВА

ПУШКИНЪ

Т. I.

Е. ЛАНСЕРЕ. МОО.

ИЗДАНIЕ
БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНА.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1907

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ Ефронъ. Прачешный пер., № 5.

LIBRARY
DEC 8 1965
UNIVERSITY OF TORONTO
1028706
PG
3346
A1
1917
v.1

Закончивъ въ «Библіотекѣ Великихъ Писателей» изданіе полныхъ собраній сочиненій Шиллера, Шекспира и Байрона, мы приступаемъ къ Пушкину.

Приступаемъ съ понятнымъ волненіемъ предъ трудностью и отвѣтственностью задачи.

Въ общемъ, предпринимаемое изданіе задумано по тому-же плану, какъ и предыдущія собранія сочиненій великихъ писателей Запада. Но во многихъ отношеніяхъ планъ изданія Пушкина значительно шире. Вполнѣ естественно, что къ достойному «солнца русской поэзіи» изданію должны быть предъявлены требованія особенной полноты, детальности и тщательности.

Основная черта предпринимаемаго изданія—широкое развитіе, которое предполагается дать комментарію.

Изданіе въ такой же степени стремится быть собраніемъ сочиненій Пушкина, какъ и изслѣдованіемъ его жизни и творчества.

Предпочитая подробнѣе поговорить о разныхъ деталяхъ изданія, когда оно сколько-нибудь значительно двинется впередъ, мы ограничимся здѣсь, въ предисловіи къ I выпуску, только краткою программою.

I.

Для осуществленія плана изданія предполагается дать:

1) Отдѣльные этюды о каждомъ моментѣ біографіи поэта: родъ Пушкина, дѣтство Пушкина, Пушкинъ въ лицеѣ, періодъ «Зеленой лампы», Пушкинъ въ Крыму, въ Бессарабіи, въ Одессѣ, на Кавказѣ, въ Михайловскомъ, Пушкинъ и декабристы, Пушкинъ и Николай I, женитьба, Пушкинъ при дворѣ, дуэль и т. д.

2) Этюды о тѣхъ изъ друзей и знакомыхъ Пушкина, съ которыми онъ особенно былъ близокъ. Такъ въ первыхъ томахъ будутъ напечатаны этюды о Пущинѣ, Галичѣ, Александрѣ Тургеневѣ, Кюхельбекерѣ, Кривцовѣ, Плетневскомъ, Василіи Пушкинѣ, Чаадаевѣ и мн. др. Въ дальнѣйшихъ—о Вяземскомъ, Пашковинѣ и мн. другихъ.

3) Этюды о литературномъ вліяніи на Пушкина писателей русскихъ и иностранныхъ: Пушкинъ и Парни, Пушкинъ и Батюшковъ, Пушкинъ и Жуковскій, Пушкинъ и Шенье, Пушкинъ и Оссіанъ, Пушкинъ и Шатобріанъ, Пушкинъ и Мицкевичъ и. т. д.

4) Каждое изъ сколько-нибудь значительныхъ произведеній Пушкина будетъ снабжено историко-литературнымъ введеніемъ.

5 Къ каждому изъ небольшихъ стихотвореній будутъ даны пояснительныя примѣчанія и притомъ не въ концѣ книги, а параллельно тексту.

Въ общемъ, поскольку это, конечно, позволяетъ сравнительно небольшой объемъ изданія (6 томовъ), мы хотѣли-бы сдѣлать изъ будущаго изданія своего рода Пушкинскую энциклопедію, гдѣ должно найти мѣсто все, что служитъ къ уясненію жизни и творчества великаго поэта.

Для выполненія задачи, которую мы

себѣ поставили, мы заручились содѣйствіемъ ряда пушкинистовъ, историковъ литературы и критиковъ. Обѣщали свое сотрудничество: прив.-доц. Е. В. Аничковъ, акад. К. К. Арсеньевъ, проф. А. С. Архангельскій, Е. В. Балобанова, Ѳ. Д. Батюшковъ, проф. А. К. Бороздинъ, проф. Ѳ. А. Браунъ, С. П. Браиловскій, В. Я. Брюсовъ, проф. Е. Ѳ. Будде, проф. С. К. Буличъ, Е. Г. Вейденбаумъ, акад. П. П. Вейнбергъ, З. А. Венгерова, акад. Алексѣй Веселовскій, Ю. А. Веселовскій, М. О. Гершензонъ, А. Г. Горнфельдъ, проф. П. П. Дашкевичъ, проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій, Вяч. П. Ивановъ, прив.-доц. П. П. Ивановъ, В. В. Каллашъ, П. А. Каракичъ, проф. П. П. Карѣевъ, акад. А. Ѳ. Кони, проф. П. А. Котляревскій, П. П. Коробка, А. О. Круглый, П. А. Кубасовъ, Н. О. Лернеръ, А. Л. Липовскій, Е. А. Ляцкій, А. І. Ляшенко, проф. А. І. Маленинъ, Б. Л. Модзалевскій, П. О. Морозовъ, проф. Д. Н. Овсянико-Куликовскій, проф. В. П. Перетцъ, П. К. Никсановъ, Э. Л. Радловъ, П. Е. Рейнботъ, В. Е. Рудаковъ, прив.-доц. В. В. Сиповскій, А. Л. Слонимскій, В. П. Средневскій, проф. П. Ѳ. Сумцовъ, А. А. Флоридовъ, проф. М. Г. Халанскій, А. А. Чебышевъ, проф. П. А. Шляпкинъ, проф. Л. Ю. Шепелевичъ, П. Е. Щеголевъ, прив.-доц. А. П. Яцимірскій, В. Я. Яковлевъ-Богучарскій и др.

II.

Въ тѣсной связи съ общимъ планомъ изданія находится планъ иллюстрированія его.

Предполагается дать:

Все, что имѣетъ связь съ личностью поэта:

а) всѣ портреты Пушкина (и притомъ тѣ изъ нихъ, которые рисованы акварелью или масляными красками, тоже будутъ воспроизведены въ краскахъ), портреты родственниковъ и семьи, виды мѣстностей и зданій, имѣющихъ отношеніе къ біографіи, картины, иллюстрирующія отдѣльные эпизоды жизни, всѣ памятники и т. д.;

б) портреты друзей и всѣхъ тѣхъ, съ которыми Пушкину пришлось близко сталкиваться;

в) портреты русскихъ и иностранныхъ писателей, оказавшихъ вліяніе на Пушкина, и т. д.

Многое въ этомъ отдѣлѣ разыскано для настоящаго изданія и появится впервые.

Широкое развитіе будетъ также дано отдѣлу автографовъ, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда они помогаютъ установленію текста.

Такъ же, какъ въ законченныхъ изданіяхъ Шекспира и Байрона, въ изданіи соч. Пушкина найдутъ мѣсто наиболѣе замѣчательныя изъ картинъ, писаныхъ на пушкинскіе сюжеты.—Брюлова, Ге, Рѣпина, Айвазовскаго, Крамского. Клодта, Микѣшина, Мясоѣдова, Зичи, Васнецова и мн. др.

Цѣнный и красивый иллюстраціонный матеріалъ даютъ постановки драмъ Пушкина и оперъ на пушкинскіе сюжеты—«Руслана и Людмилы», «Бориса Годунова», «Евгенія Онѣгина», «Русалки» и др.

Будущее изданіе предполагаетъ использовать этотъ матеріалъ, при чемъ многое, напримѣръ, акварели Гартмана и Горностаева, будутъ здѣсь воспроизведены впервые.

Всѣ произведенія, въ которыхъ дѣйствуютъ историческія лица, будутъ иллюстрированы портретами этихъ лицъ, видами мѣстностей, бытовыми деталями и т. д.

Особенное вниманіе сочли мы полезнымъ обратить на стильность орнамента изданія. Въ первомъ томѣ, гдѣ все еще насквозь пропитано отголосками французской литературы XVIII вѣка, общему настроенію будутъ соотвѣтствовать взятыя изъ французскихъ книгъ XVIII в. заставки, виньетки, концовки, галантныя сцены Ватто, наступки Буше, миѳологическіе пано Жило и др. Дальнѣйшіе томы будутъ орнаментованы въ стилѣ Empire и т. д.

Нѣкоторыя статьи, когда это подходитъ къ ихъ содержанію (напр. первая статья настоящаго тома—«Родъ Пушкиныхъ» и др.) орнаментованы старорусскими заставками, концовками, буквами и т. д.

Общему впечатлѣнію стильности изданія мы думали помочь и тѣмъ, что изданіе печатается особо-заказаннымъ шрифтомъ Пушкинскаго времени.

Существенѣйшую помощь при исполненіи нашего желанія дать стильный орнаментъ намъ оказалъ библіотекарь Академіи Художествъ, художникъ Ѳедоръ Густановичъ Берендтсъ. Пользуемся случаемъ выразить ему нашу глубокую благодарность.

Искреннѣйшую благодарность приносимъ мы затѣмъ владѣльцу замѣчательной Пушкинской коллекціи Павлу Евгеніевичу Рейнботу. Усиліями долгихъ лѣтъ П. Е. собралъ почти все, чѣмъ когда-либо иллюстрировался Пушкинъ, начиная съ лучшихъ вдохновеній нашихъ художниковъ и кончая иллюстраціями конфетныхъ лубочныхъ изданій. Съ великою любезностью П. Е. Рейнботъ предоставилъ въ наше распоряженіе всю свою великолѣпную коллекцію.

О лицахъ, оказавшихъ намъ услуги въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ, будетъ съ благодарностью указано въ послѣсловіи къ настоящему тому.

III.

Сложнѣйшую часть редакціонной задачи составляетъ вопросъ о текстѣ.

Что считать текстомъ настоящимъ, какого принципа держаться при томъ разнообразномъ выборѣ, который представляютъ собою первоисточники Пушкинскаго текста? Чему придать рѣшающее значеніе: рукописямъ, первопечатному тексту, сводному тексту, первой авторской редакціи, послѣдующимъ редакціямъ?

Несмотря на то, что собранія соч. Пушкина издаются вотъ уже около 70 лѣтъ, до сихъ поръ еще не установился общепризнанный текстъ, такъ сказать, Пушкинскій канонъ. И каждому новому издателю приходится заново задумываться надъ тѣмъ, что вѣрнѣе приблизитъ его къ лучшей передачѣ.

Мы не станемъ здѣсь входить въ детали. Въ концѣ каждаго тома будетъ дана статья «Исторія Пушкинскаго текста», гдѣ по поводу каждаго произведенія будутъ указаны основанія, почему принятъ тотъ или другой текстъ. Покамѣстъ отмѣтимъ только, что мы считали бы педантизмомъ руководиться однимъ какимъ-нибудь общимъ для всего изданія принципомъ. Мы думаемъ, что для каждаго частнаго случая есть свои особыя, рѣшающія основанія. Нельзя подводить подъ одинъ ранжиръ тѣ разнообразные мотивы, на основаніи которыхъ въ томъ или другомъ случаѣ приходится остановиться на томъ или другомъ текстѣ.

Взять, напр., самъ по себѣ столь важный при изданіи сочиненій великаго художника принципъ, какъ эстетическій. И однако, слѣпое подчиненіе этому принципу въ значительной степени обезцѣнило такое первостепенной важности изданіе, какъ Анненковское. Въ силу эстетическаго принципа, Анненковъ нашелъ въ себѣ достаточно смѣлости, чтобы пренебречь цѣлымъ рядомъ стихотвореній и—что еще хуже—выбрасывать отдѣльныя мѣста «по слабости созданія».

Времена такого эстетическаго хозяйничанія теперь безвозвратно миновали. Позднѣйшіе авторитетные издатели—П. А. Ефремовъ, В. Е. Якушкинъ, П. О. Морозовъ и Л. Н. Майковъ уже дорожили каждымъ незаконченнымъ наброскомъ, каждой строчкой, каждымъ словомъ.

Само собою разумѣется, что мы всецѣло примыкаемъ къ этому историческому методу изданія произведеній великаго поэта.

И все-таки это вовсе не значитъ, что мы считаемъ себя обязанными во всѣхъ случаяхъ поставить принципъ исторической передачи выше принципа эстетическаго выбора. Вотъ примѣръ, непосредственно относящійся къ I тому, посвященному, по преимуществу, такъ называемымъ «Лицейскимъ стихотвореніямъ».

Извѣстно, какое мѣсто занимаютъ эти стихотворенія въ общей іерархіи произведеній Пушкина. Всѣ согласны, что значеніе «Лицейскихъ стихотвореній»—вполнѣ второстепенное. Образно выражаясь, это не болѣе какъ первые взмахи крыльевъ молодого орла. Конечно, молодой орелъ рѣшительно и мощно поднимается къ небесамъ, но большой высоты онъ еще не достигъ.

При этомъ, относительно, не крупномъ художественномъ значеніи «лицейскихъ стихотвореній», казалось-бы, ихъ надо воспроизводить именно въ той самой формѣ, въ какой они первоначально вылились у геніальнаго лицеиста. Но дѣло осложняется тѣмъ, что въ изданные имъ самимъ въ 1826 г. и позднѣе сборники стихотвореній Пушкинъ не просто кое-что внесъ изъ произведеній лицейской поры, а внесъ съ существенными поправками.

И вотъ возникаетъ конфликтъ между историческимъ и эстетическимъ принципами. Съ исторической точки зрѣнія кажется совершенно неправильнымъ давать юношеское произведеніе въ исправленномъ рукою созрѣвшаго генія видѣ. Въ такой передѣлкѣ оно не характеризуетъ ни юношескій періодъ, ни зрѣлый.

Изъ этого конфликта мы выходимъ, руководствуясь эстетическими соображеніями. Мы разсуждаемъ такъ: разъ очень строгій къ себѣ Пушкинъ въ 1826 году счелъ возможнымъ перепечатать кое-что изъ произведеній ранней поры, значитъ онъ признавалъ за ними эстетическую цѣну. И тогда, конечно, уже надо брать ихъ именно въ той формѣ, къ которой приложены наибольшія старанія достичь художественнаго совершенства.

Ограничиваемся этимъ примѣромъ столкновенія разныхъ принциповъ, чтобы показать, что было-бы своего рода канцелярщиной держаться всегда одного и того-же принципа при выборѣ текста. Случаи такого столкновенія чрезвычайно разнообраз-

ны, вплоть до безспорныхъ описокъ и ошибокъ самого Пушкина, по отношенію къ которымъ нельзя не позволить себѣ нѣкотораго «превышенія власти» [1].

Впрочемъ, достаточною гарантіей противъ такого рода превышенія власти является то, что въ примѣчаніяхъ и прилагаемой къ каждому тому особой статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста» читатель найдетъ и всѣ варіанты, и точное описаніе первоисточника. Такимъ образомъ, всякій неправильный редакторскій домыслъ можетъ быть провѣренъ.

IV.

Не допускаетъ однообразнаго принципа и вопросъ о внѣшней передачѣ, т.-е. правописаніе.

Велика пестрота въ этомъ отношеніи Пушкинскихъ изданій. Посмертное изданіе 1838—41 гг. держалось правописанія своего времени. Анненковъ то держался правописанія первопечатныхъ источниковъ и изд. 1838—41 гг., то модернизировалъ его по орографіи второй половины 50-хъ гг. Всѣ позднѣйшіе издатели—Геннади, Ефремовъ, Морозовъ, Майковъ тоже держались повѣйшаго правописанія. И только редактированный В. Е. Якушкинымъ и томъ Академическаго изданія, придерживаясь постановленія Пушкинской коммиссіи, выдвинулъ принципъ «Пушкинской орографіи».

Для насъ не существуетъ колебаній по этому вопросу, и вотъ почему. Если-бы мы предназначали настоящее изданіе для людей, впервые знакомящихся съ Пушкинымъ, мы бы, конечно, держались повѣйшаго правописанія, потому что для полноты эстетическаго впечатлѣнія не нужно отвлекать вниманія вещами посторонними. Эстетическое впечатлѣніе должно легко и непосредственно ложиться на душу читателя. Если-же вдругъ натыкаешься на *щастье* вмѣсто *счастье*, на *тма* вмѣсто *тьма*, на *нещастной* вмѣсто *несчастный* и т. д.—это необычное начертаніе, несомнѣнно, отвлекаетъ вниманіе въ другую сторону, и полнота эстетической эмоціи пропадаетъ.

Но мы представляемъ себѣ тѣхъ, которые заинтересуются нашимъ изданіемъ нѣсколько иначе. Думается, что человѣкъ, пріобрѣтающій роскошное изданіе Пушкина, уже имѣетъ какое-нибудь изъ изданій обыкновенныхъ, которыя теперь доступны для самой скромнѣйшей библіотеки. Мы исходимъ изъ того предположенія, что читатель настоящаго изданія уже раньше ознакомился съ соч. Пушкина, а съ помощью настоящаго изданія хочетъ лишь углубить свое чисто-литературное знакомство съ Пушкинымъ историко-литературнымъ изученіемъ, хочетъ къ впечатлѣнію эстетическому прибавить историко-литературный анализъ.

И если мы для достиженія, если можно такъ выразиться, *исторической* впечатлѣнія прибѣгаемъ и къ стильности орнамента, и къ шрифту Пушкинскаго времени, то тѣмъ болѣе намъ кажется необходимымъ держаться Пушкинскаго правописанія. Это, несомнѣнно, усиливаетъ ту архаичность впечатлѣнія, которая такъ неизбѣжна при усвоеніи Пушкина, писателя великаго, но, все-таки, въ значительной части своихъ произведеній отошедшаго въ область уже пережитыхъ русской литературой настроеній.

Что, однако, признать «Пушкинской» орографіей?

Вопросъ, можетъ быть, еще труднѣе подлежащійся безспорному разрѣшенію, чѣмъ вопросъ о текстѣ.

Абсолютно-авторитетнаго источника тутъ совсѣмъ нѣтъ, потому что даже подлинныя Пушкинскія рукописи не могутъ имѣть рѣшающаго значенія. Пушкинъ и былъ нетвердъ въ орографіи, и странно размашисто набрасывалъ свои произведенія, думая только о главномъ и пренебрегая всѣмъ второстепеннымъ, вплоть до того, что даже не выписывалъ полностью всѣхъ словъ.

Удивительно-ли, что при такой размашистости и ошибокъ, и простыхъ описокъ въ Пушкинскихъ рукописяхъ множество. А уже знаки препинанія Пушкинъ почти совсѣмъ не разставлялъ.

[1] Взять, напр., «Нарушающихъ студентовъ». Стихотвореніе это при жизни Пушкина напечатано не было. Значитъ, рѣшающею инстанціею является автографъ. А между тѣмъ въ этомъ автографѣ, не отдѣланномъ, окончательно непросмотрѣнномъ, есть вещи, съ которыми нельзя не примириться. Подшучивая надъ мало здоровымъ товарищемъ своимъ—поэтомъ Кюхельбекеромъ, Пушкинъ обращается къ нему такъ:

Писатель за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе и т. д.

Выходитъ, что Кюхельбекеръ сталъ писателемъ за свои грѣхи—мысль совершенно нечестивая. Дѣло объясняется, однако, очень просто, если напечатать стихи съ знаками препинанія:

Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе.

Такъ неужели-же издатель долженъ довести свое благоговѣніе до того, чтобы не поставить отъ себя лишо пропущенныя здѣсь знакъ обращенія—запятую или восклицательный знакъ?

Большое значеніе имѣетъ орографія первопечатныхъ источниковъ—журналовъ, альманаховъ, вышедшихъ при жизни Пушкина сборниковъ его сочиненій, посмертнаго изданія 1838—41 гг. Ея мы въ большинствѣ случаевъ и придерживаемся, потому что это, при всѣхъ недосмотрахъ и ошибкахъ, собственно и есть подлинная орографія Пушкинскаго времени. Обычное возраженіе, что сплошь да рядомъ бываютъ невнимательные и незнающіе корректора и что странно увѣковѣчивать ихъ ошибки—несостоятельно. Конечно, бываютъ малограмотные корректора, и нѣтъ ничего печатнаго безъ опечатокъ. Но въ данномъ случаѣ надо руководствоваться тѣмъ, что въ соціальныхъ наукахъ называется закономъ большихъ чиселъ. Корректура совретъ разъ, совретъ два, но, въ общемъ, работа многихъ людей всегда характеризуетъ свое время и даже въ проявленіяхъ невѣжества передастъ колоритъ эпохи.

Порядокъ нашего изданія строго-хронологическій. Подраздѣленія на «мелкія» произведенія, «эпическія», «лирическія» и т. д. слишкомъ произвольны и субъективны. Мы задаемся цѣлью представить ходъ творчества великаго писателя въ его послѣдовательномъ развитіи.

Однако, въ силу этого-же принципа послѣдовательнаго развитія, слѣдуетъ отдѣлить стихи Пушкина отъ прозы его, а прозу раздѣлить на нѣсколько группъ: повѣсти, журнальныя и критическія статьи, историческія изслѣдованія. Каждый изъ этихъ видовъ Пушкинскаго творчества имѣетъ свою особую исторію и долженъ быть представленъ въ своей совокупности. Только тогда выяснятся объединяющіе ихъ идеи, пріемы и настроенія.

Повторяемъ въ заключеніе, что мы набрасываемъ здѣсь планъ изданія лишь въ общихъ чертахъ. Деталей такъ много и ихъ столько возникаетъ по мѣрѣ того, какъ работа идетъ впередъ, что мы предоставляемъ себѣ право поговорить о разныхъ сторонахъ настоящаго изданія въ послѣсловіи къ первому и дальнѣйшимъ томамъ.

И пусть трудность поставленной задачи послужитъ извиненіемъ тѣмъ промахамъ, которые неизбѣжны въ такомъ сложномъ дѣлѣ.

С. Венгеровъ.

С.-Петербургъ.
1 декабря 1906 г.

Родъ Пушкина.*)

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ.
А. Пушкинъ. Мои родословная.

I.

При державѣ великаго государя и великаго князя Александра Ярославича Невскаго пріиде изъ нѣмецъ мужъ честенъ именемъ Радша» — такъ начинаются родословныя росписи, поданныя въ 1686 году представителями нѣсколькихъ вѣтвей рода Пушкиныхъ въ Разрядный Приказъ. Ссылаясь на предка, выѣзжаго «изъ нѣмецъ», Пушкины слѣдовали общей тенденціи русскихъ дворянскихъ родовъ, показывавшихъ легендарныхъ предковъ своихъ выходцами изъ иностранныхъ государствъ: легенды эти, не поддаваясь исторической провѣркѣ, принимались на вѣру, давая право представителямъ родовъ гордиться своимъ древнимъ происхожденіемъ и пользоваться имъ при разнаго рода служебныхъ отношеніяхъ.

Легендарный предокъ Пушкина — Радша — считается родоначальникомъ многихъ дворянскихъ фамилій, большею частью уже угасшихъ, но частью существующихъ и по настоящее время. Согласовать показаніе родословной о времени выѣзда Радши съ лѣтописными данными о лицахъ съ тѣмъ же именемъ и съ именами его ближайшихъ потомковъ не представляется возможности,— вотъ почему наши генеалоги различно толкуютъ и комментируютъ событія ихъ жизни. М. Г. Спиридовъ, называя Радшу Лазаремъ, отождествляетъ его съ тѣмъ бояриномъ Новгородскимъ, который упоминается въ «Исторіи» Карамзина убитымъ въ бою съ ливонцами на р. Кеголѣ 18 февраля 1268 г. [1]. Извѣстный генеалогъ князь П. В. Долгоруковъ говоритъ, что Радша прибылъ изъ Германіи въ Новгородъ въ концѣ XII вѣка [2]; М. В. Муравьевъ, авторъ «Родословія А. С. Пушкина» [3], считаетъ, что Радша, при крещеніи названный Ростиславомъ-Стефаномъ, былъ тіуномъ князя Всеволода Ольговича, и относитъ къ нему извѣстіе лѣтописей о томъ, что въ 1146 г. кіевляне разграбили его дворъ. Н. Н. Бартеневъ въ статьѣ своей «Родъ и дѣтство

* Настоящая статья составлена на основаніи матеріаловъ, собираемыхъ авторомъ для приготовляемой къ печати полной родословной Пушкиныхъ—потомковъ Радши—и Ганнибаловъ, а потому при изложеніи ея не дѣлаются ссылки на источники преимущественно архивные, указанія на которые интересующіеся найдутъ въ работѣ по выходѣ ея въ свѣтъ.

1) «Записки стариннымъ службамъ русскихъ благородныхъ родовъ» ркп. Имп. Публ. Библ. ч. VII, стр. 38.—2) «Росс. родосл. книга», ч. II. Спб. 1855, стр. 151.—3) «Пушкинскій Сборникъ», Спб. 1899, стр. 655.

Пушкина»[1] стоитъ на почвѣ показанія росписей и говоритъ, что «Радша выселился къ намъ въ княженіе Александра Невскаго». Самъ поэтъ, очевидно, также принималъ на вѣру легенду, созданную его предками, и принималъ съ тѣмъ большею увѣренностью, что подтвержденіе ей находилъ въ близко ему знакомой «Исторіи» Карамзина: послѣдній, говоря, что «слава Александрова, по свидѣтельству нашихъ родословныхъ книгъ, привлекла къ нему изъ чужихъ земель—особенно изъ Германіи и Пруссіи—многихъ именитыхъ людей, которыхъ потомство донынѣ существуетъ въ Россіи и служитъ Государству въ первѣйшихъ должностяхъ воинскихъ или гражданскихъ»,—въ примѣчаніи къ этому мѣсту перечисляетъ и потомковъ Радши. Зналъ поэтъ, безъ сомнѣнія, и родословную роспись Пушкиныхъ, вошедшую въ составъ такъ называемой «Бархатной Книги», изданной Н. И. Новиковымъ въ 1787 г.; зналъ, что легенда о выѣздѣ Радши и происхожденіи отъ него Пушкиныхъ закрѣплена оффиціально внесеніемъ ея въ «Гербовникъ»; слышалъ о ней и по преданіямъ, свято сохранявшимся еще въ то время въ дворянскихъ семействахъ; видѣлъ, конечно, и справку, выданную Василію Львовичу Пушкину изъ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ 1799 году. Таковы были источники, изъ которыхъ поэтъ могъ почерпать убѣжденіе въ древности своего рода, которымъ, какъ увидимъ ниже, имѣлъ основаніе гордиться, встрѣчая имена предковъ своихъ на многихъ и видныхъ страницахъ отечественной исторіи.

Пушкины были потомками Радши уже въ седьмомъ колѣнѣ. Въ вышеупомянутой справкѣ Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ ближайшее потомство Радши записано такъ: «Во дни благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго пріѣхалъ изъ нѣмецъ мужъ честенъ именемъ Радша (колѣно I). А у Радши сынъ Якунъ (кол. II). А у Якуна сынъ Алекса (кол. III). А у Алексы сынъ Гаврило Алексичь (кол. IV). А у Гаврила дѣти: Иванъ Морхиня (кол. V) да Акинфей Великой. У Ивана Морхини сынъ Александръ (кол. VI). У Александра дѣти: Ѳедоръ Невѣдомица, Александръ Пято, Давыдъ Казаринъ, Володимеръ Холопиво, Григорій Пушка (кол. VII).» Отъ Григорія Пушки, жившаго въ концѣ XIV или въ началѣ XV вѣка, и пошли, собственно, Пушкины. Григорій имѣлъ семь сыновей, изъ которыхъ лишь двое—Александръ и Константинъ—передали своему потомству прозваніе Пушкиныхъ, тогда какъ отъ остальныхъ трехъ, имѣвшихъ дѣтей (двое были бездѣтны), пошли Рожновы, Курчевы, Мусины-Пушкины, Бобрищевы-Пушкины, Шафериковы-Пушкины, Кологривовы, Поводовы, Товарковы и другіе.

Александръ Григорьевичъ Пушкинъ былъ родоначальникомъ старшей вѣтви Пушкиныхъ, въ мужскомъ колѣнѣ угасшей въ 1875 году со смертью Ивана Алексѣевича—сына извѣстнаго остряка, театрала и писателя Алексѣя Михайловича († 1825 г.), женатаго на Еленѣ Григорьевнѣ Воейковой[1], и пріятеля В. Л. и С. Л. Пушкиныхъ. Вѣтвь эта до середины XIX вѣка удерживала, въ лицѣ своихъ довольно многочисленныхъ, но захудалыхъ представителей, земельныя владѣнія въ Новгородской области, сохранивъ, такимъ образомъ, связь съ мѣстомъ въѣзда Радши. Изъ членовъ этой же вѣтви происходили: дѣдъ упомянутаго Алексѣя Михайловича—одноименный ему Алексѣй же Михайловичъ, женатый на Марьѣ Михайловнѣ Салтыковой († 1785 г.), дальней родственницѣ имп. Анны Іоанновны, бывшій сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ, посланникомъ въ Даніи и Швеціи, Архангельскимъ и Воронежскимъ губернаторомъ. Изъ сыновей его Михаилъ Алексѣевичъ († 1785 г.), бывшій прокуроромъ Коммерцъ-Коллегіи, въ 1772 г., былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, капитаномъ Сергѣемъ Алексѣевичемъ, въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій и сосланъ въ Сибирь; живя въ Тобольскѣ, онъ сотрудничалъ въ журналѣ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену» (1789—1791 г.); его жена Наталья Абрамовна, рожденная княжна Волконская († 1819 г.), послѣдовала за мужемъ въ ссылку, а потомъ проживала въ Москвѣ, гдѣ въ салонѣ ея постоянно бывали, между прочимъ, В. Л. и С. Л. Пушкины и князь П. А.

1. Отеч. Записки 1853 г., т. XCI, отд. II, стр. 2.

1. По 1-му браку Нѣмцова; извѣстны ея дружескія отношенія къ К. Н. Батюшкову, братьямъ Тургеневымъ (особенно—Сергѣю), кн. П. А. Вяземскому и др.

Вяземскій. Третій братъ ихъ, Осторъ Алексѣевичъ † 1810 г., женатый на княжнѣ Маріи Ивановнѣ Оболенской, былъ Воронежскимъ губернаторомъ; въ одну изъ дочерей его, Софью Федоровну р. 1806 † 1862 г., вышедшую за В. А. Нашина, влюбленъ былъ поэтъ, сватавшійся за нее въ Москвѣ въ концѣ 1826 г. Къ той же вѣтви новгородскихъ Пушкиныхъ принадлежалъ д. с. с. Никифоръ Изотовичъ † 1831 г., женатый на Евпраксіи Аристарховнѣ Кашиной, родной теткѣ извѣстной П. А. Осиповой, сосѣдки поэта по Михайловскому, которая, такимъ образомъ, приходилась ему дальней свойственницей. Остальные потомки Александра Григорьевича Пушкина ничѣмъ не выдѣлились и стояли въ рядахъ скромнаго служилаго дворянства: отмѣтимъ изъ нихъ только одного — подполковника Андрея Павловича, который въ 1762 г. былъ генеральсъ-адъютантомъ у Абрама Петровича Ганнибала и женился на его старшей дочери — Елизаветѣ Абрамовнѣ.

Гораздо виднѣе были потомки другого — одного изъ младшихъ — сына Григорія Пушки — Константина Григорьевича, отъ котораго, по прямой линіи, происходилъ поэтъ. Сынъ Константина — Гавріилъ и внукъ — Иванъ не сохранилось документальныхъ указаній: правнукъ его — Михаилъ Ивановичъ — въ 1537 году упоминается, какъ Дмитровскій помѣщикъ, — слѣдовательно, онъ уже оставилъ, по своей волѣ или по распоряженію власти, Новгородскія мѣста. Сынъ Михаила Ивановича — Семенъ Михайловичъ въ 1567 году былъ вторымъ у знамени въ Новгородскомъ, противъ поляковъ, походѣ Іоанна Грознаго, а въ 1573 г., во время отправленія въ Новгородѣ, въ присутствіи царя, чина свадьбы его племянницы, княжны Маріи Владимировны Старицкой, съ королемъ Ливонскимъ Магнусомъ, «вторыя сорокъ соболей держалъ»; онъ имѣлъ двухъ сыновей: Федора стольника, подписавшагося въ 1613 году подъ грамотою объ избраніи на царство Михаила Федоровича Романова, и Тимофея Семеновича; послѣдній — прямой предокъ поэта — былъ въ 1597 году головою при Черниговскомъ воеводѣ Ѳ. Н. Шереметевѣ, въ слѣдующемъ — головою же «у ставленія и озору сторожей въ Серпуховскомъ Государевомъ по Крымскимъ вѣстямъ походѣ», въ 1601 году — въ Царевѣ-Борисовѣ городѣ, а въ 1618 г. находился воеводою въ Цывильскѣ. Изъ четырехъ сыновей его — Петръ Тимофеевичъ, по прозвищу «Толстой» и «Черной» пра-пра-пра-прадѣдъ поэта, въ 1624 году, будучи назначенъ воеводою въ сторожевомъ полку въ Пронскъ, мѣстничался съ княземъ А. Ѳ. Литвиновымъ-Мосальскимъ, а въ 1627—1628 г. былъ воеводою въ Тюмени; онъ былъ Рязанскимъ и Московскимъ помѣщикомъ, женатъ былъ съ 1618—1619 г. на Еленѣ Григорьевнѣ Сунбуловой и умеръ въ 1633—1634 году. Единственный сынъ его — Петръ Петровичъ — былъ въ 1648 г. стольникомъ и принималъ участіе въ церемоніальномъ поѣздѣ при бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича съ Маріей Ильинишной Милославской. Онъ скончался въ Москвѣ въ 1660 году; былъ женатъ дважды: первымъ бракомъ — на Пелагеѣ Ѳедоровнѣ Ѳефилатьевой, а вторымъ — на княжнѣ Анастасіи Аѳанасьевнѣ Козловской, о которой сохранились любопытныя данныя въ «Дворцовыхъ разрядахъ»: въ 1675 году царю Алексѣю Михайловичу докладывалось дѣло «по роспроснымъ рѣчамъ стольника князя Ивана княжъ Петрова сына Козловскаго», «будто онъ, князь Иванъ, жилъ съ племянницею своею съ двоюродною, съ Петровою женою Петрова сына Пушкина, съ Настасьею съ Ѳоонасьевою дочерью, лѣтъ съ десять и больши: и онъ, князь Иванъ, великому государю вину свою во всемъ томъ принесъ». Царь указалъ князя Козловскаго «отдать за пристава», а А. А. Пушкину — «послать подъ начало, до своего, великаго государя, указу, въ монастырь за Тверскія ворота Пречистыя Богородицы Страстные къ игумену Домѣ съ подьячимъ тайныхъ дѣлъ, и велѣно ее игумену держать подъ крѣпкимъ начальствомъ». Сколько времени провела Пушкина въ монастырѣ, неизвѣстно; впослѣдствіи она перенеслась съ царевной Прасковьей Іоанновной р. 1694 † 1731 г.[1], изъ чего видно, что прожила она еще очень долго: одно письмо ея, писанное «изъ Алексѣевской деревни», напечатано въ «Русской Старинѣ» 1884 г. т. XLIV, стр. 188).

Родной прадѣдъ поэта, Петръ Петровичъ, сынъ предыдущаго[1], родился

[1] Намъ неизвѣстно, родился-ли онъ отъ Ѳефилатьевой, или отъ Козловской.

въ 1644 году. Въ 1673—1681 гг. онъ съ отличіемъ участвовалъ въ войнѣ съ турками и крымцами, за что пожалованъ былъ отъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей вотчиною въ Галичскомъ уѣздѣ, въ волости Великой Пустыни: въ грамотѣ отъ 12 марта 1686 г., которою давалась Пушкину вотчина, сказано, что государи пожаловали его «за многую службу, что онъ во время войны съ Салтаномъ Турскимъ и съ Ханомъ Крымскимъ, какъ они въ 181 (т. е. 1673) году приходили сами особами своими, а послѣ того Салтанъ же Турской присылалъ визиря своего и многихъ пашей съ войсками и Хана Крымскаго съ ордами подъ Малороссійскіе городы, служилъ отцу ихъ... и имъ, царямъ, ...будучи въ полкахъ съ боляры и съ воеводы съ начала тое войны во вся лѣта по 189 (т. е. 1681) годъ». Въ 1677 году Петръ Петровичъ, будучи стольникомъ, управлялъ, съ бояриномъ княземъ М. А. Голицынымъ, Владимірскимъ Суднымъ Приказомъ, въ 1683 г. межевалъ земли въ станахъ Московскаго уѣзда, а въ 1686 г., 22 мая, вмѣстѣ съ нѣкоторыми родственниками, подалъ роспись рода своего въ Разрядный Приказъ. Въ правленіе царевны Софьи, въ 1689 г., онъ участвовалъ во второмъ крымскомъ походѣ князя В. В. Голицына, былъ имъ присланъ оттуда въ Москву и упоминается въ похвальной грамотѣ царей князю Голицыну. П. П. Пушкинъ скончался въ Москвѣ 12 февраля 1692 года, всего 48 лѣтъ, и погребенъ былъ, вмѣстѣ съ отцомъ, въ Ворсонофьевскомъ дѣвичьемъ монастырѣ. Женатъ онъ былъ, съ 1679—1680 г., на Ѳедосьѣ Юрьевнѣ Есиповой, отъ которой имѣлъ пятерыхъ сыновей (Ивана, Леонтія-Льва, Александра, Илью и Ѳедора) и дочь Аграфену, выданную за стольника Ив. Ив. Безобразова: изъ нихъ Александръ Петровичъ былъ роднымъ прадѣдомъ поэта по отцу, а Ѳедоръ Петровичъ—прапрадѣдомъ со стороны матери.

Александръ Петровичъ Пушкинъ родился, вѣроятно, въ 90-хъ годахъ XVII вѣка: въ 1708 году онъ получилъ въ Сурожскомъ стану Московскаго уѣзда д. Ракову съ пустошами, въ 1713 году дѣлился наслѣдствомъ съ братьями Ильею и Ѳедоромъ: въ 1718—1719 г. былъ солдатомъ л.-гв. Преображенскаго полка, гдѣ въ 1722 году былъ каптенармусомъ. Около этого времени онъ женился на Евдокіи Ивановнѣ Головиной, дочери одного изъ любимыхъ «деньщиковъ» Петра Великаго, впослѣдствіи генералъ-кригсъ-коммиссара и адмирала—Ивана Михайловича Головина († 1738 г.) отъ брака его съ Марьей Богдановной Богдановой. Бракъ этотъ былъ несчастливъ: Евдокія Ивановна въ 1725 году была убита своимъ мужемъ: поэтъ пишетъ про своего прадѣда, что онъ «въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзалъ свою жену, находившуюся въ родахъ». Александръ Петровичъ прожилъ послѣ этого не долго и «умеръ въ заточеніи»: какъ показывали его дѣти въ прошеніи, поданномъ ими, Петру II 25 февраля 1728 г., онъ «въ 1725 году... по смертноубійственному дѣлу... своей жены, указомъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Ея Импер. Величества, взятъ былъ) въ С.-Петербургъ къ гражданскому суду и умре». Послѣ его смерти остались двое малолѣтнихъ дѣтей—Левъ и Марья: заботы о сиротахъ перешли, повидимому, къ ихъ дѣду, Н. М. Головину, который, между прочимъ, и подписалъ за внуковъ вышеуказанное прошеніе. А. П. Пушкинъ былъ и самъ по себѣ довольно состоятельнымъ человѣкомъ, владѣя помѣстьями въ Московскомъ, Дмитровскомъ, Коломенскомъ, Рязанскомъ, Зарайскомъ и др. уѣздахъ: кромѣ того, въ 1718 году онъ, по завѣщанію своего двоюроднаго дѣда, стольника Ивана Ивановича Пушкина († 1717 г.), получилъ всѣ его имѣнія, въ томъ числѣ и историческое с. Болдино (Арзамасскаго уѣзда). Пожалованное дѣду Ивана Ивановича—Ѳедору Ѳедоровичу Пушкину, въ 1619 году «за Московское осадное сидѣнье», оно перешло сперва къ сыну его—окольничему Ивану Ѳедоровичу, а затѣмъ и къ внуку—Ивану Ивановичу, завѣщавшему его А. П. Пушкину. Такимъ образомъ, Болдино, съ именемъ котораго связано столько свѣтлыхъ воспоминаній о творчествѣ поэта въ расцвѣтѣ его таланта, находилось въ роду Пушкиныхъ уже 100 лѣтъ передъ тѣмъ, какъ перешло къ Александру Петровичу,—и послѣдній удѣлялъ ему много вниманія и заботливости, стараясь, путемъ покупокъ у сосѣдей, еще болѣе расширить имѣніе. Въ малолѣтство его дѣтей, Болдинымъ распоряжался Н. М. Головинъ, а въ 1741 г. оно перешло, по раздѣлу съ сестрой—М. А. Ушаковой, къ Льву Александровичу Пушкину, позднѣе—въ 1780 г.—прикупившему къ Болдину еще деревню и пустошь.

Левъ Александровичъ, дѣдъ поэта, родился 17 февраля 1723 г. Будучи въ дѣтствѣ записанъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ, онъ въ 1739 г. опредѣленъ былъ капра-

ломъ въ артиллеріи, въ которой и прослужилъ до выхода своего въ отставку, въ сентябрѣ 1763 года, подполковникомъ. При вступленіи на престолъ Императрицы Екатерины II, въ 1762 году, онъ, какъ свидѣтельствуетъ поэтъ, «во время мятежа остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ».

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Среди Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ,

говоритъ онъ въ «Моей родословной». Въ крѣпости Левъ Александровичъ «содержался два года», былъ оттуда «выпущенъ по приказанію Екатерины и всегда пользовался ея уваженіемъ. Онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ». «Дѣдъ мой», разсказываетъ поэтъ въ другомъ мѣстѣ, «былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ его сыновей и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ [1]. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась. Однажды онъ велѣлъ ей одѣться и ѣхать съ нимъ куда-то въ гости. Бабушка была на-сносяхъ и чувствовала себя поздоровой, но не смѣла отказаться. Дорогой она почувствовала муки. Дѣдъ мой велѣлъ кучеру остановиться, и она въ каретѣ разрѣшилась чуть-ли не моимъ отцомъ. Родильницу привезли домой полумертвую и положили на постелю всю разряженную и въ бриллiантахъ. Все это», прибавляетъ поэтъ, «я знаю довольно темно. Отецъ мой никогда не говорилъ о страшностяхъ дѣда, а старые слуги давно перемерли». Разсказъ поэта о его дѣдѣ не поддается провѣркѣ за исключеніемъ факта съ повѣшеніемъ учителя: въ имѣющемся у насъ формулярѣ А. А. Пушкина значится, что онъ «за непорядочные побои находящагося у него въ службѣ Венеціанина Харлампія Меркадія былъ подъ слѣдствіемъ, но по именному указу повелѣно его, Пушкина, изъ монаршей милости простить». Эти-то «непорядочные побои» и послужили, вѣроятно, матеріаломъ для созданія легенды о жестокой расправѣ Пушкина съ учителемъ. Быть можетъ, также нѣсколько преувеличены и разсказы о другихъ его «страшностяхъ». Но крайней мѣрѣ С. Л. Пушкинъ, прочитавъ въ «Сынѣ Отечества» 1840 г. впервые напечатанный тогда отрывокъ изъ записокъ сына [1], счелъ обязанностью вступиться за «священную память» своего отца, «добродѣтельнѣйшаго изъ людей»—и писалъ [2] по этому поводу: «Онъ былъ любимъ, уважаемъ, почитаемъ даже тѣми, которые знали его по одному слуху. Взаимная любовь его и покойной матери моей была примѣрная. Никто не помнилъ и не слыхалъ ни о малѣйшемъ отступленіи отъ вѣрности, отъ должнаго уваженія другъ къ другу во все продолженіе ихъ 30-тилѣтняго союза. Исторія о французѣ и первой женѣ отца много увеличена. Отецъ мой никогда не вѣшалъ никого. Въ поступкѣ съ французомъ участвовалъ родной братъ его жены, А. М. Воейковъ: сколько я знаю, это ограничилось тѣлеснымъ наказаніемъ—и то я не выдаю за точную истину. Знаю, что отецъ мой и въ счастливомъ супружествѣ съ моею матерью съ нѣжностью вспоминалъ о первой женѣ своей». Далѣе Сергѣй Львовичъ возражаетъ противъ разсказа «о смерти на соломѣ въ домашней тюрьмѣ» М. М. Пушкиной и приводитъ малоубѣдительные доводы: «Кто не знаетъ, что въ XVIII столѣтіи таковыя тюрьмы не могли существовать въ Россіи и Москвѣ? Правительство потерпѣло-ли бы такое ужасное злоупотребленіе силы и власти? Родные ея не пришли-ли бы подъ защиту законовъ? Послѣ такого жестокаго поступка сохранили бы они родственную, дружескую связь съ отцомъ моимъ»?" и т. д.

Дополняя разсказъ поэта, слѣдуетъ сказать, что дѣдъ его скончался въ Москвѣ 25 октября 1790 года; могила его сохранилась до сихъ поръ; она находится въ старомъ соборѣ Донского монастыря. Первымъ бракомъ Левъ Александровичъ былъ женатъ (около 1744 г.) на Маріѣ Матвѣевнѣ

1 Въ одномъ изъ писемъ къ невѣстѣ изъ Болдина, отъ 30-го сентября 1830 г., поэтъ писалъ: «Мой ангелъ, только одна ваша любовь препятствуетъ мнѣ повѣситься на воротахъ моего печальнаго замка на этихъ воротахъ, скажу въ скобкахъ, мой дѣдъ изъ-за повѣсилъ француза, un outchitel, аббата Николь, которымъ онъ былъ недоволенъ». Отрывки изъ записокъ писаны также въ Болдинѣ, гдѣ поэтъ, вѣроятно, и слышалъ разсказы о свирѣпостяхъ своего давно умершаго дѣда.

1 ч. II, № 7, апрѣль стр. 464—465.—2 «Современникъ» 1840 г., т. XIX, стр. 102—106.

Вое́йковой (дочери д. с. с. Матвѣя Ѳедоровича), отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: Николая (р. 1745 † 1821 г.), бывшаго артиллеріи полковникомъ и женатаго на А. В. Измайловой, родной сестрѣ писателя В. В. Измайлова, и Петра (р. 1751 † 1825 г.), вышедшаго въ отставку артиллеріи подполковникомъ и женатаго на Казинской, и Александра, умершаго значительно ранѣе братьевъ (всѣ были бездѣтны). По смерти первой жены, Левъ Александровичъ женился вторично — на Ольгѣ Васильевнѣ Чичериной (р. 1737 † 1802), дочери полковника Василія Ивановича († 1743) отъ брака его съ Лукіей Васильевной Приклонской. Отъ этого брака родились еще двое сыновей и двѣ дочери: Василій, Сергѣй, Анна и Елизавета. Василій Львовичъ (р. 1767 † 1830) достаточно извѣстенъ, какъ поэтъ и писатель. Въ брачной жизни онъ, какъ и отецъ и дѣдъ его, былъ несчастливъ: его жена, извѣстная въ свое время красавица, — Капитолина Михайловна, рожд. Вышеславцева (дочь гв. подпоручика Михаила Степановича), въ 1805 году бросила мужа, обвинивъ его въ невѣрности и «желая выйти за другого» (этотъ другой былъ секундъ-маіоръ Иванъ Акимовичъ Мальцовъ [2]).

Сергѣй Львовичъ, отецъ поэта, родился 23 мая 1770 г. Получивъ, какъ и старшій братъ, свѣтское, французское воспитаніе и записанный сперва въ армію, онъ въ 1775 г. былъ перечисленъ въ гвардію, а съ 1777 по 1791 г. числился сержантомъ Измайловскаго полка, потомъ произведенъ былъ въ прапорщики и до 1797 г. служилъ въ л.-гв. Егерскомъ полку, откуда вышелъ въ отставку маіоромъ, — въ 1798 г. Послѣ этого онъ состоялъ въ Коммиссаріатскомъ штатѣ, сперва въ Москвѣ (въ это время родился поэтъ), а затѣмъ въ Варшавѣ (начальникомъ Коммиссаріатской коммиссіи резервной арміи; здѣсь, въ Варшавѣ, Сергѣй Львовичъ, въ іюлѣ 1814 г., вступилъ въ Орденъ свободныхъ каменьщиковъ, въ ложу «Сѣвернаго Щита», къ которой, пройдя четыре предварительныхъ степени, былъ «присоединенъ» 10 октября 1817 года; недолго передъ этимъ — 12 января — онъ былъ уволенъ вовсе отъ службы съ чиномъ 5 класса. Съ этихъ поръ С. Л. Пушкинъ уже никогда не служилъ, а велъ странническую и совершенно праздную жизнь, переѣзжая изъ Москвы въ Петербургъ, въ Михайловское и обратно, не занимаясь ни семьей, ни имѣніями, которыя своей безпечностью довелъ почти до разоренія. Будучи скупымъ отъ природы, онъ въ то же время былъ совершенно неразсчетливъ: человѣкъ веселый, въ полномъ смыслѣ слова свѣтскій, онъ обладалъ способностями къ стихотворству, но не культивировалъ ихъ, пользуясь ими исключительно для того, чтобы блеснуть въ салонахъ. Свое полное равнодушіе къ дѣтямъ, и особенно къ сыну-поэту, онъ старался скрывать подъ маской нѣжныхъ словъ и лицемѣрныхъ увѣреній въ любви и привязанности, а безразличіе къ вопросамъ религіозно-нравственнымъ подъ личиной отталкивающаго ханжества. У жены своей онъ былъ «подъ пантуфлей», хотя и любилъ разыгрывать роль главы семьи, когда это представляло для него интересъ [1]). Женился онъ сравнительно молодымъ, — еще будучи офицеромъ л.-гв. Егерскаго полка, — въ Петербургѣ, въ ноябрѣ 1796 года, на Надеждѣ Осиповнѣ Ганнибалъ (р. 1775 † 1836 г.), своей внучатной племянницѣ, жившей тогда съ матерью въ Петербургѣ. Надежда Осиповна была дочерью Осипа Абрамовича Ганнибала отъ брака его съ Маріей Алексѣевной Пушкиной [2]).

Мы сказали уже выше, что изъ сыновей стольника Петра Петровича Пушкина, женатаго на Ѳ. Ю. Есиповой, Александръ былъ прадѣдомъ поэта по отцу, а Ѳедоръ прадѣдомъ со стороны матери.

Двойное родство это произошло слѣдующо-

1) Онъ памятенъ, между прочимъ, тѣмъ, что при его редакторствѣ Вѣстника Европы Пушкинъ впервые выступилъ передъ читающей публикой — со стихотвореніемъ «Къ другу-стихотворцу». — 2) Отъ ихъ брака родился извѣстный заводчикъ Сергѣй Ивановичъ Мальцовъ.

1) Прекрасную характеристику С. Л. Пушкина см. у Чистякова: «Матеріалы», изд. 1873 г., стр. 6—8 и Пушкинъ въ Александровскую эпоху», изд. 1874 г., стр. 15—22. — 2) У С. Л. Пушкина, какъ мы сказали, было двѣ родныхъ сестры, которыхъ онъ по своему очень любилъ: Анна Львовна р. 1769 † 1823 г., умершая дѣвицей, и Елизавета Львовна р. 1776 † 1848, бывшая замужемъ за д. с. с. Матвѣемъ Михайловичемъ Сонцевымъ р. 1779 † 1847), съ которымъ Сергѣй Львовичъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

щимъ образомъ. Оедоръ Петровичъ Пушкинъ, бывшій сперва стольникомъ, а потомъ служившій въ Ростовскомъ нѣкоторомъ полку поручикомъ и въ 1712 году уволенный въ отставку за раною, полученною имъ въ Прутскомъ походѣ, былъ Рязанскимъ и Ярославскимъ помѣщикомъ и умеръ въ 1727 или 1728 году. Отъ брака съ Ксеніей Ивановной Кореневой, дочерью Рязанскаго дворянина Ивана Михайловича, имѣлъ онъ единственнаго сына Алексѣя Оедоровича, родившагося въ 1777 году. Послѣдній началъ службу свою пажомъ при дворѣ царевны Прасковьи Іоанновны († 1730 г.), съ которою, какъ мы видѣли, была въ близкихъ отношеніяхъ его родная прабабушка А. А. Пушкина, рожд. кн. Козловская, можетъ быть и устроившая своего правнука ко двору царевны. По смерти послѣдней, онъ въ 1732 году, опредѣленъ былъ 3-го іюня въ Шляхетный Кадетскій Корпусъ и въ 1738 г., выпущенный оттуда прапорщикомъ, опредѣленъ фельдмаршаломъ Минихомъ въ Тверской драгунскій полкъ, съ которымъ участвовалъ, въ турецкую войну, во взятіи Крыма, Очакова († 1737 г.) «и во всѣхъ Турскихъ кампаніяхъ и акціяхъ, также и при взятіи Хотинскихъ шанцовъ» († 1739 г.); въ 1746 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана и жилъ въ своихъ имѣніяхъ [1], между прочимъ, въ с. Покровскомъ Кореневщева тожъ, въ 22 верстахъ отъ нынѣшняго города Липецка, Тамбовской губерніи [2]; здѣсь онъ, вѣроятно, и скончался: о смерти его осталось показаніе его несчастной дочери М. А. Ганнибалъ: «будучи», пишетъ она, «нагло покинута съ малолѣтнею дочерью и оставшись безъ всякаго пропитанія», принуждена она была ѣхать въ деревню къ родителю своему, который, увидѣвъ ее «въ такомъ бѣдственномъ состояніи, получилъ параличъ, отъ которой болѣзни и скончался» († 1777 г.) [3].

А. О. Пушкинъ былъ женатъ съ 1742 г. на Саррѣ Юрьевнѣ Ржевской, дочери Юрія Алексѣевича, пользовавшагося расположеніемъ Петра Великаго и бывшаго въ 1727 году Нижегородскимъ вице-губернаторомъ.

Отъ брака А. О. Пушкина съ С. Ю. Ржевской произошли сыновья:

Юрій Алексѣевичъ († 1743—1793 г.), полковникъ, женатый на Надеждѣ Герасимовнѣ Рахманиновой, родной сестрѣ извѣстнаго поклонника и переводчика Вольтера И. Г. Рахманинова:

Михаилъ Алексѣевичъ († 1745—1793 г.), сперва полковникъ, а потомъ ст. совѣтникъ, женившійся въ 1791 году на Аннѣ Андреевнѣ Мишуковой, родственницѣ канцлера графа А. Р. Воронцова и оставившій послѣ себя одного сына Алексѣя Михайловича, вскормленнаго Ариной Родіоновной [1] и умершаго въ 1821 г., 28 лѣтъ, въ званіи профессора († 1820 г.) Царскосельскаго Лицея;

и дочери: Надежда, выданная замужъ за надв. сов. Алексѣя Михайловича Овцына; Екатерина, умершая дѣвицей, и, наконецъ,

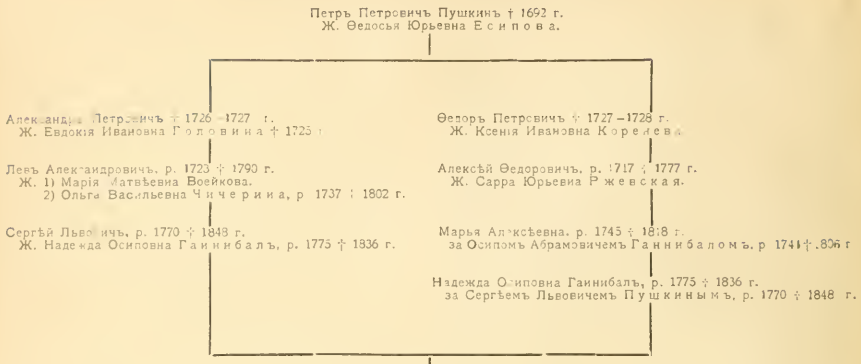
Марья Алексѣевна († 1745—1818), бабушка поэта, въ 1773 г. вышедшая столь несчастливо за капитана морской артиллеріи Осипа Абрамовича Ганнибала († 1744—1806) и имѣвшая единственную дочь Надежду Осиповну.

Выданная замужъ за своего внучатнаго дядю, Сергѣя Львовича Пушкина, она сдѣлалась матерью бессмертнаго поэта.

Такимъ образомъ, въ лицѣ родителей его слилось потомство одного лица — Петра Петровича Пушкина, въ теченіе долгихъ лѣтъ, повидимому, не имѣвшее между собою общенія и связей. Для большей наглядности приводимъ родословную таблицу, изъ которой читателю ясно будетъ это сліяніе двухъ отраслей Пушкинскаго рода.

1 Онъ былъ помѣщикомъ Рязанскаго, Ярославскаго и Воронежскаго уѣздовъ. Пушкинъ говоритъ, что А. О. былъ Тамбовскимъ воеводою, но мы не могли убѣдиться въ справедливости этого указанія.—2 «Москвитянинъ» 1852 г., № 24, отд. IV, стр. 22, статья А. Ю. Пушкина.—3 Тамъже и Историч. Вѣстникъ 1886, т. XXIII, стр. 104.

1 «Москвитянинъ», l. c.



Такова генеалогія прямыхъ восходящихъ предковъ поэта. Какъ видимъ, среди нихъ были люди средней руки,—рядовые служилые дворяне, по дарованіямъ и заслугамъ своимъ, поскольку мы знаемъ, ничѣмъ почти не выдававшіеся изъ общаго уровня современнаго имъ общественнаго круга. За то по нравственнымъ качествамъ нѣкоторые изъ нихъ представляютъ отступленія отъ нормы, по линіи въ отрицательную сторону. Въ жизни дяди, дѣда, прадѣда и прапрадѣдки съ отцовской стороны мы можемъ прослѣдить одну общую черту — ненормальность въ брачныхъ ихъ отношеніяхъ,—черту, извѣстную поэту, который, конечно, не по одной случайности занесъ на бумагу свои фамильныя записи именно наканунѣ своей женитьбы. Та-же особенность, какъ увидимъ ниже, была и въ роду его матери, да и отецъ въ этомъ отношеніи не былъ вполнѣ безупреченъ. П. В. Анненковъ пишетъ про Сергѣя Львовича: «Уже въ глубокой старости, овдовѣвшій, потерявшій знаменитаго сына и наполовину радоренный, онъ влюбился въ ребенка, двушку лѣтъ 16-ти, сосѣдку свою по Михайловскому (Александру [1]

Иванову Осипову), и предлагалъ ей свою руку. Почтенному старцу пришлось пережить у дверей гроба всѣ волненія юношеской и безнадежной страсти, начиная съ пламенныхъ посланій на французскомъ языкѣ и робкихъ угожденій предмету поклоненія, до покорныхъ жалобъ на судьбу и горькихъ слезъ отчаянія. Онъ еще мечталъ о бракѣ, второй молодости, медовомъ мѣсяцѣ и проч.». Къ разсказу Анненкова мы можемъ прибавить еще два подобныхъ же факта: кромѣ А. П. Осиповой, С. Л. Пушкинъ былъ не менѣе страстно влюбленъ въ Анну Петровну Кернъ—предметъ увлеченій его сына,—которой писалъ любовныя письма (1838 г.), а затѣмъ не менѣе горячо влюбился въ ея дочь—Екатерину Ермолаевну (р. 1819 † 1904) и, по свидѣтельству ея вотчима (А. В. Маркова-Виноградскаго), хотѣлъ жениться на ней за нѣсколько дней до своей смерти; влюбленность его проявлялась, между прочимъ, въ томъ, что «онъ былъ кожицу отъ клюквы, которую она выплевывала». Уже эти немногіе, извѣстные намъ факты достаточно свидѣтельствуютъ о какой-то ненормальности отца поэта въ отношеніяхъ его къ женщинамъ, подъ старость принявшей столь уродливыя формы...

1 Анненковъ ошибается: это была не Александра Ивановна, съ 1833 г. бывшая уже въ замужествѣ за П. П. Бекленищевымъ, а Марья Ивановна р. въ 1820 г., умершая двицей въ 1896 году.

Сергѣй Львовичъ ПУШКИНЪ.

Рисунокъ (пушью) неизвѣстнаго художника.
Собственность Л. П. Павлищева.
Въ краскахъ здѣсь воспроизводится впервые.

Сергей Прокофьев ШАШКИН.

II.

Тѣмъ съ большею любовью и благородною гордостью поэтъ останавливался на именахъ своихъ боковыхъ родичей, изъ которыхъ многіе, дѣйствительно, оставили по себѣ слѣдъ въ исторіи, какъ личности незаурядныя. Изъ нихъ онъ особенно отличалъ думнаго дворянина Гавріила Григорьевича Пушкина [1], современника своего прямого предка Тимоѳея Семеновича. «Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи» («Борисъ Годуновъ»), говоритъ поэтъ, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами». «Я изобразилъ его такимъ, какимъ нашелъ въ исторіи и въ моихъ семейныхъ бумагахъ. Онъ обладалъ большими способностями, будучи въ одно время и искуснымъ воиномъ, и придворнымъ человѣкомъ, и въ особенности заговорщикомъ»: «я вывелъ его на сцену, не думая о щекотливости приличія, con amore, но безъ всякой дворянской спеси». Историческая роль Гавріила Пушкина начинается съ 1605 года, когда онъ открыто примкнулъ къ первому Лжедмитрію и сдѣлался его ревностнымъ пособникомъ. Подойдя къ Тулѣ, разсказываетъ Карамзинъ, Самозванецъ «избралъ двухъ сановниковъ сѣдлыхъ, расторопныхъ — Плещеева и Пушкина: далъ имъ грамоту и велѣлъ ѣхать въ Красное Село, чтобы возмутить тамошнихъ жителей, а черезъ нихъ и столицу. Сдѣлалось, какъ думалъ. Купцы и ремесленники Красносѣльскіе, плѣненные довѣренностію мнимаго Димитрія, присягнули ему съ ревностію и торжественно ввели гонцовъ его (1 іюня 1605 г.) въ Москву, открытую, безоружную: ибо воины, высланные царемъ для усмиренія сихъ мятежниковъ, бѣжали назадъ, не обнаживъ меча, а Красносельцы, славя Димитрія, нашли множество единомышленниковъ въ столицѣ, мѣщанъ и людей служивыхъ, другихъ силою увлекли за собою, нѣкоторые пристали къ нимъ изъ любопытства. Сей шумный сонмъ стремился къ Лобному мѣсту», съ котораго агенты Димитрія и прочли грамоту Самозванца [1]. Успѣхъ, такимъ образомъ, былъ полный, и Плещеевъ съ Пушкинымъ послали съ извѣстіемъ объ этомъ гонца къ Лжедмитрію. За эту вѣрную услугу Гавріилъ Пушкинъ сдѣлалъ былъ думнымъ дворяниномъ и великимъ сокольничимъ, ставъ однимъ изъ наиболѣе приближенныхъ къ новому царю лицъ. Послѣ паденія его, въ 1606 году, Пушкинъ, однако, не только не присталъ къ Тушинскому вору, но даже противодѣйствовалъ

1 Самое раннее показаніе о немъ относится къ 1581 г., когда онъ, будучи стрѣлецкимъ сотникомъ, былъ присланъ въ Рутовичъ съ Государевой грамотой къ воеводамъ; въ 1598 г. онъ былъ «головою у Касимовскихъ татаръ въ большомъ полку въ Серпуховскомъ Государевомъ по Крымскимъ вѣстямъ походѣ», а въ 1601 г. попалъ вторымъ воеводою въ Нелымъ; при Годуновѣ онъ былъ въ опалѣ. П. П. Лихачевъ, Разрядные дьяки». Спб. 1888, стр. 344, что и поставило его въ ряды противниковъ царя Бориса и его сына.

1 Этотъ эпизодъ изображенъ поэтомъ въ XXIII сценѣ «Бориса Годунова» совершенно согласно съ приведеннымъ мѣстомъ «Исторіи Карамзина»; упоминаемаго въ сценѣ IX-й дѣти Г. Г. Пушкина—Аѳанасія Михайловича—не существовало: у отца его братьевъ не было.

ему,— что видно изъ увѣдомленія, посланнаго въ августѣ 1608 г. имъ изъ Погорѣлаго Городища въ Тверь о поимкѣ людей, везшихъ грамоты этого самозванца. Тогда-то, вѣроятно, онъ и «выжегъ этотъ городъ въ видѣ наказанія... по образцу проконсуловъ Національнаго Собранія», какъ выразился о немъ поэтъ; вообще въ событіяхъ смутнаго времени Пушкинъ игралъ видную роль. При вѣнчаніи на царство Михаила Ѳедоровича онъ не хотѣлъ «сказывать боярство» знаменитому князю Д. М. Пожарскому, считаясь съ нимъ мѣстами, а въ 1619 году мѣстничался съ нимъ вторично, по случаю назначенія своего, совмѣстно съ нимъ, въ Вязьму навстрѣчу возвращавшагося изъ плѣна отца царя— Филарета Никитича. Въ 1614—1615 г. Г. Г. Пушкинъ былъ воеводою въ Вязьмѣ, въ 1618 г. принималъ участіе въ оборонѣ Москвы отъ королевича Владислава, а въ слѣдующемъ засѣдалъ въ Разбойномъ Приказѣ; въ 1629 г. онъ еще значился въ числѣ думныхъ дворянъ, въ 1630 г. присутствовалъ за столомъ у Государя, а въ 1638 скончался, постригшись въ монашество. Кромѣ указанныхъ выше мѣстъ, поэтъ упоминаетъ о Гаврилѣ Григорьевичѣ еще въ «Моей родословной»:

...Вошлись Пушкины съ царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ... [1]

одной братъ Гаврилла— Григорій Григорьевичъ Пушкинъ, по прозвищу Сулемина, «во время междуцарствія, начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, сдѣлалъ чѣстно свое дѣло», записываетъ поэтъ. Стоя прежде на сторонѣ Лжедмитрія, а потомъ— царя Василія Шуйскаго, Григорій Пушкинъ въ 1607 г., говоритъ Карамзинъ, «спасъ Нижній Новгородъ, усмирилъ бунтъ въ Арзамасѣ, въ Арзамасѣ и еще прибѣгъ къ Хилкову въ Каширу, чтобы птти съ нимъ къ Серебрянымъ Прудамъ, гдѣ они и истребили скопище злодѣевъ и взяли ихъ двухъ начальниковъ». Въ 1608 г. онъ былъ вторымъ воеводою въ большомъ полку и успѣшно дѣйствовалъ противъ Лисовскаго, а затѣмъ служилъ воеводою въ Вологдѣ (1612—1614 г.) и въ Ярославлѣ (1616—1618 г.). Въ смутное время прославился еще дворянинъ Михаилъ Ѳедоровичъ Пушкинъ, который «въ 1607 году, въ продолженіе бывшихъ тогда смятеній, пострадалъ мученическою смертію отъ самозванца Петрушки». Нѣсколько членовъ рода подписались подъ грамотой объ избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова [1], и съ этой поры особенно замѣчается возвышеніе Пушкиныхъ.

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,—
Мы къ оной руку приложили...—

и поэтъ твердо это помнилъ. Онъ упоминаетъ еще Матвѣя Степановича Пушкина: стольникъ, затѣмъ окольничій, воевода въ Смоленскѣ, Кіевѣ и Астрахани. Матвѣй Степановичъ въ 1618 году подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіе мѣстничества («что мало дѣлаетъ смущенія» замѣчаетъ поэтъ), въ 1684 г. посылался въ Смоленскъ, съ титуломъ Оборскаго намѣстника, а вскорѣ былъ сдѣланъ боярином. М. С. Пушкинъ навлекъ на себя гнѣвъ Петра Великаго, противясь посылкѣ молодыхъ дворянъ за границу [2], а вскорѣ жестоко поплатился за вину своего сына Ѳедора Матвѣевича (стольника), который, будучи однимъ изъ главнѣйшихъ участниковъ стрѣлецкаго заговора П. И. Цыклера и А. П. Соковнина [3], былъ каз-

1 Въ статьѣ «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловъ» поэтъ пишетъ, что подъ грамотой подписались четверо Пушкиныхъ, а въ письмѣ къ барону Дельвигу отъ 8-го іюня 1825 г. говоритъ: «Шесть Пушкиныхъ подписали избирательную грамату, за свое руку приложили за неумѣньемъ писать». На самомъ дѣлѣ подписавшихся было пять, причемъ одинъ подписался и за своего родственника, а именно: стольникъ Иванъ за себя и за Ивана Григорьевича (брата Гавріила), стряпчій Ѳедоръ, Михайло и Никита, а свое руку приложили: Ѳедоръ и Ѳедоръ Семеновичъ; слѣдовательно, въ избраніи участвовали семеро Пушкиныхъ.—2 Поэтъ говоритъ, что Пушкины при Петрѣ были въ оппозиціи.—3 Ѳедоръ Пушкинъ былъ женатъ на дочери Соковнина, а Цыклеръ—на двоюрод-

1 Въ другой рукописи:
Вошлись прежде мы съ царями,
Былъ въ Думѣ Мининымъ одинъ,
Изъ насъ иные головами
Легли да Русь...

пенъ 4-го марта 1697 года: старый бояринъ, «съ лишеніемъ чести» за вину сына, былъ сосланъ вмѣстѣ съ малоумнымъ внукомъ своимъ Ѳедоромъ [1], въ Сибирь, гдѣ и умеръ вскорѣ послѣ ссылки. Другой братъ, Яковъ Степановичъ (своякъ князя-кесаря кн. Ѳ. Ю. Ромодановскаго), былъ тоже бояриномъ и тоже заявилъ себя противникомъ реформъ Петра Великаго, который, по одному извѣстію, велѣлъ посадить его, въ насмѣшку, на куриныя яйца; онъ скончался въ 1698—1699 г., оставивъ послѣ себя лишь двухъ дочерей, одна изъ которыхъ была, въ третьемъ бракѣ, за вышеупомянутымъ стольникомъ Иваномъ Ивановичемъ Цыклеромъ.

Упрямства духъ намъ всѣмъ подпадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ,—

пишетъ поэтъ въ «Моей родословной».

ной сестрѣ Пушкина—Иринѣ Яковлевнѣ, дочери боярина Якова Степановича Пушкина.

1 Четыре сестры его были впослѣдствіи выданы замужъ: за Грибоѣдова, князя Щербатова, Безобразова и Прасковья Ѳедоровна за Александра Петровича Дорошенко, старшаго сына гетмана Малороссіи; дочь ихъ Екатерина была замужемъ за Александромъ Артемьевичемъ Загряжскимъ, родная внучка котораго—Наталья Ивановна Загряжская—была женою Николая Аѳанасьевича Гончарова и матерью жены поэта—Натальи Николаевны. Черезъ Дорошенковъ перешелъ къ Гончаровымъ извѣстный Ярополецъ.

СТРѢЛЕЦЪ.
Рисунокъ шведскаго капитана Эрика Пальмквиста (1673).

III

Изъ другихъ членовъ Пушкинскаго рода, кромѣ прямыхъ предковъ поэта или тѣхъ, о коихъ онъ упоминаетъ въ своихъ сочиненіяхъ, слѣдуетъ указать еще нѣсколькихъ, наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи [1]. Къ таковымъ, въ хронологическомъ порядкѣ, принадлежатъ: Василій Алексѣевичъ, посылавшійся въ 1533 году царемъ Василіемъ Іоанновичемъ посломъ къ Казанскому царю Еналею; Иванъ Ивановичъ (братъ прадѣда поэта—Михаила Ивановича), бояринъ Новгородскій, въ 1514 году заключившій въ Новгородѣ договоръ съ Ганзейскимъ союзомъ; Иванъ Петровичъ, бывшій боярином и конюшимъ у Іоанна Грознаго, при которомъ, какъ можно думать, нѣкоторые члены рода Пушкиныхъ переселились добровольно или были переселены въ Московскіе города; Ефстафій (или Остафій) Михайловичъ—думный дворянинъ при Грозномъ, принимавшій участіе во многихъ походахъ 1573—1580 гг., былъ однимъ изъ полковыхъ воевод въ Смоленскѣ (1580 г.), а затѣмъ, съ титуломъ Муромскаго намѣстника, отправленъ къ Стефану Баторію (1581 г.) въ Вильну; въ 1582 г. Грозный назначилъ его для переговоровъ съ папскимъ посломъ Антоніемъ Поссевиномъ, что свидѣтельствуетъ о его дипломатическихъ способностяхъ; въ 1591 году онъ посылался царемъ Ѳедоромъ въ Астрахань для разслѣдованія дѣла о скоропостижной смерти царевича Мурат-Гирея, а въ 1594—будилъ, имѣя титулъ намѣстника Елатомскаго, съ княземъ Туренинымъ для веденія переговоровъ съ шведскими послами о «учиненіи вѣчнаго мира»; послы съѣхались у р. Тявзина, гдѣ и были ими подписаны, 18 мая 1595 г., договоръ, по которому Россіи возвращалась Корелія. Въ 1598 г. Остафій Михайловичъ подписался подъ соборнымъ опредѣленіемъ объ избраніи на царство Бориса Годунова; послѣдній, однако, не благоволилъ къ Пушкину и его роднѣ и въ 1601 году сослалъ его въ Сибирь «съ братьею за опалу,—что на него доводили люди его, а Левонтія и Ивашку Пушкиныхъ за то, что они били челомъ на князя Елецкаго въ отечествѣ и тѣмъ царя раскручинили,—помѣстья и вотчины у нихъ велѣлъ отписать, а животы распродать». Остафій Пушкинъ былъ отправленъ воеводою въ Тобольскъ; здѣсь онъ и умеръ въ 1602 году, при чемъ замѣстителемъ его былъ назначенъ родной братъ Никита Михайловичъ († 1622 г.), бывшій впослѣдствіи воеводой въ Вологдѣ (гдѣ въ 1608 году присягнулъ «Тушинскому вору»), на Двинѣ (1613—1614 гг.), во Владимірѣ на Клязьмѣ (1614—1616 гг.), въ Арзамасѣ

[1] Здѣсь не упоминаются многочисленные представители рода, носившіе невысокія придворныя званія или занимавшіе должности не выше воеводъ.

1617 г.) и, наконецъ, окольничимъ. Братъ Евстафія и Никиты Иванъ Большой Михайловичъ—былъ ловчимъ и думнымъ дворяниномъ, въ 1582 году посломъ (съ титуломъ Рузскаго намѣстника) въ Польшѣ, а затѣмъ—воеводою въ Астраханѣ, гдѣ будучи, «Ногайскаго Шитерека, Князя и Мурзъ подъ Государеву руку привелъ и учинилъ ихъ въ Государевѣ повелѣньѣ» и «учинилъ въ Государевой казнѣ многу прибыль»; онъ былъ убитъ въ 1612 году—«въ Московское разоренье»; Леонтій Михайловичъ (сосланный въ Сибирь Годуновымъ) былъ окольничимъ и палъ въ битвѣ подъ Кромами въ 1605 году, а Иванъ меньшой Михайловичъ, по прозвищу Ивашка, въ 1609 г. пожалованъ былъ царемъ Василіемъ Шуйскимъ въ думные дворяне, а затѣмъ былъ воеводою въ Бѣжецкомъ Верху и въ Астрахани. Борисъ Ивановичъ (сынъ упомянутаго Ивана Большого Михайловича) въ 1632 году находился въ посольствѣ къ Шведскому королю для склоненія его къ союзу противъ Польши, затѣмъ воеводствовалъ въ Мангазеѣ и въ Яблоновѣ, въ 1645 г., при вступленіи на престолъ царя Алексѣя Михайловича, пожалованъ былъ въ окольничіе, а въ 1649 г.—отправленъ первымъ полномочнымъ посломъ къ Шведской королевѣ Христинѣ (съ титуломъ намѣстника Брянскаго) и въ Стокгольмѣ заключилъ знаменитый договоръ о выкупѣ перебѣжчиковъ, послужившій поводомъ къ возмущенію во Псковѣ; съ 1652 по 1656 годъ онъ былъ воеводою на Двинѣ и умеръ въ 1659 году. Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, по прозвищу Косой (сынъ выведеннаго въ «Борисѣ Годуновѣ» Гавріила Пушкина), будучи стольникомъ, воеводствовалъ въ разныхъ городахъ, въ 1644 г. пожалованъ въ думные дворяне и отправленъ, съ титуломъ Алатырскаго намѣстника, въ Польшу полномочнымъ посломъ для учиненія договору о титулѣ государевомъ, о размежеваніи и о самозванцахъ и за успѣшное окончаніе этого порученія былъ пожалованъ въ окольничіе; въ 1646 году царь Алексѣй Михайловичъ посылалъ его первымъ посломъ въ Швецію съ «подтвержденною» своею граматою на заключенный въ Столбовѣ договоръ; въ томъ же году онъ былъ сдѣланъ боярином, а въ слѣдующемъ—оружейничимъ. Въ 1650 году Г. Г. Пушкинъ, съ титуломъ намѣстника Нижегородскаго, былъ посланъ въ Польшу для поздравленія короля Яна-Казиміра со вступленіемъ на престолъ и для подтвержденія Поляновскаго договора, а въ 1654—1655 г. былъ назначенъ начальнымъ боярином въ Смоленскъ; онъ умеръ въ 1656 или 1657 г., оставивъ вдову, Ульяну Осиповну, рожд. Грядунову. Братъ его, Степанъ Гавриловичъ, окольничій († 1656 г.), былъ воеводою въ Рыльскѣ, Одоевѣ, Устюгѣ, Рыльскѣ, Путивлѣ и Смоленскѣ и также бодилъ въ 1650 г. въ Польшу, въ составѣ посольства. Стольникъ Никита Борисовичъ (сынъ упомянутаго Бориса Ивановича) былъ владѣльцемъ весьма крупнаго состоянія и умеръ въ 1715 году, постригшись въ монашество съ именемъ Ѳиѳонта; сынъ его Аѳанасій, умершій бездѣтнымъ, былъ женатъ на С. Е. Украинцевой, дочери знаменитаго дьяка-дипломата Емельяна Игнатьевича; дочь-же, Софья Никитична, была замужемъ за извѣстнымъ Петровскимъ адмираломъ, графомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Головинымъ (р. 1695 † 1745) и имѣла дочь, вышедшую за принца Петра Гольштейнъ-Бекскаго. Петръ Калиновичъ Пушкинъ, умершій въ 1744 году, въ чинѣ д. с. совѣтника, учился въ Московской Навигацкой Школѣ, а затѣмъ въ Голландіи (съ 1710 г.), долго и съ успѣхомъ служилъ во флотѣ, былъ «командующимъ» надъ Морскою Академіею въ Петербургѣ (1728—1730 г.), а затѣмъ совѣтникомъ Адмиралтействъ-Коллегіи и состоялъ (1743 г.) членомъ генеральнаго суда по дѣлу Лопухинныхъ, обвиненныхъ въ заговорѣ противъ Имп. Елизаветы; женатъ онъ былъ на Татьянѣ Даниловнѣ Меншиковой, родной сестрѣ всесильнаго князя А. Д. Меншикова; ему съ братомъ Иваномъ Калиновичемъ, стольникомъ, достались всѣ имѣнія сосланнаго въ Сибирь боярина Матвѣя Степановича Пушкина. Андрей Никифоровичъ (сынъ упомянутаго въ началѣ статьи Никифора Изотовича), артиллеріи полковникъ, былъ членомъ Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности, сотрудничалъ въ нѣсколькихъ журналахъ середины 1820-хъ годовъ и напечаталъ нѣсколько трудовъ по военному искусству; онъ былъ убитъ на штурмѣ Варшавы въ 1831 году.

Въ настоящее время изъ всего весьма обширнаго рода Пушкиныхъ (до 400 мужскихъ именъ) представителями его являются лишь сынъ и внуки поэта и потомство брата его Льва Сергѣевича (женатаго,

съ 1843 г., на Елиз. Александр. Загряжской, а также семья Льва Александровича (женатаго на Елиз. Григ. Текутьевой), сына Александра Юрьевича, роднаго племянника Маріи Алексѣевны Ганнибалъ и двоюроднаго брата П. О. Пушкиной. Къ разсказу о Ганнибалахъ мы теперь и переходимъ.

IV.

Поэтъ исторіею своихъ предковъ Ганнибаловъ интересовался едва ли не болѣе, чѣмъ родомъ Пушкиныхъ: онъ тщательно собиралъ матеріалы для жизнеописанія своего прадѣда Абрама Петровича, а равно семейныя преданія, намѣревался издать полную біографію его самого, а также и его не менѣе извѣстнаго сына Ивана Абрамовича; вывелъ его, какъ главное дѣйствующее лицо, въ своемъ неоконченномъ романѣ «Арапъ Петра Великаго», посвятилъ ему вдохновенныя, истинно-поэтическія строки въ «Моей родословной» и неоднократно вспоминалъ о своихъ Африканскихъ предкахъ въ своихъ стихотвореніяхъ [1]; наконецъ, сообщилъ объ «арапѣ» свѣдѣнія Д. И. Бантыша-Каменскому для «Словаря достопамятныхъ людей Русской земли». Въ фактической части біографіи прадѣда своего Пушкинъ, однако, допустилъ неточности и ошибки, которыя явилось возможнымъ провѣрить лишь по позднѣйшимъ изысканіямъ. Въ настоящее время біографію «Арапа Петра Великаго» можно нарисовать съ достаточною полнотою. Мы ограничимся здѣсь лишь краткимъ ея изложеніемъ. (Болѣе подробно см. при «Арапѣ Петра Великаго». Ред.).

Абрамъ (Петръ) Петровичъ Ганнибалъ родился [2] въ г. Логонѣ, въ сѣверной Абиссиніи, на берегахъ Мареба, на границѣ между Хамасеномъ и Сарае,— въ 1697—1698 году; отецъ его въ указанной мѣстности былъ владѣтельнымъ княземъ и находился въ вассальной зависимости отъ турокъ, къ которымъ и былъ, вмѣстѣ съ другими знатными юношами, отданъ, въ видѣ аманата, или заложника, 8-мильтній Ибрагимъ; приведенный затѣмъ въ Константинополь, онъ помѣщенъ былъ въ султанскій сераль и здѣсь прожилъ съ небольшимъ годъ. Въ это время Петръ Великій приказалъ русскому посланнику въ Константинополѣ достать для него нѣсколькихъ способныхъ мальчиковъ-араповъ. Посланникъ съ большимъ трудомъ исполнилъ порученіе царя [1], и Ибрагимъ въ 1706 году привезенъ былъ графомъ Савваю Владиславичемъ-Рагузинскимъ въ Москву и доставленъ прямо «въ домъ» Петра Великаго. Въ 1707 году, въ бытность послѣдняго въ Вильнѣ, Ибрагимъ въ мѣстной Пятницкой церкви былъ крещенъ въ православіе [2], при чемъ самъ царь былъ его воспріемникомъ (отъ него онъ и получилъ свое отчество), а крестною матерью была жена польскаго короля Августа II—Христина-Эбергардина. Ибрагиму дано было имя Петра, но онъ не хотѣлъ разстаться съ прежнимъ, и государь разрѣшилъ ему именоваться, по созвучію, Абрамомъ. Когда и почему принялъ онъ фамилію Ганнибала,— положительныхъ указаній не имѣется; въ теченіе многихъ лѣтъ онъ и самъ подписывался, и въ оффиціальныхъ бумагахъ, и въ частныхъ письмахъ именовался просто «Абрамъ Петровъ», прозвище

1) Напр., въ посланіяхъ О. Ф. Юрьеву и П. М. Ялькову, въ Евгеніи Онѣгинѣ, гл. I, стр. 1, въ Воспоминаніи въ Царскомъ Селѣ.—2) См. изслѣдованіе проф. Д. П. Анучина—А. С. Пушкинъ. Антропологическій этюдъ. Изъ №№ 99, 106, 114, 120, 127, 133, 143, 163, 172, 180, 193 и 209 «Русскихъ Вѣдомостей» 1899 г., Л. 1899.

1) По однимъ источникамъ, Ганнибалъ былъ выкраденъ изъ сераля при помощи султанскаго визиря; по показанію же его самого, онъ въ Россію «вывѣзъ волею своею».—2) «Сѣв.-Зап. Слово» 1899 г. перепеч. въ «Нов. Врем.» 1899 г., № 8237; въ Пятницкой церкви, на стѣнѣ имѣется мраморная доска съ соотвѣтствующею надписью, въ которой ошибочно указанъ 1705 г.; между тѣмъ въ «Исторіи» Соловьева т. IV, стр. 224 приведены нѣкоторые расходы Петра за 1707 г.; изъ нихъ видно, что въ этомъ году Петръ въ Вильнѣ выдалъ Авраму арапу и Якиму карлѣ на платье 87 р.».

Портретъ Петра I, гравированный Шхонебекомъ. Въ аранченкѣ слѣва усматривали когда-то Абрама Ганнибала. Это предположеніе недопустимо, потому что портретъ гравированъ не позже 1704—1705 гг., а Ганнибалъ только въ 1707 вывезенъ.

же Ганнибала закрѣпилось за нимъ лишь впослѣдствіи (не раньше 1733 и не позже 1737 г.). До 1717 г. Ганнибалъ пробылъ «неотлучно» при Петрѣ Великомъ, неся при немъ обязанности камердинера, денщика и секретаря, а въ 1717 г. «посланъ былъ для наукъ въ чужіе краи и былъ въ службѣ королевскаго величества французскаго въ лейбъ-гвардіи капитаномъ» [1], участвовалъ, въ 1719 году, въ войнѣ французовъ съ испанцами, при чемъ былъ раненъ въ голову и взятъ въ плѣнъ, а затѣмъ учился въ Ecole d'artillerie въ Мецѣ [2]. Пробывъ во Франціи до конца 1722 года [3], Ганнибалъ въ началѣ слѣдующаго возвратился въ Петербургъ и сразу же назначенъ былъ на инженерныя работы въ Кронштадтѣ [4], войдя въ то же время въ кружокъ лицъ, группировавшихся около извѣстной княгини А. П. Волконской († 1731 г.) [5] и бывшихъ противниками временщика Меньшикова; кружокъ этотъ составляли: С. А. Мавринъ (учитель вел. кн. Петра Алексѣевича), П. А. Черкасовъ, П. П. Веселовскій, Е. П. Ушаковъ, графъ Рабутинъ и др. Въ февралѣ 1724 г. Ганнибалъ былъ опредѣленъ Петромъ Великимъ въ бомбардирскую роту л.-гв. Преображенскаго полка [6], при чемъ ему поручено было, между прочимъ, учить молодыхъ солдатъ (изъ дворянъ) математическимъ наукамъ [7]; эти же науки онъ преподавалъ, уже по смерти императора, наслѣднику престола вел. кн. Петру Алексѣевичу. Екатерина I и великій князь благоволили къ Ганнибалу [8], но всесильный Меньшиковъ, на другой же день по вступленіи на престолъ Петра II, опасаясь вліянія Ганнибала на юнаго царя, поспѣшилъ удалить и Абрама Петрова, и его единомышленниковъ-друзей изъ Петербурга: 8-го мая 1727 г. онъ получилъ предписаніе «ѣхать немедленно въ Казань и... тамошнюю крѣпость осмотрѣть и какимъ образомъ ее починить или вновь заштребно разсудить, сдѣлать цитадель, тому учинить планъ и проектъ» [1]. Пріѣхавъ въ Казань и пробывъ тамъ 25 дней, Ганнибалъ получилъ другое предписаніе Меньшикова — отъ 28 мая, которымъ поручалось ему ѣхать безъ замедленія въ Тобольскъ, для постройки крѣпости. 27-го іюня онъ выѣхалъ изъ Казани [2], прибылъ въ Тобольскъ 30-го іюля [3], но уже 3-го августа былъ отправленъ, по распоряженію Меньшикова, еще дальше [4]—на Китайскую границу, къ чрезвычайному посланнику графу Владиславичу-Рагузинскому [5], для постройки Селенгинской крѣпости. Въ январѣ 1728 г. онъ былъ въ Иркутскѣ [6], а затѣмъ — въ Тобольскѣ, отчужденный съ границы Владиславичемъ, не зная еще о происшедшемъ паденіи и ссылкѣ Меньшикова. Друзья, между тѣмъ, неусыпно, хотя и безуспѣшно, хлопотали о Ганнибалѣ [7]; такъ, 17-го іюля состоялось новое опредѣленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта—объ удержаніи Ганнибала на Китайской границѣ «до указа» [8], а 22-го декабря 1729 г.—объ арестѣ его тамъ, отобраніи всей переписки его и объ отправкѣ «съ пристойнымъ конвоемъ» въ Томскъ [9]; распоряженія эти стояли въ тѣсной связи съ дѣломъ княгини Волконской и ея друзей, преслѣдовавшихся уже новыми временщиками—Долгорукими. Въ 1730 году, по указу новой императрицы Анны Іоанновны отъ 25-го февраля, бомбардиръ-поручикъ Ганнибалъ былъ назначенъ маіоромъ въ Тобольскій гарнизонъ [10], а вскорѣ получилъ возможность совсѣмъ покинуть Сибирь, будучи опредѣленъ (25-го сентября), по ходатайству своего благожелателя Миниха, инженеръ-капитаномъ [11], съ назначеніемъ въ Нерчинскъ «къ инженернымъ и

1 Собственное показаніе — «Русск. Арх.» 1891 г., кн. II, стр. 102.—2 П. А. Шлякинъ, изъ пенздѣ. бумагъ А. С. Пушкина. Спб. 1903, стр. 321 и Аничковъ, о. с. 3 Письма Ганнибала изъ Парижа см. у Некрасова, «Наука и литература въ Россіи», т. I, Спб. 1862, стр. 167—167 и 242.—4 См. ст. С. П. Шубинскаго о кн. Волконской въ «Ист. Вѣстн.» 1901 г., т. 98, стр. 931.—5 Сестры будущаго канцлера А. П. Бестужева-Рюмина; о ней см. Исторію Россіи Соловьева, т. IV и статью С. П. Шубинскаго въ «Ист. Вѣстн.» 1901 г., т. 98, стр. 927—963.—6 Исторія л.-гв. Преобр. п., т. IV, прил., Спб. 1883, стр. 169 и М. Д. Хмыровъ, Истор. статьи, СПб. 1873, стр. 17.—7 Хмыровъ, стр. 17.—8 Шляпкинъ, о. с., стр. 322. Въ 1726 г., 24-го ноября, Ганнибалъ подалъ императрицѣ сочиненную имъ книгу объ инженерномъ искусствѣ С. П. Шубинскій, о. с., стр. 933.

1 П. А. Гастфрейндъ, Письма Абрама Ганнибала Архивные документы, Спб. 1904, стр. 7.—2 Его письмо отъ этого числа см. у Шубинскаго о. с. 938—939.—3 «Сборн. Имп. Русск. Истории. Общ.», т. 84, стр. 129—130.—4 Письмо его изъ Томска, отъ 15-го ноября 1727 г., къ кн. Волконской см. у Шубинскаго, о. с., стр. 943—947; ср. «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 84, стр. 129—130.—5 Тому самому, который вывезъ его изъ Константинополя.—6 «Москвитянинъ» 1853 г., № 24, матер., стр. 34—35.—7 См. у Соловьева и у Шубинскаго, о. с.—8 «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 84, стр. 128—129.—9 Гастфрейндъ, о. с., стр. 11—12 и «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 101, стр. 542—544: прошеніе Ганнибала отъ 31-го августа 1729 г.—10 «Сборн. Имп. Русск. Истор. Общ.», т. 101, стр. 542.—11 П. П. Васильевъ, Слѣды пребыванія А. С. Пушкина въ Псковской губерніи, Спб. 1899, стр. 16 (патентъ).

АБРАМЪ ПЕТРОВИЧЪ ГАННИБАЛЪ.

Въ возрастѣ около 92 лѣтъ.

Портретъ, находящійся въ Московскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ дѣлъ. Полной увѣренности, что это дѣйствительно Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ нѣтъ. Не исключена возможность, что это сынъ его Иванъ Абрамовичъ. Наконецъ, возможно, что это ни тотъ, ни другой, за виду того, что помѣщенныхъ на портретѣ орденовъ не было ни у Абрама Петровича, ни у Ивана Абрамовича.

фортификаціоннымъ дѣламъ по его рангу»[1]). Такъ окончились злоключенія Ганнибала, которыя онъ справедливо приписывалъ «партикулярному интересу» князя Меньшикова и «злобѣ и наущенію его креатуръ»[2]).

Вернувшись въ Петербургъ прямо изъ Селенгинска[3]) (въ Тобольскъ онъ, вѣроятно, попасть не успѣлъ), Ганнибалъ въ январѣ или февралѣ 1731 года женился на гречанкѣ Евдокіи Андреевнѣ Діоперъ, дочери капитана галернаго флота, а черезъ мѣсяцъ былъ командированъ Минихомъ въ Нерчинскъ—учить кондукторовъ математикѣ и черченію. Евдокія Андреевна, не желавшая выходить за Ганнибала, «понеже», какъ она выражалась, «арапъ и не нашей породы», и имѣвшая еще до сватовства Абрама Петровича сердечныя симпатіи къ нѣкоему флотскому поручику Кайсарову, вскорѣ же стала измѣнять нелюбимому мужу, увлекшись однимъ изъ кондукторовъ, Яковомъ Шишковымъ; съ этого времени между супругами началась тяжелая семейная драма, окончательно завершившаяся формальнымъ разводомъ лишь черезъ одиннадцать лѣтъ. Сначала пылкій арапъ старался воздѣйствовать на жену домашними средствами и, приставивъ къ ней строгій караулъ, жестоко истязалъ ее, надѣясь ее образумить: вкладывая руки несчастной во вбитыя въ стѣну кольца, такъ, что тѣло ея повисало въ воздухѣ, Ганнибалъ сѣкъ ее розгами, билъ плетьми и батогами. Но и это, видно, не помогало, и онъ упряталъ жену на Госпитальный дворъ, на которомъ она провела пять лѣтъ. Самъ онъ, между тѣмъ, сошелся съ дочерью капитана мѣстнаго полка Матвѣя фонъ-Шеберха (отъ брака его съ лифляндскою дворянкою Альбедиль)—Христиною-Региною—и жилъ съ нею сперва въ Ревельскомъ уѣздѣ, на купленной имъ мызѣ Каррикулля, а затѣмъ, въ 1736 г., и обвѣнчался съ нею въ Ревельской соборной церкви, не дождавшись рѣшенія своего дѣла съ первою женою[4]). Въ это время Ганнибалъ былъ уже въ отставкѣ, которую получилъ еще 21-го мая 1733 г.[5]), по представленію Миниха.

Въ 1741 году (26-го января) Ганнибалъ снова опредѣлился въ службу, будучи назначенъ, съ чиномъ артиллерій подполковника, въ Ревельскій гарнизонъ, причемъ получилъ мызу Рагола, въ Ревельскомъ уѣздѣ[1]); вскорѣ (12-го января 1742 г.) императрица Елизавета Петровна произвела его изъ подполковниковъ прямо въ генералъ-маіоры, съ опредѣленіемъ оберъ-комендантомъ въ Ревель[2]), гдѣ и прослужилъ онъ десять лѣтъ. За это время сохранилось много оффиціальныхъ и полуоффиціальныхъ писемъ Ганнибала, характеризующихъ его служебную дѣятельность и отношенія къ разнымъ лицамъ[3]). Грамотою имп. Елизаветы, отъ 12-го января 1746 года, ему были пожалованы значительныя имѣнія—«Михайловская Губа» (въ пригородѣ Воронячѣ, Псковской губ.), принадлежавшая до того царевнѣ Екатеринѣ Іоанновнѣ († 1733 г.), со всѣми землями и 569 душами крестьянъ[4]).

25-го апрѣля 1752 г. Ганнибалъ былъ переименованъ въ генералъ-маіоры отъ фортификаціи и назначенъ управлять искусственною, строительною частію инженернаго вѣдомства[5]). Въ слѣдующемъ году (9-го сентября) рѣшено было, наконецъ, послѣ долгихъ перипетій, дѣло Абрама Петровича съ его первой женой: она была признана виновною и сослана въ Старо-Ладожскій женскій монастырь, а бракъ Ган-

1 Исторія» Соловьева, т. IV, ст. 1209. — 2 Подлинныя слова Ганнибала изъ его прошенія—см. «Сборн. Имп. Русск. Историч. Общ.», т. 101, стр. 542.—3 С. П. Опатовичъ, статья объ Е. А. Ганнибалъ въ «Русск. Стар.» 1877 г., т. XVIII, стр. 70. 4 С. П. Опатовичъ, ст. въ «Русск. Стар.» 1877 г., т. XVIII, стр. 69—78 и Шляпкинъ, о. с., стр. 322.—5 Хмыровъ, о. с., стр. 33; Васильевъ, о. с., стр. 46.

1 «Сенат. Архивъ», т. II, стр. 455.—Пушкинъ разсказываетъ, что, узнавъ о восшествіи на престолъ имп. Елизаветы, находившійся не у дѣлъ Ганнибалъ «написалъ ей евангельскія слова: помяни мя, егда пріидеши во царствіе свое» и былъ принятъ въ службу»; это невѣрно: Ганнибалъ былъ принятъ опять на службу 26 января 1741 г., а Елизавета воцарилась позже—25 ноября; милость императрицы выразилась въ повышеніи чина и повышеніи по службѣ.—2 Въ январѣ этого года Ганнибалъ подалъ въ Сенатъ просьбу о выдачѣ ему герба (Арх. Департ. Герольдіи. Книга 39-я рѣшеныхъ дѣлъ, 1784 г., л. 39; это любопытное прошеніе Ганнибала, съ автобіографическими данными, напечатано въ «Русск. Арх.» 1891 г., кн. II, стр. 101—102). Въ пожалованіи чина и имѣній Ганнибалу оказалъ содѣйствіе вице-канцлеръ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, братъ тогда уже умершей кн. А. П. Волконской (Соловьевъ, «Исторія», т. V, ст. 133.—3 Хмыровъ, о. с., Гастфрейндъ, о. с., «Сен. Архивъ», т. V; Д. Анучинъ, о. с., стр. II. 4 Арх. Департ. Герольдіи, дѣло о дворянствѣ Ганнибаловъ и Васильевъ, о. с.; объ имѣніяхъ Ганнибаловъ см., между прочимъ, «Сборникъ трудовъ членовъ Псковскаго Археологическаго Общества за 1896 г.», Пск. 1897.—5 См. Хмыровъ, о. с., стр. 57—58; А. Савельевъ, Истор. очеркъ инженерн. управл. въ Россіи, Спб. 1879, стр. 109; Д. П. Струковъ, Главное Артилл. Управленіе, ч. I, кн. I, Спб. 1902, стр. 217, 222, 228.

ИВАНЪ АБРАМОВИЧЪ ГАННИБАЛЪ.
Строитель Херсона.
Портретъ, принадлежащій семьѣ Перфильевыхъ въ Москвѣ.

нибала съ Христиной Шеберхъ признанъ законнымъ, хотя на него и наложена была эпитимія и штрафъ [1]). 25-го декабря 1755 г. Ганнибалъ былъ пожалованъ въ генералъ-поручики, съ назначеніемъ Выборгскимъ губернаторомъ, но черезъ два дня послѣдовалъ новый указъ, коимъ онъ, попрежнему, оставлялся въ инженерномъ корпусѣ. Въ исторіи этого вѣдомства Ганнибалъ является однимъ изъ видныхъ дѣятелей своего времени [1]), сотрудникомъ генералъ-фельдцейх-

1) С. П. Опатовичъ, о. с.

1) См. указ. соч.: Савельева, стр. 107, 109, 110—111; Хмырова, стр. 58—63, и Струкова, а также П. Г. Фабриціуса, Главн. Инжен. Управленіе, Спб. 1902, ч. 1, стр. XXXVI, XL, XLIII, XLV.

мейстера графа П. П. Ганнибала. Назначенный членомъ Канцеляріи Главной артиллеріи и фортификаціи, онъ 4-го іюля 1756 г. [1]) произведенъ былъ въ инженеръ-генералы, а затѣмъ—въ генералъ-аншефы, съ опредѣленіемъ главнымъ директоромъ Ладожскаго канала и Кронштадтскихъ и Рогервикскихъ строеній (23-го ноября 1759 г.) [2]). Награжденный затѣмъ (30-го августа 1760 г.) орденомъ св. Александра Невскаго, Ганнибалъ въ слѣдующемъ году оплакалъ смерть имп. Елизаветы, а въ 1762 г., 9-го іюня, уволился въ отставку [3])—за нѣсколько дней до вступленія на престолъ Екатерины II; послѣдняя, безъ сомнѣнія, лично знала Абрама Петровича, къ которому въ 1765 г. обращалась съ милостивымъ рескриптомъ, спрашивая его о проектированномъ Петромъ Великимъ каналѣ отъ Москвы до Петербурга [4]). Остатокъ дней своихъ, еще довольно продолжительный, А. П. Ганнибалъ провелъ въ пожалованномъ ему имѣніи Суйдѣ [5]); здѣсь онъ скончался 14-го мая 1781 г., здѣсь и погребенъ, но могила его не сохранилась [6]); днемъ раньше, 13-го мая, скончалась его супруга—Христина Матвѣевна [7]).

Отъ перваго брака своего Абрамъ Петровичъ не имѣлъ дѣтей [8]), а отъ второго у него было 11 человѣкъ; изъ нихъ свѣдѣнія сохранились о пяти сыновьяхъ и четырехъ дочеряхъ.

1) Иванъ Абрамовичъ, старшій изъ сыновей (род. 5-го іюня 173.. г. [9]), былъ въ службу зачисленъ въ 1744 г., затѣмъ былъ цейхмейстеромъ морской артиллеріи (10-го февраля 1769 г.), комендантомъ Наварина, за взятіе котораго и за участіе въ Чесменскомъ бою получилъ орденъ Георгія 3-й степени (27-го ноября 1770 г.), генералъ-маіоромъ (7-го декабря 1772 г.), генералъ-цейхмейстеромъ морской артиллеріи (7-го іюля 1776 г.), главнымъ командиромъ строенія крѣп. Херсона (съ 25-го іюля 1778 г.) и генералъ-поручикомъ (1-го января 1779 г.); онъ былъ уволенъ отъ службы 22-го февраля 1784 г., имѣя ордена св. Александра Невскаго (1796 г.), Владиміра 1-й ст. (1781 г.) и св. Анны (1775 г.) [1]). Послѣ отца своего наслѣдовалъ (1782 г.) мызу Суйду съ деревнями; скончался, холостымъ, въ Петербургѣ 12-го октября 1801 года и погребенъ на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской Лавры [2]), гдѣ на могилѣ его высѣчена слѣдующая эпитафія:

Зной Африки родилъ, хладъ кровь его покоилъ,
Россіи онъ служилъ, путь къ вѣчности устроилъ.
Стенящіе о немъ родня его и ближни
Сей памятникъ ему съ усердіемъ воздвигли.

2) Петръ Абрамовичъ (род. въ Ревелѣ 21-го іюля 1747 г. [3]), тотъ самый, котораго въ 1812 году посѣтилъ юнонша-Пушкинъ [4]),—артиллеріи капитанъ (1-го іюня 1768 г.), маіоръ (13-го декабря 1770 г.), подполковникъ (10-го іюля 1775 г.) и оберъ-кригсъ-коммиссаръ; полковникъ (2-го октября 1781 г.) и генералъ-маіоръ (10-го ноября 1783 г.); долгое время состоялъ подъ судомъ за растрату какихъ-то артиллерійскихъ снарядовъ и освобожденъ былъ отъ него только благодаря вліянію своего брата Ивана [5]; по раздѣлу съ братьями онъ получилъ (1782 г.) въ Софійскомъ уѣздѣ мызу Ёлицы, въ которой и поселился по выходѣ въ отставку [6]),—и въ Михайловской губ. с-що Петровское (около с. Михайловскаго), куда переѣхалъ послѣ того, какъ разошелся съ женою и гдѣ посѣтилъ его Пушкинъ. Женатъ онъ былъ, съ 1777 года, на Ольгѣ Григорьевнѣ фонъ-Даненшпитернъ, дочери колл. сов. Григорія Гри-

1) «Моск. Вѣдом.» 1756 г., № 27.—2) Хмыровъ, о. с., стр. 62.—3) ibid., стр. 64.—4) Аншенковъ, Матеріалы, изд. 1873, стр. 292—293 и Гастфреидъ, о. с., стр. 12—14.—5) Кромѣ Суйды, Ганнибалу были пожалованы слѣд. имѣнія: въ Софійскомъ же уѣздѣ мыза Ёлицы съ 3 деревнями, мызы Руново, Кобрино и Танца съ деревнями, Михайловская Губа, въ Опочецк. у. съ 37 дер., въ Спасской Губѣ 2 дер., въ Егорьевской губѣ пустошь и др. Суйда восп̀ята В. Л. Пушкинымъ, когда она принадлежала П. А. Ганнибалу (См. Соч., изд. 1893 г., стр. 50—52).—6) Шляпкинъ, о. с., стр. 322, и Апухтинъ о. с., стр. 11.—7) Шляпкинъ, о. с., стр. 322.—8) Сообщеніе Пушкина о томъ, что у арапа родилась была дочь, не подтверждается документальными данными (см. Онатовичъ, о. с., 9). По надгробію—1731 г., что ошибочно, т. к. отецъ его женился на 1-й женѣ лишь въ январѣ-февралѣ 1731 г., а Иванъ Абрамовичъ былъ его сыномъ уже отъ 2-й жены.

1) Его біографія у Д. Н. Бантыша-Каменскаго (Словарь достоп. людей, изд. 1836 г., т. II, стр. 15; см. также «Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древностей», т. XVIII, и «Общій Морской Списокъ», т. II.—2) В. П. Саитовъ, Петербургскій Некрополь, М. 1883.—3) П. Анненковъ, Пушк. въ Алекс. эпоху, Спб. 1874, стр. 13 (автобл.); крещенъ былъ имп. Елизаветою и Петромъ III. Въ посемейномъ спискѣ Петра Абрамовича, составленномъ имъ самимъ, онъ указываетъ днемъ своего рожденія 22-е іюня (Архивъ Департ. Герольдіи).—4) Соч., изд. П. О. Морозова, т. VI, стр. 454 и Анненковъ, о. с. стр. 11.—5) Анненковъ, о. с., стр. 12.—6) Въ 1792 г. онъ продалъ Ёлицы П. Г. Демидову (П. Васильевъ, о. с.).

ИВАНЪ АБРАМОВИЧЪ ГАННИБАЛЪ.
Портретъ, находящійся въ Гатчинскомъ дворцѣ.

горьевича, отъ котораго получилъ въ приданое имѣнія въ Казанской и Саратовской губерніяхъ; онъ имѣлъ одного сына—Вениамина Петровича (род. ок. 1778 г. † 23-го декабря 1839 г. [1]) и дочерей Христину и Александру. Брачная жизнь Петра Абрамовича сложилась неудачно: проживъ съ женою 9 лѣтъ, онъ сталъ измѣнять ей, а вскорѣ (1786 г.) и совсѣмъ покинулъ [2], и супруги всю жизнь провели врозь. Онъ скончался въ 1822 году [3].

Мать поэта, Надежда Осиповна, въ молодости была подъ его опекой.

3) Осипъ (Яншуарій) Абрамовичъ (род. 20-го января 1744 г.),—родной дѣдъ поэта, владѣлецъ, по раздѣлу съ братьями, (1782 г.) с. Михайловскаго,—служилъ въ артиллеріи и 29-го декабря 1770 г. произведенъ въ маіоры. Въ 1773 г. [1]) онъ, будучи въ Липецкѣ, на чугунныхъ заводахъ, женился на Маріи Алексѣевнѣ Пушкиной, жившей съ отцомъ въ с. Покровскомъ, а вскорѣ затѣмъ вышелъ въ отставку съ чиномъ флота артиллеріи капитана 2 ранга. Плодомъ супружества ихъ былъ одинъ сынъ, умершій грудянымъ младенцемъ, и дочь Надежда (р. 1775 г.)—мать поэта. Затѣмъ онъ слу-

1 См. Б. Л. Модзалевскій, Побѣдка въ Григорское, Спб. 1903, стр. 17. Погребенъ въ Воронцѣ, близъ Григорскаго.—2) См. о немъ ст. И. А. Бѣлозерской въ «Истор. Вѣстн.» 1899 г., № 5, стр. 427—463.—3) П. Анненковъ, Пушкинъ въ Алекс. эпоху, стр. 11.

1 «Москвитянинъ» 1852 г., № 24, отд. IV, стр. 22

жилъ засѣдателемъ Псковскаго СовѢстнаго Суда, совѣтникомъ Псковскаго (1778 г.) НамѢстническаго, а съ 6-го апрѣля 1780 г.— С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія [1]). Супруги Ганнибалы были весьма несчастливы: проживъ совмѣстно съ женой около четырехъ лѣтъ,—частію въ Суйдѣ у Абрама Петровича [2]), частію въ Петербургѣ,—Осипъ Абрамовичъ скрылся отъ родныхъ. Вскорѣ же между супругами началось тяжебное дѣло, тянувшееся много лѣтъ. «Ревность жены и непостоянство мужа»—говоритъ внукъ,поэтъ, «были причиною неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія». И дѣйствительно: покинувъ жену, Осипъ Абрамовичъ, служа во Псковѣ, сошелся съ Новоржевскою помѣщицею Устиньею Ермолаевною Толстою (рожд. Шишкиной), вдовою капитана Ивана Толстого, и 9 января 1779 г. обвѣнчался съ нею въ церкви погоста Анросьева, Новоржевскаго уѣзда, давъ священнику фальшивое свидѣтельство въ томъ, что онъ вдовъ [3]). Поступивъ такъ легкомысленно, Осипъ Абрамовичъ, съ неменьшею опрометчивостью, далъ Устиньѣ Ермолаевнѣ «рядную запись» (31-го января 1779 г.), въ которой росписался въ томъ, что получилъ отъ нея приданаго разными вещами на 27000 съ лишнимъ рублей. Сожительство ихъ продолжалось, однако, недолго: 6-го мая супруги были, расторженіемъ Псковскаго архіерея, разлучены, и съ этихъ поръ на Осипа Абрамовича посыпались обвиненія и жалобы со стороны обѣихъ его женъ: Марья Алексѣевна, поддерживаемая своимъ братомъ М. А. Пушкинымъ, возбудила дѣло о двоеженствѣ мужа, а Устинья Ермолаевна, видя, что обстоятельства складываются не въ ея пользу, и что Осипъ Абрамовичъ не поддается ея увѣщаніямъ жить съ нею по-прежнему, вскорѣ подала просьбу въ судъ о взысканіи съ него 27000 р., будто бы полученныхъ отъ нея и имъ растраченныхъ. Тщетно Осипъ Абрамовичъ доказывалъ, съ одной стороны, что женился на второй женѣ, будучи увѣренъ въ смерти первой: бракъ его съ Толстою былъ признанъ (2 марта 1784 г.) незаконнымъ, при чемъ онъ, по приказанію имп. Екатерины, былъ отправленъ «на корабляхъ на цѣлую кампанію въ Сѣверное море, дабы онъ служ-

бою погрѣшенія свои наградить могъ», а четвертая часть имѣнія его,—именно с. Кобрино, было взято въ опеку на содержаніе дочери Надежды [1]). Тщетно также, съ другой стороны, Ганнибалъ старался доказать суду въ разныхъ инстанціяхъ, что не только не получалъ отъ Толстой никакого приданаго, давъ ей рядную запись безденежную, т. е. лгутно, но что самъ издержалъ на ея прихоти до 30000 рублей [2]); дѣло съ настойчивой и умудренной опытомъ Устиньей Ермолаевной тянулось много лѣтъ подъ-рядъ, въ теченіе которыхъ тяжущіеся дѣлали попытки къ сближенію, сходились и снова разъѣзжались, возобновляя тяжбу, конца которой Осипу Абрамовичу такъ и не суждено было дождаться [3]): онъ скончался 12-го октября 1806 г. [4]) въ с. Михайловскомъ,—«отъ слѣдствій невоздержной жизни», по свидѣтельству Пушкина. «Одиннадцать лѣтъ послѣ того», говоритъ онъ, «бабушка скончалась въ той же деревнѣ. Смерть соединила ихъ. Они покоятся другъ подлѣ друга въ Свято-горскомъ монастырѣ»,—рядомъ съ могилой внука-поэта.

4) Исаакъ (Савва) Абрамовичъ (род. въ 1747 г.), въ 1756 году опредѣленный въ Артиллерійскую школу, былъ впослѣдствіи флота артиллеріи капитаномъ 3 ранга, а затѣмъ, въ 1803 году, служилъ Псковскимъ оберъ-фортмейстеромъ и въ 1804 году умеръ въ чинѣ коллежскаго ассесора [5]). Отъ брака своего съ дочерью Псковскаго помѣщика, Анной Андреевной Чихачевой, онъ имѣлъ 15 человѣкъ дѣтей (Якова [6]), Павла [7]), Абрама [8]),

1) Опекунами были назначены сл. лица: Петръ Абрам. Ганнибалъ и Мих. Алексѣевъ Пушкинъ.— 2) Построилъ ей во Псковѣ домъ съ фруктовымъ садомъ, купилъ въ 4 верстахъ отъ города дачу, при которой развелъ садъ, устроилъ хозяйство, оранжереи и т. д., накупилъ серебряныхъ и золотыхъ сервизовъ, брилліантовъ, экипажей, мебели, прожилъ 12000 р., за которые заложилъ свои имѣнія, и т. д.—3) Бракоразводное дѣло Ганнибаловъ пересказано В. О. Михневичемъ въ статьѣ «Дѣдъ Пушкина»—въ «Истор. Вѣстн.» 1886 г., т. XXIII, стр. 87—143, а тяжебное дѣло О. А. Ганнибала съ У. Е. Толстой хранится въ Сенатскомъ Архивѣ, гдѣ мы воспользовались имъ при любезномъ содѣйствіи секретаря Архива В. А. Мурзанова.— 4) Б. Л. Модзалевскій, Поѣздка въ Тригорское, Спб. 1903 г., стр. 8. 5) Архивъ Департамента Герольдіи, дѣло о дворянствѣ Ганнибаловъ.— 6) Лейтенантъ, потомъ кол. асс., женатъ былъ на Е. А. Вындомской, родной сестрѣ сосѣдки Пушкина по Михайловскому—П. А. Осиповой.—7) подполковникъ, былъ въ 1826 г. сосланъ въ Сольвычегодскъ, а потомъ въ Соловки (см. «Русск. Стар.» 1899 г., № 5, стр. 353—358; былъ женатъ на В. Т. Лангѣ.—8) мичманъ (1802 г.).

Іосифа [1], Петра [2], Александра [3], Дмитрія [4], Семена [5], Екатерину [6], Любовь, Александру, Анну [7], Олимпіаду [8], Клавдію [9] и Констанцію [10].

5) Яковъ Абрамовичъ, род. въ 1748 г., въ 1756 г. опредѣленъ былъ въ Артиллерійскую школу, но вскорѣ умеръ.

Изъ дочерей Абрама Петровича — Елизавета Абрамовна была за подполковникомъ Андреемъ Павловичемъ Пушкинымъ, Анна Абрамовна—за генералъ-маіоромъ Шепѣловымъ, Софья Абрамовна—за артиллеріи секундъ-маіоромъ (потомъ ст. сов.) Адольфомъ-Рейнгольдомъ (Адамомъ Карловичемъ) фонъ-Роткирхъ; Агриппина Абрамовна умерла дѣвицей.

Послѣдними потомками «Арапа Петра Великаго» являются дѣти Александра Яковлевича Ганнибала (р. въ 1797 † 1834 г.) и жены его Александры Егоровны, рожд. Юреневой: Георгій (р. 1832 г.), отставной поручикъ (женатый на М. О. Осиповой), живущій въ Петербургѣ и имѣющій дѣтей, Александръ (р. 1834 † 1848 г.), Елизавета (р. 1834 † 1857 г.), бывшая за надв. сов. Николаемъ Степановичемъ Самойловымъ, и Софія (р. 1833 † 1856 г.), скончавшаяся дѣвицей.

Пушкину неоднократно и съ разныхъ сторонъ приходилось выслушивать упреки въ спесивомъ «аристократизмѣ», въ томъ, что онъ гордится своимъ «шестисотлѣтнимъ дворянствомъ»: упреки эти слышалъ поэтъ еще въ 1825 году отъ Рылѣева [11]; въ 1828 году онъ снова выслушиваетъ ихъ отъ П. И. Раевскаго и М. Е. Юзефовича и восклицаетъ: «Я не понимаю, какъ можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тѣмъ, что подъ выборной граматой Михаила Ѳедоровича есть пять подписей Пушкиныхъ» [1]. «Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно: не уважать оной есть постыдное малодушіе», — записываетъ онъ около этого-же времени. «Образованный французъ или англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря, падшаго въ такой-то битвѣ или такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество—не уважать прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества». «Неуваженіе къ предкамъ есть первый признакъ дикости и безнравственности». Послѣднія строки набросаны были въ 1830 году, когда поэтъ снова подвергся тѣмъ же нападкамъ и грубымъ выходкамъ—со стороны Булгарина—и, раздраженный имъ, онъ дѣлаетъ блестящую отповѣдь ему и его единомышленникамъ въ «Моей родословной». Стихотвореніе это въ связи съ многочисленными набросками мыслей поэта, касающимися того же больного вопроса, являются сами по себѣ прекраснымъ опроверженіемъ односторонникъ упрековъ, при чемъ не слѣдуетъ забывать, въ какое время велась эта полемика... «Пушкинъ», сказалъ П. С. Аксаковъ въ своей извѣстной рѣчи при открытіи памятника поэту, «дѣйствительно зналъ и любилъ своихъ предковъ. Что-жъ изъ этого? Было бы желательно, чтобы связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (гдѣ оно почти не живетъ), но и всѣмъ сословіямъ: чтобы память о предкахъ жила и въ купечествѣ, и въ духовенствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уважаются старинные честные роды. Но что, въ сущности, давала душѣ Пушкина эта любовь къ предкамъ? Давала и питала лишь живое, здоровое историческое чувство. Ему было пріятно имѣть черезъ нихъ, такъ сказать, реальную связь съ родною исторіею, состоять какъ бы въ историческомъ свойствѣ и съ Александромъ Невскимъ, и съ Іоаннами, и съ Годуновымъ. Русская лѣтопись уже не представлялась ему чѣмъ-то отрѣшеннымъ, мертвою хартіей, но какъ бы и семейною хроникой... Онъ и въ современности чувствовалъ себя всегда

---

1 Михаилъ † въ 1802 г.—2 поручикъ, женатый на А. М. Миклашевской.—3 и 4 оба умерли въ старости, холостыми.—5 артиллеріи подпоручикъ, потомъ чиновн. 12 класса † въ 1833 г.—6 была замужемъ дважды: за Семеномъ Мягковымъ и за Нв. Карл. Мелландръ (1834 г.).—7 всѣ три сестры умерли въ дѣвицахъ.—8 была замужемъ за Михаиломъ Ивановымъ.—9 за Александромъ Ѳедоровичемъ фонъ-Шиглисъ.—10 за Алексѣемъ Вас. Хорошиловымъ.—11 См. письма Рылѣева къ Пушкину отъ первой половины іюня и сент.—окт. 1825 г. и отвѣтъ Пушкина на первое изъ нихъ.

1, Воспоминанія М. В. Юзефовича о Пушкинѣ—въ Русск. Архивѣ 1880 г.

какъ въ исторической рамкѣ, въ предѣлахъ живой, продолжающейся исторіи» [1]. В. Е. Якушкинъ, говоря объ «аристократизмѣ» поэта, замѣчаетъ: «Не надо придавать чрезмѣрнаго значенія этой сторонѣ убѣжденій Пушкина, который не доводилъ своего взгляда до крайностей: онъ вступался за униженные историческіе роды; уничтоженіе ихъ онъ считалъ вреднымъ, видя, что ихъ затираютъ вовсе не истинныя заслуги; Пушкинъ вовсе не стоялъ на точкѣ зрѣнія безусловной дворянской гордости, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующей фразы: «имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя, но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться сими именами?» [2].

1) Полное собр. соч. И. С. Аксакова, т. VII, М. 1887, стр. 830. — 2) «О Пушкинѣ», М. 1899, стр. 59 (въ статьѣ «Радищевъ и Пушкинъ». 3) Анненковъ, «Матеріалы», изд. 1873 г., стр. 293; о томъ же вопросѣ Анненковъ говоритъ въ статьѣ своей «Общественные идеалы Пушкина» («Вѣстникъ Европы» 1880 г., № 6 и «Воспоминанія и критическіе очерки», т. III, Спб. 1881).

По справедливымъ словамъ Анненкова, Пушкинъ «уважалъ справедливую гордость родомъ и происхожденіемъ вездѣ, гдѣ она дѣлается источникомъ нравственнаго достоинства и сочувствія къ прошлому своего отечества. Уваженіе къ предкамъ считалъ онъ единственной платой, на какую имѣютъ заслуженное право лица, исчезнувшія съ земли. Съ другой стороны, Пушкинъ былъ весьма далекъ отъ мысли гордиться даже пороками своихъ предшественниковъ, что иногда бываетъ отъ неправильнаго пониманія достоинства исторіи и своего собственнаго. Это доказывается самой «Родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ», гдѣ такъ откровенно и просто разсказалъ онъ, безъ всякой утайки, все то, что зналъ о ближайшихъ своихъ предкахъ» [3].

Таковы были истинные мотивы интереса поэта къ прошлому своего рода.

Б. Модзалевскій.

ГЕРБЪ ПУШКИНЫХЪ. (Изъ «Общаго Гербовника» т. V).

Дѣтство Пушкина

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. въ Москвѣ [1]). Со стороны отца Пушкинъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущей статьи, принадлежалъ къ старинному боярскому роду, родоначальникомъ котораго считаютъ выходца «изъ нѣмецъ» Радшу.

По знатности Пушкины принадлежали къ второразрядной аристократіи, имѣвшей въ XVII в. право на полученіе чина окольничаго; такихъ родовъ было 15.

Родословная матери поэта не такъ велика. Родоначальникомъ ея фамиліи былъ Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, „арапъ" и крестникъ Петра Великаго. Дѣдъ поэта со стороны матери былъ разведенъ со второй женой и сосланъ былъ сначала на службу въ Средиземное море, а затѣмъ въ его село Михайловское. Мать поэта—Надежда Осиповна была дочерью его первой жены. Тяжелое семейное положеніе, конечно, объясняетъ и многіе недостатки характера Надежды Осиповны. Въ отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ Пушкина въ словахъ: «бабушка и мать; ихъ бѣдность» поэтъ ясно указалъ на это тягостное положеніе своей матери.

Родители А. С. были люди свѣтскіе прежде всего. Въ расцвѣтѣ силъ и здоровья отецъ поэта—Сергѣй Львовичъ (см. о немъ въ предыдущей статьѣ, стр. 6 и 8) ушелъ въ отставку, поселился въ Москвѣ и зажилъ тамъ беззаботной жизнью русскаго барина. Онъ былъ созданъ для гостиной: блистать въ обществѣ—было его единственной заботой: «въ декламаціи французскихъ стиховъ у него не было соперниковъ; въ тогдашней Москвѣ никто удачнѣе его не умѣлъ устроить любительскаго спектакля, и никто не исполнялъ своей роли съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ; его каламбуры и экспромты бывали такъ удачны, что запоминались и переходили изъ устъ въ уста». Онъ былъ веселымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ, но при всемъ своемъ остроуміи и начитанности, былъ въ своей бесѣдѣ человѣкомъ очень поверхностнымъ. Стоитъ припомнить ту Москву, которая изображена Грибоѣдовымъ въ его безсмертной комедіи, и мы возстановимъ кругъ интересовъ, въ которомъ вращался отецъ поэта, одинъ изъ лучшихъ представителей этой Москвы. Онъ былъ душою «общества»—публика была ему необходима, какъ для актера, воспитаннаго на подмосткахъ. Одиночества Сергѣй Львовичъ не выносилъ, къ деревенской жизни питалъ отвращеніе. Когда не было

1) О домѣ, въ которомъ родился Пушкинъ, см. особую замѣтку въ концѣ настоящаго I тома.

ДОМЪ КЛЮГИНЫХЪ НА НѢМЕЦКОЙ УЛИЦѢ ВЪ МОСКВѢ.

Считается, что въ надворномъ флигелѣ этого дома родился Пушкинъ. О другихъ домахъ, претендующихъ на ту-же честь см. приложенія къ I тому.

Съ фотографіи, снятой для настоящаго изданія П. К. Остроумовымъ.

настоящихъ цѣнителей его талантовъ, онъ собиралъ вокругъ себя дѣтей и развлекалъ себя своей декламаціей и своимъ остроуміемъ. При этомъ сами дѣти были для него совершенно безразличны. Въ ихъ присутствіи онъ разсказывалъ иногда самыя двусмысленныя исторіи и читалъ совсѣмъ не-педагогическіе стихи.

Судя къ стихотворству былъ тоже одной изъ его многочисленныхъ слабостей: писаніе французскихъ стиховъ было любимымъ его развлеченіемъ. Говорятъ, что многочисленныя его произведенія, цѣлыя повѣсти на французскомъ языкѣ, сохранились до сихъ поръ. Впрочемъ, увлеченіе стихотворствомъ было тогда модой вообще, а въ семьѣ Пушкиныхъ въ частности. Одинъ изъ отдаленныхъ родственниковъ его—Алексѣй Михайловичъ († 25 мая 1828 г.) былъ писателемъ и переводчикомъ; братъ С. Л.—Василій Львовичъ былъ въ свое время очень извѣстнымъ поэтомъ. Эта страсть распространялась даже на прислугу: въ передней Пушкиныхъ водились доморощенные стихотворцы; такъ камердинеръ Никита Тимофеевичъ даже сочинилъ балладу изъ сказокъ о Соловьѣ-разбойникѣ, богатырѣ Еруслановѣ Лазаревичѣ и царевичѣ Милитрисѣ Кирибитьевичѣ. Немудрено, что и въ дѣтскую Пушкиныхъ забралось это увлеченіе стихоплетствомъ и декламаціей.

Безмятежное довольство собой, полная безпечность, уходящая въ безпросвѣтный эгоизмъ и нравственную индифферентность,—вотъ та оборотная сторона характера С. Л-ча, которая прикрывалась снаружи блескомъ и лоскомъ свѣтскаго любезнаго и остроумнаго человѣка, но которая очень больно чувствовалась домашними, особенно дѣтьми.

Мать поэта была подстать своему супругу. «Красавица-кресолка», пронедная тяжелую школу семейныхъ неладовъ, отличалась вспыльчивостью, эксцентричностью. Къ старшему сыну своему Александру относилась она съ холодностью, которая порой смѣнялась вспышками раздраженія. По натурѣ своей, не будучи доброй, она легко могла быть злой и жестокой. Ровнаго отно-

ФЛИГЕЛЬ ДОМА КЛЮГИНЫХЪ; ВЪ НЕМЪ, ПО ПРЕДАНІЮ, РОДИЛСЯ ПУШКИНЪ.
Съ фотографіи Настюкова, принадлежавшей Л. Н. Майкову. Флигель сломанъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

шенія къ дѣтямъ у нея не было: къ младшимъ (особенно Льву) относилась она со страстностью.

Однажды на балу она ударила свою взрослую дочь, цѣлый годъ не разговаривала съ А. С., когда онъ былъ еще ребенкомъ; для него спеціально изобрѣтала она особыя изысканныя наказанія, недовольная его разсѣянностью, неуклюжестью и нецящною внѣшностью.

Холодному равнодушію супруга она противопоставляла свой необузданный, порывистый духъ, унаслѣдованный отъ отца. Ужилась она съ мужемъ неизвѣстно какъ, но они сходились въ одномъ: оба одинаково любили «свѣтъ» и одинаково равнодушны были къ хозяйству и семьѣ. Вотъ почему въ домѣ ихъ царилъ полный безпорядокъ. «Домъ Пушкиныхъ,—говоритъ бар. М. А. Корфъ,—представлялъ всегда какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная съ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдало человѣка два-три лишнихъ, то всегда посылали къ сосѣдямъ за приборами». Мы видимъ, что въ родной семьѣ будущій поэтъ не нашелъ ни материнской любви, ни отцовской заботливости: не нашелъ даже той внѣшней порядочности, того благоприличія, которое часто прикрываетъ отсутствіе нравственныхъ устоевъ. На этомъ фонѣ безотраднаго дѣтства поэта встаютъ свѣтлымъ видѣніемъ образы его бабушки Маріи Алексѣевны Ганнибалъ и старухи няни, знаменитой Арины Родіоновны. Бабушка, много страдавшая на своемъ вѣку, вынесла изъ этихъ страданій мягкость души, которую и внесла въ забытую дѣтскую Пушкиныхъ. Ея разсказы о родной старинѣ увлекали будущаго поэта и, быть можетъ, изъ этихъ разсказовъ вынесъ онъ любовь къ Петру и интересъ къ своему предку—«арапу» великаго государя.

Старуха-няня представляла собой образецъ высокоодаренной русской женщины. Она знала безконечное количество нѣсенъ и сказокъ; пословицами и поговорками пересыпала свою живую, умную, образную рѣчь. Быть можетъ, сердечность этой простой русской женщины спасла нѣжное любящее сердце поэта отъ ранняго озлобленія, отъ тягостнаго сознанія несправедливости человѣческой. Поэтъ отплатилъ своей нянѣ теплой привязанностью, которую онъ сохранилъ въ теченіе всей своей жизни;

ОТЕЦЪ ПОЭТА ВЪ 1807 г.

Карандашный портретъ St. Aubin'a, принадлежащій внучкѣ его (дочери Ольги Сергѣевны) Н. Н. Пане, урожденной Павлищевой.

образъ няни не разъ мелькаетъ и въ его произведеніяхъ, всегда окруженный самой нѣжной привязанностью: «Зимній вечеръ», «Нянѣ» — стихотворенія, посвященныя ей. О ней вспоминаетъ поэтъ въ стихотвореніи «Опять на родинѣ»; ея образъ косвенно отразился и на нянѣ Татьяны Лариной.

Большое значеніе имѣла няня и на раннее развитіе поэтическихъ дарованій поэта. Муза, по его признанію, впервые посѣтила его «на слабомъ утрѣ дней златыхъ» «во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ»; «чуть дышала, надъ его колыбелью» склоняясь надъ нимъ въ образѣ старой няни «веселою старушкой» «въ шушунѣ въ большихъ очкахъ»... Въ вечера, когда ребенокъ-поэтъ оставался одинъ со своей няней-любимицей и ожидалъ отъ нея сказки, навсегда запечатлѣлись въ его памяти. Онъ называетъ «золотымъ временемъ» эти минуты перехода отъ прозы къ поэзіи, отъ бодрствованія ко сну. Притаясь, онъ сидѣлъ и ждалъ разсказовъ своей «мамушки»:

Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяльѣ,
Она, духовъ молитвой укрѣпя,
Съ усердіемъ перекреститъ меня
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.

Поэтъ живо вспоминалъ потомъ въ теченіе всей жизни прелесть этихъ «таинственныхъ ночей»:

Отъ ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь къ нянѣ отъ страха.

ОТЕЦЪ ПОЭТА ВЪ СТАРОСТИ.

Карандашный портретъ, доставленный на Пушкинскую выставку 1880 г. его внукомъ Л. Н. Павлищевымъ.

Когда же, наконецъ, онъ засыпалъ, весь трепещущій отъ страха,—просыпалось его творчество:

Толпой съ лазурной высоты
На ложе розъ крылатыя мечты
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обнаружали.
Терялся я, въ порывѣ сладкихъ думъ;
Въ глуши лѣсной,средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрынней;
И въ вымыслахъ носился дѣтскій умъ...

Эти дѣтскіе «вымыслы» «сквозь сонъ» и были первыми созданіями поэта. Уже тогда «богини нѣжной» «въ младенческую грудь» внесли «искру вдохновенья»; уже «младенцемъ» онъ научился чувствовать прелесть «мирныхъ звуковъ наслажденья». Вотъ почему можно утверждать, что любовь къ народной поэзіи, къ причудливымъ образамъ народной фантазіи зародилась у Пушкина подъ вліяніемъ разсказовъ старой няни; въ «Прологѣ» къ «Руслану и Людмилѣ» онъ удивительно удачно соединилъ сказочные мотивы въ длинную цѣпь пестрыхъ, прихотливыхъ образовъ, прекрасно рисующихъ тотъ чудесный міръ, въ которомъ онъ жилъ въ раннемъ дѣтствѣ.

Когда М. А. Ганнибалъ пріобрѣлъ подмосковное сельцо Захарово, Пушкины стали ѣздить туда каждое лѣто.

Здѣсь будущій поэтъ впервые узналъ русскую деревню, русскую природу. Это знакомство принесло много счастья ребенку, и лѣтнія пребыванія въ с. Захаровѣ сдѣлались для него на всю жизнь золотыми воспоминаніями дѣтства.

Въ 1815 году онъ весь еще жилъ воспоминаніями жизни въ этомъ селѣ («Посланіе къ Юдинѣ»). Но сообщеніямъ блядкихъ лицъ, жизнь въ деревнѣ, на свободѣ полей и лѣсовъ, очень своеобразно отразилась на будущемъ поэтѣ: «прежняя сонливость смѣнилась вдругъ рѣзвостью и шалостями, переходящими всякія границы». «Ни строгостью, ни лаской нельзя было унять упрямаго мальчика, почувствовавшаго свободу». Родители, еще недавно приходившіе въ ужасъ отъ неподвижности, неповоротливости мальчика, теперь винили въ негодованіе отъ рѣзвости и шаловливости. Но подѣлать ничего съ нимъ не могли и дружно отвернулись навсегда отъ странная «несимпатичнаго» ребенка съ такимъ избалованнымъ характеромъ; они предоставили его всецѣло бабушкѣ, старой нянѣ, дворовымъ людямъ и русской природѣ; всю свою любовь они перенесли на старшую дочь Ольгу и младшаго сына Льва. Конечно, несправедливость такого дѣленія родительскихъ симпатій чуткимъ ребенкомъ сознавалась, но у него былъ уже свой собственный міръ, который утѣшалъ его вспыльчивое, но незлобивое сердце. Немудрено, что съ воспоминаніями ранняго дѣтства у него въ общемъ соединилось представленіе какъ о времени счастливомъ и безоблачномъ: въ 1815 году, вспоминая Москву, онъ ей посвятилъ прочувствованныя строки: «края Москвы, края родные, гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ часы безпечности я тратилъ золотые, не зная горести и бѣдъ».

Дѣтство почти всегда рисуется «золотымъ временемъ»—немудрено, что и нашъ поэтъ, всегда готовый прощать и забывать злое, идеализировалъ свое дѣтство. Никогда никдѣ не говорилъ онъ о томъ, какъ относились къ нему родители. Зато въ своихъ воспоминаніяхъ лихомъ помянетъ онъ тѣхъ гувернантокъ и гувернеровъ, которые смѣнили Арину Родіоновну. Въ «Отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ» Пушкинъ перечисляетъ тѣ факты изъ своей дѣтской жизни, которые особенно чувствительно врѣзались въ его память. Рядомъ съ очень случайными, мы тутъ встрѣчаемъ и многозначительное «Няня», затѣмъ: «Отъѣздъ матери въ деревню» и «Первыя непріятности—гувернантки». Затѣмъ идетъ перечень гувернеровъ: «Монфоръ, Русло, Кат. II. и Анна Ивановна» и краснорѣчивое «Нестерпимое состояніе». Очевидно, родители, не желая безпокоить себя изліяніями хлопотами, поручили обуздать сына наемникамъ. Вотъ почему едва ли не автобіографическое значеніе имѣетъ слѣдующее мѣсто изъ начатаго романа Пушкина «Русскій Пеламъ»: «Отецъ, конечно, любилъ, но вовсе обо мнѣ не безпокоился и оставилъ меня на попеченіе французовъ, которыхъ постоянно принимали и отпускали. Первый мой гувернеръ оказался пьяницей; второй, человѣкъ неглупый и не безъ свѣдѣній, имѣлъ такой бѣшеный нравъ, что однажды чуть не убилъ меня полѣномъ... Впрочемъ, я то правда, что не было у насъ ни одного, котораго бы въ двѣ недѣли по его вступленіи въ должность не обратилъ я въ домашняго шута»...

Гувернеръ молодого Гринева («Капитанская дочка») тоже образъ, быть можетъ, до нѣкоторой степени списанный съ натуры. Впослѣдствіи, въ запискѣ о «народномъ воспитаніи» Пушкинъ высказалъ очень рѣзкое

ПОДМОСКОВНОЕ СЕЛЬЦО ЗАХАРОВО, ГДѢ ПУШКИНЪ ВЪ ДѢТСТВѢ ПРОВОДИЛЪ ЛѢТО.

Съ картины А. Киселева, писанной въ 1870-хъ г.

сужденіе по этому вопросу: «Въ Россіи,—говоритъ онъ,—домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное. Ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ гнусные примѣры... Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и первоначальными основаніями всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ-нибудь нанятымъ учителемъ».

Конечно, въ этой характеристикѣ русскаго домашняго воспитанія слышится воспоминаніе о собственномъ дѣтствѣ. Впрочемъ, надо думать, были и положительныя стороны вліянія домашней жизни на ребенка Пушкина.

Въ «Отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ» встрѣчаемъ мы указанія на «литературныя знакомства» отца и дяди: очевидно, въ глазахъ поэта эти факты имѣли немалое значеніе на его развитіе.

Живя чисто по-московски, гостепріимно открывая дверь своего безалабернаго дома всѣмъ безъ разбора, будь то честный человѣкъ, хоть нѣтъ, Пушкины были знакомы со всей Москвой: «дверь ихъ дома была отперта для званыхъ и незванныхъ, особенно изъ иностранныхъ». Но въ этой пестрой толпѣ, въ которой перебывали и эмигранты съ громкими титулами и безъ титуловъ, бывали русскіе добродушные московскіе баре, побывали и московскіе литераторы. Они въ домѣ Пушкиныхъ пользовались особымъ почетомъ и встрѣчались особенно радушно. Эта слабость къ литературной жизни и ея дѣятелямъ, несомнѣнно, была одной изъ свѣтлыхъ чертъ отца Пушкина. Вѣроятно, посредникомъ между нимъ и русскими литераторами былъ братъ его Василій Львовичъ. (См. о немъ дальше особую статью). Общій любимецъ московскаго и петербургскаго общества, неизмѣнно добродушный и всегда веселый, онъ вездѣ былъ желаннымъ гостемъ. И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ были его друзьями. Василій Львовичъ подкупалъ всѣхъ своей простотою и сердечной наивностью: надъ нимъ посмѣивались, но его вездѣ любили. По характеру своему онъ имѣлъ много общаго съ братомъ и принадлежалъ, какъ и Сергѣй Львовичъ, къ тому типу интеллигентныхъ бонвиванов, которыми такъ изобилуетъ конецъ XVIII-го и начало XIX-го вѣка. Но въ немъ не было холодности и жесткости Сергѣя Львовича, — немудрено, что онъ былъ желаннымъ гостемъ и въ дѣтской Пушкиныхъ: онъ первый внесъ туда живую литературную струю, первое знакомство съ тогдашними корифеями русской литературы. Его живые разсказы о заграничной жизни, о его личныхъ знакомствахъ съ заграничными, главнымъ образомъ фран-

нузскими, литературными знаменитостями, увлекали ребенка Пушкина, и онъ мало-помалу втягивался въ кругъ литературныхъ интересовъ. Понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ будущій поэтъ всматривался въ гостиной своего отца въ лица писателей, знакомыхъ ему, благодаря словоохотливости дядюшки, не только съ литературной стороны. Въ его стихотвореніяхъ есть указаніе на тѣ чувства, которыя волновали его, когда въ первый разъ онъ увидѣлъ Жуковскаго:

Могу-ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струею
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла.

Богатая библіотека отца, составленная исключительно изъ французскихъ писателей, была въ полномъ распоряженіи ребенка. Страстный любитель чтенія, онъ съ головой окунулся въ удушливую атмосферу французской сенсуалистической литературы, вліяніе которой было настолько могуче, что опредѣлило основныя настроенія его первыхъ поэтическихъ опытовъ.

Вольтеръ и Парни,—вотъ имена, которыя долго не сходили съ языка молодого поэта. За ними встрѣчаемъ мы имена Вержье, Грекура, Виланда, Шапеля, Грессе, Лафара, Мольера и рядомъ съ этимъ рѣже упоминаются Мольеръ, Виргилій, Тассо, Камоэнсъ, Оссіанъ, Расинъ, Руссо, Ювеналъ и др.

Подругой поэта въ его чтеніи была его любимица-сестра (о ней см. дальше особую статью). Впослѣдствіи, въ „лицѣ, въ стихотвореніи «Къ сестрѣ» онъ, сидя въ лицеѣ, представилъ себѣ живо, какъ она одна зачитывается «вечерней порой». «Жанъ-Жакали читаешь?» спрашиваетъ поэтъ—

«Жанлись-ли предъ тобой
Иль съ рѣдкимъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греммъ и Гомсономъ
Ты процеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ?»

Въ стихотвореніи «Городокъ» онъ впервые произвелъ смотръ всѣмъ своимъ любимцамъ; съ ними «съ восторгомъ забываетъ цѣлый свѣтъ»; эти «мертвецы», «парнасскіе жрецы»—его друзья. На первомъ мѣстѣ поставленъ Вольтеръ, «сынъ Мома и Минервы», «фернейскій злой крикунъ». Онъ, по признанію Пушкина, «поэтъ въ поэтахъ первый», и былъ имъ «всѣхъ больше перечитанъ» и всѣхъ менѣе его «томилъ»....

Такія же восторженныя строки посвящены «Ванюшѣ Лафонтену», «безпечному лѣнтяю», который своей «поэзіей прелестной», по признанію юноши, увлекъ его юное сердце «въ плѣнъ»; такъ же сочувственно звучитъ отзывъ о Богдановичѣ, этомъ «нанерсникѣ миломъ Психеи златокрылой», счастливомъ соперникѣ Лафонтена. Вержье, Парни и Грекуръ тоже отмѣчены имъ, какъ его любимцы; изъ русскихъ писателей нашли мѣсто въ этомъ любопытномъ каталогѣ Державинъ, Дмитріевъ, Озеровъ, Карамзинъ, Фонъ-Визинъ и Княжнинъ. Но, надо сознаться, эти русскія имена встрѣтили здѣсь довольно холодную оцѣнку; только Богдановичъ, да затѣмъ Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, Крыловъ и Барковъ удостоились той живой похвалы, которая свидѣтельствуетъ, что ихъ творенія дѣйствительно затронули юное воображеніе поэта. Любопытно, что какъ разъ тѣ произведенія этихъ писателей удостоились хвалы, которыя, въ большей или меньшей мѣрѣ, отвѣчали по настроенію и любимымъ поэтамъ французскимъ. Легкомысленное пониманіе жизни, какъ неиссякаемаго источника радостей и наслажденій (не переходящей за предѣлы изящнаго),—вотъ господствующіе мотивы этой поэзіи. Фривольное отношеніе къ основнымъ вопросамъ бытія; эротизмъ, тоже не переходящій за предѣлы изящнаго, и легкій скептицизмъ, далекій отъ мрачнаго разочарованія и пессимизма, пронизывали легкіе, жизнерадостные образы этой поэзіи. Живой, веселый стиль, безъ заботный смѣхъ, полная безоблачность настроенія,—вотъ что чаровало въ этой своеобразной поэзіи юнаго Пушкина. Конечно, такова была литературная атмосфера въ домѣ его отца,—таковы были произведенія его и его брата Василія Львовича, атмосфера легко фривольная, пронизанная поверхностнымъ скептицизмомъ. Юноша настолько поддался этому настроенію, что даже въ Вольтерѣ онъ не усмотрѣлъ серьезнаго содержанія, признавъ, что его чтеніе Вольтера «не томило». Оттого серьезная поэзія въ эти счастливые годы претила ему. Такъ, напримѣръ, нашъ поэтъ хотя и «разбиралъ нѣмца Клопштока», но «не могъ понять премудраго»,—вотъ почему онъ боялся «безъ крылъ» парить за Мильтономъ и Камоэнсомъ, не пытался подражать Виргилію, но зато остался въ полномъ восторгѣ отъ поэмы Вольтера «Жанна Орлеанская», назвалъ ее «книжкой славною, золотой и

Мать Пушкина
Надежда Осиповна ПУШКИНА.

Миніатюра на слоновой кости; рисовалъ гр. Кенвье де Местръ.
Собственность Л. Н. Павлищева.
Въ краскахъ здѣсь воспроизводится впервые.

Лит. Н. Кадушина, С. П.Б.

недавненною» и охотно взялся писать ей подражаніе, чувствуя въ себѣ и силъ достаточно и настроеніе соотвѣтственное въ наличности.

Если всѣ отзывы о западной литературѣ и относятся ко времени пребыванія поэта въ Лицеѣ, тѣмъ не менѣе, изъ самого стихотворенія «Городокъ» явствуетъ, что знакомство съ излюбленными авторами началось еще дома. Оттого и первые литературные опыты, относящіеся еще къ періоду домашней жизни, по преимуществу писаны на французскомъ языкѣ и были подражаніями излюбленнымъ произведеніямъ. (См. дальше).

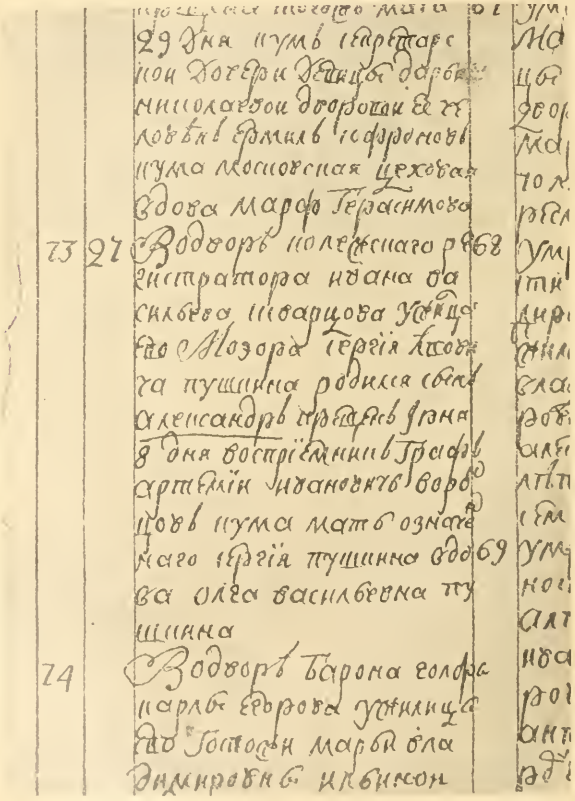
Вѣроятно, въ этой французоманіи поэта сказалось, хотя и косвенно, вліяніе французовъ гувернеровъ. Между ними былъ, напримѣръ, Русло, который имѣлъ претензію писать французскіе стихи не хуже Расина и Корнеля; въ ребенкѣ-поэтѣ этотъ «несносный, капризный самодуръ» едва-ли не видѣлъ счастливаго соперника и злобился на него, вышучивая его произведенія и жалуясь родителямъ на стихоплетство ученика. Какъ бы ни было обидно самолюбивому ребенку такое отношеніе непризнаннаго поэта-гувернера, но примѣръ заразителенъ. А этихъ примѣровъ для мальчика было больше, чѣмъ достаточно, и онъ продолжалъ увлекаться своими французскими стихами... Французоманія московскаго общества, высмѣянная Грибоѣдовымъ, царила и въ домѣ Пушкиныхъ. Поэтъ самъ признавался уже взрослымъ, что французскій языкъ онъ всегда зналъ лучше родного, русскаго. Вотъ почему особенно благотворно было вліяніе старушки и бабушки,—только съ ними, съ прислугой, да со священникомъ въ семьѣ Пушкиныхъ дѣти говорили по-русски. Бабушка Марья Алексѣевна принимала участіе въ занятіяхъ внуковъ и сама обучала ихъ русскому языку. Священникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ преподавалъ имъ Законъ Божій.

Такъ пестро и безпорядочно шло воспитаніе мальчика дома. Съ одной стороны, полное равнодушіе родителей, изрѣдка переходившее въ недоброе высмѣиваніе нелюбимаго ребенка; съ другой стороны, полная свобода саморазвитія безъ системы и безъ контроля, нарушаемая лишь безтолковыми вторженіями разныхъ гувернеровъ въ заѣтный міръ, созданный самимъ одинокимъ ребенкомъ... Случайныя знанія и случайныя впечатлѣнія громоздились безъ системы въ его юномъ умѣ и сердцѣ: добрыя и злыя чувства переплетались въ его душѣ. Его воображеніе, развитое не по лѣтамъ, уже создало ему свой особый міръ поэтическихъ грезъ, куда пестрой чередой собрались и грацюзныя, чувственно-прекрасныя видѣнія «легкой поэзіи» французовъ и этически-спокойные образы народной русской сказки... Мысль ребенка дремала, но чувства уже кипѣли въ его душѣ. «Я былъ рѣзвъ, лѣнивъ и вспыльчивъ, но чувствителенъ и честолюбивъ, и ласкою у меня можно было добиться всего», говорилъ одинъ изъ героевъ Пушкина. Едва-ли это не автобіографическое признаніе. Именно «ласки»-то и недоставало для правильнаго воспитанія сердца поэта. Это замѣчено было многими, знавшими его семейную обстановку. Гр. Каподистрія про него писалъ, что, «исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства», онъ «оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство—страстное желаніе независимости». Въ этомъ отзывѣ много справедливаго. Если поэтъ и склоненъ былъ позднѣе съ благодарностью вспоминать золотые дни своего дѣтства, то это объясняется и его незлопамятностью и тѣмъ, что, благодаря равнодушію родителей, онъ создалъ свой особый міръ, въ которомъ былъ по своему счастливъ. Для родителей онъ былъ чужимъ, и они для него тоже,—слѣдовательно, въ раннемъ дѣтствѣ ему не хватало одного изъ самыхъ существенныхъ воздѣйствій—любви самыхъ близкихъ людей въ свѣтѣ. Немудрено, что онъ стремился только къ тому, чтобы родители и ихъ наемники не вторгались въ его заѣтный міръ, а они не прочь были отдѣлаться отъ ребенка, отличавшагося странностями, «неуемчивостью» (слово няни, не подходившаго къ ихъ образу жизни. Вотъ почему родители готовы были отдѣлаться отъ ребенка, сдавъ его хотя бы даже въ іезуитскій пансіонъ. Къ счастью для поэта, онъ избѣгъ этой школы, попавъ на 12-мъ году жизни въ Александровскій Царскосельскій Лицей. Онъ вступилъ туда ребенкомъ, развившимся не по лѣтамъ, но знавшимъ мало и несистематично. Его душа полна была противорѣчій и порывовъ: съ трогательной любовью къ старой нянѣ и бабушкѣ онъ соединялъ равнодушіе къ родителямъ и злобу къ гувернерамъ и гувернанткамъ. Онъ способенъ былъ восторгаться простотою народной поэзіи, и въ то же время въ его душѣ жили сложныя

«нѣжныя и юношескія чувства», которыя такъ взволновали его при первомъ свиданіи съ нѣвцомъ «Свѣтланы».

Вопреки мнѣнію директора Лицея Энгельгардта, эти чувства не были въ немъ унижены воображеніемъ, осквернепнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, они уживались рядомъ въ его дѣтской душѣ, уже тогда многосторонней и богатой. Но, конечно, въ глаза бросалось прежде всего то, что было неожиданнымъ въ ребенкѣ,—и потому всякаго воспитателя должно было поразить то обстоятельство, что французскую эротическую поэзію при поступленіи въ Лицей онъ зналъ почти наизусть.

В. Сиповскій



МЕТРИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ О РОЖДЕНІИ ПУШКИНА.

Впервые воспроизводится здѣсь по фотографіи, снятой для настоящаго изданія П. К. Остроумовымъ.

1. Комедійки—подражанія Мольеру.

По иронiи судьбы, и внѣшнiй и внутренiй обликъ величайшаго русскаго поэта носитъ на себѣ яркіе слѣды совершенно чуждыхъ русскому національному генію чертъ. По иронiи судьбы, величайшiй русскій поэтъ началъ писать по-французски. И, наконецъ, по той же иронiи судьбы, величайшій русскій эпикъ и лирикъ началъ свою литературную дѣятельность съ совершенно чуждаго его дарованію жанра—съ комедій, которыхъ позднѣе никогда не писалъ. Изъ разсказовъ сестры мы узнаемъ, что «первыя попытки авторства» Пушкина «обнаружились, разумѣется, на французскомъ языкѣ» и «отзывались вліяніемъ знаменитаго комическаго писателя Франціи». Пушкинъ любилъ импровизировать комедійки и, «по общему согласію съ сестрой, устроилъ нѣчто въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ братъ, а публикой—сестра» (Анненковъ, Матеріалы 1855 г., стр. 13).

2. L'Escamoteur.

Одна изъ комедій потерпѣла жестокое фіаско. «Разъ какъ-то публика освистала пьесу L'Escamoteur. Авторъ отдѣлался отъ оскорбленія эпиграммой, сохранившейся доселѣ (1855) въ памяти тогдашняго судьи (т. е. Ольги Сергѣевны):

Dis moi pourquoi L'Escamoteur
Est-il sifflé par le parterre
Hélas—c'est que le pauvre auteur
L'escamota de Molière [1]).

Приводя эти «сладенькіе и легкіе стишки», сообщенные Ольгой Сергѣевной, Анненковъ (Матеріалы, изд. 1855 г., стр. 14) дѣлаетъ вполнѣ правильную оговорку: «нельзя ручаться, чтобы стихи не были нѣсколько измѣнены и отчасти исправлены при передачѣ послѣ столь долгаго времени». Къ этому можно прибавить, что Ольга Сергѣевна сама писала сносные стихи (см. дальше статью «Сестра Пушкина») и «исправленія» были вполнѣ въ ея силахъ.

1) Скажи, за что партеръ освисталъ мою «Похитителя»? Увы! за то, что бѣдняжка-авторъ похитилъ его у Мольера.

3. Подражанія Лафонтену.

ы знаемъ изъ «Городка», что «Ванюша Лафонтенъ» былъ въ числѣ любимыхъ авторовъ Пушкина-мальчика. Вполнѣ правдоподобно поэтому сообщеніе Ольги Сергѣевны, что, «познакомившись съ Лафонтеномъ, Пушкинъ сталъ писать басни» (Анненковъ, Матеріалы, изд. 1855, стр. 14).

4. Поэма «La Tolyade».

ильнѣйшее впечатлѣніе на юнаго Пушкина произвелъ Вольтеръ. Конечно, не Вольтеръ-философъ, а Вольтеръ — авторъ пикантныхъ повѣстей и остроумецъ. Впечатлѣніе глумящагося тона Вольтера настолько живо было воспринято мальчикомъ, что онъ пускается въ пародіи. Якобы подражая Вольтеровской «Генріадѣ», онъ «задумалъ поэму въ 6 пѣснях».

«Содержаніемъ послужила война между карлами и карлицами во времена Дагоберта. Карло послѣдняго, по имени Toly, былъ героемъ ея, почему и вся поэма называется La Tolyade. Стихотворная шутка начиналась такъ:

Je chante ce combat, que Toly remporta,
Où maint guerrier périt, où Paul se signala,
Nicolas Maturin et la belle Nitouche,
Dont la main fut le prix d'une horrible escarmouche [1]).

Все это было во вкусѣ того, что слышалъ Пушкинъ вокругъ себя и чему онъ довольно долго подражалъ. Гувернантка похитила тетрадку поэта и отдала г. Шеделю, жалуясь, что M-r Alexandre за подобными вздорами забываетъ о своихъ урокахъ. Шедель расхохотался при первыхъ стихахъ. Раздраженный авторъ тутъ же бросилъ въ печку свое произведеніе» (Анненковъ, Матеріалы, изд. 1855 г., стр. 14).

Соображенія, высказанныя выше по поводу эпиграммы (см. № 2), конечно, относятся и къ сохранившемуся въ памяти Ольги Сергѣевны началу «Толіады». Возможно и тутъ позднѣйшее приглаживаніе стиховъ.

1) Пою бой, выигранный Толи, гдѣ пало много воиновъ, гдѣ Поль показалъ себя, а также Никола Матюренъ и прекрасная Питушъ, рука которой была наградой страшной схватки.

5. Русскіе стихи ранняго дѣтства.

оволи по трудно допустить, чтобы Пушкинъ, усвоивши въ дѣтствѣ отъ няни своей Арины Родіоновны всю роскошь русской рѣчи, ограничился-бы въ своихъ попыткахъ сочинительства одними французскими стихами и не пытался сочинять по-русски. Однако, прямыхъ и достовѣрныхъ указаній объ этомъ нѣтъ. Вѣрный другъ дѣтства Пушкина и товарищъ всѣхъ его литературныхъ затѣй — Ольга Сергѣевна, со словъ которой Анненковъ далъ свѣдѣнія о первыхъ французскихъ опытахъ, ничего ему не говорила о попыткахъ писанія чего-нибудь на русскомъ языкѣ. Но сохранился нижеслѣдующій разсказъ нѣкоего М. Макарова въ «Современникѣ» 1843 г. Этотъ господинъ, въ общемъ, мало заслуживаетъ довѣрія уже по одному тому, что самъ себя рекомендуетъ какъ человѣка до такой степени разсѣяннаго, что, приходя въ присутствіе, онъ «обыкновенно спрашиваетъ секретаря: а что, какое нынче у насъ число?» Не будучи въ состояніи запомнить число текущаго дня, разсказчикъ, однако, съ мельчайшими подробностями, болѣе чѣмъ черезъ 30 лѣтъ, передаетъ событія одного «майскаго вечера» въ саду графовъ Бутурлиныхъ, жившихъ въ Нѣмецкой Слободѣ бокъ-о-бокъ съ Сергѣемъ Львовичемъ:

«Въ тихій майскій вечеръ мы сидѣли въ московскомъ саду графа Бутурлина; молодой Пуш-

кинъ тутъ же рѣшился, какъ дитя, съ дѣтьми. Извѣстный графъ П... упомянулъ о царѣ стихотвореніи Александрѣ Сергѣевичѣ. Графиня Анна Артемьевна Бутурлина, необыкновенная женщина въ свѣтскомъ обращеніи и привѣтливости, чтобъ какъ-нибудь не огорчить молодого поэта, можетъ быть, нескромнымъ словомъ о его пінтическомъ даръ, обращалась съ похвалою только къ его полезнымъ занятіямъ, но никакъ не хотѣла, чтобъ онъ показывалъ намъ свои стихи; зато множество живущихъ у графини молодыхъ дѣвушекъ, иностранокъ и русскихъ, почти тутъ же окружили Пушкина съ своими альбомами и просили, чтобъ онъ написалъ для нихъ хоть что-нибудь. Цвѣтъ-дитя смѣшался. Цѣкто XX, желая поправить его замѣшательство, прочелъ дѣтскій катренъ поэта и прочелъ по-своему, какъ замѣтили тогда, по образцу высокой рѣчи на *о*. Александръ Сергѣевичъ успѣлъ только сказать: ah! mon Dieu—и выбѣжалъ.

Я нашелъ его въ огромной библіотекѣ графа Дмитрія Петровича; онъ разглядывалъ затылки сафьянныхъ фоліантовъ и былъ очень недоволенъ собою. Я подошелъ къ нему и что-то сказалъ о книгахъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ: повѣрите ли, этотъ XX такъ меня озадачилъ, что я не понимаю даже и книжныхъ заглавій.

Вошелъ графъ Дмитрій Петровичъ съ дѣтьми, чтобы показать имъ картинки какого-то фоліанта. Пушкинъ присоединился къ нимъ, но очень скоро ушелъ домой». «Современникъ», 1843 г., т. XXIX, стр. 180—81, ст. М. Макарова. Пушкинъ въ дѣтствѣ.

При всей недостовѣрности этого разсказа, трудно, однако, усмотрѣть тутъ одну голословную выдумку. Впечатлѣнія абсолютнаго нраванья воспоминанія добродушнаго старичка не производятъ. И если они подтверждаютъ несомнѣнный фактъ, что уже въ родительскомъ домѣ за мальчикомъ установилась репутація стихотворца, то деталь съ чтеніемъ на *о* (если, конечно, она не сочинена) указываетъ, что писалъ онъ не только по-французски, но и по-русски.

С. Венеровъ.

ВИДЪ НА ЛИЦЕЙ СЪ САДОВОЙ УЛИЦЫ.
Съ рѣдкой, временъ пребыванія Пушкина въ Лицеѣ, литографіи Мартынова изъ коллекціи Е. Е. Рейтерна.

ПУШКИНЪ ВЪ ЛИЦЕѢ.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ...
«Евгеній Онѣгинъ», 8, I.

При изученіи жизни и творчества Пушкина нельзя не удѣлить значительную долю вниманія той средѣ, въ которой онъ провелъ шесть лѣтъ, которая имѣла на него большое вліяніе и играла важную роль въ дѣлѣ его развитія. Какъ бы ни была сильна и богата дѣтская натура, отъ окружающей среды и особенно школы зависитъ направить ее въ ту или другую сторону, дать ей возможность окрѣпнуть и расцвѣсти или, наоборотъ, подавить прекрасные задатки и не дать имъ роста. Въ наши дни, когда еще далеко не сокрушенъ мертвый строй школы, колеблющій характеръ и туманящій умъ учащихся, когда человѣкъ, вышедшій изъ школы не до конца изуродованнымъ, вспоминаетъ о ней съ проклятіемъ и презрѣніемъ, необычно и какъ-то даже странно читать тѣ полные свѣтлаго, умиленнаго чувства и глубокой благодарности воспоминанія, которыя вынесли изъ Царскосельскаго лицея его первые питомцы и въ числѣ ихъ—одаривши лицей своею славою Пушкинъ. Великаго поэта соединяли съ лицеемъ не только живыя и полныя впечатлѣнія дѣтства и первоначальной юности, но и та крѣпкая, неразрывная связь, которая создается только благотворнымъ воздѣйствіемъ здоровой воспитывающей среды на воспріимчивую и отзывчивую душу. Значеніе лицея въ жизни Пушкина лучше всего опредѣляется словами самого поэта, поставленными здѣсь въ качествѣ эпиграфа. Не всякой юности дань безмятежный расцвѣтъ на просторѣ кудрявыхъ садовъ...

Изъ родительскаго дома, гдѣ дѣти воспитывались, какъ водилось и еще теперь у многихъ водится, безпорядочно и кое-какъ, Пушкинъ попалъ въ Царскосельскій лицей. Это учебное заведеніе не имѣло подобныхъ себѣ по типу въ Россіи. Благородное дворянство избѣгало гимназій и

семинаріи, какъ «разночинныхъ» заведеній: московскій благородный пансіонъ (при университетѣ) и іезуитскій пансіонъ въ Петербургѣ привлекали много дворянской молодежи. Большая часть юношества находилась на рукахъ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, противъ которыхъ уже начиналась въ первомъ десятилѣтіи XIX вѣка реакція, къ тому же усиленная обострившимися отношеніями съ Франціей. Потребность въ образованныхъ лицахъ была значительна: два тогдашнихъ университета стояли очень невысоко; государство ощущало необходимость въ образованныхъ чиновникахъ, и правительство желало привлечь людей изъ лучшихъ дворянскихъ семействъ на гражданскую службу. При такихъ условіяхъ возникъ проектъ основанія лицея [1]). Въ началѣ 1810 г. императоръ Александръ Павловичъ поручилъ только что назначенному министру народнаго просвѣщенія графу А. К. Разумовскому проектъ основанія лицея въ Царскомъ Селѣ, какъ тогда еще называлось Царское, съ цѣлью «образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной и составленнаго изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій». По преданію, проектъ былъ написанъ воспитателемъ государя Лагарпомъ. Разбирая этотъ проектъ во всеподданнѣйшей запискѣ, Разумовскій находилъ, что «знанія, всякому благовоспитанному юношѣ приличныя, надлежитъ различать отъ наукъ, въ особенности нужныхъ только нѣкотораго состоянія людямъ», что незачѣмъ будущимъ судьямъ, министрамъ и дипломатамъ учиться, какъ было предположено въ проектѣ, химіи, астрономіи и «другимъ отвлеченнѣйшимъ частямъ математики», что «исторія мнѣній философскихъ о душѣ, идеяхъ и мірѣ, большею частію нелѣпыхъ и противорѣчащихъ между собою, не озаритъ ума полезными истинами, но помрачитъ заблужденіями и недоумѣніями», и что «естественную исторію, нарочитымъ образомъ и въ обширности, преподавать такому роду юношества, котораго воспитаніе имѣетъ другое, а не ученое назначеніе, излишне». Изгоняя изъ измѣненной программы предметы философски-гуманитарнаго характера и сообщая ей, такимъ образомъ, чисто-прикладное значеніе, министръ усматривалъ, что «множество и важность предметовъ, которымъ воспитанники лицея должны учиться, также не соображены ни съ возрастомъ, ни со временемъ, которое они пробыть должны въ семъ учрежденіи», и что, если даже кто-нибудь и успѣетъ одолѣть эту сложную программу, то «получитъ обо всемъ понятія смѣшанныя, скорospѣлыя, кои такового многовѣда сдѣлаютъ скорѣе неспознымъ и вреднымъ педантомъ, нежели основательнымъ знатокомъ». Забраковавъ, такимъ образомъ, богатый и разносторонній первоначальный проектъ, гр. Разумовскій рѣшилъ составить свой, который подвергся обсужденію государя и былъ имъ принятъ. Рѣшено было уравнять лицей съ университетами, подчинить его непосредственному вѣдѣнію министра народнаго просвѣщенія, принять въ него отъ 20 до 50 воспитанниковъ. Новый проектъ былъ написанъ директоромъ департамента мин. нар. просв. П. П. Мартыновымъ, при содѣйствіи тогдашняго государственнаго секретаря, впослѣдствіи знаменитаго графа М. М. Сперанскаго [1]). 12 августа 1810 г. было высочайше утверждено «Постановленіе о Лицеѣ», обнародованное лишь 11 января 1811 г. Программа, состоявшая «изъ предметовъ, приличныхъ важнымъ частямъ государственной службы и необходимо нужныхъ для благовоспитаннаго юноши», была раздѣлена на два курса, «начальный» и «окончательный», которые продолжались каждый по три года (три класса). Предметы начальнаго курса были: «1) грамматическое изученіе языковъ: россійскаго, латинскаго, французскаго и нѣмецкаго; 2) науки нравственныя: первоначальное основаніе закона Божія, нравственной философіи и логики; 3) науки математическія и физическія: ариѳметика, начиная съ тройного правила, часть алгебры, тригонометрія прямолинейная и начало физики; 4) науки историческія: исторія россійская и иностранная, географія и хронологія; 5) первоначальныя основанія изящныхъ письменъ: избранныя мѣста изъ лучшихъ писателей, съ разборомъ оныхъ и правила риторики; 6) изящныя искусства и гимнастическія упражненія: чистописаніе, рисованіе, танцованіе, фехтованіе, верховая ѣзда, плаваніе». На «окончательномъ» же курсѣ должны были пре-

1) В. Селезневъ, «Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго Лицея за первое его пятидесятилѣтіе», СПб., 1861, стр. 3—8.

1) Селезневъ, 8.—В. К. Гротъ. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», изд. 2-ое, СПб., 1899, стр. 222.

ЛИЦЕЙ И ДИРЕКТОРСКІЙ ДОМЪ.

Со старинной литографіи. Лицей занималъ правый флигель дворца.

подаваться науки нравственныя, физическія, математическія, историческія, словесныя, изящныя искусства и гимнастическія упражненія и даже понятія о гражданской архитектурѣ и перспективѣ, если позволитъ время. Во главѣ лицея былъ поставленъ директоръ; два надзирателя (инспектора) должны были завѣдывать—одинъ учебно-воспитательнымъ дѣломъ, а другой—хозяйствомъ. Преподаватели дѣлились на профессоровъ, адъюнктовъ и учителей: профессора составляли конференцію, состоявшую подъ предсѣдательствомъ директора; помощниками надзирателей были гувернеры. 9 іюля 1811 г. графъ Разумовскій прослалъ государя даровать лицею грамоту; 22 сентября была подписана высочайше пожалованная грамота. Помѣщеніе для лицея было отведено при царскосельскомъ дворцѣ, въ той его части, которую занимали малолѣтніе великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи, съ тою цѣлью, чтобы братья императора могли быть воспитаны среди сверстниковъ. Намѣреніе это не осуществилось, и великіе князья въ лицей не поступили [1]).

19 октября 1811 г. послѣдовало открытіе лицея въ присутствіи государя, обѣихъ государынь, министровъ, сенаторовъ, членовъ синода и государственнаго совѣта и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Была прочитана данная лицею грамота. «Нынѣ отверзаемъ новое святилище наукъ!»—говорилось въ ней отъ имени государя,—«Нѣкоторое число отличнѣйшаго по талантамъ и нравственнымъ качествамъ юношества мы желали предназначить особенно къ важнымъ частямъ государственной службы, а для образованія его способностей собрать оное въ сіе святилище; сюда призвали науки и искусства, наиболѣе соотвѣтствующія назначенію юношества, имѣющаго въ немъ воспитываться. Склонности и познанія, здѣсь пріобрѣтенныя, рѣшатъ, какой путь потомъ оно избрать должно къ ознаменованію себя истинными сынами отечества... Мы ожидаемъ, что юношество займетъ здѣсь превосходныя познанія въ наукахъ, благородѣйшее движеніе отечественной любви, чистѣйшую нравственность, къ чести сего заведенія, къ пользѣ отечества и собственной и къ удовольствію нашему». Директоръ лицея В. Ѳ. Малиновскій въ краткой рѣчи объявилъ отъ имени всѣхъ служащихъ въ лицеѣ «каждую минуту жизни нашей, всѣ силы и способности наши принести на пользу сего новаго вертограда». Профессоръ русской и латинской словесности и конференцъ-секретарь П. Ѳ. Кошанскій назвалъ поименно всѣхъ служащихъ въ лицеѣ и всѣхъ воспитанниковъ, которые тутъ же представились государю. Молодой адъюнктъ-профессоръ А. П. Куницынъ произнесъ довольно напыщенное «наставленіе воспитанникамъ». «Отечество»—обращался къ нимъ ораторъ—«пріемлетъ на себя обязанность быть блюстителемъ воспитанія вашего, дабы тѣмъ сильнѣе дѣйствовать на образованіе вашихъ нравовъ; его нѣжныя старанія возбудятъ въ васъ чувство благодарности; ревность къ наукамъ ознаменуетъ вашу признательность. Здѣсь сообщены будутъ вамъ свѣдѣнія, нужныя для гражданина, необходимыя для государственнаго человѣка, полезныя для воина... Но познанія ваши должны быть несравненно обширнѣе, ибо вы будете имѣть непосредственное вліяніе на благо цѣлаго общества... Главнымъ основаніемъ вашихъ познаній должна быть истинная добродѣтель. Среди сихъ пустынныхъ лѣсовъ, внимавшихъ нѣкогда побѣдоносному россійскому воинству, вамъ повѣданы будутъ славныя дѣла героевъ, поражавшихъ враждебные строи. На сихъ зыбкихъ равнинахъ вамъ показаны будутъ яркіе слѣды вашихъ родоначальниковъ, которые стремились на защиту царя и отечества. Окруженные примѣрами добродѣтели, вы ли не воспламенитесь къ ней любовію? Вы ли не будете приготовляться служить отечеству?.. Сладкая надежда родителей! Вы ли не устранитесь быть послѣдними въ вашемъ родѣ? Вы ли захотите смѣшаться съ толпою людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглощаемыхъ волнами забвенія? Нѣтъ! да не развратитъ мысль сія вашего воображенія!» [2]) Нѣтъ сомнѣнія, что «сладкая надежда родителей» немногое вынесла изъ пересахаренной и высокопарной рѣчи восторженнаго официальнаго оратора, которая, конечно, была ниже пониманія поступавшихъ въ лицей мальчиковъ; но государь остался ею очень доволенъ, и Куницынъ въ тотъ же день получилъ орденъ. Въ числѣ зачисленныхъ въ лицей

1) Гротъ, ibid, 222—223.—Л. Н. Майковъ. «Пушкинъ», СПб., 1899, стр. 51.

2) Селединъ, ibid, 18—23.

ВИДЪ НА ЛИЦЕЙ, СО СТОРОНЫ ГЛАВНАГО ВХОДА.

На лѣво Лицейскій садъ и Лицейская (Знаменская) церковь.
(Фотогпнія 1880 года).

тридцати воспитанниковъ былъ Пушкинъ. Еще въ мартѣ 1811 г., задолго до появленія публикаціи о пріемѣ учениковъ въ лицей, напечатанной въ іюнѣ, отецъ его подалъ прошеніе объ его опредѣленіи, и въ концѣ лѣта дядя поэта, Василій Львовичъ, повезъ своего племянника изъ Москвы въ Петербургъ. Первоначальное предположеніе Пушкиныхъ отдать своего сына въ іезуитскій коллегіумъ было оставлено, и при содѣйствіи А. И. Тургенева имъ удалось опредѣлить его въ новооткрываемый лицей. 12 августа онъ выдержалъ вступительный экзаменъ, а въ октябрѣ уже переселился въ лицей, въ отведенную ему комнату № 14, которую онъ не разъ называетъ своею «кельей». «Для лицея»— разсказываетъ въ своихъ запискахъ товарищъ Пушкина декабристъ И. И. Пущинъ [1])— «отведенъ былъ огромный четырехъ-этажный флигель дворца, со всѣми принадлежащими къ нему строеніями. Въ нижнемъ этажѣ помѣщалось хозяйственное управленіе и квартиры инспектора, гувернеровъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, служащихъ при лицеѣ; во второмъ—столовая, больница съ аптекой и конференцъ-зала съ канцеляріей: въ третьемъ—рекреаціонная зала, классы (два съ каѳедрами, одинъ для занятій воспитанниковъ послѣ лекцій), физическій кабинетъ, комната для газетъ и журналовъ и библіотека въ аркѣ, соединяющей лицей съ дворцомъ черезъ хоры придворной церкви; въ верхнемъ—дортуары. Для нихъ, на протяженіи вдоль всего строенія, во внутреннихъ поперечныхъ стѣнахъ прорублены были арки. Такимъ образомъ образовался корридоръ, съ лѣстницами на двухъ концахъ, въ которомъ съ обѣихъ сторонъ перегородками отдѣлены были комнаты: всего пятьдесятъ нумеровъ. Въ каждой комнатѣ—желѣзная кровать, комодъ, конторка, зеркало, стулъ, столъ для умыванія, вмѣстѣ и ночной. На конторкѣ—чернильница и подсвѣчникъ со щипцами. Во всѣхъ этажахъ и на лѣстницахъ было освѣщеніе ламповое: въ двухъ среднихъ этажахъ паркетные полы. Въ залѣ зеркала во всю стѣну, мебель штофная». Ясно, что, говоря объ убожествѣ своей комнаты въ посланіи «Къ сестрѣ» 1814 г., Пушкинъ удалился отъ дѣйствительности, описывая въ такихъ словахъ свою будтобы «темную келью»:

Стулъ ветхій, необитый
И шаткая постель,
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль—
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу, пробудясь.

Прозаическое описаніе, оставленное Пущинымъ, говоритъ о «роскоши помѣщенія и содержанія» въ лицеѣ, который, «былъ такъ устроенъ, что по возможности въ немъ были соединены всѣ удобства домашняго быта съ требованіями общественнаго учебнаго заведенія». Воспитательно-учебная часть въ лицеѣ была поставлена довольно слабо. Мальчики въ возрастѣ отъ 10 до 14 лѣтъ, вступившіе въ лицей съ самыми ничтожными знаніями, должны были въ теченіе шести лѣтъ стать чуть не настоящими учеными, пройдя ту программу, о которой мы уже говорили выше. На самомъ дѣлѣ программныя предначертанія выполнялись довольно скромно. Въ курсъ входили такіе предметы, какъ «основанія хронологіи», «главныя понятія о нумизматикѣ»: предполагалось учить лицеистовъ гидравликѣ, артиллеріи и фортификаціи. Въ дѣйствительности же преподаваніе шло шатко и неровно. Вотъ что говоритъ о немъ лицеистъ I выпуска, товарищъ Пушкина баронъ М. А. Корфъ [1]): «намъ нужны были сперва начальные учители, а дали тотчасъ профессоровъ, которые, притомъ, сами никогда ничѣмъ еще не преподавали. Насъ надобно было раздѣлить по лѣтамъ и по занятіямъ на классы, а посадили всѣхъ вмѣстѣ и читали, напримѣръ, нѣмецкую литературу тому, кто едва зналъ нѣмецкую азбуку. Насъ по крайней мѣрѣ въ послѣдніе три года— надлежало спеціально приготовлять къ будущему нашему назначенію, а вмѣсто того до самаго конца для всѣхъ продолжался какой-то общій курсъ, полугимназическій и полууниверситетскій, обо всемъ на свѣтѣ: математика съ дифференціалами и интегралами, астрономія въ широкомъ размѣрѣ, церковная исторія, даже высшее богословіе—все это занимало у насъ столько же, иногда и болѣе времени, нежели пра-

1) Майковъ, ibid., 31—32. По этой книгѣ цитируются всѣ показанія Пущина о лицеѣ и о Пушкинѣ, заключающіяся въ его «запискахъ» (стр. 43—69).

1) Всѣ показанія Корфа, цитируемыя въ настоящей статьѣ, извлечены изъ его «записки», составленной для П. В. Анненкова, напечатанной въ книгѣ Грота «Пушкинъ» стр. 222—251.

ЛИЦЕЙСКІЙ ЗАЛЪ.

Рисунокъ Бореля въ «Памятной книжкѣ Александровскаго Лицея на 1856—57 годъ». Повидимому, въ юношѣ, сидящемъ на стулѣ, художникъ хотѣлъ изобразить Пушкина.

вовѣдѣніе и другія науки политическія. Лицей былъ въ то время не университетомъ, не гимназіею, не начальнымъ училищемъ, а какой-то безобразною смѣсью всего этого вмѣстѣ, и, смѣю думать, онъ былъ заведеніемъ, несоотвѣтствовавшимъ ни своей особенной, ни вообще какой-нибудь цѣли... Кто не хотѣлъ учиться, тотъ могъ предаваться самой изысканной лѣни, но кто и хотѣлъ, тому немного открывалось способовъ, при неопытности, неспособности или равнодушіи большей части преподавателей, которые столь же далеки были отъ исполненія устава, сколько и вообще отъ всякой раціональной системы преподаванія». Рѣзкость нарисованной Корфомъ картины положенія учебнаго дѣла нѣсколько смягчается, если вспомнить, какова была вообще русская педагогія въ тѣ времена, какъ плохо было поставлено преподаваніе въ университетахъ, и какъ далеко еще оно отъ идеала и въ наши дни. Лицей былъ дѣтищемъ бюрократіи, но сама бюрократія начала царствованія Александра I не была еще тѣмъ не только чуждымъ, но даже враждебнымъ народу классомъ, какимъ за-

стала ее наша эпоха. Вотъ почему, все-таки, это учебное заведеніе дало кое-что Пушкину. Невеликъ былъ, правда, запасъ знаній, пріобрѣтенныхъ первыми лицеистами на лонѣ своей almae matris, но лицей, въ противоположность русской школѣ конца XIX вѣка, былъ все-же матерью, а не мачехой своимъ питомцамъ. Конечно, главнымъ образомъ молодежь старались воспитывать въ духѣ преданности престолу, но это воспитаніе не было проникнуто тѣмъ лицемѣрнымъ политиканствомъ, которое такъ долго отравляло впослѣдствіи духъ русской школы. Въ лицеѣ, хоть и недостаточно можетъ быть, но все-таки учили правовѣдѣнію, политической экономіи, этикѣ, эстетикѣ. Талантливый и свѣжій А. И. Куницынъ читалъ нравственныя науки: полный курсъ его лекцій заключалъ въ себѣ логику, психологію, этику, естественное право частное и публичное, «народное» право (т. е. международное), русское гражданское, уголовное и публичное право, женское право, финансовое право и политическую экономію. О духѣ его лекцій можно судить по извѣстной исторіи 1820 г. Его учебникъ естественнаго права подвергся ожесточенному гоненію въ эпоху пресловутыхъ мракобѣсцевъ Магницкаго и Рунича. Было рѣшено «не принятымъ въ сей книгѣ за основаніе ложнымъ началамъ и выводимому изъ нихъ весьма вредному ученію, противорѣчащему истинамъ христіанства, и клонящимся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ, книгу сію, какъ вредную, запретить повсюду въ преподаваніи по ней и притомъ принять мѣры къ прекращенію во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ преподаванія естественнаго права по началамъ столь разрушительнымъ, каковы оказались въ книгѣ г. Куницына» [1]. Конечно, Куницынъ по одному недостатку времени не могъ читать своего многосторонняго курса такъ, какъ-бы слѣдовало, но кое-какія научныя понятія и честныя мысли онъ успѣлъ передать своимъ ученикамъ. Пушкинъ опредѣлилъ его заслугу словами:

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень;
Поставилъ намъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена...

Русскій языкъ и словесность и латинскій языкъ читалъ такой солидный преподаватель, какъ П. Ѳ. Кошанскій. Если Пушкинъ былъ правъ, пренебретая критическими отзывами этого человѣка, воспитаннаго въ старинныхъ литературныхъ вкусахъ, о произведеніяхъ лицейскихъ авторовъ, и въ справедливомъ сознаніи своего таланта писалъ ему: «не нужны мнѣ, повѣрь, уроки твоей учености сухой», то все-же ему, несомнѣнно, были очень полезны въ другихъ отношеніяхъ уроки ученаго Кошанскаго (см. дальше этюдъ о К. при стихотвореніи «Моему Аристарху»). Временно замѣщавшій его по болѣзни, А. П. Галичъ былъ, по близорукому пониманію Корфа, «предобрый, но презабавный чудакъ», котораго ученики «очень любили за почти младенческое простосердечіе и добродушіе». Въ дѣйствительности, Галичъ былъ человѣкъ очень умный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, веселый и острякъ; съ лицеистами онъ сталъ на товарищескую ногу, бесѣдовалъ съ ними, принималъ ихъ у себя. Въ классѣ онъ часто замѣнялъ урокъ чтеніемъ какой-нибудь полезной книги. О характерѣ его сношеній съ лицеистами внѣ класса было бы неосторожно судить только по тону посланій къ нему Пушкина, который называетъ его «вѣрнымъ другомъ бокала и разныхъ утреннихъ пировъ», «любовникомъ наслажденья» и вспоминаетъ о веселыхъ вечерахъ, проведенныхъ лицеистами за уставленнымъ бутылками столомъ въ обществѣ «любезнаго мудреца». Вліяніе Галича, несомнѣнно, было глубже (ср. дальше статью Э. Л. Радлова). Учитель исторіи П. П. Кайдановъ позднѣе сталъ предметомъ жестокаго вышучиванія со стороны Вѣлинскаго за свои напичканные учебники, но въ 1810-хъ годахъ онъ считался однимъ изъ лучшихъ преподавателей. Вообще въ лицеѣ старались собрать лучшія педагогическія силы.

Особеннаго нашего вниманія заслуживаетъ постановка въ лицеѣ преподаванія русскаго языка и родной литературы. «Словесность или изящныя письмена» преподавались всѣ шесть лѣтъ лицейскаго курса, съ перваго года до послѣдняго. Въ первые три года читались и вытверживались наизусть избранныя мѣста изъ одъ Ломоносова, Державина, басенъ Хемницера, Дмитріева, изучалась теорія словесности и писались «краткія повѣствованія» и сочиненія «простымъ повѣствовательнымъ слогомъ и слогомъ писемъ». Во второмъ трехлѣтіи, на «окончательномъ» курсѣ читались «славяноруссійскія сочиненія», эстетика, исторія изящныхъ искусствъ. Французскій языкъ и словесность читалъ Л. П. де Будри, родной братъ Марата. По отзыву Корфа онъ,

1 Сочиненія, ibid., 125—126. Ср. Сухомлиновъ, Изслѣдованія т. I.

„ГРИБОКЪ" ВЪ ЛИЦЕЙСКОМЪ САДУ.

Съ акварели, рисованной однимъ изъ лицеистовъ (изъ бумагъ Я. К. Грота, теперь собственность К. Я. Грота).

«одинъ изъ всѣхъ наставниковъ, вполнѣ понималъ свое призваніе и, какъ человѣкъ въ высшей степени практическій, наиболѣе способствовалъ нашему развитію не въ одномъ познаніи французскаго языка. Онъ дѣйствовалъ непосредственно и постоянно на высшую и важнѣйшую способность, способность правильнаго мышленія, а черезъ нее и на другую способность: логическаго, складнаго и отчетливаго выраженія мыслей словомъ... Каждый изъ насъ, конечно, отдастъ полную справедливость благотворному вліянію, которое онъ имѣлъ на наше образованіе».

Внутренній режимъ лицея не отличался суровостью. «Вставали мы» — разсказываетъ Пущинъ — «по звонку въ шесть часовъ. Одѣвались, шли на молитву въ залу. Отъ 7 до 9 часовъ — классъ: въ 9 — чай: прогулка — до 10: отъ 10-ти до 12-ти — классъ: отъ 12 до часу — прогулка: въ часъ — обѣдъ: отъ 2 до 3 — или чистописаніе, или рисованіе: отъ 3 до 5 — классъ: въ 5 часовъ — чай: до 6 — прогулка: потомъ — повтореніе уроковъ или вспомогательный классъ. По середамъ и субботамъ — танцованье или фехтованье. Каждую субботу — баня. Въ половинѣ 9 часа — звонокъ къ ужину, послѣ ужина до 10 часовъ — рекреація. Въ 10 — вечерняя молитва, сонъ. Форма одежды сначала была стѣснительна. По будиямъ — синіе сюртуки съ красными воротниками и брюки того же цвѣта: это бы ничего, но зато по праздникамъ мундиръ синяго сукна съ краснымъ воротникомъ, шитымъ петлицами: серебряными въ первомъ курсѣ, золотыми — во второмъ), бѣлыя панталоны, бѣлый жилетъ, бѣлый галстукъ, ботфорты, треугольная шляпа — въ церковь и на гулянье. Въ этомъ нарядѣ оставались до обѣда. Неуклюжая эта форма, отпечатокъ того времени, постепенно уничтожалась: брошены ботфорты, бѣлыя панталоны и бѣлые жилеты замѣнены синими брюками съ жилетами того же цвѣта: фуражка вытѣснила совершенно шляпу, которая надѣвалась нами только, когда учились фронту въ гвардейскомъ образцовомъ батальонѣ». Всѣ три гулянья: утреннее, полученное и вечернее, входили въ программу задумашныхъ, но не осуществленныхъ Пушкинымъ въ лицеѣ «Картинъ Царскаго Села». Довольно значитель-

ная свобода для лицеистовъ сначала не простиралась дальше лицейскихъ стѣнъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ открытія его воспитанникамъ было объявлено распоряженіе министра, которымъ имъ было запрещено выѣзжать изъ лицея, а родными ихъ позволялось бывать въ лицеѣ только по праздникамъ. «Мы призадумались», —вспоминаетъ Пущинъ о впечатлѣніи, произведенномъ на лицеистовъ этой неожиданностью,—«молча посмотрѣли мы другъ на друга, потомъ начались между нами толки и даже разсужденія о незаконности такой мѣры стѣсненія, не бывшей у насъ въ виду при поступленіи въ лицей. Разумѣется, временное это волненіе прошло, какъ проходитъ постепенно все, особенно въ тѣ годы; теперь, разбирая безпристрастно это непріятное тогда намъ распоряженіе, невольно сознаешь, что въ немъ-то и зародышъ той неразрывной, отрадной связи, которая соединяетъ первокурсныхъ лицея».

Пушкина навѣщали въ лицеѣ его родные; въ 1815 г. его навѣстили отецъ и мать, какъ видно изъ его лицейскихъ записокъ. «Во всѣ шесть лѣтъ», — разсказываетъ Корфъ,—«насъ не пускали изъ Царскаго Села, и изъятіе было сдѣлано для двухъ или трехъ только по случаю и во время тяжкой болѣзни ихъ родителей». Впрочемъ, можно думать, что Пушкинъ былъ однажды въ отпуску, судя по его элегіи «Опять я вашъ, о юные друзья!», въ которой онъ обращается къ товарищамъ со словами:

Печальные сокрылись дни разлуки,
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвый кругъ увидѣлъ снова я...

Кое-какія свѣдѣнія о лицейскомъ режимѣ находимъ въ одномъ изъ писемъ лицеиста А. Д. Илличевскаго къ своему прежнему гимназическому товарищу П. П. Фуссу [1]: «благодаря Бога, у насъ царствуетъ съ одной стороны свобода (а свобода дѣло золотое). Цѣлъ скучнаго заведенія сидѣть à ses places; въ классахъ бываемъ недолго: 7 часовъ въ день; большихъ уроковъ не имѣемъ; лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою — въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ, съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся». Въ другомъ письмѣ Илличевскій сообщаетъ другу, что въ лицеѣ получаются всѣ журналы [1]. Неограниченное пользованіе книгами и журналами безъ всякаго начальственнаго контроля, своя библіотечная комната—одна изъ лучшихъ сторонъ лицея временъ Пушкина. Куда вольготнѣе жилось въ этомъ отношеніи лицеистамъ, чѣмъ позднѣйшимъ школьнымъ поколѣніямъ, когда приходилось читать тайкомъ новые журналы и газеты и когда безнощадно пзгоняли за чтеніе Некрасова и Добролюбова.

Стоитъ замѣтить, что въ лицеѣ, какъ могли, воспитывали: ни оставленія воспитанниковъ «на второй годъ», ни увольненія не знали. Изъ тридцати первыхъ лицеистовъ не окончилъ курса только одинъ: его пришлось удалить за проявленіе такой порочной наклонности, которая была особенно нетерпима въ закрытомъ учебномъ заведеніи. Тотъ же Корфъ, который строго отнесся къ лицейскому преподаванію, писалъ: «мы мало учились въ классахъ, но много въ чтеніи и въ бесѣдѣ, при безпрестанномъ треніи умовъ, при совершенномъ отсѣченіи отъ насъ всякаго внѣшняго разсѣянія».

Отъ другихъ учебныхъ заведеній лицей много лѣтъ почетно отличался тѣмъ, что въ немъ не примѣнялись тѣлесныя наказанія, о которыхъ совершенно умалчивало лицейское «Постановленіе» и на которыхъ вертѣлось тогдашнее воспитаніе. Обращеніе съ воспитанниками было самое вѣжливое; учителя и гувернеры звали ихъ по фамиліи, съ прибавленіемъ слова «господинъ». Въ нихъ старались развивать чувства собственнаго достоинства и уваженія къ личности другого. Имъ было внушено, что «всѣ воспитанники равны, и потому никто не можетъ презирать другихъ или гордиться передъ прочими чѣмъ бы то ни было»; что начальнику нужно всегда говорить правду, «ибо лгать передъ нимъ значитъ не уважать его». Запрещалось кричать на дядекъ или бранить ихъ, хотя бы они были собственными крѣпостными воспитанниковъ. Наказанія за лѣность и дурное поведеніе состояли въ томъ, что виновнаго сажали въ столовой за особый столъ, отдѣльно отъ товарищей: имена лѣнтяевъ украшали собою черную доску; иногда провинившагося оставляли на хлѣбѣ и водѣ (впрочемъ, не

[1] Гротъ, ibid., 59.

[1] Гротъ. ibid., 61.

долѣе двухъ дней, а въ самыхъ важныхъ случаяхъ полагалось «уединенное заключеніе», въ которомъ заключеннаго навѣщаетъ директоръ для «приличныхъ увѣщаній» и которое не могло длиться больше трехъ дней; дурной баллъ и запись въ книгу наказаній завершали эту лѣстницу наказаній, налагаемыхъ лицейскимъ кодексомъ.

Съ перваго же года своего пребыванія въ лицеѣ воспитанники занялись устройствомъ домашнихъ спектаклей. Въ вывороченныхъ на изнанку шинеляхъ, при самой примитивной обстановкѣ, воспитанники играли вызванную войною пьесу «Ополченіе», «Новаго Стерна» князя А. А. Шаховскаго и пьесы своего гувернера, чудака А. П. Пономарева [1]. Одинъ спектакль лицеисты поставили 30 августа 1812 г., въ день именинъ государя; министръ, узнавъ объ этомъ, былъ очень недоволенъ, и спектакли были воспрещены [2], — чтобы воспитанники не отвлекались отъ занятій, пока не «привыкнутъ къ строгому исполненію своихъ обязанностей». Впослѣдствіи театръ опять былъ разрѣшенъ, и въ 1815 г. представленія ставились съ декораціями, писанными придворнымъ живописцемъ Брюнн. Лицеисты играли русскія и французскія пьесы; одну изъ послѣднихъ очень курьезно передѣлалъ Будри, обративъ всѣ женскія роли въ мужскія и, «приличія» ради, превративъ любовниковъ въ друзей. Былъ въ Царскомъ Селѣ и театръ, устроенный однимъ любителемъ, графомъ В. В. Толстымъ. По разсказу В. П. Гаевскаго, «лицеисты посѣщали его спектакли, на которыхъ, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однако-

Ѳ. М. ГАУЭНШИЛЬДЪ, второй директоръ Лицея.

Литографія съ рис. О. Кипренскаго.

жъ, была плохою актрисою» [3]. Пушкинъ оцѣнилъ по достоинству и ея наружность, и ея игру (см. «Къ молодой актрисѣ»).

Помимо вліяній литературныхъ наклонностей нѣкоторыхъ воспитанниковъ, вынесенныхъ ими еще изъ родительскаго дома, и вообще царившихъ еще тогда въ обществѣ литературныхъ влеченій лицейская молодежь почти поголовно занялась сочинительствомъ. Во главѣ, конечно, шелъ Пушкинъ. 3-го декабря 1811 г. вышелъ первый № перваго извѣстнаго намъ лицейскаго журнала «Вѣстникъ» (есть предположеніе, что и раньше были такія же попытки; издателемъ былъ Корсаковъ. Либерализмъ лицейскаго воспитанія сослужилъ здѣсь хорошую службу: начальство не только не преслѣдовало увлеченія воспитанниковъ, но даже поощряло его. Правда, имъ было запрещено «сочинять», какъ писалъ Пилячевскій Фуссу [2], но вскорѣ запрещеніе было снято, и лицейская журналистика процвѣтала благополучно. Въ 1812 г. появились уже два журнала: «Для удовольствія и пользы», продолжавшійся и въ слѣдующемъ году, и «Неопытное перо», въ числѣ издателей и сотрудниковъ котораго былъ Пушкинъ. Недолго существовали эти журналы и прекратились. Въ 1813 г. появился новый журналъ — «Юные пловцы», въ которомъ также участвовалъ Пушкинъ. Въ томъ же году сталъ выходить «Лицейскій мудрецъ», просуществовавшій съ перерывами до конца 1816 года. Издавался карикатурный журналъ. Кромѣ журналовъ, въ лицеѣ составлялись рукописные сборники. Такъ, Пилячевскій собралъ «Лицейскую антологію». Пушкинъ собралъ цѣлую тетрадь стиховъ, большая часть которыхъ написана на бѣдную Кюхельбекера, эту вѣчную жертву товарищескихъ насмѣшекъ, почти

1 В. П. Гаевскій, Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія. Современникъ 1853 г., іюль, 137—138.

2 В. А. Пилячикъ. Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина». Спб. 1903. стр. 326.

1 Гаевскій, ibid., 139.

2 Гротъ, ibid., 57.

названіемъ: «Жертва Момусу»[1]). Анненковъ[2]) прекрасно опредѣлилъ значеніе лицейскихъ литературныхъ занятій. «Литературное направленіе лицея было плодомъ случая или порока въ системѣ, предоставившихъ дѣло образованія самимъ молодымъ людямъ, въ немъ собравшимъ. Основнымъ правиломъ было самообразованіе почти на всей волѣ учащихся. Они принуждены были пріискивать сами отвѣты на каждый вопросъ, возникавшій въ ихъ умѣ, и вотъ почему кинулись на библіотеку лицея. Она сдѣлалась для воспитанниковъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго каждый почерпалъ свои вдохновенія и мимолетныя созерцанія, смѣнявшіяся одни другими». Важную роль въ ходѣ умственнаго развитія лицеистовъ сыграла отечественная война, за которой лицеисты жадно слѣдили, собираясь въ своей библіотекѣ и слушая свѣжія реляціи. Войною вызваны нѣсколько пьесъ Пушкина. Въ одной изъ нихъ онъ вспоминаетъ о проходившихъ чрезъ Царское Село войскахъ, отправлявшихся на войну:

Сыны Бородина, о, кульмскіе герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи.
Душой восторженной за братьями летѣлъ...

Въ стихахъ на лицейскую годовщину 1836 г. поэтъ вспоминалъ объ этомъ времени:

Текла за ратью рать;
Со старшими мы братьями прощались
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ...

«Газетная комната», — вспоминаетъ Пущинъ, — «никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались наперерывъ русскіе и иностранные журналы при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное».

Въ лицеѣ царило въ учебномъ дѣлѣ то, что впослѣдствіи Уваровъ остроумно назвалъ «роскошью полуданій». Молодежь поэтому лѣнилась, и учителя часто входили въ недостойные заговоры съ учениками, условливаясь относительно будущихъ отвѣтовъ на экзаменахъ или предъ «высокими посѣтителями», когда требовалось показать, какихъ успѣховъ достигли учащіеся. Пушкинъ былъ правъ, когда писалъ впослѣдствіи: «мы всѣ учились понемногу чему-нибудь и какъ-нибудь». Преподаваніе начальства стояло невысоко. Умная и наблюдательная молодежь видѣла, что за педагогическое дѣло часто брались люди, никогда къ нему не готовившіеся и занявшіеся имъ совершенно случайно. Рядомъ съ упомянутыми выше педагогами и преподавателями очень достойными, передъ лицеистами проплывала и цѣлая галлерея курьезныхъ, смѣшныхъ, а подчасъ и просто недостойныхъ учителей и гувернеровъ, и воспитанники въ грошъ не ставили многихъ изъ своихъ наставниковъ. Даже жизнерадостный Пушкинъ въ своемъ торжественномъ гимнѣ лицею (1825 г., «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ»...) не удержался отъ мимолетнаго воспоминанія о злѣ, которое нужно было простить «наставникамъ, хранившимъ юность» первыхъ лицеистовъ. Всю свою жизнь великій поэтъ жаловался на недостатки своего воспитанія и преимущественно образованія. Поэтому отношеніе учениковъ къ своимъ наставникамъ часто было небрежное, не особенно уважительное. Въ 1813 г. лицеисты были уже настолько сильны, что могли быстро выжить нелюбимаго надзирателя (инспектора) М. С. Пилецкаго-Урбановича, который оставилъ лицей по первому требованію недовольныхъ воспитанниковъ. Эпизодъ этотъ вошелъ въ программу лицейскихъ записокъ Пушкина въ трехъ словахъ: «Мы прогоняемъ Пилецкаго». Въ той свободѣ, которая господствовала въ лицеѣ, былъ даже элементъ извѣстной разнузданности. Надзоръ былъ очень слабъ, особенно въ послѣдніе годы. Лицеисты ходили «въ концертскую Амбіеля, а также по гусарамъ», — какъ разсказываетъ Корфъ, — «сперва въ одни праздники и по билетамъ, а потомъ и въ будни, безъ всякаго спроса, даже безъ вѣдома нашихъ приставниковъ, возвращаясь иногда въ глубокую ночь. Думаю, что иные пропадали даже и на цѣлую ночь, хотя со мною лично этого не случалось. Маленькій трикгельдъ швейцару мирилъ все дѣло, потому что гувернеры и дядьки всѣ давно уже спали. Надзоръ былъ слабъ и распущенъ». Вообще, къ проступкамъ лицеистовъ относились мягко. Пушкинъ, Пущинъ и Малиновскій однажды устроили гогель-могель и попались на этой затѣѣ:

1) Гаевскій, ibid., 130—149.—2) П. В. Анненковъ, «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху», Спб., 1874, стр. 47—48.

ЕГОРЪ АНТОНОВИЧЪ ЭНГЕЛЬГАРДТЪ.
Директоръ Лицея.
Акварель, принадлежащая бар. Ѳ. Остенъ-Сакену.

дѣло окончилось выговоромъ и ничтожнымъ наказаніемъ [1]. Когда Пушкинъ, принявъ въ полутемномъ корридорѣ фрейлину княжну Волконскую за горничную Наташу, позволилъ себѣ съ ней какую-то вольность и это дошло до государя, «пылкій лицеистъ и тутъ ни мало не пострадалъ [2]».

О томъ, какъ учился Пушкинъ, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ, заключающихся какъ въ воспоминаніяхъ его друзей, такъ и въ официальныхъ отзывахъ лицейскаго начальства и преподавателей, сохраненныхъ лицейскимъ архивомъ [1]. Всѣ эти данныя единогласно говорятъ о его значительной и быстрой воспріимчивости, позволявшей ему учиться безъ всякаго напряженія. «Ему стоило», — разсказываетъ С. Д. Комовскій [2] — «прочесть раза два страницу

1) Шляпкинъ, ibid., 336.—Майковъ, ibid., 57—59.—2) Майковъ, ibid., 63—64.

1) Шляпкинъ, ibid., 325—337.—2) Гротъ, ibid., 218—219. «Записка» С. Д. Комовскаго о Пушкинѣ, написанная для П. В. Анненкова, цитируется по книгѣ Грота, въ которой она напечатана (стр. 218—222).

какого-нибудь стихотворенія, и онъ могъ уже повторить оное наизусть безъ всякой ошибки. Упражненія въ словесности французской и россійской были всегда любимѣйшія его занятія, въ коихъ онъ наиболѣе успѣвалъ. Кромѣ того, онъ охотно занимался и науками историческими, но не любилъ политическихъ и въ особенности математику». Послѣднее легко объясняется показаніемъ Корфа, что профессоръ математики зналъ и преподавалъ свой предметъ довольно плохо. 15 марта 1812 г. Кошанскій писалъ, что «успѣхи его въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столько тверды, сколько блистательны», и что у него больше изящнаго вкуса, чѣмъ прилежанія; эту аттестацію Кошанскій почти дословно повторилъ 20 ноября того же года и 15 декабря 1813 года. А. П. Куницынъ писалъ о немъ (19 ноября 1812 г.): «Пушкинъ весьма понятенъ, замысловатъ и остроуменъ, но крайне неприлеженъ; онъ способенъ только къ такимъ предметамъ, которые требуютъ малаго напряженія, а потому успѣхи его очень невелики, особливо по части логики». Профессоръ математики находилъ, что Пушкинъ «слабъ и успѣховъ примѣтныхъ не оказалъ». У де Будри Пушкинъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ, а это, какъ мы уже знаемъ, былъ хорошій педагогъ; между тѣмъ профессоръ Гауэншильдъ, преподававшій нѣмецкую грамматику по-французски, считалъ его въ числѣ самыхъ плохихъ своихъ учениковъ. Преподаватель исторіи и географіи П. Кайдановъ находилъ, что Пушкинъ «при маломъ прилеженіи оказываетъ очень хорошіе успѣхи, и сіе должно приписать однимъ только прекраснымъ его дарованіямъ» (1 января 1814 г.). Мы видимъ, такимъ образомъ, что отъ преподавателей не ускользнуло богатство натуры Пушкина. По словамъ Пущина, «всѣ профессора смотрѣли съ благоговѣніемъ на растущій талантъ Пушкина. Въ математическомъ классѣ вызвалъ его разъ Карцовъ къ доскѣ и задалъ алгебраическую задачу. Пушкинъ долго переминался съ ноги на ногу и все писалъ молча какія-то формулы. Карцовъ спросилъ его наконецъ: «Что жъ вышло? Чему равняется икс?» Пушкинъ, улыбаясь, отвѣтилъ: «Нулю!»— «Хорошо! У васъ, Пушкинъ, въ моемъ классѣ все кончается нулемъ. Садитесь на свое мѣсто и пишите стихи». Спасибо и Карцову, что онъ изъ математическаго фанатизма не велъ войны съ поэзіей. Пушкинъ охотнѣе всѣхъ другихъ классовъ занимался въ классѣ Куницына, и то совершенно по-своему: уроковъ никогда не повторялъ, мало что записывалъ, а чтобъ переписывать тетради профессоровъ (печатныхъ руководствъ тогда еще не существовало), у него и въ обычаѣ не было: все дѣлалось à livre ouvert». И этому есть оправданіе. Какъ разсказываетъ Корфъ, система преподаванія Куницына «была самая негодная, при немногихъ въ то время никакихъ печатныхъ курсовъ; онъ самъ писалъ свои записки, а мы должны были ихъ списывать и изучать слово въ слово, совершенно въ долбежку, такъ что при отвѣтахъ на его вопросы не позволялось измѣнять ни единой буквы; отъ этого въ тѣхъ именно предметахъ, гдѣ наиболѣе должно было изощряться разумѣніе и способность свободно изъясняться, мы обращались въ совершенныя машины». Понятно, что живой и умный мальчикъ удовлетворялся тѣмъ, что только слушалъ Куницына, всячески избѣгая мертвящаго «машиннаго» зубренія.

Отчеты о поведеніи Пушкина свидѣтельствуютъ о его рѣзвости и шаловливости. Гувернеръ Н. С. Пилецкій писалъ въ «Журналѣ о поведеніи воспитанниковъ» (6—30 ноября 1812 г.), что Пушкинъ то «весьма оскорбительно шутилъ съ Мясоѣдовымъ, произнося какіе-то стихи; при увѣщеваніи же сдѣлалъ слабое признаніе, а раскаянія не видно было»; то «толкалъ Пущина и Мясоѣдова, повторялъ имъ слова, что если они будутъ жаловаться, то сами останутся виноватыми, ибо я, говоритъ, вывертѣться умѣю»; то когда гувернеръ отнималъ у Дельвига сатиру на инспектора, Пушкинъ «съ непристойною вспыльчивостью» сказалъ: «какъ вы смѣете брать наши бумаги!—стало быть, и письма наши изъ ящика будете брать», причемъ только присутствіе профессора удержало его отъ еще большей рѣзкости, «ибо примѣтенъ былъ гнѣвъ его»; то разсказывалъ Кошанскому про какія-то дѣла «модныхъ французскихъ лавокъ». 30 сентября 1813 г. гувернеръ Чирковъ писалъ о «свойствахъ и поведеніи» Пушкина, что онъ «легкомысленъ, вѣтренъ, непріятенъ, неразвитъ, впрочемъ, добродушенъ, усерденъ, учтивъ, имѣетъ особенную страсть къ поэзіи». Пылкій, пламенный характеръ Пушкина, скрывавшій отъ многихъ «безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ» его умъ и сердце, дѣлалъ его несимпатичнымъ для

ЛИЦЕЙСКІЕ ПРОФЕССОРА, ИЩУЩІЕ МИЛОСТИ У ГР. РАЗУМОВСКАГО.

Каррикатура Иличевскаго въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій мудрецъ». Собственность К. Я. Грота.)

близорукихъ судей и въ лицеѣ. Корфъ оставилъ злой и несправедливый отзывъ о своемъ товарищѣ: «въ лицеѣ онъ рѣшительно ничему не учился, но какъ и тогда уже блисталъ своимъ дивнымъ талантомъ, и такъ какъ сверхъ того начальниковъ пугали его злой языкъ и ѣдкія эпиграммы, то на его эпикурейскую жизнь смотрѣли сквозь пальцы... Между товарищами, кромѣ тѣхъ, которые, писавъ сами стихи, искали его одобренія и протекціи, онъ не пользовался особенною пріязнью. Вспыльчивый до бѣшенства, вѣчно разсѣянный, вѣчно погруженный въ поэтическія свои мечтанія, съ необузданными африканскими страстями, Пушкинъ ни на школьной скамьѣ, ни послѣ, въ свѣтѣ, не имѣлъ ничего любезнаго и привлекательнаго въ своемъ обращеніи. Бесѣды—ровной, систематической, сколько-нибудь связной, у него совсѣмъ не было, какъ не было и дара слова; были только вспышки: рѣзкая острота, злая насмѣшка, какая-нибудь внезапная поэтическая мысль; но все это лишь урывками, иногда въ добрую минуту, большею же частію или тривіальныя общія мѣста, или разсѣянное молчаніе. Въ лицеѣ онъ превосходилъ всѣхъ въ чувственности»... Столь же близорукъ и несправедливъ отзывъ о Пушкинѣ лицейскаго директора Е. А. Энгельгардта, относящійся къ 1816 году: «его высшая и конечная цѣль—блестѣть и именно поэзіей; но едва ли найдетъ она у него прочное основаніе, потому что онъ боится всякаго серьезнаго ученія, и его умъ, не имѣя ни проницательности, ни глубины,—совершенно поверхностный, французскій умъ. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкинѣ. Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи: можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувствованія унижены въ немъ воображеніемъ, осквернившимъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія»[1]. Эти негуманныя, неумныя мнѣнія, объяснявшіяся если не личнымъ недоброжелательствомъ, то по крайней мѣрѣ грубымъ непониманіемъ, свидѣтельствуютъ только объ отсутствіи чуткости и наблюдательности у ихъ авторовъ.

(1) Гаевскій, ibid., августъ, стр. 376.

Близко къ нему стоявшій и любившій его Пущинъ гораздо глубже и вѣрнѣе раскрываетъ сущность его натуры. «Пушкинъ»,— говоритъ онъ,—«былъ раздражительнѣе многихъ и потому не возбуждалъ общей симпатіи: это удѣлъ эксцентрическаго существа среди людей. Не то чтобы онъ разыгрывалъ какую-нибудь роль между нами или поражалъ какими-нибудь особенными странностями, какъ это было въ иныхъ; но иногда неумѣстными шутками, неловкими колкостями самъ ставилъ себя въ затруднительное положеніе, не умѣя потомъ изъ него выйти. Это вело его къ новымъ промахамъ, которые никогда не ускользаютъ въ школьныхъ сношеніяхъ. Я, какъ сосѣдъ, часто, когда всѣ уже засыпали, толковалъ съ нимъ вполголоса черезъ перегородку о какомъ-нибудь вздорномъ случаѣ того дня; тутъ я видѣлъ ясно, что онъ по щекотливости всякому вздору приписывалъ какую-то важность, и это его волновало. Въ немъ была смѣсь излишней смѣлости съ застѣнчивостью, и то и другое невпопадъ, что тѣмъ самымъ ему вредило. Главное, ему недоставало того, что называется тактомъ; это — капиталъ, необходимый въ товарищескомъ быту, гдѣ мудрено, почти невозможно при совершенно безцеремонномъ обращеніи уберечься отъ нѣкоторыхъ непріятныхъ столкновеній вседневной жизни. Чтобъ полюбить его настоящимъ образомъ, нужно было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ». Содержаніе этихъ ночныхъ бесѣдъ съ Пущинымъ черезъ перегородку, по словамъ П. В. Анненкова [1]), «состояло изъ жалобъ Пушкина на себя и другихъ, скорбныхъ признаній, раскаянія и, наконецъ, изъ обсужденія плановъ, какъ поправить свое положеніе между товарищами или избѣгнуть слѣдствій ложнаго шага и необдуманнаго поступка». Пущинъ разсказывалъ Анненкову «о горькихъ слезахъ, часто орошавшихъ въ тишинѣ безсонной ночи подушку молодого человѣка изъ № 14». Пушкинъ, по словамъ его, «надѣленъ былъ отъ природы весьма воспріимчивымъ и впечатлительнымъ сердцемъ, назло и наперекоръ которому шелъ весь образъ его дѣйствій, заносчивый, рѣзкій, напрашивающійся на вражду и оскорбленія. Пушкинъ не всегда оставался побѣдителемъ въ столкновеніяхъ съ товарищами, имъ же и порожденныхъ, и тогда, съ растерзаннымъ сердцемъ, оскорбленнымъ самолюбіемъ, сознаніемъ собственной вины и съ негодованіемъ на ближнихъ, возвращался онъ въ свою комнату и, перебирая всѣ жгучія впечатлѣнія дня, выстрадывалъ вторично всѣ его страданія до капли».

Пушкинъ самъ нарисовалъ въ «Онѣгинѣ» быструю и бурную смѣну своихъ юношескихъ настроеній:

порой бывалъ прилеженъ,
Порой лѣнивъ, порой упрямъ,
Порой лукавъ, порою прямъ,
Порой смиренъ, порой мятеженъ,
Порой печаленъ, молчаливъ,
Порой сердечно говорливъ.

Въ пьесѣ «Mon portrait» (1814 г.) онъ такъ изобразилъ себя самого:

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

Тѣмъ не менѣе, положеніе Пушкина среди товарищей было весьма почетное, и къ нему относились съ замѣтнымъ уваженіемъ, особливо послѣ того, какъ его талантъ былъ признанъ, Державинъ его «замѣтилъ и благословилъ», и онъ уже въ стѣнахъ лицея сталъ извѣстностью. Много говоритъ бѣглая отмѣтка въ лицейскихъ запискахъ Пушкина (подъ 1814 ег.): «Отношеніе къ товарищамъ. Мое тщеславіе...».

Объ очень характерной чертѣ сообщаетъ С. Д. Комовскій: «кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ и авторахъ съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, какъ-то: съ Дельвигомъ, Илличевскимъ, Яковлевымъ и Кюхельбекеромъ, Пушкинъ былъ вообще не очень сообщителенъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ обыкновенно лаконически». Такимъ образомъ, Пушкинъ опредѣленно и рѣзко проводилъ грань между своимъ небольшимъ кружкомъ, раздѣлявшимъ его интересы, и лицейскимъ profanum vulgus. Затокого Пушкинъ полюбилъ на школьной скамьѣ, тѣмъ не измѣнилъ никогда; о степени его привязанности могутъ дать понятіе не только стихи, въ которыхъ онъ обезсмертилъ своихъ товарищей, но его трогательныя и даже для него самого небезопасныя хлопоты за изнывавшаго въ сибирской ссылкѣ Кюхельбекера, или разсказъ А. П.

1) Анненковъ, ibid., 53—54.

ГРУППА ЛИЦЕЙСКИХЪ ПРОФЕССОРОВЪ И СЛУЖАЩИХЪ.

Карикатура лицеиста Яличевскаго въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій мудрецъ», Карикатура вызвана попыткою Кюхельбекера утопиться. См. статью о Кюхельбекерѣ).

Керн, что Пушкинъ и Дельвигъ, встрѣчаясь, цѣловали другъ у друга руки. Нѣкоторые изъ товарищей уже на лицейской скамьѣ понимали будущее значеніе Пушкина. Въ «Онѣгинѣ» онъ вспоминалъ, какъ друзья признали его дарованіе:

младые други
Въ освобожденные досуги
Любили слушать голосъ мой.
Они, пристрастною душой
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнецъ,
Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
Свою застѣнчивую музу.
О, торжество невинныхъ дней,
Твои сладокъ сонъ душѣ моей!

Дельвигъ сравнивалъ его съ «лебедемъ цвѣтущей Авзоніи» и говорилъ:

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

Яличевскій писалъ своему другу о Пушкинѣ: «дай Богъ ему успѣха, дучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ» [1]).

Связь Пушкина съ писательскимъ кругомъ, которая существовала еще въ родительскомъ домѣ, въ лицеѣ окрѣпла и упрочилась. Пушкинъ писалъ изъ лицея посланія Жуковскому, называвшему его своимъ ученикомъ, своему дядѣ Василію Львовичу, Батюшкову. Старшій собратъ предлагалъ младшему различные авторскіе планы:

1 Гротъ, ibid., 67.

... Ты, пѣвецъ забавы
И другъ парнасскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Спѣшилъ я за Марономъ
И пѣлъ при звукахъ лиръ,
Войны кровавый пиръ,

писалъ онъ Батюшкову въ 1815 г. Можно предполагать, что Пушкинъ оставилъ своего «Бову» незаконченнымъ, потому что Батюшковъ взялся за этотъ сюжетъ и, по выраженію Пушкина въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому, «завоевалъ» у него Бову Королевича. Будучи въ лицеѣ, Пушкинъ познакомился и съ Карамзинымъ и часто бывалъ у него, когда историкъ проводилъ лѣтнее время въ Царскомъ Селѣ. «Онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется», писалъ Илличевскій Фуссу. Встрѣча съ Державинымъ (см. подробнѣе примѣч. къ «Воспоминаніямъ о Царскомъ Селѣ») на экзаменѣ была однимъ изъ самыхъ радостныхъ моментовъ его жизни, и о ней онъ часто вспоминалъ (въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ», въ своихъ запискахъ, въ посланіи «Жуковскому», 1817 г.). Еще въ лицеѣ Пушкинъ познакомился съ кн. П. А. Вяземскимъ, съ которымъ впослѣдствіи крѣпко подружился, и сталъ близокъ къ знаменитому литературному обществу «Арзамасъ», въ которое былъ принятъ по выходѣ изъ лицея (см. дальше статью «Бесѣда» и «Арзамасъ»).

Лицей строго замкнутымъ учрежденіемъ, собственно говоря, никогда не былъ, а въ послѣдніе годы лицеистамъ жилось довольно свободно. Лицеисты посѣщали семьи своего директора Энгельгардта, Тепперъ де Фергюзона, Вельо, гдѣ, по преданію, Пушкинъ встрѣтился однажды съ Александромъ I. Впрочемъ, это общество Пушкинъ посѣщалъ не часто. Онъ любилъ бывать въ кружкѣ офицеровъ расположеннаго въ Царскомъ Селѣ лейбъ-гусарскаго полка. Любимымъ его собесѣдникомъ,—разсказываетъ Корфъ,—былъ гусаръ Каверинъ, къ которому Пушкинъ обратился съ посланіемъ. Сблизился онъ тамъ и съ П. Я. Чаадаевымъ. Вмѣстѣ съ гусарскими офицерами, передаетъ Комовскій, онъ «любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ, волочась за хорошенькими актрисами графа Толстого и за субретками пріѣзжавшихъ туда на лѣто семействъ». Въ лицеѣ же Пушкинъ впервые узналъ чувство любви. Сначала оно, какъ часто бываетъ съ проявленіями чувства въ дѣтскомъ возрастѣ, было подражательное, навѣянное, вѣроятно, книжными впечатлѣніями («мы алчемъ жизнь узнать заранѣ, и узнаемъ ее въ романѣ», сказано въ «Онѣгинѣ» не безъ ироніи). Въ «Посланіи къ Юдину» (1815 г.) Пушкинъ вспоминаетъ «подругу красныхъ дѣтскихъ лѣтъ» своихъ, М. Д. Мертваго, которой было лѣтъ пять, когда ея маленькаго пріятеля отвезли въ лицей. Фантазія рисовала предъ нимъ то, чего не было, да и быть не могло, и даже заходила довольно далеко:

Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый,
Во тьмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой.
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой
Одну, въ задумчивости томной,
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ непокровенный,
Твой взоръ на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливый цвѣтъ...

Это была не настоящая любовь, а, какъ признавалъ самъ Пушкинъ, «мечтанья». О первой, «истинно-поэтической» любви Пушкина разсказываетъ Комовскій. Это была сестра одного изъ лицейскихъ товарищей, фрейлина Е. П. Бакунина. Къ ней неравнодушны были еще Пущинъ и Илличевскій, и Пушкинъ впослѣдствіи вспоминалъ,

Какъ мы впервой всѣ трое полюбили.

Это было уже не воображаемое общеніе какой-то таинственной особы, нарисованной воображеніемъ, не наполовину проникнутое проніей увлеченіе крѣпостной актрисой или вертлявой горничной. Пушкинъ узналъ муки настоящей любви. Она была такъ сильна, оставила такой глубокій слѣдъ въ душѣ мальчика, что Пушкинъ черезъ много лѣтъ вспоминалъ о ней съ умиленною нѣжностью. Въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ» онъ вспоминалъ, говоритъ онъ,

тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь.
И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ.
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ...

ГРУППА БУЯНЯЩИХЪ ЛИЦЕИСТОВЪ.

Каррикатура въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій мудрецъ». Собственность К. Я. Грота.

Стоило ему встрѣтить предметъ своей любви на лѣстницѣ, уловить ея случайный взглядъ,—и онъ испытывалъ необыкновенный радостный подъемъ и записывалъ въ своемъ дневникѣ:

> Итакъ, я счастливъ былъ: итакъ, я наслажденья
> Отрадой тихою, восторгомъ упивался!...

О мукахъ истинной, пламенной любви, заключающей въ себѣ и страданія, и радости, свидѣтельствуютъ такія пьесы, какъ «Къ ней» («Эльвина, милый другъ! приди, подай мнѣ руку!...»), «Къ Морфею», «Мой милый другъ, разстался я съ тобою...» («Уныніе» или «Разлука»), «Медлительно влекутся дни мои...» («Желаніе» или «Уныніе»), «Любовь одна—веселье жизни хладной...». Пушкинъ всю свою жизнь любилъ, сердце его не оставалось пусто и праздно, и онъ на себѣ испыталъ, что хотя «любви всѣ возрасты покорны, но юнымъ, дѣвственнымъ сердцамъ ея порывы благотворны, какъ бури вешнія полямъ». Испытанное Пушкинымъ на лицейской скамьѣ чувство любви имѣло на него облагораживающее, воспитывающее, оздоровляющее душу вліяніе, которое ускользнуло отъ взора холодныхъ, невнимательныхъ судей или, вѣрнѣе, осуждателей. Нельзя безъ живого сочувствія читать горячую, страстную исповѣдь Пушкина (въ «Онѣгинѣ») о томъ, что онъ переживалъ тогда:

> Душа лишь только разгоралась,
> И сердцу женщина являлась
> Какимъ-то чистымъ божествомъ,
> Владѣя чувствами, умомъ,
> Она сіяла совершенствомъ.
> Предъ ней я таялъ въ тишинѣ:
> Ея любовь казалась мнѣ
> Недосягаемымъ блаженствомъ.
> Жить, умереть у милыхъ ногъ—
> Иного я желать не могъ.
> То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
> И трепеталъ, и слезы лилъ,
> Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
> Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ;
> Ея пронзительные взоры,
> Улыбка, голосъ, разговоры,

Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моей...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона,
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркій и живой...

На творчество Пушкина, на его первыя поэтическія чувства имѣло вліяніе самое мѣстоположеніе лицея. Лицей находился не въ душномъ, тѣсномъ городѣ, не былъ запертъ каменными громадами. Онъ былъ расположенъ въ мѣстности, соединявшей красоты природы съ историческими воспоминаніями. Получи Пушкинъ воспитаніе въ большомъ городѣ, въ немъ было бы, конечно, меньше любви къ природѣ и пониманія ея. Въ царскосельскихъ садахъ онъ особенно охотно проводилъ свои досуги, описанные имъ, между прочимъ, въ «Городкѣ» (1814 г.).

Царскосельская природа великолѣпно описана въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ».

Черезъ много лѣтъ по выходѣ изъ лицея поэтъ вспоминалъ («Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ» 1829 г.) свои прогулки въ «священномъ сумракѣ» царскосельскихъ садовъ и, посѣщая милыя сердцу мѣста, передалъ прежнія ощущенія:

Вновь нѣжнымъ отрокомъ, то пылкимъ, то лѣнивымъ,
Мечтанья смутныя въ груди моей тая,
Скитался по лугамъ, по рощамъ молчаливымъ...

Въ изображеніи того таинственнаго сада, который Пушкинъ рисуетъ въ пьесѣ: «Въ началѣ жизни школу помню я»... (1830 г.), можно узнать царскосельскіе сады:

Любилъ я свѣтлыхъ водъ и листьевъ шумъ,
И бѣлые въ тѣни деревъ кумиры,
И въ ликахъ ихъ печать недвижныхъ думъ.
Все—мраморные циркули и лиры,
И свитки въ мраморныхъ рукахъ,
И длинныя на ихъ плечахъ порфиры—
Все наводило сладкій нѣкій страхъ
Мнѣ на сердце, и слезы вдохновенья
При видѣ ихъ рождались на глазахъ...

Въ лицеѣ Пушкинъ почувствовалъ себя поэтомъ.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно расцвѣталъ,—

вспоминалъ онъ впослѣдствіи (въ «Евгеніѣ Онѣгинѣ»),—

Въ тѣ дни во мглѣ дубравныхъ сводовъ,
Близъ водъ, текущихъ въ тишинѣ,
Въ углахъ лицейскихъ переходовъ
Являться муза стала мнѣ,
Моя студенческая келья,
Доселѣ чуждая веселья,
Вдругъ озарилась! Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй.
Простите, хладныя науки!
Простите, игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я поэтъ...
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ,
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

Одинъ изъ лицейскихъ товарищей его, С. Д. Комовскій, наблюдалъ Пушкина, когда онъ бывалъ подъ наитіемъ своихъ творческихъ порывовъ: «не только въ часы отдыха отъ ученія въ рекреаціонной залѣ»,—разсказываетъ Комовскій,—«на прогулкахъ, но нерѣдко въ классахъ и даже въ церкви ему приходили въ голову разные поэтическіе вымыслы, и тогда лицо его то хмурилось необыкновенно, то прояснялось отъ улыбки, смотря по роду думъ, его занимавшихъ. Набрасывая же мысли свои на бумагу, онъ отъ нетерпѣнія грызъ обыкновенно перо и, насупя брови, надувши губы, съ огненнымъ взоромъ читалъ про себя написанное». Какъ всякой сильной, могучей натурѣ, Пушкину приходилось и въ толпѣ подчасъ чувствовать себя одинокимъ, и онъ научился жить въ себѣ самомъ, почерпать наслажденіе въ своемъ поэтическомъ геніи, посылавшемъ ему «сладкія думы» («Мечтатель», 1815 г.):

Дана мнѣ лира отъ боговъ,—
Поэту даръ безцѣнный;
И муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!...
На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла
И, горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.
О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!...

И тогда уже поэтъ чувствовалъ, что «на свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля», которыхъ отвѣдать не судилъ ему рокъ. Мечта о покоѣ и уединеніи проходитъ черезъ многія лицейскія стихотворенія, какъ Leit-motiv.

Пустого нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей,
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей,—

говоритъ онъ въ «Посланіи къ Юдину»:

И думаю: «Къ чему нѣмцамъ
«Алмазы, яхонты, топазы,
«Порфирныя пустыя вазы,
«Арапія куклы по угламъ?...
«Не лучше ли въ деревнѣ дальней
«Или въ смиренномъ городкѣ,
«Вдали столицъ, заботъ и грома,
«Укрыться въ мирномъ уголкѣ,
«Съ которымъ роскошь незнакома,
«Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть?»
О, если бы когда нибудь
Сбылись поэта сновидѣнья...

Подъ вліяніемъ пріятелей-гусаръ Пушкинъ было собирался по окончаніи лицейскаго курса вступить въ военную службу, но, встрѣтивъ сопротивленіе отца, оставилъ это намѣреніе безъ особыхъ сожалѣній, и, когда всѣ лицеисты намѣчали себѣ разныя служебныя дороги, Пушкинъ одинъ не думалъ о карьерѣ, въ чемъ и признавался («Товарищамъ»):

Лишь я, судьбѣ во всемъ послушный,
Счастливой лѣни вѣрный сынъ,
Всегда безпечный, равнодушный,
Я тихо задремалъ одинъ.
Равны мнѣ писари, уланы,
Равны законы, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора.
Друзья, немного снисхожденья!
Оставьте мирный мнѣ колпакъ...

Въ іюнѣ 1817 г. Пушкинъ вышелъ изъ лицея, получивъ свидѣтельство о пройденномъ имъ курсѣ наукъ [1]),—свидѣтельство, въ которомъ, по словамъ Корфа, «только наполовину было правды». Лицеисты знали, что выходятъ въ жизнь недоучками: тотъ же Корфъ разсказываетъ, что «многимъ, послѣ профессоровъ, пришлось еще брать уроки у учителей». Пушкинъ живѣе другихъ чувствовалъ недостатки своего «проклятаго воспитанія», какъ выражался онъ, и всячески старался ихъ восполнить. Въ кишиневскомъ посланіи къ Чаадаеву онъ писалъ (въ 1821 г.):

ЛИЦЕЙСКІЙ РИСУНОКЪ ПУШКИНА.

Пушкинскій музей при Александровскомъ Лицеѣ въ Спб.

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Покидая лицей, поэтъ распростился съ товарищами стихами. Онъ писалъ («Разлука»—В. К. Кюхельбекеру):

Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли бретяхъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.

Въ Кишиневѣ онъ вспоминалъ (въ цитированномъ выше посланіи къ Чаадаеву)

Тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
Я нѣженъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
И царскосельскія хранительныя сѣни.

Въ «Гавріліадѣ» (1822 г.) поэтъ упоминаетъ о лицейскихъ забавахъ:

---

1 Шляпкинъ, ibid., 398—«Пушкинъ. Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ министерства иностранныхъ дѣлъ, относящіеся къ службѣ его 1831—1837 гг.», издалъ П. Гастфрейндъ, Спб., 1900, стр. 24 и снимокъ 1.

Исправа ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, мы бѣжали на волѣ
И тѣшились отважною борьбой!...

Свою крѣпкую связь съ лицеемъ поэтъ особенно ярко и величаво выразилъ въ знаменитой пьесѣ: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...» (19 октября 1825 г.). Чувство дружбы бьетъ въ немъ ключомъ, бьетъ даже черезъ край, и поэтъ доходитъ прямо до экзальтаціи дружбы:

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ, какъ душа, нераздѣлимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ.
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастіе куда бъ ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый міръ чужбина;
Отечество намъ Царское Село.
. . . . . .
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.

Измученный жизнью, онъ входилъ въ царскосельскіе сады («Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ», 1829 г.) «воспоминаньями смущенный, исполненъ сладкою тоской»:

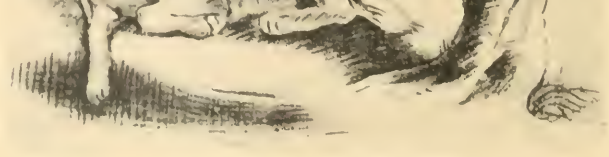
Воображалъ сей день счастливый,
Когда средь шумъ возникъ Лицей,
И слышалъ снова шумъ игривый,
И видѣлъ вновь семью друзей.

Пушкинъ никогда не забывалъ принимать участіе въ ежегодномъ празднованіи лицейской годовщины и, если только бывалъ въ Петербургѣ, не пропускалъ случая «Лицею прокричать ура» («19 октября 1828 г.»). Протоколъ празднованія дня рожденія лицея въ 1828 г. былъ веденъ Пушкинымъ. Незадолго до своей смерти, въ 1836 г., Пушкинъ читалъ на лицейскомъ праздникѣ свою грустную пьесу: «Была пора: нашъ праздникъ молодой»... («19 октября 1836 г.»), но, томимый тоскливыми мыслями и предчувствіями, внезапно запнулся и не могъ дочитать стиховъ до конца. Поэтъ иногда посѣщалъ даже самый лицей, гдѣ его видѣлъ воспитанникъ Я. К. Гротъ[1]). Однажды онъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ присутствовалъ на экзаменѣ изъ исторіи[2]). Молодыхъ лицеистовъ онъ встрѣчалъ радушно и ласково, какъ лицейскій «дѣдъ»[3]).

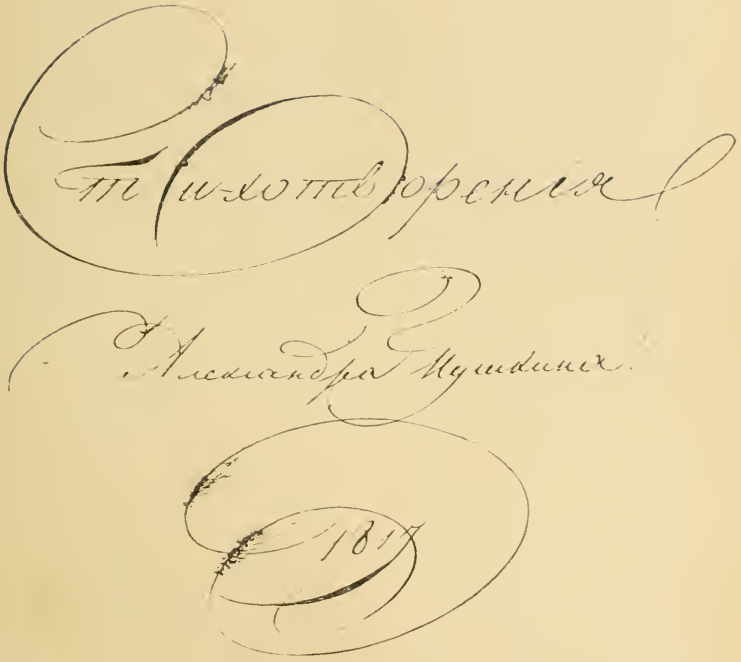
Много было недостатковъ въ лицейскомъ воспитаніи, но не будемъ осуждать старый лицей. Пушкинъ зналъ, за что любилъ свои «хранительныя сѣни». Въ лицеѣ онъ нашелъ первую справедливую оцѣнку своего генія, пріобрѣлъ первыхъ поклонниковъ и преданныхъ друзей. Мало знаній вынесъ онъ оттуда, но не въ нихъ было дѣло: знанія пріобрѣталъ онъ всюду и всегда и умеръ «всеобъемлющей душой», «вѣчнымъ работникомъ», какъ любимый имъ Петръ Великій. Лицей былъ хорошъ тѣмъ, что въ немъ не уродовалась дѣтская душа казенной муштрой, не ломался юношескій умъ, что въ немъ царилъ воздухъ свободы, въ которомъ выросъ, расцвѣлъ и окрѣпъ геній величайшаго русскаго поэта.

Н. Лернеръ.

1 Гротъ, ibid., 43, 273.—2 «Пушкинъ и его современники», вып. II, 1904, стр. 82. — 3) См. «Русск. Архивъ» 1902 г., III, разсказъ лицеиста П. П. Миллера о его встрѣчѣ съ Пушкинымъ въ 1831 г.



Лицейскій рисунокъ Пушкина.
Пушкинскій музей при Александровскомъ лицеѣ въ Спб.



Автографъ Пушкина—заглавная страница лицейской тетради (Румянцевскій музей въ Москвѣ). Въ эту тетрадь вошли стихи 1812—1817 гг., извѣстные подъ именемъ «Лицейскихъ стихотвореній».

ЛИЦЕЙСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ 1812—1813 гг.

6. Рыцарская баллада.

Что считать первымъ изъ «лицейскихъ» стихотвореній Пушкина? Конечно, не «Пѣсню», о чемъ см. дальше подъ № 8. Раньше «Пѣсни» была сочинена не сохранившаяся «Роза» (см. № 7), а затѣмъ, по свѣдѣніямъ Гаевскаго:

«Другіе товарищи поэта припоминаютъ, что еще до «Розы» онъ написалъ, состязуясь съ Илличевскимъ, рыцарскую балладу, въ подражаніе балладамъ Жуковскаго; но и этотъ опытъ не сохранился». («Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія» В. П. Гаевскаго въ «Современникѣ» 1863, № 7, стр. 134).

7. Описаніе розы.

И объ этомъ стихотвореніи сохранилось только указаніе. Лицейскій товарищъ Пушкина и лучшій его другъ—Пущинъ (о немъ дальше особая статья) въ своихъ запискахъ сообщаетъ:

«Какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ, пожалуйста, розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукописи къ себѣ. Это было чуть ли не въ 1811 году и никакъ не позже первыхъ мѣсяцевъ 1812». («Записки П. И. Пущина о Пушкинѣ» въ сборникѣ Леонида Майкова «Пушкинъ». Спб. 1899, стр. 56).

Написанныя почти полвѣка спустя (въ концѣ 50-хъ годовъ), въ общемъ въ высокой степени цѣнныя, записки Пущина не во всѣхъ деталяхъ могутъ считаться абсолютно-достовѣрными. Въ частности сообщеніе, что Пушкинъ «мигомъ» сочинилъ два четырехстишія едва-ли вѣрно, потому что Пушкинъ всего менѣе отличался способностью сочинять «мигомъ» и очень долго сидѣлъ надъ каждымъ своимъ стихотвореніемъ. Во всякомъ случаѣ это описаніе розы, если допустить, что сообщеніе Пущина вѣрно, не слѣдуетъ смѣшивать съ стихотвореніемъ «Роза», которое относится къ 1815 году.

8. О, Делія драгая.

«Пѣсня».

Это мнимо-первое стихотвореніе, которымъ всегда открываются собранія сочиненій Пушкина, далеко не вполнѣ принадлежитъ ему. Пушкинъ только набросалъ его, а отдѣлалъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, другой лицейскій поэтъ—Илличевскій. Въ изданное имъ самимъ собраніе мелкихъ стихотвореній (Спб. 1826) Пушкинъ слабое упражненіе свое не включилъ. Найденное въ его бумагахъ, оно появилось только въ IX томѣ посмертнаго изданія (Спб. 1841, стр. 297, 298), гдѣ подъ произвольнымъ заглавіемъ «Къ Деліи» было напечатано съ полнымъ искаженіемъ первой, т. е. какъ разъ вполнѣ Пушкинской строфы. Были опущены 3 и 4 строчки, и потому нельзя понять, о какомъ Аргусѣ рѣчь. Тѣмъ не менѣе стихотвореніе въ томъ-же искаженномъ видѣ перешло въ Анненковское изданіе 1855 г. и въ Геннадіевское изданіе 1859 г.

Уже Анненковъ (т. II, стр. 227) отнесъ «Къ Деліи» къ разряду стихотвореній, на которыхъ «подозрѣніе лежитъ». Гаевскій въ своей замѣчательной статьѣ «Пушкинъ въ лицеѣ» («Современникъ» 1863, № 7, стр. 158) со словъ лицейскихъ товарищей поэта далъ слѣдующую цѣнную справку:

Первыя стихотворныя попытки Пушкина доказываютъ, что онъ не безъ труда овладѣлъ русскими оборотами и версификаціей. Мы имѣли черновое стихотвореніе его Къ Делiи, отнесенное издателями къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ, но которое есть одинъ изъ его первыхъ опытовъ, писанныхъ въ 1812 г. Принадлежность его Пушкину не безъ нѣкотораго основанія заподозрѣна г. Анненковымъ, тѣмъ болѣе, что оно напечатано во всѣхъ изданіяхъ съ пропускомъ двухъ стиховъ первой строфы и искаженіемъ смысла. Поэтъ, какъ доказываетъ его рукопись, написалъ окончательно только первую строфу, но не могъ сладить съ двумя другими и оставилъ стихотвореніе неоконченнымъ. Илличевскій, какъ разсказываютъ очевидцы, товарищи обоихъ поэтовъ, поднялъ брошенный Пушкинымъ листокъ и дописалъ стихотвореніе. Дальше Гаевскій приводитъ исправленный по рукописи Илличевскаго текстъ. Первый куплетъ этой пѣсни часто распѣвался въ лицеѣ на два голоса съ гитарой, на музыку, сочиненную Корсаковымъ.

Свидѣтельство лицейскихъ товарищей оказалось безусловно точнымъ, и этимъ характеризуется достовѣрность и другихъ свидѣтелей, которыя цѣнятъ статью Гаевскаго самымъ важнымъ источникомъ для изученія лицейскаго періода. Отыскался тотъ

Декоративное пано Ватто (Watteau).

8. О, Делія драгая.

О, Делія драгая!
Спѣши, моя краса!
Звѣзда любви златая
Взошла на небеса,
Безмолвно мѣсяцъ покатился:
Спѣши, твой Аргусъ удалился.
И тронулъ сонъ его глаза.

Подъ сѣнью потаенной
Дубравной тишины,
Гдѣ токъ уединенной
Сребристыя волны
Журчитъ съ унылой Филомелой,
Готовъ любви пріютъ весёлой
И блескомъ освѣщенъ луны.

Накинутъ ночи гѣни
Покровы тамъ свои,
И дремлютъ рощей сѣни
И быстро часъ любви
Летитъ—я весь горю желаньемъ:
Спѣши, о Делія, свиданьемъ,
Надн въ объятія мои!

9. Делія.

Ты ль передо мною,
Делія моя?
Разлученъ съ тобою—
Сколько плакалъ я!
Ты ль передо мною,
Или сонъ мечтою
Обольстилъ меня?

Ты узнала ль друга?
Онъ не то, что былъ:
По тебя, подруга!
Все какъ не позабылъ—
И твердитъ унылой:
Я любимъ ли милой,
Какъ, бывало, былъ?

Что теперь сравнится
Съ долею моей?
Вотъ слеза катится
По щекѣ твоей—
Делія стыдится...
Что теперь сравнится
Съ долею моей?

самый листокъ, который бросилъ Пушкинъ и который былъ подобранъ Илличевскимъ. Факсимиле его здѣсь приложено. По непонятной, не знаемъ какъ и выразиться, оплошности, что-ли, — владѣлецъ этого перваго и весьма замѣчательнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ автографа Пушкина — покойный академикъ Я. К. Гротъ подарилъ его Чешскому музею въ Прагѣ.

Автографъ былъ уже разъ воспроизведенъ проф. В. А. Францевымъ въ «Извѣстіяхъ книжнаго магазина М. О. Вольфъ» (1899, № 6), но для настоящаго изданія, при любезномъ содѣйствіи того-же проф. Францева, снова была снята фотографія съ подлинника.

Весь исчирканный автографъ въ высшей степени поучителенъ, какъ чрезвычайно яркое проявленіе той необыкновенной тщательности, съ которою Пушкинъ отдѣлывалъ свои произведенія съ первыхъ-же шаговъ на литературномъ поприщѣ. Предъ нами настоящія «муки слова», свидѣтельствующія о томъ, съ какою серьезностью 12-лѣтній мальчикъ относился къ своимъ поэтическимъ замысламъ. Замѣчателенъ и почеркъ, въ которомъ нѣтъ и слѣда дѣтскости. Это почеркъ вполнѣ взрослаго человѣка и притомъ привыкшаго писать очень много.

И въ самомъ содержаніи нѣтъ ничего дѣтскаго. Слабо-же оно по формѣ, по явной надуманности и по отсутствію всякаго индивидуальнаго элемента. Юный поэтъ исключительно перепѣвалъ: частью Тибула, у котораго заимствовано имя возлюбленной — Делія, частью Парни и другихъ столь хорошо ему извѣстныхъ еще по отцовской библіотекѣ французскихъ эротиковъ. П. А. Ефремовъ относится скептически къ мнѣнію Л. Н. Майкова, что «общій характеръ стихотворенія, а также античное имя Делія предполагаютъ уже знакомство автора пьесы съ латинскими лириками — Гораціемъ, Тибуломъ и съ ихъ французскими подражателями въ родѣ Парни». Ему кажется мало вѣроятнымъ «знакомство» Пушкина съ латинскими классиками «на второмъ годѣ курса». Но еще ли Майковъ и думалъ говорить о «знакомствѣ» съ подлинникомъ. Пушкинъ могъ познакомиться съ Тибуломъ и Гораціемъ по французскимъ переводамъ, заманчиво снабженнымъ къ тому-же эротическими гравюрами. Имя Делія Пушкинъ могъ заимствовать и изъ Батюшковскаго перевода III элегіи Тибулла, напечатанной въ «Вѣст. Европы» 1809 г. (№ 23).

Гаевскій находилъ, что «эти стихи напоминаютъ слѣдующія изъ посланія Жуковскаго къ Батюшкову въ 1810 г.

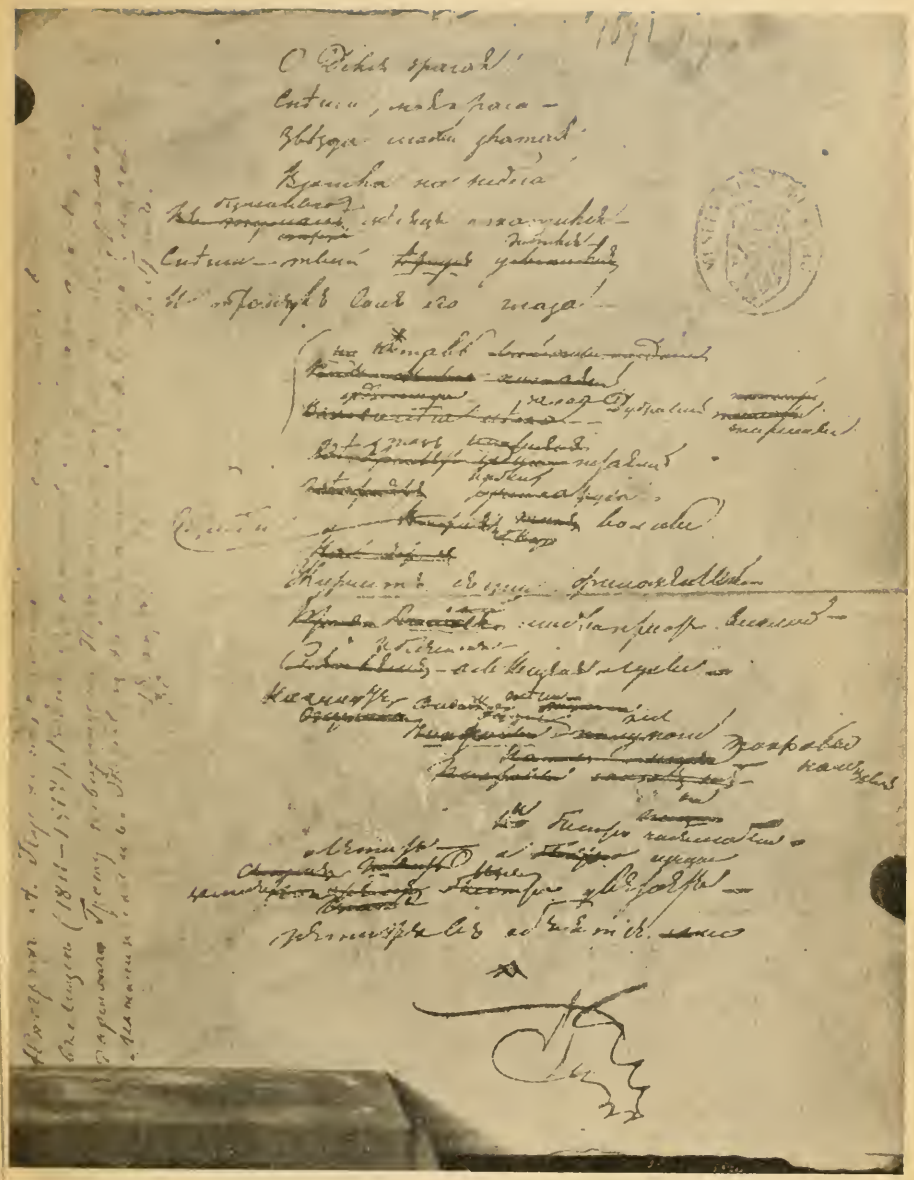
Летитъ-ли вѣтерокъ
Отъ дремлющія рощи
Или покровомъ нощи,
Одѣянный потокъ
Въ водахъ являетъ тѣни
Недвижныхъ береговъ
И тихихъ рощей сѣни
И темный рядъ холмовъ».

Подчеркнутыя слова, дѣйствительно, частью навѣяны, частью цѣликомъ взяты у Жуковскаго; но, какъ указалъ Майковъ, посланіе Жуковскаго написано не въ 1810 а въ маѣ 1812 г. и въ печати появилось только въ «Вѣст. Европы» 1813 г. Между тѣмъ самъ-же Гаевскій относитъ стихотвореніе къ 1812 г.

Къ этому чисто фактическому указанію можно прибавить, что трудно допустить тутъ вліяніе посланія Жуковскаго и по внутреннимъ причинамъ. Необычно-большое и весьма серьезное по тону посланіе Жуковскаго представляетъ собою пространное обсужденіе вопроса о задачахъ поэзіи, и трудно психологически допустить, чтобы основной серьезный тонъ посланія могъ быть источникомъ зарожденія игривой пьесы. Главнымъ источникомъ является тутъ, по всей вѣроятности, все тотъ-же Парни, властитель думъ юнаго Пушкина. «Хотя и не встрѣчается», — говоритъ П. А. Ефремовъ, — «у Парни цѣлаго такого-же стихотворенія, но многія напоминаютъ его отдѣльными стихами, въ которыхъ есть и удаляющіеся Аргусы и даже лапр., стихъ «Le sommeil a touché les yeux — И тронулъ сонъ его глаза (Les tableaux, III)».

Интересна параллель съ приводимымъ Ефремовымъ стихотвореніемъ кн. Цертелева «Призваніе».

Приди, о Делія! условный часъ насталъ;
Волною стелется туманъ среди долины;
Вотъ на краю небесъ багряный мѣсяцъ
всталъ,
И черна тѣнь отъ горъ ушла на равнины.
Все смолкло — и лѣсокъ давно ужъ повторилъ
Послѣдній, громкій звукъ пастушеской
свирѣли.
Лѣсокъ, гдѣ столько разъ мы отъ восторговъ
млѣли,
Гдѣ къ наслажденіямъ я новый міръ
открылъ.
Здѣсь, очарованы прелестными мечтами,
Мы забывали все — струился огнь въ крови,
Въ безмолвіи уста смыкались устами,



ПЕРВЫЙ АВТОГРАФЪ ПУШКИНА. (Чешскій музей въ Прагѣ).

И тихо вздыхать вздохъ счастливой любви!
Сѣни къ блаженству вновь, блаженство
быстролетно!
Восторги съ нашею сокроются весною,
И старость скучная, подкравшись непримѣтно,
Веселье и любовь отгонитъ прочь клюкой!

Сходство съ стихотвореніемъ Пушкина огромное. А между тѣмъ о подражаніи и рѣчи не можетъ быть. Стихотвореніе Цертелева хотя и напечатано въ «Благонамѣренномъ» 1820 г., но вѣдь написанная Пушкинымъ и Илличевскимъ пьеска появилась въ печати только въ 1841 г. Объясненіе-же въ томъ, что и у Пушкина и у Цертелева предъ нами избитыя трафаретныя тэмы французской лирики XVIII вѣка съ ея однообразными пріемами.

Сопоставленіе Пражскаго автографа со спискомъ Илличевскаго даетъ много разночтеній. О попыткахъ дешифрированія и о другихъ варіантахъ см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Мы даемъ текстъ по списку Илличевскаго, но придерживаясь автографа, гдѣ никакого заглавія нѣтъ, озаглавливаемъ стихотвореніе первымъ стихомъ.

9 Делія.

Это стихотвореніе, справедливо исключенное Пушкинымъ изъ изданныхъ имъ самимъ собраній стихотвореній, какъ и предыдущее появилось только въ IX дополнительномъ томѣ посмертнаго изданія (Спб. 1841, стр. 295—296). Сколько-нибудь точныхъ указаній, когда «Делія» написана нѣтъ. Посмертное изданіе просто его относитъ къ «Лицейскимъ стихотвореніямъ», Анненковъ и Геннади, къ «Стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ». Ефремовъ въ изд. 1880 г. первый сталъ причислять «Делію» къ 1812 г., а между тѣмъ самъ-же въ послѣднемъ своемъ изданіи (1905) прописчески говоритъ:

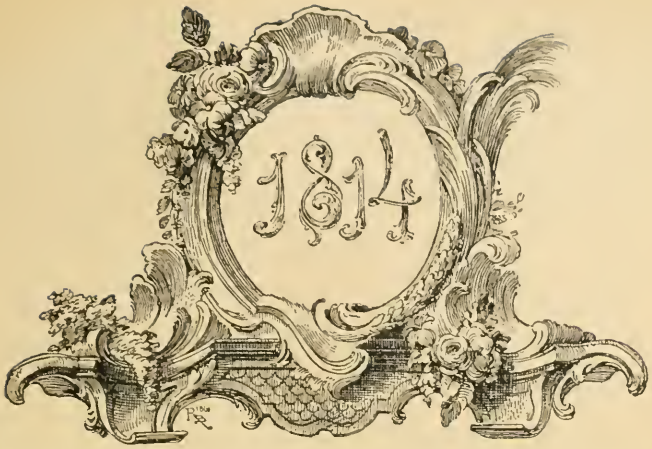
«оно попало въ 1812 г., въ число первыхъ произведеній Пушкина, только по указанію Гаевскаго, рѣшительно ничѣмъ не подтвержденному: «оно отнесено издателями къ стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ»—говорилъ онъ,—но это есть одинъ изъ первыхъ опытовъ, написанныхъ въ 1812 году. Вотъ и всѣ основанія!

Тутъ пропущено недоразумѣніе. Въ цитированномъ Ефремовымъ мѣстѣ Гаевскій говоритъ не о Деліи, а о «Къ Деліи», т. е. о томъ стихотвореніи, которое теперь печатается подъ заглавіемъ «Пѣсня», а въ настоящемъ изданіи озаглавлено «О, Делія драгая». Такимъ образомъ отнесеніе къ 1812 году всецѣло принадлежитъ И. А. Ефремову.

По существу, однако, думается, что почтенный издатель былъ правъ, когда отнесъ «Делію» къ 1812 г. Правда, намъ представляется невѣрной коротенькая мотивировка Майкова: «время написанія опредѣляется по сродству пьесы съ предшествующею». И. О. Мородовъ, соглашаясь съ Майковымъ, относитъ стихотвореніе къ 1812 г. «на основаніи сходства съ предыдущею пьесою». Нельзя никакъ съ этимъ согласиться: ни сродства, ни сходства тутъ никакого нѣтъ. «Делія» всецѣло относится къ области слезливаго сентиментализма, «О, Делія драгая» полна страстнаго эротизма. Но все таки, тутъ есть и нѣчто общее. Связующимъ звеномъ является въ данномъ случаѣ имя Делія, которое *больше у Пушкина нигдѣ не встрѣчается*. Это съ психологической точки зрѣнія имѣетъ несомнѣнное значеніе. Художественное творчество обыкновенно идетъ полосами, и это относится не только къ цѣлымъ настроеніямъ, но и къ тѣмъ мелочамъ, изъ которыхъ слагается настроеніе: тому или другому факту, мѣстности, наконецъ просто имени. Простая-ли случайность, что оба героя «Евгенія Онѣгина», начатаго въ эпоху романтизма, получили свои искусственнозвучащія фамиліи по именамъ сѣверныхъ рѣкъ Онеги и Лены, а герои позднѣйшихъ, всецѣло жизненныхъ произведеній, носятъ фамиліи бытовыя, русскія: Гриневъ, Дубровскій, Троекуровъ?

Измѣны.

Всѣ изданія, вышедшія послѣ появленія извѣстной намъ статьи Гаевскаго, въ томъ числѣ и академическое, относятъ, основываясь на этой статьѣ, къ 1812 году стихотвореніе «Измѣны». Мы никакъ не можемъ съ этимъ согласиться и относимъ «Измѣны» къ 1815 г. Въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ 1815 г. мы приведемъ свои доводы и укажемъ на шаткость доводовъ Гаевскаго.



12. Къ другу стихотворцу.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Парнасса!
Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною стезей,
И съ строгой критикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо, чернилы,
Забудь ручьи, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ нѣсенкахъ любовью не пылай:
Чтобъ не слетѣть съ горы, скорѣе внизъ ступай!
Довольно безъ тебя поэтовъ есть и будетъ:
Ихъ напечатаютъ — и цѣлой свѣтъ забудетъ.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
И съ глупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды *)
Сокрытъ другой отецъ второй Телемахиды.
Страшися участи безсмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ поздныхъ дань поэтамъ справедлива:
Да Пиндѣ лавры есть, но есть тамъ и крапива.
Страшись безславія!—Что, сетуя, Аполлонъ,
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,
Съ презрѣньемъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградитъ—спасительной лозою?

Но что? Ты хмуришься и отвѣчать готовъ:
«Пожалуй», скажешь мнѣ, «не грать излишнихъ словъ:
«Когда на что рѣшусь, ужь я не отступаю,
«И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
«Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочетъ, цѣлой свѣтъ;
Сердись, кричи, брани́сь—а я таки поэтъ».

*) Т. е. въ школѣ.

10. Романъ «Цыганъ».

Отъ 1813 г. не сохранилось никакихъ стихотвореній Пушкина. Всего вѣроятнѣе, что они просто затерялись. Но возможно, что Пушкинъ былъ отвлеченъ прозаическими работами. На это есть опредѣленныя указанія. Гаевскій сообщаетъ, что «по разсказамъ товарищей Пушкина, онъ въ первые два года лицейской жизни написалъ романъ Цыганъ и, вмѣстѣ съ М. Л. Яковлевымъ, комедію

11. Такъ водится на свѣтѣ,

предназначавшуюся для домашняго театра». («Современникъ» 1863, № 7, стр. 155). Ни отъ романа, ни отъ комедіи ничего не сохранилось.

С. Венгеровъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1814 ГОДА.

12. Къ другу стихотворцу.

Время созданія этой пьесы—первые мѣсяцы 1814 г.: въ апрѣлѣ она уже была въ редакціи «Вѣстника Европы». О появленіи ея въ печати библіографъ С. Д. Полторацкій далъ П. В. Анненкову интересныя свѣдѣнія. Произведеніе, съ которымъ Пушкинъ въ *первый разъ* выступилъ въ печати появилось въ свѣтъ въ субботу, 4 іюля 1814 г., въ № 13 «Вѣстника Европы» (ч. LXXVI, стр. 9—12. Издатель «Вѣстника Европы» В. В. Измайловъ держалъ его съ апрѣля и не хотѣлъ печатать, такъ какъ не зналъ имени автора. Въ 8 № «Вѣстника Европы», ч. LXXIV, стр. 324, было помѣщено слѣдующее заявленіе Отъ издателя: Просимъ сочинителя присланной въ «Вѣстникъ Европы» пьесы, подъ названіемъ «Къ другу стихотворцу», какъ всѣхъ другихъ сочинителей, объявить намъ свое имя, ибо мы поставили себѣ закономъ: не печатать тѣхъ сочиненій, которыхъ авторы не сообщили намъ своего имени и адреса. Но смѣемъ увѣрить, что мы не употребимъ во зло право издателя и не откроемъ тайны имени, когда автору угодно скрыть его отъ публики». В. П. Гаевскій высказываетъ весьма вѣроятное предположеніе, что дебютировалъ Пушкинъ въ печати невольно, и что стихотвореніе было отдано въ журналъ товарищами безъ его вѣдома. Въ 1815 г. онъ писалъ въ посланіи «Къ Дельвигу»:

Предатели-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тщеславью предаютъ.

(В. Гаевскій, «Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія», «Современникъ» 1863 г., іюль, 162).

Пушкину не было еще пятнадцати лѣтъ, когда онъ написалъ посланіе «Къ другу стихотворцу». Принадлежа еще къ «отроческому» періоду его творчества, оно, конечно, заключаетъ въ себѣ элементы подражательности. Какъ замѣтилъ В. П. Гаевскій, оно напоминаетъ посланіе Батюшкова «Н. М. Муравьеву-Апостолу». Подражаніе же двумъ посланіямъ дяди автора, В. Л. Пушкина, «Къ В. А. Жуковскому» и «Къ князю П. А. Вяземскому» совершенно очевидно. Въ первомъ изъ нихъ тоже говорится о плохомъ поэтѣ Аристѣ:

Аристъ душою добръ, но авторъ онъ дурной.

Дядя писалъ:

Гораній, Овеналъ, Саллюстій, Оукидидъ
Знакомы стали намъ, и, къ вѣчной славѣ Россовъ,
На хладномъ сѣверѣ родился Ломоносовъ!
На лирѣ золотой Державинъ возгремѣлъ,
Безсмертную въ стихахъ безсмертныхъ онъ воспѣлъ.

У племянника читаемъ:

...Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Вѣнцы безсмертные, и честь, и слава Россовъ,
Питаютъ здравый умъ и вмѣстѣ учатъ насъ.

Племянникъ высказываетъ мысль:

Быть славнымъ хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

Эту мысль раньше высказалъ дядя:

Пусть льются тамъ стихи нелѣпые рѣкой.
Мнѣ нужды, мнѣ всего любезнѣе покой.

Аристъ, не тотъ подлецъ, кто рифмы плесть умѣетъ,
И, перьями скрыпя, бумаги не жалѣетъ:
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Виттенштейну Французовъ побѣждать.
Межъ тѣмъ какъ Дмитріевъ, Державинъ, Ломоносовъ,
Шишковъ безсмертные, и честь, и слава Россовъ,
Питаютъ здравой умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтъ едва родясь!
Творенья громкія Рифматова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гніютъ у Глазунова:
Никто не вспомнитъ ихъ, не станетъ вздоръ читать,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндъ взобравшися счастливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ.
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже текутъ,
За то что ты поэтъ, несмѣтныя богатства,
Что ты уже берешь на откупъ Государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку, покойно ѣшь и спишь?
Не такъ, любезной другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки—
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэтовъ—хвалятъ всѣ, читаютъ—лишь журналы;
Катится мимо ихъ Фортуны колесо:
Родился нагъ—и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоенсъ съ нищими постелю раздѣляетъ:
Костровъ на чердакѣ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилѣ преданъ онъ;
Ихъ жизнь—рядъ горестей, гремяща слава—сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного.
«Да что же», говоришь, «судя о всѣхъ такъ строго,
«Перебирая все, какъ новый Ювеналъ,
«Ты о Поэзіи со мною толковалъ:
«А самъ, поссорившись съ Парнасскими сестрами,
«Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?
«Что сдѣлалось съ тобой? Въ умѣ ли ты иль нѣтъ?»

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой тебѣ отвѣтъ:
Въ деревнѣ, помнится, съ мирянами простыми,
Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чести, довольствіѣ жилъ
И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бутылки и стаканы,
Со свадьбы, подъ вечеръ, онъ шелъ немного пьяный;
Попался емy навстрѣчу мужикъ:
«Послушай, Батюшка,» сказали простяки,
«Настави грѣшныхъ насъ—ты нынѣ вѣдь запрещаешь,
«Быть трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
«И вѣримъ мы тебѣ; да что жъ сего-дня самъ...»
«Послушайте», сказалъ Священникъ мужикамъ,
«Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и поступайте,
Живите хорошо, а мнѣ—не подражайте».

Упоминаніе о книжной лавкѣ Глазунова, гдѣ гніютъ творенія Графова, Бибруса и Риѳматова, заимствовано у Батюшкова, изъ пародіи «Пѣвецъ въ бесѣдѣ славянороссовъ»:

Друзья, большой бокалъ отцовъ
За лавку Глазунова!
Тамъ царство вѣчное стиховъ
Шихматова лихова.

Мысль посланія «Къ другу стихотворцу», необходимо замѣтить, гораздо шире замысла В. Л. Пушкина, касавшагося въ двухъ указанныхъ выше пьесахъ только отношеній между двумя тогдашними, предававшимися жестокой полемикѣ литературными партіями—«бесѣдистовъ», сторонниковъ А. С. Шишкова, и карамзинистовъ (см. дальше статью «Бесѣда и Арзамасъ»). Правда, «бесѣдисты» задѣты и молодымъ поэтомъ, но лишь вскользь, небрежно. Сквозь шутливый тонъ пьесы проглядываетъ серьезное, благоговѣйное отношеніе къ искусству и сознаніе его высокаго значенія. Какъ справедливо замѣчаетъ Л. Н. Поливановъ, «свои отроческіе опыты онъ писалъ уже съ чувствомъ спасительнаго страха передъ пошлостью, безвкусіемъ и пустословіемъ». Мальчикъ-поэтъ уже зналъ, что подчасъ жизнь истиннаго художника—«рядъ горестей, гремяща слава—сонъ», что «не тотъ поэтъ, кто риѳмы плесть умѣетъ», и что «хорошіе стихи не такъ легко писать». Л. Н. Майковъ находитъ, что стихотвореніе могло быть обращено къ лицейскому товарищу В. К. Кюхельбекеру, первые опыты котораго вызывали въ лицеѣ общія насмѣшки. Въ подобныхъ предположеніяхъ нѣтъ никакой надобности: посланіе—просто совѣтъ всякому начинающему стихотворцу, лишенному поэтическаго дарованія. Съ «спасительной лозой», ожидающей на Геликонѣ бездарнаго виршеплета, мы встрѣчаемся въ извѣстной эпиграммѣ В. Л. Пушкина: «Какой-то стихотворъ...».

Отзывы Пушкина о различныхъ поэтахъ важны для характеристики его литературныхъ вкусовъ и знаній. Подъ «Риѳматовымъ» разумѣется князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1783—1837), весьма посредственный поэтъ, напыщенный и высокопарный. О немъ см. подробнѣе въ примѣчаніяхъ къ эпиграммѣ на него.

«Графовъ»—знаменитый графоманъ графъ Д. И. Хвостовъ (о немъ см. особую статью).

«Бибрусъ»—Сергѣй Семеновичъ Бобровъ (род. въ концѣ 1760 гг., умеръ 1810 г.), тоже плохой стихотворецъ мистическаго направленія. «Старики» уважали его, но карамзинисты его не щадили. «Бибрусомъ» (отъ глагола bibere) прозвали его за страсть къ вину. Батюшковъ въ своемъ «Видѣніи на берегахъ Леты», 1809 г., называетъ его «виноноснымъ геніемъ». Онъ былъ еще высокопарнѣе и напыщеннѣе Ширинскаго-Шихматова. О его надутости и тупости могутъ дать понятіе одни заглавія его огромныхъ книгъ (потому-то Пушкинъ и назвалъ его «тяжелымъ»): «Разсвѣтъ полночи, или созерцаніе славы, торжества и мудрости порфироносныхъ, броненосныхъ и мирныхъ геніевъ Россіи, съ послѣдованіемъ дидактическихъ, эротическихъ и другихъ разнаго рода въ стихахъ и прозѣ опытовъ», или: «Игры важной Полигимніи, забавной Калліопы и нѣжной Эраты, или занимательные часы для души и сердца относительно священныхъ и другихъ дидактическихъ пѣсней съ нѣкоторыми эротическими чертами и домашними жертвами чувствованій». Надъ Бобровымъ издѣвался П. П. Сумароковъ (1765—1814), пародировавшій его манеру въ «Одѣ въ громко-нѣжно-нелѣпо-новомъ вкусѣ». А. Н. Радищевъ съ насмѣшкою упоминаетъ о немъ въ своей поэмѣ «Бова.». Въ концѣ «Бахчисарайскаго Фонтана» есть одинъ стихъ, который Пушкинъ «укралъ» у Боброва, какъ писалъ онъ князю П. А. Вяземскому въ ноябрѣ 1823 года. О Бобровѣ см. въ примѣчаніяхъ къ «Бахчисарайскому Фонтану».

Ермилъ Ивановичъ Костровъ (1749—1796) переводилъ Гомера и Макферсоновскія «Пѣсни Оссіана»; конечно, по его переводу Пушкинъ «читалъ охотно Апулея» («Золотой оселъ»). Въ одномъ изъ записанныхъ Пушкинымъ «Анекдотовъ» мы встрѣчаемъ разсказъ о гордой независимости безпутнаго Кострова, за которымъ великій поэтъ признавалъ несомнѣнный талантъ.

Въ «Рамаковѣ» трудно видѣть писателя Н. Н. Макарова, относившагося съ сочувствіемъ къ Карамзину, на сторонѣ котораго былъ Пушкинъ. Весьма вѣроятно мнѣніе П. О. Морозова, что это—анаграмма шуточнаго имени: «Мараковъ», т. е. цензора, «марающаго» рукописи.

Н. Лернеръ.

Текстъ «Къ другу—стихотворцу» напечатанъ нами, съ соблюденіемъ орѳографіи, по «Вѣстнику Европы» 1814 г. Объ отли-

И мнѣ то самое пришлося отвѣчать:
Я не хочу себя ни мало оправдать:
Щастливъ, кто ко стихамъ не чувствуя охоты,
Проводитъ тихой вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
Своими одами журналовъ не тягчитъ,
И надъ экспромтами недѣли не сидитъ!
Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса,
Не ищетъ чистыхъ Музъ, ни пылкаго Пегаса;
Его съ перомъ въ рукѣ Рамаковъ не страшитъ;
Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ, онъ—не пишетъ!

Но полно разсуждать—боюсь тебѣ наскучить,
И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
Теперь, любезной другъ, я далъ тебѣ совѣтъ,
Оставишь ли свирѣль, умолкнешь, или нѣтъ?..
Подумай обо всемъ и выбери любое:
Быть славнымъ—хорошо, спокойнымъ—лучше вдвое.

Александръ Н. к. ш. п.

ФЕБЪ-АПОЛЛОНЪ.

Изъ иллюстрацій Эйзена (Eisen) въ художественномъ изданіи Овидія (Парижъ 1757).

чіяхъ этого текста отъ принятаго другими издателями см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Здѣсь-же отмѣтимъ нѣкоторыя имѣющія общій интересъ подробности цензурной «тяжбы», которую пришлось вести редактору перваго научнаго изданія—Анненкову въ 1854 г. То былъ апогей страшной реакціи 1848—1855 гг., и въ частности эпохи «цензурнаго террора», какъ она была охарактеризована въ офиціальной запискѣ 1862 г. Пришлось самымъ серьезнымъ образомъ доказывать, что въ стихахъ «Талисмана»

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья
Читалъ я сладостный коранъ

Пушкинъ «не имѣлъ нисколько намѣренія показать сладость корана»: пришлось по поводу стиховъ

Мой недочитанный разсказъ
Въ передней кончитъ вѣкъ позорный,
Какъ Пивалидъ иль Календарь.

столь-же серьезно доказывать, что «авторъ говоритъ объ Пивалидѣ и Календарѣ не какъ объ изданіяхъ академіи, а какъ о старыхъ газетахъ и указателяхъ, не нужныхъ по окончаніи срока» и т. д.

Нерѣдка Анненковъ выигрывалъ эту траги-комическую «тяжбу», но большею частью терпѣлъ пораженіе. Въ частности по отношенію къ «Къ другу-стихотворцу» цензура 1814 года была снисходительнѣе, чѣмъ цензура 1854 года, и въ стихахъ 70 и 80 слово священникъ пришлось безсмысленно замѣнить совершенно неподходящимъ въ данномъ случаѣ словомъ отшельникъ. А въ 81 стихѣ пришлось вовсе выбросить слово «въ церкви», благодаря чему этотъ стихъ напечатанъ съ уменьшеніемъ стопы: Какъ . . . . васъ учу, такъ вы и поступайте.

Немножко, впрочемъ, Анненкову удалось надуть цензуру. Онъ, во-первыхъ, въ 80 стихѣ слово отшельникъ набралъ курсивомъ, такъ что читатель догадывался, что тутъ что-то неладное. А сверхъ того въ примѣчаніяхъ ему благополучно удалось сказать: «Въ нашей редакціи употреблено слово «отшельникъ» въ одномъ стихѣ вмѣсто того, которое было въ журналѣ». («Вѣст. Евр.» 1880 г. № 1 и въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья» Спб. 1892, стр. 411—412).

Ред.

13. Къ сестрѣ.

Принадлежа къ тому періоду, когда поэтъ только что вступилъ въ отроческій возрастъ, пьеса эта носитъ на себѣ вполнѣ черты подражательности. У мальчика-поэта были свои «властители думъ», которымъ онъ поклонялся, которыхъ бралъ за образецъ. Припоминаются стихи, которые писалъ (въ томъ же 1814 году) одинъ изъ его товарищей, А. Д. Илличевскій, своему другу, въ отвѣтъ на его вопросъ, получаются ли въ Лицеѣ вновь выходящія книги:

И можетъ ли ручей серебристой,
По свѣтлому песку катя кристаллы свой чистой
И тихою волной ласкаясь къ берегамъ,
Течь безъ источника по рощамъ и лугамъ?..
И можетъ ли огонь пылать безъ вѣтра?..
И можетъ ли когда въ долинахъ зелень кедра
А въ полѣ злакъ цвѣсти безъ солнца и дождя?..
И можетъ ли поэтъ неопытной и юной,
Чуть-чуть бренча на лирѣ тихострунной,
Не подражать другимъ?—Ахъ! никогда!

(«Пушкинъ, его Лицейскіе товарищи и наставники», статьи и матеріалы Я. Грота. Спб., 1899, стр. 61). Самая форма посланія «Къ сестрѣ», самый размѣръ не оригинальны. «Посланія» были въ тѣ времена въ большой модѣ: въ сравненіи съ наскучившими всѣмъ одами они имѣли еще то преимущество, что представляли удобную почву для выраженія разнообразныхъ чувствъ и мыслей, допускали простоту слога и вообще предоставляли писателю довольно значительную свободу. Форма посланія, быстрая по темпу стиха и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяющая растянуть размѣръ пьесы, отличается значительной свободой, не въ примѣръ одѣ съ ея строгими законами метра и стиля. Съ легкой руки Батюшкова, написавшаго въ 1811 г. трехстопнымъ ямбомъ посланіе къ В. А. Жуковскому и кн. П. А. Вяземскому — «Мои пенаты», которое вызвало отвѣтныя посланія Жуковскаго и Вяземскаго, и дало дядѣ Пушкина, В. Л. Пушкину, поводъ написать подобное посланіе къ Д. В. Дашкову, «посланія» стали очень популярной поэтической формою. Слѣды всѣхъ этихъ стихотвореній, въ видѣ ли прямого подражанія, въ видѣ ли реминисценціи, находятся въ пьесѣ Пушкина. Посланіе «Мои пенаты» сначала ходило въ спискахъ, а въ 1814 г. было помѣщено въ первомъ томѣ сборника Никольскаго «Пантеонъ русской поэзіи». Впослѣдствіи Пушкинъ восхищался пьесой Батюшкова и находилъ, что она «ды-

13. Къ сестрѣ.

Ты хочешь, другъ безцѣнной,
Чтобъ я, поэтъ младой,
Бесѣдовалъ съ тобой;
И съ лирою забвенной,
Мечтами окрыленной,
Оставилъ монастырь
И край уединенной,
Гдѣ непрерывный миръ
Во мракѣ опустился,
И въ пустынѣ глухой
Безмолвно воцарился
Съ угрюмой тишиной!...

. . . . . .

И быстрою стрѣлой
На Невскій бретъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой,
И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взойдетъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато—
Чернецъ я не богатой—
Въ подарокъ *пукъ стиховъ*.
Тайкомъ взойдетъ въ диванну,
Хоть помощью пера,
О, какъ тебя застану,
Любезная сестра!
Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака ли читаешь,
Жанлисъ ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты перенеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ,
И шепчетъ лѣсъ кудрявый,
И мчится величавый
Съ вершины горъ потокъ?
Иль моську престарѣлу,
Въ подушкахъ посѣдѣлу,
Окутавъ въ длинну шаль
И съ нѣжностью лелѣя,
Ты къ ней зовешь Морфея?
Иль смотришь въ темну даль
Задумчивой Свѣтланой
Надъ шумною Невой?
Иль звучнымъ фортепьяно
Подъ бѣглою рукой
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Ниччини иль Рамо?

Литографія, по семейному преданію, чрезвычайно похожая на сестру Пушкина въ ранней молодости. Принадлежитъ теперь сыну Ольги Сергѣевны—Л. Н. Павлищеву. Воспроизводится здѣсь въ первый разъ.

Но вотъ, ужъ я съ тобою,
И въ радости нѣмой
Твой другъ расцвелъ душою,
Какъ ясный вешній день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тѣнь.

Но это лишь мечтанье!
Увы, въ монастырѣ,
При блѣдномъ свѣчь сіяньѣ,
Одинъ пишу къ сестрѣ.
Все тихо въ мрачной кельѣ;
Защелка на дверяхъ,
Молчанье—врагъ веселья—
И скука на часахъ!
Стулъ ветхій, необитый,
И шаткая постель,
Сосудъ, водой налитый,
Соломенна свирѣль—
Вотъ все, что предъ собою
Я вижу пробужденъ.
Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!
Тобою принесенный
Къ волшебной Инокренѣ,
И въ кельѣ я блаженъ!

шитъ какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденья: слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется: гармонія очаровательна». (Л. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 294). Подобно Жуковскому, обѣщающему Батюшкову, «милому собрату, въ подарокъ пукъ стиховъ», Пушкинъ обѣщаетъ сестрѣ такой же пукъ стиховъ. Подобно Батюшкову и Вяземскому, Пушкинъ перечисляетъ любимыхъ сестрою писателей. Описаніе убранства своей кельи Пушкинъ, несомнѣнно, заимствовалъ изъ посланій Батюшкова и В. Л. Пушкина. Стихъ молодого поэта очень изященъ. Недаромъ Анненковъ обратилъ вниманіе на «неправильный и вмѣстѣ какъ-то легкій, текучій стихъ» этой пьесы. Дѣйствительно, простота и легкость, съ какою Пушкинъ усвоилъ себѣ граціозный батюшковскій стихъ, поразительны, особенно для такой ранней поры.

Своимъ посланіемъ «Къ сестрѣ», Пушкинъ, какъ видно изъ содержанія пьесы, удовлетворилъ желаніе сестры знать, какъ ему живется въ Лицеѣ, отвѣтивъ поэтически-образно. Лицей онъ представилъ «монастыремъ», а себя молодымъ «чернецомъ», рвущимся изъ монастырскихъ стѣнъ на волю. Безъ значительнаго поэтическаго преувеличенія поэтъ не могъ, конечно, изобразить царскосельскій Лицей, гдѣ жилось довольно шумно и свободно, какъ «край уединенный, гдѣ непрерывный миръ во мракѣ опустился, и въ пустынѣ глухой безмолвно воцарился съ угрюмой тишиной!».. Сходство съ монастыремъ было развѣ въ томъ, что изъ Лицея (по крайней мѣрѣ, въ первое время) воспитанниковъ никуда не отпускали. Все, что мы знаемъ о пребываніи Пушкина въ Лицеѣ, показываетъ намъ веселаго, бойкаго мальчика, потомъ юношу, окруженнаго веселыми, рѣзвыми товарищами, и слова «чернеца»-поэта объ его уныніи, вздохахъ и слезахъ отзываются вовсе не правдивой, хотя и невинной экзальтаціей. Внѣшній автобіографическій матеріалъ пьесы, такимъ образомъ, довольно сомнителенъ, но внутренній, т. е., мысль пьесы, долженъ остановить на себѣ вниманіе критика и біографа. Страстная любовь къ литературѣ жила въ мальчикѣ-поэтѣ. Онъ зналъ свое призваніе, понималъ, что даетъ ему творческая работа мысли: «Фантазія, тобою одной я награжденъ... что было бы со мною, богиня, безъ тебя!»... Грустныя, элегическія строки заканчиваются обычнымъ у Пушкина, натура котораго не любила подолгу останавливаться на печали, примирительнымъ аккордомъ — мыслью о предстоящей радости при свиданіи «разстриги» съ любимой сестрой. Сестра, которая была старше поэта, еще была тогда для него авторитетомъ: время еще не ослабило ихъ взаимной дѣтской привязанности.

«Скажи мнѣ, что ты читаешь, и я скажу тебѣ, что ты такое». У Пушкина довольно нерѣдкій пріемъ—характеризовать человѣка книгами, которыя онъ читаетъ. По названіямъ книгъ, которыми интересовалась сестра Пушкина, по именамъ композиторовъ, пьесы которыхъ она играла, по ея времяпрепровожденію, изображаемому поэтомъ, мы рисуемъ себѣ дѣвушку незаурядную (ср. дальше статью «Сестра Пушкина»).

Поэтъ тосковалъ по родному дому, гдѣ былъ «знакомъ съ суетою». Мы дѣйствительно знаемъ уже, что, по общимъ отзывамъ всѣхъ знавшихъ его семью, это былъ свѣтскій домъ, гдѣ все съ утра до вечера ходуномъ ходило, всегда веселились, и гостей было полнымъ полно.

«Пѣвецъ Людмилы»,—Жуковскій, авторъ баллады «Людмила», написанной въ подражаніе «Ленорѣ» Бюргера.

«Жанъ-Жакъ»—Руссо. Въ настоящемъ случаѣ, очевидно, какъ авторъ романа «Новая Элоизъ».

Жанлисъ—графиня Stephanie Felicité Ducrest de Saint Aubin marquise de Sillery, comtesse de Genlis (1746—1831) знаменитая въ свое время франц. романистка и авторъ приторно-«нравственныхъ» повѣстей для дѣтей, чрезвычайно популярныхъ у насъ въ концѣ 18 в. и началѣ 19-го.

Грей—Thomas Grey (1716—1771), знаменитый англійскій элегическій поэтъ, авторъ переведеннаго на русскій языкъ Жуковскимъ «Сельскаго кладбища».—Томсонъ—James Thomson, другой знаменитый англійскій поэтъ, авторъ поэмъ, изъ которыхъ лучшая—«The Seasons» («Четыре времени года»). Жуковскій увлекался обоими поэтами, и Пушкинъ въ одномъ шуточномъ стихотвореніи посылалъ «штабсъ-капитану Гете, Грею, Томсону, Шиллеру» въ лицѣ одного Жуковскаго свой привѣтъ.

Рамо—Jean-Philippe Rameau (1683—1764), французскій композиторъ, писалъ оперы и пьесы для клавесина; Пиччини—Niccolo Piccini (1728—1800), итальянецъ, прожившій большую часть своей жизни во Франціи, писалъ оперы и сонаты. «Пиччини плѣнить умѣлъ слухъ дикихъ парижанъ»,—говоритъ пушкинскій Сальери («Моцартъ и Сальери»).

Что было бы со мною,
Богиня, безъ тебя?
Знакомый съ суетою,
Пріятной для меня,
Увлекшись въ даль судьбою,
Я вдругъ, въ глухихъ стѣнахъ,
Какъ Леты на брегахъ,
Тобою похищенный
Явился заключенный;
И скрипнули врата,
Сомкнувшись надо мною:
И міра красота
Отбылась черной мглою!...
Съ тѣхъ поръ кляжу на свѣтѣ,
Какъ узникъ изъ темницы
На яркій блескъ денницы.
Свѣтило дня взойдетъ,
Лучь кинетъ позлащенной
Сквозь узкое окно,
Но сердце помраченно
Не радуетъ оно.
Иль позднею зарею,
Какъ лучь на небесахъ,
Покрытыхъ темнотою,
Темнѣетъ въ облакахъ
Близъ келіи встрѣчаю
Я сумрачную тѣнь...
И вздохомъ провожаю
Скрывающійся день!...
Сквозь слезъ смотрю въ рѣшетки,
Перебирая чотки.

По время протечетъ,
И съ каменныхъ воротъ
Падутъ, падутъ запоры,
И въ пышный Петроградъ
Черезъ долины, горы
Ретивые примчатъ;
Спѣша на новоселье,
Оставлю темну келью,
Поля, сады свои;
Подъ столъ клобукъ съ веригой—
И прилечу разстригой
Въ объятія твои!

По словамъ Л. Н. Павлищева («Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890, стр. 17), Пушкинъ переписалъ это посланіе на простой сѣрой бумагѣ въ пяти экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ достался отъ О. С. Павлищевой ему, Л. Н. Павлищеву. Однако, автографъ неизвѣстенъ, и пьеса печатается по сдѣланной сестрою поэта и пынѣ принадлежащей Н. Я. Ланкову копіи, которою пользовался Л. Н. Майковъ. Впервые пьеса была напечатана въ изданіи П. В. Анненкова, безъ пяти послѣднихъ, отброшенныхъ по цензурнымъ условіямъ стиховъ, которые были сообщены Е. Н. Якушкинымъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., № 10, ст. 309. Происхожденіе пробѣла послѣ 13 стиха неизвѣстно. [1])

Н. Лернеръ.

Антоній Гамильтонъ.

Всѣ упомянутые въ посланіи къ сестрѣ писатели-любимцы Пушкина и его сестры достаточно извѣстны. Но имя «рѣзваго Гамильтона» почти совершенно исчезло изъ литературной памяти, особенно въ Россіи. А между тѣмъ онъ несомнѣнно произвелъ сильное впечатлѣніе на юнаго Пушкина, разъ онъ его такъ выдѣлилъ. А кромѣ того оказывается, изъ нижеслѣдующей статьи, что Гамильтонъ оказалъ извѣстное вліяніе и на «Руслана и Людмилу». Вотъ почему мы сочли полезнымъ дать особый этюдъ о Гамильтонѣ, который, надо думать, главнымъ образомъ произвелъ впечатлѣніе на Пушкина не записками герцога Граммона, а восточными сказками.

Ред.

Мемуары герцога де-Граммона считаются классическимъ образцомъ французскаго «ésprit», слегка насмѣшливаго и мѣткаго безъ злобы, граціознаго, отмѣченнаго всегда тонкимъ вкусомъ и тактомъ во всѣхъ смѣлостяхъ и вольностяхъ описаній и повѣствованія. Однако, авторъ этихъ мемуаровъ — уроженецъ Великобританіи, потомокъ старинаго шотландскаго рода по отцу, ирландецъ по женской линіи. Ему суждено было стать характернымъ выразителемъ французскихъ литературныхъ идеаловъ въ «Мемуарахъ», а своими «Сказками» онъ внесъ въ французскую литературу чисто англійскія качества: здоровый юморъ, умѣніе подмѣчать забавное, свободу фантазіи, лишь рѣдко доходящую, однако, до грубой порнографіи, свойственной его французскимъ современникамъ.

Этотъ писатель, соединявшій съ большимъ блескомъ характерныя черты французовъ и англичанъ—самыхъ противоположныхъ по духу двухъ націй—былъ Антоній Гамильтонъ.

Отецъ его, Джорджъ Гамильтонъ, былъ внукъ герцога Гамильтона, получившаго во Франціи титулъ герцога Шательре. Связи съ Франціей у Гамильтоновъ были старинныя. Мать будущаго писателя, урожденная Бутлеръ, была ирландка, сестра герцога Ормонда, вице-короля Ирландіи. Примѣсью ирландской крови и объясняется перерожденіе Гамильтона въ французскаго писателя. Въ ирландцахъ есть много общаго съ французами. Англосаксонецъ чистой крови не могъ бы стать характернымъ представителемъ романской литературы.

Дѣтство Антонія Гамильтона протекло во Франціи, куда родители его бѣжали послѣ казни Карла I. Они жили въ Канѣ, въ Нормандіи, и очень бѣдствовали, пока жена герцога Ормонда не поѣхала въ Англію хлопотать за нихъ у Кромвеля. Когда на тронъ вступилъ Карлъ II, семья Гамильтоновъ смогла вернуться на родину (1660), и юность Антонія Гамильтона прошла при дворѣ Карла II, гдѣ царило французское легкомысліе и французская вольность нравовъ. Антоній Гамильтонъ оставался въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Франціей; онъ часто ѣздилъ туда гостить къ своей сестрѣ, знаменитой красавицѣ Гамильтонъ. Она блистала при дворѣ Карла II и вышла замужъ за герцога де Граммона. При дворѣ Карла II Антоній Гамильтонъ не могъ сдѣлать карьеры, такъ какъ парламентъ не позволялъ королю покровительствовать католикамъ. Поэтому, съ разрѣшенія короля, Антоній поступилъ на службу къ Людовику XIV. Въ французской арміи служили уже три его старшихъ брата, изъ которыхъ одинъ, Джорджъ, командовалъ имъ же составленнымъ англійскимъ полкомъ.

Когда на англійскій престолъ вступилъ Іаковъ II, возстановившій католическій режимъ, Гамильтонъ покинулъ Францію и вернулся на родину. Ему вскорѣ дали

1) Объ нѣкоторыхъ, очень небольшихъ отличіяхъ нашего текста отъ текста Майкова см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Отличія сводятся къ тому, что мы придерживались орографіи Пушкинскаго времени.

Ред.

полкъ въ Ирландіи, назначили его губернаторомъ одного изъ крупныхъ ирландскихъ городовъ, Лимерика. Въ 1686 году онъ сталъ получать большую пенсію вмѣстѣ съ дарованнымъ ему титуломъ privy counsellor, такъ что снова какъ бы окончательно укрѣпился на родинѣ. Но послѣ паденія Іакова II, Антоній, вмѣстѣ со своимъ братомъ Ричардомъ, тоже служившимъ въ Ирландіи, долженъ былъ послѣдовать за королемъ въ изгнаніе.

Дальнѣйшая жизнь Антонія Гамильтона протекла безъ яркихъ внѣшнихъ событій въ скучной обстановкѣ Сенъ Жерменскаго двора, резиденціи павшаго короля. Лучшими друзьями Гамильтона были тамъ герцогъ Бервикъ, незаконный сынъ Іакова II, французскій воинъ англійскаго происхожденія, его жена и сестры, дѣвицы Болкли, о которыхъ часто упоминается въ письмахъ Гамильтона. На одной изъ нихъ, Генріеттѣ, Гамильтонъ хотѣлъ жениться: но оба они были безъ средствъ и оба любили роскошь, такъ что бракъ этотъ не состоялся изъ благоразумія.

Однообразіе жизни въ Сенъ Жерменѣ и пробудило въ Гамильтонѣ его литературный талантъ. Онъ сочинялъ стихи и посланія на разные случаи придворной жизни, а потомъ захотѣлъ высмѣять увлеченіе придворныхъ дамъ поддѣлками арабскихъ сказокъ и сталъ писать пародіи на нихъ, «plus arabes qu'en Arabie». Такъ возникли его сказки подобно «Донъ-Кихоту», задуманному какъ пародія на рыцарскіе романы. Но онѣ, быть можетъ, остались бы незамѣченными современниками Гамильтона, если бы авторъ ихъ не прославился другимъ произведеніемъ—мемуарами своего шурина, герцога Граммона. Мемуары были задуманы около 1704 года, при чемъ Гамильтонъ взялъ на себя скромную роль секретаря, записывающаго воспоминанія доблестнаго и жизнерадостнаго герцога. На самомъ дѣлѣ, однако, герцогъ далъ Гамильтону только фактическій матеріалъ своими частыми разсказами о прошломъ, а Гамильтонъ, дополнивъ его своимъ собственнымъ знаніемъ двора Карла II, создалъ самостоятельное, истинно художественное произведеніе.

Въ старости Гамильтонъ сталъ благочестивъ, — какъ большинство людей его времени и его круга. Онъ умеръ въ 1720 году—вовсе не безбожникомъ, какимъ Вольтеръ представляетъ его въ извѣстныхъ стихахъ въ Temple du goût:

Auprès d'eux le vif Hamilton,
Toujours armé d'un trait qui blesse,
Médisait de l'humaine espèce—
Et même d'un peu mieux, dit-on

Душевный разладъ былъ немыслимъ въ условіяхъ, опредѣлявшихъ жизнь Гамильтона. Онъ воспитался и жилъ въ средѣ, которая признавала единственнымъ священнымъ долгомъ чести—служеніе королю и родинѣ. Но у него оказались двѣ родины, два короля. Вслѣдствіе этого патріотизмъ какъ-то незамѣтно перешелъ въ военный карьеризмъ, а служеніе національнымъ интересамъ свелось къ вѣрности монархическому принципу. Все это роковымъ образомъ породило скептицизмъ и холодъ въ душѣ англичанина, служившаго въ французской арміи, командовавшаго потомъ полкомъ въ Ирландіи, съ тѣмъ, чтобы снова вернуться во Францію. И преданность королевскому дому тоже вела Гамильтона двумя противоположными путями. При Карлѣ II легкость нравовъ была закономъ придворной жизни. Сенъ-Жерменскій дворъ Іакова II былъ, напротивъ того, царствомъ святошества. Гамильтонъ подчинялся нравамъ и того и другого двора. Другіе рядомъ съ нимъ дѣлались пошлыми царедворцами при такихъ условіяхъ, а Гамильтона спасалъ его талантъ. Обстоятельства выработали въ немъ опредѣленное міросозерцаніе, а благодаря своему художественному таланту, онъ смогъ воплотить его въ наиболѣе соотвѣтственной формѣ. Нравственные устои жизни потеряли для него цѣнность. Онъ вѣрился въ нихъ стихійно, помимо разсужденій, только переживая свою собственную жизнь. Но ему открылось другое. Онъ полюбилъ въ жизни богатство ощущеній, полноту каждаго момента, легкость жизни, внутреннюю свободу отъ другихъ и отъ себя. А когда молодость прошла—Гамильтонъ сталъ писать уже въ Сенъ-Жерменѣ—въ немъ созрѣлъ эстетизмъ, тѣсно связанный съ эпикурейской мудростью. Высшія откровенія искусства на такой почвѣ не возникаютъ, но на ней могутъ вырасти благоуханные цвѣты, и къ такимъ принадлежатъ сказки Гамильтона. Нужно было любить жизнь и не вѣрить въ нее, нужно было проникнуться любовью къ формамъ, къ узорамъ, создаваемымъ игрой ума и чувствъ,—быть поэтомъ, чтобы создать сказки Гамильтона, восточныя по формѣ, романтичныя по настроенію.

Изъ его сказокъ наибольшей извѣстностью пользуется «Fleur d'Epine». По вступительному посланію видно, что онъ писалъ ее въ скучномъ Сенъ-Жерменѣ, чтобы позабавить придворныхъ дамъ пародіей на модныя восточныя сказки, разсказомъ о безконечно запутанныхъ приключеніяхъ и доблестныхъ подвигахъ во имя любви. Насмѣшки Гамильтона относились, конечно, къ поддѣлкамъ арабскихъ сказокъ. Подлинныя сказки «Тысяча одной ночи» онъ высоко цѣнилъ и старался перенести ихъ яркую фантазію и тихую мудрость въ свои произведенія. Но только внѣшняя обстановка сказокъ Гамильтона — восточная. Восточные нравы—удобная рамка для сатиры надъ западной дѣйствительностью. Восточныя возможности освѣщаютъ съ яркостью карикатуры скрытую житейскую правду культурной европейской жизни и культурныхъ общественныхъ отношеній. Гамильтонъ пользовался восточными рамками именно для этихъ цѣлей, увлекаясь кромѣ того красотой и пышностью восточныхъ красокъ. Но «Fleur d'Epine» ближе по духу къ средневѣковымъ романтичнымъ поэмамъ. Гамильтонъ преводитъ въ ней тихія чары нѣжной женской души, отдавая имъ предпочтеніе передъ ослѣпительнымъ блескомъ красоты, такъ-же, какъ въ мужчинѣ онъ ставитъ выше умъ и чуткость сердца чѣмъ блестящія внѣшнія данныя. Его герой, переодѣтый конюхомъ принцъ, попадаетъ ко двору кашмирскаго короля, удручennаго страшнымъ несчастіемъ: его дочь слишкомъ красива, и всѣ слѣпнутъ, глядя на нее. Пагубная красота принцессы Luisante описана иронически; чувствуется легкая насмѣшка знатока свѣтскихъ женщинъ, губительницъ сердецъ. Отъ нихъ такъ легко спастись—нужно только надѣть соотвѣтствующіе очки, какъ Тараре, герой сказки. Ему поручаютъ «обезвредить» взоръ принцессы и спасти тѣмъ самымъ страну. Для этого нужно совершить рядъ подвиговъ, и онъ совершаетъ ихъ—но изъ благородства, а не во имя любви. Онъ холоденъ къ принцессѣ Luisante въ противоположность ей, покоренной обаяніемъ его ума. Онъ не красивъ, но привлекаетъ своими духовными качествами. Происходитъ рядъ сказочныхъ приключеній. Тараре долженъ вернуть доброй волшебницѣ ея дочь, похищенную злой колдуньей. Дочь эта—«Цвѣтокъ шиповника», и въ нее влюбляется Тараре. Ея очарованіе болѣе нѣжное, чѣмъ губительная красота Luisante. Тараре увозитъ ее на конѣ. Спасаясь отъ преслѣдованія колдуньи, онъ мчится съ нею вдаль и объясняетъ ей по пути, что хотя подвиги свои онъ совершаетъ для принцессы Luisante, но любитъ не ее, а свою теперешнюю спутницу. Эта сцена объясненія любви полунамеками—очень нѣжная и поэтичная, и она приводится часто, какъ образецъ граціознаго поэтическаго стиля Гамильтона. Въ концѣ сказки принцу достается его нѣжная подруга послѣ долгихъ и тяжелыхъ испытаній, а принцесса Luisante переноситъ свою любовь на брата Тараре, столь же краснаго лицомъ, какъ Тараре прекрасенъ умомъ и душой.

Въ этой сказкѣ ясно обнаружился скептическій умъ Гамильтона, его легкое отношеніе къ судьбѣ, къ трагизму чувствъ: всѣ сплетенія обстоятельствъ распутываетъ съ улыбкой тотъ, кто понимѣе, кто смотритъ на событія со стороны или свысока. И онъ же знаетъ, что счастье даетъ не то, что ослѣпляетъ толпу своимъ блескомъ, а тихое единеніе чуткихъ душъ. Сказка эта—лучшая изъ сказокъ Гамильтона—прекрасная по формѣ, по образности и граціи языка, по художественному сочетанію ироніи съ лиризмомъ настроеній и по искусному умѣнью автора отдѣлять свою правду, правду поэта, отъ правды толпы. Онъ дѣлаетъ это легкимъ подчеркиваніемъ комическихъ чертъ съ одной стороны, а съ другой—прозрачностью и нѣжностью въ изображеніи своего идеала красоты.

«Le Belier»—сказка въ стихахъ, написанная на опредѣленный случай: герцогиня де Граммонъ была недовольна названіемъ своего помѣстья вблизи Парижа, Мулино, и хотѣла переокрестить это названіе на болѣе поэтичное. Гамильтонъ придумалъ по этому поводу цѣлую легенду, оправдывающую новое названіе. Въ сказкѣ очень забавенъ великанъ Мулино, комическая фигура, соединяющая глупость, наивность и важность: она писана была съ кого-нибудь изъ знакомыхъ автору и всему его кругу придворныхъ. Третья сказка, «Les quatre Farcadets», не закончена. Она очень запутана: множество эпизодовъ такъ сплетены, что въ нихъ невозможно разобраться. Авторъ какъ-бы нарочно запуталъ интригу безъ намѣренія дать развязку. Но отдѣльные эпизоды сами по себѣ интересны и поэтичны. Одинъ эпизодъ напоминаетъ сюжетъ «Руслана и Людмилы». Общій остовъ сказки заключается въ томъ, что четыре героя, посящихъ, по сцѣпленію

необычайныхъ обстоятельствъ, одно и то же имя, Фаркаде, совершаютъ подвиги для разныхъ принцессъ. Больше всего рыцарей у той, которую зовутъ Mousseline la Serieuse; она никогда не улыбается. Мать ея умерла смѣясь, а несчастіе дочери въ противоположной крайности. Героиня другого эпизода—Cristalline la Curieuse. Она убѣжала изъ дому, потому что ее пугали страшнымъ чудовищемъ—мужчиной, и ей неудержимо захотѣлось взглянуть на него. Въ лѣсу она встрѣчаетъ юношу, загорѣвшагося желаніемъ увидать то злое существо, отъ котораго его оберегаютъ — женщину. Обадовольны встрѣчей. Но любопытная Кристалина жаждетъ новыхъ встрѣчъ и приключеній. Въ наказаніе за свое любопытство она попадаетъ въ плѣнъ къ старому злому духу— онъ напоминаетъ Черномора, который держитъ ее взаперти, въ хрустальномъ замкѣ. Раньше онъ путешествовалъ съ нею, но узнавъ, что она измѣнила ему, онъ заперъ ее — и она ждетъ избавителя. Но условія ея избавленія — крайне скабрезнаго свойства—всѣхъ отпугиваютъ, тѣмъ болѣе что красотаКристалины на склонѣ.

АНТОНІЙ ГАМИЛЬТОНЪ.
Съ гравюры Fessard'a.

Этотъ эпизодъ какъ и большинство другихъ, не имѣетъ развязки, и перепутывается съ другими. Но при всей своей намѣренной запутанности, сказка очень красивая, женскіе образы поэтичные и правдивые: всѣ эти принцессы и красавицы обнаруживаютъ «вѣчно женственные» пороки и слабости и привлекаютъ «вѣчно женственными» чарами красоты и души. Принцесса Mousseline la Sérieuse могла бы быть украшеніемъ средневѣковой поэмы. Существуютъ окончанія и этой сказки (на основаніи данныхъ оригинала) и четвертой незаконченной сказки Гамильтона «Zobaide» де Левиса (de Levis) въ изданіи Ренуара (1812 г.), но они не представляютъ большаго литературнаго интереса.

Сказки Гамильтона написаны были въ пору расцвѣта этого рода литературы; Лафонтенъ, его подражатели и послѣдователи, а потомъ Вольтеръ и его школа, пересказывали на разные лады боккачіевскіе сюжеты, изощряя свою фантазію и остроуміе на разработкѣ эротическихъ и философскихъ темъ. Но сказки Гамильтона имѣютъ свою особую индивидуальность сравнительно со всѣми другими. Въ нихъ нѣтъ преобладанія порнографическаго элемента, за почти единственнымъ исключеніемъ эпизода въ исторіи Кристалины Любопытной. Всѣ онѣ скорѣе романтичны. Въ нихъ отразилась жажда нѣжности, которой недоставало въ суетной и трезвой жизни поэта. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ много здороваго жизненнаго реализма: видна наблюдательность, умѣніе возсоздать психологическую правду, что очень важно въ фантастическомъ произведеніи. Сказки Гамильтона не бредъ, а какъ бы совершенно логичная дѣйствительность, перенесенная въ міръ иныхъ возможностей, чѣмъ наши. Въ этой правдѣ, т. е. во внутренней цѣльности вымысла—тайна сказочнаго творчества. Когда она есть, поэтъ увлекаетъ своимъ вымысломъ. У Гамильтона эта внутренняя цѣльность есть и онъ увлекалъ своихъ современниковъ и вдохновлялъ позднѣйшихъ поэтовъ.

Сказки Гамильтона не появлялись въ печати при его жизни. Три первыя были напечатаны впервые въ 1730 году, черезъ десять лѣтъ послѣ смерти автора. Полное

изданіе появилось въ 1749 году, затѣмъ въ 1781 въ коллекціи гр. д'Артуа, вмѣстѣ съ «Мемуарами герцога Граммона». Лучшія изъ позднѣйшихъ изданій сказокъ Оже (Auger), 1803 г. (3 тома) и Э. Ренуара (Renourd) въ 1812 г. съ вступительной статьей Оже и продолженіями сказокъ де Левиса.

«Мемуары герцога Граммона» обнаружили въ легкомысленномъ скептикѣ Гамильтонѣ историка съ твердыми проницательными сужденіями. Нѣкоторыя страницы, какъ напр. характеристики Кромвеля и другихъ, цитируются какъ образцы проникновенія въ смыслъ исторіи. Но привлекательность «Мемуаровъ» заключается главнымъ образомъ въ ихъ художественности, въ томъ, что Гамильтонъ воссоздалъ красочно и живо особый міръ, въ которомъ единственные устои жизни—храбрость и страсть, въ которомъ воля преобладаетъ надъ разумомъ—и есть своя красота, свое величіе. Его герой одинаково отличался умѣніемъ побѣждать враговъ—и покорять женскія сердца. Гамильтонъ не помнилъ его молодымъ, такъ какъ герцогъ былъ на двадцать лѣтъ старше его, но онъ умѣлъ воссоздать атмосферу событій, о которыхъ часто разсказывалъ ему его шуринъ, особенно благодаря своему близкому знанію двора Карла II. «Мемуары» распадаются на двѣ части: въ первой разсказываются военные подвиги и переживанія герцога, а во второй жизнь въ Англіи и свѣтскія приключенія Граммона. Въ первой есть великолѣпныя картины жизни во время осады; но наиболѣе колоритна вторая, рисующая вихрь придворной жизни въ Англіи. Гамильтонъ изображаетъ своего героя со всѣми пороками того времени—разсказываетъ даже о томъ, что онъ плутовалъ при игрѣ въ карты. Это не было преступленіемъ по тогдашнимъ понятіямъ, такъ же какъ никто не осуждалъ бы его за легкомысліе въ любовныхъ дѣлахъ. Объ одномъ эпизодѣ въ жизни герцога Гамильтонъ не упоминаетъ—о томъ, какъ онъ женился на красавицѣ Гамильтонъ. Герцогъ де Граммонъ прожилъ сезонъ въ Лондонѣ, очутившись въ опалѣ послѣ того какъ онъ отбилъ у Людовика XIV одну изъ его фаворитокъ. Въ Лондонѣ онъ увлекся красавицей Гамильтонъ и сдѣлался ея женихомъ. Но получивъ разрѣшеніе вернуться на родину, онъ такъ обрадовался, что въ тотъ же день уѣхалъ, забывъ всѣ свои обязательства. Два брата его невѣсты, старшіе братья Антонія, помчались за нимъ и нагнали его въ Дуврѣ.—Герцогъ, крикнули они, остановивъ его коляску.—Вы ничего не забыли въ Англіи?—Да, я забылъ жениться на вашей сестрѣ, отвѣтилъ находчивый герцогъ,—вернулся и женился. Эту исторію Гамильтонъ не разсказываетъ изъ семейныхъ соображеній, но «Мемуары» пестрятъ мѣткими отвѣтами и mots герцога, который занялъ благодаря своему острому уму видное и свободное положеніе при дворѣ. Какъ изображеніе не только нравовъ но и внутренняго духа тогдашней придворной жизни, представлявшей любопытную смѣсь легкомыслія и большой жизненной силы, книга Гамильтона сохраняетъ на всегда неувядаемый интересъ. Въ ней, какъ и въ «Сказкахъ» воплотился писатель съ привлекательной индивидуальностью, поэтъ эпикуреецъ съ трезвымъ пониманіемъ людей и съ утонченнымъ вкусомъ.

«Мемуары» не появлялись въ печати при жизни герцога. Анекдотъ о томъ, что герцогъ самъ хлопоталъ у Фонтенеля, цензора книги, о пропускѣ ея, хотя Фонтенель не разрѣшалъ ее печатать, оберегая честь стараго герцога — лишенъ фактическаго основанія. Одно изъ самыхъ старѣйшихъ изданій Мемуаровъ вышло въ Англіи, въ Strawberry Hill, въ 1772 г. Авторитетнымъ изданіемъ считается изданіе въ коллекціи гр. д'Артуа, 1781 г.

Зин. Венгерова.

ОЛЬГА СЕРГѢЕВНА ПАВЛИЩЕВА.

Карандашный портретъ, рисованный однимъ глухонѣмымъ въ Варшавѣ въ 1833 г. Находится теперь у сына Ольги Сергѣевны—Л. И. Павлищева. Портретъ воспроизводится здѣсь впервые.

СЕСТРА ПУШКИНА.

Поэта другъ, сестра и геній милый. .
Кн. П. А. Вяземскій.

Сестра великаго поэта, Ольга Сергѣевна, была старше своего брата. Она родилась 20 декабря 1797 г. въ Петербургѣ [1]. Кромѣ Ольги, Александра и Льва, у С. Л. и Н. О. Пушкиныхъ были еще дѣти: Павелъ, Михаилъ, Платонъ и Софія; но всѣ они умерли въ малолѣтствѣ. Выросли только трое, одинъ изъ которыхъ и прославилъ свою семью. Сестра Пушкина не играла въ жизни своего брата особенно крупной роли, вродѣ той, которую играла, напримѣръ, въ жизни Ренана его сестра Генріэтта, — но и того, что она, подобно сестрѣ Байрона Августѣ, была добрымъ другомъ его дѣтства, а потомъ, въ трудныя минуты его жизни, не отшатнулась отъ него, какъ другіе родные, а выказала ему

[1] Свѣдѣнія о немъ см. въ біографическомъ очеркѣ, напечатанномъ Л. Н. Павлищевымъ въ „Новостяхъ“ 1875 г., (№№ 1, 4, 7, 9 и 11, и его же книгѣ „Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ“, М., 1890.

сочувствіе и прежнюю дружбу, вполнѣ достаточно для того, чтобы признать за нею право на вниманіе въ біографіи ея великаго брата. Въ посланіи «Къ сестрѣ», съ которымъ обратился къ ней Пушкинъ изъ лицея въ 1814 г., онъ называетъ ее «другомъ безцѣннымъ» и ждетъ не дождется свиданія съ нею.

Въ качествѣ старшей сестры Ольга Сергѣевна была въ глазахъ маленькаго брата авторитетомъ. Ей пришлось быть критикомъ его первыхъ творческихъ опытовъ. Мы уже знаемъ (см. стр. 35), что Пушкинъ любилъ импровизировать комедійки и, «по общему согласію съ сестрой, устроилъ нѣчто въ родѣ театра, гдѣ авторомъ и актеромъ былъ братъ, а публикой сестра»[1]. Эта немногочисленная публика однажды освистала пьесу «L'Escamoteur»; авторъ не сталъ спорить съ строгимъ приговоромъ и попытался во французскомъ четверостишіи объяснить свой провалъ похищеніемъ у Мольера секрета пьесы. Воспитывались братъ и сестра вмѣстѣ. Та же няня Арина Родіоновна пѣстовала ихъ, тѣ же учителя и гувернеры учили ихъ и надзирали за ихъ поведеніемъ. Сестра осталась одна, когда брата (въ 1811 г.) увезли въ Царское Село въ лицей. Оттуда онъ и прислалъ ей въ 1814 г. свое посланіе. Ольга Сергѣевна училась живописи у извѣстнаго эмигранта графа Ксавье де Местра. Одна изъ гувернантокъ, миссъ Белли, которую Ольга Сергѣевна, не въ примѣръ прочимъ своимъ наставницамъ, очень любила, учила ее англійскому языку и читала съ нею Шекспира; особенно высоко ставила Ольга Сергѣевна «Макбета». Пробовали учить ее и музыкѣ, но Богъ послалъ ей учителя изъ неудачниковъ-танцмейстеровъ; клавикорды были тоже допотопные, бабушкины. Къ тому же учитель не чуждался иногда и рукоприкладства. Разсердившись за что-то на ученицу, онъ однажды ударилъ ее линейкою по рукѣ, такъ что бѣдняжка вскрикнула: «Vous me faites mal», на что педагогъ спокойно отвѣчалъ: «Et qui vous dit, que je ne veux pas vous faire du mal?» Музыка тогда опротивѣла Ольгѣ Сергѣевнѣ, какъ разсказываетъ Л. Н. Павлищевъ, ея сынъ и біографъ, но что она ея все-таки не оставляла, видно изъ посланія «Къ сестрѣ»:

Иль звучнымъ фортепьяно,
Подъ бѣглою рукой,
Моцарта оживляешь?
Иль тоны повторяешь
Пиччини иль Рамо?

Съ братомъ, который не могъ покидать лицей, она видалась очень рѣдко; иногда только, бывая съ родными по праздникамъ въ лицеѣ, она могла встрѣтиться съ братомъ, который читалъ своему прежнему критику свои стихи. Чтеніе Ольга Сергѣевна любила такъ же, какъ и братъ. Отецъ читалъ ей вслухъ Мольера. Библіотека отца, въ которой были классики XVIII столѣтія, была вся къ ея услугамъ. Объ ея охотѣ къ чтенію свидѣтельствуетъ посланіе къ ней брата:

Чѣмъ сердце занимаешь
Вечернею порой?
Жанъ-Жака-ли читаешь?
Жанлисъ-ли предъ тобой?
Иль съ рѣзвымъ Гамильтономъ
Смѣешься всей душой?
Иль съ Греемъ и Томсономъ
Ты пренеслась мечтой
Въ поля, гдѣ отъ дубравы
Вдоль вѣетъ вѣтерокъ.

Послѣдніе стихи подтверждаютъ, что Ольга Сергѣевна, какъ почти всякая дѣвушка той эпохи, была настроена на романтическій ладъ, чему, впрочемъ, способствовали ея романтическія наклонности. Впослѣдствіи она увлекалась спиритизмомъ, занималась столоверченіемъ, изучала физіономику и френологію; сочиненія Галля и Лафатера стали ея настольными книгами, съ помощью которыхъ она, по ея мнѣнію, «безошибочно распознавала характеръ людей». Увлекалась она и хиромантіей и даже будто-бы предсказала Пушкину по линіямъ его ладони насильственную смерть.

Лѣтомъ 1817 г., по окончаніи лицейскаго курса, Пушкинъ провелъ нѣсколько недѣль у родныхъ, въ с. Михайловскомъ. Здѣсь онъ встрѣтился снова съ сестрою. Въ библіотекѣ Пушкина сохранился томикъ басенъ Лафонтена, подаренный ему сестрою въ это лѣто (17 іюля)[1]. Пребываніе въ Михайловскомъ, гдѣ Ольга Сергѣевна находилась въ кругу веселыхъ сосѣдей и друзей, бывало настоящимъ праздникомъ для дѣвушки, отдыхавшей тогда отъ семей-

1) А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова, Спб., 1873, стр. 12—13.

1) Н. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изд. 2-е, Спб., 1906, стр. 37.

РИСУНОКЪ ОЛЬГИ СЕРГѢЕВНЫ ПАВЛИЩЕВОЙ.

Находится у сына ея—Л. И. Павлищева. Воспроизводится здѣсь впервые.

наго деспотизма, той «родительской музыки», которая не разъ отравляла жизнь ея геніальному брату. Извѣстно, что отношенія между Пушкинымъ и его родителями были не особенно добрыя. Старики Пушкины были холодные, пустые и скупые люди, ничего не сумѣвшіе сдѣлать для того, чтобы привязать къ себѣ душу сына. Нужно удивляться гуманности и мягкости Пушкина, который относился къ этимъ людямъ, столько виноватымъ передъ нимъ, съ уваженіемъ и теплымъ вниманіемъ, тогда какъ они заслуживали холодности и презрѣнія. Понятно, какъ плохо жилось въ такой семьѣ молодой дѣвушкѣ. Образъ Ольги Сергѣевны является особенно симпатичнымъ благодаря тому дружескому и любовному отношенію къ брату, которое она выказала во время его ссоры съ родителями въ 1824 г. Ссыльный поэтъ былъ доставленъ съ жандармомъ въ Михайловское, подъ надзоръ попечительнаго отца. Уже давно они были недовольны сыномъ, который навлекъ на себя гнѣвъ правительства, служить не умѣлъ и не хотѣлъ и вообще пошелъ не по той дорогѣ, на которой хотѣлось его видѣть родителямъ, а тутъ еще имъ посадили на шею ссыльнаго. Старикъ поѣдомъ ѣлъ сына, который къ тому же вздумалъ, по мнѣнію отца, «преподавать безбожіе» брату и сестрѣ. Такія тяжелыя отношенія разрѣшились семейнымъ скандаломъ, и сестра, какъ видно изъ письма Пушкина къ Жуковскому, стала на его сторону, за что ей немало досталось. Потомъ, когда Пушкины уѣхали изъ Михайловскаго и поэтъ остался въ деревнѣ одинъ, сестра старалась примирить его съ родителями; объ этомъ она переписывалась съ княземъ П. А. Вяземскимъ, который тоже желалъ этого примиренія, такъ какъ боялся, что ссора съ родителями повредитъ Пушкину въ глазахъ правительства и государя. Она даже хотѣла раздѣлить съ нимъ его деревенскую скуку, но онъ на это не согласился. [1]) Немудрено, что изъ

[1]) Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 89.

такой душной семейной обстановки дѣвушка, къ тому уже немолоденькая, рада была бѣжать. Гр. М. А. Корфъ, хорошо знавшій семью Пушкиныхъ, разсказываетъ [1], что она «въ зрѣломъ уже возрастѣ ушла изъ родительскаго дома и тайно обвѣнчалась—просто изъ романической причуды и не имѣя предъ собою никакихъ существенныхъ препятствій—съ человѣкомъ гораздо ея моложе, но очень мало привлекательнымъ и совершенно продажнымъ». Браку оказывалъ сопротивленіе, впрочемъ, только отецъ, который, однако, не замедлилъ отступить назадъ, когда бракъ совершился и препятствовать было поздно. Павлищевъ, за котораго 26 января 1828 г. вышла замужъ Ольга Сергѣевна, вполнѣ оправдываетъ отзывъ о немъ Корфа. Это былъ типичный чиновникъ, сухой, черствый и холодный. Весьма характерны отношенія его къ Пушкину и любопытны его письма къ поэту о денежныхъ дѣлахъ [2]. Сестрѣ Пушкина слѣдовало получить приданое изъ имущества, а послѣ смерти матери (въ 1836 г.) причиталась доля въ наслѣдствѣ. Письма Павлищева къ Пушкину объ управленіи еще нераздѣленнымъ имуществомъ и о раздѣлѣ обличаютъ въ мужѣ Ольги Сергѣевны грубую, меркантильную, лишенную малѣйшей деликатности натуру. Онъ бездарѣйчиво требовалъ и приставалъ къ Пушкину, настаивая на выдачѣ доли сестры въ такихъ выраженіяхъ: «или жена моя—дочь Сергѣя Львовича, и дѣти ея—внуки его, или нѣтъ: послѣднее невѣроятно: слѣдовательно первое остается въ своей силѣ. На этомъ основаніи я дѣлаю вопросъ: почему не выдѣлить ея, не дать ей того, что раньше или позже должно быть отдано? Сыновей холостыхъ, и даже женатыхъ, не всѣ отцы и не всегда выдѣляютъ, но замужнихъ дочерей?.. всѣ и всегда, такъ водится на святой Руси». Пушкина Павлищевъ уговаривалъ такъ, какъ обыкновенно уламываютъ нестоворчивыхъ покупателей: «согласитесь лучше, Александръ Сергѣевичъ, на предлагаемую мною сдѣлку,—и дѣло съ концомъ». Этимъ раздѣломъ наслѣдства Надежды Осиповны Павлищевъ донималъ и Сергѣя Львовича, недавно овдовѣвшаго, который справедливо писалъ старшему сыну о Павлищевѣ: «это человѣкъ жадный, ужасно корыстный». Его надоѣдливые совѣты, вѣроятно, немало докучали Пушкину. Ольгѣ Сергѣевнѣ жилось съ этимъ человѣкомъ, повидимому, несладко. Уже въ 1830 г. она разъѣхалась съ мужемъ подъ предлогомъ болѣзни, но вскорѣ опять сошлась съ нимъ: что между мужемъ и ею не было прочной душевной связи, видно изъ того, что близко ее знавшій А. Н. Вульфъ весьма пропически говоритъ о предстоявшемъ ей материнствѣ [3]; о счастливой семейной жизни говорить, такимъ образомъ, не приходится. Свѣтло было только первое время ея замужества, когда въ ея домѣ бывали братъ, М. Н. Глинка, Мицкевичъ, Дельвигъ. Въ концѣ 1828 г. у нея на рукахъ умерла няня Арина Родіоновна, которую она, выходя замужъ, взяла жить къ себѣ.

О ея дружбѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ свидѣтельствуетъ переписка поэта. Послѣ брата Льва, къ которому Пушкинъ былъ сердечно привязанъ, сестру онъ любилъ больше, чѣмъ всѣхъ другихъ родныхъ. Свой взглядъ на родственныя узы, подъ которыми не кроется любви и сочувствія, онъ съ грустнымъ добродушіемъ высказалъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ»:

> Родные люди вотъ какіе:
> Мы ихъ обязаны ласкать,
> Любить, душевно уважать
> И, по обычаю народа,
> О Рождествѣ ихъ навѣщать,
> Или по почтѣ поздравлять,
> Чтобъ остальное время года
> Не думали о насъ они...
> Итакъ, дай Богъ имъ долги дни!

Къ такимъ «роднымъ людямъ» Пушкинъ не причислялъ Ольги Сергѣевны. Письма его къ ней говорятъ объ искренней дружбѣ брата и сестры. Въ одномъ письмѣ (27 іюня 1821 г.) онъ шутливо разспрашиваетъ ее, все ли еще она любитъ одинокія прогулки, какъ зовутъ ея любимыхъ собачекъ, что читаетъ она, ѣздитъ ли верхомъ, собирается ли замужъ... «Веселись и выходи замужъ»,—писалъ онъ ей черезъ годъ (21 іюля 1822 г.). Въ письмахъ его къ ней попадаются даже довольно свободныя выраженія, что возможно только при вполнѣ сердечныхъ отношеніяхъ. О денежныхъ дѣлахъ сестры онъ и безъ докучливыхъ

1) Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Статьи и матеріалы Я. К. Грота. Спб., 1899, стр. 249.—2) Они напечатаны въ упомянутыхъ «Воспоминаніяхъ» Л. Н. Павлищева и у П. А. Шляпкина, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина». Спб., 1903.

3) «Пушкинъ и его современники», вып. I. Спб., 1903, стр. 86, 100, 111.

ОЛЬГА СЕРГѢЕВНА ПАВЛИЩЕВА ВЪ 1862 г.

Съ фотографіи, принадлежащей Л. Н. Павлищеву. Воспроизводится здѣсь впервые.

напоминаній Павлищева очень заботился, что видно изъ цѣлаго ряда его писемъ. Къ ней, по довольно вѣроятному предположенію М. Г. Халанскаго [1]), относится черновой набросокъ Пушкина (1818 г.):

Позволь душѣ моей открыться предъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть,
Скучая жизнію, томимый суетою,
Я жажду близъ тебя свободно отдохнуть;
Ты помнишь, милая,—зарею нашихъ лѣтъ,
Младенцы, мы любить умѣли...
Какъ быстро наши лѣта улетѣли!

Въ кругу чужихъ, въ немилой сторонѣ
Я мало жилъ и наслаждался мало...

Въ перепискѣ Ольги Сергѣевны съ родителями неизмѣнно повторяется имя брата Сани, которымъ она никогда не переставала интересоваться. Когда она жила въ Петербургѣ (до перехода Павлищева на службу въ Варшаву), Александръ Сергѣевичъ часто бывалъ у нея. Къ полубеллетристическимъ разсказамъ ея сына Л. Н. Павлищева о происходившихъ у нея съ братомъ разговорахъ и особенно къ подробной передачѣ этихъ разговоровъ не нужно, конечно, предъявлять требованій точности, тѣмъ болѣе, что Ольга Сергѣевна не записывала разговоровъ съ братомъ. Но

1) М. Г. Халанскій. «О вліяніи В. Л. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина» («Харьковскій университетскій сборникъ въ память А. С. Пушкина», Харьковъ, 1900, стр. 384—385).

общій тонъ близости брата и сестры воспоминанія Л. Н. Павлищева передаютъ вѣрно. Но надо отмѣтить, что фигура Пушкина въ воспоминаніяхъ Л. Н. Павлищева мало соотвѣтствуетъ истинному образу поэта. У Л. Н. Павлищева поэтъ то слезливо сентиментальничаетъ и изливается въ ламентаціяхъ, то бурно мечетъ громы по адресу какихъ-то враговъ и номинутно читаетъ свои стихи. Съ глубокою правдивостью и вѣрнымъ пониманіемъ характера Пушкина писала о немъ А. Н. Керн, что «онъ почти никогда не выражалъ чувствъ: онъ какъ бы стыдился ихъ и въ этомъ былъ сыномъ своего вѣка...» [1]). Вообще, освѣщеніе, придаваемое Л. Н. Павлищевымъ той семейной обстановкѣ, въ которой жилъ поэтъ, и самой фигурѣ Пушкина слишкомъ идеализировано: онъ старается сгладить слѣды тѣхъ тяжелыхъ родственныхъ отношеній, того непониманія, той неделикатности и заскорузлой душевной грубости, которыя влили свою долю яда въ чашу страданій поэта.

Ольга Сергѣевна выросла въ домѣ, гдѣ бывали извѣстные писатели того времени. Вся семья старалась быть литературной. Сергѣй Львовичъ пописывалъ «стишки-съ»: добрый и чудаковатый братъ его Василій Львовичъ былъ любимъ «арзамасцами» и считался въ числѣ извѣстныхъ поэтовъ. Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, иногда грѣшилъ стихами. Писала стихи и Ольга Сергѣевна, подчиняясь этой фамильной страсти. Нѣсколько ея пьесъ, русскихъ и французскихъ, приводитъ Л. Н. Павлищевъ. Стихотворенія Ольги Сергѣевны слабы и читателю трудно раздѣлить то восхищеніе, съ которымъ любящій сынъ разсказываетъ, какъ Ольга Сергѣевна умѣла въ пять минутъ сочинить посредственный французскій акростихъ. Гораздо лучше ея эпиграммы, въ которыхъ сказывается насмѣшливость, которая была свойственна всей ея семьѣ и такъ игриво бьетъ ключомъ и сверкаетъ въ произведеніяхъ ея брата. Въ сатирическомъ описаніи какого-то званаго вечера очень недурно нарисованы ею бальныя маменьки, возсѣдающія на стражѣ, пока танцуютъ ихъ дочери:

Но стѣнамъ вокругъ
Грозный рядъ старухъ
Сидитъ жабами.

Въ эпиграммѣ на какую-то попову Ольга Сергѣевна обращается къ ней:

Грустна ты, словно пашиида,
И молчалива, какъ кутья...

Съ дѣтства настроенная романтически, любившая одиночество, Ольга Сергѣевна занималась чтеніемъ, при чемъ особенно увлекли ее мистики. Она была хранительницей семейныхъ преданій о какой-то бѣлой женщинѣ, двойникѣ, таинственныхъ голосахъ и прочихъ чудесныхъ происшествіяхъ, игравшихъ роль въ жизни семьи Пушкиныхъ. Смерть брата, о которой она узнала въ Варшавѣ, глубоко потрясла ее. Она заболѣла нервной горячкой. Вся русская и польская Варшава перебывала у Павлищевыхъ, чтобы узнать о ея здоровьѣ и выразить соболѣзнованіе сестрѣ погибшаго поэта. Выздоровѣвъ, Ольга Сергѣевна долго никуда не выѣзжала и вела замкнутую жизнь. Ея природная впечатлительность съ тѣхъ поръ еще сильнѣе обострилась. Когда вся Россія занялась столоверченіемъ, увлеклась имъ и Ольга Сергѣевна: ей казалось, что она бесѣдуетъ съ тѣнью брата Александра, которая приказала ей сжечь ея записки, что она и исполнила. Спиритизмъ довелъ ее до такого разстройства нервовъ, что она едва не лишилась разсудка. Въ сороковыхъ годахъ болѣзненная отъ природы (у нея часто умирали дѣти) Ольга Сергѣевна стала болѣть глазами: въ 1862 г. она подверглась страшному нервному удару. Послѣдніе часы ея жизни протекли въ тяжкихъ страданіяхъ. Слабая, больная, почти ослѣпшая старуха терпѣливо ждала смерти и писала, несмотря на свою слѣпоту:

Смерть! не страшилищемъ вижу тебя!
Вижу тебя я съ улыбкой привѣтливой;
Очи исполнены нѣжной любви;
Вижу тебя я въ одеждѣ, сіяющей
Цвѣтомъ весенпихъ небесъ голубыхъ;
Крылья распущены благоуханныя,
Вѣя прохладою, бѣлы, какъ снѣгъ;

[1]) Л. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899, стр. 263.—Вотъ примѣръ того, какимъ изображаетъ Пушкина Л. Н. Павлищевъ. У него (стр. 33—34 Пушкинъ, оплакивая Дельвига, «среди истерическихъ рыданій», говоритъ Ольгѣ Сергѣевнѣ стихами: «Сестра! въ гробу мой Дельвигъ милый! Немного насъ осталось здѣсь... . Между тѣмъ вотъ что писалъ Пушкинъ Плетневу 24 января 1831 г., узнавъ въ Москвѣ о кончинѣ Дельвига: «говорили о немъ, называя его покойникъ Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столь-же странепъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! согласимся: покойникъ Дельвигъ—быть такъ».

Сестра **Пушкина**

Ольга Сергѣевна ПАВЛИЩЕВА.

Акварель работы Варвары Ѳедоровны Черновой, 1844.
Собственность Л. Н. Павлищева.
Воспроизводится здѣсь впервые.

Сестра Пушкина
Ольга Сергеевна ПАВЛИЩЕВА.

Автограф рабочих набросков черновой редакции 1844
Собственность Л. Н. Модзалевского.
Публикуется здесь впервые.

Вижу вокругъ тебя радугу лѣпую,
Вѣтвь примиренья во длани твоей!
Что же такъ медлишь полетъ твой, пре
красная?...

(20 марта 1864 г.).

Зачѣмъ не бьетъ мой часъ желанный,
Зачѣмъ дышу, страдаю я?
Зачѣмъ у гроба клиръ печальный
Не молитъ Бога за меня?
Не потому ль, что искупаю
Страданьемъ счастіе дѣтей?
Да будетъ такъ! Благословляю
Тяжелый крестъ судьбы моей
И донесу его радушно
Я до могилы, тамъ усну...

Тамъ будетъ мнѣ легко, не душно
И я отъ жизни отдохну.

(20 ноября 1866 г.).

2 мая 1868 г. сестры Пушкина не стало. Она любила и понимала своего геніальнаго брата, благодаря которому не забудется ея имя. Недаромъ князь П. А. Вяземскій еще въ 1825 г. предсказывалъ ей, что слава Пушкина озаритъ и его сестру:

Удѣлъ его—блескъ славы вѣчно лестной,
Не часто намъ сіяющей изъ тучъ,
И отъ нея ударитъ яркій лучъ
На жребій твой...

Н. Лернеръ.

„ОССІАНОВСКІЯ“ СТИХОТВОРЕНІЯ ПУШКИНА.

14. КОЛЬНА.

«Кольна» — второе изъ произведеній Пушкина, появившихся въ печати. Оно было напечатано вслѣдъ за «Къ Другу-Стихотворцу» во второй іюльской (№ 14) книжкѣ «Вѣстника Европы» (стр. 102—106) за тою-же анаграмою Александръ Икши. Пушкинъ, очевидно, не придавалъ значенія этому подражанію писателю, который, въ общемъ, очень чуждъ его духу и въ изданныя имъ самимъ собранія стихотвореній «Кольну» не включилъ. Не вошло оно и въ посмертное изданіе 1838—41 гг. и впервые извлечено изъ «Вѣстн. Евр.» Анненковымъ въ изд. 1855 г.

По Анненковскому изданію «Кольна» перепечатывается всѣми позднѣйшими изданіями, въ томъ числѣ и Академическимъ. Это совершенно неправильно. Пренебрегая, по своему обыкновенію, точностью, Анненковъ модернизировалъ текстъ, всюду замѣняя Пушкинское окончаніе ой на позднѣйшее ый и т. д. Характеризуя только правописаніе и произношеніе 50-хъ гг., Анненковскій текстъ для изученія Пушкина не имѣетъ никакого значенія. И такъ какъ рукопись «Кольны» не сохранилась, то мы и считаемъ необходимымъ напечатать здѣсь «Кольну» въ томъ видѣ, какъ она появилась въ «Вѣст. Европы». Объ отличіяхъ этого текста отъ Анненковскаго и позднѣйшихъ изданій см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста».

Дальше, въ статьѣ «Пушкинъ и Оссіанъ», читатель найдетъ рядъ указаній на то, въ какой мѣрѣ Пушкинъ поддался, или вѣрнѣе не поддался вліянію Оссіана. Покамѣсть-же приведемъ изъ Костровскаго перевода Оссіана (Оссіанъ, Сынъ Фингаловъ, Бардъ третьяго вѣка: Гальскія Стихотворенія. М. 1792. Ч. II) тотъ эпизодъ, который по этому переводу разработанъ Пушкинымъ.

КОЛЬНА-ДОНА.

Поэма

Содержаніе.

Фингалъ послалъ Оссіана и Тоскара воздвигнуть на брегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ какъ они занимались симъ трудомъ, Каруль сосѣдственный Государь пригласилъ ихъ къ пиршеству; они приходятъ. Тоскаръ влюбился въ дочь его Кольна-Дону. Кольна-Дона ощущаетъ тайно въ сердцѣ своемъ такія же чувствія. Нечаянный случай на ловитвѣ звѣрей открылъ взаимную ихъ любовь, и ощастливилъ Тоскара.

Источникъ Коламона, котораго черныя и возмущенныя воды катятся странствовать въ отдаленныхъ долинахъ! я зрю тебя извивающаяся между древами, осѣняющими чертоги Каруля. Тамо обитала дщерь его, прелестная Кольна-Дона. Ея очи сіяли блескомъ звѣздъ. Руки ея бѣлы, какъ пѣна источниковъ. Грудь ея воздымалась кротко и тихо какъ волна Океана. Лучь небесъ была душа ея. Какая дѣвица могла сравниться когда нибудь съ сею прелестною, съ сею любовію и радостію Героевъ?

Фингалъ повелѣлъ. Мы шествуемъ къ источнику Кроны, я и Тоскаръ, недавно вошедшій въ подвиги брани. Три Барда сопутствуютъ намъ съ пѣснями. Предъ нами несли три щита. Мы текли возвысить памятникъ преждебывшихъ дѣяній. Фингалъ расточилъ нѣкогда полки противныхъ на брегахъ Кроны; иноплеменные бѣжали отъ его лица. Мы пришли къ сему знаменитому мѣсту. Ночь спустилась съ высотъ горныхъ; я исторгъ дубъ съ холма; скоро возвысился пламень на воздухъ.

Дражайшіе мои предки! возопилъ я, удостойте изъ глубины облачныхъ вашихъ чертоговъ низвесть взоры свои на меня; честь вашихъ потомковъ есть ваша честь, и сіяніе славы ихъ озаряетъ и васъ.

Барды поютъ; я взялъ камень въ источникѣ: кровь супостатовъ Фингаловыхъ виситъ черными кусками на иловатой травѣ, которою онъ покрытъ. Подъ симъ камнемъ полагаю я три выпуклости щита одну послѣ другой, сообразуясь временамъ, означаемымъ то медленною, то быстрою мѣрою ночныхъ пѣсней Уллина. Тоскаръ положилъ тамъ кинжалъ и стальную броню. Мы возвысили земляный оплотъ вокругъ сего камени, и рекли ему:

Вѣщай о насъ потомству, вѣщай слабымъ племенамъ, которыя востанутъ на мѣсто сильнаго племени Сельмы: сынъ источника возвышенный днесь на земли! нѣкогда среди бурной ночи путешественникъ придетъ успокоиться подъ твоею тѣнію. Шумъ трепещущихъ твоихъ мховъ родитъ въ немъ сонныя мечты. Прежнія лѣта предстанутъ его мысли. Онъ увидитъ кровавыя битвы, увидитъ Царей шествующихъ на подвигъ, и омраченную луну, озаряющу неохотно сіе поле кровопролитія. Онъ возбудится съ денницею, и узритъ вокругъ себя гробы тысящи воителей. Какой это камень вопроситъ онъ. Нѣкій старецъ отвѣчаетъ ему: камень сей возвышенъ Оссіаномъ, Героемъ временъ претекшихъ.

Каруль, Царь Коламона, другъ иноплеменныхъ, послалъ къ намъ Барда, и приглашаетъ насъ въ свои чертоги, въ жилище прекрасной Коль-

ПѢСНОПѢНІЯ ОССІАНА.

Съ виньетки на заглавномъ листѣ Макферсоновскаго изданія Оссіана 1762 года.

14. КОЛЬНА.

Подражаніе Оссіану.

Фингалъ послалъ Тоскара воздвигнуть на берегахъ источника Кроны памятникъ побѣды, одержанной имъ нѣкогда на семъ мѣстѣ. Между тѣмъ, какъ онъ занимался симъ трудомъ, Каруль, сосѣдственный Государь, пригласилъ его къ пиршеству; Тоскарь влюбился въ дочь его Кольну; печальной случай открылъ взаимныя ихъ чувства и ощастливилъ Тоскара.

Источникъ быстрый Каломоны,
Бѣгущій къ дальнимъ берегамъ,
Я зрю, твои взмущенны волны
Потокомъ мутнымъ по скаламъ,
При блескѣ звѣздъ ночныхъ сверкаютъ
Сквозь дремлющій, пустынной лѣсъ,
Шумятъ и корни орошаютъ
Сплетенныхъ въ темной кровъ древесъ.
Твой мшистой брегъ любила Кольна,
Когда по небу тѣнь лилась:
Ты зрѣлъ, когда въ любви невольна,
Здѣсь другу Кольна отдалась.

Въ чертогахъ Сельмы Царь могущихъ
Тоскару юному вѣщалъ:
«Гряди во мракъ лѣсовъ дремучихъ,
«Гдѣ Крона катитъ черный валъ,
«Шумящей прохлажденъ осиной.
«Тамъ рядъ является могилъ;
«Тамъ съ вѣрной, храброю дружиной
«Полки враговъ я разгромилъ
«И много, много сильныхъ пало:
«Ихъ гробы черный вранъ стережетъ.
«Гряди—и тамъ, гдѣ ихъ не стало,
«Воздвигни памятникъ побѣдѣ!»
Онъ рекъ, и въ путь безвѣстной, дальной
Пустился съ Бардами Тоскарь,
Идетъ во мглѣ ночи печальной,
Въ вечерній хладъ, въ полдневной жаръ.—
Денница красная выводитъ
Златое утро изъ небеса,
И вотъ уже Тоскарь подходитъ
Къ мѣстамъ, гдѣ въ темные лѣса
Бѣжитъ сѣдой источникъ Кроны
И кроется въ долины сонны.—
Восѣли Барды гимнъ святой:
Тоскарь обломокъ горъ кремнистыхъ
Усильно мощною рукой
Влечетъ идъ бездны волнъ сребристыхъ,
И съ шумомъ на высокой брегъ
Въ густой и дикой злакъ повергъ:
На немъ повѣсилъ черны латы,
Покрытый кровью предковъ мечь,
И круглой щитъ, и шлемъ пернатый,
И обратилъ онъ къ камню рѣчь:
«Вѣщай, сынъ шумнаго потока,
«О храбрыхъ подвигмъ временамъ!
«Да въ страшный часъ, какъ ночь глубока

на-Дону. Мы приходимъ; мы возсѣли при его пиршествѣ. Почтенный сѣдинами Герой сей восхитился радостію, видя чадъ дружей своихъ возвышающихся, какъ два юныя древа, увѣнчанныя зеленымъ своимъ листвіемъ.

Сыны Героевъ! рекъ онъ намъ, вы напоминаете мнѣ счастливое время, когда въ первый разъ низшелъ я на брегъ Морвена. Я стремился во слѣдъ Каргласа: наши предки были враги между собою. Мы сражались на брегѣ издучистаго источника Клуты. Карглассъ убѣгъ на волны Океана; корабли мои текли за нимъ во слѣдъ; но обманутъ мглою ночи, присталъ я къ чертогамъ Сельмы. Фингалъ встрѣтилъ меня съ своими Бардами и съ Конломъ, мышцею смерти. Три дни пиршествовалъ я въ чертогахъ Фингала. Я видѣлъ въ нихъ прелестную Роскрану, дщерь Героевъ, честь племени Кормакова. При моемъ отшествіи почтили меня дарами, владыки дали мнѣ щиты свои. Они висятъ въ моихъ чертогахъ, какъ залогъ Фингалова дружества. Сыны Героевъ! вы напоминаете мнѣ счастливое претекшее время. Каруль воспламенилъ пиршественный дубъ: онъ взялъ звѣ выпуклости щитовъ нашихъ, положилъ ихъ въ землѣ подъ камнемъ, да будутъ онѣ памятникомъ мира и дружелюбія для нашихъ потомковъ. Когда брань, вѣщалъ онъ намъ, возгремитъ въ сей странѣ, и когда чада нашиготовы уже будутъ сразиться, воителі моего племени, уготовляя копья свои, воззрятъ можетъ быть на сей камень, и скажутъ: здѣсь предки наши клялись взаимнымъ себѣ дружествомъ и миролюбіемъ. Они скажутъ и положатъ свои щиты.

Ночь простерлась по небесамъ; дщерь Каруля шествуетъ; ея долгіе власы развѣваются, сладостный гласъ ея соединяется съ стройными звуками арфы. Вида Кольна-Дону, радость и любовь Героевъ, Тоскаръ сѣлался печаленъ и задумчивъ. Образъ сея красавицы напечатлѣвался въ возмущенной душѣ его, какъ лучь солнца на взволнованномъ морѣ, когда онъ исторгнись изъ облака, озаряетъ колеблющіяся волны моря... . . .

. . . . . .

Утро возсіяло, мы возбудили отзывы лѣсовъ, мы поражали стрѣлами бодливыхъ серн; онѣ упадали на брегахъ источниковъ, гдѣ прежде привыкли покоиться; мы возвращались въ долину Кроны, какъ вдругъ увидѣли юнаго ратоборца, грядущаго изъ рощи со щитомъ и съ копіемъ безъ острія. Откуда шествуешь ты! рекъ ему Тоскаръ, миръ и тишина царствуетъ ли въ Коламонѣ, окрестъ жилища бѣлогрудой Кольна-Доны?

Кольна-Дона, отвѣтствуетъ младый воитель, обитала нѣкогда въ Коламонѣ, но нынѣ претекаетъ она пустыню съ сыномъ владыки, плѣнившимъ ея сердце.

Юный ратникъ! возопилъ Тоскаръ, примѣтилъ ли ты отсюда, по которымъ уклонился воитель сей? Онъ падетъ моими ударами, дай мнѣ щитъ твой. — Плавая мщеніемъ, пріемлетъ онъ щитъ, но подъ симъ оружіемъ волымалась грудь младой дѣвицы, бѣла какъ пухъ лебедя, плавающаго тихо и спокойно на зыбяхъ влажныхъ. То была Кольна-Дона, дщерь Каруля. Она видѣла Тоскара, видѣла его, и не могла не горѣть къ нему любовнымъ пламенемъ.

Въ коротенькомъ примѣчаніи къ «Кольнѣ» Анненковъ писалъ: «замѣчательно, что стихи здѣсь гораздо тяжелѣе, чѣмъ въ посланіи къ сестрѣ и въ пѣснѣ «Другу-Стихотворцу». Это первый образецъ сочиненія, безъ связи съ личностью автора. Поэтому пѣсса и особенно любопытна».

Съ этимъ трудно согласиться.

Сличеніе Пушкинскаго подражанія съ источникомъ этого подражанія, напротивъ того, показываетъ намъ, что юный поэтъ, несомнѣнно, внесъ тутъ немало и индивидуальнаго. Его, воспитанника французскаго эротизма, главнымъ образомъ занялъ любовный элементъ: военныя подробности значительно сокращены, а любовныя столь же значительно растянуты. Появились даже такія детали, какъ напр. стихи 11—12

Ты зрѣлъ, когда въ любви невольна,
Здѣсь другу Кольна отдалась,

которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ оригиналѣ.

Въ общемъ суровость оригинала почти исчезла и остался сентиментально-пикантный анекдотъ въ томъ стилѣ, который вовсе не лишенъ «связи съ личностью» юнаго автора.

15. ЭВЛЕГА.

«Эвлегу» принято включать въ число тѣхъ стихотвореній, гдѣ сказалось вліяніе на Пушкина Оссіана. Это невѣрно. Если вообще-то Оссіановское вліяніе на Пушкина не могло быть сильнымъ, то въ частности по отношенію къ «Эвлегѣ» Оссіанъ уже совершенно ни причемъ (см. дальше статью «Пушкинъ и Оссіанъ»). «Эвлега» заимствована изъ поэмы Парни «Isnel et Asléga», подзаглавіе которой весьма опредѣленно гласитъ: «Poème en quatre Chants, imité du Scandinave».

Заимствовавъ сюжетъ изъ сѣверной поэзіи, Парни разработалъ его со всѣми особенностями напудренной галантности XVIII вѣка. Отъ «скандинавской» суровости не осталось и слѣда; герои говорятъ вылощеннымъ стилемъ французскихъ трагедій и салонныхъ романсовъ. Все это перешло и въ Пушкинскую «Эвлегу», которая представляетъ собою полу-переводъ, полу-подражаніе. Источникомъ для «Эвлеги» послужилъ нижеслѣдующій эпизодъ, разсказанный въ IV пѣснѣ поэмы Парни:

D'ici tu vois cette roche escarpée
Qui du couteau domine la hauteur:
Son flanc creusé forme une grotte obscure:
D'épais buissons en cachent l'ouverture:
C'est-là qu'Elveige attendait son amant;
De là sa voix s'exhalait d'ucement:

«Въ туманахъ лижетъ по лѣсамъ,
«Прилечь, дорогой утомленный,
«Возлегши подъ надежной кровъ,
«Воспомнитъ вѣки отдаленны
«Въ мечтаньи сладкомъ легкихъ сновъ!
«Съ разсвѣтомъ алыя денницы
«Лучами солнца пробужденъ,
«Онъ узритъ мрачныя гробницы...
«И грознымъ видомъ пораженъ,
«Вопроситъ сынъ иноплеменный:
«Кто памятникъ воздвигъ надменный?
«И старецъ, лѣтами согбенъ,
«Речетъ: Тоскарь нашъ незабвенный,
«Герой умчавшихся временъ!»

Небесъ сокрылся вѣчный житель,
Заря потухла въ небесахъ;
Луна въ воздушную обитель
Сѣвшитъ на темныхъ облакахъ:
Ужь ночь на холмѣ берегъ Кроны
Съ окрестной рощею заснулъ:
Владыка сильный Каломоны,
Иноплеменныхъ другъ, Карулъ
Призвалъ Морвенскаго героя
Въ жилище Кольны молодой,
Вкусить пріятности покоя
И пить изъ чаши круговой.
. . . . . .
. . . . . .
Близъ пепелища всѣ возсѣли:
Веселья Барды пѣснь воспѣли:
И въ нѣмѣ кубокъ золотой
Кругомъ несется чередой—
Нечаленъ лишь пришелецъ Лоры,
Главу ко груди преклонилъ:
Задумчиво онъ страсти взоры
На нѣжну Кольну устремилъ—
И тяжко грудь его вздыхаетъ,
Въ очахъ веселья блескъ потухъ,
То огнь по членамъ пробѣгаетъ,
То нѣгою томится духъ:
Тоскуетъ, въ тайнѣ ощущая
Волненье сильное въ крови,
На юны прелести взирая,
Онъ полну чашу пьетъ любви.

Но вотъ ужь дубъ престалъ дымиться,
И тѣнь мрачнѣе становится,
Черпѣетъ тусклый небосклонъ,
И царствуетъ въ чертогахъ сонъ.
. . . . . .
. . . . . .
Рѣдѣетъ ночь: заря багряна
Лучами солнца возжена;
Предъ ней златится твердь румяна;
Тоскарь покинулъ ложе сна;
Быстротекущей Каломоны
Идетъ по влажнымъ берегамъ,
Сѣвшитъ удрѣть долины Кроны
И внемлетъ плещущимъ волнамъ.
И вдругъ изъ сѣни темной рощи,
Какъ въ часъ весенней полупощи,
Изъ облакъ мѣсяцъ золотой,
Выходитъ ратникъ молодой.—
Мечь острый на бедрѣ сіяетъ,
Копье десницу воружаетъ:
Надвинутъ на чело шеломъ,
И гибкой станъ покрытъ щитомъ:
Зарею латы серебрятся
Сквозь утренній въ долинѣ паръ.

«О юный ратникъ!» рекъ Тоскарь,
«Съ какимъ врагомъ тебѣ сражаться?
«Ужель и въ сей странѣ война
«Багритъ ручьевъ струпсты волны?
«Но все спокойно—тишина
«Окрестъ жилища нѣжной Кольны».
— Спокойны дебри Каломоны,
Цвѣтетъ отчизны край златой;
Но Кольна тамъ не обитаетъ:
И нынѣ по стезѣ глухой
Пустыню съ милымъ протекаетъ,
Плѣнившимъ сердце красотой!—
«Что рекъ ты мнѣ, младой воитель?
«Куда сокрылся похититель?
«Подай мнѣ щитъ твой!» И Тоскарь
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ.
Но вдругъ грозимым дышуща покровомъ...
«Ты ль это?» возопилъ Герой,
И трепетно рукой дрожащей
Съ главы снимаетъ шлемъ блестящій,
И Кольну видитъ предъ собой.

Александръ Нкшп.

«Viens, jeune Odulf, l'ombre te favorise,
Viens, me voilà sur le feuillage assise,
Par mes soupirs je compte les momens:
Pour te presser mes bras déjà s'étendent,
Mon coeur t'appelle, et mes levres t'attendent:
Viens; mes baisers seront doux et brûlans.

«Cruel Asgar, je hais ton oeil farouche;
Le mot d'amour est triste sûr ta bouche;
Va, porte ailleurs cet amour insolent.
Un autre enfin à mes côtés sommeille.
A mes côtés un autre se réveille;
Et son baiser est humide et brûlant».

«Mais qui peut donc arrêter sa tendresse?
Pour lui je veille, et pour lui ma faiblesse
Vient d'écarter les jaloux vêtemens.
J'entends du bruit; c'est lui, de sa présence
Mon coeur m'assure, et mon bonheur commence.
Baisers d'amour, soyez longs et brûlans».

«D'un pas rapide il arrive à la grotte,
Ce jeune Odulf; mais d'un autre guerrier
Il voit dans l'ombre étinceler l'acier.
Soupçon cruel! son ame hésite et flotte;
Il dit enfin: «Quel projet te conduit?
Que cherches-tu? parle, enfant de la nuit.
—Faible rival, que cherches-tu toi même?
Réplique Asgar: de la beauté que j'aime
Je suis jaloux; c'est un astre nouveau
Qui pour moi seul brille sur le coteau».

Le fer en main, l'un sur l'autre ils s'élancent.
D'Elveige alors le coeur est alarmé;
Elle frémit, et ses pieds nus s'avancent
A la lueur d'un tison enflammé.
«Viens», dit Odulf, de tes vœux infidèles
Voilà l'objet: perfide, tu l'appelles;
Mais dans la mort il ira te chercher».
Terrible il frappe, et la tremblante Elveige
Tombe à ses pieds comme un flocon de neige
Qu'un tourbillon détache du rocher.
Les deux rivaux avec un cri farouche
Lèvent soudain leur bras désespérés;
D'un coup pareil leurs flancs sont déchirés;
Sur la bruyere ils roulent séparés:
Le nom d'Elveige expire sur leur bouche;
Et de leur sein s'échappe sans retour
Le sang, la vie, et la haine et l'amour.

Сопоставивши эпизодъ изъ поэмы Парни съ Пушкинскимъ подражаніемъ, нельзя не согласиться съ Гаевскимъ, что, «кромѣ первой строфы, всѣ остальныя переведены довольно близко, а нѣкоторыя подстрочно». «Подобная вѣрность», — прибавляетъ Гаевскій, — «рѣдко встрѣчается въ немногочисленныхъ переводахъ Пушкина, неохотно подчинявшагося чужой мысли. Борьба соперниковъ и смерть ихъ, составляющія одно изъ лучшихъ мѣстъ поэмы, переведены слабѣе всего».

Стихи этого мѣста, дѣйствительно, очень сухи и архаичны, что нетрудно объяснить тѣмъ, что переводчикъ вносилъ одушевленіе только въ эротическія строки.

«Эвлега» впервые была напечатана въ посмертномъ изданіи (Спб. 1841, т. IX стр. 277) безъ всякаго обозначенія, что она заимствована (въ томъ-же видѣ, какъ она перепечатана изъ посмертнаго изданія въ настоящемъ). Это не помѣшало Бѣлинскому усмотрѣть тутъ подражательность; но только первоисточникъ ему остался неизвѣстнымъ. «Шіесы Остаръ и Эвлега», — говорилъ онъ, — «напѣвныя скандинавскими стихотвореніями Батюшкова».

Точнѣе было-бы сказать «Сномъ воиновъ» Батюшкова. Но дѣло-то въ томъ, что и «Сонъ Воиновъ» заимствованъ, какъ и «Эвлега», изъ поэмы Парни.

«Сонъ Воиновъ», конечно, былъ извѣстенъ Пушкину, потому что онъ появился уже въ «Вѣсти. Евр.» 1811 г. (№ 3). Но вліяніе его на Пушкина могло заключаться только въ томъ, что Батюшковскій переводъ съ его подзаглавіемъ «Вольный переводъ изъ поэмы Исцель и Аслега» обращалъ вниманіе юнаго поэта на Парни. Впрочемъ, и тутъ было воздѣйствіе не только Батюшкова». «Jsnel et Asléga была въ то время модною новинкою. Впервые напечатанная въ 1802 году, она въ переработанномъ видѣ и съ подраздѣленіемъ на IV пѣсни явилась въ 1808 г. Въ Россіи поэма имѣла особенный успѣхъ. Ею, кромѣ Батюшкова, увлеклись Крыловъ и Давыдовъ. Крыловъ, по указанію Гаевскаго [1], написалъ романсъ «Въ краю чужомъ, Аслега, другъ мой милый»; Давыдовъ — романсъ «Сижу на берегу потока». Къ указаннымъ Гаевскимъ авторамъ можно присоединить Туманскаго. (Изд. 1881 г. стр. 25, 26, 31).

По существу, однако, выборъ Пушкина былъ вполнѣ самостоятельный. Батюшковъ, Крыловъ и Давыдовъ заинтересовались III-й пѣснью, Пушкинъ — IV-ю.

Приспособляясь къ русской фонетикѣ, Пушкинъ Elveige Парни передѣлалъ въ Эвлегу. Asgar онъ передѣлалъ въ Остара.

Мы печатаемъ «Эвлегу» вполнѣ точно по посмертному изданію, какъ единственному первоисточнику. Въ концѣ тома, въ статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста»

1 Въ новѣйшемъ и лучшемъ изд. соч. Крылова подъ ред. В. В. Каллаша мы его не нашли.

ЮНЫЕ РАТНИКИ И ДѢВЫ ОССІАНОВСКИХЪ ПОЭМЪ.

Изъ иллюстрацій Макферсоновскаю изданія 1762 года.

15. ЭВЛЕГА.

Вдали ты зришь утесъ уединенный?
Пещеры въ немъ изрылась глубина;
Темнѣетъ входъ, кустами окруженный:
Вблизи шумитъ и пѣнится волна.
Вечоръ, когда туманилась луна,
Здѣсь милаго Эвлега призывала;
Здѣсь тихій гласъ горамъ передавала
Во тмѣ ночной, печальна и одна:

Приди, Одульфъ! Ужъ роща побѣднѣла:
На нкій мохъ Одульфа ждать я сѣла:
Пылаетъ грудь, за вздохомъ вздохъ летитъ.
О! сладко жить, мой другъ, душа съ душою!
Приди, Одульфъ! забудусь я съ тобою,—
И поцѣлуй любовью возгоритъ!

Бѣги, Остаръ! твои мнѣ страшны взоры,
Твой грозенъ видъ и хладны разговоры!
Оставь меня, не мною торжествуй!
Уже другой въ ночи со мною дремлетъ,
Ужъ на зарѣ другой меня объемлетъ,—
И сладостенъ его мнѣ поцѣлуй!

Что жъ медлитъ онъ сверпить мои надежды?
Для милаго я сбросила одежды,
Завистливый покровъ у ногъ лежитъ.
Но, чу!—идетъ—такъ! это другъ надежной!
Ужъ начались восторги страсти нѣжной—
И поцѣлуй любовью возгоритъ.

Идетъ Одульфъ, во взорахъ уныпенье,
Въ груди любовь, и прочь бѣжитъ печаль:
Но близъ него во тмѣ сверкнула сталь,
И вздрогнулъ онъ—родилось подозрѣнье:
Кто ты? спросилъ, почто ты здѣсь, вѣщай!
Отвѣтствуй мнѣ, о шумъ угрюмой ночи!

—Безсильный врагъ, Остара убѣгай!
Въ пустынной тмѣ, что щутъ робки очи?
Страшись меня: я страстью воспаленъ.
Въ пещерѣ здѣсь Эвлега ждетъ Остара;
Булатный мечъ въ минуту обнажетъ,
Огонь летитъ струями отъ удара.

Услышала Эвлега стукъ мечей,
И бросила со страхомъ хладь пещерной.
«Приди узрѣть предметъ любви твоей!
Вскричалъ Одульфъ подругѣ нѣжной, вѣрной.
Измѣнница! ты здѣсь его зовешь?
Во тмѣ ночной васъ услаждаетъ нѣга—
Но дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь».

Онъ поднялъ мечь, и съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернь, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный со скалъ.
Другъ на друга соперники стремятся,
Кровавый токъ по камнямъ побѣжалъ;
Въ кустарники съ отчаяньемъ катится.
Послѣдній гласъ Эвлегу призывалъ—
И смерти хладъ ихъ ярость оковалъ!

будутъ указаны всѣ разночтенія съ текстомъ другихъ изданій. Здѣсь-же отмѣтимъ только, что, придерживаясь орѳографіи Пушкинскаго времени, мы дважды печатаемъ

Во тмѣ почной,

а не во тьмѣ почной, какъ въ другихъ изданіяхъ. Эта такая существенная особенность произношенія Пушкинскихъ временъ, что устранить ее—значитъ погрѣшить противъ подлинной музыки Пушкинскаго стиха.

16. ОСГАРЪ.

Какъ и «Эвлега», «Остаръ» при жизни Пушкина не печатался и появился только въ посмертномъ изданіи (т. IX, Спб., 1841, стр. 272—276) въ рубрикѣ «Лицейскихъ Стихотвореній». Анненковъ отнесъ его къ «стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ». Гаевскій, не приводя опредѣленныхъ доказательствъ, пріурочиваетъ его къ 1814 г. Хронологія Гаевскаго вполнѣ пріемлема, такъ какъ несомнѣнно, что «Остаръ», «Эвлега» и появившаяся въ печати уже въ 1815 г. «Кольна» (см. № 14) вышли изъ одного творческаго увлеченія мотивами «сѣверной поэзіи».

Въ нижеслѣдующей статьѣ Е. В. Балабановой читатель найдетъ данныя для сужденія о томъ, въ какой малой мѣрѣ сказалось вліяніе Макферсоновскаго Оссіана на «Остара». Здѣсь-же отмѣтимъ, что Пушкинскій «Остаръ» представляетъ собою механическую смѣсь нѣкоторыхъ чисто-внѣшнихъ заимствованій изъ Оссіана съ подражаніемъ общему духу извѣстной уже намъ по «Эвлегѣ» поэмы Парни «Jsnel et Asléga».

Какъ уже указали Гаевскій и Леонидъ Майковъ, слѣдующее мѣсто изъ I пѣсни «Jsnel et Asléga» особенно близко подходитъ если и не по содержанію, то по наиболѣе характернымъ подробностямъ.

La nuit descend; l'étoile pacifique
S'assied au nord sur un lit de frimas.
Près d'un torrent, qui roule avec fracas
Ses flots bourbeux, s'élève un toit rustique;
De vieux sapins le couvrent de leurs bras:
C'est là qu'Olbrown a dirigé ses pas.
Trois fois il frappe, et trois fois il écoute,
Si l'on repend à ses vœux empressés.
Il n'entend rien et dit: Ses yeux lassés
Au doux sommeil ont succombé sans doute.
Il frappe encore, et soudain il ajoute:
Belle Rusla, c'est moi; c'est ton amant
Qui vient chercher le prix de sa tendresse.
Quoi! du sommeil est-ce là le moment?
Réveille-toi, Rusla; tiens ta promesse;
Ne tarde plus. Un vent impétueux,
Un vent glacé siffle dans mes cheveux;
Sous un ciel pur l'étoile scintillante
Du froid naissant atteste la rigueur.
Ne tarde plus; et que ma voix tremblante.
Belle Rusla, passe jusqu'à ton cœur».
Un long soupir, échappé de sa bouche,
Suivit ces mots: il frappe, et cette fois
La porte cède à la main qui la touche.

Въ самомъ содержаніи своего стихотворенія Пушкинъ, однако, вполнѣ самостоятеленъ. У Парни «Belle Rusla» и Ольбровинъ—образецъ взаимной вѣрности, у Пушкина—все основано на измѣнѣ и мести.

Л. Н. Майковъ почему-то говоритъ по поводу «Остара»: «Должно признать, что подражательная попытка Пушкина имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ».

Доказательствомъ этой «дѣтскости» для Майкова служитъ то, что «изъ 11 строфъ піесы 9 (строфы 1—5 и 8—9) наполнены мотивами и образами изъ поэмъ, изданныхъ Макферсономъ, и составляютъ, такъ сказать, подѣлку подъ Оссіана, а остальныя двѣ строфы, 6-я и 7-я, переведены съ нѣкоторыми сокращеніями и съ перемѣною именъ, изъ I пѣсни поэмы Парни «Jsnel et Asléga».

Нельзя не признать взгляды Майкова и совершенно невѣрнымъ, и крайне несправедливымъ. Что касается смѣшенія стилей Макферсонъ-Оссіановскаго и Парни, то если это считать проявленіемъ «дѣтскости», то что уже сказать о поэмѣ Парни, гдѣ смѣшеніе мнимо-«сѣвернаго» стиля съ вылощенностью версальскаго двора доходитъ прямо до комизма.

А съ эстетической точки зрѣнія «Остаръ» еще менѣе можетъ быть названъ «дѣтскимъ» произведеніемъ. Конечно, стихотвореніе, въ общемъ, слабое, и по схематичной, элементарной психологіи героевъ, и по искусственности языка и другихъ пріемовъ. Но это уже недостатки, общіе всей эпохѣ. Нѣтъ ничего дѣтскаго въ «Остарѣ» и по вполнѣ выработанному и стильному языку. Въ общемъ, подъ этимъ стихотвореніемъ могъ-бы подписаться любой изъ извѣстныхъ литераторовъ начала вѣка.

16. ОСГАРЪ.

По камнямъ гробовымъ, въ туманахъ полуночи,
Стуная трепетно усталою погой,
По лорѣ путникъ шелъ: его напрасно очи
Ночлега мирнаго искали въ тмѣ густой.
Пещеры нѣтъ предъ нимъ, на берегѣ угрюмомъ:
Не видитъ хижины, наслѣдья рыбаря:
Въ дали дремучій боръ качаютъ вѣтры съ шумомъ,
Луна за тучами, и въ морѣ спитъ заря.

Идетъ, и на скалѣ, обросшей влажнымъ мохомъ,
Зритъ барда стараго—веселье прошлыхъ лѣтъ:
Склонясь сѣдымъ челомъ надъ воющимъ потокомъ,
Въ безмолвіи, времецъ онъ созерцалъ полетъ.
Зубчатый мечъ висѣлъ на вѣтви мрачной ивы.
Задумчивый пѣвецъ взоръ тихій обратилъ
На тына чуждыхъ странъ, и путникъ боязливый
Содрогся въ ужасѣ и мимо поспѣшилъ.

«Стой, путникъ! Стой!» вѣщалъ пѣвецъ вѣковъ минувшихъ:
«Здѣсь пали храбрые: почти ихъ бранный прахъ.
Почти геройство чадъ, могилы сномъ уснувшихъ!»
Приклецъ главой поникъ—и, мнилось, на холмахъ
Возставшій рядъ тѣней славы окровавленны
Съ улыбкой гордою на странника склонялъ.
—Чей гробъ я вижу тамъ?—вѣщалъ иноплеменный,
И Барду посохомъ на берегъ указалъ.

Колчанъ и шлемъ стальной, къ утесу приговоренный,
Бросали тусклый лучь, луною озлатясь.
Увы, здѣсь палъ Остаръ! рекъ старецъ вдохновенный.
О, рано юношѣ насталъ послѣдній часъ!
Но онъ искалъ его: я зрѣлъ, какъ въ ратномъ строѣ
Онъ первыя стрѣлы съ весельемъ ожидалъ,
И рвался изъ рядовъ и палъ въ кипящемъ боѣ.
Покойся, юноша! ты въ брани славной палъ!

Во цвѣтѣ нѣжныхъ лѣтъ любилъ Остаръ Мальвину:
Неразъ онъ въ радости съ подругою встрѣчалъ
Вечерній свѣтъ луны, скользящій на долину,
И тѣнь увадшую съ приморскихъ грозныхъ скалъ.
Казалось, ихъ сердца другъ къ другу пламенѣли:
Одной, одной Остаръ Мальвиною дышалъ.
Но быстро дни любви и счастья пролетѣли,
И вечеръ горести для юноши насталъ!...

Однажды, въ темну ночь зимы порой унылой,
Остаръ стучится въ дверь красавицы младой,
И шепчетъ: «юный другъ, не медли, здѣсь твой милой!»
Но тихо въ хижинѣ. Вновь робкою рукой
Стучитъ и слушаетъ: лишь вѣтры съ свистомъ воютъ.
«Ужели спишь теперь, Мальвина?» Мгла вокругъ,
Валится снѣгъ, власы въ туманѣ леденѣютъ.
«Услышь, услышь меня, Мальвина, милый другъ!»—

«Осгаръ», по литературнымъ достоинствамъ, во всякомъ случаѣ ничѣмъ не ниже «Кольны», которой оказалъ радушное гостепріимство такой первенствующій журналъ своего времени, какъ «Вѣстникъ Европы».

Совсѣмъ не пріемлемо и другое замѣчаніе Майкова:

«Замѣтимъ также, что послѣдняя строфа «Осгара» представляетъ нѣкоторое сходство съ послѣднею строфой «Эоловой Арфы» Жуковскаго:

Когда отъ потоковъ, холмовъ и полей
Восходятъ туманы,
И свѣтитъ, какъ въ дымѣ, луна безъ лучей—
Двѣ видятся тѣни:
Сліявшись, летятъ
Къ знакомой имъ сѣни...
И дубъ шевелится, и струны звучатъ.

Трудно было придумать болѣе не подходящую аналогію. Начать съ того, что она разбивается о хронологическія соображенія. Самъ-же Майковъ, процитировавъ конецъ «Эоловой Арфы», тотчасъ-же прибавляетъ:

«Это сходство заставляетъ предполагать, что «Эолову Арфу», написанную въ 1814 году, Пушкинъ узналъ еще въ рукописи, такъ какъ эта баллада была напечатана лишь въ 1815 году въ № 3 журнала «Амфіонъ».

Такую гипотезу можно выдвигать только съ опредѣленными указаніями, а не тогда, когда изслѣдователь вынужденъ «предполагать».

Но гораздо больше этихъ формальныхъ соображеній имѣетъ тутъ значеніе діаметрально-противоположное внутреннее настроеніе баллады Жуковскаго. «Эолова Арфа» — это заоблачно-романтическая повѣсть на любимый мотивъ Жуковскаго — страданія двухъ любящихъ сердецъ, безконечно вѣрныхъ другъ другу, но не имѣющихъ, по волѣ старшихъ, возможности соединиться «навѣкъ». Покорно они подчиняются этой волѣ и съ тоскою умираютъ въ надеждѣ свидѣться въ лучшемъ мірѣ.

Гдѣ-же въ этомъ апоѳеозѣ «резиньяціи» хотя-бы отдаленное сходство съ «Осгаромъ», гдѣ все построено на бурномъ клокотаніи страстей, не знающихъ никакихъ препонъ. Единственно, что связываетъ «Осгара» и «Эолову Арфу», это то, что и въ «Эоловой Арфѣ» Оссіановскій антуражъ—«Владыко Морвена», «могучій Ордалъ» и т. д.

Заслуживаетъ вниманія указаніе П. О. Морозова, что введенное Пушкинымъ «имя Звигнела имѣетъ какъ-будто литовскій характеръ». Можно къ этому прибавить, что и Rusla Парни отзывается чѣмъ-то славянскимъ.

О мелкихъ отличіяхъ печатаемаго нами текста см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Здѣсь-же отмѣтимъ только, что мы удерживаемъ правописаніе Пушкинскаго времени: мечь, лучь и—по причинамъ, указаннымъ на стр. 94,—тма, а не тьма.

Противъ текста посмертнаго изданія мы сдѣлали только одно отступленіе, поставивши на мѣсто 64-й строки рядъ точекъ. Какъ совершенно правильно указалъ П. А. Ефремовъ въ первомъ своемъ изданіи: «Г. Анненковъ, имѣвшій въ рукахъ всѣ рукописи поэта, не досмотрѣлъ пропуска посмертнымъ изданіемъ заключительнаго стиха 8-й строфы Осгара».

Недостаетъ, очевидно, строки съ риѳмою на *ой*.

С. Венгеровъ.

Онъ въ третій разъ стучитъ. Со скрипомъ дверь шатнулась:
Онъ входитъ съ трепетомъ; несчастный! что-жъ удрѣлъ?
Темнѣетъ взоръ его: Мальвина содрогнулась;
Онъ зритъ—въ объятіяхъ измѣнницы Звигнелъ!
И ярость дикая во взорахъ закипѣла:
Нѣмѣетъ и дрожитъ любовникъ молодой.
Онъ грозный мечь извлекъ—и нѣтъ уже Звигнела,
И блѣдный духъ его сокрылся въ тмѣ ночной!
Мальвина обняла несчастнаго колѣна,
Но взоры отвративъ: «живи!» вѣщалъ Осгаръ:
Живи, ужъ я не твой, презрѣнна мной измѣна,
Забуду, потушу въ невѣрной страсти жаръ.
И тихо за порогъ выходитъ онъ въ молчаньѣ,
Окованъ мрачною, безмолвною тоской—
Исчезло сладкое на-вѣкъ очарованье!
. . . . . .
. . . . . .
Я видѣлъ юношу: поникнувъ головою,
Мальвины имя онъ въ отчаяньи шепталъ:
Какъ сумракъ, дремлющій надъ бездною морскою,
На сердцѣ горестномъ унынья мракъ лежалъ.
На друга дѣтскихъ лѣтъ взглянулъ онъ торопливо:
Уже недвижный взоръ друзей не узнавалъ.
Отъ пиршествъ удаленъ, въ пустынѣ молчаливой
Онъ одиночествомъ печаль свою питалъ.
И длинный годъ провелъ Осгаръ среди мученій.
Вдругъ грянулъ трубный гласъ: Оденовъ сынъ, Фингалъ,
Велъ грозныхъ на мечи въ кровавый пылъ сраженій.
Осгаръ послышалъ вѣсть и бранью воспылалъ.
Здѣсь мечь его сверкнулъ, и смерть предъ нимъ бѣжала;
Покрытый ранами, здѣсь палъ на груду тѣлъ;
Онъ палъ—еще рука меча кругомъ искала,
И крѣпкій сонъ вѣковъ на сильнаго слетѣлъ!
—Побѣгли вспять враги—и тихій миръ герою!
И тихо все вокругъ могильнаго холма!
Лишь въ осень хладную, безмѣсячной порою,
Когда вершины горъ тягчитъ сырая тма,
Въ багровомъ облакѣ, одѣянна туманомъ,
На камнѣ гробовомъ уныла тѣнь сидитъ—
И стрѣлы дребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
И кленъ, зашевелясь, таинственно шумитъ.

ПУШКИНЪ И ОССІАНЪ.

Біографы и изслѣдователи поэзіи Пушкина склонны придавать большое значеніе вліянію Оссіана на юнаго Пушкина. Оссіановское вліяніе всегда ставятъ рядомъ съ вліяніемъ Парни, поэзія котораго, дѣйствительно, произвела рѣшающее воздѣйствіе на первый періодъ творчества Пушкина. Въ виду этого мы сочли нужнымъ дать читателямъ особый этюдъ о мало теперь уже извѣстномъ большой публикѣ дѣйствительномъ или мнимомъ «Оссіанѣ». Авторъ нижеслѣдующаго очерка— Е. В. Балобанова, которой принадлежитъ наиболѣе авторитетное въ нашей литературѣ изслѣдованіе объ Оссіанѣ и переводъ его, приходитъ къ тому интересному выводу, что вліяніе Оссіана на Пушкина было совершенно ничтожно. Ред.

I.

Въ 1760 г. въ Эдинбургѣ появилась книга подъ заглавіемъ: «Fragments of ancient poetry, collected in the Highlands and translated from the gaelic or erse language by James Macpherson». Макферсонъ, авторъ этой книги, еще очень юный поэтъ, напечатавшій до появленія ея всего нѣсколько незначительныхъ стихотвореній, называлъ себя простымъ переводчикомъ старинной рукописи, сохранившей поэзію барда Оссіана [1], сына Фингала, жившаго въ III-мъ столѣтіи нашей эры въ Сѣверной Шотландіи, въ Гейлэндѣ.

Огромное впечатлѣніе произвело появленіе этого памятника не только во всей европейской литературѣ, но и во всемъ европейскомъ образованномъ обществѣ: это былъ не поддающійся описанію всеобщій восторгъ, — можно сказать безъ преувеличенія, что Оссіанъ прошелъ завоевателемъ по всей Европѣ. Чѣмъ же можетъ быть объяснено такое впечатлѣніе? Прежде всего, разумѣется, тѣмъ историческимъ моментомъ, въ который появился Оссіанъ. Еще задолго до Макферсона, еще даже до Руссо, европейская литература, особенно англійская, уже начинаетъ отражать общую неудовлетворенность существующей культурной жизнью: ея манерностью, искусственностью и сложностью. Отсюда стремленіе уйти назадъ въ старину, въ первобытную жизнь — въ природу: стремленіе найти новыя формы, новый смыслъ существованія. Идиллическія картины въ стихотвореніяхъ англійскихъ поэтовъ Томсона и Юнга; пастушескія наивности Попа и Геснера съ ихъ перевязанными ленточками пейзанами и наконецъ глубокія, полныя одушевленія мечты Руссо о первобытной жизни, ярко свидѣтельствуютъ объ этомъ настроеніи.

Отсюда же и увлеченіе «Иліадой» и «Одиссеей»—единственно доступными тогда памятниками народнаго творчества. До XVIII в. не существовало такъ называемаго Гомеровскаго вопроса,—Гомеръ считался такимъ же греческимъ писателемъ, какъ Софоклъ или Еврипидъ. Но въ первой половинѣ этого вѣка итальянскій писатель Вико, въ своей Scienza Nuova, первый обратилъ вниманіе на «Иліаду» и «Одиссею», какъ на народное произведеніе, и призналъ Гомера не авторомъ, а раисодомъ. Вико постарался даже разобраться въ греческомъ эпосѣ и нашелъ, что, какъ въ «Иліадѣ», такъ и въ «Одиссеѣ» собраны пѣсни двухъ совершенно разныхъ эпохъ: болѣе раннія, отвѣчавшія вліянію восточной цивилизаціи, и болѣе позднія, отразившія западное вліяніе. Съ легкой руки Вико, Гомеромъ занялась и германская и англійская литература, и такимъ образомъ гомеровскій вопросъ подготовилъ почву Оссіану, предопредѣливъ то непреодолимое очарованіе, съ которымъ онъ овладѣлъ всѣми умами. Прежде всего онъ былъ понятъ, какъ памятникъ народнаго творчества и притомъ гораздо ближе стоявшій къ пониманію человѣка XVIII вѣка, чѣмъ Гомеръ. Вертеръ признается, что Оссіанъ вытѣснилъ изъ его сердца даже Гомера: «Что за міръ, въ который ведетъ меня этотъ чудный Оссіанъ! Странствовать въ пустынѣ подъ свистъ бурнаго вѣтра, который въ туманныхъ облакахъ уноситъ души отцовъ, слушать на горѣ шумъ лѣсного потока, стоны духовъ изъ ихъ пещеръ!..» Это не только признаніе сентиментальнаго Вертера, это признаніе цѣлаго утомленнаго вѣка, рвущагося изъ манер-

[1] Бардъ — кельтскій народный пѣвецъ, посланникъ, посредникъ.

ности, холодности и искусственности на широкій просторъ непосредственной природы.

Но не прошло и нѣсколькихъ лѣтъ послѣ появленія Макферсоновскаго Оссіана, какъ въ Англіи поднялась цѣлая буря обвиненій Макферсона въ подлогѣ этого произведенія. Юнгъ, Шау, Лэнгъ и пр. съ ожесточеніемъ напали на него, уличая какъ со стороны исторической и художественной, такъ и филологической. Однако, несмотря на рядъ чувствительныхъ ударовъ, нанесенныхъ ими Макферсону, его противники все же не могли довести спора до окончательной побѣды, и такъ называемый Оссіановскій вопросъ, т. е. вопросъ о подлинности этого произведенія, сыгравшаго такую огромную роль въ исторіи литературы, продержался на сценѣ въ теченіе цѣлаго столѣтія и только къ 50-хъ г.г. минувшаго вѣка былъ окончательно сданъ въ архивъ: Макферсонъ, авторъ Оссіановскихъ поэмъ, объявленъ обманщикомъ, его произведеніе — подлогомъ. Приговоръ этотъ, вошедшій въ законную силу, попалъ въ школьный обиходъ и до сихъ поръ шаблонно отражается въ большинствѣ работъ по исторіи литературы даннаго періода. Такое отношеніе можетъ быть объяснено отчасти и тѣмъ, что Оссіановскій вопросъ, съ упадкомъ романтизма, утратилъ всякое значеніе, — имъ совершенно перестали интересоваться, и если иногда теперь онъ и поднимаетъ голову изъ пропилаго, то лишь какъ мимолетное воспоминаніе былого величія.

Но даже теперь, когда Оссіанъ сошелъ со сцены, а настроеніе, родственное ему, не только улеглось, но и умерло, вѣроятно, безъ надежды воскреснуть, на читателя производитъ впечатлѣніе свѣжесть его тона, возвышенные образы, тонкость чувства природы, — что же было тогда, когда дымъ фабрикъ и шумъ машиннаго колеса не закоптили и не оглушили человѣчества?

Но филологи-фольклористы не могли утратить интереса къ Оссіану, и по мѣрѣ разработки древне-ирландскихъ и вообще кельтскихъ памятниковъ, благодаря трудамъ O'Curry, Wendisch'a, D'Arbois de Jubainvill'a, Guédoz'a Lotha'a, Le Braz'a и др., благодаря работамъ ирландскаго и гейлэндскаго Оссіановскихъ обществъ, — Оссіановскій вопросъ все чаще и чаще начинаетъ появляться на свѣтъ изъ темныхъ погребовъ историко-литературнаго архива, но разумѣется, въ совершенно другой оболочкѣ. Никто теперь не станетъ утверждать, что Макферсоновскій Оссіанъ есть документальный памятникъ старинной шотландской поэзіи, но, несомнѣнно, — это отзвукъ ея и является неоцѣнимымъ доказательствомъ живучести народной памяти и неизсякаемости народнаго творчества. Всего легче было бы предположить, что за Макферсономъ стоятъ другіе, подобные Макферсону, но ближе соприкасающіеся съ народными нѣснями, т. е. предположить здѣсь тотъ же личный починъ, который теперь считается допустимымъ по отношенію къ Гомеровскому эпосу и къ Нибелунгамъ съ тою только разницей, что въ Оссіанѣ мы имѣемъ дѣло съ народнымъ творчествомъ и болѣе позднимъ, и не слитымъ въ эпопеи.

Какъ въ средніе вѣка кельтскіе мотивы прошли по всей Европѣ, начиная съ бретонскихъ lais и кончая романами Круглаго Стола, такъ и здѣсь, благодаря Макферсону, кельтскіе сюжеты вновь обошли всю Европу. Но какъ тогда, такъ и теперь имѣли значеніе не только сюжеты, но главнымъ образомъ и идеи, и стиль, и съ этой точки зрѣнія оссіанизмъ никогда не утратитъ своего значенія для исторіи литературы, какого бы мнѣнія ни держались критики о подлинности Макферсоновскаго Оссіана.

Изданіе Макферсоновскаго Оссіана 1760 г. заключало въ себѣ всего 15 нѣсенъ, но общество шотландскихъ патріотовъ, польщенное въ своей національной гордости успѣхомъ Оссіана, дало Макферсону средства на новое путешествіе въ Гейлэндъ съ цѣлью открытій; въ 1762 г. вышло 2-е изданіе Оссіановскихъ поэмъ съ весьма значительнымъ прибавленіемъ — до 39 нѣсенъ. Съ этого послѣдняго были сдѣланы переводы на всѣ европейскіе языки, между прочимъ и извѣстный французскій переводъ Летурнера, съ котораго въ свою очередь перевелъ нашъ Костровъ, не знавшій англійскаго языка. Впрочемъ, Костровъ перевелъ не всѣ нѣсни, а только 24, по числу нѣсенъ «Иліады» и «Одиссеи», причемъ не стѣснялся выборомъ, а потому въ его переводѣ попало много искусственныхъ поэмъ. Въ 1765 г. явилось новое изданіе въ 2-хъ томахъ, значительно исправленное, — все слишкомъ вычурное было исключено. Это изданіе, заключающее въ себѣ 22 нѣсни, стало прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ изданій и переводовъ.

Считаю умѣстнымъ напомнить здѣсь, что Оссіанъ Макферсона написанъ прозой, хотя и очень художественной и слегка

каданспрованной, но все-же прозой, а потому раздававшіеся упреки по адресу переводчиковъ, что они даютъ только прозаическіе переводы, несправедливы. Есть нѣсколько стихотворныхъ переложеній Оссіана; но они, разумѣется, не могутъ считаться переводами, такъ какъ отступаютъ отъ подлинника въ основномъ отношеніи.

Въ литературномъ мірѣ первый обратилъ вниманіе на Оссіана докторъ Блэръ, профессоръ риторики и литературы въ Эдинбургскомъ университетѣ, напечатавшій разборъ этого произведенія, въ подлинность котораго онъ совершенно вѣрилъ. Макферсонъ утверждалъ, что его Оссіанъ былъ дословный переводъ одной древней рукописи, сохранившейся въ семействѣ Кланъ Рональдовъ. Многіе критики совѣтовали ему, въ виду появившихся сомнѣній, показать эту рукопись какимъ-нибудь спеціалистамъ, которые могли-бы констатировать вѣрность перевода. Но Макферсонъ не только ничѣмъ не отозвался на это, но даже не выступалъ ни съ однимъ разъясненіемъ обращенныхъ къ нему вопросовъ, предоставляя полемику своимъ друзьямъ. Наконецъ, когда въ 1775 г. знаменитый критикъ Джонсонъ, вернувшійся изъ своей поѣздки въ Гейлэндъ, напалъ на него съ ожесточеніемъ, онъ выступилъ съ заявленіемъ, что оригиналъ его перевода будетъ имъ выставленъ, по полученіи его отъ владѣльцевъ, у Эдинбургскаго книгопродавца. Обѣщаніе это не было исполнено, да кстати и Джонсонъ больше не поднималъ Оссіановскаго вопроса: сторонники Макферсона уличили его въ полномъ незнаніи эрзійскаго языка, о которомъ онъ судилъ такъ смѣло, считая его до такой степени грубымъ и бѣднымъ, что онъ могъ выражать лишь самыя первобытныя понятія, а письменность его создалась совсѣмъ недавно, чуть-ли не на глазахъ самого Джонсона. Разумѣется, и въ этомъ онъ былъ уличенъ.

Вскорѣ борьба приняла характеръ узконаціональный, все болѣе и болѣе отдаляясь отъ научной критики. Ирландскіе ученые съ ожесточеніемъ напали на Макферсона: до него никто не оспаривалъ ирландскаго происхожденія фініанскихъ героевъ и никто никогда не подозрѣвалъ даже возможности возникновенія самостоятельной шотландской Оссіановской легенды. Въ подкрѣпленіе Макферсону, въ 1780 г., явилось два сборника шотландскихъ Оссіановскихъ пѣсенъ на англійскомъ языкѣ, но съ гаэльскимъ текстомъ en regard: 1) Сборникъ Джона Кларке, подъ заглавіемъ «Произведенія каледонскихъ бардовъ». 2.—«Гаэльскія древности» Джона Смита; въ предисловіи послѣдняго сборника Смитъ разсуждаетъ о подлинности Макферсоновскаго Оссіана и ссылается на людей, видѣвшихъ оригиналъ его, вѣроятно, тотъ, который впослѣдствіи былъ обнародованъ. Пѣсни этихъ двухъ сборниковъ, хотя и не совсѣмъ похожія на Макферсоновскаго Оссіана по стилю, были до того сходны съ нимъ по духу и тону, что могли служить вѣскимъ доказательствомъ въ его пользу. Споръ продолжался, однако, еще нѣсколько лѣтъ безъ всякаго результата. Гейлэндское патріотическое общество назначило коммиссію для изслѣдованія вопроса о подлинности Оссіана. Во время ея занятій умеръ Макферсонъ, въ 1796 г., а черезъ два года послѣ его смерти появились, наконецъ, и оригиналы Макферсона, или, лучше сказать, появилось одиннадцать пѣсенъ на гаэльскомъ языкѣ и между ними двѣ большія эпопеи: «Финнгалъ», съ дословными латинскимъ и англійскимъ переводами, и «Темора» — съ латинскимъ. Это все, что нашлось въ бумагахъ Макферсона послѣ его смерти и что было передано имъ еще при жизни Джону Маккензи; но ни одной старой рукописи, ничего похожаго на старинный текстъ! Такъ и осталось неразгаданнымъ—былъ-ли въ распоряженіи Макферсона какой-нибудь древній памятникъ, или не было никакого. Существуетъ очень странное, но тѣмъ не менѣе достовѣрное извѣстіе, что въ шотландской школѣ во Фландріи задолго до Макферсона была какая-то таинственная рукопись, впослѣдствіи уничтоженная невнимательнымъ отношеніемъ учениковъ. Сенклеръ увѣрялъ, что это былъ манускриптъ Оссіановскихъ пѣсенъ и что онъ самъ его видѣлъ въ 1745 г., но ирландскій ученый Дрэммондъ утверждалъ, что это былъ экземпляръ ирландскаго фініанскаго сказанія. Вопросъ этотъ остался открытымъ навсегда. Въ началѣ XIX ст. гейлэндская коммиссія, наконецъ, опубликовала результаты своихъ изысканій, весьма, однако, незначительные: въ пятьдесятъ лѣтъ, которыя прошли со времени появленія Макферсоновскаго Оссіана, многое измѣнилось и утратилось въ Гейлэндѣ. Конечно, найдено было нѣсколько преданій о фініяхъ, Оссіанѣ, Оскурѣ и пр., но ничего

похожаго на Макферсоновскій текстъ не было найдено. Коммиссія, въ дополненіе къ отчету, издала множество писемъ по предмету существованія извѣстныхъ людей, желавшихъ доказать подлинность Макферсоновскаго Оссіана, но въ дѣйствительности ничего существеннаго не доказавшихъ; многіе утверждали, что въ дѣтствѣ слыхали подобныя пѣсни, что бродячіе пѣвцы записали въ ихъ сельскіе дома и замки Оссіановскія преданія и т. п. Все это весьма вѣроятно, но все это не рукопись Клариссы Рональдовъ, о которой говоритъ Макферсонъ. Многіе современники, съ Вальтеръ Скоттомъ во главѣ, дѣлали серьезный упрекъ коммиссіи въ недобросовѣстности—въ томъ, что она задалась предвзятой цѣлью возстановить вѣру въ подлинность Макферсоновскаго Оссіана, а не добиться истины, какой бы она ни оказалась. Упрекъ этотъ основателенъ: напр., она разослала циркуляры съ 6-ю вопросами по поводу Оссіана въ огромномъ количествѣ экземпляровъ, а между тѣмъ ни одного не послала въ Ирландію, гдѣ, несомнѣнно, могли пролить всего больше свѣта, такъ какъ многіе тамошніе ученые знали старинный гэльскій языкъ. Дублинская академическая библіотека и архивы частныхъ лицъ имѣли массу неразработаннаго матеріала въ видѣ старинныхъ рукописей, анналовъ, документовъ, имѣвшихъ, можетъ быть, какое-нибудь отношеніе къ вопросу.

ДЖЕМСЪ МАКФЕРСОНЪ.

Съ портрета въ лондонской національной портретной галлереѣ.

Въ настоящее время вопросъ о національности Оссіановскихъ героевъ не можетъ стать предметомъ спора: жители сѣверной Шотландіи и Ирландіи принадлежали къ одному племени, сохранявшему сравнительно долго свои общія національныя черты, благодаря тому, что римское завоеваніе не коснулось ни той, ни другой страны [1]. Жители ихъ находились въ постоянныхъ сношеніяхъ и весьма вѣроятно, что гэйлэнцы были прямыми выходцами изъ Ирландіи [2]. Несомнѣнно теперь, что отечество Оссіановской легенды есть Ирландія; но крайней мѣрѣ, она самый древній ея источникъ. Но можно съ достовѣрностью утверждать, что самостоятельная шотландская легенда о Финѣ и Оссіанѣ не только несомнѣнно существовала, но что она и до сихъ поръ существуетъ въ устахъ народа, и что хотя она создалась не непосредственно, но давно локализировалась въ горахъ и долинахъ Гэйлэнда, имѣетъ свои особенности и отличія отъ ирландской. Такимъ образомъ Макферсону незачѣмъ было собирать свой матеріалъ въ Ирландіи.

Въ Ирландіи существовало два главныхъ цикла сказаній, которые даже до позднѣйшаго времени не смѣшивались между собой. Болѣе древній, сказочный—циклъ Кухулина и болѣе новый—Финіанскій. Первый, вѣроятно, принадлежитъ къ I-му и не позднѣе II-го вѣка нашей эры; онъ отразилъ массу чертъ, напоминающихъ то, что мы знаемъ о гальскихъ кельтахъ по Цезарю, и даетъ обширную картину древней жизни чистыхъ, не романизованныхъ кельтовъ, о которыхъ мы не имѣли другихъ свѣдѣній, кромѣ собранныхъ Моммсеномъ въ III-мъ томѣ его «Римской Исторіи». Эти свѣдѣнія о гальскихъ кельтахъ находятъ подтвержденіе и въ ирландскихъ сказаніяхъ. Кромѣ того, мы здѣсь знакомимся и съ спеціально ирландскими бытовыми чертами: встрѣчаются самыя мелочайшія подробности обыденной жизни—описаніе одежды, ея покроя и цвѣта,

1 Дальше залива Фризы (Firth) римляне не пошли на сѣверъ Шотландіи, а въ Ирландіи они не колонизировались.—2 Ebrard: Zur Ossian Frage. Zeitschrift d. Litter., № 29, 1879.

украшеній, оружія, утвари, жилищъ и проч. Мы узнаемъ, что Ирландія въ то время была страной не земледѣльческой, а большія стада быковъ, барановъ и свиней составляли все богатство ея обитателей. Самое драгоцѣнное сказаніе этого цикла, по массѣ бытовыхъ подробностей, есть сказаніе о «воровствѣ коровъ Куальжа» (Tùain Bé Cualgue)[1].

Болѣе новый циклъ сказаній—это циклъ Финіанскій. Историческія событія, служившія основаніемъ для этихъ преданій, относятся къ III-му в. по Р. Х.: о нихъ упоминается въ самыхъ древнихъ ирландскихъ рукописяхъ. Согласно преданіямъ, Ирландія составляла одно королевство, во главѣ котораго стоялъ король Тары (Теморы). Король выбиралъ вождей для каждаго отдѣльнаго клана, а самъ былъ вождь вождей. Случилось, что при королѣ Коннѣ «ста битвъ», который считался 121-мъ королемъ Ирландіи, находился очень уважаемый друидъ; дочь этого друида, Мюрни, славилась необыкновенной красотой, и отецъ просваталъ ее за сосѣдняго вождя, но дядя короля, Кумгалъ, предводитель королевской арміи, посватался къ Мюрни и, когда друидъ отказалъ ему, силой увезъ ее. Друидъ обратился за защитой къ Конну; король приказалъ Кумгалу возвратить Мюрни и покинуть навсегда Ирландію. Кумгалъ отказался повиноваться, и вотъ возгорѣлась междоусобная война, длившаяся довольно долго и съ перемѣннымъ счастьемъ; наконецъ, Коннъ одержалъ рѣшительную побѣду, а Кумгалъ былъ убитъ[2]. Сынъ Кумгала и Мюрни, Финъ Мак-Кумгалъ, наслѣдовалъ своему отцу въ управленіи финіями, которые составляли въ Ирландіи постоянное войско. Имя ихъ по-ирландски—fiann, но употреблялось всегда во множественномъ числѣ—fianna, потому что каждая провинція имѣла свой собственный контингентъ финіевъ. Эти финіи пользовались огромными привилегіями: всякая охота въ странѣ принадлежала имъ, и если кто-нибудь изъ жителей убивалъ оленя или лань, то долженъ былъ уплатить финіямъ штрафъ или отдать быка за убитаго оленя и корову—за лань. Никто не имѣлъ права выдать свою дочь замужъ прежде, чѣмъ не предложитъ дѣвушку въ замужество финіямъ своего клана. Если являлся финій, его предпочитали, даже не спрашивая желанія самой дѣвушки, хотя вообще женщины у кельтовъ пользовались не только уваженіемъ, но и полнымъ равенствомъ въ имущественномъ и правовомъ отношеніи. Страна должна была очень страдать отъ такого ига финіевъ, и понятно, что требовательность ихъ сдѣлалась нестерпимой самимъ королямъ, что и довело до катастрофы: Карбъ, ирландскій король, выдалъ свою дочь замужъ, не спросивъ финіевъ. Финіи, подъ предводительствомъ Оссіана (Оссина), сына Фингала, заговорили о своихъ привилегіяхъ и потребовали удовлетворенія. Разсерженный Карбъ объявилъ имъ войну, и битва при Габарѣ рѣшила ихъ участь: финіи клана Морни остались вѣрными своему королю, а финіи Лейнстера и др. клановъ присоединились къ Оссину. Самъ король Карбъ и сынъ Оссина, Оскаръ или Оскуръ, погибли въ битвѣ[1]. Въ этомъ сраженіи при Габарѣ нанесенъ былъ ударъ военнымъ силамъ Ирландіи. Сто или сто двадцать лѣтъ спустя, явился въ Ирландіи св. Патрикъ и христіанство одержало рѣшительную побѣду надъ всѣмъ старымъ строемъ ирландской жизни.

Послѣдній изъ финіевъ, пережившій битву при Габарѣ, былъ, по преданію, Оссіанъ, сынъ Фингала. По одной изъ сохранившихся версій сказанія, Оссіанъ вмѣстѣ съ Мальвиной, женой его погибшаго сына, Оскура, прожили гораздо дольше возможной человѣческой жизни, и оба въ глубокой старости видѣли св. Патрика и дожили до побѣды христіанства. По другой версіи, очень оригинальной и рѣдкой[2], ко времени появленія св. Патрика Оссіанъ уже давно находился въ Странѣ Вѣчной Юности—Елисейскія поля языческой Ирландіи, но сильно затосковалъ о землѣ; его отпустили съ заклинаніемъ не сходить съ бѣлой лошади, на которой онъ поѣхалъ, и не касаться земли. Вернувшись въ Эринъ, т. е. въ Ирландію, Оссіанъ забылъ заклятіе и, видя людей, тщетно силящихся сдвинуть огромный камень, хочетъ имъ помочь, сходитъ съ коня и, дотронувшись до земли, обращается въ дряхлаго старика, конь его исчезаетъ, и онъ не можетъ больше уже вернуться въ Страну Вѣчной Юности, а между тѣмъ окружавшій его міръ ему из-

1 Перев. Е. Балобановой въ предисловіи къ переводу поэмъ Оссіана Макферсона. Спб., 1891, стр. 19—23. — 2 Эта битва, подъ названіемъ «Битва при Кнухѣ» описана въ сказаніи книги Лейнстера. Перев. Е. Балобановой «Оссіанъ Макферсона». Спб., 1891, стр. 11—14.

1 Хроника книги Лейнстера. XII в.—2 Цитирую по переводу Виндиша, помѣщеннаго въ статьѣ «L'ancienne legende irlandaise». Revue Celtique t. V.

мѣнилъ, сталъ чуждымъ. Здѣсь, такъ сказать, на границѣ двухъ міровъ, Оссіанъ встрѣчается со св. Патрикомъ.

Познакомившись съ ирландскими преданіями, мы перейдемъ теперь къ шотландскимъ версіямъ.

Противники Макферсона, главнымъ образомъ, нападали на тонъ его Оссіана.

Меланхолическій тонъ,—говорили они,—свойственъ произведеніямъ XVIII в., а не вѣсямъ первобытнаго барда.

Теперь можно съ увѣренностью сказать, что этотъ меланхолическій тонъ свойственъ шотландской Оссіановской легендѣ, можетъ быть не первоначальной, но во всякомъ случаѣ той, которая сложилась тамъ задолго до Макферсона: шотландская нѣсня, приписанная Оссіану, сохранившаяся въ сборникѣ Лесморскаго священника 1555 г., значитъ за 200 лѣтъ до Макферсона, несомнѣнно, совершенно тождественна по стилю, тону и настроенію съ Оссіаномъ Макферсона: для наглядности я привожу ее здѣсь [1].

«Долго не проходятъ облака надо мною. Эта ночь была длинная ночь: день, который идетъ длинный день, и вышелъ онъ изъ еще болѣе тяжелаго дня. Не такой онъ, какимъ бы я его хотѣлъ: нѣтъ больше побѣдъ на полѣ битвъ, поединковъ: нѣтъ нѣсенъ, арфъ, прелестныхъ дѣвъ, горячихъ сердецъ, нагруженныхъ кораблей, богатыхъ праздниковъ щедраго повелителя, преслѣдованій оленя, тихаго разговора съ милой. Увы! я долженъ жить для того, чтобы не знать веселья дома и въ полѣ, безъ звука охотничьяго рога, безъ собакъ и ихъ лая, безъ легкаго конья, безъ веселья отроковъ... Долго, долго не проходятъ облака надо мною! Нѣтъ болѣе грустнаго человѣка въ этомъ большомъ свѣтѣ, какъ я въ эту ночь.... Бѣдный старикъ, безъ силъ въ костяхъ, стою здѣсь я, Оссіанъ, сынъ Фина, послѣдній потомокъ высокаго рода. Стою подъ холодными сѣрыми тучами, слушаю звонъ колоколовъ, и тучи ночныя идутъ надо мной безконечно...»

Въ ирландскихъ сказаніяхъ, какъ мы уже видѣли, оба цикла Кухулина и Оссіана никогда не смѣшиваются: въ шотландской же легендѣ—не только у Макферсона, но и въ другихъ сборникахъ—полное ихъ смѣшеніе, что даетъ поводъ Винцину сказать: «Оссіанъ Макферсона и другія шотландскія версіи представляются мнѣ какимъ-то калейдоскопомъ, въ которомъ совершенно нельзя разобраться». Но и здѣсь можно отмѣтить, что ирландскіе герои древнѣйшаго цикла всегда сражаются на колесницѣ, а Финнгалъ, Оссіанъ, Оскаръ и др. всегда пѣшкомъ: ко времени послѣднихъ колесница вышла изъ употребленія, и шотландская легенда отразила это безсознательно.

Въ ирландской легендѣ друиды изображаются волшебниками, врачами, учителями и даже пророками; въ шотландской—они совершенно отсутствуютъ: шотландская легенда знаетъ только барда, но барда—пѣвца о старинѣ, барда посланника, посредника, которому вездѣ почетъ, даже среди враговъ. Вообще не существуетъ почти никакихъ данныхъ, чтобы судить о религіозномъ культѣ Оссіановскихъ героевъ: единственный богъ Катъ-Лода скорѣе скандинавское божество, потому что всегда на сторонѣ Лохлина (скандинавскаго войска) противъ Финнгала. Но всей вѣроятности, эти сказанія, пройдя черезъ христіанское время, сохранили только представленіе о загробной жизни: души умершихъ возсѣдаютъ въ воздушномъ дворцѣ Лоды, души непогребенныхъ блуждаютъ въ туманахъ озера Лего. Представленія объ адѣ или мученіяхъ для злыхъ не существуетъ. Замѣчательно, однако, что сохранена во всей неприкосновенности особенность кельтскаго міропониманія—постоянное общеніе съ загробнымъ міромъ: до сихъ поръ потомки кельтовъ, бретонцы, не рѣшаютъ никакого дѣла, не посовѣтовавшись со своими умершими; для этого вся семья отправляется на могилы своего рода («своего народа», какъ они говорятъ) и тамъ обсуждаетъ предстоящее событіе, чтобы умершіе родные могли слышать о томъ рѣшеніи, которое будетъ принято семьей, и, въ случаѣ несогласія, во снѣ или въ видѣніи повліять на его отмѣну и т. п. У басковъ, тоже потомковъ чистыхъ кельтовъ, вдова, выйдя вторично замужъ, не можетъ поселиться съ мужемъ въ домѣ, гдѣ жила съ умершимъ,—иначе ей предстоитъ месть покойника. Туже особенность замѣтилъ и Вл. Серг. Соловьевъ въ Шотландіи.

Ирландская легенда полна богатыхъ подробностей, шотландская совершенно ихъ не отражаетъ: Оссіанъ съ презрѣніемъ смотритъ на мелкихъ людей, смѣшивающихъ его поколѣніе: ихъ жизнь ему чужда и неинтересна, а изъ прошлаго подробности обихода, естественно, исчезли изъ памяти: онъ поетъ только о былой славѣ и былому величію.

1. Scottish Highlands-Blackie, p. 80.

На Макферсона нападали за анахронизмы, встрѣчающіеся въ его поэмахъ, — за «баннн, поросшія мхомъ», за дворцы и т. п. Но уже не говоря о неизбѣжности такихъ анахронизмовъ въ эпическихъ сказаніяхъ каждаго народа, я, и кромѣ того, нахожу здѣсь такіе упреки несправедливыми: вѣдь легенда говоритъ о дворцахъ и баннхъ лишь по отношенію къ ирландской Тарѣ или къ сосѣднимъ островамъ, гдѣ жизнь была гораздо культурнѣе; описаніе дворца Тары мы имѣемъ въ книгѣ Лейнстера; у O'Curry собрано очень много извѣстій о постройкахъ въ древней Ирландіи до XII-го вѣка [1]).

Герои же Оссіана, какъ и онъ самъ, живутъ въ пещерахъ. Залъ и дворецъ, если это не Тара, обыкновенно гдѣ-то далеко, «за вздымающимися волнами океана», и въ большинствѣ случаевъ достичь его невозможно, а если и удается, то тамъ уже все умерло и разрушено.

Подобнымъ же образомъ даже въ древнѣйшихъ ирландскихъ памятникахъ сохранились извѣстія объ оленьихъ рогахъ и чашахъ, употребляемыхъ на пирахъ [2]). Между тѣмъ герои Оссіана Макферсона не знаютъ никакихъ кубковъ, а пьютъ просто изъ раковинъ.

Что-же касается вооруженія, то всѣ памятники древнихъ ирландцевъ говорятъ о мечахъ и копьяхъ, и только въ одномъ памятникѣ, приведенномъ у O'Curry,[3] упоминается о стрѣлахъ, но съ эпитетомъ «варварскія». У Макферсона же стрѣлы играютъ такую же роль, какъ копья и мечи. Итакъ, во всякомъ случаѣ, жизнь, которую онъ отражаетъ, есть жизнь не только менѣе культурная, но прямо первобытная.

Я уже сказала вначалѣ, что вопросъ о подлинности Оссіана Макферсона не можетъ рѣшаться современными изслѣдователями, какъ онъ намѣчался его тридцать лѣтъ тому назадъ. Мы можемъ только постараться отдѣлить народную основу отъ литературной обработки. Къ сожалѣнію, и эта задача не изъ легкихъ.

1. Мы не можемъ сравнить языкъ Макферсоновской рукописи съ современнымъ ему гаэльскимъ языкомъ, чтобы выяснить время ея, такъ какъ комиссія, какъ это ни странно, исправила языкъ его рукописи по библіи въ 1806 г., а оригиналы уничтожила.

2. Изслѣдователю необходимо было бы познакомиться съ матеріаломъ, который Макферсонъ могъ застать въ Гейлэндѣ. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь, кромѣ небольшихъ сборниковъ Кларка и Смита, мы не имѣемъ ничего. Гейлэндская Оссіановская комиссія сдѣлала большую ошибку, не издавъ тѣхъ пѣсенъ и сказаній, которыя сообщались ей въ періодъ борьбы. Впослѣдствіи стали выходить цѣлые тома такихъ изданій: но моментъ былъ уже пропущенъ, и въ настоящее время невозможно отдѣлить то, что навѣяно Макферсоновскимъ Оссіаномъ, отъ первоначальной основы.

Мы можемъ высказать предположеніе, что Макферсонъ, посѣщая Гейлэндъ съ такими знатоками мѣстныхъ нарѣчій, какъ Александръ Макферсонъ, его двоюродный братъ, и Моррисонъ, прямо записалъ тамъ народныя пѣсни и преданія, но, при господствовавшемъ тогда настроеніи, постыдился въ этомъ признаться. Многія изъ этихъ пѣсенъ или были записаны тщательнѣе другихъ, или же дѣйствительно имѣлась для нихъ какая-нибудь старинная запись,— только въ нихъ менѣе литературной обработки, чѣмъ въ остальныхъ: здѣсь встрѣчаются чисто народные обороты, устойчивые эпитеты, особенно много двойныхъ сравненій (очень древняя форма), напр.: радость раковинъ — пиво, ротъ пѣсенъ — бардъ, руки битвъ — воины, сынъ горна — огонь и т. п.

Другія, какъ Фингалъ и Темора, оригиналы которыхъ были опубликованы, носятъ слѣды свода, — здѣсь легко отмѣтить не только повторенія, но и спайки; но врядъ ли это было сдѣлано самимъ Макферсономъ. Академикъ А. Н. Веселовскій считаетъ вѣроятнымъ, что это сдѣлано кѣмъ-нибудь, ближе Макферсона стоявшимъ къ народу.

Пѣсни третьей группы въ своемъ содержаніи хотя и не противорѣчатъ преданіямъ, но отличаются искусственностью, Гомеровскими эпитетами, вычурными описаніями. Здѣсь какъ будто записана только схема, все же остальное сочинено. Въ изданіи 1762 г. такихъ поэмъ было большинство: по датѣ Макферсонъ, по совѣту Блэра, исключилъ 17 пѣсенъ, слишкомъ искусственныхъ, а потому въ изданіи 1765 г. и въ послѣдующихъ, немного.

Конечно, и пѣсни первой группы не избѣжали литературной обработки; было-бы

1) O'Curry vol. II. Buildings in anc. Erinn, p. 6 и дальше.—2) Ibid vol. III. Dress and ornem. in anc. Erin.— 3) Ibid vol. II. Weapons in anc. Erinn, p. 123.

ОССІАНЪ.

Рѣдкая гравюра изъ собранія П. Е. Гейнбота. Рис. N. Abilgaard, грав. I. F. Clemens (London, 1787).

несправедливо предъявлять Макферсону требованіе о передачѣ пѣсенъ въ ихъ первоначальномъ видѣ: въ его время всѣ зачитывались искаженнымъ переводомъ «Иліады» Гомера, сдѣланнымъ Попомъ, который прямо взялся исправить Гомера для образованной публики, а Байронъ находилъ этотъ переводъ выше оригинала [1].

Я уже говорила о томъ впечатлѣніи, какое произвело въ Европѣ появленіе Оссіана Макферсона, упрочившаго тотъ литературный стиль, который долго господствовалъ въ Германіи, Англіи и др. странахъ. Помимо чисто литературнаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ, онъ былъ привлеченъ и къ исторіи Гомеровскаго вопроса; въ немъ видѣли такое же прямое отраженіе народной поэзіи, какъ въ «Иліадѣ», и онъ опредѣлилъ надолго теченіе нѣмецкой критики. Имъ увлекались люди различныхъ направленій, писатели противоположныхъ литературныхъ школъ: Бернсъ и Байронъ; поэты Озерной школы и Sturm и Drang'a; Гете и Наполеонъ; у насъ Суворовъ и Державинъ (см. дальше).

1) Не лишенъ научнаго интереса разговоръ автора настоящей замѣтки съ покойнымъ Влад. Серг. Соловьевымъ по поводу Оссіана. Мы встрѣтились съ нимъ случайно, вскорѣ послѣ его поѣздки въ Шотландію, и разговоръ нашъ, разумѣется, сейчасъ-же перешелъ на Оссіана. В. С. совершенно отрицалъ возможность «выдумки» Оссіана, какъ онъ выразился. Когда же я возразила, что легенда эта не выдумка, но что, вѣроятно, она ирландскаго происхожденія, онъ даже вспылилъ:

— Извините, пожалуйста, вамъ слѣдовало-бы бросить ваши рукописи и поѣхать въ Шотландію,—вы вѣдь не знаете, что это за страна? Это прошлое—это анналы, хроники въ олицетвореніи, это Вальтеръ-Скотты, Брюсы, Дугласы, Рандольфы! А горная Шотландія?—Вѣдь это храмъ прошлаго, du grand Jadis,—и природа, и небо, и пѣсня—все Оссіановское! А вы мнѣ говорите о Макферсонѣ, о заимствованіи... Да развѣ это возможно? Вотъ у насъ Огаревъ, посѣтивъ Яковлевскій старый домъ, говоритъ:

...На кладбищѣ, какъ будто, стоялъ
И родныхъ мертвецовъ вызывалъ я—
Но изъ мертвыхъ никто не возсталъ!

А тамъ развѣ возможно такое представленіе? Тамъ нѣтъ смерти—все умершее живетъ; все прошлое васъ окружаетъ; вы чувствуете себя въ такомъ огромномъ міровомъ процессѣ, что ваше капельное настоящее теряетъ всякую цѣну. А вы ищете истину въ пыльныхъ манускриптахъ!—Онъ пожалъ плечами и отошелъ... Больше я съ нимъ уже не встрѣчалась.

Оссіанъ не могъ оказать, однако-же, даже поверхностнаго вліянія на Пушкина уже потому, что все его міровоззрѣніе было противоположно сущности поэзіи Пушкина. Поэзія нашего великаго поэта есть поэзія умиротворяющая, успокаивающая,—поэзія великой мощи. Поэзія же Оссіана есть поэзія сломленной силы, безнадежности, сознанія невозвратимости прошлаго, прощанія съ уходящей жизнью и мечты о всепримиряющей могилѣ. И вотъ почему въ Пушкинскихъ подражаніяхъ Оссіану сказывается не прямо вліяніе Оссіана, а простое увлеченіе тогдашней литературной модой, да и то не особенно сильное, и сказалось оно только въ самый ранній періодъ творчества—въ лицейскіе годы. По свидѣтельству Гаевскаго [1]), Оссіанъ былъ въ большомъ ходу въ лицеѣ и читался въ классахъ Н. Ѳ. Кошанскаго, увлеченнаго Оссіаномъ; нѣкоторое время нашъ великій поэтъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ того же Кошанскаго, считалъ Оссіана, въ переводѣ Кострова, своимъ любимымъ чтеніемъ.

Нельзя считать простою случайностью, что вниманіе Пушкина прежде всего остановилось на «Кольна-Доннѣ». Кольна-Донна Макферсона хотя и сохранила первоначальный Оссіановскій стиль, но въ содержаніи она нѣсколько отступаетъ отъ общаго типа Оссіановской поэзіи. Это почти единственная поэма не только безъ трагической развязки, но полная надежды на будущее. Слѣдовательно, даже и тутъ, въ юношескіе годы, нашъ поэтъ остановился на произведеніи наименѣе Оссіановскомъ, но наиболѣе соотвѣтствующемъ его собственному поэтическому темпераменту. (См. выше стр. 88—90).

Концовка изъ летурнеровскаго перевода Оссіана.

Вторая поэма Пушкина, написанная на Оссіановскую тему, по мнѣнію изслѣдователей,—«Эвлега», тоже изъ числа лицейскихъ произведеній поэта. Изслѣдователи (см. выше стр. 90—92) указали [2]), что поэма

1) Современникъ, 1863 г., т. XCVII, стр. 164—165. — 2) Примѣчанія къ 1-му т. Сочиненій А. С. Пушкина. Изд. Имп. Академіи Наукъ. 1902. 2-ое изд., стр. 38.

эта, въ которой Бѣлинскій видѣлъ сильное вліяніе Батюшкова, представляетъ довольно близкій переводъ одного эпизода изъ IV-ой пѣсни поэмы Парни «Isnel et Asléga». Эта поэма рѣшительно ничего не имѣетъ общаго съ Оссіаномъ и, по всей вѣроятности, навѣяна скандинавскими мотивами, очень модными во времена Парни, когда нарождалось вліяніе Эленшлегера и еще памятно было увлеченіе шведами во Франціи.

Во всякомъ случаѣ въ «Эвлегѣ» нѣтъ ничего Оссіановскаго ни въ тонѣ, ни въ стилѣ: имена героевъ: Одульфъ, Эвлега и даже Осгаръ, несомнѣнно, скандинавскаго происхожденія, не говоря уже о германской Валгалѣ, въ стихѣ:

По дерзкаго въ Валгалѣ ты найдешь!

Германская Валгала — жилище храбрыхъ послѣ смерти,—не имѣетъ ничего общаго съ міровоззрѣніемъ кельтовъ, особенность котораго мною была уже отмѣчена вначалѣ. Фабула «Эвлеги» не характерна: это обыкновенный романическій мотивъ, использованный многими поэтами: но у Макферсоновскаго Оссіана мы его совсѣмъ не встрѣчаемъ.

На одной изъ своихъ лекцій покойный Незеленовъ указалъ на сходство сравненій и мотивовъ «Эвлеги» Пушкина и «Дартулы» Макферсона; но я рѣшительно не могу уловить ихъ. Дартула, героиня ирландскаго сказанія о гибели сыновей Успоха, является и въ поэмѣ Оссіана, обрисованная тѣми же историческими чертами: она бѣжала изъ плѣна отъ Каирбара, уничтожившаго весь ея родъ: бѣжала она съ сыновьями короля Успоха (у Оссіана Успота), изъ которыхъ старшій, Напеосъ, былъ ея женихомъ. Бѣжали они на кораблѣ, но буря прибила ихъ судно снова къ владѣніямъ Каирбара. Юноши, окруженные его войсками, погибли на глазахъ Дартулы.

Какой же общій мотивъ можетъ быть у такихъ, совершенно чуждыхъ между собой произведеній, какъ «Эвлега» Пушкина и «Дартула» Макферсона?

Что же касается до сравненій, то, дѣйствительно, и въ томъ и въ другомъ произведеніи мы встрѣчаемъ одно общее сравненіе.

У Пушкина:

...И съ трепетомъ Эвлега
Падетъ на дернъ, какъ клокъ летучій снѣга,
Метелицей отторженный со скалъ!

У Макферсона мы читаемъ:

Дартула выпустила свой щитъ изъ рукъ. Стрѣла пронзила ея сердце. Она упала на тѣло Напеоса, какъ хлопокъ снѣга. Ея волосы разсыпались по его лицу, и кровь ихъ смѣшалась.

Но, разумѣется, нельзя сдѣлать какого-бы то ни было вывода изъ такого рода совпаденія одного сравненія въ двухъ совершенно несходныхъ произведеніяхъ.

Концовка изъ летурнеровскаго перевода Оссіана.

«Осгаръ», третье стихотвореніе Пушкина изъ числа отмѣченныхъ изслѣдователями, какъ написанныхъ на Оссіановскую тему, относится тоже къ лицейскому періоду творчества нашего великаго поэта.

«Въ «Осгарѣ», — говоритъ Л. Н. Майковъ [1], — мы видимъ попытку самостоятельно обработать извѣстное содержаніе въ духѣ Оссіана и Парни. Но надо признаться, что эта попытка имѣетъ совершенно дѣтскій характеръ».

Однако, кромѣ именъ да картины вначалѣ поэмы, съ фигурой стараго барда въ ея центрѣ, — въ Осгарѣ тоже рѣшительно нѣтъ ничего Оссіановскаго. Здѣсь разсказывается исторія измѣны Мальвины ея мужу или любовнику—Осгару; тонъ и освѣщеніе поэмы, несомнѣнно, только въ духѣ Парни, но никакъ не Макферсона. У послѣдняго нѣтъ ни одного эпизода, въ которомъ измѣна играла бы какую-нибудь роль, что совершенно понятно, если вспомнить, что герои Оссіановской поэзіи находятся еще на той стадіи родового быта, при которой народная память не можетъ еще отражать подобнаго личнаго мотива. Единственный эпизодъ съ мотивомъ измѣны у Макферсона проведенъ въ «Битвѣ при Лорѣ», причемъ, не только измѣнница и ея мужъ являются скандинавскими героями и измѣна приводитъ въ негодованіе Фингала, но и само преданіе, по утвержденію Тальви,— скандинавское [2].

Что же касается имени Мальвины и

1 Примѣч. къ 1-му т. сочиненій Пушкина. Изд. Акад. Наукъ, 1900 г. 2-е изд. стр. 40—2 Die Unächtheit d. Lieder Ossian's Talwy, p. 91—99.

Осгара т. е. Оскара, то они, несомнѣнно, выбраны поэтомъ случайно, только по созвучію съ Асгаромъ Парни, потому что исторія этихъ лицъ совершенно противорѣчитъ содержанію «Осгара»: Оскаръ и Мальвина неизмѣнно во всѣхъ преданіяхъ являются эмблемой чистой любви и вѣрности. Оскаръ еще юношей погибаетъ въ битвѣ при Габарѣ: Мальвина остается его оплакивать; она вмѣстѣ съ слѣпымъ Оссіаномъ, отцомъ Оскара, бродитъ тамъ, гдѣ жило великое племя, и прославляетъ погибшихъ. По преданію, они оба прожили гораздо дольше возможной человѣческой жизни и были свидѣтелями гибели стараго и нарожденія новаго міра.

Въ поэмахъ Оссіана очень часто повторяется просьба слѣпого барда, обращенная къ Мальвинѣ:

«Возьми свою арфу, Мальвина, и спой пѣсню Сельмы, чтобы душа моя погрузилась въ сонъ среди радости, чтобы я могъ вспомнить дни моей юности, — дни могучаго Фингала».

Въ одной изъ послѣднихъ поэмъ Макферсона «Война Ниистоны» Мальвина поетъ, прославляя героевъ, а Оссіанъ говоритъ:

«Сонъ сходитъ со звукомъ арфы. Остановитесь вдали, сыны охоты, не нарушайте моего покоя. Бардъ былыхъ временъ бесѣдуетъ со своими отцами, вождями минувшихъ дней. Остановитесь вдали, сыны охоты, не нарушайте сна Оссіана»!

Е. Балобанова.

Концовка изъ летурнеровскаго перевода Оссіана.

II.

Въ русскую литературу Оссіановское вліяніе попало довольно рано. И здѣсь, какъ и въ западно-европейскихъ литературахъ, Оссіанъ нашелъ уже подготовленную почву: ко времени появленія переводовъ изъ Оссіана въ русской литературѣ уже давали себя чувствовать раннія романтическія вѣянія. Появленіе Оссіана въ нашей литературѣ датируютъ 1792 годомъ, когда вышелъ переводъ Ермила Кострова [1]. Однако, еще въ 1788 г. въ Петербургѣ была издана книжка: «Поэмы древнихъ бардовъ изъ Оссіана». Перев. съ франц. А. Д. (Александра Ив. Дмитріева, брата поэта Ив. Ив. Дмитріева). Самъ Костровъ не зналъ англійскаго языка и переводилъ съ французскаго перевода Летурнера.

Другіе русскіе литераторы ознакомились съ пѣснями Оссіана и стали ихъ переводить раньше 1792 г., и по англійскому подлиннику, а не по французскимъ переложеніямъ. Однимъ изъ первыхъ оцѣнилъ Оссіана Н. М. Карамзинъ (повидимому, подъ вліяніемъ жившаго въ 80-хъ годахъ въ Москвѣ поэта Ленца). Въ стихотвореніи «Поэзія», написанномъ еще въ 1787 г., Карамзинъ, перечисляя лучшія произведенія міровой литературы, отзывается объ Оссіанѣ такъ:

Британія есть мать поэтовъ величайшихъ.
Древнѣйшій бардъ ея, Фингаловъ мрачный сынъ,
Оплакивалъ друзей, героевъ, въ битвѣ падшихъ,
И тѣни ихъ къ себѣ изъ гроба вызывалъ.
Какъ шумъ морскихъ валовъ, носяся по пустынямъ
Далеко отъ бреговъ, уныніе въ сердцахъ
Внимающихъ родитъ: такъ пѣсни Оссіана,
Нѣжнѣйшую тоску вливая въ томный духъ,
Настраиваютъ насъ къ печальнымъ представленьямъ;
Но скорбь сія мила и сладостна душѣ.
Великъ ты, Оссіанъ, великъ, неподражаемъ!

1) Г. Замотинъ, спеціально изслѣдовавшій «раннія романтическія вѣянія въ русской литературѣ», пишетъ: «Впервые пѣсни Оссіана, какъ извѣстно, переведены у насъ Костровымъ перев. вып. въ 1792 г. ... Послѣ Кострова переводили пѣсни Оссіана очень многіе авторы».

РУССКІЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ НА ОССІАНОВСКІЯ ТЭМЫ.

Виньетка къ трагедіи Озерова «Фингалъ». Рис. П. Ивановъ, грав. М. Ивановъ.

А въ 1791 г. тотъ же Карамзинъ переводитъ съ англійскаго для своего «Московскаго Журнала» поэму «барда Оссіана»: «Картонъ». Мотивы Оссіановской поэзіи оказались близки и родственны русскимъ литераторамъ. Величавыя картины сѣверной суровой природы легко сопоставлялись съ наблюденіями родной русской природы; разсказы о древнемъ народномъ бытѣ и подвигахъ кельтскихъ богатырей отвѣчали нарождавшемуся въ русской литературной средѣ интересу къ своему народному былевому эпосу; наконецъ, общій меланхолическій тонъ Оссіановскихъ пѣсенъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ настроеніямъ наступавшей «эпохи чувствительности».

Увлеченіе Оссіаномъ распространилось и въ русскомъ обществѣ. Подобно Наполеону, Оссіана любилъ нашъ Суворовъ. Ему посвятилъ свой переводъ Костровъ, при чемъ Суворовъ и переводчикъ обмѣнялись стихотворными посланіями. А. П. Ермоловъ перечитывалъ Оссіана наканунѣ сраженій. Какъ въ романѣ Гете Вертеръ увлекается Оссіаномъ и признается, что онъ «вытѣснилъ изъ сердца Гомера», такъ и въ русскомъ романѣ Н. Ю. Львова «Александръ и Юлія» авторъ разсказываетъ о своей героинѣ: «Юлія достигаетъ пригорка, возносящаго кустами увѣнчанное чело свое надъ водами озера, и тутъ предается она удовольствію чтенія пѣсней Оссіановыхъ. У ногъ ея шумятъ уныло волны, разстилаясь по песчаному берегу; вокругъ нея поютъ соловьи, стонутъ горлицы; но всего болѣе волнуютъ чувства ея трогательныя пѣсни шотландскаго барда: онъ славитъ красоту и мужество, любовь и вѣрность; онъ томитъ и возвышаетъ душу; нѣжны и добродѣтельны героини его!»

Съ начала девяностыхъ годовъ XVIII вѣка имя Оссіана часто встрѣчается на страницахъ тогдашнихъ русскихъ журналовъ и сборниковъ. Въ «Московскомъ Журналѣ», въ «Зрителѣ», «Чтеніи для вкуса, разума и чувствованій», «Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени», «Аонидахъ», «Пинокренѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и другихъ органахъ постоянно попадаются переводы и подражанія Оссіану. Его поэмы тогда переводили Карамзинъ, Костровъ, Капнистъ, Беницкій, Подшиваловъ, Н. С. Захаровъ, М. Вышеславцевъ, Смирновъ, В. Пушкинъ, Гнѣдичъ. Изъ крупныхъ писателей екатерининскаго времени въ значительной мѣрѣ воспринялъ вліяніе Оссіана Державинъ. Заимствованія изъ Оссіана можно уже отмѣтить въ одѣ «На взятіе Измаила» (1790 г.) и въ одѣ «Водопадъ» (1791). Въ 1794 г. въ элегіи «На смерть Плѣниры» Державинъ воспроизводитъ начало поэмы Оссіана «Каррикатура» (эту поэму Державинъ пробовалъ также переводить). Затѣмъ, близки къ Оссіану и по духу, и по картинамъ природы оды Державина «На побѣды въ Италіи» и «На переходъ Альпійскихъ горъ» (1799).

Вотъ, для примѣра, начало первой изъ нихъ:

«Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкій, Валка! щитъ:
Да громъ твой, эхомъ повторенный,
Въ жилищѣ бардовъ восшумитъ.—
Встаютъ.—Сто арфъ звучатъ струнами;
Предъ ними сто дубовъ горятъ;
Отъ чаши круговой зарями
Сѣдыя чела въ тьмѣ блестятъ».

Изъ второй образчикъ припоминаній изъ Оссіана:

«Но что? Не духъ ли Оссіана,
Пѣвца тумановъ и морей,
Мнѣ кажетъ подъ луной Морана,
Какъ шелъ онъ на царя царей?
Нѣтъ, зрю—Массена подъ землею
Съ Рымникскимъ въ тьмѣ сошлись къ бою».

Героическіе образы сѣвернаго «барда» были родственны поэтической фантазіи «пѣвца Екатерины». Оссіана высоко цѣнили также Херасковъ и Гнѣдичъ. Отъ ихъ вниманія не ускользнула народно-эпическая основа произведеній Макферсона, и они сопоставляли Оссіана съ Гомеромъ и «Словомъ о полку Игоревѣ».

Озеровъ почерпнулъ сюжетъ своей трагедіи «Фингалъ» (1805) въ поэмѣ Оссіана того же имени. Вліяніе мотивовъ оссіановской поэзіи сказывалось и на литературныхъ интересахъ и произведеніяхъ воспитателя Александра I и попечителя московскаго университета, М. Н. Муравьева: его повѣсть «Оскольдъ» полна образами сѣверной поэзіи. Черезъ Муравьева интересъ къ Оссіану перешелъ къ его воспитанникамъ, царскосельскому профессору Н. Ѳ. Кошанскому и поэту Батюшкову. Припоминанія изъ оссіановскихъ поэмъ мы встрѣчаемъ уже въ первомъ стихотвореніи Батюшкова «Мечта» (1802—1803). Элегія «На развалинахъ замка въ Швеціи» (1814), стих. «Воспоминаніе» (1815), переводъ пѣсни Гаральда Смѣлаго (1816) отмѣчены также вліяніемъ древней скандинавской и кельти-

РУССКІЯ ИЛЛЮСТРАЦІИ НА ОССІАНОВСКІЯ ТЭМЫ.

Сцена изъ II дѣйствія трагедіи Озерова «Фингалъ». Рис. П. Ивановъ, гр. М. Ивановъ.

ческой поэзіи. Оссіана переводили также П. Ѳ. Грамматинъ, В. И. Олинъ, П. А. Катенинъ, И. Межаковъ.

Изъ перечня русскихъ переводчиковъ и подражателей Оссіана мы видимъ, что его поэмы привлекали къ себѣ вниманіе не только представителей новаго, сентиментальнаго и романтическаго направленія, но и поэтовъ и теоретиковъ старой, классической школы: Державина, Озерова, Катенина. Старые русскіе писатели не пытались, да и не имѣли возможности, глубже изучить характеръ и значеніе произведеній Макферсона, и часто дѣло ограничивалось чисто внѣшними, такъ сказать, механическими заимствованіями изъ Оссіановскихъ поэмъ. Отсюда охотно заимствовались картины природы, имена и дѣянія героевъ и героинь, эпическіе сюжеты, отдѣльные поэтическіе образы, сравненія, даже эпитеты.

Сказанное слѣдуетъ имѣть въ виду и при оцѣнкѣ вліянія Оссіана на Пушкина. Такое вліяніе прямо замѣтно или только предполагается біографами въ нѣкоторыхъ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, напр. «Кольна» (1814), «Осгаръ» (1814), «Эвлега» (1814), «Сраженный рыцарь» (1815). По поводу стихотворенія «Кольна» В. И. Гаевскій говоритъ: «Стихотвореніе Пушкина «Кольна», названное подражаніемъ Оссіану, — довольно близкое переложеніе его поэмы «Кольна-Дона»... Пушкинъ, выучившійся по-англійски только за порогомъ лицея, ознакомился съ трудомъ Макферсона по переводу Кострова... Переводы Кострова читались въ классахъ Кошанскаго, который восхищался его стихами. Восторгъ профессора перешелъ и къ его слушателямъ, которые ознакомились съ Гомеромъ и Оссіаномъ по переводамъ Кострова; а Оссіанъ былъ настольною книгою въ лицеѣ и составлялъ нѣкоторое время любимое чтеніе Пушкина, который въ посланіи «Къ другу-стихотворцу» упоминаетъ о Костровѣ рядомъ «съ лучшими поэтами» (В. И. Гаевскій, Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія. Современникъ, 1863, т. XCVII, стр. 164). Здѣсь слѣдуетъ оговориться, что знакомиться съ пѣснями Оссіана Пушкинъ могъ, конечно, не только по переводу Кострова, какъ полагалъ Гаевскій; какъ мы отмѣтили выше, переводы изъ Оссіана были довольно многочисленны въ тогдашней литературѣ.

Однако, врядъ ли вліяніе Оссіана на Пушкина-лицеиста было значительно. Юный поэтъ охотно позаимствовалъ изъ Оссіана романическій сюжетъ любви Кольны къ Тоскару. Также легко можно было взять оттуда имена другихъ героевъ и героинь, эпическій образъ «Барда» [1], декоративную обстановку древняго быта. Но трудно допустить, чтобы поэзія Оссіана оказала на Пушкина вліяніе въ томъ объемѣ, въ какомъ это вліяніе сказывалось въ западноевропейскихъ литературахъ.

Едва ли, напримѣръ, молодой Пушкинъ улавливалъ и цѣнилъ въ трудѣ Макферсона черты подлинной народной поэзіи и быта. Едва ли также жизнерадостный юноша надолго и глубоко заражался меланхолическимъ настроеніемъ, разлитымъ въ Оссіановскихъ пѣсняхъ. Въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина этого не замѣтно. Позднѣе, въ зрѣлые годы, Пушкинъ на поляхъ статьи кн. Вяземскаго объ Озеровѣ отмѣтилъ «однообразіе Оссіановскихъ поэмъ» (Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, стр. 281).

Сличеніе «Кольны» Пушкина съ переводомъ Кострова, сдѣланнымъ по французскому переложенію Летурнера, и съ подлиннымъ текстомъ Макферсона показываетъ, что Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи придерживался Кострова. В. И. Гаевскій говоритъ: «Доказательствомъ, что Пушкинъ перелагалъ переводъ Кострова, служитъ совершенная тождественность встрѣчающихся у нихъ выраженій, съ повтореніемъ Пушкинымъ ошибокъ Кострова. Напримѣръ, выраженіе: «Toscar et moi qui naguère était entré dans la carrière des combats» (у Макферсона, по переводу Е. Балобановой: «Тоскаръ и Оссіанъ, еще юный въ битвахъ». *Н. П.*) Костровъ перевелъ неправильно: «Я и Тоскаръ (вмѣсто: Тоскаръ и я), недавно вошедшій въ подвиги брани». Пушкинъ также отнесъ послѣднюю подробность не къ пѣвцу, какъ у Летурнера, а къ Тоскару:

Тоскару юному вѣщалъ.

Вмѣсто «jeune homme» (у Макферсона: «молодой отпрыскъ». *Н. П.*) Костровъ перевелъ «младый воитель» — выраженіе, встрѣчающееся и у Пушкина. Вмѣсто «jeune étranger» (у Макферсона: «чужестранецъ разсказовъ» *Н. П.*) у Кострова «юный ратникъ», а у Пушкина:

«О, юный ратникъ!» рекъ Тоскаръ.

---

[1] Такія заимствованія дѣлалъ и Жуковскій; см. его «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ-побѣдителей».

Нѣкоторыя выраженія цѣликомъ взяты у Кострова, напримѣръ: «...Дай мнѣ щитъ твой». Пылая мщеніемъ, пріемлетъ онъ щитъ...» У Пушкина:

Подай мнѣ щитъ твой. И Тоскаръ
Пріемлетъ щитъ, пылая мщеньемъ.

Однако, какъ уже отмѣчалъ Майковъ, «несмотря на эти частые примѣры близкаго сходства пушкинскаго переложенія съ переводомъ Кострова, а стало быть, и съ Оссіановскимъ подлинникомъ, стихотвореніе должно быть разсматриваемо только какъ подражаніе, но отнюдь не какъ переводъ: Пушкинъ постоянно дозволяетъ себѣ сокращенія сравнительно съ оригиналомъ, встрѣчающіяся въ послѣднемъ описанія обращаетъ въ рѣчи дѣйствующихъ лицъ, и т. п.» Такъ, постановка памятникамия, произведенная, по Макферсону и Кострову, спутникомъ Тоскара Оссіаномъ, приписана Пушкинымъ Тоскару.

Длинная рѣчь, которую держитъ отецъ Кольны-Доны, Каруль, къ Тоскару и его свитѣ, у Пушкина совсѣмъ опущена.

Стихотвореніе «Элега» представляетъ собою близкій переводъ отрывка изъ поэмы Парни: «Isnel et Asléga» (см. выше стр. 94).

Изъ той же поэмы Парни (первая пѣснь) переведены, съ нѣкоторыми сокращеніями, 6-я и 7-я строфы стихотворенія Пушкина «Остаръ». Имена Olbrown и Rusla у Пушкина замѣнены именами Остара и Мальвины, и вставлено еще имя Звигнела, «имѣющее какъ будто литовскій характеръ» (П. О. Морозовъ). Такое смѣшеніе (оно наблюдается и у другихъ, напр., у Державина: въ своихъ подражательныхъ произведеніяхъ старые русскіе поэты не затруднялись смѣшивать во-едино имена и дѣянія героевъ скандинавскаго и кельтическаго эпоса) еще разъ показываетъ, что Пушкинъ-юнопа чисто внѣшнимъ образомъ комбинировалъ въ своихъ стихахъ разнородныя заимствованія.

Послѣднее изъ перечисленныхъ выше стихотвореній, «Сраженный рыцарь», проникнуто настроеніемъ, отчасти родственнымъ Оссіановской поэзіи. Майковъ находитъ, что въ немъ «уже слышится голосъ той надрывающей душу тоски по невозвратному прошлому, которая составляетъ столь характерную особенность Оссіановскаго лиризма». Однако элегическій тонъ стихотворенія было бы преувеличеніемъ опредѣлять какъ «надрывающую душу тоску»: въ этомъ тонѣ писали и другіе, извѣстные тогда Пушкину-лицеисту поэты. Самъ комментаторъ указываетъ, что, «сочиняя «Сраженнаго рыцаря», Пушкинъ намѣревался написать балладу въ родѣ подобныхъ произведеній Жуковскаго, и что для своей баллады онъ избралъ размѣръ, употребленный авторомъ «Свѣтланы». Отношеніе къ Оссіану тутъ, во всякомъ случаѣ, самое отдаленное.

Библіографія.

1. Московскій Журналъ, 1791, ч. II, стр. 115—146: Картонъ, поэма Барда Оссіана. Перев. съ англ. К. Карамзинъ. Въ «предувѣдомленіи» говорится объ Оссіанѣ, изданіи Макферсона и о вышедшихъ отъ Оссіановскихъ поэмъ. 2. Московскій Журналъ, 1791, ч. III, стр. 134—149: Сельмскія пѣсни, изъ твореній Оссіановыхъ посвящ. Г. Р. Державину отъ переводчика. 3. Зритель, 1792, ч. II, стр. 115—132: Оина Моруль, поэма изъ Оссіана, пер. И. Захарова. 4. Зритель, 1792, часть II, стр. 184—213: Дартула, поэма изъ Оссіана, пер. И. Захарова. 5. Чтеніе для вкуса, разума и чувствованія, 1792, ч. V, стр. 14—50: Дартула, изъ стихотвор. Оссіана. Пер. В. Подшиваловъ. 6. Оссіанъ, сынъ Фингаловъ, бардъ третьяго вѣка, Галлекія, иначе Эрсвія или Ирландскія стихотворенія. Съ французскаго пер. Ермиломъ Костровымъ. Двѣ части, 363 + 264 стр., Москва, въ Университетской типографіи, 1792. Рецензія: Россійскій Магазинъ, 1792, ч. I (ноябрь), стр. 198—207 съ сравненіями и примѣрами другихъ переводовъ: Ф. Туманскаго). 7. Пріятное и полезное препровожденіе времени, 1795, ч. V, стр. 385—387: Морна, изъ Оссіана, Даурѣ Комохонъ Смирновъ. 8. Тамъ же, 1795, ч. VI, стр. 117—149: Отрывокъ изъ Оссіана, Вел. Пшкинъ В. Пушкинъ. 9. Тамъ же, стр. 68: Каминъ, А. Хва—ой въ примѣчаніи редакція отмѣчаетъ въ этомъ стихотвореніи «духъ Оссіанской горести»). 10. Муза, 1796, ч. II, стр. 160—168: Тѣнь Оссіана, Ѳ. Ѳ. 11. Пантеонъ иностранной словесности, 1798, кн. I, стр. 200—202: Оссіанъ. 12. Аонида, 1798—1799, кн. III, стр. 307—314: Минвана, отрывокъ изъ поэмы Оссіана, Вышеславцевъ М. Вышеславцевъ. 13. Новости, 1799, іюнь, стр. 106—108: Минвана, пер. Вышеславцева. 14. Иппокрена, 1799, ч. III, стр. 202—205: Подражаніе Оссіану, К. Ѳ. Сиб. Сибирскій. 15. П. Ю. Львовъ. Александръ и Юлія, истинная русская повѣсть, Москва, 1801, стр. 57—58. 16. Иппокрена, 1801, ч. VIII, стр. 76—89: Поэма Оссіана, изъ Мерсье, Ив. Татищевъ. 17) Новости русской литературы, 1802, ч. I, стр. 121—128: Отрывокъ изъ Оссіана, въ стихахъ. 18. Московскій Меркурій, 1803, ч. III, стр. 28—31: Падение Балклута. 19. Сѣверный Вѣстникъ, 1804, ч. I, № 1, стр. 65—69: Послѣдняя пѣснь Оссіана, Г—чъ Гнѣдичъ. 20. Тамъ же, ч. II, № 4, стр. 100—105; Красоты Оссіана (стих.), Г—чъ Гнѣдичъ. 21. Тамъ же, 1805, ч. VI, № 4, стр. 57—66 (то же, продолженіе. 22. Тамъ же, 1805, ч. VII, № 9, стр. 316—332: Комала, драматическая пѣснь Оссіана въ стихахъ, А. Бѣлицкій. 23. Цвѣтникъ, 1809, ч. III, стр. 65—68: Балклута, отрывокъ изъ Оссіановой поэмы: Картонъ Бѣлицкій. 23а. Чтеніе въ бесѣдѣ любителей русскаго слова, 1815, чтеніе 16-е, стр. 43—45: Сальгаръ и Кольма Пав. Мижуковъ. 23б. Тамъ же, 1816, чтеніе 18-е,

стр. 58—60; Конная и Кримора П. Межаковъ. 24 Сочиненія Павла Катенина. Спб., 1833, ч. II, стр. 5—7; Шиллеръ въ Сельмѣ, изъ Оссіана переводъ сѣдлань въ 1809 г.? 25 Сынъ Отечества, 1817, ч. 37 и 38 переводы изъ Оссіана В. П. Одина. 26 Стихотворенія П. О. Грамматина, Спб., 1829, двѣ части. 27 Сочиненія Державина, изд. Академіи Наукъ, т. I, стр. 341, 344, 354—355, 457, 462, 575, 636, 654, 800; т. II, стр. 271—272, 287; т. III, 108; т. VI, стр. 279—280; т. VII, 592, 606, 623; т. VIII, 608, 631, 735; т. IX, 325. 28 Сочиненія К. Н. Батюшкова, подъ редакц. Л. Н. Майкова, изд. 1887, т. I, біографія, стр. 25, 26, 42, 46, 54, 80, 223—303, 309, 378; т. II, стр. 303, 382, 383, 427, 428, 450, 498, 501; т. III, стр. 437, 605, 646, 702, 730, 745. 29 Русская поэзія, подъ ред. С. А. Венгерова, т. I, 1897, ст. Н. О. Морозова объ Ер. Костровѣ стр. 310—313. 30 Тамъ же, вып. VII 1901, стр. 71—73: стихотвореніе П. М. Карамзина «Поэзія» 1787. 31 А. Н. Неустроевъ. Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1892 гг. Спб., 1898, стр. 461. Ср. Историческое розысканіе о рус. повремен. изданіяхъ, 1874. 32 Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Спб., 1899, въ ст. «Кн. Вяземскій и Пушкинъ объ Озеровѣ», стр. 273—281 объ Оссіанѣ и его вліяніи на «Фингала» Озерова. 33 Сочиненія Пушкина, изд. Академіи Наукъ, т. I, изд. 2, стр. 19;—31—36, 38, 40, 97, 228, 229. 34 М. П. Розановъ. Поэтъ Якобъ Ленцъ. М., 1901, гл. XV, стр. 487—490. 35 Александръ Н. Весселовскій. В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія. Спб., 1904, гл. I: Эпоха чувствительности, стр. 40—46. 36 Алексѣй Н. Весселовскій. Западное вліяніе въ новой русской литературѣ, изд. 3-е, М., 1905, стр. 130, 131, 168, 174, 206. 37 Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, 1904, № 8, ст. В. Рѣзанова о сочиненіяхъ Жуковскаго, стр. 285 и слл. 38 И. Замотинъ. Ранніе романтическіе вѣянія въ русской литературѣ. Очеркъ изъ исторіи переходной литературной эпохи конца XVIII и начала XIX столѣтія. Варшава, 1900, стр. 51—56.

Н. Пиксановъ.

Пьющіе Оссіана.

Виньетка изъ изд. Кэмбеля (1822).

ЛЕДА и ЛЕБЕДЬ.

Картина Theolon'a (1739—1780) въ гравюрѣ J. Marchand'a, посвящена русскому послу въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому.

17. ЛЕДА.

Средь темной рощицы, водъ тѣнью линъ душистыхъ,
Въ высокомъ тростникѣ, гдѣ чистымъ жемчугомъ
Вздувалась пѣна водъ серебристыхъ —
Колеблясь тихимъ вѣтеркомъ,
Покровъ красавицы стыдливой,
Небрежно кинутый, у берега лежалъ —
И прелести ея потокъ волной игривой
Съ весельемъ орошалъ.

Житель рощи торопливой,
Будь же скроменъ, о ручей!
Тише, струйки говорливы!
Памѣнитъ страшитесь ей!
Леда робостью трепещетъ,
Тихо дышетъ снѣжна грудь,
Ни волна вокругъ не плещетъ,
Ни зефиръ не смѣетъ дуть.
Въ рощѣ шорохъ утихаетъ,
Все въ прелестной тишинѣ:

17. ЛЕДА.

При жизни Пушкина не печаталась и появилась только въ посмертномъ изданіи (т. IX. Спб. 1841) въ отдѣлѣ «Лицейскихъ стихотвореній». Не имѣя никакихъ хронологическихъ указаній, Анненковъ отнесъ «Леду» къ «Стихотвореніямъ неизвѣстныхъ годовъ». Гаевскій въ своей статьѣ «Пушкинъ въ лицеѣ» весьма категорически заявляетъ: «Въ 1814 г. Пушкинъ написалъ „Леду“», но никакихъ доказательствъ не представляетъ. Приходится, однако, принять эту хронологію, въ виду того, что Гаевскій, помѣщая свою замѣчательную статью въ общемъ журналѣ, видимо, избѣгалъ загромождать ее неинтересными для читателя подробностями.

Тотъ-же Гаевскій пустилъ въ обращеніе нѣсколько усвоенныхъ комментаторами соображеній относительно «Леды», которыя не могутъ, однако, быть приняты безъ оговорокъ:

«Но мысли находимъ въ ней подражаніе остроумному и граціозному стихотворенію Парни: Léda. Позднѣйшее подражаніе этому стихотворенію напечатано въ «Мнемозинѣ» 1824 г., изд. Кюхельбекеромъ и кн. В. Ѳ. Одоевскимъ (ч. IV, стр. 220, безъ подписи, и принадлежитъ кн. Вяземскому [1]). У Пушкина оно потеряло всю свою прелесть, заимствовавъ у Богдановича и Державина противохудожественность вымысла и формы».

[1] Указаніе Гаевскаго, повторенное П. О. Морозовымъ, вызвало слѣдующее замѣчаніе П. А. Ефремова въ его послѣднемъ изданіи:

«Давно извѣстно, что стихотвореніе въ «Мнемозинѣ» принадлежитъ Е. А. Баратынскому. Сверхъ того и самъ кн. Вяземскій въ цензурной рукописи VII тома изданія Анненкова вычеркнулъ эпиграмму: „Гостиная-салонъ“, написавъ: „Это мое“, а также и Мнемозинную „Леду“, написавъ: „Это Баратынскаго“.

«Леда» изъ «Мнемозины» до сихъ поръ, однако, не вносится въ собранія соч. Баратынскаго.

Непонятно въ сообщеніи П. А. Ефремова, какимъ образомъ въ рукописи VII тома Анненковскаго изданія могла попасть «Мнемозинная» „Леда“. Вѣдь Анненковъ уже перепечаталъ „Леду“ изъ посмертнаго изданія во II т. своего изданія. Къ тому-же въ предисловіи къ VII т. Анненковъ оговариваетъ всѣ случаи приписыванія Пушкину чужихъ стихотвореній, въ томъ числѣ и эпиграммы „Гостиная-салонъ“, о которой упоминаетъ Ефремовъ.

Имя-же Баратынскаго упоминается въ предисловіи Анненкова по другому поводу:

„Экспромты о „паціяхъ“, отрывокъ изъ которыхъ явился подъ именемъ Пушкина въ одномъ московскомъ журналѣ, столь-же мало принадлежитъ ему, какъ и стихи извѣстной сатирической пьесы „Цапли“, находимые по всѣмъ сборникахъ съ помѣткою А. П., а между тѣмъ написанные Баратынскимъ“.

Вѣроятно къ „Цаплямъ“, а не къ „Ледѣ“ и относились замѣтки Вяземскаго.

Тутъ все или спорно, или прямо невѣрно. Можно-ли усматривать въ Пушкинской «Ледѣ» подражаніе нижеслѣдующему стихотворенію Парни, которое приводимъ цѣликомъ:

Léda.

Vous ordonnez donc, jeune Hélène,
Que ma muse enfin vous apprenne
Pourquoi ces cygnes orgueilleux,
Dont vous aimez le beau plumage,
Des simples hôtes du bocage
N'ont point le chant mélodieux?
Aux jeux frivoles de la fable
J'avais dit adieu sans retour,
Et ma lyre plus raisonnable
Était muette pour l'amour:
Obéir est une folie;
Mais le moyen de refuser
Une bouche fraîche et jolie
Qui demande [ar un baiser!

Dans la forêt silencieuse
Où l'Eurotas parmi les fleurs
Roule son onde paresseuse,
Léda, tranquille, mais rêveuse,
Du fleuve suivait les erreurs.
Bientôt une eau fraîche et limpide
Va recevoir tous ses appas,
Et déja ses pieds délicats
Effleurent le cristal humide.
Imprudente! sous les roseaux
Un dieu se dérobe à la vue;
Tremble, te voilà presque nue,
Et l'Amour a touché ces eaux.
Léda, dans cette solitude,
Ne craignait rien pour sa pudeur:
Qui peut donc causer sa rougeur?
Et d'où vient son inquiétude?
Mais de son dernier vêtement
Enfin elle se débarrasse,
Et sur le liquide élément
Ses bras étendus avec grace
La font glisser légèrement.
Un cygne aussitôt se présente;
Et sa blancheur éblouissante,
Et son cou dressé fièrement,
A l'imprudente qui l'admire
Causent un doux étonnement,
Qu'elle exprime par un sourire.
Les cygnes chantaient autrefois.
Virgile a daigné nous l'apprendre;
Le nôtre à Léda fit entendre
Les accens flûtés de sa voix.
Tantôt, nageant avec vitesse,
Il s'égare en un long circuit;

Нимфа далѣе ступаетъ,
Робкой нѣгрянувшись волнѣ.
Но что-то межъ кустовъ прибрежныхъ возшумѣло,—
И чувство робости прекрасной овладѣло.
Невольно вздрогнула, не въ силахъ воздохнуть,—
И вотъ пернатыхъ царь изъ-подъ склоненной ивы,
Расправя крылья горделивы,
Къ красавицѣ плыветъ—веселья полна грудь;
Съ шумящей пѣною отважно волны гонитъ,
Крылами воздухъ бьетъ,
То въ кольцы шею вьетъ,
То гордую главу, смирясь предъ Ледой, клонитъ.—
Леда смѣется,
Вдругъ раздается
Радости кликъ...
Видъ сладострастный!
Къ Ледѣ прекрасной
Лебедь приникъ,
Слышно стенанье;
Снова молчанье;
Нимфа лѣсовъ
Съ нѣгою сладкой
Видитъ украдкой
Тайну боговъ.
Опомнясь, наконецъ, красавица младая
Открыла тихій взоръ, въ томленьяхъ воздыхая.
И чтожъ увидѣла? На ложѣ изъ цвѣтовъ
Она покоится въ объятіяхъ Зевеса,
Межъ ними юная любовь
И пала таинства прелестнаго завѣса.
Симъ примѣромъ научитесь
Розы — дѣвы красоты:
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды:
Въ темной рощицѣ таится
Часто пламенный Эротъ;
Съ хладной струйкою катится,
Стрѣлы прячетъ въ пѣнѣ водъ.
Симъ примѣромъ научитесь,
Розы —дѣвы красоты;
Лѣтнимъ вечеромъ страшитесь
Въ темной рощицѣ воды.

Леда и Юпитеръ. Миніатюрная гравюра Boitard'a (18 вѣкъ).

Tantôt sur le flot qui s'enfuit
Il se balance avec mollesse.
Souvent il plonge comme un trait;
Caché sous l'onde il nage encore.
Et tout-à-coup il reparait
Plus près de celle qu'il adore.
Léda, conduite par l'Amour,
S'assied sur les fleurs du rivage,
Et le cygne y vole à son tour.
Elle ose sur son beau plumage
Passer et repasser la main,
Et de ce fréquent badinage
Toujours un baiser est la fin.
Le chant devient alors plus tendre,
Chaque baiser devient plus doux;
De plus près on cherche à l'entendre,
Et le voilà sur les genoux.
Ce succès le rend téméraire:
Léda se penche sur son bras;
Un mouvement involontaire
Vient d'exposer tous ses appas;
Le dieu soudain change de place.
Elle murmure faiblement;
A son cou penché mollement
Le cou du cygne s'entrelace;
Sa bouche s'ouvre par degrés
Au bec amoureux qui la presse;
Ses doigts lentement égarés
Flattent l'oiseau qui la caresse;
L'aile qui cache ses attraits
Sous sa main aussitôt frissonne,
Et des charmes qu'elle abandonne
L'albâtre est touché de plus près.
Bientôt ses baisers moins timides
Sont échauffés par le desir;
Et précédé d'un long soupir,
Le gémissement du plaisir
Échappe à ses lèvres humides.

Si vous trouvez de ce tableau
La couleur quelquefois trop vive,
Songez que la fable est naive,
Et qu'elle conduit mon pinceau;
Ce qu'elle a dit, je le répète.
Mais elle oublia d'ajouter
Que la médisance indiscrète
Se mit soudain a raconter
De Léda l'étrange défaite.
Vous pensez bien que ce récit
Enorgueillit le peuple cygne;
Du même honneur il se crut digne,
Et plus d'un succes l'enhardit.
Les femmes sont capricieuses;
Il n'etait fleuve ni ruisseau
Où le chant du galant oiseau
N'attirât les jeunes baigneuses.
L'exemple était veun des cieux;
A mal faire l'exemple invite:
Mais ces vauriens qu'on nomme dieux
Ne veulent pas qu'on les imite.
Jupiter prévit d'un tel goût
La dangereuse conséquense;
Au cygne il ôta l'éloquence;
En la perdant, il perdit tout.

Кромѣ основного эпизода, который, конечно, былъ извѣстенъ Пушкину и помимо Парни, все остальное, вплоть до размѣра, разработано безусловно самостоятельно, уже не говоря о юмористической «морали» въ концѣ «Леды», ничего общаго съ пьесой Парни не имѣющей.

Еще менѣе выдерживаетъ критики утвержденіе Гаевскаго, что въ «Ледѣ» Пушкинъ подражалъ Державину. Это утвержденіе заимствовано Гаевскимъ у Бѣлинскаго, который говоритъ (т. VIII изд. Солдатенкова, стр. 317):

«Только одна кантата «Леда», изъ всѣхъ «лицейскихъ» стихотвореній, отзывается языкомъ Державина, но, вмѣстѣ, и Батюшкова; а самый родъ пьесы (кантата) напоминаетъ одного Державина».

Бѣлинскій тутъ несомнѣнно впалъ въ чисто фактическую ошибку. Л. Н. Майковъ уже указалъ, что

«у Державина дѣйствительно есть кантата «Персей и Андромеда», написанная въ 1807 году по случаю сраженія при Прейсишъ-Эйлау, но въ ней нѣтъ ничего общаго съ кантатой Пушкина, кромѣ развѣ того, что въ обоихъ стихотвореніяхъ употреблено нѣсколько размѣровъ; это объясняется тѣмъ, что кантаты сочинялись обыкновенно для того, чтобы быть положенными на музыку; впрочемъ, къ кантатѣ Пушкина музыка вовсе не была, кажется, написана. Кантата Державина—чисто лирическое произведеніе, а кантата Пушкина отличается повѣствовательнымъ характеромъ и походитъ на Лафонтенову сказку».

Къ этому можно прибавить, что нетрудно догадаться, благодаря чему произошла ошибка Бѣлинскаго. Она, очевидно, навѣяна тяжеловѣснымъ словомъ «кантата», съ которымъ связано представленіе о торжественности.

Но принадлежитъ-ли Пушкину и самое опредѣленіе «кантата»?

Едва-ли. Въ посмертномъ изданіи заглавіе такое:

ЛЕДА

(Кантата).

Заключеніе слова «кантата» въ скобки почти навѣрное указываетъ, что это опредѣленіе принадлежитъ издателямъ, которые всегда всѣ свои догадки и добавленія: (Къ Пушкину), (Изъ Вольтера), (Отрывокъ и т. д. помѣщали въ скобки.

КРАСОТА и ЗЕРКАЛО.

Аллегорическая картина Cipriani (1726 - 1785) въ гравюрѣ T. Ryder'a и J. L. Cofsé.

18. (ВЕНЕРЪ ОТЪ ЛАНСЫ.

Состарившаяся Ланса приноситъ зеркало свое во храмъ Венеры съ сими стихами:

Вотъ зеркало мое—прими его, Киприда!
Богиня красоты прекрасна будетъ вѣкъ,
Съдова времени нестрашна ей обида:
Она не смертной человѣкъ:
Но я, покорствуя судьбинѣ,
Не въ силахъ зрѣть себя въ прозрачности стекла,
Ни той, которой я была,
Ни той, которой нынѣ.

— *П.* —

По вопросу о языкѣ «Леды» вполнѣ можно присоединиться къ мнѣнію Майкова, что «въ Ледѣ онъ отнюдь не хуже, не грубѣе, чѣмъ въ другихъ произведеніяхъ Пушкина изъ лицейской поры». Впрочемъ, Вѣлинскій говоритъ и о вліяніи Батюшкова на «Леду».

Державинымъ отзываются два, три слова: «возшумѣло», «воздохнуть», усѣченное «горделивы». Все остальное написано легкимъ, изящнымъ языкомъ Батюшковскаго чекана. Особенно хороша по художественнымъ достоинствамъ строфа

Вдругъ раздается и т. д.
Леда смѣется,

Эта строфа до сихъ поръ печаталась неправильно. Издатели не замѣчали, что въ ней 11 стиховъ вмѣсто 12 и что 7 строка (слышно стенанье) ни съ чѣмъ не рифмуется. Въ нашемъ изданіи пропущенная строка (снова молчанье) возстановлена по извлеченіямъ К. Я. Грота («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905, № 10, стр. 235) изъ тетради барона М. А. Корфа (о ней въ концѣ тома—«Исторія пушкинскаго текста). О другихъ деталяхъ текста тоже см. въ концѣ тома.

С. Венгеровъ.

18. ВЕНЕРЪ ОТЪ ЛАНСЫ ПРИ ПОСВЯЩЕНІИ ЕЙ ЗЕРКАЛА.

Настоящее стихотвореніе написано Пушкинымъ по просьбѣ его лицейскаго товарища, П. П. Пущина. Пущинъ перевелъ изъ знаменитаго курса литературы Лагарпа «Lycée ou Cours de littérature ancienne et moderne» статью объ эпиграммѣ (т. III, гл. IX) и просилъ Пушкина дать ему стихотворный переводъ настоящей эпиграммы, помѣщенной Лагарпомъ въ качествѣ образчика этого рода поэзіи. Другія эпиграммы, цитированныя Лагарпомъ, были воспроизведены Пущинымъ или въ извѣстныхъ уже переводахъ Дмитріева и Батюшкова, или заново переведены для него Илличевскимъ. Стихотвореніе это у Лагарпа приведено въ переводѣ Вольтера; но Пушкинъ почему-то не послѣдовалъ ему, а воспроизвелъ другой переводъ данной эпиграммы, сдѣланный П. А. Гюи (P. A. Guys, 1722—1801). Этотъ переводъ Гюи приведенъ въ его книгѣ „Voyage littéraire de la Grèce“, имѣвшей два изданія (1776 и 1783 гг.). Экземпляръ перваго изданія авторъ, бывшій уроженцемъ Марселя и занимавшійся торговлей, поднесъ императрицѣ Екатеринѣ II, которая, въ знакъ благодарности, прислала ему медаль въ память Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Зависимость Пушкина отъ Гюи явствуетъ при сличеніи его пьесы съ оригиналомъ:

Sur Laïs, qui remit son miroir dans le temple de Vénus

Je le donne à Vénus, puisqu'elle est toujours belle;
Il redouble trop mes ennuis
Je ne saurais me voir, dans ce miroir fidèle,
Ni telle que j'étais, ni telle que je suis.

«Pour moi», disait Laïs au déclin de ses jours,
«Ce fidèle miroir n'est plus d'aucun usage;
«C'en est fait, je te l'offre, ô mère des amours!
«A Vénus toujours belle il servira toujours.
«Moi qui n'ai pas cet avantage
«Qu'en ferais-je, hélas? Je ne puis
«M'y voir comme j'étais au printemps de mon âge;
«Et puis-je, sans douleur, m'y voir comme je suis

Мѣжду тѣмъ въ переводѣ Вольтера всего 4 стиха:

Античные оригиналы этой пьесы имѣются въ сборникѣ такъ называемой Греческой Антологіи. Этотъ сборникъ, именуемый по мѣсту храненія (библіотека Гейдельбергскаго Палатината) главной изъ своихъ составныхъ частей «Палатинской Антологіей», ведетъ начало отъ нѣкоего Константина Кефала, который въ 917 году былъ протопапой императорскаго дворца въ Константинополѣ. Древнегреческихъ эпиграммъ съ темой о посвященіи Лансой зеркала 4; одна изъ нихъ приписывается Платону, а три другихъ — одному изъ двухъ поэтовъ Юліановъ, уроженцевъ Египта и жившихъ въ IV и VI вв. по Р. Хр. Кромѣ того, это стихотвореніе сохранилось въ латинской передачѣ поэта Авзонія (IV в. по Р. Хр.), подражавшаго Платону. Его эпиграмма особенно интересна для насъ потому, что Гюи, по его собственному признанію, пользовался именно Авзоніемъ; изъ Авзонія же, вѣроятно, переводилъ и Вольтеръ, который совершенно не зналъ греческаго языка. Вотъ переводъ эпиграммы Авзонія: «Я старуха Лаида, посвящаю зеркало Венерѣ; пусть вѣчная краса находитъ въ немъ достойную себя вѣчную услугу. А мнѣ въ немъ нѣтъ никакой надобности, потому что видѣть себя такою, какова я нынѣ, я не хочу, а, какою была, не могу».

Упоминаемая въ эпиграммѣ Лаида, или, согласно принятому нынѣ написанію, Лаида личность историческая. Это была знаменитая гетера, жившая въ Коринѳѣ во

ДЕКОРАТИВНОЕ ПАНО ВАТО (Wateau).

19. КРАСАВИЦѢ,

которая нюхала табакъ.

Возможно ль, вмѣсто розъ, Амуромъ
насажденныхъ,
Тюльпановъ гордо наклоненныхъ,
Душистыхъ ландышей, ясминовъ и лилей,
Которыхъ ты всегда любила,
И прежде всякій день носила
На мраморной груди своей —
Возможно ль! милая Климена!
Какая странная во вкусѣ перемѣна:
Ты любишь обонять не утренній цвѣтокъ,
А вредную траву зелену,
Искусствомъ превращенну
Въ душистый порошокъ?
Пускай уже сѣдой профессоръ Геттингена,
На старой каведрѣ согнувшися дугой,
Вперивъ въ латинщину глубокій разумъ свой,
Раскашлявшись, табакъ толченый
Пихаетъ въ длинный носъ изсохшею рукой:
Пускай младой драгунъ усатой,
Поутру сидя у окна,
Съ остаткомъ утренняго сна,
Изъ трубки пенковой дымъ гонитъ
сѣроватый;
Пускай красавица шестидесяти лѣтъ,
У Граціи въ отпуску и у любви въ отставкѣ,
Которой держится вся прелесть на
подставкѣ,
Которой безъ морщинъ на тѣлѣ мѣста нѣтъ,
Злословитъ, молится, зѣваетъ,
И съ вѣрнымъ табакомъ печали забываетъ.
А ты, прелестная! Но если ужъ табакъ
Столь нравится тебѣ.... О, пылъ воображенья!
Ахъ! еслибъ, превращенный въ прахъ,
И въ табакеркѣ, въ заточеньи,
Я въ персты нѣжные твои попасться могъ;
Тогда бъ, въ сердечномъ восхищеньи,
Разсыпался на грудь, подъ шелковый
платокъ....
И даже, можетъ быть... Но что? Мечта пустая!
Не будетъ этого никакъ!
Судьба завистливая, злая!
Ахъ!... отъ чего я не... табакъ!

время Пелопонезской войны (431—404 до Р. Хр.). У нея было безчисленное количество поклонниковъ; но она отдавалась далеко не всякому и только за дорогую цѣну. И жизнь, и смерть ея окружены массой анекдотовъ. Такъ говорили, что она умерла во время занятія своимъ ремесломъ: по другимъ извѣстіямъ, она повѣсилась на масличномъ деревѣ. Въ Коринѳѣ былъ воздвигнутъ даже ей памятникъ (львица, терзающая барана,—вѣроятно, символъ ея корыстолюбія). Эту Лаиду надо отличать отъ другой, младшей, которая родилась въ Сициліи и попала въ Коринѳъ только 7 лѣтъ отъ роду. Эта вторая Лаида была современницей знаменитой Фрины. Пушкинъ разумѣетъ Лаиду старшую, такъ какъ къ ней обращены эпиграммы Антологіи. Слѣдуетъ добавить, что во французской литературѣ интересъ къ личности Лаиды несомнѣнно возбужденъ былъ знаменитымъ Dictionnaire historique et critique П. Бэля (Bayle, 1647—1706), гдѣ впервые дано было обстоятельное жизнеописаніе этой античной львицы.

Посвященіе Лаидой своего зеркала Венерѣ дѣлается ею въ силу слѣдующаго обычая, существовавшаго какъ у древнихъ грековъ, такъ и римлянъ. Всякій, измѣнявшій главное занятіе своей жизни на другое, посвящалъ богу, подъ покровительствомъ котораго онъ доселѣ находился, орудія своего прежняго ремесла. Этого же обыкновенія держались покидавшіе свое ремесло по дряхлости. Такъ старый гладіаторъ посвящаетъ свою рапиру Геркулесу, музыкантъ—свою лиру Аполлону и т. д. Особенно богата подобными посвятительными стихотвореніями VI книга Палатинской Антологіи, гдѣ помѣщены и эпиграммы съ именемъ Лаиды. Поэтому распространенный у Пушкина мотивъ вѣчности красоты Венеры занимаетъ въ античныхъ эпиграммахъ только самое скромное мѣсто.

Затѣмъ можно отмѣтить нѣкоторый анахронизмъ въ словахъ «въ прозрачности стекла» (ст. 6-й), такъ какъ извѣстно, что античный міръ, по крайней мѣрѣ современный Лаидѣ, зналъ только металлическія зеркала. Вольтеръ и Гюи избѣгли этого анахронизма: но онъ встрѣчается у третьяго французскаго переводчика этой эпиграммы, маркиза Буфлера (Stanislas de Boufflers, 1737—1815), котораго Пушкинъ зналъ, такъ какъ онъ назвалъ даже разъ Батюшкова «русскимъ Буфлеромъ» въ посланіи къ В. Л. Пушкину, 1817 г., ст. 13-й. Переводъ Буфлера содержитъ 4 стиха, и въ третьемъ изъ нихъ стоитъ «Pour Lais qui vieillit sa glace est trop fidèle». Наконецъ, Гаевскій предполагалъ, что въ послѣднихъ стихахъ эпиграммы Пушкина замѣчается вліяніе Канниста, написавшаго въ своей пьесѣ «Красота»:

Зачѣмъ въ пріятной я судьбинѣ,
Какъ нынѣ, мыслить не могла;
Или зачѣмъ не та я нынѣ,
Не та, что въ младости была!

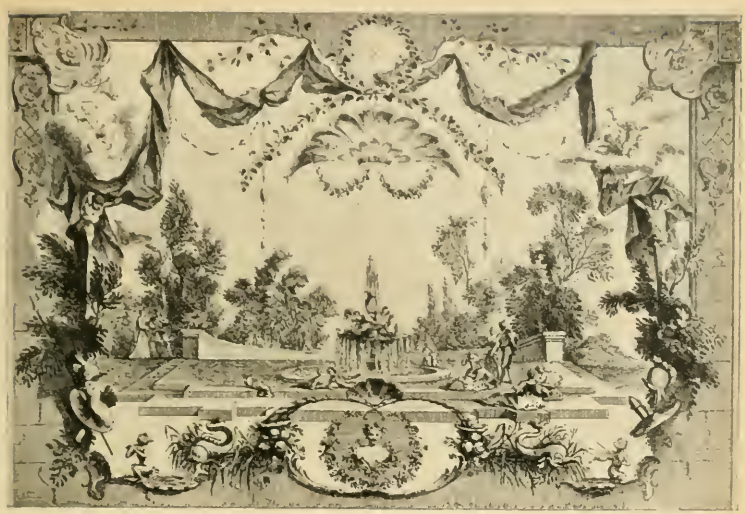
Но Л. Н. Майковъ отвергаетъ это предположеніе, указавъ, что Каннистъ никогда не пользовался особымъ вниманіемъ Пушкина.

Ср. Записки Пушкина (въ сборникѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ» Спб. 1899 стр. 57).—Объ античныхъ оригиналахъ стихотворенія и его французскихъ переводахъ см. изслѣдованіе акад. В. К. Ернштедта въ Академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. I, изд. 2-е. Спб. 1900, стр. 46 слл.—О Лаидѣ—Pauly's Real Encyklopädie der classischen Alterthumswissenschaft, т. IV.—Объ обычаѣ посвященія—изданіе сатиръ Персія О. Яна (Iahn, Лейпцигъ 1843, стр. 137 сл.).—О зеркалахъ у древнихъ—De Witte, Les miroirs chez les anciens. Bruxelles 1873.—Статья Гаевскаго помѣщена въ «Современникѣ» 1863 г., т. XCVII, стр. 166.—Кромѣ Пушкина, настоящую пьесу переводили Б—ій въ журналѣ «Лицей», 1806, т. II, кн. 3, стр. 17, и Д. Саларевъ въ журн. «Благонамѣренный», 1820, кн. XI, стр. 375.

А. Малеинъ.

Помѣщенный нами текстъ взятъ изъ «Вѣст. Евр.» 1814 г. № 18, конечно, съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника. Объ особенностяхъ его см. въ концѣ настоящаго тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Тамъ-же будетъ напечатана представляющая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ интересъ крошечная статейка Пушкина, которую совсѣмъ игнорируютъ издатели. Пока отмѣтимъ, что заглавіе «Венерѣ отъ Лаисы» произвольно создано издателями. Въ статьѣ Пушкина никакого заглавія нѣтъ. Во избѣжаніе недоразумѣній, мы удержали получившее гражданство заглавіе, но только поставили его въ скобки.

Ред.



ДЕКОРАТИВНОЕ ПАНО ВАТО (Wateau).

20. STANCES.

Avez-vous vu la tendre rose,
L'aimable fille d'un beau jour,
Quand au printemps à peine éclose,
Elle est l'image de l'amour?

Telle à nos yeux, plus belle encore,
Parut Eudoxie aujourd'hui:
Plus d'un printemps la vit éclore,
Charmante et jeune comme lui.

Mais, hélas! les vents, les tempêtes,
Ces fougueux enfants de l'hiver,
Bientot vont gronder sur nos têtes,
Enchainer l'eau, la terre et l'air.

Et plus de fleurs, et plus de rose,
L'aimable fille des amours
Tombe fanée à peine éclose:
Il a fui, le temps des beaux jours!

Eudoxie, aimez! le temps presse;
Profitez de vos jours heureux!
Est-ce dans la froide vieillesse
Que de l'amour on sent les feux?

19. КРАСАВИЦѢ, КОТОРАЯ НЮХАЛА ТАБАКЪ.

Въ концѣ тома, въ статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста», читатель найдетъ подробности относительно принятаго нами текста. Здѣсь-же считаемъ нужнымъ отмѣтить одно зачеркнутое вносящее Пушкинымъ мѣсто, интересное тѣмъ, что оно опредѣленно вводитъ насъ въ то настроеніе, подъ вліяніемъ котораго написалось стихотвореніе. Первоначально вмѣсто скромнаго 34-го стиха—

Разсыпался на грудь подъ шелковый платокъ
разыгравшееся воображеніе юнаго лицеиста нарисовало такую картину:

Разсыпался на грудь и, можетъ, сквозь платокъ
Проникнуть захотѣлъ... о, сладость вожделѣнья!
До тайныхъ прелестей, которыхъ самъ Эротъ
Запрятаялъ за лѣса и горы,
Чтобъ не могли нескромны взоры
Открыть вмѣстилище божественныхъ красотъ.

Предъ нами, такимъ образомъ, самая неприкрытая порнографія. Прямой выводъ изъ этого, что «Красавица», вдохновившая поэта—одна изъ сестеръ его товарищаки. Горчакова—серьезнаго чувства ему не внушала. Мы дальше увидимъ, какъ скромны отзвуки молодой поэзіи Пушкина на настоящую привязанность къ Бакунинной. Горчакова-же просто дразнила его столь рано проснувшуюся чувственность.

Бѣлинскій отнесся преувеличенно сурово къ игривой пьескѣ. Причисливъ ее сначала, вмѣстѣ съ «Бовой» и «Безвѣріемъ», къ тѣмъ изъ лицейскихъ стихотвореній, которыя «ужъ слишкомъ плохи» (соч., изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 314), онъ затѣмъ (стр. 315) говоритъ:

«Пьеса «Красавицѣ, которая нюхала табакъ» отличается сатирическимъ и сантиментальнымъ характеромъ, столь свойственнымъ нашей старинной поэзіи. Она написана до того плохими стихами, что намъ, привыкшимъ подъ Пушкинскимъ стихомъ разумѣть вліяніе изящество стиха, странно думать, что эти стихи писаны Пушкинымъ, хотя-бы и тринадцатилѣтнимъ».

На этотъ разъ Бѣлинскій сошелся со своимъ антиподомъ—педантомъ. Шевыревымъ, который нѣсколько лѣтъ раньше («Москвитянинъ» 1841, ч. V) еще суровѣе заявлялъ:

Такія пьесы, какъ Красавицѣ, которая нюхала табакъ, и особенно Къ Наталіѣ и Къ Наташѣ, сами могутъ быть ему приписаны. Можетъ быть, это шалости его-же товарищей».

Сомнѣнія Шевырева не имѣютъ подъ собою никакой почвы. Правда, собственноручнаго оригинала «Красавицы» нѣтъ, но есть нѣчто болѣе въ данномъ случаѣ знаменательное—переписанный кѣмъ-то текстъ стихотворенія съ небольшими поправками Пушкина. Это показываетъ, что онъ собирался включить «Красавицу» въ собраніе своихъ сочиненій, только слегка измѣнивъ ходившій по рукамъ списокъ первоначальнаго текста и выбросивъ непристойный куплетъ. Извѣстно, какъ строго относился Пушкинъ къ себѣ. Вотъ почему въ его готовности включить «Красавицу» въ собраніе сочиненій нельзя не усмотрѣть лишній доводъ противъ чрезмѣрной строгости Бѣлинскаго и Шевырева, къ которой присоединяется Гаевскій. Эту строгость въ значительной степени можно объяснить тѣмъ, что Бѣлинскому пришлось имѣть дѣло съ крайне неисправнымъ текстомъ. Въ посмертномъ изданіи стихи 22 и слѣд. были напечатаны такъ:

Пускай красавицъ шестидесяти лѣтъ,
Которой держится вся прелесть на подставкѣ.

Былъ, слѣдовательно, пропущенъ рифмующій стихъ:

У Граціи въ отпуску и у любви въ отставкѣ

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что, зная Бѣлинскій эту превосходную строку, онъ не сталъ бы говорить о томъ, что «Красавицѣ» написано необычно для Пушкина «плохими стихами».

«У Граціи въ отпуску и у любви въ отставкѣ» — да это сказано съ такою мѣткостью, съ такою силою и блескомъ, что Пушкинъ въ лучшую пору своего творчества не могъ-бы выразиться ярче.

Въ своихъ Запискахъ о Пушкинѣ закадычный лицейскій другъ его Пущинъ сообщаетъ:

«Красавицѣ, которая нюхала табакъ», писано къ Горчакова сестрѣ, княгинѣ Еленѣ Михайловнѣ Кантакузиной. Вѣроятно, она не знала и не читала этихъ стиховъ, плодъ разгорячennаго молодого воображенія» (Сборникъ Л. Майкова, «Пушкинъ», Спб. 1899, стр. 61).

По сообщенію Гаевскаго («Современникъ» 1863, № 7, стр. 175), Пушкина вдохновила другая «красавица»—сестра Горчакова, *Александра* Михайловна, вторая княгиня Кантакузенъ. Въ концѣ концовъ, однако, выясняется, что предметомъ вожделѣній Пушкина была вовсе самая младшая сестра.

Заставка Lebarbier (эпоха Людовика XVI).

21. ПОСЛАНІЕ КЪ НАТАЛЬѢ.

Pourquoi craindrois-je de le dire
C'est Margot qui fixe mon gout.

Такъ и мнѣ узнать случилось,
Что за птица Купидонъ:
Сердце страстное влюбилось:
Признаюсь: и я влюбленъ.
Пролетѣло щастья время.
Какъ любви не зная бремя,
Я живалъ да попѣвалъ:
Какъ въ театрѣ и на балахъ,
На гуляньяхъ иль въ воксалахъ
Легкимъ Зефиромъ леталъ—
Какъ смѣясь во зло Амуру
Я писалъ карикатуру
На любезной женскій полъ:
Но напрасно я смѣялся,
Наконецъ и самъ попался,
Самъ, увы! съ ума сошелъ.
Смѣхи, вольность—все подъ лавку.
Изъ Катоновъ я въ отставку
И теперь я—Селадонъ.
Миловидной жрицы Тальи
Видѣлъ прелести Натальи
И ужъ въ сердце—Купидонъ!
Такъ, Наталья, признаюся,
Я тобою полоненъ.
Въ первый разъ еще стыжуся
Въ женски прелести влюбленъ:
Цѣлый день, какъ ни верчуся,
Лишь тобою занятъ я.
Ночь придетъ—и лишь тебя
Вижу я въ пустомъ мечтаньи,
Вижу въ легкомъ одѣяньи,
Будто милая со мной.
Робко, сладостно дыханіе.
Бѣлой груди колебаніе,
Сѣнь затмившей бѣлизной,
И полуотверсты очи...
Скромный мракъ безмолвной ночи...
Духъ въ восторгъ приводитъ мой—
Я одинъ въ бесѣдкѣ съ нею.
Вижу... дѣвственну лилею.
Трепещу, томлюсь, нѣмѣю...
И проснулся... вижу мракъ
Вкругъ постели одинокой—
Изпускаю вздохъ глубокой!
Сонъ лѣнивый, томноокой
Отлетаетъ на крылахъ.
Страсть сильнѣе становится:
А любовью утомясь,
Я слабѣю всякой часъ.
Все къ чему-то умъ стремится...
(А къ чему?—никто изъ насъ
Дамамъ вздухъ того не скажетъ.
А ужъ такъ и сякъ размажетъ.
Я—по свойски объяснюсь.

Но приведеннымъ Майковымъ справкамъ,

«въ сообщеніи Пущина не все вѣрно: красавицей, нюхавшей табакъ, была не вторая сестра товарища Пушкина, князя Александра Михайловича Горчакова, княгиня Елена, а четвертая—княжна София, бывшая впослѣдствіи замужемъ за Абрамомъ Петровичемъ Хвощинскимъ; она родилась въ 1802 году, а скончалась въ 1836; къ ней обращено стихотвореніе Пушкина 2-е акад. изд. 1 тома Пушкина, примѣч., стр. 44».

Такимъ образомъ, воспѣтой Пушкинымъ «Красавицѣ» было всего 12 лѣтъ.

С. Венгеровъ.

20. STANCES.

Сообщивъ невѣрное свѣдѣніе (см. выше № 19), что стихотвореніе «Красавицѣ, которая нюхала табакъ» относится къ княжнѣ Александрѣ Михайловнѣ Горчаковой-Кантакузенъ, Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 175) затѣмъ прибавляетъ:

«Къ ней-же относится слѣдующее неизданное стихотвореніе, написанное Пушкинымъ въ томъ-же 1814 году слѣдуетъ напечатанный нами текстъ, отличающійся только тѣмъ, что Rose напечатано большой буквой и въ 2 мѣстахъ пунктуація нѣсколько иная. *С. В.*».

Подлинника этого стихотворенія въ сообщенныхъ намъ бумагахъ не сохранилось, но принадлежность его Пушкину единогласно подтверждается его товарищами; въ копіи-же, съ которой мы его сообщаемъ, оно переписано рукою Плинчевскаго на одномъ листкѣ съ стихотвореніемъ Mon portrait, которое помѣщено издателями между произведеніями неизвѣстныхъ годовъ, но относится къ тому-же времени».

Подлинникъ впослѣдствіи отыскался у лицейскаго друга Пушкина—Ѳ. Ѳ. Матюшкина, отъ котораго перешелъ къ Е. Д. Куломзиной.

Если принять поправку Л. Н. Майкова, то и «Stances» относятся къ княжнѣ Софьѣ Михайловнѣ Горчаковой-Хвощинской. Но, къ кому-бы, впрочемъ, они ни относились, въ нихъ нѣтъ и слѣда сколько нибудь сильнаго увлеченія.

Отъ стихотворенія вѣетъ такою холодною вылощенностью [1]), что является желаніе усмотрѣть тутъ просто стихотворное упражненіе на условно-любовную тему. Вдобавокъ, стихотвореніе до такой степени лишено реальности, что обращено даже къ какой-то выдуманной Eudoxie.

С. Венгеровъ.

21. ПОСЛАНІЕ КЪ НАТАЛЬѢ.

Отношеніе къ этому стихотворенію теперь, когда мы имѣемъ возможность установить совсѣмъ иной текстъ, чѣмъ прежнія изданія, тоже должно быть иное.

«Къ Наталѣ» впервые появилось въ посмертномъ изданіи въ 1841 г. (т. IX, въ явно обезображенномъ видѣ. Оно обрывалось на оставшемся безъ отвѣта вопросѣ

Да кто-же ты, болтунъ влюбленный!

Критикамъ посмертнаго изданія стихотвореніе показалось очень плохимъ. Въ извѣстной уже намъ (стр. 124) статьѣ Шевырева говорилось:

Такія пьесы, какъ: Красавицѣ, которая нюхала табакъ, и особенно Къ Наталѣ и Къ Наташѣ, едва-ли могутъ быть ему приписаны. Можетъ быть, это шалости его-же товарищей. Мы не думаемъ, чтобы Пушкинъ, 14-ти лѣтъ написавшій тѣ прекрасные стихи, которые читаемъ на 389 стр. [2]), могъ позволить себѣ такія рифмы, какъ Наталья и Сераля, китанца и американца, или подобные стихи:

Свѣтъ Натаха! гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?

Видно большое безвкусіе въ этомъ выборѣ, которымъ оскорбляется память нашего мастера-художника».

По, увы! Вѣтры и бури,
Эти сердитыя дѣти зимы,
Скоро разразятся надъ нашей головой.
Скуютъ воду, землю и воздухъ.
И нѣтъ тогда больше цвѣтовъ, нѣтъ
больше розы:
Любезная дочь любви,
Едва распустившись, упадетъ на землю
увяднувъ!
Оно скрылось время прекрасныхъ дней.
Евлокія, люби! Время торопитъ.
Пользуйся счастливыми днями.
Радѣ въ хладной старости
Чувствуешь пламень любви!

[1]) Рѣчь идетъ о стихотвореніи, которое въ посмертномъ изданіи было названо «Къ пугешественнику», а въ нашемъ—«И. Г. Ломоносову» № 27.

Всѣ любовники желаютъ
И того, чего не знаютъ,
Это — свойство ихъ, дивлюсь!
Завернувшись балахономъ
Съ хватской шапкой на бекрень,
Я желалъ бы Филимономъ,
Подъ вечеръ, какъ всюду тѣнь,
Взявъ Анюты нѣжну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя.
Я желалъ бы, чтобъ Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильнымъ взоромъ.
Иль сѣдымъ Опекуномъ
Легкой, миленькой Розины,
Старымъ пасынкомъ судьбины,
Въ епанчѣ и съ парикомъ,
Дерзкой пламенной рукою
Бѣлоснѣжну, полну грудь...
Я желалъ... да вѣдь ногою
Моря не переплынуть,
И хоть по уши влюбленный,
Но съ тобою разлученный,
Всей надежды я лишенъ!
Но Наталья, ты не знаешь,
Кто твой нѣжный селадонъ...
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смѣетъ онъ
И надѣяться? Наталья,
Выслушай еще меня.
Ни владѣтель я Серали,
Ни Арабъ, ни Турокъ я,
За ретиваго Китайца,
Грубаго Американца
Почитать меня нельзя.
Не предавъ и нѣмчурою
Съ колпакомъ на волосахъ,
Съ кружкой, пивомъ налитою,
И съ цыгаркою въ зубахъ.
Не предавъ кавалергарда
Въ каскѣ, съ длиннымъ палашомъ —
Не люблю я бранный громъ:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчатъ моей руки
(За Адамовы грѣхи).
—Да кто-жъ ты, болтунъ влюбленный,
—Взглянь на стѣны возвышенны,
Гдѣ безмолвья вѣчный мракъ,
Взглянь на окны загражденны,
На лампады тамъ зажженны...
Знай, Наталья,—я... монахъ!

Концовка Эйзена (Eisen, 1720—1780).

Итакъ, Шевыревъ заподазривалъ даже подлинность столь не правившихся ему стихотвореній. Въ примѣчаніи къ «Красавицѣ», которая нюхала табакъ» уже было указано, что по отношенію къ «Красавицѣ» подозрѣнія Шевырева совершенно нелѣпы. Къ вопросу о подлинности «Къ Наташѣ» мы еще въ своемъ мѣстѣ вернемся. Что-же касается «Посланія къ Натальѣ», то подлинность его тоже внѣ сомнѣній. Уже Майковъ имѣлъ право сказать, что «стихотвореніе несомнѣнно принадлежитъ Пушкину». И дѣйствительно: оно имѣется въ бумагахъ Пушкина (хотя и не его рукой писано), а затѣмъ оно относится къ опредѣленному лицу, которому посвящено и слѣдующее стихотвореніе «Къ молодой актрисѣ». Мы-же, сверхъ того, располагаемъ теперь недавно найденною К. Я. Гротомъ тетрадью пушкинскаго товарища Матюшкина (о ней въ концѣ тома), гдѣ въ числѣ другихъ, своевременно списанныхъ стихотвореній Пушкина имѣется и «Посланіе къ Натальѣ» въ полномъ видѣ.

Бѣлинскому, писавшему о посмертномъ собраніи въ 1844—46 гг., «Къ Натальѣ» тоже не нравилось. Отнесши стихотвореніе къ разряду лицъ «ознаменованныхъ сильнымъ вліяніемъ Батюшкова», онъ затѣмъ говоритъ:

> Вспомните стихотворенія Батюшкова, заимствованныя имъ изъ Парни, и потомъ посланіе «Къ П—пу» (Шепелину) и сравните съ нимъ пѣсы Пушкина «Къ Натальѣ» и «Къ молодой вдовѣ»: вы увидите въ нихъ Пушкина ученикомъ Батюшкова. По отдѣлкѣ и стилю, первое стихотвореніе слишкомъ отзывается дѣтскою незрѣлостію, по слѣдующее и по стихамъ напоминаетъ Батюшкова» изд. Солдатенкова т. VIII, 323.

Ознакомленіе съ новымъ текстомъ должно кое въ чемъ измѣнить отзывъ Бѣлинскаго. Такъ, отсутствовавшій въ посмертномъ изданіи французскій эпиграфъ указываетъ, что, кромѣ общаго подражанія «легкой поэзіи» Батюшкова, Пушкинъ подражалъ и какому-то французскому стихотворенію. Что касается «дѣтской незрѣлости», то новые, неизвѣстные раньше стихи (51—78) Матюшкинскаго текста дѣлаютъ это опредѣленіе очень спорнымъ. Можно-ли говорить о «дѣтскости» по отношенію къ юношѣ, который такимъ тономъ говоритъ о дѣлахъ амурныхъ? Но гораздо важнѣе то, что въ новыхъ стихахъ мы встрѣчаемся съ литературнымъ пріемомъ, котораго и слѣда нѣтъ у Батюшкова. Пушкинъ отъ общихъ мѣстъ эротизма переходитъ къ вполнѣ реальной характеристикѣ Натальи (о ней ниже) въ различныхъ ея роляхъ и себя желалъ бы видѣть на мѣстѣ тѣхъ, которымъ въ театрѣ выпадаютъ ласки Натальи.

Если читатель припомнитъ то, что сказано нами на стр. 66 по поводу «Дѣли», то и тутъ можно наблюдать власть надъ творчествомъ даннаго періода однихъ и тѣхъ-же пріемовъ и въ крупномъ, и въ мелочахъ. Простая-ли въ самомъ дѣлѣ случайность, что въ двухъ, слѣдующихъ одно за другимъ стихотвореніяхъ—«Красавицѣ, которая нюхала табакъ», и «Къ Натальѣ» Пушкинъ прибѣгаетъ къ одному и тому-же пріему своеобразнаго оборотничества: въ «Красавицѣ» онъ съ вожделѣніемъ восклицаетъ: «ахъ, зачѣмъ я не табакъ»—тогда бы онъ пріобщился ко всѣмъ прелестямъ красавицы; въ посланіи къ Натальѣ—опять желаніе въ чужомъ обликѣ добиться близости правящейся ему красотки.

Наталья лицо вполнѣ реальное. Уже въ примѣчаніяхъ къ изд. 1859 г. Геннади сообщилъ, что, «по указанію М. Н. Лонгинова, эти пьесы (Къ Натальѣ и Къ молодой актрисѣ) относятся къ одной молодой актрисѣ, изъ крѣпостныхъ графа Вареоломея Васильевича Толстого, у котораго былъ домашній спектакль, посѣщаемый лицеистами».

Это сообщеніе подтвердилъ Гаевскій въ своей извѣстной статьѣ «Пушкинъ въ лицеѣ»:

> «Въ то-же время, т. е. до 1815 г., у одного изъ царскосельскихъ жителей, графа В. В. Толстого, былъ домашній театръ, на которомъ играла труппа, составленная изъ крѣпостныхъ людей. Подобныя затѣи, для которыхъ стоили
>
> Отъ матерей, отцовъ отторженныхъ дѣтей,
>
> были тогда не рѣдкость, и царскосельскій любитель театра не представлялъ въ этомъ случаѣ исключенія. Лицеисты посѣщали его спектакли, на которыхъ, вмѣстѣ съ другими посѣтителями, засматривались на первую любовницу доморощенной труппы, Наталью, которая, однакожъ, была плохою актрисою. Къ ней Пушкинъ написалъ въ 1814 г. напечатанное въ отдѣлѣ стихотвореній неизвѣстныхъ годовъ посланіе Къ Натальѣ и Къ молодой актрисѣ. Г. Геннади въ «Приложеніяхъ къ сочиненіямъ А. С. Пушкина» стр. 100 говоритъ, со словъ г. Лонгинова, что къ ней же написано и стихотвореніе Къ Наташѣ; но это несправедливо: оно, какъ увидимъ ниже, относится къ другому лицу» («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 139).

Театръ Толстого былъ учрежденіемъ прочнымъ, и потому самому онъ игралъ видную роль въ жизни лицеистовъ, его постоянныхъ посѣтителей. Цѣлымъ 2 года послѣ того, какъ Пушкинъ написалъ свои два посланія къ хорошенькой премьершѣ

ЗНАМЕНИТАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ АКТРИСА КЛЕРОНЪ.
Съ ръдкой цвѣтной гравюры изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнботе.

труппы, лицейскій другъ его, Илличевскій, сообщалъ (2 сент. 1816 г.) своему пріятелю Фуссу:

Наше Царское Село въ лѣтніе дни есть Петербургъ въ миніатюрѣ. И у насъ есть вечернія гулянья, въ саду музыка и пѣсни, иногда театры. Всѣмъ этимъ обязаны мы графу Толстому, богатому и любящему удовольствія человѣку. По знакомству съ хозяиномъ, и мы имѣемъ входъ въ его спектакли; ты можешь понять, что это наше первое и почти единственное удовольствіе». (Гротъ, Пушкинъ и его лицейскіе товарищи, стр. 63).

Печатаемый нами текстъ Матюшкинской тетради заключаетъ въ себѣ 34 стиха лишнихъ противъ текста прежнихъ изданій. О мелкихъ отличіяхъ его въ предѣлахъ ранѣе извѣстныхъ стиховъ, а также о мелкихъ несогласіяхъ нашихъ съ напечатавшимъ Матюшкинскій текстъ К. Я. Гротомъ см. въ концѣ настоящаго тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Новые стихи мы поставили въ скобки.

К. Я. Гротъ («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905 г. № 10, стр. 235) полагаетъ, что «наиболѣе пикантный» конецъ стихотворенія не появился въ посмертномъ изданіи по цензурнымъ причинамъ. Это, конечно, вполнѣ возможно, но намъ кажется, что было-бы крайне неосторожно усмотрѣть въ заключительномъ стихѣ

Знай, Наталья,—я... монахъ

желаніе Пушкина говорить о дѣйствительномъ монахѣ. Намъ кажется, что это прямое продолженіе того-же каприза, въ силу котораго Пушкинъ въ посланіи «Къ сестрѣ» говоритъ о своемъ пребываніи въ «монастырѣ», о своей «кельѣ», о томъ, что онъ «чернецъ», что «перебираетъ четки» и скоро броситъ «пить столь клобукъ съ вериги». Предъ нами, несомнѣнно, опять черточка, общая всему 1814 году.

«Надзора», «сѣдой опекунъ», «легкая миленькая Розина», «старый пасынокъ судьбины въ очкахъ и съ парикомъ» — очевидно, попали изъ репертуара Толстовскаго театра. Отсюда-же, вѣроятно, попалъ одѣтый въ плащъ или «балахонъ» съ хватской шапкой «Филимонъ».

Въ стихѣ

Не люблю я бранныя громъ

— черта автобіографическая. Въ цѣломъ рядѣ лицейскихъ стихотвореній мы встрѣтимся съ нелюбовью Пушкина къ военщинѣ.

Смыслъ стиха

Да Адамовы грѣхи
тяготятъ.

С. Венгеровъ.

22. КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Стихотвореніе явно относится къ той же крѣпостной премьершѣ, какъ и предыдущее. Оно даетъ достаточно матеріала, чтобы судить о характерѣ представленій въ театрѣ Толстого. Очевидно, чисто-эстетическій элементъ не игралъ большой роли въ томъ наслажденіи, которое доставлялъ лицеистамъ Толстовскій театръ. Даже 15-лѣтнему критику ясна деревянность игры хорошенькой актрисы, которая въ «неловкости своей» ни стать, ни сѣсть не умѣетъ, не умѣетъ даже отчетливо и внятно выучить свою роль («лепечетъ что-то не для насъ»). Ходила же, очевидно, публика въ театръ просто какъ на раутъ, поговорить, пощупать, поволочиться за актрисами.

Клеронъ (Claire Leris de la Tude, по прозванію Clairon), а не Клерона, какъ ее называетъ Пушкинъ,—знаменитая актриса временъ Регентства (1723—1803). Въ 1814 г., сошедшая со сцены еще въ 1765 г., Клеронъ уже была давно забыта, и Пушкинъ могъ ее знать только по книгамъ. Всего вѣроятнѣе, онъ вычиталъ ея имя у Вольтера, восторженно отзывавшагося о Клеронѣ и даже создавшаго особое слово claironade для обозначенія патетической игры. Имя Клеронъ Пушкинъ, вѣроятно, назвалъ просто какъ синонимъ знаменитой актрисы. Клеронъ славилась какъ актриса на героическія роли въ трагедіяхъ Корнеля и Расина. Пушкинская-же актриса «безъ такта пѣла» «не въ попадъ», значитъ, выступала въ операхъ того времени и признавалась въ любви какимъ-то Милонамъ (рѣчь едва-ли о Фонъ-Визинскомъ Милонѣ), значитъ играла роль любовницъ въ чувствительныхъ пьесахъ сентиментальнаго репертуара.

«Къ Молодой Актрисѣ» при жизни Пушкина не печаталось и впервые появилось въ посмертномъ изданіи (т. IX, Спб., 1841, стр. 264—266). Нашъ текстъ кое въ чемъ отличается отъ этого, повторяющаго другими изданіями, текста, а также отъ текста Академическаго изданія. Руководствовались мы въ этихъ отступленіяхъ новѣйшими данными, сообщенными К. Я. Гротомъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1906, № 10, стр. 238—39. Подробнѣе см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста».

С. Венгеровъ.

22. КЪ МОЛОДОЙ АКТРИСѢ.

Ты не наслѣдница Клероны:
Не для тебя свои законы
Владѣлецъ Пинда начерталъ:
Тебѣ не много Богъ послалъ:
Твой голосокъ, тѣлодвиженья,
Нѣмыя взоровъ обращенья
Не стоятъ, признаюсь, похвалъ
И шумныхъ плесковъ удивленья;
Жестокой суждено судьбой
Тебѣ актрисой быть дурной.
Но, Хлоя, ты мила собой;
Тебѣ во-слѣдъ толпятся смѣхи,
Итакъ, вѣнцы передъ тобой,
И несомнительны успѣхи.

Ты плѣннымъ зрителя ведешь,
Когда безъ такта ты поешь,
Недвижно стоя передъ нами,
Поешь—и часто не въ-попадъ;
А мы усердными руками
Всѣ громко хлопаемъ; кричатъ:
Bravo! bravissimo! чудесно!
Свистки сатириковъ молчатъ,
И всѣ покорствуютъ прелестной.

Когда, въ неловкости своей,
Ты сложишь руки у грудей,
Или подымешь ихъ—и снова
На грудь положишь застыдясь;
Когда Милона молодаго,
Лепеча что-то не для насъ,
Въ любви безъ чувства увѣряешь
Или безъ памяти, въ слезахъ,
Холодный испуская ахъ!
Спокойно въ кресла упадаешь,
Краснѣя и чуть-чуть дыша,
Всѣ шепчутъ: ахъ! какъ хороша!
Увы, другую бъ освистали!
Велико дѣло красота!
О Хлоя, мудрые солгали:
Не все на свѣтѣ суета.

Плѣняй же, Хлоя, красотою!
Стократъ блаженъ любовникъ тотъ,
Который нѣжно предъ тобою
Осмѣлясь о любви поетъ,
Въ стихахъ и прозою на сценѣ
Тебя клянется обожать,
Кому ты можешь отвѣчать,
Не смѣя молвить объ измѣнѣ;
Блаженъ, кто можетъ роль забыть
На сценѣ съ миленькой актрисой,
Жать руку ей, надѣясь быть
Еще блаженнѣй за кулисой!

23. ОПЫТНОСТЬ.

Это стихотвореніе написано подъ очевиднымъ вліяніемъ французской анакреонтической поэзіи (образъ стучащагося у воротъ Эрота прямо заимствованъ у Анакреона), а также Батюшкова, при чемъ Пушкинъ повторяетъ и обычныя у послѣдняго риѳмы: любовь—оковъ—словъ. Основная его мысль выражается въ стихѣ: «Веселиться—мой законъ», отвѣчающемъ тому эпикурейскому взгляду на цѣль жизни, которымъ были проникнуты произведенія многихъ древнихъ и новѣйшихъ поэтовъ. Въ греческой антологіи найдется немало мотивовъ на эту тему. Напримѣръ: «Вотъ она, жизнь,—вотъ они, наслажденія жизни! Прочь, горе! Человѣкъ живетъ не долго. Ну-же, живѣй, вина, пѣвцовъ, цвѣточныхъ вѣнковъ, женщинъ! Сегодня я намѣренъ веселиться; что будетъ завтра—не знаетъ никто!» (Избранныя эпиграммы греческой антологіи, пер. В. Алексѣева, Спб., 1896, стр. 21, № 77). П. М.

Впервые напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1814, ч. 77, № 17, стр. 179, съ подписью: 1... 14—16 (1 соотвѣтствуетъ иниціалу имени—*А*. 14 и 16, вѣроятно, соотвѣтствуютъ цифровому значенію *П* и *П*, т. е. первой и послѣдней буквамъ подписи Пушкина подъ стихотвореніемъ, которымъ онъ дебютировалъ (см. стр. 71). При жизни Пушкина не перепечатывалось и впервые появляется вновь въ Анненковскомъ изданіи. Геннади и Ефремовъ внесли нѣкоторыя поправки, не указавъ, что дало основаніе дѣлать эти поправки (см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста»). Мы держимся текста и орѳографіи «Вѣстн. Европы». Ред.

24. БЛАЖЕНСТВО.

Какъ и предыдущее, это стихотвореніе навѣяно мотивами французскихъ анакреонтиковъ и Батюшкова и представляетъ варіацію на ту же тему: «Мигъ блаженства вѣкъ лови» (ср. извѣстное гораціевское выраженіе: carpe diem, quam minimum credula postera). Грустная пѣсня влюбленнаго пастушка, отвергнутаго жестокой Хлоей, какъ бы напоминаетъ другое лицейское стихотвореніе Пушкина—«Измѣны»:

Такъ, до могилы
Грустенъ, унылый
Крова ищи,
Всѣми забытый,
Терномъ увиты
Цѣпи влачи...

Но здѣсь утѣшителемъ страждущаго и учителемъ легкаго взгляда на жизнь является «Эрміевъ сынъ», спутникъ Діониса, Панъ (у римлянъ—Фавнъ),—рогатый, козлоногій, бородатый и обросшій шерстью богъ полей и лѣсовъ, сынъ Гермеса и аркадійской пастушки, дочери Дріопса. Этотъ веселый и шутливый «супругъ блудливыхъ козъ» проповѣдуетъ несчастному любовнику практическую мудрость «блаженства»: любовное горе топить въ винѣ, а съ похмелья утѣшаться любовью тамъ, гдѣ ее всего легче встрѣтить. Въ греческой антологіи вино, наоборотъ, является опаснымъ для человѣка союзникомъ любви, такъ какъ оно затмеваетъ разумъ: «Противъ Эрота я надѣлъ себѣ на грудь панцырь—разсудокъ. Одинъ на одинъ ему со мной не справиться... но если ему на помощь явится богъ вина,—что подѣлать мнѣ одному противу двухъ? (Избр. эпиграммы, стр. 21, № 79).

Имена «Хлои» и «Дориды», часто встрѣчающіяся и въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ Пушкина, унаслѣдованы имъ отъ старѣйшихъ нашихъ лириковъ (Хлою находимъ уже у Тредіаковскаго), которые въ свою очередь, заимствовали ихъ, конечно, у французскихъ поэтовъ. Неудачны риѳмы: въ весельи—исчезли, тихой—дикой, вздохомъ—рокомъ, наставленья—веселья. Характерна для тогдашняго произношенія риѳма: исчезъ—поднесъ.

П. Морозовъ.

Впервые напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1814, ч. 77, № 20, стр. 275, тоже съ подписью: 1... 14—16 (см. № 23). При жизни Пушкина, не перепечатывалось и впервые появилось вновь въ изд. Анненкова. Здѣсь стихотвореніе перепечатывается по тексту «Вѣстн. Европы» (см. въ концѣ тома «Исторія Пушкинскаго текста»). Ред.

25. ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

Это стихотвореніе, по своему складу, представляетъ подражаніе гремѣвшему въ ту пору по всей Россіи «Пѣвцу во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго (первый обра-

Изъ виньетокъ Эйзена (1720—1780).

23. ОПЫТНОСТЬ.

Кто съ минуту переможетъ
Хладнымъ разумомъ любовь,
Бремя тягостныхъ оковъ
Ей на крылья не возложетъ.
Пусть не смѣйся, не рѣзвись,
Съ строгой мудростью дружись:
Но съ разсудкомъ вновь заспоришь,
Хоть не радъ, но дверь отворишь,
Какъ проказливый Эротъ
Постучится у воротъ.

Испыталъ я самъ собою
Истину сихъ правыхъ словъ.
«Добрый путь! прости любовь!
«За богиню слѣпою,
«Не за Хлоей, полечу,
«Щастье, щастье ухвачу!»
Мнилъ я въ гордости безумной.
Вдругъ услышалъ хохотъ шумный,
Оглянулся.... и Эротъ
Постучался у воротъ.

Пусть! миѳъ, видно, не придется
Съ богомъ симъ въ размолвкѣ жить,
И покамѣстъ жизни нить
Старой Паркой тамъ прядется,
Пусть владѣетъ мною онъ!
Вѣселиться—мой законъ.
Смерть откроетъ гробъ ужасный,
Потемнѣютъ взоры ясны,
И не стукнется Эротъ
У могильныхъ узъ воротъ.

1... 14—16.

зещь этого размѣра данъ, впрочемъ, Жуковскимъ еще раньше, въ 1811 г., въ пѣснѣ: «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ»). На голосъ «Пѣвца» въ Лицеѣ распѣвались такъ называемыя «національныя» пѣсни, высмѣиванія профессоровъ и воспитателей, напр.:

Въ лицейскомъ залѣ—тишина,
Дяковинка межъ нами:
Друзья! Къ намъ лѣзетъ сатана
Съ лавицей за зубами!
Друзья! Сберемтеся гурьбой,
Дружнѣе въ руки палку,
Лавицу сплющимъ за щекой,
Дадимъ австрійцу свалку, и проч.

(Гротъ, Пушкинъ, 1901, стр. 239).

Но, помимо «національности», это подражаніе имѣло и литературный характеръ. Извѣстно, что Батюшковъ въ 1813 г. пародировалъ пѣсню Жуковскаго въ шуточномъ стихотвореніи «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ словенороссовъ». Эта пародія, о которой Пушкинъ вспоминаетъ въ своемъ «Городкѣ», перечисляя содержаніе «завѣтной тетради», послужила ближайшимъ образцомъ для «Пирующихъ студентовъ» и даже подсказала заключительныя строки этого стихотворенія: у Батюшкова гр. Хвостовъ останавливаетъ сошнаго и уходящаго, понатываясь, посѣтителя Бесѣды» словами:

Дай, басню я прочту одну
И послѣ распрощаюсь.

Въ «Пирующихъ студентахъ» воспѣвается одна изъ тѣхъ товарищескихъ попоекъ, которыя, по замѣчанію Гаевскаго, происходили чаще въ воображеніи поэта, нежели въ дѣйствительности,—хотя иногда имѣли мѣсто и на самомъ дѣлѣ. Я. К. Гротъ (Пушкинъ, стр. 13—14) передаетъ, что Пушкинъ, по сохранившемуся въ Лицеѣ преданію, не былъ любимъ большинствомъ своихъ товарищей: причиною тому былъ нѣсколько задорный характеръ его и остроуміе, которое иногда разыгрывалось на счетъ другихъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ, однако жъ, именно—съ тѣми, которые лучше понимали его и охотно прощали ему рѣзкія выходки, онъ былъ связанъ тѣсною дружбой, не охладѣвшею до конца его жизни. Къ этому-то кружку близкихъ товарищей онъ и обращается въ своемъ стихотвореніи, а «президентомъ» этой дружеской компаніи избираетъ профессора Главнаго Педагогическаго Института Александра Ивановича Галича, который временно, съ мая 1814 по іюнь 1815 г., преподавалъ въ Лицеѣ русскую и латинскую словесность вмѣсто заболѣвшаго Коппанскаго и къ своимъ ученикамъ относился какъ старшій товарищъ. Иногда, по вечерамъ, лицеисты собирались въ комнатѣ, отведенной Галичу для его пріѣздовъ въ Царское Село, и здѣсь, какъ можно заключить изъ посланій къ нему Пушкина, дѣло не ограничивалось одною «трезвою бесѣдою», тѣмъ болѣе, что и самъ профессоръ не былъ строгимъ постникомъ... (См. дальше особую статью о Галичѣ).

Изъ числа сверстниковъ Пушкина, «первенцевъ» Лицея, упомянаемыхъ въ этомъ стихотвореніи, первое мѣсто, въ порядкѣ строфъ, занимаетъ «спартанецъ» Владиміръ Дмитріевичъ Вольховскій. Онъ поступилъ въ Лицей изъ числа отличнѣйшихъ воспитанниковъ московскаго университетскаго пансіона и во все время продолжалъ заниматься съ особеннымъ прилежаніемъ, такъ что сами его товарищи передъ выпускомъ пѣли:

Покровительствомъ Минервы
Пусть Вольховскій будетъ первый.

Эти стихи, быть можетъ, Пушкинымъ же и придуманные, конечно, вспомнились ему, когда онъ, въ первоначальной редакціи «19 октября 1825 г.», началъ одну изъ строфъ такъ:

Спартанскою душой плѣняя насъ,
Воспитанный суровою Минервой,
Пускай опять Вольховскій будетъ первый...

При выпускѣ Вольховскій, дѣйствительно, получилъ первую золотую медаль. Скромный и тщедушный, онъ, однако же, и надъ болѣе способными товарищами бралъ верхъ трудомъ и желѣзною волей. Чтобы успѣшнѣе работать, онъ сокращалъ часы сна и налагалъ на себя добровольный постъ, лишая себя по цѣлымъ недѣлямъ мяса, пирожнаго, чаю; чтобы упражнять тѣлесныя силы, взваливалъ иногда себѣ на плечи два толстѣйшіе словари; чтобы болѣе успѣвать въ верховой ѣздѣ, во время приготовленія учебныхъ уроковъ садился верхомъ на стулъ и соблюдалъ правильную кавалерійскую посадку; наконецъ, чтобы усовершенствоваться въ произношеніи, онъ, подобно Демосѳену, клалъ въ ротъ каменки и отправлялся декламировать на царскосельское озеро. Всѣ эти странности и усилія надъ самимъ собою доставили Вольховскому два товарищескихъ прозвища: «Суворочка» и «Sapientia».

ВИНО.

Рисунокъ и гравюра Bartolozzi.

24. БЛАЖЕНСТВО.

Въ рощѣ сумрачной, тѣнистой,
Гдѣ журча въ травѣ душистой,
Свѣтлый бродитъ ручеекъ,
Ночью на простой свирѣли
Пѣлъ влюбленный пастушокъ;
Томный гулъ, уныλы трели
Повторялъ въ глуши долинъ...

Вдругъ, изъ глубины пещеры
Чтитель Вакха и Венеры,
Рѣзвыхъ Фавновъ господинъ,
Выбѣжалъ Эрміевъ сынъ.
Розами рога обвиты,
Плющъ на черныхъ волосахъ,
Козій мѣхъ, виномъ налитый,
У Сатира на плечахъ.
Богъ лѣсовъ въ дугу склонившись
Надъ искривленной клюкой,
За кустами притаившись,
Слушалъ пѣсенки ночной,
Въ ладъ качая головой. —

«Дни, протекшіе въ весельи!
«Пѣлъ въ тоскѣ пастухъ младой,
«Отъ чего, явись мечтой,
«Вы, какъ тѣнь, отъ глазъ изчезли
«И покрылись вѣчной тьмой?
«Ахъ! когда во мракѣ нощи,
«При таинственной лунѣ
«Въ тѣни сѣнь прохладной рощи,
«Сладко спящей въ тишинѣ,
«Медленно, рука съ рукою,
«Съ нѣжной Хлоей приходилъ,
«Кто сравниться могъ со мною?
«Хлоѣ былъ тогда и милъ!
«А теперь мнѣ жизнь—могила,
«Бѣлый свѣтъ душѣ постылъ,
«Грустенъ лѣсъ, потокъ уныλъ...
«Хлоя другу измѣнила!...
«Я для милой... ужъ не милъ!..»

Звукъ изчезъ свирѣли тихой:
Смолкъ пѣвецъ—и тишина

Выпущенный изъ Лицея въ гвардію, Вольховскій не побоялся подвергнуться еще разъ экзамену и избралъ мѣстомъ своей службы генеральный штабъ, въ который иначе, какъ по экзамену, не принимали. Отсюда начинается рядъ его служебныхъ успѣховъ. Въ 1820 году, въ чинѣ поручика, онъ былъ командированъ въ Бухару, въ императорской миссіи подъ начальствомъ Негри и по возвращеніи оттуда, черезъ годъ, имѣлъ личный докладъ у государя. Въ 1826 г. онъ былъ назначенъ состоять при генералъ-адъютантѣ Паскевичѣ, при которомъ впослѣдствіи игралъ важную роль, такъ что ему даже приписывали часть успѣховъ и славы знаменитаго полководца. Подъ начальствомъ Паскевича онъ участвовалъ въ персидской кампаніи и не разъ отличался въ военныхъ дѣйствіяхъ, а въ началѣ 1828 г. былъ откомандированъ къ шаху, въ Тегеранъ, и твердостью своею способствовалъ къ побужденію персидскаго правительства уплатить обѣщанные 10 мил. р. контрибуціи. Впослѣдствіи онъ принималъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ возставшихъ поляковъ, а по окончаніи польской кампаніи былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса. Здѣсь онъ опять быстро двинулся по службѣ и, между прочимъ, принималъ участіе въ четырехъ экспедиціяхъ и въ нѣсколькихъ опасныхъ дѣлахъ. Кромѣ того, онъ занимался своимъ матеріаловъ для составленія проекта положенія о горцахъ. Съ 1832 г. онъ служилъ подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Родена и въ ноябрѣ того же года былъ назначенъ начальникомъ штаба Кавказскаго корпуса; но когда, въ 1837 г., государь лично посѣтилъ Закавказье и при этомъ главноуправляющему краемъ были приписаны разныя упущенія, то невзгода постигла и начальника его штаба. Вольховскій былъ переведенъ бригаднымъ командиромъ въ западный край, а такъ какъ съ этимъ вмѣстѣ онъ попалъ подъ начальство нерасположеннаго къ нему Паскевича, то и долженъ былъ выйти въ отставку. Онъ былъ уволенъ отъ службы въ февралѣ 1839 г. и поселился въ своей деревнѣ, въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, по сосѣдству съ лицейскимъ товарищемъ Малиновскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ. Умеръ онъ 7 марта 1841 г. (Гротъ, Пушкинъ, 71—73).

Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ.
въ лицейскую пору.

Въ строфѣ 3-й названы Дельвигъ и «любезный острякъ» Илличевскій, получившій это прозвище за свои многочисленныя каррикатуры и эпиграммы на лицейскую злобу дня, изъ которыхъ нѣкія сохранились въ рукописномъ журналѣ того времени «Лицейскій Мудрецъ». Илличевскій въ лицейскую пору своей жизни былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ литераторовъ-стихотворцевъ и одно время даже соперничалъ съ Пушкинымъ, хотя и признавалъ его превосходство надъ собою и говорилъ, что многимъ ему обязанъ. Съ Пушкинымъ онъ былъ очень близокъ, и въ лицейской тетради стихотвореній поэта многія переписаны мелкимъ, краснымъ почеркомъ Илличевскаго, въ томъ числѣ — и «Пирующіе студенты». (См. дальше особую статью о немъ).

Въ строфѣ 4-й упоминается «сіятельный повѣса» — графъ Сильвестръ Францевичъ Брольо (или, какъ тогда писали, Броліо), сынъ французскаго эмигранта. Пушкинъ называетъ его «красавцемъ», но гр. Корфъ въ своихъ лицейскихъ воспоминаніяхъ (Гротъ, Пушкинъ, 253) даетъ о немъ нѣсколько иной отзывъ: «Крайне ограниченный въ способностяхъ, при томъ порядочный повѣса и очень вспыльчивый, онъ сталъ при выпускѣ, помнится, послѣднимъ, и отличался только тѣмъ, что былъ косоглазъ и лѣнивъ». Пущинъ въ своихъ запискахъ передаетъ, что Брольо, выйдя изъ Лицея въ армейскіе офицеры, уѣхалъ во Францію, а впослѣдствіи принялъ участіе въ борьбѣ за освобожденіе Греціи, гдѣ и былъ убитъ въ 1829 г.

ПУШКИНЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ЛИЦЕѢ.

Рисовалъ либо лицейскій гувернеръ Чириковъ, либо К. Брюловъ.
Гравюра Гейтмана, приложенная къ «Кавказскому Плѣннику» (Спб. 1822).

ПУШКИНЪ ВЪ ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ЦАРСК.

Рисовалъ масл. живописецъ Дарьинскій. грав. П. Брюловъ.

Гравюра Гейтмана, приложенная къ «Всемірной Иллюстраціи» (Спб. 1873).

Е. Гейтманъ

Александръ Пушкинъ

Воцарилась въ рощѣ дикой;
Слышно, плещетъ лишь волна
И колышетъ повеликой
Тихо-вѣющій зефиръ:— —
Древъ оставя сѣнь густую,
Вдругъ является Сатиръ,
Чашу дружбы круговую
Пѣнистымъ сребря виномъ,
Рекъ съ осклабленнымъ лицомъ:

«Ты унылъ, ты сердцемъ мраченъ;
Посмотри жъ, какъ сокъ прозраченъ
Блещетъ, освѣтясь луной!
Выпей чашу — и душой
Будешь такъ же чистъ и ясенъ.
Вѣрь мнѣ:—стонъ въ бѣдахъ напрасенъ.
Лучше, лучше веселись,
Въ горѣ съ Бахусомъ дружись!»

— И пастухъ, взявъ чашу въ руки,
Скоро выпилъ всю до дна.
О могущество вина!
Вдругъ сокрылись скорби, муки,
Мракъ душевный вмигъ изчезъ!
Лишь фіялъ къ устамъ поднесъ,
Все мгновенно премѣнилось,
Вся природа оживилась:
Щастливъ юноша въ мечтахъ!
Выпивъ чашу золотую,
Наливаетъ онъ другую:
Пьетъ ужъ третью... но въ глазахъ
Видъ окрестной потемнился —
И нещастный... утомился.
Томну голову склоня,
«Научи, Сатиръ, меня»,
Говоритъ пастухъ со вздохомъ,
«Какъ могу бороться съ рокомъ?
Какъ могу щастливымъ быть?
Я не въ силахъ вѣчно пить».

— Слушай, юноша любезный,
Вотъ тебѣ совѣтъ полезный:
Мигъ блаженства вѣкъ лови:
Помни дружбы наставленья:
Безъ вина здѣсь нѣтъ веселья,
Нѣтъ и щастья безъ любви;
Такъ поди жъ теперь съ похмѣлья,
Съ Купидономъ помирись;
Позабудь его обиды,
И въ объятіяхъ Дориды
Снова щастьемъ насладись!

1.... 14 — — 16.

Концовка Le barbier (18 вѣкъ).

Въ 5-й строфѣ поэтъ обращается къ любимому своему товарищу, Ивану Ивановичу Пущину, которому, въ слѣдующемъ году, онъ написалъ особое посланіе, и который впослѣдствіи, во время вынужденнаго пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ, первый посѣтилъ его тамъ. (О немъ дальше особая статья).

Строфа 6-я посвящена Михаилу Лукьяновичу Яковлеву (род. 1798, ум. 1868), который отличался всегда веселымъ нравомъ, за что и получилъ товарищескую кличку «Панса», а также былъ хорошимъ музыкантомъ и нѣвцомъ. Въ Лицеѣ Яковлевъ, увлекаясь примѣромъ другихъ товарищей-стихотворцевъ, написалъ нѣсколько басенъ и послалъ ихъ издателю «Россійскаго Музеума». Вл. Измайлову, который, однако, ихъ не напечаталъ. Вѣроятно, въ словахъ Пушкина: «плохо басни пишешь» заключается намекъ на эту неудачную попытку «прославиться». По выходѣ изъ Лицея, онъ на всю жизнь остался пламеннымъ чтителемъ лицейскихъ преданій и усерднымъ собирателемъ всякихъ документовъ и воспоминаній о первыхъ годахъ этого учебнаго заведенія: у него же обыкновенно устраивались и «лицейскія годовщины» 19 октября, за что товарищи прозвали его «лицейскимъ старостой». До конца жизни Пушкина Яковлевъ сохранилъ съ поэтомъ самыя близкія, дружескія отношенія. Онъ, между прочимъ, положилъ на музыку нѣсколько романсовъ Пушкина, издаваемыхъ и до сихъ поръ («Признаніе», «Зимній Вечеръ», «Слеза»), а въ 1834 г., будучи директоромъ типографіи II Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, наблюдалъ за печатаніемъ «Исторіи Пугачевскаго бунта» и даже собственноручно переписалъ сочиненное Пушкинымъ для этой книги предисловіе.

Въ 7-й строфѣ изображается пылкій товарищъ, видимо, увлекавшійся подвигами казаковъ и ихъ атамана Платова въ отечественную войну и, вѣроятно, самъ мечтавшій надѣть, по окончаніи лицейскаго курса, «казачью пашку». Это былъ Иванъ Васильевичъ Малиновскій, сынъ перваго директора Лицея, старшій по возрасту изъ всѣхъ первокурсниковъ: ему, при поступленіи въ Лицей, было уже лѣтъ 16. Прозванный среди товарищей «казакомъ» (съ этимъ прозвищемъ онъ является у Пушкина и въ стихотвореніи «19 октября 1825»), Малиновскій, дѣйствительно, вышелъ изъ Лицея въ военную службу, но затѣмъ скоро покинулъ ее и доживалъ свой вѣкъ въ Харьковской деревнѣ (ум. 1873). Съ нимъ и Пущинымъ Пушкинъ въ лицейскую пору былъ особенно друженъ: ихъ обоихъ вспомнилъ онъ и на смертномъ одрѣ, сказавъ: «Какъ жаль, что нѣтъ здѣсь ни Пущина, ни Малиновскаго: мнѣ бы легче было умирать...»

Въ 8-й строфѣ «милый нѣвецъ, любимый Аполлономъ»,—Николай Александровичъ Корсаковъ, отличавшійся среди товарищей своими музыкальными способностями. По выходѣ изъ Лицея, онъ былъ причисленъ къ русскому посольству въ Италіи и умеръ отъ чахотки во Флоренціи, въ 1820 г. Пушкинъ написалъ на его смерть стихотвореніе «Гробъ юноши». Братъ Корсакова, Петръ Александровичъ, былъ впослѣдствіи цензоромъ и издавалъ обскурантскій журналъ «Маякъ Просвѣщенія и Благотворенія». Другой его братъ, Михаилъ, унаслѣдовалъ отъ своего тестя, кн. Гондукова, умершаго безъ мужескаго потомства, княжескій титулъ и дополнительную фамилію и былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа (это—тоже воспѣтый Пушкинымъ «князь Дундукъ»).

Въ 9-й строфѣ поэтъ снова обращается къ М. Л. Яковлеву, сравнивая его съ знаменитымъ скрипачемъ того времени, Пьеромъ Роде (1774—1830), который пріѣхалъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ Буальде, въ 1803 г. и пробылъ здѣсь 5 лѣтъ, пользуясь огромнымъ успѣхомъ. Сочиненные имъ 12 скрипичныхъ концертовъ разыгрывались всѣми скрипачами, а въ томъ числѣ, вѣроятно, и Яковлевымъ, который въ ту пору учился играть на скрипкѣ.

Наконецъ, въ послѣдней строфѣ названъ Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, надъ которымъ Пушкинъ вмѣстѣ съ Илличевскимъ постоянно издѣвались за его страсть къ стихотворству и плохое знаніе русскаго языка. (См. дальше статью о немъ).

Пущинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ (изд. въ сборникѣ Л. Н. Майкова «Пушкинъ», Спб. 1899) о первомъ чтеніи «Пирующихъ студентовъ» ихъ авторомъ. «Поэтъ былъ въ лазаретѣ и пригласилъ насъ прослушать эту пѣсу. Послѣ вечернято чая мы пошли къ нему гурьбой, съ гувернеромъ Чирковымъ. Началось чтеніе... Вниманіе общее, тишина глубокая но временамъ только прерывается восклицаніями. Кюхельбекеръ просилъ не мѣшать: онъ былъ весь тутъ, въ полномъ упоеніи. Доходитъ дѣло до послѣдней строфы. Мы слышимъ:

25. ПИРУЮЩІЕ СТУДЕНТЫ.

Друзья! досужный часъ насталь,
Все тихо, все въ покоѣ:
Скорѣе скатерть и бокаль!
Сюда вино златое!
Шипи, шампанское, въ стеклѣ,
Друзья! почто же съ Кантомъ
Сенека, Тацитъ на столѣ,
Фольянтъ надъ фоліантомъ?
Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ!
Мы полемъ овладѣемъ!
Подъ столъ ученыхъ дураковъ—
Безъ шуму мы пить умѣемъ!
Ужели трезваго найдемъ
За скатертью студента?
На всякій случай изберемъ
Скорѣе президента:
Въ награду пьянымъ онъ нальетъ
И пуншъ, и грогъ душистой;
А вамъ, Спартанцы! поднесетъ
Воды въ стаканѣ чистой.
Анастасъ нѣти и прохладъ,
Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
Главу вѣнками убери—
Будь нашимъ президентомъ,
И будутъ самые Цари
Завидовать студентамъ.
Дай руку, Дельвигъ! что ты спишь?
Проснись, лѣнивецъ сонный,
Ты не подъ кабардой сидишь,
Латынью усыпленный.
Взгляни! здѣсь кругъ твоихъ друзей,
Бутыль виномъ налита—
За здравье нашей Музы ней,
Парнасской колокита!
Острякъ любезный! по рукамъ!
Полнѣй бокалъ досуга,
И вылей сотню эпиграммъ
На недруга и друга!
А ты, красавецъ молодой,
Сіятельной повѣса!
Ты будешь Вакха жрецъ лихой,
На прочее—завѣса!
Хотя студентъ, хотя и пьянъ,
Но скромность почитаю:
Придвинь же нѣнистый стаканъ—
На брань благословляю.
Товарищъ милой, другъ прямой!
Тряхнемъ рукою руку.
Оставимъ въ чашѣ круговой
Печалямъ сроду скуку.
Не въ первой разъ мы вмѣстѣ пьемъ,
Перѣшко и брашемся,
По чашу дружества нальемъ
И тотчасъ помиримся.
А ты, который съ нѣтскихъ лѣтъ
Однимъ весельемъ дышешь,
Забавный, право, ты поэтъ,
Хоть плохо басни пишешь.
Съ тобой тасуюсь безъ чиновъ,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краевъ,
Разсудокъ, Богъ съ тобою!
А ты, повѣса изъ повѣсъ,
На шалости рожденный,
Удалый хватъ, головорѣзъ,
Пріятель задушевный!
Бутылки, рюмки разобьемъ
За здравіе Платова,
Въ казачью шапку пуншъ нальемъ—
И пить давайте снова..
Приближься, милой нашъ нѣвецъ,
Любимый Аполлономъ,
Косной властителя сердецъ
Гитары тихимъ звономъ:
Какъ сладостно въ стѣсненну грудь
Томленье звуковъ льется:
Но мнѣ ли страстью воздохнуть?
Нѣтъ! пьяный лишь смѣется.
Не лучше ль, Роде записной!
Въ честь Вакховой станицы
Теперь скрипѣть тебѣ струной
Разстроенной скрипицы?
Запойте хоромъ, господа!
Нѣтъ нужды, что нескладно:
Охрипли?.. это не бѣда:
Для пьяныхъ все вѣдь ладно.
Но что, я вижу все вдвоемъ:
Двоится штофъ съ аракомъ,
Вся комната пошла кругомъ,
Покрылись очи мракомъ.
Гдѣ вы, товарищи? гдѣ я?
Скажите Вакха ради.
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради.
Писатель! за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ! прочти свои стихи—
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе.

Писатель, за свои грѣхи
Ты съ виду всѣхъ трезвѣе:
Вильгельмъ! Прочти свои стихи,
Чтобъ мнѣ заснуть скорѣе!

При этомъ возгласѣ публика забываетъ поэта, стихи его, бросается на бѣднаго метромана, который, растаявши подъ вліяніемъ поэзіи Пушкина, приходитъ въ совершенное одурѣніе отъ неожиданной эпиграммы и нашего дикаго натиска. Добрая душа былъ этотъ Кюхельбекеръ! Опомнившись, просилъ онъ Пушкина еще разъ прочесть, потому что и тогда уже плохо слышалъ однимъ ухомъ, испорченнымъ золотухой...»

П. Морозовъ.

«Пирующіе Студенты» при жизни Пушкина не печатались, хотя нѣкоторыя детали оригинала, напримѣръ, то, что Галичъ не названъ по имени, а упомянутъ въ подлинной рукописи такъ:

Мой добрый Г—vale

какъ будто указываютъ, что Пушкинъ собирался отдать стихотвореніе въ печать.

Несмотря на то, что сохранился автографъ «Пирующихъ Студентовъ» и притомъ въ относительно чистомъ (вѣроятно, поздѣйшемъ переписанномъ) видѣ, установленіе текста представляетъ затрудненія. Подробнѣе см. въ концѣ тома, въ статьѣ «Исторія Пушкинскаго текста»; здѣсь же отмѣтимъ только исторію страннаго слова *тасуюсь*, породившаго рядъ недоразумѣній.

Въ посмертномъ изданіи стихъ напечатанъ такъ, что его понять нельзя:

Съ тобои тосуюсь безъ чиновъ.

Анненковъ устранилъ безсмысленную передѣлалъ *тосуюсь* въ *тостуюсь*, т. е. провозглашаю тостъ. Передѣлка крайне неудачная, потому что глагола т о с т о в а т ь с я не существуетъ. Тѣмъ не менѣе эта передѣлка перешла въ изд. Геннади и Ефремова, и только Гаевскій, редактировавшій отдѣлъ Лицейскихъ стихотвореній въ изданіи Литературнаго фонда 1887 г., руководствуясь автографомъ, правильно написалъ *тасуюсь*.

Въ примѣчаніяхъ къ своей книгѣ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (Спб., 1899 стр. 267) покойный Я. К. Гротъ писалъ:

Въ обращеніи къ Яковлеву въ Пирующихъ Студентахъ» трети стихъ:

Съ тобои тасуюсь безъ чиновъ

требуетъ нѣкотораго объясненія. По чтенію Анненкова, Геннади и г. Ефремова, онъ напечатанъ: въ такомъ видѣ:

Съ тобой т о с т у ю с ь безъ чиновъ.

Въ изданіи же Литературнаго фонда читаемъ:

Съ тобой т а с у ю с ь безъ чиновъ.

Разность эта произошла отъ того, что въ автографѣ, который недавно воспроизведенъ при брошюрѣ «29 января 1887 г.», изданной Александровскимъ лицеемъ, подчеркнутое слово написано неясно: въ немъ первая гласная болѣе походитъ на о, чѣмъ на а; а такъ какъ слова тосуюсь нѣтъ, то и пришлось отгадывать, что хотѣлъ сказать поэтъ. Слова тостуюсь также нѣтъ, но оно можетъ быть образовано и въ значеніи нью съ кѣмъ-нибудь тостъ или чокаюсь было бы здѣсь умѣстно; слово тасоваться есть, но оно обыкновенно употребляется только въ примѣненіи къ картамъ: карта затасовалась, колода истасовалась (см. словарь Даля). Едва ли оно можетъ быть употреблено въ смыслѣ взаимнаго глагола, когда рѣчь идетъ о людяхъ. Впрочемъ, предоставляю рѣшить этотъ вопросъ лицамъ, болѣе меня свѣдущимъ въ карточной терминологіи».

Никакъ нельзя согласиться, что въ лицейскомъ автографѣ спорное слово написано неясно. Оно, напротивъ того, достаточно отчетливо выписано, въ доказательство чего приводимъ снимокъ всей строфы.

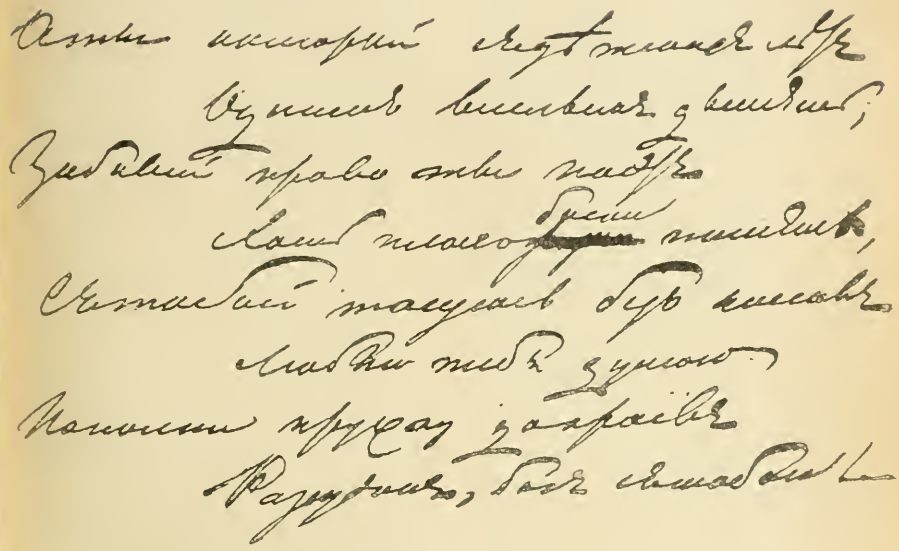
Процитировавъ только что приведенное примѣчаніе Грота, Л. Н. Майковъ (въ 1 т. Академ. изданія) сопровождаетъ его слѣдующимъ поясненіемъ, къ которому можно было бы всецѣло присоединиться, если бы не грубая ошибка въ концѣ:

«Примѣчаніе это не можетъ быть оставлено безъ объясненій. Прежде всего должно замѣтить, что именно въ данномъ случаѣ обращеніе къ знатокамъ карточной терминологіи было бы совершенно безполезно, такъ какъ дѣло идетъ объ употребленіи слова т а с о в а т ь не примѣнительно къ картамъ, а въ другихъ смыслахъ. Далѣе, ссылка Грота на словарь Даля не полна: кромѣ тасованія картъ, Даль указываетъ еще такія выраженія: 1 т а с о в а т ь людей или людьми, что значитъ: помыкать подчиненными, мѣшать людей произвольно, и 2 т а с о в а т ь т о в а р ы, то-есть мѣнять товаръ разнаго достоинства. Выраженіе т а с о в а т ь людей указано и академическимъ словаремъ 1847 года. Впрочемъ, нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что коренное значеніе слова т а с о в а т ь относится къ картамъ, и что, подобно другимъ карточнымъ терминамъ, это слово заимствовано съ польскаго tasować, что прежде всего значитъ: мѣшать карты. Какъ бы то ни было, выраженіе Пушкина:

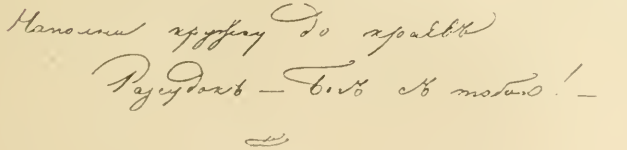
Съ тобои тасуюсь безъ чиновъ,

въ смыслѣ: обращаюсь, можусь съ тобой безъ чиновъ—можетъ быть признано только рѣдкимъ или малоупотребительнымъ, но никакъ не неправильнымъ. Что же касается написанія слова, о которомъ идетъ рѣчь, то Пушкинъ, по крайней мѣрѣ въ лицейскіе годы, дѣйствительно писалъ его неправильно—съ *о*, а не съ *а* въ первомъ слогѣ;

Строфа 8 по автографу, находящемуся въ Пушкинскомъ музеѣ при Александровскомъ лицеѣ.



Конецъ 8 строфы по рукописи Румянцевскаго музея (почеркъ Илличевскаго).



если въ автографѣ, факсимилированномъ въ брошюрѣ «29 января 1887 года», данное слово читается неясно, то въ другомъ автографѣ «Пирующихъ студентовъ», въ рукописи Московскаго Публичнаго музея, л. 39, оно очень отчетливо написано т о с у ю с ь».

Несомнѣнно, что въ рукописи Румянцевскаго музея написано очень ясно *тоскуюсь* (см. снимокъ на 141 стр.). Но дѣло то въ томъ, что рукопись не Пушкина. На Румянцевской рукописи кое-гдѣ есть п о п р а в к и Пушкина (См. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста»), но писана она совсѣмъ не его рукою, а рукою Илличевскаго (ср. его почеркъ въ статьѣ о немъ). Въ 1897—98 гг., когда Майковъ работалъ надъ I т. Акад. изданія, онъ еще мало освоился съ почеркомъ Пушкина, до того мало, что въ Пушкинскомъ альбомѣ далъ снимокъ якобы съ автографа «Пѣсни» (у насъ называется «О, Делія драгая, стр. 63), между тѣмъ, какъ этотъ автографъ и отдаленнѣйшимъ образомъ не напоминаетъ Пушкина (См. снимокъ съ этого мнимаго автографа въ концѣ тома, въ ст. «Исторія Пушкинскаго текста»).

Въ недавно опубликованныхъ К. Я. Гротомъ выдержкахъ изъ авторитетной тетради Матюшкина о ней въ концѣ тома) тоже весьма опредѣленно написано *тоскуюсь* («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., № 10).

С. Вѣнгеровъ.

26. КЪ БАТЮШКОВУ.

Пьеса написана въ 1814 году, а личное знакомство автора съ К. Н. Батюшковымъ относится къ началу 1815 года [1]; слѣдовательно, Пушкинъ зналъ «радости пѣвца» только по немногочисленнымъ стихотвореніямъ, разбросаннымъ въ немногихъ тогдашнихъ журналахъ, и по нѣкоторымъ пьесамъ, ходившимъ по рукамъ въ рукописяхъ. Весьма возможно, что кое-что зналъ онъ о Батюшковѣ отъ дяди своего В. Л. Пушкина.

Содержаніе стихотворенія лучше всего подтверждаетъ вышесказанное. Называть 28-милѣтняго Батюшкова «мечтательнымъ» и «юношей» могъ Пушкинъ, конечно, потому, что не зналъ лично его.

1 Предположеніе проф. Халанскаго о знакомствѣ Пушкина съ Батюшковымъ въ 1810 г.— только предположеніе. См. Харьков. унив. сборникъ въ память А. С. Пушкина, стр. 401—402.

Но, ошибаясь въ представленіи личности Батюшкова, лицеистъ-Пушкинъ прозорливо угадывалъ по немногимъ и далеко не выдающимся стихотвореніямъ изящный талантъ поэта, «русскаго Парни», котораго избралъ себѣ образцомъ.

Въ первыхъ 50-ти стихахъ пьесы находимъ восторженное сочувствіе поэта-лицеиста къ антологическимъ стихотвореніямъ Батюшкова, избравшаго для себя образцами, съ одной стороны—Горація и Тибула, съ другой—Вольтера и Парни. Имя Лилеты, упоминаемое въ 29 стихѣ, взято изъ «Мошъ Пенатовъ» Батюшкова:

> И ты моя Лилета,
> Въ смиренный уголокъ
> Приди подъ вечерокъ
> Тайкомъ, переодѣта.
> Въ убожествѣ съ тобой
> Мнѣ милъ нарядъ простой
> Безъ злата милъ и красенъ
> Лишь прелестью твоей.

Въ стихахъ 39—50 находится намекъ на стихотвореніе Батюшкова «Веселый часъ», напечатанное впервые въ Вѣстникѣ Европы 1810 г., ч. XLIX, № 4, февраль, стр. 280—285 и посвященное воспоминанію о дружескомъ кружкѣ князя П. А. Вяземскаго въ Москвѣ. Постоянными гостями въ этомъ веселомъ кружкѣ были В. А. Жуковскій, В. Л. Пушкинъ и К. Н. Батюшковъ; рѣже появлялись А. М. Пушкинъ, Л. В. Давыдовъ, Д. П. Свѣрминъ, С. Н. Марминъ и гр. Мих. Юр. Вьельгорскій, сочинявшій музыку для куплетовъ, которые пѣлись на ужинахъ. Надо думать, что юный Пушкинъ слыхалъ объ этихъ дружескихъ сходкахъ отъ дяди, участника ихъ, Василія Львовича Пушкина. Это было ядро, изъ котораго всворѣ образовался знаменитый «Арзамасъ» (о немъ будетъ особая статья).

Убѣждая Батюшкова писать въ анакреонтическомъ родѣ, юный лицеистъ, имѣвшій съ тѣмъ, въ стихахъ 51—59 высказываетъ ожиданіе отъ него и стихотворенія во славу войны, при чемъ намекаетъ на «Воспоминанія 1807 г.», стихотвореніе, появившееся въ Вѣстникѣ Европы 1809 г. ч. XLVIII, № XXI, ноябрь, стр. 28—31. Въ этой элегіи Батюшковъ вспоминаетъ о сраженіи русскихъ съ французами при мѣстечкѣ Гейльсбергѣ 1807 г., 29 марта, о тяжкой ранѣ, полученной имъ въ этомъ сраженіи, и о семействѣ Мюгеля въ Ригѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ тяжкой болѣзни.

Въ остальной части стихотворенія (ст.

61—92) Пушкинъ говоритъ о сатирическихъ пьесахъ Батюшкова, именно о его пьесѣ «Видѣніе на берегахъ Леты». Эта пьеса, написанная осенью 1809, ходила въ рукописи по рукамъ и надѣлала много шума въ литературныхъ кружкахъ. Литературная сатира, выводящая въ карикатурномъ видѣ представителей стараго, дурного вкуса въ литературѣ, эта пьеса занимала самого автора и интересовала современниковъ, хотя онъ и не придавалъ большого значенія этой шуткѣ: «Этакіе стихи слишкомъ легко писать, и чести большой не приносятъ», говорилъ онъ въ письмѣ къ В. В. Гнѣдичу отъ 1 ноября 1809 г. (см. сочиненія Батюшкова, ред. А. Майкова, т. III, стр. 55). Указанные стихи изъ стихотворенія Пушкина ясно свидѣтельствуютъ, что юный поэтъ-лицеистъ, напротивъ того, придавалъ большое значеніе сатирическимъ пьесамъ Батюшкова, направленнымъ противъ бездарныхъ писателей старой школы. Кромѣ «Видѣнія на берегахъ Леты», Пушкину, несомнѣнно, было извѣстно и другое сатирическое стихотвореніе Батюшкова «Пѣвецъ въ Бесѣдѣ славянороссовъ», написанное въ 1813 году и также ходившее по рукамъ въ спискахъ. Сочувствуя сатирическимъ нападкамъ Батюшкова на литературныхъ старовѣровъ, юный Пушкинъ не удержался отъ осужденія его за запоздалую насмѣшку надъ Тредьяковскимъ. Слова Пушкина «въ столь часто рушимомъ покоѣ» прямо указываютъ на «Видѣніе», въ которомъ трижды упоминается имя Тредьяковскаго, и которое Пушкинъ считалъ «умнымъ и смѣшнымъ» много лѣтъ спустя: въ 1826—1827 г.г., когда находилъ вообще шутки Батюшкова неудачными. См. Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Біографич. матер. и историко-литер. очерки. Спб. 1899 г., стр. 286 и 293.

Подъ Грифоломъ, «морящимъ насъ со скуки», несомнѣнно, разумѣется гр. Д. И. Хвостовъ, пресловутый метромантъ, столь охотно читавшій, часто печатавшій и охотно дарившій свои стихотворенія всякому желающему. О немъ будетъ дана особая статья. Ползкомъ ползущу—выпучиваніе тяжеловѣснаго, въ стилѣ Тредьяковскаго слога Хвостова.

Висковатовъ Степанъ Ивановичъ (род. въ 1786 г., умеръ въ 1831 г.), плохой стихотворецъ и переводчикъ нѣсколькихъ псевдо-классическихъ трагедій. Мелкія его стихотворенія собраны въ книгѣ: «И моя лира» (Спб. 1806 г.). Изъ его трагедій играны и напечатаны: «Ксенія и Темиръ» (Спб. 1809 г.), «Радамистъ и Зенобія» (Спб. 1810 г., изъ Кребильона), «Гамлетъ» (Спб. 1811 г., съ перед. Дюси), «Пшемыслъ» (Спб. 1812 г., подр. Лемьеру). Играны, но не напечатаны: «Инеса де-Кастро» (1810 г., изъ Ламотта), «Всеобщее ополченіе» (1812), «Царица Амазонская» 1813), «Владиміръ Мономахъ» (1816 г.), «Спартакъ, герой Германіи» (1814) и «Радость молдаванъ или побѣда» (1828 г.). Онъ былъ членомъ «Бесѣды любителей русскаго слова». Его трагедія «Радамистъ и Зенобія» подверглась строгому разбору и порицанію со стороны Жуковскаго (соч., изд. 8-е, т. V) и кн. Вяземскаго (соч., т. I).

Подъ Клитомъ разумѣются, вѣроятно, одописцы старой школы, группировавшіеся около Ал. Сем. Шишкова. Нереиды—Музы (родина ихъ—македонская область Пиерія).

Назонъ, т. е. Овидій—до ссылки на берега Чернаго моря прославился «Героидами» (т. е. любовными посланіями женщинъ героической эпохи къ своимъ мужьямъ или возлюбленнымъ) и любовными элегіями.

С. Браиловскій.

Напечатано въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., ч. I, № 1, стр. 8—10, подъ заглавіемъ: «Къ Б—ову», съ извѣстною уже намъ (см. стр. 132) подписью: «А.... 14—16» и съ пропускомъ многихъ стиховъ, возстановленныхъ впослѣдствіи Анненковымъ. Мы держались текста и орѳографіи «Россійскаго Музеума». Подробнѣе см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Здѣсь-же отмѣтимъ только старинную форму—тополовъ, вмѣсто позднѣйшей тополей, неправильно усвоенной Академическимъ изданіемъ. Ред.

ПУШКИНЪ и БАТЮШКОВЪ.

Поэтическое дарованіе Пушкина, какъ извѣстно, пробудилось въ очень раннюю пору — въ годы отрочества, или, какъ говорилъ впослѣдствіи самъ поэтъ, «младенчества», когда Муза вручила ему «семиствольную цѣвницу». Первые дошедшіе до насъ опыты юнаго поэта относятся къ раннимъ годамъ лицейской жизни, проведеннымъ въ кругу даровитыхъ сверстниковъ. Нѣкоторые изъ товарищей Пушкина — Дельвигъ, Илличевскій, Кюхельбекеръ — уже въ ту пору начинали писать стихи, поощряемые добродушною критикою далеко не строгихъ «аристарховъ» — профессоровъ словесности. Конечно, эти стихотворныя попытки мальчиковъ-лицеистовъ не могли быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ подражаній тѣмъ образцамъ поэзіи, которые изучались ими въ классѣ, и тѣмъ пріемамъ стихотворства, какіе были уже освящены тогдашними учебниками. Первое мѣсто въ ряду этихъ непрекаемыхъ образцовъ принадлежало, разумѣется, нашимъ классикамъ XVIII столѣтія — Ломоносову и Державину, изъ произведеній которыхъ заимствовались всѣ поясненіе примѣры къ правиламъ стихосложенія и къ теоріи поэтическихъ фигуръ. Эти образцы постоянно и подробно разбирались на урокахъ словесности, заучивались наизусть, декламировались — и, конечно, служили, такъ сказать, оффиціально утвержденнымъ руководствомъ для подражанія. Къ Ломоносову и Державину, какъ свѣтиламъ первой величины, примыкала цѣлая плеяда другихъ стихотворцевъ того же направленія, которые также были у всѣхъ въ памяти и изученіе которыхъ давало начинающимъ поэтамъ болѣе или менѣе однородный матеріалъ. Пушкинъ, обладавшій прекрасною памятью, скоро и основательно овладѣлъ этимъ матеріаломъ, и даже въ позднія годы своей жизни могъ свободно читать наизусть большіе отрывки изъ поэтовъ XVIII вѣка, не исключая и второстепенныхъ. Но именно въ ту пору, когда ему пришлось заняться на школьной скамьѣ анализомъ этихъ стихотворныхъ образцовъ, произведенія старыхъ классиковъ становились уже достояніемъ исторіи и постепенно отступали на второй планъ передъ новыми, болѣе сѣжими литературными теченіями, представителями которыхъ явились молодые, талантливые поэты, хотя и не признанные еще оффиціально «образцовыми», но уже успѣвшіе завоевать симпатію широкаго круга читателей. Это были Жуковскій и Батюшковъ. Ихъ произведенія не встрѣчали, вообще, одобрительныхъ отзывовъ со стороны старыхъ словесниковъ, иногда служили даже предметомъ полемическихъ нападокъ; но, въ концѣ концовъ, сами защитники старинаго литературнаго вкуса не могли устоять передъ гармоніей стиха и прелестью содержанія новой поэзіи. Естественно, что вся литературная наша молодежь того времени, вопреки авторитету своихъ учителей, оказалась на сторонѣ новыхъ поэтовъ. Въ 1815 году одинъ изъ товарищей Пушкина писалъ своему другу: «Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы... Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ нашимъ геніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда поднимать завѣсу и протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, — Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно». Въ этихъ словахъ вполнѣ вѣрно отразилось тогдашнее настроеніе лицейской молодежи, которая, при отсутствіи другихъ, доступныхъ ей интересовъ, все свое вниманіе сосредоточивала на литературѣ. Имена Жуковскаго и Батюшкова не даромъ поставлены здѣсь во главѣ перечня новыхъ свѣтилъ поэзіи: каждое новое произведеніе этихъ двухъ писателей являлось своего рода событіемъ, вызывало оживленные толки, сравненія, комментаріи, а нерѣдко — и подражанія въ средѣ юныхъ любителей литературы. Вполнѣ понятно, что впечатлительный и отзывчивый Пушкинъ сильнѣе прочихъ своихъ сверстниковъ увлекался этими новыми поэтическими откровеніями, художественное достоинство которыхъ такъ ярко обнаруживалось при сопоставленіи ихъ съ наслѣдіемъ прежней литературной эпохи.

По свидѣтельству самого Пушкина, его «сосватали съ музами дядюшка-поэтъ» — Василій Львовичъ, человѣкъ мало даровитый и недалекій, но искренно преданный лите-

Портретъ Батюшкова, рисованный имъ самимъ для Е. Г. Пушкиной, приблизительно около 1820 года. Вставленъ здѣсь въ рамку 18 вѣка.

26. КЪ БАТЮШКОВУ.

Философъ рѣзвый и Пиитъ,
Парнасскій щастливый лѣнивецъ,
Харитъ изнѣженный любимецъ,
Наперсникъ милыхъ Аонидъ!
Почто на арфѣ златострунной
Умолкнулъ, радости пѣвецъ?
Ужель и ты, мечтатель юный,
Разстался съ Фебомъ наконецъ?

Уже съ вѣнкомъ изъ розъ душистыхъ
Межъ кудрей вьющихся златыхъ,
Подъ тѣнью тополовъ вѣтвистыхъ,
Въ кругу красавицъ молодыхъ,
Заздравнымъ не стучишь фіаломъ,
Любовь и Вакха не поешь:
Довольный щастливымъ началомъ,
Цѣлуясь Парнасскихъ вновь не рвешь:
Не слышенъ нашъ Парни Россійскій.
Ной, юнона!—пѣвецъ Тіосскій
Въ тебя вдохнулъ свой нѣжный духъ.
Съ тобою твой прелестный другъ,
Лилета, красныхъ дней отрада:
Пѣсну любви—любовь награда.
Настрой же лиру—по струнамъ
Летай игривыми перстами,
Какъ вешній зефиръ по цвѣтамъ:
И сладострастными стихами,
И тихимъ шопотомъ любви
Лилету въ свой шалашъ зови;
И звѣздъ почныхъ при блѣдномъ свѣтѣ,
Плывущихъ въ дальной вышинѣ,
Въ уединенномъ кабинетѣ,
Волшебной внемля тишинѣ,
Слезами щастья грудь прекрасной,
Щастливецъ милый, орошай;
Но, упоенъ любовью страстной,
И нѣжныхъ Музъ не забывай!
Любви нѣтъ болѣ щастья въ мірѣ:
Люби—и пой ее на лирѣ.

Когдажъ къ тебѣ въ досужный часъ
Друзья, знакомые сберутся,
И вина пѣнныя польются,
Отъ плѣна съ трескомъ свободясь,
Описывай въ стихахъ игривыхъ
Веселье, шумъ гостей болтливыхъ
Вокругъ накрытаго стола,
Стаканъ кипящій пѣной бѣлой,

ратурнымъ интересамъ и счастливый возможностью называть себя «піитомъ». Близкій пріятель всѣхъ сколько-нибудь выдающихся представителей карамзинскаго кружка, членъ знаменитаго «Арзамаса», Василій Львовичъ рано угадалъ поэтическую натуру племянника — и, конечно, старался развивать и укрѣплять въ юношѣ тѣ литературные вкусы и понятія, которыми самъ вдохновлялся. Какъ извѣстно, Пушкинъ еще въ годы дѣтства, въ отцовскомъ домѣ, часто имѣлъ случай видѣть Дмитріева, Нелединскаго и другихъ тогдашнихъ писателей и прислушиваться къ ихъ литературнымъ бесѣдамъ; съ ихъ сочиненіями онъ, конечно, уже и въ то время былъ хорошо знакомъ, а богатая коллекція произведеній французской литературы XVII и XVIII вв., оказавшаяся въ отцовской библіотекѣ, была имъ перечитана и усвоена съ той всепоглощающей жадностью, съ какою даровитые люди стремятся удовлетворять свой первый литературный голодъ... Въ этой библіотекѣ, на ряду съ Вольтеромъ, Мольеромъ и классическими французскими трагиками, видное мѣсто занимали «воспитанники Амура» — поэты такъ называемой «легкой» школы: Парни, Шолье, Вержье, Грессэ, Грекуръ и другіе представители модной въ XVIII вѣкѣ анакреонтической лирики. Ихъ то муза и «плѣнила напѣвами юный слухъ» начинающаго поэта и дала первый толчокъ его творческой фантазіи. Легкость и изящество стиха, непринужденность поэтической рѣчи и граціозная вольность содержанія, отражавшая въ себѣ эпикурейскіе придворные нравы эпохи Регентства, — все это, послѣ церемоннаго, напудреннаго, резонирующаго классическаго стиля, съ его строго размѣреннымъ и однообразнымъ теченіемъ мыслей, производило освѣжающее впечатлѣніе и не могло не увлекать къ подражанію не только молодыхъ, начинающихъ свою дѣятельность поэтовъ, но даже и «старичковъ», охотно отбросившихъ надутаго Жанъ-Батиста Руссо ради игриваго Грессэ и его товарищей. Въ нашей литературѣ едва ли не первыми проводниками этой новой моды явились В. Пушкинъ и Нелединскій; слѣдомъ за ними выступилъ несравненно болѣе даровитый и оригинальный Батюшковъ, — и естественно, что юноша-Пушкинъ, уже овладѣвшій основными темами этой поэзіи по подлинникамъ, въ поискахъ подходящей для нихъ внѣшней формы обратился именно къ произведеніямъ Батюшкова, какъ наиболѣе совершеннымъ въ отношеніи стихотворной и стилистической техники. Дѣйствительно, другихъ, лучшихъ образцовъ этого рода у насъ въ то время и не было.

Литературная дѣятельность Батюшкова, начавшаяся около 1810 года, т. е. какъ разъ въ ту пору, когда Пушкинъ только что былъ помѣщенъ въ лицей, имѣетъ историческое значеніе, главнымъ образомъ, въ смыслѣ подготовки для нашей поэзіи новаго и самостоятельнаго пути. Въ основѣ этой дѣятельности лежала переработка преимущественно чужихъ, заимствованныхъ изъ французской и итальянской поэзіи матеріаловъ, но сущность ея заключается въ усовершенствованіи слога, какъ прозаическаго, такъ и стихотворнаго, и въ стремленіи усвоить нашей поэзіи разнообразное и интересное лирическое содержаніе. Не отличаясь особенною глубиною своихъ идей, но живой и чуткій въ отношеніи художественной формы, Батюшковъ видѣлъ въ легкой анакреонтической поэзіи «прелестную роскошь словесности», противоположную эпопеѣ, драмѣ, восторженной лирикѣ, исторіи и краснорѣчію, требующимъ «великихъ усилій ума, высокаго и пламеннаго воображенія». Не чувствуя въ себѣ достаточной способности къ подобнымъ «великимъ усиліямъ» и въ то же время желая сохранить за собою извѣстную самобытность — «идти своимъ путемъ», — Батюшковъ отмежевалъ себѣ въ сферѣ поэзіи такую область, въ которой онъ съ наибольшимъ успѣхомъ могъ проявлять свое эстетическое чувство. «Въ легкомъ родѣ поэзіи», — говорилъ онъ, — «читатель требуетъ возможнаго совершенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ требуетъ истины въ чувствахъ... и тотчасъ дѣлается строгимъ судьею, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекается. Красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо, и ничѣмъ замѣниться не можетъ». Именно такимъ идеальнымъ читателемъ и строгимъ судьею собственныхъ произведеній въ отношеніи внѣшняго ихъ изящества и былъ Батюшковъ. Красота и возможное совершенство выраженія были главною цѣлью поэта, сознававшаго необходимость дать въ этомъ направленіи толчокъ развитію нашихъ литературныхъ формъ. Тяжелый, неуклюжій книжный языкъ конца XVIII и первыхъ годовъ XIX вѣка, испещренный славянизмами и подчиненный латинско-нѣмецкому грамматическому строю, стихъ, лишенный разнообразія и той пѣвучей гармоніи, которая такъ плѣняла Батюшкова

И стукъ блестящаго стекла:
И гости дружно стихъ веселой,
Бокалъ въ бокалъ ударя въ ладъ,
Нестройнымъ хоромъ повторятъ.

Подтъ! въ твоей предметы волѣ!
Во звучны струны смѣло грянь,
Съ Жуковскимъ ной кровавu брань,
И грозну смерть на ратномъ полѣ.
И ты въ строяхъ ее встрѣчалъ,
И ты, постигнутый судьбою,
Какъ Россъ, питомцемъ славы палъ!
Ты палъ, и хладною косою
Едва, скошенный, не увялъ! [1]

Илъ, вдохновенный Ювеналомъ,
Вооружись сатиры жаломъ:
Подъ часъ прими ея свистокъ,
Рази, осмѣивай порокъ:
Шути, показывай смѣшное,
И, если можно, насъ исправь,
По Третьяковскаго оставь
Въ столь часто рушимомъ покоѣ,
Увы! довольно безъ него
Найдемъ безчисленныхъ поэтовъ:
Довольно въ мірѣ есть предметовъ,
Пера достойныхъ твоего.

Скажи, по милости, Грифону,
Ползкомъ ползущу къ Геликону,
Чтобъ перестатъ писать
И бѣдныхъ насъ морить со скуки:
Скажи ему, что наши внуки
Не станутъ вздоръ его читать...
Все, все позволено поэту!
Скажи всему, коль хочешь, свѣту,
Что Висковатовъ невпопадъ
Уродовъ выставилъ на сцену,
Визжать заставилъ Мельпомену,
Что Клитъ былъ добрый человѣкъ,
Тихонько проводилъ свой вѣкъ,
Своимъ домкомъ тихонько правилъ
И жилъ безъ горя, безъ заботъ,
Покамѣстъ не печаталъ одъ,
Гдѣ здравый смыслъ вверхъ дномъ поставилъ,
Гдѣ мы навидѣлись всего,
«Гдѣ всѣ чудовища геенны —
На жертву ангцы обреченны».
Гдѣ нѣтъ лишь смысла одного.

Но что?... невинною моею,
Безвѣстный въ мірѣ семъ поэтъ,
Я нѣсни продолжать не смѣю.
Прости—но помни мой совѣтъ:
Доколѣ, Музами любимый,
Ты Пиэридъ горишь огнемъ,
Доколь, сраженъ стрѣлой незримой,
Въ подземный ты не сидешь домъ —
Мірскія забывай печали,
Играй: тебя младой Назонъ,
Эротъ и Грацiи вѣнчали,
А лиру строилъ Аполлонъ.

1... 14—16.

[1] Кому неизвѣстны «Воспоминанія на 1807 годъ». Прим. Пушкина или редакціи «Рос. Музеума».

Виньетка Эйзена (1720–1780).

въ произведеніяхъ французскихъ и особенно итальянскихъ поэтовъ, требовали рѣшительныхъ преобразованій. Батюшковъ находилъ, что современный ему русскій языкъ—«жестокій языкъ, плоховатъ, грубенекъ, пахнетъ татаршиной». Горячо сочувствуя реформаторскимъ попыткамъ карамзинскаго кружка въ отношеніи художественной прозы, онъ стремился къ осуществленію подобной же реформы въ поэзіи. Это ему и удалось, одновременно съ Жуковскимъ и почти въ такой же степени. Въ легкихъ, изящныхъ, отличающихся небывалою до того времени у насъ гармоніею стихахъ Батюшкова чувствуется рѣшительный—хотя бы пока еще только формальный—поворотъ къ новой поэзіи. «Это еще не пушкинскіе стихи»,—говоритъ Бѣлинскій,—«но послѣ нихъ уже надо было ожидать не другихъ какихъ-нибудь, а пушкинскихъ».

Что касается внутренняго содержанія поэзіи Батюшкова, то въ первой половинѣ своей литературной дѣятельности—примѣрно, до 1815 г.—онъ является, какъ уже сказано выше, преимущественно выразителемъ мотивовъ анакреонтической лирики. Въ цѣломъ рядѣ стихотвореній эротическаго содержанія навѣянныхъ, большею частью произведеніями Тибулла, Парни, Шолье и т. п. поэтовъ, Батюшковъ воспѣваетъ радости жизни, безмятежное наслажденіе виномъ и «сладострастіемъ», лѣнивую безпечность поэта, удаляющагося отъ «толпы» ради идиллическаго препровожденія времени «въ пиналанѣ» или «на чердакѣ», въ обществѣ немногочисленныхъ вѣрныхъ друзей и веселыхъ подругъ и съ своею вѣрною «свирѣлью», въ бѣдности, соединенной съ гордою независимостью. Въ другихъ произведеніяхъ того же періода Батюшковъ выступаетъ рѣшительнымъ сторонникомъ литературныхъ мнѣній «Арзамаса», къ составу котораго онъ, какъ извѣстно, принадлежалъ подъ кличкой «Ахилла». Таковы его стихотворныя сатиры: «Видѣніе на берегахъ Леты» и «Вѣщунъ въ бесѣдѣ словесно-россовъ», а также рядъ эпиграммъ на разныя мелкія литературныя явленія того времени, не отличающихся, впрочемъ, особенною ядовитостью. Въ позднѣйшіе годы прежняя эпикурейская жизнерадостность поэзіи Батюшкова, подъ вліяніемъ личныхъ обстоятельствъ его жизни, все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто грустному, элегическому настроенію, скорби объ утраченномъ счастьѣ и о несовершенствахъ бреннаго земного существованія. Батюшкова можно назвать если не творцомъ русской элегіи, то, во всякомъ случаѣ, самымъ выдающимся ея представителемъ въ допушкинскую эпоху.

Объ указанныя стороны поэзіи Батюшкова оказали очень замѣтное вліяніе на Пушкина и, такъ сказать, преломились въ творчествѣ молодого поэта цѣлою радугою разнообразныхъ оттѣнковъ.

Прежде всего, Батюшковъ является учителемъ Пушкина съ внѣшней, формальной стороны. Онъ сумѣлъ очень удачно воспользоваться, въ примѣненіи къ русскому стиху, нововведеніями французскихъ поэтовъ въ стихотворномъ размѣрѣ и въ сочетаніяхъ риомъ. Эти новые размѣры и гармоническія риомы запомнились такъ легко, что Пушкинъ сейчасъ же овладѣлъ ими и, такимъ образомъ, усвоилъ обработанную Батюшковымъ русскую форму для передачи тона и настроенія легкой французской поэзіи. Затѣмъ, въ отношеніи содержанія поэзіи, воспріимчивый юноша послѣдовалъ за Батюшковымъ, найдя въ немъ совершенства державинской поэзіи, освобожденной отъ недостатковъ неестественности, преувеличенія, неровности и неискренности въ чувствахъ или, вѣрнѣе, неумѣлости дать выраженіе, подыскать подходящія дѣйствительнымъ чувствамъ мысли и слова. Каждое новое произведеніе Батюшкова Пушкинъ ловилъ съ восторгомъ и настраивалъ свою лиру въ одинъ съ нимъ тонъ. Это вліяніе чувствуется уже въ первомъ дошедшемъ до насъ стихотвореніи 13-лѣтняго поэта—въ пѣснѣ «О Делія драгая...» Два года спустя, въ посланіи «Къ сестрѣ» (1814), а затѣмъ въ пьесѣ «Городокъ», Пушкинъ является уже прямымъ подражателемъ Батюшкова—какъ въ отношеніи стихотворнаго размѣра и чередованія риомъ, такъ и въ отношеніи содержанія; оба названныя стихотворенія представляютъ близкое сходство съ посланіемъ Батюшкова «Мои пенаты» (1811), вызвавшимъ однородныя произведенія Жуковскаго и кн. Вяземскаго. Впослѣдствіи, уже во второй половинѣ 20-хъ годовъ, перечитывая «Пенатовъ», Пушкинъ замѣтилъ, что здѣсь «главный порокъ есть слишкомъ явное смѣшеніе древнихъ обычаевъ миѳологіи съ обычаями жителя подмосковной деревни. Музы—существа идеальныя; христіанское воображеніе наше къ нимъ привыкло; но нори и кельи, гдѣ лары разставлены, слишкомъ переносятъ насъ въ греческую хижину, гдѣ съ неудовольствіемъ

находимъ столъ съ изорваннымъ сукномъ и передъ каминомъ — суворовскаго солдата съ двухструнной балалайкой. Это все другъ другу слишкомъ ужъ противорѣчитъ». Такимъ образомъ, Пушкинъ упрекалъ Батюшкова въ невыдержанности тона, въ томъ, что поэтъ не сумѣлъ всецѣло отрѣшиться отъ русской дѣйствительности и остаться на почвѣ тѣхъ классическихъ реминисценцій, которая была обязательна для французскихъ поэтовъ, служившихъ ему образцами. Но, не говоря уже о томъ, что примѣры подобнаго смѣшенія понятій древнихъ и новѣйшихъ и невыдержанности тона можно указать и въ произведеніяхъ самого Пушкина (напр., въ посланіи къ Дельвигу, гдѣ рядомъ съ Фебомъ и Геликономъ фигурируетъ «Графовъ», т. е. гр. Хвостовъ), это смѣшеніе и въ зрѣлые годы Пушкина не мѣшало ему признавать посланіе Батюшкова «прелестнымъ»; въ годы же ученичества подмѣченный впослѣдствіи «порокъ» не только не обращалъ на себя вниманія цѣнителей поэзіи, но, наоборотъ, считался вполнѣ естественною и допустимою принадлежностью поэтическаго способа выраженія. По фактурѣ стиха это посланіе и въ болѣе позднюю пору признавалось Пушкинымъ за высокій образецъ поэзіи. «Оно дышитъ»,—говорилъ онъ, «какимъ-то упоеньемъ роскоши, юности и наслажденья: слогъ такъ и трепещетъ, такъ и льется; гармонія очаровательна»...

Описывая въ «Городкѣ» свою библіотеку, поэтъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ завѣтную сафьянную тетрадь, въ которой были переписаны «сочиненья, презрѣвшія печать». Въ этой тетради, спрятанной отъ нескромныхъ взоровъ за шкѣмъ не читаемыми твореніями Висковатова и Хвостова съ братіею, таятся остроумныя сатиры кн. Горчакова, потѣшная комедія Крылова «Трумфъ», знаменитый «Опасный сосѣдъ» В. Л. Пушкина и—рядомъ съ ними—«Видѣніе на берегахъ Леты» Батюшкова:

И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ нея мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ.
Какъ въ юношески лѣты
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ.

Другая сатира Батюшкова—«Привѣтъ въ Бесѣдѣ», пародія на «Привѣтъ во станъ русскихъ воиновъ» Жуковскаго, послужила, до нѣкоторой степени, образцомъ для шутливой пѣсни Пушкина «Пирующіе студенты».

Кромѣ указаннаго выше изъ произведеній Пушкина—въ первомъ, лицейскомъ, періодѣ его творчества, такъ или иначе, отразилось вліяніе поэзіи Батюшкова еще въ рядѣ «дружескихъ» посланій—къ Дельвигу, Галичу, Пущину и къ самому Батюшкову, въ такихъ пьесахъ, какъ «Сонъ», «Гробъ Анакреона», «Мечтатель», «Выздоровленіе», «Блаженство», «Опытность», «Наслажденіе», а также въ цѣломъ рядѣ элегій лицейскаго періода и ближайшихъ къ нему годовъ. Во всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ, и во многихъ еще другихъ, чувствуется то же самое настроеніе, какое является господствующимъ у Батюшкова, повторяется тотъ же ходъ мысли, а нерѣдко и тѣ же образы, сравненія, поэтическія фигуры, не говоря уже о сходствѣ стихотворнаго размѣра и рифмъ. Бѣлинскій совершенно вѣрно указалъ, что «даже въ пьесахъ, написанныхъ Пушкинымъ подъ вліяніемъ другихъ поэтовъ, видно въ то же время и вліяніе Батюшкова: такъ гармонировала артистическая натура молодого Пушкина съ артистическою натурою Батюшкова». Особенно сильно чувствуется это вліяніе въ фактурѣ стиха большей части лицейскихъ стихотвореній Пушкина; въ этомъ отношеніи молодой поэтъ, можно сказать, всецѣло подчинялся примѣру своего старшаго собрата, гармонію котораго находилъ очаровательною, признавая, что «Батюшковъ сдѣлалъ для русскаго языка то же самое, что Петрарка для итальянцевъ». Въ ту пору, когда Пушкину пришлось начинать свою поэтическую дѣятельность, вопросы о литературныхъ формахъ и особенно о стихотворческой техникѣ имѣли весьма существенное значеніе: наша литература была еще слишкомъ бѣдна изящными формами, и всякая новая, сколько-нибудь оригинальная, попытка въ этомъ направленіи возбуждала всеобщее вниманіе. Вспомнимъ продолжительные споры о возможности русскаго гекзаметра, о «законности» русской баллады, о такъ называемомъ «русскомъ» размѣрѣ и пр. Пушкинъ въ этомъ отношеніи безусловно довѣрялся художественному чутью и авторитету Батюшкова и слѣдовалъ ему даже въ такихъ пріемахъ, которые впослѣдствіи собственнымъ своимъ примѣромъ устранилъ изъ нашего поэтическаго обихода. Такъ, напри-

мѣръ, извѣстно, что не только лицейскія, но и многія позднѣйшія стихотворенія Пушкина, даже во второй половинѣ 20-хъ годовъ, богаты усѣченными формами существительныхъ и прилагательныхъ. Поэтъ, въ изобиліи находившій такія усѣченія у Батюшкова, признавалъ ихъ вполнѣ законными и даже сѣтовалъ на то, что «мы слишкомъ остерегаемся усѣченій, придающихъ много живости стихамъ». Точно такъ же Пушкинъ, въ раннюю пору своей дѣятельности, негодовалъ на Жуковскаго за бѣлые стихи, которые казались ему въ то время «дурною прозою» и которыми онъ съ такимъ совершенствомъ овладѣлъ впослѣдствіи...

Наряду съ особенностями стихотворной техники Батюшкова, Пушкинымъ были усвоены и главныя формы его поэзіи—«дружеское» посланіе и элегія, а также и основные мотивы батюшковской лирики, навѣянные, какъ замѣчено выше, французской анакреонтической школой,—пылкая чувственность, проповѣдь поэтическаго наслажденія жизнью и эпикурейской праздности и, рядомъ съ этимъ, тихая элегическая грусть, находящая, по выраженію Пушкина, утѣшеніе сама въ себѣ. Конечно, мотивы эти не составляли исключительной особенности поэзіи Батюшкова и настолько же принадлежали ему, насколько и тѣмъ французскимъ поэтамъ, которыми онъ вдохновлялся и которые были хорошо знакомы Пушкину въ оригиналахъ; Пушкинъ и самъ нерѣдко обращался къ этимъ оригиналамъ, но, въ то же время, пользовался и готовыми формами для ихъ перелѣва.

Вообще можно сказать, что Батюшковъ послужилъ исходнымъ пунктомъ для цѣлой полосы въ многостороннемъ творчествѣ Пушкина и оставилъ въ этомъ творчествѣ очень замѣтный слѣдъ. Слѣдъ этотъ, весьма яркій въ лицейскую пору нашего поэта, тянется, постепенно угасая и теряясь подъ другими вліяніями и настроеніями, далеко за предѣлы юности Пушкина. Достаточно вспомнить, напримѣръ, относящіяся уже къ 1821 году стихотворенія «Къ моей чернильницѣ» и «Муза». О послѣднемъ самъ поэтъ говорилъ: «Я люблю его, оно отзывается стихами Батюшкова». Изъ произведеній еще болѣе позднихъ можно указать, напр., на «Мою родословную» 1830, въ которой повторены выраженія и рифмы Батюшкова:

Оставь меня,—я не поэтъ,
Я не ученый, не профессоръ,
Меня въ календарѣ въ числѣ счастливцевъ нѣтъ,
Я—отставной асессоръ!

Не одинъ только стихи Батюшкова внимательно читалъ и изучалъ Пушкинъ: извѣстно, что знаменитое вступленіе къ «Мѣдному Всаднику»—«На берегу пустынныхъ волнъ...»—внушено поэту небольшой статейкой Батюшкова «Прогулка въ Академію Художествъ», причемъ Пушкинъ даже буквально повторилъ нѣкоторыя выраженія этой статейки.

Личныя отношенія Пушкина «къ русскому Буфлеру», какъ назвалъ онъ Батюшкова въ посланіи 1817 г. къ В. Л. Пушкину, начинаются посланіемъ: «Философъ рѣзвый и пѣтъ...», написаннымъ въ 1814 г., когда молодой поэтъ зналъ Батюшкова только по его произведеніямъ, но еще ни разу съ нимъ не встрѣчался; въ этомъ посланіи Батюшковъ названъ «юношей», между тѣмъ какъ въ то время ему было уже 28 лѣтъ, и онъ былъ уже совсѣмъ не тотъ «изнѣженный любимецъ харитъ», какимъ представлялъ его себѣ Пушкинъ по раннимъ его произведеніямъ. «Подъ впечатлѣніемъ міровыхъ событій, совершавшихся на его глазахъ, и подъ бременемъ сердечныхъ треволненій, которыя отняли у него надежду на личное счастіе, въ немъ произошелъ нравственный переворотъ: онъ разстался съ своимъ эпикурейскимъ міросозерцаніемъ прежнихъ лѣтъ и сталъ искать новыхъ путей для мысли и новыхъ мотивовъ для поэтическаго творчества» (Л. Майковъ). Юноша-Пушкинъ еще не догадывался объ этомъ переворотѣ и отмѣтилъ въ своемъ посланіи тѣ черты любимаго поэта, которыя были наиболѣе симпатичны въ ту пору ему самому. Онъ называетъ Батюшкова «россійскимъ Парни», что было тогда въ его глазахъ, конечно, великой похвалой, а также «младымъ Назономъ», имѣя въ виду эротическія произведенія Овидія, проникнутыя нѣжнымъ духомъ «тіосскаго пѣвца»—Анакреона, и приглашаетъ его по-прежнему «играть», «пѣть» и наслаждаться жизнью, возвеличивая въ своей поэзіи ея утѣхи. Собственное міросозерцаніе Пушкина въ то время еще не шло дальше такихъ представленій о поэтической дѣятельности, навѣянныхъ французскими легкими стихотворами...

Личное знакомство обоихъ поэтовъ относится къ концу 1814 г. или къ самому началу 1815 г.

Л. Н. Майковъ считаетъ вѣроятнымъ присутствіе Батюшкова на томъ публичномъ лицейскомъ экзаменѣ, 8 января 1815 г., когда Пушкинъ читалъ свои «Воспоминанія

къ Царскомъ Селѣ», вызвавшія восторженную похвалу старика-Державина. О посѣщеніи Батюшковымъ лицея, въ стѣнахъ котораго скрывался «Свѣрчокъ», его товарищъ по «Арзамасу», въ 1816 году, А. Д. Илличевскій писалъ своему другу, гимназисту Фусу: «До самаго вступленія въ лицей я не видѣлъ ни одного писателя, но въ лицеѣ видѣлъ Дмитріева, Державина, Жуковскаго, Батюшкова...» О содержаніи тогдашнихъ бесѣдъ юнаго поэта съ его литературнымъ учителемъ мы имѣемъ два свидѣтельства самого Пушкина. Во-первыхъ, вскорѣ послѣ свиданія своего съ Батюшковымъ, Пушкинъ написалъ ему второе посланіе: «Въ пещерахъ Геликона я нѣкогда рожденъ...», гдѣ характеризуетъ свою скромную поэтическую дѣятельность, называя себя «крестникомъ Тибулла», возросшимъ «подъ кровомъ вешнихъ розъ» и рѣзво играющимъ на дудкѣ Пана, т. е., такъ сказать, прирожденнымъ послѣдователемъ анакреонтической музы. Такимъ, какъ мы знаемъ, представлялся ему и самъ Батюшковъ,—и Пушкинъ не можетъ понять, отчего этотъ веселый, жизнерадостный «пѣвецъ забавы» совѣтуетъ юному собрату вступить на другой, непривычный и несочувственный ему путь, требующій, къ тому же, по выраженію самого Батюшкова, великихъ усилій ума и воображенія:

Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Сѣвшилъ я за Марономъ
И пѣль, при звукѣ лиръ,
Войны кровавый пиръ.

Говоря обычными въ то время условными терминами, Пушкинъ считалъ своимъ призваніемъ «свирѣль» или «цѣвницу», между тѣмъ какъ Батюшковъ совѣтовалъ ему взять громкую лиру или даже «трубу», чтобы отозваться на всемірно-историческія военныя событія переживаемой эпохи, чего самъ онъ, однако же, сдѣлать не хотѣлъ. Можетъ быть, въ мысляхъ Пушкина промелькнуло подозрѣніе, что Батюшковъ, предлагая ему измѣнить характеръ и содержаніе своей поэзіи, просто хочетъ устранить возможнаго соперника изъ той области, которую считаетъ своею исключительною собственностью,—и молодой поэтъ постѣшилъ деликатно отклонить опасный совѣтъ указаніемъ на скромность своего дарованія. Вѣрнѣе, однако, думать, что въ ученическіе свои годы Пушкинъ, хотя и мечтавшій о «бранной славѣ», вовсе не былъ расположенъ къ «воспѣвательному» стихотворству въ стилѣ «Марона» или, погодашнему, Державина. Въ самомъ дѣлѣ, если Пушкинъ и принесъ этому стилю все-таки нѣкоторую дань, въ видѣ «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» и стихотвореній «Наполеонъ на Эльбѣ» и «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа», то дань эта была, во-первыхъ, очень непродолжительна, а во-вторыхъ,—отчасти вынуждена тогдашнимъ положеніемъ Пушкина и его, такъ сказать, официальными отношеніями: нельзя же было ему для торжественнаго публичнаго экзамена сочинить что-нибудь вродѣ «Монахъ Непатовъ»! Между тѣмъ, эротическая муза Батюшкова вполнѣ отвѣчала тогдашнимъ литературнымъ вкусамъ и собственному горячему темпераменту Пушкина. И юный поэтъ рѣшилъ остаться ей вѣрнымъ, уколовъ своего наставника его же стихомъ:

Будь всякій при своемъ!

Второе свидѣтельство Пушкина объ его бесѣдахъ съ Батюшковымъ въ лицеѣ находимъ въ письмѣ поэта къ кн. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г. «Обнимите Батюшкова», говорится въ этомъ письмѣ, «за того больного, у котораго годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову-королевича». Извѣстно, что Пушкинъ въ 1815 г. задумалъ написать сказку о Бовѣ такъ называемымъ тогда «русскимъ складомъ», образецъ которого былъ данъ Карамзинымъ въ его «Ильѣ-Муромцѣ»; сказка была даже начата, но, вѣроятно, подъ вліяніемъ Батюшкова, который какъ разъ въ то время началъ интересоваться русской народной поэзіей, Пушкинъ уступилъ ему этотъ сюжетъ, которымъ Батюшковъ, однако же, не воспользовался. Л. Н. Майковъ склоненъ думать, что и мысль о «Русланѣ и Людмилѣ» зародилась у Пушкина также подъ впечатлѣніемъ литературныхъ бесѣдъ съ Батюшковымъ. Дѣйствительно, мы знаемъ, что Батюшковъ, поэзія котораго была совершенно чужда русской дѣйствительности, въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности мечталъ объ историческихъ сюжетахъ, о поэмахъ въ народномъ стилѣ, сѣтовалъ, что тѣнь Владиміра скитается не воспѣтая, и настойчиво рекомендовалъ этого рода сюжеты, между прочимъ, Жуковскому. Очень возможно, что и Пушкинъ, уступивъ Батюшкову свою сказку о Бовѣ-королевичѣ, началъ на мысль обработать въ видѣ поэмы изъ русскаго быта

другую, родственную сказку—объ Еруслань Лазаревичѣ. Батюшковъ, познакомившись съ нѣкоторыми отрывками новой поэмы, привѣтствовалъ ихъ горячими похвалами, которыми «раздразнилъ любопытство» старика-Дмитріева, и тотъ просилъ Тургенева прислать ему «хотя нѣсколько стиховъ» изъ этого произведенія. Тому же Тургеневу писалъ и Батюшковъ изъ Москвы, 10 сентября 1818 г.: «Свѣрчокъ что дѣлаетъ? Кончилъ ли онъ поэму? Не худо бы его запереть въ Геттингенъ и кормить года три молочнымъ супомъ и логикою. Изъ него ничего не будетъ путнаго, если онъ самъ не захочетъ; потомство не отличитъ его отъ двухъ однофамильцевъ, если онъ забудетъ, что для поэта и человѣка должно быть потомство... Какъ ни великъ талантъ Свѣрчка,—онъ его промотаетъ, если... Но да спасутъ его музы и молитвы наши!» Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ мартѣ 1819 г., уже изъ Неаполя, Батюшковъ опять писалъ о пушкинскомъ «Русланѣ»: «Просите Пушкина, именемъ Ариosта, выслать мнѣ свою поэму, исполненную красотъ и надежды, если онъ возлюбитъ славу паче разсѣянія».

П. В. Анненковъ сохранилъ любопытный разсказъ о восторженномъ удивленіи Батюшкова предъ геніемъ молодого Пушкина. Прочитавъ его посланіе къ Ѳ. Ѳ. Юрьеву, Батюшковъ судорожно сжалъ листокъ, на которомъ было написано это стихотвореніе, и проговорилъ: «О, какъ сталъ писать этотъ злодѣй!»

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ первое время по выходѣ изъ лицея, въ 1817—1818 гг., Пушкинъ довольно часто встрѣчался съ Батюшковымъ, жившимъ тогда преимущественно въ Петербургѣ, и, вѣроятно, успѣлъ болѣе или менѣе съ нимъ сблизиться. Батюшковъ принималъ въ немъ живое, горячее участіе. Когда юный поэтъ собирался вступить въ военную службу и уже воображалъ себя на лихомъ конѣ, въ гусарскомъ ментикѣ и «съ цыгаркой дымною въ зубахъ», въ убѣжденіи, что «вѣрный музѣ любовникъ можетъ вѣжный быть вѣчно и имѣетъ гвардіи полковникъ»,—Батюшковъ и лично, и въ письмахъ къ Тургеневу старался отклонить его отъ этого намѣренія. Можетъ быть, не безъ его вліянія Пушкинъ, въ концѣ концовъ, пришелъ къ заключенію, что «мундиръ и сабля—суета»...

Въ 1817 году, 4 сентября, Пушкинъ провелъ цѣлый день въ Царскомъ Селѣ вмѣстѣ съ Батюшковымъ, Жуковскимъ и «арзамасцемъ» Плещеевымъ. Между прочимъ, всѣ четверо сочинили два стихотворныхъ экспромта, изъ которыхъ одинъ посвященъ кн. Вяземскому, собиравшемуся ѣхать на службу въ Варшаву. Въ слѣдующемъ году, 19 ноября, Батюшковъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Италію. Друзья провожали его до Царскаго Села, вмѣстѣ обѣдали, «горевали, пили, смѣялись, спорили, горячились, готовы были плакать и опять пили...» Въ этой компаніи находился также и Пушкинъ, сочинившій экспромтъ «Прощаніе», до насъ не дошедшее.

Поэты разстались на многіе годы. Батюшковъ надолго остался въ Италіи, гдѣ у него, въ началѣ 20-хъ гг., начали обнаруживаться первые признаки душевной болѣзни, а Пушкинъ, высланный въ 1820 г. изъ Петербурга на югъ Россіи, только шесть лѣтъ спустя получилъ возможность снова вернуться на берега Невы. Въ іюлѣ 1822 г. друзья сообщили ему о болѣзни Батюшкова. «Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть нельзя; уничтожь это вранье»,—писалъ поэтъ брату. Другое извѣстіе, полученное имъ около того же времени, о Батюшковѣ заключалось въ томъ, что мнительный поэтъ обидѣлся на напечатанное въ «Сынѣ Отечества» (1821, № 8) стихотвореніе П. А. Плетнева «Б. изъ Рима», гдѣ говорилось, что вдали отъ родины и друзей онъ утратилъ вдохновеніе:

Я снялъ свой миртовый вѣнецъ
И дни влачу безъ славы...

«Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева»,—писалъ Пушкинъ брату,—«на него мнѣтъ я бы съ ума сошелъ со злости. «Б. изъ Рима» не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ, что повесть на Одиннѣ мила. Вообще, мнѣніе мое, что Плетневу прилична проза, нежели стихи...»

Годъ спустя, когда Батюшковъ жилъ уже въ Крыму, гдѣ его часто навѣщалъ М. Ѳ. Орловъ, Пушкинъ все еще отказывался вѣрить серьезности постигшаго его душевнаго недуга: «Кажется мнѣ, онъ изъ ума шутитъ»,—говоритъ онъ въ письмѣ къ брату (январь 1823). И только въ 1825 г., уже въ Михайловскомъ, Пушкину пришлось окончательно убѣдиться въ справедливости полученныхъ имъ свѣдѣній о неизлѣчимой болѣзни Батюшкова. «Уважимъ въ немъ несчастіе и несодрѣнія надежды»,—съ грустью писалъ Пушкинъ Рылѣеву (25 января).

Сохранился принадлежавшій Пушкину

БАТЮШКОВЪ въ 1815 г.

Съ гравюры Пожалостина. Рисованный масляными красками оригиналъ находится въ Публичной Библіотекѣ.

экземпляръ «Опытовъ» Батюшкова, изд. 1817 г., съ многочисленными критическими замѣтками на поляхъ. Эти замѣтки, подобранныя и тщательно комментированныя Л. Н. Майковымъ въ сборникѣ «Пушкинъ», Спб., 1899), показываютъ, какъ внимательно читалъ и изучалъ Пушкинъ чуть не каждый стихъ любимаго поэта, строго анализируя какъ техническія особенности его произведеній, такъ и ихъ содержаніе. Въ ту пору, когда писались эти замѣтки, Пушкинъ, конечно, былъ уже очень далекъ отъ того безусловнаго восхищенія, съ какимъ нѣкогда читалъ и перечитывалъ Батюшкова юнона-лицеистъ, избравшій «россійскаго Парни» образцомъ для первыхъ пѣсенъ своей музы. Теперь зрѣлому поэту уже бросались въ глаза и несовершенства версификаціи, и слабость и невыдержанность иныхъ поэтическихъ образовъ или сравненій, и извѣстная, заимствованная у французскихъ поэтовъ, условность изобразительной рѣчи. Даже знаменитая элегія Батюшкова «Умирающій Тассъ» вызвала со стороны Пушкина рѣзкое замѣчаніе: онъ увидѣлъ въ ней изображеніе «умирающаго Василья Львовича, а не Торквато». Но, при всей своей строгости и даже, пожалуй, придирчивости, Пушкинъ, все-таки, отмѣтилъ въ стихотвореніяхъ Батюшкова немало отдѣльныхъ мѣстъ и цѣлыхъ произведеній, подкупившихъ его своею прелестью. Особенно нравились Пушкину элегіи Батюшкова — «Гаврида», «Радуга», «Пробужденіе» и др.: лучшимъ же изъ всѣхъ его стихотвореній и болѣе всѣхъ обдуманнымъ онъ считалъ «Переходъ черезъ Рейнъ».

Заглавная виньетка любимаго Пушкинымъ изданія Батюшковскихъ «Опытовъ»

(Спб. 1817, ч. I).

Насколько Пушкинъ вѣрилъ поэтическому чутью Батюшкова, его литературному вкусу и знанію русскаго языка, видно изъ одной замѣтки, въ которой онъ оправдываетъ свою «пиитическую вольность», — употребленіе слова «времянъ» вмѣсто «временъ» — примѣромъ Батюшкова, въ одномъ стихотвореніи котораго встрѣчается такая же форма родительнаго падежа. Въ первомъ изданіи своего «Разговора книгопродавца съ поэтомъ» (1825) поэтъ, отказываясь жертвовать свободой ради «прелестныхъ глазъ» и «волшебныхъ устъ», говоритъ:

Пускай ихъ Шаликовъ поетъ,

Любезный баловень природы.

Братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, посовѣтовалъ замѣнить Шаликова, къ которому поэтъ относился иронически, Батюшковымъ. «Я было и послушался»,—писалъ Пушкинъ кн. Вяземскому (25 мая 1825 г.), — «да стало жаль, et j'ai remis bravement Chalikof». Поэтъ, очевидно, опасался даже этой, отнюдь не злой, насмѣшкой задѣть самолюбиваго Батюшкова...

Пушкину удалось увидѣть Батюшкова, послѣ ихъ разлуки, въ первый и послѣдній разъ въ Москвѣ, 3 апрѣля 1830 г. Онъ навѣстилъ его и пытался заговорить: но несчастный поэтъ его не узналъ...

Въ нашей литературной критики много разъ повторялось мнѣніе, что поэзію Пушкина слѣдуетъ разсматривать какъ синтезъ предшествовавшей ему русской литературы. Съ этой точки зрѣнія, въ пушкинскомъ синтезѣ Батюшкову принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Его муза болѣе всѣхъ другихъ отразилась въ той ласковой богинѣ, которая въ младенчествѣ полюбила нашего поэта и вручила ему свою семиструнную цѣвницу: его пѣсни болѣе всего напоминаютъ тѣ «пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ», которыя юнона-Пушкинъ напѣвалъ еще робкими перстами. Это первое пробужденіе въ Пушкинѣ поэтическаго чувства-большая и неотъемлемая заслуга Батюшкова передъ нашей литературой.

П. Морозовъ.

СЧАСТЬЕ.

Съ рисунка Cipriani гравировалъ Bartolozzi.

27. КЪ П. Г. ЛОМОНОСОВУ.

И ты, любезный другъ, оставилъ
Надежну пристань тишины,
Челнокъ свой весело направилъ
По влагѣ бурной глубины;
Судьба на руль уже склонилась,
Спокойно свѣтятъ небеса,
Ладья крылатая пустилась—
Раздравитъ щастье паруса. —
Дай Богъ, чтобъ грозной непогоды
Вблизи ты ужасъ не видалъ,
Чтобъ бурной вихорь не вздувалъ
Предъ челнокомъ шумящи воды!
Дай Богъ, подъ вечеръ, къ берегамъ
Тебѣ пристать благополучно
И отдохнуть спокойно тамъ
Съ любовью, дружбой неразлучно!
Нѣтъ! ты не можешь ихъ забыть!
Но что! не скоро, можетъ быть,
Увижусь я, мой другъ, съ тобою
Укромной хаты въ тишинѣ:
За чашей пунша круговою
Подъ часъ воспомнишь обо мнѣ:
Когдажъ пойду на новоселье
(Заснуть вѣдь общій всѣмъ удѣлъ),
Скажи: дай Богъ ему веселье!
Онъ въ жизни хоть любить умѣлъ.

27. КЪ П. Г. ЛОМОНОСОВУ.

Напечатано въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., ч. I, № 3, стр. 263, подъ заглавіемъ: «П. Г. Л—ову» и съ извѣстною намъ (см. стр. 132) подписью: «I.... I4—16». Въ XIII т. «Современника» (1839) напечатанъ отрывокъ изъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Путешественнику» и съ примѣчаніемъ: «Авторъ писалъ это четырнадцати лѣтъ». Тотъ же неполный текстъ и съ тѣмъ же заглавіемъ перепечатанъ и въ IX т. посмертнаго изданія (1841). Мы воспроизвели текстъ «Рос. Музеума», съ соблюденіемъ орографіи. Ср. въ концѣ I т. статью «Исторія Пушкинскаго текста».

Пушкинъ съ первыхъ дней вступленія въ лицей сблизился съ Сергѣемъ Григорьевичемъ Ломоносовымъ, который впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Америкѣ и Голландіи. (См. Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, стр. 63, пр. 1 и 284—285 стр.). У С. Г. Ломоносова было два брата, изъ которыхъ, одинъ по указанію П. А. Ефремова (см. соч. Пушкина. 1905 г., т. VIII, стр. 15), былъ женатъ на дочери знаменитой, воспѣтой Пушкинымъ, актрисы К. С. Семеновой (по мужу кн. Гагариной), а другой—Николай Григорьевичъ († 1853), очевидно, подружился черезъ брата-лицеиста съ Пушкинымъ.

Содержаніе стихотворенія хотя и говоритъ скорѣе о плаваніи по житейскому морю, но въ связи съ тѣмъ, что Плетневъ, знавшій друзей Пушкина, далъ отрывку заглавіе «Путешественнику», какъ будто можно предположить, что рѣчь шла о дѣйствительномъ путешествіи. Примыкая, въ общемъ, къ циклу анакреонтическихъ стихотвореній Пушкина, напутствіе Ломоносову, особенно въ образныхъ начальныхъ стихахъ, принадлежитъ къ лучшимъ образчикамъ ранняго расцвѣта таланта Пушкина. Ср. выше отзывъ Шевырева (стр. 126).

---

28. РОМАНСЪ.

«Романсъ» интересный обрадчикъ того, какъ авторы подчасъ не имѣютъ и малѣйшаго представленія о судьбѣ, ожидающей ихъ произведенія. То, на что авторъ разсчитываетъ, не производитъ никакого впечатлѣнія, и, наоборотъ, то, что авторъ отбрасываетъ съ неудовольствіемъ, вдругъ «ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой». Мы дальше докажемъ, что совершенно не вѣрно прочно установившееся въ Пушкинской литературѣ убѣжденіе, будто Пушкинъ до такой степени враждебно относился къ «Роману», что даже пробовалъ формально отъ него отрекаться (см. подробнѣе при «Фавнѣ и Пастушкѣ»). Но несомнѣнно, что, подготовляя изданіе 1826 г., Пушкинъ выбросилъ «Романсъ». И только появившись, годъ спустя, съ полу-насильно вырваннаго согласія Пушкина, въ альманахѣ Бориса Федорова («Памятникъ Отечественныхъ Музъ на 1827 годъ»), «Романсъ» пріобрѣталъ съ каждымъ годомъ все бо́льшую и бо́льшую популярности и наконецъ сталъ поистинѣ всенароднымъ достояніемъ во всѣхъ родахъ искусства.

Благодаря тому, что «Романсъ» сталъ излюбленною пѣснью самыхъ неприхотливыхъ слоевъ публики, установилось пренебрежительное отношеніе къ «Роману» и въ критикѣ. Его отнесли къ числу «жестокихъ романсовъ», услаждающихъ писарей и горничныхъ. Бѣлинскій даже не упоминаетъ о немъ.

Такое отношеніе къ «Роману» намъ представляется безусловно неправильнымъ. Въ ряду лицейскихъ стихотвореній «Романсъ» по фактурѣ нимало не стоитъ ниже другихъ, а по основной мысли онъ, несомнѣнно, выше большинства отроческихъ стихотвореній Пушкина. Это единственное изъ лицейскихъ стихотвореній, гдѣ жизнь обернулась къ веселому лицеисту совсѣмъ другой стороной и гдѣ онъ впервые всмотрѣлся въ психологію настоящаго страданія. Извѣстный налетъ наивной примитивности нимало не лишаетъ стихотвореніе истинной трогательности. И, конечно, въ этой искренней сердечности и источникъ того, что «Романсъ» захватилъ массу. Нельзя въ данномъ случаѣ не считаться съ успѣхомъ «Романса» въ широкой массѣ, потому что это успѣхъ особаго рода. Широкая популярность и вообще-то показываетъ, что произведеніе обладаетъ тою способностью «заражать», которая есть существенный элементъ всякаго истинно-художественнаго впечатлѣнія. Конечно, бываютъ успѣхи, доказывающіе только то, что на свѣтѣ очень много людей съ дурнымъ вкусомъ. Но это тогда, когда произведеніе дурному вкусу угождаетъ и потакаетъ. Совсѣмъ иное дѣло, когда произведеніе идетъ въ разрѣзъ господствующему настроенію и, слѣдовательно, не опускается до чужой банальности, но, напротивъ того, поднимаетъ его до своего высокаго уровня. А несомнѣнно,

28. РОМАНСЪ.

Подъ вечеръ, осенью ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ:
И тайный плодъ любви несчастной—
Держала въ трепетныхъ рукахъ.
Все было тихо: лѣсъ и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ:
Она внимательные взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.

И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила пхъ...
Ты спишь, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи, и тоскуя
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлуя
Несчастной матери твоей!

Ее манить напрасно будешь!
Миѣ вѣчный стыдъ вина моя!
Меня навѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя!
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,
И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!

Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душей угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокой,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокой...
Прости, прости тогда меня!

Ты спишь!... позволь себя несчастной
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милой! горькія печали
Не тронутъ дѣтства тихихъ дней!

Но вдругъ за рощей освѣтила —
Вблизи ей—хижину луна.
Бѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приближилась она:—
Склонилась, тихо положила,
Младенца на порогъ чужой,—
Со страхомъ очи отвратила —
И скрылась въ темнотѣ ночной.

что «Романсъ» съ поразительною смѣлостью взялъ подъ свою защиту нѣчто такое, къ чему всѣ относились съ рѣзкимъ осужденіемъ и презрѣніемъ.

Въ своемъ желаніи представить трагизмъ положенія матери, вынужденной скрыть позоръ свой, Пушкинъ былъ только отзвучнымъ, но не оригиналенъ. Сострадание къ матерямъ-преступницамъ не разъ встрѣчается въ европейской литературѣ XVIII вѣка. Чтобы указать на произведенія, всѣмъ извѣстныя, назовемъ «Двуубійцу» Шиллера и Гетевскую Маргариту. Весьма возможно, что на Пушкина произвелъ впечатлѣніе появившійся въ «Вѣстн. Европы» 1813 г. (ч. LXX, 3) Милоновскій переводъ Шиллеровскаго стихотворенія и, преломившись въ его чуткой душѣ, натолкнулъ на размышленія въ сферѣ «незаконной любви». Профессоръ П. В. Владиміровъ («А. С. Пушкинъ и его предшественники въ рус. литер.», Кіевъ, 1899, стр. 62—63) дѣлаетъ попытку сблизить «Романсъ» съ «Пѣснью матери надъ колыбелью сына», переведенною Жуковскимъ изъ Беркеня и незадолго до «Романса» появившеюся въ «Вѣст. Евр.» 1813 г. (№ 11—12). Это сближеніе надо принять съ нѣкоторою оговоркою. Въ переводѣ Жуковскаго матери-преступницы совсѣмъ нѣтъ. Никогда-бы Жуковскій съ такою защитой не выступилъ. «Пѣснь матери», главнымъ образомъ, протестъ противъ жестокихъ отцовъ-соблазнителей, бросающихъ на произволъ судьбы обманутую мать и невиннаго младенца. Мать у Жуковскаго не бросаетъ своего ребенка:

Пойдемъ, мой сынъ, путемъ однимъ,
Двѣ жертвы рока злополучны;
О, будемъ въ мірѣ неразлучны;
Спасибо страданіе двоимъ.

А кромѣ того, у Жуковскаго совсѣмъ нѣтъ того, что главнымъ образомъ трогаетъ въ «Романсѣ»—картины незаслуженнаго одиночества и заброшенности всѣмъ чуждаго ребенка.

Но, конечно, и пьеса Беркеня могла повліять на то, что Пушкинъ сталъ вдумываться въ такого рода положенія.

Небывало-широкая популярность «Романса» выразилась прежде всего тѣмъ, что онъ чрезвычайно быстро вошелъ во всѣ народные сборники пѣсенъ. Столь же быстро онъ сталъ излюбленнымъ сюжетомъ лубочныхъ картинъ и излюбленнымъ номеромъ уличной музыки. Музыкальная популярность «Романса» длится вплоть до нашихъ дней. И теперь еще въ захолустьяхъ можно услышать раздирающіе звуки доживающей свой вѣкъ старой, надтреснутой шарманки, подъ акомпаниментъ которой нѣвица-подростокъ не менѣе раздирающимъ голосомъ жалостно выводитъ «Ночь вечеръ, осенью ненастной».

С. К. Буличъ въ своей статьѣ «Пушкинъ и русская музыка» («Памяти А. С. Пушкина». Сборникъ С.-Петербургскаго университета. Спб., 1900 г., стр. 89—90) указываетъ три переложенія «Романса» на музыку: 1) Неизвѣстнаго автора въ «Музыкальномъ Альбомѣ» на 1832 г. 2) Николая де-Витте; относится къ концу 1820-хъ или началу 1830-хъ годовъ. 3) П. С. Титова, тоже должно быть относящееся къ 30-мъ годамъ. Но, кажется, уличные артисты поютъ что-то совсѣмъ другое, едва-ли вышедшее изъ-подъ пера музыкально-образованнаго композитора.

Въ лубочной живописи популярность «Романса» почти безпримѣрна. Впервые онъ появляется здѣсь, повидимому, въ 1832 г., и опять-таки эта популярность идетъ почти до нашихъ дней: потрафляющая на всѣ вкусы фирма Сытина еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ выпустила ярко-раскрашенный листъ съ «Романсомъ». У владѣльца замѣчательнѣйшей Пушкинской иконографической коллекціи—П. Е. Рейнбота имѣется 9 лубочныхъ обработокъ «Романса». И какъ ни замѣчательна коллекція П. Е. Рейнбота, но, по всей вѣроятности, есть еще другіе листы.

Такое количество обработокъ одного сюжета—явленіе крайне рѣдкое и свидѣтельствуетъ объ огромномъ спросѣ. При любезномъ содѣйствіи П. Е. мы даемъ на страницѣ 159 и дальше снимки съ 7 листовъ (остальные—почти повторенія).

Нетрудно замѣтить, что съ теченіемъ времени сфера распространенія иконографіи «Романса» все больше и больше уходитъ вглубь народной массы. Картины 1832 и 1839 гг. и по обработкѣ и по способу воспроизведенія (литографіи) соотвѣтствуютъ вкусамъ публики городской, а тамъ уже пошелъ самый элементарный лубокъ; особенно забавны раскрашенныя картинки съ фіолетовыми деревьями, зеленымъ ребенкомъ и т. д.

Мы печатаемъ, за исключеніемъ 35-го стиха, «Романсъ» по тексту Альманаха Федорова, съ соблюденіемъ орографіи и пунктуаціи. Кое-гдѣ эта пунктуація вноситъ существенныя измѣненія. Такъ, слѣдуя посмертному изданію 1841 г., нѣкоторыя

ПЕРВАЯ ИЗЪ ЛУБОЧНЫХЪ ОБРАБОТОКЪ „РОМАНСА".

Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота.

Подъ картиной выписано все стихотвореніе, озаглавленное «Сльдствіе порочной любви». Весьма возможно, что заглавіе навязано цензурою. Цензурная помѣтка: «Москва 1832 года 27 іюня. Граф. под. Цензоръ Левъ Цвѣтаевъ».

изданія, въ томъ числѣ такое авторитетное, какъ Ефремовское, печатаютъ 33-й стихъ такъ:

Ты спишь! позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.

Между тѣмъ въ альманахѣ Федорова читаемъ нѣчто совсѣмъ иное:

Ты спишь!... позволь себя несчастной
Прижать къ груди въ послѣдній разъ.

О другихъ, болѣе мелкихъ, отличіяхъ текста альманаха см. въ концѣ I т. статью «Исторія Пушкинскаго текста». Тамъ-же см. и исторію выброшеннаго Федоровымъ и Анненковымъ (а затѣмъ утерянаго) 5-го куплета и 35-го стиха, который въ альманахѣ Федорова былъ напечатанъ такъ:

Проступокъ мой, твой рокъ ужасный.

Это сочиненіе самого Федорова, но, повидимому, вынужденное. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что подлинный Пушкинскій 35-й стихъ:

Законъ неправедный, ужасный

не былъ пропущенъ цензурой. Нѣтъ надобности распространяться о томъ, что для характеристики настроенія, подъ вліяніемъ котораго создался «Романсъ», этотъ стихъ имѣетъ первостепенное значеніе. Онъ прямо перемѣщаетъ центръ тяжести: обвиняемая становится обвинительницею.

Ср. дальше примѣч. къ «Фавну и Пастушкѣ».

С. Венгеровъ.

Заглавная виньетка альманаха Бориса Федорова «Памятникъ Отечественныхъ Музъ» на 1827 г.

Литографія 1839 года. Цензур. В. Флеровъ. Изд. бр. Стрѣльцовыхъ (Москва). Литографія Хитровой. Подъ картиной первые 4 стиха. Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота.

Литографія 1852 г. Цензур. И. Снегиревъ. Лит. Глушковой (Москва). Подъ картиной первые 4 стиха. Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота

29. КОЗАКЪ.

Въ историко-литературномъ отношеніи интересно лицейское стихотвореніе Пушкина «Козакъ» 1814 г., напечатанное въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г. (№ 3). Сохранился автографный текстъ съ посвященіемъ П. П. Пущину и съ припиской послѣ заглавія «Подражаніе малороссійскому». Другая редакція стихотворенія, болѣе обработанная, напечатана въ «Рос. Музеумѣ». Въ комментированномъ изданіи сочиненій Пушкина (Поливанова, предназначенномъ для семьи и школы, нѣтъ этого стихотворенія. Педагогическаго значенія «Козакъ», дѣйствительно, не имѣетъ. Это стихотвореніе интересно лишь въ томъ отношеніи, что расширяетъ кругъ тѣхъ литературныхъ вліяній, подъ которыми Пушкинъ писалъ въ юности.

Въ данномъ случаѣ обнаруживается вліяніе украинской народной словесности. Для наглядности приводимъ здѣсь снова начало стихотворенія, причемъ въ скобкахъ и разрядкой ставимъ нѣкоторыя разночтенія первоначальнаго варіанта, посвященнаго П. П. Пущину:

Разъ полуночной порою,
Сквозь туманъ и мракъ
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой Козакъ.
(Мѣткаго копья луною
Свѣтится конецъ;
Въ грудь упершись бородою,
Задремалъ Донецъ).
Черна шапка на бекренѣ
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.
Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся въ даль.
Вотъ предъ нимъ двѣ-три избушки,
Выломанъ заборъ,
Здѣсь дорога къ деревушкѣ,
Тамъ—въ дремучій боръ.
(Добрый конь остановился,
Мордой траву рветъ;
Храбрый воинъ пробудился,
Въ мигъ узду беретъ.
(Не найду въ лѣсу дѣвицы,
Думалъ хватъ Денисъ.
(Ужъ красавицы въ свѣтлицы
На ночь убрались).
Шевельнулъ Донецъ уздою,
(Сильно сжалъ коня ногою
Шпорой прикольнулъ,
Шпорою кольнулъ)
И помчался конь стрѣлою—
Къ избамъ завернулъ.
Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ сидитъ уныла
Дѣвица краса.
Храбрый видитъ красну дѣву,
Глядь-анъ видитъ...
Сердце бьется въ немъ,
Черна бровь дугой
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву—
Вотъ ужъ подъ окномъ.
(Прямо къ милой: «Стой!»
(Ночь становится темнѣе,
(Скрылася луна.
(Выйдь, коханечка, скорѣе;
Напои коня».
(Выдь, коханочка, изъ дому,
Коню дай воды.
— Нѣтъ, къ мущинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды.—
«Ахъ, небось [1], дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!»
Съ другомъ
— Ночь красавицамъ опасна.—
Чѣмъ любовь для насъ опасна?
Радость, не страшись!
Нѣтъ, мнѣ матерь говорила:
«Бойся, дочь, мущинъ!»!
Мать не разъ мнѣ то твердила
Нѣтъ... не безъ причинъ».
и т. д.

Передѣлки и измѣненія въ текстѣ, въ особенности своеобразный первый куплетъ съ донцомъ, указываютъ, что Пушкинъ, выбросивъ для печати указаніе на малорусскій источникъ, стремился при второй редакціи стереть всѣ слѣды малорусскаго оригинала и свести малорусскаго казака на донского.

Это стихотвореніе представляетъ вольную передѣлку малорусской народной пѣсни объ уводѣ дѣвицы казакомъ. Существуетъ много варіантовъ этой пѣсни—у Чубинскаго V, 207, 231, Головацкаго I, 130, Kolberg'a въ «Pokucie» II, 84, въ «Zbior wiadomosci. do antropol. krajow». Краковская акад. наукъ т. VIII, стр. 178, у

1) Слово «небось» встрѣчается позднѣе въ «Гусарѣ», «Русалкѣ», «Барышнѣ крестьянкѣ», «Капитанской дочкѣ» (Коршъ, Разб. «Русалки» II, 271).

Лубочная гравюра 1848 г. Ценз. Ник. Зерновъ. Изд. А. Бѣлянкина. Металлографія Чукеина (Москва). Подъ картиной выписано (почеркомъ) все стихотвореніе, озаглавленное «Романсъ». Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота.

Лубочная гравюра 1857 г. Ценз. фонъ-Крузе. Печ. въ металлографіи А. Васильева (Москва). Подъ картиной выписано все стихотвореніе, озаглавленное «Романсъ». Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота.

Омельченка подъ № 1, у Чернявской, стр. 150—151 и др. Въ большинствѣ варіантовъ оказываются мазуры или варшавяки, что указываетъ на заимствованіе пѣсни малороссами у поляковъ; но польскія пѣсни этого рода не представляются оригинальными, а представляютъ лишь передѣлку западно-европейскаго пѣсеннаго сюжета объ уводѣ рыцаремъ дѣвицы. Въ другомъ мѣстѣ и по другому поводу я подробно остановлюсь на этомъ циклѣ пѣсенъ. Теперь же мы ограничимся выборкой тѣхъ малорусскихъ варіантовъ, къ которымъ ближе всего подходитъ «Козакъ» Пушкина.

Въ «Трудахъ» Чубинскаго (V, 207):

Зъ-за горы, горы
Идуть мазуры;
А мій мазурочекъ,
Привезе мій виночокъ
Зъ чистого злота.
Винъ иде, иде
Прямо на мой двиръ.
Стукъ, брязь въ виконечко,
«Выйды, выйды, коханочко,
Дай коню воды».
Не велила маты
Коню воды даты;
Мни матуся заказала,
Щобъ я пана не кохала.
Матуси боюсь.
Матуси ни бійсь
Сидай на мой визъ.
Симъ паръ сивыхъ коней,
Сама седыть якъ пани,
Та буде моя.
Туды ихалы
Люди пыталы;
Ой що то за дивчина,
Ой що то за кохана
Иде съ панамы.
Ой иду жъ я иду
Та на свою биду:
Есть у его жинка, диты,
А на мене молодую
Любо поглядиты.

Въ «Малор. пѣсняхъ» Омельченка (стр. 9):

Ой видтиль гора,
А видтиль крута—
Промыжъ тыми крутыми горамы
Сходыла зоря.
Ой то жъ не зоря,
Ой то жъ не ясна,
Ой то жъ тая молода дивчина
По воду пишла.
А я за нею
Якъ за зорею
Сирымъ конемь по-надъ сынимъ моремъ
По-надъ водою.
Да дивчино же моя,
Да паній же коня,
Съ тии, съ тии крыныченьки,
Що холодна вода.
Да дивчино жъ моя
Сидай на коня,
Да поидемъ у чистее поле
До мого двора.
А въ мого двора
Да нема ни кола—
Тилько и родыны, що кущикъ калыны,
Та и та не цвила.
Да калыно жъ моя,
Чомъ ты не цвила?
«Да булы жъ тии лютыи морозы—
Цвиту не дала».

Сравненіе этихъ пѣсенъ съ «Козакомъ» Пушкина интересно на двѣ стороны. Съ одной стороны оно указываетъ, что уже въ началѣ текущаго столѣтія эти пѣсни были весьма популярны, съ другой—на раннее знакомство Пушкина съ народными пѣснями, даже малорусскими, причемъ знакомство съ послѣдними шло какими-то особенными путями, независимо отъ главнаго источника—Арины Родіоновны. Трудно думать, что няня поэта, великороссіянка, знала пѣсню, «Ой гори-гори идутъ мазури». Нѣтъ данныхъ для опредѣленія, когда и отъ кого усвоилъ Пушкинъ эту пѣсню. Л. Н. Майковъ говоритъ: «можно догадываться, что она сообщена была ему товарищемъ его Илличевскимъ, отецъ котораго былъ полтавскій уроженецъ». (Акад. изд. Пушкина, I, 86). Въ передѣлкѣ обнаруживается неудачная великорусская подкраска. Изъ малорусскаго оригинала цѣликомъ взятъ сюжетъ и нѣсколько выраженій—«коню воды дать»; «сядь на борзаго», «коханочка», подъѣздъ къ окну.

Въ печати было изслѣдованіе (проф. Н. П. Петрова) о вліяніи Пушкина на малорусскую словесность; но можно поставить вопросъ и объ обратномъ вліяніи: отрицательнаго отвѣта на него не можетъ быть. Пушкинъ зналъ кое-что о Малороссіи еще въ юности до невольнаго переселенія на югъ Россіи. Хотя въ Екатеринославѣ Пушкинъ пребывалъ очень короткое время, но, по словамъ Смирновой (въ Запискахъ въ IX кн. «Сѣверн. Вѣстн.» 1893 г.), Пушкинъ написалъ здѣсь двѣ сказки—неизвѣстно ка-

Лубочная картина 1866 г. Печ. у Л. Е. Яковлева (Москва).

Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота.

Новѣйшая хромолитографія, изд. Сытинымъ въ 1894 г. (Москва).

Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота.

кія: предполагаю, что одной изъ этихъ сказокъ была демонологическая сказка о полетѣ вѣдьмы, о чемъ подробнѣе скажемъ далѣе. Въ теченіе трехъ лѣтъ своей кишиневской жизни Пушкинъ каждый годъ навѣдывался въ Каменку и Кіевъ, но впечатлѣнія были слабы. Ко времени пребыванія Пушкина на югѣ Россіи относится «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ». Малороссія кое-что дала Пушкину и для «Полтавы». Лучшій остатокъ—описаніе украинской ночи; но во всемъ остальномъ мѣстный колоритъ очень слабъ или совсѣмъ отсутствуетъ. Мѣстами замѣтны слѣды малорусскаго языка, слѣды настолько слабые, что на основаніи ихъ нельзя думать, чтобы Пушкинъ зналъ малорусскій языкъ. Это были случайныя заимствованія двухъ-трехъ общихъ ходячихъ словъ (хуторъ, катъ). По происхожденію, образованію, по своимъ интересамъ, общественнымъ и литературнымъ, Пушкинъ стоялъ далеко отъ Малороссіи. Знакомство его съ этимъ краемъ было болѣе книжное, чѣмъ личное. Извѣстно, что онъ пользовался тенденціозно-патріотической «Исторіей Русовъ» (Полетики), пользовался «Малор. народн. пѣснями» въ изданіи Максимовича. «А я обираю ваши пѣсни»,—сказалъ однажды онъ Максимовичу, при составленіи «Полтавы». Извѣстно далѣе, что Пушкинъ былъ въ восторгѣ отъ украинскихъ повѣстей Гоголя, вслѣдствіи близко сошелся съ авторомъ и, кромѣ того, былъ знакомъ съ нѣкоторыми другими «щирыми» украинцами (М. А. Максимовичемъ и И. А. Маркевичемъ) и, главное, былъ знакомъ съ народной словесностью, съ пѣснями, доказательствомъ чего служитъ «Козакъ», и со сказками, что видно изъ «Гусара» (1833 г.).

Языкъ «Козака» неправильный. Интересенъ галицизмъ: «Храбрый видитъ красну дѣву». Позднѣе въ «Слезѣ» 1816 г. тоже «Мой храбрый вопросилъ» le brave, mon brave въ связи съ другими галицизмами см. у Корша въ Разборѣ Русалки I, 65).

И. Сумцовъ.

Съ любезнаго разрѣшенія автора, беремъ эту интересную замѣтку изъ его «Этюдовъ о Пушкинѣ» (Харьковъ, 1900). Цитируемыя почтеннымъ ученымъ народныя пѣсни, съ одной стороны, конечно, безусловно подтверждаютъ правильность замѣтки на автографѣ Пушкина «Подражаніе малороссійскому». Но съ другой стороны именно сличеніе съ источниками говоритъ гораздо больше о самостоятельности, чѣмъ о подражательности. Въ концѣ концовъ, кромѣ «кохапочки» (въ печатномъ видѣ «*колачечка*» да того, что козакъ попросилъ напоить коня, все остальное есть собственное «изобрѣтеніе», говоря терминомъ старыхъ реторикъ.

Сколько-нибудь серьезной эстетической цѣны «Козакъ», конечно, не имѣетъ. Кромѣ указанныхъ проф. Сумцовымъ неправильностей языка, можно отмѣтить еще дѣтскія рифмы: выступалъ—вдаль, луна—коня, подойти—воды. Въ первоначальномъ вариантѣ подобныхъ неправильностей еще больше, и можно предположить, что для печати стихотвореніе было нѣсколько исправлено или самимъ Пушкинымъ, или редакторомъ «Росс. Музеума» Вл. Измайловымъ.

Но конецъ стихотворенія—

Былъ сей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ

выраженъ превосходно. Онъ настолько напоминаетъ мѣткость и яркость народныхъ пѣсенъ, что даже является мысль о заимствованіи изъ какой-нибудь пѣсни, ускользнувшей отъ вниманія И. Ѳ. Сумцова.

Мы уже знаемъ изъ замѣтки И. Ѳ. Сумцова о предположеніи Майкова, что Пушкинъ могъ познакомиться съ мотивами малорусской поэзіи чрезъ Кулишевскаго, отецъ котораго былъ полтавскій уроженецъ. Можетъ быть, можно было бы также указать и на другого товарища Пушкина, П. В. Малиновскаго, продавшаго «казакомъ» за свою пылкость и увлеченіе подвигами партизанскихъ отрядовъ Платова: мать Малиновскаго была дочерью извѣстнаго протоіерея Самборскаго, по происхожденію—малоросса. Среди сочиненій М. В. Милонова (Смирдинское изд. 1849 г., стр. 110) находимъ небольшое стихотвореніе «Прощаніе казака»: но оно не имѣетъ съ пушкинскимъ ничего общаго, кромѣ развѣ того, что въ немъ изображается также «донецъ». Казаки войска донского, прославившіеся въ походахъ 1807, 1812—1814 гг., нерѣдко воспѣвались въ литературѣ XIX вѣка (см., напр., оду Державина «Атаману Донского войска Платову» и др.); о казакахъ же собственно «малороссійскихъ» въ ту пору не было и рѣчи.

Мы печатаемъ «Козака» въ окончательной редакціи—т. е. по «Рос. Музеуму», соблюдая орфографію журнала. Объ автографѣ, и нѣкоторыхъ другихъ библіографическихъ деталяхъ и вариантахъ ср. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста».

Ред.

29. КОЗАКЪ.

Рядъ полупотной порою,
Сквозь туманъ и мракъ,
Ѣхалъ тихо надъ рѣкою
Удалой козакъ.

✲

Черна шапка на бекренѣ,
Весь жупанъ въ пыли,
Пистолеты при колѣнѣ,
Сабля до земли.

✲

Вѣрный конь, узды не чуя,
Шагомъ выступалъ,
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

✲

Вотъ предъ нимъ двѣ, три избушки—
Выломанъ заборъ;
Здѣсь—дорога въ деревушки,
Тамъ—въ дремучій боръ.

✲

«Не найду въ лѣсу дѣвицы»,
Думалъ хватъ Денисъ;
«Ужъ красавицы въ свѣтлицы
«На ночь убрались».

✲

Шевельнулъ Донецъ удою,
Шпорой прикольнулъ,
И помчался конь стрѣлою,
Къ избамъ завернулъ.

✲

Въ облакахъ луна сребрила
Дальни небеса;
Подъ окномъ спитъ уныла
Дѣвица краса.

✲

Храбрый видитъ красну лѣву,
Сердце бьется въ немъ,
Конь тихонько къ лѣву, къ лѣву
Вотъ ужъ подъ окномъ.

✲

«Ночь становится темнѣе,
«Скрылася луна.
«Выйдь, коханечка, скорѣе.
«Напои коня».

✲

— Шутъ! къ мущинѣ молодому
Страшно подойти,
Страшно выдти мнѣ изъ дому,
Коню дать воды. —

✲

«Ахъ! небось, дѣвица красна,
Съ милымъ подружись!»
— Ночь красавицамъ опасна.—
«Радость, не страшись!

✲

«Вѣрь, коханечка, пустое,
«Ложный страхъ отбрось!
«Тратишь время золотое,
«Милая, небось!

✲

«Сядь на борзаго, съ тобою
«Въ дальній Ѣду край:
Будешь щастлива со мною:
«Съ другомъ всюду рай.»

✲

Что же дѣвица? Склонилась,
Побѣдила страхъ,
Робко ѣхать согласилась:
Щастливъ сталъ Козакъ.

✲

Поскакали, полетѣли.
Дружку другъ любилъ:
Былъ ей вѣренъ двѣ недѣли,
Въ третью измѣнилъ.

1... 14 16.

30. MON PORTRAIT.

На страницѣ 169 стихотвореніе воспроизведено въ томъ видѣ, въ какомъ оно явилось въ «Маякѣ» 1840 г. (ч. III, стр. 24). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы ввели во французскій текстъ нѣсколько небольшихъ исправленій (см. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста») по статьѣ Гаевскаго «Пушкинъ въ лицеѣ» («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 176, 177), и по академич. изд., которое имѣло въ своемъ распоряженіи автографъ, перешедшій отъ Матюшкина къ Е. Д. Куломзиной. Гаевскій сообщаетъ, что его исправленія сдѣланы по копіи того самаго барона Гревеница, которому стихотвореніе написано. Такъ какъ и у «Маяка» не было автографа, то нѣтъ основанія предпочитать его текстъ.

Любопытныя примѣчанія Корсакова требуютъ нѣкоторыхъ исправленій. Не вѣрно, что Пушкинъ присылалъ ему «первые стихи свои для печати». Какъ мы знаемъ, первые стихи Пушкина появлялись въ «Вѣстникѣ Европы» и «Россійскомъ Музеумѣ». Литературныя связи Пушкина и Корсакова относятся къ 1817 г. Петръ Александровичъ Корсаковъ (1790—1844), братъ лицейскаго товарища Пушкина—Николая Корсакова (о немъ дальше) издавалъ «Сѣверный Наблюдатель», въ которомъ изъ стихотвореній Пушкина напечатаны: «Пробужденіе», «Пѣвецъ», «Къ ней», «Посланіе Лидѣ» и эпиграмма «На смерть стихотворца».

И очень коряво и едва-ли точно Корсаковъ перевелъ 19 стихъ

J'abhorre et noises, et débats.

По Корсакову—

Терпѣть не могу досадъ и перекоровъ.

Noises—не досады, а ссоры, шумъ. Débats-же лучше перевести дебаты и тогда вырисовывается одна важная автобіографическая черта. Баронъ Корфъ въ воспоминаніяхъ о своемъ знаменитомъ товарищѣ сообщаетъ: «Бесѣды ровной, систематической, сколько-нибудь связной у него совсѣмъ не было» (Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», стр. 250). Несомнѣнно, объ этомъ своемъ нерасположеніи къ систематическимъ преніямъ, дебатамъ, всегда шумнымъ, а вовсе не о личныхъ «перекорахъ» и говоритъ Пушкинъ.

Ничтожными по поэтическимъ достоинствамъ, «Портретъ» очень интересенъ, какъ искреннее и, въ общемъ, весьма вѣрное самоопредѣленіе. Характерно спокойствіе, съ которымъ Пушкинъ говоритъ о себѣ, какъ объ «обезьянѣ». Очевидно, это даже не было для него больнымъ мѣстомъ.

«Портретъ» любопытенъ и какъ матеріалъ для антропологической характеристики Пушкина. Вотъ что пишетъ проф. Д. Н. Анучинъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «А. С. Пушкинъ. Антропологическій эскизъ. М. 1899» (стр. 32—33):

«Младшій братъ, Левъ Сергѣевичъ, отличался и отъ братьевъ, и отъ матери своею бѣлокуростью или, точнѣе, рыжеватостью. Въ дѣтствѣ Ольга Сергѣевна также имѣла свѣтлые, рыжеватые волосы, которые затѣмъ потемнѣли; но относительно Александра Сергѣевича свѣдѣнія расходятся. Самъ о себѣ поэтъ сказалъ въ своемъ лицейскомъ стихотвореніи «Mon portrait»: «J'ai le teint frais, les cheveux blonds»; но его братъ, Левъ Сергѣевичъ, по словамъ его племянника Л. Н. Павлищева, утверждалъ, что тутъ заключается невѣрность и что его старшій братъ всегда былъ темноволосымъ; что будто-бы однажды младшій Пушкинъ указалъ брату на эту несообразность, и поэтъ отвѣчалъ, что употребилъ выраженіе «cheveux blonds» только ради риѳмы съ «plus long».» А. Н. Майковъ, однако, сомнѣвается въ такой несообразности, ссылаясь на И. А. Корсакова, который былъ знакомъ съ А. С. Пушкинымъ еще въ лицейскій періодъ (черезъ своего брата, тоже лицеиста и который, въ примѣчаніи къ указанному стихотворенію ср. стр. 169. *С. В.*), замѣтилъ: «въ молодости Пушкина волосы его были свѣтлорусые». Съ своей стороны могу прибавить, что и А. Н. Павлищевъ въ послѣднее время, по крайней мѣрѣ, судя по его письму ко мнѣ отъ 8-го февраля 1899 г., утверждаетъ, что «волосы А. С. Пушкина въ дѣтствѣ—такъ же, какъ въ дѣтствѣ у матери т.-е. Ольги Сергѣевны—были бѣлокурые».

Какъ товарищъ Пушкина, и, должно быть, такой, съ которымъ онъ былъ друженъ, разъ онъ ему спеціально написалъ стихотвореніе, заслуживаетъ вниманія баронъ Павелъ Ѳедоровичъ Гревенсъ или Гревеницъ. Свѣдѣнія о немъ находимъ въ книгѣ Я. К. Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» (Спб. 1901, стр. 188).

«П. Ѳ. былъ годомъ старше Пушкина: онъ родился въ Петербургѣ 17 мая 1798 и тамъ же скончался 10 мая 1847 г. Отличаясь скромнымъ и тихимъ нравомъ, онъ, несмотря на свои замѣчательныя способности, никогда не игралъ выдающейся роли. Съ самаго выпуска изъ лицея и до смерти своей онъ служилъ въ канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ... Это былъ человѣкъ очень образованный. Читая почти все, что появлялось замѣчательнаго въ европейскихъ литературахъ, онъ былъ, такъ сказать, живою энциклопедіей. Любимой наукой его была ботаника; по смерти его остались многотомные гербаріи расте-

Съ небольшими исправленіями французскаго текста (см. стр. 168) помѣщаемъ это стихотвореніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно появилось въ «Маякѣ» 1840 г., ч. III. Примѣчанія, подписанныя *Ред.* и *П. К—въ*, принадлежатъ П. А. Корсакову. С. В.

ФРАНЦУЗСКІЕ СТИХИ,

написанные А. С. Пушкинымъ (въ его молодости) къ одному товарищу и сонаучастнику своему по Царскосельскому Лицею [1].

MON PORTRAIT.

Vous me demandez mon portrait,
Mais peint d'après nature:
Mon cher, il sera bientôt fait,
Quoique en miniature.

Je suis un jeune polisson
Encore dans les classes;
Point sot, je le dis sans façon
Et sans fades grimaces.

Oui, il ne fut de babil'ard,
Ni docteur de Sorbonne
Plus ennuyeux et plus braillard
Que moi-même en personne.

Ma taille à celle des plus longs,
Las! n'est point égalée;
J'ai le teint frais, les cheveux blonds
Et la tête bouclée.

J'aime et le monde, et son fracas,
Je haïs la solitude;
J'abhorre et noises, et débats,
Et tant soit peu l'étude.

Spectacles, bals me plaisent fort,
Et d'après ma pensée,
Je dirais ce que j'aime encore.
Si je n'étais au Lycée.

Après cela, mon cher ami,
L'on peut me reconnaître:
Oui, tel que le bon Dieu me fit,
Je veux toujours paraître.

Vrai démon pour l'espièglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie,
Ma foi, voilà Pouchkine.

МОЙ ПОРТРЕТЪ.

Ты просишь у меня портрета моего,
Но—списаннаго съ натуры;
Любезный другъ, онъ скоро будетъ готовъ,
Хоть и въ миніатюрѣ.

Я молодой повѣса,
Еще не вышедшій изъ классовъ;
Не глупъ, сознаюсь въ томъ безъ чиновъ
И безъ приторныхъ ужимокъ.

Не бывало еще ни болтуна,
Ни Сорбонскаго доктора,
Скучнѣе и горластѣе
Моей особы.

Станъ мой съ высокимъ
Не можетъ быть въ уровень;
Я свѣжъ лицомъ: волоса мои *бѣлокуры* [1],
А голова курчава.

Люблю и свѣтъ, и шумъ его,
Ненавижу одиночество;
Терпѣть не могу досадъ и *перекоровъ* [2],
А—отъ малой части—и ученья.

Спектакли, балы мнѣ очень нравятся [3]
И—но душѣ (но мысли)—
Сказалъ бы что еще люблю...
Еслибъ не находился въ Лицеѣ.

Послѣ этого, милый другъ,
Узнать меня можно:
Да! такимъ, какъ Богъ создалъ меня
Хочу всегда казаться.

Настоящій демонъ въ шалостяхъ,
Настоящая обезьяна по виду.
Я вѣтренникъ большой и даже черезъ чуръ.
Но чести—таковъ—ПУШКИНЪ.

1 Стихи эти сообщены намъ товарищемъ и соученикомъ незабвеннаго Пушкина—Барон. П. Ѳ. Гревенсомъ.—Помѣщаемъ ихъ здѣсь съ построчнымъ прозаическимъ переводомъ, какъ драгоцѣнность, еще необнародованную, какъ вѣрную характеристику Пушкина, имъ самимъ написанную, какъ достояніе исторіи нашей литературы. *Ред.*

1 Въ молодости Пушкина волоса его были почти свѣтлорусы.—2 Прекрасное свойство автора—родное не всѣмъ литераторамъ нашего вѣка. — 3 Пушкинъ былъ душой общества, а веселость его неистощимая—какъ истинный геній. Таковъ именно былъ юность Пушкина, когда *присылалъ мнѣ первые свои стихи для печати*. И теперь храню я, какъ клейнодъ, *собственноручное письмо его*, въ которомъ онъ напоминалъ мнѣ о томъ за два мѣсяца до своей смерти. *П. К—въ*.

ній, собранныхъ имъ самимъ въ окрестностяхъ Петербурга. Въ свободные часы онъ занимался и поэзіею. Хотя произведенія его никогда не печатались, но многія изъ нихъ, писанныя какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкахъ, очень цѣнились его друзьями. На могилѣ покойнаго, на Волковомъ кладбищѣ, помѣщена эпитафія, написанная пріятелемъ его Вал. Петр. Свѣчинымъ:

Онъ душу добрую и нѣжную имѣлъ;
Поэтъ между друзей, ученый въ кабинетѣ,
Природу онъ любилъ и въ ней найти умѣлъ
И мудрости плоды, и радость въ полномъ цвѣтѣ».

С. Венгеровъ.

31. ГОРОДОКЪ.

Напечатанъ впервые въ томъ же «Россійскомъ Музеумѣ» Владиміра Измайлова (1815, № 7, стр. 2—15), въ которомъ появился рядъ другихъ произведеній даровитаго лицеиста: «Къ Батюшкову», «Къ И. Г. Ломоносову», «Козакъ» и др. Юный лицеистъ въ 15 лѣтъ становится уже, такимъ образомъ, присяжнымъ писателемъ.

Въ «Россійскомъ Музеумѣ» «Городокъ» появился съ пропусками, въ разныхъ мѣстахъ, 22 стиховъ. Стихи 186—189, гдѣ рѣчь идетъ о направленномъ противъ литературнаго старовѣрства «Видѣніи на берегахъ Леты», Батюшкова, можетъ быть выброшены редакціей. Остальные исчезнувшіе стихи выброшены, конечно, цензурою, не допускавшей тогда никакого—даже «неосторожнаго прикосновенія» къ «предметамъ священнымъ». Вотъ почему исчезли въ журналѣ невинные стихи 15—17:

Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученныя дьячокъ.

Менѣе невинны замѣненные точками стихи 411—418:

Служителей Твоихъ,
Поповъ и городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ папа Іудеевъ,
Я вовсе не люблю.

Въ этомъ презрительномъ отношеніи къ поповству нельзя не видѣть очень замѣчательнаго «Фернейскаго крикуна», о которомъ съ такою любовью говорится въ «Городкѣ».

Наконецъ, цензура не пропустила и стихи 420—423:

А съ ними крючковатый
Подьяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.

Подпись подъ «Городкомъ» уже необычное I—16—14 (см. стр. 132), а I... 17—14. I и 14 можно объяснить какъ начало имени *А* и конецъ фамиліи *Н.*, но что значитъ 17—не знаемъ.

Пушкинъ не внесъ «Городокъ» въ изданныя имъ самимъ собранія своихъ сочиненій. Онъ былъ перепечатанъ только въ посмертномъ изданіи (т. IX, Спб., 1841 стр. 410—425) съ тѣми же пропусками.

Не были возстановлены пропуски и въ Анненковскомъ изданіи (т. II, Спб., 1855) и въ изданіи Геннади. И только въ «Библіогр. Запискахъ» 1861 г. (№ 9, стр. 272) П. А. Ефремовъ, пользуясь лицейскою тетрадью барона М. А. Корфа (о ней въ концѣ тома), возстановилъ цензурные выброски. Впрочемъ, не всѣ: и ему пришлось вмѣсто *поповъ* писать *п—въ*.

Мы печатаемъ «Городокъ», придерживаясь ореографіи «Россійскаго Музеума» и только въ 2-3 мѣстахъ измѣняя явно-ошибочную пунктуацію и начертаніе (см. въ концѣ тома).

Анненковъ въ небольшомъ примѣчаніи къ «Городку» увѣряетъ, что «пьеса эта имѣетъ много поправокъ, сдѣланныхъ журналомъ В. В. Измайлова». Но самъ онъ напечаталъ «Городокъ» по «Россійскому Музеуму». Значитъ, у него не было подлиннаго текста подъ руками и заявленіе его, слѣдовательно, голословно.

Среди лицейскихъ стихотвореній «Городокъ» занимаетъ особое мѣсто по своему автобіографическому значенію. Такъ же, какъ въ посланіи «Къ сестрѣ» (см. № 13), передъ нами драгоцѣннѣйшій матеріалъ для сужденія о томъ, подъ какими литературными вліяніями шло развитіе юнаго поэта.

Это важное автобіографическое значеніе «Городка» было отмѣчено критикою тогчасъ, какъ онъ въ посмертномъ изданіи былъ извлеченъ изъ забвенія. Проводникъ тріединой панацеи—«самодержавіе, православіе и народность»—Шевыревъ («Москвитянинъ» 1841, № 9, конечно, съ

ТИХІЙ УГОЛОКЪ ЦАРСКАГО СЕЛА 1810—1820 гг.

Теперь Набережная улица, на которой гимназія.
Изъ сборника-альбома: «Двѣнадцать видовъ Царскаго Села. Снималъ и на камнѣ рисовалъ воспитанникъ Императорскаго Лицея Валеріанъ Лангеръ 1820.

31. ГОРОДОКЪ.

Къ ***.

Прости мнѣ, милой другъ,
Двухлѣтнее молчанье:
Писать тебѣ посланье
Мнѣ было недосугъ.
На тропкѣ принесенной
Изъ рощицы смиренной
Въ великой градъ Петра,
Отъ утра до утра
Два года все кружился
Безъ дѣла въ хлопотахъ,
Зѣвая, веселился
Въ театрѣ, на пиршествахъ:
Не вѣдалъ я покоя,
Увы! ни на часокъ,
Какъ будто у налоя
Въ великій четвертокъ
Измученной дѣвочкѣ.
Но слава, слава Богу!
На ровную дорогу
Я выѣхалъ теперь:
Ужъ вытолкалъ за дверь
Заботы и печали,
Которыя играли,
Стыжусь, столь долго мной;
И въ тишинѣ святой
Философомъ лѣнивымъ,
Отъ шума вдалекѣ,
Живу я въ городкѣ
Безвѣстностью счастливомъ.
Я нанялъ свѣтлой домъ
Съ диваномъ, съ камелькомъ;
Три комнатки простыя
Въ пухъ злата, бронзы нѣтъ,
И ткани выцвѣтныя
Не кроютъ ихъ паркетъ.
Окошки въ садъ веселый,
Гдѣ липы престарѣлы
Съ черёмухой цвѣтутъ:
Гдѣ мнѣ въ часы полудневны
Березокъ своды темны
Прохладну сѣнь даютъ:
Гдѣ ландышъ бѣлоснѣжной
Сплелся съ фіалкой нѣжной,
И быстрый ручеёкъ,

страшнымъ огорченіемъ цитировалъ отзывъ о Вольтерѣ:

Фернейскій злой крикунъ
Поэтъ въ поэтахъ первый!

И вообще въ каталогѣ Пушкинской библіотеки Шевыревъ находилъ «такія имена, которыхъ не желалъ-бы встрѣтить между первыми учителями Пушкина».

Бѣлинскій безъ всякой горечи говоритъ о составѣ библіотеки юнаго Пушкина.

При этомъ онъ далъ вѣрную характеристику той духовной свободы, которой полонъ «Городокъ», и первый указалъ на соотношеніе съ «Моими пенатами» Батюшкова:

«Подобно Батюшкову, Пушкинъ въ этомъ стихотвореніи говоритъ о своихъ любимыхъ писателяхъ, которые заняли мѣсто на полкахъ его избранной библіотеки. Только онъ говоритъ не объ однихъ русскихъ писателяхъ, но и объ иностранныхъ. Несмотря на явную подражательность Батюшкову, которою запечатлѣна эта піеса, въ ней есть нѣчто и свое, Пушкинское! Это не стихъ, который довольно плохъ (?), но шаловливая вольность, чуждая того, что французы называютъ prud-rie, и столь свойственная Пушкину. Онъ нисколько не думаетъ скрывать отъ свѣта того, что всѣ дѣлаютъ съ наслажденіемъ наединѣ, но о чемъ всѣ, при другихъ, говорятъ тономъ строгой морали; онъ называетъ всѣхъ своихъ любимыхъ писателей... Юношеская заносчивость, безпрестанно придирающаяся сатирою къ бездарнымъ писакамъ и, особенно, главѣ ихъ, извѣстному Свистову, также характеризуетъ Пушкина».

Соотношеніе «Городка» и «Моихъ пенатовъ» обстоятельно разработано Гаевскимъ въ его замѣчательной статьѣ «Пушкинъ въ Лицеѣ» («Современникъ» 1863, № 8, стр. 353—360). Изъ «Моихъ пенатовъ» взятъ не только размѣръ, общій тонъ, своеобразный пріемъ перечислить всѣхъ любимыхъ писателей, но и отдѣльныя картинки, подробности, риѳмы и слова.

Такъ, стихи 54—59 являются пересказомъ слѣдующихъ стиховъ «Моихъ пенатовъ»:

Идя путемъ-дорогой
Съ смиренною клюкой,
Ты смѣло постучися,
О, воинъ, у меня:
Войди и обсушися
У яркаго огня.

Изъ «Моихъ пенатовъ» взято и сближеніе въ «Городкѣ» (114—117) Державина съ Гораціемъ и риѳмующія слова:

Въ толпѣ и Музъ, и Граціи
То съ лирой, то съ трубой
Нашъ Пиндаръ, нашъ Горацій
Сливаетъ голосъ свой.

Не останавливаясь на другихъ, вполнѣ очевидныхъ совпаденіяхъ, приведемъ еще только то мѣсто «Моихъ пенатовъ», гдѣ Батюшковъ даетъ пріютъ старому воякѣ:

О, старецъ, убѣленный
Годами и трудомъ,
Трикраты уязвленный
На приступѣ штыкомъ!
Двуструнной балалайкой
Походы прозвени,
Про витязя съ нагайкой,
Что въ жупелъ и въ огни
Леталъ передъ полками,
Какъ вихорь на поляхъ,
И въ кругъ его рядами
Враги ложились въ прахъ!...

Вся фигура этого Батюшковскаго воина почти цѣликомъ вошла въ изображеніе маіора очаковскихъ временъ, которымъ заканчивается «Городокъ».

Въ общемъ, цѣликомъ должно быть принято заключеніе Гаевскаго:

«Сличенія эти вполнѣ доказываютъ, что одно изъ замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ юношескихъ произведеній Пушкина, несмотря на выразившуюся въ немъ личность поэта, есть сколокъ съ «Моихъ пенатовъ».

Эта тѣсная связь съ «Моими пенатами» устанавливаетъ опредѣленныя границы для «автобіографичности» «Городка». Автобіографиченъ, главнымъ образомъ, каталогъ любимыхъ авторовъ. Въ бытовыхъ-же подробностяхъ «Городка» не мало такого, что является не отраженіемъ дѣйствительно пережитаго, а просто перепѣвомъ. Но, конечно, индивидуальность Пушкина сказалась въ выборѣ тѣхъ мѣстъ, которымъ онъ подражалъ. Вотъ почему намъ кажется вполнѣ правильнымъ замѣчаніе Незеленова, къ которому Майковъ относится скептически въ виду того, что старый служака взятъ изъ «Моихъ пенатовъ». Незеленовъ именно находитъ, что въ «Городкѣ» и позднѣйшемъ «Снѣ» (1816) «поэтъ отдаетъ предпочтеніе деревенской тишинѣ и простотѣ передъ городскими суетными утѣхами; въ обоихъ сочиненіяхъ онъ сочувственно рисуетъ простыхъ людей».

И если одинъ изъ этихъ «простыхъ людей» — маіоръ — и взятъ у Батюшкова, то добрая старушка съ своими наивно-добродушными сплетнями — созданіе молодого лицеиста. Живя въ лицеѣ, Пушкинъ, конечно, имѣлъ полную возможность наблюдать жизнь

Въ струяхъ несся цвѣтокъ,
Невидимый для взора,
Лепечетъ у забора.
Здѣсь добрый твой поэтъ
Живетъ благополучно;
Не ходитъ въ модный свѣтъ;
На улицѣ каретъ
Не слышитъ стукъ докучной:
Здѣсь грома вовсе нѣтъ;
Лишь изрѣдка тѣлега
Скрипитъ по мостовой,
Иль путникъ, въ домикъ мой
Пришедъ искать ночлега,
Дорожною клюкой
Въ калитку постучится...

Блаженъ, кто веселится
Въ покоѣ, безъ заботъ,
Съ кѣмъ втайнѣ Феба дружится
И маленькой Эроть;
Блаженъ, кто на просторѣ
Въ укромномъ уголкѣ,
Не думаетъ о горѣ,
Гуляетъ въ колпакѣ,
Пьетъ, ѣстъ, когда захочетъ,
О гостѣ не хлопочетъ!
Никто, никто ему
Мѣшаться одному
Въ постелѣ не мѣшаетъ;
Захочетъ—Лошадь
Толпу къ себѣ сзываетъ:
Захочетъ—сладко спитъ,
На *Ричмова* склонясь
И тихо забываясь.
Такъ я, мой милой другъ,
Теперь расположился:
Съ толпой безстыдныхъ слугъ
Наѣвки распростился;
Укрывшись въ кабинетъ,
Одинъ я не скучаю,
И часто цѣлой свѣтъ
Съ восторгомъ забываю.
Друзья мнѣ—мертвецы,
Парнасскіе жрецы,
Надъ полкою простою,
Подъ тонкою тафтою
Со мной они живутъ,
Шьющы краснорѣчивы,
Прозаики шутливы,
Въ порядкѣ стали тутъ.
Сынъ Мома и Минервы,
Фернейскій злый крикунъ,
Поэтъ въ поэтахъ первый,
Ты здѣсь, сѣдой шалунъ!
Онъ Фебомъ былъ воспитанъ,
Издѣтства сталъ пѣтъ:
Всѣхъ больше перечитанъ,
Всѣхъ менѣе томитъ;
Сонетникъ Эврипида,
Эраты нѣжной другъ,
Хьюста, Тасса внукъ
Скажу ль?... Отецъ Кандида
Онъ все: вездѣ великъ
Единственной старикъ!
На полкѣ за Вольтеромъ
Виргилій, Тассъ съ Гомеромъ,
Всѣ вмѣстѣ предстоятъ.
Въ часъ утренній досуга
Я часто другъ отъ друга
Люблю ихъ отрывать.
Питомцы юныхъ Граціи—
Съ Державинымъ потомъ
Чувствительный Горацій
Является вдвоемъ.
И ты, нѣжецъ любезной,
Поэзіей прелестной
Сердца привлекшій въ плѣнъ,
Ты здѣсь, лѣнтяй безпечный,
Мудрецъ простосердечный,
Вашонъ Лафонтенъ!
Ты здѣсь—и Дмитревъ нѣжный,
Твой вымыселъ любя,
Нашелъ пріютъ надежный
Съ Крыловымъ близъ тебя.—
Но вотъ напереникъ милой
Исчезъ златокрылой!
О, добрый Лафонтенъ,
Съ тобой онъ смѣлъ сразиться...
Коль можешь ты дивиться,
Дивись: ты побѣжденъ!
Воспитанны Амуромъ
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ,
Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ).
Здѣсь Озеровъ съ Расиномъ,
Руссо и Карамзинъ,
Съ Мольеромъ-исполиномъ
Фонъ-Визинъ и Княжнинъ.
За ними, хмурясь важно,
Ихъ грозный Аристархъ
Является отважно
Въ шестнадцати томахъ.
Хоть страшно стихоткачу
Лагарпа видѣть вкусъ,
Но часто, признаюсь,
Надъ нимъ я время трачу.

Кладбище обрѣли
На самой нижней полкѣ
Всѣ школьнически толки,
Лежащіе въ пыли,
Виршова сочиненья,

полудеревенскихъ улицъ Царскаго. А кромѣ того тутъ могли сказаться и воспоминанія лѣтнихъ мѣсяцевъ 1811 г., когда Пушкинъ жилъ въ Царскомъ въ ожиданіи открытія Лицея.

Изъ отдѣльныхъ мѣстъ и намековъ «Городка» требуютъ поясненій:

Ст. 76. На Риѳмова склоняясь.

Надо думать, что рѣчь о «Риѳматовѣ» изъ посланія «Къ другу-стихотворцу», т.-е. о Ширинскомъ-Шихматовѣ (см. о немъ дальше).

Ст. 97—104. Вольтеръ здѣсь названъ сыномъ «Мома» и богини мудрости Минервы. Момъ (момосъ)—богъ насмѣшки и порицанія у грековъ.

Ст. 128—129. Но вотъ наперсникъ милой
Психеи златокрылой —

т.-е. Богдановичъ, заимствовавшій изъ «добраго Лафонтена» свою знаменитую «Душеньку».

Ст. 156. Визгова сочиненья
Глупона псалмопѣнья

Глупонъ обозначенъ слишкомъ общимъ признакомъ, чтобы въ немъ можно было узнать опредѣленное лицо. Но въ Визговѣ Л. Н. Майковъ усматриваетъ С. Н. Висковатова (см. стр. 143), потому что въ посланіи «Къ Батюшкову (стр. 147) о Висковатовѣ сказано, что онъ «визжать заставилъ Мельпомену».

Ст. 164. Я спряталъ потаенну
Сафьяную тетрадь и т. д.

Черта времени. Въ концѣ 18-го и первой половинѣ 19-го столѣтій чрезвычайно были распространены тетрадки со стихами, «презрѣвшими печать», т.-е. почему-либо запретными. Составъ ихъ обыкновенно былъ очень пестрый, какъ это можно видѣть и изъ того, что разсказываетъ поэтъ о своей тетради. Тутъ и серьезныя сатиры кн. Горчакова, и нецеремонный «Опасный сосѣдъ» Вас. Пушкина и, наконецъ, неприкрытая грязь барковщины. Съ усиленіемъ реакціи, такого рода тетради даютъ пріютъ и всему подвергшемуся цензурнымъ гоненіямъ.

Ст. 175. Хвала вамъ, чада славы.

Стихъ изъ «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ» Жуковскаго

Ст. 178—85. О Князь, наперсникъ муз и т. д.

— кн. Д. И. Горчаковъ. (См. о немъ дальше).

Ст. 186—192. И ты, насмѣшникъ смѣлый
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ стихъ веселый и т. д.

Рѣчь о знаменитой сатирѣ Батюшкова на плохихъ стихотворцевъ—«Видѣніе на берегахъ Леты».

Ст. 193—196. И ты замысловатый
Буянова пѣвецъ.

Буяновъ—герой нецеремонной поэмы «Опасный сосѣдъ» Василія Пушкина. (См. о немъ дальше особую статью).

Ст. 198—211. И ты, шутникъ безцѣнный

Обращеніе къ Крылову, какъ автору шуточной трагедіи «Трумфъ». Упоминаемые далѣе Подщипа, Чернавка и другіе—персонажи этой шутки, написанной въ 1798 г., но въ печати появившейся только въ 1859, и то въ Берлинѣ. Въ Россіи впервые напечатана въ 1871 г. («Рус. Старина»).

Ст. 212—215. По назову ль дѣтину и т. д.

Нельзя сомнѣваться, что рѣчь о знаменитомъ порнографѣ Н. С. Барковѣ (1732—1768). Только онъ одинъ и былъ въ состояніи наполнить своими многочисленными «срамными» сочиненіями «тетради половину». Къ нему же надо отнести

Ст. 216—232. О ты, высотъ Парнаса,
и т. д. до Не стану я писать.

хотя комментаторы тутъ расходятся. На этихъ разногласіяхъ стоитъ остановиться, потому что попутно выясняется роль Баркова въ ряду «учителей» Пушкина.

Ефремовъ въ изданіи 1880 г. къ стиху

Великъ, великъ Свистовъ

сдѣлалъ пояснительную сноску: гр. Д. И. Хвостовъ. Майковъ присоединился къ этому мнѣнію. Но П. О. Морозовъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1899 г. № 8 и Б. В. Никольскій въ «Ист. Вѣст.» 1899 г. № 7 (въ своихъ рецензіяхъ на 1-ое изд. I т. Академич. изданія) доказывали, что тутъ несомнѣнно рѣчь идетъ о Барковѣ.

Соображенія г. Никольскаго очень любопытны:

«Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что весь періодъ ст. 212—232 относится не къ гр. Хвостову, а къ Баркову: это ясно по ходу мыслей. Л. Н. Майковъ, повидимому, введенъ былъ въ заблужденіе сатирическою кличкою «Свистовъ», всегда

Глупона псалмопѣнья,
Извѣстныя творенья,
Увы! однимъ мышамъ.
Миръ вѣчной и забвенье
И прозѣ и стихамъ!
По ими огражденну
(Ты долженъ это знать)
Я спряталъ потаенну
Сафьянную тетрадь.
Сей свитокъ драгоцѣнный,
Вѣками сбереженный,
Отъ члена Рускихъ силъ,
Двоюроднаго брата,
Драгунскаго солдата
Я даромъ получилъ.
Ты кажется въ сомнѣньи...
Не трудно отгадать:
Такъ, это сочиненьи,
Презрѣвшія печать.
Хвала вамъ, чада славы,
Враги Парнасскихъ узъ!
О, Князь, наперсникъ Музъ,
Люблю твои забавы;
Люблю твой колкій стихъ
Въ посланіяхъ твоихъ;
Въ сатирѣ—знанье свѣта
И слога чистоту,
И въ рѣзвости куплета
Игриву остроту—
И ты, насмѣшникъ смѣлый,
Въ ней мѣсто получилъ,
Чей въ адѣ стихъ веселый
Поэтовъ раздражилъ,
Какъ въ юношески лѣты,
Въ волнахъ туманной Леты
Ихъ гуртомъ потопилъ:—
И ты, замысловатый
Буянова пѣвецъ,
Въ картинахъ толь богатый
И вкуса образецъ:
И ты, шутникъ безцѣнный,
Который Мельпомены
Котурны и кинжалъ
Игривой Тальи далъ!
Чья кисть мнѣ нарисуетъ,
Чья кисть скомпанируетъ
Такой оригиналъ!
Тутъ вижу я съ *Чернавкой*
Подщипа слезы льетъ:
Здѣсь Князь дрожитъ подъ лавкой,
Тамъ дремлетъ весь совѣтъ:
Въ трагическомъ смятеньи
Плѣненные цари,
Забывъ войну, сраженьи,
Играютъ въ кубари...
Но назову-ль дѣтину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнилъ лишь собой!
О ты, высотъ Парнасса
Бояринъ небольшой,
Но пылкаго Пегаса
Наѣздникъ удалой!
Намаранныя оды
Убранства чердаковъ
Гласятъ изъ рода въ роды:
Великъ, великъ—Свистовъ!
Твой даръ цѣнить умѣю,
Хоть право, незнатокъ;
Но здѣсь тебѣ не смѣю
Хвалы сплетать вѣнокъ:
Свистовскимъ должно слогомъ
Свистова воспѣвать:
Но, убирайся съ Богомъ!
Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать.—

О вы, въ моей пустынѣ
Любимые творцы!
Займите же отнынѣ
Безпечности часы.
Мой другъ! весь день я съ ними,
То въ думу углубленъ,
То мыслями своими
Въ Елизій перенесенъ.
Когда же на закатѣ
Послѣдній лучь зари
Потонетъ въ яркомъ златѣ,
И свѣтлые цари
Смеркающейся нощи
Плывутъ по небесамъ,
И тихо дремлютъ рощи
И шорохъ по лѣсамъ;
Мой геній невидимкой
Летаетъ надо мной:
И я въ тиши ночной
Сливаю голосъ свой
Съ пастушьею волынкой.
Ахъ! щастливъ, щастливъ тотъ,
Кто лиру въ даръ отъ Ѳеба
Во цвѣтѣ дней возьметъ!
Какъ смѣлый житель неба,
Онъ къ солнцу воспаритъ,
Превыше смертныхъ станетъ,
И слава громко грянетъ:
«Безсмертенъ ввѣкъ піитъ!»

Но ею мнѣ ль гордиться,
Но мнѣ-ль безсмертьемъ льститься?...
До слезъ я спорить радъ,
Не бьюсь лишь объ закладъ,
Какъ знать и мнѣ, быть можетъ,
Печать свою наложитъ
Небесный Аполлонъ:

обозначающею гр. Хвостова. Но имѣются всѣ основанія полагать, что въ данномъ случаѣ кличка поставлена не самимъ Пушкинымъ, а переписчикомъ лицейской тетради гр. М. А. Корфа; либо-же самимъ Пушкинымъ была употреблена завѣдомо неумѣстно, чтобы имѣть лазейку на случай, если стихотвореніе попадетъ въ руки начальства. Дѣло въ томъ, что рнѳма «Чердаковъ» и «Свистовъ» слишкомъ знаменательна, если предположить, что «Свистовъ» поставлено страха ради іудейска вмѣсто «Барковъ». Въ свою очередь, разъ допустить эту загадку,—а трудно было-бы не допустить ея,—позволительно предположить, что и въ словѣ «Чердаковъ» подлинный текстъ далъ-бы намъ другія двѣ первыя буквы, такъ какъ для прозведеній Баркова характерно быть «убранствомъ» не «чердаковъ», а совсѣмъ другихъ помѣщеній. Наконецъ, грубоватая рнѳма (хотя и попадающаяся въ раннихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина)

Какъ ты, въ томъ клясться радъ,
Не стану я писать

даетъ въ этомъ мѣстѣ поводъ подозрѣвать, что и слова «въ томъ клясться радъ» замѣняютъ нѣчто иное,—по выраженію самого Пушкина въ другомъ мѣстѣ,—«русскій титулъ». Всѣ эти соображенія подтверждаются и словами Бѣлинскаго, по которому въ «Городкѣ» Пушкинъ называетъ всѣхъ своихъ любимыхъ писателей: очевидно, Бѣлинскій зналъ пьесу въ спискѣ, гдѣ всѣ были названы по именамъ, безъ подмѣны Баркова Свистовымъ».

Кромѣ послѣдняго, весьма гадательнаго, предположенія, всѣ остальныя предположенія г. Никольскаго чрезвычайно правдоподобны. Напрасно только г. Никольскій примѣналъ тутъ «переписчика» тетради барона Корфа (о ней см. въ концѣ тома). При чемъ тутъ эта тетрадь, когда «Городокъ» былъ напечатанъ въ «Россійскомъ Музеумѣ» самимъ Пушкинымъ.

Майковъ не согласился съ мнѣніемъ своихъ критиковъ и во 2-мъ изд. Тома обосновалъ свою точку зрѣнія такими доводами:

«Подъ Свистовымъ разумѣется гр. Д. И. Хвостовъ, получившій это прозвище отъ Батюшкова, который въ посланіи къ Жуковскому (1812 г.) говоритъ:

Свои стихотворенія
Читаетъ мнѣ Свистовъ.

Въ ст. 382—386 «Городка» Пушкинъ также упоминаетъ объ утомительномъ чтеніи Свистова.

Слѣдуетъ замѣтить, что Н. О. Морозовъ («Вѣстникъ Европы» 1899, № 8, стр. 863 и 866) и Б. В. Никольскій («Историческій Вѣстникъ» 1899, т. LXXVIII, стр. 204) предпочитаютъ относить ст. 216—229 не къ Хвостову, а къ Баркову, о которомъ говорится въ предшествующихъ стихахъ; но упоминаніе объ утомительномъ чтеніи Свистова не позволяетъ намъ принять эту догадку».

Послѣдній доводъ несостоятеленъ. Совершенно очевидно, что тотъ Свистовъ, объ «утомительномъ чтеніи» котораго говорится въ стихахъ 382—386 [1]), ничего общаго не имѣетъ съ тѣмъ, всего менѣе утомительнымъ писателемъ, литературный обликъ котораго набросанъ въ стихахъ 216—232.

П. А. Ефремовъ въ послѣднемъ изданіи 1905 г. отказывается отъ прежняго своего мнѣнія и въ пользу того, что здѣсь рѣчь не о Хвостовѣ, а о Барковѣ, приводитъ доводъ вполнѣ рѣшающаго свойства:

«У графа Хвостова»,—совершенно справедливо говоритъ онъ,—«вовсе не было стихотвореній, «предрѣшившихъ печать», т.-е. не подходившихъ подъ мѣтку цензуры, а прочія никто-бы не сталъ переписывать, и въ особенности «членъ русскихъ силъ, драгунскій солдатъ», подарившій эту тетрадь Пушкину».

Ст. 272. Не весь я преданъ тлѣнью.

Майковъ почему-то думаетъ, что

въ этомъ стихѣ можно предположить пародію слѣдующихъ стиховъ Державинскаго «Памятника»:

. . . Часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ
жить».

Почему же пародію? Общій тонъ предшествующихъ стиховъ совсѣмъ не шутливый. Скорѣе это инстинктивное предчувствіе своего будущаго значенія и какъ бы первый эскизъ знаменитаго стиха «Памятника»

Нѣтъ, весь я не умру.

Ст. 345. Маронъ—Виргилій.

Ст. 368—369. Кого жена по модѣ
Рогами убрала.

Очевидно, намекъ на сказку Дмитріева «Модная жена», гдѣ молодая жена ставитъ рога старому мужу.

Ст. 372—384. А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленный
Не слушая ее,
Ни рнѳмы удалова.
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ.

Мы печатаемъ эти стихи такъ, какъ они напечатаны въ «Россійскомъ Музеумѣ». Въ этомъ же видѣ они напечатаны въ посмертномъ изданіи 1841 г. и во всѣхъ послѣдующихъ. Въ академическомъ Майковъ,

[1]) По чтенію Майкова:

На рнѳмы удалова
Такъ нѣкогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.

ЦАРСКОСЕЛЬСКОЕ ОЗЕРО ВЪ ПУШКИНСКІЕ ДНИ.

Современный рисунокъ лицеиста Лангера. Спб. 1820 г.).

Сіяя горнимъ свѣтомъ,
Безтрепетнымъ полетомъ
Взлечу на Геликонъ.
Не весь я преданъ тлѣнью:
Съ моей, быть можетъ, тѣнью
Полунощной порой
Сынъ Феба молодой,
Мой правнукъ просвѣщенный
Бесѣдовать придетъ
И мною вдохновенный,
На лирѣ воздохнетъ.

Покамѣстъ, другъ безцѣнный,
Каминомъ освѣщенный,
Сижу я подъ окномъ
Съ бумагой и съ пером,
Не слава предо мною,
Но дружбою одною
Я пылъ вдохновенъ.
Мой другъ, я счастливъ ею:
Почтожъ ея сестрой,
Любовію младой
Напрасно пламенѣю?
Иль юности златой
Вотще даны мнѣ розы,
И лить навѣки слезы
Въ юдолѣ, гдѣ разцвѣлъ,
Мой горестный удѣлъ?...
Пѣвца сопутникъ милой,
Мечтанье легкокрыло!
О будь же ты со мной,
Дай руку сладострастью,
И съ чашей круговой
Веди меня ко щастью
Забвенія тропой:
И въ часъ безмолвной ночи,
Когда лѣнивый макъ
Покроетъ томны очи,
На вѣтреныхъ крылахъ
Примчись въ мой домикъ тѣсной,
Тихонько постучись,
И въ тишинѣ прелестной
Съ любимцемъ обнимись!
Мечта! въ волшебной сѣни
Мнѣ милую яви,
Мой свѣтъ, мой добрый геній,
Предметъ моей любви,
И блескъ очей небесный,
Льющихъ огнь въ сердца,
И Грацій станъ прелестный,
И сѣнь ея лица:
Представь, что на колѣняхъ
Покоясь у меня,
Въ порывистыхъ томленьяхъ

ни однимъ словомъ не объясняетъ, чѣмъ онъ въ данномъ случаѣ руководствовался, напечаталъ это мѣсто такъ:

А я снизу смиренно,
Въ мечтаньяхъ углубленной,
Не слушая ее.
На рюмы *удалова*
Такъ никогда Свистова
Въ столицѣ я внималъ.

П. О. Морозовъ въ своемъ изд. 1904 г., принявъ редакцію Майкова, съ похвалою отмѣтилъ въ примѣчаніяхъ то, что Майковъ исправилъ «явную опечатку» «РоссійскагоМузеума» П. А. Ефремовъ тоже принялъ немотивированную передѣлку Майкова.

Мы, однако же, рѣшительно отказываемся принять поправку Академическаго изданія. «На рюмы удалова»—это характеристика очень лестная, и съ какой стати Пушкинъ сталъ бы приплетать ее къ бездарному, усыпительному Свистову-Хвостову?

Все это мѣсто, впрочемъ, намъ тоже кажется искаженнымъ какими-то опечатками. Тутъ недопустимая неграмотность: внимаютъ кому-нибудь, а не кого-нибудь, и нельзя сказать: «Свистова я внималъ».

«Городокъ» даетъ полный каталогъ тѣхъ писателей, подъ вліяніемъ которыхъ шло умственное развитіе Пушкина. Въ программу нашего изданія не входитъ сообщеніе свѣдѣній о такихъ общеизвѣстныхъ величинахъ, какъ Гомеръ, Виргилій, Горацій, Тассъ, Аріостъ, Расинъ, Мольеръ, Руссо, Лагарпъ, Лафонтенъ; изъ русскихъ Державинъ, Дмитріевъ, Крыловъ и др. Но мы даемъ здѣсь же небольшія справки о малоизвѣстныхъ Вержье и Грекурѣ, а дальше дадимъ этюдъ объ оказавшемъ столь большое вліяніе на Пушкина Парни. Изъ русскихъ писателей, упоминаемыхъ въ «Городкѣ», даемъ замѣтку о совершенно забытомъ теперь кн. Д. И. Горчаковѣ.

С. Венгеровъ.

ЖАКЪ ВЕРЖЬЕ (1655—1720).

Вержье—одинъ изъ лучшихъ подражателей Лафонтена, авторъ чрезвычайно-фривольныхъ игривыхъ сказокъ, разсказанныхъ однако, съ легкостью, простотой и юморомъ. Его предназначали къ духовной карьерѣ, но, отказавшись отъ намѣренія стать священникомъ онъ сдалъ экзаменъ на бакалавра и поступилъ на морскую службу. Онъ велъ легкомысленный образъ жизни и умеръ, убитый разбойниками знаменитой шайки Картуша.

Фронтисписъ соч. ВЕРЖЬЕ, съ его портретомъ изд. 1750 г.

Сказки Вержье—типичные образцы эротической литературы того времени. Главная ихъ цѣль—позабавить читателя описаніемъ пикантныхъ сценъ, а главное искусство—дать все понять, ничего не называя, прикрывая грубость сюжетовъ поэтичностью образовъ, юморомъ положеній, игрой полунамековъ. Вержье частью пересказывалъ наиболѣе рискованные боккачіевскіе сюжеты изъ Rossignol и др., а частью бралъ сюжеты изъ французской дѣйствительности, главнымъ образомъ изъ крестьянской среды. Въ сущности, онъ пользуется почти всегда однимъ и тѣмъ же пріемомъ представить ту крайнюю наивность молоденькихъ дѣвушекъ, которая дѣлаетъ ихъ героинями самыхъ откровенныхъ эротическихъ похожденій. Контрастъ изображаемыхъ происшествій и безсознательнаго отношенія къ нимъ главныхъ участницъ и составляетъ пикантность сказокъ. Это классическій пріемъ всѣхъ произведеній такого рода, и Вержье идетъ по сто

Склонилася она
Ко груди грудью страстной,
Устами на устахъ,
Горитъ лицо прекрасной
И слёзы на глазахъ!...
Почто стрѣлой незримой
Уже летишь ты вдаль?
Обманетъ — и пропалъ
Бѣглецъ невозвратимой!
Не слышитъ плачь и стонъ,
И гдѣ крылатый сонъ?
Изчезнетъ обольститель,
И въ сердцѣ грусть-мучитель.

Но все ли, милой другъ,
Быть щастья въ упоеньи?
И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье:
Люблю я въ лѣтній день
Бродить одинъ съ тоскою,
Встрѣчать вечерню тѣнь
Надъ тихою рѣкою,
И съ сладостной слезою
Въ даль сумрачну смотрѣть;
Люблю съ моимъ Марономъ
Подъ яснымъ небосклономъ
Близь озера сидѣть,
Гдѣ лебедь бѣлоснѣжной,
Оставя длакъ прибрежной,
Любви и нѣги полнъ,
Съ подругою своею,
Закинувъ гордо шею,
Плыветъ во златѣ волнъ,
Или, для развлеченья,
Оставя книгъ ученье,
Въ досужной мнѣ часокъ
У добренькой старушки
Душистый пью чаёкъ:
Не подхожу я къ ручкѣ,
Не шаркаю предъ ней;
Она не присѣдаетъ,
Но тотчасъ и вѣстей
Мнѣ пропасть наболтаетъ.
Газеты собираетъ
Со всѣхъ она сторонъ,
Все свѣдаетъ, узнаетъ:
Кто умеръ, кто влюблёнъ,
Кого жена по модѣ
Рогами убрала,
Въ которомъ огородѣ
Капуста цвѣтъ дала,
Ѳома свою хозяйку
Ни за что наказалъ,
Антошка балалайку,
Играя разломалъ, —
Старушка все разскажетъ,
Межь тѣмъ какъ юбку вяжетъ,
Болтаетъ все свое;
А я сижу смиренно
Въ мечтаньяхъ углубленной,
Не слушая ее,
Ни рпомы Удалова.
Такъ нѣкогда *Свистова*
Въ столицѣ я внималъ,
Когда свои творенья
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ! видно Богъ пыталъ
Тогда мое терпѣнье!

Иль добрый мой сосѣдъ,
Семидесяти лѣтъ,
Уволенный отъ службы
Маіоромъ отставнымъ,
Зоветъ меня изъ дружбы
Хлѣбъ-соль откушать съ нимъ.
Вечернею пирушкой
Старикъ развеселясь,
За дѣдовскою кружкой
Въ прошедшемъ углубясь,
Съ Очаковской медалью
На раненой груди,
Воспомнитъ ту баталью,
Гдѣ роты впереди,
Летѣлъ на встрѣчу славы,
Но встрѣтился съ ядромъ,
И палъ на долъ кровавый
Съ булатнымъ палашемъ.
Всегда я радъ душою
Съ нимъ время провождать.

Но, Боже, виноватъ!
Я каюсь предъ тобою,
Служителей твоихъ.
Поповъ я городскихъ
Боюсь, боюсь бесѣды,
И свадебны обѣды
Затѣмъ лишь не терплю,
Что сельскихъ іереевъ,
Какъ Папа Іудеевъ,
Я вовсе не люблю,
А съ ними крючковатый
Подъяческій народъ,
Лишь взятками богатый
И ябеды оплотъ.
Но, другъ мой, есть ли вскорѣ
Увижусь я съ тобой,
То мы уходимъ горе
За чашей круговой:
Тогда, клянусь богами
(И слово ужъ сдержу),
Я съ сельскими попами
Молебенъ отслужу.

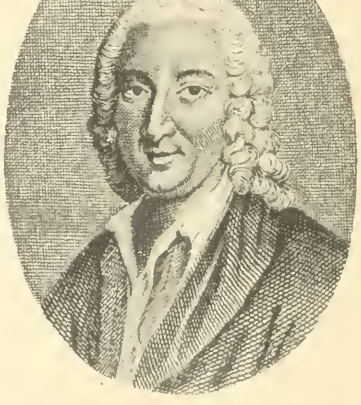
1... 17—14

памъ другихъ, пользуясь имъ. Кромѣ обычныхъ мотивовъ, разсказовъ о монахахъ, злоупотребляющихъ простотой молоденькихъ поселянокъ (на эту тему у Вержье есть очень грубыя сказки), Вержье рисуетъ часто крестьянъ и крестьянокъ, совмѣщающихъ глупость съ пронырливостью. Одной изъ лучшихъ сказокъ считается «LeTonnerre», въ которой психологическая правдоподобность крайне безцеремонно приносится въ жертву пикантности положеній и юмору. Въ «Fille Violée» высмѣивается опять глупость крестьянки, которая подаетъ жалобу на своего обидчика, а на судѣ сама выдаетъ свое—какъ будто вынужденное обстоятельствами—содѣйствіе ему. Во всѣхъ сказкахъ есть несомнѣнно-литературная юмористическая жилка. Стихи Вержье гораздо ниже по своимъ литературнымъ достоинствамъ. Кромѣ сказокъ онъ писалъ басни, застольныя пѣсни, повѣсти и разсказы въ стихахъ и прозѣ. Наиболѣе полное изд. Oeuvres 1780, 3 т., Contes et poésies érotiques.

З. В.

ЖАНЪ ГРЕКУРЪ.

Жанъ Батистъ-Жозефъ Вилларъ де Грекуръ, род. въ 1684 г. въ Турѣ, ум. тамъ же, въ 1743 году. Онъ принадлежитъ къ числу эротическихъ и анакреонтическихъ стихотворцевъ XVII—XVIII вѣка, прославлявшихъ наслажденіе жизнью, желавшихъ быть остроумными, оживленными и пикантными, почти всегда впадавшихъ въ откровенный, грубоватый цинизмъ и, по большей части, лишенныхъ настоящаго поэтическаго дарованія, непосредственнаго чувства. При всемъ его легкомысліи, любви къ веселымъ пирушкамъ, пристрастію къ нескромнымъ разсказамъ, Грекуръ начиная съ 13-тилѣтняго возраста, числился каноникомъ въ одномъ изъ Турскихъ приходовъ, причемъ эта служба и впослѣдствіи была только номинальною, такъ какъ, по свидѣтельству современниковъ, онъ за всю свою жизнь произнесъ только одну проповѣдь.



АББАТЪ ГРЕКУРЪ. Съ гравюры 18-го вѣка.

Типичный эпикуреецъ, Грекуръ тщательно избѣгалъ сколько нибудь обременительной работы и смотрѣлъ на занятіе литературою, какъ на пріятную и пріятную забаву; онъ писалъ свои пѣсни, басни, мелкія стихотворенія для тѣснаго круга друзей и собутыльниковъ, мало думая объ остальной публикѣ, иногда импровизируя тѣ или другія произведенія въ веселой компаніи. Стихъ отличается у него подчасъ большою легкостью; на современниковъ вліяли также его остроуміе, способность вести оживленную, веселую, лишенную глубокаго содержанія бесѣду. Любители легкаго чтенія и послѣ смерти Грекура старались сохранить его творчество отъ забвенія,—этимъ объясняется появленіе двухъ изданій его сочиненій (при жизни стихотворца его произведенія не были напечатаны): въ 1747-мъ и 1764 годахъ.

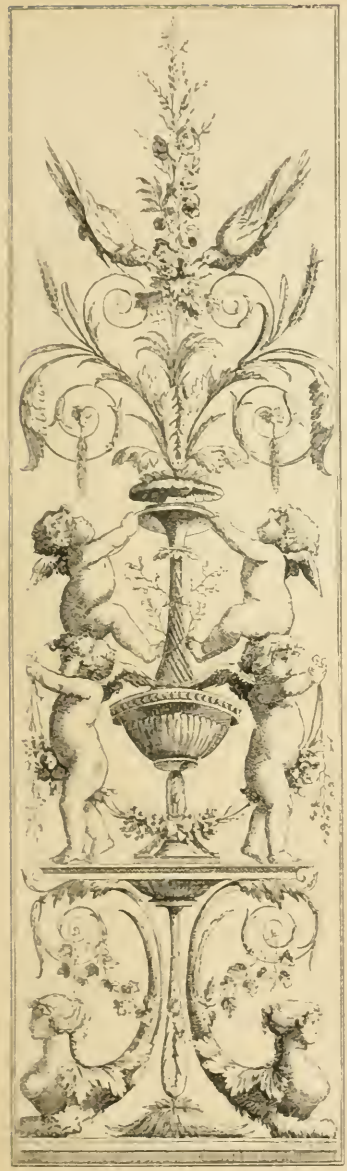
Ю. В.

Писатель третьяго или четвертаго ранга, Грекуръ внѣ безстыднѣйшей порнографіи, никакого литературнаго интереса не представляетъ. Но въ средѣ русскаго барства, гдѣ и Вольтеръ главнымъ образомъ былъ популяренъ только какъ авторъ «Pucelle», Грекуръ, несомнѣнно, пользовался широкою извѣстностью: иначе онъ не попалъ бы въ заѣтную тетрадь Пушкина, наряду съ крупнѣйшими писателями. Мы хотѣли было для ознакомленія съ тою эротическою литературою, которою такъ жадно питался юный лицеистъ, привести кое-что изъ Грекура, но должны были отказаться отъ своего намѣренія. Русская печатная бумага очень стыдлива и такой порнографіи не выноситъ.

Ред.

Кн. Д. П. ГОРЧАКОВЪ.

Князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ, единственный сынъ дворянина Костромской губ., князя Петра Ивановича Горчакова, родился 1-го января 1758 года. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, онъ юно-



32-33. ЭПИГРАММЫ.

1.

Христъ намъ обѣщалъ Трагедію такую,
Что всѣ отъ жалости въ театрѣ заревутъ,
Что слезы зрителей рѣкою потекутъ.
Мы ждали Драму золотую.
И что же? дождались—и нечего сказать,
Достоинству ее не льзя убавить нѣсу,
Ну право удалось Христу написать
Прежалостну піэсу.—

2.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Супругою твоей я такъ плѣнился,
Что естьлибъ три въ удѣлъ достались мнѣ,
Подобныя во всемъ твоей женѣ,
То даромъ двухъ ябъ отдалъ сатанѣ,
Чтобъ третью лишь пріять онъ согласился.—

1... 14—16. —

34. НЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

Внукъ Тредьяковскаго Клитъ гекзаметромъ нѣсенки пишетъ,
Противу ямба, хорея злобой ужасною дышетъ:
Мѣра простая сія все портитъ, по мнѣнію Клита,
Смыслъ затмѣваетъ стиховъ и жаръ охлаждаетъ пінта.
Спорить о томъ я не смѣю; пусть онъ безвинныхъ поноситъ,
Ямбъ охладилъ рипмача, гекзаметры жъ онъ заморозитъ.

шей вступилъ въ военную службу. Былъ адъютантомъ кн. П. С. Гагарина, потомъ служилъ капитаномъ въ корпусѣ войскъ на Кубани, гдѣ обратилъ на себя вниманіе Суворова. Въ 1780 г. вышелъ въ отставку въ чинѣ секунд-майора и занялся сельскимъ хозяйствомъ въ своемъ имѣніи въ Тульской губ. Для сбыта заготовленнаго въ его деревняхъ полотна, кн. Дмитрій Петровичъ отправился къ арміи, дѣйствовавшей тогда противъ турокъ. Здѣсь онъ вновь встрѣтился съ Суворовымъ, вступилъ въ строй и участвовалъ въ штурмѣ Измаила (1790), при чемъ получилъ тяжелую рану, отъ которой страдалъ потомъ всю жизнь. При Александрѣ I кн. Горчаковъ былъ таврическимъ губернскимъ прокуроромъ и правителемъ дѣлъ въ молдавской арміи, при главнокомандующемъ кн. М. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ, съ которымъ въ 1812 г. возвратился въ Петербургъ. Въ 1813 г. мы видимъ князя уже вице-губернаторомъ въ Костромѣ. Въ 1816 году онъ вышелъ въ отставку и доживалъ послѣдніе годы своей жизни въ Москвѣ († 1824 г.).

Князь Горчаковъ слылъ образованнымъ человѣкомъ и даже вольтерьянцемъ. Однако, это вольтерьянство не было воспринято глубоко. Новидимому, кн. Горчаковъ гораздо больше цѣнилъ въ Вольтерѣ драматурга, чѣмъ философа и политика. Вольтерьянство не помѣшало ему встать въ ряды охранителей-шишковистовъ. Въ 1807 г. онъ былъ избранъ членомъ Россійской Академіи, а въ 1811—членомъ Бесѣды любителей русскаго слова, по I-му разряду, гдѣ предсѣдательствовалъ Шишковъ, Вирочемъ, кн. Горчаковъ сумѣлъ установить одинаково добрыя отношенія съ людьми разныхъ направленій. Его очень цѣнили адмиралъ Шишковъ и С. Т. Аксаковъ, примыкавшій тогда къ шишковистамъ, но также—и Карамзинъ; арзамасецъ Воейковъ въ своемъ «Парнасскомъ Адресъ-календарѣ» далъ ему лестную характеристику: Князь Д. П. Горчаковъ, дѣйствительный поэтъ; экзекуторъ при наказаніи сатирическимъ бичемъ разврата, ябеды и грабительства, имѣетъ въ петлицѣ лавровый листъ съ надписью: «за сатиры».

По словамъ біографа, кн. Горчаковъ «не обладалъ ни терпѣніемъ, ни выносливостью, увлекался то военной службой, то сельскимъ хозяйствомъ, два раза выходилъ въ отставку и, несмотря на личную храбрость и несомнѣнныя достоинства, кончилъ свое служебное поприще въ чинѣ коллежскаго совѣтника. Литературой онъ также занимался урывками, отъ оперъ переходилъ къ сатирамъ, писалъ повѣсти, поэмы,[1] но весьма мало заботился о распространеніи своихъ произведеній, большая часть которыхъ и осталась неизданною, отчасти по его безпечности и равнодушію къ литературной славѣ, отчасти потому, что въ его стихахъ было много прямыхъ и косвенныхъ личностей». Въ примѣръ называютъ Noël, не дошедшій до насъ, гдѣ изображенъ Д. И. Фонъ-Визинъ. Драматическія произведенія кн. Горчакова, писанныя еще въ восьмидесятыхъ годахъ, «при матушкѣ-Екатеринѣ», исполнены по старому ложноклассическому шаблону и не выдѣляются изъ ряда имъ современныхъ «Россійскій Осатръ». Достаточно перечислить нѣсколько дѣйствующихъ тамъ лицъ: Пирръ, Миловзоръ, Предеста, Скопидомъ, Петиметръ, Взяткинъ. По сумароковской традиціи изобличаются кривосудье, взяточничество, крючкотворство, иной разъ не безъ ядовитости. Вотъ пѣсенка чебогаря Абдуллы изъ комич. оперы «Халифъ на часъ»:

О судьи, судьи плуты,
Разорлете вы насъ.
Васъ просители бѣдняги
Тщетно молятъ всякій разъ.
Ваши души будто крюки,
Попадися къ вамъ лишь въ руки,—
Рады кожу вы содрать.
Васъ не тронутъ токи слезны,
И у васъ сердца желѣзны
Любятъ только взятки брать.

Кн. Горчаковъ въ своихъ литературныхъ вкусахъ придерживался стараго классицизма, не одобряя сентиментализма и въ стихахъ задѣвалъ «новаго Стерна»—Карамзина. Однако, онъ не избѣжалъ вліянія новой литературы, и его «Россійская повѣсть» «Владиміръ и Ранда» написана въ духѣ «Страданій юнаго Вертера».

Изъ сочиненій нашего автора наибольшимъ успѣхомъ пользовались его сатиры. Онѣ широко распространялись среди тогдашнихъ читателей и охотно списывались въ завѣтныя тетради—альбомы. Въ шишковистской «Бесѣдѣ» кн. Горчакова величали даже «нашимъ Ювеналомъ». Нельзя сказать, чтобы его сатира была очень серьез-

[1] Поэмы до насъ не дошли, такъ какъ рукописи сгорѣли въ деревнѣ. Кн. Горчаковъ писалъ также пѣсни, очень нравившіяся Державину, и притчи. *П. П.*

Графъ Алексѣй Кирилловичъ РАЗУМОВСКІЙ.
Портретъ, находящійся въ Академіи Наукъ.

35. НА ГР. А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Ты слышалъ вѣсть смѣшную?
Разумникъ получилъ вѣдь ленту голубую.
— Богъ съ нимъ! я недругъ никому:
Дай Богъ и царствія небеснаго ему.

36. ЭПИГРАММА НА ПОЭМУ КНЯЗЯ С. А. ШИРИНСКАГО ШИХМАТОВА.

«Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ
Или спасенная Россія»—
Слогъ теменъ, важенъ, напыщенъ
И тяжки словеса пустыя.

на и била прямо въ глазъ. Авторъ не углубляется въ связь явленій и, изобличая недостатки и уродливости общественной жизни, не задается вопросомъ, что ихъ создаетъ и что могло бы ихъ устранить. Не мудрствуя лукаво, кн. Горчаковъ отмѣчаетъ въ своихъ сатирахъ,

Что блескомъ золота дуракъ толпу слѣпитъ,
Что по приданому лишь цѣнится невѣста,
Что ходитъ человѣкъ съ способностью безъ мѣста,
А съ покровительствомъ—у должности глупецъ,
Что деньгами досталъ ассессорство купецъ,
Что Сусликовъ себѣ лишь въ пушкѣ зритъ отраду.

Кое-гдѣ въ сатирахъ сквозитъ политическій консерватизмъ, ревниво оберегающій старые устои и добрые шляхетскіе нравы. Такъ, въ «Посланіи къ кн. Долгорукову», сатирикъ громитъ либеральнаго юношу, который

. . . . рожею сѣсть къ ставцу не умѣетъ,
Судить религію, судить правленье смѣетъ,
И на губахъ не давъ обсохнуть молоку,
Предѣловъ не кладетъ болтливу языку;
По модѣ—врагъ дворянъ, по модѣ—другъ народа,
Свободою плѣненъ, не зная, что свобода,
И въ клубѣ англійскомъ прехрабрый молодецъ!»

А на войнѣ такой юноша, будто бы, непремѣнно труситъ и не хочетъ знать военныхъ наукъ, «кои знать дворянства есть удѣлъ». Въ «Совѣтѣ Пустону», увѣщевая этого нетиметра бросить «свѣтъ» и поѣхать въ деревню хозяйничать, авторъ поучаетъ его:

«Смотри, чтобъ у тебя крестьяне не лѣнились
И прибыльно себѣ и обществу трудились».

Но если не предъявлять къ сатирамъ кн. Горчакова большихъ требованій, то онѣ представляютъ замѣтное литературное явленіе. Авторъ хорошо зналъ бытъ современнаго дворянскаго общества, искренно возмущался уродствами въ общественномъ быту и злоупотребленіями судебными и иными, бывалъ способенъ къ значительному подъему гражданскаго чувства и могъ будить общественную мысль. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить лучшую изъ дошедшихъ до насъ сатиръ кн. Горчакова—«Посланіе къ князю С. П. Долгорукову». Написанная въ началѣ XIX столѣтія, задолго до грибоѣдовской комедіи, сатира напоминаетъ монологъ Чацкаго «А судьи кто?» и по размѣру стиха, и по настроенію, и по затронутымъ темамъ. Такъ, обличая застарѣлое взяточничество и мошенничество при поставкахъ въ дѣйствующую армію, сатирикъ громитъ военныхъ подрядчиковъ, которые

Корыстолюбія всѣмъ жертвуя кумиру,
Готовы подписать за грошъ погибель міру.
Хоть сдѣлались они, рождая бѣдствій тьмы,
Солдатамъ пагубнѣй картечи и чумы,
Но покровительство доставъ себѣ изъ платы,
Великолѣпныя воздвигнули палаты,
Даютъ и праздники, и балы, и столы,
За коими льстецы вспѣваютъ имъ хвалы [1].

Навѣрное, въ рукописныхъ сатирахъ кн. Горчакова, «не бывавшихъ въ цензурѣ», найдутся и другія, еще болѣе рѣзкія и прямыя филиппики. Теперь онѣ скрыты отъ взоровъ историка литературы въ старинныхъ пожелтѣвшихъ тетрадкахъ тогдашнихъ любителей стиховъ.

Къ числу такихъ любителей принадлежалъ и лицеистъ Пушкинъ. Описывая въ «Городкѣ» (1814) бережно и опасливо хранимую «потаенную сафьянную тетрадь», заключавшую «сочиненія, презрѣвшія печать», Пушкинъ отмѣчаетъ, что въ ней были и сатиры кн. Горчакова. Онъ цѣнилъ ихъ очень высоко:

О, князь, наперстникъ музъ и т. д.

Въ «Посланіи къ В. Л. Пушкину» (1817), говоря о своемъ желаніи поступить въ военную службу, Александръ Сергѣевичъ соглашается, что

«Смѣшенъ, конечно, мирный воинъ
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ».

«Святки» (Noël)—стихотвореніе кн. Д. П. Горчакова, долго ходившее въ обществѣ въ рукописи и не попавшее въ печать при жизни автора (не смѣшивать съ другими «Святками», упомянутыми выше, гдѣ изображенъ Д. И. Фонъ-Визинъ). Здѣсь задѣваются члены шишковской «Бесѣды», министръ финансовъ гр. Гурьевъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ, адмиралъ Чичаговъ и многіе другіе. Упоминаніе Пушкина о «мирномъ воинѣ» относится къ

1) Ср. у Чацкаго:

Не эти ли, грабительствомъ богаты,
Защиту отъ суда въ друзьяхъ нашли, въ родствѣ,
Великолѣпныя сооружа палаты,
Гдѣ разливаются въ пирахъ и мотовствѣ,
И гдѣ не воскресятъ кліенты иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты.
Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты
Обѣды, ужины и танцы?

ЦАРСКОСЕЛЬСКІЙ ПАРКЪ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.
Съ рѣдкой акватинты Мейера (отдѣленіе гравюръ Эрмитажа).

37. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ. (*)

Нависъ покровъ угрюмой нощи
На сводѣ дремлющихъ небесъ;
Въ безмолвной тишинѣ почили долъ и рощи,
Въ сѣдомъ туманѣ дальній лѣсъ;
Чуть слышится ручей, бѣгущій въ сѣнь дубравы,
Чуть дышетъ вѣтерокъ, уснувшій на листахъ,
И тихая луна, какъ лебедь величавый,
Плыветъ въ серебристыхъ облакахъ.

Плыветъ — и блѣдными лучами
Предметы освѣтила вкругъ;
Аллеи древнихъ липъ открылись предъ очами,
Проглянули и холмъ и лугъ.
Здѣсь, вижу, съ тополомъ сплелась младая ива
И отразилася въ кристалѣ зыбкихъ водъ,
Царицей средь полей лилея горделива,
Въ роскошной красотѣ цвѣтетъ,

Съ холмовъ кремнистыхъ водопады
Стекаютъ бисерной рѣкой,
Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды
Его лѣнивою волной;
А тамъ въ безмолвіи огромные чертоги,
На своды опершись несутся къ облакамъ.
Не здѣсь ли мирны дни вели земные боги?
Не се-ль Минервы Росской храмъ?

(*) За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодаго Поэта, котораго талантъ такъ много обѣщаетъ. *Н. М.*

генералу Кикину, взявшему отставку въ 1814 г., среди военныхъ дѣйствій:

Явился Кикинъ тутъ, онъ первый внукъ побѣдѣ,
Онъ мужъ всѣхъ царствъ и всѣхъ временъ,
Онъ въ арміи— Бесѣды» членъ,
А генералъ—въ «Бесѣдѣ».

Итакъ, для исторіи духовнаго развитія Пушкина отмѣтимъ, что молодой поэтъ, жадно впитывавшій литературныя и общественныя воздѣйствія, не обошелъ своимъ вниманіемъ и сатиръ кн. Горчакова. Добавимъ здѣсь кстати, что кн. Дмитрій Петровичъ присутствовалъ на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ въ 1815 г., когда Пушкинъ услышалъ похвалы Державина. Позднѣе, въ 1828 г., Пушкину пришлось еще разъ упомянуть рукописныя сатиры кн. Горчакова. 1 сентября этого года онъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Мнѣ навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла, наконецъ, «Гавриліада»; приписываютъ ее мнѣ; донесли на меня, и я, вѣроятно, отвѣчу за чужія проказы, если Горчаковъ не явится съ того свѣта отстаивать права на свою собственность». Пушкинъ хотѣлъ свалить отвѣтственность за «Гавриліаду» на умершаго автора рукописныхъ сатиръ. Было ли это заявленіе правдиво, и кто подлинный авторъ «Гавриліады» — въ настоящемъ изданіи этому вопросу будетъ посвящена особая статья.

БИБЛІОГРАФІЯ. I. Впервые собраніе сочиненій кн. Горчакова издано внучкою его, княжною Еленою Горчаковой въ 1890 г.: «Сочиненія князя Д. П. Горчакова», Москва, VII + 175 стр. Здѣсь помѣщены: 1) «Калифъ на часъ», комическая опера въ 4-хъ дѣйств. (1786). 2) «Щастливая Таня», комическая опера въ 4 дѣйств. (1786). 3) «Баба Яга», комическая опера въ 3-хъ дѣйств. (1788). 4) «Письмо къ пріятелю, или безпристрастный зритель», стих. (1794). 5) «Пламиръ и Раида», россійская повѣсть (1796). 6) Изъ сатиры: «Посланіе къ кн. С. П. Долгорукову». 7) «Совѣтъ Пустону», стих. 8) Отрывокъ изъ сатиры: «Онъ и я». 9) Отрывокъ изъ комедіи: «Безпечный». 10) «Русскій у подошвы Чатырдага» (передъ 1812 г.).—Въ это изданіе не вошли и даже не перечислены въ немъ многія произведенія кн. Горчакова, въ свое время печатавшіяся въ періодическихъ изданіяхъ. Приводимъ списокъ ихъ по матеріаламъ литературнаго архива С. А. Венгерова: 11) «Моя доля», «Аониды», 1796, кн. I, стр. 87. 12) «Мадригалъ», ibidem, стр. 90. 13) «Портретъ», ibid., 91. 14) «Къ розѣ», 138. 15) Ода: «Г. П. III—у», 188. 16) «Стихи П. М. Спиридоновой». На представленіе ея въ «Дизонѣ», «Другъ Просвѣщенія», 1804, 5. 17) «Стансы», ibid., 1804, 5. 18) «Письмо къ Д. П. Х. Хвостову», стих., ibid. 19) «Письмо къ кн. С. П. Д. Долгорукому», ibid., 6. 20) «Письмо къ М. А. Шишкову», стих., ibid., 8. 21) «Стансы», ibid., 10. 22) Ода: «Спокойство», ibid., 1805, 11. 23) Притча: «Пустынникъ и Фортуна», ibid. 24) «Письмо къ другу моему П. П. Николаеву», стих., ibid., 1806, 3. 25) Притча: «Звѣри, больные чумою», ibid., 4. 26) «Мщеніе Эрота», стих., ibid., 6. 27) «Анше и Али», стих. «Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова», 1811, 1. 28) «Безсмертіе», стих., ibid. 29) «Бесѣда о суетности». Къ А. С. Х. (Хвостову), стих., ibid., 1812, 7. 30) «Бесѣда о уединеніи», къ А. С. Таранову, ibid., 1813, 11. 31) «Стихи на изгнаніе непріятеля изъ Россіи», «Сынъ Отечества», 1813, № 15. 32) «Письмо къ издателямъ», ibid., 1814, № 21, стр. 79. 33) «Святки» «Noë», «Извѣстія II Отд. Акад. Наукъ», 1903, т. VIII, кн. 3. 34) «Соловей», ibid.

Ср. о Горчаковѣ: 1) М. Лонгиновъ, «Русск. Старина», 1871, XII, 681—682. 2) Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. III, 113, 648—650. 3) Е. Г., «Историч. Вѣст.», 1891, XLIII, 873. 4) А. Титовъ, «Словарь писателей Костромской губ.». 5) С. А. Венгеровъ, «Источники словаря рус. писателей», т. II, 70. 6) «Библіографич. Записки», 1892, вып. 3—4. С. П. Браиловскій. 7) А. Галаховъ, «Исторія русской словесности», т. II, изд. 3-е, 1894, стр. 357—360. 8) М. И. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», т. VII. 9) «Театръ и искусство», 1899, № 48. 10) С. П. Жихаревъ, «Записки», 42, 292, 301. 11) «Энциклопед. Словарь» Брокгауза-Ефрона М. М.. 12) В. В. Каллашъ, «Матеріалы и замѣтки по исторіи русской литературы», I—II. «Святки» и «Соловей» кн. Д. П. Горчакова. «Извѣстія Отдѣл. рус. языка и словесности Академіи Наукъ», 1903, т. VIII, кн. III, стр. 357—374.

Н. Пиксановъ.

32. ЭПИГРАММА: АРИСТЪ НАМЪ ОБѢЩАЛЪ.

Вмѣстѣ съ слѣдующей эпиграммой, эта появилась въ первой книжкѣ «Рос. Музеума» 1815 г., слѣдовательно относится еще къ 1814 г. Спеціальной подписи не имѣла, и общая для обѣихъ эпиграммъ подпись 1... 14—16 (ср. стр. 132) помѣщена подъ второю. Печатаемъ эту эпиграмму въ орѳографіи «Россійскаго Музеума». При жизни Пушкина эпиграмма не перепечатывалась и впервые внесена въ изд. Анненкова. Анненковъ въ послѣднемъ стихѣ самовольно подчеркнулъ первое слово:

прежалостну піэсу,

и въ этомъ видѣ она перешла во всѣ послѣдующія изданія, кромѣ Академическаго и П. О. Морозова 1904 г. Двойной смыслъ слова «прежалостна» ясенъ и безъ подчеркиванія.

О какомъ «Аристѣ» рѣчь — сказать трудно. Майковъ полагаетъ, что если усматривать въ «Аристѣ» изъ посланія «Къ другу-стихотворцу» Кюхельбекера (см. стр. 67), то и тутъ надо предполагать насмѣшку надъ Кюхельбекеромъ. Но писалъ-ли въ 1814 году 15-лѣтній Кюхельбекеръ

«ВОДОПАДЫ» ЦАРСКОСЕЛЬСКАГО ПАРКА.

Изъ альбома «Двѣнадцать видовъ Царскаго Села». Снималъ и на камнѣ рисовалъ воспитанникъ Императорскаго Лицея Валеріанъ Лангеръ. 1820.

Не се-ль Елизіумъ полнощный,
Прекрасной Царско-сельской садъ,
Гдѣ льва сразивъ, почилъ орелъ Россіи мощный
На лонѣ мира и отрадъ?
Увы! промчался тѣ времена златыя,
Когда подъ скипетромъ великія Жены
Вѣнчалась славою щастливая Россія,
Цвѣтя подъ кровомъ тишины.

Здѣсь каждый шагъ въ умѣ раждаетъ
Воспоминанья прежнихъ лѣтъ;
Воззрѣвъ вокругъ себя, со вздохомъ Россъ вѣщаетъ:
«Изчезло все, Великой нѣтъ!»
И въ думу углубленъ, надъ злачными брегами
Сидитъ въ безмолвіи, склоняя вѣтрамъ слухъ,
Протекшія лѣта мелькаютъ предъ очами
И въ тихомъ восхищеньи духъ.

Онъ видитъ: окруженъ волнами,
Надъ твердой, мшистою скалой
Возносся памятникъ (*). Ширяяся крылами,
Надъ нимъ сидитъ орелъ младой.
И цѣпи тяжкія, и стрѣлы громовыя
Вкругъ грознаго столпа трикраты обвились:
Кругомъ подножія, шумя, валы сѣдыя
Въ блестящей пѣнѣ улились.

(*) Въ честь Графу А. Г. Орлову-Чесменскому. (Примѣч. ред. Рос. Музеума). *С. В.*

трагедіи? Объ этомъ изъ біографіи его ничего неизвѣстно, а потому осторожнѣе усмотрѣть здѣсь эпиграмму на какого-нибудь настоящаго поставщика «прежалостныхъ піэсъ». Ср. примѣч. къ № 34.

33. ЭПИГРАММА «ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ».

Напечатана одновременно съ эпиграммою предыдущею. При жизни Пушкина не перепечатывалась и впервые внесена въ изд. Анненкова 1855 г. Печатаемъ эпиграмму въ орѳографіи «Россійскаго Музеума», удерживая, поэтому, старинное начертаніе е с т ь л и б ъ. Анненковъ тоже удержалъ этотъ архаизмъ: но всѣ остальные издатели предпочли ему новѣйшее е с л и-б ъ.

34. НЕСЧАСТІЕ КЛИТА.

Подъ именемъ Клита въ лицейскихъ эпиграммахъ Пушкинскаго кружка выпучивался Кюхельбекеръ (см. особую статью о немъ). Настоящая эпиграмма извлечена Гаевскимъ изъ лицейскаго журнала «плодъ утренняго» «Жертва Мому или Лицейская Антологія» 1814 г. и напечатана имъ въ «Современникѣ» 1863 г. № 7 (стр. 148). Въ этой, уже несомнѣнно противъ Кюхельбекера направленной, эпиграммѣ онъ трактуется исключительно какъ «рифмачъ» и сочинитель «нѣсенокъ». Нельзя поэтому не усмотрѣть тутъ еще одного доказательства (см. примѣч. къ № 32) того, что въ «Аристѣ» вовсе не слѣдуетъ усматривать непремѣнно Кюхельбекера. С. Венгеровъ.

35. НА ГРАФА А. К. РАЗУМОВСКАГО.

Эта эпиграмма со словъ лицейскаго товарища Пушкина, Ѳ. Ѳ. Матюшкина, была напечатана П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880—1881 годовъ, т. I, стр. 58.

Графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій, старшій сынъ послѣдняго гетмана малороссійскаго Кирилла Григорьевича, родился 12 сентября 1748 года. По обычаямъ того времени, со дня рожденія былъ записанъ въ военную службу и по восшествіи на престолъ Петра III-го былъ произведенъ изъ секунъ-ротмистровъ въ ротмистры. Желая дать наилучшее образованіе своимъ тремъ сыновьямъ Алексѣю, Петру и Андрею, отецъ устроилъ въ 10 лин. Васильевскаго Острова особое училище (институтъ), гдѣ подъ руководствомъ гувернера преподавались его дѣтямъ и дѣтямъ нѣкоторыхъ знакомыхъ различныя науки, въ число которыхъ Шлецеръ ввелъ и статистику. Для завершенія образованія молодые Разумовскіе отправлены были въ Страсбургскій университетъ, гдѣ слушали лучшихъ профессоровъ: у Якова Рейнгольда Шпильмана—химію, у Іогана Фридриха Ерлена—общенародное право, у Іосифа-Адама Лоренца—исторію и т. п.; но общее руководство принадлежало извѣстному историческими трудами и высокою нравственностью профессору Іогану Даніилу Шепфлину. Посѣтивъ Италію и Англію, Ал. Кир-чъ возвратился въ 1769 г. на родину и былъ назначенъ камеръ-юнкеромъ. Но придворная служба его не интересовала, занятія обширнымъ хозяйствомъ отца онъ не смогъ, и онъ рѣшилъ поступить на государственную службу. Съ 1786 г., въ чинѣ тайнаго совѣтника, назначенъ былъ сенаторомъ, но въ 1795, навлекши на себя неудовольствіе оппозиціей одному изъ законодательныхъ проэктовъ Императрицы, вышелъ въ отставку, уѣхалъ въ Москву и занялся постройкою миліонпаго дворца, который посѣтили m-me Сталь и другіе иностранцы. Любимымъ мѣстопребываніемъ его было подмосковное село Горенки, въ которомъ Алексѣй Кириловичъ развелъ замѣчательный ботаническій садъ и оранжерею. Здѣсь же онъ сблизился съ масонами и вступилъ въ Capitulum Petropolitanum. Съ восшествіемъ на престолъ Александра I-го, Разумовскій снова выступилъ на служебномъ поприщѣ въ качествѣ попечителя Московскаго университета и его округа. Онъ ввелъ нѣкоторыя улучшенія въ университетѣ. Императоръ, посѣтивъ въ 1809 г. Москву и университетъ, остался доволенъ и, по выходѣ въ отставку гр. Завадовскаго, назначилъ А. К. Разумовскаго министромъ народнаго просвѣщенія. Его вниманіе обращено было на народныя училища, которыхъ было открыто болѣе 60-ти въ первые два года его министерства. Не забыто было и среднее образованіе, и открыты были гимназіи въ Кіевѣ, Симферополѣ, Бѣлостокѣ и др. городахъ. Самъ человѣкъ просвѣщенный, онъ покровительствовалъ ученымъ обществамъ, и къ эпохѣ его управленія министерствомъ относится учрежденіе: московскаго общества исторіи и древностей, казанскаго общества любителей россійской словесности,

Памятникъ въ честь побѣдъ ОРЛОВА и РУМЯНЦЕВА на Царскосельскомъ озерѣ.

Рисунокъ лицеиста Валеріана Ланера (1820).

Въ тѣни густой угрюмыхъ сосенъ
Возвысится памятникъ простой.
О сколь онъ для тебя, Кагульскій брегъ, попосенъ
И славенъ родинѣ драгой!
Безсмертны вы вовѣкъ, о Росски Исполины,
Въ бояхъ воспитанны средь бранныхъ непогодъ:
О васъ, сподвижники, друзья Екатерины,
Пройдетъ молва изъ рода въ родъ.

О громкой вѣкъ военныхъ споровъ,
Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
Потомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ страпась дивился міръ;
Державинъ и Петровъ Героямъ нѣснь бряцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

И ты промчался, незабвенный!
И вскорѣ новый вѣкъ узрѣлъ
И брани новыя, и ужасы военны;
Страдать есть смертнаго удѣлъ.
Блеснулъ кровавый мечь въ неукротимой длани
Коварствомъ, дерзостью вѣнчаннаго Царя;
Возсталъ вселенной бичь—и вскорѣ лютой брани
Зардѣлась грозная заря;

харьковскаго общества наукъ и нѣк. друг. По самую выдающуюся и лучшую сторону служебной дѣятельности его составляетъ учрежденіе Царскосельскаго лицея, торжественно открытаго 19 октября 1811 года.

Скоро, однако, чудаковатый Разумовскій охладѣлъ къ дѣламъ своего министерства. Кромѣ того, съ 1810 г. онъ подпалъ сильному вліянію іезуитовъ и графа Жозефа де-Местра. Послѣдній «буквально распоряжался имъ, диктовалъ, чему должно учить и чему не учить русское юношество». Тяготясь службою, Разумовскій уже въ 1812 г. помышлялъ объ отставкѣ, но отсутствіе изъ Россіи государя и чрезвычайныя политическія обстоятельства того времени побуждали его оставаться на своемъ посту. Возвращеніе государя въ 1815 г. и разгромъ іезуитовъ, которымъ покровительствовалъ Разумовскій побудили его просить отставку, которая и дана была ему 10 августа 1816 г. съ назначеніемъ огромной пенсіи 10 тыс. ежегодно.

Проживъ въ Москвѣ два года послѣ выхода въ отставку, онъ въ 1818 г. поселился въ мѣстечкѣ Почепѣ на берегу р. Судости, Мглинскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

Семейная жизнь не удалась графу. Женившись въ 1778 г. на Варварѣ Петровнѣ Шереметевой, дочери богача-вельможи, онъ въ 1784 г. удалилъ жену отъ себя и приблизилъ къ себѣ другую женщину, которая прожила съ нимъ до смерти его.

Удалившись отъ свѣта, разстроивъ свои дѣла неумѣлымъ управленіемъ и строительными затѣями, Разумовскій сдѣлался въ Почепѣ несноснымъ деспотомъ. «Нравъ графа», — говоритъ Васильчиковъ, — «въ послѣдніе годы его жизни сталъ почти невыносимымъ. Всѣ его боялись, весь домъ дрожалъ при сильномъ порывѣ его гнѣва».

Кромѣ законныхъ дѣтей, у него было пять «воспитанниковъ» Перовскихъ, въ числѣ которыхъ былъ извѣстный романистъ, писавшій подъ псевдонимомъ Ант. Погорѣльскаго: по дочери Аннѣ Алексѣевнѣ, онъ былъ Алексѣя Толстого.

Умеръ гр. Разумовскій 1822 г. 5 апрѣля и погребенъ въ Почепѣ. Въ 30-хъ годахъ XIX ст. Почепъ былъ проданъ гр. П. А. Клейнмихелю, и съ высочайшаго разрѣшенія, по просьбѣ Уваровыхъ и Рѣпниныхъ, тѣло графа переведено въ Новгородъ-Сѣверскъ и предано землѣ въ соборной церкви старшинаго Спасопреображенскаго мужского монастыря.

Скоро утомившись дѣлами министерства народнаго просвѣщенія и охладѣвъ даже къ созданному имъ Лицею, Разумовскій не пользовался расположеніемъ общества, которое считало его гордымъ. Въ частности въ лицеѣ существовало особенное неудовольствіе на графа А. К. Разумовскаго, о чемъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и эпиграмма Пушкина. Разумовскій былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 23-го октября 1811 года, по случаю открытія лицея. «Голубой ленты», т. е. ордена св. Андрея, онъ совсѣмъ не получалъ. Эпиграмма Пушкина, по всей вѣроятности, вызвана была слухами, ходившими въ то время въ связи съ тѣмъ, что Разумовскій обратился къ императору Александру I съ письмомъ, въ которомъ просилъ объ увольненіи отъ службы. Зная охлажденіе императора къ министру народнаго просвѣщенія, злые языки могли распустить «смѣшныя вѣсти», что графу Алексѣю Кирилловичу при отставкѣ дадутъ орденъ Св. Андрея.

С. Браиловскій.

Источники для біографіи А. К. Разумовскаго: 1) Прибавленіе къ «Черниг. епарх. извѣстіямъ» 1874 г., № 11, 251—255 стр. 2) «Русскій Инвалидъ» 1822 г., № 99, 395 стр. 3) «Семейство Разумовскихъ» А. А. Васильчикова. Спб., 1880 г., т. II, стр. 1—23—112. 4) «Воспоминанія Вигеля», т. 2, ч. 3, 87 стр. 5) «Русскій Архивъ» 1872 г., № 1, 3, 4, 10; 1875 г., № 12. 6) «Кіевская Старина» 1894 г., № 3. 7) «Русскій Вѣстникъ» 1811 г., ч. 15, № 7 8) «Исторія Министерства народнаго просвѣщенія» Рождественскаго.

36. ЭПИГРАММА НА НОЭМУ КН. С. А. ШИРИНСКАГО-ШИХМАТОВА.

Напечатана была впервые В. И. Гаевскимъ въ «Современникѣ» 1863 г., т. XCVII, стр. 164.

Пушкинъ не упускалъ случая затѣвать высокопарную и скучную «поэзію» Ширинскаго-Шихматова. Въ посланіи «Къ другу стихотворцу» онъ его вышучивалъ подъ именемъ Рифматова; въ «Городкѣ» онъ смѣется надъ «Рифомовымъ».

Князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ, въ иночествѣ Аникита, родился въ 1783 г. въ сельцѣ Дернов Смоленской губерніи, Вяземскаго уѣзда. Отецъ его Александръ Прохоровичъ, оста-

МЕДАЛЬОНЫ ГР. ѲЕДОРА ТОЛСТОГО

въ память событій 1812—1815 г.

НАРОДНОЕ ОПОЛЧЕНІЕ.

Съ гравюры Н. Мещова.

И быстрымъ понеслись потокомъ
Враги на Рускія поля.
Предъ ними мрачна стѣнь лежитъ во снѣ глубокомъ,
Дымится кровію земля,
И селы мирныя, и грады въ мглѣ пылаютъ,
И небо заревомъ одѣлося вокругъ,
Лѣса дремучія бѣгущихъ укрываютъ
И праздный въ полѣ ржавитъ плугъ.

Идутъ: ихъ силѣ нѣтъ преграды,
Все рушатъ, все свергаютъ въ прахъ,
И тѣни блѣдныя погибшихъ чадъ Беллоны,
Въ воздушныхъ съединясь полкахъ,
Въ могилу мрачную нисходятъ непрестанно,
Иль бродятъ по лѣсамъ въ безмолвіи ночи...
Но клики раздались!... Идутъ въ дали туманной
Звучатъ кольчуги и мечи!

Страшись, о рать иноплеменныхъ!
Россіи двинулись сыны:
Возсталъ и старъ и младъ, летятъ на дерзновенныхъ,
Сердца ихъ мщеньемъ возжены. —
Возтрепещи, тиранъ! ужь близокъ часъ паденья!
Ты въ каждомъ ратникѣ узришь богатыря,
Ихъ цѣль: иль побѣдить, иль пасть въ пылу сраженья
За вѣру, за Царя.

Ретивы кони брашью пышутъ,
Усѣянъ ратниками долъ,
За строемъ строй течетъ; всѣ местью, славой дышутъ,
Восторгъ во грудь ихъ перешелъ.
Летятъ на грозный пиръ; мечамъ добычи ищутъ,

вшихъ въ молодыхъ лѣтахъ военную службу и возвратившихся на родину въ Смоленскую губернію, женился на Ольгѣ Васильевнѣ Евлевой, дочери своего сосѣда отставного инженеръ-майора. «Благочестивые и образованные родители», говоритъ біографъ поэта, «всю свою жизнь посвятили воспитанію дѣтей. Представляя въ себѣ самихъ примѣръ искренняго благочестія, они внушали дѣтямъ своимъ страхъ Божій, любовь къ ученію и людямъ». Въ такой обстановкѣ началось и первоначальное образованіе Ширинскаго-Шихматова. Научившись читать по псалтырю и часослову, онъ «употребляемъ былъ къ чтенію псалмовъ и молитвъ на всенощныхъ бдѣніяхъ, которыя совершались въ дому родительскомъ». Такъ постепенно слагались въ юномъ князѣ симпатіи къ славянскому языку и религіозному настроенію, что впослѣдствіи ярко отразилось на его литературной дѣятельности.

Ранняя и необычайная смерть отца не осталась также безъ вліянія на впечатлительнаго мальчика.

Поступивъ на 14-мъ году въ Морской кадетскій корпусъ, онъ въ 1800 г. произведенъ былъ въ мичманы и назначенъ сотрудникомъ въ ученый комитетъ при адмиралтействъ-коллегіи. Плавая во время лѣта на корабляхъ, онъ посѣтилъ Данцигъ, Любекъ, Копенгагенъ и другіе иностранные города. Къ этому времени относится сближеніе его съ Шишковымъ, сильно ему покровительствовавшимъ. Въ 1811 г., при учрежденіи Царскосельскаго Лицея, ему предложено было мѣсто инспектора, но онъ отказался. Это предложеніе, равно какъ и раніе назначеніе сотрудникомъ ученаго комитета при адмиралтействъ-коллегіи, объясняется разносторонними и значительными образованіемъ Ширинскаго-Шихматова. Онъ свободно владѣлъ пятью языками и путемъ самообразованія познакомился со многими науками, въ томъ числѣ даже съ такими, какъ анатомія.

Весьма рано почувствовалъ онъ склонность къ литературной дѣятельности. «Успѣхами» на этомъ поприщѣ Ширинскій-Шихматовъ въ 1812 году обратилъ на себя вниманіе Александра I, пожаловавшаго ему пенсію въ 1500 р. Въ высочайшемъ указѣ по этому случаю сказано, что онъ, «трудами и прилежаніемъ въ наукахъ усовершенствовавъ природныя дарованія къ стихотворству, обратилъ оныя въ сочиненіяхъ своихъ на пользу словесности и благонравія».

Въ 1809 г. адмиралъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Россійской Академіи, а въ 1811 году, съ учрежденіемъ Бесѣды любителей русскаго слова, такимъ же членомъ и этого оплота старыхъ литературныхъ традицій. Въ качествѣ члена Россійской Академіи Ширинскій былъ награжденъ за свои труды золотою медалью, а за труды «въ домостроительномъ и разсматривательномъ» комитетахъ получалъ дважды денежныя выдачи, при чемъ одна выдача назначена за предоставленіе имъ Академіи права на изданіе его сочиненій.

Покровительствовавшій ему адмиралъ А. С. Шишковъ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, въ 1824 г. исходатайствовалъ ему высочайшее назначеніе членомъ главнаго управленія училищъ, что было безпримѣрной въ его чинѣ, капитанъ-лейтенанта, милостью. 9 ноября 1827 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 2-го ранга и съ новою пенсіей въ размѣрѣ половиннаго жалованья.

Заложенное еще въ дѣтствѣ религіозное чувство, благодаря опасностямъ на морѣ, все возрасталo и въ связи съ разочарованіемъ въ своихъ литературныхъ силахъ побудило князя-писателя удалиться въ монастырь.

Устроивъ по согласію съ братьями дѣла по имѣнію и похоронивъ мать, онъ въ началѣ 1828 г. переселился въ Юрьевскій монастырь, находящійся отъ Новгорода Великаго въ 4-хъ верстахъ. Сюда влекла его дружба съ извѣстнымъ фанатикомъ Фотіемъ, бывшимъ тогда настоятелемъ обители. 25-го марта 1830 г. князь постриженъ въ монашество съ именемъ Аникиты, а въ началѣ апрѣля получилъ іеромонашескій чинъ.

Весьма скоро знатному иноку предложены были степень архимандрита и настоятельство въ одномъ изъ монастырей. Но онъ отказался. Его влекла къ себѣ Палестина, и въ 1834 г., предварительно посѣтивъ въ теченіе 2-хъ лѣтъ Соловецкій и др. монастыри русскіе, Аникита отправился въ Константинополь. Моровая язва задержала его въ Одессѣ до мая 1835 г. Посѣтивъ Іерусалимъ, Ширинскій-Шихматовъ предполагалъ провести около года на Аѳонѣ, но въ Яффѣ отъ консула узналъ онъ о назначеніи своемъ священникомъ при русскомъ посольствѣ въ Афинахъ. Церковная смута въ греческой церкви и другія непріятности испортили слабое здоровье Аникиты. У него открылись припадки и кровеизліянія стараго геморроя, и онъ умеръ 7 іюня 1837 г.; 10 іюня его торжественно похоронили въ находящемся близъ города Архангельскомъ монастырѣ.

СѢВЕРНАЯ МИНЕРВА – ЕКАТЕРИНА.

Картина Торелли.

Воспроизводится впервые.

[illegible] дѣдъ [illegible] службу [illegible] родину въ Смоленскую [illegible] жилъ на Одессѣ [illegible] дочери своего сосѣда отставного инженеръ-маіора. Благочестивые и образованные родители, говоритъ біографъ поэта, всю свою жизнь посвятили воспитанію дѣтей. Представляя въ себѣ самимъ примѣръ искренняго благочестія, они внушали дѣтямъ своимъ страхъ Божій, любовь къ ученію и людямъ. Въ такой обстановкѣ началось и первоначальное образованіе Ширинскаго-Шихматова. Научившись читать по псалтырю и часослову, онъ употребляемъ былъ къ чтенію псалмовъ и молитвъ на всенощныхъ бдѣніяхъ, которыя совершались въ дому родительскомъ. Такъ [illegible] князь [illegible] русскому языку и религіозному [illegible] литературной дѣятельности.

Раннія и необычайныя [illegible] отца не остались также безъ вліянія [illegible] тельнаго мальчика.

Поступивъ на 14-мъ году въ Морской кадетскій корпусъ, онъ въ 1800 г. произведенъ былъ въ мичманы и назначенъ [illegible] никомъ въ ученый комитетъ при адмиралтействѣ коллегіи. Плавая во время лѣта на корабляхъ, онъ посѣтилъ Данцигъ, Любекъ, Копенгагенъ и другіе иностранные города. Къ этому времени относится сближеніе его съ Шишковымъ, сильно ему покровительствовавшимъ. Въ 1811 г., при учрежденіи Царскосельскаго Лицея, ему предложено [illegible] инспектора, но онъ отказался [illegible] предложеніе, [illegible] раннее [illegible] сотрудникомъ ученаго комитета при адмиралтействѣ коллегіи [illegible] ся [illegible] разностороннимъ и [illegible] образованіемъ Ширинскаго-Шихматова. Онъ свободно владѣлъ пятью языками и путемъ самообразованія познакомился со многими [illegible] въ томъ числѣ [illegible]

[illegible]

[illegible] 1811 году, съ учрежденіемъ Бесѣды [illegible] русскаго слова, такимъ [illegible] и [illegible] литературной традиціи. Въ качествѣ члена Россійской Академіи Ширинскій [illegible] трудъ [illegible] домостроительномъ и [illegible] комитетахъ получалъ [illegible] дачи, при чемъ одна выдача [illegible] предоставленіе имъ Академіи права на [illegible] его сочиненій.

Покровительствовавшій ему адмиралъ А. С. Шишковъ, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, въ 1824 г. исходатайствовалъ ему высочайшее назначеніе членомъ главнаго управленія училищъ, что было безпримѣрной въ его [illegible] капитанъ-лейтенанта, милостью. 9 ноября 1827 г. онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана 2-го ранга и съ новою [illegible] размѣрѣ половиннаго жалованья.

[illegible] чувство, благодаря опасностямъ на морѣ [illegible] и въ связи съ разочарованіемъ въ своихъ литературныхъ силахъ [illegible]-писателя удалиться въ монастырь.

Устроивъ по согласію съ братьями [illegible] по имѣнію и похоронивъ мать, онъ въ [illegible] началѣ 1828 г. переселился въ Юрьевскій [illegible] монастырь, находящійся отъ Новгорода [illegible] въ 4-хъ верстахъ. Сюда влекла [illegible] дружба [illegible] фанатикомъ [illegible] 25-го марта 1830 г. [illegible] монашество [illegible] Аникита, [illegible] началѣ [illegible]

[illegible] 1835 г. [illegible] Іерусалимъ Ширинскій-Шихматовъ [illegible] провести около года на [illegible] отъ консула [illegible] священникомъ при русскомъ [illegible] въ Аѳинахъ. Церковная смута [illegible] церкви и другія непріятности [illegible] слабое здоровье Аникиты. У него [illegible] припадки и кровохарканія [illegible] умеръ 7 іюня 1837 г. [illegible] торжественно [illegible] близъ города Архангельска.

МЕДАЛЬОНЫ Гр. ѲЕДОРА ТОЛСТОГО

въ память событій 1812—1815 г.

БОРОДИНСКАЯ БИТВА.

Съ гравюры Н. Мещова.

И се—пылаетъ брань: на холмахъ громъ гремитъ,
Въ сгущенномъ воздухѣ съ мечами стрѣлы свищутъ
И брызжетъ кровь на щитъ.

Сразились—Руской побѣдитель!
И вспять бѣжитъ надмѣнный Галлъ;
Но сильнаго въ бояхъ небесной Вседержитель
Лучемъ послѣднимъ увѣнчалъ;
Не здѣсь его сразилъ воитель посѣдѣлый:
О Бородинскія кровавыя поля!
Не вы пепстовству и гордости предѣлы:
Увы! на башняхъ Галлъ кремля!...

Края Москвы, края родные,
Гдѣ на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безпечности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы ихъ видѣли, враговъ моей отчизны,
И васъ багрила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенья вамъ и жизни...
Вотще лишь гнѣвомъ духъ пылалъ!

Гдѣ ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни;
Москва! сколь Русскому твой зракъ унылый страненъ!
Изчезли зданія Вельможей и Царей,
Все пламень истребилъ; вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

И тамъ, гдѣ роскошь обитала,
Въ сѣнистыхъ рощахъ и садахъ,

Литературную дѣятельность началъ князь Шихматовъ-Ширинскій баснями, но скоро, по совѣту Шишкова и другихъ писателей шишковскаго толка, отказался отъ этого вида поэзіи. Позднѣйшія произведенія его и переводы появлялись отдѣльными книгами и брошюрами, или печатались на страницахъ изданій: «Чтенія въ бесѣдѣ любителей россійскаго слова», «Сочиненія и переводы россійской академіи» и «Извѣстія россійской академіи». Вотъ перечень ихъ: 1) «Опытъ о критикѣ», сочиненіе Поне, переводъ съ англійскаго, 1806 г. 2) «Пожарскій, Мининъ, Гермогенъ или спасенная Россія», поэма въ 3-хъ пѣсняхъ, 1807 г. 3) «Пѣснь россійскому слову», 1809 г. 4) «Петръ Великій», лирическое пѣснопѣніе въ 8 пѣсняхъ, 1810 г. 5) «Ночь на гробахъ», подражаніе Юнгу, 1812 г. 6) «Пѣснь Россу», 1812 г. 7) «Ночь на размышленія», 1814 г. 8) «Пѣснь сотворившему вся», 1817 г. 9) «Іисусъ въ Ветхомъ и Новомъ Завѣтахъ или Ночи у Креста», 1824 г. Кромѣ того, много произведеній его сохраняется въ рукописяхъ, напримѣръ: «Зерцало царскихъ должностей», «Псалтирь десятострунный», «Сельскій житель», «Преложеніе стихиръ въ честь Божіей Матери» (1812 г.), «Преложеніе нѣкоторыхъ тропарей и стихиръ на Господскіе и Богородичные праздники» (1823 г.), Отзывъ о сочиненіи И. С. Рижскаго «Наука стихотворства». Его переписка съ братомъ Платономъ Александровичемъ и «Дневникъ путешествія» изданы въ «Христіанскомъ Чтеніи» за 1889—1890 г.

Не трудно понять, почему Шишковъ и его сторонники восхищались стихами Ширинскаго-Шихматова. Вотъ что особенно цѣнили въ нихъ шишковисты: «Станемъ ли разсматривать ихъ въ отношеніи къ языку, мы увидимъ, что кн. Ширинскій-Шихматовъ не только никогда не употреблялъ чужеземныхъ оборотовъ и выраженій..., но и возвышалъ нерѣдко слогъ свой важностію славянскихъ реченій, обогащая отечественный языкъ сокровищами наслѣдственнаго ему достоянія». Этотъ отзывъ достаточно подчеркиваетъ, что Ширинскій-Шихматовъ держался школы Ломоносовской, которая тогда уже устарѣла, которой чуждалось все живое и свѣжее въ литературѣ. Вотъ причина того, что онъ не пользовался тою извѣстностью, которая, вѣроятно, выпала бы на его долю, явись онъ на литературномъ поприщѣ нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе. Весьма ясно сознавшій имъ самимъ трагизмъ его поэтической дѣятельности заключается въ томъ, что характеръ его произведеній не отвѣчалъ современному направленію и вкусу. Въ молодомъ поколѣніи писателей кн. Ширинскій-Шихматовъ не находилъ сочувствія и подвергался насмѣшкамъ за свои стихотворенія и ихъ особенности. Такъ, Батюшковъ ранѣе Пушкина въ стихотвореніи «Нѣчецъ въ Бесѣдѣ Славянороссовъ», упомянувъ Шишкова, «сѣдого дѣда», говоритъ о Ширинскомъ-Шихматовѣ:

«Ошую пусть сидитъ съ тобой
Осьмое чудо свѣта,
Твой сынъ, панерскикъ и клеверетъ,
Шихматовъ безглагольный,
Какъ ты, Славянъ краса и цвѣтъ,
Какъ ты, собой довольный!»

Особенность стиховъ Ширинскаго-Шихматова—отсутствіе рифмъ на глаголы, за что Батюшковъ и называетъ его «безглагольнымъ»,—Пушкинъ отмѣтилъ въ своемъ «Домикѣ въ Коломнѣ». Въ разбираемой эпиграммѣ Пушкинъ нападаетъ на другую характерную особенность произведеній Ширинскаго-Шихматова: на высокопарность слога отъ изобилія славянскихъ реченій. Упоминаніе въ эпиграммѣ поэмы «Гермогенъ» ясно указываетъ, что пьеса возникла по прочтеніи Пушкинымъ этого произведенія Ширинскаго-Шихматова. Та же поэма поэтапшока вызвала въ 1809 г. у Батюшкова въ «Видѣніи на берегахъ Леты» слѣдующіе стихи:

«Они Пожарскаго поютъ
И тощатъ старца Гермогена:
Ихъ мысль на небеса вперена,
Слова-жъ изъ Библіи берутъ».

Насмѣшки молодыхъ писателей надъ произведеніями Ширинскаго-Шихматова если вѣрить автору книги: «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ князя Сергія Александровича Ширинскаго-Шихматова», до того болѣзненно огорчали послѣдняго, что были однимъ изъ побужденій оставить свѣтъ и укрыться въ монашеской кельи.

С. Браиловскій.

Ср. о Ширинскомъ-Шихматовѣ: 1) «О жизни и трудахъ іеромонаха Аникиты, въ мірѣ Сергія Александровича Ширинскаго-Шихматова». Читано въ Императорской Академіи Наукъ (Платономъ Ширинскимъ-Шихматовымъ) 29 октября 1838 г. Спб., 1838; 2-е изд., Спб., 1838.

МЕДАЛЬОНЫ Гр. ѲЕОДОРА ТОЛСТОГО

въ память событій 1812—1815 г.

ОСВОБОЖДЕНІЕ МОСКВЫ.

Съ гравюры Н. Мещова.

Гдѣ миртъ благоухалъ и липа трепетала,
Тамъ пыпѣ угли, пепелъ, прахъ;
Въ часы безмолвные прекрасной, лѣтней нощи
Веселье шумное туда не полетитъ,
Не блещутъ ужь въ огняхъ брега и свѣтлы рощи—
Все мертво, все молчитъ...

Утѣшься, мать градовъ Россіи,
Воззри на гибель пришлеца.
Отяготѣла днесь на нихъ надменны выи
Десница мстящая Творца.
Взгляни: они бѣгутъ, озрѣться не дерзаютъ,
Ихъ кровь не престаетъ въ снѣгахъ рѣками течь,
Бѣгутъ — и въ тьмѣ ночной ихъ гладъ и смертъ срѣтаютъ,
А съ тыла гонитъ Россовъ мечь.

О вы, которыхъ трепетали
Европы сильны племена,
О Галлы хищные! и вы въ могилы пали...
О, страхъ! о грозны времена!
Гдѣ ты, любимый сынъ и щастья и Беллоны,
Презрѣвшій правды гласъ, и вѣру и законъ?
Въ гордынѣ возмечтавъ мечемъ низвергнуть троны,
Пачезъ, какъ утромъ страшной сонъ!

Въ Парижѣ Россъ! гдѣ факелъ мщенья?
Поникни, Галлія, главой!
Но что я зрю? Герой съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой:
Еще военной громъ грохочетъ въ отдаленьи,
Москва въ унынін, какъ стень въ полношной мглѣ,
А Онъ—несетъ врагу не гибель—но спасенье
И благотворный миръ землѣ.

2) «Одесскій Вѣстникъ» 1837 г., №65: «Краткое извѣстіе о жизни и смерти іеромонаха Аникиты». 3) М. П. Дмитріевъ, «Мелочи изъ запаса моей памяти», стр. 222—225. 4) Г. Г., «Изъ исторіи народнаго просвѣщенія въ XIX вѣкѣ». «Русское Обозрѣніе» 1894 г., мартъ, стр. 359 и слѣд. 5) «Сынъ Отечества» 1825 г., ч. 102, № XV, стр. 257—276 и № XVI, стр. 357—386 (сочувственный разборъ поэмы «Петръ Великій», написанный В. К. Кюхельбекеромъ). 6) «Сѣверная Пчела» 1856 г., № 84 (ст. М. Арх—го). 7) «Іеромонахъ Аникита». «Домашняя Бесѣда» 1859, № 2. 8) Е. Ковалевскій, «Изъ воспоминаній о приснопамятныхъ старцахъ». «Душеполезное Чтеніе», 1869, № 4. 9) А. Стурдза, «О судьбахъ православной церкви». «Рус. Старина», 1876, т. XV, стр. 264 сл. 10) М. П. Сухомлиновъ, «Исторія Россійской Академіи», т. VII, стр. 68, 213—216, 559, 560. 11) Записки С. П. Жихарева, изд. 1890 г., стр. 232, 289, 292—294, 298, 408, 409.

37. ВОСПОМИНАНІЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Напечатано въ Россійскомъ Музеумѣ 1815 г., ч. II, стр. 3, съ подписью: «Александръ Пушкинъ» и съ примѣчаніемъ издателя: «За доставленіе сего подарка благодаримъ искренно родственниковъ молодого поэта, талантъ котораго такъ много обѣщаетъ». Это было первое стихотвореніе Пушкина, появившееся въ печати съ полною его подписью. Затѣмъ при жизни поэта оно уже не перепечатывалось.

Было написано по совѣту А. И. Галича и прочитано Пушкинымъ на публичномъ лицейскомъ экзаменѣ 8 января 1815 г. Объ этомъ чтеніи и объ одобреніи Державина Пушкинъ вспоминалъ впослѣдствіи въ посланіи къ Жуковскому (1817):

И славный старецъ нашъ, царей нѣвецъ избранный
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.

Ср. также начало VIII главы Евгенія Онѣгина:

...Успѣхъ насъ первый окрылилъ:
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Въ запискахъ П. П. Пущина находимъ слѣдующій разсказъ объ этомъ событіи, какъ будто записанный подъ первымъ же впечатлѣніемъ:

«Державинъ державнымъ своимъ благословеніемъ увѣнчалъ юнаго поэта. Мы всѣ, друзья-товарищи его, гордились этимъ торжествомъ. Пушкинъ тогда читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». Въ этихъ великолѣпныхъ стихахъ затронуто все живое для русскаго сердца. Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Слушая знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня. Когда же патріархъ нашихъ нѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, — мы всѣ, подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ, благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего нѣвца, — его ужъ не было, онъ убѣжалъ!»

На экзаменѣ, въ числѣ почетныхъ посѣтителей, кромѣ Державина, находились: кн. Д. И. Горчаковъ, С. С. Уваровъ, М. А. Салтыковъ и другіе представители литературнаго и служебнаго круга. Послѣ экзамена у министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго былъ торжественный обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ гостей, былъ приглашенъ отецъ поэта, С. Л. Пушкинъ. Обращаясь къ нему, Разумовскій, между прочимъ, сказалъ: «Я бы желалъ, однако же, образовать сына вашего въ прозѣ». — Оставьте его поэтомъ!» — пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ воскликнулъ Державинъ. (Анненковъ, Матеріалы для біогр. Пушкина, Спб. 1873 г., стр. 22).

Какъ это указалъ Б. В. Никольскій («Истор. Вѣст.» 1899 № 7), Державинъ, заканчивая свой длинный «Гимнъ лироэпическій на прогнаніе французовъ изъ отечества» (1813 г.), сознается, что силы ему уже измѣняютъ, и зоветъ молодыхъ нѣвцовъ занять свое мѣсто:

Младымъ нѣвцамъ гремѣть
Мои вѣрную ветхи струны,
Да черпаютъ съ нихъ въ свои сердца перуны
Толь чистыхъ, ревностныхъ огней,
Какъ пѣлъ я трехъ царей.

Стихотвореніе лицейскаго поэта явилось какъ бы отвѣтомъ на этотъ призывъ. Оно все выдержано въ державинскомъ тонѣ, причемъ Пушкинъ не поскупился на заимствованія какъ отдѣльныхъ — уже и въ ту пору архаическихъ — словъ и выраженій («сѣ», «россъ», «галлъ», «зракъ», «съединясь», обиліе усѣченій и пр.), такъ и поэтическихъ образовъ: россъ, сидящій въ безмолвіи «надъ злачными брегами» царскосельскаго озера, напоминаетъ фигуру Румянцева въ державинскомъ «Водопадѣ»:

МЕДАЛЬОНЪ Гр. ѲЕДОРА ТОЛСТОГО
въ память событій 1812—1815 г.
ПОКОРЕНІЕ ПАРИЖА.
Съ гравюры Н. Мещова.

Достойный Внукъ Екатерины!
Почто небесныхъ Аонидъ,
Какъ нашихъ дней пѣвецъ, Славянской Бардъ дружины,
Мой духъ восторгомъ не горитъ!
О, естьлибъ Аполлонъ пінтовъ даръ чудесной
Вліялъ мнѣ нынѣ въ грудь! тобою восхищенъ,
На лирѣбъ возгремѣлъ гармоніей небесной
И возсіялъ во тмѣ временъ!

О, Скальдъ Россіи вдохновенной,
Восиѣвшій ратныхъ грозный строй!
Въ кругу друзей твоихъ, съ душой воспламененной
Взгреми на арфѣ золотой:
Да снова стройный гласъ Герою въ честь прольется,
И струны трепетны посыплютъ огнь въ сердца,
И ратникъ молодой вскипитъ и содрогнется
При звукахъ браннаго пѣвца!

Александръ Пушкинъ.

Сидитъ—и, взоръ вперя къ водамъ,
Въ глубокой думѣ разсуждаетъ.

Выраженіе о Наполеонѣ: «Исчезъ, какъ утромъ страшный сонъ», представляется отзвукомъ державинской «Эпитафіи завоевателю»:

Подъ камнемъ симъ лежитъ Батый-Наполеонъ.
Величье было ихъ—ужасный сонъ.

То же самое выраженіе находимъ у Пушкина и въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ: въ отрывкѣ 1823 г. «Недвижный страхъ дремалъ...»:

Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари—

и въ стихотвореніи 1830 г. «Герой»:

. . . пришлецъ сей бранный,
Предъ кѣмъ смирялися цари,
Сей ратникъ, вольностью вѣнчанный,
Исчезнувшій, какъ тѣнь зари.

Ср. еще у Державина въ стих. «На побѣду при Лейпцигѣ» (1813) наименованіе Наполеона: «надменный Запада Денница» и стихи:

Корсъ зломъ затмится, погребенный,
Какъ солнцемъ ночь, лучемъ Твоимъ.

Нарисованный Пушкинымъ царскосельскій пейзажъ при лунномъ освѣщеніи представляетъ такую же картину въ духѣ Оссіана, какъ и первыя строфы «Водопада»: извѣстно, что Державинъ очень любилъ Оссіана и нерѣдко заимствовалъ у него образы и настроеніе. Въ строфахъ 6-й и 7-й говорится о памятникахъ въ честь Орлова-Чесменскаго (въ видѣ ростральной колонны на царскосельскомъ озерѣ) и Румянцева, которому Пушкинъ посвятилъ впослѣдствіи особый стихотворный отрывокъ. Извѣстно, что Екатерина II очень заботилась объ украшеніи царскосельскаго сада разными памятниками. «Когда война сія (первая турецкая) продолжится», говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ,—то царскосельскій мой садъ будетъ походить на игрушечку. Послѣ всякаго воинскаго дѣянія воздвигается въ немъ памятникъ», и пр.

Въ 8-й строфѣ названы нѣвцы Екатерининскихъ побѣдъ—Державинъ и Петровъ, послѣдній, конечно, какъ нѣвецъ Румянцева и авторъ оды на взятіе Очакова. Далѣе идетъ изображеніе войны, сраженій, пожара Москвы—опять-таки въ тонѣ, напоминающемъ Оссіана, и заключительное обращеніе къ императору Александру и къ «вдохновенному скальду Россіи», которому слѣдуетъ «возгремѣть на арфѣ золотой» героическіе подвиги русскаго царя. Подъ этимъ нѣсколько туманнымъ образомъ оссіановскаго скальда слѣдуетъ, конечно, разумѣть Жуковскаго, «нѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», какъ это выясняется изъ стиха предпослѣдней строфы:

О нашихъ дней нѣвецъ, славянской
Бардъ дружины!

Но Пушкину, видимо, было неловко въ присутствіи маститаго «нѣвца трехъ царей» обращаться къ молодому, сравнительно, поэту, какъ бы пренебрегая старикомъ,—неловко тѣмъ болѣе, что и самъ Жуковскій, въ своемъ «Нѣвцѣ», вызывалъ Державина къ прославленію торжества Россіи:

О старецъ! Да услышимъ твой
Днесь голосъ лебединый!

Поэтому Пушкинъ, въ экземплярѣ стихотворенія, тщательно переписанномъ для Державина и прочитанномъ на экзаменѣ, постарался затушевать свое обращеніе къ «нѣвцу» такъ, чтобы подъ нимъ можно было разумѣть и нѣвца Екатерины,—приведенный выше стихъ въ предпослѣдней строфѣ онъ замѣнилъ другимъ стихомъ:

Какъ древнихъ лѣтъ нѣвецъ, какъ лебедь странъ Еллины.

Замѣна сдѣлана, видимо, наскоро, потому что вмѣсто «Эллады» явилась, ради рифмы, небывалая «Еллина». Пушкину не хотѣлось ломать всѣй строфы ради одного стиха, который въ печатной редакціи имѣлъ иное значеніе и назначеніе...

П. Морозовъ.

Очень интересенъ позднѣйшій разсказъ самого Пушкина о томъ, какъ онъ читалъ «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» въ присутствіи Державина:

«Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобы дождаться его и поцѣловать ему руку, руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь и . . . ка? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣтилъ свое замѣчаніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостью. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ нлисовыхъ са-

ПОБѢДОНОСНЫЙ АЛЕКСАНДРЪ I.

Изъ медальоновъ Графа Ѳедора Толстого въ память событій 1812—1815 г.г.

погахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ, подпершн голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвисли. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ, вызвали меня. Я прочелъ мои Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце мое забилось съ упоительнымъ восторгомъ. Не помню, какъ я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли...».

Успѣхъ, выпавшій на долю стихотворенія, не ограничился стѣнами лицея. Со словъ П. В. Кирѣевскаго, П. И. Бартеневъ («Моск. Вѣд.» 1854 г. № 118) сообщилъ, что Жуковскій въ началѣ 1845 г. съ восторгомъ разсказывалъ о «Воспоминаніяхъ» А. И. Елагиной и при этомъ восклицалъ: «вотъ у насъ настоящій поэтъ». А извѣстное намъ изъ предыдущаго примѣчаніе редакціи «Рос. Музеума» является выраженіемъ крупнаго успѣха, который выпалъ на долю стихотворенія въ московскихъ литературныхъ кружкахъ. Такимъ же отзывомъ этого успѣха было и то, что стихотвореніе вошло въ составъ «Собранія новыхъ русскихъ сочиненій».

И все-таки совершенно несомнѣнно, что Пушкинъ не любилъ этого отголоска совершенно чуждой ему Державинской торжественности.

Бѣлинскій подчеркнулъ, что «Пушкинъ никогда не помѣщалъ этой піесы въ собраніи своихъ сочиненій, какъ-будто не признавая ее своею, хотя она и напоминала ему одну изъ лучшихъ минутъ его юности».

Проницательность Бѣлинскаго блестяще подтвердилась изученіемъ Пушкинскихъ рукописей.

По свидѣтельству Анненкова, въ подготовительную тетрадь изданія 1826 г. «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» были внесены, позатѣмъ они были зачеркнуты Пушкинымъ. Такимъ образомъ, остракизмъ былъ вполнѣ сознательный.

Въ отзывѣ Бѣлинскаго-же о «Воспоминаніяхъ» нужно искать и объясненіе несрасположенія Пушкина къ нимъ.

«Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», совершенно правильно замѣчаетъ Бѣлинскій, «написаны звучными и сильными стихами, хотя вся пѣса эта не болѣе какъ декламація и риторика» Соч., изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 321).

Слѣдуя извѣстному навязанному совѣту, геніальный отрокъ могъ, конечно, съ извѣстнымъ успѣхомъ настроить себя на чуждый ему ладъ. Но уже въ эпоху, когда талантъ его созрѣлъ окончательно и когда онъ ясно сознавалъ основную черту своего дарованія—простоту, напыщенность «Воспоминаній» ему претила.

До извѣстной степени противорѣчіемъ самому себѣ является упорное желаніе Бѣлинскаго въ тѣхъ же «Воспоминаніяхъ» отмѣтить вліяніе Жуковскаго. Если мы въ концѣ стихотворенія находимъ прямое обращеніе къ Жуковскому, то вѣдь не къ тому Жуковскому, минорная поэзія котораго явилась протестомъ противъ черезчуръ мажорнаго тона Екатерининскаго времени. Пушкинъ обращается къ автору «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ», весьма недалеко ушедшему отъ Державинскаго одописанія по случаю разныхъ побѣдъ.

Изъ другихъ литературныхъ вліяній Б. Никольскій въ своей весьма интересной статьѣ, вызванной Академическимъ изданіемъ, пытается отмѣтить вліяніе Богдановича. Вообще-то, конечно, Богдановичъ, несомнѣнно, оказалъ замѣтное вліяніе на юнаго Пушкина и къ этому мы еще вернемся. Но то сопоставленіе съ Богдановичемъ, которое дѣлаетъ г. Никольскій по отношенію къ «Воспоминаніямъ», мало убѣдительно. По его мнѣнію, стихъ

Тамъ въ тихомъ озерѣ плескаются Наяды,

«прямо заимствованный—даже съ стилистическою подробностью: плескаются вмѣсто плещутся—изъ Богдановича:

Въ водахъ плескаючись, Наяды
Истерпѣливо ждали тамъ».

(«Истор. Вѣстн.» 1899, № 7, стр. 212).

Выборъ текста «Воспоминаній» представляетъ немало затрудненій. Дѣло въ томъ, что имѣется цѣлыхъ три первоисточника. Наименѣе авторитетный—автографъ, находящійся въ Румянцевскомъ музеѣ, потому что это, повидимому, редакція неокончательная. Казалось-бы, что окончательною редакціею является тщательно переписанный самимъ Пушкинымъ для Державина экземпляръ «Воспоминаній» и найденный Гротомъ въ Державинскихъ бумагахъ. Но это не совсѣмъ такъ. Уже изъ-за отмѣченной выше (стр. 198) страшной, наскоро и неуклюже сдѣланной поправки Жуковскаго Державинымъ, этотъ автографъ наименѣе отражаетъ въ данномъ

случаѣ творческое настроеніе молодого лицеиста. А затѣмъ, несмотря на совершенно необычную для автографовъ Пушкина тщательность, съ которою «Воспоминанія» переписаны, въ Гротовско-Державинскомъ автографѣ немало описокъ (въ стихѣ 36 *изчезла* вмѣсто изчезло; въ 73—быстромъ вмѣсто быстрымъ; въ стихѣ 1 и 133 *почи*, когда ясно по риѳмѣ *рощи*, что надо *пощи*). Въ эстетическомъ отношеніи Гротовско-Державинскій автографъ менѣе отдѣланъ, чѣмъ текстъ «Рос. Музеума». Въ стихѣ 34, конечно, лучше «воспоминанья *прежнихъ* лѣтъ», чѣмъ «воспоминанья *древнихъ* лѣтъ; въ ст. 84 болѣе подходитъ къ тѣнямъ погибшихъ воиновъ «въ воздушныхъ съединясь *полкахъ*», чѣмъ «толпахъ».

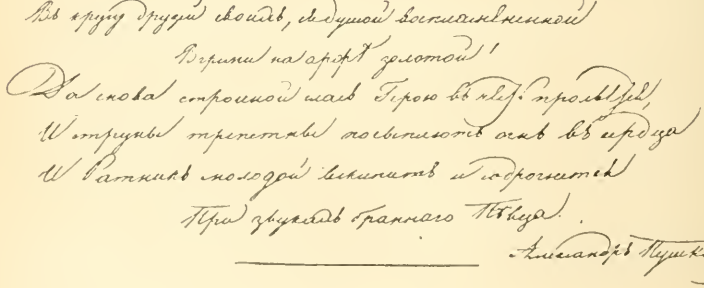
Все это заставляетъ считать текстъ «Рос. Музеума» окончательною редакціей. Мы его и воспроизводимъ. Возможно, впрочемъ, что кое-что измѣнено въ печатномъ текстѣ либо редакторомъ—Вл. Измайловымъ, либо тѣмъ изъ «родственниковъ молодого поэта», который доставилъ «Рос. Музеуму» стихотвореніе. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что этимъ родственникомъ былъ Василій Пушкинъ и, можетъ быть, рука дядюшки-поэта кое-гдѣ прошлась по стихамъ племянника.

Варіанты трехъ редакцій, въ общемъ, очень незначительные, будутъ указаны въ концѣ тома въ ст. «Исторія Пушкинскаго текста».

Изъ особенностей ороографіи особенно поражаетъ современный глазъ начертаніе Руской съ однимъ *с* и рядомъ съ этимъ Россской съ двумя *с*.

Огромное большинство автографовъ Пушкина отличается размашистостью и небрежностью. Но оба очень похожіе другъ на друга автографа, и тотъ, который теперь въ Румянцевскомъ Музеѣ (Рук. № 2395, листы 729—732), и тотъ, который теперь принадлежитъ К. Я. Гроту, отличаются своимъ стремленіемъ къ тщательности. Приводимъ поэтому конецъ Гротовско-Державинскаго автографа, какъ очень рѣдкій образчикъ, такъ сказать, параднаго почерка Пушкина.

С. Венгеровъ.



Картушъ извѣстнаго франц. декоратора 18 в. Ranson'a. Цифры (1815) стилизовалъ О. Г. Беренштамъ.

38. «БОВА».

Время созданія этой пьесы опредѣляется упоминаніемъ въ ней о Наполеонѣ, который

Жизнь проводитъ въ уничиженіи
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы императоромъ...

Эльбское плѣненіе Наполеона продолжалось съ мая 1814 г. по февраль 1815 г., а о побѣгѣ его съ острова въ Петербургѣ узнали лишь въ мартѣ. И такъ какъ приведенные три стиха ясно говорятъ о нѣкоторой давности пребыванія знаменитаго плѣнника на Эльбѣ, то сочиненіе пьесы приходится отнести либо къ концу 1814 г., либо къ первымъ двумъ мѣсяцамъ 1815 г.

Появилась пьеса въ печати лишь въ посмертномъ изданіи Пушкина (т. IX, стр. 249—258), съ пропусками, не обозначенными даже точками и лишь отчасти возстановленными въ изданіи Исакова «Народныя русскія сказки А. С. Пушкина», Спб., 1873. Другіе пропуски были пополнены А. И. Незеленовымъ («Новые отрывки и варіанты сочиненій Пушкина», «Историч. Вѣстникъ» 1889 г., мартъ, 675—676; «Шесть статей о Пушкинѣ», Спб., 1892, стр. 70). Поэма не была закончена Пушкинымъ.

Она писалась подъ литературными вліяніями, но нельзя, конечно, отрицать и болѣе живого источника, на который намекаетъ Пушкинъ въ стихотвореніи «Соnetъ» (1816 г.). Ему еще въ дѣтской кроваткѣ мамушка разсказывала «о подвигахъ Бовы» и уже тогда онъ «терялся въ порывѣ сладкихъ думъ, въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустынь», встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрынюшекъ; имена Полкана и Дубыни (похоже на Добрыню) мы встрѣчаемъ въ «Бовѣ». Надо полагать, что Пушкинъ былъ знакомъ съ народнымъ, лубочнымъ изданіемъ повѣсти о Бовѣ Королевичѣ. Л. Н. Майковъ бездоказательно высказалъ предположеніе, что Пушкинъ «не подозрѣвалъ иноземнаго происхожденія этого произведенія и считалъ его за самобытное созданіе русскаго народнаго творчества». Но, конечно, поздняйшее упоминаніе Пушкина о средневѣковомъ романѣ «Buovo d'Antona» (въ одномъ изъ писемъ 1825 г. къ князю П. А. Вяземскому) не опровергаетъ мнѣніе Майкова, какъ это думаетъ П. А. Ефремовъ. Не опровергаетъ поэтому догадки Майкова и указаніе Н. О. Мородова на стѣдующую Пушкинымъ въ Кишиневской тетради выписку о «Buovo d'Antona» изъ исторіи итальянской литературы Ginguené и на замѣчаніе поэта, что «Bovet aïeul de Бова (c'est probable)». Поэма создалась подъ вліяніемъ нѣсколькихъ произведеній: «Ильи Муромца» Н. М. Карамзина (1795 г.), у котораго Пушкинъ заимствовалъ размѣръ стиха*), начатой В. А. Львовымъ (1804 г.) «Богатырской пѣсни» о Добрынѣ, огромной повѣсти въ стихахъ М. Хераскова «Бахаріана или Неизвѣстный» (1804 г.), вліявшей впослѣдствіи также на «Руслана и Людмилу» и «Бовы» (1806 г.) знаменитаго Радищева. На послѣдняго Пушкинъ указываетъ прямо во вступленіи къ поэмѣ. Къ Вольтеру обращался и А. Н. Радищевъ, начиная своего «Бову»:

О Вольтеръ, о, мужъ преславной!
Если бъ можно Бовѣ было
Быть похожу и коё-какъ
На Жанету, дѣвку храбру,
Что воспѣлъ ты, хоть мизница
Ея стоитъ; если бъ можно,
Чтобъ сказали: «Бова»—только
«Тоща тѣнь ея», довольно:
То бы тѣнь была Вольтера,
И мой образъ изваянной
Возгнѣздился бъ въ Пантеонѣ.

О «Pucelle d'Orléans» упоминаетъ Херасковъ въ началѣ «Бахаріаны»:

Иліонску брань воспѣвъ, Гомеръ
Пѣлъ войну мышей съ лягушками...
Послѣ «Генріады» славимой
«Орлеянку» сочинилъ Вольтеръ,
Новѣсть шуточную, вредную,
Вредную, но остроумную.

Пушкинъ не разъ упоминаетъ объ «Орлеанской Дѣвственницѣ»; въ половинѣ двадцатыхъ годовъ онъ даже перевелъ изъ нея 25 стиховъ. О «Бовѣ» Радищева Пушкинъ писалъ въ 1836 году: «Первая пѣснь имѣетъ достоинства; характеръ Бовы обрисованъ оригинально, и разговоръ его съ Каргою забавенъ; жаль, что въ «Бовѣ» нѣтъ и тѣни народности, необходимой въ произведеніяхъ такого рода». Поэтъ впослѣдствіи уже не могъ сказать, какъ въ лицейскіе годы: «нѣтъ я тоже вознамѣрился, но сравняюсь ли съ

*) Этимъ же размѣромъ писаны «Пѣсни Оссіана» И. П. Гнѣдича (1804 г.) и посланіе К. Н. Батюшкова къ «Фелисѣ» (1805 г.).

38. БОВА.

Часто, часто я бесѣдовалъ
Съ болтуномъ страны Эллинскій
И не смѣлъ осиплымъ голосомъ
Съ Шапеленомъ и съ Риоматовымъ
Воспѣвать героевъ Сѣвера.
Несравненнаго Виргилія
Я читалъ и перечитывалъ,
Не стараясь подражать ему
Въ нѣжныхъ чувствахъ и гармоніи.
Разбиралъ я Нѣмца Клопштока
И не могъ понять премудраго:
Не хотѣлъ я воспѣвать, какъ онъ—
Я хочу, чтобъ меня поняли
Всѣ отъ мала до великаго.
За Мильтономъ и Камоэнсомъ
Опасался я безъ крылъ парить,
Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Херувимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.
Иль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Аффодитою;
Не бывалъ я грѣховодникомъ.
По вчера, въ архивахъ роясь,
Отыскалъ я книжку славную,
Золотую, незабвенную,
Катехизисъ остроумія,
Словомъ—Жанну Орлеанскую,
Прочиталъ—и въ восхищеніи
Про Бову мою царевича.
О Вольтеръ, о мужъ единственный,
Ты, котораго во Франціи
Почитали богомъ нѣкіимъ,
Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ.
Обезьяною въ Саксоніи,
Ты, который на Радищева
Кинулъ было взоръ съ улыбкою,
Будь теперь моею Музою!
Нѣтъ я тоже возпламѣрился,
Но сразиюсь ли съ Радищевымъ?

Не запомню, сколько лѣтъ спустя
Послѣ рождества Спасителя,
Царь Додонъ со славой царствовалъ,
Въ Свѣтомірѣ, славномъ городѣ.
Царь Додонъ вѣнца со скипетромъ
Не прямой досталъ дорогою,
Но убивъ царя законнаго,
Бендакира *Слабоумнаго*.
(Такъ бывало вѣроподданны
Величали королей своихъ,
Если короли безпечные
Не въ постелѣ и не почкою
Почивали съ камергерами).
Царь Додонъ не *Слабоумнаго*
Былъ достоинъ злаго прозвища,
Но тирана неусыпнаго,
Хотя впрочемъ не имѣлъ его.
Лѣнь мнѣ всѣ его достоинства
И пороки вамъ показывать:
Вы слыхали, люди добрые,
О царѣ, что двадцать цѣлыхъ лѣтъ
Не снималъ съ себя оружія,
Не слѣзалъ съ коня ретиваго,
Всюду пролеталъ съ побѣдою,
Міръ крещеный потопилъ въ крови,
Не щадилъ и не крещеныхъ,
И, въ нечтожество низверженный
Александромъ, грознымъ ангеломъ,
Жизнь проводитъ въ униженіи
И, забытый всѣми, кличется
Нынѣ Эльбы Императоромъ...
Вотъ таковъ-то былъ и царь Додонъ!

Разъ, собравъ бородачей совѣтъ
(Безбородыхъ не любилъ Додонъ),
На престолѣ пригорюнившись,
Произнесъ онъ имъ такую рѣчь:
«Вы, которые совѣтами
«Облегчили тяжесть скипетра,
«Усладили участь царскую
(Не горька она была ему),
«Мудрые друзья, сподвижники!
«Къ вамъ прибѣгнуть я рѣшаюся:
«Что мнѣ дѣлать нынѣ? Слушайте!»

Всѣ привстали важно хмурясь,
Низко, низко поклонилися
И, поправя усъ и бороду,
Сѣли на скамьи дубовыя.

«Вамъ извѣстно, продолжалъ Додонъ,
«Что искусствомъ и неправдою
«Я достигъ престола шаткаго
«Бендакира Слабоумнаго,
«Сочетался съ Милитрисою,
«Милой женкой Бендакировой,
«И въ темницу посадилъ Бову,
«Принца крови, сына царскаго.

Радищевымъ?» Къ Вольтеру онъ также не обращался съ просьбою замѣнить ему музу-вдохновительницу и писалъ, что въ «Pucelle d'Orléans», этой «преступной поэмѣ», «презрѣніе ко всему, что почитается священнымъ для человѣка и гражданина, доведено до послѣдней степени кинизма»; если вѣрить Смирновой, онъ будто-бы назвалъ поэму Вольтера «гнуснымъ произведеніемъ» и сказалъ, что увлекался Вольтеромъ только въ лицеѣ («Записки А. О. Смирновой», ч. I, Спб., 1895 г., стр. 131, 151).

Поэма Радищева весьма посредственная вещь; этотъ мыслитель и пламенный гражданинъ поэтомъ не былъ. Несмотря на комизмъ нѣкоторыхъ мѣстъ, справедливо признанный Пушкинымъ, несмотря на удачно выполненныя отдѣльныя частности, поэма Радищева въ общемъ скучна и растянута. Нѣсколько гладкихъ стиховъ тонутъ во множествѣ тяжелыхъ и банальныхъ. У Радищева не хватило ни вкуса, ни чувства мѣры; до того мастерства, до той легкости, съ которыми молодой Пушкинъ касался фривольныхъ темъ, Радищеву далеко. Его шутливая муза напоминаетъ не легкокрылую, порхающую бабочку, а громоздкаго, неповоротливаго медвѣдя. Тамъ, гдѣ Пушкинъ граціозенъ и изященъ, Радищевъ просто неприличенъ.

Несмотря на значительный элементъ подражательности, въ юношеской поэмѣ Пушкина есть несомнѣнныя черты народности, въ отсутствіи которой онъ упрекалъ Радищева. Царь Додонъ—типичный царь народныхъ сказокъ. Съ царемъ этого имени и такихъ же нравственныхъ свойствъ мы встрѣчаемся и въ «Сказкѣ о золотомъ пѣтушкѣ». Служанка царицы, Зоинька, читаетъ «Богородицу» и «Отче нашъ» и призываетъ Николу и Савву-мученика. Правда, поэмѣ очень далеко въ смыслѣ народности до «Руслана и Людмилы», но все-же въ ней «Русью пахнетъ». Народенъ ея насмѣшливый тонъ (мѣстами даже простонароденъ языкъ); народно юмористическое изображеніе соннаго царскаго совѣта. Вполнѣ въ народномъ вкусѣ комическая фигура лѣкаря Эзельдорфа, этого прототипа молчаливаго Ивана Христіановича въ гоголевскомъ «Ревизорѣ». «Въ изображеніи «совѣта бородачей», говоритъ Л. Н. Майковъ, «можно предположить нѣкоторую сатиру на правительственные порядки Московской Руси»; правда, что до появленія въ свѣтъ «Исторіи государства Россійскаго» (1818 г.) Пушкинъ имѣлъ о нихъ лишь очень смутное понятіе, но его насмѣшки объясняются тѣмъ, что въ тогдашніе годы потѣшаться надъ стариной почиталось почти обязательнымъ среди большинства такъ называемыхъ образованныхъ людей. Н. О. Морозовъ высказываетъ предположеніе, что картину соннаго засѣданія мудраго царскаго совѣта Пушкинъ могъ заимствовать изъ ходившей въ рукописи комедіи И. А. Крылова «Трумфъ». Какъ мы знаемъ изъ «Городка», комедія Крылова хорошо была извѣстна Пушкину. Замѣтимъ, что сатира могла быть направлена не только противъ старины, но и противъ современности: совѣтника царя и «героя» Громобуря, «умомъ непроницательнаго», весь синклитъ хранящихъ «многомыслящихъ»—геніальный юноша могъ безъ труда найти въ современной ему общественной жизни.

Бѣлинскому пьеса очень не нравилась, и онъ находилъ, что поэтъ потому ея не кончилъ, что мысль ея «дѣтски ложна и поддѣльна», и «изъ нея ничего не могло выдти цѣльнаго». Можно думать, что Пушкинъ потому бросилъ поэму, что за этотъ сюжетъ взялся Батюшковъ: 16 марта 1816 г. Пушкинъ писалъ кн. П. А. Вяземскому, что годъ тому назадъ у него Батюшковъ «завоевалъ Бову-Королевича». (Л. Н. Майковъ говоритъ въ своей статьѣ «Пушкинъ о Батюшковѣ»—«Пушкинъ», 1899 г., стр. 288: «по всей вѣроятности, при свиданіи въ 1815 году они обмѣнялись мыслями о возможности поэмы на мотивы изъ русскаго сказочнаго міра»). Пушкинъ, который сомнѣвался, удастся ли ему сравняться съ Радищевымъ, конечно, отступилъ безъ боя передъ такимъ сильнымъ противникомъ, какъ Батюшковъ.

«Бова» даетъ возможность судить о литературныхъ знаніяхъ и взглядахъ Пушкина-лицеиста. «Съ болтуномъ страны Эллинскія» онъ бесѣдовалъ уже давно: въ 1814 г. (см. «Городокъ») Гомеръ стоялъ у него на полкѣ, недалеко отъ «Фернейскаго злого крикуна»—Вольтера, отъ котораго Пушкинъ узналъ о Шапланѣ. Насмѣшливое обращеніе Вольтера къ этому «сѣдому пѣвцу, чьи хриплые напѣвы, нестройный умъ и чудотворный вкусъ въ былые дни бѣсили нѣжныхъ музъ», Пушкинъ впослѣдствіи перевелъ изъ «Pucelle d'Orléans». О немъ Пушкинъ вспоминалъ такъ же несочувственно въ посланіи «Къ Жуковскому» 1817 г. (замѣтку о Шапланѣ см. дальше). Риоматовъ, котораго Пушкинъ ставитъ на

БОВА-КОРОЛЕВИЧЪ.

Лубочная картинка изъ собранія Ровинскаго.

«Легче, легче захватить было
«Слабоумнаго златой вѣнецъ,
«Чѣмъ, надѣвъ вѣнецъ на голову,
«За собою удержать его.
«Вотъ уже народъ безсмысленный,
«Ходя въ праздники по улицамъ,
«Межъ собой не разъ говаривалъ:
«Дай Богъ помочь королевичу! —
«Вѣдь Бова уже не маленькой.
«Не въ отца своей головушкой:
«Нужды нѣтъ, что за рѣшеткою;
«Онъ опасенъ моимъ замысламъ.
«Что мнѣ дѣлать съ нимъ, скажите мнѣ?
«Не оставить ли въ тюрьмѣ его?»

Все собранье призадумалось,
Всѣ въ молчаньи потупили взоръ.
То-то право золотой Совѣтъ,
Не болтали здѣсь, а думали:
Долго всѣ вельможи думали.
Арзаморъ, мужъ старый, опытный,
Ротъ открылъ было (совѣтовать,
Знать, хотѣлось посѣдлому),
Громко крякнулъ, но одумался
И въ молчаньи закусилъ языкъ.
Ко лбу персть приставя тщательно,
Лекарь, славный Эскулапа внукъ,
Эзельдорфъ, обритый нѣмакъ, зѣвалъ,
Табакеркою поскрипывалъ,
Но молчалъ: своей премудрости
Онъ предъ всѣми не показывалъ.
Вихромахъ, Полканъ съ Дубынею,
Стража трона, славны рыцари,
Всѣ сидѣли будто вкопаны.
Громобуръ, извѣстный силою,
Но умомъ непроницательный,
Думалъ, думалъ и печалию
Задремалъ и захрапѣлъ въ углу.
Что примѣра лучше дѣйствуетъ?
Что людьми сильнѣй ворочаетъ?
Вотъ зѣвнули подъ перчаткою
Храбрый Мировзоръ съ Иванкою,
И Полканъ, и Арзаморъ сѣдой
И ко груди приклонилися
Тихо головами буйными.
Глядь — съ Додономъ задремалъ Совѣтъ,
Захрапѣли многомыслящи!

Долго спать было совѣтникамъ,
Еслибъ Нѣмцу не пришлось изъ рукъ

одну доску съ Шапэномъ, — князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій-Шихматовъ (1783—1837), посредственный поэтъ, надъ которымъ Пушкинъ смѣялся (см. о немъ стр. 190) не разъ. Что Пушкинъ «несравненнаго Виргилія читалъ и перечитывалъ», видно изъ того, что (см. «Городокъ») въ числѣ его любимыхъ книгъ стоялъ Виргилій рядомъ съ «Иліадой» и «Освобожденнымъ Іерусалимомъ». Поэтъ откровенно сознается, что не могъ одолѣть скучнѣйшей «Мессіады» премудраго Клопштока. Мильтонъ отталкивалъ его пряшный вкусъ рѣзкостью красокъ и грубостью пріемовъ, позволившихъ ему изобразить артиллерійское сраженіе чертей съ ангелами, не говоря уже о его приподнятомъ тонѣ и безконечныхъ длиннотахъ, за которыя Байронъ (въ «ДонъЖуанѣ») соглашался признать, что Мильтонъ, пожалуй, великій поэтъ, но требовалъ, чтобы и съ нимъ согласились, что Мильтонъ невыносимо скученъ. Весьма возможно, что о Мильтонѣ Пушкинъ зналъ только изъ вольтеровскаго «Кандида», гдѣ великій сатирикъ смѣется надъ его «мрачной, странной и отвратительной поэмой». Камоэнсъ въ своей знаменитой «Лузіадѣ» (1572 г., русскій переводъ Ал. Дмитріева, 1788 г.) заставляетъ Бахуса молиться Пречистой Дѣвѣ, а Вечеру — возносить молитвы Васко-де-Гамы къ Божьему престолу, — что должно было смѣшить Пушкина наивно-варварскимъ смѣшеніемъ элементовъ христіанства съ искаженными образами древней миѳологіи.

Н. Лернеръ.

ЖАНЪ ШАПЭНЪ.

съ гравюры 18 в

ЖАНЪ ШАПЭНЪ.

Осмѣянный Вольтеромъ Шапэнъ (1595—1674), долгое время считался тонкимъ цѣнителемъ словесности и законодателемъ слога. Изъ его произведеній особенною извѣстностью пользовалась когда-то его поэма «La Pucelle», прославлявшая подвиги Орлеанской Дѣвы; двѣнадцать пѣсней этой поэмы (онъ трудился надъ ней 20 лѣтъ) напечатано было въ 1656 году; остальныя 12 пѣсней появились только послѣ его смерти. Эта извѣстность и популярность, выразившаяся, между прочимъ, въ томъ, что первая половина поэмы выдержала въ короткій срокъ нѣсколько изданій, была, однако, весьма непродолжительна: когда первый порывъ восторга прошелъ, и настало время спокойной критики, для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, сколько напыщеннаго, холоднаго, искусственнаго было въ этомъ захваленномъ не въ мѣру произведеніи. Шапэнъ совсѣмъ не былъ поэтомъ по натурѣ, вслѣдствіе этого въ его поэмѣ почти нѣтъ и проблеска неподдѣльнаго воодушевленія: все дышитъ риторикой, полно аллегорій, мѣстами сбивается на правоученіе, обнаруживаетъ бѣдность или даже совершенное отсутствіе воображенія. Успѣхъ, выпавшій на долю «Pucelle», очень быстро смѣнился равнодушнымъ или пренебрежительнымъ отношеніемъ, особенно подъ вліяніемъ того, что Буало неоднократно направлялъ противъ Шапэна свои сатирическія стрѣлы (на роль Буало въ дѣлѣ развѣнчанія Шапэна, какъ лишеннаго настоящаго дарованія писателя, указываетъ Пушкинъ въ посланіи «Къ Жуковскому» 1817 года: «Явится Депрео — исчезнетъ Шапелэнъ!»). Какъ законодатель слога, мастый поклонитель салона маркизы Рамбуйе, критикъ, анализировавшій различныя произведенія французской словесности того времени, Шапэнъ въ извѣстныхъ кругахъ пользовался уваженіемъ и авторитетомъ, хотя нѣкоторыя его сужденія (напр. встрѣчающіяся въ разборѣ «Сида» Корнеля)

Табакерку на полъ выронитъ;
Табакерка покатилася
И о шпору вдругъ ударилась
Громобуря, крѣпко спящаго,
Загремѣла, раздвоилася,
Отлетѣла въ разны стороны.
Храбрый воинъ пробуждается,
Озираетъ все собраніе,
Между-тѣмъ табакъ разсыпался,
Къ носу рыцаря подъемлется—
И чихнулъ герой съ досадою
Такъ, что своды потрясаются,
Окны всѣ дрожать и сыплются
И на петляхъ двери хлопаютъ:
Пробуждается собраніе.

«Что тутъ думать, закричалъ герой:
«Царь! Бова тебѣ не надобенъ,
«Ну, и къ чорту королевича!
«Рѣшено—ему въ-живыхъ не быть!
«Послѣ, братцы, вы разсудите,
«Какъ съ нимъ надобно раздѣлаться».
Тѣмъ и кончилъ; храбры воины
Рѣчи любятъ лаконически.

«Ладно! мы тебя послушаемъ!
Царь промолвилъ, потянувшися;
Завтра, други, мы увидимся,
А теперь ступайте всѣ домой».

Оплошалъ Додонъ съ отсрочкою:
Не твердилъ онъ вѣрно въ азбукѣ:
«Не откладывай до завтраго,
Что сегодня можешь выполнить».
Разошлися всѣ придворные.
Ночь межъ-тѣмъ уже сгущалася:
Царь Додонъ въ постелю царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою,
Но спиной оборотился къ ней:
Въ эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотѣлося.

Милитрисина служаночка,
Зоя, молодая дѣвица,
Ангелъ станомъ, взоромъ, личикомъ,
Бѣлой ручкой, нѣжной ножкою,
Съ госпожи снявъ платье шолково—
Юбку, чепчикъ, ленты, кружева,
Все подъ ключъ въ шкатулку спрятала
И шопнула тихонько въ дѣвичью.
Тамъ она сама раздѣлася,
Поднята съ трудомъ окошечко,
И легла въ постель пуховую,
Ожидая друга милаго,
Свѣтозара, пажа царскаго:
Къ темной почкѣ обѣщался онъ
Изъ окна прыгнуть къ ней въ комнату.

Ждетъ, ождетъ дѣвица красная —
Нѣтъ какъ нѣтъ все друга милаго.
Чу!. бьетъ полночь—что же Зоинька?
Видитъ: входитъ къ ней въ окошечко
Кто же? другъ ли сердца нѣжнаго?
Нѣтъ, совсѣмъ не то, читатели!
Видитъ тѣнь иль призракъ стараго
Вѣщеносца съ длинной шапкою,
Въ балахонѣ вмѣсто мантіи,
Опоясанный мочалкою;
Видъ невинный, взоръ на выкатѣ,
Ротъ разинутъ, зубы скалятся,
Уши длинные, ослиные
Надъ плечами громко хлопаютъ...
Зоя видитъ и со трепетомъ
Узнаетъ она, читатели,
Бендакпра Слабоумнаго.

Трепетно, смятенья полная,
Стала на колѣни Зоинька,
Съединила ручку съ ручкою,
Потупила очи ясные
Прочитала скорымъ шопотомъ
То что вѣкъ не могъ я выучить
Отче нашъ и Богородицу.
И тихохонько промолвила:
Что я вижу? Боже! Господи!
О Никола! Савва мученикъ!
Осѣните беззащитную.
Ты ли это, Царь нашъ Батюшка?
Отъ чего, скажи, оставилъ ты
Нынѣ Царствіе небесное?

Глупымъ смѣхомъ освѣтившися,
Тѣнь рекла прекрасной Зоинькѣ:
«Зоя, Зоя, не страшись, мой скѣтъ!
«Не пугать тебя мнѣ хочется,
«Не на то сюда явился я
«Съ того свѣта привидѣніемъ.
«Весело пугать живыхъ людей;
«Но могу ли веселиться я,
«Есть-ли сына Бендакпрова,
«Милаго Бову Царевича,
«На кострѣ изжарятъ завтра же?»

Бѣдной Царь заплакалъ жалобно:
Больно стало доброй дѣвушкѣ.
— Чѣмъ могу, скажи, помочь тебѣ?
Я во всемъ тебѣ покорствую.—

«Вотъ что хочется мнѣ, Зоинька:
Изъ темницы сына выручи,
И сама въ жилище мрачное
Сядь на мѣсто Королевича,
Пострадай ты за невинпаго;
Поклонюсь тебѣ низехонько
И скажу: спасибо, Зоинька!»

Зоинька тутъ призадумалась:

отнюдь не говорятъ въ его пользу и свидѣтельствуютъ объ односторонности его взглядовъ. По своимъ основнымъ воззрѣніямъ, Шапланъ былъ убѣжденнымъ классикомъ и немало содѣйствовалъ упроченію классическихъ «единствъ и правилъ» во французской литературѣ; нельзя отрицать, что это былъ человѣкъ весьма образованный и начитанный, многимъ интересовавшійся, къ нимъ областяхъ—очень свѣдущій, но отнюдь не даровитый, притомъ иногда—недостаточно самостоятельный и независимый въ своихъ сужденіяхъ. Шаплану посвящена книга Фабра «Chapelain et nos deux premières académies» (1890). Ю. В.

Разбирая «Лицейскія» стихотворенія Пушкина, Бѣлинскій говоритъ:

«Изъ нихъ три ужь слишкомъ плохи, а именно: «Бова» (отрывокъ изъ поэмы), «Красавицѣ, которая нюхала табакъ», и «Безвѣріе», (Бѣлинскій, Соч. изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 314).

Къ «Безвѣрію» мы еще вернемся. Относительно «Красавицѣ, которая нюхала табакъ», мы высказали предположеніе (стр. 124), что при лучшемъ текстѣ Бѣлинскій отнесся бы, вѣроятно, не такъ сурово. Не сомнѣваемся, что полный текстъ въ значительной степени смягчилъ-бы и дурное отношеніе Бѣлинскаго къ «Бовѣ». Конечно, въ общемъ, «Бова» не имѣетъ сколько-нибудь серьезнаго значенія. Но въ этомъ отрывкѣ есть отдѣльныя мѣста и отступленія, которыя, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ «Бову» очень важнымъ документомъ для исторіи міросозерцанія молодого Пушкина. Ни въ одной изъ пьесъ лицейскаго періода не сказалось такъ ярко вліяніе «Фернейскаго злого крикуна», какъ въ «Бовѣ». Въ томъ видѣ, въ какомъ отрывокъ печатается въ настоящемъ изданіи, это настоящее вышучиваніе «всего святого».

Но вся эта пикантность пропала при первомъ появленіи въ свѣтъ «Бовы» въ посмертномъ изданіи. Частью цензура официальная, частью цензура друзей выбросили рядъ мѣстъ, которыя придавали соль пьесѣ, интересной именно общимъ тономъ чисто-вольтеровскаго persiflage'a.

Огромная тетрадь Румянцевскаго Музея № 2395, (заказанная опекунами небрежно-писарская копія, озаглавленная «Списокъ съ посмертныхъ сочиненій Александра Сергѣевича Пушкина, назначенныхъ къ изданію»; о ней въ концѣ тома), даетъ намъ указанія на работу цензуры официальной. Мы уже указывали выше (стр. 170), что въ тѣ времена не разрѣшалось даже просто «неосторожное» прикосновеніе къ извѣстнымъ предметамъ. Поэтому исчезли стихи 17—22:

Не дерзалъ въ стихахъ безсмысленныхъ
Херувимовъ жарить пушками,
Съ сатаною обитать въ раю.
Пль святую Богородицу
Вмѣстѣ славить съ Аѳродитою.
Не бывалъ я грѣховодникомъ.

Вслѣдъ за этимъ исчезли стихи 26—27:

Катехизисъ остроумія
Словомъ—«Жанну Орлеанскую».

и читатель, такимъ образомъ, оставался въ недоумѣніи: какую-такую «книжку славную, золотую, незабвенную» отыскалъ поэтъ.

Не пропустивъ простого упоминанія о поэмѣ Вольтера, цензоръ естественно долженъ былъ зачеркнуть прямое обращеніе къ Вольтеру и, что еще хуже звучало въ то время,—къ Радищеву:

О Вольтеръ, о, мужъ единственный,
Ты, котораго во Франціи
Почитали богомъ нѣкимъ,
Въ Римѣ дьяволомъ, антихристомъ,
Обезьяною въ Саксоніи.
Ты, который на Радищева
Кнутъ-было взоръ съ улыбкою,
Будь теперь моею музою,
Пѣть я тоже вознамѣрился;
Но сравняюсь-ли съ Радищевымъ.

Наконецъ были совершенно перечеркнуты цензурою стихи 169—174. Въ посмертномъ изданіи получалась идилическая картина:

Царь Додонъ въ постелю царскую
Вмѣстѣ съ милой легъ супругою,
Съ несравненной Милитрисою.

Между тѣмъ какъ у Пушкина дальше слѣдовали стихи и мало-пристойные и мало-почтительные:

По спиной оборотился къ ней;
Въ эту ночь его величеству
Не играть, а спать хотѣлося.

Уже было указано (стр. 202), что нѣсколько изъ сейчасъ приведенныхъ стиховъ были приведены въ изданіи Исакова; затѣмъ они появились въ изданіи Ефремова 1880 г. и, наконецъ, въ полномъ видѣ введены въ пушкинскую литературу покойнымъ Незеленовымъ на основаніи сличенія съ тетрадью Румянцевскаго музея № 2395. Но тому же Незеленову принадлежитъ въ

Это жестко ей казалося:
Но, имѣя чувства нѣжныя,
Зоя втайнѣ согласилася
На такое предложеніе.

Такъ, ты правъ, оракулъ Франціи,
Говоря, что жены, слабыя
Противъ стрѣлъ Эрота юнаго,
Всѣ имѣютъ душу добрую,
Сердце нѣжно-непритворное.
— Но скажи, о царь возлюбленный!
Зоя молила онкойпику,
Какъ могу — ну, посуди ты самъ —
Перенестись въ темницу мрачную,
Гдѣ горюетъ твой любезный сынъ?
Пятьдесятъ отборныхъ воиновъ
Днемъ и ночью стерегутъ его.
Мнѣ ли, слабой, робкой женщинѣ,
Обмануть ихъ очи зоркія? —

«Будь спокойна, случай найдется:
«Поклянись лишь только, милая,
«Не отвергнуть сего случая,
«Если самъ тебѣ представится».
— Я клянусь! — сказала дѣвица.
Вмигъ исчезло привидѣніе,
Изъ окошка быстро вылетѣвъ.
Воздыхая тихо, Зоинька
Опустила тутъ окошечко,
И въ постелѣ успокоившись,
Скоро, скоро сномъ забылася...

ЛУБОЧНЫЙ ОРНАМЕНТЪ.
Изъ собранія Ровинскаго.

высшей степени близорукій и односторонній комментарій къ добытымъ имъ новымъ стихамъ «Бовы»:

«Новые стихи эти—драгоцѣнны для біографіи Пушкина, какъ новое свидѣтельство объ увлеченіи нашего великаго поэта въ раннюю юности беллетристическими произведеніями Вольтера: они свидѣтельствуютъ, кромѣ того, и о тогдашнемъ взглядѣ Пушкина на Радищева, какъ на автора сказки «Бова», сказки цинической, въ которой Радищевъ, по его собственному указанію въ началѣ произведенія, подражалъ Вольтеру. Въ ранней юности Пушкину приходилось попадать въ очень мутныя теченія нравственной жизни: «чуждыя краски» темнымъ слоемъ ложились на его геніальную душу, и много благородныхъ усилій долженъ былъ употреблять потомъ поэтъ, чтобы эти краски сходили «ветхой чешуей». («Шесть статей о Пушкинѣ». Спб. 1892, стр. 71).

Только одинъ «цинизмъ» и усмотрѣлъ тутъ близорукій изслѣдователь. Вся оппозиціонная сторона вольтеріанства какъ-то совершенно испарилась.

Кромѣ цензуры официальной, «Бова», повидимому, подвергся кастрированію и со стороны друзей. Подготовляя посмертное изданіе и отдавая «Бову» для переписки (упомянутая на стр. 208 тетрадь № 2395), они, очевидно, повыбрасывали то, что по тогдашнему времени было-бы безумiемъ и представлять даже въ цензуру. Объ этомъ можно судить по тому листку, который достался Л. Н. Майкову отъ вдовы Анненкова и теперь находится въ отдѣленіи рукописей Академіи Наукъ. Изъ этого листка мы ввели въ нашъ текстъ стихъ 212-й (набирается здѣсь курсивомъ):

Прочитала скорымъ шопотомъ
То, что въкъ не могъ я выучить
Отче нашъ и Богородицу.

Это намѣренно-небрежное упоминаніе о молитвѣ (нельзя же допустить, что Пушкинъ, дѣйствительно, не зналъ «Отче нашъ») показываетъ, что зачатки того тона, въ которомъ впослѣдствіи была написана «Гавриліада», восходятъ еще къ лицейскому періоду.

Изъ того-же листка ввели мы стихъ (набранъ здѣсь курсивомъ)

Зоинька тутъ призадумалась
За спасибо въ темну яму сѣсть
Это жестко ей казалося.

Наконецъ, тотъ же листокъ даетъ характерные варіанты: «вѣнценосецъ» вмѣсто «старичишка» исправленной друзьями редакціи: «глупымъ смѣхомъ» вмѣсто безцвѣтнаго «страшнымъ свѣтомъ». Такимъ образомъ одно къ одному подбирается, чтобы убѣдить насъ, что передъ нами отрывокъ изъ текста, цензурованнаго цензурными соображеніями.

Въ настоящее время этотъ цензурованный текстъ можетъ считаться найденнымъ. Его даютъ извлеченія изъ считавшейся утерянной Матюшкинской тетради (см. въ концѣ тома), напечатанныя К. Я. Гротомъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г. № 10. Текстъ отрывка, попавшій на тотъ листокъ, который достался Майкову отъ Анненкова, вполнѣ совпадаетъ съ Матюшкинскимъ текстомъ. Вотъ почему надо думать, что передъ нами тутъ не «ранняя редакція», какъ предполагалъ Майковъ, а доподлинный «Бова», не кастрированный ни цензурою, ни друзьями.

По Матюшкинской тетради дополнили мы нашъ текстъ весьма поучительными стихами, гдѣ въ поясненіе титула Бендакира с л а б о у м н а г о сообщается:

Такъ бывало вѣрноподаны
Величали королей своихъ
Если короли безпечные
Не въ постелѣ и не почькою
Почивали съ камергерами.

О мелкихъ отличіяхъ нашего текста см. въ концѣ тома.

С. Венгеровъ.

39. ЛИЦИНІЮ.

Лициній, зришь ли ты: на быстрой колесницѣ,
Вѣнчанный лаврами, въ блестящей багряницѣ,
Спѣсиво развалясь, Ветулій молодой
Въ толпу народную летитъ по мостовой?
Смотри, какъ всѣ предъ нимъ смиренно спину клонятъ;
Смотри, какъ ликторы народъ несчастный гонятъ!
Льстецовъ, сенаторовъ, прелестницъ длинный рядъ
Умильно вслѣдъ за нимъ стремитъ усердный взглядъ:
Ждутъ, ловятъ съ трепетомъ улыбки, глазъ движенья,
Какъ будто дивнаго богова благословенья:
И дѣти малыя и старцы въ сѣдинахъ,
Всѣ ницъ предъ идоломъ безмолвно пали въ прахъ:
Для нихъ и слѣдъ колесъ, въ грязи напечатлѣнной,
Есть нѣкій памятникъ почетный и священной.
О Ромуловъ народъ, скажи, давно-ль ты палъ?
Кто васъ поработилъ и властью оковалъ?
Квириты гордые подъ иго преклонились.
Кому жъ, о небеса, кому поработились?
Скажу ль? Ветулію! Отчизны стыдъ моей,
Развратный юнопа возсѣлъ въ совѣтъ мужей;
Любимецъ деспота сенатомъ слабымъ правитъ,
На Римъ простеръ яремъ, отечество бесславитъ:
Ветулій римлянъ царь!... О стыдъ, о времена!
Или вселенная на гибель предана?
Но кто подъ портикомъ, съ поникшею главою,
Въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идетъ?
Куда ты пашъ мудрецъ, другъ истины, Даметъ?
Куда: не знаю самъ: какъ молчу и вижу;
Пашѣкъ оставлю Римъ: я рабство ненавижу.
Лициній, добрый другъ! не лучше ли и намъ,
Смиренно поклонясь фортунѣ и мечтамъ,
Сѣдаго циника примѣромъ научиться?
Съ развратнымъ городомъ не лучше ль намъ проститься.
Гдѣ все продажное: законы, правота,
И консулъ, и трибунъ, и честь и красота?
Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая,
Неопытность другихъ въ наемну ловитъ сѣть!
Намъ стыдно слабости съ морщинами имѣть;
Тщеславной юности оставимъ блескъ веселій:
Пускай безстыдный Клитъ, слуга вельможъ, Корнелій
Торгуютъ подлостью и съ дерзостнымъ челомъ
Отъ знатныхъ къ богачамъ ползутъ изъ дома въ домъ!
Я сердцемъ Римлянинъ: кипитъ въ груди свобода:
Во мнѣ не дремлетъ духъ великаго народа.
Лициній, поспѣшимъ далеко отъ забот,
Безумныхъ мудрецовъ, обманчивыхъ красотъ!
Завистливой судьбы въ душѣ презрѣвъ удары,
Въ деревню принесемъ отеческіе лары!
Въ прохладѣ древнихъ рощъ, на берегу морскомъ,
Найти петрушо намъ укромный, свѣтлый домъ,

39. ЛИЦИНІЮ.

На важное значеніе этой пьесы для біографіи поэта указалъ впервые П. В. Анненковъ (Матеріалы, стр. 38). Именно, родные Пушкина долгое время относились съ недовѣріемъ къ его поэтическимъ упражненіямъ и примирились съ его литературными занятіями только послѣ написанія имъ пьесы «Лицинію». Л. Н. Майковъ справедливо замѣтилъ, что это преданіе надо принимать съ извѣстною оговоркою, такъ какъ написанныя ранѣе настоящаго стихотворенія «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» доставили молодому поэту успѣхъ, который не могъ не произвести благопріятнаго впечатлѣнія на его родителей. Но все же посланіе «Лицинію» могло возвышенностью тона и содержанія окончательно утвердить ихъ въ новомъ образѣ мыслей. Анненковъ же сообщаетъ интересную подробность, что два стиха (37 и 38):

Пускай Глицерія, красавица младая,
Равно всѣмъ общая, какъ чаша круговая...

приспились Пушкину, и потомъ онъ придѣлалъ къ нимъ цѣлое стихотвореніе. Въ первоначальной редакціи, напечатанной въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г., ч. II, № 5, и въ оглавленіи произведеній поэта въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг. стихотвореніе это носило любопытный подзаголовокъ «съ латинскаго», уничтоженный, начиная съ посмертнаго изданія. Происхожденіе этого подзаголовка объяснено ниже. Въ качествѣ главнаго источника для содержанія стихотворенія давно уже указываютъ на сатиры древнеримскаго поэта Ювенала (живпшаго, примѣрно, между 55 и 130 гг. по Р. Хр.), который даже упомянается въ ст. 58-мъ, и котораго Пушкинъ вообще очень часто называетъ въ своихъ произведеніяхъ (ср. особенно извѣстное мѣсто въ VI строфѣ 4-й главы Онѣгина). Можетъ быть, къ вліянію Ювенала надо прибавить и другихъ однородныхъ съ нимъ писателей. Такъ текстъ «Россійскаго Музеума» даетъ слѣдующій любопытный варіантъ къ ст. 58-му: «Свой духъ воспламеню Петрономъ, Ювеналомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого же варіанта можно съ нѣкоторымъ правомъ заключить, что Пушкинъ читалъ этихъ писателей не въ оригиналѣ, а во французскомъ переводѣ (древнеримскій сатирикъ I в. по Р. Хр., современникъ Нерона, Petronius, по франц. Pétrone, откуда и русск. Петроній, вм. обычнаго Петроній). Какъ показано будетъ въ другомъ мѣстѣ настоящаго изданія, это предположеніе можно подкрѣпить и иными, болѣе вѣскими соображеніями. Однако, опредѣлить по данному стихотворенію непосредственное знакомство Пушкина съ Петроніемъ, кажется, невозможно. Изъ Ювеналовыхъ же сатиръ къ стихотворенію «Лицинію» подходитъ всего болѣе третья. Это одно изъ удачнѣйшихъ произведеній древнеримскаго поэта, вызвавшее безчисленное количество подражаній въ европейской литературѣ, изъ которыхъ особенно извѣстна первая сатира Буало «Les embarras de Paris». У насъ, помимо переводовъ Ювенала П. М. Благовѣщенскаго (прозою въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1884, № 4), Фета и Адольфа, эта сатира поэтически пересказана Д. Д. Минаевымъ. Содержаніе 3-ьей сатиры Ювенала въ краткихъ словахъ слѣдующее: другъ поэта, Умбриціи (мѣсто его у Пушкина заступаетъ не названный по имени республиканецъ), не имѣя силъ выносить долѣе суету и развратъ столичной жизни, кишащей къ тому же греческими проходимцами, рѣшаетъ покинуть Римъ, гдѣ бѣдному человѣку невозможно прожить честнымъ трудомъ, и хочетъ искать себѣ убѣжища въ одномъ изъ маленькихъ италійскихъ городковъ. Свои намѣренія и чувствованія Умбриціи высказываетъ самому поэту, на мѣсто котораго у Пушкина является неопредѣляемый ближе Лицилій. По справедливому замѣчанію русскаго переводчика Ювенала, А. В. Адольфа, также отмѣтившаго сходство этой сатиры съ стихотвореніемъ Пушкина (Сатиры Д. Юнія Ювенала. М., 1888, стр. 82), «она замѣчательна и своей нравственной тенденціей. Въ ней Ювеналъ выступаетъ страстнымъ патріотомъ и убѣжденнымъ моралистомъ. Вездѣ проходитъ полоса неизвѣстнаго еще въ древнемъ мірѣ теплаго участія къ бѣдному человѣку и чувство любви къ родинѣ, незагладимое даже нравственнымъ ея паденіемъ и отреченіемъ отъ завѣщанныхъ старшою преданій». Такъ какъ Пушкинъ не переводилъ этой сатиры, а стремился воспроизвести только, такъ сказать, общій тонъ ея, то приводить изъ нея текстуальныя выдержки въ параллель со стихами нашего поэта, думаю, излишне. Нѣкоторые отдѣльные штрихи начертанной Пушкинымъ картины попадаются также и въ другихъ сатирахъ Ювенала: таковъ, напр., образъ быстрой бѣды юноши въ начальныхъ стихахъ, взятый скорѣе изъ первой сатиры (ст. 60 слл.). Нельзя не признать, что античный колоритъ

Гдѣ, больше не страшась народнаго волненья,
Подъ старость отдохнемъ въ глуши уединенья.
И тамъ, разположась въ уютномъ уголкѣ,
При дубѣ пламенномъ, возженномъ въ комелькѣ,
Воспомнивъ старину за дѣдовскимъ фіаломъ,
Свой духъ воспламеню жестокимъ Ювеналомъ,
Въ сатирѣ праведной порокъ изображу
И правы сихъ вѣковъ потомству обнажу.
О Римъ, о гордый край разврата, злодѣйства!
Придетъ ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ.
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
И горы и моря оставятъ за собой
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ; его покроетъ мракъ глубокой;
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
«Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ».

въ общемъ переданъ Пушкинымъ превосходно, какъ это замѣтилъ уже Л. Н. Поливановъ (Сочиненія Пушкина, изд. 2-е, т. I, стр. 25), говоря: «посланіе «Лицинію» свидѣтельствуетъ, какъ рано уже умѣлъ Пушкинъ извлеченное изъ чтенія (и уроковъ исторіи) претворять въ типическіе образы, полные жизни». Особой картинностью отличается начало стихотворенія, которое прямо просится подъ кисть художника. Строгій знатокъ древнеримской жизни, пожалуй, уловилъ бы здѣсь только ту неточность, что поэтъ, повидимому, изображаетъ Ветулія ѣдущимъ въ колесницѣ по Риму, тогда какъ во времена Ювенала ѣздить въ городѣ дозволялось только императорамъ и нѣкоторымъ жреческимъ коллегіямъ. Очень хорошо также очерчены въ ст. 42—44 типы кліентовъ, пресмыкающихся предъ богатыми и знатными патронами (ср. превосходную сцену въ первой сатирѣ Ювенала раздачи патронами кліентамъ денежной подачки, такъ наз. спортулы). Имена лицъ, упоминаемыя въ стихотвореніи, всѣ античныя, но не только не взяты изъ Ювенала, а даже и не историческія. Мало того, лица съ именемъ Ветулій не встрѣчается ни въ литературныхъ, ни въ эпиграфическихъ памятникахъ древняго Рима. Сдѣлать отсюда какой-нибудь дальнѣйшій выводъ относительно того источника, откуда поэтъ могъ взять имя Ветулія, я не рѣшаюсь, такъ какъ, несмотря на тщательные поиски, мнѣ не удалось найти лица съ этимъ именемъ во французской литературѣ. Касательно имени Лицицій отмѣчу, по всей вѣроятности, чисто случайное совпаденіе съ Римскими сценами А. И. Герцена, гдѣ выведенъ весьма сходный типъ, названный тѣмъ же именемъ (ср. Воспоминанія Т. II. Пассекъ, т. II, изд. 2-е, Спб., 1906, стр. 65 и слѣд.).

Остается разсмотрѣть вопросъ о происхожденіи подзаголовка «съ латинскаго». Конечно, было бы странно думать, что Пушкинъ хотѣлъ этой помѣткой ввести въ заблужденіе своихъ читателей, такъ какъ древняя словесность, особенно латинская, была тогда прекрасно извѣстна русской образованной публикѣ. Равнымъ образомъ нельзя предполагать, что это сдѣлано для шутки, какъ объяснялъ происхожденіе этой помѣты П. А. Плетневъ въ письмѣ къ Я. К. Гроту (Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. II, стр. 444). Л. Н. Майковъ выставилъ по данному вопросу два толкованія: 1) Пушкинъ хотѣлъ оградить себя отъ цензурныхъ стѣсненій, или 2) «по мысли поэта, надписаніе «Лицинію съ латинскаго» должно было просто указывать читателямъ на особый, античный характеръ посланія» (Сочиненія Пушкина, т. I, изд. 2-е, стр. 113). Болѣе близкой къ истинѣ представляется первая причина, такъ какъ нападки на временщика деспота или указанія на ненависть къ рабству (особ. ст. 30 и 72) могли подать поводъ къ столкновенію съ цензурою. Затѣмъ въ пользу этого мнѣнія говоритъ указанная Л. Н. Майковымъ аналогія даннаго стихотворенія съ сатирой Рылѣева на Аракчеева (1820 г.), которой поэтъ также придалъ античный характеръ и снабдилъ приписки: «Подражаніе Персіевой сатирѣ: Къ Рубеллію». Къ этому можно добавить, что и самъ Пушкинъ впослѣдствіи (въ 1835 г.) назвалъ «подражаніемъ латинскому» свое извѣстное стихотвореніе «На выздоровленіе Лукулла», гдѣ изображалось выздоровленіе гр. Шереметева и разочарованіе по этому поводу паслѣдника его, С. С. Уварова. Возвращаясь къ пьесѣ «Лицинію», отмѣтимъ мнѣніе В. Я. Стоюнина (Историч. сочиненія, ч. II, стр. 44 и 45), что въ изображеніи временщика Ветулія «нельзя не видѣть намековъ на Аракчеева». На самомъ дѣлѣ, однако, Ветулій не можетъ напоминать Аракчеева ни своимъ возрастомъ, ни развратностью поведенія. А сверхъ того, «аракчеевщина» въ 1815 г. не была еще жгучею злобою дня. Но нельзя не признать справедливости другого замѣчанія того же изслѣдователя: «Въ этой сатирѣ уже видно, что у юноши-поэта сталъ развиваться нравственный идеалъ человѣка, съ которымъ соединялось представленіе гражданина. Правда, въ фантазіи его онъ еще не успѣлъ переработаться въ идеалъ художественный и выражается довольно отвлеченно, но онъ уже стоитъ на опредѣленной почвѣ и долженъ привлечь вниманіе біографа въ виду дальнѣйшаго развитія поэта» [1]).

А. Малеинъ.

1) Въ противовѣсъ этому мнѣнію В. Я. Стоюнина, любопытно отмѣтить противоположную смѣну точку зрѣнія г. С. Любомудрова (Античный міръ въ поэзіи Пушкина. М. 1899, стр. 44—45), утверждающаго, что, при чтеніи этихъ страстныхъ нападокъ на Римъ, «чувствуется, что (заключительный) монологъ служитъ до нѣкоторой степени выраженіемъ взгляда на современную жизнь шестнадцатилѣтняго поэта, при чемъ проскальзываетъ то эпикурейское направленіе, которое было столь свойственно юности Пушкина». Гораздо болѣе удачны отмѣченные тѣмъ же изслѣдователемъ контрасты: «съ одной стороны молодой

40. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Это стихотвореніе имѣется въ трехъ редакціяхъ (см. стр. 218—220). Первоначальная редакція настолько отличается отъ позднѣйшихъ передѣлокъ, что считаемъ необходимымъ привести ее здѣсь-же въ текстѣ.

Первоначальная редакція.

Къ Д. . . .

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый духовникъ:
Жилецъ полей пустынныхъ
Поэтовъ грѣшнойликъ
Умножилъ я собою,
И я главой поникъ
Предъ милою мечтою,
Мой дядюшка-поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.
Съ начала я шалилъ
Шутя стихи кралъ
А тамъ ихъ напечаталъ—
И вотъ теперь я братъ
Тому, сему, другому,
Безтолкову, Пустому—
Да я-жъ и виноватъ—
Да ты же мнѣ въ досаду
(Что скажетъ бѣдный свѣтъ?)
Стихами до надсаду,
Жужжишь Пкару велѣдь:
Смотрите: вотъ поэтъ!
Спасибо за посланье!
Но что мнѣ пользы въ немъ?
На грѣшника потомъ—
Вѣдь станутъ въ посмѣянье
Указывать перстомъ,—
Когда бъ подобны были
Моимъ твои стихи
То скоробъ всѣ забыли
Что Пушкинъ за грѣхи
Въ поэзію влюбился,
И ходитъ на Парнассъ.
Покою поклонился
И пишетъ въ добрый часъ.—
Измѣнникъ! съ Аполлономъ
Ты видно за одно:—
И мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено.—
Увы мнѣ Метроману
Куда сокроюсь я?
Вездѣ бѣды застану.—
Предатели друзья
Невинное творенье

Позднѣйшая (сводная) редакція.

Къ Дельвигу.

Отвѣтъ.

Послушай, музъ невинныхъ
Лукавый клеветникъ!
Въ тиши полей пустынныхъ
Природы ученикъ,
Поэтовъ грѣшныйликъ
Умножилъ я собою:
И я главой поникъ
Предъ милой суетою.
Жуковскій нашъ поэтъ
На то мнѣ далъ совѣтъ
И съ музами сосваталъ.
Сначала я игралъ,
Шутя стихи маралъ,
А тамъ переписалъ,
А тамъ и напечаталъ,
И что же? Радъ не радъ,
Но вотъ уже я братъ
Безтолкову пустому...
Тому, сему, другому,
Что дѣлать! виноватъ!
Измѣнникъ! Съ Аполлономъ
Ты, видно, за одно;
А мнѣ прослыть Прадономъ
Отнынѣ суждено:
Вездѣ бѣды застану.
Увы, мнѣ, метроману!
Куда сокроюсь я?
Измѣнники-друзья
Невинное творенье
Украдкой въ городъ шлютъ
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ—
Бумагу убиваютъ!
Поэта окружаютъ
Съ улыбкой остряки:
«Признайтесь, намъ сказали,
«Вы пишете стишки?
«Увидѣть ихъ нельзя ли?
«Вы въ нихъ изображали
«Конечно ручейки,
«Конечно василёчикъ,
«Лѣсочикъ, кѣточикъ,
«Барашковъ и цвѣтки...»
О, Дельвигъ, начертали

Въ цитированномъ уже нами нѣсколько разъ разборѣ I т. Академическаго изданія («Историч. Вѣст.» 1899, № 7, стр. 205—206) Б. Никольскій дѣлаетъ интересное сближеніе:

«Никѣмъ не было еще до сихъ поръ замѣчено, что заключительныя строки пьесы «Лицинію» (А.I, 116) составляютъ вольное, но несомнѣнное подражаніе знаменитому проклятію Камиллы въ «Горація̀хъ» Корнеля. Для удобства читателей мы приведемъ рядомъ и оригиналъ, и подражаніе. Вотъ французскій подлинникъ:

Rome, l'unique objet de mon ressentiment!
Rome, à qui ton bras vient d'immoler mon amant!
Rome qui t'a vu naître et que ton coeur adore!
Rome enfin que je hais parce qu'elle t'honore!
Puissent tous ses voisins ensemble conjurés
Saper ses fondements encor mal assurés
Et, si ce n'est assez de toute l'Italie,
Que l'Orient contre elle à l'Occident s'allie,
Que cent peuples unis des bouts de l'univers
Passent pour la détruire et les monts et les mers,
Qu'elle même sur soi renverse ses murailles
Et de ses propres mains déchires ses entrailles
Que le courroux du ciel allumé par me voeux
Fassé pleuvoir sur elle un déluge de feux!
Puissé-je de mes yeux y voir tomber ce foudre,
Voir ses maisons en cendre et tes lauriers en poudre,
Voir le dernier Romain à son dernier soupir,
Moi seule en être cause et mourir de plaisir!

А вотъ заключительныя строки Пушкина:

О Римъ, о, гордый край разврата, злодѣйныя
Придетъ ужасный день—день мщенья, наказанья,
Предвижу грознаго величія конецъ:
Падетъ, падетъ во прахъ вселенныя вѣнецъ!
Народы юные, сыны свирѣпой брани,
Съ мечами на тебя подымутъ мощны длани,
И горы, и моря оставитъ за собой
И хлынутъ на тебя кипящею рѣкой.
Исчезнетъ Римъ,—его покроетъ мракъ глубокій,—
И путникъ, устремивъ на груды камней око,
Воскликнетъ, въ мрачное раздумье углубленъ:
Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ.

Сближеніе г. Никольскаго не подлежитъ, конечно, оспариванію. Но оно-же ярко подчеркиваетъ и самостоятельность молодого поэта. Въ навѣянную Корнелемъ форму Пушкинъ вложилъ совсѣмъ другое содержаніе. Проклятія Камиллы продиктованы личнымъ чувствомъ, у Пушкина-же проклятія излетъ страстно-любящій родину гражданинъ.

По соображеніямъ, высказаннымъ въ предисловіи къ настоящему тому, мы изъ двухъ редакцій—1815 и 1826 гг. беремъ, конечно, редакцію позднѣйшую. Перенося это превосходное стихотвореніе въ изданіе 1826 г., Пушкинъ коренным образомъ переработалъ его въ стилистическомъ отношеніи. Исчезли «я людства ненавижу» и множество другихъ шероховатостей, о чемъ см. въ концѣ тома ст. «Исторія пушкинскаго текста».

Ред.

40. КЪ ДЕЛЬВИГУ.

Подзаголовокъ позднѣйшей редакціи—«Отвѣтъ» показываетъ, что стихи Пушкина написаны въ отвѣтъ на посланіе Дельвига. Дѣйствительно, среди стихотвореній 1815 г. у Дельвига есть посланіе къ Пушкину, кончающееся строфою:

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ.
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

Полагаютъ, что это посланіе вызвано успѣхомъ Пушкина на публичномъ лицейскомъ экзаменѣ (въ январѣ 1815 г.), когда онъ въ присутствіи Державина читалъ свои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». (см.). Можно даже видѣть прямой намекъ на это чтеніе въ стихахъ:

И лавры его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

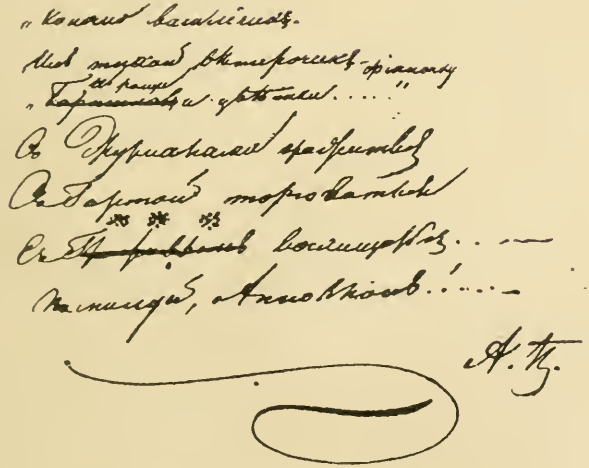
Посланіе Дельвига было напечатано въ томъ же 1815 г. въ «Россійскомъ Музеумѣ»; но Пушкинъ, конечно, узналъ его гораздо раньше отъ автора, и тогда же отвѣтилъ своему другу тоже посланіемъ. Упрекая шутливо Дельвига за то, что онъ слишкомъ спѣшитъ причислить его къ настоящимъ литераторамъ, Пушкинъ, по обычаю того времени, выставляетъ себя безпечнымъ

красавецъ ... —временщикъ Ветулій, любимецъ кесаря, идолъ сената и народа, летящій на быстрой колесницѣ по улицамъ Рима; съ другой—угрюмый философъ-циникъ Даметъ, въ изорванномъ плащѣ, съ дорожною клюкою», мрачно поносящій развратную и рабольпную столицу». Наконецъ, что касается помѣты «съ латинскаго», то г. Любомудровъ считаетъ ее «невинной поддѣлкой» и предполагаетъ, что Пушкинъ выдавалъ стихотвореніе за подражаніе латинскому «предъ товарищами».

Украдкой въ городъ шлютъ.
И плодъ уединенья
Тисненью предаютъ.—
Бумагу—убиваютъ
Поэта—окружаютъ
Съ улыбкой остряки.
«Ахъ, сударь! мнѣ сказали—
«Вы пишете стишки?
«Увидѣть ихъ нельзя-ли?—
«Вы въ нихъ изображали
«Конечно ручейки,
«Конечно, василёчикъ
«Иль тихой вѣтерочикъ
«И рощи и цвѣтки...»
Съ Журналами сражаться,
Съ Газетой торговаться,
Съ * * * восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!...

Мнѣ музы мой удѣлъ:
Но ты ль мои печали
Умножить захотѣлъ?
Межь лѣни и Морфея
Безпечный духъ лелія,
Еще хоть годъ одинъ
Позволь мнѣ полѣниться
И нѣгой насладиться:
Я, право, нѣги сынъ!
А тамъ, хоть нѣтъ охоты,
Но придутъ ужъ заботы
Со всѣхъ ко мнѣ сторонъ:
Я буду принужденъ
Съ журналами сражаться,
Съ газетой торговаться,
Съ Графовымъ восхищаться...
Помилуй, Аполлонъ!

А. П.



АВТОГРАФЪ ПЕРВОЙ РЕДАКЦІИ.

Заключительные стихи. (Пушкинскій музей Александровскаго Лицея).

«лѣнивцемъ», не заботящемся о литературной извѣстности. Въ первоначальной редакціи стихотворенія (см. стр. 215) Пушкинъ съ преувеличенной скромностью отрицалъ достоинства своей поэзіи, называлъ себя Икаромъ и ставилъ себя, какъ поэта, ниже Дельвига. Это, разумѣется, не было истиннымъ убѣжденіемъ будущаго автора «Памятника». Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ стихотвореніи «Мечтатель», онъ признавался съ гордостью «Дана мнѣ лира отъ боговъ», а въ посланіи къ Батюшкову — «Поэтомъ я возросъ». Позднѣе, составляя программу своихъ воспоминаній о годахъ дѣтства и отрочества, Пушкинъ помѣтилъ подъ 1815 годомъ: «Мое тщеславіе». Вѣроятно, почувствовавъ вскорѣ ложь взятаго тона, Пушкинъ въ томъ же 1815 г. передѣлалъ свое посланіе, вычеркнувъ стихи, исполненные лицемѣрной скромности и прибавилъ 14 другихъ (передъ послѣднимъ четверостишіемъ), измѣнявшихъ основную мысль стихотворенія. Пушкинъ въ нихъ соглашался, что ему «начертали удѣлъ музы» и только просилъ позволенія «полѣниться еще хоть годъ одинъ». Стихотвореніе написано въ распространенной въ то время формѣ посланій, каковы посланія Батюшкова и Жуковскаго. Въ стихахъ 35—45 есть сходство съ однимъ посланіемъ французскаго поэта Грессэ.

Называя Дельвига «лукавымъ духовникомъ» (ст. 2), Пушкинъ хочетъ сказать, что повѣрялъ ему свои стихи, какъ другу, какъ «духовнику», а онъ «лукаво» разболталъ о томъ всему свѣту. Можетъ быть, Дельвигъ былъ изъ числа тѣхъ «предателей-друзей» (ст. 30), которые посылали стихи Пушкина въ печать безъ его вѣдома. Исправляя стихотвореніе въ 1825 г. (когда готовилось къ изданію первое собраніе стиховъ Пушкина, куда, однако посланіе «Къ Дельвигу» не вошло), Пушкинъ вмѣсто «духовникъ» поставилъ «клеветникъ», но едва ли эта поправка не вызвана опасеніемъ цензуры (см. критическія примѣчанія въ концѣ тома). «Жильцомъ полей» (ст. 3) называетъ себя Пушкинъ, какъ лицеиста, принужденнаго безвыѣздно жить въ Царскомъ Селѣ. «Напечатанныхъ» стихотвореній Пушкина (ст. 13) къ началу 1815 г. было всего 5. Разумѣлъ ли Пушкинъ опредѣленныя лица подъ «Безтолковымъ» и «Пустымъ» (ст. 16), неизвѣстно. Въ «Графовѣ» (первоначальный набросокъ стиха 62), вѣроятно, надо усматривать гр. Хвостова. Въ заключительныхъ стихахъ (ст. 59—63) Пушкинъ представляетъ себя въ будущемъ литераторомъ, тогда какъ въ другихъ лицейскихъ стихотвореніяхъ онъ не разъ мечтаетъ о военной службѣ (см. напр., «Посланіе къ Юдину», I-ое «Посланіе къ Галичу», «Посланіе къ В. Л. Пушкину»).

Валерій Брюсовъ.

Приводимъ изъ «Рос. Музеума» (1815, ч. III, № 9, стр. 260—261) весь текстъ стихотворенія Дельвига

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи,
Осѣненный и миртомъ и лаврами,
Майской ночью при хорѣ порхающихъ
Въ сладкихъ грезахъ отвился отъ матери:
Тотъ въ конгресахъ не мудрствуетъ, на стѣны
Побѣжденныхъ знамены не вѣшаетъ,
Столбъ кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не краситъ во храмѣ Ареевомъ;
Флотъ, исполненъ богатствомъ Америки,
Отъ долины, увлаженной кровію,
Не взмущаетъ двукраты Экватора
Для него кораблями бѣгущими.
Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя—
И лапиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.
И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ—и въ юности
Онъ ужъ видитъ священную истину
И порокъ, изъ подлобья взирающій.
Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется:
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

— Д. —

Это неуклюжее и мѣстами не совсѣмъ понятное стихотвореніе любопытно, какъ яркое проявленіе того восторга, который возбуждалъ Пушкинъ съ первыхъ же шаговъ своихъ на литературномъ поприщѣ. И не столько, конечно, характерно, что его осыпалъ похвалами однолѣтокъ-товарищъ, а то, что съ прописаніемъ полнаго имени панегирикъ былъ напечатанъ въ первенствующемъ журналѣ.

Въ строкахъ 35—42 Л. Н. Майковъ усматриваетъ подражаніе слѣдующимъ стихамъ изъ посланія Грессэ къ іезуиту Бужану («Epitre au père Bougeant, jésuite»:

Déjà j'entends les periodes
Et les questions incommodes
De ces furets de vers nouveaux.

НАПОЛЕОНЪ ПЕРЕДЪ ОТЪѢЗДОМЪ НА ЭЛЬБУ.

(Napoléon à Fontainebleau).

Картина Делароша (Delaroche).

РЕЗИДЕНЦІЯ НАПОЛЕОНА НА ЭЛЬБѢ.
Рисунокъ Ораса Верне.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

1815.

Вечерняя заря въ пучинѣ догорала,
Надъ мрачной Эльбою поднялась тишина,
Сквозь тучи блѣдныя тихонько пробѣгала
Туманная луна:
Уже на западѣ сѣдой одѣтый мглою
Съ равнинной синихъ водъ сливался небосклонъ:
Одинъ, во тмѣ ночной надъ дикою скалою
Сидѣлъ Наполеонъ.
Въ умѣ губителя тѣснились мрачны думы,
Онъ новую въ мечтахъ Европѣ цѣпь ковалъ
И къ дальнимъ берегамъ возведши взоръ угрюмый,
Сверѣпо прошепталъ:
Вокругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ
Не выплываетъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой—
Я здѣсь одинъ мятежной думы полнъ...
О, скороли, нагнавшись подъ рулями,
Меня помчитъ покорная волна,
И спящихъ водъ прервется тишина? ..
Волнуйся, ночь, надъ Эльбскими скалами!
Мрачнѣе тмись за тучами, луна!
Тамъ ждутъ меня безстрашныя дружины,
Уже сошлись, уже сомкнуты въ строй!
Ужъ міръ лежитъ въ оковахъ предо мной!
Прейду я къ вамъ сквозь черныя пучины
И гряну вновь погибельной грозой!
И вспыхнетъ брань! за Галльскими орлами
Съ мечемъ въ рукахъ побѣда полетитъ,
Кровавой токъ въ долинахъ закипитъ
И тропы въ прахъ низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивной щитъ!...
Но вкругъ меня все мертвымъ сномъ почило,
Легла въ туманъ пучина бурныхъ волнъ,
Не выплываетъ ни утлый въ море челнъ,
Ни гладный звѣрь не взвоетъ надъ могилой—
Я здѣсь одинъ, мятежной думы полнъ...
О щастье! злобной обольститель,
И ты, какъ сладкой сонъ, сокрылось отъ очей,
Средь буреи тайный мой хранитель,
И вѣрной пѣступъ съ юныхъ дней!
Давноль невидимой стезею
Меня ко тропу ты вело,
И скрыло дерзостной рукою
Въ вѣщахъ лавровое чело!
Давно ли съ трепетомъ народы
Несли мнѣ робко дань свободы,
Знамена чести преклоня,
Дымились громы вкругъ меня
И слава въ блескѣ надъ главою
Неслась, прикрывъ меня крыломъ?...
Но туча грозная нависла надъ Москвою,
И грянулъ мести громъ!...
Полноши Царь младой!—ты двинулъ ополченья,
И гибель вслѣдъ пошла кровавымъ знаменамъ,
Отозвалось могущаго паденье,
И миръ землѣ и радость небесамъ.

De ces copistes généreux,
Qui persuadés que l'étude
Me tient absent depuis trois mois,
Vont s'imaginer que je dois
Le tribut de ma solitude
A l'oisiveté de leur voix:
«Eh bien», me dit l'un, dont l'idylle
Enchanto l'esprit doucereux,
«Sans doute, élève de Virgile,
«Sur les pipeaux harmonieux,
«De Licidas et d'Amarille
«Vous aures soupiré les feux?
«Vous aurez chanté les beaux yeux,
«Les premiers sourirs de Silvie,
«Et des bouquets de la prairie
«Vous aurez orné ses cheveux».
— «Qu'apportez-vous? Point de mystère?»
Me vient dire avec un souris
Quelque suivant des beaux-esprits,
Insecte et tyran du parterre.
«L'ouvrage est-t-il pour Thomassin,
«Pour Pélisser ou pour Gaussin».

«Подражаніе» здѣсь столь неопредѣленно, что это сопоставленіе можно принять только съ очень существенными оговорками. У Пушкина «остряки» потѣшаются надъ барашками, василечками и вѣтерочками, у Грессэ-же, наоборотъ, авторъ «сладенькихъ» идиллій вполнѣ серьезно рисуетъ предполагаемыя подробности новой идилліи. А самое главное—Пушкинъ совершенно самостоятеленъ въ очень остроумномъ подборѣ идиллическихъ подробностей.

Оставшійся въ портфелѣ автора отвѣтъ Дельвигу появился только въ посмертномъ изданіи соч. Пушкина. Онъ подвергался очень значительнымъ передѣлкамъ. Такъ какъ первоначальная редакція, авторафъ которой хранится въ Лицейскомъ Пушкинскомъ музеѣ, очень значительно разнится отъ позднѣйшихъ переработокъ, то мы даемъ стихотвореніе въ двухъ редакціяхъ.

Изучивъ по рукописямъ Румянцевскаго музея позднѣйшія переработки, В. Я. Брюсовъ устанавливаетъ текстъ, отличающійся отъ текста другихъ изданій, въ томъ числѣ и Академическаго. См. объ этихъ отличіяхъ въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста». Ред.

Николай Радонъ.

Пушкинъ, упоминая имя Радона въ посланіи «Къ Дельвигу», употребляетъ его въ качествѣ нарицательнаго, чтобы обозначить неудачнаго, бездарнаго «метромана», тщетно желающаго совершенствовать съ болѣе талантливыми стихотворцами. Въ исторіи французской литературы Николай Радонъ (род. въ 1630 или 1632 г., ум. 1698) оставилъ печальный слѣдъ, какъ противникъ Буало и соперникъ Расина, явившійся послушнымъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ, кто хотѣлъ унизить автора «Андромахи» и «Ифигеніи». Раздраженный и задѣтый за живое остроумными нападками и насмѣшками Буало, Радонъ старался отвѣтить ему тѣмъ же и выпустилъ рядъ полемическихъ сочиненій: «Nouvelles remarques sur les ouvrages du sieur D***» (1685), «Le Triomphe de Pradon sur les satires du sieur D***», «Le satirique français expirant» (1689). Безнадежное соперничество съ Расиномъ повело къ созданію Радономъ трагедіи «Phèdre et Hippolyte», на одинаковый сюжетъ съ Расиномъ, причемъ этой пьесѣ былъ искусственно подстроенъ успѣхъ, тогда какъ первыя представленія несравненно болѣе выдающейся «Федры» прошли безъ всякаго успѣха, подъ вліяніемъ настоящаго заговора противниковъ драматурга. Радонъ написалъ еще 10 трагедій—«Tamerlan», «Régulus», «Scipion l'Africain» и др., не подымающихся выше посредственности; ему же принадлежитъ единственная комедія, въ которой онъ старался осмѣять Расина и его пьесу («Le jugement d'Apollon sur la Phèdre des anciens»). Бездарность Радона была вынучена въ рядъ эпиграммъ, принадлежащихъ Расину, Жану-Батисту Руссо и др. Кромѣ драматическихъ произведеній, Радонъ написалъ также нѣсколько мелкихъ стихотвореній въ легкомъ жанрѣ, давно забытыхъ и не переиздававшихся послѣ его смерти, равно какъ и его пьесы, изъ которыхъ нынѣ даже совсѣмъ не были напечатаны. Ю. В.

41. НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.

Напечатано впервые въ «Сынѣ Отечества» 1815 г., въ № XXV—XXVI, вышедшемъ въ свѣтъ 25 іюня. Подпись I... 14.. 17 (см. стр. 132). Это было первое появленіе Пушкина въ петербургской печати. До того онъ печатался только въ московскихъ изданіяхъ—«Вѣст. Евр.» и «Россійскомъ Музеумѣ». Время написанія опредѣляется довольно точно самымъ содержаніемъ. Гаевскій, основываясь на томъ, что Наполеонъ жилъ на Эльбѣ съ мая 1814 по февраль 1814 относилъ стихотвореніе ко

А мнѣ — позоръ и заточенье!
И раздробленъ мой звонкой щитъ,
Не блещетъ шлемъ на полѣ браней;
Въ прибрежномъ злакѣ мечъ забытъ
И тускнетъ на туманѣ.
И тихо все кругомъ. Въ безмолвіи ночей
Напрасно чудится мнѣ смерти завыванье
И стукъ блистающихъ мечей,
И падшихъ ярое стенанье—
Лишь плещущимъ волнамъ внимаетъ жадной слухъ;
Умолкъ сраженій кликъ знакомый,
Вражды кровавой гаснутъ громы
И факелъ мщенія потухъ.
Но близокъ часъ! грядетъ минута роковая!
Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ,
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая
Блѣдиѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.—
Страшись, о Галлія! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай—твой бичь возсталъ—и все падетъ во прахъ,
Все сгибнетъ—и тогда, въ всеобщемъ разрушеньѣ,
Царемъ возсяду на гробахъ!
Умолкъ—на небесахъ лежали мрачны тѣни,
И мѣсяцъ, дальнихъ тучь покинувъ темны сѣни,
Дрожащій, слабой свѣтъ на западъ изливалъ—
Восточная звѣзда играла въ Океанѣ
И зрѣлася ладья бѣгущая въ туманѣ
Подъ сводомъ Эльбскихъ грозныхъ скалъ.—
И Галлія тебя, о хищникъ, осѣнила;
Побѣгли съ трепетомъ законные Цари—
Но зришь ли? гаснетъ день, мгновенно тьма сокрыла
Лишь пылающей зари.
Простерлась тишина надъ бездною сѣдою,
Мрачится неба сводъ, гроза во мглѣ виситъ,
Все смолкло... трепещи! погибель надъ тобою,
И жребій твой еще сокрытъ!

1... 14—17.

НАПОЛЕОНЪ НА ЭЛЬБѢ.
Рисунокъ Рафе (Raffet).

второй половинѣ 1814 года. («Современ.» 1863, № 8, стр. 368). Но П. А. Ефремовъ въ изд. 1880 г. совершенно правильно отмѣтилъ, что «по указанію на бѣгство Наполеона съ Эльбы оно не могло быть написано раньше февраля 1815 года». Дѣйствительно, стихи

И Галлія тебя, о, хищникъ, осѣнила!
Побѣгли съ трепетомъ законные цари.

совершенно опредѣленно относятъ стихотвореніе къ періоду «Ста дней». Въ примѣчаніяхъ къ «Бовѣ», гдѣ тоже фигурируетъ «Эльбы Императоръ» было указано, что извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона достигло Петербурга въ мартѣ, и вотъ значитъ въ мартѣ или апрѣлѣ стихотвореніе и было написано.

«Наполеонъ на Эльбѣ» принадлежитъ къ числу слабыхъ произведеній лицейской поры. Пушкинъ осудилъ его, не включивши въ изданныя имъ самимъ собранія, и оно появилось только въ посмертномъ изданіи. Нельзя не присоединиться всецѣло къ Бѣлинскому въ его отзывѣ о «Наполеонѣ на Эльбѣ»:

«Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» написаны звучными и сильными стихами, хотя вся піеса эта не болѣе, какъ декламація и риторика. Такими-же стихами написана и піеса «Наполеонъ на Эльбѣ», содержаніе которой теперь кажется забавно-дѣтскимъ. Пушкинъ заставляетъ Наполеона «свирѣпо процѣдывать» разныя ругательства на самого себя, превозносить своихъ враговъ, а о себѣ самомъ отзываться какъ объ ужаснѣйшемъ mauvais sujet. Между прочимъ, Наполеонъ у него «свирѣпо процѣдываетъ»:

Полночи царь младой! Ты двинулъ ополченья,
И гибель всѣхъ пошла кровавымъ знаменамъ.
Отозвалось могучаго паденье
И міръ землѣ и радость небесамъ,
А мнѣ—позоръ и поношенье!

Чему удивляться, что шестнадцатилѣтній мальчикъ такъ смотрѣлъ на Наполеона въ то время, какъ на него также точно смотрѣли и престарѣлые и возмужавшіе поэты».

(Соч. т. VIII, изд. Солдатенкова, стр. 322).

Дальше Бѣлинскій говоритъ о позднѣйшемъ, совершенно иномъ отношеніи Пушкина къ Наполеону. Къ этому отношенію мы еще вернемся. Гаевскій всецѣло присоединился къ отзыву Бѣлинскаго и находилъ, что «оба т. е. и «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» стихотворенія напѣваны одами Державина и такъ же, какъ онѣ, холодны и напыщенны: въ нихъ, особенно въ Наполеонѣ, также много дѣтски-хвастливаго забіячества, составлявшаго въ то время главный ингредіентъ патріотическихъ сочиненій» («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 368).

Я. К. Гротъ былъ совершенно противоположнаго мнѣнія. Онъ находилъ стихотвореніе «замѣчательнымъ». Въ немъ, по мнѣнію Грота,

«молодой поэтъ пытается угадать, что долженъ былъ думать и чувствовать царственный узникъ, когда онъ готовился возвратить себѣ свободу. Вотъ онъ рѣшается, наконецъ, выполнить свой дерзкій замыселъ:

Уже летитъ ладья, гдѣ грозный тронъ сокрытъ;
Кругомъ простерта мгла густая,
И взоромъ гибели сверкая,
Блѣднѣющій мятежъ на палубѣ сидитъ.

Тутъ смѣлость метафоръ вполнѣ достойна необычайной картины» (*Гротъ*, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Спб. 1899. стр. 47).

Майковъ энергично полемизируетъ съ отзывомъ Гаевскаго. Онъ считаетъ, что

«эти рѣзкія строки доказываютъ, что Гаевскій нелѣпо понималъ характеръ тогдашняго патріотизма. Правда, что въ этомъ настроеніи было немало односторонности, что какая-то особая торжественность смѣшивалась въ немъ съ наивностью воззрѣній, но несомнѣнно, что оно было вполнѣ искреннее и потому оказывало благодѣтельное, оболряющее дѣйствіе на русское общество въ переживаемыя имъ тяжелыя минуты».

Ссылка Майкова на искренность патріотизма Пушкина едва-ли имѣетъ тутъ какое-нибудь значеніе. Дѣло въ данномъ случаѣ не въ личной искренности, а въ *искренности творчества*. Не подходитъ высокоторжественный тонъ къ сильному простотой таланту Пушкина, — вотъ въ чемъ тутъ дѣло.

Бѣлинскій причислялъ «Наполеона на Эльбѣ» къ тѣмъ стихотвореніямъ, въ которыхъ

преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музы Жуковскаго: стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго; въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученика отъ учителя».

Начало стихотворенія: ночная тишина, туманная луна и т. д., конечно, давало право, миновавъ Державина, устанавливать связи съ Жуковскимъ. Но Бѣлинскій и тутъ, и по поводу другихъ стихотвореній лицейскаго періода упускалъ изъ виду Державина второй поры, когда на ряду съ торжественностью и громоподобностью онъ поддался романтическому вліянію Оссіана. По поводу «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» уже было указано стр. 196—198) Державинско-Оссіановское вліяніе на Пушкина и въ частности «Водопада». Начало «Напо-

КЛЕМАНЪ МАРО (Marot).

42. СТАРИКЪ.

Редакція «Россійскаго Музеума».

СТАРИКЪ.

Изъ Марота.

Ужь я не тотъ философъ страстной
Что прежде такъ любить умѣлъ.
Моя весна и лѣто красно
Ушли—за тридевять земель!
Амуръ, свѣтъ возраста златова!
Боговъ тебя всѣхъ болѣ чтилъ:
Ахъ! есть либъ я родился снова,
Ужь такъ ли бы тебѣ служилъ.

Александръ Н.—П

Редакція изданія 1826 г.

СТАРИКЪ.

Ужь я не тотъ любовникъ страстной,
Кому дивился прежде свѣтъ:
Моя весна и лѣто красно
Навѣкъ прошли, пропалъ и слѣдъ.
Амуръ, богъ возраста младого!
Я твой служитель вѣрный былъ;
Ахъ, если бъ могъ родиться снова,
Ужь такъ ли бъ я тебѣ служилъ!

леона на Эльбѣ» столь-же сильно напоминаетъ «Водопадъ»: и здѣсь, и тамъ, на фонѣ грознаго ландшафта, освѣщеннаго лунным свѣтомъ, фигура человѣка произносящаго монологъ. А по содержанію стихотвореніе уже вполнѣ въ стилѣ Державина.

Рукописи «Наполеона на Эльбѣ» не сохранилось и мы печатаемъ стихотвореніе вполнѣ точно по тексту «Сына Отечества» и въ орографіи его. Послѣднее интересно тѣмъ, что редакторомъ «Сына Отечества» былъ первенствующій грамматическій авторитетъ того времени—Гречъ. И вотъ въ его журналѣ тоже пишутъ *щастье*, вѣрной, звонкой и др. Любопытно, что въ одномъ мѣстѣ мы находимъ начертаніе *тма*, въ другомъ соотвѣтствующее ему *тмится*, а затѣмъ вдругъ *тьма* (стихъ 88). И это не опечатка. Характерная черта орографіи того времени—ея неустойчивость. Сплошь да рядомъ на страницахъ одного и того же журнала въ статьяхъ одного писателя—одна орографія, въ статьяхъ другого—другая. Но въ данномъ случаѣ даже въ одномъ и томъ же стихотвореніи разная орографія.

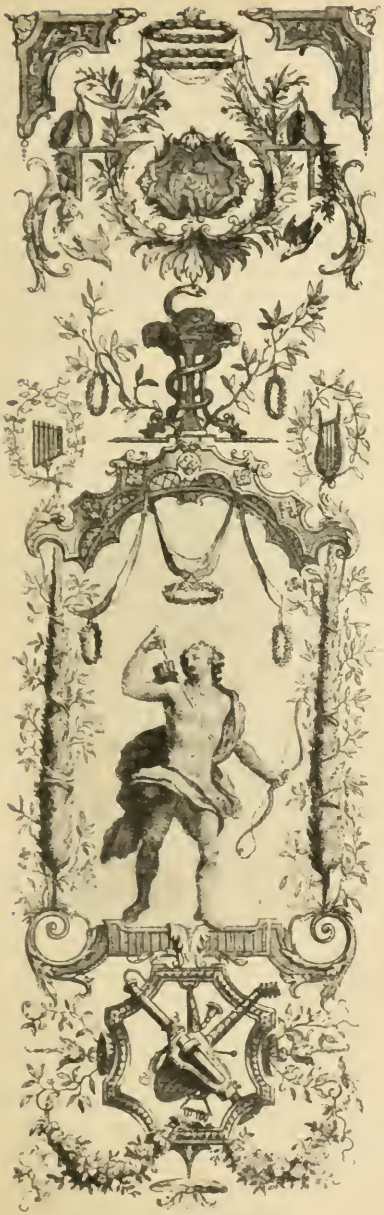
С. Венгеровъ.

42. СТАРИКЪ.

Мотивъ стихотворенія заимствованъ у Клемента Маро (род. 1495 г. въ Кагорѣ и умеръ въ 1544 г. въ Туринѣ).

Кл. Маро, сынъ поэта Jehan des Mares, по прозвищу Marot, признается самымъ выдающимся поэтомъ своего времени. Жизнь его полна трагическихъ контрастовъ. Слушатель Сорбонны, затѣмъ актеръ и авторъ фарсовъ среди Enfants Sans-Souci, смѣнившій костюмъ гаера на тогу адвоката, а эту послѣднюю на воинскія латы, онъ, по вступленіи на тронъ короля Франциска I, королемъ-меценатомъ, попадаетъ ко двору. Здѣсь онъ вскорѣ пріобрѣтаетъ славу первоклассного стихотворца, пользуется милостями короля, дѣлается его valet-de-chambre, участвуетъ въ битвѣ при Павіи, попадаетъ въ плѣнъ, а по возвращеніи въ Парижъ попадаетъ въ тюрьму, по обвиненію въ протестантской ереси, и не кончаетъ анафотомъ лишь благодаря заступничеству своего покровителя-короля. Затѣмъ онъ выступаетъ въ качествѣ издателя знаменитаго Roman de la Rose (1527) и въ томъ же году вновь попадаетъ въ тюрьму, отъ которой опять спасаетъ его король. Цѣлый рядъ лѣтъ онъ пользуется славой величайшаго поэта и, дѣля жизнь между любовью Маргариты Наварской и поэзіей, со всей легкостью своей натуры предается наслажденіямъ. Но вновь вспыхнувшая религіозная борьба вторично подвергаетъ Маро, симпатіи котораго къ протестантизму были слишкомъ явны и выгодны его личнымъ врагамъ, опасности быть сожженнымъ на кострѣ инквизиціи. Онъ бѣжитъ въ Феррару, откуда посылаетъ во Францію свои знаменитыя эпиграммы (Blasons) и посланія (Epître). Ему удается опять оправдаться и цѣною позорнаго отреченія отъ «еретическихъ ученій» при торжественной обстановкѣ въ Лионскомъ соборѣ добиться возвращенія во Францію. Но этимъ его злоключенія не кончаются. Враги не дремлютъ и только ждутъ удобнаго момента для отмщенія. Около 1534 г., подъ вліяніемъ своего друга Кальвина, онъ принимается за совершенно несвойственную его музѣ работу и совершаетъ «страшное преступленіе», переведя французскими стихами 30 псалмовъ Давида. Это ультра-еретическое произведеніе требовало искупительной жертвы. На этотъ разъ избѣжать костра было невозможно, и только бѣгство въ Женеву спасло автора въ третій разъ отъ смерти ad majorem Dei gloriam. Однако и Женева оказалась враждебной неисправимому поэту. Онъ вскорѣ былъ присужденъ къ новѣйшему за прелюбодѣяніе, и только заступничество Кальвина спасло его отъ протестантской висѣлицы, замѣненной наказаніемъ плетьми на городскихъ перекресткахъ. Оставаться въ Женевѣ было нельзя, и Маро перебрался въ Туринъ, гдѣ вскорѣ и умеръ въ бѣдности.

Такова поистинѣ необычайная судьба этого человѣка, произведеніями котораго долгое время восторгалась вся Франція и который долгое время былъ верховнымъ судьей французскаго Парнасса. Его знаменитыя Blasons, Coq a l'âne, Epître, Rordeaux, Epigrammes, стали образцами поэтическаго стиля, получившаго имя поэта (le style marotique), ставшаго главою цѣлой школы и имѣвшаго массу подражателей до знаменитаго Лафонтэна включительно. Его геній не былъ созданъ для трактованія крупныхъ и серьезныхъ сюжетовъ, но въ отмежеванной имъ для себя области, онъ занимаетъ первостепенное мѣсто. Тонкость, грація, неподдѣльная веселость, въ связи съ замѣчательнымъ изяществомъ, наивностью и въ то же время силой выраженія отличаютъ его произведенія, зачастую про-



13. ВОДА и ВИНО.

Люблю я въ полдень воспаленной
Прохладу черпать изъ ручья,
И въ рощѣ тихой, отдаленной
Смотрѣть, какъ плещетъ въ брегъ струя.
Когда жъ вино въ края поскачетъ,
Пѣнящаяся въ чашѣ круговой,
Друзья, скажите — кто не плачетъ,
Заранѣ радуясь душой?
Да будетъ проклятъ дерзновенной,
Кто первый грѣшною рукой,
Нечестьемъ буйнымъ ослѣпленной,
О, страхъ!... смѣсилъ вино съ водой!
Да будетъ проклятъ родъ злодѣя!
Пускай не въ силахъ будетъ пить,
Или, стаканами владѣя,
Лафитъ съ Цымлянскимъ различить!

1... 17—14.

14. БАТЮШКОВУ.

Въ пещерахъ Геликона
Я нѣкогда рожденъ:
Во имя Аполлона
Тибулломъ окрещенъ,
И свѣтлой Иппокреной
Съ издѣтства напоенный,
Подъ кровомъ вешнихъ розъ,
Поэтомъ я возросъ.
Веселый сынъ Эрмія
Ребенка полюбилъ,
Въ дни рѣзвости златыя
Мнѣ дудку подарилъ.
Знакомясь съ нею рано,
Дудилъ я непрестанно:
Нескладно хоть игралъ,
Но Музамъ не скучалъ.
А ты, нѣвецъ забавы,
И другъ Пермесскихъ дѣвъ,
Ты хочешь, чтобы славы
Стезею полетѣвъ,
Простясь съ Анакреономъ,
Слѣпилъ я за Маропомъ,
И пѣлъ при звукахъ лиръ
Войны кровавый пиръ.
Дано мнѣ мало Фебомъ:
Охота, скудный даръ.
Пою подъ чуждымъ небомъ,
Вдали домашнихъ Ларъ,
И съ дерзостнымъ Икаромъ
Страшась летать не даромъ,
Бреду своимъ путемъ:
Будь всякой при своемъ.

Александръ Пкшн.

питанныя рѣзкой сатирой, блещущія пикантнымъ остроуміемъ и не лишенныя свойственнаго времени откровеннаго неприличія.

Сочиненія его издавались нѣсколько разъ, и Пушкинъ, вѣроятно, пользовался для своего перевода изданіемъ 1731 г.

«Старикъ» является переводомъ-передѣлкой слѣдующаго стихотворенія Маро:

DE SOY MESME (1537).

Plus ne suis ce que j'ay esté
Et ne le sçaurois jamais estre:
Mon beau printemps, et mon esté
Ont faict le sault par la fenestre.
Amour, tu as esté mon maistre,
Je t'ai servy sur tous les dieux.
O si je pouvois deux fois naistre,
Comme je te servirois miaulx [1])

«Старикъ» имѣется въ двухъ редакціяхъ, которыя обѣ приведены на стр. 223. Первая редакція напечатана въ «Рос. Музеумѣ», 1815 г., ч. II, № 5. Вторая—въ изданныхъ самимъ Пушкинымъ собраніяхъ 1826 и 1829 г.г. Этотъ позднѣйшій текстъ совпадаетъ съ текстомъ рукописи Румянц. Музея № 2364 (см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста»). Сравнивая оба текста, Л. Н. Майковъ говоритъ:

«Текстъ рукописи согласенъ съ текстомъ изданія 1826 года, а въ Россійскомъ Музеумѣ текстъ представляетъ значительныя отличія, происшедшія, по всему вѣроятію, отъ поправокъ посторонней руки. Сличеніе перевода съ подлинникомъ показываетъ, что онъ сдѣланъ не особенно близко, при чемъ позднѣйшая редакція перевода, 1826 года, еще дальше отъ оригинала, чѣмъ первоначальная, напечатанная въ журналѣ. Если справедлива наша догадка, что отличія журнальной редакціи принадлежатъ посторонней рукѣ, то слѣдуетъ заключить, что эти отличія произошли отъ поправокъ, сдѣланныхъ съ цѣлью приблизить переводъ къ подлиннику. Въ такомъ случаѣ мы приписали-бы эти поправки дядѣ поэта - лицеиста, Василію Львовичу Пушкину, пріятелю издателя «Россійскаго Музеума» В. В. Измайлова и большому почитателю произведеній Клемана Маро; переводы изъ него есть въ собраніи сочиненій В. Л. Пушкина».

[1]) О САМОМЪ СЕБѢ.

Больше я не тотъ, что былъ
И не сумѣю имъ никогда быть:
Моя красная весна, и мое лѣто
Сдѣлали прыжокъ черезъ окно.
Амуръ, ты былъ моимъ учителемъ господиномъ,
Я тебѣ служилъ сверхъ всѣхъ боговъ.
О если бъ я могъ дважды родиться,
Сколь лучше я бъ тебѣ служилъ.

Противъ этихъ соображеній можно выдвинуть другія. Дѣло въ томъ, что сличивъ оба варіанта этого стихотворенія съ произведеніемъ Маро, нетрудно убѣдиться, что оба перевода довольно далеки отъ оригинала. Первые четыре стиха совершенно расходятся съ нимъ. Вторая половина въ обѣихъ версіяхъ ближе къ французскому тексту, причемъ изданіе 1826 г. точнѣе передаетъ нѣкоторыя выраженія Маро. Слѣдовательно, если говорить о близости переводовъ къ подлиннику, то придется отдать предпочтеніе тексту изданія 1826 г., и, такимъ образомъ, мнѣніе о томъ, что въ изданіи 1815 г. передъ нами текстъ, кѣмъ то неправленный въ цѣляхъ приближенія къ подлиннику, придется признать неправильнымъ.

Гораздо проще предположить, что оба варіанта принадлежатъ самому Пушкину, причемъ варіантъ 1826 г. является безусловно исправленной редакціей варіанта 1815 года, что ясно видно изъ сопоставленія 2-го и 4-го стиховъ въ обѣихъ версіяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что эти стихи въ изданіи 1826 г. явились потому, что въ первой редакціи они съ точки зрѣнія рнемы были очень плохи (у м ѣ л ъ рнемуется съ з е м е л ь), и Пушкинъ выбросилъ ихъ, замѣнивъ болѣе удачными. И. Гливенко.

43. ВОДА И ВИНО.

Стихотвореніе это напечатано было въ «Рос. Музеумѣ» 1815 г. № 6, съ подписью 1... 17—14 (см. стр. 170). Пушкинъ не вносилъ его въ собранія своихъ стихотвореній, забыли о немъ и издатели посмертнаго собранія 1838—1841 г. г., и оно появляется вновь только въ изд. Анненкова, который извлекъ его изъ тетради барона Корфа (см. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста»).

«Вода и вино» принадлежитъ къ циклу анакреонтическихъ стихотвореній лицейскаго періода, въ которыхъ Пушкинъ съ напускнымъ ухарствомъ старался изобразить изъ себя записного кутилу. Некультурность темы сказалась въ общей небрежности обработки (ст. 7—8, 15) и малой продуманности отдѣльныхъ мѣстъ. Почему для того, чтобы «смѣсить» вино съ водой надо быть ослѣпленнымъ «нечестьемъ бу и ны м ъ»? Совсѣмъ наоборотъ—это проявленіе умѣренности. Ред.

45. ЭПИГРАММА.

Бывало прежнихъ лѣтъ Герой,
Окончивъ славну брань съ противной стороной,
Повѣситъ мечъ войны средь отческія кущи:
А Трагикъ нашъ Буринъ, скончавъ чернильный бой,
Повѣсилъ уши.

1—17... 14.

46. КЪ ПУЩИНУ.

1 мая.

Любезный имяннникъ,
О Пущинъ дорогой!
Прибрелъ къ тебѣ пустынникъ
Съ открытою душой;
Съ пришельцемъ обнимися,
Но добраго пѣвца
Встрѣчать не суетися
Съ парадиаго крыльца:
Онъ гость безъ этикета,
Не требуетъ привѣта
Лукавой суеты;
Примижъ его лобзанья
И чистыя желанья
Сердечной простоты!
Устрой гостямъ пирушку:
На столикъ вощеной
Поставь пивную кружку
И кубокъ пуншевой.
Старинный собутыльникъ!
Забудемся на часъ.
Пускай ума свѣтильникъ
Погаснетъ нынѣ въ насъ.
Пускай старикъ крылатый
Летитъ на почтовыхъ!
Намъ дорогъ мигъ утраты
Въ забавахъ лишь одинхъ.
Ты счастливъ, другъ сердечный:
Въ спокойствіи златомъ
Течетъ твой вѣкъ безпечный,
Проходитъ день за днемъ,
И ты въ бесѣдѣ Граціи,
Не зная черныхъ бѣдъ,
Живешь какъ жилъ Горацій.
Хотя и не Поэтъ.
Подъ кровомъ небогатомъ
Ты вовсе не знакомъ
Съ злословящимъ Пнпократомъ,
Съ нахмуреннымъ пономъ;
Не видишь у порогу
Толпящихся заботъ;
Нашли къ тебѣ дорогу
Веселость и Эротъ;
Ты любишь звонъ стакановъ
И трубки дымъ густой,
И Демонъ Метромановъ
Не властвуетъ тобой. —
Ты счастливъ въ этой долѣ;
Скажи, чего же болѣ
Мнѣ другу пожелать?
Придется замолчать...
Дай Богъ, чтобъ я съ друзьями
Встрѣчая сотый Май,
Покрытый сѣдинами,
Сказалъ тебѣ стихами:
Вотъ кубокъ, наливай!
Веселье, будь до гроба
Сопутникъ вѣрной нашъ,
И пусть умремъ мы оба
При стукѣ полныхъ чашъ!

1... 14—17.

44. БАТЮШКОВУ.

Въ статьѣ «Пушкинъ и Батюшковъ» (стр. 151) уже говорилось объ этомъ второмъ посланіи къ Батюшкову, съ которымъ Пушкинъ теперь завелъ довольно тѣсное личное знакомство. По недосмотру автора, заключительный стихъ

Будь всякой при своемъ

приписанъ тамъ Батюшкову. Но требуетъ дополненія и указаніе Ефремова, Майкова и того же П. О. Морозова въ обоихъ его изданіяхъ, что стихъ этотъ почти цѣликомъ повторяетъ 90-ый стихъ посланія къ Батюшову Жуковскаго:

Будь каждый при своемъ.

Дѣло въ томъ, что въ той части посланія, гдѣ имѣется этотъ стихъ, оно представляетъ собою вольный переводъ Шиллеровскаго «Раздѣла земли».

Стихи 17—18.

И ты пѣвецъ забавы
И другъ пермесскихъ дѣвъ

намекъ на стихи «Моихъ пенатовъ» Батюшкова, которымъ Пушкинъ и здѣсь подражаетъ:

И сладки пѣснопѣнья
Богинь пермесскихъ даръ.

Пермесскими богинями назывались Музы, по рѣкѣ Пермессъ, вытекающей изъ подножья Геликона.

Второе посланіе къ Батюшкову, съ одной стороны, несомнѣнно, показываетъ, что Пушкинъ уже вполнѣ опредѣленно созналъ свое поэтическое призваніе. Онъ «поэтомъ возросъ», «веселый сынъ Эрмія», т. е. богъ поэтическихъ забавъ Панъ «возлюбилъ» его еще ребенкомъ и т. д. Но есть въ этомъ посланіи одна подробность, которая вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ, что еще не вполнѣ закончилась и пора сомнѣній въ своемъ талантѣ. Мы говоримъ о сопоставленіи съ «дерзостнымъ Икаромъ». Уже не разъ указывалось въ нашихъ примѣчаніяхъ и впредь не разъ будетъ указываться, что Пушкинъ всегда полосами находился не только подъ властью одного общаго настроенія, но и отдѣльнаго какого-нибудь имени, образа, сравненія. Таково въ стихотвореніяхъ 1812 года имя Деліи (см. стр. 66), въ стихотвореніяхъ 1814 года капризное желаніе называть себя монахомъ. И въ данномъ случаѣ Икаръ не въ первый разъ названъ. Въ смежномъ посланіи къ Дельвигу (въ первоначальной редакціи, см. стр. 215) тоже говорится объ Икарѣ, т. е. о томъ безумцѣ, который на восковыхъ крыльяхъ хотѣлъ подняться къ солнцу. Крылья не выдержали солнечнаго зноя, самонадѣянный безумецъ упалъ въ море и погибъ. И вотъ намъ на основаніи этого характернаго возвращенія мыслей молодого поэта къ миѳу весьма мало популярному и рѣдко кого интересующему, въ такомъ видѣ рисуется психологія Пушкина въ началѣ 1815 года. Подъ вліяніемъ огромнаго успѣха «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ» у молодого дебютанта невольно закружилась голова и зародилась гордая мечта возлетѣть высоко, высоко. Но свойственное каждому серьезному дарованію строгое отношеніе къ себѣ заставляетъ его мучительно задумываться о размѣрахъ своихъ силъ. Посланіе къ Батюшкову — послѣднее проявленіе этого раздумья. Юный поэтъ окончательно здѣсь познаетъ свою силу, и имя Икара уже намъ не встрѣтится болѣе.

Стихотвореніе напечатано въ іюньской (ч. II, № 6) книжкѣ «Россійскаго Музеума» за подписью Александръ Пкшн. Пушкинъ не перепечаталъ его въ изданныхъ имъ собраніяхъ соч. 1826 и 1829 гг. и оно появилось только въ Анненковскомъ изд. 1855 г. (т. II).

Мы воспроизводимъ текстъ по «Рос. Музеуму» и въ его орѳографіи. О мелкихъ отличіяхъ этого текста см. въ концѣ тома.

С. Венгеровъ.

45. ЭПИГРАММА

(бывало прежнихъ лѣтъ герой).

Напечатана въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г. № 6, съ неразъясненной подписью: 1—17... 14, какъ (см. стр. 170).

Майковъ даетъ такое объясненіе этой эпиграммы:

«Время сочиненія эпиграммы—первые мѣсяцы 1815 года—опредѣляется слѣдующими обстоятельствами: 12 января этого года, на Маломъ театрѣ въ С.-Петербургѣ, была представлена, въ бенефисъ знаменитой Е. С. Семеновой, Вольтерова трагедія «Заира», переведенная Нелединскимъ, Гнѣдичемъ, Лобановымъ, княземъ Шаховскимъ и Жихаревымъ (Арановъ, II. Лѣтопись русскаго театра, стр. 194 и 234). Объ этомъ представленіи появилась въ № 7 «Рус. Инвалида» критическая замѣтка отъ издателя П. П. Незаровіуса, съ невполнѣ благопріятнымъ и нѣсколько ироническимъ отзывомъ объ игрѣ актеровъ Брянскаго и Щепикова; на замѣтку счелъ нужнымъ отвѣчать Шаховской, какъ завѣдывавшій въ то время русской труппой и принимавшій участіе въ постановкѣ «Заиры»; отвѣтъ его былъ напечатанъ въ «Сынѣ Отечества», т. XIX, № 4, и авторъ объяснилъ, что къ составленію возраженія побудилъ его страхъ, чтобы критика вмѣсто пользы не нанесла

Рисунокъ Cipriani, въ гравюрѣ Bartolozzi.

47. КЪ ГАЛИЧУ.

Пускай угрюмый Ринѳотворъ,
Повитый макомъ и крашивой,
Холодныхъ отъ говорецъ ретивой,
На скучный ладъ сплетая вздоръ,
Зоветъ обѣдать Генерала:
О Галичъ, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ утреннихъ пировъ,
Тебя зову, мудрецъ лѣнивой,
Въ пріютъ поэзіи счастливой,
Хоть отдаленный нѣги кровъ.—
Давно въ моемъ уединеньи,
Въ кругу бутылокъ и друзей
Не зрѣли кружки мы твоей,
Подруги долгихъ наслажденій,
Острота и хохота гостей.
Въ тебѣ трудиться нѣтъ охоты:
Садясь на тройку злыхъ коней,
Оставь Петрополь и заботы,
Лети въ счастливой городокъ,
Зайди къ Жиду Золотареву
Въ его всѣмъ общій уголокъ:
Мы тамъ, собравшися въ кружокъ,
Прольемъ вина струю багрову,
И съ громомъ двери на замокъ
Запретъ веселье молодое.
И хлынетъ пиво золотое:
И гордый на столѣ пирогъ
Друзей стѣсненными рядами,
Сверкая свѣтлыми ножами,
Съ тобою храбро осадимъ,
И мигомъ стѣны разгромимъ:
Когда жъ вшомъ отягощенный,
Съ главой въ колѣни преклоненной,
Захочешь въ мирѣ отдохнуть,
И опускаяся въ подушку,
Дабы спокойнѣе заснуть,
Уронишь палитую кружку
На старой, бархатной диванъ:
Тогда посланія, куплеты,
Баллады, баснки, сонеты
Покинутъ скромной нашъ карманъ,
И крѣпокъ сонъ лѣнивца будетъ!...
По рюмокъ звонъ тебя разбудитъ,
Ты вскочишь съ бодрой головой,
Оставишь смятую подушку,
Подымешь милую подружку—
И въ кельѣ снова пиръ горой.
О Галичъ, время невозвратно,
И близокъ, близокъ грозный часъ,
Когда послышу славы гласъ,
Покину кельи кровъ пріятной,
Татарской сброшу свой халатъ,
Простите, лѣсвѣтивыя Музы!
Прости пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я—питомецъ важныхъ Музъ—
Въ чинѣ ковоющихъ корнетовъ!
О Галичъ, Галичъ! поспѣшай!
Тебя зовутъ и сонъ лѣнивый,
И другъ ни скромный, ни спѣсивый,
И кубокъ полный черезъ край!

1... 14 17

вредъ нашимъ молодымъ актерамъ, легко оскорбляющимся насмѣшливой хулой». Издатель «Инвалида» ловко подхватилъ это наивное заявленіе Шаховского и въ № 14 своей газеты очень удачно разъяснилъ пользу безпристрастныхъ театральныхъ рецензій. На этомъ полемика и прекратилась. Хотя Пушкинъ, живя безвыѣздно въ Царскомъ Селѣ, не видѣлъ вызвавшаго ее представленія «Заиры», но, очевидно, слѣдилъ за полемикой съ интересомъ; по всему вѣроятію, до него уже доходили въ то время слухи о томъ, что въ театральныхъ дѣлахъ Шаховской поступалъ лицепріятно, интриговалъ противъ Озерова, желалъ противопоставить Семеновой соперницу въ лицѣ Валберховой и т. п. Какъ извѣстно, подобные поступки Шаховского подали поводъ къ неудовольствію противъ него со стороны молодыхъ литераторовъ, группировавшихся въ кружкѣ «Арзамаса»: взрывъ ихъ негодованія послѣдовалъ нѣсколько позже, въ половинѣ 1815 года, послѣ того, какъ Шаховской поставилъ на сцену свою комедію «Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды», въ которой былъ осмѣянъ балладникъ Жуковскій. Сохранившіеся отъ 1815 года отрывки изъ дневника Пушкина свидѣтельствуютъ, что въ этомъ столкновеніи сочувствіе Пушкина было не на сторонѣ Шаховского, но въ то же время видно, что негодованіе молодого поэта противъ автора «Липецкихъ водъ» было вовсе не такъ сильно, какъ у коренныхъ членовъ «Арзамаса».

Первыя строки этой эпиграммы указываютъ на древній обычай вѣшать боевое оружіе на деревья въ мирное время. О такомъ обычаѣ упоминается, между прочимъ, въ стихотвореніи А. Ѳ. Мерзлякова «Мячковскій курганъ», которое помѣщено было сперва въ «Вѣстникѣ Европы» 1805 г., а затѣмъ въ V-й части изданнаго Жуковскимъ «Собранія русскихъ стихотвореній» (М., 1811); тамъ на стр. 322 находятся слѣдующія строки:

Тамъ робкая любовь съ безпечностью играетъ
Подъ дубомъ вѣковымъ, котораго въ тѣни,
Быть можетъ, *нѣкогда, во времена войны.*
Израненый герой съ симъ свѣтомъ разставаясь,
На вѣтви гибкія повѣсивъ бранный мечъ
Друзьямъ еще твердилъ: «Отечество и честь!

Пушкинъ могъ позаимствовать этотъ образъ именно изъ стихотворенія Мерзлякова, встрѣтивъ послѣднее въ сборникѣ Жуковскаго, который, несомнѣнно, былъ у него подъ руками въ 1815 г.»

Вторая половина этого комментарія — сближеніе съ стихотвореніемъ Мерзлякова въ высшей степени правдоподобна.

Но первая едва-ли имѣетъ подъ собою какую-нибудь почву. Съ какой стати Пушкинъ сталъ-бы писателя, извѣстнаго комедіями, превращать въ «трагика»? Въ тѣхъ отрывкахъ изъ Пушкинскаго дневника, о которыхъ говоритъ Майковъ, мы находимъ обзоръ всей дѣятельности Шаховского и ни слова о какой бы то ни было прикосновенности его къ трагедіи. Наконецъ, самъ же Майковъ говоритъ, что нарожденіе сильной вражды къ Шаховскому относится къ срединѣ 1815 г., а грубоватая эпиграмма уже въ іюньской книжкѣ «Рос. Музеума» была напечатана, слѣдовательно написана была нѣсколькими мѣсяцами раньше. Подъискать объясненіе имени «трагика»—«Бурунъ» трудно. Ред.

46. КЪ ПУЩИНУ.

О ближайшемъ другѣ Пушкина—будущемъ декабристѣ Пущинѣ въ настоящемъ изданіи будетъ особая статья.

Посланіе примыкаетъ къ навѣяннымъ «Моими пенатами» Батюшкова анакреонтическимъ стихотвореніямъ Пушкина, о которомъ см. выше (на стр. 149) и въ примѣчаніяхъ къ стихотвореніямъ этого цикла.

Пущинъ, по указанію Майкова, былъ именинникомъ 8 мая и помѣта (4 мая), съ которой посланіе напеч. въ «Рос. Музеумѣ» 1815 г. № 8, должна считаться указаніемъ дня, когда оно было написано.

Печатаемъ посланіе по тексту и въ орѳографіи «Рос. Музеума», возстановляя лишь по автографу стихъ 38

Съ нахмуреннымъ пономъ.

Въ журналѣ вольтерьянское пономъ было замѣнено *жрецомъ*. О другихъ варіантахъ см. въ концѣ тома. Ред.

47. КЪ ГАЛИЧУ.

О Галичѣ и лицейскомъ бытѣ, здѣсь затронутомъ, см. дальше подъ № 50. О текстѣ см. въ концѣ тома. За исключеніемъ цензурныхъ искаженій, мы въ общемъ держимся текста и орѳографіи «Рос. Музеума» (1815, № 8), гдѣ посланіе было напечатано вслѣдъ за предыдущимъ посланіемъ. Ред.

48. КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Высокое положеніе, которое занималъ Горчаковъ немало повліяло на освѣщеніе взаимныхъ отношеній между двумя знаменитыми лицеистами I выпуска. Авторъ нижеслѣдующей замѣтки дѣлаетъ попытку взглянуть на эти отношенія безъ обычнаго умиленія. Ред.

КН. А. М. ГОРЧАКОВЪ И ПУШКИНЪ.

Свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ, государственный канцлеръ, былъ руководителемъ нашей внѣшней политики за все время царствованія Александра II. Его активная дипломатическая дѣятельность началась въ 1854—

Кн. А. М. ГОРЧАКОВЪ лицеистомъ.

48. КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Пускай, не знаясь съ Аполлономъ
Поэтъ, придворный философъ,
Вельможѣ знатному съ поклономъ
Подноситъ оду въ двѣсти строфъ:
Но я, любезный Горчаковъ!
Не просыпаюсь съ пѣтухами,
И напыщенными стихами,
Наборомъ громозвучныхъ словъ
Я пѣть пустаго не умѣю
Высоко, тонко и хитро;
И въ лиру превращать не смѣю
Мое гусиное перо!
Нѣтъ, нѣтъ! любезный князь, не оду
Тебѣ намѣренъ посвятить;
Что прибыли соваться въ воду,
Сначала не спросившись броду,
И въ слѣдъ Державину парить?
Пишу своимъ я складомъ нынѣ
Кой-какъ стихи на имянины!...
Что долженъ я, скажи, въ сей часъ
Желать отъ чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь?
Дѣтей, любезную супругу,
Или богатства, громкихъ дней,
Крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлеченъ былъ въ путь кровавой,
Чтобъ въ лаврахъ и вѣнцахъ сіялъ,
Чтобъ въ битвахъ громъ изъ рукъ металъ?
И чтобъ побѣда за тобою,
Какъ древле Невскому герою,
Всегда, вездѣ летала въ слѣдъ?
Не сладострастія поэтъ
Такою пѣсенкой поздравитъ—
Онъ лучше музъ на-вѣкъ оставитъ!
Дай Богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ,
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура,
Провелъ межъ Вакха и Амура!
А тамъ, когда Стигійскій брегъ
Мелькнетъ въ туманномъ отдаленьи,
Дай Богъ, чтобъ въ страстномъ упоеньи
Ты съ томной сладостью въ очахъ
Изъ рукъ младаго Купидона,
Вступая въ мрачный чолнъ Харона,
Уснулъ... Ершовой на грудяхъ!

1856 гг., когда онъ въ качествѣ русскаго представителя въ Вѣнѣ велъ дипломатическіе переговоры во время Восточной войны. Правда, переговоры не принесли практическихъ результатовъ, но «искусство и твердость», проявленныя въ это время Горчаковымъ, обратили на него вниманіе государя, и въ 1856 году онъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Когда въ 1862 году во главѣ прусской политики сталъ Бисмаркъ, Горчаковъ, вѣрный поклонникъ желѣзнаго канцлера, поставилъ своей задачей согласованіе русской политики съ политикой Бисмарка. Послѣ войны 70 года Бисмаркъ уже переставалъ нуждаться въ содѣйствіи русскаго министра и сталъ выдвигать Австрію, какъ противовѣсъ Россіи на востокѣ. Берлинскимъ конгрессомъ закончилась политическая дѣятельность Горчакова: тутъ на этомъ конгрессѣ русская дипломатія, въ теченіе столь долгаго времени руководимая Горчаковымъ, оказалась разбитой; русскіе дипломаты не только не умѣли достигать цѣлей,—они не умѣли ихъ даже ставить и формулировать. Министромъ Горчаковъ пересталъ быть съ марта 1882 г. Умеръ онъ 27 февраля 1883 года въ Баденѣ, на 85 году жизни (род. 4 іюля 1798 г.).

Но не дипломатъ Горчаковъ насъ интересуетъ. Онъ былъ товарищемъ Пушкина по лицею. Съ его именемъ связаны четыре извѣстныя намъ посланія и строфа изъ «19 октября». Отсюда право государственнаго канцлера быть отмѣченнымъ въ біографіи поэта. Мы не причислимъ его къ кругу друзей поэта. Пушкинъ былъ необычайно щедръ, раздавая свою дружбу, и сколько теперь ихъ, «друзей» поэта, которыхъ онъ самъ звалъ такъ и которыхъ намъ какъ-то неловко называть рядомъ съ именемъ Пушкина. Горчаковъ былъ однимъ изъ такихъ друзей, совершенно не оцѣненныхъ поэта. Даже къ памяти его онъ не былъ признателенъ.

Имя Горчакова было однимъ изъ тѣхъ, которыя чаще другихъ были на устахъ у лицеистовъ позднѣйшихъ выпусковъ. Рѣдко у кого складывалась такъ блестяще жизненная карьера, какъ у Горчакова: его успѣхи по службѣ и въ свѣтѣ были поразительны: почти сейчасъ же по окончаніи лицея о немъ, да о преславномъ баронѣ М. А. Корфѣ и В. Д. Вольховскомъ заговорили: «идутъ въ гору». Пушкинъ называлъ Горчакова «счастливцемъ съ первыхъ дней». Такимъ онъ и былъ въ представленіи современниковъ. Этотъ ореолъ счастья, этотъ блескъ карьеры почти скрылъ отъ насъ человѣка.

Тебѣ рукой Фортуны своенравной,
Указанъ путь и счастливой и славной .

Успѣхамъ карьеры предшествовали тоже необыкновенные успѣхи въ Лицеѣ. Тутъ, о какой-бы чертѣ его дарованій мы ни заговорили,— о памяти, сообразительности, прилежаніи, поведеніи, способностяхъ,—мы вездѣ встрѣчаемъ одну и ту же оцѣнку, такъ сказать, на пять съ плюсомъ. Еще въ 1812 году лицеистъ Илличевскій писалъ своему товарищу Фуссу: «Горчаковъ благодаритъ тебя за поклонъ, и хотѣлъ было писать, да ему некогда. Повѣришь ли? Этотъ человѣкъ учится съ утра до вечера, чтобы быть первымъ ученикомъ, и кажется, достигъ своего желанія» [1]. Надзиратели и наставники, характеризуя Горчакова, исчерпали, кажется, всѣ эпитеты украшенія. Въ поведеніи Горчаковъ всегда былъ первымъ, а Вольховской—вторымъ: въ ученіи же онъ уступалъ первое мѣсто Вольховскому. Гувернеръ Чириковъ 13 сентября 1813 года такъ выражался о Горчаковѣ: «благоразуменъ, благороденъ въ поступкахъ, любитъ крайне ученіе, опрятенъ, вѣжливъ, усерденъ, чувствителенъ, кротокъ, но самолюбивъ. Отличительныя его свойства: самолюбіе, ревность къ пользѣ и чести своей и великодушіе». Профессоръ Кошанскій 15 декабря 1813 года характеризовалъ Горчакова: «одинъ изъ немногихъ воспитанниковъ, соединяющихъ многія способности въ высшей степени. Особенно замѣтна въ немъ быстрая понятливость, объемлющая вдругъ и правила, и примѣры, которая, соединяясь съ чрезмѣрнымъ соревнованіемъ и честолюбіемъ, открываетъ быстроту разума въ немъ и нѣкоторыя черты генія. Успѣхи его превосходны». Профессоръ математики Карцовъ отмѣчалъ слѣдующее: «былъ, какъ и всегда, весьма внимателенъ, отмѣнно прилеженъ, въ сужденіи твердъ и основателенъ, успѣхи оказываетъ быстрые и рѣшительные, ведетъ себя превосходно». Инспекторъ Пилецкій-Урбановичъ писалъ о немъ въ журналѣ: «благонравенъ, благороденъ, ревнителенъ къ

1 Я. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Изд. 2-е. Спб., 1899. Стр. 57.

Рисунокъ Cipriani въ гравюрѣ Bartolozzi.

49. МЕЧТАТЕЛЬ.

По небу крадется луна.
На холмѣ тьма сѣдѣетъ.
На воды пала тишина,
Съ долины вѣтеръ вѣетъ.
Молчитъ пѣвица вешнихъ дней
Въ пустынѣ темной рощи.
Стада почили средь полей
И тихъ полетъ полночи:

И мирной нѣги уголокъ
Ночь сумракомъ одѣла,
Въ каминѣ гаснетъ огонекъ,
И свѣчка нагорѣла:
Стоитъ боговъ домашнихъ ликъ
Въ киотѣ небогатомъ,
И блѣдный теплится ночникъ
Предъ глиняным Пенатомъ.

Главою на руку склоненъ,
Въ забвеніи глубокомъ,
Я въ сладки думы погруженъ
На ложѣ одинокомъ:
Съ волшебной ночи темнотой,
При мѣсячномъ сіяньи,
Слетаютъ рѣзвою толпой
Крылатыя мечтанья,

И тихой, тихой льется гласъ;
Дрожатъ златыя струны.
Въ глухой, безмолвной мрака часъ
Поетъ мечтатель юный:
Исполненъ тайною тоской,
Молчаньемъ вдохновенной,
Летаетъ рѣзвою рукой
На лирѣ оживленной.

Блаженъ, кто въ нищей своей шалашъ
Въ мольбахъ не проситъ Щастья!
Ему Зевесъ надежный стражъ
Отъ грознаго ненастья:
На макахъ лѣнь, въ тихой часъ,
Онъ сладко засыпаетъ,
И бранныхъ трубъ ужасной гласъ
Его не пробуждаетъ.

Пускай, ударя въ звучной щитъ
И съ видомъ дерзновеннымъ,
Мнѣ Слава издали грозитъ
Перстомъ окровавленнымъ,
И бранны вьются знамена,
И пышетъ бой кровавой—
Прелестна сердцу тишина;
Пойду, пойду за Славой!

Нашелъ въ глуши я мирный кровъ,
И дни веду смиренно:
Дана мнѣ лира отъ боговъ,
Поэту даръ безцѣнной:

ученію и чести своей, дружелюбенъ, весьма чувствителенъ и пылокъ» [1]).

Кажется, больше и не подобрать эпитетовъ для характеристики Горчакова. Подчеркнуть слѣдуетъ «ревность къ пользѣ чести своей», «чрезмѣрное соревнованіе» или, проще, честолюбіе, прямо поглощавшее молодого лицеиста.

Такъ вотъ какой другъ былъ у Пушкина въ Лицеѣ, у Пушкина, который являлся чуть ли не полной противоположностью Горчакову. До насъ дошло три посланія поэта Горчакову и одинъ отрывокъ изъ посланія ему же. Два посланія писаны еще въ Лицеѣ, въ 1815 и 1816 годахъ. Были ли они данью дружбы? Едва-ли: они могутъ свидѣтельствовать о хорошихъ товарищескихъ отношеніяхъ въ Лицеѣ—и только. Между Пушкинымъ и Горчаковымъ вовсе не было той дружбы, которая проникала, напримѣръ, отношенія Пушкина къ Пущину или Дельвигу. Когда перечитываешь въ хронологическомъ порядкѣ эти посланія Пушкина къ Горчакову, то начинаетъ казаться, будто Пушкинъ гдѣ-то въ глубинѣ своей души все время осторожно сравниваетъ себя съ избранникомъ счастья. Сначала образъ Горчакова, столь одареннаго и блестящаго, привлекаетъ вниманіе поэта. Все, достиженіе чего кажется нелегкимъ для Пушкина, все это дается Горчакову; его удачи и дарованія вѣрно сулятъ ему радости жизни, столь измѣнчивыя для поэта. Любовь, та любовь, что для юноши сказалась въ такой безнадежности, стучится въ сердце избраннаго. Въ первомъ же посланіи поэтъ, колеблющійся въ вопросѣ того, чего пожелать товарищу — глубокой ли старости, любезной супруги или громкихъ дней, крестовъ, алмазныхъ звѣздъ, честей (этого-то и долженъ былъ желать поэтъ), — вдругъ останавливается на самомъ желанномъ для себя въ этотъ мигъ

Дай Богъ любви, чтобъ ты свой вѣкъ
Питомцемъ нѣжнымъ Эпикура
Провелъ межъ Вакха и Амура!»

Во второмъ посланіи поэтъ гораздо серьезнѣе анализируетъ счастливаго избранника и освобождается отъ заколдовывающаго вліянія необыкновенной удачливости, счастья

Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ;
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ не равный,
И разный намъ оставить въ мірѣ слѣдъ»...

Счастливый и славный путь матеріальнаго, внѣшняго счастья не плѣняетъ поэта. Ему опять все кажется, что Горчакова должна увлечь «любви прелестная пора»: вѣдь это же лучшее, что представлялось въ то время поэту-юношѣ. Ему «чужда счастливая любовь», и жизнь его такъ уныла въ сравненіи съ той, которой онъ можетъ надѣлить счастливаго избранника. Но вѣдь не отъ предопредѣленія же, не отъ рока же эта разница судебъ; вѣдь и радости жизни даются одному и отнимаются у другого не оттого же, что одинъ родился въ сорочкѣ, а другой нѣтъ? Вотъ—вопросъ, которымъ разрѣшается второе посланіе.

Третье посланіе написано въ 1819 году въ то время, когда товарищи уже расходились. Отношенія Пушкина становятся все сознательнѣе и сознательнѣе. Горчаковъ уже дѣлаетъ карьеру. Онъ—«питомецъ модъ, большого свѣта другъ, обычаевъ блестящихъ наблюдатель». А Пушкинъ, «красоты безпечный обожатель,» проводитъ «незнаемый досугъ».

«Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ»,—пишетъ Пушкинъ. Тутъ рѣчь идетъ, конечно, о совѣтѣ Горчакова Пушкину обратить побольше вниманія на карьеру и успѣхи въ свѣтѣ. Но Горчаковъ уже сталъ ясенъ для поэта: онъ не посовѣтуетъ ему больше «вновь миртами красавицу вѣнчать». Онъ предпочитаетъ скорѣй быть въ счастливой семьѣ младыхъ повѣсъ, чѣмъ въ томъ обществѣ, которое только и признавалъ Горчаковъ. Какими необычайно рѣзкими должны были показаться именно Горчакову стихи Пушкина

Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ
И мистика придворнаго кривлянья».

Честолюбію и роковой удачливости Горчакова какой большой ударъ въ этомъ посланіи! Правда, добрый поэтъ смягчилъ эффектъ характеристики свѣта заключительными стихами:

«И ты, харитъ любовникъ своевольный,
Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ,
По прежнему острякъ не богомольный,
По прежнему философъ и шалунъ,—
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ
И малый кругъ друзей моихъ умножь».

1) Всѣ эти отзывы помѣщены въ приложеніяхъ къ книгѣ Селезнева «Историческій очеркъ Императорскаго Лицея». Спб. 1861.

И Муза вѣрная со мной:
Хвала тебѣ, богиня!
Тобою красенъ домикъ мой
И дикая пустыня.

На слабомъ утрѣ дней златыхъ
Пѣвца ты осѣнила,
Вѣнкомъ изъ миртовъ молодыхъ
Чело его покрыла,
И горнимъ свѣтомъ озарясь,
Влетала въ скромну келью,
И чуть дышала, преклонясь
Надъ дѣтской колыбелью.

О, будь мнѣ спутницей младой
До самыхъ вратъ могилы!
Летай съ мечтаньемъ надо мной,
Разправя легки крылы!
Гоните мрачную печаль,
Плѣняйте умъ.... обманомъ,
И милой жизни свѣтлу даль
Кажите за туманомъ!

И тихъ мой будетъ поздній часъ;
И смерти добрый геній
Шепнетъ у двери постучась:
«Пора въ жилище тѣней!...»
Такъ въ зимній вечеръ сладкой сонъ
Приходитъ въ мирны сѣни,
Вѣнчанный макомъ, и склонѣнъ
На посохъ томной лѣни...

1... 14—17.

Но и эти стихи говорятъ, что разстоянія, которое Пушкинъ лицейстъ отмѣчалъ между собой и Горчаковымъ, уже не существовало.

Жизненныя дороги расходились все дальше и дальше. Пушкинъ прошелъ черезъ вольномысліе эпохи, соприкасаясь незамѣтно для себя съ таинственной жизнью политическихъ обществъ; былъ въ ссылкѣ на югѣ, находился въ ссылкѣ въ Михайловскомъ. Имя его было окружено ореоломъ правительственнаго гоненія. А Горчаковъ «шелъ въ гору» по коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ 1820 и 1821 годахъ онъ находился при управлявшемъ коллегіей въ Троппау и Лайбахѣ, а въ 1822 году онъ уже былъ первымъ секретаремъ посольства въ Лондонѣ [1]).

Въ первой половинѣ сентября 1825 года кн. Горчаковъ заѣхалъ въ с. Лямоново, Псковскаго уѣзда, къ предводителю А. Н. Пещурову. Здѣсь встрѣтился съ нимъ Пушкинъ. Свиданіе съ лицейскимъ товарищемъ не доставило радости Пушкину. Онъ писалъ послѣ встрѣчи кн. П. А. Вяземскому: «Горчаковъ доставитъ тебѣ мое письмо. Мы встрѣтились и разстались довольно холодно—по крайней мѣрѣ съ моей стороны. Онъ ужасно высохъ—впрочемъ, такъ и должно: зрѣлости нѣтъ у насъ на сѣверѣ, мы или сохнемъ, или гніемъ; первое все-таки лучше.—Онъ нечего дѣлать я прочелъ ему нѣсколько сценъ изъ моей комедіи, попроси его не говорить объ нихъ...» А 15 сентября Пушкинъ писалъ тому же Вяземскому: «Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ Лицей, кажется, онъ не перемѣнился во многомъ—хотя и созрѣлъ и слѣдств. подсохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Онъ душа моя—меня тошнитъ... но предлагаемое да будетъ [2].»

Такъ, они, Пушкинъ и Горчаковъ, къ 1825 году разошлись, и Горчаковъ былъ до прозрачности ясенъ Пушкину. Послѣдняя фраза вырисовываетъ даже оттѣнокъ ихъ отношеній. Съ высоты своего благополучія и карьеры Горчаковъ, очевидно, указалъ Пушкину все свѣтское неприличіе положенія преслѣдуемаго правительствомъ. Ну, конечно, въ моментъ свиданія съ Пушкинымъ Горчаковъ чувствовалъ себя гораздо выше и значительнѣе ссыльнаго поэта. Мы сейчасъ приведемъ разсказъ самого Горчакова о встрѣчѣ съ Пушкинымъ, а пока выразимъ глубокую радость по поводу того, что дошли до насъ тѣ письма Пушкина, изъ которыхъ мы только что привели отрывки. Не будь у насъ свидѣтельства самого Пушкина о свиданіи съ Горчаковымъ, пришлось бы повѣрить тому, что болталъ въ позднѣйшіе годы самъ князь. Вотъ что разсказалъ въ 1871 году князь Горчаковъ кн. А. П. Урусову, записавшему слова Горчакова и сообщившему ихъ въ «Русскій Архивъ» [1]). Разсказъ ведется въ третьемъ лицѣ.

«Въ 1825 году, князь Александръ Михайловичъ возвратился въ Россію изъ Спа, гдѣ лѣчился. Онъ поѣхалъ своего дядю, Пещурова, который жилъ въ это время въ своей вотчинѣ, Псковской губерніи, въ селѣ Лямоновѣ. Пещуровъ принималъ большое участіе въ судьбѣ Пушкина, живущаго въ изгнаніи въ деревнѣ, въ извѣстномъ Михайловскомъ. По пріѣздѣ его изъ Одессы, къ поэту былъ приставленъ полицейскій чиновникъ съ спеціальною обязанностью наблюдать, чтобы Пушкинъ ничего не писалъ предосудительнаго. Понятно, какъ раздражалъ Пушкина этотъ надзоръ. Пещуровъ, изъ любви къ нему, ходатайствовалъ у маркиза Паулуччи (тогдашняго Рижскаго генералъ-губернатора) о томъ, чтобы этотъ надзоръ былъ снятъ, а Пушкинъ отданъ ему на поруки, обѣщая, что поэтъ ничего дурного не напишетъ. Ходатайство имѣло успѣхъ, и Пушкинъ вздохнулъ свободнѣе.

Узнавъ о пріѣздѣ князя Горчакова, Пушкинъ тотчасъ пріѣхалъ изъ Михайловскаго въ Лямоново, и здѣсь, на проселочной дорогѣ, друзья дѣйствительно встрѣтились и «братски обнялись». Цѣлый день провелъ Пушкинъ у Пещурова и, сидя на постели вновь захворавшаго князя Горчакова, читалъ ему отрывки изъ «Бориса Годунова» и, между прочимъ, наброски сцены между Пименомъ и Григоріемъ. «Пушкинъ вообще любилъ читать мнѣ свои вещи», замѣтилъ князь съ улыбкой, «какъ Мольеръ читалъ комедіи своей кухаркѣ». Въ этой сценѣ князь Горчаковъ помнитъ, что было нѣсколько стиховъ, въ которыхъ проглядывала какая-то цынская грубость и говорилось что то о «слюняхъ». Онъ замѣтилъ

1 Русск. Арх. 1883, т. II, стр. 205—206.

1 Въ качествѣ такового въ 1826 году онъ явился въ Эдинбургъ къ Ник. Ив. Тургеневу и увѣщевалъ его пріѣхать въ Россію.

2 Сочиненія Пушкина. Изд. Имп. Акад. Наукъ. Переписка подъ ред. В. И. Саитова. I. I. Спб. 1906 г. Стр. 285, 289.

50. ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Гдѣ ты, дѣнивецъ мой?
Любовникъ наслажденья!
Ужель усѣщенья
Не милъ тебѣ покой?
Уже ли мнѣ съ тобой
Лишь помощью бумаги
Минуты провождать
И больше не видать
Парнасскаго бродяги?
На Пиндѣ, мой сосѣдъ,
И ты отъ Музъ укрылся:
Минутный домосѣдъ,
Съ пенатами простился!
Ужъ темный уголокъ
И садикъ опустѣли,
Гдѣ мы подъ вечерокъ
За рюмками шумѣли:
Гдѣ Комъ насъ угощалъ
Форелью, пирогами:
И пѣнистый бокалъ
Намъ Вакхусъ подавалъ.
Бѣгутъ за днями дни
Безъ дружескихъ собраній:
Веселыхъ пированій
Веселые сыны
Съ тобой разлучены:
И шумныя бесѣды
И долгіе обѣды
Не столь оживлены.

Одинъ въ каморкѣ тѣсной,
Вечерней тишиной,
Хочу, мудрецъ любезной,
Бесѣдовать съ тобой.
Ужъ темна ночь объемлетъ
Брега спокойныхъ водъ,
Мурлыча въ кельѣ дремлетъ
Сѣдѣвшій, старый котъ:
Покамѣстъ сонъ предестной,
Поть сѣнью тихихъ крилъ,
Въ обители безвѣстной
Меня не усыпилъ,
Морфея въ ожиданьи
Въ постелѣ я лежу,
И бѣглое посланье,
Безъ строгаго старанья,
Предателю пишу.

Далече той станицы,
Гдѣ Фебовы сестрицы
Мнѣ съ пѣвгой вьютъ досугъ:
Скажи, среди Столицы
Чѣмъ занятъ ты, мой другъ?
Ужель пріютъ Поэта
Теперь средь вихря свѣта,
Вдали родныхъ полей,
И ближнихъ, и друзей?
Ужель въ театрѣ шумномъ,
Гдѣ дюжій Аполлонъ
Партеромъ полулюмомъ
Прославленъ, отдушенъ,
Измученный напѣвомъ
Безсмысленныхъ стиховъ,
Ты спишь подъ страшнымъ рекомъ
Актеровъ и смычковъ?
Или, мудрецъ придворной,
Съ улыбкою притворной
Предъ лентою цвѣтной,
Поникнувъ головой,
Съ вертушкою слѣпой
Знакомиться желаешь?
Иль Креза за столомъ
Въ куплетѣ заказномъ
Трусливо величаешь?...
Пѣть, добрый Галичъ мой.
Поклону ты не сроденъ,
Другъ мудрости прямой,
Правдивъ и благороденъ:
Онъ любитъ тишину:
Судьбѣ своей послушной,
На царскую казну
Взираетъ равнодушно,
Рублямъ откупщика
Смѣясь веселымъ часомъ:
Не сниметъ колпака
Философъ предъ Мидасомъ:
Пускай не дружитъ онъ
Съ Фортунною коварной,
Но Вакхомъ награжденъ
Философъ благодарной,
Когда сей богъ младой,
Вечернею порой,
Ляфитъ и грокъ янтарный
Съ улыбкой на устахъ
Въ стеклѣ ему подноситъ
И каплю выпить проситъ,
Качаясь на рогахъ.
Мечтанье обнимая,
Любовь его ведетъ,
И дружба молодая
Вѣнки ему плететъ.
И щастливъ онъ, признаться,
На дѣлѣ, не въ мечтахъ,
Когда минуты мчатся

Пушкину, что такая искусственная тривіальность довольно непріятно отдѣляется отъ общаго тона и слога, которымъ писана сцена...—«Вычеркни, братецъ, эти слова. Ну къ чему онѣ тутъ?»—«А посмотри у Шекспира и не такія еще выраженія попадаются»,—возразилъ Пушкинъ.—«Да, но Шекспиръ жилъ не въ XIX вѣкѣ и говорилъ языкомъ своего времени», замѣтилъ князь. Пушкинъ подумалъ и передѣлалъ свою сцену.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на Пушкина, князь Горчаковъ побудилъ его уничтожить одно произведеніе, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкинъ написалъ было поэму «Монахъ». Князь Горчаковъ взялъ ее на прочтеніе и сжегъ, объявивъ автору, что это недостойно его имени» [1]).

Да, не сохранись свидѣтельства Пушкина, пришлось бы дѣлодателямъ ставить и рѣшать вопросъ о вліяніи канцлера Горчакова на творчество Пушкина...

Столкновеніе этихъ разсказовъ рисуетъ фигуру Горчакова прозрачными и комическими штрихами...

Но поэтъ былъ великодушенъ и щедръ. Въ своемъ стихотвореніи «19 октября» онъ посвятилъ ему прекрасную строфу

Это—послѣднее поэтическое свидѣтельство объ отношеніяхъ Пушкина и Горчакова. Въ извѣстныхъ намъ сочиненіяхъ и письмахъ Пушкина мы не находимъ больше упоминаній о Горчаковѣ.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой,
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись;
Но невзначай, проселочной дорогой,
Мы встрѣтились и братски обнялись».

—

1) Любопытно, что и въ 1880 году Горчаковъ то же самое разсказывалъ Я. К. Гроту: «Между прочимъ,—записалъ Я. К. Гротъ,—онъ говорилъ, что былъ для нашего поэта тѣмъ же, что la cuisinière de Molière для своего комика, который ничего не пропускалъ въ сѣть, не посовѣтовавшись съ нимъ; что онъ, князь, когда-то помѣшалъ Пушкину напечатать срамную поэму, разорвавъ три нѣсни ея; что заставилъ его выбросить изъ одной сцены «Бориса Годунова» слово слюни, которое тотъ хотѣлъ употребить изъ подражанія Шекспиру; что во время ссылки Пушкина въ Михайловское, князь за него поручился псковскому губернатору»... (Гротъ, раб. цит., стр. 268).

Добродушный Гротъ не рѣшился сдѣлать какіе-либо комментаріи къ этимъ откровеніямъ князя.

Горчаковъ надолго пережилъ Пушкина. Въ годъ смерти Пушкина онъ управлялъ дѣлами нашего посольства въ Вѣнѣ, а скоро онъ и совсѣмъ сталъ сановникомъ. Пушкинъ же превратился для него въ совсѣмъ ничтожную величину. Правда, Я. К. Гротъ записалъ, что «Горчаковъ до глубокой старости гордился дружбой поэта» [1]), но въ этомъ позволительно усомниться. На собраніи лицеистовъ 19 октября 1870 года было рѣшено образовать комитетъ по устройству памятника. По порученію собравшихся, К. К. Гротъ и П. А. Шторхъ явились къ кн. Горчакову съ приглашеніемъ въ члены этого комитета. «Но кн. Горчаковъ не нашелъ возможнымъ согласиться на ихъ просьбу, ссылаясь на свои занятія и, кажется, на свое здоровье» [2]). И черезъ десять лѣтъ, въ 1880 году, Горчаковъ отказался присутствовать на торжествѣ открытія памятника. Приглашалъ его Я. К. Гротъ. «Онъ, (Горчаковъ)—пишетъ Гротъ,—принялъ меня очень любезно, выразилъ сожалѣніе, что не можетъ быть на торжествѣ въ честь своего товарища, и, прочитавъ на память большую часть посланья его «Пускай, не знаясь съ Аполлономъ», распространился о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину» [3]).

Въ 1825 году въ стихахъ, посвященныхъ лицейской годовщинѣ, Пушкинъ восклицалъ:

«Кому жь изъ насъ подъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?
Несчастный другъ! средь новыхъ поколѣній
Докучный гость, и лишній, и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и дни соединенія.
Закрывъ глаза дрожащею рукой...
Пускай же онъ съ отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведетъ,
Какъ пью я, затворникъ вашъ опальный,
Его провелъ безъ горя и заботъ».

Этимъ послѣднимъ лицеистомъ пушкинскаго выпуска былъ князь Горчаковъ. Онъ не оправдалъ мечты поэта...

П. Щеголевъ.

О текстѣ, воспроизводимомъ нами по посмертному изд. (1841, т. IX), времени написанія и нѣкоторыхъ подробностяхъ см. въ концѣ тома.

Ред.

1) Я. К. Гротъ, цит. раб., стр. 16.
2) Тамъ же, стр. 170.
3) Тамъ же, стр. 268.

Веселья на крылахъ,
Когда друзья-Поэты
Съ утра до ночи съ нимъ,
Шутятъ, поютъ куплеты,
Пьютъ *мозель* разогрѣтый,
Пріятелямъ своимъ
Посланія читаютъ,
И трубку разжигаютъ
Безпомнящимъ, лишимъ!...

Оставь же городъ скучной,
Съ друзьями съединись,
И съ ними не разлучно
Въ пустынѣ уживись.
Бѣги, бѣги, Столицы,
О, Галичъ мой, сюда!
Здѣсь розовой дешицы
Не видя никогда,
Лѣнясь подъ одѣяломъ,
Съ Тибурскимъ мудрецомъ
Мы часто за бокаломъ
Проснемся—и заснёмъ.
Смотри, тебѣ въ награду
Нашъ Дельвигъ, нашъ Поэтъ,
Несетъ свою балладу,
И стансы винограду,
И къ лиліи куплетъ,
И полонъ становится
Твой малой, тѣсной домъ.
Вотъ съ милымъ острякомъ
Нашъ пѣсельникъ тащится
По лѣстницѣ съ гудкомъ,
И всѣ къ тебѣ нагрянемъ—
И снова каждый день
Стихами, прозой станемъ
Мы гнать печали тѣнь.
Подруги молодыя
Насъ будутъ посѣщать;
Намъ жизни дни златые
Не страшно разточать.
Подѣлимся съ забавой
Мы вѣкомъ остальнымъ,
Съ волшебницею—славой
И съ Вакхомъ молодымъ.

1... 16—14.

Жанъ Ватто (Watteau)

49. МЕЧТАТЕЛЬ.

Какъ въ посланіяхъ Дельвигу, Батюшкову [II-е], Юдину, Вас. Л. Пушкину, Товарищамъ, въ этомъ стихотвореніи Пушкинъ пытается выяснить свое призваніе. Отказываясь отъ пѣрѣдко манившей его мечты о воинской славѣ (см. примѣч. къ посланію В. Л. Пушкину), онъ рѣшительно признаетъ себя поэтомъ, говоря «дана мнѣ муза отъ боговъ» и обращаясь къ музѣ съ просьбой быть ему «спутницей до самыхъ вратъ могилы». Поэзію при этомъ Пушкинъ представляетъ «обманомъ», прогоняющимъ мрачную печать жизни и скрашивающимъ ея даль дымкой тумана. Это, конечно, тотъ самый «обманъ», о которомъ позднѣе, уже не вѣря въ него, Пушкинъ сказалъ, что онъ дороже «тѣмы низкихъ истинъ». Удѣлъ поэта изображенъ въ стихотвореніи совершенно такъ же, какъ его изображали обычно французскіе поэты XVIII в.: «тихая», «лѣнивая» жизнь, гдѣ-то «въ глуши», въ какой-то «дикой пустынѣ», «въ низкомъ шалашѣ», «подъ мирнымъ кровомъ»,—жизнь «смиренная», безъ особой заботы объ извѣстности, съ тихой смертью, похожей на «сладкій сонъ». Этотъ идеалъ, начало котораго надо искать въ пастушеской поэзіи александрійскихъ поэтовъ и у Горація (Beatus ille qui procul negotiis), очень часто развивается во французской поэзіи XVIII в. Такъ, Дора, въ одномъ посланіи, сначала славитъ какого-то знаменитаго лѣнивца, для котораго смерть была лишь переходомъ въ другой, столь же пріятный міръ лѣни:

La mort pour lui fut un passage:
Exhalant ses derniers soupirs,
Il crut dans un nouveau bocage
Renaître à des nouveaux plaisirs.

а потомъ восклицаетъ уже лично о себѣ:

O trop heureuse indifférence!
Calme, abandon voluptueux!
Viens embellir mon existence:
Peut-être un jour chez nos neveux
Je trouverai quelque indulgence;
Mais, trompé dans mon espérance,
Si je suis oublié d'eux,
Je leur ai pardonné d'avance.
(Dorat. Aux éditeurs).

Обстановка стихотворенія античная, но не выдержанная: къ античнымъ образамъ: «глиняный пенатъ», «домашніе боги», «лира», «Зевесъ», «муза», «вѣнецъ изъ миртовъ»—примѣшаны современные: «каминъ», «нагорѣвшая свѣчка», «ночникъ», «кивотъ» и т. под. Въ этомъ отношеніи «Мечтатель» напоминаетъ «Монахъ пенатовъ» Батюшкова. Поражаетъ въ «Мечтателѣ» необычное для Пушкина количество олицетвореній: «крылатыя мечтанья слетаютъ рѣзвою толпой», «слава грозитъ окровавленнымъ перстомъ», «муза осѣняетъ нѣжна кѣпкомъ» и «чуть дышитъ, преклонясь надъ колыбелью», «геній смерти шепчетъ, стучась у двери», «сонъ приходитъ въ сѣни и склоняется на посохъ лѣни». Въ послѣднемъ образѣ есть рѣдкое у Пушкина сочетаніе конкретнаго существительнаго съ род. падежомъ абстрактнаго «посохъ лѣни» (выше, строфа 5: «маки лѣни»)—пріемъ, однако, очень обычный во французской поэзіи, куда онъ перешелъ изъ церковныхъ католическихъ гимновъ.

По формѣ стихотвореніе подражаетъ «Двѣнадцати спящимъ дѣвамъ» Жуковскаго: у Пушкина строфа состоитъ изъ 8 четырехстопныхъ ямбическихъ стиховъ, съ мужской рифмой въ нечетныхъ стихахъ; у Жуковскаго строфа состоитъ изъ 12 такихъ же стиховъ. Академическое изданіе ошибается, находя въ этомъ размѣрѣ еще какую-то «цезуру на шестомъ слогѣ» и приписывая это мнѣнію В. Гаевскому, который, въ цитируемой статьѣ, его не высказываетъ вовсе (Акад. изд. т. I, изд. 2, стр. 173). Начало «Мечтателя», описаніе ночи, напоминаетъ начало «Громобоя» и по пріемамъ: короткими, отрывистыми предложеніями (хотя у Жуковскаго изображена бурная ночь, а у Пушкина тихая). Образы 8-ой строфы были позднѣе повторены Пушкинымъ въ стихотвореніяхъ «Въ младенчествѣ моемъ она меня любила» и «Наперсница волшебной старины».

Валерій Брюсовъ.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ явныхъ опечатокъ, текстъ «Мечтателя» воспроизводится здѣсь по «Рос. Музеуму» (№ 9 за 1815 г.), гдѣ стихотвореніе впервые было напечатано. Ср. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста».

Ред.

А. П. ГАЛИЧЪ.

Совершенно забытый теперь Галичъ, безспорно, самый замѣчательный изъ лицейскихъ профессоровъ Пушкина. Но въ какой мѣрѣ отразился этотъ выдающійся человѣкъ въ изображеніи юнаго ученика своего? Отвѣтъ на этотъ вопросъ имѣетъ очень большой интересъ для характеристики свойствъ ума Пушкина. *Ред.*

16-го марта 1834 г. у Греча было совѣщаніе объ изданіи энциклопедическаго словаря. Присутствовало около ста человѣкъ; былъ также и Пушкинъ. На этомъ совѣщаніи онъ встрѣтился съ Галичемъ и вотъ что записалъ о немъ: «Тутъ я встрѣтилъ добраго Галича и очень ему обрадовался. Онъ былъ моимъ профессоромъ и ободрялъ меня на поприщѣ, мною избранномъ. Онъ заставилъ меня написать для экзамена 1815 г. «Воспоминанія въ Царскомъ селѣ».

Два посланія, посвященныхъ Галичу Пушкинымъ въ 1815 году, и упоминаніе о немъ въ стихотвореніи 1814 года «Пирующіе студенты» показываютъ, что Пушкинъ любилъ и цѣнилъ Галича. Естественно, возникаетъ вопросъ, не имѣлъ ли Галичъ помимо нравственнаго вліянія также вліяніе и на міросозерцаніе поэта. Однако, рѣшить вопросъ о степени вліянія Галича нелегко, за отсутствіемъ фактическихъ данныхъ. Можно лишь высказать предположеніе, что Галичъ заинтересовалъ лицеистовъ не только своимъ благодушнымъ и доброжелательнымъ къ нимъ отношеніемъ, но и бесѣдами, на которыхъ онъ, можетъ быть, излагалъ свои взгляды. Впрочемъ, изъ того обстоятельства, что Пушкинъ, впослѣдствіи имѣвъ возможность ознакомиться съ воззрѣніями Шеллинга на искусство, не связалъ этихъ воззрѣній съ именемъ шеллингіанца Галича и вообще даже не упоминалъ о нихъ, слѣдуетъ заключить, что взгляды Галича заинтересовали молодого поэта, но не имѣли на него глубокаго вліянія [1].

Галичъ въ маѣ мѣсяцѣ 1814 года былъ опредѣленъ профессоромъ въ Императорскій Царскосельскій лицей и пробылъ въ этой должности до іюня 1815 г. А. П. Галичъ замѣнялъ профессора Кошанскаго по каѳедрѣ русской и латинской словесности. М. Корфъ о немъ говоритъ: «Этотъ предобрый и презабавный чудакъ преподавалъ въ лицеѣ во время бѣлыхъ горячекъ Кошанскаго». Держать классъ въ рукахъ Галичъ не могъ и, вѣроятно, этого и не добивался. По разсказу Матюшкина, онъ обыкновенно приводилъ съ собою на урокъ какую-либо полезную книгу и заставлялъ одного изъ воспитанниковъ читать ее вслухъ. Часто Галичъ просто бесѣдовалъ съ учениками о разныхъ предметахъ, но, вспомнивъ, что онъ преподаетъ латинскій языкъ, прерывалъ бесѣду и обращался къ воспитанникамъ со словами: *теперь потреплемъ етарика*, т.-е. почтаемъ Корнелія Непота». Это выраженіе вошло въ конецъ второй главы «Евгенія Онѣгина».

Въ оцѣнкѣ Галича лицеисты и лицейское начальство весьма расходились. Лицеисты любили Галича какъ человѣка добраго, съ любовью къ поэзіи и большимъ знаніемъ, и впослѣдствіи признавали, что «его преподаваніе нельзя считать безполезнымъ»: начальство, напротивъ, должно было сурово относиться къ преподавателю, дѣлавшему изъ своихъ уроковъ безпорядочную бесѣду о разныхъ предметахъ; можетъ быть, начальству не нравилось также и то, что лицеисты въ свободные часы посѣщали Галича въ отведенной ему комнатѣ, гдѣ дружеская бесѣда велась еще болѣе непринужденно, чѣмъ въ классѣ.

Скудны свѣдѣнія о Галичѣ какъ профессорѣ лицея; однако, расположеніе Пушкина къ его учителю заставляетъ подробнѣе заняться личностью Галича.

Лучшій біографическій очеркъ Галича принадлежитъ Никитенкѣ (Жур. Мин. Нар. Пр. 1869 г. I), но въ немъ встрѣчаются неточности. Мы ихъ исправляемъ по данными архива мин. народ. просвѣщенія.

Александръ Ивановичъ Галичъ родился въ 1783 г. въ Трубчевскѣ Орлов. губерніи. Отецъ его былъ дьячкомъ. Въ 1793 г. Галичъ былъ отданъ въ семинарію въ Сѣвскѣ, гдѣ онъ пробылъ 10 лѣтъ. Въ 1803 г., въ числѣ способнѣйшихъ учениковъ, онъ былъ отправленъ въ Петербургъ въ учительскую гимназію, вскорѣ переименованную въ педагогическій институтъ. Здѣсь онъ перемѣнилъ свою фамилію: изъ Говорова сталъ Галичемъ. Въ педагогическомъ институтѣ Галичъ (писался и Галичъ)

[1] См. Н. Котляревскій. Пушкинъ и Веневитиновъ. Ж. М. Н. П. Іюль 1906 г.

занимался древними языками и литературой и, главнымъ образомъ, философіей. Въ то время философія преподавалась плохо, по учебникамъ Баумейстера и Кизеветтера. Но въ институтѣ были и видныя силы, напр., Балугіанскій, Кукольникъ и Зябловскій.

Въ 1808 г. правительство рѣшило послать за границу на 3 года для приготовленія къ профессурѣ 12 лучшихъ студентовъ педагогическаго института; въ томъ числѣ послали былъ и Галичъ. Инструкція, данная Галичу, предписывала ему ѣхать въ Гельмштедтъ къ профессору Г. Э. Шульце. Здѣсь Галичъ пробылъ два года. Шульце, котораго обыкновенно называютъ по его главному произведенію Энезидемусъ, былъ ученикомъ Канта, но въ Кантѣ цѣнилъ по преимуществу ту сторону его ученія, которая могла быть истолкована въ скептическомъ направленіи. Въ 1810 г. Шульце переѣхалъ въ Геттингенъ, и Галичъ послѣдовалъ за своимъ профессоромъ. Въ Геттингенѣ онъ слушалъ лекціи Бутервега и увлекся философіей Шеллинга. Лекціи Шульце и Бутервега не прошли для Галича безслѣдно. Онъ въ своей «Исторіи философскихъ системъ» съ похвалою отзывается о нихъ и прекрасно опредѣляетъ ихъ мѣсто въ исторіи развитія кантовой философіи, но вполнѣ удовлетворить Галича ни тотъ ни другой не могъ, и увлеченіе Галича философіей Шеллинга, обѣщавшей объясненіе явленій изъ одного начала, вполнѣ понятно.

Срокъ командировки Галича истекъ; ему нужно было ѣхать на родину, но хотѣлось побывать еще и въ другихъ странахъ. Галичъ ѣдетъ въ Лондонъ и Вѣну, терпя нужду и всякаго рода лишенія. Получивъ помощь отъ русскаго посланника въ Вѣнѣ, Галичъ, наконецъ, добрался до Петербурга въ 1813 году. Отмѣтимъ еще, что въ Гейдельбергѣ, въ которомъ онъ остановился на пути въ Вѣну, Галичъ чуть не женился на дочери какого-то ремесленника. Диссертація (въ рукописи), представленная Галичемъ, была одобрена Кайзаномъ и Германомъ; по Д. Велланскій отнесся къ ней съ нѣкоторою строгостью. Галичъ былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ педагогическаго института. Въ маѣ 1814 г. Галичъ опредѣленъ и преподавателемъ латинскаго языка въ Царскосельскомъ лицеѣ. Въ 1817 г. онъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора и перешелъ въ новооткрытый въ 1819 г. С.-Петербургскій университетъ и въ этомъ же году издалъ главный свой трудъ «Исторію философскихъ системъ».

Казалось, Галичъ вышелъ на правильный путь и ему оставалось только трудиться на поприщѣ педагогики и создать научныя работы, но вышло совершенно иначе: въ 1821 г. начался знаменитый разгромъ Петербургскаго университета исправлявшимъ должность попечителя Руничемъ. Галичъ очутился въ числѣ профессоровъ, обвиненныхъ въ атеизмѣ и стремленіи къ дискредитированію власти, и долженъ былъ покинуть каѳедру. Къ тому, что извѣстно объ этомъ разгромѣ, можно по отношенію къ Галичу отмѣтить фактъ, не упомянутый біографомъ Галича. Въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія сохранилось лишь одно дѣло отъ 1828 г. о Галичѣ: дѣла же о назначеніи и увольненіи его отъ службы были уничтожены въ 1865 г. Въ сохранившемся дѣлѣ находится слѣдующая справка: «По открывшемуся въ здѣшнемъ университетѣ вредному преподаванію исторіи нѣкоторые профессоры онаго, въ томъ числѣ Галичъ, съ Высочайшаго соизволенія, въ концѣ 1821 г. удалены были отъ преподаванія, но оставались при университетѣ съ полученіемъ жалованья впредь до окончанія объ нихъ дѣла. Поелику всѣ они не несли никакихъ должностей и получали штатные оклады, на мѣста же ихъ никого опредѣлить было нельзя, то посему исправляющій должность попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа представляетъ объ увольненіи ихъ отъ университета, исключая Галича, котораго проситъ уволить только отъ должности экстраординарнаго профессора, оставивъ при университетѣ для занятія какою-либо другою должностію». Такимъ образомъ, Галичъ оставался при университетѣ безъ права преподаванія, но съ сохраненіемъ полнаго жалованья экстраординарнаго профессора (1600 рублей), которое и получалъ до 1837 г., когда былъ уволенъ окончательно отъ службы въ университетѣ.

Матеріально Галичъ, слѣдовательно, не пострадалъ, но нравственно ему былъ нанесенъ жестокій ударъ. Вынужденная бездѣятельность, а можетъ быть и укоры совѣсти къ тому, что на допросахъ Рунича онъ велъ себя недостаточно опредѣленно, сильно тяготили Галича. Благосклонное же отношеніе къ Галичу начальства, даже Рунича, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что Руничъ видѣлъ въ Галичѣ раскаивающагося грѣшника; по крайней мѣрѣ, въ до-

кладахъ Рунича министру читаемъ: «Профессоръ Галичъ съ явнымъ смущеніемъ выслушалъ прочтенные ему вопросные пункты и въ краткомъ письменномъ отвѣтѣ призналъ невозможность свою опровергнуть ихъ и изъявилъ раскаяніе въ погрѣшеніи своемъ». Галичу не только сохранили содержаніе, но дали и казенную квартиру въ университетскомъ домѣ по 7-й линіи (нынѣ Ларинской гимназіи), гдѣ онъ читалъ частные курсы о Шеллингѣ и его философіи немногочисленнымъ своимъ ученикамъ. Галичу предлагали мѣсто секретаря училищнаго комитета или архиваріуса и переводчика при правленіи; но Галичъ ни той, ни другой должности «не нашелъ прежнимъ своимъ занятіямъ соотвѣтственной». Въ 1828 г., 30-го ноября, Галичъ подалъ въ университетъ прошеніе о томъ, чтобы ему поручили каѳедру «Древностей и теоріи изящнаго». Совѣтъ отнесся къ этому заявленію неблагосклонно: признавая ученыя заслуги Галича, совѣтъ ссылался на недостатокъ средствъ и на малочисленность студентовъ. Иначе отнесся къ заявленію Галича попечитель Бороздинъ: онъ въ представленіи на имя министра находилъ, что основаній къ недопущенію Галича до преподаванія нѣтъ, что причины, вызвавшія увольненіе Галича, теперь устранены и ходатайствовалъ передъ министромъ объ исполненіи просьбы Галича. Дѣло объ учрежденіи новой каѳедры «Древностей и исторіи изящнаго» тянулось до 1835 года, когда было отклонено впредь до выработки новаго устава, а Галичу рѣшено производить на прежнемъ основаніи жалованье.

Но вотъ въ 1838 г. Галичъ, не выслуживъ пенсіи, очутился въ тяжеломъ, и въ смыслѣ матеріальномъ, положеніи. Почитатели, ученики Галича не оставили его въ бѣдѣ, устроивъ ему назначеніе на мѣсто начальника архива при провіантскомъ департаментѣ съ жалованьемъ въ 5000 руб. (ас.). Служба была легкая, хотя, конечно, не по сердцу философу. Она, однако, оставляла ему достаточно свободнаго времени для научныхъ занятій. Онъ усердно работалъ надъ составленіемъ двухъ ученыхъ работъ: «Всеобщаго права» и «Философіи исторіи человѣчества»: но лѣтомъ 1839 или 1840 года надъ Галичемъ стряслась бѣда, окончательно подорвавшая нравственныя силы его. Пожаръ уничтожилъ всѣ его рукописи и въ томъ числѣ два почти готовыхъ къ печати труда, о которыхъ мы только что упомянули. Галичъ опустился и послѣдніе 8 лѣтъ своей жизни провелъ въ занятіяхъ ничтожныхъ и даже того хуже. Послѣдняя опора, юморъ, помогавшій Галичу справляться съ многими бѣдствіями, покинулъ его, и подъ гнетомъ мелочей жизни погибъ крупный талантъ. Домашнія условія жизни были таковы, что въ нихъ Галичъ не могъ найти себѣ утѣшенія. Жена его была, по словамъ Никитенко, «очень дурна собой, очень необразована и очень зла», настоящая Ксантипа; такимъ образомъ, Галичъ на себѣ испыталъ правильность афоризма своего собрата по философіи, Юркевича, говорившаго, что бракъ есть самая тяжелая форма аскетизма и даже мученичества.

Обратимся теперь къ научной дѣятельности Галича. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды:

Исторія философскихъ системъ, по иностраннымъ руководствамъ составленная. Спб. 1818—1819.

Опытъ науки изящнаго. 1825.

Черты умозрительной философіи, избранныя изъ В—б—ра, Кл—на, Т—н—ра и др. Спб. 1829.

Логика, выбранная изъ Клейна, Спб. 1831.

Правоученіе Герлаха, переводъ съ нѣмецкаго съ нѣкоторыми дополненіями. 1833.

Теорія краснорѣчія для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, извлеченная изъ нѣмецкой библіотеки словесныхъ наукъ. Спб. 1830.

Картина человѣка. Опытъ наставительнаго чтенія о предметахъ самопознанія для всѣхъ образованныхъ сословій. Спб. 1834.

Роспись идеаламъ греческой пластики. Статья, помѣщенная въ «Лѣтописи факультетовъ» 1835 г., изданной А. И. Галичемъ и Плаксинымъ.

Лексиконъ философскихъ предметовъ. т. I. Спб. 1845.

Сверхъ того Галичу приписываютъ «Хронологическую таблицу древней исторіи философіи», изданную И. Рождественскимъ. Спб. 1830.

Всѣ сочиненія Галича могутъ быть раздѣлены на двѣ группы; къ первой мы относимъ самостоятельныя его сочиненія, ко второй переводы или передѣлки съ нѣмецкаго. Только первая группа сочиненій заслуживаетъ вниманія, и только о ней мы и будемъ говорить. Къ ней мы относимъ «Исторію философскихъ системъ», «Опытъ науки изящнаго», «Картину человѣка» и «Лексиконъ философскихъ предметовъ».

Послѣдній доведенъ лишь до буквы В включительно, но, по мысли автора, долженъ былъ представлять въ извѣстномъ смыслѣ завершеніе научной дѣятельности автора, ибо онъ далъ изложеніе различныхъ философскихъ наукъ частью въ оригинальныхъ трудахъ, частью въ переводныхъ и передѣлкахъ; оставалось ихъ завершить въ энциклопедическомъ обзорѣ. Вторая группа сочиненій Галича можетъ интересовать лишь въ одномъ отношеніи, а именно: по выбору авторовъ можно судить о направленіи мыслей выбиравшаго. Клейнъ, логику и метафизику котораго Галичъ переложилъ, былъ приверженцемъ Шеллинга.

Мы остановимся на трехъ главныхъ сочиненіяхъ Галича и прежде всего сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній по поводу «Исторіи философскихъ системъ» 1818—1819. Это сочиненіе нельзя считать вполнѣ оригинальнымъ трудомъ Галича, ибо онъ въ предисловіи указываетъ свои пособія, въ томъ числѣ Аста и Зохера, которые «при составленіи учебника въ особенности и служили основаніемъ». Единственная глава, въ которой Галичу пришлось бы писать вполнѣ самостоятельно, это глава о «состояніи философіи въ нашемъ отечествѣ»; но эта глава въ печати не появилась и была признана нѣкоторыми «особами» вовсе безполезною, и нельзя не согласиться съ мнѣніемъ этихъ «особъ». Галичъ замѣнилъ главу о русской философіи, которой въ то время вовсе и не существовало, главою о философіи Шеллинга, составленной, главнымъ образомъ, по Тенеру. Итакъ, несомнѣнно, что «Исторія философскихъ системъ» представляетъ собою, по современнымъ понятіямъ, трудъ компилятивный. Но было бы величайшей несправедливостью современныя понятія переносить на начало 19-го вѣка. Историческая справедливость требуетъ сравненія разбираемой нами книги съ какой-либо исторіей философіи конца 18-го или начала 19-го вѣка, напримѣръ, съ «Сокращенной исторіей философіи отъ начала міра до нынѣшнихъ временъ», переведенной съ французскаго С. В. Колокольниковымъ. Москва. 1785. Сравненіе это тотчасъ покажетъ, какъ шагнула наука. Книга Галича есть трудъ научный; книга Формея, переведенная Колокольниковымъ, есть трудъ не научный. Исторія философіи дѣлится Формеемъ на 3 періода: отъ сотворенія міра до основанія Рима, отъ основанія Рима до паденія Константинополя и отъ завоеванія Константинополя до нашихъ дней. Свѣдѣнія о философіи Адама, Каина и Ноа почти настолько же подробны и достовѣрны, какъ и свѣдѣнія о философіи Ньютона и др. О методѣ исторіи философіи не сказано ни слова; источники, откуда почерпнуты сообщаемыя свѣдѣнія, не указаны, да въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ и указать то было трудно, какъ это видно, напр., изъ того, что говоритъ авторъ о Сноѣ: «Сноэ упражнялся въ Астрономіи, что, однако же, не весьма основательно, или, лучше сказать, сіе положеніе все основывается на началахъ самыхъ слабыхъ, то есть на приводимыхъ столпахъ Сноовыхъ, коихъ никогда не бывало, такъ же, какъ и самыхъ надписей, каковыя, говорятъ, на нихъ были вырѣзаны».

Исторія философіи Галича есть, несомнѣнно, научное произведеніе, весьма добросовѣстно написанное, хотя, можетъ быть, и лишенное оригинальности. Галичъ даетъ обстоятельное разъясненіе понятія исторіи философіи и ея метода; онъ въ то же время задается и вопросомъ о пользѣ изученія исторіи философіи («не есть ли философъ-полиисторъ не болѣе—какъ антикъ, въ пыли ходячій»), и эти разъясненія обнаруживаютъ въ Галичѣ человѣка благоразумнаго, понимающаго истинныя научныя задачи. Вторая особенность книги Галича состоитъ въ томъ, что онъ указываетъ свои источники и пособія и послѣ каждой главы приводитъ всю литературу предмета. Наконецъ, третья особенность Галича состоитъ въ томъ, что онъ доводитъ изложеніе своего предмета до послѣдняго времени, т.-е. до 1818 года, и останавливается на изложеніи той философской системы, которая ему кажется наиболѣе правильной, на философіи Шеллинга. Хотя изложено ученіе Шеллинга по Тенеру, но въ литературныхъ указаніяхъ находятся замѣчанія самого Галича, опредѣляющія его отношеніе къ Шеллингу. Галичъ совершенно правильно защищаетъ Шеллинга противъ обвиненія въ мистицизмѣ, признавъ это обвиненіе маловажнымъ и касающимся «относительной невразумительности, которая неизбѣжна въ системѣ оригинальной, многообъемлющей, не всегда согласной въ отдѣльныхъ мыслях съ главными своими положеніями и на иныхъ мѣстахъ темной». «Съ появленіемъ Шеллинговой системы духъ ея проникнулъ тѣмъ глубже, что начала оной входятъ во всѣ отрасли знаній человѣческихъ. Философія Шеллинга не есть только отвлеченная, мертвая, опредѣленная

для однихъ кабинетовъ, но свѣтская и житейская, приводящая истинный опытъ въ связь съ разумнымъ вѣдѣніемъ. Ученіе Шеллинга нарочито способствовало дальнѣйшему глубокому изслѣдованію природы, какъ органическаго и живого цѣлаго: оно не исключаетъ ни одной задачи, какія искони надлежало философіи рѣшать, и связываетъ науки тѣснѣйшими узами».

Основная мысль «Опыта науки изящнаго», изданной въ 1825 году, т.-е. опредѣленіе красоты, безъ сомнѣнія, имѣетъ нѣкоторое сходство съ опредѣленіемъ Шеллинга (изящное Галичъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «чувственно-совершенное проявленіе значительной истины свободною дѣятельностью нравственныхъ силъ генія»), а въ изложеніи деталей авторъ многое заимствуетъ, иногда же дословно переводитъ изъ разныхъ авторовъ, нынѣ въ большинствѣ случаевъ забытыхъ, какъ-то: Шрейеръ и Лудекъ, Вагнеръ и Дамбекъ, Аста и Риксперъ, Вендтъ и Кругъ, Сольгеръ и Груберъ и др. Заслуга Галича заключается въ томъ, что онъ систематично и продуманно изложилъ всѣ части эстетики и сдѣлалъ всѣ выводы, которые заключаются въ посылкахъ. Трудъ его дѣлится на общую или чистую часть и на прикладную или особенную. Первая часть содержитъ въ себѣ опредѣленіе красоты, субъективныя условія красоты (геній, вкусъ и эстетическое чувство), анализъ видовъ красоты (прекрасное и безобразное, авторъ называетъ его «дурное», высокое и игривое, смѣшное и комическое), указаніе историческихъ условій и, наконецъ, указаніе отношенія красоты природы и красоты искусства.

Во второй, спеціальной части содержится теорія искусствъ. Авторъ дѣлитъ искусства на три группы: на искусства образовательныя, относящіяся по преимуществу къ пространству, на искусства тоническія, относящіяся ко времени и на искусства театральныя, сценическія, относящіяся какъ ко времени, такъ и къ пространству. Натуральному искусству Галичъ противополагаетъ идеальное, служащее выраженіемъ единой внутренней сущности и имѣющее своимъ предметомъ не массу и движеніе, а мысли, непосредственно ощутимыя. Это искусство—поэзія; и анализомъ видовъ поэзіи заканчивается опытъ Галича. Общій законъ искусства Галичъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: простота искусствъ «тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе художникъ въ собственной своей области находитъ способовъ и знаковъ для изображенія опои, и тѣмъ ограниченнѣе, чѣмъ чаще прибѣгаетъ онъ къ помощи ближнихъ». Опытъ науки изящнаго—наиболѣе оригинальное и законченное произведеніе Галича; эта книга и нынѣ не потеряла своего значенія, хотя она является первымъ русскимъ сочиненіемъ по эстетикѣ. Вліяніе Аста и Сольгера болѣе замѣтно, чѣмъ вліяніе Шеллинга. Это и вполнѣ понятно, ибо полнаго изложенія эстетики Шеллинга Галичъ не могъ имѣть подъ руками. Шеллингъ, правда, читалъ въ Іенѣ и Вюрцбургѣ (1802—1805) курсъ эстетики, но этотъ курсъ появился въ печати лишь въ 1859 году; впрочемъ, студенческія записи лекцій Шеллинга были весьма распространены, и Галичъ, можетъ быть, ознакомился съ такою записью. Галичу были извѣстны взгляды Шеллинга на эстетику, хотя и въ самой общей формѣ, какъ это видно изъ его «Исторіи философіи 1819 года». И до настоящаго времени у насъ нѣтъ лучшаго сочиненія по эстетикѣ, хотя, конечно, произведеніе Галича очень бѣдно въ смыслѣ фактическихъ и историческихъ указаній.

«Картина человѣка», изданная въ 1834 г., представляетъ попытку изложенія антропологіи, какъ ее понимали въ началѣ 19-го вѣка. Антропологія была полнымъ и систематическимъ изложеніемъ ученія о человѣкѣ. Въ настоящее время ученіе о человѣкѣ распалось на цѣлый рядъ отдѣльныхъ наукъ: на антропологію въ настоящемъ значеніи этого слова, анатомію и физіологію человѣка и психологію. Въ составъ антропологіи, какъ ее понимали ученики Шеллинга, входило и ученіе о психическихъ разстройствахъ, ученіе о снѣ и сомнамбулизмѣ, ученіе о мимикѣ. Въ основѣ столь разнообразнаго по составу знанія лежало убѣжденіе о единствѣ міровой жизни, частью которой является человѣкъ; искали связи жизни души и жизни вселенной, указывали на различные виды параллелизма явленій психическихъ и физическихъ, и съ особенной любовью останавливались на темной сторонѣ душевной жизни, на безсознательномъ, въ которомъ дѣятельность вселенной прямѣе и непосредственнѣе открывалась. Въ такомъ духѣ написаны сочиненіе Каруса, Антропологія Фриса, Антропологія Стефенса, и множество подобныхъ произведеній. Психологія Гегелевская (напримѣръ, психологія Михелета 1849) шла совершенно по тому же направленію и орудовала надъ тѣмъ же матеріаломъ. Если

сравнить антропологію начала 19-го вѣка съ современной психологіей, то различіе само собою ясно, и отжившая свой вѣкъ антропологія кажется ненаучной, фантастичной, но нельзя не признать за нею одного значительнаго преимущества: она стремилась понять человѣка изъ общей идеи, изъ общей концепціи и развитія мирового цѣлаго, и ради этой идеи можно простить всѣ смѣшныя аналогіи и игру словами, которыми столь изобилуютъ сочиненія Шеллингіанцевъ, въ томъ числѣ и нашего Д. Веллансказо. Къ этой категоріи сочиненій относится и «Картина человѣка» Галича. Онъ самъ указываетъ источники, по которымъ она составлена, и хотя Шеллингъ не названъ, но надъ всѣмъ сочиненіемъ Галича царитъ геній Шеллинга, во всемъ видна его основная мысль. Галичъ вовсе не рабски воспроизводитъ идеи Каруса и Фриса: онъ въ готовыя рамки вноситъ свои собственныя психологическія наблюденія и въ нѣкоторые отдѣлы, особенно въ описаніе страстей, вложилъ значительную долю своего своеобразнаго юмора, который ему ставили въ вину, напр., Д. Веллансклй, находившій, что наука должна облекаться въ торжественныя формы. Мы Галичу не поставимъ въ вину его юмора. Торжественность Веллансказо теперь производитъ только комическое впечатлѣніе, напр., когда онъ заявляетъ, что носъ есть органъ будущаго, между тѣмъ простота и юморъ Галича и теперь не потеряли своей пріятности.

Сочиненіе Галича дѣлится на двѣ книги: въ первой разсматривается человѣкъ съ точки зрѣнія его положенія во вселенной, во второй разсматривается составъ человѣческаго существа, сначала его тѣло, потомъ его духъ и, наконецъ, отношеніе между тѣлесной жизнью и духовной. Точка зрѣнія Галича ясна изъ слѣдующихъ словъ, которыя мы приведемъ изъ § 139: «Человѣкъ не только первоначально свободенъ, не только по существу своему есть духъ, но еще стремится къ безпрепятственному выраженію богоподобнаго характера и въ земномъ существованіи своемъ..., но порывы къ свободному осуществленію духовной жизни во времени и въ пространствѣ состоятъ... въ развитіи, которое ведетъ имѣетъ ходъ постепенный, непрерѣвательный».

Въ Галичѣ русская наука имѣла весьма достойнаго и талантливаго представителя, и нужно оплакивать горькую судьбу русской философіи, въ силу которой многообѣщающіе таланты не даютъ тѣхъ плодовъ, на которые общество въ правѣ было разсчитывать, и безвременно гибнутъ. «Исторія философіи» Галича была облита грязью на страницахъ «Сына Отечества», а «Картина человѣка» удостоилась длинной насмѣшливой рецензіи (въ «Библіотекѣ для чтенія» 1834), кончающейся словами:

A philosophia germanica libera nos Domine,
A nebulis mysticismi libera, libera nos Domine

«Опытъ изящнаго» былъ подробно разобранъ въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полевого, но нельзя сказать, чтобы рецензентъ обнаружилъ большое пониманіе. Лучше всѣхъ, въ недавнее время, отнесся къ Галичу М. М. Филипповъ: онъ («Русское Богатство» 1894 № 4) въ общемъ справедливо оцѣниваетъ Галича. Но благодаря своему отрицательному отношенію къ метафизикѣ, Филипповъ переоцѣниваетъ позитивные элементы въ ученіи Галича, который никогда не порывалъ съ нѣмецкимъ идеализмомъ. Ср. «Источники словаря рус. писателей» Венгерова. (Спб. 1900).

Э. Радловъ.

50. ПОСЛАНІЕ КЪ ГАЛИЧУ.

Всякій, кто прочтетъ сначала оба посланія къ Галичу, (№ 47 и 50) затѣмъ статью столь строгаго цѣнителя, какъ Э. Л. Радловъ, придетъ въ немалое изумленіе. Что общаго между вдумчивымъ, талантливымъ философомъ и тѣмъ кутилой — поэтомъ, портретъ котораго данъ въ посланіяхъ и отчасти въ «Пирующихъ Студентахъ». Рѣшительно ничѣмъ не отразился здѣсь Галичъ-философъ. А между тѣмъ совершенно невозможно допустить, чтобы Галичъ, только что вернувшійся изъ заграницы и весь переполненный шеллингіанскими впечатлѣніями, не подѣлился ими съ учениками-друзьями. Вѣдь и изъ самыхъ посланій и изъ воспоминаній лицеистовъ мы совершенно отчетливо знаемъ о тѣсномъ духовномъ общеніи даровитаго учителя съ даровитыми учениками. Вотъ почему мы должны придти къ тому выводу, что геніальный юноша — авторъ посланій былъ совершенно невосприимчивъ къ философскому теоретизированію. Его ясный умъ скучалъ за туманными отвлеченностями. Посмотрите, какъ онъ въ смѣжномъ посланіи къ Аристарху-Кошанскому у себя дома, когда рѣчь идетъ

51. МОЕМУ АРИСТАРХУ.

Помилуй, трезвой Аристархъ
Моихъ бахическихъ посланій!
Не осуждай моихъ мечтаній
И чувства въ вѣтреныхъ стихахъ!
Плоды веселаго досуга
Не для безсмертья рождены,
Но развѣ такъ сбережены—
Для самого себя, для друга,
Да для Темиры молодой:
Помилуй, сжалься надо мной!
Я знаю самъ свои пороки,
Не нужны мнѣ, повѣрь, уроки
Твоей учености сухой:
Конечно, бѣденъ геній мой:
За рѣмой часто холостой,
На зло законамъ сочетанья,
Бѣгутъ трехстопные толпой
На *аю*, *астъ* и на *ой*.
Еще немногія признанья:
Я ставлю (кто же безъ грѣха?)
Для мѣры часто восклицанья,
Для смысла, лишнихъ три стиха;
Не хорошо: но оправданья
Позволь мнѣ скромно принести:
Мои летучія посланья
Въ потомствѣ будутъ ли цѣнести?
Не думай, цензоръ мой угрюмой,
Что я бѣснуюсь по ночамъ,
Объятый стихотворной думой:
Что лѣнью жертвую стихамъ,
Что засвѣтивъ свою лампаду,
Едва дыша, нахмуря взоръ,
За вѣрный столъ кряхтя засяду,
Сижу, сижу три ночи сряду
И высижу—трехстопный вздоръ...
Такъ пишетъ молвить не въ укоръ
Конюшій дряхлаго Пегаса
Свистовъ, Хлыстовъ или Графовъ,
Служитель старенькой Парнаса,
Родитель старенькихъ стиховъ
И одъ не слишкомъ громозвучныхъ,
И сказочекъ довольно скучныхъ....
Люблю я праздность и покой,
И мнѣ досугъ совсѣмъ не бремя:
И днемъ найду себѣ я время,
Когда печальной порой
Стихи кропать найдетъ охота
На славу дружбы иль Эрота:
Я мигомъ трудъ окончу свой.
Сижу ли съ добрыми друзьями,
Лежу ль въ постелѣ пуховой,
Брожу ль надъ тихими водами
Въ дубравѣ темной и глухой,
Задумаюсь, взмахну руками,
На рѣмахъ вдругъ заговорю,
И никого ужъ не морю
Моими тайными стихами.
Но если я когда-нибудь,
Желая въ нѣгѣ отдохнуть,
Расположусь передъ каминомъ
Одинъ, свободнымъ господиномъ,
Поймаю прежню мысль мою
И не для имени поэта
Мараю два иль три куплета
И ихъ въ полголоса пою.
Но знаешь ли, о мой гонитель,
Какъ я бесѣдую съ тобой?
Безпечный Пинда посѣтитель,
Я съ Музой нѣжусь молодой...
Ужъ утра яркое свѣтило
Поля и рощи озарило:
Давно проѣли нѣтухи.
Въ пол-глаза дремля и зѣвая,
Шапеля въ нѣсняхъ призывая,
Пишу короткіе стихи
Среди пріятнаго забвенья,
Склонясь къ подушку головой,
И въ простотѣ, безъ украшенья,
Мои слагаю изліянья
Не много сонною рукой.
Подъ сѣнью лѣни непзвѣстной
Такъ нѣжился нѣвецъ предестной,
Когда Веръ-Вера воспѣвалъ
Или съ улыбкой рисовалъ,
Въ непринужденномъ упоеньи,
Уединенный свой чердакъ.
Въ такомъ лѣнивомъ положеньи
Стихи текутъ и такъ и сякъ.
Возможно ли къ свое творенье,
Узнавъ веселыхъ мыслей шумъ,
Тогда вперять холодный умъ,
Отдѣлкой портить небылицы,
Плоды бродящихъ рѣзвыхъ думъ,
И сокращать свои страницы?
Нашъ другъ Лафаръ, Шольё, Парни,
Враги труда, заботъ, печали,

о литературѣ. Къ философіи же онъ былъ равнодушенъ и въ Лицеѣ, и въ теченіе всей остальной своей жизни. Доказательствъ этого мы встрѣтимъ еще много разъ: здѣсь-же будетъ умѣстно привести свидѣтельство Баратынскаго въ его письмѣ къ Пушкину отъ 1826 года, гдѣ какъ разъ идетъ рѣчь о Галичѣ:

«Галичъ выдалъ пиитику на нѣмецкій ладъ: Въ ней пополнены откровенія Платоновы и съ нѣкоторыми прибавленіями приведены въ систему. Не зная нѣмецкаго языка, я очень обрадовался случаю познакомиться съ нѣмецкой эстетикой. Нравится въ ней собственная ея поэзія, но начало ея мнѣ кажется можно опровергнуть философически.—Впрочемъ, какое кому о томъ дѣло, *особливо тебѣ.*—Твори прекрасное и пусть другіе ломаютъ надъ нимъ голову. Переписка Пушкина, подъ ред. В. И. Саитова, Спб. 1906, стр. 317).

Что касается реальной подкладки обоихъ посланій, то едва-ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ такимъ же чисто-литературнымъ сгущеніемъ красокъ, какъ въ «Пирующихъ Студентахъ» и рядѣ анакреонтическихъ стихотвореній лицейскаго періода, посланіи «Къ Сестрѣ» и «Городкѣ». Въ дѣйствительности дѣло сводится къ тому, что у «жида», а на самомъ дѣлѣ виолнѣ русскаго человѣка—Золотарева, помощника экономa, иногда собирались лицеисты для самыхъ невинныхъ пирушекъ, меню которыхъ, повидимому, сводилось къ пирогу съ пивомъ. Будь въ этихъ пирушкахъ хоть что-нибудь дѣйствительно разгульное, объ этомъ не преминулъ-бы упомянуть баронъ М. А. Корфъ, въ запискахъ котораго собрано все то, чѣмъ можно очернить лицейскую обстановку вообще и Пушкина въ частности.

Сгущеніемъ красокъ и вообще отвлеченіемъ отъ реальной дѣйствительности слѣдуетъ объяснить и рядъ эпитетовъ и свойствъ, которымъ Пушкинъ снабдилъ своего профессора. Почему писавшій только философскія сочиненія Галичъ названъ «парнасскимъ бродягой», почему онъ сосѣдъ по Пиндѣ, почему скромный Галичъ завертѣлся въ «вихрѣ свѣта», какимъ образомъ онъ затесался въ «мудрецы придворные?» Всѣ эти, совершенно не вяжущіяся съ подлинною біографіею Галича детали, не потребуютъ даже и объясненія, если мы откажемся отъ попытокъ не мотивированнаго желанія нѣкоторыхъ комментаторовъ въ каждомъ словѣ посланія искать реальную подкладку. Какъ и во всѣхъ стихотвореніяхъ лицейскаго періода, и посланія къ Галичу представляютъ собою Wahrheit und Dichtung. Несомнѣнно, что посланія являются отраженіемъ тѣснаго общенія между Галичемъ и лицеистами; несомнѣнно они указываютъ, что лицеисты читали ему свои произведенія; вѣроятно, что изрѣдка при этомъ выпивалась бутылка вина, но изъ этого, все-таки, совсѣмъ не слѣдуетъ, что каждое слово должно быть понято буквально. Старанія Майкова объяснить производство Галича въ «поэты» тѣмъ, что въ позднѣйшихъ «печатныхъ сочиненіяхъ» своихъ и въ «оживленной бесѣдѣ» онъ «обладалъ даромъ оригинальнаго изложенія» крайне искусственны. И уже никакой почвы подъ собою не имѣетъ обратное заключеніе Грота: «Изъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ» (Гротъ, Пушкинъ, стр. 20).

Ст. 18. Гдѣ Комъ насъ угощалъ.
Комъ—греческое божество пировъ.

Ст. И трубку разжигаютъ
Безпечнымъ дымомъ.

Безпечнымъ заимствовано у Батюшкова, который относилъ эту кличку къ бездарнымъ поэтамъ С. С. Боброву и П. Ю. Львову, писавшимъ бѣлыми стихами.

Ст. 121. Съ тибурскимъ мудрецомъ
т. е. Горацiемъ.

Ст. 125—128. Нашъ Дельвигъ, нашъ поэтъ
Несетъ свою балладу
И стансы винограду
И къ лилiи куплетъ.

«Стансы винограду»—повидимому Dichtung, но «баллада» и къ «лилiи куплетъ»—Wahrheit. (См. Академич. изд. т. I, стр. 193).

Ст. 130—131. Вотъ съ милымъ острякомъ
Нашъ нѣсельникъ тащится.

Въ «острякѣ», повидимому, надо усматривать Илличевскаго (о немъ дальше); въ «нѣсельникѣ» Яковлева (см. стр. 138).

«Посланіе къ Галичу», причемъ Галичъ и Дельвигъ названы только первой буквой, впервые напеч. въ «Рос. Музеумѣ» 1815 ч. IV № 10—11, съ подписью Г... 16—14 (ср. стр. 132). Появляется вновь только въ изд. Анненкова (Спб. 1855, т. II). Мы воспроизводимъ текстъ по «Рос. Музеуму», но принимаемъ догадку Ефремова, что въ стихѣ 89 надо писать: царскую казну, а не барскую казну. Съ другими измѣненіями Ефремова согласиться не можемъ (ср. въ концѣ тома «Исторія пушкинскаго текста»).

С. Венгеровъ.

ПУШКИНЪ ВЪ ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ ЛИЦЕѢ.

Портретъ (рисованъ цвѣтными карандашами), принадлежавшій директору Лицея Е. А Энгельгардту.

о литературѣ. Къ философіи же онъ былъ равнодушенъ и въ Лицеѣ, и въ теченіе всей остальной своей жизни. Доказательство мы встрѣтимъ еще [illegible] разъ [illegible] будетъ умѣстно привести свидѣтельство Баратынскаго въ его письмѣ къ Пушкину отъ 1826 года [illegible]

[illegible] систему. [illegible] другіе [illegible] Переписка Пушкина. [illegible] 1906, стр. 317.

Что касается реальной подкладки обоихъ посланій, то едва-ли можно сомнѣваться, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ такимъ же чисто-литературнымъ сгущеніемъ красокъ, какъ въ «Пирующихъ Студентахъ» и рядѣ анакреонтическихъ стихотвореній лицейскаго періода, посланіи «Къ Сестрѣ» и «Городокъ». Въ дѣйствительности [illegible] къ тому, что [illegible] а на самомъ [illegible] вполнѣ русскаго человѣка [illegible]

[illegible]

[illegible] мнѣніе, что посланія являются отраженіемъ [illegible] общенія между Галичемъ и лицеистами: несомнѣнно они указываютъ, что лицеисты читали ему свои произведенія; вѣроятно, что изрѣдка при этомъ выпивалась бутылка вина, но изъ этого, все-таки, совсѣмъ не слѣдуетъ, что каждое слово должно быть понято буквально. Старанія Майкова объяснить производство Галича въ «поэты» тѣмъ, что въ позднѣйшихъ «печатныхъ сочиненіяхъ своихъ и въ «оживленной бесѣдѣ» онъ обладалъ даромъ оригинальнаго изложенія, крайне искусственны. И уже никакой почвы подъ собою не имѣетъ обратное [illegible] Грота: «Изъ этого посланія мы узнаемъ, что и Галичъ участвовалъ въ поэтическихъ состязаніяхъ своихъ учениковъ» (Гротъ, Пушкинъ, стр. 20).

Ст. 38. Гдѣ Комъ на [illegible]

Комъ — греческое божество пировъ.

Ст. [illegible] И трубку разжигаютъ

Бездарныимъ лихимъ.

[illegible] Батюшкова, который [illegible] бездарнымъ поэтамъ [illegible] Боброву и П. Ю. Львову, писавшимъ бѣлыми стихами [illegible]

[illegible] 125—128. [illegible]

Не [illegible] баллады

И станцы винограду

И [illegible] куплеты

Станцы винограду — повидимому Dich[illegible] Weg, но «баллада» и [illegible] куплетъ» Wahrheit. См. Академич. изд. т. I, стр. 193).

Ст. 130—131. Вотъ съ милымъ острякомъ

Нашъ пѣсельникъ тащится.

Въ «острякѣ», повидимому, надо усматривать Пилецкаго (о немъ дальше); въ «пѣсельникѣ» — Яковлева (см. стр. 138).

[illegible] Посланіе къ Галичу», причемъ Галичъ и Дельвигъ названы только первой буквой, впервые напеч. въ «Рос. Музеумѣ» 1815, ч. IV, № 10—11, съ подписью 1...16—14 (ср. стр. 132). Появляется вновь только въ изд. Анненкова (Спб. 1855, т. II). Мы воспроизводимъ текстъ по «Рос. Музеуму», но принимаемъ догадку Ефремова, что въ стихѣ 89 надо писать царскую казну, а не барскую казну. Съ другими измѣненіями Ефремова согласиться не можемъ (ср. въ концѣ тома Исторія пушкинскаго текста).

С. Венгеровъ.

Не такъ бывало въ прежни дни
Своихъ любовницъ возпѣвали.
О вы любезные пѣвцы,
Сыны безпечности лѣнивой!
Давно вамъ отданы вѣнцы
Отъ Музы праздности счастливой.
Но не блестящіе дары
Поэзіи трудолюбивой!
На верхъ Оссальскія горы
Вели васъ тайные извивы!
Веселыхъ Граціи перстъ игривой
Младыя лиры оживлялъ,
И вами челы обвивалъ
Дѣтей Пафосскихъ рой шумливой.
И я—неопытный поэтъ,
Небрежный вашихъ рѣчъ наслѣдникъ,
За вами крадуся во слѣдъ...
А ты мой скучный проповѣдникъ,
Умѣръ ученый вкуса гнѣвъ!
Поди, кричи, брани другова,
И брось лѣнивца молодова,
Объ немъ тихонько пожалѣвъ.

Концовка Sait Non'a (18 в., грав. Berthould.

П. Ѳ. КОШАНСКІЙ.

Стихотвореніе «Моему Аристарху» относится къ П. Ѳ. Кошанскому.

Кошанскій занималъ, въ свое время, видное мѣсто въ педагогической литературѣ; въ Царскосельскомъ Лицеѣ онъ преподавалъ съ самого его основанія и долгіе годы былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ лицеистами перваго выпуска, излагалъ предметъ кровно близкій Пушкину — словесность, наконецъ — увѣковѣченъ въ названномъ стихотвореніи. Все это ставитъ передъ нами вопросъ о личности, литературной и педагогической дѣятельности Кошанскаго и его вліяніи на развитіе Пушкина.

Николай Ѳедоровичъ Кошанскій родился въ 1785 году (впрочемъ, годъ рожденія точно не установленъ: называютъ и 1787 1781 г.), въ дворянской семьѣ. Учился въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Это замѣчательное учебное заведеніе, выдающееся по своимъ заслугамъ въ исторіи русскаго просвѣщенія, воспитало въ своихъ стѣнахъ многихъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, литераторовъ и ученыхъ, напр.: Жуковскаго, Николая Тургенева и его братьевъ, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, Лермонтова, декабристовъ Н. Г. Каховскаго, Вл. Ѳ. Раевскаго, М. А. фонъ-Визина и мн. другихъ.

Среди воспитанниковъ усердно культивировались литературные интересы, что отозвалось возникновеніемъ и процвѣтаніемъ извѣстнаго «собранія воспитанниковъ», гдѣ предсѣдательствовалъ Жуковскій. Пребываніе въ Благородномъ Пансіонѣ, (отмѣтимъ, что Кошанскій учился въ пансіонѣ одновременно съ Жуковскимъ, по крайней мѣрѣ — годы 1797—1799) положило прочное основаніе литературнымъ интересамъ и Николая Ѳедоровича и дало ему основательную подготовку къ университетскимъ лекціямъ.

Съ 1798 года Кошанскій уже въ самомъ университетѣ «обучался языкамъ россійскому, греческому, латинскому, французскому, нѣмецкому и англійскому», а въ слѣдующемъ 1799 г. былъ формально произведенъ въ студенты. Лекціи онъ слушалъ по двумъ факультетамъ, юридическому и философскому. Въ 1802 г. получилъ изъ философскаго факультета золотую медаль «за отличные успѣхи въ наукахъ». Еще въ студенческіе годы Николаю Ѳедоровичу пришлось начать свою педагогическую дѣятельность — въ качествѣ преподавателя реторики въ Благородномъ Пансіонѣ. А по окончаніи курса онъ тотчасъ же получилъ мѣсто учителя латинскаго и греческаго языковъ въ университетской гимназіи. Такъ же рано началъ Кошанскій и свою литературную дѣятельность — переводами, подражаніями и самостоятельными опытами, печатая ихъ отдѣльно и въ періодическихъ изданіяхъ. Способности Кошанскаго, его успѣхи въ научныхъ и литературныхъ занятіяхъ обратили на него вниманіе попечителя М. Н. Муравьева, который сталъ прочить Николая Ѳедоровича на каѳедру археологіи и изящныхъ искусствъ. Съ этихъ поръ и надолго Кошанскій оставался связанъ новыми отношеніями съ московской академической средой.

Время 1804—1812 годовъ было эпохой процвѣтанія московскаго университета, напоминающей времена Новикова-Шварца и Грановскаго. «Дней Александровыхъ прекрасное начало» дало университету широкую автономію по уставу 1804 г. и замѣчательнаго попечителя, Михаила Никитича Муравьева. Воспитатель Александра I, покровитель Карамзина, ближайшій руководитель поэта Батюшкова, энтузіастъ просвѣщенія и гуманности, М. Н. Муравьевъ много сдѣлалъ для развитія университета. По его приглашенію въ Москву прибыли многіе нѣмецкіе профессора. При Муравьевѣ же въ университетѣ появилось новое поколѣніе русскихъ профессоровъ. Въ обновленной профессорской средѣ, изъ ряда иностранцевъ особенно выдавался І. Т. Буле. Буле явился въ Москву изъ Гетингена съ европейской репутаціей знатока классиковъ, автора важныхъ трудовъ по исторіи древней и новой философіи, по исторіи масонства. Въ Москвѣ онъ проявилъ кипучую дѣятельность: читалъ публичныя лекціи, сильно заинтересовался русской исторіей и сумѣлъ сдѣлать для нея кое-что очень цѣнное: издавалъ два журнала: «Московскія ученыя вѣдомости» и «Журналъ изящныхъ искусствъ». Но самое прочное, что сдѣлалъ проф. Буле для Россіи, это — воспитаніе Грибоѣдова, сохранившаго на всю жизнь привязанность къ своему наставнику. Буле скоро сталъ правой рукой попечителя во всѣхъ просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Кошанскій долгіе годы вращался въ оживленной университетской средѣ и сталъ въ самыя близкія отношенія и къ Муравьеву, и къ Буле. Эти связи, несомнѣнно, въ значительной степени опредѣлили всю его духовную физіономію.

Поощренный Муравьевымъ, Николай

Ѳедоровичъ сталъ дѣятельно готовиться къ профессурѣ. 30 іюня 1805 года, сдавъ устные экзамены, Кошанскій получилъ степень магистра философіи и изящныхъ искусствъ. Для полученія профессорской каѳедры надо было написать докторскую диссертацію. Чтобы поставить Кошанскаго въ необходимую для того обстановку, попечитель Муравьевъ устроилъ ему заграничную командировку. Однако, воспользоваться ею Николаю Ѳедоровичу не пришлось. Въ августѣ 1805 года онъ выѣхалъ въ Петербургъ, чтобы оттуда отправиться заграницу; но, по обстоятельствамъ военнаго времени, ему пришлось остаться въ сѣверной столицѣ. Впрочемъ, и здѣсь Кошанскій не потерялъ своего времени напрасно. Онъ изучалъ древности Эрмитажа и Академіи Художествъ, переводилъ съ французскаго руководство по археологіи Милленя, собирая матеріалы для своей докторской диссертаціи. Попечитель Муравьевъ жилъ тогда въ Петербургѣ, и Кошанскій постоянно пользовался его совѣтами. По мнѣнію Л. Н. Майкова, Николай Ѳедоровичъ въ домѣ попечителя давалъ также уроки молодому Константину Батюшкову. Въ 1806 г. мы видимъ Кошанскаго снова въ Москвѣ, занятаго печатаніемъ своей латинской диссертаціи. Предметомъ диссертаціи былъ миѳъ о Пандорѣ, какъ онъ отразился въ древне-греческихъ сказаніяхъ и въ произведеніяхъ классическаго искусства. Тема изслѣдованія требовала непосредственнаго знакомства съ памятниками искусства въ европейскихъ музеяхъ, что осталось, какъ мы знаемъ, недоступнымъ для Кошанскаго; это отразилось неблагопріятно на диссертаціи, и хотя она была встрѣчена сочувственной рецензіей проф. Буле, однако оказалась дюжинной работой и не составила вклада въ науку.

7 Февраля 1807 г. Кошанскій получилъ въ Московскомъ университетѣ степень доктора философіи. Однако, занять профессорскую каѳедру Николаю Ѳедоровичу не удалось: не оказалось свободнаго мѣста. Вскорѣ умеръ и покровитель Кошанскаго, М. Н. Муравьевъ. Молодому ученому пришлось отказаться отъ профессуры и взяться за преподаваніе въ томъ же учебномъ заведеніи, гдѣ самъ воспитывался и одно время уже преподавалъ,—въ Благородномъ Пансіонѣ. Здѣсь Кошанскій сталъ преподавать русскій, славянскій и латинскій языки, реторику, логику, исторію русской литературы, также миѳологію и древности. Педагогическая литература того времени была скудна, и это побудило Кошанскаго составить нѣсколько учебниковъ по русскому и латинскому языкамъ. Книжки имѣли большой успѣхъ и потомъ долго обслуживали русскую школу. Въ Москвѣ Кошанскій преподавалъ также въ Воспитательномъ Домѣ, въ Екатерининскомъ Институтѣ, въ учебномъ заведеніи Виллерса; служилъ секретаремъ въ цензурномъ комитетѣ и въ Комиссіи испытаній на чинъ VIII и VII классовъ; давалъ уроки въ богатыхъ домахъ. Отмѣтимъ, что Николай Ѳедоровичъ, повидимому, давалъ уроки древнихъ языковъ сыну покойнаго попечителя, Никитѣ Муравьеву, будущему декабристу (Сочиненія К. Н. Батюшкова, т. I, біографія, стр. 104). На ряду съ педагогическими и служебными занятіями, Кошанскій находилъ время и для литературныхъ трудовъ. Онъ принималъ ближайшее участіе въ изданіяхъ проф. Буле, сотрудничалъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, Вѣстникѣ Европы, Русскомъ Вѣстникѣ, Новостяхъ Русской Литературы, Journal de la Société des Naturalistes à Moscou и нѣкоторыхъ другихъ журналахъ. Наконецъ, уже передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Николай Ѳедоровичъ издалъ замѣчательную хрестоматію «Цвѣты греческой поэзіи».

Работать Кошанскому приходилось, какъ видимъ, немало, при чемъ работа была дробная, мѣшала сосредоточенію и, повидимому, не совсѣмъ удовлетворяла Николая Ѳедоровича. Поэтому, когда возникла мысль объ учрежденіи Царскосельскаго Лицея, Кошанскій, несмотря на свою привязанность къ Москвѣ, возбудилъ ходатайство о зачисленіи его въ составъ лицейскихъ профессоровъ. Литературная и педагогическая репутація Кошанскаго заставила предпочесть его двумъ другимъ кандидатамъ, и съ 1811 года онъ занялъ въ Лицеѣ каѳедру русскаго и латинскаго языковъ.

Долгіе годы затѣмъ преподавалъ Кошанскій эти предметы въ Лицеѣ. Черезъ его руки прошло много поколѣній лицеистовъ и многіе поэты, ученые, государственные и общественные дѣятели испытали его воспитательное вліяніе. Профессоромъ Лицея Николай Ѳедоровичъ оставался до 1828 г. Два раза за это время онъ исполнялъ обязанности директора, при чемъ однажды—въ пушкинское время. Кошанскій преподавалъ также и въ лицейскомъ благородномъ пансіонѣ; позднѣе служилъ въ Императорскомъ Человѣколюбивомъ Обществѣ и съ 1824 г. до смерти былъ тамъ директоромъ Институ-

тута слѣпымъ. Съ 1823 по 1826 г. Кошанскій былъ членомъ Комитета для разсмотрѣнія учебныхъ книгъ, употребляемыхъ въ Пажескомъ и Кадетскомъ корпусахъ, позднѣе—въ подобномъ же комитетѣ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія: участвовалъ въ составленіи букваря и самъ составилъ списокъ статей для «Книги чтенія въ уѣздныхъ училищахъ» и «Руководство для учителей». Въ петербургскій періодъ своей дѣятельности Кошанскій продолжалъ и литературныя занятія, напечаталъ, по порученію конференціи Лицея, латинскую грамматику, учебныя изданія Федра и К. Непота, Epitome historiae sacrae: перевелъ огромную «Ручную книгу древней классической словесности» Эшенбурга; оригинальныя статьи и стихотворенія помѣщалъ въ Вѣстникѣ Европы, Сынѣ Отечества, Соревнователѣ Просвѣщенія. За два года до смерти Кошанскій издалъ столь извѣстный учебникъ «Общей Реторики». «Частная Реторика» появилась уже послѣ смерти автора, въ 1832 г. Умеръ Николай Ѳедоровичъ въ 1831 г., 22-го декабря.

Таково краткое curriculum vitae Кошанскаго. Жизнь Николая Ѳедоровича небогата яркими событіями, переломами или потрясеніями. Труды и дни его поровну распредѣлились между двумя городами—Москвой и Петербургомъ; какъ мы знаемъ, ему не пришлось даже побывать заграницей. Біографическая традиція не сохранила намъ достаточныхъ матеріаловъ для характеристики духовной личности Кошанскаго, но, повидимому, ровному теченію жизни Николая Ѳедоровича соотвѣтствовалъ его уравновѣшенный характеръ. «Вся его внѣшность, необыкновенно мягкая и изящная въ рукахъ, вполнѣ соотвѣтствовала его внутреннимъ достоинствамъ, и все вмѣстѣ внушало къ нему искреннюю любовь и уваженіе воспитанниковъ»,—такъ отзывался одинъ изъ учениковъ и почитателей Кошанскаго, авторъ исторіи лицейскаго пансіона. Правда, другой его воспитанникъ, М. А. Корфъ, характеризовалъ своего учителя иначе—какъ пустого, манернаго франта, притомъ крайне пристрастнаго къ винѣ. Однако, было бы неосторожно вѣрить этому рѣзкому отзыву: Корфъ не стѣснялся сгущать краски и былъ вдвойнѣ щедръ на суровые и несправедливые приговоры. Версія о пристрастіи лицейскаго профессора къ спиртнымъ напиткамъ повторялась неразъ его біографами; но кромѣ Корфа, изъ воспитанниковъ Лицея о запояхъ Кошанскаго не упоминаетъ никто.

Житейскія обстоятельства сложились такъ, что Кошанскому не пришлось сдѣлаться спеціалистомъ-ученымъ. Не получивъ въ свое время профессуры въ московскомъ университетѣ, онъ отдался учительской дѣятельности и до гроба преподавалъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Однако, докторъ философіи и свободныхъ искусствъ не потерялъ связей и съ академическимъ міромъ и навсегда сохранилъ живой интересъ къ вопросамъ исторіи, литературы и искусства. Литературные взгляды Кошанскаго сложились въ школѣ московскаго классицизма, подъ воздѣйствіемъ попечителя Муравьева, профессоровъ Сохацкаго, Мерзлякова, Буле. Изъ этой школы онъ вынесъ прочную любовь къ классической древности. Путемъ литературной пропаганды онъ старался распространять знанія о классическомъ мірѣ среди русскаго общества, что ему, въ извѣстной мѣрѣ, и удавалось. Его переводы руководствъ Милліена и Эшенбурга были довольно извѣстны въ средѣ образованныхъ читателей, а изъ его хрестоматіи «Цвѣты греческой поэзіи» (сборникъ отрывковъ изъ буколической, эпической и драматической поэзіи) черпали свои свѣдѣнія и мотивы для стиховъ и такіе поэты, какъ Батюшковъ и Пушкинъ [1]. Правда, увлеченіе классицизмомъ не прошло даромъ Кошанскому и наложило на его эстетическіе взгляды и вкусы отпечатокъ значительной старомодности. Въ литературной памяти позднѣйшихъ поколѣній, знавшихъ Кошанскаго только по учебнику реторики, о немъ сложилось даже мнѣніе какъ объ узкомъ педантѣ, чуть ли не Тредьяковскомъ пушкинскаго времени. Но такой «судъ потомства» несправедливъ (какъ онъ былъ, впрочемъ, несправедливъ и относительно Тредьяковскаго) и грѣшитъ недостаткомъ исторической перспективы. Во-первыхъ, какъ мы теперь знаемъ, литературная дѣятельность Кошанскаго не исчерпывалась одной «Реторикой», была довольно многообразна и включала въ свой составъ нѣсколько безспорно полезныхъ работъ. Во-вторыхъ, пресловутая «Реторика» вовсе не была такъ плоха. Суровость приговора о ней зависѣла какъ отъ трудности самого предмета, за изложеніе котораго взялся Кошанскій (поскольку

[1] Стихотвореніе Батюшкова «Дружество есть переложеніе идилліи Біона, переведенной въ хрестоматіи Кошанскаго; Пушкинъ въ стихотвореніи «Земля и море» (1820 подражалъ идилліи Моска, переведенной въ «Цвѣтахъ греческой поэзіи».

и доселѣ въ русской учебной литературѣ трудно указать хорошій учебникъ словесности, отвѣчающій новѣйшимъ пріобрѣтеніямъ науки и художественной литературы», такъ и нежеланіемъ критиковъ встать на историческую точку зрѣнія. О «Реторикѣ» Кошанскаго высказывались обличительно или иронически Бѣлинскій, Валеріанъ Майковъ, Добролюбовъ и др. Изъ нихъ Бѣлинскій по поводу девятаго изданія «Общей Реторики» написалъ въ 1845 г. большую статью, которую заключилъ выраженіемъ прискорбія, что «цѣлыя поколѣнія учащихся «погублены» Кошанскимъ. Когда писали Бѣлинскій и Майковъ, уже закончилась художническая дѣятельность Пушкина, завершилась дѣятельность Гоголя и Лермонтова; на литературное поприще выступала группа новыхъ могучихъ талантовъ. Располагая такимъ богатымъ эмпирическимъ матеріаломъ, русская поэтика быстро перестроилась, и для новаго литературнаго вкуса казались уже нестерпимыми пристрастія къ поблекшимъ знаменитостямъ и литературнымъ формамъ конца XVIII и начала XIX вв. Между тѣмъ, «Реторика» Кошанскаго слагалась еще въ двадцатыхъ годахъ, и немудрено, что онъ черпалъ образцы изъ Державина и Карамзина. Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что Кошанскій хорошо зналъ и любилъ новѣйшую русскую литературу, и въ его учебникѣ нерѣдко мелькаютъ, снабженныя сочувственными эпитетами, имена Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина. Въ полемикѣ Бѣлинскаго крылось и нѣкоторое недоразумѣніе. Онъ писалъ: «Реторика Кошанскаго, какъ и всѣ реторики, говоритъ и о родахъ прозаическихъ сочиненій, учитъ: какъ писать исторію, какъ писать ученые трактаты, какъ описывать то или другое, какъ писать письма... Что за нелѣпость! Да развѣ всему этому выучиваются? Это все равно, что учиться (по книгѣ), какъ вести себя на похоронахъ и какъ держать себя на свадьбѣ». Конечно, ни одна реторика не сдѣлаетъ изъ ученика хорошаго литератора или ученаго, какъ ни одна «логика» не научитъ безошибочно мыслить. И, разумѣется, съ этой точки зрѣнія, какъ и утверждалъ Бѣлинскій, «не только реторики,—даже теоріи краснорѣчія (какъ науки краснорѣчія) не можетъ быть». Но это утвержденіе одинаково примѣнимо не только къ «Реторикѣ» Кошанскаго, но и ко всѣмъ учебникамъ словесности, прошедшимъ и будущимъ. Задача Кошанскаго была скромнѣе и проще: дать учащимся сжатыя характеристики литературнаго слога, родовъ и видовъ прозаическихъ произведеній, т. е. то, что въ современныхъ учебникахъ слываетъ подъ именемъ стилистики и теоріи прозы (Кошанскій собирался издать и учебникъ поэзіи, но смерть помѣшала тому). Въ границахъ этой задачи авторъ выполнилъ работу, по тогдашнему времени, весьма удовлетворительно. Не вдаваясь въ подробное обсужденіе учебника, отмѣтимъ, что матеріалъ расположенъ въ немъ въ простой и разумной системѣ, дано много свѣдѣній изъ исторіи древне-классическихъ, западно-европейскихъ и русской литературъ: примѣры изъ образцовыхъ писателей, поясняющіе общія опредѣленія, подобраны въ большомъ количествѣ и очень удачно (настолько удачно, что, какъ отмѣтилъ А. І. Маленинъ, многіе изъ нихъ и понынѣ повторяются въ учебникахъ словесности). Оригинальною особенностью учебника Кошанскаго былъ перечень русскихъ журналовъ, и въ «частной реторикѣ» можно найти такое, напр., замѣчаніе: «въ 1831 году прекратился Московскій Вѣстникъ г. Погодина, достойный вниманія». Излагалъ Кошанскій свой предметъ сжато, въ точныхъ формулахъ, предоставляя имъ раскрытіе живой изустной бесѣдѣ учителя. «Реторика» Кошанскаго настолько выгодно выдѣлялась въ тогдашней учебной литературѣ, что, когда въ сороковыхъ годахъ учебное начальство поставило вопросъ, не замѣнить ли въ школахъ учебники Кошанскаго другими, Я. К. Гротъ и П. А. Плетневъ горячо высказались въ пользу Кошанскаго. Конечно, многое въ «Реторикѣ» быстро устарѣло или было вообще излишне. Таковы, напр., разсужденія автора о письмахъ и дѣловыхъ бумагахъ, до «входящихъ» и «исходящихъ» включительно; таково пристрастіе къ отжившимъ литературнымъ формамъ, въ родѣ «разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ», при чемъ Кошанскій съ большой похвалой перепечатываетъ, какъ образецъ, поучительный «разговоръ» русскаго князя Святослава со шведскимъ королемъ Карломъ XII. Въ распредѣленіи матеріала сказывалось пристрастіе къ схоластической классификаціи. Какъ отмѣтилъ А. Филоновъ, въ Общей Реторикѣ «введены вопросы: quis? quid? ubi? quibus auxiliis ?cur? quomodo? quando?, источники изобрѣтенія — числомъ 24, періоды — числомъ 12, хріи, названныя «разсужденіями», девять силлогизмовъ, тринадцать свойствъ слога, между которыми простой, средній и

возвышенный занимаютъ первое мѣсто, девять троповъ, сорокъ четыре фигуры, происходящія отъ недостатка словъ, отъ изобилія повторенія и отъ сходства и притомъ дѣйствующія на разумъ, на сердце и воображеніе». Прибавимъ къ этому что и въ своихъ собственныхъ стихотворныхъ опытахъ Кошанскій злоупотреблялъ пріемами старой классической школы. Однако, все это не значитъ еще, что онъ совсѣмъ не имѣлъ эстетическаго вкуса и недоброжелательно относился къ новому литературному движенію. Въ «Реторикѣ» Кошанскій аттестовалъ Жуковскаго «однимъ изъ первыхъ писателей нашихъ», а въ стихахъ Пушкина находилъ «плѣнительную плавность», «прелесть идей» и усматривалъ въ авторѣ черты «генія».

Біографамъ Пушкина П. Ѳ. Кошанскій интересенъ не только своею литературною дѣятельностью и взглядами, но и какъ педагогъ. Какъ намъ извѣстно, Николай Ѳедоровичъ началъ свою педагогическую дѣятельность еще въ студенческіе годы: по окончаніи университета онъ долго преподавалъ въ университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы. Изъ Благороднаго Пансіона Кошанскій, несомнѣнно, вынесъ цѣнные педагогическіе принципы и преподавательскіе навыки. Перейдя въ Царскосельскій Лицей, Николай Ѳедоровичъ старался насаждать тамъ традиціи Благороднаго Пансіона, что было тѣмъ легче, что первый директоръ Лицея, В. Ѳ. Малиновскій, адъюнктъ Кошанскаго П. Е. Георгіевскій, да и цѣлая группа лицеистовъ перваго курса были питомцами того же Пансіона (о перенесеніи традицій Московскаго Университетскаго Пансіона въ Царскосельскій Лицей см. Я. К. Гротъ, Пушкинъ и его лицейскіе товарищи, изд. 1899, стр. 5, 32, 100; Л. Н. Майковъ, Пушкинъ въ изображеніи М. А. Корфа. Рус. Старина, 1899, VIII, 299—300; К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Журн. Мин. Народ. Просвѣщ., 1887, XII, 362—364). Въ частности, Кошанскій старался пересадить въ Лицей литературныя упражненія, которыя такъ процвѣтали въ Московскомъ Пансіонѣ. По свидѣтельству Грота, Николай Ѳедоровичъ постоянно побуждалъ лицеистовъ упражняться въ самостоятельныхъ литературныхъ опытахъ, «то задавая немудреныя, но умно выбранныя темы, то предоставляя намъ самимъ придумывать ихъ, требуя изобрѣтательности въ сюжетѣ и изящности въ изложеніи. Но временамъ онъ поощрялъ насъ пробовать свои силы въ стихотворствѣ и потомъ читалъ наши опыты вслухъ передъ всѣмъ классомъ». Согласно съ Гротомъ, и авторъ исторіи лицейскаго пансіона отмѣчаетъ, что Николай Ѳедоровичъ поддерживалъ и развивалъ въ своихъ воспитанникахъ «любовь къ литературнымъ упражненіямъ, прозаическимъ и стихотворнымъ, и обращалъ особое вниманіе и заботливость на тѣхъ воспитанниковъ, которые обнаруживали способность и склонность къ нимъ». Среди лицейскихъ преподавателей перваго состава Кошанскій оказался старшимъ по лѣтамъ и, несомнѣнно, самымъ опытнымъ. Съ лицеистами пушкинскаго времени (какъ, впрочемъ, и позднѣе Николай Ѳедоровичъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ, чему способствовало и то обстоятельство, что въ первое время по открытіи Лицея Кошанскій жилъ въ Царскомъ Селѣ и имѣлъ общій съ воспитанниками столъ. Было и другое средство для сближенія, отмѣченное въ запискахъ П. П. Пущина: въ 1812 году, «когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ приводилъ реляціи; Кошанскій читалъ ихъ намъ громогласно въ залѣ». Лицеисты разныхъ выпусковъ сохранили о своемъ учителѣ словесности самыя теплыя воспоминанія. Выше мы цитировали отзывъ автора исторіи лицейскаго пансіона. Вотъ еще отзывъ академика Я. К. Грота: «Преподавая латинскій языкъ и русскую литературу, онъ занималъ насъ почти только практически и умѣлъ въ высшей степени возбудить наше вниманіе, расшевелить нашу самодѣятельность... Мы заслушивались его разсказовъ и чтеній. Русскихъ поэтовъ читалъ онъ съ нами въ собраніи Образцовыхъ сочиненій и останавливался особенно на Жуковскомъ, сопровождая чтеніе умнымъ, оживленнымъ комментаріемъ».

Намъ остается разсмотрѣть вопросъ объ отношеніи Кошанскаго къ Пушкину и о характерѣ его вліянія на литературное развитіе поэта. Объ отношеніяхъ Николая Ѳедоровича къ Пушкину-лицеисту, обыкновенно не совсѣмъ правильно освѣщаемыхъ имѣется показаніе Корфа: «Кошанскій особенно въ первое время всячески старался отвратить и удержать Пушкина отъ писанія стиховъ, частію, можетъ быть, возбуждаемый къ тому ревностью или завистью: ибо самъ писалъ и печаталъ стихи, въ которыхъ боялся соперничества возникающаго новаго генія». Это заявленіе искажаетъ дѣйствительность. Съ первыхъ шаговъ Пуш-

кина въ Лицеѣ профессоръ словесности встрѣтилъ поэта съ сочувствіемъ и вниманіемъ. До нашего времени дошли письменные отзывы Кошанскаго объ успѣхахъ Пушкина въ первые годы его ученья. 15 марта 1812 года Кошанскій отмѣчаетъ: «Александръ Пушкинъ больше имѣетъ понятливости нежели памяти, болѣе имѣетъ вкуса нежели прилежанія; почему малое затрудненіе можетъ остановить его; но не удержитъ: ибо онъ, побуждаемый соревнованіемъ и чувствомъ собственной пользы, желаетъ сравниться съ первыми питомцами. Успѣхи его въ латинскомъ хороши; въ русскомъ не столь гверды, сколько блистательны». 20 ноября того же года та же характеристика повторена (варіантъ: «больше вкуса къ изящному нежели прилежанія къ основательному»), какъ и 15 декабря 1813 г. Нельзя не признать эту характеристику и мѣткой, и справедливой, и сочувственной Пушкину (19 ноября 1812 года А. И. Кунициынъ отзывался о Пушкинѣ въ томъ же родѣ, но нѣсколько строже). Кошанскій же, одинъ изъ первыхъ, привѣтствовалъ ранніе поэтическіе опыты Александра Сергѣевича. Въ воспоминаніяхъ Пущина сохранилось слѣдующее сообщеніе, относящееся къ первому году лицейской жизни: «какъ теперь вижу тотъ послѣобѣденный классъ Кошанскаго, когда, кончивши лекцію нѣсколько раньше урочнаго часа, профессоръ сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами». Наши стихи вообще не клеились, а Пушкинъ мигомъ прочелъ два четырехстишія, которыя всѣхъ насъ восхитили. Жаль, что не могу припомнить этого перваго поэтическаго его лепета. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ». Другой лицеистъ и сотоварищъ Пушкина, С. Д. Комовскій, припоминалъ: «Изъ профессоровъ и гувернеровъ лицея никто въ особенности Пушкина не любилъ и не отличалъ отъ другихъ воспитанниковъ... Одинъ только профессоръ россійской и латинской словесности Кошанскій, предвидя необыкновенный успѣхъ поэтическаго таланта Пушкина, старался все достоинство онаго приписывать отчасти себѣ и для того употреблялъ всѣ средства, чтобы какъ можно болѣе познакомить его съ теоріей отечественнаго языка и съ классическою словесностью древнихъ». Симпатіи къ Пушкину и любовь къ его поэзіи Николай Ѳедоровичъ проявлялъ и позднѣе, по выходѣ Пушкина изъ Лицея. Гротъ пишетъ: «читать съ воспитанниками Пушкина еще не было принято и въ Лицеѣ; его мы читали сами, иногда во время классовъ, украдкою. Тѣмъ не менѣе однакожъ Кошанскій разъ привезъ намъ на лекцію только что полученную отъ товарищей Пушкина рукопись 19-го октября 1825 г. («Ропщетъ лѣсъ багряный свой уборъ») и прочелъ намъ это стихотвореніе съ особеннымъ чувствомъ, прибавляя къ каждой строфѣ свои поясненія». О тѣхъ же симпатіяхъ свидѣтельствуетъ и лицеистъ IV выпуска, М. А. Бѣлуха—Кохановскій: «Николай Ѳедоровичъ удивительно хорошо читалъ и, бывъ страстнымъ поклонникомъ Пушкина, съ особымъ мастерствомъ читалъ его произведенія. Вотъ и мы, еще большіе поклонники Пушкина, узнавъ о какомъ-нибудь новомъ его произведеніи, дружно приготовлялись къ латинскому уроку. Кошанскій приходилъ въ восторгъ: тогда, по окончаніи урока, мы гурьбой обступали его съ назойливою просьбой: — Николай Ѳедоровичъ, будьте такъ добры, привезите будущій разъ такое-то новое произведеніе Пушкина и прочтите намъ. Такая просьба никогда не встрѣчала отказа, и слѣдующій урокъ россійской словесности проходилъ въ пріятномъ чтеніи Кошанскаго». Изъ этихъ заявленій мы убѣждаемся, что Кошанскій не имѣлъ и тѣни вражды къ Пушкину или зависти къ его поэтическому таланту [1]).

Однако, надо отмѣтить, у Кошанскаго бывали и столкновенія съ Пушкинымъ—лицеистомъ. Живой и несдержанный Пушкинъ, вѣроятно, нерѣдко допускалъ выходки, за которыя Кошанскому приходилось дѣлать выговоры своему ученику. Такъ, въ «журналѣ о поведеніи воспитанниковъ» гувернеръ Пилецкій отмѣчаетъ 30-го ноября 1812 г.: Пушкинъ «въ вечеру г. Кошанскому изъяснялъ какія то дѣла с.-петербургскихъ модныхъ французскихъ лавокъ, кои называются Маріандъ-до Модъ; я не слыхалъ самъ сего разговора, а только пришелъ въ то время, когда г. Кошанскій

1 Однако пущенная въ оборотъ Корфомъ легенда о недоброжелательномъ отношеніи Кошанскаго къ Пушкину оказала свое давленіе на біографовъ поэта. Даже осторожный А. И. Майковъ поддался ея вліянію. Такъ, не зная, чѣмъ объяснить строгую и неправильную характеристику, данную юношѣ Пушкину директоромъ Энгельгардтомъ, Майковъ готовъ былъ видѣть здѣсь вліяніе наговоровъ Кошанскаго, хотя и не располагалъ никакими положительными данными въ защиту такой догадки.

сказалъ ему: я повыше васъ, а, право, не вздумаю такого вздора, а и врядъ-ли кому оный пріидетъ въ голову. Спрашивалъ я другихъ воспитанниковъ, но никто не могъ мнѣ его разговора повторить, по скромности, какъ видно». Затѣмъ, какъ извѣстно, въ пушкинское время преподаваніе въ Лицеѣ шло весьма безпорядочно; лицеисты учились «чему-нибудь» и какъ-нибудь». Повидимому, Кошанскій болѣе другихъ преподавателей былъ озабоченъ нѣкоторою планомѣрностью и основательностью учебныхъ занятій. Плиичевскій, въ письмахъ къ Фуссу, отмѣчаетъ, что занятія по-латыни, налаженныя при Кошанскомъ, быстро разстроились, когда тотъ заболѣлъ и замѣненъ былъ Галичемъ. Галичъ превратилъ уроки въ непринужденную бесѣду по общеинтереснымъ вопросамъ, и когда Кошанскій, черезъ годъ, явился снова въ Лицей, ему стоило большихъ трудовъ пріучать воспитанниковъ снова къ классикамъ. На этой почвѣ, вѣроятно, происходили классныя исторіи. Затѣмъ, Кошанскій старался ввести извѣстную послѣдовательность въ письменныя упражненія по словесности, держалъ лицеистовъ подолгу на «періодахъ» и «разсужденіяхъ»; а въ головѣ Пушкина уже роились поэтическіе образы и звонкія рѣчи, и настоянія Кошанскаго, конечно, казались ему докучными. Позднѣе учебныя столкновенія, кажется, еще болѣе обострились. «Новыя знакомства (съ Царскосельскими гусарами) и безпрестанныя развлеченія не могли не имѣть дурного вліянія на ученье, которое вообще шло довольно плохо. За 1816 г., т. е. за четыре мѣсяца до выпускныхъ экзаменовъ, Пушкинъ и Дельвигъ получили по нѣскольку пулей, и даже по «россійской поэзіи» по 1» (Селезневъ, Историческій очеркъ Лицея, приложенія, стр. 39). Врядъ-ли, однако, виновной стороной въ этихъ столкновеніяхъ былъ профессоръ. Сколько могъ, онъ старался упорядочить преподаваніе и сообщить слушателямъ возможно больше познаній. Біографы отмѣчаютъ, что изъ Лицея Пушкинъ вынесъ значительныя свѣдѣнія по классическимъ литературамъ и древностямъ. Этимъ онъ, конечно, былъ обязанъ Кошанскому.

Имѣлъ ли Кошанскій вліяніе на литературное развитіе Пушкина и какъ самъ Александръ Сергѣевичъ относился къ своему учителю? Интересный матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ мы находимъ въ стихотвореніи «Моему Аристарху». И первое впечатлѣніе отъ него не въ пользу Кошанскаго. Шестнадцатилѣтній поэтъ величаетъ своего наставника: «цензоръ мой угрюмый», «мой гонитель», «мой скучный проповѣдникъ»; считаетъ для себя ненужными «уроки учености сухой», какими докучалъ ему Кошанскій; проситъ умѣрить «ученый вкуса гнѣвъ». Поэтъ протестуетъ противъ усидчивости, свойственной бездарнымъ рифмачамъ, которые «сидятъ, сидятъ три ночи сряду и высидятъ трехстопный вздоръ», и защищаетъ свободное творчество — «непринужденное упоенье», когда «нечаянной порой стихи кропать найдетъ охота». Изъ такихъ заявленій можно сдѣлать выводъ, что Пушкинъ совсѣмъ не признавалъ авторитета Кошанскаго, не принималъ его совѣтовъ и ничѣмъ не обязанъ ему въ своемъ развитіи. Однако, это было бы не совсѣмъ вѣрно. Правда, легко можно себѣ представить, что многое въ сужденіяхъ профессора словесности казалось геніальному юношѣ-поэту совершенно неприемлемымъ. Объ этомъ мы можемъ судить по аналогіи. Сохранились до насъ поправки, сдѣланныя рукою Кошанскаго на одномъ стихотвореніи Илличевскаго. Здѣсь профессоръ тщательно вычеркиваетъ всѣ простыя, разговорныя выраженія, замѣняя ихъ высокопарными, напр., вмѣсто «колодцы выкопавъ» ставитъ «изрывши кладези», вмѣсто «площади»—«стогны», вмѣсто «говорить»—«вѣщать» и т. д. Самъ Кошанскій употреблялъ въ своихъ стихахъ часто именно такой старомодный «высокій слогъ», чѣмъ и вызывалъ своихъ даровитыхъ учениковъ на насмѣшливые перепѣвы (элегію Кошанскаго «На смерть графини Ожаровской» Дельвигъ пародировалъ въ стихотвореніи «На смерть кучера Агаѳона»). Однако, литературная отсталость Кошанскаго не была очень велика. Она уровновѣшивалась широкою освѣдомленностью въ исторіи древнихъ и новыхъ литературъ и, какъ мы знаемъ, не помѣшала Николаю Ѳедоровичу сочувственно относиться къ новымъ теченіямъ въ русской литературѣ. Та же отсталость далеко не всѣмъ лицеистамъ была замѣтна. Я. К. Гротъ высоко цѣнилъ литературныя бесѣды Кошанскаго. Другой ученикъ и почитатель Николая Ѳедоровича, авторъ исторіи лицейскаго пансіона, пишетъ о своемъ профессорѣ слѣдующее: «Съ многосторонностью классическою образованностью и большою опытностью въ преподаваніи онъ соединялъ необыкновенно тонкій и изящный вкусъ, восторженное поэтическое настроеніе и особенный даръ передавать то

и другое своимъ слушателямъ». Пушкинъ былъ другого мнѣнія. Изумительная даровитость и тонкое чувство красоты очень рано поставили поэта въ боевую позицію противъ старыхъ литературныхъ авторитетовъ. Пушкинъ острѣе, чѣмъ кто либо изъ лицеистовъ, воспринималъ проявленія литературной отсталости въ сужденіяхъ Кошанскаго. Въ стихотвореніи «Моему Аристарху» эти изъяны профессорскаго вкуса онъ, несомнѣнно, нѣсколько преувеличилъ—въ полемическихъ интересахъ. Но въ томъ же стихотвореніи Пушкинъ признаетъ, что Кошанскій бывалъ и правъ въ своей критикѣ. Недостатки, какіе Кошанскій указывалъ Пушкину въ его стихахъ, авторъ признаетъ и самъ: «я знаю самъ свои пороки»; онъ самъ перечисляетъ нѣкоторые изъ нихъ: «за риѳмой часто холостой, на зло законамъ сочетанья, бѣгутъ трехстопные толпой на *аю*, *аетъ* и на *ой*: я ставлю (кто же безъ грѣха?) для мѣры часто восклицанья, для смысла — лишнихъ три стиха: не хорошо!..» За эти недостатки онъ готовъ извиняться передъ критикомъ: «помилуй, сжалься надо мной!»; «не хорошо!... Но оправданья позволь мнѣ скромно принести»; «въ простотѣ, безъ украшенья, мои слагаю извиненья». При этомъ не всѣ оправданья основательны. Въ объясненіе небрежности въ отдѣлкѣ стиховъ Пушкинъ заявляетъ, что «любитъ праздность и покой» и не расположенъ «жертвовать лѣнью стихамъ». Сочувственная ссылка на французскихъ эротическихъ поэтовъ также была мало убѣдительной, и, вѣроятно, Кошанскій не разъ выговаривалъ Пушкину за его пристрастіе къ эротическимъ темамъ. И несомнѣнно, совѣты Кошанскаго бывали небезполезны для юнаго поэта. «Вопреки собственному увѣренію, онъ тщательно отдѣлывалъ свои юношескія стихотворенія, безъ чего они не были бы въ такой степени закончены» (Гротъ). Въ томъ же стихотвореніи «Моему Аристарху» Пушкинъ заявляетъ, что писалъ его небрежно, ночью, въ полуснѣ. Но автографъ стихотворенія (въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ) испещренъ поправками; стихотвореніе написано еще въ 1815 г., но въ 1817 снова и заботливо переправлено...

НИКОЛАЙ ѲЕДОРОВИЧЪ КОШАНСКІЙ.

Каррикатурный портретъ Выдѣленъ въ увеличенномъ видѣ изъ каррикатурной группы лицейскихъ профессоровъ (см. стр. 53)

Есть и другія данныя, свидѣтельствующія о вліяніи Кошанскаго на литературное развитіе Пушкина. Въ статьѣ о лицейскихъ годахъ Пушкина В. П. Гаевскій пишетъ: «Стихотвореніе Пушкина Кольна, названное подражаніемъ Оссіану, довольно близкое переложеніе его поэмы «Кольна Дона»... Пушкинъ, выучившійся по-англійски только за порогомъ лицея, ознакомился съ трудомъ Макферсона по переводу Кострова... Переводы Кострова читались въ классахъ Кошанскаго, который восхищался его стихами... Восторгъ профессора перешелъ и къ его слушателямъ, которые ознакомились съ Гомеромъ и Оссіаномъ по переводамъ Кострова: а Оссіанъ былъ настольною книгою въ лицеѣ и составлялъ нѣкоторое время любимое чтеніе Пушкина, который въ посланіи «Къ другу стихотворцу» упоминаетъ о Костровѣ рядомъ съ лучшими поэтами». Кошанскій не былъ выдающимся дѣятелемъ своего времени. Ни въ наукѣ, ни въ изящной литературѣ онъ не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ. Повидимому, и въ общественно-политическихъ взглядахъ Кошанскій не былъ передовымъ человѣкомъ. Онъ охотно посвящалъ свои труды высокопоставленнымъ благодѣтелямъ, на покровительство коихъ разсчитывалъ, и получалъ за свои «посвященія» высочайшіе подарки; въ своихъ изданіяхъ онъ часто пускалъ въ оборотъ казенную фразеологію патріотизма и вѣрноподданства. Въ извѣстномъ доносѣ 1826 г. «О лицейскомъ духѣ» Кошанскій аттестованъ какъ человѣкъ благонамѣренный, который «почелъ бы себѣ за грѣхъ и за преступленіе толковать своимъ ученикамъ то, чего не должно». Однако, біографы не знаютъ за Кошанскимъ и реакціонныхъ дѣйствій [1]).

Въ лицеѣ бывали профессора, какъ Га-

[1] Отмѣтимъ, что Кошанскій былъ «витіей» въ масонской ложѣ «Избраннаго Михаила», гдѣ членами состояли А. Е. Измайловъ, Н. А. Бестужевъ, М. К. и В. К. Кюхельбекеръ, Дельвигъ, Батенковъ.

личъ, Куницынъ, умѣвшіе сильнѣе возбуждать мысль и настроеніе лицеистовъ, чѣмъ то было доступно Кошанскому. Но въ исторіи русской педагогіи все же Кошанскій былъ и остался замѣтнымъ человѣкомъ. Въ тогдашнемъ педагогическомъ мірѣ онъ выдавался своею широкою образованностью и педагогическимъ опытомъ. Его трудами были заполнены важные пробѣлы въ тогдашней скудной учебной литературѣ, и многія поколѣнія русскихъ школьниковъ учились по его книжкамъ русскому и латинскому языкамъ и теоріи словесности. Въ широкіе круги взрослыхъ читателей Кошанскій старался провести, и не безъ успѣха, интересъ къ классическому міру. Когда открылся царскосельскій лицей, Николай Ѳедоровичъ принесъ туда какъ готовые педагогическіе навыки, такъ и гуманизмъ, воспринятый въ атмосферѣ обновленнаго московскаго университета. Среди лицеистовъ разныхъ курсовъ онъ оставилъ хорошую память. Выдающійся изъ ряда по своимъ литературнымъ дарованіямъ первый выпускъ лицеистовъ поставилъ профессору словесности трудную задачу, и не всегда учитель оказывался на высотѣ требованій, предъявлявшихся учениками. Но старомодные вкусы и пристрастія не могли уже оказать дурного вліянія на его слушателей, инстинктивно тяготѣвшихъ къ новымъ формамъ. Зато богатыя литературныя познанія Кошанскаго, его стремленіе возбудить въ ученикахъ литературную самодѣятельность, отзывчивость его на пробленки дарованія въ ученическихъ опытахъ, его содержательныя лекціи и непринужденныя бесѣды—имѣли свое хорошее вліяніе. Какъ мы видѣли, этого вліянія не остался чуждъ и Пушкинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. I. Сочиненія П. Ѳ. Кошанскаго. А. Оригинальныя: 1) Стих. «На смерть ея сіятельства княгини А. Д. Касаткиной-Ростовской». Новости Русской Литературы, 1802, ч. IV, 269. 2) Эклога «Амарилла», ibid., 1803, ч. VIII, 321. 3) Illustratio Mythi de Pandora et antiquae artis operum ad eum spectantium, quam amplissimi Philosophorum ordini ad consequendum Doctoris Philosophiae gradum instituit Nicolaus Koschansky A. A. L. L. Magister. Mosquae. 1805. 4) Памятникъ Пожарскому и Минину, назначенный въ Москвѣ. Журналъ Изящныхъ Искусствъ. 1807, кн. II, 51—64.—Перепечатано въ изд. К. Я. Тромонина: «Очерки съ лучшихъ произведеній живописи, граворованія, ваянія и зодчества, съ краткими описаніями и библіографіями художниковъ», т. I, М., 1839, 214—218. 5) Каковъ долженъ быть истинный художникъ. Журналъ Изящныхъ Искусствъ, 1807, кн. III, 18—34. Перепечатано въ Сынѣ Отечества, 1818, № 51 (ч. 50), 241—257. 6) На смерть М. Н. Муравьева. Вѣстникъ Европы, 1807, № 19. 7) Правила, отборныя мысли и примѣры латинскаго языка съ краткимъ словаремъ. М., 1806. 8) Начальныя правила Русской Грамматики. Въ пользу воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго Пансіона. М. 1807 и 1809. 2-е изд.—М., 1814 г. (По указанію А. І. Малеина, отдѣлъ «Правописанія», стр. 53—73, добавленъ, вѣроятно, П. И. Давидовымъ.). 9-е изд. 1843. 9) Стих. «На смерть Біона». Вѣст. Европы, 1809, ч. 44, 170—181. 10) Таблица Латинской Грамматики съ примѣрами. М., 1809. 2-е изд. Спб., 1817. 11) Учебная книжка на латинскомъ и французскомъ языкахъ. Въ пользу благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. М., 1809. 12) Латинская грамматика. М., 1811. 2-е изд. Спб., 1815; 3-е, Спб., 1823; 4-е, Спб., 1834; 5-е, Спб., 1834; 6-е, Спб., 1835; 7-е, Спб., 1836; 8-е, Спб., 1837; 9-е, Спб., 1839; 10-е, Спб., 1842; 11-е, Спб., 1844. 13) Элегія на смерть гр. Е. П. Ожаровской. Вѣст. Европы, 1814, ч. 78, № 23, 218. 14) О русскомъ синтаксисѣ. Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1819, ч. XIV, 86—118. Перепечатано въ Сынѣ Отечества, 1820, ч. 59, 115—128 и 135—159. 15) Взглядъ на исторію искусствъ. Соревнователь Просвѣщенія, 1821, № 4, 3—25; № 5, 117—145; № 6, 259—272. 16) Общая Реторика. 1-е изд. 1829 (на титульной страницѣ годъ не выставленъ; цензур. разрѣшеніе 29 ноября 1829 г.); 2-е, Спб., 1830; 3-е, 1834; 4-е, 1836; 5-е, 1838; 6-е, 1839; 7-е, 1840; 8-е, 1842; 9-е, 1844; 10-е, 1849. 17) Частная Реторика. 1-е изд. Спб., 1832; 2-е, 1835; 3-е, 1836; 4-е, 1837; 5-е, 1840; 6-е, 1845; 7-е, 1849. Б. Переводы и изданія: 1) Зефиръ и Флора. М., 1800. 2) Федиція Вильмарь, Баланшарда. М., 1801—1802. 3) О Геніи и Вкусѣ. Пер. съ нѣм. Новости Русской Литературы, 1803, ч. V. 4) Путешествіе Пиѳагора, три тома. М., 1803—1804. 5) Рыцари Лебедя или Дворъ Карла Великаго. Сочиненіе г-жи Жандисъ. 6 ч. М., 1807—1808. 6) Московскія Ученыя Вѣдомости, изд. проф. І. Т. Буле въ 1805—1807 гг. помощниками и переводчиками статей Буле для этого изданія были П. Ѳ. Кошанскій и Я. И. де-Санглень. 7) Журналъ Изящныхъ Искусствъ, издаваемый на 1807 г. П. Ѳеоф. Буле. Переводъ Николая Кошанскаго. М., 1807, три части. 8) Руководство къ познанію древностей, г. А. Миллина, изданное съ прибавленіями и замѣчаніями въ пользу учащихся въ Импер. Москов. Университетѣ Николаемъ Кошанскимъ, Изящныхъ наукъ Магистромъ и Философіи Докторомъ. М., 1807. 9) «Рѣчь о лучшемъ способѣ, какъ можно писать исторію тѣхъ народовъ, кои, по общему мнѣнію, прежде девятаго вѣка населяли или переходили Россійскія, особенно южныя земли», проф. І. Т. Буле (перев. съ латинскаго). М., 1806. 10) Цвѣты греческой поэзіи, изданные Николаемъ Кошанскимъ. М., 1811 (сборникъ отрывковъ изъ буколической, драматической и эпической греческой поэзіи; тексты, переводы и комментаріи). 11) Ручная книга древней классической словесности, содержащая: I. Археологію, II. Обозрѣніе классическихъ авторовъ, III. Миѳологію, IV—V. Древности греческія и римскія. Собранная Эпенбургомъ, умноженная Крамеромъ и дополненная П. Кошанскимъ. Т. I—II 1816—1817. 12) Басни Федра. Спб., 1814; 2-е изд. 1833. 13) О жизни славнѣйшихъ полководцевъ, Корнелія Непота. Спб., 1816; 2-е изд., 1824; 3-е, 1840; 4-е, 1849. 14) Сокращенія Священной Исторіи (Epitome Historiae Sacrae), съ замѣчаніями, показаніемъ правилъ и словаремъ; изданіе учебное, по Ломонду. Спб., 1818.

П. Рецензіи: На «Общую Реторику»: 1 Сынъ Отечества, 1830, чч. 131 и 132, стр. 359—374; 47—55 и 104—124 В. Плаксинъ. 2 Московскій Телеграфъ, 1831, ч. 38, стр. 85—91. 3 Московскій Телеграфъ, 1831, № 5, стр. 85. 4 Библіотека для Чтенія, 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 37. 5 Литератур. Прибавл. къ Рус. Инвалиду, 1838, № 29; 1839, № 17. 6 Отечественныя Записки, 1839, т. VI, отд. VII, стр. 162; 7 1840, т. XIII, отд. VI, стр. 59; 8 1842, т. XXX, отд. VI, стр. 24; 9 1845, т. XXXVIII, № 1, отд. VI, стр. 27—35. 10 Сочиненія Б'Ълинскаго, т. X, стр. 9—25. 11 Журн. Мин. Нар. Просв., 1860, апрѣль, 26—29. А. Филоновъ. На «Частную Реторику»: 1 Библіотека для Чтенія, 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 37. 2 Отечеств. Зап., 1845, т. XL, № 11, отд. VI, стр. 22. 3 Сочиненія Б'Ълинскаго, т. X, изд. 4-е 1885, стр. 188—189. 4 Журн. Мин. Нар. Просв., 1860, апр., 39—41. А. Филоновъ. На «Illustratio mythi de Pandora»: Москов. Ученыя Вѣдомости, 1807, № 9. [. Буле]. На Латинскую Грамматику: 1 Библіот. для Чтенія, 1836, т. XVII, отд. VI, стр. 37. 2 Отечест. Зап., 1839, т. VI, отд. VII, стр. 162. На изданія Корнелія Непота: Отеч. Зап., 1840, т. XI, отд. VI, стр. 30. На «Ручную книгу древней словесности»: Сынъ Отечества, 1817, № 48. На статью: «О русскомъ синтаксисѣ»: Невскій Зритель, 1820, ч. I, февраль, V, Критика, стр. 117—118 В. К. Кюхельбекеръ.

III. Къ біографіи Кошанскаго: 1 Сѣверная Пчела, 1831, № 293, Внутренніе извѣстія (некрологъ). 2 А. Вороновъ. Историко-статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа. Спб., 1849, стр. 196—197, 324, 326, 327, 341. 3 С. П. Шевыревъ. Исторія Московскаго Университета. М., 1855, стр. 345, 361. 4 Памятная книжка Имперр. Александровскаго Лицея на 1856—1857 г. Спб., 1856, стр. 142—160, Извѣстіе о жизни П. Ѳ. Кошанскаго П. Седезневъ. 5. П. В. Сушковъ. Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, изд. 2-е, (М., 1858, стр. 31, 54; ср. Рус. Архивъ, 1897, V, 114. 6 Библіографич. Записки, 1859, № 5 пародія бар. А. А. Дельвига: «На смерть кучера Агавона». Перепечатано въ Сочиненіяхъ бар. Дельвига, изд. 1893, стр. 11—12. 7 П. Седезневъ. Историческій очеркъ Императорскаго бывшаго Царскосельскаго нынѣ Александровскаго Лицея за первое его 50-ти-лѣтіе, съ 1811 по 1861 годъ. Спб., 1861, стр. 20, 30, 32, 44, 46, 58, 60, 62, 80, 84, 96. 8 В. П. Гаевскій. Пушкинъ и его лицейскія стихотворенія. Современникъ, 1863, т. 97. 9 Благородный Пансіонъ Царскосельскаго Лицея. Спб., 1869, стр. 183 (цитировано у Грота, Пушкинъ, 43—44). 10 «Складчина», 1874, стр. 339—376; Я. Гротъ, Первенцы Лицея и его преданія (перепечатано въ изданіи 1899 г., стр. 26—55). 11 Русская Старина, 1877, т. XVIII, стр. 659. 12 Сочиненія К. Н. Батюшкова. Спб., 1887, т. I, біографія Батюшкова, составленная Л. Н. Майковымъ, стр. 19, 104 (см. также отдѣл. изданія), 353; т. II, стр. 419, 420, 525, 562; т. III, стр. 45, 646, 647. 13 Русскій Архивъ, 1889, № 12, стр. 546 (П. И. Давыдовъ). 14 Русская Старина, 1890, т. LXV, № 3, стр. 841—842 (М. А. Бѣлуха-Кохановскій). 15 П. И. Бартеневъ. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. III 1890, стр. 166—167. 16 Энциклопедич. Словарь Брокгаузъ-Ефрона, т. XVI, 1895, стр. 466—467 В. К.. 17 В. П. Майковъ. Критическіе опыты. Спб., 1891. Стр. 462, 487, 491—493. 18 Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ, т. I, 672; т. III, 194, 195, 197, 198, 409. 19 Сочиненія П. А. Добролюбова, изд. 1896 г., т. III, 414, 415. 20 А. П. Пыпинъ. Исторія русской литературы. Т. IV 1899, 344, 344. 21 Альбомъ Пушкинской юбилейной выставки въ Императорской Академіи Наукъ. Спб., 1899. Листъ 19: карикатурное изображеніе Кошанскаго. 22 Я. К. Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Статьи и матеріалы. Спб., 1899, стр. 2, 3, 7, 18, 21—22, 32, 33, 34, 39, 41—45, 46, 60, 61, 142, 190, 219, 220, 225—226, 228, 247, 250, 297. 23 Историч. Вѣстникъ, 1899, февраль, стр. 707 В. Боцяновскій. 24 Б. В. Никольскій. Академическій Пушкинъ. Историч. Вѣстникъ, 1899, № 7. Стр. 202. 25 Памятная книжка Имп. Александровскаго Лицея на 1899/900 учебный годъ. Спб., 1899 П. А. Шляпкинъ. Къ біографіи А. С. Пушкина; перепечатано въ изд. 1903 г. 26 Л. Н. Майковъ. Пушкинъ. Спб., 1899, стр. 54, 56, 86, 87. 27 Русская Старина, 1899, VIII, стр. 300 (Л. Н. Майковъ). 28 Рус. Архивъ, 1899, VI, 303 П. С. Щеникинъ. 29 Сочиненія Пушкина. Изд. Импер. Акад. Наукъ. Т. I, изд. 2-е, Спб., 1900, стр. 147.—4, 5, 16, 33, 34, 166, 190, 191, 199—206, 214, 215, 219, 237, 350, 383, 30 Русскій Біографическій Словарь, томъ «Кнапше-Кюхельбекеръ», Спб., 1903, стр. 383—385 (П. М.). 31 П. Черняевъ. А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра и переводчикъ древне-классическихъ поэтовъ. Казань, 1899, стр. 7—12. 32 А. І. Маленинъ. П. Ѳ. Кошанскій. Памяти Л. Н. Майкова». Спб., 1902, стр. 177—220 былъ отдѣл. оттискъ, СПб., 1902, 44 стр.. 33 П. А. Шляпкинъ. Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина. Спб. 1903, стр. 325, 328, 333.

Н. Пиксановъ.

Изъ посланія «Къ моему Аристарху» мы опять узнаемъ рядъ писателей, на чтеніи которыхъ воспитался Пушкинъ. Къ каталогу любимцевъ, извѣстныхъ намъ изъ посланія «Къ сестрѣ» и «Городка», прибавляются Шапель, Лафаръ, Шольe, Грессе и называется писатель, оказавшій особенно сильное вліяніе на юнаго лицеиста—Парни. О Парни будетъ дальше особая статья. Здѣсь же даемъ справки о Шапелѣ, Лафарѣ, Шольe и Грессе, упомянутомъ здѣсь въ качествѣ автора «Веръ-Вера».

Ред.

ШАПЕЛЬ.

Шапель (Клодъ-Эммануэль Люилье, родившійся въ La Chapelle-Saint-Denis, и назвавшій себя по имени этой мѣстности—Chapelle) род. въ 1626 году. Онъ получилъ очень тщательное образованіе, впослѣдствіи былъ близкимъ знакомымъ Буало, Расина, Мольера, Лафонтэна, пользовался репутаціей знатока и тонкаго судьи произведеній словесности, славился своими импровизаціями

и эпиграммами: ум. въ 1686 году послѣ довольно безпорядочно проведенной жизни, въ которой веселыя пирушки, эпикурейство, «сладостная лѣнь» играли первостепенную роль. Изъ произведеній Шапеля особенною популярностью пользовалось юмористическое описаніе путешествія по югу Франціи, составленное имъ вмѣстѣ съ Башомономъ («Voyage en Provence et en Languedoc», 1656); отдѣльныя мѣста въ этомъ произведеніи представляютъ извѣстный интересъ и отличаются остроуміемъ: таково, напр., описаніе провинціальнаго кружка précieuses (въ городѣ Монпелье), съ ихъ манерностью, вычурностью, смѣшными потугами на оригинальность и безапелляціонными, но совершенно ложными приговорами и оцѣнками. Въ свое время восхищались и чисто художественною стороною «Путешествія». Стиховъ Шапель писалъ очень немного, но изящная фривольность ихъ создала ему извѣстность. Легкость стиха Шапеля имѣетъ въ виду и Пушкинъ, говоря, что самъ онъ «пишетъ короткіе стихи среди пріятнаго забвенья» — «въ полглаза дремля и зѣвая, Шапеля въ нѣсняхъ призывая» (посланіе «Моему Аристарху»). — Сочиненія Шапеля переизданы были въ 1854 году (Chapelle et Bachaumont, oeuvres; nouvelle édition, précédée d'une notice par M. Tenant de Latour, Paris, Jannet, 1854; Bibliothèque elzévirienne). Къ первому изданію сочиненій Шапеля и Башомона (1755 г.) былъ приложенъ его біографическій очеркъ («Mémoires pour la vie de Chapelle»). — Творчество Шапеля находило почитателей и въ XVIII вѣкѣ, — даже Вольтеръ весьма сочувственно отзывался о «Путешествіи въ Провансъ и Лангедокъ». Но Пушкина очевидно интересовали фривольно-анакреонтическіе стихи его.

ШАПЕЛЬ.
Съ гравюры 18 вѣка.

Ю. В.

ЛАФАРЪ.

Лафаръ, котораго Пушкинъ въ посланіи «Моему Аристарху» называетъ «нашимъ другомъ», ставя его рядомъ съ Шолье и Парни и относя къ категоріи «враговъ труда, заботъ, печали», «сыновъ безпечности лѣнивой», — французскій стихотворецъ и аббатъ XVII вѣка (Шарль-Огюстъ, маркизъ де Лафаръ; 1644—1712). Другъ болѣе талантливаго Шолье, эпикурецъ по натурѣ, одаренный небольшимъ и безусловно односторонним талантомъ, Лафаръ владѣлъ плавнымъ стихомъ, что располагало въ его пользу современниковъ. Лафаръ способенъ былъ, однако, работать и въ другой области, и извѣстенъ какъ авторъ Мемуаровъ, не лишенныхъ интереса, написанныхъ по личнымъ воспоминаніямъ, иногда отличающихся остроуміемъ, точностью и выразительностью языка («Mémoires et réflexions sur les principaux événements du règne de Louis XIV»; 1 изд. — 1716 г., перепзд. въ Голландіи въ 1734 году, затѣмъ въ 1755 г. (тамъ же: вмѣстѣ съ стихотворными произведеніями) и въ новѣйшее время — въ 1886 г. Число стихотворныхъ произведеній Лафара не особенно велико: онъ никогда не стремился быть писателемъ по профессіи, особенно охотно подчеркивалъ тотъ фактъ, что онъ пишетъ только для своего удовольствія, не даетъ себѣ труда обдумывать и тщательно отдѣлывать каждую строку. Это и имѣетъ въ виду Пушкинъ, говоря о томъ, что такимъ поэтамъ, какъ Лафаръ, Шолье, Парни, «давно отданы вѣщи отъ музы праздности счастливой, по не блестящіе дары поэзіи трудолюбивой». Всецѣло отдаваясь мирной лѣни и эпикурейству, Лафаръ постепенно опускался все ниже и въ значительной степени растратилъ и загубилъ свое небольшое дарованіе, тогда какъ Шолье все же избѣ-

52. СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Послѣднимъ сіяньемъ за рощей горя
Вечерняя тихо потухла заря
Темнѣетъ долина глухая;
Въ туманѣ пустынномъ клубится рѣка,
Пинвой грядою идутъ облака
И съ ними луна золотая. —

Недвижныя латы на холмѣ лежатъ.
Въ стальной рукавицѣ забвенный булатъ
И щитъ подъ шеломомъ заржавымъ.
Вонзился шпоры въ увлаженной мохъ:—
Копье раздробленно, и мѣсяца рогъ
Покрылъ ихъ сіяньемъ кровавымъ. —

Вкругъ холма обходитъ другъ сильнаго — конь:
Въ очахъ горделивыхъ померкнулъ огонь
Онъ бранную голову клонитъ.
Безпечнымъ копытомъ бьетъ камень долинъ—
И смотритъ на латы — конь вѣрной одинъ
И дико трепещетъ и стонетъ.

Во тмѣ заблудившись пришлецъ идетъ
Невольную робость онъ въ сердцѣ несетъ. —
Склонясь надъ дорожной клюкою
Заботливо смотритъ въ невѣрную даль —
Приближился къ латамъ и звонкую сталь
Толкаетъ усталой ногою.

Хладѣетъ пришлецъ, кольчуги звучатъ
Погибшаго грозно въ нихъ кости стучатъ
По камнямъ шеломъ покатился
Скрывался въ немъ черепъ... При звукѣ глухомъ
Заржалъ конь ретивой — скокъ легкомъ на холмъ —
Взглянулъ... и главою склонился...

Ужь путникъ далече въ тмѣ бродитъ ночной
Все мнится, что кости хрустятъ подъ ногой —
Но утро денница выводитъ —
Сраженный во брани на холмѣ лежитъ,
И латы недвижны и шлемъ не стучитъ
И конь вкругъ погибшаго ходитъ.—

гнулъ этой участи, сумѣвъ остановиться вовремя и соблюсти въ своей поэзіи чувство мѣры. Кромѣ стихотвореній и мемуаровъ, Лафаръ написалъ также либретто къ операѣ Penthée (изд. въ 1755 г.).

Ю. В.

АББАТЪ ШОЛЬЕ (1639—1720).

Вѣкъ Людовика XIV, величавый и торжественный, имѣлъ еще одну сторону, противоположную общему строгому строю жизни; ее опредѣляютъ распущенные нравы аристократическаго круга, который, по словамъ Сентъ Бева, составлялъ мостъ между двумя регентствами: Анны Австрійской и Филиппа Орлеанскаго. Какъ бы не замѣчая и не желая замѣчать строгаго духа времени, люди этого круга предавались культу наслажденій—и въ болѣе высокомъ, и въ болѣе грубомъ смыслѣ слова. Они проводили время въ оргіяхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ жили духовными интересами—въ особенности чисто литературными. Душой этого круга были герцогъ Вандомскій и его братъ, пріоръ,—послѣдніе отпрыски Генриха IV и Габріэли д'Эстрэ. Они владѣли несмѣтными богатствами и превращали свою жизнь въ непрерывный праздникъ. Серьезнымъ дѣломъ въ ихъ жизни была война, а развлеченіемъ—оргіи и литература. Они окружали себя писателями, и жизнь ихъ была облагорожена искренней любовью къ поэзіи. Герцогъ Вандомскій собиралъ вокругъ себя блестящее общество въ своемъ замкѣ въ Анэ (chateau d'Anet), а пріоръ поселился въ Тампльѣ, который сталъ очагомъ высокой культурной жизни.

Самымъ виднымъ поэтомъ этого круга былъ аббатъ Шольe, прозванный «Анакреономъ Тампля». Вольтеръ говоритъ о немъ, какъ о первомъ изъ незамѣченныхъ, второстепенныхъ поэтовъ (le premier des auteurs negligés). Его поэтическія произведенія состоятъ въ значительной степени изъ мадригаловъ придворнымъ дамамъ, шуточныхъ и льстивыхъ посланій и т. п., но есть у него нѣсколько стихотвореній и поэмъ, которыя ставятъ его очень высоко, главнымъ образомъ по совершенству поэтической формы.

Жизнь Шольe была менѣе всего назидательная. Онъ вполнѣ подходитъ къ типу аббатовъ XVIII вѣка, занятыхъ исключительно мірскими интересами, очень культурныхъ, но далеко не почтенныхъ. Въ немъ воплотилось эпикурейство эпохи, предшествовавшей Людовику XIV, а проживъ 80 лѣтъ, онъ смогъ привѣтствовать Вольтера, продолжателя и завершителя его идеаловъ.

По своему происхожденію аббатъ д'Амфри Шольe принадлежалъ къ чиновной знати (noblesse de robe), но его предки, д'Амфри, были военные (noblesse d'épée). Сенъ Симонъ несправедливо отрицаетъ аристократическое происхожденіе несомнѣннаго ему аббата, называя его «homme de fort peu», сдѣлавшаго карьеру только низкопоклонствомъ. Отецъ Шольe былъ чиновникъ въ Руанѣ (maitre des comptes) и Шольe воспитался въ Collège de Navarre, вмѣстѣ съ сыновьями герцога Ларошфуко, автора «Maximes». Отсюда начало его карьеры. Онъ вошелъ въ пріятельскія отношенія съ знатной молодежью и проникъ впослѣдствіи въ высшій свѣтъ, пользуясь протекціей своихъ друзей. Расцвѣтъ его свѣтской карьеры относится къ его зрѣлому возрасту. Въ 1675 году, когда Шольe было 36 лѣтъ, онъ жилъ въ центрѣ аристократическаго общества, былъ близкимъ другомъ герцоговъ Бульонскихъ, Вандомскаго и другихъ. Когда де-Бетюнъ (Bethun), на сестрѣ котораго былъ женатъ Янъ Собѣскій, поѣхалъ въ Польшу, Шольe поѣхалъ сопровождать его, надѣясь извлечь выгоды и для себя изъ отношеній своего друга къ польскому двору. Онъ хлопоталъ о мѣстѣ польскаго резидента во Франціи. Этотъ планъ не удался; но онъ все же былъ очень доволенъ почетнымъ пріемомъ въ Польшѣ и писалъ своей belle soeur интересныя письма о роскоши и дикости польскихъ магнатовъ. Вернувшись на родину, онъ поспѣшилъ воспользоваться другими связями для устройства своихъ дѣлъ. Онъ близко сошелся съ Вандомами, пользовался ихъ полнымъ довѣріемъ и сдѣлался завѣдующимъ ихъ дѣлами, также какъ и организаторомъ ихъ празднествъ. Онъ поѣхалъ съ герцогомъ Вандомскимъ въ Провансъ и описывалъ въ письмахъ роскошные пиры, которые давались въ ихъ честь. Послѣ того онъ сдѣлался завсегдатаемъ Тампля и велъ крайне разгульную жизнь во всѣхъ отношеніяхъ,—жилъ, по тогдашнему выраженію, à la Vendma, оставаясь впрочемъ, эпикурейцемъ, умѣющимъ вносить болѣе или менѣе утонченный вкусъ и въ культъ наслажденій, въ противоположность другимъ своимъ собутыльникамъ,

53. РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Младой Дафнисъ, гоняясь за Доридой,
«Постой,— кричалъ—прелестная постой!
Скажи—люблю!—и бѣгать за тобой
Не стану я, клянуся въ томъ Кипридой!»
«Молчи, молчи!»—разсудокъ говорилъ:
А плутъ Эротъ: скажи: ты сердцу милъ»!

Ты сердцу милъ!—Пастушка повторила,
И ихъ сердца огнемъ любви зажглись:
И палъ къ ногамъ красавицы Дафнисъ,
И страстный взоръ Дорида потупила.
Бѣги, бѣги! Разсудокъ ей твердилъ,
А плутъ Эротъ останься! говорилъ.

Осталася и трепетной рукою
Взялъ руку ей счастливый пастушокъ.
Взгляни, сказалъ, съ подругой голубокъ,
Тамъ обнялись подъ тѣнью лиръ густою.
Бѣги, бѣги! Разсудокъ повторилъ,
У нихъ учись! Эротъ ей говорилъ

И нѣжная улыбка пробѣжала
Красавицы на пламенныхъ устахъ,
И вотъ она съ томленіемъ въ глазахъ
Къ любезному въ объятія упала.
Будь счастлива! Эротъ ей прошепталъ:
Разсудокъ чтожъ?—Разсудокъ ужъ молчалъ.

А. П.

Концовка Berthould (18 вѣка).

какъ напримѣръ его другъ поэтъ Лафаръ, котораго прозвали «monsieur de la Cochonniere». Разгульная жизнь не мѣшала Шолье быть очень хорошимъ дѣльцомъ: «noyé dans les plaisirs, mais capable d'affaires», какъ онъ самъ говоритъ о себѣ въ посланіи къ Лафару. Завѣдуя землями и всѣми дѣлами Вандомовъ, отъ новидимому злоупотреблялъ иногда ихъ довѣріемъ, соблюдая свои интересы. Главный источникъ его огромныхъ доходовъ были церковныя бенефиціи, полученныя благодаря вліянію пріора и герцога Вандомскаго. При этомъ у Шолье никакихъ отношеній кромѣ денежныхъ къ церкви не было, и онъ не стѣсняясь велъ самый вольный образъ жизни. Всѣ знали о его многочисленныхъ романахъ — съ пѣвицей Ромуа, съ м-мъ д'Аллигръ, дочерью Тюрго и о разныхъ мимолетныхъ увлеченіяхъ, дававшихъ ему сюжеты для разныхъ поэтическихъ бездѣлушекъ. Онъ воспѣвалъ легкія радости жизни и, съ увлеченіемъ проводя въ стихахъ свою жизнерадостную философію, пѣлъ про любовь и вино. При всей галантности этой придворной поэзіи, она не слащава; въ авторѣ чувствуется опредѣленное настроеніе, живое воображеніе и ясность ума, не допускающая афектаціи и заоблачности.

ШОЛЬЕ.
Съ гравюры 18 вѣка.

Но къ старости галантная поэзія Шолье переродилась въ нѣчто болѣе серьезное. Послѣ поверхностныхъ любовныхъ интригъ своей молодости, онъ серьезно полюбилъ mademoiselle de Лонэ (Launay), ставшую потомъ м-мъ де Сталь. Лемонтэ, авторъ очень недоброжелательнаго очерка о Шолье, написаннаго для «Gallerie Française» въ 1825 году, отрицаетъ серьезность этой любви, считая Шолье неспособнымъ ни на какое серьезное чувство. Онъ разсказываетъ, что послѣ долгой разлуки съ Шолье, —она была заключена въ Бастилію за участіе въ заговорѣ Селамара, м-мъ де Сталь застала Шолье умирающимъ и сказала: «При этой встрѣчѣ я увидѣла, до чего мы становимся равнодушны къ тому, что въ нашей жизни было по существу совершенно ненужнымъ».

Но какова бы ни была глубина этого чувства, несомнѣнно что Шолье подъ вліяніемъ его написалъ лучшія свои стихотворенія: «Fontenoy», «Retraite», «Portrait», «Goutte». Содержаніе этихъ стиховъ сводится къ элементарной философіи жизни, къ мыслямъ о смерти, болѣзни, одиночествѣ, но по формѣ они прекрасны, въ чемъ можно убѣдиться хотя бы по началу одного изъ нихъ—«Goutte» (подагра):

Le destructeur impitoyable
Et des marbres, et de l'airain,—
Le temps, ce tyran souverain
De la chose la plus durable
Sappe sans bruit le fondement
De notre fragile machine...
Et je ne vis plus un moment
Sans sentir quelque changement
Qui m'avertit de la ruine.

Любопытенъ переходъ отъ примирительно философскаго настроенія, вызваннаго приступомъ болѣзни, къ легкомыслію, —когда боль проходитъ:

Laissons revenir en foule
Mensonge, erreurs, passions
Sur ce peu de temps qui coule
Faut il des reflexions.

Вся философія Шолье въ этихъ стихахъ, характерныхъ для его погони за радостью минуты даже въ серьезные часы размышленій. А начало стихотворенія, первые четыре стиха вполнѣ достойны своей эпохи—великаго вѣка поэзіи по своей выкованности и силѣ. Нѣсколько подобныхъ стихотвореній среди балласта банальной придворной поэзіи спасаютъ Шолье отъ забвенія среди толпы второстепенныхъ стихотворцевъ.

См. о Шолье: Sainte Beuve, Causerie de Lundi T. I; Lemontey. Notice sur Ch. 1825.

З. В.

АНАКРЕОНЪ.

Заглавная виньетка «Анакреонтической поэзіи» Державина (Спб. 1804).

54. ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Все въ таинственномъ молчаньи:
Холмъ одѣлся темнотой;
Ходитъ въ облачномъ сіяньи
Полумѣсяцъ молодой.
Вижу: лира надъ могилой
Дремлетъ въ сладкой тишинѣ:
Лишь порою звонъ унылой,
Будто лѣни голосъ милой,
Въ мертвой слышится струѣ.
Вижу: горлица на лирѣ,
Въ розахъ кубокъ и вѣнецъ...
Други, здѣсь почіетъ въ мирѣ
Сладострастія мудрецъ.
Посмотрите: на порфирѣ
Оживилъ его рѣзецъ!
Здѣсь онъ въ зеркало глядится,
Говоря: я сѣдъ и старъ,
Жизнью дайте жъ насладиться:
Жизнь, увы, невѣчный даръ!
Здѣсь, поднявъ на лиру длани
И нахмуря важно бровь,
Хочетъ пѣть онъ бога брани,
Но поетъ одну любовь.
Здѣсь готовится природѣ
Долгъ послѣдній заплатить:
Старецъ пляшетъ въ хороводѣ,
Жажду проситъ утолить.
Вкругъ любовника сѣдаго
Дѣвы скачутъ и поютъ:
Онъ у времени скупаго
Крадетъ нѣсколько минутъ.
Вотъ и музы и хариты
Въ гробъ любимца увели:
Плющемъ, розами увиты
Игры вслѣдъ за нимъ пошли...
Онъ исчезъ, какъ наслажденье,
Какъ веселый сонъ любви.
Смертный, вѣкъ твой привидѣнье:
Счастье рѣзвое лови:
Наслаждайся, наслаждайся:
Чаще кубокъ наливай;
Страстью пылкой утомляйся,
И за чашей отдыхай!

ГРЕССЕ.

Извѣстный французскій поэтъ и драматургъ Jean Baptiste Louis Gresset (1709—1777) воспитывался въ амьенскомъ іезуитскомъ коллежѣ, потомъ въ Парижѣ и нѣсколькихъ провинціальныхъ университетахъ. Дебютировалъ онъ одой «Sur l'amour de la patrie» (1730), а въ 1734 г. написалъ свою знаменитую комическую эпопею «Vert-Vert» (попугай), въ которой разсказана, въ чрезвычайно изящныхъ стихахъ, исторія благочестиваго попугая, воспитаннаго въ женскомъ монастырѣ; попугая посылаютъ въ гости къ настоятельницѣ сосѣдняго монастыря, но на кораблѣ онъ подслушиваетъ разговоръ солдатской компаніи и по прибытіи къ строгой монахинѣ привѣтствуетъ ее отборнѣйшими словами своего новаго репертуара. Въ томъ же духѣ написано Грессе еще нѣсколько мелочей: «Le Carême impromptu», «Le lutrin vivant» и отчасти «La chartreuse», въ которой авторъ дѣлаетъ неудачныя попытки философствовать. Задѣтая сатирой Грессе, настоятельница монастыря de la Visitation устроила такъ, что поэтъ, принадлежавшій къ іезуитскому ордену, былъ сосланъ своимъ начальствомъ въ городокъ Лафлешъ, гдѣ отъ скуки занялся переводомъ «буколикъ» Виргилія. Въ 1735 г. Грессе выступилъ изъ ордена, сталъ вести свѣтскую жизнь. Трагедіи и драмы Грессе («Edouard III», «Sidney») неудачны и не сценичны, но комедія его «Le Méchant» (представленная въ 1747 г.) заслуживаетъ вниманія. Интрига ведется вяло, главный герой, безпричинно злой Клеонъ — типъ вздумавшій и несостоятельный, но салонные нравы общества той эпохи переданы вѣрно и стильно воспроизведенъ тогдашній разговорный тонъ. Вмѣстѣ съ «Métromanie» Пирона «Le Méchant» составляетъ переходъ отъ комедіи Мольера къ комедіи Бомарше.

ГРЕССЕ.
Съ гравюры 18 вѣка.

Въ 1748 г. Грессе былъ избранъ въ члены академіи, въ которой выступалъ съ рѣчами два раза: при пріемѣ Д'Аламбера въ 1754 г. и Сюара въ 1774 г., при чемъ оба раза недавній обличитель монастырской жизни обнаружилъ узко-клерикальное направленіе и ненависть ко всякимъ новшествамъ. Въ послѣдніе годы жизни Грессе всецѣло подпалъ подъ вліяніе духовенства и публично отрекся (въ открытомъ письмѣ 1759 г.) и отъ своей литературной дѣятельности и вообще отъ поэзіи, за что подвергся жестокимъ насмѣшкамъ Вольтера и Пирона. Кромѣ названныхъ произведеній, Грессе написалъ еще: «Le Gazetin», «Parrain Magnifique», «Les Pensionaires» и «Le Laboratoire de nos soeurs». Полное собраніе сочиненій Г. издано было Фойолемъ въ 1803 г., Ренуаромъ въ 1811 г.; взбр. соч. изданы Кампенономъ (II, 1823). См. о Грессе Bailly, «Eloge de G.», Robespierre, «Eloge de G.» (1765, перепечат. 1868); le P. Daire, «Vie de Gresset» (II, 1779); De Cayrol, «Essai sur la vie et les oeuvres de Gresset» (1845); St. Albin Berville, «Gresset, sa vie et ses ouvrages» (1863).

Въ русской литературѣ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка Грессе былъ очень популяренъ. «Имена Шолье и Грессе», говоритъ Майковъ,

пользовались большимъ уваженіемъ, имъ подражали Нелединскій, В. Пушкинъ, Батюшковъ, князь Вяземскій; но ихъ примѣру введены были въ русскихъ стихахъ удвоенныя рифмы (rimes redoublées)—изобрѣтеніе Шапеля, которое усвоили себѣ и прославляли Шолье и Грессе. Пьеса послѣдняго «La Chartreuse» съ удвоенными рифмами послужила образцомъ для посланія Батюшкова «Мои пенаты» (тоже съ удвоенными рифмами въ трехстопныхъ ямбахъ), и когда князь Вяземскій, въ письмѣ къ автору, сообщилъ свои критическія замѣчанія на это стихотвореніе, послѣдній отвѣчалъ слѣдующими словами, изъ которыхъ

55. МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Хочу я завтра умереть
И въ міръ волшебный наслажденья
На тихой берегъ водъ забвенья
Веселой тѣнью полетѣть...
Прости на вѣкъ очарованье
Безпечной жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои,
Благоговѣнье и вниманье!

Устройте завтра шумный ходъ
Несите радостныя чаши
На темной берегъ сонныхъ водъ,
Гдѣ мы вели бесѣды наши.
Зовите на послѣдній пиръ
Семелы радостнаго сына,
Эрота, друга нашихъ пиръ,
Боговъ и смертныхъ властелина.
Пускай веселье прибѣжитъ,
Махая рѣзвою гремушкой,
И насъ отъ сердца разсмѣшитъ
За полной, пѣнистою кружкой.
Пускай игривою толпой
Слетятъ родныя наши Музы,
Имъ первой кубокъ круговой,
Друзья! священны намъ ихъ узы.
До ранней утренней звѣзды,
До тихаго лучей разсвѣта,
Не выйдутъ изъ руки поэта
Фіалы братской череды;
Въ послѣдній разъ мою цѣвницу,
Мечтаній сладостныхъ пѣвицу,
Прижму къ восторженной груди;
И брякнутъ перстни золотые
Въ завѣтъ любви въ послѣдній разъ.
Гдѣ вы—подруги молодыя
Летите—дорогъ смерти часъ.
Въ послѣдній разъ томимый нѣжно
Забуду вѣчность и друзей;
Въ послѣдній разъ на груди снѣжной
Упьюсь отрадой юныхъ дней.—

Когдажъ востокъ озолотится
Во тмѣ денницей молодой,
И бѣлый тополь озарится
Покрытый утренней росой,
Подайте гроздь Анакреона,
Огнь былъ учителемъ моимъ,
И я сойду путемъ однимъ
На грустный берегъ Ахерона.
Простите, милые друзья!
Подайте руку, до свиданья!
И дайте, дайте обѣщанье,
Когда навѣкъ укроюсь я,
Мое исполнить завѣщанье.
Приди, пѣвецъ мой дорогой,
Воспѣвшій Вакха и Темпру,
Тебѣ дарю я лѣнь и лиру,
Да будутъ Музы надъ тобой!...
Ты незабудешь дружбы нашей,
О Пущинъ, вѣтреный мудрецъ!
Прими съ моей глубокой чашей
Увядшій миртовый вѣнецъ.
Друзья! вамъ сердце оставляю
И память прошлыхъ красныхъ дней,
Окованныхъ счастливой лѣнью
На ложѣ маковъ и лилей.
Мои стихи дарю забвенью,
Послѣдній вздохъ, о други, *ей!*

На тихой праздникъ погребенья
Я васъ обязанъ пригласить;
Веселость, другъ уединенья,
Билеты будетъ разносить.
Стекитесь рѣзвою толпою,
Главы изъ кѣпкахъ, рука съ рукою,
И пусть на гробъ, гдѣ пѣвецъ
Изчезнетъ въ рощѣ Геликона,
Напишетъ бѣглой вашъ рѣзецъ:
«Здѣсь дремлетъ Юнона-Мудрецъ,
Питомецъ нѣгъ и Аполлона».

видно, какъ высоко ставилъ онъ литературный авторитетъ Грессе: «Я назвалъ посланіе свое посланіемъ «Къ пенатамъ» точно такъ, какъ Грессетъ свое назвалъ «La Chartreuse». Вотъ одно сходство, которое я могу имѣть съ Грессетомъ, и къ несчастію—одно!» (Сочиненія Батюшкова, т. III, стр. 183). Такимъ образомъ, лицеистъ Пушкинъ, рѣшительно предпочитая высокой и торжественной лирикѣ такъ называемую «легкую поэзію» и избирая французскихъ представителей этой послѣдней себѣ въ руководители, въ сущности шелъ по пути, уже проложенному его старшими собратіями въ русской литературѣ. Дѣйствительно, посланіе «Моему Аристарху» не только по своей основной идеѣ составляетъ апологію «легкой поэзіи», но и въ подробностяхъ развитія этой мысли является подражаніемъ одному изъ посланій Грессе въ томъ же родѣ: въ его «Epitre au père Bougeant, jésuite»[1] читаются между прочимъ слѣдующія строки:

Par l'étude, par l'art suprême
Sur un froid pupître amaigris,
D'autres orneront leurs écrits;
Pour moi dans cette gêne extrême
Je verrais mourir mes esprits:
On n'est jamais bien que soi-même,
Et me voilà tel que je suis.
Imprimés, affichés sans cesse,
Et s'entrechassant de la presse,
Mille autres nous inonderont
D'un déluge d'écrits stériles
Et d'opuscules puériles
Auxquels sans doute ils survivront:
A cette abondance cruelle
Je veux toujours en verité
Et de Lafare et de Chapelle
Préférer la stérilite:
J'aime bien moins ce chêne énorme
Dont la tige toujours informe
S'épuise en rameaux superflus,
Que ce myrthe tendre et docile
Qui croissant sous l'oeil de Vénus,
N'a pas une feuille inutile,
S'epanouit negligemment
Et se couronne lentement.

Сходство этихъ строкъ со стихами посланія «Моему Аристарху», въ которыхъ «счастливая праздность» эротиковъ противополагается «поэзіи трудолюбивой», настолько явно, что нѣтъ нужды о томъ распространяться.

Какъ это часто случается съ сопоставленіями Л. Н. Майкова, «сходство» именно этихъ «строкъ» далеко не такъ «явно», какъ онъ утверждаетъ. Но, конечно, и тутъ мы имѣемъ одно изъ многочисленныхъ проявленій огромнаго вліянія французской «легкой» поэзіи на творчество лицейскаго періода.

Гораздо очевиднѣе сопоставленія Б. В. Никольскаго съ «Душенькой». Дѣйствительно, стихи 15—18 (За риѳмой часто холостой, на зло законамъ сочетанья, бѣгутъ трехстопные толпой) «живо напоминаютъ Богдановича»:

И часто риѳмы холостыя
Безъ сочетанія законнаго въ стихахъ,
Свободно ставлю на концахъ.

Но менѣе ярко указываемое г. Никольскимъ сходство стиховъ 59—64 (одинъ, свободнымъ господиномъ, поймаю прежню мысль мою и не для имени поэта мараю два иль три куплета и ихъ вполголоса пою) со стихами Богдановича:

Любя свободу я свою
Не для похвалъ себѣ пою.

Мотивъ этотъ слишкомъ общій и встрѣчается у многихъ другихъ поэтовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома. Р.

52. СРАЖЕННЫЙ РЫЦАРЬ.

Пьеса эта извѣстна въ автографѣ, записанномъ на отдѣльномъ листкѣ, принадлежавшемъ прежде Ѳ. Ѳ. Матюшкину, и въ двухъ копіяхъ—въ тетрадяхъ московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 16) и № 2395 (л. 772). Въ автографѣ и въ обѣихъ копіяхъ одна и та же редакція пьесы, первоначальная: но первая копія снабжена собственноручными поправками Пушкина, который въ 1825 г. составлялъ собраніе своихъ лирическихъ произведеній для печати, и, вѣроятно, тогда и исправилъ стихотвореніе. Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ самъ этой пьесы не печаталъ (въ первой копіи Пушкинъ приписалъ надъ нею: «не надо»), и она была обнародована лишь въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 365—366) по первоначальному тексту; въ исправленномъ же видѣ появилась она лишь въ изданіи литературнаго фонда (т. I, стр. 91—92). Въ этой же исправленной редакціи воспроизводится она здѣсь. Еще о текстѣ см. въ особой статьѣ, въ концѣ тома.

1815 годомъ датированъ «Сраженный рыцарь» въ рукописи музейной тетради № 2364. Болѣе точное опредѣленіе невозможно. Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. I т., примѣч. стр. 226—227) говоритъ: «То обстоятельство, что піеса не упомянута въ собственноручномъ перечнѣ стихотвореній

[1] Г. Г. Бужанъ (1690—1743), членъ ордена Іисусова, занимался литературой и за нѣкоторыя философскія мнѣнія подвергся преслѣдованію со стороны своего орденскаго начальства.

САДЫ ВАККА (Les jardins de Bachus)
Аллегорическое пано Ватто (*Watteau*).

56. ПОГРЕБЪ.

О, сжальтесь надо мною,
Товарищи, друзья!
Красоткой удалою
Въ-конецъ измученъ я.

Всечасно я тоскую;
Горька моя судьба!
Несите жъ круговую,
Откройте погреба.

Тамъ, тамъ во льду хранится
Бутылокъ гордый строй,
И портера таится
Бочёнокъ выписной.

Нашъ Либеръ, запкаясь,
Къ нему покажетъ путь—
Пойдемте всѣ, шатаясь,
Подъ бочками заснуть.

Въ нихъ сердца утѣшенье,
Награда для пѣвцовъ,
И мукъ любви забвенье,
И жаръ моихъ стиховъ.

Пушкина, и что въ теченіе 1815 г. она не была напечатана въ «Россійскомъ Музеумѣ», хотя авторъ и состоялъ въ то время усердным вкладчикомъ журнала... заставляетъ думать, что разсматриваемое стихотвореніе написано лишь въ концѣ означеннаго года». Оба эти довода не безусловно убѣдительны. первый—потому что не все, что Пушкинъ писалъ, онъ печаталъ; второй — потому что, какъ справедливо замѣтилъ самъ Майковъ (ор. c., стр. 7—8), списокъ, на который опирается комментаторъ, «совершенно полнымъ названъ быть не можетъ: найдется еще рядъ стихотвореній, написанныхъ Пушкинымъ въ 1814 и 1815 годахъ и не внесенныхъ въ этотъ перечень».

Какъ ни хороша эта пьеса, ея нельзя приравнять къ самымъ высокимъ и краснымъ подетамъ юнаго орла-Пушкина, и ея несамостоятельность видна сразу. Она не прямое подражаніе, но отражаетъ нѣкоторыя литературныя вліянія. Бѣлинскій причислялъ ее къ тѣмъ произведеніямъ молодого поэта, въ которыхъ «замѣтно вліяніе Жуковскаго; въ нихъ преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музы Жуковскаго, стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго; въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученика отъ учителя». Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. III, стр. 93) прямо назвалъ ее «образцомъ подражанія Жуковскому» и нашелъ, что она «слабѣе и по стиху, и по мысли анакреонтическихъ подражаній, къ числу которыхъ принадлежитъ и большая часть посланій къ друзьямъ молодого поэта». Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. I т., стр. 227—229) совершенно справедливо замѣтилъ, что вліяніе Жуковскаго на «Сраженнаго Рыцаря», размѣръ котораго (три амфибрахія и имбъ въ мужскихъ рифмахъ и четыре амфибрахія въ женскихъ) Пушкинъ могъ заимствовать у пѣвца «Свѣтланы», весьма сомнительно въ смыслѣ «тона» и «взгляда на предметъ», и указалъ на болѣе вѣроятный источникъ вліянія пѣсни — Оссіана (см. выше, стр. 112, 113). Но муза Оссіана не имѣла особенно важнаго значенія въ исторіи пушкинскаго творчества, вліяніе ея было мимолетно (недаромъ поэтъ не дорожилъ своими «оссіановскими» стихами и не вносилъ ихъ въ свои сборники; слабо сказалось оно и въ этой пьесѣ. Грусть и раздумье, разлитыя въ ней, своиственны не одному Оссіану: это слишкомъ общіе въ поэзіи мотивы, и сродство съ Оссіаномъ, и то отдаленное, можно усмотрѣть не во внутренней, а лишь во внѣшней сторонѣ стихотворенія, въ такихъ «оссіановскихъ» аксессуарахъ, какъ луна, пробирающаяся сквозь «лѣтнюю грязу» облаковъ и льющая «сіяніе кровавое» на заржавленные доспѣхи погибшаго воина, холмъ, одинокій путникъ... Конецъ «Сраженнаго рыцаря» напоминаетъ грустнымъ настроеніемъ и описательнымъ характеромъ послѣдніе стихи «Отгара» (1814 г.):

. . . тихій миръ герою!
И тихо все вокругъ могильнаго холма'...
Въ багровомъ облакѣ, одѣяна туманомъ,
На камнѣ пробовомъ уныла тѣнь сидитъ—
И стрѣлы гребезжатъ, стучитъ броня съ колчаномъ,
И конь, заневелясь, таинственно шумитъ.

По мнѣнію Майкова, «Сраженный Рыцарь» «представляетъ любопытный примѣръ того, какъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ Пушкинъ почерпалъ матеріалы для созданій болѣе поздняго времени», и что это стихотвореніе находится въ такой именно связи съ «Пѣснью о вѣщемъ Олегѣ», 1822 г., такъ какъ въ ней употребленъ тотъ же размѣръ (замѣтимъ, въ иномъ чередованіи мужскихъ и женскихъ стиховъ), мелькаютъ тѣ же образы—витязя, коня и смерти, и будто бы даже удержанъ тотъ же «тонъ» повѣствованія.

Ни одинаковый размѣръ, ни подходящіе другъ къ другу внѣшніе образы, часто встрѣчающіеся въ поэзіи, не даютъ права на такое странное сближеніе; въ меланхолическомъ тонѣ «Сраженнаго Рыцаря» и эпически-спокойномъ разсказѣ о смерти вѣщаго князя просто нѣтъ ничего общаго.

Н. Лернеръ.

53. РАЗСУДОКЪ И ЛЮБОВЬ.

Автографъ этой пьесы неизвѣстенъ: существуютъ двѣ копіи ея: одна—въ извѣстномъ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ» (стр. 91—92), другая—въ тетради московскаго публичнаго музея № 2395 (л. 72). Текстъ обѣихъ рукописей одинаковъ. Безъ всякихъ отличій отъ него пьеса была впервые напечатана, по всей вѣроятности, помимо желанія Пушкина, въ сборникѣ «Весеннія цвѣты», М., 1835 г., стр. 97—98, и подписана иниціалами: *А. П.* Пушкинъ самъ ея не печаталъ: въ собраніи его произведеній она стала входить начиная съ посмертнаго изданія (т. IX, стр. 282—283).

57. ВОСПОМИНАНІЕ.

Къ Пущину.

Помнишь ли, мой братъ по чашѣ,
Какъ въ отрадной тишинѣ
Мы тонили горе наше
Въ чистомъ пѣнистомъ винѣ?

Какъ, укрывшись молчаливо
Въ нашемъ темномъ уголкѣ,
Съ Вакхомъ нѣжились лѣниво
Школьной стражи вдалекѣ?

Помнишь ли друзей шептанье
Вкругъ бокаловъ пуншевыхъ,
Рюмокъ грозное молчанье,
Пламя трубокъ грошевыхъ?

Закипѣвъ, о сколь прекрасно
Токи дымные текли!...
Вдругъ педанта гласъ ужасной
Намъ послышался вдали —

И бутылки вмигъ разбиты —
И бокалы всѣ въ окно,
Всюду по полу разлиты
Пуншъ и свѣтлое вино.

Убѣгаемъ торопливо;
Въ-мигъ исчезъ минутный страхъ!
Щекъ румяныхъ цвѣтъ игривой,
Умъ и серце на устахъ,

Хохотъ чистаго веселья,
Неподвижной тусклой взоръ —
Измѣняли чадъ похмелья.
Сладкой Вакха заговоръ!

О друзья мои сердечны!
Вамъ клянуся, за столомъ,
Всякій годъ, въ часы безпечны,
Помнить его виномъ.

Рисунокъ Canvet (18 в.).

Для точнаго опредѣленія хронологіи этого стихотворенія мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ. Къ 1815 г. оно было впервые отнесено П. А. Ефремовымъ въ изданіи 1880 года, причемъ редакторъ не привелъ основаній такой датировки. Оставить ее, впрочемъ, можно, какъ приблизительно-вѣрное опредѣленіе, такъ какъ «Разсудокъ и любовь» по своему веселому, игривому характеру, отражающему вліяніе французскихъ эротиковъ, несомнѣнно, принадлежитъ къ тому періоду пушкинскаго творчества, когда были написаны «Леда», «Опытность», «Старикъ», «Фавнъ и пастушка». Форма пьесы—куплетная, довольно рѣдко встрѣчающаяся у Пушкина.

«Разсудокъ и любовь» упоминается у Вѣлинскаго, относившаго эту пьесу къ числу тѣхъ, что «по изобрѣтенію, по формѣ и по именамъ... напоминаютъ собой предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы или, по крайней мѣрѣ, ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этихъ двухъ поэтовъ».

54. ГРОБЪ АНАКРЕОНА.

Анакреонъ, или правильнѣе Анакреонтъ, былъ знаменитый древнегреческій лирикъ. Бо́льшую часть своей долгой жизни (ум. ок. 495 г. до Р. Хр., 85 лѣтъ отъ роду. Анакреонтъ провелъ вдали отъ своего роднаго города Теоса (въ Іонійской части Малой Азіи) при дворѣ тогдашнихъ греческихъ тирановъ; знаменитаго по балладѣ Шиллера Поликрата Самосскаго, Гиппарха Аѳинскаго и Екекрата Оессалійскаго. Скончался Анакреонтъ, повидимому, на родинѣ; по крайней мѣрѣ, гробницу его, воспѣтую Пушкинымъ, показывали на Теосѣ. Анакреонъ цѣнилъ жизнь постольку, по сколько она можетъ быть украшена дружеской и веселой любовью, музыкой и виномъ. Поэтому древняя эпитафія въ честь поэта гласила:

> Всю свою жизнь посвятилъ ты, о старецъ веселый,
> Гремъ божествамъ только: Эросу, музамъ и Вакху.

Въ изображеніи этихъ усладъ жизни Анакреонтъ отнюдь не поднимался до той страстности, которая замѣчается у его предшественниковъ, какъ, напримѣръ, у Сапфо и Алкея. Поэтому отличительнымъ качествомъ его поэзіи является изображеніе наслажденія моментомъ, и одно чувство быстро смѣняется у него другимъ. Анакреонтъ, видимо, умѣлъ быть веселымъ застольнымъ собесѣдникомъ, и его пѣсни были распространены, особенно въ жизнерадостной Аттикѣ, и послѣ его смерти. Вѣроятно, благодаря этой громкой славѣ, Анакреонтъ нашелъ себѣ въ позднѣйшее время многочисленныхъ подражателей, и намъ, къ сожалѣнію, приходится судить объ его поэзіи, главнымъ образомъ, только по этимъ стихотвореніямъ, относящимся къ александрійской и даже римской эпохамъ, такъ какъ подлинныя произведенія Анакреонта сохранились только въ количествѣ ста пятидесяти незначительныхъ отрывковъ или даже отдѣльныхъ словъ. Этотъ сборникъ подражалъ подъ Анакреонта, называемый обыкновенно Анакреонтическими стихотвореніями, заключаетъ въ себѣ 60 №№ и отличается отъ его подлинныхъ произведеній не только по тону, но также и по строенію стиха и діалекту. Окончательно признанъ сборникъ не принадлежащимъ Теосскому поэту только во второй половинѣ XIX столѣтія и еще въ самомъ концѣ XVIII столѣтія возбуждалъ громкіе восторги нѣмецкихъ анакреонтиковъ, въ родѣ Рамлера, Уца и др. Само собой понятно, что и Пушкинъ ничего не зналъ объ его неподлинности. Игривость и легкость содержанія сборника способствовали тому, что его очень часто переводили на новѣйшіе языки, особенно на французскій и нѣмецкій; еще болѣе, чѣмъ переводчиковъ, встрѣтилъ онъ подражателей, такъ называемыхъ анакреонтическихъ поэтовъ. Уже въ концѣ XVIII в. (въ 1794 г.) сборникъ былъ переведенъ на русскій языкъ П. А. Львовымъ; впослѣдствіи стихотворенія эти были усвоены въ нашей литературѣ полностью Мартыновымъ, Мемъ и Баженовымъ, а отдѣльныя пѣсни, кромѣ Пушкина, служили предметомъ перевода или подражанія для Ломоносова, Державина, Виноградова, Гнѣдича, Жуковскаго, Майкова, Фета и др.

Настоящее стихотвореніе является несомнѣннымъ результатомъ чтенія Пушкинымъ анакреонтическаго сборника, которымъ онъ интересовался не только въ лицеѣ, но и впослѣдствіи. Въ какомъ переводѣ познакомился съ нимъ поэтъ, не знавшій греческаго языка, сказать трудно, такъ какъ для самаго вѣроятнаго a priori предположенія, что это былъ переводъ Львова, у насъ

58. ПОСЛАНІЕ КЪ Ю...

Ты хочешь, милый другъ, узнать
Мои мечты, желанья, цѣли,
И тихой гласъ простой свирѣли
Съ улыбкой дружества внимать.—
Но можноль рѣзвому поэту
Невольнику мечты младой
Въ картинѣ быстрой и живой
Изобразить въ порядкѣ свѣту
Все то что въ юности златой
Воображеніе мнѣ кажетъ?

Теперь когда въ покоѣ лѣнь
Укрывъ меня въ пустыню сѣнь,
Своею цѣпью чувства вяжетъ,
И вѣкъ мой тихъ какъ ясной день;
Пустова нѣги украшенья
Не видя въ хижинѣ моей
Смотрю съ улыбкой сожалѣнья
На пышность бѣдныхъ богачей
И щастливый самимъ собою
Не жажду горы серебра
Не знаю завтра ни вчера
Доволенъ скромною судьбою
И думаю: къ чему нѣвцамъ
Алмазы, яхонты, топазы
Порфирныя, пустыя вазы,
Драгія куклы по угламъ.
Къ чему имъ сукны Альбіона
И пышные чахлы Лиона
На модныхъ креслахъ и столахъ
Какая нужда въ зеркалахъ,
И ложе шалевое въ спальной?
Не лучше ли въ деревнѣ дальной
Или въ смиренномъ городкѣ
Вдали столицъ, заботъ и грома
Укрыться въ миромъ уголкѣ
Съ которымъ роскошь незнакома,
Гдѣ можно въ праздникъ отдохнуть!
О, еслибы когда нибудь
Сбылись поэта сповиденья!
Ужель отрадъ уединенья
Ему вкушать не суждено?

Мнѣ видится мое селенье,
Мое Захарово: оно
Съ заборами въ рѣкѣ волнистой
Съ мостомъ и рощею тѣнистой
Зерцаломъ водъ отражено
На холмѣ домикъ мой; съ балкона
Могу сойти въ веселой садъ,
Гдѣ вмѣстѣ Флора и Помона
Цвѣты съ плодами мнѣ дарятъ,
Гдѣ старыхъ клёновъ темной рядъ
Возносится до небосклона,
И глухо тополы шумятъ.
Туда зарею посѣщаю
Съ смиреннымъ заступомъ въ рукѣ,
Въ лугахъ тропинку извиваю,
Тюльпанъ и розу поливаю—
И щастливъ въ утреннихъ трудахъ:
Вотъ здѣсь подъ дубомъ наклоненнымъ
Съ Гораціемъ и Лафонтеномъ
Въ пріятныхъ погруженъ мечтахъ
Вблизи ручей шумитъ и скачетъ
И мчится въ влажныхъ берегахъ
И свѣтлой токъ съ досадой прячетъ
Въ сосѣднихъ рощахъ и лугахъ—

Но вотъ ужъ полдень.—Въ свѣтлой залѣ
Веселымъ круглой столъ накрытъ;
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи, вино въ бокалѣ,
И щука въ скатерьти лежитъ.
Сосѣди шумною толпою
Взошли, прервали тишину,
Садятся чашъ внимаемъ звона
Всѣ хвалятъ Вакха и Помону
И съ ними красную весну.

Вотъ кабинетъ уединенный,
Гдѣ я Москвою утомленной,
Вдали обманчивыхъ красотъ
Вдали нахмуренныхъ заботъ
И той волшебницы лукавой
Которая весь міръ вертитъ
Въ трубу немолчную гремитъ
И—помнится—зовется Славой,—
Живу съ природной простотой
Съ философической забавой
И съ музой рѣзвой и младой...
Вотъ мой каминъ—подъ вечеръ темной,
Осенней бурною порой
Люблю подъ сѣнію укромной
Предъ нимъ задумчиво мечтать
Вольтера, Виланда читать.
Или въ минуту вдохновенья

нѣтъ никакихъ фактическихъ данныхъ. Л. Н. Майковъ привелъ къ стихамъ Пушкина 4 параллели изъ перевода Львова, но число этихъ сопоставленій можетъ быть нѣсколько увеличено. При приведеніи сходныхъ мѣстъ мы обращаемся къ переводу Мея, отличающемуся довольно значительной близостью къ подлиннику, тогда какъ Львовъ не зналъ греческаго языка и только пользовался содѣйствіемъ извѣстнаго митрополита Евгенія Болховитинова Сочиненія А. А. Мея. Т. 3-ій. Спб., 1863, стр. 108).

Ст. 10. Ср. оду 9-ю о ручной голубкѣ Анакреонта:

А ночью тихимъ сномъ
Покоюся на лирѣ.

Ст. 11. Указаніе на античный обычай возлагать во время пиршества на голову вѣнки изъ розъ и обвивать этими же цвѣтами кубки встрѣчается и въ сборникѣ, ср. начало оды 5-ой:

Розу нѣжную эротовъ
Съ Діонисомъ сочетаемъ;
Красолюбственною розой
Наши чёла увѣнчаемъ.

Ср. также начало оды 6-ой.

Ст. 16—17. Мотивъ смотрѣнія въ зеркало встрѣчается въ нѣсколько иной, чѣмъ у Пушкина, формѣ въ одѣ 11-ой:

Мнѣ говорятъ дѣвицы:
Ты старъ, Анакреонъ!
На зеркало: ты видишь—
Волосъ ужъ не осталось
И лобъ твой обнажонъ».

Ст. 22—23 заимствованы изъ оды 1-й:

Хочу я нѣть Атридовъ,
И Кадма нѣть охота,
А барбитонъ струнами
Звучитъ мнѣ про Эрота.
Недавно перестроилъ
И струны я, и лиру,
И полюбилъ Алкида
Хотѣлъ повѣдать міру;
А лира, въ новомъ строѣ,
Эрота славитъ вновь.
Простите же, герои!
Отнынѣ струны лиры
Поютъ отцу любовь.

Ст. 26. Мотивъ плески Анакреонта въ хороводѣ попадается очень часто, ср. оды 42-ую, 47-ую, 52-ую и 54-ую.

Ст. 27 можетъ быть сопоставленъ съ нѣснью 21-й:

Дайте мнѣ вина, дѣвицы!
Жаръ томитъ меня съ денницы:
Поскорѣй пришлите мнѣ
Къ Вакху жадными устами...

Ст. 28—32 напоминаютъ оду 38-ую:

Я старъ, но съ молодыми
Я выпью больше всѣхъ,
И тирсомъ хороводнымъ
Мнѣ служитъ винный мѣхъ.
А Нартексовый стебель
Пускай беретъ другой.
Кто хочетъ состязаться—
Являйтеся на бой!
Сюрѣе, отрокъ, въ чашу
Вина мнѣ наливай;
Но сладостный напитокъ
Водою размѣшай.
Я старъ, но съ молодыми
Умѣю поплясать,
Умѣю въ рѣзвой пляскѣ
Сидену подражать.

Ср. также оду 51-ую.

Мысль заключительныхъ стиховъ (38—43) попадается въ сборникѣ также весьма нерѣдко, ср., напр., конецъ оды 41-ой:

Что мы знаемъ о грядущемъ!
Смертныхъ жизнь въ рукахъ безвѣстныхъ.
Лучше жъ, вынивъ, порѣзвиться
Въ сонмѣ дѣвушекъ прелестныхъ.
Пусть заботится кто хочетъ
Отъ забот себя избавить:
Будемъ пить вино въ веселѣ,
Будемъ Вакха нѣснен славить.

Ср. также 2-ую половину оды 15-ой, оды 24-ую и 25-ую.

Эти сопоставленія могутъ, кажется, съ достаточной силой свидѣтельствовать противъ мнѣнія В. Н. Гаевскаго, что Пушкинъ подражалъ въ данномъ стихотвореніи Парни, который заимствовалъ мысль изъ первой оды Анакреонта (Современникъ, 1863 г., т. XCVII, стр. 172). Это мнѣніе Гаевскаго пользовалось такою популярностью, что въ изданіи Пушкина Литературнаго Фонда (I, 96) пьеса имѣетъ подзаголовокъ: Изъ Парни. Объясненіе Гаевскаго опровергъ Л. Н. Майковъ, указавшій что у Парни нѣтъ ни одного стихотворенія, напоминающаго «Гробъ Анакреона». Этотъ же ученый разъяснилъ и источникъ ошибки издѣлователя лицейскихъ стихотвореній Пушкина, говоря: «О существованіи стихотворенія Парни Гаевскій могъ заключить изъ упоминаемой въ его статьѣ и помѣщенной въ журналѣ Сынъ Отечества

Небрежно станцы намарать
И жечь потомъ свои творенья — —
Вотъ здѣсь... но быстро привидѣнья,
Родясь въ волшебномъ фонарѣ
На бѣломъ полотнѣ мелькаютъ —
Мечты находятъ, изчезаютъ,
Какъ тѣнь на утренней зарѣ.

Межъ тѣмъ какъ въ кельѣ молчаливой
Во плѣнъ отдался я мечтамъ
Рукой безпечной и лѣнивой
Разбросивъ риомы здѣсь и тамъ
Я слышу топотъ, слышу ржанье —
Блеснулъ узорнымъ чепракомъ,
Въ блестящемъ ментіи сіяньи
Гусаръ промчался подъ окномъ...
И гдѣ вы мирныя картины
Прелестной сельской простоты?
Среди воинственной долины
Пошусь на крыльяхъ я мечты,
Огни во станѣ догораютъ
Межъ шихъ окутанный плащомъ
Съ сѣдымъ усатымъ козакомъ
Лежу — вдали штыки сверкаютъ
Лихіе ржутъ, бразды кусаютъ
Да изрѣдка грохочетъ громъ,
Летя съ высокаго разката...
Трепещетъ бранью грудь моя
При блескѣ браннаго булата
Огнемъ пылаетъ взоръ, и — я
Лечу на гибель сумостата. —
Мой конь въ ряды враговъ орломъ
Несется съ грознымъ сѣдокомъ —
Съ размаха сыплются удары
О вы отеческіе лары
Спасите юношу въ бояхъ!
Тамъ свищетъ саблей онъ зубчатой
Тамъ киверъ зыблется мерлатой
Съ черкесской буркой на плечахъ
И молча преклонясь ко гривѣ,
Онъ мчитъ стрѣлой по скользкой нивѣ
Съ цыгаркой дымною въ зубахъ...

По лаврамъ побѣдъ увиты
Бойцы изъ чаши мира пьютъ
Военной славою забытый
Спѣшу въ смиренной свой пріютъ
Нашедъ на полѣ битвъ и чести
Одни болѣзни костыли
На вѣкъ оставивъ саблю мести...
Ужъ вижу съ сумрачной дали
Мой тѣсной домикъ, рощи томны,
Калитку, садикъ ближній прудъ
И снова я, философъ скромный —
Укрылся въ милый миѣ пріютъ
И міръ забывъ, и имъ забвенной,
Покой души вкушаю вновь — —

Скажи о сердцу другъ безцѣнной;
Мечта ль и дружба и любовь?
Доселѣ въ рѣзвости безпечной
Брели по розамъ дни мои
Въ невинной ясности сердечной
Не зналъ мученій я любви,
Но быстро день за днемъ умчался
Гдѣ жъ дѣтства ранніе слѣды?
Прелестной возрастъ миновался,
Увяли первые цвѣты!
Ужъ сердце въ радости не бьется
При миломъ видѣ мотылька,
Что въ воздухѣ кружитъ и вьется
Съ дыханьемъ тихимъ вѣтерка —
И въ безпокойствѣ непонятномъ,
Пылаю, тлѣю, кровь горитъ,
И все языкомъ, сердцу внятнымъ,
О нѣжной страсти говоритъ. —
Подруга возраста златова,
Подруга красныхъ дѣтскихъ лѣтъ,
Тебя ли вижу, взоровъ свѣтъ,
Другъ сердца, милая ***,
Вездѣ со мною образъ твой,
Вездѣ со мною призракъ милый:
Во тмѣ полуночи унылой,
Въ часы денницы золотой —
То на концѣ аллеи темной
Вечерней, тихою порой,
Одну въ задумчивости томной
Тебя я вижу предъ собой,
Твой шалью станъ не покровенный,
Твой взоръ на груди потупленный,
Въ щекахъ любви стыдливой цвѣтъ...
Все тихо; брезжетъ лунной свѣтъ
Пахмурясь тополь шевелится
Ужъ сумракъ тусклой пеленой
На холмы дальніе ложится,
И завесъ рощицы струится
Надъ тихо спящею волной
Осеребренною луной.
Одна ты въ рощицѣ со мною
На костыли мои склонясь,
Стопишь подъ нвою густою:
И вѣтеръ сумраковъ, рѣзвясь,
На снѣжну грудь прохладой дуетъ
Играетъ локономъ власовъ
И погу стройную рисуетъ
Сквозь бѣлоснѣжной твой покровъ...
То часомъ полночи глубокимъ
Предъ теремомъ твоимъ высокимъ,
Угрюмой зимнею порой,
Я жду красавицу драгую —
Готовы сани; мракъ густой
Все спитъ, одинъ лишь я тоскую,

Зову часовъ лѣнивый бой...
И шорохъ чудится глухой,

и Сѣверный Архивъ 1830 г., т. XVI, стр. 242—244, пьесы подъ заглавіемъ: «Гробъ Анакреона (подражаніе Парни)», за подписью нѣкоего Алексѣя Милославскаго». (Сочиненія Пушкина, т. I, изд. 2-е, стр. 137).

Наконецъ, отмѣтимъ неудачное мнѣніе покойнаго проф. А. И. Незеленова (Пушкинъ въ его поэзіи, стр. 27), усматривающаго въ заключительныхъ стихахъ пьесы «легкомысленный взглядъ отрока Пушкина на жизнь». Л. Н. Майковъ справедливо возразилъ на это (тамъ же, стр. 137—38), что стихотвореніе «вовсе не выражаетъ собственныхъ воззрѣній Пушкина на жизнь, а есть только поэтическая характеристика Анакреона по даннымъ изъ его собственныхъ одъ».

А. Малеинъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкинскаго текста.»

555. МОЕ ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

Судя по стихотворенію «Гробъ Анакреона», Пушкинъ въ 1815 г. читалъ стихи Анакреона, можетъ быть во французскихъ переводахъ, можетъ быть въ русскомъ переводѣ Н. А. Львова. Это чтеніе могло навести его на мысль написать анакреонтическое «Завѣщаніе друзьямъ». Съ другой стороны мысль «Завѣщанія» могло подать ему одно стихотвореніе Батюшкова, озаглавленное «Отрывокъ изъ элегіи» (1810 г.), гдѣ есть такіе стихи:

О, пока безцѣльна младость
Не умчалась чередой,
Ней изъ чаши полной радость
И, сливая голосъ свой
Въ часъ вечерній съ тихой лютней,
Славь безпечность и любовь!
А когда въ сѣни пріютней
Мы услышимъ смерти зовъ,
То, какъ лозы винограда
Обвиваютъ тонкій вязъ,
Такъ меня, моя отрада,
Обними въ послѣдній разъ!
. . . . . .
И тогда тропой безвѣстной
Долу къ тихимъ берегамъ,
Самъ онъ, богъ любви прелестной,
Поведетъ насъ по цвѣтамъ
Въ тотъ Элизій... и т. д.

Пушкинъ пытался выдержать во всемъ стихотвореніи характеръ античности, но это ему удалось гораздо менѣе, чѣмъ въ «Лицинніи», уже по одному тому, что Римъ былъ ему все же болѣе знакомъ, чѣмъ Эллада. Въ стихотвореніи есть вещи, которыя «другъ другу слишкомъ уже противорѣчатъ», какъ выразился позднѣе самъ Пушкинъ объ одномъ посланіи Батюшкова: рядомъ съ именами греческихъ боговъ, съ Летой, Ахерономъ, Геликономъ, упоминается Пущинъ, рядомъ съ лирами, фіалами, миртовымъ вѣнкомъ—славянская цѣвница, нѣчистая кружка, билеты и т. д. Въ первоначальной редакціи стихотворенія Пушкинъ хотѣлъ дать объясненіе, почему «нѣвецъ рѣшился умереть», и во вступительныхъ стихахъ характеризовалъ его «угрюмый рокъ» (см. критическія примѣчанія въ концѣ тома), но потомъ вычеркнулъ это начало, чтобы не нарушать диссонансомъ веселаго, анакреонтическаго настроенія всей пьесы.

«Воды забвенья» (ст. 3)—Лета. «Узорная бѣлая пелена» (ст. 12)—скатерть. «Сынъ Семелей» (ст. 18)—Вакхъ. Семелея—«сносившая», потому что потребовала отъ Зевса, чтобы онъ явился ей во всемъ своемъ величіи. Нѣвецъ, «воспѣвшій Вакха и Темиру» (ст. 53—4)—Дельвигъ, у котораго есть посланіе «Къ Темирѣ» (1815 г.) и рядъ стихотвореній, славящихъ вино. «Послѣдній вздохъ, о други, ей» (ст. 70)— не первый ли намекъ на любовь къ К. Н. Бакуниной?

Валерій Брюсовъ.

О текстѣ пьесы и др. подробностяхъ см. въ концѣ тома.

55. ПОГРЕБЪ.

Неизвѣстная въ автографѣ, эта пьеса дошла до насъ въ двухъ копіяхъ, одна изъ которыхъ находится въ извѣстномъ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», другая—въ тетради (московскаго публичнаго музея № 2395, л. 715). Текстъ обѣихъ копій и печатный одинъ и тотъ-же. Впервые «Погребъ» напечатанъ въ посмертномъ изданіи произведеній Пушкина (т. IX, стр. 289).

Отнесенная П. А. Ефремовымъ, безъ объясненія причинъ, къ 1815 году (изданіе 1880 г., т. I, стр. 88—89), эта пьеса можетъ быть оставлена подъ приведенной датой изъ-за ея близости съ такими произведеніями 1815 г., какъ «Къ Галичу», «Къ Пущину», «Вода и вино», «Воспоминаніе», «Мое завѣщаніе», въ ко-

И вотъ ужъ шопотъ слышу сладкой,
Съ крыльца прелестная сошла
Чуть чуть дыша идетъ украдкой
И дѣва друга обняла.
Помчались кони вдаль пустились,
По вѣтру гривы разпустились,
Несутся въ снѣжной глубинѣ
Прижалась робко ты ко мнѣ,—
Чуть чуть дыша: мы обомлѣли...
Въ восторгахъ чувства онѣмѣли
Но что! мечтанья отлетѣли!
Увы! я шастливъ былъ во снѣ...

Въ отрадной музамъ тишинѣ
Простыми звуками свирѣли,
Мой другъ, я для тебя воспѣлъ
Мечту младыхъ пѣвцовъ удѣлъ.
Питомецъ музъ и вдохновенья
Стремясь фантазіи вослѣдъ
Находитъ въ сердце наслажденья
И на пути грозящихъ бѣдъ.—
Минуты шастья золотыя
Пускай мнѣ Клюо не совѣтъ,
Въ мечтахъ всѣ радости земныя!
Судьбы всемощнѣе поэтъ.

Концовка Эйзена (18 в.).

горыхъ Пушкинъ усердно прославлялъ «пивную кружку и кубокъ пуншевой».

Бѣлинскій включаетъ «Погребъ» въ число тѣхъ лицейскихъ стихотвореній Пушкина, которыя напоминали ему «предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы или, по крайней мѣрѣ, ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этихъ двухъ поэтовъ». Можно прибавить, что по языку, по живости настроенія «Погребъ» долженъ быть причисленъ къ лучшимъ произведеніямъ этой школы, несмотря на то, что былъ, несомнѣнно, созданъ головнымъ воображеніемъ, а не дѣйствительнымъ увлеченіемъ. О такихъ своихъ стихахъ какъ «Погребъ» Пушкинъ очень скоро сталъ вспоминать съ насмѣшкой надъ самимъ собою и уже въ 1816 г. разсказывалъ («А. А. Шишкову»), какъ

Съ небрежной лѣностью напѣвалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ;
Уподникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
Бывало пѣлъ вино водянными стихами.

Н. Лернеръ.

57. ВОСПОМИНАНІЕ.

Неизвѣстное въ автографѣ «Воспоминаніе» сохранилось въ трехъ старыхъ копіяхъ. Одна находится въ сборникѣ «Двухъ лицейскихъ трубадуровъ», другая—въ принадлежащей К. Я. Гроту тетради Ѳ. Ѳ. Матюшкина (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 242), третья—въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2395 (л. 694). Текстъ всѣхъ копій и печатный (впервые пьеса появилась въ посмертномъ изданіи, т. IX, стр. 299—300) одинаковъ. Хронологія пьесы установлена В. И. Гаевскимъ («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 361).

По разсказу П. В. Нущина, лицейскаго товарища Пушкина, «Воспоминаніе» было вызвано «исторіей гогель-могеля» (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 57—60), относящейся еще къ 1814 г. Шалость лицеистовъ, по словамъ Нущина, приняла въ глазахъ начальства серьезный характеръ, такъ что Пушкину было о чемъ вспомнить впослѣдствіи.

«Мы,—разсказываетъ Нущинъ,— т. е. я, Малиновскій и Пушкинъ, затѣяли выпить гогель-могелю. Я досталъ бутылку рому; добыли яицъ, наколки сахару, и началась работа у кипящаго самовара. Разумѣется, кромѣ насъ, были и другіе участники въ этой пирушкѣ, но они остались за кулисами по дѣлу, а въ сущности одинъ изъ нихъ, именно Тырковъ, въ которомъ чередуръ подѣйствовалъ ромъ, былъ причиной, по которой дежурный гувернеръ замѣтилъ какое-то необыкновенное оживленіе, шумливость, бѣготню; сказалъ инспектору; тотъ послѣ ужина всмотрѣлся въ молодую свою команду и увидѣлъ что-то взвинченное. Тутъ же начались споры, розыски. Мы трое явились и объявили, что это—наше дѣло, и что мы одни виноваты.

«Исправлявшій тогда должность директора профессоръ Гауеншильдъ донесъ министру. Графъ Разумовскій пріѣхалъ изъ Петербурга, вызвалъ насъ изъ класса и сдѣлалъ намъ формальный строгій выговоръ. Этимъ не кончилось,—дѣло поступило на рѣшеніе конференціи. Конференція постановила слѣдующее: 1) двѣ недѣли стоять на колѣняхъ во время утренней и вечерней молитвы; 2) смѣстить насъ на послѣднія мѣста за столомъ, гдѣ мы сидѣли по поведенію, и 3) занести фамиліи наши, съ прописаніемъ виновности и приговора, въ черную книгу, которая должна была имѣть вліяніе при выпускѣ.

«Первый пунктъ приговора былъ выполненъ буквально. Второй смягчался по усмотрѣнію начальства; насъ, по истеченіи нѣкотораго времени, постепенно подвигали опять вверхъ. При этомъ Пушкинъ сказалъ: «Блаженъ мужъ, иже сидитъ къ кашѣ ближе». На этомъ концѣ раздавалось кушанье дежурнымъ гувернеромъ. Третій пунктъ, самый важный, остался безъ всякихъ послѣдствій. Когда, при разсужденіяхъ конференціи о выпускѣ, представлена была директору Энгельгардту черная книга, гдѣ мы трое только и были записаны, онъ ужаснулся и сталъ доказывать своимъ сочленамъ, что мудрено допустить, чтобы давнишняя шалость, за которую тогда же было взыскано, могла бы еще имѣть вліяніе и на всю будущность молодыхъ людей послѣ выпуска. Всѣ тотчасъ согласились съ его мнѣніемъ, и дѣло было сдано въ архивъ...

«По случаю гогель-могеля Пушкинъ, въ подражаніе стихамъ И. И. Дмитріева [1]:

Мы недавно отъ печали,
Лиза, я да Купидонъ,
По бокалу осушали
И прогнали мудрость вонъ, и пр.

экспромптомъ сказалъ:

«Мы недавно отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали
И Ому прогнали вонъ».

Остальныхъ строфъ не помню; этому слишкомъ сорокъ лѣтъ. Ома былъ дядька, который купилъ намъ ромъ. Мы кой-какъ вознаградили его за потерю мѣста. Предполагается, что нѣкто поэтъ Малиновскій, но его фамиліи не вламаешь въ стихъ. «Баронъ»—для рифмы, означаетъ Дельвига. Были и каррикатуры, на которыхъ изъ-подъ стола выглядывали фигуры тѣхъ, кого намъ удалось скрыть.

«Вообще это пустое событіе, которымъ, разумѣется, нельзя похвастать, надѣлало много

1 Ошибка: эти стихи принадлежатъ Д. В. Давыдову.

59. СЛЕЗА.

Вчера за чашей пуншевою
Съ Гусаромъ я сидѣлъ,
И молча, съ мрачною душою,
На дальній путь глядѣлъ.

«Скажи, что смотришь на дорогу?
Гусаръ мой вопросилъ:
Еще по ней ты, слава Богу,
Друзей не проводилъ».

Къ груди поникнувъ головою,
Я скоро прошепталъ:
Гусаръ! ужъ нѣтъ ее со мною!...
Вздохнулъ—и замолчалъ.

Слеза повисла на рѣсницѣ
И канула въ бокалъ.
«Дитя, ты плачешь о дѣвицѣ;
Стыдись!» Онъ закричалъ

«Оставь, Гусаръ, ахъ! сердцу больно—
Ты, знать, не горевалъ.
Увы! одной слезы довольно,
Чтобъ отравить бокалъ! ..

шуму и огорчило нашихъ родныхъ, благодаря предумышленному распоряженію начальства. Все могло кончиться домашнимъ порядкомъ, если бы Гауеншильдъ и инспекторъ Фроловъ не вздумали формальнымъ образомъ донести министру».

Заведенное о проступкѣ трехъ лицеистовъ «дѣло» нашелъ въ архивѣ лицея и перепечаталъ профессоръ Н. А. Шляпкинъ («Къ біографіи А. С. Пушкина», Спб., 1899 г., стр. 23—24. «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903 г., стр. 335—336). Изъ «дѣла» видно, что напшлили друзья 5 сентября 1814 г.; 22 сентября министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій, которому донесъ объ этомъ инспекторъ лицея, предписалъ лицейской конференціи завести особую книгу и вписать въ нее имена провинившихся, «съ означеніемъ ихъ вины»,—«чтобы важный проступокъ не оставался безъ примѣрнаго наказанія»; при этомъ министръ приказалъ объявить виновнымъ, что ихъ «дурное поведеніе» припомнится имъ при выпускѣ. 5 октября конференція лицея потребовала отъ «надзирателя по учебной и нравственной части», т. е. инспектора С. С. Фролова, «подробнаго изъясненія вины» Малиновскаго, Пущина и Пушкина. 10 октября Фроловъ донесъ, въ чемъ состояла ихъ вина, сообщилъ, что они уже наказаны имъ, и попытался немного оправдать шалуновъ «рѣзвостью и дѣтскимъ любопытствомъ». Штрафная книга не дошла до насъ.

Бѣлинскій отнесъ «Воспоминаніе» къ числу пьесъ, «ознаменованныхъ сильнымъ вліяніемъ Батюшкова», сказавшимся «не только въ фактурѣ стиха, но и въ складѣ выраженія». В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 361) отмѣтилъ даже внѣшнее сходство «Воспоминанія» съ стихотвореніемъ Батюшкова «Ложный страхъ», начинающимся такъ:

Помнишь ли, мой другъ безцѣнный,
Какъ съ амурами тишкомъ,
Мракомъ ночи окруженный,
Я къ тебѣ прокрался въ домъ?...

Подражательная по духу и кое-гдѣ по формѣ, пьеса Пушкина обращаетъ на себя вниманіе со стороны языка, который далеко не такъ гладокъ и чистъ, какъ во многихъ другихъ произведеніяхъ лицейскаго періода. «Закипѣвъ, о, сколь прекрасно токи дымные текли!»—такое тяжеловесное, архаическое выраженіе совершенно не въ пушкинскомъ духѣ, но объясняется шуточнымъ тономъ. Ѳ. Е. Коршъ въ своей статьѣ о поддѣльномъ окончаніи «Русалки» («Изв. отд. русс. яз. и словесн. Имп. Акад. Наукъ» 1898 г., т. III, стр. 698) указываетъ галлицизмъ: «Изнѣжили чадъ похмелья», въ смыслѣ «выдавали» (=trahissaient) и (стр. 646) неправильность структуры перваго стиха, гдѣ, благодаря ударенію на третьемъ слогѣ, особенно оттѣняется приставка «ли», на которую логическое удареніе вовсе не должно падать.

Н. Лернеръ.

58. ПОСЛАНІЕ КЪ ЮДИНУ.

Павелъ Михайловичъ Юдинъ—лицейскій товарищъ Пушкина, впослѣдствіи служившій по министерству иностранныхъ дѣлъ (ум. 1852 г.). Судя по первымъ стихамъ, посланіе Пушкина вызвано самимъ Юдинымъ, спрашивавшимъ у Пушкина, что намѣренъ онъ дѣлать въ жизни, по окончаніи Лицея. Пушкинъ отговаривается, что ему, «невольнику мечты», трудно пересказать все, о чемъ онъ грезитъ, но все же рисуетъ два ряда картинъ: военной, походной жизни и жизни русскаго помѣщика въ деревнѣ. Мечты о военной карьерѣ увлекали Пушкина долго (см. еще первое «Посланіе къ Галичу» и «Посланіе В. Л. Пушкину») и онъ разстался съ ними лишь передъ самымъ выходомъ изъ Лицея. А любви къ тихой деревенской жизни не могли убить въ немъ даже годы заточенія въ Михайловскомъ; въ одномъ изъ позднѣйшихъ стихотвореній замышлялъ онъ «побѣгъ—въ обитель мирную трудовъ и чистыхъ нѣгъ». О своемъ истинномъ призваніи поэта Пушкинъ въ посланіи не упоминаетъ, но это объясняется характеромъ П. М. Юдина, чуждаго литературныхъ интересовъ. Пушкинъ въ стихотворныхъ посланіяхъ, какъ и въ письмахъ, всегда приноравливается къ кругозору того лица, къ которому обращается. «Посланіе къ Юдину» среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина отличается трезвымъ реализмомъ, меньшей долей заимствованнаго, надуманнаго, условнаго. Правда, въ посланіи еще есть смѣшеніе современности съ античностью: въ саду русскаго помѣщика еще царятъ Флора и Помона, гусары при громѣ пушекъ еще молятъ о спасеніи отеческихъ ларъ и послѣ пируютъ, увитые лаврами,—но эти мелочи заслоняются реализмомъ описаній дѣйствительности. Село Захарово,

АМУРЫ, ПЛЯШУЩІЕ ВОКРУГЪ СТАТУИ КУПИДОНА.

Одна изъ наиболье характерныхъ для художественной манеры Альбани картинъ. (Дрезденская галлерея)

60. КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Дитя Харитъ и вдохновенья,
Въ порывѣ пламенной души,
Небрежной кистью наслажденья
Мнѣ друга сердца напиши:

Красу невинности прелестной,
Надежды милыя черты,
Улыбку радости небесной
И взоры самой красоты.

Вкругъ тонкаго Гебеи стана
Веперинъ поясъ повяжи;
Сокрытой прелестью Альбана
Мою Царицу окружи:

Прозрачны волны покрывала
Накинь на трепетную грудь,
Чтобъ и подъ нимъ она дышала,
Хотѣла тайно воздохнуть.

Представь мечту любви стыдливой
И той, которою дышу,
Рукой любовника счастливой
Внизу я имя подпишу.

о которомъ упоминается въ стихотвореніи, не вымышлено. Это—имѣніе подъ Москвой (по Можайской дорогѣ), гдѣ Пушкинъ, въ годы своего дѣтства, съ 1806 по 1811, проводилъ лѣтніе мѣсяцы у своей бабушки. (См. выше стр. 30—31). Если зимой, въ домѣ отца, въ обществѣ лучшихъ писателей того времени, Пушкинъ съ раннихъ лѣтъ сталъ увлекаться литературой, то лѣтомъ, въ деревнѣ бабушки, онъ уже ребенкомъ сжился съ русской природой, съ русской народной жизнью. Въ Лицей Пушкинъ поступилъ, какъ это видно изъ его стихотвореній, съ большимъ запасомъ знаній по литературѣ. «Посланіе къ Юдину» показываетъ, что въ душѣ его былъ не меньшій запасъ живыхъ впечатлѣній, воспринятыхъ въ русской деревнѣ. Но внѣшности стихотвореніе напоминаетъ посланіе Батюшкова «Мои пенаты» и отвѣтное посланіе Жуковскаго.

Виланда (ст. 91) Пушкинъ, плохо зная нѣмецкій языкъ, могъ читать во французскихъ переводахъ, которыхъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка появлялось довольно много. Замѣтимъ, однако, что въ одной лицейской рукописи Пушкина 1817 года (Рум. Муз. № 2364, листъ 42) написано рукой Пушкина: «O Zauberei der ersten Liebe!... Wieland».

В. Брюсовъ.

Въ связи съ «Посланіемъ къ Юдину», Майковъ сдѣлалъ странную попытку ввести въ біографію Пушкина новое лицо, доселѣ никому неизвѣстное:

Сознаваясь, что еще не знаетъ истинной любви и только мечтая о ней, авторъ «Посланія къ Юдину» все же сохраняетъ живое чувство дѣйствительности: среди этихъ мечтаній вспоминаетъ подругу своихъ дѣтскихъ игръ, но имени ея не рѣшается повѣрить даже своей рукописи и замѣняетъ его тремя звѣздочками. Комментаріи къ Пушкину не связанъ такою сдержанностью, и въ немъ позволительно высказать, по крайней мѣрѣ, догадку о лицѣ, которое можно разумѣть подъ тремя звѣздочками «Посланія»: по всему вѣроятію, это—Марія Дмитріевна Мертваго, которая въ 1810—1812 годахъ жила со своими родителями въ селѣ Демьяновѣ подъ Клиномъ; ея отецъ одинъ изъ видныхъ административныхъ дѣятелей Александровскаго времени, извѣстный своимъ безкорыстіемъ, былъ женатъ на Варварѣ Марковнѣ Полторацкой, а съ многочисленной семьей Полторацкихъ Пушкины состояли въ короткихъ сношеніяхъ; Демьяново приходилось на пути изъ Москвы въ Петербургъ и, какъ разсказываетъ Д. В. Мертваго въ своихъ Запискахъ (изданіе Русскаго Архива, М., 1807, ст. 312), всѣ его знакомые, слѣдуя по этой дорогѣ, заѣзжали въ его имѣніе; очень можетъ быть, что тамъ побывалъ и Пушкинъ, когда, въ іюлѣ лѣта 1811 года, дядя Василій Львовичъ повезъ его въ Петербургъ для помѣщенія въ лицей: правда, молодой Мертваго едва минуло тогда пять лѣтъ, но вѣдь и Пушкину было всего двѣнадцать; эта дѣтская встрѣча и могла послужить поводомъ къ мечтаніямъ, которыми юный авторъ «Посланія къ Юдину» заключаетъ свое произведеніе. Въ лицейскомъ періодѣ жизни и творчества Пушкина можно отмѣтить рядъ проявленій съ его стороны почти что дѣтскихъ, которыя только его фантазіа старалась облечь въ форму мыслей и поступковъ взрослаго человѣка».

Конечно, никому не возбраняется «высказать, по крайней мѣрѣ, догадку», но надо для этого имѣть хоть какое-нибудь основаніе. А Майковъ и намека на такое основаніе не представилъ. И совершенно непонятно, почему его вниманіе остановилось на пятилѣтней Мертваго, которую Пушкинъ видѣлъ во время какой-то остановки по пути въ Петербургъ. Нѣчто въ родѣ обоснованія, хотя тутъ-же вполнѣ основательно опровергаемаго, подсказываетъ Майкову П. А. Ефремовъ въ примѣчаніяхъ къ послѣднему изданію (Спб. 1905, т. VIII, стр. 34).

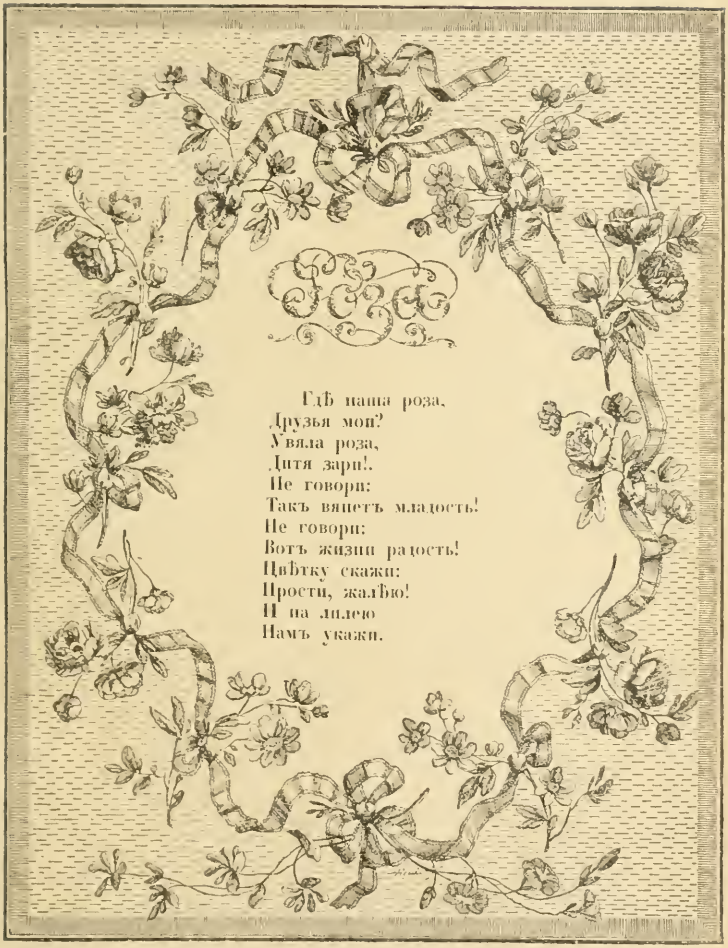
«А. Н. Майковъ полагаетъ, что въ стихотвореніи этомъ Пушкинъ вспоминаетъ «подругу возраста златаго, подругу красныхъ дѣтскихъ лѣтъ» Марію Дмитріевну Мертваго, которая жила съ родителями въ 1810—1812 годахъ въ с. Демьяновѣ, подъ Клиномъ. Но это не по сосѣдству, а «красные дѣтскіе годы» должно бы ограничить только одними 1810-мъ, когда «подругѣ возраста *златаго*» было только 5 лѣтъ. Еслибъ это была Мертваго, Пушкинъ не поставилъ-бы для рифмы слово, которое надо читать *златаго*, для рифмы-же съ «*златова*» не сталъ-бы перемѣнять фамилію въ Мертвова». Ему рифмъ не надо было искать, «сами приходили».

Эти соображенія получаютъ подкрѣпленіе въ орографіи первоисточника для «Посланія къ Юдину»—рукописи Румянц. музея № 2364, согласно которой въ напемъ изданіи рифмующій съ *** стихъ напечатанъ такъ:

Подруга возраста *златова*.

Итакъ, догадка относительно Мертваго падаетъ сама собой и при добромъ желаніи можно начать розыски среди знакомыхъ Пушкина какой-нибудь дѣвицы съ фамиліей Благово, Негрово, Соловово, Дурново и т. д.

Но если «Посланіе къ Юдину» не даетъ основаній для точнаго указанія опредѣленнаго лица, то возможно, однако, что оно устанавливаетъ какой-то неизвѣстный намъ романическій эпизодъ изъ исторіи дѣтства Пушкина. Все посланіе носитъ на себѣ яркіе слѣды автобіографичности, и нѣтъ осно-



Книжная рамка 18 вѣка.

Картушъ-виньетка, рисованная Ransonʼомъ, грав. Berthault. Русская надпись «Роза» стилизована.

ванія именно въ эпизодѣ съ «подругой возраста златова» усматривать простое литературное упражненіе. Но, конечно, при той смѣси Wahrheit und Dichtung, которую представляетъ собою лицейское творчество Пушкина, вполнѣ возможно и то, что первоначальный намъ изъ семейныхъ преданій предметъ ранней страсти Пушкина какъ разъ всецѣло относится къ области Dichtung.

О текстѣ посланія см. въ концѣ тома.

С. Венгеровъ.

59. СЛЕЗА.

Илличевскій въ письмѣ къ Фуссу (1816 г.) называлъ «Слезу» и «Усы» гусарскими стихотвореніями Пушкина; вѣроятно, подъ такимъ названіемъ они слыли среди его товарищей по лицею. Образцами «Слезѣ» служили современные романсы для пѣнія (среди нихъ особенно романсъ Батюшкова «Гусаръ на саблю опирается») и пѣсни Дениса Давыдова, распространявшіяся въ рукописи. Сохранилось извѣстіе, будто Пушкинъ на вопросъ, какъ удалось ему сохранить самостоятельность въ творчествѣ даже на школьной скамьѣ, отвѣтилъ: «Я этимъ обязанъ Денису Давыдову: онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ». Неизвѣстно, насколько точно переданы въ разсказѣ слова Пушкина, но безспорно, что онъ въ лицеѣ живо интересовался Д. Давыдовымъ, о которомъ упоминаетъ въ своихъ лицейскихъ запискахъ и котораго называетъ въ «Посланіи къ В. Л. Пушкину» (1817 г.) «храбрецомъ Денисомъ». Любопытно, что другое «гусарское» стихотвореніе Пушкина «Усы» впервые было напечатано (безъ вѣдома автора въ 1831 г.) за подписью Д. Давыдовъ. Въ лицейскихъ стихахъ Пушкинъ часто возвращается къ мечтѣ о военной службѣ («Посланіе къ Юдину», первое «Посланіе къ Галичу», «Посланіе къ В. Л. Пушкину»). М. А. Корфъ, товарищъ Пушкина по лицею, разсказываетъ, что лицеисты «въ свободное время ходили и въ кондитерскую и по гусарамъ, безо всякаго спроса, даже безъ вѣдома приставниковъ, возвращаясь иногда въ глубокую ночь». Другой лицеистъ, С. Комовскій, въ своей запискѣ подтверждаетъ этотъ разсказъ. «Внѣ лицея онъ (Пушкинъ) знакомъ былъ съ нѣкоторыми отчаянными гусарами, жившими въ то время въ Царскомъ Селѣ (Кавериныхъ, Молостовыхъ, Саломирскій, Сабуровъ и др.). Вмѣстѣ съ ними, тайкомъ отъ своего начальства, онъ любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ». В. Гаевскій полагаетъ, что «гусаръ въ стихотвореніи «Слеза»—лицо не вымышленное, а тотъ А. И. Зубовъ, въ альбомъ котораго Пушкинъ, при выпускѣ изъ лицея, написалъ стихи и которому онъ повѣрялъ свои сердечныя тайны. Надо полагать, что невымышлено и чувство, выраженное въ стихотвореніи: это одно изъ первыхъ отраженій въ поэзіи Пушкина его увлеченія Е. И. Бакунинской, которое вызвало рядъ элегій 1816 года. (См. статью о ней).

В. Брюсовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ПУШКИНА.

(Е. И. БАКУНИНА).

«Первую, платоническую, истинно поэтическую любовь возбудила къ Пушкинѣ сестра одного изъ лицейскихъ товарищей его (фрейлина Екатерина Павловна Бакунина). Она часто навѣщала брата своего и всегда пріѣзжала на лицейскіе балы. Прелестное лицо ея, дивный станъ и очаровательное обращеніе произвели всеобщій восторгъ во всей лицейской молодежи. Пушкинъ съ чувствомъ пламеннаго юноши описалъ ея прелести въ стихотвореніи своемъ Къ Живописцу, которое очень удачно положено было на ноты лицейскимъ же товарищемъ его Яковлевымъ и постоянно пѣто до самаго выхода изъ заведенія».

Такъ разсказываетъ лицеистъ С. Д. Комовскій. П. П. Пущинъ, тоже упоминая въ своихъ «Запискахъ о дружескихъ связяхъ съ Пушкинымъ» стихи къ Живописцу, объясняетъ: «Пушкинъ проситъ живописца написать портретъ Е. И. Бакуниной, сестры нашего товарища. Эти стихи—выраженіе не одного только его страдавшаго тогда сердечка!»

Богъ все, что сообщаютъ намъ о первой любви Пушкина тѣ, кому довелось

быть ея свидѣтелями, такъ сказать очевидцами. Гораздо больше узнаемъ мы отъ самого Пушкина. Уцѣлѣвшій листокъ его лицейскаго дневника, нѣсколько стихотвореній 1815 г. и рядъ стихотвореній 1816 г. разсказываютъ намъ всю исторію его любви къ Бакунинской, позволяютъ прослѣдить весь постепенный ростъ его чувства, всѣ перипетіи его перваго романа. И эта внутренняя послѣдовательность лучше всѣхъ другихъ внѣшнихъ признаковъ опредѣляетъ хронологію стиховъ Пушкина того времени.

Записи въ дневникѣ относятся, повидимому, къ ноябрю 1815 г. *) Мы читаемъ на этомъ листкѣ:

Итакъ, я шастливъ былъ: итакъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался!..
И гдѣ веселья быстрый день?
Промчались летомъ сновидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья,
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!

Я счастливъ былъ!.. нѣтъ, я вчера не былъ счастливъ: по утру мучился ожиданьемъ, съ исписаннымъ волненьемъ стоя подъ окошкомъ, смотрѣлъ на снѣжную дорогу—ея не видно было! Наконецъ, я потерялъ надежду: вдругъ нечаянно встрѣчаюсь съ нею на лѣстницѣ, сладкая минута!..

Онъ нѣлъ любовь, но былъ печаленъ гласъ:
Увы, онъ зналъ любви одну лишь муку!
Жуковскій.

Какъ она мила была! какъ черное платье пристало милой Бакунинской. Но я не видѣлъ ее 18 часовъ—ахъ! Какое положеніе, какая мука! Но я былъ шастливъ пять минутъ».

Къ тому же времени, а, можетъ быть, и нѣсколько болѣе раннему, надо отнести стихи «Къ Живописцу» и «Слеза». Въ двухъ этихъ стихотвореніяхъ чувствуется еще самое зарожденіе любви. Влюбленный поэтъ еще не таитъ своего чувства, ищетъ среди друзей наперсниковъ, чтобы довѣрить имъ свою тайну: она еще не стала для него завѣтной святыней. Это—начальная фаза влюбленности, какъ бы «введеніе» въ первый романъ, пережитый Пушкинымъ.

Первую главу этого романа образуютъ первыя элегіи 1816 г.: «Наѣздникъ», «Посланіе къ князю Горчакову», «Окно», «Наслажденіе», «Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ...» «Любовь одна веселье жизни хладной». Все это—признанія любви затаенной и безнадежной. Влюбленный юноша говоритъ уже не объ «одной слезѣ», которой довольно, чтобъ отравить бокалъ, но о погибели всей своей жизни и ея лучшихъ надеждъ. Въ эпическомъ отрывкѣ «Наѣздникъ», разумѣя, конечно, самого себя подъ «воинственнымъ поэтомъ», Пушкинъ говоритъ о предчувствіи «желаннаго» конца, о томъ, что она, та, кого онъ любитъ, даже не вздохнетъ объ его смерти. Въ «Посланіи къ кн. Горчакову» онъ жалуется, что зналъ любовь, но не зналъ надежды, что ему суждено «на жизненномъ пиру» явиться, какъ угрюмому гостю, одинокимъ, на часъ. Въ элегіи «Счастливъ, кто въ страсти...»—что въ «унылой» жизни ему нѣтъ наслажденій, что самый «цвѣтъ» его жизни сохнетъ отъ постоянныхъ мукъ. Въ стансахъ «Окно»—что его удѣлъ «дышать унынiемъ», что міръ для него опустѣлъ. Въ стихотвореніи «Наслажденіе»—что отъ самаго рожденія до лѣтъ отрочества онъ не зналъ счастія и т. д. и т. д.

По самое безнадежное изъ этихъ стихотвореній—элегія «Любовь одна веселье жизни хладной». Назвавъ своимъ удѣломъ—бродить одинокимъ, мрачнымъ и унылымъ, въ вечерній часъ, надъ сѣдымъ озеромъ (т. е. по берегамъ Царскосельскихъ прудовъ), Пушкинъ твердитъ о своей тоскѣ, слезахъ и страданіяхъ. Въ «Посланіи къ кн. Горчакову» ему еще видѣлось утѣшеніе въ несчастной любви: «Мой скромный даръ и счастіе друзей»: но теперь онъ готовъ отказаться отъ самаго священнаго для себя, отъ своего дара, готовъ «навсегда» оставить «пустынному зефиру» свою «покинутую лиру». Такой приступъ отчаянья вызванъ, кажется, чувствомъ ревности, если судить по стихамъ:

Пускай она прославится другимъ;
Одинъ люблю,—о н ь любитъ и любимъ.

Слова Пушкина, приведенныя выше, объясняютъ это восклицаніе. Самъ Пушкинъ въ «Лицейской годовщинѣ» 1825 г., говоря о двухъ своихъ друзьяхъ,—И. И. Пущинѣ и А. Д. Илличевскомъ,—вспоминаетъ, какъ

*) Въ «Программѣ Записокъ», составленной вѣроятно въ 1830 г., Пушкинъ подъ 1814 годомъ помѣтилъ «Первая любовь». Но нѣтъ прямыхъ основаній думать, что подъ этими словами, какъ и въ рукописи зачеркнутыми, Пушкинъ подразумѣвалъ именно свое увлеченіе Е. Н. Бакунинской, а не какое-либо другое, мимолетное, юношеское чувство. Кромѣ того, вспоминая то, что происходило 15 лѣтъ назадъ, Пушкинъ могъ и ошибиться годомъ. «Программа Записокъ» обрывается на самомъ началѣ 1815 года.

они «впервой всѣ трое полюбили» (по другому варіанту: «одну всѣ трое полюбили»). Пущинъ не писалъ стиховъ и ревнивое восклицаніе Пушкина было обращено, повидимому, къ Илличевскому. Пушкину показалось, что ему предпочли другого, и, въ порывѣ юношеской ревности, онъ горько предоставляетъ этому другому «прославить» ту, кого они оба любили.

Упоминаніе о «сѣдомъ озерѣ» указываетъ, что элегія была написана уже весною. Лѣто 1816 г. Е. Бакунина съ матерью провела въ Царскомъ Селѣ, и Пушкинъ могъ чаще встрѣчаться съ нею. Началась вторая глава его романа и новый циклъ его стихотвореній: «Надпись къ бесѣдкѣ», «Мѣсяцъ», «Къ письму», «Шишкову», «Къ Морфею», «Пробужденіе», «Къ ней», «Осеннее утро», «Разлука».

Этотъ циклъ открывается «Надписью къ бесѣдкѣ». Надо думать, что Е. Бакунина не осталась безотвѣтной на ухаживанія юнаго поэта, въ которомъ уже тогда нѣкоторые прозрѣвали геній. Она не отвѣтила юношѣ съ той пламенностью, какой онъ, можетъ быть, ждалъ отъ нея, но не отказала ему въ нѣсколькихъ тайныхъ встрѣчахъ, въ нѣсколькихъ свиданіяхъ въ тиши Царскосельскихъ садовъ. Можетъ быть, во время одного изъ весеннихъ лицейскихъ баловъ Бакунина и Пушкинъ нашли время выйти вмѣстѣ въ садъ и провести нѣсколько минутъ вдвоемъ въ бесѣдкѣ. Какъ прежде юный поэтъ говорилъ въ преувеличенныхъ выраженіяхъ о своихъ страданіяхъ, такъ теперь онъ не находитъ словъ, чтобы передать свое счастіе:

Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ пламенномъ погасъ,
И время самое для насъ
Остановилось на минуту!

Вѣроятно, о той же самой встрѣчѣ разсказываетъ стихотвореніе «Мѣсяцъ», гдѣ поэтъ вспоминаетъ, какъ лунное сіяніе

Сквозь темный осень проницало
И бѣлило, бѣлило озарило
Красу любовницы моей.

Въ четверостишіи «Къ письму» сохранился для насъ слѣдъ другого эпизода изъ этого романа: воспоминаніе о какой-то запискѣ, полученной Пушкинымъ отъ Бакуниной. Всѣ знаютъ, что въ дни первой любви эти мелкіе, незначительные факты принимаютъ значеніе важныхъ событій.

Въ стихотвореніи «Мѣсяцъ», въ вычеркнутой поздѣе строфѣ, Пушкинъ противополагалъ свою новую, чистую любовь—чувственному влеченію:

Что вы, восторги сладострастья,
Предъ тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья!

Нельзя сомнѣваться, что встрѣчи Пушкина и Бакуниной были, дѣйствительно, свиданіями чистыми, чуждыми всякой чувственности. Нельзя сомнѣваться и въ искренности приведенныхъ стиховъ. Но надо предположить, что они были написаны въ минутномъ порывѣ, потому что въ самой любви Пушкина къ Бакуниной сладострастный оттѣнокъ все же былъ. Ранній поклонникъ Парни, авторъ анакреонтическихъ стихотвореній 1815 г., позднѣе сознававшійся въ «безстыдномъ бѣшенствѣ» своихъ желаній,—не могъ до конца превратиться въ мечтательнаго романтика. Въ самыхъ безнадежныхъ элегіяхъ Пушкинъ все же мечтаетъ объ «отрадѣ тайныхъ наслажденій», о томъ, чтобы въ часъ, когда луна покроется темнотой, ему «открылось окно», или о томъ, чтобы туманный лучъ луны велъ его къ «полночи сладострастной», или о томъ, наконецъ, чтобы

въ радости нѣмой, въ блаженствѣ упоенья
Твой шопотъ слатостный и томный стонъ внимать,
И тихо въ скромной тмѣ для нѣги пробужденья
Блидзь милой засынать.

Характерны въ этомъ отношеніи и два стихотворенія, посвященныя сну — «Къ Морфею» и «Пробужденіе», особенно второе. Въ нихъ юноша, не имѣя возможности встрѣчаться съ милой, мечтаетъ о томъ, чтобы быть съ ней хотя бы въ сновидѣніяхъ. Первоначальная редакція «Пробужденія» показываетъ, что поэтъ имѣлъ въ виду именно страстныя сновидѣнія:

И по утру,
Вновь утомленный,
Пускай умру
Не пробужденный.

Позднѣе (въ 1829 г.), разсказывая о своей юношеской любви, Пушкинъ вспоминалъ и то, какъ онъ томился «обманомъ пылкихъ сновъ».

Осенью 1816 г. Бакунины переѣхали изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Прощанію посвящены два стихотворенія: «Осеннее утро» и «Разлука». Изъ нихъ мы

узнаемъ о новой встрѣчѣ Пушкина съ Бакуниной, наединѣ, въ день ея отъѣзда. «Осеннее утро» написано на слѣдующій день послѣ того, какъ влюбленный поэтъ, «трепетный», «въ слезахъ», «прикоснулся въ послѣдній разъ устами» къ рукѣ своей возлюбленной. Стихотвореніе, хотя и грустное, полно еще воспоминаніями свиданія и надеждой на будущее:

... До сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою.

Стихи «Разлуки» гораздо безутѣшнѣе. Поэтъ вспоминаетъ свои мечты о «сладостной веснѣ», о «не вѣчной разлукѣ» и восклицаетъ:

Какъ мало я любовь и сердце зналъ!

Прошли дни, не принеся «забвенія фіалъ», и для поэта вновь настало время тягостныхъ элегій. «Разлукой» заключается вторая глава романа Пушкина: краткая пора чуть мелькнувшей взаимности. Онъ опять— «одинокій» гость на жизненномъ пиру.

Третья глава вся посвящена воспоминаніямъ. Ее образуютъ стихотворенія: «Я видѣлъ смерть... Она безмолвно сѣла...», «Желаніе», «Опять я вашъ, о юные друзья», «Друзьямъ» и «Я думалъ, что любовь погасла навсегда». Въ этихъ стихахъ опять то же отчаянье, та же безнадежность и тѣ же преувеличенныя восклицанія, какъ въ элегіяхъ начала 1816 г. Въ стихахъ «Я видѣлъ смерть...» Пушкинъ, обращаясь съ послѣднимъ прости къ своей возлюбленной, называетъ ее: «ты, которая была мнѣ въ мірѣ богомъ»; онъ снова говоритъ о предчувствіи смерти, о томъ, что онъ скоро покинетъ міръ.

Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!

Въ томъ же тонѣ написано «Желаніе», гдѣ поэтъ восклицаетъ:

О жизни сонъ, лети, не жаль тебя!

Два стихотворенія, посвященныя друзьямъ, показываютъ, что Пушкинъ, занятый послѣдніе мѣсяцы исключительно личными переживаніями, вновь вернулся въ товарищескій кругъ. Съ этого признанія и начинается элегія «Опять я вашъ, о юные друзья»; но бодрая пѣснь обрывается унылымъ аккордомъ: поэтъ отрекается отъ лиры и наполняетъ свои стихи неумѣренными жалобами: «пора веселости ушла навѣкъ», «мнѣ скученъ міръ», «мнѣ страшенъ дневный свѣтъ», «я радость ненавижу» и т. д. Болѣе сдержано другое посланіе «Друзьямъ», гдѣ поэтъ, хотя и «сквозь слезы», но готовъ улыбнуться на безпечную радость друзей.

Послѣднее стихотвореніе этого цикла открывается неожиданнымъ восклицаніемъ: «Я думалъ, что любовь погасла навсегда». Кто можетъ такъ думать, уже не ощущаетъ своей страсти съ прежней остротой. И въ самой элегіи, несмотря на взрывы отчаянья, чувствуется непобѣдимая жажда освободиться отъ любви:

Любовь, отрава нашихъ дней,
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній,
Не сожигай души моей,
Огонь мучительныхъ желаній!
Летите, призраки!.. Амуръ, ужъ я не твой!

Понемногу юноша-поэтъ начинаетъ отдаваться новымъ сердечнымъ увлеченіямъ. Появляются его стихи «Къ Наташѣ», «Лилѣ», «Къ молодой вдовѣ», «Къ Лидѣ». Весной 1817 г. Пушкинъ уже могъ посвятить Е. П. Бакуниной пустой, салонный мадригалъ: «Что можемъ наскоро стихами молвить ей». Любовь погасла.

Но, конечно, не погасла память о ней. И въ поэзіи Пушкина еще раза два-три выступаетъ образъ К. П. Бакуниной и мелькаютъ отзвуки первой, юношеской любви.

Въ стихахъ «на 19 октября 1825 г.», въ отброшенной позднѣе строфѣ, Пушкинъ напоминаетъ И. Пущину —

... Какъ Вакху приносили
Безмолвную мы жертву въ первый разъ,
Какъ мы впервой всѣ трое полюбили,
Наперсники, товарищи проказъ!

Вѣроятно, описывая любовь Ленскаго къ Ольгѣ, Пушкинъ вспоминалъ свою юношескую любовь къ Бакуниной и свои юношескія элегіи, характеризуя стихи Ленскаго:

Такъ онъ писалъ темно и вяло,
Что романтизмомъ мы зовемъ...

Наконецъ, въ наброскахъ IX (нынѣ VIII) главы «Евгенія Онѣгина», писанныхъ въ 1829 г., Пушкинъ еще разъ говоритъ о Бакуниной, вспоминая, какъ онъ расцвѣталъ въ садахъ лицея,

Въ тѣ дни... въ тѣ дни, когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь.

И я, тоскуя безнадежно,
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ,
Ведь искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ....

Въ этой строфѣ пересказана вся первая любовь Пушкина, съ ея безнадежной томкой, минутными встрѣчами, пылкими спасп и нѣжными раздуміями. Въ самыхъ этихъ стихахъ есть выраженія, близко напоминающія отдѣльныя строки изъ лицейскихъ элегій Пушкина. Валерій Брюсовъ.

Не смотря на приложенныя старанія, намъ не удалось собрать точныхъ данныхъ о Бакунинои. Судя по указателю къ москов. Пушкинской выставкѣ 1899 г. и «Рус. Родословной книгѣ» кн. Лобанова-Ростовскаго (т. II, стр. 114), Бакунина была замужемъ за тверскимъ помѣщикомъ, капитаномъ Александромъ Александр. Полторацкимъ (р. 1792). Ред.

61. КЪ ЖИВОПИСЦУ.

Еще Бѣлинскій, указавъ на эту пьесу, какъ на отмѣченную вліяніемъ предшествовавшей Жуковскому и Батюшкову литературной эпохи, нашелъ, что она «написана какъ будто Державинымъ, предлагающимъ живописцу написать портретъ его Милены или Плѣниры». Дѣйствительно, есть много общаго между пушкинскимъ обращеніемъ «Къ Живописцу» и посланіемъ Державина «Къ Анжеликѣ Кауфманъ», которую нѣвецъ Фелицы проситъ написать портретъ его второй жены:

Напиши мою Милену,
Бѣлокурую лицомъ,
Стройну станомъ, возвышенну,
Съ гордымъ нѣсколько челомъ,
Чтобъ похожа на Минерву
Съ голубыхъ была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги въ душѣ у ней;
Чтобъ, на всѣхъ взирая хладно,
Полюбила лишь меня...

Въ знаменитой одѣ «Изображеніе Фелицы», тоже начинающейся воззваніемъ къ «Рафаэлю, живописцу славному», поэтъ такимъ же образомъ даетъ художнику свои указанія, разсказываетъ ему, какою хотѣлъ бы онъ видѣть Фелицу на полотнѣ. П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. I, стр. 38, и т. II, стр. 94) счелъ пьесу Пушкина «переводомъ» стихотворенія Парни «Portrait d'une réligieuse». В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 380) правильно замѣтилъ, что стихотвореніе Парни съ пьесой Пушкина «мало имѣетъ общаго», а Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. I т., прим., стр. 182—184) указалъ на общій источникъ, откуда черпали и Державинъ, и Парни, и Пушкинъ, который, впрочемъ, навѣрное зналъ также опыты на ту же тему Парни и Державина. Это XXVIII пѣснь Анакреона («Къ гетерѣ»); котораго нашъ поэтъ читалъ («онъ былъ учителемъ моимъ», сказалъ о немъ Пушкинъ); Пушкинъ, можетъ быть, зналъ ее въ переводахъ Ломоносова и П. Львова, хотя нельзя категорически утверждать, подобно Майкову, что онъ «безъ сомнѣнія» пользовался переводомъ Львова. Молодой поэтъ, такъ хорошо знавшій французскую литературу, могъ читать во французскомъ переводѣ Анакреонта, который былъ очень популяренъ во Франціи XVII и XVIII вв.

Подъ «другомъ сердца», воспѣтымъ въ этой пьесѣ, Пушкинъ, по словамъ Гаевскаго (l. c.), разумѣлъ Е. Н. Бакунину (см. выше статью В. Я. Брюсова). И. И. Пущинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 62) говоритъ: «эти стихи—выраженіе не одного только его страдавшаго сердечка!»... «Страдали» и томились по Бакунинои еще два лицеиста—самъ Пущинъ и А. Д. Илличевскій (см. дальше статью о немъ), который обратился къ ней съ посланіемъ «Отъ живописца». Въ пламенномъ диѳирамбѣ Илличевскаго «живописецъ» отказывается отъ «напраснаго труда»—ндобразить красавицу и смиренно сознается: «видно, мысль одна дерзаетъ постичь красу твою»... (Гаевскій, op. c., стр. 381—382). Судя по тому, что Илличевскій ндображаетъ себя живописцемъ, стихи Пушкина, обращены къ нему, и его стихи—отвѣтъ Пушкину. Илличевскій, дѣйствительно рисовалъ (см. выше стр. 53, 55; Я. Грота, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 64). По сообщенному П. В. Анненковымъ (l. c.) преданію, стихи Пушкина были положены на музыку М. Л. Яковлевымъ и часто распѣвались хоромъ въ лицеѣ.

Н. Лернеръ.

Съ «Альбаномъ», т. е. Francesco Albani, живописцемъ болонской школы (1578—1660 г.г.) мы еще два раза встрѣчаемся у Пушкина. «Подайте мнѣ Альбана кисти

ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА БАКУНИНА-ПОЛТОРАЦКАЯ

въ 1832 году.

62. ИЗМѢНЫ.

«Все миновалось!
Мимо промчалось
Время любви.
Страсти мученья!
Въ мракѣ забвенья
Скрылися вы.
Такъ, я премѣны
Сладость вкусилъ;
Гордой Елены
Цѣпи забылъ.
Сердце, ты въ волѣ!
Все позабудь;
Въ новой сей долѣ
Щастливо будь.
Только весною
Зефиръ младою
Розой цвѣсенъ;
Въ юности страстной
Былъ я прекрасной
Въ сѣть увлеченъ.
Нѣтъ, я не буду
Впредь воздыхать,
Страсть позабуду;
Полно страдать!
Скоро печали
Встрѣчу конецъ;
Ахъ! для тебя ли,
Юный пѣвецъ,
Прелесть Елены
Розой цвѣтётъ?...
Пусть весь народъ,
Ею прельщенный,
Въ слѣдъ за мечтой
Мчится толпой;
Въ миромъ жилищѣ,
На пепелищѣ,
Въ чашѣ простой
Стану въ смиреньи
Черпать забвенье,
И—для друзей
Рѣзвой рукою
Двигать струною
Арфы моей».

Въ скучной разлукѣ
Такъ я мечталъ,
Въ горести, въ мукѣ
Себя услаждалъ:
Въ сердцѣ возженный
Образъ Елены
Мнилъ изтребить.
Прошлой весною
Юную Хлою
Вздумалъ любить;
Какъ вѣтерочикъ
Ранней порой
Гонитъ листочикъ
Съ рѣзвой волной,
Такъ непрестанно
Непостоянной
Страстью игралъ.
Лилу, Темиру,
Всѣхъ обожалъ,
Сердце и лиру
Всѣмъ посвящалъ.—
Что же?—напрасно
Съ груди прекрасной
Шаль я срывалъ.
Тщетны измѣны!
Образъ Елены
Въ сердцѣ пылалъ!
Ахъ! возвратися,
Радость очей,
Хладна, тронися
Грустью моей —
Тщетно взываетъ,
Бѣдный пѣвецъ!
Нѣтъ! не встрѣчаетъ
Мукамъ конецъ...
Такъ! до могилы
Грустенъ, унылый,
Крова ищи!
Всѣми забытый,
Терномъ увиты
Цѣпи влачи...

1. 17—14.

нѣжны», восклицаетъ онъ въ стихотвореніи «Сонъ», 1816 г. Въ пятой главѣ «Евгенія Онѣгина» (строфа XL) поэтъ говоритъ:

Въ началѣ моего романа
Смотрите первую тетрадь,
Хотѣлось въ родѣ мнѣ Альбана
Балъ петербургскій описать.

Судя по этимъ выраженіямъ, Пушкинъ зналъ Альбани только по паслышкѣ и врядъ ли видѣлъ хоть одну его картину. Въ оставленномъ этимъ второстепеннымъ живописцемъ наслѣдіи намъ не удалось найти ничего, что оправдывало бы характеристику «Евгенія Онѣгина». Трудно также объяснить, въ чемъ, собственно, поэтъ видѣлъ его «прелесть», «кисти нѣжны» и что разумѣлъ подъ его «родомъ», т. е. стилемъ. Альбани писалъ граціозно, но манерно, на миѳологическіе сюжеты, и ничего по содержанію или по духу подобнаго пушкинскому описанію петербургскаго бала у него нельзя встрѣтить. Женскихъ портретовъ у Альбани совсѣмъ нѣтъ, а въ изображеніи обнаженнаго женскаго тѣла Альбани тоже не былъ особенно силенъ. Лучше всего ему удавались головки ангеловъ и амуровъ, и тутъ, дѣйствительно, онъ славится «прелестью» своей слащавой манеры. Видимо, Пушкинъ пользовался его именемъ просто считая его знаменитымъ живописцемъ и вовсе его не зная, и говорилъ о немъ наугадъ. Вѣроятно, на юнаго Пушкина произвела впечатлѣніе какая-нибудь видѣнная имъ, въ подлинникѣ ли, въ копіи ли, или въ гравюрѣ, картина Альбани, и это отроческое впечатлѣніе, по странной прихоти случая, такъ сильно врѣзалось въ его душу, что имя Альбани навсегда стало для него нарицательнымъ именемъ талантливаго живописца. Чтобы дать читателю понятіе о свойствахъ художественной работы Альбани, мы въ текстѣ даемъ извѣстную группу амуровъ изъ Дрезденской галлереи, а особымъ приложеніемъ—Галатею съ амурами изъ той-же галлереи. Амуры очень милы, но признать особо выдающуюся «прелесть» въ женской фигурѣ трудно. И таковы всѣ женскія фигуры Альбани. Какой это образецъ для портрета молодой дѣвушки?

Автографа «Къ Живописцу» не существуетъ, есть двѣ копіи его, одна№№ въ тетради московскаго публичнаго музея №2364, л. 12, съ помѣткой: «1815» и припискою: «передѣлать все, оставя одну послѣднюю строфу»; другая—въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ». Стихотворенія этого Пушкинъ самъ не печаталъ, хотя, судя по позднѣйшимъ поправкамъ въ музейной копіи, исправлялъ его (исторію текста см. въ общей статьѣ о текстѣ въ концѣ тома) для своего сборника 1826 г. Пьеса была напечатана впервые въ альманахѣ Б. М. Ѳедорова «Памятникъ отечественныхъ музъ» на 1827 г., стр. 231—232, откуда перешла въ посмертное изданіе (т. IX, стр. 385). Первоначальная редакція первой копіи и вторая совершенно тождественны; такъ же пьеса напечатана и въ «Памятникѣ отечественныхъ музъ», гдѣ слегка исправленъ только первый стихъ. Мы печатаемъ ее въ исправленномъ самимъ поэтомъ видѣ.

Ред.

61. РОЗА.

Мы не знаемъ, при какихъ обстоятельствахъ было написано это стихотвореніе. Среди лицейскихъ стихотвореній оно выдѣляется особенной музыкальностью стиха, и самъ Пушкинъ признавалъ его значеніе, включивъ въ изданіе 1826 г. Однако, надо сознаться, что мысль поэта не совсѣмъ ясна, и остается неизвѣстнымъ, въ какомъ смыслѣ противополагаетъ онъ розу—лиліи. Въ русской лирикѣ того времени можно указать цѣлый рядъ болѣе или менѣе сходныхъ стихотвореній. Таковы, напримѣръ, двѣ «Пѣсни» Жуковскаго: «Роза весенній цвѣтокъ» («Вѣстн. Евр.» 1809 г.) и «Гдѣ фіалка мой цвѣтокъ» (1815 г.) или его же «Цвѣтокъ»: «Минутная краса полей» («Вѣстн. Евр.» 1813 г.). Дельвигъ въ томъ же 1815 г., когда написана Пушкинская «Роза», напечаталъ (въ «Росс. Музеумѣ») стихотвореніе «Фіалка и Роза». Размѣръ «Розы» встрѣчается у Пушкина лишь въ грехъ пьесахъ (еще въ «Пробужденіи» и «Адели»), но, конечно, это не «соединеніе дактиля съ хоремъ», какъ утверждаетъ Академич. изд. (т. I, стр. 189), а двухстопные ямбы (въ «Розѣ» и «Пробужденіи» съ вольнымъ чередованіемъ рюмъ). Сходные четырехсложные размѣры могъ Пушкинъ найти у Парни, напр.:

En rougissant
Elle se lève,
Sur moi soulève
Un oeil mourant;
Et me serrant
Avec tendresse
Dit: J'ais serment
D'aimer sans cesse,
Que nos amours
Ne s'affaiblissent
Et ne finissent
Qu'avec nos jours!

Вал. Брюсовъ.

О варіантахъ «Розы» См. въ концѣ тома.

«ПРЕЛЕСТЬ АЛЬБАНА».

(Галатея, окруженная амурами. Картина Альбани въ Дрезденской Галлереѣ).

63. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА,

въ 1815 году.

Утихла брань племенъ; въ предѣлахъ отдаленныхъ
Не слышенъ битвы шумъ и голосъ трубъ военныхъ;
Съ небесной высоты, при звукѣ стройныхъ лиръ,
На землю мрачную нисходитъ свѣтлый Миръ.
Свершилось!... Русской ЦАРЬ, достигъ ТЫ славной цѣли!
Вотще надмѣнные на родину летѣли:
Вотще впереди знаменъ безчисленныхъ дружинъ
Въ могущей дерзости вѣнчанный исполинъ
На гибель грозно шелъ, влекъ цѣпи за собою:
Мечь огненный блеснулъ за дымною Москвою!
Звѣзда губителя потухла въ вѣчной мглѣ,
И пламенный вѣнецъ померкнулъ на челѣ!
Содрогся счастья сынъ, и, брошенный судьбою,
Онъ землю Русскую не взвидѣлъ подъ собою.—
Бѣжитъ... и мести громъ слетѣлъ ему во слѣдъ;
И съ трона гордый палъ,.. и вновь восталъ... и пѣтъ!—
ТЕБѢ, нашъ храбрый ЦАРЬ, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, вложивъ пернатый шлемъ,
Колѣна преклонивъ предъ вышнимъ алтаремъ,
ТЫ браней мечь извлекъ, и клятву далъ святую
Отъ ига оградить страну СВОЮ родную.
Мы внали клятвѣ сей; и гордыя сердца,
Въ восторгѣ пламенномъ летѣли въ слѣдъ Отца
И смертью роковой горѣли и дрожали;
И Россы предъ врагомъ твердыней грозной стали!...
Къ мечамъ! раздался кликъ, и вихремъ понеслись;
Знамена возшумѣвъ по вѣтру развились
Обнялся съ братомъ братъ; и милымъ дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились: воспылалъ свободы ярый бой,
И смерть хватала ихъ холодною рукой!...
А я... вдали громовъ, изъ сѣни ТВОЕЙ надежной...
Я тихо разцвѣталъ безпечной, безмятежной!
— Увы! мнѣ не судилъ таинственный предѣлъ
Сражаться за ТЕБЯ подъ градомъ вражьихъ стрѣлъ!..
Сыны Бородина, о Кульмскіе Герои!
Я видѣлъ, какъ на брань летѣли ваши строи:
Душой восторженной за братьями спѣшилъ:
Почто жъ на бранный долъ я крови не пролилъ?
Почто, сжимая мечь младенческой рукою,
Покрытый ранами, не палъ я предъ ТОБОЮ,
И славы подъ крыломъ на утрѣ не почилъ?
Почто великихъ дѣлъ свидѣтелемъ не былъ? —
О, сколь величественъ, безсмертный, ТЫ явился,
Когда на сильнаго съ сынами устремился:
И, челы приподнявъ изъ мрачности гробовъ,
Народы падшіе подъ бременемъ оковъ,
Тяжелой цѣпію съ восторгомъ потрясали
И съ робкой радостью другъ друга вопрошали:
«Уже-ль свободны мы?... Уже ли грозный палъ?...
«Кто смѣлый? Кто въ громахъ на сѣверѣ возсталъ?...»

62. ИЗМѢНЫ.

Печатаемъ эту пьесу въ томъ видѣ, въ какомъ она появилась въ свѣтъ въ первый разъ. Рукописъ пьесы (автографъ или копія, неизвѣстно), видѣнная П. В. Анненковымъ (см. его изданіе сочиненій Пушкина, т. II, стр. 91), находилась въ тетради графа М. А. Корфа, уже давно потерянной изъ виду изслѣдователями и, можетъ быть, исчезнувшей навсегда. Въ рукахъ В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 159) была копія конца этой пьесы, озаглавленная: «Посланіе къ С....ло Г....у Ч....» и переписанная рукою лицейскаго гувернера А. П. Иконникова; текстъ копіи немного отличается отъ печатнаго. Напечатаны «Измѣны» впервые въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г., ч. IV, № 12, стр. 228—230, и подписаны: *1.... 17—14.* Подъ 1815 г. напечаталъ пьесу Анненковъ, но въ примѣчаніи къ ней замѣтилъ: «мы относимъ ее къ самымъ первымъ опытамъ молодого автора». Въ датировкѣ пьесы Анненковъ, повидимому, колебался, такъ какъ тутъ же прибавилъ, что она «написана въ одно время съ посланіемъ «Къ сестрѣ», относящимся къ 1814 году. Гаевскій (ор. с.) отнесъ «Измѣны» къ 1812 году на томъ основаніи, что переписавшій ихъ Иконниковъ въ 1812 г. оставилъ службу въ лицеѣ: послѣдующіе издатели Пушкина безпрекословно приняли эту дату, подъ которой пьеса и помѣщена въ изданіяхъ литерат. фонда, академіи наукъ и послѣднихъ изданіяхъ П. О. Морозова и П. А. Ефремова. Впрочемъ, послѣдній въ позднѣйшихъ примѣчаніяхъ («Сочин.» Пушкина, изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 5—6) ничего не имѣетъ противъ того, чтобы отнести «Измѣны» къ 1815 г. и отмѣчаетъ, что Гаевскій и самъ указалъ (стр. 141—142) на отношенія Иконникова къ лицеистамъ, не прекращавшіяся и по оставленіи имъ лицея. Въ самомъ дѣлѣ, по сообщенію самого Пушкина, въ его лицейскихъ запискахъ, Иконниковъ, хаживавшій пѣшкомъ изъ Петербурга въ Царское Село, провелъ съ поэтомъ вечеръ 16 декабря 1815 года. Предположеніе Гаевскаго, такимъ образомъ, падаетъ. Но есть и другія, положительныя основанія относить «Измѣны» къ 1815 году.

Прежде всего то, конечно, что именно въ 1815 г. стихотвореніе появилось въ «Рос. Музеумѣ». Если даже допустить, что «Измѣны» имѣютъ извѣстное отношеніе къ 1812 г., то, во всякомъ случаѣ, окончательная редакція относится къ 1815 г. Никакъ не въ 1812 г. Пушкинъ могъ говорить о себѣ какъ о плодовитомъ поэтѣ, который «свою лиру» «всѣмъ посвящалъ».

Сообщенное Гаевскимъ лицейское преданіе сохранило имя той, которою внушены «Измѣны»: это—живущая въ Царскомъ Селѣ и бывавшая въ лицеѣ графиня Наталья Викторовна Кочубей (род. въ 1801 г., † 24 января 1855 г.), впослѣдствіи вышедшая замужъ за графа А. Г. Строганова. Графъ Корфъ склоненъ былъ считать ее первымъ предметомъ увлеченій Пушкина. Въ 1812 году Пушкину было 13 лѣтъ, Натальѣ Кочубеѣ—11. «Не вѣрнѣе ли»—замѣчаетъ П. А. Ефремовъ—«считать эти стихи написанными въ 1815 г. 16-тилѣтнимъ юношей къ 15-тилѣтней дѣвушкѣ, а не мальчикомъ 13 лѣтъ къ дѣвочкѣ по 12-му году?»

За 1815-й г. говорятъ также и однородность настроенія «Измѣнъ» съ цѣлымъ рядомъ пьесъ этого года (какъ, напримѣръ, посланія къ Юдину и кн. Горчакову, «Мое завѣщаніе друзьямъ», «Разсудокъ и любовь»), и сильное вліяніе Парни. Въ «Моемъ завѣщаніи друзьямъ» упоминается «Темира». Въ «Посланіи къ Юдину» Пушкинъ дразнитъ свое воображеніе, представляя себѣ станъ возлюбленной, «налью непокровенный». Эти же имена и образы послужили для «Измѣнъ». И это нельзя считать простою случайностью. Въ творчествѣ Пушкина, какъ мы не разъ отмѣчали, всегда и голосами проходятъ не только крупныя вліянія, но и второстепенныя подробности, налагающія чистописьменные слѣды на его произведенія. Яркія черты вліянія Парни лежатъ на пушкинской музѣ 1815 года, отличающейся опредѣленными образами, опредѣленными именами, подъ «суггестіей» которыхъ находился тогда молодой поэтъ. Вспоминая черезъ многіе годы объ этомъ періодѣ своей жизни, поэтъ писалъ:

Темира, Дафна и Лилета,
Какъ сонъ, забыты мной давно...

Съ мнѣніемъ Анненкова, считающаго «Измѣны» «слабымъ подражаніемъ произведеніямъ карамзинской стихотворческой эпохи», нельзя согласиться. «Измѣны», какъ указалъ Л. Н. Майковъ, дѣйствительно подражаніе и по размѣру, и отчасти по содержанію стихотворенію Парни «Dépit», но такое подражаніе, которое не хуже образца.

Приводимъ пьесу Парни:

Oui, pour jamais
Chassons l'image

АЛЕКСАНДРЪ I.

Портретъ Бенера.

ПОРТРЕТЪ ВЕЛЕРА.

И ветхую главу Европа преклонила,
ЦАРЯ-Спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой,
И власть мятежная изчезла предъ ТОБОЙ! —
И нынѣ ТЫ къ сынамъ, о ЦАРЬ нашъ, возвратился,
И край полуночи восторгомъ озарился!
Склони на СВОЙ народъ смиренья полный взглядъ:
Всѣ лица радостью, любовію блестятъ. —
Внемли: повсюду вѣсть отрадная несется,
Повсюду гордый кликъ веселья раздается;
По стогнамъ шумъ, вездѣ сіяетъ торжество,
И ТЫ среди толпы, Россіи Божество!
Встрѣчать Вождя побѣдъ, летятъ ТВОИ дружины:
Старикъ, счастливый вѣкъ забывъ Екатерины,
Взираетъ на ТЕБЯ съ безмолвною слезой. —
Ты нашъ, о Русской ЦАРЬ! оставь же шлемъ стальной
И грозный мечъ войны, и щитъ... ограду нашу:
Излей предъ Вишусомъ священну мира чашу
И брани сокрушивъ могущею рукой,
Вселенну осѣни желанной тишиной!...
И придутъ времена спокойствія златыя,
Покроетъ шлемы ржа, и стрѣлы каленыя,
Въ колчанахъ скрытыя, забудутъ свой полетъ:
Щастливый селянинъ, не зная бурныхъ бѣдъ,
По нивамъ повлечетъ плугъ миромъ изощренный;
Суда летучія, торговлей окрылены,
Кормами разсѣкутъ свободный океанъ:
И юные сыны воинственныхъ Славянъ
Спокойной праздности съ досадой предадутся:
И, молча, нѣкогда вкругъ старца соберутся,
Преклонятъ жадный слухъ: и ветхимъ костылемъ
И станъ, и ратный строй, и дальній боръ съ холмомъ
На прахѣ начертитъ онъ медленно предъ ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Имъ славу прошлыхъ лѣтъ въ разсказахъ оживитъ,
И добраго ЦАРЯ въ слезахъ благословитъ.

Александръ Пушкинъ.

De la volage
Que j'adorais.
A l'infidèle
Cachons nos pleurs,
Aimons ailleurs;
Trompons comme elle.
De sa beauté
Qui vient d'éclore
Son coeur encore
Est trop flatté.
Vaine et coquette
Elle rejette
Mes simples voeux:
Fausse et légère,
Elle veut plaire
A d'autres yeux.
Qu'elle jouisse
De mes regrets,
A ses attraits
Qu'elle applaudisse.
L'âge viendra;
L'essaim de Grâces
S'envolera,
Et sur leurs traces
L'amour fuira.
Fuite cruelle!
Adieu l'espoir
Et le pouvoir
D'être infidèle.
Dans cet instant,
Libre et content,
Passant près d'elle,
Je sourirai
Et je dirai:
«Elle fut belle».

Настроенія обѣихъ пьесъ различны. У Парни поэтъ лелѣетъ надежду отомстить невѣрной красавицѣ, его любовь переходитъ въ злобу; у Пушкина чувство любви, незаслуженной ничѣмъ, беретъ верхъ, и послѣ ряда измѣнъ поэтъ взываетъ: «Хладна, тронися грустью моей!» Пьеса Пушкина въ два съ половиною раза больше стихотворенія Парни и гораздо богаче содержаніемъ. Также не соотвѣтствуетъ истинѣ мнѣніе Гаевскаго о «совершенно дѣтской формѣ этого стихотворенія», въ которомъ можно отмѣтить несовершенство только одного стиха, 17-го: «Себя услаждалъ»; размѣръ этого стиха удлиненъ на одинъ слогъ.

Разница между посвященными «Делии» наивно-дѣтскими стихами 1812 г. и "Измѣнами" рѣзко бросается въ глаза. Въ 1812 г.— слабый, робкій любовный лепетъ; въ «Измѣнахъ»—хотя и раннее, но вполнѣ развившееся и не по-дѣтски выраженное страстное чувство.

Въ «Измѣнахъ» впервые у Пушкина проглядываетъ любовная тоска,—явленіе въ 12 лѣтъ психологически недопустимое даже относительно такъ рано начавшаго созрѣвать мальчика. 1815-й годъ былъ временемъ увлеченія его Бакуниной; Бакунина и Кочубей,—быть можетъ, онѣ обѣ героини «Измѣнъ»—одна подъ именемъ Елены, другая названа Хлоей, Лилой или Темирой.

В. Л.

63. НА ВОЗВРАЩЕНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ 1815 ГОДУ.

Пьеса эта, не дошедшая до насъ ни въ автографѣ, ни въ копіи пушкинскихъ временъ, была впервые напечатана въ «Трудахъ Общества любителей россійской словесности при Московскомъ университетѣ» 1817 г., ч. IX, стр. 25—28, съ подписью: Александръ Пушкинъ. Нѣсколько раньше, 28-го апрѣля того же года, дядя поэта В. Л. Пушкинъ прочиталъ произведеніе племянника въ 27-мъ засѣданіи названнаго общества по переблененной рукописи. Изъ «Трудовъ» стихотвореніе перепечатано въ изданіи Анненкова съ произвольнымъ измѣненіемъ въ ст. 15.

Политическія событія 1812 года потребовали отъѣзда Александра I изъ Россіи. Уѣхавъ съ арміей въ декабрѣ 1812 г., онъ вернулся на семь недѣль 12 іюля 1814 г., а затѣмъ уѣхалъ на конгрессъ. 18 ноября 1815 г. государь на обратномъ пути въ Россію, выѣхалъ изъ Варшавы въ Вильну, гдѣ пробылъ два дня, и ночью 2 декабря возвратился въ Петербургъ.

Гр. А. К. Разумовскій, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, вѣроятно, предполагая торжественную встрѣчу жителями Петербурга возвеличенному судьбою императору, съ своей стороны не хотѣлъ отстать отъ другихъ. По его желанію, директоръ департамента П. П. Мартыновъ, принимавшій главное участіе въ устройствѣ Царскосельскаго лицея и неоднократно посѣщавшій это учебное заведеніе, поручилъ Пушкину написать стихи «На возвращеніе государя». Выборъ Мартынова палъ на нашего поэта, несомнѣнно, потому что еще свѣжо было впечатлѣніе прочитанныхъ имъ на экзаменѣ въ январѣ 1815 г. «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ». Исполнивъ порученіе, Пушкинъ отослалъ Мартынову стихи, при письмѣ, 28-го ноября того же года.

«Ежели»,—писалъ Пушкинъ, можетъ

64. МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Здѣсь Пушкинъ погребенъ; онъ съ музой молодою,
Съ любовью, лѣностью провелъ веселой вѣкъ,
Не дѣлалъ добраго, однакожъ былъ душою,
Ей Богу, добрый человѣкъ.

1... 16—14.

---

65. КЪ БАРОНЕССѢ М. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Вамъ восемь лѣтъ, а мнѣ семнадцать было.
И я считалъ когда-то восемь лѣтъ;
Они прошли.—Въ судьбѣ своей унылой,
Богъ знаетъ какъ я нынѣ сталъ поэтъ.
Не возвратить уже того, что было.
Уже я старъ, мнѣ не знакома ложь:
Такъ вѣрьте мнѣ—мы спасены лишь вѣрой.
Послушайте, Амуръ какъ вы хорошъ:
Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ —
Въ мои лѣта вы будете Венерой.

Но если только буду живъ,
Всевышней благостью Зевеса
И столько же краснорѣчивъ —
Я напишу вамъ, баронесса,
Въ Латинскомъ вкусѣ мадригалъ,
Чудесный, во-все безъ искусства—
Не много истинныхъ похвалъ,
Но много истиннаго чувства.
Скажу я: «ради вашихъ глазъ,
О баронесса! ради баловъ,
Когда мы всѣ глядимъ на васъ,
Взгляните на меня хоть разъ
Въ награду прежнихъ мадригаловъ».
Когда жъ Амуръ и Гименей
Въ прелестной Маріи моей
Поздравятъ молодую даму —
Удастся ль мнѣ подъ старость дней
Вамъ посвятить эпиталаму?

быть, подъ начальственную диктовку,— «чувства любви и благодарности къ великому Монарху нашему, начертанныя мною, будутъ не совѣмъ недостойны высокаго предмета моего, сколь счастливъ буду я, ежели его сіятельство графъ Алексѣй Кириловичъ благоволитъ поднести Его Величеству слабое произведеніе неопытнаго стихотворца».

Если гр. А. К. Разумовскій, предполагая посѣщеніе государемъ лицея во время предстоящихъ январскихъ экзаменовъ, готовилъ высокому посѣтителю сюрпризъ въ видѣ стиховъ Пушкина (можетъ быть, министръ народнаго просвѣщенія питалъ надежду хоть немного сгладить охлажденіе къ нему государя и уйти на покой примиреннымъ), то его затѣя не оправдалась. По свидѣтельству современниковъ, Александръ казался по возвращеніи скученъ, говорятъ даже сердитъ. Никакими восторгами Петербургъ его не встрѣтилъ.

Мнѣнія комментаторовъ объ этой пьесѣ, написанной по заказу, довольно различны. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 371), называетъ ее произведеніемъ «холоднымъ и натянутымъ», П. А. Ефремовъ, говоритъ: «Совершенно ошибочно было бы этотъ заказанный перепѣвъ съ чужого голоса признавать за вполнѣ оригинальное произведеніе Пушкина, характеризующее его отношенія къ императору даже въ послѣдніе годы его царствованія». (Соч., т. VIII, 1905 г., стр. 40—41).

По П. В. Анненковъ (см. его изд. соч. Пушкина, т. II, стр. 97) вполнѣ благожелательно назвалъ пьесу «восторженнымъ привѣтствіемъ молодого поэта императору Александру».

Защищаетъ также искренность Пушкина Майковъ. И, конечно, нетрудно подыскать рядъ доказательствъ тому, что приподнятое настроеніе стихотворенія соотвѣтствовало дѣйствительному настроенію молодого поэта. Такъ, въ воспоминаніяхъ объ этой эпохѣ И. И. Пущина, друга и товарища Пушкина, читаемъ слѣдующее: «Жизнь наша лицейская сливается съ политическою эпохою народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года. Эти событія сильно отразились на нашемъ дѣтствѣ. Началось съ того, что мы провожали всѣ гвардейскіе полки, потому что они проходили мимо самаго лицея: мы всегда были тутъ, при ихъ появленіи, выходили даже во время классовъ, напутствовали воиновъ сердечною молитвой, обнимались съ родными и знакомыми; усатые гренадеры изъ рядовъ благословляли насъ крестомъ. Не одна слеза тутъ пролита.

«Когда начались военныя дѣйствія, всякое воскресенье кто-нибудь изъ родныхъ привозилъ реляціи; Конашскій читалъ ихъ намъ громогласно въ залѣ. Газетная комната никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались паперерывъ русскіе и иностранные журналы, при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось у насъ: опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему. Профессора приходили къ намъ и научали насъ слѣдить за ходомъ дѣлъ и событій, объясняя иное, намъ недоступное»... (Л. Н. Майковъ, Пушкинъ, Спб., 1889 г., стр. 53—54).

Но въ данномъ случаѣ дѣло совсѣмъ не въ личной искренности поэта, а въ томъ, насколько напыщенный стиль оды соотвѣтствуетъ сильному именно своею простотою дарованію Пушкина.

Тихонравовъ (соч., т. III, ч. I) и Майковъ (акад. изд. соч. Пушкина, т. I, примѣчанія) установили зависимость данной пьесы Пушкина отъ посланія Жуковскаго «Императору Александру», написаннаго въ 1814 г., а напечатаннаго въ 1815. При этомъ сдѣлавшій подробное сопоставленіе стихотворенія Пушкина и посланія Жуковскаго, Майковъ пришелъ къ заключенію, что подражаніе Пушкина не слабѣе оригинала:

«Пьеса «На возвращеніе государя» отличается столь же звучнымъ и краснвымъ стихомъ, какъ посланіе Жуковскаго, а въ отношеніи сжатости изложенія едва ли не имѣетъ преимущества надъ послѣднимъ».

Съ этимъ нельзя не согласиться. Огромное посланіе Жуковскаго отличается утомительнѣйшимъ многословіемъ и все состоитъ изъ реторическихъ возгласовъ. Пушкинъ же, все-таки, нѣсколько оживилъ мертвыя рамки оды отдѣльными черточками, выхваченными изъ реальной жизни.

Кульмъ—селеніе въ Богеміи на дорогѣ изъ Праги въ Дрезденъ; при немъ 17 авг. 1813 г. А. П. Ермоловъ съ 1-ю гвард. пѣхоти. дивизіей выдержалъ атаки сильнѣйшихъ французскихъ полковъ и способствовалъ побѣдѣ союзниковъ надъ французами.

Б. В.

ПАСТОРАЛЬ БУШЕ.

66. ВИШНЯ.

Приписывается Пушкину.

Румяной зарею
Покрылся востокъ,
Въ селѣ за рѣкою
Потухъ огонекъ.

Росой окропились
Цвѣты на поляхъ,
Стада пробудились
На мягкихъ лугахъ.

Туманы сѣдые
Плывутъ къ облакамъ,
Пастушки младыя
Спѣшатъ къ пастухамъ.

Съ журчаньемъ стремится
Источникъ межъ горъ,
Вдали золотится
Во тьмѣ синій боръ.

Пастушка младая
На рынокъ спѣшитъ,
И въ даль, припѣвая,
Прилежно глядитъ.

Румянецъ играетъ
На полныхъ щекахъ,
Невинность блистаетъ
На робкихъ глазахъ.

Искусной рукою
Коса убрана,
И ножка собою
Прельщать создана.

Корсетомъ прикрыта
Вся прелесть грудей,
Подъ фартукомъ скрыта
Приманка людей.

Пастушка приходитъ
Въ вишенникъ густой,
И много находитъ
Плодовъ предъ собой.

Хоть видъ ихъ прекрасенъ,
Красотку манитъ,
Но путь къ нимъ опасенъ—
Бѣдняжку страшитъ.

64. МОЯ ЭПИТАФІЯ.

Неизвѣстная въ рукописи «Моя эпитафія» была впервые напечатана въ «Россійскомъ Музеумѣ» 1815 г., ч. IV, №№ 10 и 11, стр. 7, безъ означенія полнаго имени («И—нъ») въ первомъ стихѣ и съ подписью: 1... 16—14. Во второй разъ при жизни поэта она была напечатана, подъ безцеремоннымъ заглавіемъ: «Будущая эпитафія» и безъ позволенія Пушкина, съ подписью: Ап., въ альманахѣ М. А. Бестужева—Рюмина «Сѣверная Звѣзда» Спб., 1829 г., стр. 174. Пушкинъ, который вообще терпѣть не могъ спекулянтовъ-альманашниковъ, вѣчно пристававшихъ къ нему съ просьбами дать имъ что-нибудь («давай стихи одному дураку въ альманахѣ, чтобъ другой обругалъ ихъ въ журналѣ», писалъ онъ), былъ возмущенъ продѣлкою издателя и жаловался въ своихъ замѣткахъ: «Началъ я писать съ 13-ти лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего дарованія, каково бы оно ни было... Но крайней мѣрѣ не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества»... Въ свои сборники Пушкинъ этой пьесы не вносилъ, и въ собранія его произведеній она стала входить со времени изданія П. В. Анненкова (т. II, стр. 64).

Время созданія пьесы опредѣляется приблизительно временемъ ея напечатанія, т. е. послѣднимъ мѣсяцами 1815 г. А. И. Незеленовъ («А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Спб., 1882 г., стр. 29) усматриваетъ въ этомъ «грѣхѣ отрочества» отраженіе «легкомысленнаго взгляда на жизнь», взгляда, по вполнѣ вѣрному замѣчанію Л. Н. Майкова (2-ое акад. изд. I т., прим., стр. 216—217), происходившаго изъ книжнаго источника. Эпитафія грустнаго или насмѣшливаго характера въ тѣ времена еще не выдохшагося сентиментализма была очень употребительной литературной формою. Образъ юнаго поэта, который «съ музой молодою, съ любовью, лѣнностью провелъ веселый вѣкъ», Пушкинъ нарисовалъ лучше и полнѣе въ «Моемъ завѣщаніи», тоже 1815 г., гдѣ велѣлъ дружескому рѣзцу начертать на своей гробницѣ:

«Здѣсь дремлетъ юноша-мудрецъ,
Питомецъ нѣгъ и Аполлона».

Н. Лернеръ.

65. КЪ БАРОНЕССѢ М. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Съ неизвѣстнаго нынѣ чернового подлинника П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. VII, стр. 11—12) впервые напечаталъ это стихотвореніе, по его словамъ, «написанное въ альбомъ сестры своего лицейскаго товарища и друга Дельвига и помѣченное тамъ: 1815, 22 декабря». Марья Антоновна Дельвигъ была тогда совсѣмъ ребенокъ (см. также Л. Н. Майкова, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 61), и это дало Пушкину возможность сказать ей: «Амуръ дитя, Амуръ на васъ похожъ». Сообщеніе Л. Н. Майкова, повторенное гг. Ефремовымъ и Морозовымъ, что баронесса Дельвигъ гостила тогда со своими родителями въ Царскомъ Селѣ на святкахъ, ничѣмъ не подкрѣплено: откуда оно взято, неизвѣстно. Въ лицейскомъ «уединеніи» даже маленькая дѣвочка могла сойти въ глазахъ пылкаго мальчика за взрослую дѣвицу, къ которой стоитъ обратиться съ мадригаломъ. Мы не можемъ не довѣрять сообщенной Анненковымъ датѣ, и слова Пушкина: «мнѣ семнадцать было» оказываются преувеличеніемъ, такъ какъ до 17 лѣтъ ему оставалось ждать добрые полгода: очевидно, ему, какъ и всѣмъ подросткамъ, рвущимся поскорѣе въ взрослые, хотѣлось казаться старше. Съ этой точки зрѣнія понятны резонерскій тонъ начала пьесы и полныя комической серьезности жалобы на «унылую судьбу», невозвратность прошлаго и даже «старость».

У Л. Н. Майкова (2-ое акад. изд. I т., стр. 157) и П. О. Морозова (сочин. Пушкина, изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 143) 17-й и 18-й стихи пьесы переданы:

Немного истинныхъ похвалъ,
Немного истиннаго чувства,

П. А. Ефремовъ (сочин. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, стр. 41—42) считаетъ такую передачу безсмысленной, усматривая противорѣчіе въ этихъ словахъ. Это, конечно, погрѣшность противъ анненковскаго текста, который приходится принять, но во всякомъ случаѣ не безсмыслица. Дѣло только въ тонѣ,—Пушкинъ могъ обѣщать маленькой баронессѣ мадригалъ, въ которомъ будутъ и похвала, и чувство: немного того, немного этого. Редакцію эту нужно отвергнуть, но не изъ-за «безсмыслицы», а ради соблюденія правильности единственной редакціи текста, имѣющейся въ нашемъ распоряженіи. Требуется-ли «много чувства» для такого холоднаго произведенія какъ мадригалъ?

Н. Лернеръ.

Подумавъ, рѣшилась
Сихъ вишенъ поѣсть,
За вѣтвь ухватилась
На дерево взлѣзть.

Уже достигаетъ
Награды своей
И робко ступаетъ
Ногой межъ вѣтвей.

Бери плодъ рукою—
И вишня твоя,
Но, ахъ, что съ тобою,
Пастушка моя?

Вдали усмотрѣла,
Спѣшитъ пастушокъ,
Нога ослабѣла,
Скользитъ башмачокъ.

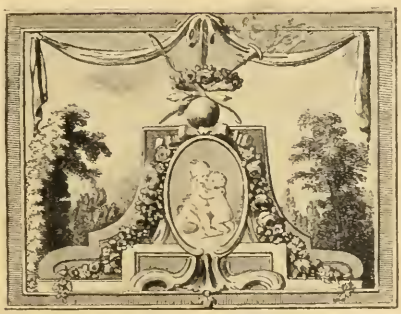
И вѣтвь затрещала,
Бѣда! смерть грозитъ!
Пастушка упала,
Но, ахъ! какой видъ...

Сучекъ преломленный
За платье задѣлъ,
Пастухъ удивленный
Всю прелесть узрѣлъ....
. . . . . .

Пастушку несчастну
Съ сучка тихо снялъ
И грудь свою страстну
Къ красоткѣ прижалъ.

Вся кровь закипѣла
Въ двухъ пылкихъ сердцахъ,
Любовь прилетѣла
На быстрыхъ крылахъ,

Утѣха страданій
Двухъ юныхъ сердецъ,
Въ любви ожиданій
Супругамъ вѣнецъ...
. . . . . .



Концовка Eisen'a (18 въкъ)

66. ВИШНЯ.

См. дальше стр. 303.

67. И ТАКЪ Я ЩАСТЛИВЪ БЫЛЪ.

Это собственно не стихотвореніе, а вполнѣ автобіографическая стихотворная запись изъ дневника (См. выше, стр. 285), первыя проявленія любви къ Бакуниной. Запись (подъ 29 ноября) находится въ дошедшихъ до насъ и хранящихся нынѣ въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ отрывкахъ изъ лицейскихъ записокъ Пушкина. Ими пользовался П. В. Анненковъ, напечатавшій выдержки изъ нихъ во 2-мъ изданіи своихъ «Матеріаловъ для біографіи Пушкина» (Спб. 1873, стр. 23). Нѣсколько листковъ записокъ были въ 1897 г. найдены Д. Сапожниковымъ въ усадьбѣ Анненкова, при с. Чириковѣ, Симбирскаго уѣзда, въ сараѣ, и затѣмъ поступили въ московскій музей. Эти записки г. Сапожниковъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» 1899 г., т. I, стр. 337—358 («Вновь найденныя рукописи А. С. Пушкина», отдѣльный оттискъ; есть и два другія изданія—симбирское и петербургское). Снимокъ съ того листка записокъ, гдѣ имѣется «И такъ я щастливъ былъ» приложенъ къ «Матеріаламъ» Анненкова и въ орѳографіи этого автографа мы воспроизвели стихотвореніе. Р.

68. УГРЮМЫХЪ ТРОЙКА ЕСТЬ НѢВЩОВЪ.

Въ тѣхъ же запискахъ находимъ запись подъ 10 декабря 1815 года: «Третьяго дня хотѣлъ я начать героическую поэму: Игорь и Ольга, а написалъ эпиграмму на Шах., Шихм. и Шишк.; вотъ она:

Угрюмыхъ тройка есть нѣвщовъ... и т. д.

Такимъ образомъ, эпиграмма написана 8 декабря 1815 г. Всѣ три упоминаемые въ ней писателя, какъ извѣстно, не пользовались расположеніемъ Пушкина, который, едва выступивъ на литературное поприще, примкнулъ къ «молодому» лагерю, группировавшемуся около Карамзина, и сразу ополчился на «бесѣдистовъ». Нельзя, конечно, по рѣзкому отзыву Пушкина о нихъ думать, что нашъ поэтъ былъ дѣйствительно такого невыгоднаго мнѣнія объ умѣ всей «тройки злой». Ни маститаго Шишкова, заслуги котораго Пушкинъ высоко цѣнилъ, ни «колкаго» Шаховского нашъ поэтъ не могъ серьезно назвать глупыми людьми. Въ эпиграммѣ звучитъ живой отголосокъ кружковыхъ разговоровъ и пересудовъ, въ которыхъ, конечно, не щадились литературные враги. Сидя въ стѣнахъ лицея, Пушкинъ душою былъ съ «арзамасцами». Въ мартѣ 1816 г. онъ жаловался въ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому: «Безбожно молодого человѣка держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова... Простите, князь, гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ [на] *III.*»... Двумъ изъ этихъ «князей-стихотворцевъ на *III.*», да на придачу старому ревнителю чистоты русскаго слова, досталось въ эпиграммѣ Пушкина. Н. Лернеръ.

69. ФАТАМЪ ИЛИ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЙ РАЗУМЪ.

См. дальше, стр. 302.

70. ФИЛОСОФЪ.

См. дальше, стр. 302.

71. ОТЪ ВСЕНОЩНОЙ, ВЕЧОРЪ, ИДЯ ДОМОЙ.

См. дальше стр. 303.

СТИХИ ИЗЪ ДНЕВНИКА 1815 ГОДА.

I.

67. И ТАКЪ Я ЩАСТЛИВЪ БЫЛЪ.

И такъ я щастливъ былъ и такъ я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгомъ упивался...
И гдѣ веселья быстрой день
Промчался летомъ сповидѣнья,
Увяла прелесть наслажденья
И снова вкругъ меня угрюмой скуки тѣнь!..

II.

68. УГРЮМЫХЪ ТРОЙКА ЕСТЬ ПѢВЦОВЪ.

Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ
Шихматовъ, Шаховской, Шишковъ,
Уму есть тройка супостатовъ,
Шишковъ нашъ, Шаховской, Шихматовъ;
Но кто глупѣй изъ тройки злой?
Шишковъ, Шихматовъ, Шаховской.

Концовка Bachelier (18 вѣкъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЗАМЫСЛЫ И ПРИПИСЫВАЕМЫЯ ПУШКИНУ ПРОИЗВЕДЕНІЯ 1813—1815 гг.

Къ періоду около 1815 г. относится нѣсколько литературныхъ проектовъ и начатыхъ работъ Пушкина, отъ которыхъ до насъ дошли весьма незначительные слѣды и о которыхъ мы знаемъ очень мало. При этомъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ даже неизвѣстно, были ли они Пушкинымъ написаны, или только были намѣчены ихъ темы, которыя поэтъ могъ оставить безъ всякаго развитія. На оборотѣ автографа пьесы «Пирующіе студенты», 1814 г., находимъ записанный Пушкинымъ перечень стихотвореній 1814 и 1815 гг. (снимокъ съ него см. въ сборникѣ «Въ память пятидесятилѣтія кончины А. С. Пушкина», изд. Имп. Александр. Лицея, Спб., 1887 г.). Въ этомъ перечнѣ упомянуты неизвѣстныя намъ посланія—

«БОНАПАРТЕ»,
«ТРУБЕЦКОМУ»
«ИППИКОВУ»

и двѣ лирическія пьесы—

«РИПАЛЬДА»
и «КАРТИНЫ».

Послѣднія, по мнѣнію Л. Н. Майкова (2-е акад. изд. I т., примѣч., стр. 8)—извѣстнымъ намъ переложеніе изъ Парни «Фавнъ и пастушка», состоящее изъ ряда «картинъ» («tableaux», какъ назвалъ ихъ Парни); мнѣніе это весьма правдоподобно, но принять его безусловно нельзя, такъ какъ у Пушкина есть немало пьесъ, носящихъ одинаковыя названія; къ тому же слово «картины» ничего не говоритъ о содержаніи пьесы, обозначая только ея жанръ.

Болѣе опредѣленны свѣдѣнія о другихъ литературныхъ работахъ, задуманныхъ или начатыхъ Пушкинымъ, сохраненныя главнымъ образомъ собственными записками поэта, которыя онъ, было, вздумалъ вести въ лицеѣ. Въ этихъ запискахъ Пушкинъ отмѣтилъ подъ 10 декабря (1815 г.):

«Вчера написалъ я третью главу «Фатама или разума человѣческаго»: Право естественное. Читалъ ее С. С. и вечеромъ съ товарищами тушилъ свѣчки и лампы въ залѣ. Прекрасное занятіе для философа!... Началъ я комедію,—не знаю, кончу ли ее. Третьяго дня хотѣлъ я начать героическую поэму «Игорь и Ольга». Лѣтомъ напишу я «Картину Царскаго Села».

1) Картина сада.
2) Дворецъ. День въ Ц. С.
3) Утреннее гулянье.
4) Полуденное гулянье.
5) Вечернее гулянье.
6) Жители Царскаго Села.

Вотъ главные предметы вседневныхъ моихъ записокъ.

По это еще будущее».

ФАТАМЪ.

По поводу сейчасъ приведенныхъ отрывковъ изъ дневника И. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», Спб., 1873, стр. 22) замѣчаетъ, что «эти главные предметы записокъ обнаруживаютъ постоянное стремленіе къ дѣятельности въ молодомъ ученикѣ. Нѣкоторые изъ его товарищей еще помнятъ содержаніе романа «Фатама», написаннаго по образцу сказокъ Вольтера. Дѣло шло о двухъ старикахъ, молившихъ небо даровать имъ сына, жизнь котораго была бы исполнена всѣхъ возможныхъ благъ. Добрая фея возвѣщаетъ имъ, что у нихъ родится сынъ, который въ самый день рожденія достигнетъ возмужалости и велѣдъ за этимъ почестей, богатства и славы. Старики радуются; но фея полагаетъ условіе, говоря, что естественный порядокъ вещей можетъ быть нарушенъ, но не уничтоженъ совершенно: волшебный сынъ ихъ съ годами будетъ терять свои блага и переходить къ прежнему своему состоянію, переживая вмѣстѣ съ тѣмъ года юношества, отрочества и младенчества до тѣхъ поръ, пока снова очутится въ рукахъ ихъ безпомощнымъ ребенкомъ. Моральная сторона сказки состояла въ томъ, что нарушеніе натуральнаго хода вещей никогда не можетъ быть къ лучшему».

О комедіи Пушкина, вскорѣ уничтоженной, и о героической поэмѣ почти ничего не могли мы собрать.

ФИЛОСОФЪ.

Были ли написаны «героическая поэма» и «Картина Царскаго Села» и были ли закончены «комедія» и «Фатамъ или разумъ

человѣческій», неизвѣстно. 16 января 1816 г. А. Д. Илличевскій сообщалъ П. П. Фуссу (Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 67), что Пушкинъ «пишетъ теперь комедію въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, подъ названіемъ «Философъ». Планъ довольно удаченъ, и начало, то есть 1-е дѣйствіе, до сихъ поръ только написанное, обѣщаетъ нѣчто хорошее: стихи—и говорить нечего, а острыхъ словъ сколько хочешь! Дай только Богъ ему терпѣнія и постоянства, что рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ: они то же, что мотылки, которые недолго на одномъ цвѣткѣ покоятся, которые такъ же прекрасны и такъ же, къ несчастію, непостоянны; дай Богъ ему кончить—это первый большой ouvrage, начатый имъ, ouvrage, которымъ онъ хочетъ открыть свое поприще по выходѣ изъ лицея».

Отъ «Философа» ничего не дошло до насъ; вѣроятно, онъ даже не былъ оконченъ [1]). Судя по тому, что къ серединѣ января 1816 г. былъ готовъ первый актъ «Философа», это и есть та «комедія», которую поэтъ началъ въ декабрѣ 1815 г.

ВИШНЯ.

Къ 1815 г. относятся обыкновенно еще два стихотворенія, приписываемыя Пушкину: «Вишня» и «Отъ всенощной. вечоръ, идя домой...» «Вишня», начало которой помѣщается въ хрестоматіяхъ и пользуется большою популярностью, впервые была напечатана въ Анненковскомъ изданіи произведеній Пушкина (т. VII, стр. 7), съ цензурными пропусками (которые, конечно, и настоящее изданіе должно было сдѣлать; но, все-таки, текстъ наст. изданія полнѣе) и безъ всякихъ указаній источника, откуда эта пьеса была взята. Л. Н. Майковъ не внесъ «Вишню» въ академическое изданіе Пушкина, П. А. Ефремовъ («Сочин.» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 42: «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ»—«Новое Время» 1903 г., № 9845) не рѣшается приписать «Вишню» Пушкину. Князь П. А. Вяземскій оставилъ на поляхъ второго берлинскаго изданія «Стихотвореній Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій», 1870 г., противъ «Вишни», замѣчаніе, что «не могъ въ 1815 году Пушкинъ написать такіе безобразные стихи—развѣ гораздо ранѣе... многіе стихи черезчуръ плохи» («Старина и Новизна», историч. сборникъ, кн. VIII, М., 1904 г., стр. 35). Это замѣчаніе намъ кажется черезъ-чуръ категоричнымъ. Рѣшить вопросъ съ полной опредѣленностью трудно. Все-таки, въ «Вишнѣ» есть нѣчто «пушкинское» — граціозный, легкій стихъ, веселое настроеніе, наивно юношескій эротизмъ...

ОТЪ ВСЕНОЩНОЙ, ВЕЧОРЪ, ИДЯ ДОМОЙ.

О происхожденіи второго стихотворенія вотъ что разсказываетъ П. П. Пущинъ въ своихъ «Запискахъ» (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 60):

«Сидѣли мы съ Пушкинымъ однажды вечеромъ въ библіотекѣ у открытаго окна. Народъ выходилъ изъ церкви отъ всенощной; въ толпѣ я замѣтилъ старушку, которая о чемъ-то горячо съ жестами разсуждала съ молодой дѣвушкою, очень хорошенькой. Среди болтовни я говорю Пушкину, что любопытно бы знать, о чемъ такъ горячатся онѣ, о чемъ такъ спорятъ, идя отъ молитвы. Онъ почти не обратилъ вниманія на мои слова, всмотрѣлся однако въ указанную мною чету и на другой день встрѣтилъ меня стихами:

Отъ всенощной, вечоръ, идя домой,
Антипьевна съ Марѳушкою бранилась:
Антипьевна отмѣнно горячилась.
«Постой! кричитъ: управлюсь я съ тобой.
Ты думаешь, что я забыла
Ту ночь, когда, забравшись въ уголокъ,
Ты съ крестникомъ Ванюшею шалила?
Постой! о всемъ узнаетъ мужичекъ!»
— Тебѣ ль грозить? Марѳушка отвѣчаетъ:
Ванюшка что? Вѣдь онъ еще дитя!
А сватъ Трофимъ, который у тебя
И день, и ночь? Весь городъ это знаетъ.
Молчи жъ, кума: и ты, бакъ я, грѣшна:
Словами жъ всякаго пожалуй разобидишь.
Въ чужой—соломинку ты видишь,
А у себя не видишь и бревна.

«Вотъ что ты заставилъ меня написать, любезный другъ», сказалъ онъ, видя, что я нѣсколько призадумался, выслушавъ его стихи, въ которыхъ меня поразило окончаніе.—Въ эту минуту подошелъ къ намъ Кайдановъ,—мы собирались въ его классъ. Пушкинъ и ему прочелъ свой разсказъ. Кайдановъ взялъ его за ухо и тихонько

1) В. Н. Гаевскій «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 155 говоритъ, что поэтъ, «сочинивъ только два дѣйствія, охладѣлъ къ своему труду и уничтожилъ написанное». У Гаевскаго же ор. с., стр. 157—158 находимъ неполный пересказъ содержанія «Фатама».

сказалъ ему: «Не совѣтую вамъ, Пушкинъ, заниматься такою поэзіей, особенно кому-нибудь сообщать ее. И вы, Пущинъ, не давайте волю языку», прибавилъ онъ, обратясь ко мнѣ. Хорошо, что на этотъ разъ подвернулся добрый Иванъ Кузьмичъ, а не другой кто-нибудь».

«Трудно предположить»—говоритъ объ этомъ стихотвореніи П. А. Ефремовъ («Сочин.» П., т. VIII, 1905 г., стр. 42)—«чтобы черезъ 40 лѣтъ Пущинъ могъ передать вѣрный текстъ шутки... Вѣроятно, и въ стихотвореніи о ссорѣ онъ припомнилъ только сюжетъ и немногіе стихи, отчего и стихотвореніе является въ передачѣ крайне тяжелымъ и съ выраженіями, въ которыхъ трудно узнать Пушкина, напр.: «Отмѣщи и горячилась»!.

Съ мнѣніемъ П. А. Ефремова нельзя не согласиться; словамъ Пущина приходится вѣрить, но точность его передачи дѣйствительно необходимо подвергнуть сомнѣнію.

Кн. Вяземскій въ упомянутыхъ выше отмѣткахъ (см. стр. 303) по поводу «отъ всепошной...» говоритъ: «едва-ли Пушкина: окромѣ двухъ послѣднихъ стиховъ все прочее довольно вяло» (стр. 34).

Пущинъ же (Майковъ, l. c., стр. 59) вспоминаетъ сказанный Пушкинымъ «по случаю гогель-могели» (см. пьесу «Воспоминаніе») экспромтъ, вложенный въ уста лицейскаго товарища Малиновскаго:

Мы недавно отъ печали,
Пущинъ, Пушкинъ, я, баронъ,
По бокалу осушали,
И Ѳому прогнали вонъ.

«Остальныхъ строфъ не упомню: этому слишкомъ сорокъ лѣтъ», прибавляетъ Пущинъ. Въ одной изъ «національныхъ» лицейскихъ пѣсенъ изгнаніе Ѳомы было увѣковѣчено стихами:

Ребята напились ромомъ,
Зато Ѳому прогнали съ громомъ.

Бывъ переведенъ, въ наказаніе за эту проказу, на одно изъ послѣднихъ мѣстъ за обѣденнымъ столомъ, Пушкинъ добродушно замѣтилъ:

Блаженъ мужъ, иже
Сидитъ къ кашѣ ближе [*].

Временное лицейское «безначаліе», наступившее послѣ смерти директора Малиновскаго, вызвало у Пушкина, по словамъ В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 152), «басню о душѣ, которая вслѣдствіе излишняго усердія заботившихся о ней пошла по рукамъ чертей»... Басня эта, въ которой подъ душою разумѣется лицей, а подъчертями—часто смѣнявшіеся въ немъ администраторы, не дошла до насъ.

Въ 1857 г., въ 277 № «Русскаго Инвалида», были напечатаны со словъ «лицейскаго товарища Пушкина» двѣ будто бы пушкинскія эпиграммы. Одна на сочинителя плохихъ эпиграммъ:

Ахъ, тошно, тошно! помогите!
«Да отчего же тошно вамъ?
Ужъ не отъ сладкаго ль, скажите?»
Такъ, такъ! отъ вашихъ эпиграммъ.

Другая на лицейскаго профессора математики:

Повѣрь, тебя измѣрить разомъ
Не мудрено, мой другъ Черняк;
Ты математикъ—минусъ разумъ,
Ты злой насмѣшникъ плюсъ... (дуракъ).

Обѣ попали въ Геннадіевское изданіе 1859 г., оттуда ихъ перепечатывалъ г. П. А. Ефремовъ, который внесъ ихъ и въ I томъ своего послѣдняго изданія (1903 г., стр. 123). Принадлежность первой эпиграммы ничѣмъ не доказана; вторая же принадлежитъ, согласно указанію графа М. А. Корфа (Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 230), присяжному лицейскому эпиграмматисту А. Д. Илличевскому. Въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» 1902 г., (№ 310), г. Библіофилъ, въ своей статьѣ «Новое изданіе Пушкина», разъяснилъ ошибку П. А. Ефремова, напечатавшаго эпиграмму на «никогда небывалаго профессора Черняка». Въ примѣчаніяхъ къ своему изданію (т. VIII, 1905 г., стр. 33—34) Ефремовъ исправилъ ошибку. По словамъ Корфа, «эта игра словъ не отвѣчала истинѣ въ отношеніи къ уму Карпова», лицейскаго преподавателя математики, противъ котораго была направлена выходка Илличевскаго.

Что касается до приписанной Пушкину В. П. Гаевскимъ («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 155—157) непристойной поэмы «Тѣнь Баркова», то непричастность Пушкина къ этой довольно посредственной вещи установлена П. А. Ефремовымъ («Мнимый Пушкинъ», l. c.), который «найдя полную поэму (у Гаевскаго приведены лишь отрывки) въ рукописной тетради, увидѣлъ, что въ ней дѣло идетъ о Москвѣ, и съ такими подробностями, которыхъ Пушкинъ не могъ о ней знать, выведенный изъ нея еще почти ребенкомъ».

Н. Лернеръ.

[*] Слова эти были въ лицеѣ общеупотребительной поговоркой (см. ст. В. П. Гаевскаго въ «Современникѣ» 1863 г., № 7, стр. 151).

72. КЪ МАШѢ.

Вчера мнѣ Маша приказала
Въ куплеты рифмы набросать,
И мнѣ въ награду обѣщала
Спасибо въ прозѣ написать.

✠

Спѣшу исполнить приказанье.
Года не смѣютъ погодить:
Еще семь лѣтъ—и обѣщанье
Ты не исполнишь, можетъ быть.

✠

Вы чинно, молча, сложа руки,
Въ собраньяхъ будете сидѣть,
И жертвуя богинѣ скуки,
Съ воксала въ маскерадъ летѣть.

✠

И ужъ не вспомните поэта...
О Маша, Маша! поспѣши,
И за четыре мнѣ куплета
Мою награду напиши.

✠

72. КЪ МАШѢ.

Извѣстны три копіи этой пьесы: одна находится въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», другая—въ тетради Ѳ. Ѳ. Матюшкина (см. ст. К. Я. Грота въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 242), третья—въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2395, л. 719. Текстъ всѣхъ копій одинаковъ; въ такомъ же видѣ появилось стихотвореніе въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 288). В. И. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 378) сообщаетъ, что видѣлъ автографъ посланія съ помѣтой: «1816 года. Лицей» у особы, которой оно было посвящено. Нынѣ автографъ неизвѣстенъ.

«Маша»—баронесса Марія Антоновна Дельвигъ, сестра лицейскаго товарища и друга поэта,—какъ разсказываетъ И. И. Пущинъ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 61),—«премилая, живая дѣвочка, которой тогда было семь или восемь лѣтъ. Стихи сами по себѣ очень милы, но для насъ [1]) имѣютъ свой особый интересъ. Корсаковъ положилъ ихъ на музыку, и эти стансы пѣлись тогда юными дѣвицами почти во всѣхъ домахъ, гдѣ лицей имѣлъ право гражданства». (О И. А. Корсаковѣ см. примѣч. на стр. 138). Установленная Гаевскимъ хронологія пьесы не можетъ быть отвергнута, такъ какъ семейство Дельвигъ, повидимому, гостило на святкахъ 1815—1816 гг. въ Царскомъ Селѣ (см. примѣч. къ пьесѣ «Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ», 1815 г.).

Бѣлинскій относилъ эту пьесу къ числу напоминающихъ «литературную школу до Жуковскаго и Батюшкова». Однако, третій куплетъ посланія обличаетъ въ молодомъ лицеистѣ не просто сочинителя салонныхъ мадригаловъ. Тутъ уже опредѣленная оцѣнка «свѣта» съ его пустотою. Иронія, съ которой поэтъ говоритъ о дѣвушкѣ, чинно скучающей на свѣтскихъ собраніяхъ, напоминаетъ два стиха изъ описанія петербургскаго великосвѣтскаго вечера въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (гл. 8, строфа XXIV):

Тутъ было нѣсколько дѣвицъ,
Неулыбающихся лицъ...

Н. Лернеръ.

[1]) Т. е. лицеистовъ.

73. УСЫ.

Эта пьеса дошла до насъ въ автографѣ, принадлежащемъ князю П. А. Путятину, и въ нѣсколькихъ копіяхъ; одна изъ нихъ находится въ хранящихся въ московскомъ публичномъ музеѣ бумагахъ Пушкина (тетрадь № 2364, л. 25; дата переписки помѣчена 8 марта 1817 г.) и снабжена позднѣйшими собственноручными поправками Пушкина; другая копія—въ извѣстномъ рукописномъ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», стр. 63—66; въ рукописяхъ московскаго публичнаго музея сохранилась и часть списка, съ котораго стихотвореніе было напечатано въ посмертномъ изданіи (тетрадь № 2395, л. 725). Впервые «Усы» были напечатаны въ 1831 г. въ московскомъ альманахѣ «Эвтерпа, или собраніе новѣйшихъ романсовъ, балладъ и пѣсенъ извѣстнѣйшихъ и любимѣйшихъ русскихъ поэтовъ», на стр. 39—42, безъ заглавія, и съ подписью: «Д. Давыдовъ», которому пьеса была приписана, конечно, по догадкѣ издателя, какъ «гусарская». (Въ этомъ же альманахѣ было неправильно приписано Пушкину чужое стихотвореніе: «Я палъ предъ алтаремъ прекрасной»; см. Русс. Старину 1879 г., декабрь, 733; ст. П. А. Ефремова «Мнимый Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ», Новое Время 1903 г., № 9845). Поэтъ этими стихами, повидимому, не дорожилъ, такъ какъ самъ ихъ не печаталъ; онъ не возражалъ противъ приписанія другому своей пьесы; впрочемъ, онъ, можетъ быть, и не зналъ объ этомъ. Затѣмъ «Усы» появились въ посмертномъ изданіи произведеній Пушкина (т. IX, стр. 344—346). Нѣкоторые варіанты были напечатаны Е. И. Якушкинымъ съ какого-то списка въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 года, стр. 333.

Самое раннее упоминаніе объ этомъ стихотвореніи относится къ 20 марта 1816 г., когда лицейскій товарищъ Пушкина Илличевскій писалъ, изъ Царскаго Села, своему другу П. П. Фуссу; «посылаю тебѣ двѣ гусарскія піесы нашего Пушкина—гусарскія потому, что въ нихъ дѣло идетъ о гусарахъ и о ихъ принадлежностяхъ» (Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 69). Л. Н. Майковъ высказалъ ничѣмъ необоснованное предположеніе, что пьеса могла быть написана въ концѣ 1815 года (академич. изданіе, т. I, изд. 2-ое, прим.,

73. У С Ы.

Философическая ода.

Глаза скосивъ на усъ кудрявой,
Гусаръ съ улыбкой величавой
На палецъ завитки моталъ;
Мудрецъ съ обритой бородою,
Качая тихо головою,
Со вздохомъ усачу сказалъ:

Гусаръ! нѣтъ вѣчнаго въ природѣ...
Какъ ода вслѣдъ похвальной одѣ,
Проходятъ Царства и вѣка.
Скажи, гдѣ стѣны Вавилона?
Гдѣ драммы тощія Клеопа?
Умчала всё временъ рѣка.

За умъ усъ твой закрученный
Вишомъ и ромомъ окропленный,
Гордится юной красотой,
Не знаетъ бритвы, вынесною
Онъ вѣчно лоснится сурьмою,
Расправленъ грѣбнемъ и рукой.—

«Чтобы не смялъ уса лихова
Ты къ ночи одою Хвастова
Его тихонько обверпешь.—
Въ надушку посомъ лечь не смѣешь
И въ крѣпкомъ снѣ его лелѣешь,
И утромъ вновь его завьешь.—

На долгихъ ужинахъ веселыхъ,
Въ кругу Гусаровъ посѣдѣлыхъ
И черноусыхъ Удальцовъ,
Веселый гость, любовникъ пылкій,
За чье здоровье бьешь бутылки?
Коня, Красавицъ и Усовъ!

Сраженья страшный часъ настанетъ
Въ ряды ядро со трескомъ грянетъ;
А ты надъ ухарскимъ сѣдломъ,
Разсудка, памяти не тратишь
Сперва кудрявый усъ ухватишь
А саблю вѣрную потомъ.

Окованный волшебной силой
Наединѣ съ красоткой милой
Ты нѣжишься—одной рукой
Въ восторгахъ нѣги сладострастной—
Летаешь по груди прекрасной,
А грозный усъ крутишь другой.

Гордись, Гусаръ! но помни вѣчно,
Что все на свѣтѣ скоротечно—
Летятъ губительны часы!
Румяны щеки пожелтеютъ,
И черны кудри посѣдеютъ,
И старость выбѣлитъ усы.

235); но эту догадку приходится отвергнуть, такъ какъ болѣе ранняго показанія объ «Усахъ», чѣмъ цитированное письмо Илличевскаго, мы не имѣемъ (П. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина», изданіе 2-ое, Спб., 1907 г., стр. 29). Копія, посланная Илличевскимъ Фуссу, была въ рукахъ Я. К. Грота, но намъ неизвѣстна; по его свидѣтельству (Гротъ, l. c., прим. 1), эта копія сходна съ печатнымъ текстомъ посмертнаго изданія.

Бѣлинскій отнесъ эту лицейскую пьесу къ числу тѣхъ, въ которыхъ «сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзіи», и которыя «по тогдашнему времени просто прекрасны». Съ мнѣніемъ Бѣлинскаго можно лишь на половину согласиться: стихи Пушкина вполнѣ оригинальны, и все въ нихъ чисто-пушкинское: и легкая, свѣтлая грусть, и добродушная ироніи. Разгульный тонъ «серы-забіяки» умѣренъ простосердечной моралью бритаго мудреца, смиренный образъ котораго забавно противопоставленъ самодовольной фигурѣ пылкаго молодого человѣка. Писательская жилка Пушкина сказалась и въ этой пьесѣ, такъ далекой по содержанію отъ литературныхъ интересовъ, обычно занимавшихъ молодого поэта; мимоходомъ Пушкинъ выразилъ свои литературные взгляды въ ироническихъ словахъ о скоропреходящихъ похвальныхъ одахъ, о стихахъ Хвостова, употребленныхъ на папильотки для усовъ, о тощихъ драмахъ Клеона. Въ послѣднемъ имени, повидимому, не слѣдуетъ искать намека на кого-нибудь изъ тогдашнихъ драматурговъ; это скорѣе условное, общее прозвище горе-писателя (какъ, напримѣръ, Аристъ, Клитъ въ пушкинскихъ эпиграммахъ). Традиціонную фигуру гусара, съ его веселостью и легкомысленнымъ отношеніемъ къ женщинѣ, мы не разъ встрѣчаемъ у Пушкина—и ранѣе, въ «Слезѣ», 1815 г., и позднѣе, въ «Новѣстяхъ Бѣлкина» и «Гусарѣ», 1833 г. «Усы»—частью отголосокъ впечатлѣній, навѣянныхъ поэту знакомствомъ съ кругомъ «черноусыхъ удальцовъ», квартировавшихъ въ Царскомъ Селѣ (о нихъ см. примѣч. къ «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ»), знакомствомъ, подъ вліяніемъ котораго Пушкинъ одно время стремился къ военной службѣ и писалъ («А. П. Галичу»):

Простите, дѣвственныя музы!
Прости, пріютъ младыхъ отрадъ!
Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Юношескимъ мечтамъ о залихватски вьющемся «гордомъ усѣ» не суждено было сбыться, такъ какъ Пушкину не пришлось быть въ военной службѣ и пользоваться правомъ носить усы—тогдашней привилегіей военнаго класса. Въ пушкинской иконографіи нѣтъ ни одного портрета, гдѣ бы Пушкинъ былъ изображенъ съ усами. Въ дорогѣ и въ деревенской глуши онъ иногда «самовольно» отпускалъ себѣ усы. Разсказывая женѣ въ одномъ изъ писемъ (27 августа 1833 г.), что былъ званъ на балъ, но не воспользовался приглашеніемъ, Пушкинъ писалъ: «я не поѣхалъ за неимѣніемъ бальнаго платья и за небритіемъ усовъ, которые отрощаю въ дорогу»; черезъ нѣсколько дней, 2 сентября, онъ писалъ ей, что не поѣхалъ къ знакомымъ на дачу, «жалѣя своихъ усовъ, которые только лишь ощетинились»; 30 октября, разсказывая женѣ про свое деревенское житье, Пушкинъ писалъ: «отпустилъ я себѣ бороду; усъ да борода—молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ».

Н. Лернеръ.

74. БЛАЖЕНЪ, КТО ВЪ ШУМѢ ГОРОДСКОМЪ...

Письмо и стихи напечатаны въ настоящемъ изданіи по академическому изданію переписки поэта (ред. В. И. Саитова. т. I, стр. 2—3), воспроизводящему Пушкинское правописаніе. Поэтъ приходилъ въ ужасъ, предвидя цѣлый годъ пребыванія въ лицеѣ (курсъ онъ окончилъ въ іюнѣ 1817 г.). Стихи проникнуты нетерпѣніемъ юности, рвущагося изъ школьныхъ стѣнъ на волю, нетерпѣніемъ тѣмъ болѣе понятнымъ, что лицей былъ расположенъ въ тихомъ городкѣ, да еще представлялъ собою интернатъ или по образному выраженію Пушкина, допускающаго въ этомъ случаѣ замѣчательное преувеличеніе, «монастырь». П. О. Морозову («Сочиненія и письма А. С. Пушкина», изд. «Просвѣщенія,» т. VIII, стр. 411) эта жалоба на лицейское «уединеніе» привела на память наброскъ къ IV строфѣ первой главы «Евгенія Онѣгина», гдѣ поэтъ говоритъ о своемъ героѣ, которому онъ сообщилъ нѣкоторыми чертами собственнаго характера:

Мой другъ горѣлъ отъ нетерпѣнья
Избавиться (навѣкъ) ученья;
Большого свѣта блескъ и шумъ
Давно плѣнялъ юныій умъ.

74. БЛАЖЕНЪ, КТО ВЪ ШУМѢ ГОРОДСКОМЪ.

Даемъ это стихотвореніе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно вылилось изъ-подъ пера Пушкина—какъ часть письма къ кн. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г. Ред.

Князь Петръ Андрѣевичъ,

Признаюсь что одна только надежда получить изъ Москвы русскіе стихи Шапеля и Буало могла побѣдить благословенную мою лѣность. Такъ и быть: ужъ не пѣняйте если мое письмо заставитъ зѣвать ваше піитическое сіятельство; сами виноваты; зачѣмъ дразнить было пешастнаго Царскосельскаго пустынника, котораго ужъ и безъ того дергаетъ бѣшеной Демонъ бумагомаранія. Съ моей стороны прямо объявляю вамъ что я не намѣренъ оставить васъ въ покоѣ, покамѣсть храмой Софійской почталіонъ не принесетъ мнѣ вашей прозы и стиховъ — Подумайте хорошенько объ этомъ, дѣлайте что вамъ угодно—но я ужъ рѣшился и поставлю на своемъ.

Что сказать вамъ о нашемъ уединеніи? Никогда Лицей (или Ликей, только ради Бога, не л и ц е я) не казался мнѣ такъ несносимымъ какъ въ нынешнее время. Увѣряю васъ что уединенье въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину:

Блаженъ кто въ шумѣ городскомъ
Мечтаетъ объ уединеньи,
Кто видитъ только въ отдаленьи
Пустыню, садикъ, сельской домъ
Холмы съ безмолвными лѣсами
Долину съ рѣзвымъ ручейкомъ
И даже... стадо съ пастухомъ!
Блаженъ, кто съ добрыми друзьями
Сидитъ до ночи за столомъ,
И надъ Славенскими глупцами
Смѣется русскими стихами,
Блаженъ, кто шумную Москву
Для хижинки не покидаетъ — — —
И не во снѣ а на яву
Свою любовницу ласкаетъ!..

Правда время нашего выпуска приближается. Остался годъ еще. Но цѣлой годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. цѣлой годъ еще дремать передъ каѳедрой... это ужасно. Право съ радостью согласился бы я двенадцать разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ преславутой Россіады, даже съ присовокупленьемъ къ тому и премудрой критики Мерзлякова, съ тѣмъ только чтобы Гр. Разумовской сократилъ время моего заточенья. Безбожно молодова человѣка держать въ заперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и бесѣду губителей Россійскаго Слова. Но дѣлать нѣчего,

Не всѣмъ быть можно въ ровной долѣ
И жребій съ жребіемъ не схожъ—[1])

Отъ скуки, часто пишу я стихи довольно скучные (а иногда и очень скучные) часто читаю стихотворенія которыя ихъ не лучше, недавно гокѣлъ и исповѣдывался—все это во все незабавно—Любезный Арзамасецъ! утѣшьте насъ своими посланіями—и обѣщаю вамъ если не вѣчное блаженство, то по крайнѣй мѣрѣ искреннюю благодарность всего Лицея—

Простите, Князь гроза всѣхъ князей-стихотворцевъ [на] *Ш.*—Обнимите Батюшкова за того больнаго у котораго, годъ тому назадъ, завоевалъ онъ Бову Королевича—Не знаю успѣю ли написать Василью Львовичу, на всякой случай обнимите и его за вѣтренаго плѣмянника. Valeas. Александръ Пушкинъ.

Ломоносовъ вамъ кланяется.

[1]) Изъ посланія Кн. Вяземскаго къ Денису Давыдову. *Ред.*

Вскорѣ, когда Пушкинъ «на разныя забавы много жизни погубилъ», онъ иначе говорилъ объ уединеніи, безъ ироніи 1816 г.; искренне сочувствуя душевному довольству того, кто, «вдали взыскательныхъ невѣждъ, дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни, воспоминаній и надеждъ», кто «скрытъ, по милости Творца, отъ усыпителя глупца, отъ пробудителя нахала» («Уединеніе»). Въ пасмѣшкѣ надъ «Славянскими глупцами» отразилось обычное отношеніе Пушкина къ противникамъ Карамзина и его круга. (Ср. дальше статью объ «Арзамасѣ»). Около того же времени, къ которому относятся разбираемые стихи, поэтъ занечатлѣлъ въ пьесѣ «Пробужденіе» сладкое волненье, которое причиняли ему тревожные, страстные сны, его «ночная радость», заставлявшая его взывать: «любовь, любовь, внемли моленья, пошли мнѣ вновь свои видѣнья» и мучительно завидовать тому, кто «не во снѣ, а наяву свою любовницу ласкаетъ!..» Эту-же мысль Пушкинъ приблизительно въ тѣхъ-же выраженіяхъ выразилъ въ посвященныхъ М. А. Щербинину (въ 1819 г.) стихахъ, гдѣ поэтъ, между прочимъ, говоритъ:

Житье тому, любезный другъ...
Кто Наденьку подвечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ...

Ее же, наконецъ, мы находимъ въ началѣ пятой пѣсни «Руслана и Людмилы»:

Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ...

Н. Лернеръ.

75. ЖЕЛАНІЕ («ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЪ»...)

Съ явно-выброшенными цензурою отдѣльными стихами, «Желаніе» было впервые напечатано П. В. Анненковымъ (т. VII, стр. 16—17) какъ «отрывокъ изъ веселой лицейской шутки», который Анненкову сообщилъ М. П. Лонгиновъ. Нѣсколько пропущенныхъ стиховъ возстановилъ Е. П. Якушкинъ («Библіографич. Записки» 1858 г., стр. 346—347), и въ первомъ изд. Г. П. Геннади (1859 г., т. I, стр. 149—150) пьеса появилась полностью.

Какъ и предыдущее стихотвореніе, «Желаніе» стоитъ въ связи съ важнымъ въ однообразной лицейской жизни Пушкина событіемъ. Въ мартѣ 1816 г. Пушкинъ видѣлся въ Царскомъ Селѣ съ возвращавшимся изъ Петербурга въ Москву Н. М. Карамзинымъ, котораго сопровождали кн. П. А. Вяземскій и В. Л. Пушкинъ. По отъѣздѣ гостей нашъ лицеистъ,—разсказываетъ Я. К. Гротъ («Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 47),—«вступилъ въ переписку съ княземъ Вяземскимъ и Василіемъ Львовичемъ». Бесѣды писателей съ ихъ начинающимъ собратомъ вращались, конечно, около литературныхъ злобъ дня, и откликомъ на нихъ было письмо 27 марта къ Вяземскому и написанное передъ Пасхой, которая въ 1816 г. наступила 9 апрѣля, посланіе къ В. Л. Пушкину. Являясь, какъ и раньше, врагомъ стараго русскаго Парнаса и сторонникомъ новой литературной школы, Пушкинъ посмѣивается надъ «шишковистами»—надъ уже не разъ осмѣянными имъ С. С. Бобровымъ и Д. И. Хвостовымъ, княземъ С. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, присоединяя къ нимъ еще Николева. (О Бобровѣ и Хвостовѣ—см. далѣе, о Ширинскомъ-Шихматовѣ см. стр. 190). Николай Петровичъ Николевъ (род. 10 ноября 1758 г., умеръ 24 января 1815 г.) былъ довольно бездарный стихотворецъ старой литературной школы, написавшій множество сатиръ, одъ, псалмовъ, нравоучительныхъ пьесъ и пѣсенъ. Его прозывали «русскимъ Мильтономъ», хотя Мильтона напоминалъ онъ развѣ тѣмъ, что былъ слѣпъ. Имъ написаны популярныя въ старину пѣсни: «Вечеркомъ румяну зорю...», «Взвейся выше...», «Душеньки часокъ не видя...» Послѣднюю пѣсенку цитируетъ Гоголь: герой «Записокъ сумасшедшаго» вписываетъ ее въ свою тетрадку,—«очень хорошіе стишки, должно быть, Пушкина сочиненіе». У Николева были почитатели и до Попришина. Въ 1816, 1817 и 1818 годахъ они собирались и «дѣлали приличныя воспоминанія о Николевѣ въ день его смерти». Карамзинъ, Державинъ, Батюшковъ были о Николевѣ очень нелестнаго мнѣнія. [1]).

На шутливое посланіе племянника дядя писалъ 18 апрѣля 1816 г. изъ Москвы:

1) О немъ см. «Сынъ Отечества» 1816 г., ч. XXVIII, № 12, 24 марта (по мнѣнію Л. Н. Майкова, высказанному въ примѣчаніяхъ къ академическому изданію, быть можетъ, подъ

75. ЖЕЛАНІЕ.

Христосъ воскресъ, питомецъ Феба!
Дай Богъ, чтобъ милостію неба
Разсудокъ на Руси воскресъ—
Онъ что-то, кажется, исчезъ...
Дай Богъ, чтобы во всей вселенной
Воскресли миръ и тишина;
Чтобъ въ академіи почтенной
Воскресли члены ото сна:
Чтобъ въ наши грѣшны времена
Воскресла предковъ добродѣтель:
Чтобы, Шихматову на зло,
Воскреснулъ новый Буало—
Расколовъ, глупостей свидѣтель,
А съ нимъ побольше серебра
И золота, et caetera.
Но да не будетъ воскресенья
Усопшей прозы и стиховъ:
Да не воскреснутъ отъ забвенья
Покойный господинъ Бобровъ,
Хвалы газетчика достойный
И Николевъ, поэтъ покойный,
И непокойный графъ Хвостовъ,
И всѣ, которые на свѣтѣ
Писали слишкомъ мудрено,
Тоесть, и хладно, и темно,
Что очень стыдно и грѣшно.

Концовка Bachelier (18 вѣкъ).

«Благодарю тебя, мой милой, что ты обо мнѣ вспомнилъ. Письмо твое меня утѣшило и точно сдѣлало съ праздникомъ. Желанія твои сходны съ моими; я истинно желаю, чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Это случиться можетъ только послѣ *дождика въ четвергъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала лѣнива, и се тормошить надобно, чтобъ вышло что-нибудь путное».

Письмо свое къ племяннику и вмѣстѣ съ тѣмъ «брату по Аполлону» Василій Львовичъ заключилъ очень скверной эпиграммой на злополучнаго Шихматова. Поэтъ отвѣчалъ дядѣ лишь въ началѣ января 1817 года («Тебѣ, о Несторъ Арзамаса»...).

76. ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

Подлинникъ «Фавна и пастушки» неизвѣстенъ. Одна копія находилась въ нечезнувшей нынѣ тетради М. А. Корфа, которою пользовались П. В. Анненковъ, В. П. Гаевскій и П. А. Ефремовъ. Другая копія сохранилась въ принадлежащей К. Я. Гроту тетради, по мнѣнію владѣльца, «по всѣмъ признакамъ относящейся къ старому лицейскому времени» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 240, 242—244). Впервые пьеса была напечатана въ альманахѣ Б. М. Федорова «Памятникъ естественныхъ музъ» на 1827 г., стр. 172—180, подъ заглавіемъ: «Отрывки изъ стихотворенія: Фавнъ и пастушка», съ полной подписью автора, съ помѣтою 1818 г. и съ значительными пропусками. Хотя издатель въ предисловіи къ своему альманаху и заявилъ, что «А. С. Пушкинъ, позволивъ издателю помѣстить въ семъ альманахѣ нѣкоторыя изъ первыхъ произведеній своей музы, не довѣряя достоинству ихъ, желалъ, чтобы издатель означилъ время сочиненія ихъ», хотя Пушкинъ, можетъ быть, и дѣйствительно позволилъ альманашнику напечатать что-нибудь изъ ходившихъ въ спискахъ юношескихъ своихъ стихотвореній, но къ «Фавну и пастушкѣ» разрѣшеніе поэта, повидимому, не относилось. Въ критическихъ замѣткахъ Пушкина находимъ протестъ поэта противъ поступка издателя, вѣроятно, предназначенный для печати: «не долженъ я отвѣчать за перепечатаніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Б. Федоровымъ, между найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиллія, писанная слогомъ переписчика стиховъ г-на Панаева». Въ другой редакціи этой замѣтки Пушкинъ жалуется, что «г. Федоровъ напечаталъ однажды идиллическую нелѣпость, сочиненную однажды г. Панаевымъ». Своей замѣтки Пушкинъ не напечаталъ, но отъ имени поэта было объявлено въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1829 г., стр. 35—36, что отъ «Фавна и пастушки» «нашъ поэтъ самъ отказывается и поручилъ намъ засвидѣтельствовать сіе передъ публикой... выпускать въ свѣтъ ранніе, недозрѣлыя попытки живыхъ писателей противъ ихъ желанія непростительно». Отреченію Пушкина въ этомъ случаѣ нельзя вѣрить; слова приведеннаго заявленія о «ранней недозрѣлой попыткѣ» дѣлаютъ его очень шаткимъ, и П. В. Анненковъ («Сочиненія» П., т. II, стр. 150; «Матеріалы для біографіи Пушкина», Спб., 1873 г., стр. 29—30) вполнѣ основательно указываетъ, что принадлежность стихотворенія, сохраненнаго Корфовскою тетрадью, Пушкину несомнѣнна. Замѣчательно, что и Анненковъ (l. c.) и П. О. Морозовъ («Сочин.» П., изд. «Просвѣщенія», I, 408), и А. И. Майковъ (2-е акад. изд. I т., примѣч., 73—74), и П. А. Ефремовъ («Сочин.» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 16) относятъ пушкинское отреченіе къ «Роману» («Подъ вечеръ осенью ненастной»...), упуская изъ виду, что поэтъ отказывался отъ «идилліи» въ стилѣ Панаева, а въ «Романсѣ» (см. стр. 156), воспѣвающемъ страданія несчастной матери-дѣвушки и ея дитяти, ничего идиллическаго нѣтъ. Отрекался Пушкинъ отъ «Фавна и пастушки», быть можетъ, потому, что сдѣланные издателемъ пропуски мѣстами затемнили смыслъ пьесы.

Изъ «Памятника отечественныхъ музъ» пьеса была перепечатана въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 377—384) и изданіи Анненкова (т. II, стр. 108—114). Е. И. Якушкинъ («Библіографическія Записки» 1858 г., стр. 314—316), В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 172—173) и К. Я.

напечатаніемъ этой замѣтки Пушкинъ вспомнилъ Николева въ разсматриваемомъ посланіи); 1817 г., ч. XXXVI, № 9; «Вѣстн. Европы» 1810 г., кн. 3; «Современникъ» 1836 г., № 7, ст. М. П. Лонгинова, стр. 22; Рус. Вѣстникъ» 1860 г., № 4, стр. 638; С. А. Венгеровъ, «Русская поэзія», I, 783—789 и прим. 322; «Сочиненія Державина», изд. Я. К. Грота, III, 280—284; «Письма Н. М. Карамзина къ В. П. Дмитріеву», Спб., 1866 г., стр. 19, 20, 37, 106; «Сочиненія Батюшкова», изд. Л. Н. Майкова, т. I, 170; т. III, 85; А. А. Чебышевъ, П. П. Николевъ. (Воронежъ 1891 г.).

Пастораль Буше.

76. ФАВНЪ И ПАСТУШКА.

I. ПАСТУШКА.

Съ пятынадцатой весною,
Какъ лилія съ зарею
Красавица цвѣтетъ;
Все въ ней очарованье:
И томное дыханье,
И взоровъ томный свѣтъ,
И груди трепетанье,
И розы нѣжный цвѣтъ.
Всё юность измѣняетъ!
Ужъ Лилу не плѣняетъ
Веселый хороводъ:
Одна, у сонныхъ водъ,
Въ лѣсахъ она таится,
Вздыхаетъ и томится,
И съ нею тамъ Эротъ.
Когда же, ночью темной,
Ее въ постелѣ скромной
Застанетъ тихій сонъ,
Въ полуночномъ молчаньѣ,
При мѣсячномъ сіяньѣ,
Слетаетъ Купидонъ
Съ волшебною мечтою,—
И тихою тоскою
Исполнитъ сердце онъ—
И Лила, въ сновидѣньи
Вкушаетъ наслажденье
И шепчетъ: О Филонъ!

II. ПЕЩЕРА.

Кто тамъ въ пещерѣ темной,
Вечернею порой,
Окованъ лѣнью томной,
Покоится съ тобой?
Итакъ ужъ ты вкусила
Всѣ радости любви:
Ты чувствуешь, о Лила,
Волненіе въ крови,
И съ трепетнымъ смятеньемъ,
Съ пылающимъ лицомъ,
Ты дышешь упоеньемъ
Амура подъ крыломъ.
О, жертва страсти нѣжной,
Въ безмолвіи гори!
Покойтесь безмятежно
До пламенной зари!
Для васъ потокъ игривый
Угрюмой тьмой одѣтъ,
И мѣсяцъ молчаливый
Туманный свѣтъ льетъ;
Здѣсь розы наклонились
Надъ вами въ темный кровъ,
И вѣтры притаились,
Гдѣ царствуетъ любовь...

Гротъ («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 242—244) внесли рядъ варіантовъ, о которыхъ см. въ статьѣ о текстѣ, въ концѣ тома. Полностью напечаталъ это стихотвореніе впервые П. А. Ефремовъ (въ изд. 1880 г., т. I).

Нетрудно убѣдиться при чтеніи пьесы, что къ 1818 г., которымъ она датирована въ альманахѣ (можетъ быть, это обстоятельство и усилило недовольство Пушкина, придававшаго значеніе хронологическимъ помѣтамъ), она относиться не можетъ. Анненковъ въ своемъ изданіи произведеній Пушкина (т. II, стр. 150) сообщаетъ, на основаніи показанія тетради М. А. Корфа, что стихотвореніе помѣчено 1816 годомъ. В. П. Гаевскій (l. c.) высказалъ даже предположеніе, что оно написано еще ранѣе 1816 г.; но, по справедливому замѣчанію Л. Н. Майкова (2-е акад. изд. I т., стр. 241), «предположеніе Гаевскаго могло бы быть принято лишь въ томъ случаѣ, если бъ оно было подкрѣплено болѣе осязательными и надежными доказательствами». Въ спискѣ произведеній записанномъ Пушкинымъ на оборотѣ «Пирующихъ студентовъ» значится пьеса «Картины», но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить (см. статью о литературныхъ замыслахъ и планахъ Пушкина въ 1813—1815 гг.) нѣтъ положительныхъ основаній отождествлять эти «Картины» съ «Фавномъ и пастушкой».

«Фавнъ и пастушка» отмѣчены сильнымъ вліяніемъ Парни (см. статью П. О. Морозова «Пушкинъ и Парни»). Анненковъ смотрѣлъ на «Фавна и пастушку» какъ на «переводъ или, лучше, вольное подражаніе стихотворенію Парни: «Les déguisemens de Vénus». Гаевскій, признавая, что стихотвореніе Пушкина навѣяно пьесой Парни, отказывается «указать нѣсколько строкъ сряду которыя были бы даже вольнымъ подражаніемъ Парни». «Очевидно»,—замѣчаетъ Майковъ,—«дѣло здѣсь идетъ не о простомъ заимствованіи, а о литературномъ соотношеніи другого рода». Произведя сравненіе «картинъ» Пушкина съ «картинами» французскаго поэта, Майковъ пришелъ къ выводу, что заимствованія изъ Парни у Пушкина отдаленны и незначительны, и что не въ нихъ «зависимость «Фавна и пастушки» отъ произведеній Парни обнаруживается съ наиболѣе интересной стороны, а въ томъ, что Пушкинъ старался усвоить себѣ нѣкоторые художественные пріемы своего образца». Гаевскій называетъ «картины» Пушкина «блѣдными копіями» стихотворенія Парни, «утратившаго всю грацію подъ перомъ неопытнаго подражателя». Этотъ отзывъ крайне несправедливъ. При сравненіи однообразной и растянутой на цѣлыхъ тридцать «картинъ» пьесы Парни съ легкимъ и граціознымъ стихотвореніемъ Пушкина, выводъ, если даже принять во вниманіе отдѣльныя слабыя мѣста у русскаго поэта, получается не въ пользу Парни. Въ гораздо меньшемъ числѣ стиховъ, къ тому же болѣе короткаго размѣра (у Парни четырехстопный ямбъ), разсказъ Пушкина, задуманный самостоятельно и лишь нѣкоторыми чертами напоминающій разсказъ французскаго поэта, рѣшительно ярче, живѣе и драматичнѣе. Нельзя не отдать предпочтенія теплому, простому стилю Пушкина передъ холодною изысканностью Парни, у котораго пастухи и пастушки совсѣмъ сахарные и говорятъ, какъ маркизы. У Парни полное отсутствіе характеровъ: его влюбленные пастухи и измѣнчивыя пастушки скроены по обычному шаблону пасторальной поэзіи. У Пушкина тоскующій Фавнъ и его утѣшитель философъ Сатиръ—настоящіе характеры, полные жизненной правды. Юморъ и драматизмъ даютъ «Фавну и пастушкѣ» особенное превосходство предъ «картинами» Парни. Французское вліяніе видно и въ языкѣ «Фавна и пастушки». Ѳ. Е. Коршъ («Разборъ вопроса о подлинности сказанія «Русалки» А. С. Пушкина по записи Д. И. Зуева», стр. 66) отмѣтилъ галлицизмъ въ 9 ст. I картины: «Все юность измѣнитъ»—trahit—т. е. выдастъ.

«Преображеніямъ Венеры» подражалъ Батюшковъ, переложивши IX картину ихъ («Вакханка»). XXVII-ую картину Пушкинъ въ 1824 г. дивно переработалъ въ «Прозерпину», еще разъ и въ послѣдній разъ превзойдя свой образецъ.

Бѣлинскій относилъ «Фавна и пастушку» къ тѣмъ произведеніямъ, которыя «по изобрѣтенію, по формѣ и по именамъ напоминаютъ собою предшествовавшую Жуковскому и Батюшкову эпоху русской литературы или, по крайней мѣрѣ ту школу поэзіи русской, которая не испытывала на себѣ вліянія этихъ двухъ поэтовъ».

Н. Лернеръ.

III. ФАВНЪ.

Но кто тамъ, близъ пещеры,
Въ густой травѣ лежитъ?
На жертвенникъ Венеры
Съ досадой онъ глядитъ;
Нагнулась межъ цвѣтами
Косматая нога;
Надъ грустными очами
Нависли два рога,—
То Фавнъ, угрюмый житель
Лѣсовъ и горъ крутыхъ,
Докучливый гонитель
Пастушекъ молодыхъ.
Любимца Купидона—
Прекраснаго Филона
Давно соперникъ онъ...
Въ пріютѣ сладострастья
Онъ слышитъ вздохи счастья—
И нѣги томный стонъ.
Въ безмолвіи несчастной
Страданья чашу пьетъ,
И въ ревности напрасной
Горючи слезы льетъ.
По водъ ночей царица
Скатилась за лѣса,
И тихая денница
Румянитъ небеса:
Зефиры прошептали—
И Фавнъ въ дремучій боръ
Бѣжитъ сокрыть печали—
Въ ущельяхъ дикихъ горъ.—

IV. РѢКА.

Одна, поутру, Лила
Нетвердою ногой
Средь рощицы густой,
Задумчиво ходила.—
«О, скоро ль, мракъ ночной,
Съ прекрасною луной
Ты небомъ овладѣешь?
О, скоро ль, темный лѣсъ,
Въ туманахъ засинѣешь
На западѣ небесъ?»
По шорохъ за кустами
Ей слышится глухой,
И вдругъ—сверкнулъ очами
Предъ нею богъ лѣсной!
Какъ вешній вѣточникъ,
Летитъ она въ лѣсочникъ—;
Онъ гонится за ней—
И трепетная Лила
Всѣ тайны обнажила
Младой красы своей;
И нѣжна грудь открылась
Лобзаньемъ вѣтерка,
И стройная нога
Невольно обнажилась.
Порхая надъ травой,
Пастушка робко дышитъ:
Къ рѣкѣ легла стрѣлой,
Бѣгъ Фавна за собой
Всё ближе, ближе слышитъ.
Отчаянья полна,
Ужъ чувствуетъ она
Огонь его дыханья:
Напрасны всѣ старанья.
Ты Фавну суждена;
По шумная волна
Красавицу сокрыла:
Рѣка—ея могила.
Нѣтъ!—Лила спасена.

V. ЧУДО.

Эроты златокрылы
И нѣжный Купидонъ,
На помощь юной Лилы
Летятъ со всѣхъ сторонъ;
Всѣ бросили Цитеру,
И мирныхъ селъ Венеру,
По трепетнымъ волнамъ
Несутъ они въ пещеру,—
Любви пустынный храмъ.
Счастливецъ былъ ужъ тамъ...
И вотъ уже съ Филономъ
Веселье пьетъ она,
И страсти тихимъ стономъ
Прервалась тишина.
Спокойно дремлетъ Лила
На розахъ нѣгъ и сна,
И лучъ свой угасила
За облакомъ луна.

VI. ФИАЛЪ.

Поникнувъ головою
Несчастный богъ лѣсовъ,
Одинъ съ вечерней тьмою
Бродилъ у береговъ:
Прости, любовь и радость!
Со вздохомъ молвилъ онъ;—
«Въ печали тратить младость
Я рокомъ осужденъ!
—Вдругъ изъ лѣсу румяный—
Шатаясь передъ нимъ,
Сатиръ явился пьяный,
Съ кувшиномъ круговымъ:
Онъ мутными глазами
Пути домой искалъ,
И козьими ногами
Едва переступалъ:
Шелъ, шелъ, и натолкнулся
На Фавна моего,—
Со смѣхомъ отшатнулся,
Склонился на него...
Ты ль это, братъ любезной?

77. АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Единственная рукопись этого стихотворенія (Моск. Публ. музей, тетр. № 2364, л. 7)—руки А. Д. Илличевскаго, съ помѣтой: «Сказка. 1816»; Пушкинъ самъ внесъ въ нее поправки и помѣтилъ: «перен.» (переписать). Стихотвореніе появилось въ изданіи 1826 года съ помѣтой «сказка», а въ изданіи 1829 года этой помѣты уже нѣтъ. Между печатнымъ текстомъ и рукописью нѣкоторая разница (см. въ концѣ тома, въ статьѣ о текстѣ). Мы воспроизводимъ стихотвореніе въ томъ видѣ, въ какомъ его печаталъ самъ Пушкинъ.

Майковъ отнесся нѣсколько тяжеловѣсно къ этому легкому стихотворенію, вспоминая по поводу его миѳы, народныя повѣсти, фаблію и новеллы и ища въ немъ сатиры противъ брака. Легкость и небрежность стихотворенія Пушкина не соотвѣтствуютъ духу сатиры; гораздо болѣе правъ Майковъ въ своихъ историко-литературныхъ сближеніяхъ. Не рѣшаясь говорить о прямомъ заимствованіи, онъ сближаетъ стихотвореніе съ произведеніями столь хорошо извѣстной Пушкину литературы вольнодумцевъ-эротиковъ конца XVII и начала XVIII в. При нѣкоторыхъ изданіяхъ знаменитаго въ свое время и указаннаго уже въ статьѣ о Шапелѣ (стр. 259). шуточнаго «Путешествія» въ южную Францію печаталась поэма «Le divorce de l'Amour et de l'Hyménée (помѣщенная также въ «Bibliothèque Elzevirienne». «Oeuvres de Chapelle et Bachaumont, Nouvelle édition revue et corrigée sur les meilleurs textes, notamment sur l'édition de 1732, précédée d'une notice par M. Tenant de Latour. Paris. MDCCCLIV»). Авторъ поэмы—Французскій де-Башомонъ (род. въ 1624 г., ум. въ 1702 г.) разсказываетъ о ссорѣ двухъ большихъ друзей—Амура и Гименея. Приводя заключительные стихи Башомоновой поэмы, Майковъ сравниваетъ ее съ стихотвореніемъ Пушкина въ отношеніяхъ характеристики дѣйствующихъ лицъ, пріемовъ изложенія и тоніи обоихъ авторовъ.

Приводя длинную выписку изъ поэмы Башомона, Майковъ признается, что «было бы слишкомъ смѣло настаивать на утвержденіи, что Пушкинъ подражалъ Башомону, но при томъ обширномъ знакомствѣ съ французской литературой XVII и XVIII столѣтій, которымъ обладалъ нашъ авторъ съ ранняго возраста, вполнѣ возможно предположеніе, что ему была извѣстна и поэма Башомона». Дѣйствительно,—зналъ ли Пушкинъ Башомона, вопросъ; нигдѣ у Пушкина мы не встрѣчаемъ имени этого третьестепеннаго поэта. Можно указать болѣе близкій и достовѣрный источникъ заимствованія. Это—Вольтеръ, «фернейскій злой крикунъ, поэтъ въ поэтахъ первый». Изъ одной довольно скабрезной его сказочки (изъ цикла «Contes en vers») «Le cadenas», Пушкинъ могъ взять образы своихъ слѣпцовъ:

L'aveugle enfant que l'on appelle Amour,
Un autre aveugle, he'las! bien moins aimable,
Le triste Hymen...!

Этихъ образовъ было, вѣроятно, достаточно для того, чтобы пушкинское воображеніе создало остроумную и блестящую сказку.

«Елена», обращеніемъ къ которой заканчивается сказка,—условное, не-личное имя, взятое, пожалуй ради риѳмы съ «Гимена». Это, конечно, не та «гордая Елена», героиня «Цзмѣнъ», 1815 г., которая причинила поэту столько сердечныхъ мученій.

Бѣлинскій отнесъ «Амура и Гименея» къ числу тѣхъ переходныхъ, по выраженію геніальнаго критика, пьесъ, «въ которыхъ видѣнъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей... обѣщающій Пушкина, но еще не Пушкинъ». Б. Л.

78. ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Пьеса эта извѣстна въ трехъ спискахъ: первая, съ поправками самого Пушкина и В. А. Жуковскаго, находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364, л. 8, и носитъ помѣты: «1816» и «пена...» (т. е. «не надо»); другая—въ принадлежащей Я. К. Гроту тетради «Извлеченій изъ собранія лицейскихъ стихотвореній 1-го курса» (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 244); третья—въ рукописи московскаго музея № 2395, л. 77. Печатаемое стихотвореніе въ исправленномъ самимъ поэтомъ видѣ, по копіи тетради № 2364. Съ третьяго списка оно было впервые напечатано въ посмертномъ изданіи произведеній Пушкина (т. IX, стр. 363—364) и лишь въ изданіи литерат. фонда (т. I, стр. 126—127) появилось въ исправленномъ видѣ.

Вскричалъ Сатиръ съ бѣдой:
Въ какой странѣ безвѣстной—
Я встрѣтился съ тобой?»
— Ахъ! молвилъ Фавнъ уныло,
Зашли дни мои!
Все, все мнѣ измѣнило,
Несчастенъ я въ любви!
Что слышу? Отъ Амура
Ты страждешь и грустишь,
Малютку-бѣдокура
И ты боготворишь?
Возможно ль? Такъ забвенье
Въ кувшинѣ почерпай;
И чашу въ утѣшенье
Наполни черезъ край!
И пѣна засверкала
И на краяхъ шипитъ,
И съ перваго фіала—
Амуръ уже забытъ.

Концовка Эйзена (18 в.).

VII. ИЗМѢНА.

Кто жъ дерзостный владѣетъ
Твоею красотой?
Невѣрная, кто смѣетъ
Пылающей рукой
Бродить по груди страстной,
Томиться, воздыхать,
И съ Лилою прекрасной
Въ восторгахъ умирать?
Итакъ, ты измѣнила?
Красавица, плѣняй,
Сидѣни любитъ, о Лила,
И снова измѣняй!

VIII. ОЧЕРЕДЬ.

Что, Лила, что съ тобою?
Въ пещерной глубинѣ,
Сокрытая тоскою,
Ты плачешь въ тишинѣ:
Грустишь уединенно,
И свѣтъ тебѣ постылъ!
Гдѣ жъ сердца другъ безцѣнной?
Увы, онъ измѣнилъ!
Прошли восторги, счастье,
Какъ съ утромъ легкій сонъ;
Гдѣ тайны сладострастья?
Гдѣ нѣжный Полемонъ?
О Лила! вспять розы
Минутныя любви:
Познай же грусть и слезы—
И пьянѣ терны рви.

П. А. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина (т. II, стр. 151) отнесъ «Фіалъ Анакреона» къ «незначительнымъ французскимъ подражаніямъ». Бѣлинскій включилъ «Фіалъ Анакреона» въ число пьесъ, напоминающихъ эпоху русской литературы до Жуковскаго и Батюшкова. Въ немъ видно вліяніе анакреонтическихъ пѣсенъ Державина. «Фіалъ Анакреона»—первая пьеса Пушкина, написанная бѣлыми стихами. Мысль пьесы, обычную съ незапамятныхъ временъ въ міровой поэзіи любви, выразилъ Пушкинъ и въ «Фавнѣ и пастушкѣ» (картина VI, «Фіалъ») устами философа Сатира, который утѣшаетъ тоскующаго влюбленнаго Фавна и совѣтуетъ ему искать забвенія на днѣ фіала.

79. ПОСЛАНІЕ ЛИДѢ.

Эта пьеса сохранилась въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2364 (лл. 1—2) и въ копіи, въ матюшкинской тетради, принадлежащей нынѣ К. Я. Гроту (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 244). Въ музейной тетради посланіе носитъ помѣты: «1816» и «не надо»; послѣдняя относится, должно быть, къ подготовительной работѣ поэта для изданія сборника его стиховъ. Напечатанное впервые въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817 г., ч. II, № 23, стр. 310—312, съ подписью поэта, посланіе имъ больше не перепечатывалось и вошло лишь въ Анненковское изданіе (т. II, стр. 104—106) съ пропускомъ 11—15 стиховъ. П. В. Анненковъ (ор. с., стр. 150) сообщаетъ, что посланіе, «весьма слабое по сочиненію и стихамъ», попало въ «Сѣверный Наблюдатель» безъ вѣдома автора. А. И. Незеленовъ («А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Спб., 1882 г., стр. 27—28) видитъ въ этой пьесѣ отраженіе легкомысленнаго взгляда молодого Пушкина на жизнь. Мнѣніе Анненкова отличается излишнею строгостью. Посланіе Пушкина игриво и блестяще. Молодой поэтъ явно подражалъ французскимъ эротикамъ. Содержаніемъ, какъ указалъ Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. Г т., примѣч., 253), пьеса напоминаетъ одну пьесу Шапелля — Lettre à mademoiselle de Lenclos», исторической красавицѣ, исповѣдывавшей ту «мудрую вѣру» въ радость и веселье, апостоломъ которой провозгласилъ себя Пушкинъ въ посланіи. Насмѣшку надъ трезвой «мудростью» мы встрѣчаемъ уже въ «Пирующихъ студентахъ» 1814 г.: «Подъ столъ холодныхъ мудрецовъ, подъ столъ ученыхъ дураковъ!». Форма пьесы также подражательна. Черезъ все посланіе проходитъ одна и та же рѣчь на «онъ», которою такъ легко и рѣзво играетъ Пушкинъ. Эту рѣчь нашъ поэтъ заимствовалъ изъ Вольтера, у котораго мы встрѣчаемъ частое ея повтореніе—въ сказочкѣ «Les trois manières» и въ эпиграммѣ «Les Frérons» (въ послѣдней эта рѣчь повторяется 25 разъ). «Посланіе Лидѣ» обличаетъ значительное для тогдашняго возраста Пушкина знакомство съ древней философіей, представителей которой онъ перечисляетъ не только по именамъ, но и по ихъ личнымъ признакамъ («злой циникъ»—Діогенъ, «скучный рабъ Эпафродита»—Эпиктетъ). Въ такихъ мимолетныхъ чертахъ, какъ нахмурившееся чело Зенона, «законъ Аристипповъ», «Платоновы химеры», видно даже нѣкоторое знакомство Пушкина съ философскими системами—своеобразный отголосокъ уроковъ Куницына.

Н. Лернеръ.

80. ПУШШЕВАЯ ПѢСНЯ.

Впервые «Пушшевая пѣсня» была напечатана П. В. Анненковымъ въ его изданіи сочиненій Пушкина (т. VII, стр. 17—18) съ замѣчаніемъ, что хотя этотъ «почти подстрочный, но плохой переводъ Шиллеровой студентской пѣсни... сдѣланный по всѣмъ вѣроятіямъ еще въ лицеѣ, и переписанъ весь рукою Пушкина, но дѣйствительно ли принадлежитъ ему, еще неизвѣстно». Почеркъ подлинника, находящагося въ московскомъ публичномъ музеѣ, въ альбомѣ писемъ Пушкина къ брату Льву Сергѣевичу, сходенъ съ почеркомъ поэта; С. А. Соболевскій («Библіографич. Записки» 1858 г., ст. 2), близко знававшій обоихъ братьевъ Пушкиныхъ, узнавалъ въ этой рукописи почеркъ Льва Сергѣевича. За младшимъ братомъ поэта, который тоже иногда писалъ стихи (его пьеса «Петръ Великій» очень нравилась Бѣлинскому), водилась одна слабость: онъ любилъ помистифицировать поклонниковъ своего геніальнаго брата и иногда выдавалъ имъ свои стихи за его произведенія. Льву Сергѣевичу, по всей вѣроятности, принадлежитъ приписывавшееся его брату шуточное стихотворе-

IX. ФИЛОСОФЪ.

Въ губительномъ стремленьи
За годомъ годъ летитъ,
И старость—въ отдаленьи
Красавицѣ грозитъ.
Амуръ уже съ поклономъ—
Разстался съ красотой,
И въ слѣдъ за Купидономъ
Веселья скрылся рой;—
Въ лѣсу пастушка бродитъ—
Печальна и одна:
Кого же тамъ находитъ?
Вдругъ Фавна зритъ она.
Философъ козлоногій
Подъ липою лежалъ,
И пѣнистый фіалъ,
Вѣнкомъ украсивъ роги—
Лѣниво осушалъ.—
Хоть Фавнъ и не находка
Для Лилы прежнихъ лѣтъ,
Но вздумала красотка
Любви раскинуть сѣть:—
Подкралась, устремила
На Фавна томный взоръ,
И, слышалъ я, клонила
Къ развязкѣ разговоръ.
Но Фавнъ съ улыбкой злою,
Напѣвши свой фіалъ,
Качая головою,—
Красавицѣ сказалъ:
«Нѣтъ, Лила, я въ покоѣ,—
Другихъ, мой другъ, лови:
Есть время для любви,
Для мудрости другое.
Бывало, я тобой
Въ безуміи плѣнялся,—
Бывало восхищался
Коварной красотой,
И сердце, тлѣя страстью,
Къ тебѣ меня влекло.
Бывало... но, по счастью,—
Что было—то прошло.

Заглавная виньетка «Идиллій» Вл. Панаева. (Спб. 1820).

ніе: «Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ»... Въ концѣ сороковыхъ годовъ Левъ Сергѣевичъ читалъ въ Одессѣ П. Ѳ. Щербинѣ и Б. М. Маркевичу какіе-то стихи, выдавая ихъ за стихи брата. Разсказывая объ этомъ, Маркевичъ замѣчаетъ («Русс. Вѣсти.» 1888 г., № 9 стр. 430): «Не мистифицировалъ ли насъ съ Щербиной Левъ Сергѣевичъ (онъ отъ этого былъ не прочь), прочитавъ намъ собственную свою подѣлку подъ «пошибъ» геніальнаго брата?» Г. П. Геннади («Приложенія къ сочиненіямъ П., изданнымъ Я. А. Исаковымъ», Спб., 1860 г., I, 101—102) тоже находилъ, что «въ небрежныхъ стихахъ» «Пушшевой пѣсни» нельзя узнать Пушкина.

Такимъ образомъ, пьеса съ самаго своего появленія вызывала сомнѣнія насчетъ авторства Пушкина. П. А. Ефремовъ и П. О. Морозовъ внесли ее въ свои изданія тоже съ подобными оговорками. Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. I т., прим., 254—255) находитъ, что «даже если принимать во вниманіе слабое знакомство лицеиста Пушкина съ нѣмецкимъ языкомъ, переводъ «Пушшевой пѣсни» все-таки можетъ быть ему приписанъ какъ по отсутствію трудностей въ нѣмецкомъ оригиналѣ, такъ и потому, что переложеніе могло быть сдѣлано при помощи кого-либо изъ товарищей, всего вѣроятнѣе—Кюхельбекера, съ которымъ Пушкину, по его собственному свидѣтельству, приходилось толковать о Шиллерѣ». Майковъ тутъ же приводитъ стихотвореніе Кюхельбекера—«Дифирамбъ», будто бы напоминающее содержаніемъ «Пушшевую пѣснь», съ которой на самомъ дѣлѣ пьеса Кюхельбекера ничего не имѣетъ общаго. Сличая шиллеровскій подлинникъ съ приписываемымъ Пушкину переводомъ, Майковъ признаетъ послѣдній «очень близкимъ, хотя и не особенно удачнымъ». Къ 1816 году «Пушшевую пѣснь» отнесъ впервые В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 373—374), вѣроятно потому, что она казалась ему связанной одинъ настроеніемъ съ «Заздравнымъ кубкомъ» 1816 года.

Хотя въ этомъ періодѣ своего творчества нашъ поэтъ и былъ склоненъ славить на каждомъ шагу «пивную кружку и кубокъ пушшевой», но славилъ онъ ихъ гораздо складнѣе и изящнѣе. Если по настроенію пѣснь Шиллера и подходитъ къ свѣтлому, жизнерадостному міропониманію Пушкина, то этого все-же недостаточно для признанія перевода принадлежащимъ Пушкину. Этотъ переводъ, да еще лишенный шиллеровской рѣзвости, отзывается подстрочникомъ. Мы знакомы съ пушкинскими переводами или, вѣрнѣе, переложеніями, подражаніями; Пушкинъ все чужое перерабатывалъ, перевоплощалъ въ свое и никогда не переводилъ съ рабскою точностью. Мнѣніе А. Г. Горнфельда («Собраніе сочиненій Шиллера въ переводѣ русскихъ писателей», подъ ред. С. А. Венгерова, I, Спб., 1901, стр. 459), что форма пьесы Шиллера, «сильная, жизненная, порывистая, дѣйствующая увлекательно, въ такомъ же законченномъ видѣ передана на русскій языкъ Пушкинымъ», стоитъ совершенно одиноко среди другихъ отзывовъ. Но независимо отъ недостатковъ или достоинствъ перевода, пьеса сама по себѣ гораздо ниже обычнаго пушкинскаго художественнаго уровня. Быть можетъ, «Пушшевую пѣсню» перевелъ Кюхельбекеръ или Дельвигъ, который въ лицеѣ (см. статью Пушкина о Дельвигѣ) читалъ Шиллера «съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментаріемъ»; (это, конечно, Кюхельбекеръ). Неизвѣстно, зналъ ли Пушкинъ сколько нибудь удовлетворительно нѣмецкій языкъ, который въ его лицейскомъ выпускномъ свидѣтельствѣ стоитъ въ перечнѣ преподававшихся предметовъ на послѣднемъ мѣстѣ и притомъ безъ отмѣтки (см. снимокъ въ изданномъ П. А. Гастфрейндомъ сборникѣ: «Пушкинъ, документы государственнаго и петербургскаго главнаго архивовъ М. Н. Д.», Спб., 1900 г.) Шиллера онъ читалъ не въ подлинникѣ; въ 1825 г., прозябая въ Михайловскомъ, онъ просилъ брата прислать ему «Oeuvres dramatiques de Schiller»,—очевидно, во французскомъ переводѣ. Нѣмецкія выраженія въ произведеніяхъ Пушкина очень рѣдки, нѣмецкая литература вліяла на него мало; въ лицейскомъ періодѣ не видно даже малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія. С. П. Шевыревъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Пушкинѣ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 330), относящихся уже ко времени возвращенія поэта изъ деревенскаго заточенія, разсказывалъ, что Пушкинъ «Шиллера не читалъ въ подлинникѣ». Въ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ подобныя настоящимъ сомнѣнія, неизбѣжна эстетическая оцѣнка «подозрительной» пьесы. Въ данномъ случаѣ такая оцѣнка несомнѣнно колеблетъ предположеніе объ авторствѣ Пушкина.

Н. Лернеръ.

77. АМУРЪ И ГИМЕНЕЙ.

Сегодня, добрые мужья,
Повеселю васъ новой сказкой.
Знавали ль вы, мои друзья,
Слѣпаго мальчика съ повязкой?
Слѣпаго?.. Вотъ? Помилуй, Фебъ!
Амуръ совсѣмъ, друзья, не слѣпъ:
Но шалуну пришла жъ охота,
Чтобъ, людямъ на смѣхъ и на зло,
Его безуміе вело.
Безуміе ведетъ Эрота:
Но вдругъ, не знаю почему,
Оно наскучило ему.
Взялся за новую затѣю:
Повязку съ милыхъ снявъ очей,
Идетъ проказникъ къ Гименею...
А что такое Гименей?
Онъ сынъ Вулкана молчаливый,
Холодный, дряхлый и лѣнивый,
Ворчитъ и дремлетъ цѣлый вѣкъ,
А впрочемъ добрый человѣкъ,
Да нравъ имѣетъ онъ ревнивый.
Отъ ревности печальный богъ
Спокойно подремать не могъ;
Все трусилъ маленькаго брата,
За нимъ подсматривалъ тайкомъ,
И караулилъ сунстата
Съ своимъ докучнымъ фонаремъ.
Вотъ мальчикъ мой къ нему подходитъ
И рѣчь коварную заводитъ:

«Развеселися, Гименей!
«Ну, помиримся, будь умнѣй!
«Забудь, товарищъ мой любезный,
«Раздоръ смѣшной и безполезный!
«Да только навсегда, смотри!
«Возьми жъ повязку въ память, милый,
«А мнѣ фонарь свой подари!»
И что жъ? Повѣрилъ богъ унылый.
Амуръ отъ радости прыгнулъ,
И на глаза со всей онъ силы
Обновку брату затянулъ.
Гимена скучные дозоры
Съ тѣхъ поръ пресѣклись по ночамъ;
Его завистливые взоры
Теперь не страшны красотамъ:
Спокоенъ онъ, но братъ коварный,
Шутя надъ честью и надъ нимъ,
Войну ведетъ, неблагодарный,
Съ своимъ союзникомъ слѣпымъ.
Лишь сонъ на смертныхъ налетаетъ,
Амуръ въ молчаніи ночномъ
Фонарь любовнику вручаетъ
И самъ счастливца провожаетъ
Къ уснувшему супругу въ домъ;
Самъ отъ безпечнаго Гимена
Онъ охраняетъ тайну дверь...
Пойми меня, мой другъ Елена,
И мудрой повѣсти повѣрь!

Концовка Эйзена.

81. «ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ».

Это стихотвореніе принадлежитъ къ той же категоріи «вакхическихъ» пѣсенъ Пушкина-лицеиста, какъ и «Пирующіе студенты» (1814), «Вода и вино» (1815), «Погребъ» и многіе др. Ближе всего «Заздравный кубокъ» какъ будто связанъ съ «Пушшевой пѣсенью» (того же 1816 г.), написанной тѣмъ же размѣромъ. Но дѣло въ томъ, что принадлежность «Пушшевой пѣсни» Пушкину фактъ далеко не установленный (см. стр. 318—320). Стихотвореніе не блещетъ особыми эстетическими достоинствами, но его «вакхическій порывъ» нравился и нравится многимъ. Бѣлинскій (Соч., VIII, 320) находилъ, что въ «Заздравномъ кубкѣ» «сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто пушкинскій элементъ поэзіи». Въ 1848 г. М. И. Глинка написалъ къ этому стихотворенію извѣстную музыку, а за нимъ и другіе композиторы (напр., А. К. Глазуновъ, К. Альбрехтъ) брали стихотвореніе темой для музыки. «Кубокъ» прочно утвердился въ репертуарѣ цыганскихъ хоровъ и доселѣ распѣвается на вечеринкахъ въ провинціи. Ср. статья С. К. Булича, Пушкинъ и русская музыка. («Памяти Пушкина», сборникъ СПБ. Университета, 1900, стр. 77 и 117; здѣсь перечислены восемь №№ музыкальныхъ произведеній, написанныхъ на слова «Заздравнаго кубка»).

По поводу второй строфы, гдѣ поэтъ заявляетъ, что

«Бранной забавы
«Мы не друзья»,—

отмѣтимъ миролюбивое настроеніе автора. Оно не всегда бывало таково. Мы знаемъ, что военные подвиги 1812—1815 гг. и близкое знакомство съ царскосельскими гусарами возбуждали иногда въ Пушкинѣ-лицеистѣ очень воинственныя настроенія и намѣренія. Такъ, годомъ позже «Заздравнаго кубка», въ «Посланіи къ В. Л. Пушкину» Александръ Сергѣевичъ разсуждаетъ:

«Ужели тотъ, кто иногда
«Жертвуетъ ладанъ Аполлону даромъ,
«За честь не смѣетъ безъ стыда
«Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
«И, если можно, города?
«Беллона, музы и Венера—
«Вотъ, кажется, святая вѣра
«Дней нашихъ всякаго вѣнца».

Къ счастью, тяжба между Беллоной и Аполлономъ кончилась въ пользу послѣд. няго и поэту не пришлось «жечь города».

Къ той же второй строфѣ слѣдуетъ добавить, что ея разночтенія вызвали извѣстную пропическую замѣтку Чернышевскаго по адресу Шевырева.

Въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина въ эту строфу былъ вписенъ варіантъ, не принадлежащій Александру Сергѣевичу:

«Бранеи забаву
«Любить нельзя».

Шевыревъ предложилъ (Москвитянинъ, 1841, кн. IX, стр. 251) исправить послѣдній стихъ такъ:

«Любить... не я».

Н. Г. Чернышевскій потомъ припомнилъ эту поправку, характеризуя въ «Современникѣ» (1855, LV, стр. 104) литературные вкусы Шевырева, и посмѣялся надъ нею:

«Бранной забавы
Любить нельзя.

Пушкинъ-лицеистъ не могъ такъ написать, по мнѣнію г. Шевырева. Г. Шевыревъ не знаетъ, какъ именно была написана эта фраза въ автографѣ Пушкина, но онъ «увѣренъ», что ее надлежитъ возстановить слѣдующимъ образомъ:

Бранной забавы
Любить не я.

Не подумайте, что у насъ вкралась опечатка. Нѣтъ, именно такъ: «Любить не я».

«Этой поправки хвалить не льзя, и потому скорѣе «переходить мы» къ разбору «Героя нашего времени» и «Стихотвореній Лермонтова» (Полн. собр. сочин. Н. Г. Чернышевскаго, т. I 1906). «Очерки Гоголевскаго періода русской литературы, стр. 94».

Однако, страшный варіантъ, «любить... не я»—не выдумка Шевырева, и, дѣйствительно, первоначальная редакція стиха. Такъ читается онъ въ рукописи Московскаго Публичнаго музея, писанной рукою А. Д. Илличевскаго (здѣсь-же и позднѣйшая собственноручная передѣлка Пушкина: «бранной забавы мы не друзья»). Въ этомъ-же видѣ, судя по статьѣ К. Я. Грота въ «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905 г. № 10 (стр. 244) стихотвореніе попало въ авторитетную лицейскую тетрадь Матюшкина. Ср. въ концѣ тома статью «Исторія Пушкинскаго текста».

Н. Пиксановъ.

78. ФІАЛЪ АНАКРЕОНА.

Когда на поклоненье,
Ходилъ я въ древній Пафосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона.
Виномъ онъ былъ наполненъ
Кругомъ вплѣли розы,
Зеленый плющь и мирты,
Сплетенныя рукою
Царицы наслажденій.—
На краюшкѣ я видѣлъ
Печальнаго Амура—
Смотрѣлъ онъ, пригорюпясь
На пѣнистую влагу.
—«Что смотришь ты, проказникъ,
«На пѣнистую влагу»
«Спросилъ я Купидона.
«Скажи, что такъ утихнулъ?
«Не хочешь ли зачерпнуть,
«Да ручкой не достанешь?»—
— «Нѣтъ, отвѣчалъ малютка:
«Играя, въ это море
«Колчанъ, и лукъ, и стрѣлы
«Я уронилъ, и факелъ
«Погасъ въ волнахъ багряныхъ.
«Вонъ, вонъ—на днѣ блистаютъ;
«Я плавать не умѣю:
«Охъ, жалко мнѣ—послушай,
«Достань мнѣ ихъ оттуда!—
—«О, нѣтъ, сказалъ я Богу:
«Спасибо что унали;
«Пускай тамъ остаются».—

Концовка Тончи изъ «Анакреонтической поэзіи» Державина (Спб. 1804).

82. ИСТИНА.

Неизвѣстная въ подлинникѣ «Истина» дошла до насъ въ нѣсколькихъ спискахъ: одна, писанная, быть можетъ, А. Д. Илличевскимъ и снабженная позднѣйшими авторскими помѣтами: «1816» и «не надо», находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 4); другая—въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ»; третья и четвертая—въ принадлежащихъ Я. К. Гроту тетради Ѳ. Ѳ. Матюшкина и «Извлеченіяхъ» изъ пропавшаго сборника Корфа (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 244). Текстъ всѣхъ этихъ копій одинаковъ. Появилась пьеса впервые въ посмертномъ изданіи произведеній Пушкина (т. IX, стр. 290) въ редакціи, сохраненной дошедшими до насъ списками. Е. Н. Якушкинъ (Библіографическія Записки 1858 г., стр. 316), пользуясь какимъ-то неизвѣстнымъ списокъ, предложилъ другую редакцію 3-го и 4-го стиховъ:

И долго, долго повторяли
Пустые толки стариковъ.

Принять эту редакцію, съ эстетической точки зрѣнія болѣе совершенную, но несогласующуюся со всѣми извѣстными намъ списками пьесы, мы не можемъ, такъ какъ не знаемъ, насколько авторитетенъ былъ списокъ, виднный Е. Н. Якушкинымъ. Предпочитаемъ передать стихотвореніе по той копіи, которая, судя по авторскимъ помѣтамъ, была въ рукахъ самого Пушкина. О другихъ деталяхъ нашего текста см. въ концѣ тома ст. «Исторія Пушкин. текста.

Бѣлинскій относилъ «Истину» къ числу произведеній, напоминающихъ до-батюшковскую литературную школу. А. Н. Неведенскій («А. С. Пушкинъ въ его поэзіи», Спб., 1882 г., стр. 27—28) съ излишней строгостью видѣлъ въ этой подражательной по духу и шуточной пьесѣ отраженіе «легкомысленнаго взгляда Пушкина-отрока на жизнь». Единство настроенія связываетъ пьесу съ другими произведеніями того же періода, тоже славящими даръ Вакха, какъ, напримѣръ, «Вода и вино», «Потребъ», «Здравый кубокъ», «Посланіе Лидѣ», «Фіалъ Анакреона». Въ «Посланіи къ Лидѣ» Діогенъ названъ «пустымъ чудакомъ» за то, что «воду черпая рукою, не могъ зачерпнуть счастья онъ». Особенно близко къ «Истинѣ» стоитъ «Фіалъ Анакреона», гдѣ проведена та же мысль: истина и счастье—на днѣ чаши.

83. НАѢЗДНИКИ.

Воображеніе Пушкина въ лицейскіе годы не разъ обращалось къ образамъ изъ военной жизни. Пушкинъ самъ мечталъ поступить послѣ Лицея на военную службу и, пользуясь слабостью лицейскаго надзора, бывалъ въ кружкѣ гусаръ, участвуя въ ихъ кутежахъ (см. примѣчаніе къ стихотв. «Слеза»). Иногда Пушкинъ облекалъ свои мечты въ образы старины, какъ въ дѣтскихъ подражаніяхъ Оссіану и Оссіановскимъ поэмамъ Парни или въ «Сраженіи Рыцарѣ», но чаще юнона-поэтъ пытался быть вѣрнымъ окружающей дѣйствительности. Таковы нарисованныя имъ картины въ посланіяхъ къ Юдину, къ Галичу, къ В. Л. Пушкину, въ балладѣ «Казакъ», въ стихотвореніяхъ «Слеза», «Усы». Еще въ 1821 г. фантазія Пушкина возвращалась къ тѣмъ же образамъ и онъ представлялъ себя въ «боевомъ ужасѣ». Въ «Полтавѣ» онъ сумѣлъ мастерски нарисовать картину боя. Въ «Наѣздникахъ» Пушкинъ попытался изобразить эпизодъ изъ жизни партизановъ. Всему стихотворенію онъ придалъ сентиментальный оттѣнокъ явно подъ вліяніемъ любви къ Е. Н. Бакунинской. Намъ кажется, что въ лицѣ «воинственнаго поэта» Пушкинъ представлялъ самого себя. Академич. изд. дѣлаетъ предположеніе, что въ героѣ стихотворенія изображенъ Денисъ Давыдовъ, допуская, что Пушкину могло быть извѣстно его пламенное, но безотвѣтное увлеченіе московской танцовщицей и актрисой А. П. Ивановой. Замѣтимъ, однако, что Академ. изд. напрасно увѣряетъ, что Пушкинъ отступилъ отъ дѣйствительности въ пользу вымысла, не усомнившись заключить стихотвореніе трагической развязкой, которой требовала логика творчества. Трагической развязкой заключилъ стихотвореніе неизвѣстный авторъ послѣднихъ 8 стиховъ, которые само Академич. изд., и совершенно основательно,—не признаетъ Пушкинскими (см. ихъ въ концѣ тома).

«Наѣздники», по словоупотребленію Пушкина, значитъ «партизаны». Въ стихотвореніи 1821 г. Пушкинъ называетъ «Уставомъ наѣздника» сочиненіе Д. В. Давыдова «Опытъ теоріи партизанскаго дѣйствія». «Пустынный» (ст. 4), по словоупотребленію Пушкина, значитъ не только то же, что въ современномъ языкѣ, но и «одинокій» (ср. «Свободы сѣятель пустынный», или «Тебѣ я посвятилъ пустынной лиры пѣнье»).

Рисунокъ Эйзена.

79. ПОСЛАНІЕ ЛИДѢ.

Тебѣ, наперсница Венеры,
Тебѣ, которой Купидонъ
И дѣти рѣзвыя Цитеры
Украсили цвѣтами тронъ,
Которой нѣжные примѣры
Улыбка, взоры, милой тонъ
Краснорѣчивѣй чемъ Вольтеры
Намъ проповѣдаютъ законъ
И Аристиповъ и Глицеры,
Тебѣ привѣтливой поклонъ
Вѣнокъ любви и лиры звонъ.
Презрѣвъ Платоновы химеры
Твоей я святостью спасенъ
И сталъ Апостолъ мудрой вѣры
Анакреоновъ и Пиѳонъ:
Всего; но лишь извѣстной мѣры:
Я вижу: хмурится Зенонъ
И вся его сѣдая свита:
И мудрый другъ вина Катонъ,
И скучной рабъ Эпафродита,
Сенека, даже Цицеронъ
Кричатъ: ты лжешь, Профанъ! мученье
Прямое смертныхъ наслажденье!—
Друзья, согласенъ: плачь и стонь
Стократъ конечно лучше смѣха;
Терпѣть великая утѣха:
Совѣтъ вашъ вовсе не смѣшонъ:
Но онъ мнѣ, слышатель, не нуженъ,
За тѣмъ что слишкомъ онъ мудренъ:
Дороже мнѣ хорошій ужинъ
Философовъ трехъ цѣлыхъ дюжинъ,
Я вами право не прельщонъ... —
Соборъ угрюмой разсержонъ
Но пусть кричатъ на супостата,
Ихъ споръ лишь времени утрата,
Кто ихъ примѣромъ обольщонъ?
Люблю я добраго Сократа!
Онъ въ жизни жилъ, онъ былъ уменъ;
Съ своею важностью притворной
Любилъ пиры, театры, женъ;
Онъ между прочимъ былъ влюбленъ,
И у Аспазіи въ уборной,
(Тому свидѣтель самъ Платонъ)
Невольникъ робкій и покорной,
Вздыхалъ частёхонько въ хитонъ,
И ей съ улыбкою придворной
Шепталъ: все призракъ, ложь и сонъ:
И мудрость и народъ и Слава:
Чтожъ истинно? Одна Забава,
Повѣрь: одна любовь не сонъ!
Такъ ладонъ жегъ прекрасной онъ,
И ею... бѣдная Ксантина!
Твой мужъ, совмѣстникъ Аристиппа,
Бывалъ до неба вознесенъ.
Межъ тѣмъ на милыхъ грозно лая,
Злой циникъ, нѣгу презирая,
Одинъ всѣхъ радостей лишонъ,
Дышалъ отъ міра отлученъ.
Но съ бочкой странствуя пустою
Во слѣдъ за Мудростью слѣпою,
Пустой чудакъ былъ ослѣпленъ,
И воду черная рукою
Не могъ зачерпнулъ щастья онъ.

«Смирятъ» (ст. 19)—форма будущаго времени въ значеніи настоящаго «смиряютъ», какъ нерѣдко у Пушкина (ср. въ «Русл. и Людмилѣ»—«Надутъ рѣзвивныя одежды—на цареградскіе ковры» въ смыслѣ «падаютъ») Именемъ «Эльвина» (ст. 60) Пушкинъ пользуется и въ стихотвореніи «Къ ней», явно обращенномъ къ Е. Н. Бакунинской.

Валерій Брюсовъ.

84. ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Въ рукописи оно неизвѣстно. Напечатана пьеса впервые въ 1856 году Лонгиновымъ («Современникъ» 1856 г., т. LX, отдѣлъ «Библіографическія записки», стр. 40—42) съ пропускомъ 34-го стиха, подъ заглавіемъ: «Неизданное посланіе Пушкина (1816)». Анненковъ въ своемъ изданіи (т. VII, стр. 13) возстановивъ пропущенный стихъ, далъ заглавіе: «Посланіе къ кн. А. М. Г.» и сдѣлалъ примѣчаніе: «Это произведеніе совершенно въ родѣ тѣхъ, какія молодой авторъ производилъ обильно въ эпоху своего элегическаго настроенія, въ 1816 г.». Отнесеніе пьесы къ 1816 можетъ быть мотивировано первымъ стихомъ посланія: «осьмнадцатую весну» Пушкинъ встрѣтилъ 26-го мая 1816 года. А принимая во вниманіе, что Пушкинъ всегда прибавлялъ себѣ годы, можно предположить, что пьеса написана въ самомъ началѣ 1816 г. «Посланіе, говоритъ Л. Н. Майковъ, заключаетъ въ себѣ параллель между участью, ожидающею автора, и будущностью его школьнаго пріятеля... Вглядѣ, который Пушкинъ бросаетъ на самого себя, на свое скудное радостями дѣтство, на безнадежность сердечнаго влеченія, имъ переживаемаго, проникнутъ безотрадною грустью и въ этомъ обстоятельствѣ нельзя не видѣть важной автобіографической черты, если даже мы согласимся съ мнѣніемъ П. О. Сумцова, что «это стихотвореніе многословное и туманное»... Майковъ находитъ въ посланіи «первые намеки на мечтательную любовь», признаки которой до этихъ поръ можно было найти только въ подражательныхъ стихотвореніяхъ 1815 года: «Слеза» и «Къ живописцу». «Посланіе къ Горчакову», говоритъ онъ, «является произведеніемъ оригинальнымъ и служитъ какъ бы введеніемъ къ цѣлому ряду любовныхъ элегій, написанныхъ Пушкинымъ въ то время подъ впечатлѣніями свѣжеиспытаннаго чувства»—къ Е. Н. Бакунинской.

На такомъ автобіографическомъ значеніи посланія и останавливалась большая часть критиковъ. Бѣлинскій не зналъ этихъ стиховъ, но критика высказывалась о нихъ въ его духѣ. «По словамъ Бѣлинскаго, пишетъ Стоюнинъ (Историч. Сочиненія, т. II, 1881, стр. 53—54), грусть Пушкина—всегда грусть души мощной и крѣпкой: онъ никогда не распускается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души не допуская его до монотонности. Такъ и на этотъ разъ мечтательный поэтъ нашелъ себѣ бодрость въ дружеской связи съ товарищами... И друзья первые оцѣнили поэтическій даръ своего товарища: на ихъ глазахъ онъ быстро развивался, и при всей своей неопытности они имѣли поводъ возлагать на него свои пылкія надежды...»

Аналогично высказывается и Поливановъ (Пушкинъ, т. I, изд. 2-ое 1893 г., стр. 41): «это второе посланіе къ лицейскому товарищу совсѣмъ иного характера, нежели всѣ предыдущія сатирическія посланія. Это—элегія. Замѣченная всѣми критиками особенность Пушкинской элегіи лучшей поры его творчества уже выразилась и въ этой юношеской элегіи: и въ ней скорбь является поводомъ къ душевному подъему, выраженіемъ котораго такъ поэтически замыкалъ Пушкинъ лучшія элегіи свои. Заключеніе уже этой, первой, элегіи блистаетъ тѣмъ спокойнымъ пламенемъ самоотреченія, которое придаетъ глубокій нравственно-философскій смыслъ стансамъ: «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ...» Это же посланіе служитъ свидѣтельствомъ, какъ неуязвима была эта чистая душа передъ низменными вліяніями эротической поэзіи. Вызванное горестными волненіями первой любви, неудовлетворенной взаимностію,... посланіе къ кн. Горчакову разрѣшается гармоническимъ душевнымъ покоемъ возвышеннаго примиренія, исполненнаго достоинства уже не юношескаго».

Аналогичныя мысли высказываетъ Незеленовъ («Пушкинъ въ его поэзіи», стр. 37—38): «завистливое предоставленіе другимъ утѣхъ любви и оставленіе себѣ грустнаго романтическаго чувства встрѣчается въ посланіяхъ «Кн. П. П. Шаликову» и «Кн. А. М. Горчакову»... Въ послѣднихъ стихахъ слышится уже начинающее раскрываться могущественное дарованіе. Произведеніе оканчивается первымъ, еще смутнымъ проявленіемъ особенности поэзіи Пушкина - буду-

80. ПУШКИНСКАЯ ПѢСНЯ.

Силы четыре,
Соединясь,
Жизнь образуютъ.
Міръ создаютъ.

Влажно зернистый
Выжми лимонъ:
Ѣдкая сила—
Жизни зерно.

Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.

Влагою грѣтой
Воду налей:
Міръ весь объемлемъ
Тихой водой.

Примѣсью рома
Все освяти:
Ромъ одаряетъ
Жизнію—жизнь.

Только кипучій
Ключь утолитъ,
Прежде чѣмъ стихнетъ,—
Черпай его!

81. ЗАЗДРАВНЫЙ КУБОКЪ.

Кубокъ тяжелой
Полонъ давно —
Пѣною бѣлой
Блещетъ вино;
Свѣта дороже
Сердцу оно;
Ну за кого же
Выпью вино?

Здравіе славы
Выпью ли я?
Бранной забавы
Мы не друзья.
Это веселье—
Не веселитъ,
Дружбы похмѣлье
Грома бѣжитъ.

Жители неба,
Феба жрецы!
Здравіе Феба,
Пейте, пѣвцы!
Рѣзвой Камены
Ласки—бѣда:
Токъ Пипокрены,
Просто вода.

Пейте за радость
Юной любви—
Скроется младость,
Дѣти мои...—
Кубокъ янтарный
Полонъ давно—
Я—благодарной—
Пью за вино.

щимъ умѣньемъ его находить прекрасную и утѣшительную сторону во всякомъ явленіи жизни, во всякомъ состояніи человѣческаго духа».

Всѣ эти разсужденія трудно признать соотвѣтствующими духу Пушкинской музы: они гораздо «многословнѣе и туманнѣе» самого посланія, да и самъ поэтъ едва ли считалъ вліяніе эротической поэзіи—«низменнымъ» и едва-ли былъ склоненъ находить утѣшеніе въ «самоотреченіи». Гораздо цѣннѣе замѣчанія Гаевскаго, который разсматриваетъ «Посланіе» только съ историко-литературной точки зрѣнія. Въ «Современникѣ» (1863 г., № 7, стр. 177) Гаевскій пишетъ: «Вліяніе на Пушкина французской литературы, довольно сильное въ дѣтскіе годы, и даже исключительное по условіямъ его воспитанія, постепенно ослабѣвало. Собственно имъ не вызвано ни одно изъ позднѣйшихъ лицейскихъ стихотвореній, но вліяніе это чувствуется еще кое-гдѣ въ отдѣльныхъ мысляхъ и выраженіяхъ. Напримѣръ, Пушкина поразили трогательные стихи предсмертной элегіи Жильбера:

Au banquet de la vie, infortuné convive
J'apparus un jour, et je meurs.
Je meurs, et sur ma tombe, où lentement
j'arrive,
Nul ne viendra verser des pleurs.

Ту же мысль и тѣ же образы, хотя несравненно въ менѣе художественной формѣ, находимъ въ посланіи Пушкина Къ кн. А. М. Горчакову...»

Въ той же статьѣ (на стр. 364—365) Гаевскій снова возвращается къ «Посланію»; по его мнѣнію, оно «напоминаетъ содержаніемъ, размѣромъ и нѣкоторыми выраженіями посланіе Жуковскаго Къ Филалету (1807 г.). Напримѣръ, у Жуковскаго:

Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту.
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья
И неотвратное надеждъ уничтоженье.

. . . . . .

Гдѣ тотъ, кому дано святое наслажденье
За милыхъ слезы лить, страдать и погибать?
Ахъ, если бъ мы могли въ сей области изгнанья
Столь восхитительно презрѣнну жизнь кончать,
Кто бъ небо оскорбилъ безумьемъ роптанья?»

Эти стихи Гаевскій сравниваетъ со стихами 43—45 и 63—68 посланія Пушкина. «Такое же сходство замѣтно и въ концѣ обоихъ посланій», прибавляетъ онъ. Въ области историко-литературной, которой только и касается Гаевскій, сравненіе выдерживаетъ самую строгую критику, но не то—въ области біографіи. И Поливановъ, исходя въ своихъ сужденіяхъ о настроеніяхъ Пушкина въ ихъ соотношеніи къ поэзіи Жуковскаго, дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе: «при всемъ сходствѣ съ посланіемъ Жуковскаго, характеристична противоположность обоихъ поэтовъ въ заключеніи обѣихъ элегій». Эта противоположность и налагаетъ запретъ говорить о пламенной и стремительной душѣ Пушкина такими словами, которыя примѣнимы скорѣе къ хрупкой и нѣжной душѣ Жуковскаго.

Александръ Блокъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома. О дружбѣ съ Горчаковымъ см. стр. 230 и слѣд. О Бакуниной стр. 284 и слѣд.

«КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ».

Это—одно изъ немногихъ произведеній Пушкина, писанныхъ по прямому «заказу». Стихотвореніе посвящено принцу Оранскому, впослѣдствіи королю Нидерландскому и великому герцогу Люксенбургскому, Вильгельму II-му. Принцъ Оранскій родился 6 декабря 1792 г., учился въ Берлинской военной академіи, потомъ посѣщалъ Оксфордскій университетъ. Въ 1811 г. вступилъ на испанскую службу, позднѣе былъ адъютантомъ короля Великобританіи. Въ кампанію 1815 г. состоялъ при Веллингтонѣ (у Пушкина: «герой дивный Альбіона») и отличался въ битвахъ при Катръ-Бра и при Ватерло, гдѣ былъ раненъ («его текла младая кровь, на немъ сіялъ лавра чести»). Въ 1816 г. прибылъ въ Петербургъ, для бракосочетанія съ великой княжной Анной Павловной (род. 1795 † 1865), сестрою импер. Александра I.

Въ 1830 г., когда вспыхнула революція въ Бельгіи, принцъ Оранскій былъ командированъ отцомъ, королемъ Вильгельмомъ I, въ Брюссель, но вызвалъ неудовольствіе короля-отца своею уступчивостью и былъ отозванъ. Въ 1840 г. принцъ Вильгельмъ вступилъ на престолъ; онъ пытался поправить расшатанное государственное хозяйство финансовыми реформами, но медлилъ съ реформами политическими. Въ 1848 г. ему, однако, пришлось уступить общественному движенію и обратиться къ коренному государственному переустрой-

82. ИСТИНА.

Издавна мудрые искали
Забытыхъ Истины слѣдовъ,
И долго, долго толковали
Давнишни толки стариковъ.
Твердили: Истина нагая
Въ колодезь убралась тайкомъ.
И дружно воду выпивая
Кричали: здѣсь ее найдемъ.

По кто-то смертныхъ благодѣтель,
(И чуть ли не старикъ Силенъ)
Въ важной глупости свидѣтель,
Водой и крикомъ утомленъ,
Оставилъ невидимку нашу,
Подумалъ первый о винѣ,
И осушивъ до капли чашу
Увидѣлъ Истину на днѣ.

83. ПѢВЦЫ.

Глубокой ночи на поляхъ
Давно лежали покрывала
И слабо въ блѣдныхъ облакахъ
Звѣзда пустынная сіяла.
При умирающихъ огняхъ,
Среди невѣрнаго тумана,
Безмолвно два стояли стана
На помраченныхъ высотахъ.
Все спитъ;—лишь волнъ мятежный ропотъ
Разносится въ тиши ночной,
Да слышенъ изъ дали глухой
Булата звонъ и конской топотъ.—
Толпа пѣвцовъ младыхъ
Въ дубравѣ бдитъ молчаливой,
Дрожатъ и пышутъ кони ихъ,
Главой трясутъ нетерпѣливой.
Ужъ полемъ всадники спѣшатъ,
Дубравы кровъ оставя зыбкой,
Коней ласкаютъ и смирятъ
И съ гордой шепчутся улыбкой.—
Ихъ лица радостью горятъ,
Огнемъ пылаютъ гнѣвны очи:
Лишь ты, воинственной поэтъ,
Унылъ какъ сумракъ полночи
И блѣденъ— какъ осенній свѣтъ.
Съ главою мрачно преклоненной,
Съ укрытой горестью въ груди,
Печальной думой увлеченной,
Онъ бдитъ молча впереди.—
Пѣвецъ печальный, что съ тобою
Одинъ предъ боемъ ты унылъ,
Поникъ безстрашною главою,
Бразды и саблю опустилъ;
Ужель, невольникъ праздной нѣги,
Отрадѣй миръ твоихъ полей
Чѣмъ наши бурные набѣги
И ночью бранной стукъ мечей? —
Тебя мы зрѣли подъ мечами
Съ спокойнымъ, дерзостнымъ челомъ
Всегда межъ первыми рядами,
Все тамъ, гдѣ битвы падалъ громъ,
Съ побѣднымъ съединяясь кликомъ,
Твой голосъ нашу славу пѣлъ:—
А нынѣ ты въ унынья дикомъ
Какъ бѣглой ратникъ онѣмѣлъ. —
По медленно пѣвецъ печальной
Главу и взоры приподнялъ,
Взглянулъ угрюмо въ сумракъ дальной,
И вздохомъ грудь поколебалъ.—
— «Глубокой сонъ въ долинѣ бранной,
«Одни мы мчимся въ тьмѣ ночной —
«Предчувствую конецъ желанной!
«Меня зоветъ послѣдній бой!
«Разторгну цѣпь судьбы жестокой,
«Влечу я съ братьями въ огонь;
«Ударъ падетъ—и одинокой
«Въ долину выбѣжитъ мой конь.
«Но для пѣвца никто не дышетъ,
«Его настигнетъ тишина...
«Эльвина смерти вѣсть услышетъ,
«И не вздохнетъ объ немъ она.—
«О вы, хранимые Судьбами
«Для сладостныхъ любви наградъ:
«Пускай любовницы слезами
«Благословятся вашъ возвратъ!—
«За чашей сладкаго спасенья,
«О Братья! вспомните пѣвца,
«Его любовь, его мученья —
«И славу грознаго конца! —

ству: завершенія реформъ, опъ, впрочемъ, не увидѣлъ († 1849 г.).

Въ 1816 г., когда принцъ Оранскій жилъ въ Россіи, въ честь новобрачныхъ (обрученіе происходило 10-го января, вѣнчаніе 9-го февраля) устраивались неоднократно празднества. Одинъ изъ такихъ праздниковъ былъ данъ вдовствующею императрицею Маріей Ѳеодоровною въ Павловскѣ, 6-го іюня. Это было пышное зрѣлище, растянувшееся на полсутокъ. Средоточіемъ праздника былъ «Розовый Павильонъ», на балконѣ котораго помѣщался самъ императоръ съ августѣйшей семьей и принцемъ Оранскимъ. Къ устройству увеселеній были привлечены оперная, драматическая и балетная труппы Петербурга; въ дивертисментѣ участвовали Сандунова, Семенова, Самойловъ; въ паркѣ былъ устроенъ великолѣпный карусель.

Не обошлось дѣло и безъ торжественной оды. Императрица Марія Ѳеодоровна поручила написать стихи Ю. А. Нелединскому-Мелецкому. Но старый поэтъ не справился со свѣжею работой и искалъ себѣ замѣстителя. Н. М. Карамзинъ указалъ ему лицеиста Пушкина. Нелединскій-Мелецкій поѣхалъ въ Царское Село, и, по преданію, «черезъ часъ или два уѣхалъ изъ лицея уже со стихами». Изготовленные наспѣхъ стихи Пушкина были проредактированы Карамзинымъ и затѣмъ пѣлись на праздникѣ 6-го іюня во время парадиаго ужина. Кѣмъ были стихи положены на музыку, сохранилась ли композиція гдѣ-нибудь доселѣ, и былъ ли самъ Пушкинъ на павловскомъ праздникѣ—свѣдѣній объ этомъ не сохранилось. Поэтъ не остался безъ награды: вдовствующая государыня подарила ему золотые часы съ цѣпочкой.[1] Это видимо, произвело значительный эффектъ въ лицеѣ и директоръ Е. А. Энгельгардтъ на другой же день поспѣшилъ послать донесеніе министру народнаго просвѣщенія.

Трудно предъявлять строгія эстетическія требованія къ стихамъ, написаннымъ по заказу и наспѣхъ. Слѣды торопливой работы замѣтны на посланіи «Къ принцу Оранскому», и, по справедливому замѣчанію Л. Н. Майкова, это стихотвореніе не выдается «ни по достоинствамъ стиха, ни по яркости и красотѣ образовъ». Едва ли также Пушкинъ вполнѣ отвѣтственъ и за «внутреннее содержаніе» пьесы, исполненной по замыслу императрицы и редактированной Карамзинымъ. Въ стихотвореніи Наполеонъ названъ «оковы свергнувшимъ злодѣемъ» и «ужасомъ міра». Позднѣе, въ одѣ «Наполеонъ» (1821 г.) и въ другихъ мѣстахъ Пушкинъ отзывался о немъ иначе—и справедливѣе. Слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что и въ разбираемомъ стихотвореніи поэтъ сумѣлъ соблюсти извѣстную мѣру и тактъ. Двумя годами раньше, 27 іюня 1814 г., въ томъ же Павловскѣ и въ томъ же «Розовомъ Павильонѣ» императрица Марія Ѳеодоровна давала праздникъ въ честь императора Александра Павловича, по возвращеніи его изъ Парижа. Въ стихахъ, написанныхъ для этого праздника и по порученію императрицы Нелединскимъ-Мелецкимъ, Вяземскимъ, Державинымъ и Батюшковымъ, больше лести и преувеличеній, чѣмъ въ пьесѣ Пушкина-лицеиста.

Ср., кромѣ общихъ источниковъ для исторіи лицейскаго періода: 1) Сѣверная Почта, 1816, № 47 и 50 описаніе павловскаго праздника. 2) Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777 — 1877 гг. Составл. по порученію Е. И. Выс. Гос. Вел. Князя Константина Николаевича. Спб. 1877 (на стр. 190—194—описаніе праздника). 3) Воспоминанія о праздникѣ въ Павловскѣ въ 1816 году. Изъ записокъ П. А. Каратыгина. Рус. Старина, 1877, т. XIX; перепечатано въ Запискахъ П. А. Каратыгина, Спб., 1888, стр. 32—34. 4) Старина и Новизна, кн. I, стр. 12 (хвалебный отзывъ Карамзина о принцѣ Оранскомъ). 5) П. К. Грунскій. Наполеонъ I въ рус. художеств. литературѣ. Рус. Филологич. Вѣстникъ, 1898, т. XL, стр. 262—277 (о Наполеонѣ въ поэзіи Пушкина). 8) П. А. Плетневъ. Къ біографіи А. С. Пушкина. Спб., 1899, стр. 24—25 (донесеніе директора Энгельгардта министру о подаркѣ императрицы Пушкину). Я. К. Гротъ въ своей книгѣ Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Статьи и матеріалы. изд. 2, 1899, стр. 297—298 и П. О. Морозовъ (Пушкинъ изд. т-ва «Просвѣщеніе», т. I, примѣчанія) ошибочно ссылаются на описаніе праздника въ Павловскѣ, данное въ ст. М. А. Веневитинова, Рус. Архивъ, 1887, № 7, стр. 341—362. Въ статьѣ Веневитинова описанъ не праздникъ 6-го іюня 1816 г., а празднество 24-го іюля 1814 г., въ честь имп. Александра I.

Н. Пиксановъ.

[1] По отмѣткѣ лицейской тетради Корфа часы, собственно, подарилъ принцъ, а императрица только передала ихъ (см. ст. К. Я. Грота въ «Кур. Мин. Нар. Пр. 1905, № 10, стр. 244—45).

84. ПОСЛАНІЕ КЪ КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весной;
Въ послѣдній разъ, быть можетъ, я съ тобой,
Задумчиво внимая шумъ дубравной,
Надъ озеромъ иду рука съ рукой.
Гдѣ вы, лѣта безпечности недавной?
Съ надеждами во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Мой милый другъ, мы входимъ въ новый свѣтъ:
Но тамъ удѣлъ назначенъ намъ неравной,
И розный намъ оставитъ въ мірѣ слѣдъ:
Тебѣ рукой фортуны своенравной
Указанъ путь и счастливой и славной —
Моя стезя печальна и темна.
И нѣжная краса тебѣ дана,
И нравиться блестящій даръ природы,
И быстрый умъ, и вѣрный, милый нравъ:
Ты сотворенъ для сладостной свободы,
Для радости, для славы, для забавъ.
Они пришли, твои златые годы,
Огня любви прелестная пора!
Спѣши любить и счастливый вчера,
Сегодня вновь будь счастливъ осторожно:
Амуръ велитъ—и завтра, если можно,
Вновь миртами красавицу вѣнчай...
О сколькихъ слезъ, предвижу, ты виновникъ!
Измѣны другъ и вѣтренный любовникъ
Будь вѣренъ всѣмъ, плѣняйся и плѣняй!...

А мой удѣлъ—но насмурнымъ туманомъ
За чѣмъ же мнѣ грядущее скрывать?
Увы, не льзя мнѣ вѣчнымъ жить обманомъ
И счастья тѣнь, забывшись, обнимать!
Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья:
Двѣ, три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья.
Онѣ прошли, но можно ль ихъ забыть?
Онѣ прошли и скорбными глазами
Смотря на путь, оставленный назвкъ,
На краткій путь, усыпанный цвѣтами,
Которымъ я такъ весело протекъ—
Я слезы лью, я трачу вѣкъ напрасно,
Мучительнымъ желаніемъ горя...

Твоя заря—заря весны прекрасной;
Моя жъ, мой другъ!—осенняя заря.
Я зналъ любовь—но я не зналъ надежды;
Страдалъ одинъ, въ безмолвіи любилъ...
Безумный сонъ покинулъ томны вѣжды,
Но мрачныя я грезы не забылъ.
Душа полна невольной грустной думой;
Мнѣ кажется, на жизненномъ пиру
Одинъ съ тоской явлюсь я гость угрюмой,
Явлюсь на часъ и одинокъ умру.

86. СОНЪ.

Французскіе поэты XVIII вѣка любили изображать поэзію легкой забавой, а себя безпечными и легкомысленными шалунами, небрежно роняющими свои стихи. Этотъ взглядъ переняли и Пушкинъ у своихъ учителей, которыхъ самъ называлъ «любезные пѣвцы, сыны безпечности лѣнивой». Характерно въ этомъ отношеніи посланіе Пушкина «Моему аристарху» (1815 г.), гдѣ онъ увѣряетъ, что «любитъ праздность и покой», что никогда «не жертвуетъ лѣнью стихамъ», а что когда «нечаянно» придетъ ему охота кропать стихи, онъ, взмахнувъ руками, въ другъ говоритъ на рифмахъ или, отдыхая въ нѣгѣ, маретъ два три куплета... Намъ теперь извѣстно, что это неправда. Такимъ представлялъ себѣ юнота-Пушкинъ идеалъ поэта, но самъ мало походилъ на него. Многія лицейскія стихотворенія Пушкина дошли до насъ въ двухъ и даже трехъ редакціяхъ, доказывающихъ, что онъ подвергалъ ихъ кропотливой обработкѣ. Громадный трудъ, который тратилъ Пушкинъ впослѣдствіи на созданіе своихъ «легкихъ» стиховъ, достаточно выясненъ по его черновымъ рукописямъ. Въ раннемъ дѣтствѣ Пушкинъ, дѣйствительно, былъ лѣнивъ, неповоротливъ и молчаливъ, но уже лѣтъ съ семи сдѣлался рѣзвымъ и шаловливымъ. Позднѣе за свою живость и стремительность, онъ получилъ, въ кружкѣ Смирновой, прозвище Некры. Такимъ образомъ стихотвореніе «Сонъ» надо считать надуманнымъ и подражательнымъ. Мысль воспѣть сонъ Пушкинъ могъ почерпнуть у Дора, Парни или Мильвуа, въ стихахъ которыхъ нерѣдко встрѣчается оправданіе и прославленіе сна и лѣни. Съ другой стороны, у Батюшкова есть прозаическая надпись «Похвальное слово сну» (напечатанная въ 1810 г., въ «Вѣстн. Европы»): она тоже могла подать Пушкину поводъ написать прославленіе сна, уже не какъ сатиру, а какъ веселую шутку. По внѣшнему построенію «Сонъ» строго держится формы тѣхъ шутливыхъ дидактическихъ поэмъ, высшій образецъ которыхъ видѣли въ «Искусствѣ любви» Овидія. Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи, прямо ссылается на эту поэму (ст. 9), какъ и на другую того же рода, тоже служившую ему образцомъ: «Гастрономію» Бершу (ст. 97 Joseph Berchoux, род. 1765, ум. 1839 г.). Всѣ обычные пріемы такихъ поэмъ на лицо. Вначалѣ Пушкинъ, какъ Овидій, скромно отклоняетъ отъ себя болѣе возвышенные сюжеты и выбираетъ своей темой сонъ: далѣе, вмѣсто призванія музы, слѣдуетъ призваніе лѣни: наконецъ идетъ самая поэма, пересыпанная, какъ «Георгики» Виргилія, картинами природы и правилами житейской мудрости. Какъ произведеніе, лишенное творческаго полета, «Сонъ» принадлежитъ къ числу самыхъ слабыхъ стихотвореній изо всего лицейскаго періода дѣятельности Пушкина. Языкъ поэмы гораздо менѣе легокъ, чѣмъ въ другихъ стихотвореніяхъ; въ немъ особенно много устарѣлыхъ прилагательныхъ, устарѣлыхъ формъ и неправильностей въ расположеніи словъ. Къ самымъ живымъ мѣстамъ принадлежатъ описаніе вечера въ комнатѣ (ст. 147—154) и воспоминанія о дѣтствѣ и нянѣ (ст. 173 и сл.), которая описана почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ въ стихотвореніи 1821 г. «Наперсница волшебной старины». Пушкинъ, повидимому, самъ сознавалъ неудачу своего опыта и бросилъ его, не закончивъ. Вотъ почему стихотвореніе и названо имъ, если довѣрять посмертному изданію, «отрывкомъ».

Ст. 187 почти буквально повторяется въ терцинахъ 1830 г. «Все наводило сладкій нѣкій страхъ». Альбанъ (ст. 200) — Фр. Альбани, художникъ Болонской школы (1578—1660), имя котораго у Пушкина упоминается раньше въ стихотвореніи «Къ живописцу» (ср. стр. 288—290). О Муромскихъ лѣсахъ, Полканѣ и Добрынѣ (ст. 195—196), кромѣ разсказовъ няни, Пушкинъ могъ узнать изъ Кирши Данилова, книга котораго («Древнія россійскія стихотворенія» М. 1804 г.), по свидѣтельству В. Кюхельбекера, была въ рукахъ лицеистовъ въ 1815 году.

Валеріи Брюсовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома.

87. ЛЮБОВЬ ОДНА—ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ...

Эта элегія—одна изъ первыхъ, внушенныхъ нераздѣленною любовью къ Е. Н. Бакунинской—была напечатана только въ посмертномъ изданіи (т. IX). Кромѣ писарской копіи, находящейся въ рукописи Моск. Публ. музея, № 2395 (лл. 701—702), Л. Н. Майковъ видѣлъ первую строфу этой элегіи въ автографѣ Пушкина на отдѣльномъ листкѣ съ помѣтами: «(продолженіе въ тетради 7)» и «Село Михайловское, іюль 1817», и съ подписью: А. Пушк. Руководствуясь этой послѣдней датой, Л. Н. По-

И не придетъ другъ сердца незабвенный
Въ послѣдній мигъ мой томный взоръ сомкнуть,
И не придетъ на холмъ уединенный
Въ послѣдній разъ любовію вздохнуть!
Ужель мои пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Ужель умру, не вѣдая что радость?
За чѣмъ же жизнь дана мнѣ отъ боговъ?
Чего мнѣ ждать? Въ рядахъ забытый воинъ,
Среди толпы затерянный нѣвещъ—
Какимъ наградъ я въ будущемъ достоинъ
И счастія какой возьму вѣнецъ?...

Но что! стыжусь! Нѣтъ ропотъ—униженье,
Нѣтъ праведно боговъ опредѣленье —
Ужель лишь мнѣ не вѣдать ясныхъ дней?
Нѣтъ, и въ слезахъ сокрыто наслажденье —
И въ жизни сей мнѣ будетъ въ утѣшенье:
Мой скромный даръ и счастіе друзей!

Концовка Эйзена.

ливановъ (2-е изд. Пушкина, т. I, стр. 62—63) относитъ стихотвореніе къ 1817 году и говоритъ: «эта элегія и слѣдующая ниже («Прощаніе съ Тригорскимъ»), по всей вѣроятности, относятся—1-я ко времени лѣтняго пребыванія въ Михайловскомъ, а 2-я ко времени возвращенія Пушкина въ Петербургъ. Объ онѣ—изящное выраженіе тѣхъ сердечныхъ волненій, которыя были вызваны первою любовью въ сердцѣ поэта». Однако, Анненковъ, безъ объясненій, относитъ стихотвореніе къ 1816 году (т. II, стр. 135—136), и примѣру его послѣдовали всѣ позднѣйшіе комментаторы, кромѣ Поливанова. «Мы не знаемъ,—пишетъ Майковъ,—чѣмъ руководствовались въ своихъ хронологическихъ опредѣленіяхъ какъ Анненковъ, такъ и Поливановъ, но дата послѣдняго дѣйствительно согласуется съ вышеупомянутымъ Пушкинскимъ автографомъ; тѣмъ не менѣе, мы не рѣшаемся принять ее за время сочиненія стиховъ, ибо помянутый автографъ не составляетъ ихъ первоначальной рукописи или чернового наброска, а является лишь спискомъ, который былъ сдѣланъ Пушкинымъ приблизительно черезъ годъ по сочиненіи піесы; слѣдовательно, выставленная на этой рукописи дата означаетъ только время снятія копіи и не препятствуетъ намъ, подобно Анненкову, относить сочиненіе стиховъ къ 1816 году, ко времени, въ пользу котораго свидѣтельствуетъ и ихъ содержаніе».

При извѣстной тщательности Анненкова, этотъ доводъ убѣждаетъ насъ, что пьеса написана въ 1816 году.

Отдѣльныя мѣста элегіи подали поводъ искать соотвѣтствія съ нею у другихъ поэтовъ. Такъ, еще Гаевскій (въ «Современникѣ» 1863 г., № 7, стр. 174) замѣчаетъ «Начало IV элегіи Парни:

> Dieu des amours, le plus puissant des dieux.
> Le seul du moins qu'adore ma jeunesse;
> Il m'en souvient, dans ce moment heureux
> Ou je fléchis mon ingrate maitresse,

находимъ въ элегіи Пушкина: «Любовь одна...»

Справедливо отвергая такое прямое сопоставленіе, Майковъ находитъ однако интереснымъ указаніе Гаевскаго на Парни, особенно на IV книгу его элегій, «исполненную высокаго лиризма», гдѣ «изображается горе и отчаяніе влюбленнаго послѣ разрыва съ измѣнившею ему красавицей». Е. В. Никольскій («Истор. Вѣстникъ» 1899 г., № 7, стр. 206—207) сопоставляетъ стихи 28-й—35-й съ другими стихами Парни:

«Никѣмъ не отмѣченное подражаніе встрѣчается намъ въ элегіи «Любовь одна—веселье жизни хладной». Правда, и это подражаніе довольно свободно и лишь издали воспроизводитъ оригиналъ, но подражательность и въ немъ несомнѣнна. Мы здѣсь имѣемъ въ виду строфу «Нѣвцы любви...» Нельзя не узнать въ ней отраженія слѣдующаго отрывка изъ «La journée champêtre» Парни:

> Ainsi ces peintres enchanteurs,
> Qui des amours tiennent l'école,
> De l'amour qui fut leur idole
> N'éprouvèrent que les rigueurs.
> Mais leur voix touchante et sonore
> S'est fait entendre à l'univers:
> Les Grâces ont appris leurs vers
> Et Paphos les redit encore.
> Leurs peines, leurs chagrins d'un jour
> Laissent une longue mémoire
> Et leur muse, en cherchant l'amour,
> A du moins rencontré la gloire».

Рядомъ съ именемъ Парни, Пушкинъ упоминаетъ въ 20-мъ стихѣ своей элегіи имя Тибулла, съ которымъ онъ могъ ознакомиться и во французскихъ переводахъ и въ русскихъ переводахъ Батюшкова и подражаніяхъ Дениса Давыдова («Амфіонъ» 1815 г., № 5). Переводы Батюшкова Пушкинъ позднѣе критиковалъ очень строго, судя по его замѣткамъ на поляхъ, сообщеннымъ Майковымъ («Біографическіе матеріалы и историко-литер. очерки» Спб. 1899), а Д. Давыдову приписывалъ свою свободу отъ рабскаго подражанія Жуковскому и Батюшкову на школьной скамьѣ. Майковъ находитъ, «что вмѣстѣ съ вліяніемъ Парни, въ тонѣ раннихъ любовныхъ элегій поэта-лицеиста можно отчасти подмѣтить поэтическіе пріемы двухъ вышеназванныхъ русскихъ переводчиковъ римскаго лирика».

Приведя заключительныя строки изъ «Нѣвца» Жуковскаго, котораго вспоминаетъ самъ Пушкинъ въ отрывкѣ дневника своего, относящемся къ Бакуниной,—

> Мечтамъ конецъ,
> Погибло все!.. Умолкни, лира!
> Скорбѣй, скорбѣй въ обитель мира
> Бѣдный нѣвецъ!

Майковъ замѣчаетъ: «та же мысль и тотъ же образъ встрѣчаются и въ заключительныхъ стихахъ разсматриваемой піесы («Любовь одна»)».

П. О. Морозовъ указываетъ, что самъ

85. КЪ ПРИНЦУ ОРАНСКОМУ.

Довольно битвы мчался громъ,
Тупился мечь окровавленной,
И смерть погибельнымъ крыломъ
Шумѣла грозно надъ вселенной.

Свершилось... Взорами царей
Европы твердый миръ основанъ;
Оковы свергнувшій злодѣй
Могущей бранью снова скованъ.

Узрѣлъ онъ въ пламени Москву—
И былъ низверженъ ужасъ міра;
Покрыла падшаго главу
Благословеннаго порфира!

И мглой повлекся окруженъ,
Притекъ, и буйной вдругъ измѣной
Ужъ воздвигалъ свой шаткой тронъ
И палъ, отторженъ отъ вселенной.

Утихло все! Не мчится громъ,
Не блещетъ мечь окровавленной,
И брань погибельнымъ крыломъ
Не мчится грозно надъ вселенной.

Хвала, о юноша-герой!
Съ героемъ дивнымъ Альбіона
Онъ вѣрныхъ велъ въ послѣдній бой
И мстилъ за лиліи Бурбона.

Предъ нимъ мятежныхъ громъ гремѣлъ,
Текли во слѣдъ шиты кровавы;
Грозой онъ въ бранной мглѣ летѣлъ
И развивалъ блистанье славы!

Его текла младая кровь,
На немъ сіяетъ язва чести.
Вѣнчай, вѣнчай его, любовь!
Достойный былъ онъ воинъ мести!

Пушкинъ воспользовался первою строфою своей элегіи въ «Гавриліадѣ»:

Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту...

Подъ «пермесскими царицами» (ст. 16) Пушкинъ разумѣетъ, музъ: беотійская рѣка Пермессъ беретъ свое начало на Геликонѣ. Самъ Пушкинъ называетъ свою элегію «стихами небрежными и простыми» (ст. 52). Таковы въ ней и рнѳмы, и размѣръ, и эпитеты (до трехъ въ одной строкѣ). Въ этотъ періодъ Пушкинъ не разъ говоритъ о своемъ «слабомъ дарѣ» (сравн., напримѣръ, «Посланіе къ кн. Горчакову») и, повидимому, много мучился и отчаивался въ стихахъ своихъ. (Ср. примѣч. «Къ Дельвигу» 1815 г.). И позднѣе, впрочемъ, онъ только ничтожную часть лицейскихъ стиховъ признали годными для печати и не обнародовалъ самъ какъ этого, такъ и многихъ другихъ стихотвореній разсматриваемаго періода.

Александръ Блокъ.

88. ОКНО.

Это стихотвореніе относится несомнѣнно къ 1816 году. Самъ Пушкинъ помѣтилъ его этой датой. Оно сохранилось въ четырехъ рукописяхъ, въ тетрадяхъ Я. К. Грота, московскаго публичнаго музея № 2364, л. 10, Ѳ. Ѳ. Матюшкина (см. «Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905 г., октябрь, стр. 246) и «Духѣ лицейскихъ трубадуровъ». Мы помѣщаемъ его въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ въ рукописи московскаго музея. Первые два списка писаны рукою Пушкина, а третій и четвертый—копіи. Впервые оно было напечатано только въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 280—281). Въ этомъ изданіи стихотвореніе не вошло въ рубрику «элегій» извѣстнаго списка стиховъ, составленнаго Пушкинымъ въ 1816 г. По причинамъ, о которыхъ мы догадываемся ниже, Пушкинъ, повидимому, не придавалъ ему значенія; но, какъ всѣ дошедшія до насъ элегіи этого года, «Окно» навѣяно тою же томной грустью нераздѣленной любви и, очевидно, относится къ Е. Н. Бакуниной.

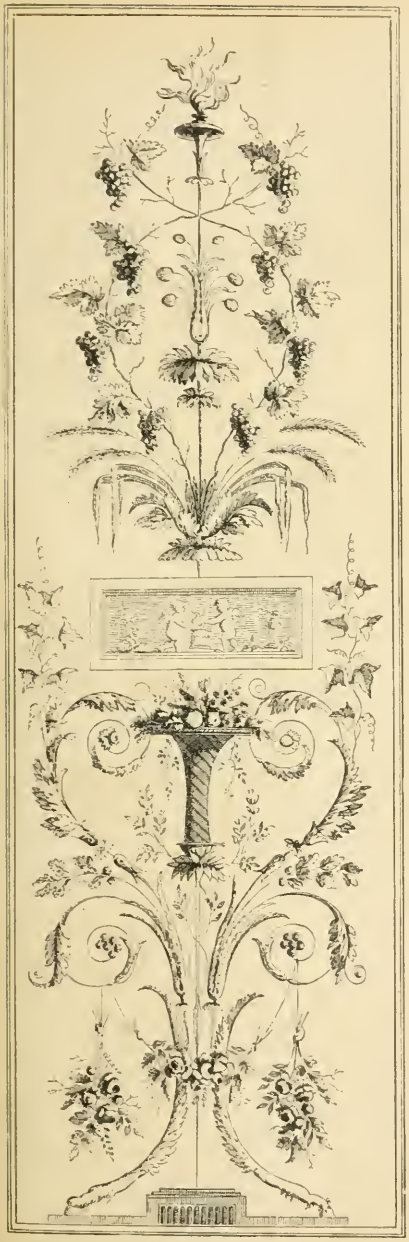
Бѣлинскій причислялъ «Окно» къ тѣмъ восьми извѣстнымъ ему лицейскимъ элегіямъ, гдѣ «сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзіи». Но и здѣсь Бѣлинскій не отрицаетъ вліянія Батюшкова. Поливановъ говоритъ, что «стихотвореніе элегическаго характера и отличается задушевной искренностью пылкаго чувства» (2-е изд. Пушкина, т. I, 1893 г., стр. 46). Анненковъ перепечатываетъ стихотвореніе съ посмертнаго изданія, дѣля его, такъ же, какъ тамъ, на двѣ строфы (т. II, стр. 132—133), а не на четыре, какъ это указано въ рукописи неизвѣстной Анненкову и принято теперь, и при этомъ оговаривается: «кажется, что это прекрасное стихотвореніе составлено изъ двухъ различныхъ стихотвореній, сбитыхъ вмѣстѣ посмертнымъ изданіемъ. По крайней мѣрѣ въ рукописи мы имѣемъ только вторую половину его со стиха

Недавно темною порою,

а первой совсѣмъ нѣтъ» (т. II, стр. 153). Въ собственноручной рукописи Пушкина, которая была въ рукахъ у Анненкова (и принадлежитъ Моск. Публ. Музею), дѣйствительно, есть только послѣдніе строфы, начиная съ указаннаго стиха, и двѣ помѣты: «1816» и «пе пгадо)». Впослѣдствіи найдены указанныя выше двѣ совершенно сходныя по тексту рукописи (Пушкинская, принадлежавшая Я. К. Гроту, и неизвѣстнаго почерка въ «Духѣ лицейскихъ трубадуровъ», принадл. Т. Б. Сѣмечкиной), гдѣ стихотвореніе состоитъ изъ всѣхъ четырехъ строфъ. Это дало поводъ Майкову и Ефремову опровергать мнѣніе Анненкова. Безъ сомнѣнія, эти авторитетные комментаторы правы, считая стихотвореніе цѣльнымъ, если дѣло идетъ объ «окончательной редакціи». Тѣмъ не менѣе, замѣчаніе Анненкова кажется намъ не лишеннымъ основанія. Сдѣлавъ два наброска, Пушкинъ могъ соединить ихъ только впослѣдствіи, и, можетъ быть, не печаталъ самъ «Окна» именно потому, что былъ не вполнѣ доволенъ имъ. Вчитываясь въ текстъ, мы можемъ замѣтить и признаки соединенія, нѣсколько произвольнаго: прежде всего, первыя двѣ строфы нисколько не влекутъ за собою двухъ слѣдующихъ, и вполнѣ могли бы существовать безъ нихъ, и наоборотъ. Первыя 16 строкъ представляютъ элегическое разсужденіе, въ которомъ, дѣйствительно, «проглядываетъ чисто-пушкинскій элементъ поэзіи», выражающійся хотя бы въ томъ, что эпитетовъ мало, а тѣ, которые есть («поздняя зарница», «зыбкія облака», «пламенная рѣка», «день багряный»,

Великая Княгиня Анна Павловна и ея супругъ принцъ Вильгельмъ Оранскій, впослѣдствіи король Нидерландскій.

Портретъ принца снятъ съ медали; Анны Павловны — съ гравированнаго Мессон портрета Беннера. Портреты вставлены въ книжную рамку Choffard'a (1767)



86. СОНЪ.

Отрывокъ.

Пускай поэтъ съ кадильницей наемной
Гоняется за счастьемъ и молвой, —
Мнѣ страшенъ свѣтъ: проходитъ вѣкъ мой темной
Въ безвѣстности, заглохшею тропой.
Пускай пѣвцы гремящими хвалами
Полубогамъ безсмертіе даютъ;
Мой голосъ тихъ, и звучными струнами
Не оглашу безмолвія пріютъ.
Пускай любовь Овидіи поютъ
И не даетъ покоя Цитерея,
Счастливыхъ дней Амуры мнѣ не вьютъ:
Я сонъ пою, безцѣнный даръ Морфея,
И научу, какъ должно въ тишинѣ
Покоиться въ пріятномъ, крѣпкомъ снѣ.
Приди, о лѣнь! приди въ мою пустыню!
Тебя зовутъ прохлада и покой;
Въ одной тебѣ я зрю свою богиню;
Готово все для гостьи молодой.
Все тихо здѣсь, докучный шумъ укрылся
За мой порогъ; на свѣтлое окно
Прозрачное спустилось полотно,
И въ темной пищъ, гдѣ сумракъ воцарился,
Чуть крадется невѣрный свѣтъ дневной —
Вотъ мой диванъ: приди жъ въ обитель мира,
Царицей будь, я плѣнникъ нынѣ твой.
Учи меня, вождь моей рукой,
Все, все твое: вотъ краски, кисть и лира!
А вы, друзья моей прелестной музы,
Которыми любви забыты узы,
Которые владычеству земли
Конечно сонъ спокойный предпочли —
О мудрецы! дивиться вамъ умѣя,
Для васъ однихъ я нынѣ тропъ Морфея
Поэзіи цвѣтами обовью,
Для васъ однихъ блаженство воспою.
Внемлите же съ улыбкой снисхожденья
Моимъ стихамъ, урокамъ наслажденья.
Въ назначенный природой нѣги часъ,
Хотите ли забыться каждый разъ,
Въ ночной тиши, средь общаго молчанья,
Въ объятіяхъ игриваго мечтанья?
Спѣшите же подъ сельскій мирный кровъ:
Тамъ можно жить и праздно и безпечно,
Тамъ прямо рай; но прочь отъ городовъ,
Гдѣ крикъ и шумъ лѣнивцевъ мучитъ вѣчно.
Согласенъ я, въ нихъ можно цѣлый день
Съ прелестницей ловить веселья тѣнь;
Въ платокъ зѣвать, блистая въ модномъ свѣтѣ;
На балѣ въ ночь вертѣться на паркетѣ:
Но можно ли вкушать отраду сновъ?
Настала тѣнь, уснуть лишь я готовъ,

не обезсиливаютъ стиха. Слѣдующія 16 строкъ представляютъ, напротивъ, описаніе событія въ сентиментальномъ духѣ и испещрены эпитетами довольно однообразными («пустынный», «туманный», «задумчивый», «тайный», «темный», дважды въ одной строфѣ). «Дѣва у окна», «луна, покрытая темнотой»—все это образы, составляющіе непремѣнный багажъ сентиментальной поэзіи. Замѣчательно, что самъ Пушкинъ исключилъ изъ третьей строфы всѣ признаки конкретности и опустилъ на нее вуаль одной отвлеченной чувствительности, замѣнивъ звонкія согласныя—глухими и исправивъ: «вчера, вечернею порою»—на «недавно, темною порою», и «склонившись на руку сидѣла»—на «одна задумчиво сидѣла». Этимъ онъ достигъ объединенія всей третьей строфы, гдѣ постоянно чередуются согласныя «*н*» и «*м*», но еще не согласовалъ ее съ предшествующими.

Очень вѣроятно, что самъ Пушкинъ почувствовалъ въ «Окнѣ» чувствительность, чуждую его душѣ, и потому сдѣлалъ помѣту «не н(адо)», а потомъ, присоединивъ второй отрывокъ къ первому, все-таки остался недоволенъ стихотвореніемъ и не сталъ его печатать.

И. Ѳ. Сумцовъ («Харьк. Унив. сборн. въ память П.», Харьковъ, 1900 г., стр. 228) сближаетъ «Окно» съ «Бурей» 1825 г. При разницѣ въ построеніяхъ этихъ пьесъ, въ обѣихъ сопоставлено обаяніе человѣческой красоты съ прелестью природы. Во второмъ стихотвореніи поэтъ восклицаетъ:

Дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнъ, небесъ и бури.

Александръ Блокъ.

89. НАСЛАЖДЕНІЕ.

Стихотвореніе напечатано впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX). Анненковъ относитъ его къ 1817 году; но, во-первыхъ, въ тетради Я. К. Грота, Пушкинскій автографъ «Наслажденія» помѣщенъ передъ стихотвореніемъ «Окно»; во-вторыхъ, по справедливому замѣчанію Майкова, «время сочиненія пьесы опредѣляется ея содержаніемъ: здѣсь, какъ и во многихъ другихъ стихотвореніяхъ 1816 г., находимъ намеки на мечтательную любовь автора». Майковъ и Ефремовъ помѣщаютъ «Наслажденіе» вслѣдъ за стихотвореніемъ «Окно», а Морозовъ слѣдуетъ порядку рукописи Грота.

Въ статьѣ о Пушкинѣ (1844 г.) Бѣлинскій говоритъ: «Въ пьесахъ: «Наслажденіе»... (слѣдуетъ перечисленіе) замѣтно вліяніе Жуковскаго; въ нихъ преобладаетъ элегическій тонъ въ духѣ музы Жуковскаго; стихъ очень близокъ къ стиху Жуковскаго, въ самомъ взглядѣ на предметъ видна зависимость ученика отъ учителя». Майковъ замѣчаетъ по этому поводу: «быть можетъ, такое настроеніе Пушкина (мечтательная любовь) и подало Бѣлинскому поводъ видѣть въ этой пьесѣ вліяніе Жуковскаго; но общій тонъ стихотворенія, и особливо образы, встрѣчаемые во II-ой строфѣ, скорѣе напоминаютъ о Батюшковѣ».

Разумѣется, здѣсь можно говорить лишь объ общемъ духѣ стихотворенія, такъ какъ ни у Жуковскаго, ни у Батюшкова нѣтъ стиховъ, по отношенію къ которымъ «Наслажденіе» являлось бы подражаніемъ; но, все таки, есть больше основаній согласиться съ Бѣлинскимъ, въ особенности если принять во вниманіе первоначальные варіанты самого Пушкина (въ рукописи Грота стихи 5—7 во II-й строфѣ):

И вдругъ прелестная, нагая,
Дыша небесной чистотой,
Явилась дружба молодая...

Слово «дружба», впослѣдствіи замѣненное словомъ «любовь», говоритъ, какъ будто, объ amitié amoureuse, болѣе свойственной Жуковскому, нежели Батюшкову.

«Въ послѣднихъ четырехъ строкахъ строфы I-й, справедливо говоритъ далѣе Майковъ, замѣчательны жалобы на то, что поэтъ съ ранняго дѣтства не зналъ счастья: черта, не лишенная автобіографическаго значенія, и тѣмъ болѣе любопытная, что ее можно встрѣтить и въ посланіи (1816 года) къ князю А. М. Горчакову»:

Вся жизнь моя—печальный мракъ ненастья:
Дѣвъ-три весны младенцемъ, можетъ быть,
Я счастливъ былъ, не понимая счастья...

и далѣе:

Я зналъ любовь, но я не зналъ надежды:
Страдалъ одинъ, къ безмолвію любилъ»...

Стихи «Наслажденіе» вообще можно разсматривать, какъ одинокій вздохъ о томъ же, что повѣрялъ Пушкинъ своему свѣтскому товарищу. Въ «Посланіи къ Горчакову» онъ спрашиваетъ:

Уже ль моя пройдетъ пустынно младость?
Иль мнѣ чужда счастливая любовь?
Уже ль умру, не вѣдая, что радость?

Обманутый призраками ночными—
И вотъ уже, при свѣтѣ фонарей,
На бѣшеной четверкѣ лошадей,
Стуча, гремя колесами златыми,
Катится Спесь подъ окнами моими.
Я дремлю вновь, вновь улица дрожитъ—
На скучный балъ Разсѣянье летитъ...
О Боже мой! уже ли здѣсь ложатся,
Чтобы всю ночь безсонницей терзаться?
Еще стучатъ, а тамъ уже свѣтло,
И гдѣ мой сонъ? не лучше ли въ село?—
Тамъ рощица листочковъ трепетаньемъ,
Въ лугу потокъ таинственнымъ журчаньемъ,
Златыхъ полей, долины тишина:
Въ деревнѣ все къ томленью клонитъ сна!
О, сладкій сонъ, ничѣмъ невозмущенный!
Одинъ пѣтухъ, зарею пробужденный,
Свой рѣзкій крикъ подыметъ, можетъ быть;
Опасенъ онъ—онъ можетъ разбудить.
Итакъ, пускай, въ сераляхъ удаленны,
Султаны куръ гордятся заключенны
Иль поселянъ сзываютъ на поля:
Мы спать хотимъ, любезные друзья!
Стократъ блаженъ, кто можетъ сномъ забыться
Вдали столицъ, каретъ и пѣтуховъ!
Но сладостью веселой ночи сновъ
Не думайте вы даромъ насладиться,
Средь мирныхъ селъ, безъ всякаго труда.
Что жъ надобно? движенье, господа!
Похвальна лѣнь; но есть всему предѣлы:
Смотрите, Клитъ, въ подушкахъ посѣдѣлый,
Размученный, изнѣженный, больной,
Весь вѣкъ сидитъ съ подагрой и тоской!
Наступитъ день: несчастный! задыхаясь,
Кряхтя, ползетъ съ постели на диванъ;
Весь день сидитъ; когда жъ ночной туманъ
Подернетъ свѣтъ, во мракѣ разстилаясь,
Съ дивана Клитъ къ постелѣ поползетъ;
И какъ же ночь, несчастной, проведетъ?
Въ покойномъ снѣ, въ пріятномъ сновидѣньѣ?
Нѣтъ! сонъ ему не радость, а мученье:
Не маками, тяжелою рукой
Ему Морфей закроетъ томны очи,
И медленной проходятъ чередой
Для бѣднаго часы угрюмой ночи.
Я не хочу, какъ общій другъ, Бершу,
Предписывать вамъ тяжкія движенья:
Упрямый плугъ, охоты наслажденья—
Нѣтъ! въ рощи я лѣнивца приглашу.
Друзья мои, какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегналъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ брега безмолвны;
Еще роса надъ свѣжей муравой:
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны.
Друзья мои! возьмите посохъ свой,

И поэтъ утѣшается только своимъ «скромнымъ даромъ» и «счастіемъ друзей»—традиціонными утѣхами поэтовъ своего времени. Точно также и въ «Наслажденіи»—воспоминаніе о Бакунинской проходитъ лишь легкой тѣнью. Пушкинъ, не способный къ одной amitié amoureuse въ духѣ Жуковскаго, задаетъ только элегическіе вопросы, и едва ли дѣйствительно надѣется, что когда-нибудь его «мрачный путь озарится улыбкой спутницы».

Александръ Блокъ.

90. ТВОЙ И МОЙ.

Эта пьеса извѣстна въ двухъ автографахъ. Одинъ, на отдѣльномъ листкѣ, принадлежалъ Я. К. Роту; другой находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 13) и носитъ поправки поэта и его же помѣту: «переписать»,—очевидно, для включенія въ собраніе, выпущенное въ 1826 г., куда поэтъ этого стихотворенія, впрочемъ, не внесъ. Впервые оно было напечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 368) съ писарской копіи, находящейся въ принадлежащемъ московскому музею собраніи (№ 2395). По исправленной самимъ поэтомъ редакціи (въ музейной тетради № 2364) пьеса была впервые напечатана въ изданіи литературнаго фонда. Этотъ же текстъ воспроизводимъ и мы. Къ 1816 г. отнесъ пьесу П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., т. I, стр. 167).

«Твой и мой»—переложеніе какого-то французскаго мадригала, который записанъ Пушкинымъ въ той же тетради № 2364 (л. 15):

Tien-et-Mien, dit La Fontaine
Du monde a rompu le lien.
Quant à moi, je n'en sais rien,
Car que serait-ce Climène,
Si tu n'étais plus la mienne,
Si je n'étais plus le tien.

Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. I т. сочин. П., прим., стр. 292) не только привелъ указанное мѣсто изъ Лафонтена (изъ басни «Discorde»), но и указалъ на подходящія мысли Паскаля и Жанъ-Жака Руссо о происхожденіи института собственности, чѣмъ можетъ быть объяснена глухая ссылка Пушкина на «ученую толпу философовъ, піитовъ», которыхъ Пушкинъ читалъ еще въ раннемъ возрастѣ. Впослѣдствіи онъ разсказывалъ А. О. Смирновой (см. ея «Записки», ч. I, Спб., 1895 г., стр. 305), что читалъ Руссо, когда ему было двѣнадцать лѣтъ.

91. КЪ МОРФЕЮ.

Стихотвореніе было напечатано въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1824 годъ и болѣе не перепечатывалось при жизни Пушкина. Оно сохранилось въ трехъ рукописяхъ, изъ которыхъ двѣ (въ Румянцевской тетради № 2364 и въ тетради гр. Каннста) представляютъ автографы Пушкина, а одна (Румянцев. тетрадь № 2395)—копію. Въ Румянцевскомъ автографѣ стихотвореніе озаглавлено: «Къ сну», помѣчено 1816 годомъ и мѣстами исправлено. Въ тетради Каннста, текстъ которой можетъ быть принятъ за окончательную редакцію, оно озаглавлено «Къ Морфею» (тетрадь Каннста-одна изъ тѣхъ, въ которыхъ Пушкинъ собиралъ матеріалы для перваго изданія своихъ лирическихъ стихотвореній 1826 г.). Здѣсь стихотвореніе зачеркнуто и на поляхъ—надпись: «если оставить, такъ перенести въ мелк. стихотв.». Стихотвореніе вошло только въ посмертное изданіе (т. IX), гдѣ напечатано въ двухъ редакціяхъ. Анненковъ, перепечатывая обѣ (т. II, стр. 141—142), дѣлаетъ примѣчаніе (на стр. 154): стихотвореніе—«образецъ мастерской передѣлки. Посмертное изданіе напечатало пьесу въ двухъ разныхъ мѣстахъ и безъ всякаго пояспенія; но это—одно и то же стихотвореніе, только въ двухъ видахъ: грубомъ первоначальномъ и второмъ измѣненномъ и усовершенствованномъ».

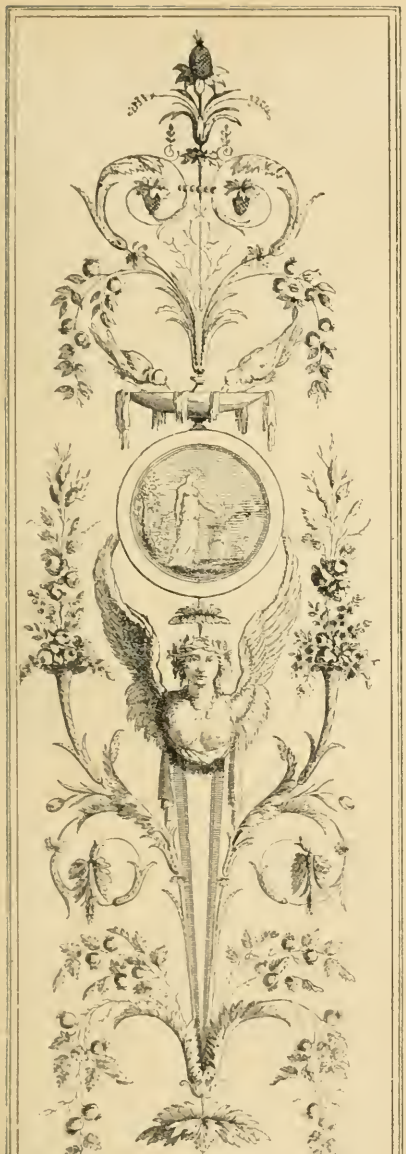
Поправки Пушкина относятся преимущественно къ первой строфѣ. Въ первомъ автографѣ, озаглавленномъ «Къ сну», она первоначально состоитъ изъ пяти строкъ

Знакомецъ милый и старинной,
О, сонъ, хранитель добрый мой!
Гдѣ ты? Подъ кровлею пустынной
Мнѣ ложе стелетъ ужь покой
Въ безмолвіи тиши ночной.

Эти строки перечеркнуты, исправлены, и на поляхъ написаны по новому:

Приди, знакомецъ мой старинный,
О, сонъ, хранитель вѣрный мой,
И приведи подъ кровъ пустынный
Давно потерянный покой!

Эти строки, въ свою очередь, зачеркнуты, и надъ ними написано: «4 стиха оставить». Во второмъ автографѣ «Къ Морфею» ихъ, однако, совсѣмъ нѣтъ. Кромѣ



Идите въ лѣсъ, бродите по долинѣ,
Крутыхъ холмовъ устаньте на вершинѣ—
И въ долгу ночь глубокъ вашъ будетъ сонъ.
Какъ только тѣнь одѣнетъ небосклонъ,
Пускай войдетъ отрада жизни нашей,
Веселья богъ съ широкой, полной чашей—
И царствуй, Вакхъ со всѣмъ дворомъ своимъ!
Умѣренно пируйте, други, съ нимъ:
Стакана три шипящими волнами
Румяныхъ винъ налейте вы полнѣй;
Но толстый Комъ съ надутыми щеками
Не приходи стучаться у дверей;
Я радъ ему; но только за обѣдомъ,
И дружески я въ полдень уберу
Его дары; но право въ вечеру
Гораздо я дружнѣй съ его сосѣдомъ.
Не ужинать—святой тому законъ,
Кому всего дороже легкій сонъ.
Бретитесь вы, о дѣти мудрой лѣни!
Обманчивой успокоенья тѣни!
Не спите днемъ: о горе, горе вамъ,
Когда дремать привыкли по часамъ!
Что вашъ покой? Безчувствіе глубоко.
Сонъ истинный отъ васъ уже далеко.
Не знаете веселой вы мечты:
Вашъ цѣлый вѣкъ несносное томленье,
И скученъ сонъ и скучно пробужденье,
И дни текутъ средь вѣчной темноты.
Но ежели, въ глуши, близъ водопада,
Что подъ горой клокочетъ и кипитъ,
Прелестный сонъ, усталости награда,
При шумѣ волнъ на дикій брегъ слетитъ,
Покроетъ взоръ туманной пеленою,
Обниметъ васъ и тихою рукою
На мягкій мохъ преклонитъ, осѣнитъ:
О! сладостно близъ шумныхъ водъ забвенье;
Пусть далѣе продлится вамъ покой—
Завидно мнѣ счастливца наслажденье.
Случалось ли ненастной вамъ порой
Для зимняго при позднемъ, тихомъ свѣтѣ,
Сидѣть одним безъ свѣчки въ кабинетѣ:
Все тихо вкругъ: березы больше нѣтъ;
Часъ-отъ-часу темнѣетъ оконъ свѣтъ;
На потолкѣ какой-то призракъ бродитъ;
Блѣднѣетъ уголь—и синеватый дымъ,
Какъ легкій паръ, въ трубу вясь, уходитъ.
И вотъ, жезломъ невидимымъ своимъ,
Морфей на все невѣрный мракъ наводитъ.
Темнѣетъ взоръ: Кандидъ изъ вашихъ рукъ,
Закрывшися упалъ въ колѣни вдругъ:
Вздохнули вы; рука на столъ валится,
И голова съ плеча на грудь катится.
Вы дремлете, надъ вами мира кровъ:
Нежданный сонъ пріятнѣй многихъ сновъ!
Душевныхъ мукъ волшебный исцѣлитель,
Мой другъ Морфей, мой давній утѣшитель!
Тебѣ всегда я жертвовать любилъ,
И ты жреца давно благословилъ:

того, въ первомъ автографѣ и въ копіи (объ рукописи принадлежатъ Моск. Публ. Музею) есть варіантъ шестого стиха:

Разлуки грустный приговоръ.

Изъ сличенія первоначальнаго текста съ окончательной редакціей можно заключить, что Пушкинъ хотѣлъ сжать и заострить стихотвореніе. Конечно, ему удалось это, но, по замѣчанію Майкова, «можно предполагать, что онъ цѣнилъ свое стихотвореніе менѣе высоко, чѣмъ его критики»: во первыхъ, онъ не включилъ его въ собраніе стиховъ; во вторыхъ, оно представляетъ даже не подражаніе, а переводъ, хотя и очень вольный, слѣдующаго стихотворенія Парни:

A LA NUIT.

Toujours le malheureux t'appelle,
O nuit, favorable aux chargins!
Viens donc, et porte sur ton aile
L'oubli des perfides humains.
Voile ma douleur solitaire;
Et, lorsque la main du Sommeil
Fermera ma triste paupière,
O dieux! recules mon réveil;
Qu'à pas lents l'aurore s'avance
Pour ouvrir les portes du jour:
Jmportuns, gardez le silence,
Et laissez dormir mon amour.

Указаніе это принадлежитъ Гаевскому, который замѣчаетъ («Современникъ», 1863 г., т. XCVII, стр. 173): Стихотвореніе, напечатанное въ двухъ видахъ подъ заглавіями: Сну и Къ Морфею, изъ которыхъ первый составляетъ варіантъ ко второму, есть подражаніе стихотворенію Парни A la nuit, но по художественности, особенно во второй окончательной передѣлкѣ, оно значительно превосходитъ французскій его первообразъ».

Являясь подражаніемъ Парни, «Къ Морфею», въ общемъ, однако, представляетъ собою несомнѣнный отзвукъ и вполнѣ личнаго настроенія—любви къ Бакунинной (см. стр. 284 и ниже примѣч. къ «Пробужденію»). А. Б.

92. ПРОБУЖДЕНІЕ.

Осенью 1816 г. Е. Н. Бакунина (о ней выше стр. 284) уѣхала съ родителями изъ Царскаго села, и эта разлука вызвала цѣлый рядъ элегій Пушкина. Во многихъ изъ нихъ («Къ Морфею», «Пробужденіе», «Осеннее утро», «Разлука» и др.) онъ вспоминаетъ о сновидѣніяхъ, которыя давали ему возможность хотя бы въ мечтахъ быть съ той, кого онъ любилъ. Самое изящное изъ нихъ, безспорно, «Пробужденіе». Пушкинъ далъ ему мѣсто въ изд. 1826 г., тогда какъ другія свои элегіи того времени пародировалъ въ стихахъ Лепскаго, которые характеризовалъ тутъ же словами: «Такъ онъ писалъ темно и вяло». «Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» есть и прямой намекъ на «Пробужденіе» въ стихахъ:

Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!
Гдѣ вѣчная въ ней рѣзма младость!

Размѣръ стихотворенія тотъ же, что и «Розы» (см. примѣчаніе къ ней), т. е. двухстопный ямбъ. В. Брюсовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома.

93.* КЪ ПИСЬМУ.

Это четверостишіе сохранилось только въ писарской копіи принадлежащей Моск. Публ. Музею (№ 2395) Автографа Пушкина нѣтъ. Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX), а къ 1816 году отнесено Ефремовымъ (въ изданіи 1880 года). Всѣ позднѣйшіе издатели принимаютъ такую датировку, хотя ничѣмъ ее не мотивируютъ. Такъ какъ она по общему элегическому тону подходитъ къ циклу стихотвореній, вызванныхъ любовью къ Бакунинной, то, можетъ быть, эта датировка и правильна.

94. УНЫНІЕ (ЖЕЛАНІЕ).

Рукопись этого стихотворенія (принадл. Моск. Публ. Музею, № 2364, л. 14)—неизвѣстной руки. Пушкинъ помѣтилъ на ней: «1816» и «перен.», зачеркнулъ заглавіе и написалъ: «Уныніе», и сдѣлалъ небольшія поправки. (См. въ концѣ тома).

Подъ заглавіемъ «Желаніе» стихотвореніе появилось въ альманахѣ «Памятникъ отечественныхъ музъ» на 1827 годъ, съ полной подписью, но, повидимому (см. примѣч. къ «Роману» и «Фавну и Пастушкѣ») безъ дозволенія Пушкина: издатель Б. М. Федоровъ дѣлаетъ примѣчаніе, что стихи «были изъ первыхъ опытовъ очаровательной музы» Пушкина. Стихи были перепечатаны только въ посмертномъ изданіи (т. IX) подъ заглавіемъ «Желаніе»; въ изданіи Анненкова (т. II, стр. 129) стихотво-

Забуду ли то время золотое,
Забуду ли блаженный нѣги часъ,
Когда, въ углу подъ вечеръ притаясь,
Я призывалъ и ждалъ тебя въ покоѣ?
Я самъ не радъ болтливости своей:
Но дѣтскихъ лѣтъ люблю воспоминанье.
Ахъ! умолчу ль о мамушкѣ моей,
О прелести таинственныхъ ночей,
Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
Она духовъ молитвой уклоня,
Съ усердіемъ перекреститъ меня,
И шопотомъ разсказывать мнѣ станетъ
О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
Отъ ужаса не шелохнусь, бывало:
Едва дыша прижмусь подъ одѣяло,
Не чувствуя ни ногъ, ни головы,
Подъ образомъ простой почникъ, изъ глины,
Чуть освѣщалъ глубокія морщины,
Драгой антикъ, прабабушкинъ чепецъ,
И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало—
Все въ душу страхъ невольный поселяло:
Я трепеталъ, и тихо наконецъ
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой, съ лазурной высоты,
На ложе розъ крылатыя мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сонъ обворожали;
Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ:
Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,
Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней—
И въ вымыслахъ носился юный умъ.
Но вы прошли, о ночи безмятежны!
И юности ужъ возрастъ наступилъ.
О дайте мнѣ Альбана кисти нѣжны,
И я мечту младой любви вкусилъ.
И гдѣ жъ она? восторгами родилась,
И въ тотъ же мигъ восторгомъ истребилась.
Проснулся я; ищу на небѣ день:
Но все молчитъ; луна во тьмѣ сокрылась,
И вкругъ меня глубокой ночи тѣнь.
По сонъ мой тихъ: безпечный сынъ Парнаса,
Въ ночной тиши я съ рифмою не бьюсь,
Не вижу вѣкъ ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый дворъ какихъ-то старыхъ Музъ.
Я не герой, но лаврамъ не тоскую;
Спокойствіемъ и нѣгой не торгую,
Не чудится мнѣ ночью грозный бой:
Я не богачъ, и лаемъ нѣтъ привратной
Не возмущалъ мечты моей пріятной:
Я не злодѣй, съ волненьемъ и тоской
Не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній,
Убійственныхъ дѣтей предразсужденій,
И въ поздній часъ ужасный, блѣдный Страхъ
Не хмурится угрюмо въ-головахъ.

реніе тоже озаглавлено «Желаніе» и его примѣру слѣдуютъ Ефремовъ и Майковъ. Только П. О. Морозовъ печатаетъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Уныніе», оставаясь вѣрнымъ поправкѣ Пушкина, которая усвоена и настоящимъ изданіемъ.

Начиная съ сороковыхъ годовъ, критика обращала вниманіе на это стихотвореніе. «Въ слѣдующей маленькой элегіи, говоритъ Бѣлинскій (въ статьѣ 1844 г.), уже виденъ будущій Пушкинъ—не ученикъ, не подражатель, а самостоятельный поэтъ...»—и цитируетъ «Желаніе». Анненковъ въ своемъ изданіи открываетъ имъ рядъ мечтательныхъ элегій (числомъ 10) и дѣлаетъ примѣчаніе: «Можетъ быть, именно эта цѣпь элегій и возбудила въ одномъ изъ товарищей и друзей Пушкина сильныя нападки на элегическую его настроенность и выговоры за нихъ (см. Мнемозину 1824 года). Намъ они кажутся, наоборотъ, первыми попытками къ выходу изъ французскаго анакреонтическаго направленія. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи первыя пять элегій» («Желаніе», «Осеннее утро», «Счастливъ, кто въ страсти», «Окно», «Мѣсяцъ»)».

Стояновичъ («Историч. Сочиненія», ч. II, Пушкинъ, стр. 40), разсказывая о юношеской любви Пушкина, говоритъ: «нашъ поэтъ переродился: новыя струны зазвучали въ его сердцѣ. Но онъ назвалъ свою любовь несчастливой, и во всѣхъ поэтическихъ его мечтаніяхъ слышится голосъ грусти и унынія. Правда, и въ прежнихъ стихотвореніяхъ Пушкина иногда на мгновеніе прорывается грустное чувство, которое Бѣлинскій назвалъ единственнымъ Пушкинскимъ элементомъ за это время, тогда какъ во всемъ прочемъ онъ видитъ одно подражаніе; но преобладающимъ чувствомъ оно явилось въ стихахъ, навѣянныхъ ему романтическою его любовью; нѣкоторые изъ нихъ могутъ назваться прекрасными по теплотѣ чувства, по выработанному и точному стиху и по оригинальности выраженій (цитируетъ «Желаніе»)».

Поливановъ (Пушкинъ, т. I, изд. 2-ое 1893 г., стр. 43), повторивъ отзывы Бѣлинскаго и Анненкова, прибавляетъ: «Чувство юношеской любви, выраженное въ посланіи къ кн. Горчакову, нашло не менѣе поэтическое выраженіе и въ этомъ стихотвореніи... «Желаніе» замѣчательно и по формѣ. Здѣсь съ полной ясностью выступаетъ то движеніе Пушкинскаго стиха, при которомъ логическія ударенія и паузы совпадаютъ съ діэрезою стиховъ, что́ придаетъ стиху Пушкина ту свободу и выразительность, которой не всегда достигаютъ поэты поры послѣ-пушкинской».

Съ этими критиками не согласенъ Майковъ: «Не отрицая справедливости этихъ сужденій,—говоритъ онъ,—въ особенности относительно внѣшней формы стихотворенія, должно, однако, замѣтить, что высокая оцѣнка послѣдняго со стороны критики оказывается въ противорѣчіи съ мнѣніемъ о немъ самого автора. Пушкинъ не включилъ «Желанія» въ первый сборникъ своихъ лирическихъ піесъ (1826 года), а послѣ появленія его въ альманахѣ въ 1827 году не помѣстилъ и во второмъ своемъ сборникѣ (1829—1835 годовъ); очевидно, стихотвореніе не удовлетворяло его, и притомъ не своею внѣшнею формой (какъ указано выше, въ рукописи мало стилистическихъ поправокъ), а своимъ содержаніемъ, или, точнѣе говоря, несоотвѣтствіемъ своего выраженія съ душевнымъ настроеніемъ поэта. Искренность высказаннаго имъ чувства не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію; о юношескомъ увлеченіи Пушкина мы знаемъ и помимо этихъ стиховъ,—но все же строки, подобныя слѣдующимъ:

Я слезы лью—мнѣ слезы утѣшенье...
Мнѣ дорого любви моей мученье,
Пускай умру, но пусть умру любя!

Такія строки слишкомъ отзываются сентиментальною искусственностью. Кстати замѣтить, послѣдняя строка почти буквально повторяетъ стихъ Карамзина (изъ піесы «Отставка»):

Люблю, люблю... умру любя!

Но даже у чувствительнаго автора «Бѣдной Лизы» это—не цѣлніе потрясеннаго сердца, а просто слова, сказанныя въ шутку. Юный поэтъ-лицеистъ подражалъ имъ слишкомъ наивно,—и понятно, что созрѣвшій Пушкинъ не могъ добровольно допустить ихъ въ печати».

Съ замѣчаніемъ Майкова о «сентиментальной искусственности» согласиться трудно: стихотвореніе написано удивительно просто. Но, можетъ быть, самъ Пушкинъ, какъ «взыскательный художникъ», дѣйствительно, не былъ доволенъ имъ: есть разногласіе между послѣдними отрывочными строками и первой строфой, гдѣ торжественныя слова повторяются однозвучно: «медлительно... мои... мигъ... множитъ: тяжкое... тревожитъ». Александръ Блокъ.

87. ЛЮБОВЬ ОДНА ВЕСЕЛЬЕ ЖИЗНИ ХЛАДНОЙ.

Любовь одна веселье жизни хладной!
Любовь одна мученіе сердецъ!
Она даритъ одинъ лишь мигъ отрадный,
А горестямъ не видѣтъ и конецъ.
Стократъ блаженъ, кто въ юности прелестной
Сей быстрый мигъ поймаетъ на лету:
Кто къ радостямъ и нѣгѣ неизвѣстной
Стыдливую преклонитъ красоту!
Но кто любви не жертвовалъ собою?
Вы, чувствами свободные, пѣвцы!
Предъ милыми смирялись вы душою,
Вы пѣли страсть—и гордою рукою
Красавицамъ несли свои вѣнцы.
Слѣпой Амуръ, жестокій и пристрастный,
Вамъ терній и мирты раздавалъ;
Съ Пермесскими царицами согласный,
Инымъ изъ васъ на радость указалъ;
Другихъ на-вѣкъ печалями связалъ,
И въ даръ послалъ огонь любви несчастной.
Наслѣдники Тибулла и Парни!
Вы знаете безцѣнной жизни сладость;
Какъ утра лучь, сіяютъ ваши дни.
Пѣвцы любви! младую пойте радость.
Склонивъ уста къ пылающимъ устамъ,
Въ объятіяхъ любовницъ умирайте;
Стихи любви, тихонько воздыхайте!...
Завидовать уже не смѣю вамъ.
Пѣвцы любви! вы вѣдали печали
И ваши дни по терніямъ текли:
Вы свой конецъ съ волненьемъ призывали:
Пришелъ конецъ, и въ жизненной дали
Не зрѣли вы минутную забаву;
Но, не нашедъ блаженства вашихъ дней,
Вы встрѣтили по крайней мѣрѣ славу—
И мукою безсмертны вы своей!
Не тотъ удѣлъ судьбою мнѣ назначенъ:
Подъ сумрачнымъ навѣсомъ облаковъ,
Въ глуши долинъ, въ печальной тмѣ лѣсовъ,
Одинъ, одинъ брожу унылъ и мраченъ.
Въ вечерній часъ, надъ озеромъ сѣдымъ,
Въ тоскѣ, слезахъ, нерѣдко я стенаю;
По ропотъ волнъ стенаніямъ моимъ
И шумъ дубравъ въ отвѣтъ лишь я внимаю.
Прервется ли души холодный сонъ,
Поэзіи зажжется ль упоенье,—
Родится жаръ, и тихо стынетъ онъ:
Безплодное проходитъ вдохновенье.
Пускай она прославится другимъ:
Одинъ люблю—онъ любитъ и любимъ!...
Люблю, люблю!... но къ ней ужъ не коснется
Страдальца гласъ: она не улыбнется
Его стихамъ небрежнымъ и простымъ.
Къ чему мнѣ пѣть? подъ кленомъ полевымъ
Оставилъ я пустынному зефиру
Ужъ навсегда покинутую лиру—
И слабый даръ, какъ легкій скрылся дымъ.

95. НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

«Надпись» извѣстна въ автографѣ Пушкина, находящемся въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 13), съ позднѣйшей помѣтою поэта: «надо», и въ двухъ старыхъ копіяхъ: одна—на отдѣльномъ листкѣ изъ собранной А. Д. Илличевскимъ «Лицейской антологіи», другая—въ тетради Ѳ. Ѳ. Матюшкина (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 246). Впервые пьеса напечатана въ анненковскомъ изданіи (т. VII, стр. 81), а къ 1816 году отнесена П. А. Ефремовымъ (изд. 1880 г., т. I, стр. 167—168); датировка эта, конечно, далеко не точна, но можетъ быть принята приблизительно, такъ какъ около 1816 г. Илличевскій составилъ свой сборникъ. Воспроизводимъ «Надпись» съ автографа поэта.

Ощущеніе счастья, высокій душевный подъемъ какъ бы освобождаетъ человѣка изъ-подъ могучей власти времени, и съ устъ счастливца срываются страстныя слова: «Остановись, мгновенье! Ты такъ прекрасно...» Этотъ вѣковѣчный мотивъ часто слышится въ поэзіи. «Если бъ Зевсова десница мнѣ вручила ночь и день»,—говоритъ Батюшковъ («Ложный страхъ»), — «поздно бъ юная денница прогнала черну тѣнь... долго бъ тѣни пролежали влажной ночи на полях, долго бъ смертные вкушали сладострастіе къ мечтахъ»... Еще страстнѣе, еще восторженнѣе выражено это чувство Полонскимъ въ его дивномъ стихотвореніи «Пришли и стали тѣни ночи...»:

Помедли, ночь, густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови....

Н. Лернеръ.

96. КЪ НЕЙ.

Стихотвореніе сохранилось въ четырехъ рукописяхъ, изъ которыхъ только одна принадлежитъ Пушкину (листокъ изъ сборника А. Д. Илличевскаго «Лицейская антологія»—въ тетради Я. К. Грота). Это—первоначальная редакція съ нѣкоторыми варіантами, о которыхъ см. въ концѣ тома.

Въ трехъ другихъ рукописяхъ неизвѣстной руки (двѣ принадлежатъ Моск. Публ. Музею, а третья—въ «Духѣ лицейскихъ трубадуровъ» Т. В. Сѣмечкиной)—большее или меньшее число варіантовъ.

Пушкинъ отдалъ стихотвореніе въ «Сѣверный Наблюдатель» 1817 г., издававшійся братомъ его лицейскаго товарища П. А. Корсаковымъ (см. стр. 168), а затѣмъ не перепечатывалъ, такъ что оно появилось только въ посмертномъ изданіи (т. IX).

Поправки, совершенно вѣрныя; напримѣръ, слово «восторгъ» перенесено изъ 13-го стиха въ 10-ый: очевидно на этомъ, дѣйствительно любимомъ своемъ словѣ Пушкинъ стоялъ, но не хотѣлъ повторять его дважды.

Изъ перваго изданія лирическихъ стиховъ своихъ Пушкинъ это стихотвореніе исключилъ. Плетневъ (Сочиненія, т. III) отнесъ его къ 1817 году, соображаясь, повидимому, съ «Сѣвернымъ Наблюдателемъ»: но Анненковъ помѣтилъ его подъ 1816 годомъ, и его примѣру слѣдуютъ позднѣйшіе комментаторы, справедливо относя стихотвореніе къ Е. Н. Бакунинской. Это одинъ изъ многочисленныхъ отзвуковъ первой серьезной любви Пушкина (см. стр. 284).

Майковъ находитъ въ стихотвореніи «Къ ней» «несоотвѣтствіе поэтическаго склада съ вызвавшимъ его душевнымъ настроеніемъ автора».

«Между тѣмъ какъ въ «Желаніи» проявляется, можетъ быть, помимо воли автора сентиментальность, въ стихотвореніи «Къ ней» Пушкинъ нѣсколько неожиданно возвращается къ сладострастнымъ картинамъ, которыми, въ подражаніе французскимъ образцамъ, онъ наполнилъ свои ранніе произведенія. Ни проявленія сентиментализма, ни изображеніе чувственныхъ страстей не могли служить отзвукомъ той мечтательной любви, которую онъ испыталъ

Съ осьмнадцатой весной...

Очевидно, молодой поэтъ еще не успѣлъ найти вѣрнаго тона для выраженія своего чувства, и когда впослѣдствіи онъ вполнѣ овладѣлъ этою способностью, ему показалось невозможнымъ помѣстить такую нескладную піесу, какъ посланіе «Къ ней», въ сборникѣ своихъ стихотвореній».

«Сладострастныя картины», конечно, могли «служить отзвукомъ мечтательной любви» Пушкина, точно такъ же, какъ «проявленія сентиментализма» въ лицейскую эпоху. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ согласиться, что стихотвореніе «Къ ней» не

88. ОКНО.

Гдѣ міръ одной мечтѣ послушной?
Мнѣ настоящій опустѣлъ!
На все взираю равнодушно
Дышать упиньемъ—мой удѣлъ,
Напрасно летнею порою
Любовникъ рощицъ и луговъ
Колышетъ розой полевою
Летя съ тѣнистыхъ береговъ.

Напрасно поздняя зарница
Мерцаетъ въ темнотѣ ночной
Иль въ зыбкихъ облакахъ денница
Разлита пламенной рѣкой,
Иль день багряный вечерѣетъ
И тихо тускнетъ неба сводъ
И кленъ на мѣсяцѣ бѣлѣетъ
Склонясь на берегъ синихъ водъ.

Вчера вечерней темнотою,
Когда пустынная луна
Текла туманною стезею—
Я видѣлъ, дѣва у окна
Одна задумчиво сидѣла,
Дышала въ тайномъ страхѣ грудь—
Съ волненьемъ дѣвица глядѣла
На темной подъ холмами путь.

«Я здѣсь!» шепнули торопливо,
И дѣва трепетной рукой
Окно открыла боязливо...
Одѣлся мѣсяцъ темнотой.
Щастливецъ молвилъ я съ тоскою
Тебя веселье ждетъ одно!
Когда жъ вечернею порою
И мнѣ откроется окно.

принадлежитъ къ лучшимъ стихотвореніямъ этой поры, и «изыскательный художникъ», откидывая его, былъ правъ.

Александръ Блокъ.

97. МѢСЯЦЪ.

Любовь Пушкина къ Е. П. Бакуниной обыкновенно считаютъ безотвѣтной, нераздѣленной. Но въ его стихахъ есть прямыя свидѣтельства объ одной или даже нѣсколькихъ встрѣчахъ съ ней наединѣ, которыя онъ опредѣляетъ словами «радость», «счастье». О такой встрѣчѣ вспоминаетъ и стихотвореніе «Мѣсяцъ». Пушкинъ всегда относился къ своему творчеству со строгой честностью, никогда сознательно не лгалъ въ стихахъ, и, позволяя себѣ измѣнять обстановку событія, никогда не выдумывалъ чувства. Поэтому мы должны съ безусловной довѣрчивостью отнестись къ показанію такихъ стихотвореній, какъ «Мѣсяцъ», «Надпись къ бесѣдкѣ», «Разлука». Мы вправѣ думать, что Бакунина не пренебрегала окончательно любовью юнаго поэта и назначила ему, хотя бы разъ, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Царскаго Села, уединенное свиданіе, вечеромъ или ночью, въ саду, въ бесѣдкѣ. Вспоминая нравы Лицея, не приходится удивляться возможности такого свиданія для лицеиста (можетъ быть, во время одного изъ лицейскихъ баловъ?!). Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что встрѣча эта была лишена всякой страстной окраски, и самъ Пушкинъ противополагалъ испытанное имъ счастье—«восторгамъ сладострастья»:

Что вы, восторги сладострастья,
Предъ тайной прелестью отрадъ
Прямой любви, прямого счастья!
Примчатся ль радости назадъ?

Судя по первымъ стихамъ, стихотвореніе написано ночью, въ постели, какъ, впрочемъ, многіе стихи Пушкина. «Сквозь окна» (ст. 3) довольно обычное въ старину сочетаніе предлога «сквозь» съ родит. (ср. у Тютчева «сквозь слезъ глажу»), хотя далѣе (ст. 15) «сквозь темный завѣсъ»—съ винит. «Гордый разумъ» (ст. 8)—см. примѣчанія къ стихотворенію «Друзьямъ». «Любовницы» (ст. 17) въ старинномъ смыслѣ: «той, которую любятъ», въ 1825 г. исправлено Пушкинымъ на «возлюбленной». «Мѣсяцъ укатился» (ст. 22)—то же выраженіе, что въ стихотвореніи 1812 г. «Нѣсня»—«Безмолвно мѣсяцъ покатился». О текстѣ см. въ концѣ тома.

Валерій Брюсовъ.

98. РАЗЛУКА (УНЫНІЕ).

Это стихотвореніе дошло до насъ въ двухъ старыхъ копіяхъ. Одна изъ нихъ, подъ заглавіемъ: «Разлука», съ датой «1816» и съ множествомъ авторскихъ поправокъ, находится въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 32); другая, безъ заглавія,—въ тетради того же музея № 2395. Пьеса была напечатана въ первый разъ въ посмертномъ изданіи произведеній поэта (т. IX, стр. 325—326) безъ всякаго заглавія; затѣмъ П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи (т. II, стр. 137—139) напечаталъ ее въ первой редакціи подъ заглавіемъ: «Разлука» и въ исправленной—подъ заглавіемъ: «Уныніе». Пушкинъ первоначально предназначалъ пьесу для своего собранія 1826 года, но затѣмъ вычеркнулъ ее изъ приготовленнаго П. А. Плетневымъ для этого изданія списка, гдѣ она датирована тоже 1816 годомъ (см. «Переписку Пушкина», ред. В. И. Саитова, изд. Имп. Акад. Наукъ, т. с., Спб., 1906 г., стр. 293). П. В. Анненковымъ пьеса была напечатана, по его показанію (т. II, стр. 154), съ той самой «тетради, съ которой печатались стихотворенія Пушкина 1826 года, и, несмотря на новый видъ, ей данный, она еще зачеркнута тамъ рукою поэта». Мы даемъ сообщенный Анненковымъ текстъ исправленной и сокращенной поэтомъ редакціи, а въ концѣ тома даемъ первоначальную редакцію, довольно далеко отстоящую отъ исправленной тамъ-же см. нѣкоторые мелкіе варіанты. Сличеніе обѣихъ редакцій, какъ вѣрно замѣтилъ Анненковъ, «и любопытно, и поучительно»; оно указываетъ на ту строгость, съ которой относился къ себѣ Пушкинъ, сократившій пьесу почти въ два съ половиной раза, выбросившій изъ нея такія преувеличенно-патетическія выраженія тоски, какъ:

Въ слезахъ надъ бездной я проснулся,

или:

Раздѣляющій снизу между друзьями,
Невнятенъ мнѣ ихъ шумный разговоръ;
Гляжу на нихъ недвижными глазами,
Не узнаетъ ужъ ихъ мой хладный взоръ.

Профессоръ П. В. Владимировъ («Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра», Кіевъ, 1899 г., отд. I, стр. 13) въ своей статьѣ: «А. С. Пушкинъ

89. НАСЛАЖДЕНІЕ.

Въ неволѣ скучной увядаетъ
Едва развитый жизни цвѣтъ
Украдкой младость отлетаетъ,
И слѣдъ ея—печали слѣдъ.
Съ минутъ безчувственныхъ рожденья
До нѣжныхъ юношества лѣтъ
Я все не знаю наслажденья,
И щастья въ томномъ сердцѣ нѣтъ.

Съ порога жизни въ отдаленье
Нетерпѣливо я смотрѣлъ:
«Тамъ, тамъ, мечталъ я, наслажденье».
Но я за призракомъ летѣлъ.
Златыя крылья развивая,
Волшебной, нѣжной красотой
Любовь явилась молодая
И полетѣла предо мной.

Я вслѣдъ... но цѣли отдаленной,
Но цѣли милой не достигъ!...
Когда жъ веселымъ окрыленной,
Настанетъ щастья быстрой мигъ?
Когда въ сіянья возгорится
Свѣтильникъ тусклый юныхъ дней,
И мрачной путь мой озарится
Улыбкой спутницы моей?

Рисунокъ Эйзена.

90. ТВОЙ И МОЙ.

Богъ вѣсть за что философы, ницы
На *твой* и *мой* давнымъ давно сердиты.
Не спорю я съ ученой ихъ толпой,
Но потакать и вѣрить имъ не смѣю.
Что ежели бъ ты не была *моею?*
Что ежели бъ я не былъ Ниса *твой?*

и его предшественники въ русской литературѣ» находитъ, что Пушкинъ «повторилъ» въ началѣ своей элегіи стихи изъ «Причудницы» И. И. Дмитріева:

Я жизнь мою во скукѣ трачу:
Настанетъ день, тоскую, плачу;
Покроетъ ночь, опять грущу,
И все чего-то я ищу.

Любовная тоска—столь нерѣдкій въ лирикѣ мотивъ, что примѣровъ, подобныхъ указанному проф Владимировымъ, можно подобрать очень много, и сходство въ выраженіяхъ тутъ не свидѣтельствуетъ не только о заимствованіи, но даже о простой безсознательной и невольной реминисценціи. Пушкинъ умѣлъ выражать чувство достаточно ярко и вѣрно и не нуждался ни въ какихъ заимствованіяхъ. Въ данномъ случаѣ, если вѣрить преданію, что элегія вызвана отъѣздомъ Е. Н. Бакуниной изъ Царскаго Села, особенно понятна искренность этого изліянія. Обращеніе къ сочувствію «задумчивыхъ дѣвъ», которымъ заканчивается пьеса, вполнѣ въ духѣ тогдашней поэзіи, въ которой еще не замерли отголоски недавняго сентиментальнаго направленія. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ писалъ въ посвященіи «Руслана и Людмилы»:

Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На нѣсни грѣшныя мои.

Н. Лернеръ.

99. ПѢВЕЦЪ.

Пьеса извѣстна въ трехъ старыхъ спискахъ: одна находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 6) и носитъ дату: «1816» и авторскую помѣту: «перен.»; другая—въ сборникѣ «Двухъ лицейскихъ трубадуровъ»; третья—въ принадлежащей К. Я. Гроту тетради О. О. Матюшкина (см. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 246). Двѣ послѣднія копіи даютъ одинъ и тотъ же первоначальный текстъ; первая содержитъ нѣсколько поправокъ. Впервые помѣщенная въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817 г., ч. I, стр. 14, пьеса напечатана въ окончательно исправленномъ видѣ въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг.; въ такой же редакціи идетъ «Пѣвца» и настоящее изданіе.

Печальнымъ настроеніемъ «Пѣвца» проникнутъ цѣлый рядъ стихотвореній 1816, «Бакунинскаго» года: «Паѣздники», «Встрѣчаюсь я съ осьмнадцатой весною...», «Медлительно влекутся дни мои...», «Уныніе», «Подражаніе», «Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ...», «Опять я вашъ, о юные друзья»... и др. Указываемое Л. Н. Майковымъ (2-ое акад. изд. I т., прм., стр. 308) сходство «Пѣвца» съ «Послѣдней весной» Батюшкова слишкомъ отдаленно, и элегія Пушкина, пропитанная чувствомъ, которое тогда всецѣло заполняло сердце поэта, вполнѣ самостоятельна. Образцомъ для формы пьесы могла послужить первая строфа «Пѣвца» Жуковскаго. Бѣлинскій отнесъ элегію Пушкина къ «переходнымъ» пьесамъ, въ которыхъ «виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ, еще ученикъ предшествовавшихъ ему мастеровъ, хотя часто и побѣждающій своихъ учителей, поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный... обѣщающій Пушкина, но еще не Пушкинъ». А. В. Дружининъ («А. С. Пушкинъ и послѣднее изданіе его сочиненій»—«Библіотека для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 56) находитъ, что въ «Пѣвцѣ» «слабость содержанія выкупается гармоніей стиха, какъ, напримѣръ, притворность модной пѣсенки выкупается ея обворожительной музыкой». Недаромъ «Пѣвецъ» всегда привлекалъ вниманіе композиторовъ. Въ статьѣ С. К. Булича «Пушкинъ и русская музыка» («Памяти А. С. Пушкина. Сборникъ статей преподавателей и слушателей историко-филологическаго факультета Имп. Спб. университ.». Спб., 1900 г., стр. 93—94) указаны пятнадцать музыкальныхъ интерпретацій «Пѣвца»—между прочимъ, П. Титова, А. Н. Верстовскаго, П. И. Чайковскаго, А. Г. Рубинштейна.

Н. Лернеръ.

100. ЭЛЕГІЯ (Я ВИДѢЛЪ СМЕРТЬ... ОНА СИДѢЛА...).

Это стихотвореніе извѣстно въ двухъ спискахъ руки Пушкина: на одномъ (принадл. Моск. Публ. Музею, № 2364, лл. 40 об. и 41) поэтъ помѣтилъ: «1816» и сдѣлалъ много помарокъ и поправокъ; другой—безъ двухъ послѣднихъ стиховъ въ тетради, принадлежавшей графу Н. Н. Каннисту; двѣ копіи были въ рукахъ у Е. Н. Якушкина и одна у П. В. Анненкова—въ рукописи, которая была приготовлена для изданія стиховъ Пушкина

91. КЪ МОРФЕЮ.

орфей, до утра дай отраду
Моей мучительной любви!
Приди, задуй мою лампаду,
Мои мечты благослови;
Сокрой отъ памяти унылой
Разлуки страшный приговоръ!
Пускай увижу милый взоръ,
Пускай услышу голосъ милой.
Когда жъ умчится почи мгла
И сонъ мои покинетъ очи,
О, если бы душа могла
Забыть любовь до нояой почи!

92. ПРОБУЖДЕНІЕ.

Мечты, мечты,
Гдѣ ваша сладость?
Гдѣ ты, гдѣ ты,
Ночная радость?
Исчезнулъ онъ,
Веселый сонъ,
И одинокой
Во тмѣ глубокой
Я пробуждёнъ...

Кругомъ постели
Нѣмая ночь.
Вмигъ охладѣли,
Вмигъ улетѣли
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловитъ сна

Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мнѣ вновь
Свои видѣнья,
И поутру,
Вновь упоенный,
Пускай умру
Не пробужденный.

93. КЪ ПИСЬМУ.

ъ немъ радости мои; когда померкну я,

Пускай оно груди безчувственной коснется:

Быть можетъ, милые друзья,

Быть можетъ, сердце вновь забьется.

94. УНЫНІЕ (ЖЕЛАНІЕ).

Медлительно влекутся дни мои,
И каждый мигъ въ увядшемъ сердцѣ множитъ
Всѣ горести печастливой любви
И тяжкое безуміе тревожитъ.
Но я молчу; не слышенъ рощотъ мой;
Я слезы лью; мнѣ слезы утѣшенье:

Моя душа, объятая тоской
Въ нихъ горькое находитъ наслажденье.
О, жизни сонъ! лети, не жаль тебя,
Исчезни въ тьмѣ, пустое привидѣнье:
Мнѣ дорого любви моей мученье
Пускай умру, но пусть умру—любя!

1826 года (здѣсь стихотвореніе зачеркнуто). Впервые опубликовывая элегію (т. II, стр. 139), Анненковъ дѣлаетъ къ ней примѣчаніе (на стр. 154): «это неизданное стихотвореніе съ загадочнымъ оглавленіемъ «Подражаніе», найдено также въ тетради стихотвореній Пушкина, приготовленной для изданія 1826 года, а также зачеркнуто въ ней самимъ авторомъ, но въ рукописяхъ его оно носитъ заглавіе: Элегія и имѣетъ еще 14 окончательныхъ стиховъ, которые напоминаютъ отчасти пьесу Парни: Oui, sans regret du flambeau de mes jours etc. Этой пьесой кончаются Элегіи Пушкина 1816 г., въ которыхъ, несмотря на подражаніе элегіямъ Батюшкова, слышится уже присутствіе самобытнаго таланта».

Окончательная редакція стихотворенія находится въ рукописи графа Каннисга и въ рукописи 1826 года, откуда вошла въ изданіе Анненкова. Остальныя рукописи заключаютъ въ себѣ первую редакцію (она опубликована Евг. Якушкинымъ въ «Библіографическихъ Записках» 1858 года).

Гаевскій («Современникъ» 1863, т. XCVII, стр. 173) не считаетъ возможнымъ согласиться съ Анненковымъ въ томъ, что Пушкинъ въ своей элегіи подражаетъ Парни: «конецъ этого стихотворенія, намъ неизвѣстенъ, но напечатанный отрывокъ не имѣетъ никакого отношенія къ элегіи». Тѣмъ не менѣе, Майковъ присоединяется къ мнѣнію Анненкова и сопоставляетъ первоначальную редакцію «Элегіи» Пушкина со слѣдующей Élégie Парни:

Oui, sans regret, du flambeau de mes jours
Je vois déjà la lumière éclipsée.
Tu vas bientôt sortir de ma pensée,
Cruel objet des plus tendres amours!
Ce triste espoir fait mon unique joie.
Soins importuns, ne me retenez pas.
Éléonore a juré mon trépas;
Je vens aller où sa rigeur m'envoie
Dans cet asile ouvert à tout mortel,
Où du malheur on dépose la chaine,
Où l'on s'endort d'un sommeil éternel;
Où tout finit, et l'amour, et la haine.
Tu gémiras, trop sensible Amitié!
De mes chagrins conserve au moins l'histoir :
Et que mon nom sur la terre oublié
Vienne parfois s'offrir à ta mémoire.
Peut-être alors tu gémiras aussi,
Et tes regards se tourneront encore
Sur ma demeure, ingrate Eleonore,
Premier objet que mon coeur a choisi.
Trop tard, helas! tu repandra des larmes.
Oui, tes beaux yeux se rempliront de pleurs:
Je te connais: et, malgré tes rigeurs,
Dans mon amour tu trouves quelque charmes.
Lorsque la Mort, favorable à mes voeux,
De mes instants aura coupé la trame;
Lorsque un tombeau triste et silencieux
Renfermera ma douleur et ma flamme,
O mes amis! vous que j'aurai perdus,
Allez trouver cette beauté cruelle,
Et dites-lui: «C'en est fait; il n'est plus».
Puissent les pleurs, que j'ai versés pour elle
M'être rendus!... Mais non: dieu des Amours,
Je lui pardonne; ajoutez à ses jours
Les jours heureux que m'ôta l'infidèle.

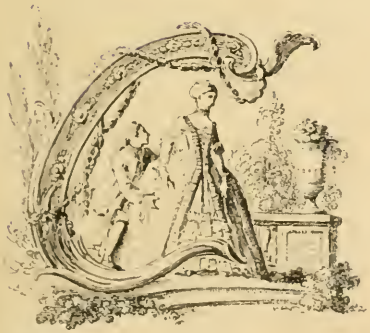
«Разумѣется, въ данномъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи о переводѣ,—говоритъ Майковъ,—но употребленное Пушкинымъ слово «Подражаніе» примѣняется здѣсь очень кстати: всѣ изображенные у Парни переливы душевнаго настроенія, то-есть предчувствіе скораго конца, исполненное грусти обращеніе къ друзьямъ и страстное воспоминаніе о коварной возлюбленной, все это нашло себѣ мѣсто и въ элегіи Пушкина, при чемъ иногда повторены подлинныя выраженія французскаго поэта». «Мотивомъ собственнаго измышленія» Майковъ находитъ «прощаніе съ внѣшнимъ міромъ, съ природой», къ которой Парни и французы XVIII вѣка были равнодушны. Въ окончательной редакціи заимствованія, по мнѣнію Майкова, смягчены, но оригинальность нанесла ущербъ цѣльности.

А. П. Неведеновъ («Пушкинъ въ своей поэзіи», стр. 35) говоритъ: «въ стихотвореніи 1816 года «Подражаніе»—прощаніе поэта съ любимой имъ природой прямо скопировано съ прощанія Іоанны д'Аркъ съ родными холмами и полями въ переведенной Жуковскимъ драмѣ Шиллера». Опровергая это мнѣніе, Майковъ указываетъ, что Жуковскій началъ переводъ «Орлеанской дѣвы» не ранѣе конца 1817 года, а въ подлинникѣ Пушкинъ едва-ли читалъ тогда эту драму. «Было бы умѣстнѣе, говоритъ Майковъ, вспомнить монологъ Отелло въ 3-й сценѣ III-го акта Шекспировой трагедіи, но, неизвѣстно, былъ ли Пушкинъ хоть сколько-нибудь знакомъ съ Шекспиромъ въ это время». Остается задать вопросъ: почему Пушкинъ самъ не могъ написать лирическое прощаніе съ природой, а непремѣнно долженъ былъ заимствовать его изъ Шекспира или Шиллера?

Александръ Блокъ.

БЕСѢДКА ВЪ ЦАРСКОСЕЛЬСКОМЪ ПАРКѢ.

Рисунокъ лицеиста Лангера (Спб. 1820).



95. НАДПИСЬ КЪ БЕСѢДКѢ.

Съ благоговѣйною душой
Приближься путникъ молодой
Любви къ пустынному пріюту.
Здѣсь ею счастливъ былъ я разъ,
Въ восторгѣ сладостномъ погасъ.
И время самое для насъ
Остановилось на минуту.

---

101. ЭЛЕГІЯ (СЧАСТЛИВЪ, КТО ВЪ СТРАСТИ САМЪ СЕБѢ).

Стихотвореніе принадлежитъ къ ряду элегій Пушкина, вызванныхъ разлукой (зимой 1816—17 г.) съ Е. Н. Бакуниной (см. стр. 284). Въ первоначальной редакціи стихотворенія «Мѣсяцъ» юнопа-Пушкинъ противополагалъ «утѣхамъ сладострастья»—«отрады прямой любви». Но это было минутнымъ порывомъ, не соотвѣтствующимъ его страстному характеру, и страстныя картины очень скоро стали вновь появляться въ его элегіяхъ. Въ настоящемъ стихотвореніи (какъ и въ элегіяхъ «Къ ней» и «Окно») онъ—себѣ, своей несчастной любви, противополагаетъ счастливаго любовника, котораго лучъ луны «ведетъ къ полночи сладострастной». Въ элегіи много источныхъ эпитетовъ и фигуральныхъ выраженій вмѣсто истинныхъ образовъ: «надежда, лелѣющая *въ* невѣдомой судьбѣ», «туманный (т. е. неопредѣленный) лучъ луны», «ранній цвѣтъ надежды», «сохнущій цвѣтъ жизни», «угрозы старости»... Эти недостатки, вѣроятно, и были причиной, почему Пушкинъ не напечаталъ стихотворенія при своей жизни.

В. Брюсовъ.

О текстѣ см. въ концѣ тома.

102. ОСЕННЕЕ УТРО.

Извѣстны двѣ рукописи этого стихотворенія, принадлежащія Моск. Публ. Музею, (въ тетрадяхъ 2364 и 2395). На первой помѣта Пушкина «1816» и поправки, другая—писарская копія. Напечатано впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX), а поправки по первой рукописи даны только изданіемъ литературнаго фонда.

Изъ исправленій (см. въ концѣ тома) видно, что Пушкинъ исключилъ неловкія выраженія и шероховатости стиха. Заботясь объ единствѣ картины, онъ замѣнилъ «волны охладѣлыя» «пивами пожелтѣлыми», но зато, въ ущербъ конкретности, написалъ «мертвый листъ» вмѣсто «желтый листъ», повидимому, только для того, чтобы не повторялось слово «желтый» въ двухъ стихахъ, стоящихъ рядомъ. Отмѣтимъ еще замѣну архаическаго родительнаго падежа (вмѣсто: «безпечныя забавы» — «младенческой забавы», или «моей тоски, забавы»). Во всякомъ случаѣ, видно, что Пушкинъ не придавалъ большого значенія «Осеннему утру» и писалъ его безъ «холода вдохновенья». Только въ отдѣльныхъ стихахъ слышится стремительность и сжатость пушкинскаго стиха, и въ одномъ изъ нихъ—любимая поэтомъ и свойственная преимущественно лирикѣ—замѣна нарѣчія (обстоятельства образа дѣйствія)—прилагательнымъ (опредѣленіемъ): «и слышится мгновенный вѣтра свистъ» (вмѣсто логическаго: «мгновенно слышится свистъ вѣтра»; ср., напримѣръ, въ элегіи того же года «Умыслю»—послѣдній стихъ: «пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы», вмѣсто: «пускай задумчиво вздохнутъ дѣвы»).

«Осеннее утро» явно написано подъ вліяніемъ разлуки съ Бакуниной, (см. стр. 284 и слѣд.) переѣхавшей со своимъ семействомъ изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Съ ея отъѣздомъ все опустѣло для поэта «до сладостной весны».

Александръ Блокъ.

103. КЪ НАТАШѢ.

Автографа этого стихотворенія нѣтъ и извѣстны только 2 копіи. Одна—въ «Духѣ лицейскихъ трубадуровъ» (Т. Б. Сѣмечкиной), другая въ писарской копіи Моск. Публ. Музея. № 2395. Стихотвореніе дано впервые посмертнымъ изданіемъ (т. IX).

Анненковъ, въ своемъ изданіи Пушкина, сообщилъ эти стихи безъ даты, а Геннади (въ библіографическихъ примѣчаніяхъ къ изданію Исакова 1859 г.) отнесъ ихъ къ 1814 году, сопоставивъ со стихотвореніями «Къ Натальѣ» и «Молодой актрисѣ» (крѣпостной труппы графа Толстого). Всѣ новѣйшіе комментаторы относятъ стихотвореніе къ 1816 году, основываясь на нижеприведенномъ разсказѣ И. И. Пущина. «Строго говоря, замѣчаетъ Майковъ, основаніе это нельзя считать вполнѣ твердымъ, но нѣтъ также повода и отвергать его. Напротивъ того, относя разсматриваемую піесу къ 1816 году, мы получаемъ возможность сдѣлать нѣсколько заключеній, любопытныхъ въ литературномъ отношеніи».

Упомянутый сейчасъ радекаръ Пущина находится въ его запискахъ, напечатанныхъ въ «Атенеѣ» 1859 г., № 8 (перепечатаны Майковымъ въ его сборникѣ «Пушкинъ», Спб. 1899). Вотъ онъ:

«У дворцовой гауптвахты, передъ вечернею зарей, обыкновенно играла полковая музыка. Это привлекало гуливщихъ въ саду, разумѣется и паспъ, l'inévitable Lycée,

96. КЪ НЕЙ.

Ельвина, милой другъ, приди, подай мнѣ руку,
Я вяну, прекрати тяжелый жизни сонъ:
Скажи —увижу ли... на долгую ль разлуку
Любовникъ осужденъ?

Ужели никогда на друга другъ не взглянетъ,
Иль вѣчной темнотой покрыты дни мои?
Ужели никогда насъ утро незастанетъ
Въ объятіяхъ любви?

Ельвина почему въ часы глубокой ночи
Я не могу тебя съ восторгомъ обнимать,
На милую стремить томленья полны очи
И страстью трепетать?

И въ радости нѣмой, въ блаженствѣ упоенья
Твой шопотъ сладостной и томный стонъ внимать,
И въ нѣгѣ въ скромной тмѣ, для нѣги пробужденья
Близъ милой засыпать?

97. МѢСЯЦЪ.

Зачѣмъ изъ облака выходишь,
Уединенная луна,
И на подушки, сквозь окна,
Сіянье тусклое наводишь?
Явленьемъ пасмурнымъ своимъ,
Ты будишь грустныя мечтанья,
Любви напрасныя страданья,
И гордымъ разумомъ моимъ
Чуть усыпленныя желанья.
Летите прочь воспоминанья!
Засни, несчастная любовь!
Ужъ не бывать той ночи вновь,
Когда спокойное сіянье
Твоихъ таинственныхъ лучей,
Сквозь темной завѣсъ проницало,
И блѣдно, блѣдно озарило
Красу воздушной моей.
Почто минуты вы летѣли,
Тогда столь быстрой чередой?
И тѣнь легкія рѣдѣли
Предъ неожиданной зарей?
За чѣмъ ты мѣсяцъ укатился
И въ небѣ свѣтломъ утонулъ?
За чѣмъ лучь утренній блеснулъ?
За чѣмъ я съ милою простился?

98. УНЫНІЕ (РАЗЛУКА).

Мой милый другъ, разстался я съ тобою,
Душой уснувъ безмолвно я грущу.
Блеснетъ ли день за синею горою,
Взойдетъ ли ночь съ осенею луною,
Я все тебя, далекій другъ, ищу:
Одну тебя вездѣ воспоминаю,
Одну тебя въ невѣрномъ вижу снѣ:
Задумаюсь—невольно призываю,
Заслушаюсь—твой голосъ слышенъ мнѣ.
И ты со мной, о лира, пріуныла.
Наперсница души моей больной!
Твоей струны печаленъ звонъ глухой
И лишь тоски ты голосъ не забыла...
О вѣрная, грусти, грусти со мной!
Пускай твои небрежные напѣвы
Изобразятъ унынье любви,
И слушая бряцанія твои
Пускай вздохнутъ задумчивыя дѣвы.

какъ называли ныне пашу шумную, движущуюся толпу. Иногда мы проходили къ музыкѣ дворцовымъ коридоромъ, въ который между другими помѣщеніями былъ выходъ и изъ комнатъ, занимаемыхъ фрейлинами императрицы Елизаветы Алексѣевны. Этихъ фрейлинъ было тогда три: Плюскова, Волуева и княжна Волконская. У Волуевой была премиленькая горничная Наташа. Случалось, ветрѣтясь съ нею въ темныхъ переходахъ коридора, и полюбезничать; она многихъ изъ насъ знала, да и кто не зналъ лицея, который мозолилъ глаза всѣмъ въ саду? Однажды идемъ мы растянувшись по этому коридору маленькими группами. Пушкинъ на бѣду былъ одинъ, слышитъ въ темнотѣ шорохъ платья, воображаетъ, что непремѣнно Наташа, бросается поцѣловать ее самымъ невиннымъ образомъ. Какъ нарочно, въ эту минуту отворяется дверь изъ комнаты и освѣщаетъ сцену: передъ нимъ сама княжна Волконская. Что дѣлать ему? Бѣжать безъ оглядки; по этого мало, надобно поправить дѣло, а дѣло не ладно! Онъ тотчасъ разсказалъ мнѣ про это, присоединясь къ намъ, стоявшимъ у оркестра. Я ему совѣтовалъ открыться Энгельгардту и просить его защиты. Пушкинъ никакъ не соглашался довѣриться директору и хотѣлъ написать княжнѣ извинительное письмо. Между тѣмъ она успѣла пожаловаться брату своему Н. М. Волконскому, а тотъ—государю. Государь на другой день приходитъ къ Энгельгардту. «Что жъ это будетъ?» говоритъ царь.— «Твои воспитанники не только снимаютъ черезъ заборъ мои наливныя яблоки, бьютъ сторожей садовника Лямина, но теперь ужъ не даютъ проходу фрейлинамъ жены моей». Энгельгардтъ, своимъ путемъ, уже зналъ о неловкой выходкѣ Пушкина, можетъ быть, и отъ самого Петра Михайловича, который могъ сообщить ему въ тотъ же вечеръ. Онъ нашелся и отвѣчалъ императору Александру: «Вы меня предупредили, государь: я искалъ случая принести вашему величеству повинную за Пушкина; онъ, бѣдный, въ отчаяніи, приходилъ за моимъ позволеніемъ письменно просить княжну, чтобъ она великодушно простила ему это неумышленное оскорбленіе». Тутъ Энгельгардтъ разсказалъ подробности дѣла, стараясь всячески смягчить вину Пушкина, и присовокупилъ, что сдѣлалъ уже ему строгій выговоръ и проситъ радѣнія насчетъ письма. На это ходатайство Энгельгардта государь сказалъ: «Пусть пишетъ, ужъ такъ и быть, я беру на себя адвокатство за Пушкина; но скажи ему чтобъ это было въ послѣдній разъ. La vieille est peut-être enchantée de la méprise du jeune homme, entre nous», шепнулъ императоръ улыбаясь Энгельгардту, пожалъ ему руку и пошелъ догонять императрицу, которую изъ окна увидѣлъ въ саду.

Такимъ образомъ, дѣло кончилось необыкновенно хорошо. Мы всѣ были рады такой развязкѣ, жалѣя Пушкина и очень хорошо понимая, что каждый изъ насъ легко могъ попасть въ такую бѣду».

Нельзя сказать, чтобы этотъ разсказъ служилъ доказательствомъ тому, что стихотвореніе «Къ Наташѣ» относится къ горничной, а не къ актрисѣ толстовскаго театра. Во 2-мъ изд. Исакова (т. I, 1870 г., стр. XX) Геннади дѣлаетъ примѣчаніе: «пьеса написана по тому поводу, что Наташа, слѣдуя за дворомъ, должна была переселиться въ Петербургъ». Во всякомъ случаѣ вопросъ о хронологіи остается открытымъ, и напрасно Майковъ и Поливановъ какъ-то оправдываютъ Пушкина, ссылаясь на его «страстность» и «шуточныя намѣренія»: «нѣтъ ничего удивительнаго, что при той страстности, которою онъ (Пушкинъ) отличался,—говоритъ Майковъ—его ухаживанье за этой дѣвушкой даже по времени совпадало съ его мечтательною любовью къ Е. Н. Бакуниной, но само собою разумѣется, что его стихи не служили на этотъ разъ выраженіемъ сколько-нибудь серьезнаго чувства.. Сочиненіе такой нѣсни въ 1816 году рядомъ съ пламенными любовными элегіями всего лучше можетъ быть объяснено шуточными намѣреніями автора». Едва ли такой критическій пріемъ приложимъ къ стихамъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что самъ Майковъ считаетъ возможнымъ отнести стихи къ 1814 году по примѣру Геннади: «къ подтвержденію такой догадки могла бы служить нѣкоторая наивность и техническая неудовлетворительность ихъ (напримѣръ, плохія рнемы въ стт. 5-мъ-8-мъ)». Не менѣе никольное замѣчаніе дѣлаетъ Поливановъ (Второе изданіе Пушкина, т. I, 1893 г. стр. 52): «тонъ этого стихотворенія, рѣзко отличающій его отъ другихъ стиховъ Пушкина, внушалъ сомнѣніе въ принадлежности его Пушкину... Но нетрудно въ этомъ стихотвореніи узнать очень искусное подражаніе сентиментальнымъ нѣсенкамъ И. И. Дмитріева (въ родѣ: «Стонетъ сизый голубочекъ») и Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго («У кого душевны

99. ПѢВЕЦЪ.

Слыхали ль вы за рощей гласъ ночной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда поля въ часъ утренній молчали,
Свирѣли звукъ унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встрѣчали ль вы въ пустынной тмѣ лѣсной
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Слѣды ли слезъ, улыбку ль замѣчали,
Иль тихій взоръ, исполненный тоской,
Встрѣчали ль вы?

Вздохнули ль вы, внимая тихой гласъ
Пѣвца любви, пѣвца своей печали?
Когда въ лѣсахъ вы юношу видали;
Встрѣчая взоръ его потухшихъ глазъ,
Вздохнули ль вы?

100. ЭЛЕГІЯ.

Подражаніе.

Я видѣлъ смерть: она сидѣла
У тихаго порога моего,
Я видѣлъ гробъ; открылась дверь его:
Туда, туда моя надежда полетѣла...
Умру—и младости моей
Никто слѣдовъ пустынныхъ не замѣтитъ,
И взора милаго не встрѣтитъ
Послѣдній взоръ монхъ очей.
. . . . . .

Прости, печальный міръ, гдѣ темная стезя
Надъ бездной для меня лежала,
Гдѣ жизнь меня не утѣшала,
Гдѣ я любилъ, гдѣ мнѣ любить нельзя!
Небесъ лазурная завѣса,
Любимые холмы, ручья веселый гласъ,
Ты, утро—вдохновенья часъ,
Вы, тѣни мирныя таинственнаго лѣса,
И все—прости въ послѣдній разъ!

силы истощились тоской») и т. п. Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи передразнилъ манеру такихъ пѣсенъ. Пѣсенка Пушкина обращена къ горничной, какъ бы въ знакъ того, что наступило время такія пѣсни передать въ дѣвичьи. Такъ это и стало».

Всѣмъ этимъ домыслamъ наноситъ ударъ недавно-опубликованныя К. Я. Гротомъ извлеченія изъ лицейской тетради, гдѣ по отношенію «Къ Наташѣ» сообщается: «въ выноскѣ къ заглавію читаемъ: Дочери князя Кочубея» («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1905, № 10, стр. 246). Получается, слѣдовательно, «современное достовѣрное свидѣтельство, и во всякомъ случаѣ источникъ его—лицейское преданіе. Такимъ образомъ, пришлось бы оставить предположеніе Л. Н. Майкова, что подъ Наташей слѣдуетъ разумѣть горничную фрейлины Валуевой, которой касается извѣстный разсказъ И. И. Пущина о продѣлкѣ Пушкина».

«Дочь князя Кочубея» уже извѣстна намъ по «Измѣнамъ» (см. выше, стр. 292).

С. И. Шевыревъ (ср. выше стр. 126) простеръ свои педантическія сомнѣнія на другую сторону стиховъ Пушкина. Вотъ что онъ пишетъ («Москвитянинъ» 1841, ч. V, стр. 254): «такія піесы, какъ: Красавицѣ, которая нюхала табакъ, а особенно къ Натальѣ и къ Наташѣ, едва-ли могутъ быть ему (Пушкину) приписаны. Можетъ быть, это шалости его же товарищей. Мы не думаемъ, что бы Пушкинъ, 14-ти лѣтъ написавшій прекрасные стихи, могъ позволить себѣ такія рифмы, какъ: Наталья и сераля, Китайца и Американца, или подобные стихи:

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?

Намъ кажется, что оправдательный тонъ критиковъ также мало достоинъ стихотворенія Пушкина, какъ сомнѣнія Шевырева. Небрежность въ рифмахъ скорѣе подчеркиваетъ свѣжесть и легкость образовъ, такъ свойственную Пушкину, а простота и краткость выраженій заставляютъ забывать чисто внѣшнее сходство съ Дмитріевымъ или Мелецкимъ. Кстати напомнимъ, что въ «Фавнѣ и пастушкѣ»—стихотвореніи того же года и уже несомнѣнно пушкинскимъ—также есть несовершенныя рифмы: кровъ—любовь, лѣтъ—сѣть.

Александръ Блокъ.

104. КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ.

Это французское четверостишіе не сохранилось въ рукописи и стало извѣстнымъ только въ 1871 г. по статьѣ М. И. Жихарева: «Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. Изъ воспоминаній современника)» («Вѣстникъ Европы», № 7). Здѣсь Жихаревъ передаетъ эпизодъ, сохранившійся въ запискахъ Пущина (см. стихотвореніе «Къ Наташѣ») въ слѣдующемъ видѣ (стр. 192, выноска):

«Одинъ разъ подъ вечеръ, когда всѣ кошки дѣлаются сѣрыми, Пушкинъ, бѣгая по какому то коридору, наткнулся на какую-то женщину, къ которой приставъ съ неосмотрительными рѣчами и даже, сообщаютъ злоязычники, съ необдуманными прикосновеніями. Женщина подняла крикъ и ускользнула, однакоже успѣла разсмотрѣть и узнать виноватаго. Она была не молода, не красива и настолько знатна, что слухъ объ этомъ маленькомъ происшествіи дошелъ до ушей самого государя. Государь, недовольный шалостью одного изъ воспитанниковъ своего любимаго лицея, приказалъ немедленно Пушкина выслѣчь. Энгельгардтъ этого приказанія не исполнилъ. Извѣстно, что при императорѣ Александрѣ I можно было иногда повелѣній такого рода не выполнять, а потомъ за ослушаніе получать благодарность. Слухъ же про крошечный скандальчикъ разнесся по Царскому Селу и раздражительный поэтъ почтилъ пожилую дѣвушку слѣдующимъ французскимъ четверостишіемъ, въ которомъ мнѣ кажется, уже вполнѣ проглядываютъ столько впослѣдствіи извѣстные и грозные пушкинскіе когти...»

Какъ мы видимъ, подробности разсказа нѣсколько иныя, чѣмъ въ запискахъ Пущина. Камеръ-фрейлина императрицы, княжна Варвара Михайловна Волконская родилась въ 1782 году, слѣдовательно ей было всего 34 года въ пору забавнаго приключенія съ Пушкинымъ. Вѣроятно этимъ возрастомъ еще не сдавшихся окончательно надеждъ и можно объяснить чрезмѣрную обидчивость засидѣвшейся въ дѣвахъ фрейлины.

Александръ Блокъ.

ПЕРЕВОДЪ ЧЕТВЕРОСТИШІЯ:

Очень легко, mademoiselle
Принять васъ за сводню
Или за старую потаскушку
Но за Грацію, ей-же Богу, нѣтъ.

101. ЭЛЕГІЯ.

(Счастливъ, кто въ страсти самъ собѣ.)

Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ
Безъ ужаса признаться смѣетъ,
Кого въ невѣдомой судьбѣ
Надежда робкая лелѣетъ;
Кого луны туманный лучь
Ведетъ въ полночи сладострастной:
Кому тихонько вѣрной ключь
Отворитъ дверь его прекрасной!

Но мнѣ въ унылой жизни нѣтъ
Отрады тайныхъ наслажденій:
Увялъ надежды ранній цвѣтъ:
Цвѣтъ жизни сохнетъ отъ мученій!
Печально младость улетитъ,
И съ ней увянутъ жизни розы
Но я, любовью позабытъ,
Любви не позабуду ль слёзы! —

102. ОСЕННЕЕ УТРО.

Поднялся шумъ; свирѣлью полевой
Оглашено мое уединенье,
И съ милою любви моей мечтой
Послѣдніе изчезло сновидѣнье.
Съ Небесъ уже скатилась ночи тѣнь,
Взошла заря, сіяетъ блѣдный день —
А вкругъ меня глухое запустенье...
Ужъ нѣтъ ея... я былъ у береговъ
Гдѣ милая ходила въ вечеръ ясный;
На берегу, на зелени луговъ
Ужъ не нашелъ чуть видимыхъ слѣдовъ,
Уже нигдѣ не встрѣтилъ я прекрасной.
Задумчиво бродя въ глуши лѣсовъ
Произносилъ я имя несравненной,
Я звалъ ее—лишь гласъ уединенной
Пустыхъ долинъ откликнулся въ дали.
Къ ручью пришелъ, мечтами привлеченной;
Его струи медлительно текли,
Не трепеталъ въ нихъ образъ несравненной. —
Ужъ нѣтъ ея!... до сладостной весны
Простился я съ блаженствомъ и съ душою.
Ужъ осени холодною рукою
Главы березъ и липъ обнажены.
Она шумитъ въ дубравахъ опустѣлыхъ;
Тамъ день и ночь кружится мертвый листъ.
Стоитъ туманъ на нивахъ пожелтѣлыхъ
И слышится мгновенной вѣтра свистъ.
Поля, холмы, знакомыя дубравы!
Хранители священной тишины!
Свидѣтели моей тоски, забавы!
Забыты вы... до сладостной весны!

105. ЭЛЕГІЯ (ОПЯТЬ Я ВАШЪ, О, ЮНЫЕ ДРУЗЬЯ!).

Объ сохранившіяся рукописи этого стихотворенія принадлежатъ Моск. Публ. Музею: одна—руки Пушкина (тетрадь № 2364) и съ его поправками, другая (№ 2395)—писарская копія.

Элегія появилась впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX)—безъ поправокъ Пушкина. Исправленная редакція вошла въ изданіе литературнаго фонда, а къ 1816 году стихотвореніе отнесено впервые Анненковымъ (Изд. Пушкина, т. II, стр. 134—135). Позднѣйшіе комментаторы, кромѣ Поливанова, согласно относятъ его къ этому году, «очевидно, по соображенію съ его содержаніемъ»,—говоритъ Майковъ.

Изъ варіантовъ первоначальной редакціи (см. въ концѣ тома) видно, что Пушкинъ, прежде всего, сократилъ стихотвореніе (обычный пріемъ его), а затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько перестановокъ и замѣнилъ прозаизмы и неправившіяся ему мѣста, и все-таки, поправки не коснулись существа элегіи, которою, повидимому, былъ не особенно доволенъ: она принадлежитъ къ числу многихъ, не отданныхъ имъ въ печать.

О подражательности элегіи—первый заговорилъ Гаевскій («Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 174): «въ элегіяхъ 1816 года, представляющихъ уже самостоятельное развитіе Пушкина, замѣтно еще вліяніе Парни: такъ, напримѣръ, начало стихотворенія его «La Rechûte» слышится въ элегіи Пушкина: «Опять я вашъ...» Майковъ идетъ еще дальше, находя, что отголоски указанной элегіи Парни «почти во всемъ ея составѣ слышатся въ стихотвореніи Пушкина». Вотъ элегія «La Rechûte»:

C'en est fait, j'ai brisé mes chaînes!
Amis, je reviens dans vos bras.
Les belles ne vous valent pas;
Leur faveurs coûtent trop de peines.
Jouet de leur volage humeur,
J'ai rougi de ma dépendance;
Je reprends mon indifférance
Et je retrouve le bonheur.
Le dieu joufflu de la vendange
Va m'inspirer d'autres chansons;
C'est le seul plaisir sans mélange;
Il est de toutes les saisons;
Lui seul nous console et nous venge
Des maîtresses que nous perdons.
Que dis-je, malheureux? Ah, qu'il est difficile
De feindre la gaieté dans le sein des douleurs!
La touche sourit mal, quand les yeux sont en pleurs.
Repoussons loin de nous ce nectar inutile.
Et toi, tendre amitié, plaisir pur et divin,
Non, tu ne suffis plus à mon âme égarée.
Au cri des passions qui grondent dans mon sein
En vain tu veux mêler ta voix douce et sacrée:
Tu gémis de mes maux qu'il fallait prévenir;
Tu m'offre ton apui lorsque la chûte est faite;
Et tu sondes ma plaie, au lieu de la guérir.
Va, ne m'apporte plus ta prudence inquiete;
Laisse-moi m'étourdir sur la réalité;
Laisse-moi m'enfoncer dans le sein des chimères
Tout courbé sous les fers chanter la liberté,
Saisir avec transport des ombres passagères,
Et parler de félicité
En versant des larmes amères.

«За симъ,—говоритъ Майковъ,—слѣдуютъ еще 17 стиховъ, въ которыхъ поэтъ высказываетъ надежду, что въ будущемъ, рано или поздно, для него наступятъ болѣе счастливые дни, и онъ, разставшись съ увлеченіями и мученіями любви, возвратится къ наслажденіямъ дружбы. Такого заключенія въ примирительномъ смыслѣ мы не найдемъ въ элегіи Пушкина; но если мы сравнимъ послѣднюю съ приведенными строками Парни, то должны будемъ признать между ними близкое соотношеніе: оба поэта начинаютъ съ обращенія къ друзьямъ, какъ бы въ чаяніи, что могутъ найти полное удовлетвореніе въ общеніи съ ними, но затѣмъ ихъ поражаетъ горькое сознаніе, что они уже не въ состояніи довольствоваться пріятностями дружбы послѣ того, какъ ихъ жизнь отравлена не раздѣленною любовью. Пушкинъ счелъ возможнымъ прервать свое лирическое изліяніе на этомъ патетическомъ моментѣ, тогда какъ Парни къ концу піесы понижаетъ тонъ своей скорби постепенно смягчающимися звуками».

Критическая оцѣнка стихотворенія различна. Такъ, Сумцовъ («Этюды о Пушкинѣ», вып. IV, стр. 24) говоритъ объ элегіи: «многословное и сравнительно съ другими вообще слабое стихотвореніе». Возражая на это, Майковъ замѣчаетъ, что многословность «присуща оригиналу, почему отразилась и на русскомъ подражаніи» и хвалитъ «внѣшнюю форму» даже въ первоначальной редакціи. Наиболѣе благопріятнаго мнѣнія о «свойствѣ Пушкинскаго стиха» въ этой элегіи—Поливанову (Второе изд. Пушкина, т. I (1893), стр. 64), который примѣняетъ къ ней все сказанное имъ о стихотвореніи

103. КЪ НАТАШѢ.

Вѣетъ, вѣетъ лѣто красно,
Улетаютъ ясны дни,
Стелется туманъ ненастной
Ночи въ дремлющей тѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игривый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
Сводъ небесный поблѣднѣлъ.

Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ лицъ душистымъ
Ранней, поздней порой
Не встрѣчаюсь я съ тобой.

Скоро, скоро холодъ зимній
Рощу, поле посѣтитъ;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблеститъ;
Не увижу я прелестной,
И какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

104. КНЯЖНѢ ВОЛКОНСКОЙ.

On peut très bien, mademoiselle,
Vous prendre pour une maquerelle,
Ouipour une vieille guenon:
Ma s pour une Grâce—oh, mon Dieu, non.

105. ЭЛЕГІЯ.

Опять я вашъ, о юные друзья!
Печальные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Вашъ рѣзвой кругъ увидѣлъ снова я.
Все тѣ-же вы—но время ужъ не то же:
Уже не вы душѣ всего дороже,
Ужъ я не тотъ... невидимой стезей—
Ушла пора веселости безпечной,
На вѣкъ ушла—и жизни скоротечной
Лучь утрѣнній блѣднѣетъ надо мной.—
Отверженной судьбой несправедливой,
И ласки Музъ, и радость, и покой,
Я все забылъ: печали молчаливой
Рука лежитъ надъ юною главой;...
Чтобъ разогнать угрюмыя страданья,
Напрасно вы несете лиру мнѣ:
Мишувшихъ дней погасили мечтанья,
И умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ.

«Желаніе» (см. примѣч. къ нему) и присовокупляетъ: «вторая половина этой элегіи обращаетъ вниманіе выраженіемъ неудержимой горести, для которой поэтъ не находитъ предѣловъ».

106. ДРУЗЬЯМЪ.

Въ запискахъ товарищей Пушкина по Лицею не осталось воспоминаній о тѣхъ настроеніяхъ глубокаго унынія, которое онъ, судя по его элегіямъ того времени, переживалъ зимой 1816—1817 г. Пушкинъ только казался «душой на распашку», но въ сущности характеръ его былъ замкнутый, и онъ не любилъ вводить другихъ въ свои интимныя переживанія. «Кромѣ любимыхъ разговоровъ своихъ о литературѣ, разсказываетъ лицеистъ С. Д. Комовскій, съ тѣми товарищами, кои тоже писали стихи, какъ то: съ Дельвигомъ, Илличевскимъ и Кюхельбекеромъ, Пушкинъ былъ вообще не сообщителенъ съ прочими своими товарищами и на вопросы ихъ отвѣчалъ лаконически». Въ стихотвореніи «Мѣсяцъ», тоже принадлежащемъ къ ряду элегій 1816 г., Пушкинъ признается, что старался «гордымъ разумомъ усыплять свои желанія», т. е. боролся со своимъ унынiемъ. Характерно, что изо всего числа своихъ элегій 1816—17 г. Пушкинъ въ свое время отдалъ въ печать только три пьесы, притомъ такія, въ которыхъ мало намековъ на обстоятельства его личной жизни и въ которыхъ грустное чувство не достигаетъ крайней напряженности («Къ ней», «Пробужденіе», «Вѣщунъ»). Мы вправѣ поэтому не считать стихотворенія «Друзьямъ» прямымъ обращеніемъ лицеиста Пушкина къ своимъ товарищамъ; мы не должны думать, что и въ жизни Пушкинъ сидѣлъ на пирушкахъ своихъ пріятелей молча и только сквозь слезы улыбался. Чувство, выраженное въ стихотвореніи, искреннее и подлинное, но внѣшняя обстановка идеализована. Пушкинъ, говоря о «пирахъ друзей» представлялъ себѣ скорѣе, какъ и въ «Моемъ завѣщаніи друзьямъ» образы античной жизни, чѣмъ и объясняется стихъ (впослѣдствіи откинутый):

Напрасно лиру взялъ я въ руки.

Для изданія 1826 г. Пушкинъ значительно передѣлалъ стихотвореніе, и передѣлка эта отмѣчена критикой (Бѣлинскій), какъ мастерская. Какъ и въ пьесѣ «Унынiе», («Разлука») Пушкинъ выкинулъ всю повѣствовательную часть стихотворенія, т. е. первые 8 стиховъ, гдѣ много говорилось о грусти автора и очень немного о веселыи друзей. Въ окончательной обработкѣ почти все стихотвореніе посвящено характеристикѣ «веселыхъ» друзей и тѣмъ ярче противопоставлена имъ грусть поэта, выраженная въ одномъ послѣднемъ стихѣ. Не менѣе замѣчательны и другія поправки. Такъ въ первоначальной редакціи о «друзьяхъ» говорилось:

И на любовь устремлены
Огнемъ пылающія очи.

Это—стихи, не дающіе опредѣленнаго образа, расплывчатые, такъ какъ нельзя представить себѣ очей, устремленныхъ на отвлеченную любовь. Передѣлка этого двустишія, напротивъ, поражаетъ пластичностью образа и точностью эпитетовъ.

Валерій Брюсовъ.

О другихъ деталяхъ текста см. въ концѣ тома.

---

107. А. А. ШИШКОВУ.

Эта пьеса дошла до насъ въ копіи, которая находится въ тетради Московскаго Публичнаго Музея № 2364 (лл. 33—34) и испещрена множествомъ поправокъ и снабжена помѣтою: «надо», относящейся къ подготовительной работѣ для изданія 1826 г., гдѣ (стр. 147—148) посланіе было въ первый разъ напечатано въ исправленномъ поэтомъ видѣ. Эта редакція была повторена изданіями 1829 г., посмертнымъ и П. В. Анненкова: ее даетъ и настоящее изданіе. Къ 1816 году посланіе отнесено еще изданіемъ 1826 г.; такъ помѣчено оно и въ бывшемъ въ рукахъ Пушкина плетневскомъ спискѣ предназначенныхъ для собранія 1826 г. («Переписка Пушкина», ред. В. И. Саитова, изд. Акад. Наукъ, т. I, Спб., 1906 г., стр. 295). Е. И. Якушкинъ напечаталъ («Библіографическія Записки» 1858 г., стр. 318) нѣкоторые стихи, выпущенные поэтомъ изъ первоначальной редакціи; В. Е. Якушкинъ (Русс. Стар. 1884 г., мартъ, 647) сообщилъ еще нѣсколько дополненій; объ этихъ варіантахъ см. въ особой статьѣ о текстѣ, въ концѣ тома. Пушкинъ сократилъ свою пьесу съ обычной требовательностью къ самому себѣ, ближайшій примѣръ которой можно найти въ его обработкѣ пьесы 1816 г. «Унынiе» («Разлука»). Сличеніе первоначальной редакціи съ окончательной обличаетъ въ молодомъ поэтѣ строгій

Передъ собой одну печаль и вижу!—
Мнѣ скученъ міръ: мнѣ страшенъ шевной
свѣтъ
Иду въ лѣса, въ которыхъ нѣтъ
Гдѣ мертвой мракъ—и радость ненавижу
Во мнѣ застылъ ея минутный слѣдъ.
Опали вы, листы вчерашней розы!
Не дождѣли до завтрашнихъ лучей,
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы—невольно льются слезы,
И вяну я на темномъ утрѣ дней.
О Дружество! предай меня забвенью;
Въ безмолвіи, покоряясь судьбамъ
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустынямъ и слезамъ. —

106. ДРУЗЬЯМЪ.

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи,
И томныхъ дѣвъ устремлены
На васъ внимательныя очи.

Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечеръ скоротечной:
И вашей радости безпечной
Сквозь слезы улыбнуся я.

107. ШИШКОВУ.

Шалунъ, увѣнчанный Эратой и Венерой,
Ты ль узника манишь въ владѣнія свои,
Въ помѣстье мирное межъ Пиндомъ и Цитерой,
Гдѣ нѣжился Тибуллъ, Меленкій и Парни?
Тебѣ, баованный питомецъ Аполлона,
Съ нхъ лирой соглашать игривую свирѣль:
Веселье рѣзвое и нимфы Геликона
Твою счастливую качали колыбель.
Друзей любить открытою душою,
Въ молчаньи чувствовать, плѣняться красотою:
Вотъ жребій мой: ему я слѣдовать готовъ
Но, милый, сжалься надо мною,
Не требуй отъ меня стиховъ!
Невѣчно нѣжиться въ пріятномъослѣпленьи:
Докучной истины я позднійвижу свѣтъ.
Но добротѣ души я вѣрилъ въ упоеньи
Мечтѣ шепнувшей: ты поэтъ,
И, презря мудрые угрозы и совѣты,
Съ небрежной лѣностью нанизывалъ куплеты,
Игрушкою себя невинной веселилъ:
Угодникъ Бахуса, я трезвый межъ друзьями,
Бывало, пѣлъ вино водянными стихами;
Мечтательныхъ Дорндъ и славилъ и бранилъ,
Пль дружбѣ плелъ вѣнокъ: и дружество зѣвало
И сонные стихи въ просонкахъ величало.
Но долго ли меня лелѣялъ Аполлонъ?
Душѣ наскучили Парнасскія забавы;
Не долго снились мнѣ мечтанья музъ и славы:
И, строгимъ опытомъ невольно пробужденъ,
Успувъ межъ розами, на терніахъ я проснулся,
Увидѣлъ, что еще не генія печать
Охота смертная на рнемахъ лепетать,
Сравнивъ стихи твои съ моими, улыбнулся:
И полно мнѣ писать!

вкусъ и глубокій художественный тактъ: черты излишней интимности, преувеличенныя выраженія любви и унынія безпощадно вымараны имъ.

Бѣлинскій включилъ посланіе въ число тѣхъ «переходныхъ» пьесъ, въ которыхъ «виденъ уже Пушкинъ, но еще болѣе или менѣе вѣрный литературнымъ преданіямъ... поэтъ даровитый, но еще не самостоятельный... обѣщающій Пушкина но еще не Пушкинъ». Дѣйствительно, посланіе къ Шишкову отзывается манерою Жуковскаго и Батюшкова, но въ немъ, помимо высокаго эстетическаго совершенства, уже видны такія чисто-пушкинскія черты, какъ образъ дитяти, колыбель котораго качаютъ музы или нимфы («Наперсница волшебной старины...», «Муза», «Аделя»), или сомнѣніе въ собственномъ дарованіи, которое часто навѣщало Пушкина. «Дано мнѣ мало Фебомъ»,—писалъ онъ въ 1815 г. Батюшкову. Въ слѣдующемъ году онъ называлъ себя, въ одномъ изъ посланій къ князю А. М. Горчакову, «въ рядахъ забытымъ воиномъ, среди толпы затерянымъ пѣвцомъ». Въ одну изъ тяжелыхъ минутъ тоски онъ думалъ, что его «слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ» («Любовь одна веселье жизни хладной!...»). «Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ!»—писалъ онъ («Дельвигу») въ 1817 г. «Огнь поэзіи погасъ... скрылась отъ меня навѣкъ богиня тихихъ пѣснопѣній»,—говорилъ поэтъ, окончивъ «Руслана и Людмилу» («Эпилогъ»).

«Водяные стихи», воспѣвавшіе вино, (стихъ 22)—это цѣлый рядъ такихъ пьесъ, какъ «Пирующіе студенты», посланія къ Галичу, къ Пущину, «Погребъ», «Вода и вино», «Здравный кубокъ», «Воспоминаніе», «Мое завѣщаніе», «Гробъ Анакреона».

Н. Лернеръ.

Александръ Ардаліоновичъ Шишковъ (1799—1832) принадлежитъ къ числу незаслуженнозабытыхъ дѣятелей русскаго романтизма. Біографія его во многомъ неясна; она основывается не на фактахъ, а на слухахъ и разсказахъ о немъ. Первоначальное воспитаніе А. А. Шишковъ получилъ въ домѣ своего дяди знаменитаго литературнаго старовѣра А. С. Шишкова. Дядя не вмѣшивался въ воспитаніе племянника, довѣривъ его всецѣло попеченіямъ своей жены. А. А. Шишковъ въ годы отрочества обращалъ всеобщее вниманіе своей даровитостью, тетушка души въ немъ не чаяла, и современники высказывались, что неблагочестивительно женское воспитаніе испортило характеръ его. Шишковъ получилъ, повидимому, тщательное образованіе, изучилъ новые языки и пристрастился къ литературѣ, но въ своихъ литературныхъ вкусахъ онъ ушелъ изъ-подъ вліянія дяди, и его единственной данью классицизму было переложеніе псалма, сдѣланное имъ на 12 году жизни («Преложеніе двенадесятаго псалма 12-лѣтнимъ отрокомъ Александромъ Шишковымъ въ 1811 г.», СПб., 1811).

Посланіе Пушкина къ Шишкову чрезвычайно для него лестно: Пушкинъ отказывается соперничать съ нимъ. По намекамъ стихотворенія видно, что Шишковъ писалъ уже въ это время стихи яркаго эротическаго характера.

Жизнь А. А. Шишкова—рядъ превратностей, причины которыхъ неясны. Въ ранней молодости онъ поступилъ въ военную службу, въ гвардію; казалось, передъ нимъ открывалась блестящая карьера, но въ 1818 г. онъ былъ сосланъ на Кавказъ, въ Грузію. На Кавказѣ Шишковъ велъ безпабашную, разгульную жизнь и на одномъ мѣстѣ не могъ ужиться: въ 1824—26 гг. мы находимъ его адъютантомъ при А. Я. Рудзевичѣ, позднѣе въ Тверской губ. Современники отмѣчаютъ несимпатичныя стороны характера Шишкова и готовы обвинить его во всевозможной распущенности, чуть-ли не въ шулерствѣ. Трудно судить, соотвѣтствовали-ли дѣйствительности нападки на него: быть можетъ, установившемуся образу жизни противорѣчилъ весь складъ романтическаго характера Шишкова съ его рѣзкими выходками. Въ своихъ стихахъ А. А. Шишковъ не разъ называетъ нападки на него клеветой. Во всякомъ случаѣ, по своимъ убѣжденіямъ онъ примыкалъ къ передовымъ людямъ своего времени. Онъ находился въ какихъ-то отношеніяхъ къ южному обществу декабристовъ: Шервудъ въ своей исповѣди пишетъ, что онъ надѣялся много разузнать отъ Шишкова, но тотъ ни о чемъ не проговорился. Въ официальной перепискѣ о Шишковѣ не разъ упоминается, какъ о подозрительномъ человѣкѣ. Онъ удѣлялъ прямыхъ преслѣдованій, но до самой смерти своей въ глазахъ властей былъ человѣкомъ неблагонадежнымъ. Жизнь свою Шишковъ кончилъ трагически: въ 1832 г. въ Твери онъ былъ убитъ какимъ-то Черновымъ, получившимъ отъ Шишкова пощечину за намеки по адресу его жены.

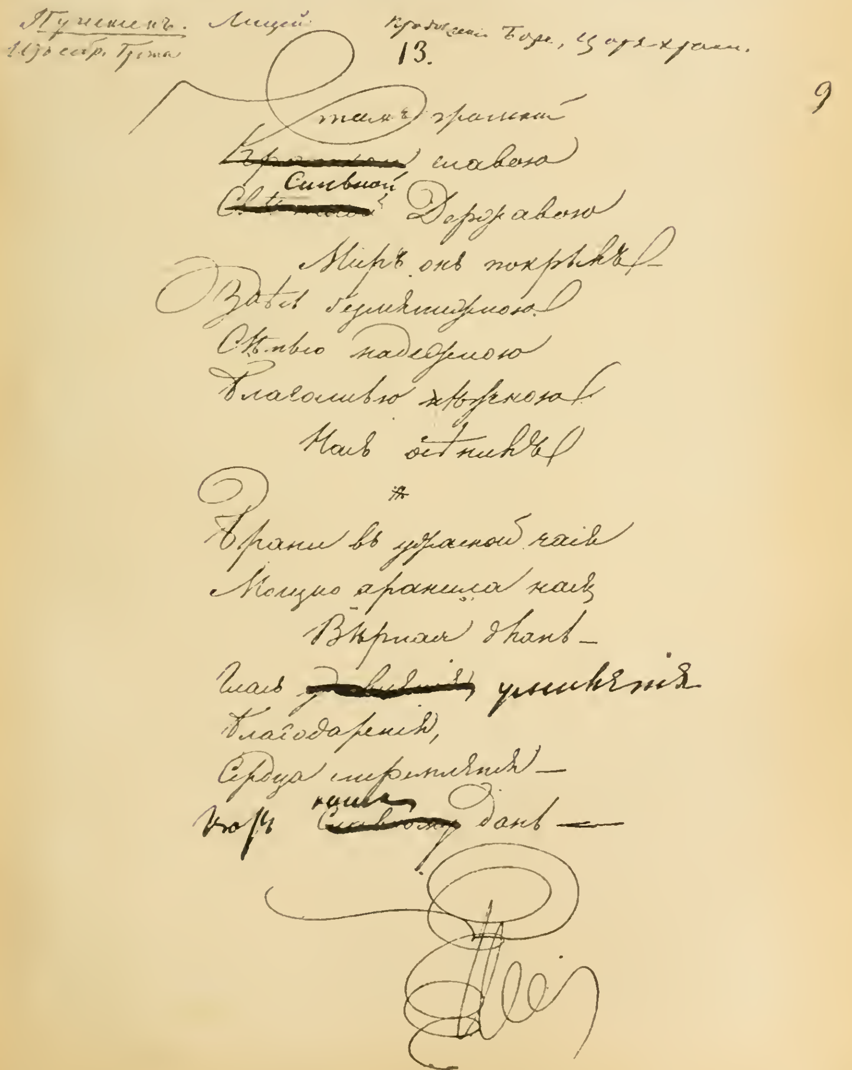
Если бы не отношенія А. А. Шишкова

108. БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ.

Боже, Царя храни!
Славному долги дни
Дай на земли!
Гордыхъ смирителю,
Слабыхъ хранителю
Всѣхъ утѣшителю
Все ниспошли!

Тамъ громкой славою
Сильной Державою
Миръ онъ покрылъ;
Здѣсь безмятежною
Сѣнью надежною,
Благостью нѣжною
Насъ осѣнилъ.

Брани въ ужасной часъ
Мощно хранила насъ
Вѣрная длань —
Гласъ умиленія,
Благодаренія,
Сердца стремленія —
Вотъ наша дань!



Автографъ изъ тетради Я. К. Грота.

къ Пушкину, то имя его принадлежало бы къ совсѣмъ забытымъ именамъ нашей литературы. А между тѣмъ онъ оказалъ несомнѣнное вліяніе на развитіе нашей литературы своими прекрасными для того времени переводами: онъ знакомилъ русскаго читателя и писателя съ драматич. произведеніями Шиллера («Никколомини», «Смерть Валленштейна», «Марія Стюартъ»), Вернера («Аттила», «24 февраля»). Раупаха («Князья Хованскіе»), Коцебу («Тони»), съ фантастическими повѣстями Тика (его переводъ «Чаръ любви» отразился на позднѣйшей редакціи повѣсти Гоголя «Ночь наканунѣ Ивана Купала»). Оригинальныя произведенія Шишкова всѣ въ романтическомъ родѣ,—не блещутъ оригинальностью. Въ нихъ необходимо отмѣтить рѣзкій протестъ противъ крѣпостного права. Въ отрывкѣ «Къ Эмиліи» Шишковъ пишетъ: «какъ часто имъ (помѣщикамъ) твержу: помѣщикъ справедливый для зайца сельскія не разоряетъ пивы, у вѣрныхъ ему не отнимаетъ сна и податьми своихъ не тяготитъ владѣній, затѣмъ, чтобъ проводить часы безпечной лѣни за чашей пѣнистой шампанскаго вина... Онъ святотатственной не оскверитъ рукою невѣсту скромную, идущую къ налою: не развратитъ рабы подвластнаго раба тѣмъ больше, что ея въ рукахъ его судьба». Любопытно, что рядомъ съ протестомъ противъ крѣпостного права въ Шишковѣ уживается самый узкій національзмъ. Если обратить вниманіе на прикосновенность Шишкова къ декабристамъ, то является даже сомнѣніе, насколько искренни были слѣдующія тирады: «Только тамъ цвѣтетъ свобода, гдѣ свято власть умѣютъ чтить, гдѣ не лжемудрствуетъ крамола и гдѣ, владыкъ боготворя, народъ на стражѣ у престола за вѣру, вѣрность и царя» (Чувствованія русскаго. «На взятіе Варшавы»). Изъ прозаическихъ сочиненій Шишкова обращаетъ вниманіе по реалистической манерѣ описанія неоконченный романъ изъ грузинской жизни.

Изъ произведеній А. А. Шишкова появились въ отд. изданіяхъ: «Восточная лютня» (М., 1824); «Опыты» (М., 1828); «Избранный нѣмецкій театръ» (М., 1831, 4 ч.); «Двадцать четвертое февр.», соч. З. Вернера (М., 1832); «Наполеонъ Бонапарте», соч. А. Дюма (М., 1832). Послѣ смерти Шишкова, при посредничествѣ Пушкина были изданы Россійской Академіей «Сочиненія и переводы капитана А. А. Шишкова». (СПб., 4 ч., 1834—1835.) О А. А. Шишковѣ см. статью Д. Рябинина въ «Ист. Вѣст.», 1889, окт.), здѣсь указана литература: къ ней слѣдуетъ прибавить «Сочиненія Пушкина» (т. I, изд. академіи наукъ); «Воспоминанія Тучковой-Огаревой» (М., 1903); П. А. Плянкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина» (СПб., 1903, по указат.); «Исповѣдь Державина» («Ист. Вѣст.», 1896, янв.); «Русск. Архивъ» (1902, въ письмахъ Булгакова къ брату за 1832 г.).

П. Щеголевъ.

108. БОЖЕ, ЦАРЯ ХРАНИ!

Пьеса эта была впервые напечатана въ IX-мъ томѣ посмертнаго изданія сочиненій Пушкина. Автографъ находится въ принадлежавшей Я. К. Гроту тетради, (воспроизведенъ выше на 365 стр.) а копіи—въ сборникѣ «Духъ лицейскихъ трубадуровъ», стр. 109—110, въ хранящейся въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ тетради поэта, № 2395, л. 785, и въ принадлежащей К. Я. Гроту тетради М. А. Корфа (Журн. Минист. Народн. Просв. 1905 г., октябрь, стр. 246). Въ автографѣ, представляющемъ собою черновикъ пьесы, есть разночтенія, и нѣтъ первой строфы напечатаннаго въ посмертномъ изданіи гимна: эта строфа—стихотвореніе В. А. Жуковскаго «Молитва русскихъ» (Сынъ Отечества 1815 г., ч. 26, № 48, стр. 96). Очевидно, Пушкинъ взялъ его у Жуковскаго какъ motto для своей пьесы.

В. П. Гаевскій, пользовавшійся для своего очерка лицейской жизни и дѣятельности Пушкина живыми разсказами товарищей поэта, передаетъ (Современникъ 1863 г., № 8, стр. 372), что гимнъ былъ написанъ къ 19 октября, дню празднованія основанія лицея, и былъ пропѣтъ на праздникѣ лицеистами на мотивъ англійскаго гимна: «God save the King», начало котораго, можно кстати замѣтить, и заимствовалъ Жуковскій черезъ два года Жуковскій дополнилъ свою пьесу еще двумя строфами); популярной впослѣдствіи музыки А. Ѳ. Львова тогда еще не было. По разсказу М. А. Корфа (Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 247), въ 1816 и 1817 г. г., когда лицеисты имѣли свой хоръ и, бывало, пѣли у директора на балконѣ, жившій тогда въ Царскомъ Селѣ императоръ Александръ I «подходилъ къ садовой рѣшеткѣ, близъ лѣстницы у двор-

109. ЭЛЕГІЯ.

Я думалъ что любовь погасла навсегда
Что въ сердцѣ злыхъ страстей умолкнулъ гласъ мятежной
Что дружбы наконецъ отрадная звѣзда
Страдальца довела до пристани надежной.
Съ безпечной думою покоясь у бреговъ,
Ужъ издали смотрѣлъ, указывалъ рукою
На парусъ бѣдственныхъ пловцовъ,
Носимыхъ гибельной грозою.
Я говорилъ: «стократъ блаженъ
Чей вѣкъ, свободою прекрасной,
Какъ вѣкъ весны, промчался ясной
И страстью не былъ омраченъ —
Кто не страдалъ въ любви напрасной,
Кому невѣдомъ страстный плѣнъ.
Блаженъ! но я шастливѣй болѣ.
Я цѣпь мученій разорвалъ
Опять я дружбѣ—я на волѣ —
И жизни сумрачное поле
Веселой блескъ очаровалъ.
О что я говорилъ... несчастной!
Минуту я заснулъ въ невѣрной тишинѣ
Но мрачная любовь таилася во мнѣ
Не угасалъ мой пламень страстной
Веселымъ позванный въ толпу друзей моихъ
Хотѣлъ на прежній ладъ настроить рѣзву лиру
Хотѣлъ еще воспѣть прелестницъ молодыхъ
Веселье, Вакха и Дельфиру
Напрасно!.. я молчалъ, усталая рука
Лежала, томная на лирѣ непослушной
Я все еще горелъ—и въ грусти равнодушной
На игры младости взиралъ издалека
Любовь отрава нашихъ дней
Бѣги съ толпой обманчивыхъ мечтаній
Не сожигай души моей
Огонь мучительныхъ желаній.
Летите призраки... Амуръ, ужъ я не твой
Отдай мнѣ радости, отдай мнѣ мой покой...
Брось одного меня въ безчувственной природѣ
Иль дай еще летать Надежды на крылахъ.
Позволь еще заснуть, и въ тягостныхъ цѣпяхъ
Мечтать о сладостной свободѣ.

цовой церкви, и, облокотясь на нее, слушалъ по нѣскольку минутъ наше пѣніе. И хотя балконъ съ этой стороны былъ задернутъ парусиною, но мы всегда узнавали, черезъ тайныхъ соглядатаевъ, близость государя и, бывало, тотчасъ начинали пѣть «Боже, Царя храни!» по тогдашнему тексту и тогдашней англійской мелодіи».

«Боже, Царя храни!» принадлежитъ къ числу весьма немногихъ заказныхъ пьесъ, каковы «Къ принцу Оранскому» или «Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны». Первому лицейскому поэту выпало на долю написать, согласно установившейся традиціи, стихи къ лицейской годовщинѣ, и Пушкинъ принялся за дѣло, очевидно, безъ особенной охоты, такъ что ему даже понадобился готовый образецъ Жуковскаго. Въ минуты вдохновенья онъ восхвалялъ Александра I и искреннѣе, и восторженнѣе, и поэтичнѣе. Двѣ пушкинскія строфы—сравнительно слабое повтореніе мыслей, гораздо лучше выраженныхъ поэтомъ ранѣе. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ» Александръ, побѣдитель Наполеона,

съ улыбкой примиренья
Грядетъ съ оливою златой

и

несетъ врагу не гибель, но спасенье,
И благотворный миръ землѣ.

Въ одѣ «На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1815 году» Пушкинъ съ одушевленіемъ говоритъ:

Тебѣ, нашъ храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки враговъ покрыли отдаленье...
Ты бранеи мечъ извлекъ и клятву далъ святую
Отъ нга оградить страну свою родную...
И встхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колѣна окружила
Освобожденною отъ рабскихъ узъ рукой...

Впослѣдствіи Пушкинъ смотрѣлъ уже не такъ восторженно на Александра I и даже называлъ его «коллежскимъ асессоромъ по части иностранныхъ дѣлъ», находилъ, что онъ былъ «къ противочувствіямъ привыченъ, въ лицѣ и въ жизни арлекинъ», видѣлъ въ немъ уже не полумиѳическаго героя, а просто человѣка, которымъ «властвуетъ мгновенье: онъ рабъ молвы, сомнѣнья и страстей». Въ 1836 г., отчасти подъ вліяніемъ перемѣны въ политическихъ воззрѣніяхъ и житейскаго опыта, научившаго его «ладить съ царями», отчасти повинуясь экзальтаціи воспоминанія о золотой порѣ юности, Пушкинъ вспомнилъ объ Александрѣ I почти въ прежнихъ выраженіяхъ:

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ пѣснаго Парижа къ намъ примчался;
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!..

Н. Лернеръ.

109. ЭЛЕГІЯ (Я ДУМАЛЪ, ЧТО ЛЮБОВЬ ПОГАСЛА НАВСЕГДА).

Это стихотвореніе сохранилось въ рукописи неизвѣстной руки, принадл. Моск. Публ. Музею (№ 2364, л. 15); рукою Пушкина на ней сдѣланы помѣты: «1816» и «передѣлать», и внесены поправки, о которыхъ см. въ концѣ тома.

Изъ варіантовъ видно, что Пушкинъ не особенно трудился поправлять элегію и не былъ доволенъ ею, «быть можетъ,—замѣчаетъ Майковъ,—потому, что пьеса по содержанію своему оказалась слишкомъ похожею на другія элегіи, внушенныя молодому поэту его первою любовью...»

При жизни Пушкина элегія не была напечатана и не попала ни въ посмертное изданіе, ни въ позднѣйшія. Она опубликована впервые В. Е. Якушкинымъ въ 1884 г. въ его описаніи пушкинскихъ рукописей Румянцевскаго Музея («Рус. Старина», т. XLI).

Эта элегія, дѣйствительно, напоминаетъ элегіи того же 1816-го года, на которыя ссылается Майковъ: «Счастливъ, кто въ страсти самъ себѣ...» и «Опять я вашъ, о, юные друзья!» Небрежность нѣкоторыхъ стиховъ, обычные эпитеты и римскія имена Вакха, Амура и Дельфиры—все это указываетъ на то, что элегія для самого Пушкина не была серьезнымъ отголоскомъ душевныхъ переживаній.

Александръ Блокъ.

110. СЛОВО МИЛОЙ.

Стихотвореніе сохранилось въ двухъ рукописяхъ, принадлежащихъ Моск. Публ. Музею: одна (въ рук. № 2364—руки князя А. М. Горчакова имѣетъ заглавіе: и Пушкинъ, внеся въ нее свои поправки, отмѣтилъ: «1816» и «не надо». Другая—писарская копія для посмертнаго изданія (№ 2395), безъ заглавія.

У КЛАВЕСИНА.

Акварель Тропинина (1776—1857), изъ собранія П. С. Остроухова. (По фотографіи, снятой для настоящаго изданія П. К. Остроумовымъ).

110. СЛОВО МИЛОЙ.

Я Лилу слушалъ у клавира:
Она пріятнѣе поетъ,
Чемъ соловей близъ тихихъ водъ
Или полупошлая лира.
Упали слезы изъ очей
И я сказалъ пѣвицѣ милой:—
«Прелестенъ голосъ твой унылый;
Но слово милыя моей
Прелестнѣй томныхъ пѣсенъ Лилы».

111. ЛИЛѢ.

Лила, Лила, я страдаю
Безотрадною тоской,
Я томлюсь, я умираю,
Гасну пламенной душой:
Но любовь моя напрасна:
Ты смѣешься надо мной.
Смѣйся, Лила: ты прекрасна
И безчувственной красой.

Заглавіе «Слово милой» появилось впервые въ изданіи Анненкова (т. II, стр. 140). Въ примѣчаніи (стр. 154) онъ ссылается на посмертное изданіе, гдѣ стихотвореніе напечатано впервые, но безъ заглавія.

Первоначальное чтеніе исправленныхъ Пушкинымъ стиховъ было слѣдующее:

Ст. 2: Ея прелестный, томный гласъ
3: Волшебной грустью нѣжитъ насъ.
4: Какъ ночью вѣянье зефира.
7: Волшебенъ голосъ твой увылой
9: Волшебнѣй нѣжныхъ пѣсенъ Лилы.

Считается, что Лилой Пушкинъ называетъ Марію Смитъ, къ которой относится стихотвореніе «Къ молодой вдовѣ»; но это не можетъ считаться вполнѣ установленнымъ (см. примѣчаніе «Къ молодой вдовѣ»). «Милой», видимо, по прежнему остается Е. П. Бакунина, которую поэтъ не забылъ еще, увлекшись Маріей Смитъ.

Почти непонятно, зачѣмъ Пушкинъ исправлялъ стихотвореніе: одинъ плѣнительныя строки онъ только замѣнилъ другими, не менѣе плѣнительными; можетъ быть, ему не захотѣлось злоупотреблять словомъ «волшебный» и понадобилось простое слово: «пріятный»; во всякомъ случаѣ, и въ варіантахъ онъ остался вѣренъ плавному «л», которое повторяется 24 раза въ десяти строкахъ, считая десятой строкой заглавіе, не менѣе творческое, чѣмъ сами стихи.

Александръ Блокъ.

---

111. ЛИЛѢ.

Рукописей этого стихотворенія не сохранилось. Оно напечатано впервые въ изданіи 1826 года, но, какъ тамъ, такъ и въ слѣдующемъ изданіи 1829 года—безъ даты. Къ 1816 году стихотвореніе пріурочено изданіемъ 1880 года, «безъ сомнѣнія—потому, говоритъ Майковъ,—что обращено къ тому же лицу, что и піеса «Слово милой», точно датированная 1816 годомъ»,— т. е. къ Маріи Смитъ. Однако, какъ указано въ примѣчаніи къ «Слову милой», не можетъ считаться установленнымъ, что это стихотвореніе дѣйствительно относится къ Смитъ.

Интересно отмѣтить и въ этомъ стихотвореніи преобладаніе плавныхъ согласныхъ, такъ же, какъ и въ стихотвореніяхъ «Слово милой» и «Къ молодой вдовѣ» (въ послѣднемъ, напримѣръ, стихъ: «имъ не милъ ужъ голосъ милый»).

Александръ Блокъ.

112. КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Эта пьеса извѣстна въ автографѣ, находящемся въ принадлежавшемъ Я. К. Гроту «Собраніи автографовъ Пушкина изъ лицейскихъ бумагъ» (Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 300); черновой наброскъ (лл. 7—8) испещренъ многочисленными поправками Пушкина, причемъ часть стихотворенія совершенно передѣлана и тутъ же переписана А. Д. Илличевскимъ. Есть еще три старыя копіи: одна, сдѣланная княземъ А. П. Горчаковымъ (въ рукописи московскаго Румянцевскаго музея, тетрадь № 2364, л. 5), носитъ авторскія помѣты: «1816» и «перев.»: другая (писарская копія) находится въ позднѣйшей тетради (въ томъ же музеѣ, № 2395, лл. 725—726); третья сохранилась въ матюшкинской тетради («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 231, 246—247). О текстѣ этой пьесы см. въ концѣ тома.

Впервые стихотвореніе было напечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 347—348). О ея происхожденіи В. П. Гаевскій разсказываетъ («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 378): «въ семействѣ Энгельгардта... жила овдовѣвшая незадолго передъ тѣмъ Марія Смитъ, урожденная Charon-la-Rose... Весьма миловидная, любезная и остроумная, она умѣла оживлять и соединять собиравшееся у Энгельгардта общество. Пушкинъ, который немедленно началъ ухаживать за нею, написалъ къ ней довольно нескромное посланіе, «Къ молодой вдовѣ»... Но вдова, не успѣвшая забыть мужа и готовившаяся быть матерью, обидѣлась, показала стихотвореніе своего вздыхателя Энгельгардту, и это обстоятельство было главною причиной непріятныхъ отношеній между ними, продолжавшихся до конца курса». Если послѣднее сообщеніе вѣрно, то педальновидность Энгельгардта, достаточно сказавшаяся въ его извѣстномъ филистерскомъ отзывѣ о Пушкинѣ (см. выше статью «Пушкинъ въ лицеѣ», стр. 53), получаетъ еще одно подтвержденіе, такъ какъ эти стихи Пушкина не свидѣтельствуютъ о пустотѣ и испорченности. Они отмѣчены печатью яркаго таланта. и П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», Спб., 1873 г., стр. 32) справедливо говоритъ о нихъ: «кто, хотя немного знакомый съ манерой Пушкина, не узнаетъ его руки?» В. П. Гаевскій неудачно пробовалъ связать пушкинское стихотвореніе съ посланіемъ Вольтера «А

112. КЪ МОЛОДОЙ ВДОВѢ.

Лида, другъ мой неизмѣнной,
Почему сквозь тонкой сонъ,
Наслажденьемъ утомленой
Слышу я твой тихій стонъ?—
Почему, когда сгораю
Въ нѣгѣ пламенной любви
Иногда—я примѣчаю
Слезы тайныя твои?
Ты разсѣянно внимаешь
Рѣчи пламенной моей,
Хладно руку пожимаешь
Хладенъ взоръ твоихъ очей.
О безцѣнная подруга!
Все ли слезы проливать?
Все ли мертваго супруга
Изъ могилы вызывать?
Вѣрь мнѣ: узниковъ могилы
Безпробуденъ хладной сонъ;
Имъ не милъ ужъ голосъ милый,
Не прискорбенъ скорби стонъ.
Не для нихъ надгробны розы,
Сладость утра, шумъ пировъ,
Дружбы искренніе слезы,
И любовницъ робкой зовъ!
Рано другъ твой незабвенной
Вздохомъ встрѣтилъ смертный часъ
И блаженствомъ упоенной,
На груди твоей погасъ.
Спитъ увѣнчанный щастливецъ!
Вѣрь любви, невинны мы:
Нѣтъ, разгнѣванный ревнивецъ
Не придетъ изъ вѣчной тьмы;
Тихой почью громъ не грянетъ,
И завистливая тѣнь
Близъ любовниковъ не станетъ,
Вызывая спящій день.

---

113. БОЛЬНЫ ВЫ, ДЯДЮШКА.

«Больны вы, дядюшка,—нѣтъ мочи,
«Какъ безпокоюсь я! три ночи,
«Повѣрьте, глазъ я не смыкалъ!
— Да слышалъ, слышалъ: въ банкъ игралъ.

---

une jeune neuve», имѣющимъ слишкомъ отдаленное сходство съ пьесой Пушкина. Какъ большинство лицейскихъ произведеній, посланіе «Къ молодой вдовѣ», конечно, не лишено подражательнаго элемента. Автора, которому подражалъ Пушкинъ, правда, очень немного и, быть можетъ, непреднамѣренно, назвалъ еще Бѣлинскій, отнесшій эту пьесу къ числу «ознаменованныхъ сильнымъ вліяніемъ Батюшкова», тѣхъ, въ которыхъ можно увидѣть «Пушкина ученикомъ Батюшкова», котораго оно «напоминаетъ по стихамъ». Пушкинъ, конечно, зналъ напечатанное еще въ 1810 г. въ «Вѣстникѣ Европы» стихотвореніе Батюшкова «Привидѣніе», свободный переводъ пьесы Парни «Le revenant». Читая его впослѣдствіи въ Батюшковскихъ «Опытахъ», Пушкинъ отмѣтилъ на поляхъ книги: «прелесть» (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 303). Не только форма, которая у Пушкина лучше, чѣмъ у Батюшкова, но и содержаніе и настроеніе обѣихъ пьесъ схожи. У Батюшкова любовникъ хотѣлъ бы и послѣ смерти навѣщать свою возлюбленную:

. . . по смерти невидимкой
Буду вкругъ тебя летать...
Я невидимо съ мечтами
Стану плавать надъ тобой...
. . . Но, ахъ,
Мертвые не воскресаютъ!

Пушкинъ подтверждаетъ эту мысль:

Спитъ увѣнчанный счастливецъ!
. . . зовистливая тѣнь
Близь любовника не станетъ...

Любовное чувство выражено у Пушкина тоньше, изящнѣе, нѣжнѣе, чѣмъ у Батюшкова, который не соблюлъ чувства мѣры въ описаніи безчисленныхъ прелестей Хлои. Пушкинская «Хлоя»—m-me Смитъ, во второмъ замужествѣ Наскаль, если и сердилась на поэта, то, во всякомъ случаѣ, недолго. Въ 1817 г. она отвѣтила ему очень недурными французскими куплетами на его «Couplets» («Quand un poète en son extase...»); отвѣтъ ея дошелъ до насъ въ подлинникѣ (Я. Гротъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 300; «Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.» 1905 г., октябрь, 247 — 248) см. примѣч. къ «Couplets»). Въ іюнѣ того же года, когда лицеисты покидали Царское Село, послѣ выпускного акта былъ поставленъ спектакль, въ которомъ участвовали герои торжества. Для этого случая г-жа Смитъ написала забавную французскую пьесу: «Tout veut perler, rhapsodies formées, déformées, mises en ordre et de'sordre, recousues de fil blanc». В. П. Гаевскій (ор. с., стр. 398—399) напечаталъ афишу представленія, написанную ею же. Эта афиша, пересыпанная шутками и остротами, говоритъ объ умѣ и остроуміи Маріи Смитъ. Къ ней же В. П. Гаевскій, а за нимъ Л. Н. Майковъ (2-ое академич. изд. I т., стр. 336—337) относятъ двѣ другія пьесы 1816 г.: «Слово милой» и «Лилѣ», не приводя для этого никакихъ основаній. Нужно замѣтить, что въ матюшкинской тетради и въ исправленномъ Пушкинымъ автографѣ «молодая вдова» названа Лидой, а въ обѣихъ помянутыхъ пьесахъ говорится о Лилѣ. Надо думать, что рѣчь идетъ о разныхъ лицахъ, — да и можно ли находить черты опредѣленныхъ лицъ подъ общими, условными, обычными въ тогдашней поэзіи именами Лилъ, Хлой, Лизетъ?

Н. Лернеръ.

113. БОЛЬНЫ ВЫ, ДЯДЮШКА?...

Среди принадлежавшихъ Я. К. Гроту нѣсколькихъ разрозненныхъ листковъ составленной А. Д. Илличевскимъ «Лицейской антологіи, собранной трудами пресловутаго iй шiй», находилась эта пьеска, впервые напечатанная В. П. Гаевскимъ («Пушкинъ въ лицеѣ и его лицейскія стихотворенія» — «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 143). Къ 1816 году она отнесена въ нѣсколькихъ изданіяхъ,—вѣроятно, потому, что сборникъ былъ составленъ Илличевскимъ около этого времени—судя по другимъ пьесамъ, помѣщеннымъ въ немъ и несомнѣнно написаннымъ въ 1816 году. Кѣмъ или чѣмъ вызвана эта шутка, неизвѣстно. Можетъ быть, она носитъ личный характеръ. Въ одной изъ «національныхъ» пѣсенъ, которыя распѣвали первые лицеисты, насмѣшливо обрисовывающей личность инспектора С. С. Фролова (Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 241) въ перечнѣ разныхъ «заслугъ» Фролова есть ядовитый стихъ:

Отъ насъ не спишь за банкомъ ночи...

114. ЗАВТРА СЪ СВѢЧКОЙ.

Завтра съ свѣчкой грошевою
Явлюсь предъ образомъ святымъ.
Мой другъ! остался я живымъ,
Но былъ ужъ смерти подъ косою:
Сазоновъ былъ моимъ слугою,
А Шешель лекаремъ моимъ!

---

115. ЗАВѢЩАНІЕ.

Друзья! простите—завѣщаю
Вамъ все, чѣмъ радъ и чѣмъ богатъ:
Обиды, пѣсни—все прощаю,
А миѣ пускай долги простятъ.

---

116. ЭКСПРОМТЪ НА АГАРЕВУ.

Въ молчаньи предъ тобой стражу.
Напрасно чувствую мученье,
Напрасно на тебя гляжу:
Того ужъ вѣрно не скажу,
Что говоритъ воображенье.

---

117. О Н А.

«Печаленъ ты, признайся; что съ тобой?»
—Люблю, мой другъ!—«Но кто жъ тебя плѣнилъ!»
Она.—«Да кто жъ, Глицера ль, Хлоя, Лила?»
— О, пѣтъ! —«Кому жъ ты жертвуешь душой?»
Ахъ, *сй*! «Ты скроменъ другъ сердечный!
Но почему жъ ты столько огорченъ?
И кто виной? Супругъ, отецъ конечно...»
Не то, мой другъ!—«Но что жъ?» Я *сй* не *онъ*! —

114. ЗАХТРА СЪ СВѢЧКОЙ ГРОШЕВОЮ...

Эта эпиграмма впервые была напечатана въ изданіи Анненкова (т. VII, стр. 99), затѣмъ появилась въ «Русскомъ Инвалидѣ» 1857 г., № 277, со словъ какого-то «лицейскаго товарища», разсказывавшаго, что Пушкинъ написалъ ее во время болѣзни, когда его лѣчилъ врачъ Пешель. В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 151—152) напечаталъ ее съ неизвѣстной рукописи, признавъ, что прежде она появлялась въ неправильной редакціи. Принимаемъ редакцію, сообщенную этимъ авторитетнымъ знатокомъ Пушкина, тѣмъ болѣе, что Гаевскій ссылается на рукопись, и что указанный имъ текстъ предпочтительнѣе въ эстетическомъ отношеніи. Таковъ же текстъ, даваемый извѣстной записки графа М. А. Корфа. Константинъ Сазоновъ—былъ одинъ изъ лицейскихъ дидекъ. По разсказу М. А. Корфа, этотъ «участникъ въ надзорѣ за нравственностью» лицеистовъ, едва достигшій двадцати лѣтъ, «въ два года своей бытности въ лицеѣ совершилъ въ Царскомъ Селѣ и окрестностяхъ шесть или семь убійствъ и былъ схваченъ и заподозрѣнъ въ прежнихъ—только при послѣднемъ, но и то не начальствомъ лицея, а полиціей» (Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 239). Въ дошедшей до насъ лицейской нѣсенѣ объ инспекторѣ С. С. Фроловѣ этому несимпатичному начальнику, принявшему Сазонова на службу, ставилось на счетъ, что онъ «очистилъ мѣсто Константину» (ор. с., 241). И. И. Пущинъ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 53) разсказывалъ, что Сазоновъ былъ «необыкновенное явленіе физіологическое; Галль нашелъ бы несомнѣнно подтвержденіе своей системы въ его черепѣ». Когда разнеслась въ Царскомъ Селѣ вѣсть о дядькѣ-убійцѣ, лицеи откликнулся на сенсаціонное событіе поэмою «Сазоновіада», гдѣ дубовыми стихами изображалось, какъ «изъ лицея, какъ изъ ада, вдругъ Сазоновъ выступаетъ съ смертоноснымъ топоромъ» (выдержку изъ «Сазоновіады» см. въ повѣсти В. П. Авенаріуса «Юношескіе годы Пушкина», изд. 2-ое, стр. 200—201). Пушкинъ къ этимъ невозможнымъ стихамъ, повидимому, непричастенъ. Преступленіе Сазонова только дало ему поводъ задѣть лицейскаго доктора и сравнить его съ убійцей. Францъ Осиповичъ Пешель, какъ вспоминалъ впослѣдствіи о немъ М. А. Корфъ (Гротъ, ор. с., стр. 239), «весельчакъ, старавшійся острить... добрый человѣкъ, о которомъ могли отзываться дурно развѣ его больные... забавлялъ лицеистовъ своими анекдотами... своими, большею частью неудачными, bon mots и уморительнымъ русскимъ языкомъ, а сверхъ того тѣшилъ своими гостинцами изъ латинской кухни, т. е. изъ казенной аптеки... При смѣшныхъ сторонахъ нашего эскулапа, въ эпиграммахъ на него, разумѣется, не было недостатка».

Такъ какъ «Сазоновіада», по свидѣтельству Авенаріуса, была помѣщена въ послѣднемъ номерѣ «Лицейскаго Мудреца» 1815 г., то пушкинская эпиграмма была написана не ранѣе этого времени и можетъ быть отнесена приблизительно даже къ 1816 году.

115. ЗАВѢЩАНІЕ.

Копія «Завѣщанія» сохранилась на одномъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ собранной А. Д. Илличевскимъ «Лицейской антологіи» листковъ, принадлежавшемъ Я. К. Гроту. Напечаталъ эту пьесу впервые В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 143). Къ 1816 г. она относится приблизительно, по времени составленія Илличевскимъ его сборника; можетъ быть, она написана ранѣе.

Пьеса эта, въ которой молодой авторъ говоритъ о какихъ-то, конечно, воображаемыхъ долгахъ, полуподражательна: она написана въ духѣ того невиннаго, поверхностнаго эпикуреизма, которымъ любила кокетничать до-батюшковская поэтическая школа. «Шѣсни», которыя Пушкинъ прощаетъ своимъ друзьямъ—можетъ быть, эпиграммы товарищей на самого поэта; можетъ быть, просто плохіе стихи, авторы которыхъ нуждаются въ прощеніи. «Завѣщаніе»—одного тона съ «Моимъ завѣщаніемъ» и «Моей эпитафіей» (1815).

117. ЭКСПРОМТЪ НА АГАРЕВУ.

Автографъ «Экспромта», принадлежавшій Я. К. Гроту и переданный имъ П. И. Тихонову, намъ не былъ доступенъ и, быть можетъ, даже совсѣмъ утраченъ, какъ многіе документы, переходившіе изъ рукъ въ руки. Въ копіи онъ сохранился въ тетради Ѳ. Ѳ. Матюшкина («Журн. Мин. Народ. Просв.» 1905 г., октябрь, стр. 231, 247). Въ

Карикатура Илличевскаю на Кюхельбекера въ Лицейскомъ Журналѣ «Лицейскій Мудрецъ».

118. НА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

Вотъ Виля—онъ любовью дышетъ,
Онъ нѣсни пишетъ зло:
Какъ Геркулесъ сатиры пишетъ,
Влюбленъ, какъ Буало.

119. НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Покойникъ Клитъ въ раю не будетъ:
Творилъ онъ тяжкіе грѣхи.
Пусть Богъ дѣла его забудетъ,
Какъ свѣтъ забылъ его стихи.

120. НА Е. П. ПУЧКОВУ.

I.

Пучкова, право, не смѣшна:
Неромъ содѣйствуетъ она
Благотворительнымъ газетъ недѣльнымъ
видамъ,
Хоть въ смѣхъ читателямъ да въ пользу
Пивалидамъ.

II.

На нее жъ.

Зачѣмъ кричишь ты, что ты *дѣва*
На каждомъ дѣвственномъ стихѣ.
О вижу я— нѣвица Ева,
Хлопочешь ты о женихѣ.

121. СКАЖИ, ЧТО НОВАГО.

Скажи, что новаго,—ни слова
Не знаешь ли, гдѣ, какъ и кто?»
—О братецъ, отвяжись— я знаю только то,
Что ты дуракъ... но это ужъ не ново.

первый разъ онъ былъ напечатанъ въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 370), подъ заглавіемъ: «Экспромтъ на А». Во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ текстъ остался безъ измѣненій; въ этомъ же видѣ печатается и здѣсь. Къ 1816 г. отнесъ эту пьесу Ефремовъ (3-ье изданіе Я. А. Исакова, 1880 г., т. I, стр. 167). Дату эту можно признать вѣрной или довольно близко подходящей къ истинѣ, потому что въ 1816 г. Пушкинъ встрѣчался съ героиней своего экспромта у Карамзиныхъ, проводившихъ лѣто въ Царскомъ Селѣ. Л. Н. Майковъ высказалъ догадку: «нѣтъ сомнѣнія, что Пушкинъ встрѣчался съ (Огаревой) въ домѣ исторіографа (академич. изд., I т., 2-е изд., примѣч., стр. 345). Въ этой догадкѣ надобности нѣтъ, потому что объ ихъ знакомствѣ свидѣтельствуетъ выдержка изъ дошедшаго до насъ письма Е. А. Карамзиной къ князю П. А. Вяземскому, 13 іюля 1816 г.: «29 и 12 мы праздновали, елико было возможно... захватимъ всѣхъ, кто принимаетъ въ насъ участіе—г-жу Огареву и маленькаго Пушкина...» (29 іюня—день ангела князя Петра Андр. Вяземскаго, а 12 іюля—день его рожденія).

Елизавета Сергѣевна Огарева, или Агарева, какъ фонетически писали тогда (род. 13 ноября 1786 г., † 5 февраля 1870 г.), въ дѣвичествѣ Новосильцова, жена сенатора П. П. Огарева, была женщина умная, красивая и образованная. А. В. Кочубей («Семейная хроника», Спб., 1890 г., стр. 44) разсказываетъ о ней: «Елизавета Сергѣевна была очень умная женщина и имѣла пріятную наружность. Если я пріобрѣлъ любовь къ литературѣ, къ особенности французской, то я обязанъ этимъ вполнѣ Елизаветѣ Сергѣевнѣ. Почти ежедневно прочитывали мы съ нею лучшія произведенія французской и русской литературы. Она одушевляла во мнѣ любовь къ поэзіи, и я—помню—сочинялъ для нея стихи въ формѣ мадригаловъ, которые были тогда въ модѣ. Мадригалы ей писали П. П. Дмитріевъ и князь П. А. Вяземскій. Дмитріевъ («Сочиненія» подъ ред. А. А. Флоридова, Спб., 1893 г., т. I, стр. 246) надѣялся «невъ сердцѣ, такъ въ ея альбомѣ жить». Изъ длиннаго и восторженнаго мадригала Вяземскаго (1816 г.) видно, что Огарева очень внимательно слѣдила за современной литературой; Вяземскій («Полн. собр. сочин.», т. III, Спб., 1880 г., стр. 112—113) говоритъ, что, владѣя онъ дарованіемъ Нелединскаго-Мелецкаго или Дмитріева,—

Почувствовавши Музъ святую благодать.
Пришелъ бы я съ душой, къ изящному пристрастной,
Природы красотѣ учиться при тебѣ,
Но, заглядѣвшися на подлинникъ прекрасной,
Забылъ бы вѣрно я о спискѣ и себѣ.

(О ней см. также «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», прим. В. И. Саитова, т. I, стр. 501). Пушкинъ написалъ ей два стихотворенія (второе относится къ 1817 г.). «Экспромтъ» представляетъ собою забавную и, вѣроятно, преднамѣренную двусмысленность и сбивается съ мадригала на эпиграмму. Авторъ не высказываетъ, «что говоритъ воображенье», либо потому, что не рѣшается на любовное признаніе, либо оттого, что не смѣетъ сказать дерзость,—и предоставляетъ догадываться объ его чувствахъ.

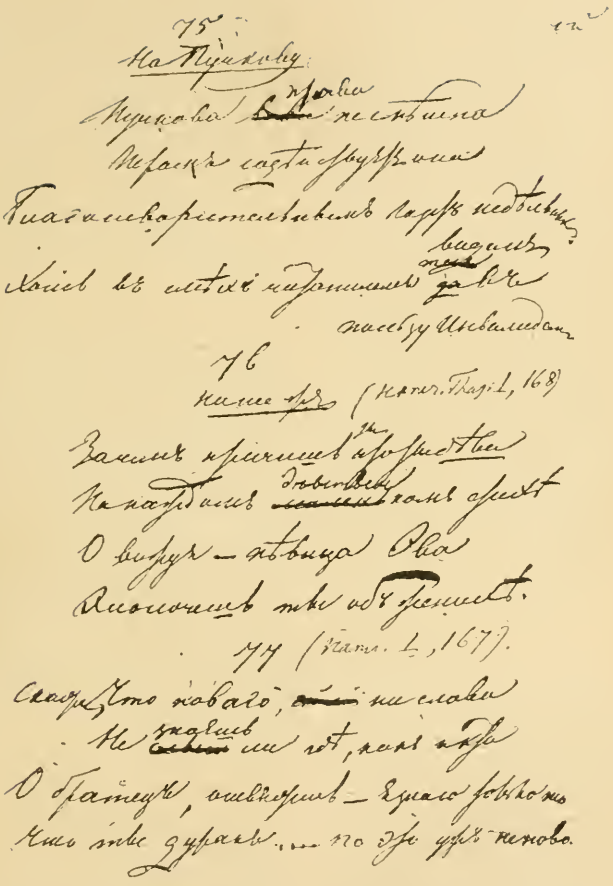
Н. Лернеръ.

117. ОНА.

Пьеса эта извѣстна въ копіи, находящейся въ рукописи московскаго публичнаго музея № 2395 (л. 782), приготовленной для послѣдняго изданія произведеній поэта, въ которомъ она и была напечатана впервые (т. IX, стр. 396). Къ 1816 г. отнесъ ее П. А. Ефремовъ (изданіе 1880 г., т. I, стр. 188—189). Точно датировать невозможно: единственное хронологическое указаніе заключается развѣ въ томъ, что пьеса всегда печаталась въ числѣ лицейскихъ стихотвореній. Имена Глицеры, Хлои, Лилы и не совсѣмъ совершенная форма (замѣтимъ, что въ пятомъ стихѣ не пять стопъ, какъ въ другихъ, а четыре) указываетъ, что пьесу нельзя помѣщать болѣе поздней датой, чѣмъ 1816 г.

Это стихотвореніе напоминаетъ мадригалъ, написанный Лермонтовымъ извѣстной московской красавицѣ А. В. Алябьевой, которой поэтъ писалъ:

Звалъ ли васъ хоть кто-нибудь:
Она?



Автографы эпиграммъ «На Пучкову» и «Скажи, что новаго».
(*Принадлежатъ теперь К. Я. Гроту*).

118. ВОТЪ ВИЛЯ—ОНЪ ЛЮБОВЬЮ ДЫШЕТЪ...

Копія этой эпиграммы сохранилась на одномъ изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ листковъ собранной А. Д. Илличевскимъ «Лицейской антологіи». Напечаталъ ее впервые В. П. Гаевскій («Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія» — «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 148). Къ 1816 г. она была отнесена лишь приблизительно, по времени составленія Илличевскимъ его сборника, но, можетъ быть, написана и ранѣе. Въ запискахъ князя П. А. Вяземскаго (Сочин., т. VIII, 240) находимъ остроумную эпиграмму А. С. Хвостова [1]) на графа Д. И. Хвостова, которой, можетъ быть, подражалъ Пушкинъ:

Однофамилецъ мой—сказать то не въ укоръ—
Танцуетъ какъ Вольтеръ, а пишетъ какъ Дюпоръ.

(Дюпоръ былъ извѣстный французскій танцоръ). Писаніе эпиграммъ другъ на друга было любимымъ занятіемъ лицейскаго поэтическаго кружка, и «Вилѣ», злополучному В. К. Кюхельбекеру (о немъ см. особую статью), доставалось больше всѣхъ. (Гаевскій, ор. с., 147—149). Недостатокъ Буало, на который намекаетъ Пушкинъ въ этой эпиграммѣ, далъ ему поводъ къ нескромной шуткѣ: «Ты хочешь знать, моя драгая»...

---

119. НА СМЕРТЬ СТИХОТВОРЦА.

Эта эпиграмма Пушкина, не дошедшая до насъ въ рукописи, была впервые напечатана въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» 1817 г., т. I, № 2, стр. 68, съ подписью поэта, который ея болѣе не перепечатывалъ, и въ собранія его произведеній она стала входить начиная съ посмертнаго изданія (т. IX, стр. 368), гдѣ была озаглавлена: «Эпитафія». Къ 1816 г. она была приблизительно вѣрно отнесена въ изданіи 1880 г. (т. I, стр. 169).

Въ этой остроумной эпиграммѣ подъ Клитомъ, по словамъ графа М. А. Корфа (Я. К. Гротъ «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 245), разумѣлся В. К. Кюхельбекеръ, всегдашняя жертва острословія своихъ товарищей). Эпиграмма хотя и дышитъ чисто-пушкинскимъ юморомъ и задоромъ, по формѣ еще принадлежитъ къ тѣмъ стихотвореніямъ, которыя Бѣлинскій назвалъ «переходными» въ творчествѣ Пушкина, и въ которыхъ виденъ «поэтъ даровитый, но еще несамостоятельный». «Эпиграммы, мадригалы, надписи къ портретамъ»,—говоритъ великій критикъ,—«были тогда въ большомъ ходу и составляли особенный родъ поэзіи, которому въ піитикахъ посвящалась особая глава. Только Державинъ и Жуковскій не писали эпиграммъ; но Батюшковъ былъ до нихъ большой охотникъ, и, вѣроятно, его-то примѣръ особенно увлекъ Пушкина».

---

120. СКАЖИ, ЧТО НОВАГО...

Эта эпиграмма дошла до насъ въ автографѣ (см. стр. 377) на одномъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ собранной А. Д. Илличевскимъ «Лицейской антологіи» листковъ, (см. ст. В. П. Гаевскаго въ «Современникѣ» 1863 г., № 7, стр. 142—143), принадлежавшемъ Я. К. Гроту, и въ копіи въ находящейся въ московскомъ публичномъ музеѣ тетради № 2395 (л. 775). Впервые пьеса была напечатана въ посмертномъ изданіи произведеній поэта (т. IX, стр. 367). Къ 1816 г. она относится приблизительно, по времени составленія Илличевскимъ его сборника; можетъ быть, она написана раньше. Въ 1828 г. поэтъ передѣлалъ ее, удлинивъ надоѣдливыя рѣчи назойливаго разспросчика, отчего эпиграмма выиграла въ юморѣ («Любопытный», см. во II томѣ).

121. НА НУЧКОВУ.

Первая эпиграмма сохранилась въ остаткахъ сборника «Лицейская Антологія, собранная трудами пресловутаго *ійшій*» (т. е. А. Д. Илличевскаго) и напечатана впервые Я. К. Гротомъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г., т. XLI, стр. 663, откуда перешла въ изданіе Литературнаго Фонда, т. I, стр. 159, изд. Ефремова, т. I, стр. 253 и изд. Морозова, т. I, стр. 198. Автографъ нынѣ у К. Я. Грота.

Первый стихъ первоначально былъ написанъ:

Нучкова вовсе не смѣшна.

---

[1]) Объ А. С. Хвостовѣ см. Сочиненія Державина», ред. Я. К. Грота, т. III, Спб., 1870 г., стр. 322—324.

а послѣдній—

Хоть въ смѣхъ читателямъ, такъ въ пользу
инвалидамъ.

Вторая эпиграмма, находящаяся теперь въ рукописи также у К. Я. Грота (въ той же «Антологіи»), въ первый разъ напечатана была В. П. Гаевскимъ въ статьѣ его: «Пушкинъ въ Лицеѣ и лицейскія его стихотворенія» («Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 143), затѣмъ въ изданіи 1870 г. (подъ ред. Геннади), т. I, стр. 568, откуда перепечатывалась во всѣ послѣдующія.

Второй стихъ Пушкинымъ былъ написанъ

На каждомъ маленькомъ стихѣ;

замѣна этого слова словомъ дѣвственномъ принадлежитъ Илличевскому.

И по обстоятельствамъ времени, и по мѣсту, занимаемому эпиграммами въ сборникѣ Лицейскихъ поэтовъ, онѣ относятся къ 1816 году.

До послѣдняго времени во всѣ изданія сочиненій Пушкина включалась еще одна эпиграмма на Пучкову, приписывавшаяся Пушкину:

Зачѣмъ объ инвалидной долѣ
Моя Пучкова такъ тужитъ?
Она сама въ предестномъ полѣ
Вѣдь заслуженный инвалидъ.

Напечатанная впервые Я. К. Гротомъ въ «Русской Старинѣ» 1884 г., т. XLI, стр. 664 и перепечатывавшаяся затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ, эпиграмма эта, какъ оказывается, принадлежитъ не Пушкину, а Алексѣю Демьяновичу Илличевскому, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ писанная Ѳ. Ѳ. Матюшкинымъ тетрадь «Стихотвореній воспитанниковъ Императорскаго Лицея, ч. II», въ которой и въ оглавленіи піесъ, и подъ самою эпиграммой, на стр. 48, указанъ ея авторомъ Илличевскій (см. статью К. Я. Грота въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» 1905 г., № 80, стр. 228, 231 и 247). Я. К. Гротъ, печатая эту эпиграмму, приписалъ ее Пушкину лишь на основаніи сходства почерка,—основаніи шаткомъ и часто вводящемъ въ заблужденіе.

Екатерина Наумовна Пучкова [1]), дѣвица, была дочерью полковника и Георгіевскаго кавалера Наума Егоровича Пучкова, родилась въ 1792 году въ Москвѣ, какъ можно догадываться изъ писемъ ея къ князю П. П. Шаликову; тамъ же прошла и ея юность, а затѣмъ она жила въ Петербургѣ. Училась она самостоятельно, «не имѣя почти другихъ учителей и наставниковъ, кромѣ собственной склонности и любви къ словесности». Литературнымъ занятіямъ ея покровительствовали: И. И. Дмитріевъ, М. Т. Каченовскій, близкій ея другъ Вас. Ив. Козловъ, графъ Д. И. Хвостовъ, посвятившій ей, между прочимъ, два послапія (1819 и 1820 г.—см. Собр. соч., изд. 1830 г., т. III, стр. 117—123 и 124—126), и особенно—князь Петръ Ивановичъ Шаликовъ. «Никогда не забуду»,—пишетъ ему Пучкова изъ Петербурга 1 октября 1819 г.,—«какъ вы одобряли первые, робкіе шаги мои на пути словесности; какъ, со свойственными вамъ благородствомъ и откровенностью, говорили мнѣ въ глаза правду, которую я теперь болѣе умѣю цѣнить, нежали тогда, юная, вѣтреная, безъ размышленія увлекаемая свѣтомъ и ослѣпленная наружнымъ блескомъ предметовъ». Пучкова вела въ Петербургѣ свѣтскую, разсѣянную жизнь, «не имѣя свободной минуты», что, конечно, не позволяло ей сосредоточиться на занятіяхъ словесностью. Рано начавъ писать, она скоро покинула литературное поприще. Въ январѣ 1826 г. Пучкова была въ Парижѣ, гдѣ видалась, между прочимъ, съ И. П. Тургеневымъ, затѣмъ вернулась въ Петербургъ съ нѣкоей генеральшей Ребиндеръ и въ августѣ того же года жила «въ домѣ министра народнаго просвѣщенія»—т. е. А. С. Шишкова. Въ Петербургѣ она провела и остальную часть своей жизни и здѣсь же скончалась, на 76 году отъ рожденія, 26-го апрѣля 1867 г.; погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Въ литературѣ Пучкова выступила «Первыми опытами въ прозѣ» (М., 1812), сборникомъ небольшихъ разсказовъ съ чисто-дидактической, подражательной подкладкой и множествомъ правоученій, вложенныхъ въ уста добродѣтельныхъ дѣйствующихъ лицъ. Изъ другихъ статей этого сборника, написанныхъ противъ такъ

1) О ней см.: «Дамскій Журналъ» 1827 г., авг. и 1830 г., мартъ; Спессорева, Описаніе Новодѣвичьяго монастыря, т. III, Спб., 1887; Князь П. П. Голицынъ, Библіографическій Словарь Русскихъ писательницъ, Спб., 1889; Е. І. Лихачева, Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, ч. II, Спб., 1893, стр. 289, 292, 295; «Русская Старина» 1881 г., т. XXXII, стр. 312; Записки С. П. Глинки, Спб., 1895, стр. 331; Л. П. Павлищевъ, Изъ семейной хроники, Спб., 1890, стр. 73.

называемыхъ галломановъ, ясно, что Пучкова была поклонницей Шишкова, почему и проводитъ его мысли относительно необходимости знакомства со славянскимъ языкомъ и церковными книгами. Ея увлеченія идеями Шишкова зашли такъ далеко, что она, вмѣстѣ съ Вас. Ив. Козловымъ, однимъ изъ редакторовъ «Русскаго Пиндара» (1815—1824), переселившимся изъ Москвы въ 1814 г., устраивала особыя собранія—«сонмища», на которыхъ присутствовавшимъ вмѣнялось въ обязанность стараться говорить только по-славянски. Возстаетъ Пучкова также и противъ иностранцевъ-воспитателей русскаго юношества. Нельзя не отмѣтить въ ея «Опытахъ» нѣсколькихъ статеекъ, въ которыхъ Пучкова является сторонницею серьезнаго женскаго образованія, рѣзко осуждаетъ людей противоположныхъ взглядовъ и неоднократно обращается къ русскимъ женщинамъ, призывая ихъ къ занятіямъ литературой, при чемъ сама выказываетъ большую начитанность и основательное знакомство съ русской и иностранной литературой.

Пучкова была членомъ Шишковской Бесѣды Любителей Русскаго слова, Общества Любителей словесности, наукъ и художествъ и почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Вольнаго Общества Любителей Россійской словесности (съ 1821 г.). Она сотрудничала въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ своего времени; статьи и стихотворенія ея встрѣчаются: въ «Аглаѣ» князя П. П. Шаликова (1808—1812 г.), «Русскомъ Вѣстникѣ» С. Н. Глинки, съ которымъ была лично знакома (1812 г., ч. XVIII), «Россійскомъ Музеумѣ» (1815 г.), «Сынѣ Отечества» (1815 и 1817 г.), «Дамскомъ Журналѣ» (1830 г.) и, наконецъ, въ «Русскомъ Пиндарѣ» (1816 г.); напечатанный здѣсь (въ № 277) ея «Экспромтъ тѣмъ, которые укоряли меня, для чего я не написала стиховъ на кончину Г. Р. Державина»:

Дѣвѣ ли робкой
Арфой незвучной
Славному барду
Пѣснь потребальну
Дѣвѣ ль брацать? и т. д.

Эти-то стихи и послужили поводомъ къ написанію 2-й эпиграммы.

Б. Модзалевскій.

ПУШКИНЪ И ПАРНИ.

I.

Исторія литературы знаетъ писателей, которые въ глазахъ современниковъ и ближайшаго потомства являлись выдающимися представителями того или иного литературнаго рода, пользовались широкой извѣстностью и даже громкой славой, иногда считались даже создателями извѣстной литературной школы... Но затѣмъ, вслѣдствіе перемѣны направленій и вкусовъ, имена этихъ писателей быстро становятся добычей забвенія. Дѣти уже небрежно перелистываютъ сочиненія, которыми восхищались отцы, внуки уже вовсе ими не интересуются, а затѣмъ даже и присяжные историки литературы не считаютъ нужнымъ удостоить хотя бы простого упоминанія имя, нѣкогда бывшее у всѣхъ на устахъ, а теперь представляющее только «пустой звукъ»....

Такая странная и печальная литературная судьба постигла и поэта, считавшагося въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка украшеніемъ французской литературы, первымъ элегическимъ поэтомъ своего времени, и удостоеннаго единодушныхъ похвалъ самыхъ серьезныхъ критиковъ той поры. Это былъ—Парни, имя котораго такъ тѣсно связано съ творчествомъ Пушкина, но въ наше время, какъ будто, даже совсѣмъ неизвѣстно новѣйшимъ историкамъ французской литературы. Разные мелкіе и, во всякомъ случаѣ, гораздо менѣе значительные стихотворцы прежнихъ вѣковъ не только находятъ себѣ мѣсто въ общихъ обзорахъ литературнаго движенія, но нерѣдко становятся предметомъ отдѣльныхъ монографій; а Парни, поэта несомнѣнно даровитаго и въ свое время очень вліятельнаго, обходятъ молчаніемъ даже спеціалисты: достаточно указать на тотъ странный фактъ, что его литературная характеристика, написанная Сентъ-Бевомъ въ 1844 году (Portraits contemporains et divers, vol. III), до сихъ поръ остается единственной.

Въ русской литературѣ объ этомъ вдохновителѣ Батюшкова и Пушкина нѣтъ даже ни одной замѣтки. Это обязываетъ настоящее изданіе подробнѣе остановиться на жизни и сочиненіяхъ поэта, нашедшаго себѣ яркое отраженіе въ произведеніяхъ корифеевъ русской поэзіи XIX вѣка.

Эварист-Дезире Дефоржъ (вспомните фамилію француза въ «Дубровскомъ») шевалье де-Парни родился 6 февраля 1753 г.

на островѣ Бурбонѣ,—нынѣ островъ Соединенія,—единственномъ принадлежащемъ Франціи въ группѣ Маскаренскихъ острововъ, близъ юго-восточнаго берега Африки, въ Индійскомъ океанѣ. Въ жилахъ Парни, какъ и въ жилахъ Пушкина, текла примѣсь африканской крови. Его семья съ давняго времени жила въ одномъ изъ небольшихъ городковъ острова, именно—въ Сенъ-Полѣ, и онъ провелъ свое дѣтство среди чудной тропической природы, окружающей этотъ городокъ. Девяти лѣтъ отъ роду Парни былъ привезенъ во Францію и помѣщенъ въ коллегію въ г. Реннѣ. Тамъ однимъ изъ его товарищей былъ Жентенэ, извѣстный впослѣдствіи издатель философскаго, литературнаго и политическаго журнала «Декада» (1794—1807) и историкъ итальянской литературы, навсегда оставшійся съ Парни въ тѣсныхъ, дружескихъ отношеніяхъ. По окончаніи школьнаго курса, молодой креолъ, обладавшій живымъ, пылкимъ и подвижнымъ характеромъ, сначала задумалъ было поступить въ монахи, именно—въ орденъ траппистовъ, но кончилъ тѣмъ, что поступилъ въ военную службу и уѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ встрѣтился съ своимъ землякомъ и товарищемъ дѣтства Бертэномъ, который въ ту пору также только что кончилъ курсъ въ коллегіи; оба они близко сошлись другъ съ другомъ и въ 1770—73 гг. присоединились къ веселой и разгульной компаніи, усвоившей себѣ кличку «Ордена Казармы». «Представьте себѣ, сударыня»,—писалъ Бертэнъ въ своемъ «Путешествіи въ Бургундію»,—«дюжину юныхъ офицеровъ, изъ которыхъ самому старшему нѣтъ еще 25 лѣтъ: большая часть изъ нихъ переселилась сюда изъ другого полушарія; всѣ они соединены между собою узами тѣсной дружбы; всѣ съ восторгомъ поклоняются искусству и всяческимъ талантамъ, сочиняютъ музыку, иногда пишутъ стихи; всѣ они преданы лѣни и изысканнымъ наслажденіямъ, зиму проводятъ въ Парижѣ, а лѣто—въ прекрасной долинѣ Фельянкура (близъ Парижа, между Марли и Сенъ-Жерменомъ), называя оба эти убѣжища Казармою...» И самъ поэтъ, когда ему пришлось разстаться съ этимъ любезнымъ его сердцу товарищескимъ кружкомъ, писалъ своему брату: «Сердце говоритъ мнѣ, что въ уединеніи нѣтъ счастья, а Надежда шепчетъ мнѣ на ухо: ты снова увидишь ихъ, своихъ милыхъ эпикурейцевъ,... ты вновь посѣтишь этотъ домъ наслажденій, куда не проникаетъ взоръ непосвященнаго!». Въ одной изъ первыхъ своихъ поэмъ: Journée champêtre Парни прозрачно изображаетъ веселое препровожденіе времени «на лонѣ природы», которому предавались молодые эпикурейцы вмѣстѣ съ своими красивыми подругами, для которыхъ, по словамъ Парни,—

Любовь есть долгъ, а скука—преступленье.

Припомнимъ, что и ранняя молодость Пушкина, по выходѣ его изъ Лицея, отмѣчена аналогичными увлеченіями. И нашъ поэтъ если не поступилъ въ военную службу, то, по крайней мѣрѣ, одно время сильно мечталъ о ней; и онъ, подобно своему французскому собрату, также попалъ въ веселую компанію «минутныхъ друзей своей минутной молодости» и, заброшенный судьбою въ далекій, полудикій Кишиневъ, съ горечью и надеждою чертилъ въ своей записной книжкѣ стихи, въ которыхъ выражалъ страстное желаніе вернуться въ «домъ наслажденій» Никиты Всеволожскаго, гдѣ такъ привѣтливо горѣла «Зеленая Лампа»...

Парни было всего 20 лѣтъ, когда родители призвали его на родину, и ему пришлось покинуть кругъ своихъ веселыхъ товарищей. Богатый, красивый, блестящій молодой офицеръ, прибывшій въ родное захолустье прямо изъ столицы Людовика XV, конечно, явился въ Сенъ-Полѣ для всѣхъ желаннымъ и завиднымъ гостемъ. Передъ нимъ были широко открыты всѣ двери, тѣмъ болѣе, что съ внѣшнимъ изяществомъ онъ соединялъ и внутреннее: онъ былъ уже поэтъ и прекрасный музыкантъ.

Вскорѣ онъ началъ давать уроки музыки одной юной, всего 13 или 14-лѣтней дѣвицѣ, которую потомъ воспѣвалъ подъ именемъ «Элеоноры». Ученица скоро увлеклась своимъ учителемъ, и родители Элеоноры вынуждены были потребовать отъ молодого офицера объясненій. Парни былъ готовъ загладить свою вину бракомъ, но отецъ его рѣшительно этому воспротивился. Напрасно поэтъ, въ страстныхъ стихахъ, призывалъ свою возлюбленную бѣжать вмѣстѣ съ нимъ на уединенный островъ, гдѣ ихъ не застигнетъ гнѣвъ неумолимаго отца; напрасно пытался онъ бороться съ этимъ гнѣвомъ и торжественно клялся принадлежать одной Элеонорѣ: отецъ заставилъ его вернуться въ Парижъ, а Элеонору, между тѣмъ, поторопились выдать замужъ.

По возвращеніи въ Парижъ, Парни написалъ «Посланіе къ Бостонскимъ инсургентамъ» (1777), вызванное событіями сѣверо-американской войны за независимость и выражающее въ юмористической формѣ симпатіи автора къ «мятежному и несправедливому народу, который, обходясь безъ папы, безъ королей и королевъ, задумалъ плясать подъ звонъ цѣпей, угнетающихъ родъ человѣческій». Въ слѣдующемъ (1778) году вышелъ небольшой томикъ «Любовныхъ стихотвореній» Парни, изъ которыхъ лучшія посвящены «Элеонорѣ», хотя на ряду съ этимъ дорогимъ для поэта именемъ здѣсь встрѣчаются еще и обычныя для тогдашнихъ стихотворцевъ условныя имена—Хлоя, Аглая, Эфрозина и т. п. «Элеонора» сразу обратила на себя вниманіе тогдашней критики, конечно, благодаря той искренности, какая, несмотря на извѣстную долю схоластицизма, чувствовалась въ обращеніяхъ поэта къ своей возлюбленной. Послѣ выхода въ свѣтъ (1779) другого небольшого сборника мелкихъ стихотвореній, среди которыхъ многія также были посвящены Элеонорѣ, Парни убѣдился въ томъ, что успѣхъ его произведеній обусловливается ихъ искреннимъ и глубоко прочувствованнымъ тономъ, и потому рѣшилъ пожертвовать «Аглаями», «Эфрозинами» и прочими «классическими» условностями ради лирической правды и внести въ свои любовныя стихотворенія извѣстное единство и стройность. Расположивъ ихъ въ порядкѣ, отвѣчающемъ логической послѣдовательности, онъ раздѣлилъ ихъ на четыре книги: въ первой изображается ничѣмъ не нарушаемое наслажденіе радостями любви; во второй—тревожное состояніе влюбленнаго, вызываемое подозрѣніями въ невѣрности; въ третьей—новое счастье послѣ пережитыхъ напрасныхъ треволненій; въ четвертой—дѣйствительная невѣрность и вызванное ею горькое чувство. Въ этой послѣдней части помѣщено 14 элегій, въ которыхъ нашли себѣ поэтическое выраженіе чувства, пережитыя самимъ авторомъ, отголоски его собственной сильной и пылкой страсти. Въ первыхъ своихъ стихотвореніяхъ Парни шелъ еще по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, усвоивъ ихъ форму и манеры выраженія; но вскорѣ онъ сумѣлъ уже освободиться отъ этихъ посторонннихъ вліяній и, благодаря непосредственному чувству, которымъ одушевлены лучшія изъ его элегій, сдѣлался общимъ любимцемъ современныхъ цѣнителей поэзіи. Критика, правда, отмѣчала въ его стихотвореніяхъ нѣкоторые недостатки, злоупотребленіе общими мѣстами и довольно уже избитыми выраженіями и риѳмами, но это не помѣшало ей провозгласить его «первымъ классическимъ поэтомъ вѣка Людовика XVI»...

Парни было немногимъ больше 25 лѣтъ, но онъ начиналъ уже чувствовать утомленіе отъ своей эротической музы. Недаромъ говоритъ онъ въ концѣ стихотворенія «Journée champêtre»:

Одна пора для сладкаго безумья,
Одна пора для пламенныхъ стиховъ.

Эта пора для него уже проходила... Всѣ говорили объ его «Элеонорѣ», но самъ онъ чувствовалъ, что память о ней все больше и больше тускнѣетъ въ его сердцѣ, и отвѣчалъ своимъ поклонникамъ и нескромнымъ вопрошателямъ:

Довольно объ Элеонорѣ:
Пора любви уже прошла!

Онъ сознавалъ уже, что ему недостаетъ того прежняго, весенняго, юношескаго одушевленія, которымъ внушена была его страсть и ея поэтическое выраженіе, и не хотѣлъ искусственно поддерживать прежній гонъ, который звучалъ бы теперь только поддѣлкой подъ искренность. Выпуская, въ 1784 году, 4-е изданіе своихъ мелкихъ стихотвореній, «въ послѣдній разъ исправленное и дополненное», онъ заявилъ въ предисловіи, что этотъ сборникъ впредь уже не подлежитъ никакимъ измѣненіямъ.

Затѣмъ Парни покинулъ Францію, вернулся, мимоѣздомъ, къ себѣ на родину и отправился дальше, въ Индію, въ качествѣ адъютанта при военномъ губернаторѣ. Однако, это оффиціальное положеніе скоро ему наскучило. Онъ вышелъ въ отставку, опять вернулся въ Парижъ и въ 1787 г. издалъ «Мадагаскарскія пѣсни»—собраніе, состоящее всего изъ 12-ти отрывковъ въ прозѣ, будто бы переведенныхъ съ подлинныхъ произведеній безыскусственной поэзіи туземцевъ, на самомъ же дѣлѣ сочиненныхъ въ духѣ современныхъ поэту идей о «первобытномъ человѣкѣ», съ соотвѣтствующей подкраской ради «мѣстнаго колорита». Въ одной книжкѣ съ этими пѣснями появились «Картины»—рядъ небольшихъ стихотвореній, изображающихъ въ привлекательномъ эротическомъ стилѣ «паденіе» невинной Жюстины: можетъ быть, одинъ изъ варіантовъ воспоминаній поэта

объ его собственныхъ отношеніяхъ къ «Элеонорѣ».

Въ эпоху революціи Парни, хотя и поплатившійся значительной долей своего состоянія, однако, не утратилъ бодрости духа и продолжалъ вести прежнюю жизнь, мало-по-малу приспособляясь къ новымъ общественнымъ настроеніямъ. Говорятъ, что онъ сочинилъ поэму подъ заглавіемъ: «Любовныя похожденія французскихъ королевъ», но затѣмъ сжегъ ее, чтобы не давать лишняго оружія въ руки враговъ низверженной династіи... Въ эпоху Директоріи онъ занялся сочиненіемъ новой большой поэмы «Война боговъ», содержаніемъ которой служитъ борьба стараго, языческаго, Олимпа съ новымъ, христіанскимъ, и побѣда послѣдняго, а отдѣльные эпизоды представляютъ рядъ иногда очень остроумныхъ, но всегда очень вольныхъ эротическихъ картинъ. Парни печаталъ отрывки изъ этой поэмы въ «Декадѣ» своего друга Женгенэ; въ полномъ же видѣ она была издана только въ 1800 г.—и сразу такъ понравилась тогдашней публикѣ, что въ одинъ годъ понадобилось цѣлыхъ три ея изданія. На автора посыпались привѣтственные стишки и мадригалы; что касается серьезныхъ критиковъ, то одинъ изъ нихъ, Дюссо, высказалъ, что «Война боговъ» займетъ въ исторіи революціи мѣсто, пожалуй, еще болѣе важное, чѣмъ въ исторіи литературы, а другой—старый школьный товарищъ автора, Женгенэ, посвятилъ поэмѣ цѣлыхъ три хвалебныхъ статьи, въ которыхъ подробно изложилъ ея содержаніе и далъ такую общую характеристику: «Богипобѣдители являются здѣсь настолько же смѣшными въ своей побѣдѣ, какъ побѣжденные въ своемъ пораженіи; ни тѣ, ни другіе ничего не выигрываютъ». Въ нѣкоторыхъ эпизодахъ поэмы критикъ находилъ «черты, неоправдываемыя требованіями приличія, не лицемѣрнаго только, но и философскаго,—и даже требованіями хорошаго вкуса»; но это не помѣшало ему поставить новую поэму наравнѣ съ «Двѣнадцатью цезарей» Вольтера,—«съ этимъ произведеніемъ, котораго въ настоящее время только отъявленные ханжи не признаютъ однимъ изъ образцовыхъ твореній нашей литературы». Что касается неудовольствія, выражаемаго по поводу новой поэмы «ригористами», то Женгенэ видѣлъ въ немъ только «возгласы, внушаемые ловкимъ фанатизмомъ и хитрымъ реализмомъ...». Въ такъ называемомъ «хорошемъ обществѣ» эта поэма, всецѣло отразившая въ себѣ нравы и вкусы Директоріи, вызывала только улыбки: тамъ и безъ нея давно уже привыкли къ подобнымъ вещамъ. Достаточно сказать, что въ 1798 г. вышли «Priapeia» аббата Ноэля, въ 1799—«Четыре превращенія» Лемерсье и «Поэтъ» Дефоржа, не говоря уже о романахъ маркиза де-Сада.

Изъ иностранныхъ критиковъ «Война боговъ» была подробно разобрана А. В. Шлегелемъ въ «Атенеумѣ». Онъ доказываетъ, что борьба различныхъ миѳологій, сама по себѣ, представляетъ прекрасный сюжетъ для комической поэмы. Планъ поэмы Парни, въ цѣломъ, превосходенъ: различныя стороны выступаютъ передъ читателемъ въ естественной послѣдовательности, не опущено ничего важнаго и не вставлено ничего лишняго или не идущаго къ дѣлу. Но поэтъ ежеминутно выбивается изъ тона и характера дѣйствующихъ лицъ,—и не ради комизма, а просто по неловкости и безсилію. Тамъ же, гдѣ онъ и вѣрно попадаетъ въ цѣль, все-таки, замѣтна ограниченность его поэтическаго дарованія. Взять, напримѣръ, остроумныя мѣста о психологическомъ смѣшеніи трехъ лицъ въ одномъ существѣ, а слѣдовательно—и въ одномъ сознаніи: этимъ мотивомъ можно было бы воспользоваться несравненно лучше. Свойства языка только на половину извиняютъ поэта: хотя нельзя и думать такъ своевольно играть имъ, какъ Аристофанъ, однако, много значатъ смѣлость и желаніе: одно усердное подражаніе Рабле много помогло бы въ этомъ отношеніи. У Парни нѣтъ способности подмѣчать истинно комическое; у него всегда проглядываетъ чувство одолѣнія; онъ съ пылкою ненавистью преслѣдуетъ католицизмъ и вообще христіанство. Не значитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, выказать медвѣжью ловкость, заставивъ архангела Гавріила показывать въ волшебномъ фонарѣ грядущія судьбы новой религіи и при этомъ разсуждать на манеръ энциклопедистовъ о тѣхъ несчастіяхъ и ужасахъ, какіе повлечетъ за собою ея распространеніе?.. Удивительно, какъ Парни еще выказалъ столько смысла въ отношеніи миѳологіи. Между прочимъ, онъ остроумно сближаетъ греческую миѳологію съ сѣверною и отмѣчаетъ ихъ противоположности; появленіе на сценѣ Одина вмѣстѣ съ второстепенными его божествами и участіе ихъ въ борьбѣ принадлежитъ къ лучшимъ эпизодамъ поэмы. Въ мѣстахъ шутливыхъ и чувственныхъ поэтъ вообще не заходитъ

дальше предѣловъ, допускаемыхъ пародіей, и здѣсь его шутки являются иногда поэтичными. Пародія семи таинствъ—одна изъ самыхъ дерзкихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самыхъ остроумныхъ выходокъ. Не менѣе комично появленіе сатировъ и превращеніе ихъ въ монаховъ. Отлично задумана и разсказана исторія двухъ любящихъ существъ, давшихъ обѣтъ вѣчнаго воздержанія и каждый разъ, какъ только палавливый амуръ впушаетъ имъ забвеніе этого обѣта, удерживаемыхъ внѣшними событіями, возбуждающими религіозное чувство. Тамъ, гдѣ поэтъ говоритъ о правахъ природы (напр., при изображеніи жизни въ женскомъ монастырѣ), у него является характерная и согласная съ его взглядомъ на вещи скромность, которая не хочетъ доходить до крайностей и избѣгаетъ «ставить точки на і». Шлегель заключаетъ свой разборъ общимъ замѣчаніемъ, что поэма Парни, несмотря на свое титаническое названіе, представляетъ только изящную миніатюрную работу.

Успѣхъ «Войны боговъ» поощрилъ Парни продолжать въ томъ же направленіи. Онъ написалъ небольшую поэмку «Путешествіе Селины», въ которой изображаетъ положеніе женщины у разныхъ народовъ, въ связи съ ихъ религіозными воззрѣніями; затѣмъ слѣдовала поэма въ 4-хъ пѣсняхъ «Потерянный Рай» и, наконецъ, рядъ эротическихъ эпизодовъ, въ стилѣ старинныхъ французскихъ фабліо, подъ общимъ заглавіемъ: «Les galanteries de la Bible, propoкѣдь въ стихахъ». Всѣ эти произведенія, по своему содержанію, болѣе или менѣе примыкаютъ къ «Войнѣ боговъ», отчасти даже повторяя, на новый ладъ, нѣкоторые ея мотивы. Они были собраны и изданы въ 1805 г. въ отдѣльной книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Украденный портфель».

Почти одновременно съ выходомъ въ свѣтъ «Войны боговъ» открылось свободное кресло въ Академіи, за отъѣздомъ изъ Франціи Делиля, окончательно рѣшившаго эмигрировать. Парни былъ выставленъ въ числѣ кандидатовъ; но слишкомъ пылкое воображеніе, проявленное имъ въ знаменитой поэмѣ, напугало избирателей, которые предпочли ему другого кандидата—Легуве. Только три года спустя, въ 1803 г., Парни былъ избранъ въ члены Французской Академіи, на мѣсто умершаго Девэна. Официальный его пріемъ въ Академію состоялся 28 декабря 1803 г. Въ своей рѣчи, посвященной, по установленному порядку, похваламъ предшественника, поэтъ, между прочимъ, распространился о задачахъ и цѣляхъ лирики вообще и элегической поэзіи въ частности. На эту рѣчь отвѣчалъ академикъ Гара, на долю котораго выпала задача, въ ту пору уже не легкая: хвалить автора «Войны боговъ» передъ публикой, вкусы которой успѣли уже существенно измѣниться: теперь прежнее легкомысленное отношеніе къ религіознымъ вопросамъ считалось уже признакомъ дурного тона, и всѣ восторгались «Духомъ христіанства» Шатобріана. Гара, однако, сумѣлъ удачно пробраться между Сциллой и Харибдой противоположныхъ настроеній, обрушившись въ пылкой филиппикѣ противъ фанатизма, который препятствуетъ установленію мирныхъ отношеній между разномыслящими людьми... Рѣчь эта вызвала въ газетахъ нѣкоторую полемику, нападки на софистическіе пріемы Гара и болѣе или менѣе рѣзкіе отзывы о почтенномъ авторѣ «Войны боговъ» и «Библейскихъ приключеній»; но литературныя распри скоро исчезли въ вихрѣ болѣе важныхъ событій политическихъ.

Торжественное засѣданіе Академіи, посвященное пріему Парни, закончилось нѣпѣніемъ воинственнаго гимна, направленнаго противъ англичанъ: въ ту пору во Франціи серьезно поговаривали о возможности военной экспедиціи въ Англію. Парни отозвался на это патріотическое настроеніе небольшой шуточной поэмой «Goddam!», въ которой пародировалъ борьбу Гарольда съ Вильгельмомъ-Завоевателемъ и предсказывалъ, что британцы, изгнанные съ своего острова французами, удалятся въ Южный океанъ и тамъ поселятся на Разбойничьихъ островахъ... Поэма, по свидѣтельству критиковъ, даже расположенныхъ къ автору, ему не удалась, а «зоилы» начали повторять, что Парни, умѣвшій такъ хорошо воспѣвать любовь, оказался плохимъ пѣвцомъ войны.

Парни и самъ сознавалъ, что «Эротъ» ему ближе «Атридовъ и Кадма», и въ слѣдующемъ же своемъ произведеніи вернулся къ любовной поэзіи. На этотъ разъ онъ вдохновился модными въ то время пѣснями Оссіана, который только что успѣлъ обратить на себя вниманіе широкаго круга французской публики благодаря стихотворнымъ подражаніямъ Бауръ-Лорміана. Парни напечаталъ небольшую поэму «Исцѣленіе Аслега», которая сначала состояла изъ одной только пѣсни, а потомъ была рас-

ПАРИЖ.

Съ гравюры 1820-хъ г.

ширена въ четыре пѣсни. Это прекрасная, нѣжная картина любви въ мечтательномъ лунномъ освѣщеніи, скорѣе напѣвная осіановскими образами, чѣмъ представляющая прямое имъ подражаніе.

Въ концѣ 1802 г. Парни женился на вдовѣ съ нѣсколькими дѣтьми, отказавшись, незадолго до того, отъ брака съ овдовѣвшей «Элеонорой». Въ это время ему шелъ уже 50-й годъ, и прежняя веселая эротическая муза начинала уже измѣнять поэту. Онъ какъ бы простился съ нею въ длинномъ стихотвореніи, «Les Déguisements de Vénus», состоящемъ изъ 30-ти картинъ, связанныхъ между собою единствомъ любовнаго сюжета. Затѣмъ, въ 1807 г., онъ издалъ большую поэму въ 12-ти пѣсняхъ «Рыцари Розоваго Креста», которая, однако, оказалась гораздо ниже его славы. Онъ и самъ понялъ это и съ тѣхъ поръ уже не писалъ ничего, кромѣ небольшихъ легкихъ стихотвореній и стихотворныхъ записочекъ. Притомъ, наступающая старость давала себя чувствовать все болѣе и болѣе тяжелыми болѣзнями.

Парни умеръ 5 декабря 1814 г., на 62-мъ году жизни, не подозрѣвая того, какъ быстро забудется потомствомъ его нѣкогда гремѣвшее имя. Несмотря на тревожныя политическія обстоятельства, жертвою которыхъ была въ ту пору Франція, смерть поэта обратила на себя общее вниманіе, и его проводили въ могилу съ восторженными и искренними похвалами. Незадолго передъ нимъ умеръ Делиль, котораго современники прозвали «аббатомъ Виргиліемъ»; по поводу смерти Парни, который самъ себя называлъ «младшимъ братомъ Тибулла», было замѣчено, что и въ древности Тибуллъ лишь немного пережилъ Виргилія. Бераиже, въ ту пору только что начинавшій свою литературную дѣятельность, написалъ на смерть Парни прочувствованное стихотвореніе и этимъ какъ бы указалъ на то вліяніе старшаго поэта, какое, несомнѣнно, обнаруживается во многихъ эротическихъ и далекихъ отъ набожности куплетахъ популярнаго пѣсенника... Точно такъ же несомнѣннымъ представляется, по мнѣнію Сентъ-Бева, вліяніе Парни и на первые опыты элегической музы Ламартина.

II.

Значеніе Парни въ исторіи французской поэзіи опредѣляется современнымъ ему состояніемъ ея и тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, какое вызвано было его произведеніями въ современной критикѣ.

Парни началъ свою литературную дѣятельность въ такую эпоху, когда лирика занимала во французской литературѣ одно изъ самыхъ незначительныхъ мѣстъ. Это было время расцвѣта новыхъ философскихъ, политическихъ и общественныхъ ученій, блестящими представителями которыхъ явились Вольтеръ и энциклопедисты, стоявшіе во главѣ литературнаго движенія. Прозаическій романъ и повѣсть съ примѣсью сатиры, трагедія, наполненная общими мѣстами, выражавшими современныя идеи, комедіи Лесажа и Бомарше—вотъ произведенія, на которыя прежде всего обращалось вниманіе читателей, искавшихъ въ печатномъ словѣ и на сценѣ отголоска тѣхъ настроеній, которыми волновалось тогдашнее общество. Что касается собственно лирической поэзіи, то она, въ сущности, повторяла еще «зады» первой половины вѣка. Въ ней преобладали салонные мадригалы во вкусѣ двора Людовика XIV и мольеровскихъ маркизовъ, легкіе любовные стихи, посланія, пьесы «на случай» и т. п. произведенія, въ которыхъ чаще всего не было и признаковъ настоящей поэзіи, а преобладало школьное,—можно, пожалуй, даже сказать: схоластическое—сочинительство. Стиховъ и стихотворцевъ было много, но поэзіи и поэтовъ не было. Въ огромномъ большинствѣ стихотворныхъ произведеній, претендующихъ на сколько-нибудь продолжительное существованіе, господствуетъ отвлеченный разсудокъ, но нѣтъ блеска страсти, ни выразительности, ни образовъ. Появленіе Парни въ такой атмосферѣ не могло не обратить на себя общаго вниманія: отъ его произведеній сразу повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ, чѣмъ-то непохожимъ на обычныя стихотворческія упражненія. Вотъ какъ характеризуетъ его другъ Жентенэ его литературные дебюты:

«Умничанье и искусственность замѣнили собою искреннее чувство; особый иронический жаргонъ и неприличное пересмѣиваніе, гримасничая, вошли въ обычай: будуарный Аполлонъ, съ осанкой свѣтскаго кавалера, обращался къ красавицамъ въ изысканно любезномъ стилѣ и, преисполнившись гордости отъ сознанія, возжигае-

маго имъ ради нашихъ актрисъ, заражалъ Геликонъ закулисными ароматами. И всѣ, наперерывъ одинъ передъ другимъ, старались слѣдовать этому будто бы хорошему тону; каждый писатель словно боялся быть понятымъ сразу: наши риѳмачи соперничали другъ съ другомъ въ загадочныхъ словоизвитіяхъ, а наши Сафо приходили въ восторгъ отъ гіероглифовъ, между тѣмъ какъ журналы то и дѣло приговаривали: «вотъ истинно придворный тонъ»! И вотъ, явился ты—и заговорилъ языкомъ настоящей любви... Остроумничанья уже не стало, его царство кончилось. Кто же низложилъ его?—Природа и Парни!».

Въ этой дружеской, а потому нѣсколько преувеличенной характеристикѣ, безъ сомнѣнія, отразился взглядъ на Парни его современниковъ, чутьемъ понимавшихъ, что настоящая поэзія—вовсе не тамъ, гдѣ ее до тѣхъ поръ искали. Парни, по сравненію съ своими предшественниками, былъ дѣйствительно поэтомъ, потому что обладалъ настоящимъ, не сочиненнымъ чувствомъ, хотя, по условіямъ своего времени, и долженъ былъ выражать это чувство въ искусственныхъ, никольныхъ формахъ тогдашняго стихотворства. Но и въ отношеніи этихъ формъ онъ нерѣдко являлся новаторомъ и реформаторомъ: онъ далъ образцы новыхъ, легкихъ и простыхъ, стихотворныхъ размѣровъ, стремился перенять у римскихъ лириковъ извѣстную простоту выраженія и даже, вдохновляясь классическими сюжетами, избѣгалъ загромождать свои стихи миѳологическими подробностями, за которыми такъ гонялись стихотворцы, желавшіе блеснуть классической эрудиціей.

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ Парни является жизнерадостнымъ, пылкимъ юношей, передъ которымъ только что открылась жизнь, полная, какъ ему кажется, восторговъ и наслажденій. Вѣрный общему духу своего времени, пропитаннаго чувственностью, онъ ищетъ своихъ идеаловъ только въ томъ, что ей доступно, и стремится сдѣлать свои стихотворенія какъ бы кодексомъ любви и сладострастія, желая, чтобы они возбуждали вожделѣніе въ юныхъ сердцахъ и удаляли мысли дѣвъ отъ «суроваго монастырства». Словомъ, въ этихъ первыхъ произведеніяхъ поэта мы видимъ передъ собою только свѣтскаго человѣка, живущаго исключительно чувствомъ и гоняющагося за удовольствіями. Но вотъ ему приходится испытать тяжелолюбовное горе; пылкая страсть не находитъ себѣ удовлетворенія, встрѣчая непреодолимыя преграды; поэтомъ овладѣваютъ то бурные порывы отчаянія, то безсильное уныніе; онъ ищетъ уединенія и утѣшенія въ природѣ, на которую раньше почти не обращалъ вниманія: можетъ быть, среди ея вѣчной красоты и покоя, замретъ несчастная страсть; можетъ быть, «сердечный сонъ» снизойдетъ на измученнаго страдальца... Эти элегическіе переливы настроеній переданы у Парни не только съ большимъ художественнымъ тактомъ, но,—что гораздо важнѣе,—съ несомнѣнными признаками искренняго чувства, котораго не только не проявляли, но даже намѣренно избѣгали поэты прежняго времени. Читая Парни даже и теперь, несмотря на всю устарѣлость его пріемовъ, мы не можемъ не замѣтить, что въ основѣ его элегическихъ изліяній лежитъ нѣчто, имъ самимъ пережитое и перечувствованное. Оттого-то его «Элеонора» и заставила современниковъ такъ много говорить о ней, тревожиться объ ея участи, справляться о ней съ тѣмъ особеннымъ любопытствомъ, съ какимъ читатели, а больше всего—читательницы относятся къ героинямъ любимыхъ романовъ. А между тѣмъ, эта «Элеонора», наивная и доступная, вовсе не представляетъ мощнаго, твердо очерченнаго образа, полнаго огня и жизни; «на ея челѣ»,—говоритъ Сентъ-Бевъ,—«не сіяетъ звѣзда вѣчной юности». И въ самомъ дѣлѣ, прошло всего нѣсколько десятковъ лѣтъ, и при имени «Элеоноры» никому уже не вспоминалась героиня Парни: всѣ знали и помнили только одну Элеонору—героиню Тассо, идеальный образъ которой и до сихъ поръ остается незамѣнимымъ...

Такимъ образомъ, основною чертою поэзіи Парни, и въ частности его элегій, является необычная для того времени искренность, правдивость чувства. Эту черту тотчасъ подмѣтили всѣ современные поэту критики—и она-то именно и доставила ему титулъ «перваго элегическаго поэта Франціи», «одного изъ самыхъ блестящихъ и самыхъ гибкихъ талантовъ, какими можетъ гордиться современная французская поэзія», «поэта, умѣющаго сочетать прелестный легкой поэзіи чувственный тонъ съ тою изящною вѣжливостью выраженій, которая составляетъ неотъемлемое достоинство хорошаго общества». Все это—подлинныя слова тогдашнихъ литературныхъ судей, голосъ которыхъ имѣлъ авторитетное значеніе. Дѣйствительно, послѣ цѣлаго по-

тона всевозможныхъ «бездѣлушекъ», «капризовъ», «фантазій», и т. п. произведеній легкой эротической поэзіи, которыми ихъ сочинители думали пріобрѣсти безсмертіе, элегіи Парни должны были произвести особенно благопріятное и освѣжающее впечатлѣніе. Самъ Вольтеръ привѣтствовалъ молодого поэта, называя его «Любезный другъ Тибуллъ»...

Всѣми признанный первымъ элегическимъ поэтомъ не только своего времени, но и вообще французской литературы, Парни, однако, не могъ остановиться исключительно на одномъ литературномъ родѣ. Если въ своихъ элегіяхъ и «Мадагаскарскихъ пѣсняхъ» онъ является, до извѣстной степени, послѣдователемъ Ж.-Ж. Руссо въ его стремленіяхъ къ «натурѣ», то въ дальнѣйшей своей дѣятельности онъ обнаруживаетъ уже качества вѣрнаго ученика Вольтера, старающагося примѣнить на дѣлѣ знаменитую формулу автора «Дѣвственницы»: «Ecrasez l'infâme!». «Война боговъ», «Библейскія приключенія», «Потерянный рай» и «Путешествіе Селипы» служатъ краснорѣчивымъ выраженіемъ той безпардонной и насмѣшливой вольности въ обращеніи съ традиціонными вѣрованіями, какая, съ легкой руки Вольтера, вошла въ обычай въ салонахъ и литературѣ «остроумцевъ» послѣдней трети XVIII столѣтія. По времени, Парни является едва ли не послѣднимъ представителемъ этой вольтеровской «непочтительности», еще болѣе осложненной гривуазными вкусами Директоріи, отчасти напоминавшими чувственный разгулъ эпохи Регентства. Шумный успѣхъ названныхъ его произведеній былъ очень непродолжителенъ: новое время требовало уже новыхъ пѣсенъ, совсѣмъ въ иномъ тонѣ, и «непочтительность», которой еще вчера громко рукоплескали читатели и критики, сегодня уже стала казаться зазорной и неумѣстной: наступала эпоха имперіи Наполеона I, который этого рода шутокъ не любилъ. Не смотря на все изящество, остроуміе и нерѣдко истинную поэтичность эпизодовъ этихъ поэмъ, общій тонъ ихъ былъ уже «не ко двору». Парни это понялъ—и въ послѣдніе годы своей дѣятельности какъ-то стушевался въ литературѣ.

Въ своей рѣчи при пріемѣ въ Академію поэтъ подробно распространился о задачахъ и цѣляхъ элегической поэзіи,—очевидно, желая этимъ разсужденіемъ дать понять, что литературная заслуга, доставившая ему академическое кресло, заключается только въ его элегіяхъ. Съ другой стороны, и отвѣчавшій на его рѣчь академикъ Гара, какъ уже указано было выше, всѣ свои похвалы новому сочлену сосредоточилъ на этомъ пунктѣ и постарался дипломатически обойти щекотливую тему—оцѣнки прочихъ его произведеній. Сужденіе Парни объ элегической и вообще такъ называемой «легкой» поэзіи любопытны для насъ, между прочимъ, и потому, что они отчасти воспроизведены Батюшковымъ въ его извѣстной рѣчи «О вліяніи легкой поэзіи на языкъ». Парни, прежде всего указываетъ на то, что элегическая поэзія должна слѣдовать довольно строгимъ правиламъ. Главнѣйшее изъ этихъ правилъ заключается въ истинности чувствъ и ихъ выраженія. «Такъ какъ эта поэзія имѣетъ своимъ источникомъ сердце и къ сердцу обращается, то она обязана избѣгать даже и тѣни изысканности и аффектаціи. Но, стремясь устранить этотъ недостатокъ, поэты иногда впадаютъ въ другую крайность, въ слишкомъ обнаженную простоту. Поэтъ долженъ заставить забыть о себѣ, но самъ не долженъ забывать себя. Изящество стиля необходимо. Но, кромѣ того, необходимъ еще тонкій выборъ подробностей и образовъ, извѣстная вольность безъ неблагопристойности, неподкрашенная колоритность и точность въ выраженіяхъ. Образцы всего этого даны древними поэтами, къ которымъ приходится обращаться всякій разъ, когда мы желаемъ найти истинный вкусъ въ сочетаніи съ натуральностью». Далѣе, Парни даетъ краткія характеристики римскихъ лириковъ, останавливаясь особенно на Проперціи и Тибуллѣ, такъ какъ именно эти два поэта служатъ, по его мнѣнію, наиболѣе совершенными образцами элегическаго творчества, нѣжнаго и страстнаго въ то же время. «Поэтъ, котораго природа надѣлила зачатками подобнаго же таланта, долженъ ограничиться изученіемъ этихъ двухъ писателей. Конечно, сравняться съ ними трудно, можетъ быть, даже совсѣмъ невозможно, но занимать мѣсто хотя бы и ниже ихъ—все-таки почетно. Тотъ видъ поэзіи, которому они себя посвящали, доставляетъ удовольствіе хорошему вкусу и поддерживаетъ пріятныя симпатіи. А такъ какъ этого рода произведенія доступны широкому кругу читателей, то авторы ихъ могутъ приносить пользу также и въ отношеніи языка, чистота котораго съ каждымъ днемъ утрачивается...»

Поэзія Парни, въ общемъ является практическимъ примѣромъ этихъ основныхъ его положеній. Непринужденное изящество слога, звучность краснаго стиха, граціозность картинъ, въ обрисовкѣ которыхъ поэтъ хотя нерѣдко становится на очень скользкую почву, но всегда умѣетъ во время остановиться у извѣстнаго предѣла, замѣняя античную безцеремонность свѣтскою галантностью эпохи фижмъ и пудреныхъ париковъ, порою—искреннее чувство, проглядывающее сквозь дымку условной фразеологіи,—всѣ эти положительныя качества Парни давали ему право занять видное мѣсто среди поэтовъ современной ему эпохи, еще далекой отъ болѣе серьезныхъ и глубокихъ литературныхъ взглядовъ и задачъ. Съ появленіемъ этихъ послѣднихъ слава Парни и однородныхъ съ нимъ представителей поэзіи быстро пошла на убыль и уже въ половинѣ прошлаго столѣтія смѣнилась забвеніемъ. Но это забвеніе потомства, живущаго иными интересами, не умаляетъ историческаго значенія названныхъ поэтовъ, которые недаромъ пользовались уваженіемъ современниковъ.

III.

Въ русской лирикѣ конца XVIII и начала XIX столѣтій вліяніе Парни, и вообще такъ называемой легкой или «анакреонтической» французской поэзіи проявилось очень замѣтно. На ряду съ легкимъ вольтерьянствомъ, и въ еще гораздо большей мѣрѣ, проникала въ нашу литературу еще екатерининскихъ временъ та сентиментальная чувственность, которою отличалась французская поэзія предъ-революціонной эпохи, и многіе изъ нашихъ поэтовъ отдавали дань этому направленію, стараясь усвоить русскому стиху, еще тяжелому и неуклюжему, легкость, подвижность и выразительность французскихъ образцовъ. Въ частности, что касается собственно Парни, то въ числѣ русскихъ его подражателей XVIII вѣка первое мѣсто принадлежитъ Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, чувствительныя элегіи котораго воспроизводятъ тонъ и манеру «пѣвца Элеоноры». Къ Нелединскому примыкаетъ Батюшковъ, поставившій себѣ цѣлью водворить въ нашей литературѣ легкую поэзію и создавшій для нея новые, оригинальные стихотворные размѣры. «Эти наслѣдники Тибулла и Парни» являются руководителями юноши-Пушкина на зарѣ его поэтическихъ вдохновеній.

Съ произведеніями Парни Пушкинъ, по всей вѣроятности, познакомился еще до поступленія въ Лицей. Какъ извѣстно, въ библіотекѣ отца поэта въ изобиліи находились сочиненія французскихъ писателей, старыхъ и новыхъ; можно съ увѣренностью сказать, что здѣсь было и пяти-томное изданіе сочиненій Парни, вышедшее въ 1808 г. и наиболѣе полное. Въ стихотвореніи «Городокъ» Пушкинъ, перечисляя писателей, составляющихъ его воображаемую библіотеку, въ дѣйствительности же, конечно, припоминая все, читанное или хотя бы только видѣнное имъ въ отцовскомъ домѣ, между прочимъ, говоритъ:

Воспитаны Амуромъ,
Вержье, Парни съ Грекуромъ
Укрылись въ уголокъ.
Не разъ они выходятъ
И сонъ отъ глазъ отводятъ
Подъ зимній вечерокъ.

И въ Лицеѣ Парни, безъ сомнѣнія, также былъ въ рукахъ у поэта и его юныхъ товарищей. Мы видѣли выше, что въ артистической натурѣ обоихъ поэтовъ—нашего и французскаго—было нѣчто сходное. Это сходство характеровъ, въ связи съ примѣромъ «Россійскаго Парни»—Батюшкова, имѣвшаго на юношу-Пушкина такое сильное вліяніе, не могло не послужить причиною предпочтенія Пушкинымъ Парни. И дѣйствительно, въ ряду лицейскихъ стихотвореній Пушкина едва ли не первое мѣсто принадлежитъ такимъ произведеніямъ, которыя или представляютъ болѣе или менѣе «вольный» переводъ изъ Парни, или, по крайней мѣрѣ, передаютъ общій тонъ и настроеніе поэзіи «пѣвца любви и нѣги». Это настроеніе слышится уже въ первой по времени пѣснѣ 13-лѣтняго Пушкина: «О Делія драгая!»—написанной, правда, не подъ непосредственнымъ вліяніемъ Парни, а къ подражаніе Батюшкову, который, въ свою очередь, былъ обязанъ подобными мотивами французскому поэту. Къ какому году—1813 или 1815—ни относить «Измѣны», онѣ напоминаютъ, какъ по формѣ своей, такъ и по содержанію, стихотвореніе «Le Dépit»:

Oui, pour jamais
Chassons l'image
De la volage
Que j'adorais, etc

Въ 1814 г. Пушкинъ увлекается, между прочимъ, Оссіаномъ и перелагаетъ въ стихи отрывокъ изъ прозаическаго перевода Кострова «Кольна». Въ то же время онъ находитъ оссіановскіе мотивы и у своего любимаго Парни и, во-первыхъ, даетъ, подъ заглавіемъ «Эвлега», довольно близкій переводъ изъ поэмы «Isnel et Asléga», измѣняя имена дѣйствующихъ лицъ: Elveige и Asgar на Эвлегу и Остара, а во-вторыхъ, сочиняетъ на тѣ же мотивы болѣе самостоятельное стихотвореніе «Остаръ». При этомъ онъ, все-таки, заимствуетъ у Парни цѣликомъ двѣ строфы, и также замѣняетъ имена Olbrown и Rusla именами Остара и Мальвины, къ которымъ прибавляетъ еще имя Звигвела, имѣющее какъ будто литовскій характеръ. Въ томъ же 1814 г. имъ написано, какъ «подражаніе Парни», стихотвореніе «Леда», съ прямымъ заимствованіемъ какъ основного мотива, такъ и нѣкоторыхъ подробностей разсказа.

Общій тонъ эротической поэзіи Парни, — ея простота, безпечность, призывъ къ эпикурейскому наслажденію радостями жизни и особенно—утѣхами любви,—какъ нельзя больше отвѣчалъ пылкому темпераменту нашего поэта, не говоря уже о томъ, что въ своихъ литературныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ юноша-Пушкинъ слѣдовалъ примѣру старшихъ «наслѣдниковъ Тибулла и Парни». Въ своемъ посланіи «Моему Христарху» 1815 г. онъ рисуетъ привлекательный для него въ ту пору образъ поэта-дѣнди, любимца музъ и граціи, предавшаго своимъ «бродящимъ, рѣзвымъ думамъ», не заботясь о «трудолюбивой» поэзіи. Такими идеальными поэтами представляются Пушкину «панъ другъ Лафаръ, Шольe, Парни», себя же онъ считаетъ «небрежнымъ наслѣдникомъ» ихъ поэзіи. Образы и сравненія въ этомъ посланіи, несомнѣнно, навѣяны стихотвореніемъ Парни: «Разговоръ поэта съ музой». Здѣсь муза, между прочимъ, говоритъ поэту: «Развѣ необходимо столько труда для того, чтобы воспѣвать удовольствія?... Для того, чтобы говорить о любви, нужна только безискусственная рѣчь; что за бѣда, если римы идутъ одна за другою въ безпорядкѣ,—лишь бы только стихи пылали огнемъ и, выходя изъ души, шли прямо въ душу»! Поэтъ на это возражаетъ: «Парнасъ не утвердитъ такого приговора. Можетъ быть, кто-нибудь и похвалитъ легкія пѣсни моей дѣвичьей лютни: можетъ быть, снисходительная красавица, которая, въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи, далека отъ строгости ученаго писателя, и скажетъ, читая мои произведенія, что я умѣлъ любить; но знатокъ замѣтитъ, что я не умѣлъ сочинять, стихи». Въ отвѣтъ на это муза перечисляетъ «дѣвичьихъ» и «небрежныхъ» пѣвцовъ любви, которые не заботились о строгомъ соблюденіи «правилъ» и о тщательной отдѣлкѣ своихъ стиховъ, но, тѣмъ не менѣе, умѣли плѣнять читателей неподдѣльнымъ чувствомъ...

Въ послѣдніе два года своей лицейской жизни Пушкинъ особенно часто обращался къ стихотвореніямъ Парни. Его отношеніе къ французскому поэту было вполнѣ свободно: Пушкинъ не былъ рожденъ копировщикомъ, точный переводъ былъ не сроденъ его натурѣ; даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ прямо задавался цѣлью переводить,—онъ или не выдерживалъ этого испытанія и бросалъ переводъ въ самомъ началѣ, или постепенно все дальше и дальше отходилъ отъ оригинала и давалъ рядъ самостоятельныхъ варіацій на выбранную изъ чужого поэта тему. Такъ, напримѣръ, стихотвореніе 1815 г. «Къ живописцу» можно, пожалуй, назвать переводомъ изъ Парни, но переводомъ вовсе не близкимъ. Стихотвореніе Парни называется «Портретъ монахини» и въ дословной передачѣ читается такъ:

«Живописецъ, пусть образцомъ тебѣ послужитъ Геба; но при этомъ смягчи каждую ея черту и придай этимъ чертамъ ту тайную прелесть, которой часто недостаетъ и самой красивой женщинѣ. Твоя кисть должна схватить эти волосы, волнующіяся подъ покрываломъ; покрой также простымъ полотномъ это чело, на которое слѣдовало бы возложить корону. Скрой подъ черной власяницей грудь, совершенную въ своей закругленности; но, хотя ты и скроешь ея близну, взоръ долженъ легко ее отгадывать. На устахъ вырази чистоту, а въ очахъ—склонность къ нѣжной грусти, выражающей сердечную тревогу. Нарисуй намъ спокойную грусть, нарисуй чувствительные вздохи; подъ этимъ очаровательнымъ портретомъ я подпишу имя»...

Сравните этотъ переводъ со стихами Пушкина—и вы сразу увидите, какъ относился ученикъ къ своему учителю.

Эта манера Пушкина — схватывать только общій, руководящій мотивъ чужого подлинника и затѣмъ придавать ему своеобразную обработку—всего поучительнѣе

сказалась въ «картинахъ» 1816 г. «Фавнъ и пастушка». Въ этомъ длинномъ стихотвореніи, состоящемъ изъ девяти отдѣльныхъ частей, связанныхъ между собою единствомъ сюжета, собственно, нѣтъ ни одного слова, которое можно было бы признать заимствованнымъ у Парни; но его общій тонъ, его колоритъ, несомнѣнно, навѣяны «Переодѣваніями Венеры».

Изъ другихъ стихотвореній Пушкина 1816 г. болѣе или менѣе близкое подражаніе Парни замѣтно въ слѣдующихъ: «Къ Морфею» (у Парни—«A la nuit»): «Осеннее утро»—элегія, вызванная, повидимому отъѣздомъ изъ Царскаго Села Е. П. Бакуниной, по которой вздыхалъ Пушкинъ: здѣсь, впрочемъ, можно указать только 4 стиха Парни, нашедшіе отголосокъ у Пушкина:

Je venais oublier l'ingrate qui m'oublie,
Et ma bouche indiscrète a prononcé son nom;
Je l'ai redit cent fois, et l'écho solitaire
De ma voix douloureuse a prolongé le son.
(Elégie VI).

Въ элегіяхъ: «Я думалъ, что любовь погасла навсегда» и «Опять я вашъ, о юные друзья»! слиты образы и нѣкоторыя выраженія изъ стихотворенія «La Rechúte»:

C'en est fait: j'ai brisé mes chaines,
Amis, je reviens dans vos bras...
. . . . . .
Que dis-je, malheureux! Ah, qu'il est difficile
De feindre la gaité dans le sein des douleurs!
La bouche sourit mal, quand les yeux sont en pleurs.

Далѣе, въ числѣ стихотвореній 1816 г. находимъ двѣ элегіи, написанныя подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Парни: «Я видѣлъ смерть»... и «Любовь одна—веселье жизни хладной». Первая изъ этихъ элегій, въ первоначальной, болѣе пространной редакціи, заключается обращеніемъ поэта къ друзьямъ:

А вы, друзья, когда, лишенный силъ,
Едва дыша, въ болѣзненномъ бореньи,
Скажу я вамъ: «О други, я любилъ!»
И тихій духъ умретъ въ изнеможеньи,—
Друзья мои, тогда придите къ ней,
Скажите: «Взять онъ вѣчной тьмою»—
И, можетъ быть, объ участи моей
Она вздохнетъ надъ урной гробовою.

Это обращеніе заимствовано изъ элегіи Парни: «Oui, sans regret du flambeau des mes jours...», которая оканчивается слѣдующими стихами:

Lorsque la mort, favorable à mes voeux,
De mes instans aura coupé la trame,
Lorsqu'un tombeau triste et silencieux
Renfermera ma douleur et ma flamme;
O mes amis! vous que j'aurai perdus,
Allez trouver cette beauté cruelle,
Et dites-lui: ce'en est fait, il n'est plus.
Puissent les pleurs que j'ai versés pour elle
M'être rendus!...

Вторая изъ названныхъ элегій, не заключая въ себѣ прямыхъ заимствованій, въ общемъ, выдержана совершенно въ тонѣ и стилѣ Парни.

Среди стихотвореній 1817 г. слѣдуетъ отмѣтить «Письмо къ Лидѣ», въ которомъ первые четыре стиха довольно близко передаютъ начало стихотворенія Парни «Le Billet»:

Dès que la nuit sur nos demeures
Planera plus obscurément.
Dès que sur l'airain gémissant
Le marteau frappera douze heures..

Стихотвореніе «Добрый совѣтъ» представляетъ характерный образецъ пушкинскаго перевода: первые шесть стиховъ довольно близко передаютъ начало стихотворенія Парни «A mes amis»; но дальше у Парни слѣдуетъ:

Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle manière.—

а у Пушкина:

Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.

Парни продолжаетъ:

Un jour il faudra nous courber
Sous la main du temps qui nous presse;
Mais jouissons dans la jeunesse
Et dérobons á la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

Пушкинъ, сохраняя два заключительные стиха, совершенно измѣняетъ первые:

Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отымемъ
Все, что отымется у ней.

Съ выходомъ изъ Лицея, можно сказать, окончился и ученическій періодъ поэзіи Пушкина. Его муза въ эту пору является уже вполнѣ самостоятельною, и въ ея пѣсняхъ все рѣже и рѣже слышатся

чужіе мотивы. Но и теперь поэтъ не забываетъ своего любимца Парни и время отъ времени внимательно его перечитываетъ, иногда находя въ его стихахъ—можетъ быть, и случайно,—тѣ или иные образы или мысли, отвѣчающіе собственному душевному состоянію, и невольно повторяя ихъ. Такъ, до настоящаго времени никѣмъ изъ комментаторовъ Пушкина не было отмѣчено вліяніе Парни на знаменитое стихотвореніе 1819 г. «Деревня»: «Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ»... Между тѣмъ, его начальныя строки почти совпадаютъ съ первыми стихами пьесы Парни: «Ma Retraite»:

Solitude heureuse et champêtre,
Séjour du repos le plus doux,
La raison me ramène à vous;
Recevez enfin votre maître.
Je suis libre; j'échappe à ces soins fatigans,
A ces devoirs jaloux qui surchargent la vie:
Aux tyranniques lois d'un monde que j'oublie
Je ne soumettrai plus mes goûts indépendans.

Мало этого. Въ письмѣ къ Бертэну, написанномъ съ острова Бурбона въ январѣ 1775 г. Парни описываетъ природу своего родного уголка, его прекрасную растительность, ясное небо, мягкій климатъ,—всѣ внѣшнія условія, располагающія къ безмятежному житью; но эта безмятежность омрачается видомъ пегровъ: «Они—люди; они несчастны; слѣдовательно, они имѣютъ права на душевное сочувствіе. Нѣтъ, я не могу испытывать удовольствія въ такой странѣ, гдѣ взорамъ моимъ представляются лишь картины рабства, гдѣ свистъ розогъ и звонъ цѣпей оглушаетъ меня и отдается въ моемъ сердцѣ. Я вижу здѣсь только тирановъ и рабовъ—и не вижу своего ближняго. Здѣсь съ людьми обращаются какъ съ лошадьми; и не въ состояніи свыкнуться съ этимъ возмутительнымъ безобразіемъ»...

Пушкинъ, душа котораго такъ же омрачалась ужасною мыслью при видѣ «губительнаго позора невѣжества» и рабства, представшаго передъ нимъ, на лонѣ идиллической сельской природы, во всей своей наготѣ, конечно, не могъ не знать этого письма Парни, напечатаннаго въ собраніи его сочиненій 1808 г.,—и его мысль, совпадавшая съ настроеніемъ французскаго поэта, нашла себѣ аналогичное выраженіе...

Иногда, впрочемъ, Пушкинъ не отказывался, по-прежнему, и отъ простого подражанія. Такъ, къ тому же 1819 г. относится стихотвореніе «Платонизмъ», прямо заимствованное изъ пьесы Парни «Взглядъ на Цитеру» (1787) только съ замѣною имени «Перисы» именемъ «Лиденьки». Картина, изображенная въ стихотвореніи 1820 г. «Перенда» также близко напоминаетъ начало картины XIII изъ «Переодѣваній Венеры»:

Caché dans une grotte humide,
Où vient mourir le flot amer,
Myrtis, l'œil fixé sur la mer,
Epiait une Néréide.
. . . . . .
La perle dans ses blonds cheveux
En guirlandes brille et serpente.

О Парни, какъ о своемъ любимомъ поэтѣ, Пушкинъ вспоминаетъ и въ IV пѣснѣ «Руслана и Людмилы», описывая приключенія Ратмира у восточныхъ дѣвъ:

Милѣе по слѣдамъ Парни
Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любови нѣжной.

Въ одномъ четверостишіи 1822 г., можетъ быть,—изъ наброскова къ «Онѣгину», поэтъ говоритъ о какихъ-то молодыхъ людяхъ, повидимому—чиновникахъ, которые

Венерѣ, Фебу и Фемидѣ
Полезно посвящая дни,
Дозоромъ бдятъ по Тавридѣ
И проповѣдуютъ Парни.

Въ первоначальныхъ эскизахъ первой главы «Онѣгина», характеризуя своего героя, Пушкинъ, между прочимъ, говоритъ, что онъ могъ «вести пріятный разговоръ»

О карбонарахъ, о Парни,
Объ генералѣ Жомини.

Но самымъ крупнымъ памятникомъ вліянія Парни на нашего поэта является, безъ сомнѣнія, «Гавріліада» (1822),—эта столько же граціозная, сколько и «непочтительная» поэма, для которой образцомъ послужили однородныя произведенія французскаго поэта—«Война боговъ», «Библейскія приключенія» и «Потерянный Рай». Изъ этихъ поэмъ Пушкинъ заимствовалъ не только общій тонъ, но и нѣкоторыя подробности своего сюжета, и даже нѣкоторыя отдѣльныя выраженія, какъ, напримѣръ:

Son vieux mari, très, mauvais charpentier,
Ne gagnant rien, vivait dans la misère
(Guerre des dieux, ch. IV).

Въ 1824 г. Пушкинъ снова обращается къ Парни—и на этотъ разъ почти переводитъ изъ «Переодѣваній Венеры» свою «Прозерпину», опуская тяжеловѣсныя миѳологическія детали и, наоборотъ, самостоятельно распространяя описаніе сладострастныхъ восторговъ адской богини. Около того же времени, въ III-й главѣ «Онѣгина», поэтъ снова вспоминалъ о своемъ любимцѣ по поводу письма Татьяны. Онъ писалъ:

Друзья, найду ли въ нашн дни
Перо, достойное Парни?

Но потомъ зачеркнулъ эти стихи и съ грустью замѣнилъ ихъ другими:

Я знаю: нѣжнаго Парни
Перо не въ модѣ въ наши дни! (строфа XXIX).

Въ уединеніи своего Михайловскаго Пушкинъ не разъ обращался къ «нѣжному» поэту и желалъ имѣть подъ рукой новое изданіе его сочиненій. «Что же ты обѣщалъ прислать мнѣ Парни»? напоминаетъ онъ брату въ письмѣ отъ 12 марта 1825 г. Всѣ другіе «анакреонтики» французской поэзіи XVIII вѣка,—всѣ эти Шолье, Вержье, Грекуры и др., которые такъ часто упоминаются въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, теперь совсѣмъ изгладились изъ его памяти и не оставили слѣда въ его перепискѣ; одному Парни онъ оставался вѣренъ и въ зрѣлые годы своей жизни.

Вліяніе Парни на нашего поэта можно прослѣдить до 1827 года: идея написаннаго въ этомъ году извѣстнаго мадригала «Княжнѣ Хованской»—«Ты богоматерь,—нѣтъ сомнѣнья» заимствована изъ стихотворенія Парни: «Dieu vous bénisse»:

Quand je vous dis: Dieu vous bénisse,
Je n'entends pas le Créateur
. . . . . .
Encor moins le dieu d'hyménée
. . . . . .
Mais j'entends ce dieu du bel âge,
Qui sans vous serait à Paphos.

Кстати, объ этомъ же самомъ божествѣ Пушкинъ тутъ же говоритъ:

Онъ—богъ Парни, Тибулла, Мура.

Мы сгруппировали въ настоящемъ очеркѣ, въ хронологическомъ порядкѣ, фактическія данныя, указывающія на степень зависимости Пушкина отъ Парни. Какъ видно изъ этихъ фактовъ, вліяніе французскаго поэта на нашего было особенно продолжительно и сильно: ни одинъ изъ иностранныхъ поэтовъ, даже гораздо болѣе крупныхъ по своему литературному значенію, не овладѣвалъ въ такой мѣрѣ вниманіемъ Пушкина и не внушалъ ему столько намѣренныхъ или невольныхъ подражаній. Объясненія этому, думается намъ, слѣдуетъ искать, какъ уже и замѣчено было выше, въ нѣкоторой родственности характеровъ обоихъ поэтовъ, а также, конечно, и въ томъ обстоятельствѣ, что Парни дѣйствительно былъ наиболѣе даровитымъ представителемъ той легкой поэзіи, на которой, можно сказать, воспитался Пушкинъ. Недаромъ Парни такъ ярко отразился въ поэзіи Батюшкова, который надолго остался для Пушкина высокимъ образцомъ. Въ пору борьбы классицизма и романтизма во Франціи симпатіи Пушкина, все-таки, клонились въ сторону «классиковъ», которымъ онъ обязанъ былъ первыми литературными уроками, и, высоко цѣня Парни, въ то же время упрекалъ въ «вялой безцвѣтности» Ламартина, котораго исторія французской литературы поставила на возвышенный пьедесталъ, позабывъ объ его предшественникѣ. Пушкина привлекала въ Парни его живость, легкость и совершенство стихотворной формы, изящная откровенность эротическихъ картинъ, не переступающая извѣстныхъ предѣловъ,—и, конечно, то «вольтеріанство», которымъ нашъ поэтъ самъ былъ въ сильной степени проникнутъ. Всѣ эти качества французскаго писателя поддерживали въ Пушкинѣ расположеніе къ нему, не ослабѣвавшее съ годами. Онъ любилъ Парни,

Какъ прошлой юности грѣхи,
Какъ Богдановича стихи,—

и эта любовь наложила неизгладимый отпечатокъ на его поэзію.

П. Морозовъ.

122. В. Л. ПУШКИНУ.

«Тебѣ, о Несторъ Арзамаса».

Письмо поэта къ В. Л. Пушкину было напечатано впервые въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. (ч. 68) № 11, стр. 178, съ подписью: «А. Пушкинъ». Затѣмъ въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 373) появился только одинъ отрывокъ въ пять стиховъ: «Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ»..., подъ заглавіемъ: «Дядѣ, назвавшему сочинителя братомъ». Снова появилось оно въ изданіи П. В. Анненкова (т. II, стр. 126—128).

Пушкинъ отвѣчаетъ на письмо дяди, отъ 17 апрѣля 1816 г., въ которомъ арзамасскій староста величалъ своего племянника: «Ты братъ мнѣ по Аполлону». В. П. Саитовъ («Сочиненія В. Л. Пушкина», Спб., 1895 г., стр. XX) находитъ, что молодой поэтъ назвалъ Василія Львовича своимъ «дядей на Парнасѣ» иронически. Въ посланіи Пушкина есть несомнѣнное преувеличеніе, но иронія вовсе не видно. Впослѣдствіи Пушкинъ часто подсмѣивался надъ своимъ чудаковатымъ дядей, но тогда онъ уже не писалъ ему посланій. Въ 1816—1817 гг. онъ былъ далекъ отъ всякой иронія, и его посланіе—вполнѣ искреннія, хотя, быть можетъ, преувеличенная въ выраженіяхъ, дань уваженія къ арзамасскому Нестору. Поздравленіе съ новымъ годомъ и оправданіе своей медленности «девятимѣсячной беременностью пера лѣнивѣйшаго изъ поэтовъ-племянниковъ» указываютъ приблизительно время, когда письмо было написано: январь 1817 г. (В. П. Саитовъ въ академическомъ изданіи переписки Пушкина, т. I, стр. 5, помѣстилъ письмо еще болѣе точно, отнеся его къ первой половинѣ января). «Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ»—намекъ на знаменитаго «Опаснаго сосѣда» Василія Львовича. «Пустынникомъ-риѳмоплетомъ» Пушкинъ называетъ себя изъ-за своего лицейскаго «уединенія», которымъ молодой поэтъ любилъ иногда въ своемъ родѣ пококетничать. «Незабвенные», которымъ Пушкинъ напоминаетъ о себѣ,—конечно, арзамасцы. Вскорѣ, обращаясь къ Жуковскому съ своимъ знаменитымъ посланіемъ: «Благослови, поэтъ!...» Пушкинъ напомнилъ о себѣ арзамасцамъ и приглашалъ ихъ, какъ «парнасскихъ жрецовъ», возстать и поразить «спѣсивыхъ риторовъ безграмотный соборъ»: представителей этого собора—«Ослова»-Шишкова и «Шутовского»-Шаховского» нашъ поэтъ мимоходомъ задѣваетъ въ письмѣ. По двукратному свидѣтельству П. В. Анненкова («Матеріалы для біографіи П.», Спб., 1873 г., стр. 45; «А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху», Спб., 1874 г., стр. 108), подкрѣпленному косвеннымъ показаніемъ самого Пушкина (въ письмѣ къ Вяземскому 27 марта 1816 г.), молодой поэтъ былъ принятъ въ члены Арзамаса заочно, еще на лицейской скамьѣ; вступилъ онъ въ общество лишь по выходѣ изъ лицея (см. дальше статью объ Арзамасѣ).

«Вотъ»—арзамасская кличка Василія Пушкина.

«Шолье Андреевичъ»—князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, арзамасскій «Асмодей». (О Шольѣ см. статью З. В. на стр. 262—264).

Н. Лернеръ.

123. ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Это стихотвореніе безспорно принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній лицейскаго періода. Подобно пьесѣ «Лицинію», оно написано античнымъ міромъ, но по живости и яркости изображенія далеко оставляетъ за собою картину римской жизни временъ имперіи. Вмѣстѣ съ этимъ Пушкинъ проявилъ замѣчательное знаніе деталей Вакхова культа. Въ общемъ, нельзя не согласиться съ П. А. Ефремовымъ, который признаетъ это произведеніе «прелестнѣйшимъ». По свидѣтельству Анненкова (Сочиненія Пушкина, т. II, стр. 188), и самъ поэтъ цѣнилъ свое стихотвореніе, даже въ послѣдніе годы своего поприща, и помѣстилъ его въ изданіе 1826 г., куда изъ лицейской эпохи вошло только нѣсколько пьесъ. Содержаніемъ пьесы служитъ изображеніе побѣднаго возвращенія Вакха изъ его похода въ Индію. Сюжетъ этотъ весьма часто трактовался не только въ античной литературѣ, но и въ искусствѣ (въ вазовой живописи и особенно на саркофагахъ, ср. многочисленные примѣры, собранные акад. Стефани въ Отчетѣ Император. археолог. комм. за 1867 г.). Какой изъ этихъ многочисленныхъ памятниковъ вдохновилъ Пушкина, сказать трудно. Л. Н. Майковъ высказалъ предположеніе, что первое знакомство съ сюжетомъ стихотворенія поэтъ могъ почерпнуть на урокахъ своего лицейскаго учителя, Н. Ѳ. Кошанскаго. Справедливость этого замѣчанія можно легко подтвердить тѣмъ, что въ руководствѣ по классическимъ древностямъ Эшенбурга, которымъ пользо-

122. В. Л. ПУШКИНУ.

Тебѣ, о Нестор Арзамаса,
Въ бояхъ воспитанный Поэтъ,
Опасный для пѣвцовъ сосѣдъ
На страшной высотѣ Парнаса,
Защитникъ вкуса, грозный Вотъ!
Тебѣ, мой дядя, въ новый годъ
Веселья прежняго желанье,
И слабый сердца переводъ—
Въ стихахъ и прозою посланье.

Въ письмѣ вашемъ вы называли меня братомъ; но я не осмѣлился назвать васъ этимъ именемъ, слишкомъ для меня лестнымъ.

Я не совсѣмъ еще разсудокъ потерялъ,
Отъ рюмъ Бахическихъ шатаясь на Пегасѣ:
Я знаю самъ себя хоть радъ, хотя не радъ...
Нѣтъ, нѣтъ, вы мнѣ совсѣмъ не братъ:
Вы дядя мой и на Парнасѣ.

И такъ, любезнѣйшій изъ всѣхъ дядей-Поэтовъ здѣшняго міра—можно ли мнѣ надѣяться, что вы простите девятимѣсячную беременность пера лѣнивѣйшаго изъ Поэтовъ-племянниковъ?

Да, каюсь я конечно передъ вами:
Совсѣмъ не правъ пустынникъ-рюмонлетъ;
Онъ въ лѣности сравнится лишь съ Богами:
Онъ виноватъ и прозой и стихами:
Но старое забудьте въ новый годъ.

Кажется, что судьбою опредѣлены мнѣ только два рода писемъ: обѣщательныя и извинительныя: первыя, въ началѣ годовой переписки, а послѣднія при послѣднемъ ея издыханіи. Къ тому же примѣтилъ я, что и всѣ они состоятъ изъ двухъ посланій; это, мнѣ кажется, непростительно.

Но вы, которые умѣли
Простыми пѣснями свирѣли
Красавицъ нашихъ воспѣвать,
И съ гнѣвной Музой Ювенала
Глухаго варварства начала
Сатирой грозной осмѣять,
И мучить бѣднаго Ослова
Священнымъ Феба языкомъ,
И лобъ угрюмый Шутовскова
Клеймить единственнымъ стихомъ!
О вы, которые умѣли
Любить, обѣдать и писать—
Скажите искренно—уже ли
Вы не умѣете прощать?

Напоминаю о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени; но..... надобно ли еще обѣщать? Простите, вы всѣ, которыхъ любитъ мое сердце, и которые любите еще меня....

Шолье Андреевичъ конечно
Меня забылъ давнымъ давно,
Но я его люблю сердечно,
За то, что любитъ онъ безпечно
И пить, и пѣть свое вино,
И надъ всемірными глупцами
Своими рѣзвыми стихами
Смѣется, право, пресмѣшно.

А. Пушкинъ.

вался Кошанскiй при своемъ преподаванiи въ Лицеѣ, и которое онъ впослѣдствiи перевелъ, въ главѣ о Вакхѣ [1]), можно найти вкратцѣ всѣ данныя, составившiя содержанiе стихотворенiя Пушкина. Если же принять во вниманiе любовь Кошанскаго къ классической археологiи (см. выше статью о немъ), то ничего удивительнаго не составитъ предположенiе, что онъ могъ показывать своимъ ученикамъ и античныя изображенiя вакхическихъ шествiй по изданiю Монфокона, на которое ссылается Эшенбургъ.

Не столь удачно, повидимому, второе предположенiе Майкова, что пьеса Пушкина есть нѣчто въ родѣ диѳирамба, опредѣленiе котораго поэтъ могъ почерпнуть изъ извѣстной книги аббата Бартелеми: Voyage du jeune Anacharsis en Grèce. Что Пушкинъ зналъ, что такое диѳирамбъ, доказывать нечего, такъ какъ въ академическомъ изданiи, на стр. 265, приведенъ «Диѳирамбъ», написанный товарищемъ поэта, В. К. Кюхельбекеромъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это стихотворенiе, равно какъ и самое опредѣленiе диѳирамба, данное Бартелеми и приведенное въ переводѣ у Л. Н. Майкова, ясно показываетъ, что пьеса Пушкина не могла вполнѣ подходить подъ этотъ родъ поэзiи, потому что въ ней описательная часть значительно преобладаетъ надъ лирической, тогда какъ въ диѳирамбѣ распредѣленiе этихъ частей должно быть какъ разъ обратное. Напоминать диѳирамбъ можетъ только нѣчто въ родѣ весьма неравномѣрнаго строфическаго дѣленiя стихотворенiя, происходящее отъ повторенiя стиховъ 14—17, 73—77 и 82—85. Вообще, вліянiе книги Бартелеми на данное стихотворенiе Пушкина не можетъ быть доказано, такъ какъ изображаемыя французскимъ писателемъ вакхическiя сцены очень кратки и блѣдны въ сравненiи съ настоящей пьесой [2]). Поэтому при рѣшенiи вопроса о ближайшемъ источникѣ стихотворенiя лучше, кажется, склониться къ другому мнѣнiю Л. Н. Майкова, а именно, что пьеса навѣяна читанными Пушкинымъ, конечно въ переводахъ, древними авторами. Майковъ сдѣлалъ въ этомъ отношенiи удачное сопоставленiе стиховъ поэта съ однимъ мѣстомъ изъ Овидiева «Искусства любить» (кн. I, ст. 541 слл.): позволимъ себѣ прибавить еще одну параллель изъ 64-го стихотворенiя Катулла, гдѣ изображается неистовство вакханокъ, переданное и Пушкинымъ весьма пластично:

Въ запуски яро онѣ опьяненной душой бушевали.
Мчался ихъ рой, эвоэ! эвоэ! головами качая.
Гирсами тѣ изъ нихъ съ увитымъ концомъ потрясали,
Тѣ на клочья терзали быка и мясомъ бросались,
Тѣ, изъ змѣй свивая жгуты, надѣвали на поясъ,
Тѣ потаенныя оргiи въ полыхъ ковчегахъ справляли,—
Оргiи тѣ, что напрасно желали бы слышать профаны,—
Тѣ, подымая высоко длани, въ тимпанъ ударяли,
Тѣ извлекали яростный вой изъ мѣди округлой,
Многiя жъ дико гремящимъ стопомъ рога наполняли,
Страшнымъ напѣвомъ визжала межъ тѣмъ фригiйская дудка [1].

Этотъ текстъ Катулла вдохновилъ Тиціана для его картины «Вакхъ и Аріадна», хранящейся нынѣ въ Лондонѣ [2]). Для самого же Катулла оригиналомъ могла послужить трагедiя Еврипида «Вакханки».

Ст. 10. Индiи герой. Миѳъ о походѣ Вакха на Индiю съ цѣлью водворить тамъ свой культъ развился въ связи съ походами Александра Македонскаго, котораго не только сравнивали съ этимъ богомъ, но даже въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (какъ напр. въ Хоннахъ) почитали подъ именемъ Вакха-Діониса. Изъ древнихъ авторовъ индiйскiй походъ Вакха наиболѣе подробно разска-

1 Ручная книга Древней классической словесности, содержащая: I. Археологiю. II. Обозрѣнiе классическихъ авторовъ. III. Миѳологiю. IV. V. Древности Греческiя и Римскiя, собранная Эшенбургомъ, умноженная Крамеромъ и дополненная В. Кошанскимъ. Томъ второй. Спб., 1817, стр. 54—57.

2 Отрывочныя замѣчанiя о сюжетѣ стихотворенiя имѣются и въ несомнѣнно извѣстной Пушкину (см. выше книгѣ Гюи т. I, стр. 168, 170).

1 Переводъ г. Никольскаго въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1901, кн. 12.

2 Woltmann, Geschichte der Malerei. т. 2, стр. 751.

ТОРЖЕСТВО ВАККА.

Рисунокъ Эйзена (Charles Dominique Joseph Eisen. 1720—1778).

ПРАЗДНИКЪ ВЪ ЧЕСТЬ ВАКХА, рис. Жило.

Fête de Bachus, par Gilot.

123. ТОРЖЕСТВО ВАКХА.

Откуда чудный шумъ, неистовые клики?
Кого, куда зовутъ и бубны и тимпанъ?
Что значатъ радостные лики
И пѣсни поселянъ?
Въ нихъ кругѣ свѣтлая свобода
Пріяла праздничный вѣнокъ.
По двинулись толпы народа...
Онъ приближается... Вотъ онъ, вотъ сильный богъ!
Вотъ Бахусъ мирный, вѣчно юный!
Вотъ онъ, вотъ Индіи герой!
О радость! Полныя тобой
Дрожатъ, готовы грянуть струны
Нелицемѣрною хвалой.
Эванъ, эвое! Дайте чаши,
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Вотъ онъ, вотъ Вакхъ! О часъ отрадный!
Державный тирсъ въ его рукахъ;
Вѣнецъ желтѣетъ виноградный
Въ чернокудрявыхъ волосахъ...
Течетъ. Его младые тигры
Съ покорной яростью влекутъ;
Кругомъ летятъ эроты, игры,
И гимны въ честь ему поютъ.
За нимъ тѣснится козлоногій
И фавновъ и сатировъ рой,
Плющомъ опутаны ихъ роги;
Бѣгутъ смятенною толпой
Восѣдъ за быстрой колесницей:
Кто съ тростниковою цѣвницей,
Кто съ вѣрной кружкою своей;
Тотъ оступившись упадетъ,
И бархатный коверъ полей
Виномъ багровымъ обливаетъ
При дикомъ хохотѣ друзей.
Тамъ далѣ внизу дивный ходъ:
Звучатъ веселые тимпаны;
Младыя нимфы и сильваны,
Составя шумный хороводъ,
Несутъ недвижнаго Силена...
Вино струится, брызжетъ пѣна,
И розы сыплются кругомъ;
Несутъ за спящимъ старикомъ
И тирсъ, символъ побѣды мирной,
И кубокъ тяжко-золотой,
Вѣнчанный крышкою сапфирной,
Подарокъ Вакха дорогой.
Но воетъ беретъ отдаленный.
Власы раскинувъ по плечамъ,
Вѣнчанны гроздьемъ, обнаженны,
Бѣгутъ Вакханки по горамъ.
Тимпаны звонкіе, кружась межъ ихъ перстами,
Гремятъ и вторятъ ихъ ужаснымъ голосамъ.
Промчался, летятъ, свиваются руками,
Волшебной пляской тончутъ кругъ:
И младость пылкая толпами
Стекается вокругъ.
Поютъ неистовыя дѣвы:
Ихъ сладострастные напѣвы
Въ сердца вливаютъ жаръ любви;
Ихъ перси дышатъ вожделѣньемъ;
Ихъ очи, полны безумствомъ и томленьемъ,

занъ у греческаго писателя 4-го вѣка по Р. Хр. Нонна Панополитанскаго (въ Египтѣ) въ его поэмѣ Діонузіака, въ 48 пѣснях. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что, по изысканіямъ новѣйшихъ миѳологовъ, Индія и была именно родиной культа Вакха, и самъ богъ имѣетъ много сходства съ божествомъ Сома, упоминаемымъ въ Ведическихъ книгахъ.

Ст. 14. Эванъ, эвоэ! Вакхическія восклицанія, истинное значеніе которыхъ неизвѣстно. Любопытно, что эти восклицанія были въ ходу у насъ, въ Россіи, на радѣніяхъ хлыстовъ.

Ст. 16. Тирсы. Непремѣнный атрибутъ вакхическаго культа, столь часто упоминаемый въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина тирсъ представляетъ собою палку, на верхнемъ концѣ которой находилось изображеніе сосновой шишки, а также плюща, или виноградной лозы. Сосновыя шишки изображались потому, что ихъ опускали въ вино для предохраненія его отъ порчи. Такъ какъ спутники Вакха не примѣняли другого оружія, кромѣ тирса, и всетаки, благодаря чудодѣйственной силѣ бога, одерживали побѣду, то въ ст. 45-мъ тирсъ названъ «символомъ побѣды мирной».

Ст. 22. Младые тигры. Вакхъ изображался ѣдущимъ на колесницѣ, запряженной парой тигровъ, въ знакъ того, что богъ вина своею силою можетъ покорить и приручить наиболѣе неодолимое и дикое изъ животныхъ. Соотвѣтственно вѣчно юному богу, и тигры для его колесницы выбраны молодые.

Ст. 28. Плющемъ окутаны ихъ рога. По мнѣнію древнихъ, плющъ потому былъ посвященъ Вакху, что вѣнокъ изъ этого растенія, который обыкновенно возлагали на себя пирующіе, своею свѣжестью прогоняетъ опьяненіе и препятствуетъ отуманію мозга.

А. Малеинъ.

124. СНОВИДѢНІЕ.

Это стихотвореніе не сохранилось въ рукописи, но имѣется въ концѣ въ Матюшкинскомъ лицейскомъ сборникѣ (см. въ концѣ тома). Оно появилось впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX).

Обстоятельства возникновенія оригинала пьесы, которая представляетъ переводъ изъ Вольтера, разсказываетъ O. de Heidenstam («Une soeur du grand Frédéric Louise-Ulrique reine de Suède». Paris 1897, pp. 15—17): «Въ августѣ мѣсяцѣ 1743 г. Вольтеръ прибылъ къ Берлинскому двору. Онъ жилъ здѣсь до октября. Преданный Фридриху, онъ не упускалъ случая ухаживать за королевой-матерью и за обѣими принцессами. Особенно восхищался онъ Луизой-Ульрикой, прославляя ея умъ и воспѣвая въ стихахъ ея прекрасныя качества. Чтобы привлечь ея вниманіе къ себѣ, онъ говорилъ ей то о своемъ преклоненіи передъ философскимъ умомъ короля, то о своей дружбѣ съ сестрой ея, маркграфиней Байрейтской, для которой онъ былъ всегда «братомъ Вольтеромъ». Кончилось тѣмъ, что онъ выразилъ ей свои пламенѣйшія чувства—подъ маской мистическихъ метафоръ и поэтическихъ вольностей. Уѣзжая, онъ обратился къ ней на прощанье со слѣдующими стихами:

A madame la princesse Ulrique de Prusse.

Souvent un peu de vérité
Se mêle au plus grossier mensonge:
Cette nuit, dans l'erreur d'un songe,
Au rang des rois j'étais monté.
Je vous aimais, princesse, et j'osais vous le dire!
Les dieux à mon réveil ne m'ont pas tout ôté.
Je n'ai perdu que mon empire.

Принцесса была очень затруднена отвѣтомъ. Какъ писать поэту презрѣнной прозой? А стихомъ она не владѣла. Да и какъ отвѣчать на такое пламенное признаніе, сохраняя достоинство принцессы крови и дѣвичій стыдъ? Она посовѣтовалась съ королемъ Фридрихомъ, который и продиктовалъ ей слѣдующій отвѣтъ:

«Я имѣю удовольствіе писать вамъ, Милостивый Государь, чтобъ сообщить вамъ одно изъ самыхъ странныхъ приключеній моей жизни. Я не могла избѣжать этого разсказа, такъ какъ вы сами подали мнѣ поводъ къ нему. Оставшись наединѣ сама съ собою, въ тотъ часъ, когда Морфей сѣетъ маки, я наслаждалась спокойнымъ и сладкимъ сномъ. Прекрасный сонъ овладѣлъ мною. Передо мною предсталъ сладостный и изящный Аполлонъ, съ величавой осанкой, въ сопровожденіи девяти сестеръ. «Я узналъ, юная смертная,—произнесъ онъ, что ты получила стихи отъ моего любимца. Весь твой отвѣтъ—слабая проза. Твое невѣдѣніе—твой грѣхъ, но дѣло боговъ извинить тебя. Слушай, что я продиктую тебѣ!» Я повиновалась и написала слѣдующее:

Сказали: счастіе лови!
Ихъ вдохновенныя движенья
Сперва изображаютъ память
Стыдливость милаго смятенья,
Желанье робкое, а тамъ
Восторгъ и дерзость наслажденья.
По вотъ разсыпались по холмамъ и полямъ:
Махая тирсами несутся;
Ужъ издали ихъ вопли раздаются,
И гулъ имъ вторитъ по лѣсамъ:
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!
Друзья, въ сей день благословенной
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!
Эванъ, эвое! Дайте чаши!
Несите свѣжіе вѣнцы!
Невольники, гдѣ тирсы наши?
Бѣжимъ на мирный бой, отважные бойцы!

ВАКХАНКА.

(*La joyeuse bacchante, par M-me le Sieur*).

Quand vous fûtes ici, Voltaire,
Berlin, de l'Arsenal de Mars,
Devint le temple des beaux—ars;
. . . . . .
Enfin l'illusion, une douce chimère,
Me fit passer, chez vous, pour la reine de Cythère.
Je sais assez de nous la différance extrême;
O vous, mon tendre ami, qui vous rendez fameux,
Au haut de l'Helicon vous vous placez vous-même;
Mais, je dois tout à mes aïeux.
Tel est l'arret du sort suprême,
Le hasard fait les rois, la vertu fait les dieux.

Съ этими словами я пробудилась. Съ моимъ пробужденіемъ вы потеряли ваше царство, а я—искусство стихосложенія».

Подъ письмомъ, вслѣдъ за подписью принцессы, Фридрихъ приписалъ собственноручно:

Je ne regrette pas, dans l'erreur de ce songe,
La perte du haut rang où vous étiez monté:
Mais ce qui vous en reste, et que vous n'osez dire
S'il est vrai que jamais il ne vous soit ôté,
Vaut à mes yeux le plus puissant empire.

Нѣсколько времени спустя, когда Луиза-Ульрика вышла замужъ за шведскаго наслѣднаго принца, шведскій министръ, которому было поручено собрать нѣсколько замѣчаній къ Вольтеровой исторіи Карла XII, встрѣтился въ Парижѣ съ Вольтеромъ. «Онъ совсѣмъ расположенъ къ Шведамъ, — писалъ министръ своему правительству,—онъ считаетъ насъ умными съ тѣхъ поръ, какъ мы находимся подъ властью прекрасной и остроумной принцессы Ульрики. То обстоятельство, что она займетъ тронъ, заставляетъ его любить всѣхъ тѣхъ, кто занималъ этотъ тронъ до нея; онъ дошелъ даже до того, что отдастъ справедливость Карлу XII. Онъ самъ увѣрялъ меня, что намѣренъ подвергнуть передѣлкамъ свою исторію».

Такова исторія отношенія Вольтера къ Прусской принцессѣ и его мадригала, который считался очень изящнымъ стихотвореніемъ. Пушкинскій переводъ—не единственный, и не вполнѣ удачный. Гаевскій («Современникъ» 1863 г. т. XCVII, стр. 169) справедливо замѣтилъ: «Сновидѣніе передано еще менѣе точно (нежели «Стансы»—см. ниже), и въ переводѣ совершенно выпущены два первые стиха Вольтера». Гаевскій только повторилъ мнѣніе Полторацкаго, который въ своихъ «Матеріалахъ для словаря русскихъ писателей» (т. I, вып. I. Переводчики Вольтера. М. 1858) говоритъ слѣдующее:

«Въ безчисленномъ множествѣ Мадригаловъ, извѣстныхъ во французской литературѣ, едва ли найдется хоть одинъ удачнѣе, по своей замысловатости и прекраснымъ стихамъ, того мадригала, который сочиненъ Вольтеромъ въ 1743 году... Этотъ мадригалъ переданъ въ русскихъ стихахъ четырьмя переводчиками. Первый переводъ принадлежитъ Панкратію Сумарокову (1790), второй князю Г. А. Хованскому (1793—1795), третій Ю. А. Нелединскому-Мелецкому, и четвертый А. С. Пушкину. Сравненіе этихъ четырехъ переводовъ между собою любопытно для исторіи русской литературы: по нимъ можно, нѣкоторымъ образомъ, слѣдить за постепеннымъ развитіемъ и усовершенствованіемъ русскаго языка и судить о степени дарованій четырехъ переводчиковъ». И далѣе:

«При всемъ превосходствѣ перевода Пушкина надъ прочими тремя, слѣдуетъ, однакожъ, замѣтить, что Пушкинъ совершенно исключилъ мысль, выраженную Вольтеромъ въ первыхъ двухъ стихахъ Мадригала». Тексты до-пушкинскихъ переводовъ приведены у С. Д. Полторацкаго. Вотъ они:

П. Сумароковъ. Сонъ Вольтеровъ къ одной знатной Госпожѣ:

На свѣтѣ съ правдою мѣшаютъ часто ложь;
Вчера я видѣлъ сонъ, который скажетъ тожь:
Я былъ влюбленъ въ тебя и былъ я на престолѣ,
Я смѣлъ любовь мою открыть тебѣ оттолѣ;
Проснувшись же, царемъ лишь быть я пересталъ.
У больше ничего съ мечтой не потерялъ.

Кн. Хованскій:

Не рѣдко въ свѣтѣ семь ложь съ истиной мѣшаютъ,
Въ прошедшую я ночь пріятной видѣлъ сонъ,
Что будто на меня корону возлагаютъ
И бывши королемъ во снѣ я сѣлъ на тронъ.
Въ то время я въ тебя безъ памяти влюбился
И смѣло страсть свою любовну объявлялъ,
Поутру пробудясь, я не всего лишился;
Но только лишь мой тронъ съ короною пропалъ.

Нелединскій—Мелецкій:

Не рѣдко правды видъ самой
Бываетъ смѣшенъ съ грубой лжею.
Предавшись въ прошлу ночь Морфею,
На тронѣ я былъ изведенъ мечтой.
Любилъ тебя тогда и смѣло въ томъ открылся:
Проснувшись, не все зрѣлъ отнято судьбой...
Престола только я лишился.

Александръ Блокъ.

124. СНОВИДѢНІЕ.

Не давно, обольщенъ прелестнымъ сновидѣньемъ,
Въ вѣнцѣ сіяющемъ, царемъ я зрѣлъ себя;
Мечталось, я любилъ тебя—
И сердце билось наслажденьемъ.
Я страсть у ногъ твоихъ въ восторгахъ изъяснилъ.
Мечты! ахъ! отъ чего вы счастья не продлили?
Но боги не всего теперь меня лишили:
Я только царство потерялъ.

125. СТАНСЫ.

Изъ Вольтера.

Ты мнѣ велишь пылать душою:
Отдай же мнѣ минувши дни,
И мой разсвѣтъ соедини
Съ моей вечернею зарею.

Мой вѣкъ невидимо проходитъ,
Изъ круга смѣховъ и Харитъ
Ужъ Время скрыться мнѣ велитъ
И за руку меня выводитъ—

Предъ нимъ смириться должно намъ
Кто примѣняться не умѣетъ
Своимъ премѣнчивымъ годамъ,
Тотъ горесть ихъ одну имѣетъ.

Щастливцамъ рѣзвымъ молодымъ
Оставимъ страсти заблужденья;
Живемъ мы въ мірѣ два мгновенья—
Одно разсудку отдадимъ.—

Ужель навѣкъ вы убѣжали,
Любовь, мечтанья первыхъ дней—
Вы, услаждавшія печали
Минутной младости моей?

Намъ должно дважды умирать:
Проститься съ сладостнымъ мечтаньемъ—
Вотъ смерть ужасная страданьемъ!
Что значитъ послѣ не дышать?—

На сумрачномъ моемъ закатѣ,
Среди вечерней темноты,
Такъ сожалѣлъ я объ утратѣ
Обмановъ сладостной мечты.—

Тогда на голосъ мой унылой
Мнѣ дружба руку подала,
Она любви подобна милой
Въ одной лишь нѣжности была.

Я ей принесъ увядши розы
Веселыхъ юношества дней,
И въ слѣдъ пошелъ, но лилъ и слезы
Что могъ идти во слѣдъ лишь ей!—

125. СТАНСЫ.

(Изъ Вольтера).

Рукописи этого стихотворенія принадлежатъ Моск. Публ. музею. Одна, писарского почерка, (въ тетради № 2395)—та, съ которой печаталось посмертное изданіе. Другая (въ тетради № 2364, л. 35) неизвѣстнаго почерка, но съ помѣтами Пушкина: «1817» и «(изъ Вольтера)», и поправками, которыя не вошли въ посмертное изданіе (т. IX), гдѣ впервые напечатаны стихи. Всѣ поправки введены только въ изданіе литературнаго фонда (т. I); онѣ незначительны и касаются, главнымъ образомъ, строфъ, наиболѣе удавшихся Пушкину—1-ой и 7-ой. (См. въ концѣ тома). Оригиналъ стансовъ принадлежитъ къ наиболѣе извѣстнымъ и наиболѣе удачнымъ стихотвореніямъ Вольтера, и написанъ имъ въ 1741 году маркизѣ дю-Шатле. Въ ея Лотарингскомъ замкѣ Сирей Вольтеръ жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ; они дѣлили свое время между любовью и изученіемъ точныхъ наукъ, къ которымъ оба были пристрастны. Въ данномъ случаѣ представляетъ интересъ то, что писалъ объ ихъ отношеніяхъ Батюшковъ въ несомнѣнно-прочтеной Пушкинымъ статьѣ «Путешествіе въ замокъ Сирей» («Вѣстникъ Европы» 1816 года):

«Здѣсь (въ замкѣ) долгое время былъ счастливъ Вольтеръ въ объятіяхъ Музъ и попечительной дружбы. Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай, писалъ онъ къ пріятелю своему Тріо.—Не мудрено! Представьте себѣ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, остроумныхъ поэтовъ—такихъ напримѣръ, какъ С. Ламберъ, который умѣлъ соединять любезность съ глубокими свѣдѣніями, философію съ людскостію, и въ кругу такихъ людей—Маркизу, которая умѣла все одушевить своимъ присутствіемъ, всему давала непзъяснимую прелесть: и вы будете имѣть понятіе о земномъ раѣ Вольтера. Она—чудо во Франціи!—говорилъ Вольтеръ. Madame du Chatelet sera comptée au rang des choses, qu'il faut voir en France, parmi celles, qu'on y regrettera toujours, писалъ Вольтеръ къ Кейзерлингу. Умъ необыкновенный, лице прекрасное, душа Ангела, откровенность ребенка и ученость глубокая:—все было очаровательно въ этой волшебницѣ!... здѣсь Маркиза кончила жизнь свою, на лонѣ дружества. Всѣ жители плакали о ней, какъ о нѣжной, попечительной матери... Вольтеръ былъ неутѣшенъ...»

Вольтеру было уже 47 лѣтъ, когда онъ написалъ «Стансы», относящіеся къ той порѣ, когда его чувство стало остывать. Вотъ текстъ этихъ «Стансовъ»:

A M-me du Chatelet.

Si vous voulez que j'aime encore,
Rendez moi l'âge des amours;
Au crépuscule de mes jours
Rejoignez, s'il se peut, l'aurore.
Des beaux lieux où le dieu du vin
Avec l'Amour tient son empire,
Le Temps, qui me prend par la main,
M'avertit que je me retire.
De son inflexible rigueur
Tirons au moins quelque avantage.
Qui n'a pas l'esprit de son âge
De son âge a tout le malheur.
Laissons á la belle jeunesse
Ses folâtres emportements:
Nous ne vivons que deux moments;
Qu'il en soit un pour la sagesse.
Quoi! pour toujours vous me fuiez,
Tendresse, illusion, folie,
Dons du ciel, qui me consoliez
Des amertumes de la vie!
On meurt deux fois, je le vois bien:
Cesser d'aimer et d'être aimable,
C'est une mort insupportable;
Cesser de vivre, ce n'est rien.
Ainsi je déplorais la perte
Des erreurs de mes premiers ans;
Et mon âme, aux désirs ouverte,
Regrettait ses égarements.
Du ciel alors daignant descendre,
L' Amitié vint á mon secours;
Elle était peut-être aussi tendre,
Mais moins vive que les Amours.
Touché de sa beauté nouvelle,
Et de sa lumière éclairé,
Je la suivis; mais je pleurai
De ne pouvoir plus suivre qu'elle.

«Принимая въ соображеніе,—говоритъ Майковъ, нѣсколько разсудочный характеръ «Стансовъ», довольно трудно объяснить себѣ, почему Пушкину вздумалось предпринять переводъ ихъ. Можно только напомнить, что онъ съ раннихъ лѣтъ питалъ нѣкоторое пристрастіе къ формѣ стансовъ, а стансы Вольтера къ маркизѣ дю-Шатле считались образцовыми въ своемъ родѣ; кромѣ того, поводомъ къ переводу могло послужить знакомство Пушкина со статьей Батюшкова: «Путешествіе въ замокъ Сирей».

126. ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

Лишь благосклонный мракъ разкинетъ
Надъ нами тихой свой покровъ,
И время дважды передвинетъ
Стрѣлу медлительныхъ часовъ,
Въ шастливой тишинѣ природы,
Когда не спитъ одна любовь:
Тогда моей темницы вновь
Покину я глухіе своды...
Летучихъ остальныхъ минутъ
Мнѣ слишкомъ тягостна потеря—
Но скоро Аргусы заснутъ,
Замкамъ предательнымъ повѣря,
И я въ обители твоей...
Но скорой поступи моей,
Но сладострастному молчанью
Но смѣлымъ, трепетнымъ рукамъ,
Но воспаленному дыханью
И жаркимъ, ласковымъ устамъ
Узнай любовника—настали
Восторги, радости мои!...
О Лида, если бъ умирали
Съ восторговъ, нѣги и любви!

127. ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Давайте пить и веселиться,
Давайте жизнію играть:
Пусть черпь слѣпая суетится—
Не намъ безумной подражать.
Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и въ винѣ;
Пусть измѣняющая радость
Намъ улыбнется хоть во снѣ.
Когда же юность легкимъ дымомъ
Умчитъ веселость юныхъ дней,
Тогда у старости отымемъ
Все, что отымется у ней.

128. ИМЯНИНЫ.

Умножайте шумъ и радость;
Пойте пѣсни въ добрый часъ:
Дружба, грація и младость
Имяниницы у насъ.
Между тѣмъ дитя крылато,
Васъ привѣтствуя, друзья,
Втайнѣ думаетъ: когда-то
Имяниникъ буду я?

Имѣя въ рукахъ первоначальную редакцію стихотворенія (въ посмертномъ изданіи), которая, впрочемъ, мало отличается отъ позднѣйшей, Гаевскій («Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 168—169) сличилъ переводъ съ подлинникомъ и пришелъ къ заключеніямъ не особенно выгоднымъ: «первыя пять строфъ этого стихотворенія переведены удовлетворительно, остальныя же четыре переданы вяло и даже, въ художественномъ отношеніи, хотя Вольтеръ далеко не художникъ, гораздо ниже подлинника. Иногда трудно даже понять переводчика».

Эту непонятность Гаевскій отмѣчаетъ въ строфахъ 6-ой, 7-ой и 8-ой; о первыхъ двухъ онъ говоритъ: «Пушкинъ передалъ эти стихи произвольно, не довольно ясно и совершенно безцвѣтно». О 8-ой строфѣ: «У Пушкина первые два стиха переведены не точно, хотя съ большею образностью; послѣдніе же два передаютъ въ растянутой формѣ только половину мысли, не сохраняя характеристической черты, которую поэтъ проводитъ между дружбой и любовью».

О послѣдней, 9-ой, строфѣ Гаевскій пишетъ: «Первые два стиха, сильные, и образные, совершенно пропали у Пушкина и замѣнены двумя сладенькими строчками, подобранными лишь для рѳмы къ двумъ послѣднимъ, очевидно, прежде ихъ вылившимся изъ-подъ пера переводчика».

По поводу этихъ строгихъ, но вѣрныхъ замѣчаній Гаевскаго, Майковъ говоритъ: «можно согласиться, что переводъ Пушкина не отличается близостью къ подлинникуу но это—обычная черта его переводовъ, которая не всегда была въ ущербъ ихъ достоинству».

Александръ Блокъ.

126. ПИСЬМО КЪ ЛИДѢ.

Собственноручная рукопись Пушкина принадлежитъ Моск. Публичн. музею, (тетрадь № 2364, оборотъ листа 31) на ней—помѣта «1817» и небольшія поправки. Стихотвореніе появилось впервые въ изданіи Анненкова (т. II—первые 13 стиховъ, т. VII—остальные 9). Въ примѣчаніи (т. II, стр. 184) Анненковъ говоритъ: «эти начальные стихи стихотворенія, не бывшаго въ печати, принадлежатъ къ переводу одной изъ пьесъ Парни: Billet. Dès que la nuit sur nos demeures. Но энергіи стиха, переводъ намъ кажется выше подлинника». Это мнѣніе оспариваетъ Гаевскій («Современникъ» 1863 г., т. XCVII, стр. 173): «Письмо къ Лидѣ, которое г. Анненковъ несправедливо называетъ переводомъ, есть подражаніе стихотворенію Billet, изъ котораго переведены только первые четыре стиха. У Парни читаемъ

Sur les pas du fidèle Amour
Alors les Plaisirs, par centaine,
Volerent chez ma souveraine,
Et les Voluptés tour à tour
Prendront soin d'amuser leur reine.

У Пушкина нѣтъ ничего подобнаго. Художественное чувство его отвергало эти сладенькія фантазіи, паскучившія въ стихахъ Богдановича и Карамзина, и вмѣсто «утѣхъ и сладостей», посылаемыхъ французскимъ поэтомъ, нашъ поэтъ предпочелъ самъ отправиться къ Лидѣ».

Майковъ находитъ показанія Анненкова и Гаевскаго неточными, и указываетъ, что у Парни есть два сходныхъ стихотворенія подъ однимъ заглавіемъ «Billet»:

I.

Dès que la nuit sur nos demeures
Planera plus obscurément,
Dès que sur l'airain gémissant
Le marteau frappera douze heures,
Sur les pas du fidèle Amour
Alors les Plaisirs, par centaine,
Volerent chez ma souveraine,
Et les Voluptés tour à tour
Prendront soin d'amuser leur reine.
Ils y resteront jusqu'au jour:
Et, si la matineuse Auroro
Oubliait d'ouvrir au Soleil
Ses larges portes de vermeil,
Le soir ils y resteront encore.

II.

Apprenez, ma belle,
Qu'à minuit sonnant,
Une main fidèle
Une main d'amant
Ira doucement,
Se glissant dans l'ombre,
Tournez les verroux
Qui dès la nuit sombre
Sont tirés sur vous.
Apprenez encore
Qu'un amant abhorre
Tout voile jaloux.
Pour être plus tendre,
Soyez sans atours,
Et songez à prendre
L'habit des Amours.

ПЕТРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЧААДАЕВЪ.

Въ гусарскомъ мундирѣ.

129. КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Онъ вышней волею небесъ
Рожденъ въ оковахъ службы царской:
Онъ въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Аѳинахъ—Периклесъ,
А здѣсь онъ—офицеръ гусарской.

130. КЪ ПОРТРЕТУ П. П. КАВЕРИНА.

Въ немъ пунша и войны кипитъ всегдашній жаръ,
На Марсовыхъ поляхъ онъ грозный былъ вопитель,
Друзьямъ онъ вѣрный другъ, красавицамъ мучитель,
И всюду онъ гусаръ.

По мнѣнію Майкова, «Пушкинъ воспользовался мотивами изъ того и другого и на такомъ основаніи создалъ свою пьесу». Мнѣніе это, раздѣляемое и Морозовымъ, лишено твердаго основанія; впрочемъ, нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что Пушкинъ любилъ и помнилъ обѣ приведенныя пьески Парни, и по нихъ канвѣ расшилъ свои музыкальныя строки. Отмѣтимъ почему то не привившееся русскому языку выраженіе «съ восторговъ» (первоначально—«съ блаженства»)—очень яркое и совершенно правильное (по аналогіи, напримѣръ, съ выраженіемъ: «съ тоски»).

Александръ Блокъ.

127. ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

Пьеса дошла до насъ въ бѣловомъ автографѣ Пушкина, находящемся въ принадлежащей Академіи Наукъ майковской коллекціи автографовъ поэта. Списокъ этотъ—на бумагѣ съ клеймомъ 1823 г.; на другой сторонѣ листа переписаны стихи «Къ Каверину» съ помѣтой «1817»: слово «Добрый» въ заглавіи стихотворенія прибавлено другою рукой (ср. «Пушкинъ и его соврем.», IV, Спб., 1906 г., стр. 3). Повидимому, этотъ автографъ—позднѣйшая копія. 1817 годомъ пьесу помѣтилъ П. В. Анненковъ (т. II, стр. 177), а напечатана она была впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 152), въ отдѣлѣ лицейскихъ стихотвореній.

Анненковъ указалъ, что «Добрый совѣтъ» — «весьма близкій переводъ стихотворенія Парни: «A mes amis», а В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 174) нашелъ, что «въ этихъ двѣнадцати стихахъ много отступленій отъ подлинника, который гораздо лучше перевода». Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Если не требовать отъ перевода дословной точности, которая только повредила бы стихотворенію, то пьеса Пушкина, вопреки мнѣнію Гаевскаго, едва-ли ниже подлинника Парни, который приводимъ тутъ же для сравненія.

A MES AMIS.

Rions, chantons, ô mes amis,
Occupons nous à ne rien faire!
Laissons murmurer le vulgaire;
Le plaisir est toujours permis.
Que nôtre existence légère
S'évanouisse dans les yeux.
Vivons pour nous, soyons heureux,
N'importe de quelle manière.
Un jour il faudra nous courber
Sous la main du temps qui nous presse,
Mais jouissons de la jeunesse
Et dérobons à la vieillesse
Tout ce qu'on peut lui dérober.

Такой же эпикурейскій «добрый совѣтъ» поэтъ давалъ «Друзьямъ» въ 1816 г.:

Богами вамъ еще даны
Златые дни, златыя ночи...
Играйте, пойте, о друзья,
Утратьте вечеръ скоротечный...

128. ИМЯНИНЫ.

Это восьмистишіе, не сохранившееся въ рукописи, вошло въ изданія 1826 и 1829 года. Къ 1817 году оно отнесено впервые Ефремовымъ (въ изданіи 1880 г.), «по личному указанію В. П. Гаевскаго, будто оно написано по поводу посѣщеній Энгельгардтовой семьи, чего не было указано въ его статьѣ о Пушкинѣ».

«Дитя крылато»—очевидно купидонъ, и который рано или поздно напомнитъ себѣ «Дружбѣ, граціи и младости».

129. КЪ ПОРТРЕТУ П. Я. ЧААДАЕВА.

Надпись къ портрету П. Я. Чаадаева была, по преданію, написана Пушкинымъ подъ портретомъ, изображавшимъ Чаадаева въ гусарскомъ мундирѣ, въ кудряхъ, еще не превратившагося въ «плѣшиваго идола», какъ назвалъ его впослѣдствіи П. М. Языковъ. Можетъ быть, это тотъ портретъ, который былъ на пушкинской выставкѣ 1899 г. и воспроизведенъ здѣсь на стр. 405. Напечатана была надпись впервые въ берлинскомъ томикѣ стихотвореній Пушкина, вышедшемъ въ 1861 г. Русскимъ (П. В. Гербелемъ); затѣмъ она появилась въ статьѣ М. И. Жихарева о Чаадаевѣ («Вѣстникъ Европы» 1871 г., № 7, стр. 197) и въ «Русс. Архивѣ» 1876 г., III, стр. 209—210, а начиная съ изданія 1880 г. (т. I, стр. 193) стала печататься въ собраніяхъ произведеній Пушкина. Печаталась она въ разныхъ редакціяхъ, но довѣрія заслуживаетъ только текстъ, сообщенный Жихаревымъ, писавшимъ о Чаадаевѣ по достовѣрнымъ источникамъ. Эту редакцію воспроизводитъ и

131. КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Забудь, любезный мой Каверинъ,
Минутной рѣзвости нескромные стихи:
Люблю я первый, будь увѣренъ,
Твои счастливые грѣхи.
Все чередой идетъ опредѣленной,
Всему пора, всему свой мигъ:
Смѣшенъ и вѣтреный старикъ,
Смѣшенъ и юноша степенной.
Пока живется намъ, живи,
Гуляй въ мое воспоминанье,
Усердствуй Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киперой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

132. КЪ АЛЬБОМЪ А. П. ЗУБОВУ.

Пройдетъ любовь, умрутъ желанья,
Разлучитъ насъ холодный свѣтъ;
Кто вспомнитъ тайныя свиданья,
Мечты, восторги прежнихъ лѣтъ?...
Позволь въ листахъ воспоминанья
Оставить имъ свой легкій слѣдъ.

133. ДЕЛЬВИГУ.

Любовью, дружествомъ и лѣнью
Укрытый отъ заботъ и бѣдъ,
Живи подъ ихъ надежной сѣнью:
Въ уединеніи ты счастливъ: ты поэтъ.
Паперснику боговъ не страшны бури злыя:
Надъ нимъ ихъ промыселъ высокій и святой;
Его баюкаютъ камены молодыя
И съ перстомъ на устахъ хранятъ его покой.
О милый другъ, и мнѣ богини нѣкогда
Еще въ младенческую грудь
Вліяли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я мирныхъ звуковъ наслажденья
Младенцемъ чувствовать умѣлъ,
И лира стала мой удѣлъ.
Но гдѣ же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жаръ,
Одушевленный трудъ и слезы вдохновенья!
Какъ дымъ исчезъ мой легкій даръ.
Какъ рано зависти привлекъ я взоръ кровавой
И злобной клеветы невидимый кинжалъ!
Нѣтъ, нѣтъ, ни счастіемъ, ни славой,
Ни гордой жаждою похвалъ
Не буду увлеченъ! Въ бездѣйствіи счастливомъ
Забуду милыхъ музъ, мучительницъ моихъ:
Но, можетъ быть, вздохну въ восторгѣ молчаливомъ,
Внимая звуку струнъ твоихъ.

настоящее изданіе. Ф. Ф. Вигель въ своихъ желчныхъ и столь часто клеветническихъ запискахъ, сообщая эту надпись въ искаженной редакціи («Записки Ф. Ф. Вигеля», изд. «Русс. Архива», М., 1892 г., стр. 19), передаетъ нелѣпый слухъ, что у Чаадаева она красовалась подъ его собственнымъ портретомъ, будто бы изображавшимъ его «въ видѣ скованнаго генія».

Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. I т. «Сочиненій» Н., прим., стр. 369) отмѣчаетъ сходство пушкинской надписи съ стихами Н. Н. Дмитріева къ портрету Карамзина: «Въ Аркадіи онъ былъ бы пастушкомъ, въ Лоинахъ—Демосѳеномъ».

Къ 1817 г. пьеса относится приблизительно, по времени сближенія Пушкина съ Чаадаевымъ, относящемуся къ послѣднему году пребыванія поэта въ лицеѣ (ibid., стр. 367).

130. КЪ ПОРТРЕТУ КАВЕРИНА.

Съ писарской копіи, сохранившейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ (тетрадь № 2395, л. 77), это четверостишіе впервые было напечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 371). По времени оно относится къ 1817 г., когда Пушкинъ сблизился съ Каверинымъ. Своей структурой и расположеніемъ рисующихъ Каверина опредѣленій оно напоминаетъ надпись «Къ портрету Чаадаева».

О Каверинѣ см. примѣчаніе къ посланію «Къ П. П. Каверинау. Пушкинское четверостишіе приводитъ на память отзывъ о Каверинѣ Грибоѣдова, который, встрѣтившись съ нимъ въ 1817 г., въ ресторанѣ Лареды, писалъ С. Н. Бѣгичеву: «Онъ все такой же, любитъ съ друзьями и пасынѣ подвыпить или, какъ онъ называетъ, трынкену задать». (Полн. собр. соч. А. С. Грибоѣдова», подъ ред. П. А. Шляпкина, Спб., 1889 г., т. I, стр. 159—160).

131. КЪ П. П. КАВЕРИНУ.

Существуютъ три автографа этой пьесы. Одинъ, принадлежавшій А. Н. Маркевичу, въ альбомѣ его отца, писателя Н. А. Маркевича (л. 201), озаглавленъ: «Къ Каверину»; другой—въ собственноручной тетради Пушкина, принадлежавшей графу П. П. Капписту (л. 10), съ тѣмъ же заглавіемъ и помѣтой: «(1817)»; третій, такъ же озаглавленный и датированный, принадлежавшій А. А. Майковой, теперь находится въ библіотекѣ Академіи Наукъ («Пушкинъ и его современники», вып. IV, Спб., 1906 г., стр. 3). Пять стиховъ пьесы, записанныхъ Пушкинымъ, находимъ въ его черновой тетради, хранящейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ, № 2364, л. 58. Была у Е. Н. Якушкина копія («Библіогр. Записки» 1858 г., ст. 335). О текстѣ этой пьесы см. въ концѣ тома.

Напечатана она была въ первый разъ, въ окончательной редакціи, въ «Московскомъ Вѣстникѣ» 1828 г., ч. XI, стр. 4—5, подъ заглавіемъ: «Къ К. 1817» и съ подписью: *А. Пушкинъ*. Затѣмъ, подъ заглавіемъ: «К...ну», и съ подписью: *Ан.*, появилась, въ первоначальной редакціи, въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сѣверная Звѣзда» на 1827 г., стр. 295—296, безъ разрѣшенія Пушкина, что его чрезвычайно возмутило (см. сцены «Альманашникъ» и критическія замѣтки); послѣ пьеса была помѣщена въ окончательной редакціи, въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 465).

П. П. Каверинъ, къ которому обращено это посланіе, принадлежалъ къ числу царскосельскихъ пріятелей Пушкина и къ тому кругу, въ которомъ вращался поэтъ по выходѣ изъ лицея до высылки на югъ. Петръ Павловичъ Каверинъ (род. 1794 г., † 1855 г.) слушалъ въ 1810—1811 гг. лекціи въ геттингенскомъ университетѣ, одновременно съ братьями Тургеневыми, Сер. Ив. и Ник. Ив. (будущимъ декабристомъ). Въ 1812 г. Каверинъ служилъ въ московскомъ ополченіи, въ качествѣ офицера ольвіопольскаго гусарскаго полка, былъ въ заграничномъ походѣ 1813—1814 гг., съ 18 августа 1816 г. (К. Мазуси, «Исторія лейбъ-гвардіи гусарскаго полка», ч. III, Спб., 1859 г., стр. 81) перешелъ въ лейбъ-гусары, въ 1819 г. вернулся въ армію маіоромъ въ павлоградскій гусарскій полкъ, съ 1823 до 1828 г. былъ въ отставкѣ, потомъ снова вступилъ въ военную службу, участвовалъ въ турецкихъ кампаніяхъ 1828 и 1829 гг., въ усмиреніи польскаго мятежа и закончилъ дни на службѣ въ пограничной стражѣ. Незначительны свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Каверинѣ, но всѣ они ясно рисуютъ бурную и даровитую натуру, полную страстей и привлекательную. Въ 1814 г. имя «краснаго гусара» знали весь Гамбургъ, гдѣ стояли русскія

134. ВЪ АЛЬБОМЪ ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Мой другъ, не славный я поэтъ,
Хоть Христіанинъ православной.
Душа безсмертна, слова нѣтъ:
Моимъ стихамъ удѣлъ неравной:
И нѣсни Музы своенравной,
Забавы рѣзвыхъ, юныхъ лѣтъ
Погибнутъ смертію забавной —
И насъ не тронетъ здѣшній свѣтъ.
Ахъ, вѣдаетъ мой добрый Геній,
Что предпочелъ бы я скорѣй
Безсмертіе ль души моей
Безсмертіе ль своихъ твореній?
Не властны мы въ судьбѣ своей;
По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнья —
Сей плодъ небрежной вдохновенья,
Безъ подписи, въ твоихъ рукахъ
На скромныхъ дружества листкахъ,
Уйдетъ отъ общаго забвенья.
Но пусть напрасенъ будетъ трудъ,
Твоею дружбой оживленной;
Мои стихи пускай умрутъ;
Глась сердца, чувствъ неизмѣнны
Навѣрно ихъ переживутъ.

135. ВЪ АЛЬБОМЪ П. И. ПУЩИНУ.

Взглянувъ когда нибудь на тайный сей листокъ,
Исписанный когда-то мною,
На время улети въ Лицейскій уголокъ
Всесильной, сладостной мечтою.
Ты вспомни быстрыя минуты первыхъ дней.
Неволю мирную, шесть лѣтъ соединенья,
Печали, радости, мечты души твоей,
Размолвки дружества и сладость примиренья,
Что было и не будетъ вновь...
И съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь.
Мой другъ! она прошла... но съ первыми друзьями
Не рѣзвою мечтой союзъ твой заключенъ;
Предъ грознымъ временемъ, предъ грозными судьбами,
О милый, вѣченъ онъ!

Виньетка изъ сборника стихотвореній Илличевскаго (Спб. 1827), рисованная лицеистомъ Данзеромъ, грав. Галактіоновымъ.

войска («Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности при Имп. Московс. университетѣ», вып. II, стр. 17). Лицейскій товарищъ Пушкина С. Д. Комовскій причисляетъ Каверина къ числу «отчаянныхъ» гусаръ, съ которыми Пушкинъ водилъ знакомство въ Царскомъ Селѣ (нелишнее замѣтить, что другой товарищъ поэта, М. Л. Яковлевъ, къ этой характеристикѣ отнесся неодобрительно, должно быть, считая ее, односторонней), и вмѣстѣ съ которыми поэтъ «любилъ приносить жертвы Бахусу и Венерѣ» (Я. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899, стр. 220). М. А. Корфъ говоритъ о гусарѣ Каверинѣ (ibid., 248) какъ о любимомъ царскосельскомъ собесѣдникѣ Пушкина и «одномъ изъ самыхъ лихихъ повѣсъ въ полку». Князь П. А. Вяземскій писалъ, что этотъ «бывшій геттингенскій студентъ и гусарскій офицеръ въ томъ и другомъ званіи извѣстенъ былъ проказами своими и скюскою жаждою: но былъ онъ въ свое время извѣстенъ и благородствомъ характера, и любезнымъ обхожденіемъ» («Полн. собр. сочин. кн. II. А. Вяземскаго», т. VIII, стр. 436). Объ умѣ и образованности Каверина и объ его литературныхъ и общественныхъ интересахъ свидѣтельствуютъ нѣсколько его писемъ къ товарищу по павлоградскому полку поэту В. Г. Теплякову, котораго Каверинъ ввелъ въ члены одной масонской ложи («Русск. Стар.» 1896 г., февраль, стр. 425 — 430). Пушкинъ былъ, повидимому, очень расположенъ къ умному, веселому и симпатичному гусару. Поэтъ написалъ стихи «Къ портрету Каверина» (см. эту пьесу) и далъ ему мѣсто въ «Евгеніи Онѣгинѣ», сдѣлавъ его товарищемъ своего героя, который, отправляясь къ Талону обѣдать (глава I, строфа XVI), былъ

увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ.

Онѣгинъ подражаетъ строгому дендизму своего товарища (ibid., строфа XXV):

Второй Каверинъ, мой Евгеній,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.

Въ одномъ черновомъ наброскѣ, относящемся къ 1824 г., Пушкинъ вспоминалъ свои «пріятныя затѣи, какъ съ Каверинымъ гулялъ» («Русс. Старина» 1884 г., іюль, 15); въ письмѣ къ Н. А. Катенину, изъ Михайловскаго, въ первой половинѣ сентября 1825 г., поэтъ вспоминалъ «старыя проказы съ К.»,—вѣроятно, съ Кавернымъ. Въ бумагахъ Пушкина, хранящихся въ Румянцевскомъ музеѣ, тетрадь № 2364, л. 55 есть карандашный рисунокъ, изображающій кутежъ: двое мужчинъ за столомъ и полураздѣтая женщина пляшетъ съ бутылками, тутъ же маленькій скелетъ въ плащѣ и со шпагой. По словамъ П. В. Анненкова («А. С. Пушкинъ въ александровскую эпоху», Спб., 1874 г., стр. 65) въ одномъ изъ сидящихъ за столомъ изображенъ Каверинъ (см. этотъ рисунокъ дальше). Рисунокъ Пушкина, вѣроятно, относится къ знаменитой дуэли графа А. И. Завадовскаго съ В. В. Шереметевымъ, на которой Каверинъ былъ секундантомъ (С. Н. Шубинскій, «Историческіе очерки и разсказы», 4-е изд., Спб., 1903 г., стр. 512—516). Л. Н. Павлищевъ въ своихъ анекдотическихъ «Воспоминаніяхъ объ А. С. Пушкинѣ» (Москва, 1890 г., стр. 193 — 195) разсказываетъ о встрѣчѣ Каверина съ Пушкинымъ въ концѣ января 1830 г. и тутъ приписываетъ этому умному и воспитанному человѣку глупый поступокъ и глупые и пошлые стишки.

По словамъ Павлищева, Каверинъ будто бы написалъ старой дѣвѣ, приставшей къ нему съ просьбою о стихахъ въ альбомъ, слѣдующее признаніе:

Сижу я въ комнатѣ,
Никого не вижу,—
Только вижу дѣву рыжу,
И ту ненавижу.

Такія же пошлости не разъ приписывались и Пушкину.

Со словъ В. П. Гаевскаго («Современникъ», 1863 г., № 8, стр. 393) распространено мнѣніе, что пьеса была вызвана написанной будто бы Пушкинымъ «Молитвой лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», задѣвшей въ числѣ другихъ и Каверина. Между тѣмъ, «Молитва лейбъ-гусарскихъ офицеровъ» (см. примѣч. къ ней) принадлежитъ, можетъ быть, и не Пушкину и, во всякомъ случаѣ, написана не ранѣе 1818 г.; въ какихъ стихахъ извиняется Пушкинъ передъ Кавернымъ, неизвѣстно. Посланіе къ Каверину показываетъ въ юномъ Пушкинѣ человѣка, съ удивительной зрѣлостью умѣвшаго въ молодые годы разобраться въ богатой и сложной натурѣ, соединявшей любовь къ наукѣ и способность къ серьезному мышленію съ разгуломъ и «скюской

136. ВѢНЕЦЪ ЖЕЛАНІЯМЪ.

Отрывокъ изъ рѣчи въ «Арзамасѣ».

Вѣнецъ желаніямъ! И такъ я вижу васъ,
О други свѣтлыхъ музъ, о дивный Арзамасъ!
. . . . . .
Гдѣ славилъ нашъ Тиртей кисель и Александра,
Гдѣ смерть Захарову пророчила Кассандра,
. . . . . .
. . . въ безпечномъ колпакѣ,
Съ гремушкой, лаврами и съ розгами въ рукѣ...

---

137. РАЗЛУКА.

Въ послѣдній разъ, въ сѣни уединенья,
Моимъ стихамъ внимаетъ нашъ пенатъ.
Лицейской жизни милый братъ,
Дѣлю съ тобой послѣднія мгновенья:
Прошли лѣта соединенья;
Разорванъ онъ, нашъ вѣрный кругъ.
Прости! Хранимый небомъ,
Не разлучайся, другъ,
Съ свободою и Фебомъ!
Узнай любовь, невѣдомую мнѣ,
Любовь надеждъ, восторговъ, упоенья:
И дни твои полетомъ сновидѣнья
Да пролетятъ въ счастливой тишинѣ!
Прости! Гдѣ бъ ни былъ я: въ огнѣ ли смертной битвы,
При мирныхъ ли брегахъ родимаго ручья,
Святому братству вѣренъ я.
И пусть (услышитъ ли судьба мои молитвы?),
Пусть будутъ счастливы всѣ, всѣ твои друзья!

жаждою». «Киѳера» (въ 14-мъ стихѣ)—неправильное выраженіе вмѣсто «Киѳерея», т. е. киѳерская богиня, по имени острова Киѳеры, посвященнаго Аѳродитѣ, богинѣ любви. О Киѳерѣ какъ объ островѣ Пушкинъ говоритъ въ пьесѣ 1827 г.: «Есть роза дивная»...:

Вотще Киѳеру и Пафосъ
Мертвитъ дыханіе мороза...

«Портикъ» (тоже въ 14-мъ стихѣ)—метонимія. Образъ этотъ заимствованъ изъ античнаго быта. Это были крытыя галлереи, со сводами, устраивавшіяся въ публичныхъ мѣстахъ. Ими пользовались для прогулокъ и для научныхъ собраній. Знаменитая фреска Рафаэля «Аѳинская школа» изображаетъ великихъ мудрецовъ Эллады подъ сводами портика. У Пушкина это слово символизируетъ мудрость.

Н. Лернеръ.

132. ВЪ АЛЬБОМЪ А. П. ЗУБОВУ.

Автографъ этой пьесы находится въ пушкинской тетради двадцатыхъ годовъ, хранящейся въ московскомъ публичномъ музеѣ (№ 2367, л. 3), съ заглавіемъ: «Въ альбомъ» и помѣтой: «1817». Впервые она была напечатана въ «Листкахъ граціи, или собраніи стихотвореній для альбомовъ», М., 1829 г., стр. 21, съ подписью автора; въ «Москвитянинѣ» 1842 г., ч. III, № 6, стр. 221, появилась подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ А. П. Зубову» и съ помѣтой: «1817, при выпускѣ изъ лицея», а въ собраніи произведеній Пушкина стала включаться начиная съ изданія П. В. Анненкова (т. II, стр. 171). Текстъ музейный, здѣсь принятый, значительно отличается отъ того текста, который появился въ «Листкѣ граціи», «Москвитянинѣ» и затѣмъ перепечатывался во всѣхъ изданіяхъ, вплоть до Академическаго. См. о текстѣ въ концѣ тома. Здѣсь отмѣтимъ только, что въ первоначальной редакціи пьеса начиналась такъ:

Когда погаснутъ дни мечтанья,
И позоветъ насъ шумный свѣтъ...

Быть можетъ, Пушкинъ потому измѣнилъ эти стихи, что они близко напоминали refrain «Прощальной пѣсни» барона А. А. Дельвига, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1817 года:

Шесть лѣтъ промчались, какъ мечтанье,
Въ объятьяхъ сладкой тишины,
И узъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте сыны!

Алексѣй Николаевичъ Зубовъ, царскосельскій пріятель поэта, служилъ сначала въ гусарскомъ принца Орлеанскаго полку, а съ 23 февраля 1817 г. въ гвардейскихъ гусарскихъ (Мандзей, «Исторія лейбъ-гвардіи гусарахъ полка», ч. III, Спб., 1859 г., стр. 87). По словамъ В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 379), Зубовъ—герой пушкинской «Слезы» (1815 г.). Имя его мы встрѣчаемъ въ приписываемой Пушкину «Молитвѣ лейбъ-гусарскихъ офицеровъ», гдѣ упоминается «Зубова томность», и въ одномъ черновомъ наброскѣ (1824 г.): «Сабуровъ, ты оклеветалъ»...

Стихи Зубову входятъ въ циклъ тѣхъ пьесъ, которыми Пушкинъ простился съ «царскосельскими хранительными сѣнями», вступая въ новую жизнь. «Братскія свиданья, мечты, восторги прежнихъ лѣтъ» навѣ поэтъ помнилъ всю жизнь—«изъ края въ край преслѣдуемъ грозой, запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой».

133. ДЕЛЬВИГУ.

Стихотвореніе сохранилось въ писарской коніи принадл. Моск. Публ. музею (тетр., № 2395) и отнесено къ 1817 году въ изданіяхъ 1826 и 1829 года. Съ музейной рукописи стихотвореніе напечатано въ посмертномъ изданіи. Тотъ же текстъ, который самъ Пушкинъ напечаталъ въ изд. 1826 и 1829 гг. вдвое короче и радикально переработанъ: изъ 55 стиховъ первоначальной редакціи Пушкинъ сдѣлалъ 27, совершенно измѣнилъ порядокъ словъ и внесъ множество поправокъ (ср. въ концѣ тома). Получилось какъ бы новое стихотвореніе. Давая объ редакціи, Анненковъ говоритъ по этому поводу: «представляемъ читателямъ образецъ передѣлки лицейскихъ стихотвореній самимъ Пушкинымъ и вмѣстѣ разницу, какая существуетъ у него между первымъ выраженіемъ мысли и послѣдующею, обдѣланною формой ея. Пьеса «Блаженъ, кто съ юныхъ лѣтъ», данная посмертнымъ изданіемъ, есть грубый очеркъ другой пьесы, слѣдующей за ней: «Любовью, дружествомъ и лѣнью», которая уже является стихотвореніемъ вполнѣ оконченнымъ и прекраснымъ. Все это заставляетъ насъ повторить, что пьесы, выбранныя авторомъ для изданія, уже совсѣмъ не походятъ на лицейскія, и объ нихъ понятія не даютъ. Между прочимъ, въ обоихъ посланіяхъ къ

138. ТОВАРИЩАМЪ.

Промчались годы заточенья;
Недолго, милые друзья,
Намъ видѣть кровъ уединенья
И Царскосельскія поля.
Разлука ждетъ насъ у порогу,
Зоветъ насъ дальній свѣта шумъ,
И всякъ избралъ свою дорогу
Съ волненьемъ гордыхъ, юныхъ думъ.
Иной, подъ киверъ спрятавъ умъ,
Уже въ воинственномъ нарядѣ
Гусарской саблею махнулъ—
Въ крещенской утренней прохладѣ
Красиво мерзнетъ на парадѣ,
А грѣться ѣдетъ въ караулъ.
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатнаго въ прихожей
Покорнымъ плутомъ зритъ себя;
Лишь я судьбѣ во всемъ послушный,
Щастливой лѣни вѣрный сынъ,
Всегда безпечной, равнодушной,
Я тихо задремалъ одинъ...
Равны мнѣ писари, уланы,
Равны законы, кивера:
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ асесора.
Друзья! немного снисхожденья—
Оставьте мирный мнѣ колпакъ,
Пока его за прегрѣшенья
Не промѣнялъ я на шишакъ.
Пока *лѣнивому* возможно,
Не опасаясь грозныхъ бѣдъ,
Еще рукой неосторожной
Въ Іюлѣ распахнуть жилетъ.

139. ГАУЭНШИЛЬДЪ И ЭНГЕЛЬГАРДТЪ...

Гауэншильдъ и Энгельгардтъ,
Карцовъ и Кошанскій,
И танцмейстеръ Эбергардтъ,
И Эбергардтъ кавказскій,

Всѣ, какъ отставной солдатъ,
Тянутъ пѣснь унылу:
«Господа́ . . . . . !
«Господи, помилуй!»

Боже мой, охъ Боже мой,
Господи мой Боже!
Вотъ приходитъ годъ шестой,
И экзаменъ тоже.

Чтожъ? какой намъ аттестатъ
Выдали насилу?—
«Господа́ . . . . . !
«Господи, помилуй!»

Лицей. Рисунокъ (позднѣйшій) Пушкина.

Дельвигу жалобы автора на зависть и клевету уже для насъ совсѣмъ непозъяснимы, да можетъ быть, и тогда не имѣли истиннаго основанія». Съ послѣднимъ замѣчаніемъ согласенъ и Майковъ, отмѣчающій ранніе литературные успѣхи Пушкина. Но почтенные критики упускаютъ изъ виду, что всякой лирикѣ, и особенно осмнадцатилѣтней, свойственны печали и жалобы, и для нихъ не нужно искать основаній въ дѣйствительной жизни поэта».

А. Б.

134. ВЪ АЛЬБОМЪ А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Стихи Илличевскому дошли до насъ въ двухъ копіяхъ. Одна, писанная самимъ Илличевскимъ, находится въ принадлежащемъ К. Я. Гроту лицейскомъ сборникѣ Ѳ. Ѳ. Матюшкина («Журн. Мин. Пар. Просв.» 1905, октябрь, стр. 248); другая—въ хранящейся въ московскомъ публичномъ музеѣ писарской копіи (№ 2395), служившей для посмертнаго изданія произведеній поэта (л. 783). Впервые они были напечатаны въ посмертномъ изданіи сочиненій Пушкина (т. IX, стр. 393—394) безъ даты, которая появилась въ первый разъ лишь въ изданіи 1870 г. (т. I, стр. 169—170). Изъ Анненковскаго изданія строгая цензура пятидесятыхъ годовъ, несмотря даже на данное Николаемъ Павловичемъ разрѣшеніе перепечатать все, что было помѣщено въ посмертномъ изданіи («Дѣла III Отдѣленія объ А. С. Пушкинѣ», Спб., 1906 г., стр. 221), выбросила одиннадцатый стихъ пьесы какъ «колеблющій вѣру» въ безсмертіе души.

Обращаясь къ своему бывшему литературному сопернику, а потомъ поклоннику (см. статью объ Илличевскомъ), Пушкинъ говоритъ о себѣ какъ о писателѣ. По поводу этихъ и подобныхъ стиховъ Пушкина Бѣлинскій замѣтилъ: «видно, что онъ глубоко и сильно сознавалъ свое призваніе какъ поэта... Жажда славы сильно волновала эту молодую и пылкую душу и заря поэтическаго безсмертія казалась ей лучшей цѣлью бытія».

А. Д. ИЛЛИЧЕВСКІЙ.

«Лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ.

Слова А. Д. Илличевскаго о Пушкинѣ (1816 г.).

Я для забавы пѣлъ и вздорными стихами
Не выпрошу у Славы ни листка...

Илличевскій.

Имя Илличевскаго одно изъ тѣхъ, которыя сами по себѣ никогда не привлекли бы вниманія изслѣдователя. Не было у него тѣхъ данныхъ, которыя выдвигаютъ человѣка впередъ и ставятъ на видное мѣсто. Какъ личность, Илличевскій не выдѣлялся ничѣмъ; какъ писатель, ничѣмъ себя не прославилъ, и жизнь его была малозамѣтна. По біографіи Пушкина должна удѣлить ему извѣстное мѣсто. Какъ предвидѣлъ Илличевскій, лучи пушкинской славы отразились и на его скромной фигурѣ, но мало было бы сказать только, что онъ былъ лицейскимъ товарищемъ Пушкина. Если въ общественной жизни между Илличевскимъ и его геніальнымъ школьнымъ товарищемъ не было прежней связи, то зато на ученической скамьѣ Илличевскій былъ довольно близокъ къ Пушкину и, помимо конечно, своего желанія, благодаря своей литературной жилкѣ, сыгралъ извѣстную роль въ развитіи Пушкина.

Алексѣй Демьяновичъ Илличевскій, сынъ томскаго губернатора, происходилъ изъ южнорусской семьи. Въ 1811 г., 13 лѣтъ отъ роду, онъ былъ переведенъ изъ петербургской гимназіи въ только что открытый Царскосельскій лицей. О его дѣтствѣ ничего неизвѣстно, но объ отроческомъ періодѣ его жизни сохранились довольно богатыя свѣдѣнія, достаточно ясно рисующія фигуру спутника лицейскихъ дней Пушкина и его товарища по литературнымъ влеченіямъ. До насъ дошли остатки лицейской рукописной литературы и весьма важныя для біографіи Илличевскаго и для характеристики Лицея пушкинскихъ временъ письма Илличевскаго. Лицейская молодежь была проникнута серьезными литературными интересами. И если вспомнить, что рѣчь идетъ о мальчикахъ 12—15 лѣтъ, что въ тѣ времена все русское общество было далеко отъ освѣжающей и облагораживающей политической жизни, и только любовь къ литературѣ спасала его отъ окончательнаго опошленія и отупѣнія, что литературныя партіи

140. ПОСЛАНІЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Скажи, парнасскій мой отецъ,
Не ужь-то вѣрныхъ музъ любовникъ
Не можетъ нѣжный быть нѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладонъ Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ?
И, если можно, города?
Беллона, Муза и Венера—
Вотъ, кажется, святая вѣра
Дней нашихъ всякаго нѣвца;
Я плюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса храбреца,
Но не на Глинку офицера,
Довольно плоскаго нѣвца:
Не нужно мнѣ его примѣра!
Ты скажешь: перестань, болтунъ,
Будь человѣкъ, а не драгунъ!
Парады, караулъ, ученье—
Все это оды не вдушитъ,
А только душу иссушитъ,
И къ Маріну для награжденья,
Быть можетъ, прямо за Коцитъ
Пошлетъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ,
Ты съ дипломатикой косой!
Кропай, мой другъ, посланье къ Лидѣ,
Оставь военные грѣхи
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета,
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта,
И плѣнъ могучаго Мегмета,
И мужа модные рога:
Который, милостію Бога,
Министръ и сладостный нѣвецъ
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога...
Все такъ, почтенный дядя мой,
Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшилъ запутанные споры,
Умѣлъ, кто хитрости рукой
Перелетать между собой
Дипломатическіе дворы
И править нашею судьбой.
Смѣшонъ, конечно, мирный воинъ,
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ «Святкахъ» онъ достоинъ.
Что восхитительнѣй, живѣй
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завиднѣй бранныхъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ, и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Горацій
Въ Тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру;
О комъ за пѣсни, за дѣла
Гремитъ правдивая хвала;
Кто славилъ Марса и Темиру,
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы, враги трудовъ и славы,
Питомцы Феба и забавы,
Вы, мирной праздности друзья,
Шепну вамъ тайно: вы правы,
И съ вами соглашаюсь я.
Богъ создалъ для себя природу,
Свой рай и счастіе глупцамъ,
Злословіе, мужчинъ и моду,
Конечно, для забавы дамъ,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всѣхъ: а намъ—
Уединенье и свободу.

тогда боролись другъ съ другомъ съ неменьшею страстностью, чѣмъ въ Россіи нашихъ дней борются политическія, мы поймемъ, что крылось въ дѣтскомъ лицейскомъ писательствѣ. Какъ бы ни было вѣрно врожденное геніальному ребенку чутье, какъ бы неуклонно ни вела его судьба по предназначенному великому пути, нельзя отрицать вліянія окружающей обстановки на самую натуру, все-таки дѣтскую и еще далеко не установившуюся. Въ той сферѣ, куда попалъ въ 1811 г. маленькій Пушкинъ, много способствовало его развитію всеобщее увлеченіе литературою. Въ этихъ литературныхъ занятіяхъ видную роль игралъ Илличевскій.

Серьезнымъ поэтомъ Илличевскій не былъ («не тотъ поэтъ, кто рифмы плесть умѣетъ»), особенно тонкимъ умомъ не отличался, но все, что мы о немъ знаемъ, говоритъ объ его остроуміи, объ его критическомъ вкусѣ и объ его любви къ литературѣ. Такъ же рано, какъ и Пушкинъ, Илличевскій началъ писать стихи. По началу онъ былъ дѣятельнѣе и подвижнѣе Пушкина, писалъ больше, и изъ-подъ его пера во множествѣ выходили лирическія пьесы, эпиграммы и очень недурные каррикатурные рисунки, не разъ фигурирующіе въ настоящемъ изданіи. Въ числѣ участниковъ перваго лицейскаго журнала, «Вѣстника», 1811 г., встрѣчаемъ имя Илличевскаго, который далъ пьесу «Сила времени», стихотвореніе «недурное», какъ отзывается о немъ В. П. Гаевскій [1]. Въ 1812 г. Илличевскій былъ однимъ изъ издателей рукописнаго журнала «Для удовольствія и пользы»; въ 1813 г. онъ участвовалъ въ журналѣ «Юные пловцы» [2]. Въ «Лицейскомъ мудрецѣ», начавшемся тоже въ 1813 г., Илличевскому принадлежатъ каррикатуры и большая часть эпиграммъ. Кромѣ всѣхъ этихъ журналовъ, Илличевскій участвовалъ еще въ другомъ «изданіи», спеціально посвященномъ каррикатурѣ; однимъ изъ его издателей былъ Пушкинъ. «Главнымъ дѣятелемъ всѣхъ этихъ журналовъ», говоритъ В. П. Гаевскій, «былъ Илличевскій, который въ началѣ курса по легкости писать стихи превосходилъ всѣхъ своихъ товарищей и считался въ нихъ кружкѣ первымъ поэтомъ. Они называли его Державинымъ, а Пушкина Дмитріевымъ и раздѣлились на двѣ партіи, споривши о томъ, кому изъ нихъ отдать преимущество» [3]. Самое раннее изъ извѣстныхъ намъ стихотвореній Пушкина носитъ слѣды этого соревнованія: это пьеса «Къ Делію». По словамъ очевидцевъ, сообщившихъ объ этомъ Гаевскому, Илличевскій поднялъ брошенный Пушкинымъ листокъ съ неотдѣланнымъ стихотвореніемъ и закончилъ его. Недошедшую до насъ «рыцарскую балладу», подражаніе Жуковскому, Пушкинъ, по словамъ его товарищей, написалъ «состязаясь съ Илличевскимъ» [4]. Въ эпиграммахъ Илличевскій былъ сильнѣе, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ литературномъ родѣ. Только напыщенный и холодный лицейскій профессоръ П. Ѳ. Кошанскій могъ написать: «вотъ поэзія! прекрасно!» о такихъ стихахъ Илличевскаго:

Спускалось солнце, день ужъ къ вечеру клонился; [и]
Въ Бѣлградѣ жители въ одинъ толпились сонмъ;
Глухой, на площади, печальный шумъ носился,
Подобный вечера осенняя шуму волнъ [5].

Эпиграммы Илличевскаго гораздо лучше. Такъ, на товарища (вѣроятно, М. Л. Яковлева), взявшаго къ своимъ баснямъ эпиграфомъ поговорку: «хоть худо, но свое», Илличевскій написалъ:

Ты выбралъ къ басенкамъ заглавіе простое:
«Хоть худо, но свое».
И этакъ хорошо, по этакъ лучше вдвое:
Что худо, то твое,
Что хорошо,—чужое.

Несчастный баснописецъ послалъ свои басни въ журналъ, прося не открывать публикѣ имени автора; баснямъ не суждено было появиться въ печати, и Илличевскій обрушился на неудачника («Уваженная скромность»):

Нагромоздивши басенъ томъ,
Клеонъ давай пускать въ журналъ свои тетрати,
Прося изъ скромности издателя о томъ,
Чтобъ имени его не выставлялъ въ печати.
Издатель скромностью такою тронуть былъ:
И имя онъ, и басни скрылъ [6].

1) В. П. Гаевскій, «Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія»,—«Современникъ» 1861 г., іюль, 140.
2) Ibid., 144.
3) Ibid., 145.
4) Ibid., 134.
5) Ibid., 133.
6) Ibid., 142.

141. БЕЗВѢРІЕ.

О вы, которые съ язвительнымъ упрекомъ,
Щитая мрачное безвѣріе порокомъ,
Вѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасилъ отрадный сердцу свѣтъ;
Смирите гордости жестокой изступленье:
Имѣетъ онъ права на ваше снисхожденье.
Съ душою тронутой внемлите брата стонъ.
Нещастной не злодѣй, собою страждетъ онъ.
Кто въ мірѣ уладитъ души его мученья?
Увы! онъ перваго лишился утѣшенья!

Пастигнетъ ли его глухихъ Судебъ ударъ,
Отъемлется ли вдругъ минутной щастья даръ,
Въ любви ли, въ дружествѣ обманетъ онъ измѣну
И ихъ почувствуетъ обманчивую цѣну:
Лишенный всѣхъ опоръ отпадшій вѣры сынъ
Ужъ видитъ съ ужасомъ, что въ свѣтѣ онъ одинъ,
И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не простирается изъ за предѣловъ міра...
Напрасно въ пышности свободной красоты,
Природы передъ нимъ открыты красоты;
Напрасно вкругъ себя печальной взоръ онъ водитъ:
Умъ ищетъ Божества а сердце не находитъ.

Нещастія, страстей и немощей сыны,
Мы всѣ на страшной гробъ родясь осуждены.
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушенье:
Нашъ вѣкъ—невѣрной день, всечасное волненье;
Когда холодной тьмой объемля грозно насъ
Завесу вѣчности колеблетъ смертной часъ,
Ужасно чувствовать слезы послѣдней муку —
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку!
Тогда бесѣдуя съ разкованной душой,
О вѣра, ты стоишь у двери гробовой,
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь,
И ободренную съ Надеждой отпускаешь
Но, други! пережить ужаснѣе друзей!
Лишь Вѣра въ тишинѣ отрадою своей
Живитъ унывшій духъ и сердца ожиданье.
«Настанетъ! говоритъ, назначенно свиданье.»

А онъ (слѣпой мудрецъ!) при гробѣ стонетъ онъ;
Съ отрадой бытія нещастной разлученъ,
Надежды сладкаго не внемлетъ онъ привѣта,
Подходитъ къ гробу онъ, взываетъ... нѣтъ отвѣта!

Видали ль вы его въ безмолвныхъ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ кровныхъ и друзей священной тлѣетъ прахъ?
Видали ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ нѣжной Делій таится пепелъ милой?
Къ почившимъ позванный вечерней тишиной,

Долго приписывавшаяся Пушкину эпиграмма на горе-поэтессу Е. Н. Бучкову («Зачѣмъ объ инвалидной долѣ...») принадлежитъ Илличевскому (К. Я. Гротъ, «Къ лицейскимъ стихотвореніямъ А. С. Пушкина»,—«Журн. Мин. Нар. Просв.» 1905 г., октябрь, 228, 247). Когда другой товарищъ написалъ басню «Ослы», насмѣшливый эпиграмматистъ не замедлилъ придраться къ случаю:

Марушкинъ объ ослахъ вдругъ басню сочиняетъ,
И басня хоть куда! но страненъ ли успѣхъ?
Свой своего всѣхъ лучше знаетъ—
И слѣдственно опишетъ лучше всѣхъ [7]).

Насмѣшливость Илличевскаго была безпощадна. Надъ общими посмѣшищами въ лицеѣ—мѣшковатымъ Мясоѣдовымъ и добродушнымъ чудакомъ Кюхельбекеромъ онъ просто измывался. Мясоѣдовъ въ его иллюстраціяхъ изображался пензмѣнно съ ослиной головою [8]); когда затравленный насмѣшниками Кюхельбекеръ съ отчаянья бросился въ воду, откуда былъ, конечно, благополучно извлеченъ, Илличевскій помѣстилъ въ «Лицейскомъ мудрецѣ» письмо отъ подводнаго корреспондента объ этомъ событіи и каррикатуру: Кюхельбекера тащутъ изъ воды, но никакъ не могутъ вытащить всего,—такъ длинны его ноги [9]). (Кюхельбекеръ былъ высокаго роста). Въ «военныхъ» играхъ и забавахъ задорный и бойкій Илличевскій всегда былъ первый.

Несмотря на свое соперничество съ Пушкинымъ, Илличевскій искренъ отступилъ добровольно и безъ ложнаго стыда признавалъ его превосходство. Въ письмахъ къ своему гимназическому товарищу, П. П. Фуссу [10]), впослѣдствіи бывшему непремѣннымъ секретаремъ Академіи Наукъ, онъ не разъ упоминаетъ о Пушкинѣ. «Что касается до моихъ стихотворческихъ занятій»,—писалъ онъ Фуссу еще 25 марта 1812 г.,—«я въ нихъ успѣлъ чрезвычайно, имѣя товарищемъ одного молодого человѣка, который, живши между лучшими стихотворцами, пріобрѣлъ много въ поэзіи знаній и вкуса, и, читая мои прежніе стихи, вижу въ нихъ непростительныя ошибки». Въ 1815 г. онъ послалъ ему портретъ Пушкина, бывшаго тогда уже гордостью лицея [11]). 16 января 1816 г. Илличевскій сообщилъ Фуссу, что Пушкинъ пишетъ комедію «Философъ»: «дай Богъ только ему терпѣнія и постоянства, что рѣдко бываетъ въ молодыхъ писателяхъ... Дай Богъ ему успѣха — лучи славы его будутъ отсвѣчиваться и въ его товарищахъ». 20 марта 1816 г. онъ послалъ другу двѣ «гусарскія» пьесы Пушкина—«Усы» и «Слезу» и сообщилъ, что «безсмертный исторіографъ отечества» Н. М. Карамзинъ собирается посѣтить лицей: «онъ знаетъ Пушкина и имъ весьма много интересуется»... Печататься Илличевскій началъ рано. Одна его эпиграмма появилась въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1814 г., (ч. I, XXVIII, ноябрь, № 22, стр. 103, съ подписью «iiiiiii». Илличевскій печатался также въ журналѣ В. В. Измайлова «Россійскій Музеумъ или Журналъ Европейскихъ Новостей», гдѣ участвовали Пушкинъ и баронъ А. А. Дельвигъ. О появленіи своихъ стихотвореній въ печати онъ съ радостью извѣщалъ въ 1815 г. Фусса. Лицей Илличевскій очень любилъ, какъ, впрочемъ, любили его всѣ воспитанники. «Благодаря Бога»,—писалъ онъ Фуссу (2-го ноября 1814 г.), «у насъ царствуетъ съ одной стороны свобода, (а свобода дѣло золотое)... съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся». «Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня. Можешь ли ты въ этомъ сомнѣваться?...» «Чтеніе—»резонируетъ Илличевскій въ письмѣ къ Фуссу 10 декабря 1814 г.—«питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы и вирмы получаемъ: «Пантеонъ», «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ» и пр. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ геніямъ Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи, Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать нѣмцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія». У Илличевскаго

7) Ibid, 145.

8) «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», статьи и матеріалы В. Грота. Изданіе второе, СПБ., 1899, стр. 71.

9) Гаевскій, 149. — Каррикатуру см. выше, стр. 55.

10) Гротъ, op. cit., 55—69.

11) Этотъ портретъ не дошелъ до насъ.

Къ кресту приникнулъ онъ безчувственной главой;
Въ слезахъ отчаянья, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья
Рыдаетъ и межъ тѣмъ, подъ сѣнью темныхъ ивъ
У гроба матери колѣна преклонивъ,
Тамъ дѣва юная въ печали безмятежной
Возводитъ къ небу взоръ болѣзненной и нѣжной
Одна, туманною луной озарена.
Какъ Ангелъ горести является она;
Вздыхаетъ медленно, могилу обнимаетъ—
Все тихо вкругъ его, а кажется внимаетъ.
Нещастной на нее въ безмолвіи глядитъ.
Качаетъ головой, трепещетъ и бѣжитъ,
Спѣшитъ онъ далѣе, по вселѣдъ унынье бродитъ.

Во храмъ ли вышняго съ толпой онъ молча входитъ,
Тамъ умножаетъ лишь тоску души своей:
При пышномъ торжествѣ священныхъ олтарей,
При гласѣ пастыря, при сладкомъ хоровъ пѣньѣ,
Тревожится его безвѣрія мученье.
Онъ Бога тайнаго нигдѣ, нигдѣ не зритъ,
Съ померкшею душой святынѣ предстоитъ,
Холодный ко всему и чуждый умиленью,
Съ досадой тихому внимаетъ онъ моленью.
«Щастливцы! мыслитъ онъ: почто не можно мнѣ,
«Страстей бунтующихъ въ смиренной тишинѣ
«Забывъ о разумѣ и немощномъ и строгомъ,
«Съ одной лишь вѣрою повергнуться предъ Богомъ!»
Напрасный сердца крикъ! нѣтъ, нѣтъ, не суждено
Ему блаженство знать! Безвѣріе одно
По жизненной стезѣ во мракѣ вождь унылой,
Влечетъ нещастнаго до вѣчныхъ вратъ могилы.
И что зоветъ его въ пустынѣ гробовой—
Кто вѣдаетъ? Но тамъ лишь видитъ онъ покой.—

были въ головѣ даже широкіе литературные планы: онъ собирался составить «Новаго Плутарха для юношества» (письмо къ Фуссу 2 сентября 1815 г.); намѣренію этому не суждено было осуществиться, что, впрочемъ, предвидѣлъ самъ Илличевскій: «можетъ быть, и не издамъ»—писалъ онъ:— «кто знаетъ, какія препятствія могутъ случиться, но и одна мечта забавляетъ меня». Въ томъ же письмѣ онъ прислалъ у Фусса біографическихъ свѣдѣній о знаменитомъ математикѣ Леонардѣ Эйлерѣ, которому Фуссъ приходился роднею. На взятіе Парижа Илличевскій отозвался одою, о которой Гаевскій [12]) говоритъ, что она, «можетъ быть, и недурна въ своемъ родѣ, но только родъ самъ по себѣ невыносимъ». Занимался Илличевскій также переводами; переводилъ изъ Парни, Сегюра, Вольтера, Марціала [13]). По успѣхамъ Илличевскій всегда шелъ въ числѣ первыхъ. Выписка изъ «Журнала о поведеніи воспитанниковъ Императорскаго Лицея за ноябрь мѣсяцъ 1812 г.», подписанная гувернеромъ И. Пилецкимъ, свидѣтельствуетъ, что въ одномъ столкновеніи лицеистовъ со своимъ начальствомъ Илличевскій «велъ себя весьма хорошо и поступалъ весьма осторожно, такъ что я ничего о немъ худого не могъ замѣтить; напротивъ... напоминалъ нѣкоторымъ товарищамъ, что они поступаютъ весьма дурно, и что ему подобныя происшествія случалось видѣть, но что они завсегда худо для учениковъ оканчивались». Въ «Спискѣ воспитанниковъ изъ класса россійской и латинской словесности», подписанномъ И. Ѳ. Кошанскимъ 9 іюля 1813 г., Илличевскій значится въ числѣ «превосходныхъ учениковъ». Въ декабрѣ того же года въ такомъ же спискѣ «воспитанниковъ изъ россійскаго и латинскаго классовъ» имя Илличевскаго стоитъ третьимъ (изъ двадцати девяти именъ) [14]).

Памятникомъ занятій Илличевскаго литературой въ лицеѣ остался составленный имъ сборникъ: «Лицейская антологія, собранная трудами пресловутаго ійнній», съ эпиграфомъ: «genus irritabile vatum» [15]); часть ея дошла до насъ. Въ ней было, судя по цифрѣ, выставленной надъ послѣдней пьесой, 111 мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ нѣсколько пушкинскихъ. Въ хранящейся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ тетради поэта (№ 2364) цѣлый рядъ пьесъ записанъ Илличевскимъ. Переписанныя аккуратно и внимательно, четкимъ почеркомъ, эти копіи говорятъ о благоговѣйномъ и любовномъ отношеніи Илличевскаго къ таланту своего прежняго соперника. Въ находящейся у К. Я. Грота «матюшкинской тетради» лицейскихъ стиховъ есть нѣсколько пьесъ Илличевскаго; эта тетрадь открыла, что авторомъ неправильно приписанной Пушкину эпиграммы на Е. Н. Пучкову «Зачѣмъ объ инвалидной долѣ»...) былъ Илличевскій (см. выше). Личной близости между жителями «келіи» № 14, Пушкинымъ, и № 17, Илличевскимъ [16]), собственно, не было. Пушкинъ поощрялъ Илличевскаго писать эпиграммы, какъ вспоминалъ впослѣдствіи ихъ лицейскій товарищъ С. Д. Коховскій [17]). Вѣроятно, Илличевскаго разумѣлъ Пушкинъ, говоря въ своей статьѣ о Дельвигѣ: «никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены, какъ нѣкоторое чудо». Поэтическаго дарованія за Илличевскимъ Пушкинъ не признавалъ и нашелъ возможнымъ въ дружескихъ стихахъ назвать его только «милымъ острякомъ». Они были нѣкоторое время даже соперниками въ любви. Въ ту особу, въ которую былъ влюбленъ Пушкинъ, и о которой онъ говоритъ въ пьесѣ «Слеза», влюбился и Илличевскій. Пушкинское обращеніе «Къ живописцу» стоитъ въ связи съ стихами Илличевскаго «Отъ живописца», въ которыхъ воспѣта та же особа. Въ обѣихъ пьесахъ видно чисто-юношеское «обожаніе» любимаго «предмета», выраженное подражательно [18]). Та пьеса, которую написалъ Илличевскому на прощанье Пушкинъ 31-го мая 1817 г., когда они покидали лицей, вещь холодная; это простое завѣреніе въ дружбѣ. Въ этихъ стихахъ Пушкинъ говоритъ о томъ, что больше всего занимало его,—о своемъ поэтическомъ призваніи; о дружескихъ чувствахъ своихъ онъ говоритъ въ малопрочувствованныхъ словахъ. Стиховъ Илличевскаго къ Пуш-

12) Гаевскій, 153.

13) Гаевскій, 166.

14) И. А. Шляпкинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», СПБ., 1903 г. стр. 330, 333, 335.

15) Гаевскій, 143. См. виньетку антологіи дальше стр. 422.

16) Гротъ, 286.

17) Гротъ, 221.

18) Гаевскій, op. cit., «Современникъ» 1863 г., августа, 380—382.

142. КЪ НЕЙ.

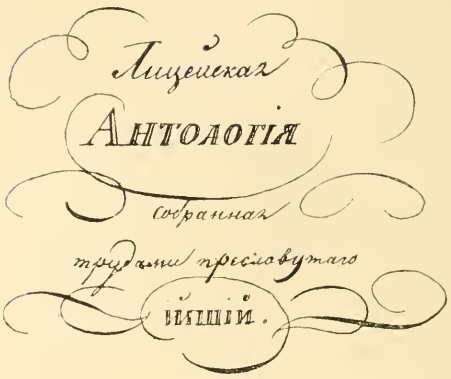
Въ печальной праздности я лиру забывалъ,
Воображеніе въ мечтахъ не разгоралось,
Съ дарами юности мой геній отлеталъ,
И сердце медленно хладѣло, закрывалось.
Васъ вновь я призывалъ, о дни моей весны,
Вы, пролетѣвшіе подъ сѣнью тишины,
Дни дружества, любви, надеждъ и грусти нѣжной,
Когда, поэзіи поклонникъ безмятежной,
На лирѣ счастливой я тихо воспѣвалъ
Волненіе любви, уныніе разлуки —
И гулъ дубравъ горамъ передавалъ
Мои задумчивые звуки.
Напрасно! я влачилъ постыдной лѣни грузъ,
Въ дремоту хладную невольно погружался,
Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ
И—слезы на глазахъ—со славою прощался.
Но вдругъ, какъ молніи стрѣла,
Зажглась въ увядшемъ сердцѣ младость;
Душа проснулась, ожила,
Узнала вновь любви надежду, скорбь и радость.
Все снова расцвѣло! и жизнью трепеталъ:
Природы вновь восторженный свидѣтель,
Живѣе чувствовалъ, свободнѣе дышалъ,
Сильнѣй плѣнялъ добродѣтель...
Хвала любви, хвала богамъ!
Вновь лиры сладостной раздался голосъ юный,
И съ звонкимъ трепетомъ воскресшія струны
Несу къ твоимъ ногамъ.

---

143. КЪ ЖУКОВСКОМУ.

Благослови, поэтъ! Въ тиши Парнасской сѣни,
Я съ трепетомъ склонилъ предъ Музами колѣни,
Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
Мнѣ жребій выпалъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
Страшусь, неопытный, безславнаго паденья,
Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья.
Не грозный приговоръ на гибель внемлю я:
Сокрытаго въ вѣкахъ священный судія,
Стражъ вѣрный прошлыхъ лѣтъ, панеринкъ музъ
любимый
И блѣдной зависти предметъ непоколебимый,
Привѣтливымъ меня вниманьемъ ободрилъ:
И Дмитревъ слабый даръ съ улыбкой похвалилъ.
И славный старецъ нашъ, Царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ Геніемъ и Граціей венчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной.
И ты, природою на пѣсни обреченный,
Не ты ль мнѣ руку далъ въ завѣтъ любви священной?
Могу ль забыть я часъ, когда передъ тобой
Безмолвный я стоялъ, и молнійной струей
Душа къ возвышенной душѣ твоей летѣла

Издана и почеркъ Илличевскаго.



Лицейская
Антологія
собранная
трудами пресловутаго
Ипшій.

Genus irritabile vatum.

Виньетка лицейскаго журнала Илличевскаго.
(Изъ собранія К. Я. Грота).

кину мы не знаемъ, стихи его къ И. И. Пущину, тоже по случаю окончанія курса, о которыхъ Пущинъ говоритъ въ своихъ запискахъ, не сохранились [19]). Изъ всѣхъ лицейскихъ товарищей особенно близко къ Илличевскому стоялъ, повидимому, баронъ А. А. Дельвигъ, который посвятилъ ему при оставленіи лицея два стихотворенія («Пока поэтъ еще съ тобою»... и «Эпитафія самому себѣ») [20]) Еще раньше Илличевскій посылалъ Фуссу стихи Дельвига [21]). Въ 1817 г. Илличевскій окончилъ лицейскій курсъ и вступилъ въ жизнь. Вышелъ онъ съ чиномъ X класса [22]) и уѣхалъ на службу въ родную Сибирь. Онъ былъ причисленъ къ почтовому вѣдомству и служилъ при своемъ отцѣ, томскомъ губернаторѣ, а потомъ былъ переведенъ къ сибирскому генералъ-губернатору. Въ 1817 г. Дельвигъ написалъ посланіе «Къ Илличевскому (въ Сибирь)» [23]). Дельвигъ былъ увѣренъ, что Илличевскій

и въ дальныхъ тѣхъ странахъ
Своихъ друзей не забываетъ,
Гдѣ міръ, дряхлѣющій во льдахъ,
Своей красой не поражаетъ;
Что, какъ мелькнувшая весна
Тамъ оживляетъ все творенье,
Такъ о друзьяхъ мечта одна
Его приводитъ въ восхищенье,
Его уноситъ въ свѣтлый край,
Гдѣ нѣтъ заботъ, гдѣ нѣтъ страданій
И слова грознаго: прощай!
Будь счастливъ, другъ! Не забывай
Веселыхъ дней очарованья
И рѣзвыхъ спутниковъ твоихъ!—

желалъ Илличевскому Дельвигъ, вспоминая

«кругъ радости веселой,
Гдѣ дружба насъ и сынъ Семелы

19) Л. Майковъ, «Пушкинъ. Біографическіе матеріалы и историко-литературные очерки», СПБ., 1899. стр. 67—68.

20) Сочиненія барона А. А. Дельвига, СПБ., 1895, стр. 21.

21) Дельвигъ, 114.

22) П. Селезневъ, «Историческій очеркъ Императ. Лицея», СПБ., 1861, стр. 168.

23) Дельвигъ, 26—28.

И, тайно съединясь, въ восторгахъ пламенѣла!
Шёлъ, шёлъ! рѣшился я безъ страха въ трудный путь;
Отважной вѣрою исполнилася грудь.
Творцы безсмертные, питомцы вдохновенья!
Вы рѣдь мнѣ кажете въ туманахъ отдаленья,
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой,
И, мнится, Геній вашъ промчался надо мной.

Но что? Подъ грозною Парнасскою скалою
Какое зрѣлище открылось предо мною?
Въ ужасной темнотѣ пещерной глубины,
Вражды и зависти угрюмые сыны,
Возвышенныхъ творцовъ зоилы записные,
Сидятъ безсмысленны дружины боевыя.
Далеко дикихъ лиръ несется рѣзкій вой;
Варяжскіе стихи визжитъ Варяговъ строй;
Смѣхъ общій имъ отвѣтъ надъ мрачными толпами.
Во мглѣ два призрака склонилися главами:
Одинъ на груды сѣлъ и прозы и стиховъ,
Тяжелые плоды полуночныхъ трудовъ,
Усопшихъ одъ, поэмъ забвенный могилы!
Съ улыбкой внемлетъ вой стопосложитель хилый:
Предъ нимъ растерзанный стенаетъ Тилимахъ;
Желѣзное перо скрипитъ въ его перстахъ
И тянетъ за собой гекзаметры сухіе,
Спондеи жесткіе и дактили тугіе.
Ретивой Музою прославленный пѣвецъ!
Гордись! ты Мевія надутый образецъ.
Но кто другой, въ дыму безумнаго куренья,
Стоитъ среди толпы друзей непросвѣщенья?
Торжественной хвалы къ нему несется шумъ,
А онъ—онъ рифмою попралъ и вкусъ и умъ.
Ты ль это, слабое дитя чужихъ уроковъ,
Завистливый гордецъ, холодный Сумароковъ,
Безъ силы, безъ огня, съ посредственнымъ умомъ,
Предразсужденіямъ обязанный вѣнцомъ
И съ Пиида сброшенный и проклятый Расиномъ?
Ему ли, карлику, тягаться съ исполиномъ?
Ему ль оспаривать тотъ лавровый вѣнецъ,
Въ которомъ возблисталъ безсмертный нашъ пѣвецъ,
Веселье Россіянъ, полунощное диво?
Шёлъ! въ тихой Летѣ онъ потонетъ молчаливо!
Ужъ на челѣ его забвенія печать.
Предбудущимъ вѣкамъ что могъ онъ передать?
Страшилась Грація цинической свирѣли,
И персты грубые на лирѣ костенѣли.
Пусть будетъ Мевіемъ въ рѣчахъ превознесенъ;
Явится Депрео—исчезнетъ Шапеленъ.
И что жъ? Всегда смѣшнымъ останется смѣшное,
Невѣжду нѣтъ невѣжество слѣпое:
Оно сокрыло ихъ во мрачной своей пріютъ.
Тамъ прозу и стихи отважно всѣ куютъ,
Тамъ всѣ враги наукъ, всѣ глухи, лишь не нѣмы:
Тѣ слогомъ Никона печатаютъ поэмы,
Одни Славянскихъ одъ громады громоздятъ,
Другіе въ бѣшеныхъ трагедіяхъ хрипятъ;
Тотъ, вѣрный своему мятежному союзу,

Привыкли часто собирать;
Гдѣ можно всѣ заботы свѣта
Съ мундиромъ, съ фракомъ скидавать,
Безъ лести похвалить поэта
И обо всемъ потолковать.

Въ «Дионрамбѣ на пріѣздъ трехъ друзей» (1821 г.)», трехъ гостей, съ дѣтства товарищей, спутниковъ, братьевъ», Дельвигъ привѣтствуетъ Илличевскаго, пришедшаго «въ обитель поэтову отъ моря сыпучаго азійскихъ песковъ» [24]). Такъ же, какъ и Дельвигъ, Илличевскій посѣщалъ домъ С. Д. Пономаревой, къ которой питалъ такое же чувство восторженнаго поклоненія, какъ и весь бывавшій у нея кружокъ молодежи, и которой написалъ нѣсколько пьесъ въ альбомъ.

Но выходѣ изъ лицея порвалась прежняя связь между Илличевскимъ и Пушкинымъ. Ни въ одномъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ Пушкина не упоминается имя Илличевскаго. Въ числѣ любимыхъ товарищей Пушкина, воспѣтыхъ имъ въ знаменитомъ стихотвореніи: «Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ...» («19 октября 1825 г.»), нѣтъ Илличевскаго. Въ одномъ письмѣ М. Л. Яковлева къ Пушкину есть случайное упоминаніе о несчастьѣ, постигшемъ Илличевскаго, у котораго умерла мать. Въ протоколахъ празднованія лицейской годовщины не разъ фигурируетъ имя Илличевскаго; оно значится въ протоколахъ 1822, 1824, 1825, 1828, 1831 и 1836 гг. [25]). На праздникѣ 1822 г., который справляли у Илличевскаго, хозяинъ произнесъ экспромтъ, гдѣ, между прочимъ, сказалъ:

Здѣсь всѣ мы: изъ Литвы, Сибири,
Изъ-за Бухаріи степей.
Такъ пьемъ на моей квартирѣ
Возобновляется лицей,—

а Дельвигъ отвѣтилъ ему:

Что Илличевскій не въ Сибири,
Съ шампанскимъ кажетъ намъ бокалъ.
Ура, друзья! въ его квартирѣ
Для насъ воскресъ лицейскій залъ.

Въ 1825 г. Илличевскій вмѣстѣ съ Дельвигомъ импровизировалъ на лицейской пирушкѣ куплеты, которые присутствующіе спѣли на мотивъ застольной пѣсни «Волшебнаго стрѣлка» [26]).

24) Дельвигъ, 45.
25) Гротъ, 284—285.
26) В. П. Гаевскій, «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ въ пушкинское время»—«Отечественныя Записки» 1861 г., ноябрь, отд. II, стр. 33—34.

Къ лицейской годовщинѣ 1826 г. относятся стихи Илличевскаго:

Друзья! Опять насъ вмѣстѣ свель
Въ лицейскій кругъ сей день завѣтной.
Не видѣли, какъ годъ прошелъ;
Мелькаетъ время непримѣтно!
Но что намъ до него? Оно
Коснуться братскихъ узъ не смѣетъ.
И дружба наша, какъ вино,
Тѣмъ больше крѣпнетъ, чѣмъ старѣетъ [27]).

Когда пріятели собрались на обычный праздникъ въ 1828 г., они пѣли стихи, сочиненные Илличевскимъ въ стилѣ Тредьяковскаго. Илличевскій, какъ записалъ ведшій протоколъ «засѣданія» Пушкинъ, «въ видѣ французскаго тамбуръ-мажора утѣшалъ собравшихся» [28]).

Для праздника 1833 г. Илличевскій по обыкновенію написалъ стихи. Присутствовалъ онъ на обычныхъ лицейскихъ сходкахъ еще въ 1834 и 1836 гг. [29]). На праздникѣ 1837 г. уже не было ни Илличевскаго, ни Пушкина.

Встрѣчались Илличевскій и Пушкинъ не часто. А. П. Керинъ разсказываетъ, что Илличевскій бывалъ у Дельвига, гдѣ бывалъ и Пушкинъ [30]); по словамъ Л. Н. Павлищева [31]), Пушкинъ однажды привелъ Илличевскаго, вмѣстѣ съ П. А. Плетневымъ, С. А. Соболевскимъ и кн. П. А. Вяземскимъ, къ своей сестрѣ, О. С. Павлищевой. Однажды, когда Пушкинъ, въ мрачномъ настроеніи духа, молча стоялъ у камина, Илличевскій развеселилъ его экспромтомъ—пародіей на заключительное четверостишіе его «Демона»:

У печки, погруженъ въ молчанье,
Подпявши фракъ, онъ спину грѣлъ
И никого во всей компаньѣ
Благословить онъ не хотѣлъ [32]).

Въ 1827 г. Илличевскій выпустилъ сборникъ своихъ избранныхъ произведеній, эпиграммъ, басенъ и надписей, которыя онъ почему-то, можетъ быть по ихъ малому

27) Гаевскій, «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ», ibid., стр. 32. Помѣщаемъ стихи въ исправленномъ видѣ, какъ они напечатаны въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 гг., изд. Эртеля и Глѣбова, Спб., 1832 г., стр. 362.
28) Гаевскій, «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ», ibid., стр. 35.
29) Гаевскій, «Празднованіе лицейскихъ годовщинъ», ibid., 37.
30) Л. Майковъ, op. cit., 253.
31) Л. Павлищевъ, «Воспоминанія объ А. С. Пушкинѣ», М., 1890, стр. 265.
32) Л. Майковъ, op. cit., 265.

На сцену возведя звѣвающую Музу,
Безсмертныхъ геніевъ сорвать съ Парнасса мнитъ:
Рука содрогнулась, ударъ его скользитъ;
Вотще бросается съ завистливымъ кинжаломъ:
Кумиромъ раненъ онъ, низверженъ въ прахъ журналомъ;
При свистахъ критики къ собратьямъ онъ бѣжитъ,
И маковый вѣнецъ Феспису ими свитъ.
Всѣ, руку положивъ на томъ Тилимахиды,
Клянутся отомстить сотрудниковъ обиды,
Волнуясь, возстаютъ неистовой толпой.
Бѣда, кто въ свѣтъ рожденъ съ чувствительной душой,
Кто тайно могъ влѣпить красавицѣ нѣжной лирой,
Кто смѣло просвисталъ шутливою сатирой,
Кто выражается правдивымъ языкомъ,
И Русской глупости не хочетъ бить челомъ:
Онъ врагъ отечества, онъ сѣятель разврата,
И рѣчи сыплются дождемъ на супостата.

И вы возстаньте же, Парнасскіе жрецы,
Природой и трудомъ воспитанны нѣвцы
Въ счастливой ереси и вкуса и ученья,
Разите дерзостныхъ друзей непросвѣщенья!
Отмститель генія, другъ истины—поэтъ!
Льющая съ небесъ и жизнь и вѣчный свѣтъ,
Стрѣлою гибели десница Аполлона
Сражаетъ наконецъ ужаснаго Пиѳона;
Смотрите! пораженъ враждебными стрѣлами,
Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, месть!
Вамъ оскорбленный вкусъ, вамъ званья дали вѣсть.
Летите на враговъ—и Фебъ и Музы съ вами!
Разите варваровъ кровавыми стихами:
Невѣжество, смирясь, потушитъ хладный взоръ,
Сѣсѣвшихъ риторовъ безграмотный соборъ ...
Но вижу, возвѣщать намъ истины опасно:
Ужъ Мевій на меня нахмурился ужасно
И смертный приговоръ талантамъ возгремѣлъ.
Гоненія терпѣть ужель и мой удѣлъ ?
Что нужды? Смѣло вдаль дорогою прямою:
Ученью руку давъ, поддержанный тобою,
Ихъ злобы не страшусь; мнѣ твердый Карамзинъ,
Мнѣ, ты примѣръ—что крикъ безумныхъ глухъ дружинъ?
Пускай бесѣдуютъ отверженные Феба.
Имъ прозы, ни стиховъ не послалъ даръ отъ неба:
Ихъ слава имъ же стыдъ, твореньямъ—смѣхъ уму—
И въ тмѣ возникшіе низвергнутся во тму.

---

144. ШТАБСЪ-КАПИТАНУ ГЕТЕ, ГРЕЮ...

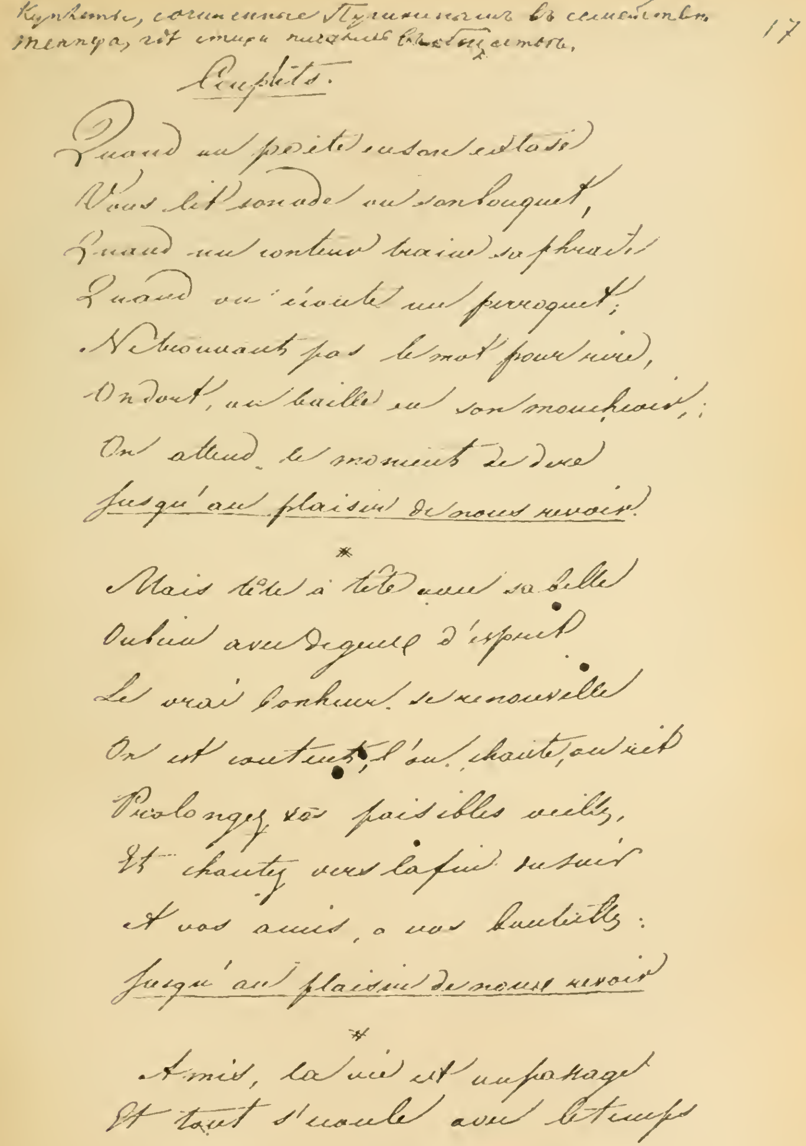
(Жуковскому).

Штабсъ-капитану Гете, Грею,
Томсону, Шиллеру привѣтъ!
Имъ поклониться честь имѣю,
По сердцемъ истинно жалѣю,
Что никогда ихъ дома нѣтъ.

размѣру, считалъ антологіей: «Опыты въ антологическомъ родѣ или Собраніе краткихъ басенъ и сказокъ, нравственныхъ мыслей, надписей, мадригаловъ, эпиграммъ, эпитафій и другихъ мелкихъ стихотвореній Алексѣя Иличевскаго, Санктпетербургскихъ Обществъ Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ Дѣйствительнаго Члена и Вольнаго Любителей Россійской Словесности Члена Корреспондента». Въ эту книжку вошли многіе стихи, прежде напечатанные въ различныхъ журналахъ и альманахахъ. «Сочинитель» предпослалъ своему сборнику, хорошенькой книжечкѣ въ шестнадцатую долю, предисловіе, гдѣ говоритъ, между прочимъ: «Первоклассные наши поэты не пренебрегали мелкими стихотвореніями и болѣе или менѣе упражнялись въ нихъ; нѣкоторые изъ второстепенныхъ писали оныя преимущественно. Въ семъ первомъ и, конечно, несовершенномъ опытѣ предлагается собраніе, посвященное исключительно таковымъ стихотвореніямъ. Не всѣ пьесы по изобрѣтенію принадлежатъ сочинителю; многія заимствованы изъ французскаго, нѣмецкаго и другихъ языковъ, хотя сего и не означено при каждой статьѣ»... «Поэзія и въ малыхъ родахъ есть искусство трудное»,—цитируетъ Иличевскій Батюшковское разсужденіе о поэзіи—«мелкія стихотворенія, повидимому столь маловажныя, представляютъ свои трудности, извѣстныя тому, кто упражняется въ нихъ родѣ... Размножаясь съ успѣхами словесности, съ усовершенствованіемъ языка, съ большею степенью общественнаго образованія, стихотворенія сіи, какъ рои едва примѣтныхъ мотыльковъ, возвѣщающихъ ясные дни появленіемъ своимъ, не могутъ не быть пріятны. Сочинителю остается только желать, чтобы языкъ его сохранилъ достоинство поэзіи, слогъ соотвѣтствовалъ вездѣ предмету, и статьи, представляя занимательность и разнообразіе, удовлетворили вкусу образованной публики. Улыбка читателей, малѣйшее ихъ удовольствіе, замѣченный удачный стихъ будутъ для него наградою...» Этимъ неухлюже-кокетливымъ приступомъ открываются «Опыты» Иличевскаго. Въ оглавленіи пьесы раздѣлены по «родамъ»: аллегоріи, анакреонтическія стихотворенія, басни, двустишія, двѣнадцатистишія (одно десятистишіе и одно пятистишіе представляютъ даже особые «роды»), идилліи, куплеты, мадригалы, надгробія, надписи къ портретамъ и вообще «къ разнымъ предметамъ», «нравственныя мысли», осьмистишія, разговоры, сказки, стихи «на разные случаи», четырестишія, экспромты, эпиграммы, шестистишія, эпитафіи,—«раздѣленіе» довольно безтолковое, доказывающее, что авторъ никакъ не могъ разрѣшить колебанія, по содержанію ли дѣлить стихи, или по формѣ. Выраженія душевнаго волненія и печали совершенно не удавались Иличевскому и выходили у него фальшивыми и надутыми. «Мораль» его, говоря словами Пушкина, «наводитъ сонъ»,—до того она пошла и жалка. Имена героевъ словно взяты изъ сантиментальныхъ журальчиковъ конца екатерининскаго царствованія: пустой человѣкъ зовется Пустопомъ, вѣтреный—Вѣтрянымъ, графоманъ — Вралевымъ, бездѣльникъ—Праздновымъ, дуракъ—Простопомъ, военный—Громовымъ, подрядчикъ—Мошенымъ, ханжа—Ханжиной и т. п.; Пушкинъ уже давно распростился съ Темирой, Дафной и Лилетой, когда Иличевскій продолжалъ брать на прокатъ изъ слащавыхъ пасторалей и нѣжныхъ эклогъ разныхъ Хлой, Клеоновъ и Доримоновъ. Лучше и свободнѣе чувствовалъ себя Иличевскій въ области эпиграммы, въ которой отличался еще на школьной скамьѣ. Сатира его беззлобна, добродушна и весела; она лишена серьезной общественной подкладки и тѣмъ болѣе протеста и направлена противъ обыкновенныхъ подъ луною человѣческихъ пороковъ и слабостей: противъ страсти метромановъ писать стихи, противъ желанія старичковъ казаться моложе, противъ жадности скупцовъ къ деньгамъ... Невысокъ полетъ его сатирической музы. Стихъ Иличевскаго выдощенъ, сухъ и довольно гладокъ, но мѣстами бываетъ изященъ. Вотъ, напримѣръ, пьеса «Катуллъ своей любезной»:

Мой домъ въ сѣни укромной дола
Хранятъ густыя деревья;
Я не страшусь въ немъ бурь Эола,
Ни зной пламеннаго Льва:—
Но безъ тебя, мой другъ, мой геній,
Томясь убійственной тоской,
Какъ цвѣтъ я вяну въ вѣтрь осеній
Иль какъ былинка въ лѣтній зной.

Такіе стихи, однако, довольно рѣдки; ихъ мало среди разныхъ укоровъ «Безбожнику» и нѣжныхъ обращеній къ «Дѣвушкѣ, цѣловавшей птичку». Не глубокъ былъ взглядъ Иличевскаго на жизнь, но все же онъ обличаетъ въ немъ если не даровитаго, то просто неглупаго человѣка, понимавшаго


Куплеты, сочиненные Пушкинымъ въ семейномъ театрѣ, гдѣ стихи писаны [illegible] 17

Couplets.

Quand un poète en son extase
Vous lit son ode ou son bouquet,
Quand un conteur traîne sa phrase,
Quand on écoute un perroquet;
Ne trouvant pas le mot pour rire,
On dort, on baille en son mouchoir;
On attend le moment de dire
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

*

Mais tête à tête avec sa belle
Ou bien avec quelqu'un d'esprit
Le vrai bonheur se renouvelle
On est content, l'on chante, on rit
Prolongez vos paisibles veilles,
Et chantez vers la fin du soir
A vos amis, à vos bouteilles:
Jusqu'au plaisir de nous revoir

*

Amis, la vie est un passage
Et tout s'écoule avec le temps

НАЧАЛО «COUPLETS» ВЪ АВТОГРАФѢ ПУШКИНА.

Изъ тетради Я. К. Грота, принадлежащей теперь К. Я. Гроту.

ложь общественныхъ отношеній. «Совершенный человѣкъ», какъ онъ понимается въ свѣтѣ, опредѣленъ Илличевскимъ въ такихъ словахъ:

Другого мысль проникнуть сразу,
Себя умѣть скрывать всего
Смѣяться, плакать по заказу,
Любить и всѣхъ, и никого,
Льстить и ругать попеременно,
Лгать и обманываться вѣкъ,—
Вотъ что зовется совершенной
Въ понятьи свѣтскомъ человѣкъ.

Свое отношеніе къ жизни, простое, немудрое, немного квіэтическое, немного эпикурейское, Илличевскій охарактеризовалъ въ небольшой аллегоріи «Три слѣпца»:

Судьбой на всѣ страны земныя
Постановленъ одинъ законъ:
Вселенной правятъ три слѣпыя:
Фортуна, Смерть и Купидонъ.
Жизнь наша пиръ, съ привѣтной лаской
Фортуна отворяетъ залъ,
Амуръ распоряжаетъ пляской,
Приходитъ смерть,— и конченъ балъ.

Въ прозѣ Илличевскій написалъ тоже немного. Можемъ назвать, между прочимъ повѣсть «Исторія булавки», содержаніе которой заимствовано изъ какой-то французской книги; она была напечатана въ альманахѣ «Сѣверная Звѣзда» на 1829 г., изданномъ М. А. Бестужевымъ-Рюминымъ. И по ничтожности содержанія, и по языку эта вещь, написанная на тему о «превратности судебъ», не заслуживаетъ вниманія; можно, впрочемъ, отмѣтить въ концѣ повѣсти скорбное упоминаніе о незадолго до того (15-го марта 1827 г.) скончавшемся поэтѣ Веневитиновѣ. Печатался Илличевскій еще въ разныхъ тогдашнихъ журналахъ и альманахахъ, и ничего значительнаго его произведенія не представляютъ.

Илличевскій всего нѣсколькими мѣсяцами пережилъ своего геніальнаго товарища: онъ умеръ 6 октября 1837 г.

Князь П. А. Вяземскій вѣрно охарактеризовалъ маленькое дарованіе Илличевскаго въ посланіи къ нему:

Предъ Фебомъ ты лажегъ огарокъ,
А не огромную свѣчу.

И самъ Илличевскій справедливо опредѣлилъ цѣнность своего литературнаго наслѣдія:

Пройду для Зависти неслышными шагами,
И строгой Критики не убоюсь свистка.
Стрѣла, разящая орла надъ облаками,
Щадитъ пчелу и мотылька.

Н. Лернеръ.

135. ВЗГЛЯНУВЪ КОГДА-НИБУДЬ НА ТАЙНЫЙ СЕЙ ЛИСТОКЪ....

(Въ альбомъ Пущина).

По словамъ П. И. Пущина (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ» Спб., 1899 г., стр. 55), эти стихи были написаны Пушкинымъ ему въ альбомъ въ 1817 г., передъ самымъ выпускомъ изъ лицея. Напечаталъ ихъ впервые въ «Современникѣ» 1841 г., т. XXII, стр. 172, П. И. Ершовъ, авторъ «Конька-Горбунка», получившій ихъ въ Сибири отъ П. И. Пущина (А. К. Ярославцовъ, «П. И. Ершовъ, біографическія воспоминанія», Спб., 1872 г., стр. 74). Затѣмъ они были перепечатаны въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 391) и съ тѣхъ поръ стали включаться во всѣ собранія произведеній поэта. Имя Пущина появилось впервое только въ изданіи 1859 г. (т. I, стр. 168); до тѣхъ поръ нельзя было упоминать въ печати о декабристахъ.

Приводя стихи своего друга, Пущинъ подчеркнулъ восьмой стихъ, говорящій про «размолвки дружества и сладость примиренья», съ гордостью желая этимъ отмѣтить степень особенно интимной близости, существовавшей между ними. Какъ написанные тогда же Илличевскому стихи отражаютъ связывавшій лицейскихъ поэтовъ литературный интересъ, такъ обращеніе къ Пущину все проникнуто теплымъ чувствомъ крѣпкой дружбы, соединявшей обоихъ товарищей. Воспоминаніе о первой любви въ 10—12 стихахъ относится къ Е. И. Бакунинской, причинѣ сердечныхъ страданій Пушкина, Пущина и Илличевскаго. Когда Пущинъ навѣстилъ своего ссыльнаго друга въ его деревенскомъ уединеніи, они вспомнили о «ней» (Майковъ, ор. c., стр. 81), вспомнили какъ «одну всѣ трое полюбили» («19 октября 1825 г.). Пьеса Пушкина, вся словно озаренная «лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней», заканчивается грустнымъ предчувствіемъ «грозныхъ судебъ», которыя такъ жестоко разбросали «святое братство» первенцовъ лицея.

ДОМЪ БАРОНА ТЕППЕРА ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ.

Рисунокъ лицеиста Лангера (1820).

L'amour aussi n'est qu'un volage,
Un oiseau de notre printemps;
Trop tôt il fuit, riant sous cape,
C'est pour toujours, adieu l'espoir!
On ne dit pas des qu'il s'échappe:
Jusqu'au plaisir de nous revoir.

* * *

Le temps s'enfuit triste et barbare
Et tôt ou tard on va là-haut
Souvent—le cas n'est pas si rare—
Hasard nous sauve du tombeau.
Des maux s'éloignent les cohortes,
Et le squelette horrible et noir
S'en va, frappant à d'autres portes:
Jusqu'au plaisir de nous revoir

* * *

Mais quoi? Je sens que je me lasse,
En lassant mes chers auditeurs...
Allons, je descends du Parnasse,
Il n'est pas fait pour les chanteurs.
Pour des couplets mon feu s'allume
Sur un refrain j'ai du pouvoir,
C'est bien assez... adieu, ma plume!
Jusqu'au plaisir de nous revoir

136. ВѢНЕЦЪ ЖЕЛАНІЯМЪ! И ТАКЪ Я ВИЖУ ВАСЪ...

Эти нѣсколько стиховъ дошли до насъ въ статьѣ П. И. Бартенева «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи», отд. отт., М., 1855, глава 3, стр. 14—15 (изъ «Моск. Вѣдом.» 1855 г., № 142). По разсказу Бартенева, вступая въ «Арзамасъ» Пушкинъ произнесъ по обычаю рѣчь «превосходными александрійскими стихами. Въ памяти слушателей доселѣ свѣжо сохраняется начало ея». (Слѣдуютъ стихи, напеч. на стр. 411).

Для объясненія послѣдняго [1]) стиха нужно сказать, что общество, по примѣру Французской Академіи, постановило произносить похвальныя слова умершимъ членамъ; но такъ какъ въ Арзамасѣ не было покойниковъ, и всѣ члены его были безсмертны, то положили брать умершихъ на прокатъ изъ Бесѣды любителей россійскаго слова и Россійской Академіи. Легко представить, къ какимъ непостоянымъ шуткамъ давало это поводъ. Особенно памятно было похвальное слово, произнесенное арзамасцемъ Кассандрою бесѣднику Захарову, весьма посредственному писателю того времени, и какъ нарочно случилось, что нѣсколько дней спустя бѣдный Захаровъ въ самомъ дѣлѣ скончался. Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи, рисуя портретъ арзамасца, Пушкинъ говоритъ про него, что онъ «въ безпечномъ колпакѣ» и т. д.

Во второмъ стихѣ вмѣсто напечатаннаго Бартеневымъ и, очевидно, не имѣющаго смысла «семѣдыхъ» наше изданіе, слѣдуя указанію П. А. Ефремова (изд. 1880 г., т. I, стр. 527) принимаетъ чтеніе: «свѣтлыхъ». Ефремовымъ же вставлено въ третій стихъ слово «кисель», на мѣстѣ котораго у Бартенева стоятъ точки.

«Намъ неизвѣстно»,—говоритъ П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», Спб., 1873 г., стр. 47),—«кому произнесъ похвальное слово Александръ Сергѣевичъ при вступленіи своемъ, но ему дозволено было сказать первую рѣчь стихами. Стихи эти, къ сожалѣнію, утрачены. Не вносимъ ихъ въ текстъ какъ приведенные по памяти».

Послѣднее засѣданіе «Арзамаса» состоялось въ сентябрѣ 1817 г. Пушкинъ, по сохранившимся извѣстіямъ (Бартеневъ, l. c.), въ его засѣданіяхъ «успѣлъ только одинъ разъ принять участіе. То было, если не ошибаемся, въ послѣднихъ числахъ сентября либо въ началѣ октября 1817 г.»... Молодой поэтъ, котораго давно уже тянуло въ Арзамасъ, писалъ еще въ мартѣ 1816 г. князю П. А. Вяземскому: «Безбожно молодого человѣка держать взаперти и не позволять ему участвовать даже и въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей Россійскаго Слова». «Пашъ Тиртей»—Жуковскій, «пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ»; упоминаются его «Овсяный кисель» и стихи, посвященные императору Александру I. «Кассандра»—арзамасское прозвище Д. И. Блудова. Иванъ Семеновичъ Захаровъ, которому онъ «напророчилъ» смерть, былъ предсѣдателемъ одного изъ четырехъ разрядовъ бесѣды (см. «Сочиненія» Державина, ред. Я. К. Грота, т. II, Спб., 1869 г., стр. 423); Захаровъ умеръ 30 января 1816 г.

Характеристика «арзамасца» съ поэтической лозою въ рукѣ въ этой рѣчи напоминаетъ одно мѣсто въ посланіи «Къ Жуковскому», написанномъ около того же времени:

. . . Возстаньте же, парнасскіе жрецы...
Летите на враговъ,—и Фебъ, и музы съ вами
Разите варваровъ кровавыми стихами...

[1]) Четвертаго—«Гдѣ «смерть Захарову...»

137. РАЗЛУКА.

Это стихотвореніе, неизвѣстное въ рукописи появилось въ журналѣ «Невскій Зритель» 1820 г. (апрѣль) подъ заглавіемъ «Кюхельбекеру», съ помѣткой «9-го іюня 1817» и съ подписью А. П. Въ изданіи 1826 г. и 1829 г. оно вошло подъ заглавіемъ «Разлука», а поправки, вносимыя Пушкинымъ при каждой перепечаткѣ заключались, главнымъ образомъ, въ отбрасываніи лишнихъ словъ. Въ оба изданія пьеса внесена съ датой 1817.

Въ «Русской Старинѣ» (1899 г., т. 98, стр. 278) напечатано «Письмо В. П. Каразина къ министру внутреннихъ дѣлъ графу В. П. Кочубею относительно нѣкоторыхъ стихотвореній, явившихся въ журналахъ по случаю высылки А. С. Пушкина на югъ Россіи». Выдержки изъ этого «Письма» представляютъ большой интересъ. Пересылая Кочубею номера журналовъ, для ознакомленія, тотъ самый Каразинъ, который считается однимъ изъ видныхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія, настрочилъ при этомъ донось, столь-же глупый, какъ и

146. К. А. Б.

Что можемъ наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже.
Подумать не успѣвъ, скажу: ты всѣхъ милѣй;
Подумавъ, я скажу все то же.

147. И ОСТАНЕШЬСЯ СЪ ВОПРОСОМЪ... (С. С. ЕСАКОВУ).

Лицейскій товарищъ Пушкина С. С. Есаковъ.
(Портретъ 1817).

И останешься съ вопросомъ
На брегу замерзлыхъ водъ:
«Мамзель Шредеръ съ краснымъ носомъ
«Милыхъ Вельо не ведетъ?

148. ПОРТРЕТЪ.

Вотъ карапузикъ нашъ, монахъ,
Поэтъ, писецъ и вопіе,
Всегда, за все, во всѣхъ мѣстахъ
Крапивы онъ достоинъ.
Съ Мартыномъ попъ онъ записной,
Съ Фроловымъ математикъ;
Вступаетъ Энгельгардтъ-герой—
И вмигъ онъ дипломатикъ.

149. ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Внимаетъ онъ привычнымъ ухомъ
Свисту;
Мараетъ онъ единымъ духомъ
Листъ;
Потомъ всему терзаетъ свѣту
Слухъ;
Потомъ печатаетъ: и въ Лету
Бухъ!

150. ВОТЪ ЗДѢСЬ ЛЕЖИТЪ БОЛЬНОЙ СТУДЕНТЪ.

Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ—
Судьба его неумолима!
Несите прочь медикаментъ:
Болѣзнь любви непзлѣчима.

глупый по своей полной неосновательности.

«Безумная эта молодежь хочетъ блеснуть своимъ неуваженіемъ правительства... Въ № IV «Невскаго Зрителя» Пушкинъ прощается съ Кюхельбекеромъ: «Прости! Гдѣ бъ ни былъ я...., святому братству вѣренъ я!» Сія пьеса, которую ваше сіятельство найдете на стр. 66 упомянутаго журнала, чтобы отвратить вниманіе цензуры, подписана якобы 9-мъ іюня 1817 года... Нравственность этого святого братства и союза (о которыхъ я предварялъ) вы изволите ущдѣть изъ другихъ №№, при семъ приложенныхъ, какъ-то: изъ «Благонамѣреннаго», стр. 142, въ пьесѣ Баратынскаго «Прощанье», изъ «Невскаго Зрителя», кн. III, стр. 56,—«Посланіе», кн. 4, стр. 63,—«Прелестницѣ». Чтобы не утомлять ваше сіятельство болѣе сими вздорами, вообразите, что все это пишутъ и печатаютъ безстыдно не развратники, запечатлѣнные уже общимъ мнѣніемъ, но молодые люди, едва вышедшіе изъ царскихъ училищъ, и подумайте о слѣдствіяхъ такого воспитанія. Я на это, на это только пшу обратить вниманіе ваше.... Осмѣливаюсь повторить, что сверхъ исполненія долга сына отечества, каковымъ я хочу жить и умереть вопреки общей трусости и развратa, единственная цѣль моя быть употребленнымъ по департаменту, который я предполагаю необходимымъ» (имѣются въ виду департаменты исполнительный и цензурный).

Александръ Блокъ.

138. ТОВАРИЩАМЪ.

Автографъ этой пьесы дошелъ до насъ въ принадлежащей московскому публичному музею тетради № 2364 (л. 37); онъ носитъ вышеприведенное заглавіе и помѣты: «1817» и «передѣл.»; другой автографъ Пушкинъ, по свидѣтельству В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 398), покидая лицей подарилъ на память директору Е. А. Энгельгардту. Въ тетради московскаго музея № 2395 (л. 784) есть писарской списокъ этого стихотворенія, подъ заглавіемъ: «Къ товарищамъ передъ выпускомъ». Съ этого списка оно было напечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 397—398) и въ такомъ видѣ перепечатывалось въ слѣдующихъ собраніяхъ произведеній Пушкина; лишь въ изданіи литературнаго фонда (т. I, стр. 176—177) оно было напечатано съ подлинной рукописи поэта. Варіанты и поправки см. въ концѣ тома.

Оставляя лицей, въ которомъ протекли шесть отроческихъ лѣтъ поэта, Пушкинъ прощался съ товарищами. По разсказу П. И. Бартенева («Матеріалы для біографіи Пушкина», гл. II, стр. 65), Е. А. Энгельгардтъ предложилъ Пушкину написать «прощальную пѣснь» для торжественнаго акта, но Пушкинъ не согласился, и казенный заказъ былъ исполненъ Дельвигомъ. Очевидно, онъ не хотѣлъ настроить свою лиру на оффиціальный ладъ; Илличевскому, Пущину и Кюхельбекеру онъ посвятилъ теплыя и нѣжныя стихотворенія, а съ остальными товарищами простился разбираемымъ посланіемъ, словно отвѣчая на общій вопросъ: «а ты, Пушкинъ, гдѣ будешь служить?» Оно не только носитъ автобіографическій характеръ, но также отражаетъ взглядъ на жизнь, съ которымъ вступалъ въ свѣтъ геніальный юноша. Изученіе его біографіи съ этой стороны ярко рисуетъ его свободолюбивую натуру. О своей служебной карьерѣ Пушкинъ помышлялъ очень мало; встрѣтивъ со стороны отца отказъ въ средствахъ, необходимыхъ для поступленія въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ (см. примѣчанія къ «Посланію къ В. Л. Пушкину»), поэтъ безъ особаго сожалѣнія оставилъ эту мысль и призналъ, что нравы «мирной праздности друзья». Пушкинъ переживалъ тогда весну своей жизни, «первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ»; острое ощущеніе радости бытія наполняло счастьемъ его пылкую душу, и сквозь розовую дымку юношеской безпечности какимъ пустякомъ казалось ему устроеніе карьеры и матеріальнаго благополучія! Сознательно, а, можетъ быть, еще и не сознательно, онъ видѣлъ достоинство личности, своей или чужой, не въ служебномъ или сословномъ положеніи, а въ ея внутренней сущности. Бюрократія и все, что съ ней связано, были ему противны по духу. Въ тридцатыхъ годахъ онъ обращался къ журналистамъ булгаринскаго типа съ ѣдкимъ совѣтомъ:

Не лучше ль вамъ съ надеждою смиренной
Запаться службою гражданской иль
военной,
Въ табачной лавочкѣ табачный торгъ завесть..

Онъ всегда ненавидѣлъ «украшенныхъ

151. ЕСТЬ ВЪ РОССІИ ГОРОДЪ ЛУГА.

Есть въ Россіи городъ Луга,
Петербургскаго округа.
Хуже бъ не было сего
Городишки на примѣтѣ
Еслибъ не было на свѣтѣ
Новоржева моего.

152. ПРОСТИТЕ, ВѢРНЫЯ ДУБРАВЫ.

(Прощаніе съ Тригорскимъ).

Рисунокъ академика В. Максимова.

Окружающія Тригорское поля.

ростите, вѣрныя дубравы!
Прости, безпечный миръ полей,
И легкокрылыя забавы
Столь быстро улетѣвшихъ дней!
Прости, Тригорское, гдѣ радость
Меня встрѣчала столько разъ!
На то ль узналъ я вашу сладость,
Чтобъ навсегда покинуть васъ?
Отъ васъ беру воспоминанье,
А сердце оставляю вамъ.
Быть можетъ (сладкое мечтанье!),
Я къ вашимъ возвращусь полямъ,
Приду подъ липовые своды
На скатъ Тригорскаго холма,
Поклонникъ дружеской свободы,
Веселыхъ граній и ума.

1821 г.). Извѣстно, какова была чиновничья карьера Пушкина; онъ сошелъ въ могилу съ тѣмъ же отвращеніемъ къ бюрократіи, съ которымъ вышелъ въ жизнь. Въ своемъ беззаботномъ, веселомъ посланіи Пушкинъ слегка задѣлъ кое-кого изъ товарищей, охваченныхъ суетными карьерными помыслами. Быть можетъ, подъ «рожденнымъ быть вельможей» скрывается какой-нибудь Горчаковъ, «счастливецъ съ первыхъ дней». Ужъ не оттого ли Пушкинъ никогда не печаталъ этой прекрасной пьесы, что боялся обидѣть кое-кого изъ лицейскихъ товарищей?

«Мирный колпакъ» (стихъ 28-й) или, какъ было въ первоначальной редакціи пьесы, «красный колпакъ» пришелся по душѣ поэту, который много вытерпѣлъ гоненій изъ за его бунтарскаго цвѣта. Въ 1828 г., уже прикованный къ «петербургской скалѣ», уже «окованный милостью» Николая Павловича, онъ писалъ («В. С. Филимонову»), добродушно подтрунивая надъ самимъ собою:

> ... старый мой колпакъ изношенъ,
> Хоть и любилъ его поэтъ;
> Онъ поневолѣ мной заброшенъ:
> Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ...

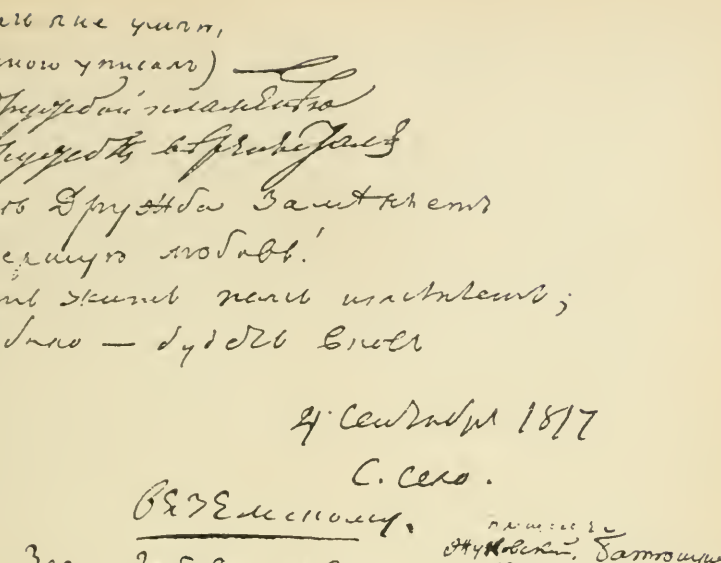
Бѣлинскому эта пьеса особенно понравилась, и онъ выдѣлилъ ее изъ ряда тѣхъ, въ которыхъ «сквозь подражательность проглядываетъ уже чисто-пушкинскій элементъ поэзіи». «Въ ней—говоритъ онъ—«вѣетъ духъ, уже совершенно чуждый прежней поэзіи. И стихъ, и понятія, и способъ выраженія—все ново въ ней, все имѣетъ корнемъ своимъ простой и вѣрный взглядъ на дѣйствительность, а не мечты и фантазіи, облеченныя въ прекрасныя фразы. Поэтъ, готовый съ товарищами своими выйти на большую дорогу жизни, мечтаетъ не о томъ, что всѣ они достигнутъ и богатства, и славы, и почестей, и счастья, а предвидитъ то, что всего чаще и всего естественнѣе бываетъ съ людьми»...

Н. Лернеръ.

139. ГАУЭНШИЛЬДЪ и ЭНГЕЛЬГАРДТЪ...

О происхожденіи этой пьесы В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 395—397) разсказываетъ слѣдующее: «Послѣ экзаменовъ была конференція, въ которой профессора разсуждали о правахъ воспитанниковъ при выпускѣ ихъ на службу и составили списокъ по степени ихъ успѣховъ... Въ то же время Пушкинъ сочинилъ пѣсню, въ которой съ беззаботною откровенностью высказалъ оцѣнку пріобрѣтенныхъ имъ свѣдѣній, начинавшуюся такимъ образомъ: Гауэншильдъ»... и т. д. Стихотвореніе это, о которомъ упомянуто въ «Библіографич. Записках» 1861 г. (№ 19, ст. 594, и № 20, ст. 659), записано Пушкинымъ лишь за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти, 19 октября 1836 г. въ кругу товарищей, собравшихся для празднованія лицейской годовщины. Автографъ этого стихотворенія находится на послѣднемъ листкѣ принадлежавшей М. Л. Яковлеву тетради «Духъ лицейскихъ трубадуровъ»... Въ «Библіогр. Записках» 1861 г. было невѣрно указано (ст. 594), что Пушкинъ написалъ эти стихи «въ самомъ началѣ тридцатыхъ годовъ», а на ст. 659 было сообщено, что автографъ пьесы находится у В. П. Гаевскаго, не изъявившаго согласія на помѣщеніе ея въ «Библіогр. Записках».

«Для объясненія этой шутки»—говоритъ Гаевскій (l. c.)—«скажемъ, что упоминаемый «отставной солдатъ» былъ лицейскій дядька Прокофій, родомъ изъ Костромы. Во время ночного дежурства онъ, ходя по корридору, съ обѣихъ сторонъ котораго были комнаты воспитанниковъ, при всякомъ подозрительномъ звукѣ приговаривалъ своимъ особеннымъ выговоромъ (*атъ* вмѣсто *ютъ*): «Господа попер... ываетъ. Упоминаемый въ пѣснѣ танцмейстеръ Эбергардтъ служилъ въ лицеѣ съ 1816 г. до 1853 г. (П. Селезневъ, «Историческій очеркъ Императорскаго Лицея». Спб., 1861 г., стр. 135, 374. Названъ онъ у Селезнева въ одномъ мѣстѣ Иваномъ Ивановичемъ, а въ другомъ—Иваномъ Ѳедоровичемъ). Другой Эбергардтъ — «кавказскій», по имени Германъ-Магнусъ, служившій ранѣе гдѣ-то на югѣ Россіи, былъ въ лицеѣ гувернеромъ въ 1816—1818 гг. (Селезневъ, ор. с., стр. 163). По словамъ графа М. А. Корфа (Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 241), этотъ Эбергардтъ, ходившій въ рыжемъ парикѣ, носилъ прозвище «паричника» и былъ очень глупъ. Невысокаго же мнѣнія былъ Пушкинъ о лицейской наукѣ, когда даже такого дурака, какъ этотъ гувернеръ, заставилъ вмѣстѣ съ другими повторять о «пѣснь унылу» о невѣжествѣ дипломированныхъ лицеистовъ.



Автограф экспромптов (*Публичн. Библіотека*).

(Плещеевъ.) Писать я не умѣю
я много уписалъ
(Пушкинъ.) Я дружбой пламенѣю
Я дружбѣ вѣренъ сталъ—
(Батюшковъ.) Мнѣ дружба замѣняетъ
Умершую любовь!
Жуковскій. Пусть жизнь намъ измѣняетъ;
Что было—будетъ вновь.

4 сентября 1817.

П. Село.

ВЯЗЕМСКОМУ.

Плещеевъ. Зачѣмъ забывши славу
Пускаешься въ Варшаву?
Пушкинъ.) Ужель ты измѣнилъ
Любви и дружбѣ нѣжной
И рѣзвости небрежной
Батюшковъ. Но ты все такъ же милъ...
Жуковскій. Все мило—и неизмѣнно
Въ душѣ твоей живетъ
Все то что въ цвѣтѣ лѣтъ
Столь было намъ безцѣнно.

Даемъ пѣсню въ томъ видѣ, какъ ее напечаталъ В. П. Гаевскій, дополняя ея refrain по передачѣ П. А. Ефремова («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905, стр. 93).

140. ПОСЛАНІЕ КЪ В. Л. ПУШКИНУ.

Часть этой пьесы (стихи 55—75) была напечатана въ «Полярной Звѣздѣ» 1824 г., стр. 234—235, подъ заглавіемъ: «Посланіе къ В. Л. П—ну» и перепечатана подъ заглавіемъ: «П***ну» въ изданіяхъ стихотвореній Пушкина 1826 и 1829 гг. Недоставшіе стихи, съ неизвѣстнаго нынѣ списка, бывшаго у А. И. Аѳанасьева, были напечатаны въ «Библіографич. Запискахъ» 1858 г.; полностью посланіе было помѣщено въ герценовской «Полярной Звѣздѣ» 1858 г., а въ собраніи произведеній Пушкина стало вноситься начиная съ изданія 1859 г. (т. I, стр. 173—176).

Подчасъ относясь насмѣшливо къ военщинѣ, Пушкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ лелѣялъ мысль посвятить себя военной службѣ, къ которой готовились нѣсколько его товарищей. Въ одномъ изъ посланій къ А. И. Галичу (1815 г.) онъ такъ рисовалъ свое будущее:

Надѣну узкія рейтузы,
Завью въ колечки гордый усъ,
Заблещетъ пара эполетовъ,
И я, питомецъ важныхъ музъ,
Въ числѣ воюющихъ корнетовъ!

Военная служба, опоэтизированная отечественною войною, недавно закончившейся льстившимъ національному самолюбію парижскимъ походомъ, иногда рисовалась пылкому юношѣ въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ:

Среди воинственной долины
Пошусь на крыльяхъ я мечты.
Огни во станѣ догораютъ;
Межь ними, окутанный плащемъ,
Съ сѣдымъ, усатымъ казакомъ
Лежу,—вдали штыки сверкаютъ,
Лихіе ржутъ и т. д.
Трепещетъ бранью грудь моя,
При блескѣ браннаго булата
Огнемъ пылаетъ взоръ, и я
Лечу на гибель супостата...
Съ размаха сыплются удары...
О вы, отеческіе Лары,
Спасите юношу въ бояхъ!... 1)

1) «Посланіе къ Юдину».

Красивый мундиръ, кажущееся приволье военной жизни—все это подчасъ влекло Пушкина. Многіе изъ его друзей служили въ кавалеріи, и Пушкина потянуло въ гусары. Но этому не суждено было осуществиться. П. В. Анненковъ («Матеріалы для біографіи П.», Спб., 1873 г., стр. 38) разсказываетъ, что «напрасно добивался онъ у отца позволенія вступить въ военную службу, въ гусарскій полкъ, гдѣ уже было много друзей и почитателей. Начать службу кавалерійскимъ офицеромъ была его ученическая мечта... Сергѣй Львовичъ отговаривался недостаткомъ состоянія и соглашался только на поступленіе сына въ одинъ изъ пѣхотныхъ гвардейскихъ полковъ. Кстати будетъ сказать здѣсь, что физическая организація молодого Пушкина, крѣпкая, мускулистая и гибкая, была чрезвычайно развита гимнастическими упражненіями. Онъ славился какъ неутомимый ходокъ пѣшкомъ, страстный охотникъ до купанья, ѣзды верхомъ и отлично дрался на эспадронахъ, считаясь чуть ли не первымъ ученикомъ у извѣстнаго фехтовальнаго учителя Вальвиля».

Не только отецъ, но и другіе близкіе Пушкину люди старались охладить его военный пылъ. Батюшковъ совѣтовалъ Пушкину, не отказавшемуся отъ этой мысли и позднѣе, въ 1818 и 1819 гг., не вступать въ военную службу («Сочиненія» К. Н. Батюшкова, т. III, стр. 533—534, 555). Такъ же, повидимому, думалъ и В. Л. Пушкинъ, и племянникъ старался своимъ посланіемъ разубѣдить его, хотя въ концѣ концовъ и сознался, что правы «мирной праздности друзья», всему на свѣтѣ предпочитающіе «уединенье и свободу». Вскорѣ онъ писалъ (одинъ изъ варіантовъ «Товарищамъ»), очевидно, примирившись съ судьбою:

Равны мнѣ писари, уланы,
Равны мнѣ каски, кивера;
Не рвусь я грудью въ капитаны
И не ползу въ ассессора.

А. О. Орлову въ 1819 г. было нетрудно отговорить Пушкина, опять собиравшагося въ военную службу, отъ его намѣренія. Поэтъ обѣщалъ ему:

Когда возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину міръ полей.

154. КЪ О.... ОЙ

(Е. С. Огаревой)

которой Митрополитъ прислалъ плодовъ изъ своего сада.

1817. Петербургъ.

Митрополитъ, хвастунъ безстыдной,
Тебѣ прославъ своихъ плодовъ,
Хотѣлъ увѣрить насъ, какъ видно,
Что будто самъ онъ богъ садовъ.
Чему дивиться тутъ? Харита
Улыбкой Дряхлость побѣдитъ,
Съ ума сведетъ Митрополита
И пылъ желанья въ немъ родитъ.
И онъ твой встрѣтя взоръ волшебный
Забудетъ о своемъ крестѣ,
И нѣжно станетъ пѣть молебны
Твоей небесной красотѣ.

155. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Тургеневъ, вѣрный покровитель
Поповъ, евреевъ и скопцовъ,
По слишкомъ счастливый гонитель
И езуитовъ, и глупцовъ,
И лѣности моей безплодной,
Всегда безпечной и свободной,
Подруги благодатныхъ сновъ!
Къ чему смѣяться надо мною,
Когда я слабою рукою
По лирѣ съ трепетомъ вожу
И лишь изнѣженные звуки
Любви, сей милой сердцу муки,
Въ струнахъ незвонкихъ нахожу?
Душой предавшись наслажденью
Я сладко-сладко задремалъ....

Одинъ лишь ты—съ глубокой лѣнью
Къ трудамъ охоту сочеталъ;
Одинъ лишь ты, любовникъ страстной,
И Соломирской, и креста, [1])
То ночью прыгаешь съ прекрасной,
То проповѣдуешь Христа.
На свадьбахъ и въ Библейской залѣ,
Среди веселій и заботъ,
Ропаешь Лунину на балѣ,
Подъемлешь трепетныхъ сиротъ;
Лѣнивецъ милый на Парнасѣ,
Забывъ любви своей печаль,

---

1 Креста, сирѣчь не Анненскаго и не Владимірскаго, а честнаго и животворящаго.
А. П.

Въ 1820 г. онъ писалъ:

Отъ первыхъ лѣтъ поклонникъ бранной славы,
Люблю войны кровавыя забавы.

Въ Бессарабіи, въ ожиданіи войны съ Турціей, поэтъ мечталъ:

Увижу кровь, увижу праздникъ мести;
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ.

Лишь въ 1829 г., во время арзрумскаго похода Паскевича, удалось Пушкину не только видѣть бой, но и принять въ немъ участіе.

Дядя, должно быть, совѣтовалъ племяннику заняться гражданской службою по судебной или дипломатической части, ставя ему въ примѣръ поэта-министра Дмитріева и получилъ въ отвѣтъ отъ своего «нарпасскаго сына»:

Ступай себѣ къ слѣпой Ѳемидѣ
Ты съ дипломатикой косой,

и указаніе на цѣлый рядъ поэтовъ-военныхъ.

«Русскій Буфлеръ»—К. Н. Батюшковъ, подобно французскому поэту Буфлеру (Stanislas-Jean de Boufflers, 1737—1815 гг. о немъ см. стр. 122), какъ извѣстно, былъ въ военной службѣ. О «Денисѣ-храбрецѣ»—Д. В. Давыдовѣ и «Глинкѣ офицерѣ» будетъ сказано подробно ниже, въ примѣчаніяхъ къ посвященнымъ имъ посланіямъ: «Недавно я въ часы свободы» (1821 г.) и «Когда средь оргій жизни шумной... (1822 г.). Сергѣй Никифоровичъ Маринъ (1775—1813 гг.), поэтъ-юмористъ, служилъ въ преображенскомъ полку и былъ флигель-адъютантомъ Александра I; онъ принадлежалъ къ старой литературной школѣ. (См. о немъ «Литер. Вѣст.» 1903, № 6) «Милостію Бога министръ и сладостный пѣвецъ»—Н. И. Дмитріевъ (1760—1837 гг.); Пушкинъ упоминаетъ, хотя и не безъ ироніи, его поэму «Ермакъ» и шуточную сказку «Модная жена». Объ авторѣ «Святокъ»—князѣ Д. И. Горчаковѣ см. примѣч. къ пьесѣ «Городокъ» (1814 г.); его сатиру «Святки» см. «Русс. Стар.» 1871 г., т. IV, стр. 681; «Сочиненія» кн. П. А. Вяземскаго, т. V, стр. 167; «Пушкинскій Сборникъ», выпускъ II, М., 1903 г., стр. 260—262. Бѣгство «безсмертнаго труса Горація» съ поля сраженія Пушкинъ вспомнилъ въ тридцатыхъ годахъ, когда переложилъ для задуманной повѣсти изъ античнаго быта сцену, въ которой римскій поэтъ разсказываетъ, какъ онъ,

трепетный квапить,
Бѣжалъ, нечестно брося щитъ,
Творя обѣты и молитвы.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на форму «рѣшитъ» (въ 47 стихѣ) въ смыслѣ «рѣшастъ». Пушкинъ считалъ ее болѣе правильной и писалъ въ своихъ замѣткахъ, что «рѣшу спрягается, какъ грѣшу».

Н. Лернеръ.

141. БЕЗВѢРІЕ.

Въ бумагахъ Е. А. Энгельгардта, бывшаго съ 1816 г. директоромъ Царскосельскаго лицея, сохранилась рукопись озаглавленная: «Etwas über Zöglinge der höheren Abtheilung des Lyceums», съ любопытными характеристиками воспитанниковъ. Въ отзывѣ о Пушкинѣ, между прочимъ, читаемъ: «Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце». Можно предположить, что «Безвѣріе», осуждающее такую пустоту сердца, такое отсутствіе въ душѣ религіи, было написано Пушкинымъ не безъ вліянія взглядовъ на него Энгельгардта. Или Пушкину прямо была задана тема для того стихотворенія, которое предстояло ему прочесть на выпускномъ экзаменѣ, или онъ самъ избралъ эту тему съ опредѣленной цѣлью—нѣсколько оправдать себя въ глазахъ директора. Характеръ Пушкина, никогда не умѣвшаго запискивать дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ первое предположеніе. Однако Гаевскій, внимательный изслѣдователь лицейской жизни Пушкина, рѣшительно высказывается за второе («Современникъ» 1863 г.). «Чтобы возстановить себя въ мнѣніи Энгельгардта въ религіозномъ отношеніи,—говоритъ Гаевскій,—Пушкинъ написалъ «Безвѣріе», холодное дидактическое стихотвореніе, которое читалъ на выпускномъ экзаменѣ». Замѣчательно, что, осуждая въ своихъ стихахъ «безвѣріе», Пушкинъ вовсе отъ него не отрекается: и здѣсь не согласился онъ унизить

изъ гордой совѣсти, изъ лиры непреклонной.

Впрочемъ, врядъ ли можно считать убѣжденія Пушкина-лицеиста особенно глубокими, и его «безвѣріе» 1817 года могло быть довольно поверхностнымъ. По край-

АЛЕКСАНДЪ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

Съ улыбкой дремлешь въ Арзамасѣ
И спишь у графа де-Лаваль.
Поря мучительное бремя
Пустыхъ и тяжкихъ должностей,
Одинъ лишь ты находишь время
Смѣяться лѣности моей.

Не вызывай меня ты болѣ
Къ навѣкъ оставленнымъ трудамъ,
Ни къ поэтической неволѣ,
Ни къ обработаннымъ стихамъ.
Что нужды, если и съ ошибкой,
И слабо иногда пою?
Пускай Пиеста лишь улыбкой
Любовь безпечную мою
Воспламенитъ и успокоитъ!
А трудъ и холоденъ и пустъ:
Поэма никогда не стоитъ
Улыбки сладострастныхъ устъ.

8 Ноября.

ней мѣрѣ семь лѣтъ спустя (въ мартѣ 1824 г.), въ извѣстномъ письмѣ, послужившемъ поводомъ къ высылкѣ Пушкина въ Псковскую губернію, онъ писалъ: «Ты хочешь знать, что я дѣлаю:—пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго Аоеизма. Здѣсь Англичанинъ глухой философъ, единственный умный Аосй, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ исписалъ листовъ 1000, чтобы доказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur,—мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души». Если въ 1824 г. Пушкинъ нуждался въ такихъ урокахъ атеизма, надо думать, что онъ не былъ особенно освѣдомленъ объ немъ въ 1817.

«Безвѣріе было прочитано самимъ Пушкинымъ, на выпускномъ экзаменѣ Лицея», 9 іюня 1817 г., а потомъ, 30 ноября того же года, въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности — В. Л. Пушкинымъ. Напечатано стихотвореніе было въ «Трудахъ» этого Общества, въ томъ же 1817 г. (повидимому съ поправками В. Л. Пушкина, см. въ концѣ тома), но при своей жизни Пушкинъ ни разу его не перепечатывалъ, какъ бы считая его недостойнымъ себя. Бѣлинскій, относя «Безвѣріе» къ числу самыхъ слабыхъ среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина, говорилъ, что это одна изъ тѣхъ пьесъ, «которыя сотнями писались въ блаженное старое время—риторическое распространеніе какой-нибудь темы плохими стихами». Отзывъ преувеличенно строгъ, потому что въ «Безвѣріи» встрѣчаются и мѣткіе, «Пушкинскіе», эпитеты («язвительный упрекъ», «глухія Судьбы», «обманчивая цѣпь любви и дружества», «красота природы—въ пышности свободной простоты» и т. д.), и цѣлые стихи, если и лишенные настоящаго одушевленія, то все же ни въ какомъ случаѣ не «плохіе», а, наоборотъ, сдѣланные съ рѣдкимъ мастерствомъ (напр., ст. 22, 46, 49, 76—78 и др.).

Валерій Брюсовъ.

142. КЪ НЕЙ.

Найдя это стихотвореніе въ тетради, приготовленной для изданія 1826 года, гдѣ оно было разрѣшено цензурой, но зачеркнуто поэтомъ, и печатая его впервые въ своемъ изданіи (т. II), Анненковъ дѣлаетъ примѣчаніе (ibid., стр. 187—188): «Основную мысль стихотворенія Пушкинъ воспроизвелъ въ другой и превосходной формѣ, спустя 8 лѣтъ, именно въ пьесѣ: «Я помню чудное мгновенье», принадлежащей уже къ 1825 г. Онъ часто поступалъ такъ съ первыми своими произведеніями. Между прочимъ, стихотвореніе это написано уже послѣ выпуска изъ Лицея и чуть ли не въ Михайловскомъ, куда уѣхалъ Пушкинъ и гдѣ, вѣроятно, встрѣтилъ и лицо, вызвавшее самое посланіе».

«Указаніе это,—замѣчаетъ Майковъ, довольно неопредѣленно, и никакихъ разъясненій къ нему не имѣется; любопытно однако, что въ разсматриваемой піесѣ (ст. 10-й) находится послѣднее воспоминаніе о привязанности поэта къ Е. П. Бакуниной; но тутъ же онъ, отрѣшившись отъ прежнихъ сердечныхъ волненій, выражаетъ примиреніе съ жизнью, которая вновь расцвѣла для него со всѣми своими радостями и скорбями, и оканчиваетъ свои стихи поэтическимъ обращеніемъ уже къ другому лицу».

По поводу настоящаго стихотворенія Гаевскій («Современникъ» 1863, т. XCVII, стр. 365) говоритъ: «нѣкоторыя выраженія Жуковскаго, поразившія Пушкина, усвоивались имъ, можетъ быть, безсознательно и повторялись безъ всякой связи съ цѣлымъ, изъ котораго заимствованы. Такъ, напримѣръ, выраженіе въ элегіи Жуковскаго «Вечеръ»:

Лишенный спутниковъ, влача сомнѣній грузъ...

повторяется Пушкинымъ въ посланіи «Къ ней» (ст. 13-й), хотя между этими стихотвореніями мало общаго». Такія «заимствованія» кажутся намъ столь обычными у поэтовъ, что мы не можемъ согласиться ни со словами Гаевскаго о «безсознательности» и «безсвязности» заимствованій, ни съ догадками Майкова, который утверждаетъ, что Пушкинъ «обладалъ удивительною памятью относительно поэтическихъ красотъ», и сознательно въ данномъ случаѣ руководствовался «нѣрною аналогіей представленій; у Жуковскаго грузъ сомнѣній вызванъ былъ воспоминаніями о друзьяхъ, съ которыми поэтъ разстался; у Пушкина грузъ лѣтъ также является плодомъ воспоминаній о любви, въ которой онъ обманулся».

О. Е. Коршъ въ своей статьѣ «Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» («Изв. отд. рус. яз. и слов.» 1898 г., III, стр. 698) отмѣчаетъ галлицизмъ:

КН. ЕВДОКІЯ ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА.

Портретъ Егорова. (Третьяковская Галлерея).

[illegible] лѣтъ спустя, [illegible] 1824 г., въ извѣстномъ письмѣ, [illegible] поводомъ къ высылкѣ Пушкина въ Псковскую губернію, онъ писалъ: «Ты хочешь знать, что я дѣлаю: пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго Афеизма. Здѣсь Англичанинъ, глухой философъ, единственный умный Афей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ [illegible] листовъ 1000, чтобы доказать [illegible] [illegible] 1817, [illegible] Пушкинымъ [illegible] 9 июня 1817 г., а потомъ, 20 ноября того же года, въ Москвѣ, въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности В. Л. Пушкинымъ. Напечатано стихотвореніе было въ «Трудахъ» этого Общества, въ томъ же 1817 г. (повидимому съ поправками В. Л. Пушкина, см. въ концѣ тома), но при своей жизни Пушкинъ ни разу его не перепечатывалъ, какъ бы считая его недостойнымъ себя. Бѣлинскій, относя «Безвѣріе» къ самымъ слабымъ среди лицейскихъ стихотвореній Пушкина, говорилъ, что это одна изъ тѣхъ пьесъ, которыя сотнями [illegible] въ блаженное старое время [illegible] [illegible] судьба [illegible] мужества, красоты природы — въ вычурности свободной простоты» и т. д., и болѣе стихи, если и лишенные настоящаго одушевленія, то все же ни въ какомъ случаѣ не плохіе», а, наоборотъ, сдѣланные съ рѣдкимъ мастерствомъ, напр., ст. 22, 46, 41, 70—75 и др.

Валерій Брюсовъ.

142. КЪ ЩЕ.

[illegible] 1826 году [illegible] [illegible] въ первые въ [illegible] Анненковъ, [illegible] стр. 187—188). «Основ[illegible] Пушкина [illegible] въ другой и прево[illegible] формѣ, [illegible] именно въ пьесѣ «Я помню [illegible] мгновенье», принадлежащей [illegible] 1825 г. Онъ часто поступалъ такъ съ [illegible] произведеніями. Между [illegible], стихотвореніе это написано [illegible] выпуска изъ Лицея и чуть ли не въ Михайловскомъ, куда уѣхалъ Пушкинъ [illegible] вѣроятно, встрѣтилъ и лицо, вызвавшее самое посланіе».

Указаніе это — замѣчаетъ Майковъ, довольно неопредѣленно, и никакихъ разъясненій по нему не имѣется: любопытно только, что въ разсматриваемой пьесѣ [illegible] [illegible] поэта къ [illegible] отрѣшившись [illegible] выражаетъ [illegible] которая вновь расцвѣла [illegible] своими радостями и скорбями, и оканчиваетъ свои стихи поэтическимъ обращеніемъ уже къ другому лицу».

По поводу настоящаго стихотворенія Гаевскій («Современникъ» 1863, т. XCVII, [illegible] [illegible] котораго заимствовано. Такъ, напримѣръ, выраженіе въ элегіи Жуковскаго «Вечеръ»

[illegible]

[illegible]

[illegible] въ посланіи «Къ [illegible]». [illegible] между этими стихотвореніями мало общаго: такія заимствованія кажутся намъ столь обычными у поэтовъ, что мы не можемъ согласиться ни со словами Гаевскаго о «безсознательности» и «бедности заимствованій», ни съ догадками Майкова, который утверждаетъ, что Пушкинъ «обладалъ удивительною памятью [illegible] поэтическихъ красотъ», и [illegible] въ данномъ случаѣ [illegible] аналогіей [illegible] у Жуковскаго грусть о минувшемъ оказывается воспоминаніями о друзьяхъ, съ которыми поэтъ разстался, у Пушкина грусть [illegible] также является [illegible] воспоминаніи о любви, въ которой [illegible] обманулся».

Ѳ. Е. Коршъ въ своей статьѣ «Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» (Изв. отд. рус. яз. и слов.» 1898, т. III, стр. 698) отмѣчаетъ галлицизмъ

156. КЪ***.

Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой
Среди забавъ я часто омрачёнъ,
Зачѣмъ не все подъемлю взоръ угрюмой,
Зачѣмъ не милъ мнѣ сладкой жизни сонъ;
Не спрашивай, зачѣмъ душой остылой
Я разлюбилъ веселую любовь
И никого не называю милой:
Кто разъ любилъ, ужъ не полюбитъ вновь;
Кто счастье зналъ, ужъ не узнаетъ счастья.
На краткій мигъ блаженство намъ дано:
Отъ юности, отъ нѣгъ и сладострастья
Остается унынье одно.

27-го ноября.

---

157. КРАЕВЪ ЧУЖИХЪ НЕОПЫТНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ.

(Кн. Евд. Ив. Голицына).

Краевъ чужихъ неопытный любитель
И своего всегдашній обвинитель,
Я говорилъ: «Въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣрный умъ, гдѣ геній мы найдемъ?
Гдѣ гражданинъ съ душою благородной,
Возвышенной и пламенно-свободной?
Гдѣ женщина не съ мертвой красотой,
Но съ огненной, плѣнительной, живой?
Гдѣ разговоръ найду непринужденный,
Плѣнительный, веселый, просвѣщенный?
Съ кѣмъ можно быть не хладнымъ, не пустымъ?...»
Отечество почти я ненавидѣлъ,
Но я вчера Голицыну увидѣлъ—
И примирепъ съ отечествомъ моимъ.

30 ноября.

«Бѣжалъ отъ радостей, бѣжалъ отъ милыхъ музъ,
И—*слезы на глазахъ*—со славою прощался!

=les larmes aux yeux, какъ и «Андрей Шенье» (1825):

Когда съ угрозами и *слезы на глазахъ*,
Мой проклятая вѣкъ, утраченный въ пирахъ».

Интересно отмѣтить построеніе начала стихотворенія, конечно, безсознательное: частымъ повтореніемъ звука *а* достигается впечатлѣніе печальной торжественности:

Въ печальной *праздности я лиру забывалъ*,
Воображеніе въ мечтахъ не *разгоралось*...

Тотъ же пріемъ въ стихотвореніи

Для береговъ отчизны *дальной*
Ты покидала *край* чужой...

Александръ Блокъ.

143. «КЪ ЖУКОВСКОМУ».

Точно датировать посланіе довольно трудно. А между тѣмъ это представляетъ интересъ для выясненія любопытнаго момента біографіи Пушкина—его вступленія въ «Арзамасъ». Майковъ отнесъ стихотвореніе къ 1817 году на томъ основаніи, что въ автографѣ стоитъ подпись: «Арзамасецъ», а Пушкинъ-де «членомъ Арзамаса могъ сдѣлаться только по окончаніи курса» въ Лицеѣ, т. е. въ 1817 г. Однако, этотъ доводъ неубѣдителенъ. Во-первыхъ, не ясно, почему Пушкинъ не могъ вступить въ Арзамасъ раньше окончанія Лицея. Члены Арзамаса высоко цѣнили талантъ поэта-лицеиста: извѣстно, что въ мартѣ 1816 г. трое виднѣйшихъ арзамасцевъ—Карамзинъ, Жуковскій и В. Л. Пушкинъ—поспѣшили Лицей съ парочитою цѣлью — навѣстить Александра Сергѣевича и тѣмъ почтить его литературное дарованіе. Въ апрѣлѣ того же года Василій Львовичъ писалъ племяннику: «ты братъ мнѣ по Аполлону» и свидѣтельствовалъ отъ имени главныхъ арзамасцевъ: «мы отъ тебя многаго ожидаемъ». Тотъ же Василій Львовичъ съ наслажденіемъ декламировалъ стихи лицеиста-племянника въ засѣданіяхъ московскаго Общества Россійской Словесности. Впослѣдствіи Жуковскій сообщалъ Гоголю о Пушкинѣ: «Когда ему было восемнадцать лѣтъ, онъ думалъ какъ тридцатилѣтній человѣкъ: умъ его созрѣлъ раньше, чѣмъ его характеръ. Это часто поражало насъ съ Вяземскимъ, когда онъ былъ еще въ Лицеѣ». И нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что Пушкинъ-лицеистъ былъ принятъ въ Арзамасъ еще въ 1816 году. Но имѣется и документальное свидѣтельство въ пользу такого предположенія. Въ арзамасскихъ бумагахъ сохранился проектъ литературнаго сборника: «Отрывки, найденные въ Арзамасѣ», задуманнаго членами общества въ 1816 году. Здѣсь, въ перечнѣ предполагаемыхъ къ напечатанію произведеній, подъ рубрикой: «Цѣты и эпиграммы» отмѣчено: «здѣсь будутъ или не будутъ: Свѣтлана, Ахиллъ и Сверчокъ». Какъ извѣстно, «Свѣтлана»—арзамасское прозвище Жуковскаго, «Ахиллъ»—Батюшкова, а «Сверчокъ»—Александра Пушкина. Значитъ, еще въ 1816 году лицеистъ Пушкинъ уже значился въ спискахъ Арзамаса подъ своимъ особымъ прозвищемъ. Этотъ документъ былъ извѣстенъ Майкову по рукописи Имп. Публичной Библіотеки еще раньше, чѣмъ онъ былъ опубликованъ П. А. Бычковымъ (въ приложеніи къ Отчету Публичной Библіотеки за 1884 г.) и былъ использованъ имъ въ его извѣстной біографіи Батюшкова (2-е изд., Спб., 1896, стр. 187—188). Однако, Майковъ почему-то не обратилъ вниманія на присутствіе въ спискѣ авторовъ Сверчка—Пушкина. Время составленія перечня онъ опредѣляетъ также ошибочно, относя его къ началу 1816 г., тогда какъ, въ дѣйствительности, перечень могъ быть составленъ не раньше второй половины августа или же начала сентября того же года: въ спискѣ подъ прозвищемъ «Вотъ я васъ опять!» стоитъ «Посланіе къ Арзамасцамъ», разсмотрѣнное въ Арзамасѣ 16 августа, когда и авторъ его, В. Л. Пушкинъ, получилъ, вмѣсто обиднаго имени «Вотрушка», прозвище «Вотъ я васъ опять!» Названный документъ далъ основаніе Е. А. Сидорову, автору новѣйшаго и исчерпывающаго изслѣдованія объ Арзамасѣ, («Журн. Мин. Нар. Пр.» 1901, іюль) относить избраніе Пушкина въ члены этого литературнаго кружка къ 1816 году (именно—къ началу года). Новымъ подтвержденіемъ этого мнѣнія является письмо Пушкина-лицеиста къ «любезному арзамасцу», кн. П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 года (изъ Царскаго Села), въ которомъ Александръ Сергѣевичъ

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ.

158. КРИВЦОВУ.

Не пугай насъ, милый другъ,
Гроба близкимъ новосельемъ:
Право, намъ такимъ бездѣльемъ
Заниматься недосугъ.
Пусть остылой жизни чашу
Тянетъ медленно другой;
Мы жъ утратимъ юность нашу
Вмѣстѣ съ жизнью дорогой;
Каждый у своей гробницы,
Мы присядемъ на порогъ,
У Пафоскія царицы
Свѣжій выпросимъ вѣнокъ,
Лишній мигъ у вѣрной лѣни,
Круговой нальемъ сосудъ,
И толпою наши тѣни
Къ тихой Летѣ убѣгутъ:
Смертный мигъ нашъ будетъ свѣтелъ:
И подруги шалуновъ
Соберутъ ихъ легкій пепелъ
Въ урны праздныя пировъ.

пишетъ, что рвется изъ Лицея какъ изъ «заточенія» и что «безбожно молодаго человѣка держать взаперти и не позволять ему участвовать даже въ невинномъ удовольствіи погребать покойную Академію и Бесѣду губителей россійскаго слова».

Рѣчь идетъ о «погребеніи» Академіи и Бесѣды именно на засѣданіяхъ Арзамаса, участвовать въ которыхъ такъ хотѣлось Пушкину, такъ какъ погребать шишковистовъ въ стихахъ онъ могъ и сидя въ Лицеѣ (см. напр., «Къ Жуковскому», «Желаніе»).

Итакъ, подпись: «Арзамасецъ», стоящая на автографѣ посланія къ Жуковскому, свидѣтельствуетъ не въ пользу 1817 года, а скорѣе въ пользу 1816 г. Существуетъ мнѣніе, что отнести стихотвореніе къ 1816 году мѣшаетъ упоминаніе въ немъ объ Озеровѣ, который умеръ во второй половинѣ этого года. Вотъ это упоминаніе:

«Смотрите: пораженъ враждебными стрѣлами,
«Съ потухшимъ факеломъ, съ недвижными крылами,
«Къ вамъ Озерова духъ взываетъ, други, мсть!»

Едва ли въ этихъ стихахъ можно усматривать прямое указаніе на смерть Озерова: послѣдніе годы своей жизни драматургъ былъ пораженъ душевной болѣзнью, и, «потухшій факелъ» можно относить именно къ его угасшему сознанію. Въ такомъ смыслѣ, еще задолго до смерти Озерова, въ 1814 году писалъ о немъ Жуковскій въ своемъ посланіи къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину:

«Пѣвецъ угаснулъ отъ печали!
«Ахъ! если бъ могъ достигнуть гласъ
«Участія и удивленья
«Къ душѣ, не снесшей оскорбленья,
«И уладить ее на часъ!
«Чувствительность... пѣвцу погибелью была»...

Но если даже видѣть въ стихахъ Пушкина указаніе на смерть Озерова,—все же это не препятствуетъ отнести посланіе къ 1816 г. Озеровъ умеръ 5 сентября 1816 г. Извѣстіе объ этомъ появилось въ Сынѣ Отечества того же года, въ № 41 (часть XXXIII, стр. 120), а въ № 45 (стр. 267) была помѣщена уже и эпиграмма на князя Шаховского—врага драматурга, въ которой снова упомянуто о смерти Озерова. Александръ Сергѣевичъ, который жадно ловилъ литературныя новости, могъ, такимъ образомъ, писать о смерти Озерова и въ 1816 году, особенно подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ.

Посланіе «Къ Жуковскому» принадлежитъ къ самымъ значительнымъ—и по содержанію, и по настроенію—стихотвореніямъ Пушкина-лицеиста. Въ этомъ посланіи, несомнѣнно, отразился одинъ изъ важныхъ моментовъ всего духовнаго развитія поэта. Послѣ веселыхъ эпиграммъ, откровенной эротики, восхваленій вина и лѣни, о чемъ такъ часто твердитъ лицейская муза Александра Сергѣевича, читатель мало подготовленъ къ такому стихотворенію, а между тѣмъ въ немъ раскрываются итоги продолжительной работы поэтическаго самосознанія. Съ глубокой убѣдительностью—и безошибочно—юноша-Пушкинъ опредѣляетъ свое жизненное призваніе:

«Въ тиши парнасской сѣни
«Я съ трепетомъ склонялъ предъ музами колѣни,
«Опасною тропой съ надеждой полетѣлъ,
«Мнѣ жребій выпалъ Фебъ—и лира мой удѣлъ.
«Страшусь, неопытный, безславнаго паденья,
«Но пылкаго смирить не въ силахъ я влеченья...
«Пѣть, пѣть, рѣшился я безъ страха въ трудный путь!
«Отважной вѣрою исполнилася грудь!»

Сочувствіе даровитѣйшихъ писателей—Карамзина, Державина, Жуковскаго—направляло поэта на серьезный топъ, и его возбужденной мысли предносились «въ туманахъ отдаленья» высокія цѣли искусства и вдохновенія».

Съ такою же убѣжденностью, какъ и въ опредѣленіи своего призванія, Пушкинъ выбираетъ между двумя боровшимися направленіями и рѣшительно примыкаетъ къ передовому. Вторая часть стихотворенія посвящена характеристикѣ и обличенію шишковистовъ: недобрымъ словомъ помянуты и Тредьяковскій съ Сумароковымъ. Подъ именемъ бездарнаго римскаго поэта Мевія выведенъ самъ глава «варяго-россовъ»—А. С. Шишковъ, а именемъ перваго греческаго драматурга Өесписа насмѣшливо обозначенъ кн. А. А. Шаховской. Въ пьесѣ живо чувствуются отзвуки борьбы «бесѣдчиковъ» и «арзамасцевъ», и не случайно въ рукописи стоитъ подпись: «Арзамасецъ». (Подробности объ отношеніяхъ Пушкина къ шишковистамъ и карамзинистамъ см. въ нашей статьѣ о Бесѣдѣ любителей русскаго слова и Арзамасѣ, въ этомъ же изданіи).

О текстѣ см. въ концѣ тома.

Н. Пиксановъ.

159. МОЛИТВА ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ

приписывается Пушкину.

Избави, Господи, ума такого,
Какъ у Александра Васильича Попова,
Слатвинскаго скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомирскаго чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Ховрина глупости,
Суетливости Оффенберга,
Разсудительности Унгернъ-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Юшкова подлости,
Крекшина службы,
Сабурова дружбы,
Завадовскаго щедрости,
Герингросовой мерзости,
Кнабенау усовъ,
Пашковскихъ посовъ,
Салтыкова дикости,
Соломирскаго лихости,
Слѣпцова смиренья,
Кругликова пѣнья,
Барятинскаго спросовъ,
Рахманова вопросовъ,
Молоствова хвалы
И Микѣшина хулы...

Несомнѣнно, Пушкинъ еще въ лицеѣ принадлежалъ къ Арзамасу въ качествѣ «неприсутствующаго» члена. Вступилъ онъ въ это общество въ 1817 г., по окончаніи лицейскаго курса (см. ниже примѣчаніе къ фрагментамъ его вступительной арзамасской рѣчи: «Вѣнецъ желаніямъ! Итакъ, я вижу васъ»...) Мнѣніе отнесшаго разбираемое посланіе къ 1817 г. Л. Н. Майкова (2-ое акад. изд. I т. «Сочиненій» П., прим., 400), что «подпись («Арзамасецъ»)» которая стоитъ въ автографѣ подъ посланіемъ къ Жуковскому, указываетъ на время сочиненія этого стихотворенія», невѣрно въ смыслѣ аргументаціи, хотя въ отношеніи хронологіи пьесы Майковъ, вѣроятно, правъ. «Арзамасцемъ», какъ справедливо указываетъ Н. К. Никаповъ, Пушкинъ могъ назвать себя и въ 1816 году. Другія основанія, гораздо болѣе важныя, заставляютъ отнести посланіе съ весьма значительною вѣроятностью къ 1817 году.

Въ началѣ января 1816 г. какъ мы знаемъ, Пушкинъ писалъ своему дядѣ Василію Львовичу («Тебѣ, о Несторъ Арзамаса...»): «напомню о себѣ моимъ незабвеннымъ; не имѣю больше времени: но... надобно ли еще обѣщать?» Эти «незабвенные», которымъ Пушкинъ такимъ образомъ обѣщаетъ напомнить о себѣ,—конечно, неопшрявшіе его арзамасцы, его названные «братья по Аполлону». Могъ ли Пушкинъ «напомнить» имъ о себѣ иначе какъ стихами, которыхъ они всегда ожидали отъ своего младшаго пріятеля? Обѣщаніе свое Пушкинъ сдержалъ. Исполненіе его нужно видѣть въ посланіи къ Жуковскому. Изъ 122 стиховъ посланія относятся собственно къ Жуковскому лишь первые 28. Остальные 94 стиха говорятъ о тѣхъ литературныхъ интересахъ, которые болѣе всего занимали Арзамасъ, ради которыхъ Арзамасъ существовалъ. Послѣдніе 18 стиховъ содержатъ уже прямое обращеніе къ «незабвеннымъ». Итакъ, болѣе $^3/_4$ посланія, посвященнаго Жуковскому, относятся ко всѣмъ арзамасцамъ. Очевидно, Пушкинъ исполняетъ данное въ письмѣ къ Василію Львовичу обѣщаніе. Посланіе, содержащее своего рода программу дѣятельности Арзамаса, настолько серьезно и значительно какъ по мыслямъ, такъ и по одной своей величинѣ, что, несомнѣнно, другого «напоминанія» о себѣ Пушкинъ арзамасцамъ, по крайней мѣрѣ, въ данный недолгій періодъ не посылалъ.

Нелишнее замѣтить, что столь осторожный изслѣдователь какъ П. И. Бартеневъ, писавшій свои «Матеріалы для біографіи Пушкина» (М., 1855 г.), такъ сказать, «по горячимъ слѣдамъ» и пользовавшійся воспоминаніями и указаніями такихъ близкихъ Пушкину людей, какъ, между прочимъ, князь П. А. Вяземскій, отнесъ это посланіе сначала (гл. II, стр. 40) «вѣроятно къ концу 1816 или началу 1817 года», а потомъ (гл. III, стр. 12) прямо къ «началу 1817 г.»

Н. Лернеръ.

144. ШТАБСЪ-КАПИТАНУ ГЕТЕ, ГРЕЮ...

(В. А. Жуковскому).

А. П. Кирпичниковъ напечаталъ въ «Русской Старинѣ» 1897 г., февраль, стр. 275, эту шуточную записку съ конца, найденной въ бумагахъ забытаго нынѣ поэта, П. М. Коншина, котораго довольно хорошо знавалъ Пушкинъ. Вспоминая событія 1817 г. Коншинъ писалъ: «Жуковскій былъ взятъ къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ: попалъ въ милость ко двору. Въ это время Пушкинъ написалъ ему на дверяхъ: «Штабсъ-капитану...» и т. д. «Конечно»,—замѣчаетъ по этому поводу А. П. Кирпичниковъ (l. c., прим. 5),—«нельзя ручаться головой за принадлежность этого стихотворенія Пушкину: по съ одной стороны близость Коншина къ кружку Пушкина, а съ другой—остроуміе и необыкновенная легкость стиха ставятъ эту принадлежность почти внѣ всякаго сомнѣнія». Въ изданіи П. О. Морозова (изд. «Просвѣщенія», I стр. 559) она помѣщена не въ текстѣ, а въ примѣчаніяхъ къ пьесамъ 1819 г. У П. А. Ефремова сперва (издан. А. С. Суворина, т. I, стр. 314) помѣщена 1818—1819 гг., а въ примѣчаніяхъ (т. VIII, 117) указано, что она относится къ 1817 г.: къ этому году отнесена она Ефремовымъ и въ собраніи писемъ поэта (т. VII, стр. 9, № 4). Въ академическомъ изданіи переписки Пушкина (т. I, стр. 7, № 5) она помѣчена съ излишней и ничѣмъ не оправдываемой точностью: «Лѣто 1817 г. Царское Село».

Пушкинъ называетъ поэта-переводчика, который сумѣлъ такъ хорошо проникаться чувствами и настроеніями переводимыхъ имъ авторовъ, что сливался съ ними, именами его любимыхъ поэтовъ. Чинъ штабсъ-капитана Жуковскій получилъ за участіе въ бородинскомъ бою; о Томсонѣ и Греѣ см. стр. 74.

БАБОЛОВСКІЙ ЛѢТНІЙ ДВОРЕЦЪ возлѣ Царскаго Села.
Рис. Лицемета Лангера (Спб. 1820).

160. КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

(Приписывается Пушкину).

Прекрасная пускай восторгомъ насладится
Въ твоихъ объятіяхъ россійскій полубогъ.
Что съ участью твоей сравнится?
Весь міръ у ногъ его—здѣсь у твоихъ онъ ногъ.

145. COUPLETS.

«Couplets» дошли до насъ въ автографѣ и въ спискѣ. Автографъ, на двухъ листкахъ синей бумаги, въ 4-ку, принадлежалъ Я. К. Гроту (см. его сборникъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1899 г., стр. 300); точный списокъ находится въ принадлежащей К. Я. Гроту тетради Ѳ. Ѳ. Матюшкина («Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1905 г., октябрь, стр. 231, 247—248). Первыя двѣ строфы появились въ Анненковскихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (первое изд., 1855 г., стр. 18, съ русскимъ переводомъ), а цѣликомъ пьеса была напечатана въ «Библіогр. Запискахъ» 1858 г., ст. 688, съ копіи, находившейся по словамъ Г. Н. Геннади («Приложенія къ сочиненіямъ Пушкина, изданнымъ П. А. Исаковымъ», Спб., 1860 г., отд. I, стр. 105—106), въ тетради С. Д. Полтарацкаго и списанной съ пушкинскаго подлинника. Въ собраніи произведеній поэта «Couplets» стали включаться начиная съ 1859 г. (т. I, стр. 575—577).

О происхожденіи пьесы Анненковъ (l. c.) кратко говоритъ, что она была «вызвана соревнованіемъ въ одномъ изъ царскосельскихъ обществъ, гдѣ въ числѣ занятій были и литературныя состязанія». Подробнѣе разсказываетъ объ этомъ В. П. Гаевскій («Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 385—386): «Въ самомъ началѣ своего директорства Энгельгардтъ разрѣшилъ отпуски изъ Лицея въ предѣлахъ Царскаго Села, и, по примѣру директора, нѣсколько семейныхъ домовъ открылись для лицеистовъ, именно: дома Вельо, Свѣчиной и барона Теппера де Фергюсона... Послѣдній... поступилъ въ лицей по протекціи старшаго своего пріятеля Энгельгардта учителемъ музыки и пѣнія. Онъ, хотя не имѣлъ голоса, хорошо училъ пѣнію и сочинялъ для воспитанниковъ духовные концерты... Теппера былъ большой оригиналъ, по человѣкъ образованный, и лицеисты часто заходили въ его домикъ... У Теппера каждый вечеръ собирались по нѣскольку человѣкъ, пили чай, болтали, занимались музыкой и пѣніемъ. У него же, по воскресеньямъ, происходили литературныя бесѣды, задавались темы, на которыя приготовлялось къ слѣдующему воскресенью нѣсколько сочиненій, и такимъ образомъ совершались литературныя состязанія, на которыхъ Пушкинъ первенствовалъ. Темы представлялись сами собою, и на одну изъ таковыхъ, заданную при прощаніи: «Jusqu'au plaisir de vous revoir», Пушкинъ написалъ въ 1817 году легкіе и остроумные куплеты... Въ отвѣтъ на нихъ Пушкинъ получилъ слѣдующее посланіе, кажется, самого Теппера».

Приводимъ его:

A. Mr. Pouchkin.

Lorsque je vois de vous, monsieur,
Des vers faits avec tant de grâce,
Je me résigne, et de bon coeur,
A vous céder sitôt la place.
Votre talent, sans grand pouvoir,
De beaucoup la mien efface.
Je n'en ai vu que la surface,
Mais c'est pour lui diro *à revoir*.

Est-ce avec vous qu'il me convient,
En rimant, de rompre une lance?
Si mon courage me soutient,
Phébus me condamne au silence.
Il me dit que j'ai beau vouloir,
Je risque trop en conscience,
Et mes couplets, quoique j'en pense.
Seront *des couplets à revoir*.

Au revoir est un vieux dicton
Qui jamais ne passe de mode;
S'il est souvent dit sans raison,
Dans bien de cas il est commode.
Une parleur au loin se fait voir
Dont le jargon peu m'accommode:
Pour prévenir sa période
Rien de meilleur qu'un *au revoir*.

И Гаевскій, и Л. Н. Майковъ неправильно приписали эти стихи Теппера. Какъ было давно уже указано Я. К. Гротомъ и К. Я. Гротомъ (II. cc.), авторъ ихъ—Марія Смитъ (о ней см. примѣч. къ пьесѣ: «Къ молодой вдовѣ»); подлинникъ этой пьесы, съ приведеннымъ выше заглавіемъ, сохранился у К. Я. Грота.

Стихи Пушкина на заданную тему живы, остроумны и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ легко владѣлъ языкомъ Вольтера лицейскій «французъ» (такъ прозвали Пушкина товарищи).

---

146. К. А. Б.

Это четверостишіе появилось впервые въ изданіи 1826 г., стр. 111, а затѣмъ было перепечатано въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 150; ни въ томъ, ни въ другомъ изданіи оно не было датировано. А. И. Незеленовъ («Шесть статей о Пушкинѣ», Спб., 1892 г., стр. 81; «Историч. Вѣстн.»

ПУШКИНЪ-ЛИЦЕИСТЪ.

Статуя Р. Р. Баха.

(*Верхняя часть памятника Пушкину, въ Лицейскомъ садикѣ, въ Царскомъ Селѣ*).

Фотографія снята со статуи, когда она еще была въ мастерской художника.

1889 г., мартъ, стр. 683) въ своей статьѣ: «Изъ рукописей Румянцевскаго музея» указываетъ на рукопись (копію) этого стихотворенія, озаглавленную: «К. А. Б***», находящуюся въ тетради № 2393, которую В. Е. Якушкинъ («Русс. Старина» 1884 г.) не подвергъ подробному обслѣдованію. Подъ тѣмъ же заглавіемъ и безъ всякой даты оно значится въ плетневскомъ (1825 г.) спискѣ стихотвореній поэта («Переписка Пушкина», ред. В. И. Саитова, т. I, стр. 295), предназначенномъ для подготовлявшагося изданія 1826 г. Со времени второго Геннадіевскаго изданія (1870 г., т. I, стр. 515) его стали почему-то относить къ К. Н. Бакунинной. Къ 1817 году его отнесъ П. А. Ефремовъ (изд. 1880 г., т. I, стр. 198), который въ изданіи 1882 г. (т. I, стр. 494) сообщилъ, безъ указанія источника, что оно написано по окончаніи лицейскаго курса. Л. Н. Майковъ (2-ое акад. изд. I т. «Сочин. П.», стр. 245, прим., стр. 365—366) напечаталъ эту пьесу подъ заглавіемъ: «К. Н. Бакунинной», несмотря на то, что нѣтъ никакихъ основаній такъ истолковывать инціалы «К. А. Б.», подъ которыми мадригалъ былъ два раза напечатанъ при жизни поэта. Думая почему-то, что «чувство, возбужденное въ молодомъ поэтѣ К. Н. Бакунинной, стало остывать, повидимому (?), еще до окончанія имъ курса», Майковъ высказалъ предположеніе, что пьеса относится къ 1816 году. Тутъ же Майковъ попытался объяснить происхожденіе мадригала заимствованіемъ изъ неизвѣстнаго французскаго подлинника, которымъ пользовался Державинъ, написавшій «Надпись къ портрету Варвары Васильевны Энгельгардтъ» (1780 г.). Надпись немного напоминаетъ пушкинскій мадригалъ, но напечатана она лишь въ шестидесятыхъ годахъ XIX вѣка. («Сочинен.» Державина, 2-ое изд. Я. К. Грота, т. II, стр. 162; т. III, стр. 261). П. А. Ефремовъ, самъ напечаталъ это четверостишіе въ своемъ послѣднемъ изданіи (т. I, 1903 г., стр. 264), подъ заглавіемъ: «К. Н. Бакунинной», но въ примѣчаніяхъ (т. VIII, 1905 г., стр. 83), однако, иронизируетъ:

«Кѣмъ-то оно отнесено въ 1870 г. къ «К. *Н.* Бакунинной», такъ съ тѣхъ поръ и перепечатывается «на вѣру», безъ малѣйшихъ подтвержденій или опроверженій».

Въ настоящемъ изд. стихотвореніе напечатано въ томъ видѣ, въ какомъ оно появилось при жизни поэта.

Трудно предположить, что это четверостишіе было посвящено Бакунинной. Холодный, вылощенный тонъ мадригала плохо вяжется съ чувствомъ, которое внушила поэту Бакунина, чувствомъ, о которомъ онъ писалъ, покидая лицей, въ альбомъ Н. Н. Пущину, тоже увлекавшемуся Бакунинной:

съ тихими тоски слезами
Ты вспомни первую любовь...

Время созданія мадригала также нельзя установить съ точностью. Судя по формѣ, онъ принадлежитъ къ лицейскому періоду.

Н. Лернеръ.

147. И ОСТАНЕШЬСЯ СЪ ВОПРОСОМЪ... (С. С. ЕСАКОВУ).

«Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ»,—разсказываетъ въ своихъ запискахъ П. Н. Пущинъ (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 65),—«хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Разъ на зимней нашей прогулкѣ въ саду, гдѣ расчищались кругомъ пруда дорожки, онъ говоритъ Есакову: «И останешься»... и т. д. По объясненію П. А. Ефремова (изд. 1880 г., т. I, стр. 532—533), «Пушкинъ подсмѣивался надъ ухаживаніями Есакова за дочерьми барона Велио, выходившими на прогулку съ гувернанткой Шредеръ; часто случалось, что Есаковъ ждалъ на морозѣ цѣлые часы, а прогулка отлагалась. Пушкинъ послѣ одной изъ такихъ неудачъ замѣтилъ ему: «И останешься...» и т. д. Въ изданіе литературнаго фонда эта шутка не вошла «по совершенной ея незначительности» (ор. с., т. VII, стр. LVI); не вошла она и въ текстъ изданія «Просвѣщенія» какъ «переданная только по памяти» (ор. с., т. I, стр. 3), хотя въ текстъ этого изданія включена тоже переданная Пушкинымъ по памяти шутка: «Отъ всенощной, вечоръ... Л. Н. Майковъ не внесъ ее въ текстъ I т. академическаго изданія и упоминаетъ о ней лишь въ примѣчаніяхъ (2-ое акад. изд. I т., прим., стр. 362). П. А. Ефремовъ включилъ ее въ свое послѣднее изданіе (А. С. Суворинъ, т. I, Спб. 1903 г., стр. 264, 565). Стихотвореніе, конечно, незначительное, однакоже стихъ «На берегу замерзлыхъ водъ» повторяется въ «Евгеніи Онѣгинѣ». (8-я глава, XXXVI).

Ни въ произведеніяхъ Пушкина ни въ его перепискѣ мы болѣе не встрѣчаемъ имени С. С. Есакова. Очевидно къ числу близкихъ товарищей поэта онъ не принадлежалъ, хотя и былъ однимъ изъ лицейскихъ литераторовъ. Немногочисленныя свѣдѣнія о немъ находятся въ посвященной ему біографической замѣткѣ Б. Л. Модзалевскаго («Пушкинъ и его современники», вып. II, Спб., 1904 г., стр. 27—31) и въ статьѣ В. П. Гаевскаго «Пушкинъ въ лицеѣ и лицейскія его стихотворенія» («Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 141, 142). Семенъ Семеновичъ Есаковъ родился въ 1799 г. и въ 1811 г. поступилъ одновременно съ Пушкинымъ въ лицей, гдѣ вскорѣ сталъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Въ 1812—1813 гг. Есаковъ участвовалъ въ изданіи лицейскаго журнала: «Для удовольствія и пользы»; въ 1813 г. онъ помѣстилъ въ другомъ лицейскомъ журналѣ въ которомъ участвовалъ и Пушкинъ: «Неопытные Пловцы», «прозаическое сочиненіе» подъ названіемъ «Полордъ»; (этотъ журналъ не дошелъ до насъ). Въ 1817 г. Есаковъ былъ выпущенъ изъ лицея съ второй серебряною медалью, а въ октябрѣ того же года поступилъ вмѣстѣ съ П. И. Пущинымъ въ военную службу. По службѣ Есаковъ шелъ быстро и уже въ 1829 г. былъ произведенъ въ полковники. Принимая участіе въ усмиреніи польскаго возстанія, Есаковъ весною 1831 г., по разсказу Я. К. Грота «имѣлъ несчастіе потерять двѣ пушки подъ какимъ-то мостомъ и съ отчаянья застрѣлился». Товарищъ С. С. Есакова графъ М. А. Корфъ оставилъ въ своихъ запискахъ краткую характеристику его: «Съ свѣтскимъ умомъ, съ большою ловкостью, съ благороднымъ и твердымъ характеромъ, съ прекрасною наружностью и со многими любезными качествами, Есаковъ еще въ лицеѣ подавалъ надежду на блистательную карьеру, но, по неразгаданнымъ допынѣ вполнѣ причинамъ, самъ добровольно разстался съ жизнью, которая, повидимому, столь многое ему сулила... Онъ въ польскую кампанію, послѣ дѣла, въ которомъ имѣлъ несчастье потерять нѣсколько пушекъ, застрѣлился, не оставивъ даже никакой записки въ поясненіе своего поступка».

148. ПОРТРЕТЪ.

Копія этой эпиграммы находится въ принадлежащемъ К. Я. Роту лицейскомъ сборникѣ Ѳ. Ѳ. Матюшкина, гдѣ имя автора обозначено начальной буквою «П», которой помѣченъ въ этой тетради цѣлый рядъ стихотвореній Пушкина («Журн. Мин. Пар. Просвѣщ.» 1905 г., октябрь, стр. 230, 231 и 247). Впервые напечаталъ ее Я. К. Гротъ въ своемъ сборникѣ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Спб., 1887 г., стр. 214. По сообщенію Я. К. Грота, быть можетъ, основанному просто на догадкѣ, эта эпиграмма направлена противъ одного изъ лицейскихъ гувернеровъ. Время ея созданія не поддается болѣе или менѣе точному опредѣленію. Упоминаемые въ ней «Мартынъ»—М. С. Пилецкій-Урбановичъ, первый инспекторъ классовъ въ лицеѣ, оставилъ лицей еще въ 1813 г., а С. С. Фроловъ, третій инспекторъ, назначенный въ томъ же 1813 г., служилъ въ этой должности до 1817 года. Поэтому пьесу слѣдуетъ отнести вообще къ лицейскому періоду жизни поэта. За отсутствіемъ свѣдѣній о томъ «хамелеонѣ», къ которому относится эпиграмма, нѣтъ возможности оцѣнить какъ слѣдуетъ соль этого выпада. Пилецкій-Урбановичъ, въ присутствіи котораго оригиналъ пушкинскаго «Портрета» становился «попомъ записнымъ», былъ, по словамъ графа М. А. Корфа, «святоша, мистикъ-иллюминатъ», который лицеистами былъ быстро выжитъ изъ Лицея, но долго помнился имъ, словно какое-нибудь привидѣніе изъ другого міра» (Я. К. Гротъ, ор. с., 2-ое изд., Спб., 1899, стр. 242). Забавный намекъ на отношеніе Фролова къ математикѣ должно быть, довольно отдаленное, нѣсколько объясняется стихомъ изъ комической «національной пѣсни» лицеистовъ о Фроловѣ (ibid., 241):

Ты математикомъ былъ прежде...

149. ИСТОРІЯ СТИХОТВОРЦА.

Это восьмистишіе, не сохранившееся въ рукописи, было напечатано впервые въ журналѣ «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» (1821 г., № 5), подъ заглавіемъ «Эпиграмма», съ полной подписью автора и съ перестановкой перваго и второго двустишія; въ такомъ же видѣ, но уже подъ настоящимъ заглавіемъ, оно было

включено въ изданіе 1826 года, а въ слѣдующемъ изданіи (1829 г.) стихи расположены такъ, какъ это принято и теперь. Въ изданіи 1882 г. стихотвореніе впервые отнесено къ 1817 году.

150. ВОТЪ ЗДѢСЬ ЛЕЖИТЪ БОЛЬНОЙ СТУДЕНТЪ...

Это четверостишіе находится въ запискахъ П. П. Пущина, которыя были напечатаны впервые, въ сокращенномъ видѣ, въ журналѣ «Атеней» 1859 г., № 8, а потомъ въ Сборникѣ Майкова «Пушкинъ» (СПБ. 1899). Ефремовъ въ своемъ изданіи Пушкина (т. I, 1903 г.) почему-то напечаталъ стихотвореніе въ выноскѣ, въ видѣ примѣчанія къ стихамъ того же года «Въ альбомъ П. П. Пущину». Обстоятельства, при которыхъ сложилось четверостишіе, Пущинъ передастъ въ слѣдующемъ видѣ: «Пушкинъ клеймилъ своимъ стихомъ лицейскихъ Сердечкиныхъ, хотя и самъ иногда попадалъ въ эту категорію. Такъ точно, когда я, передъ самымъ выпускомъ, лежалъ въ больницѣ,—онъ какъ-то успѣлъ написать мѣломъ на дощечкѣ у моей кровати (приводятся стихи). Я нечаянно увидѣлъ эти стихи надъ моимъ изголовьемъ и узналъ исковерканный его почеркъ. Пушкинъ не сознавался въ этомъ экспромтѣ».

151. ЕСТЬ ВЪ РОССІИ ГОРОДЪ ЛУГА....

Стихотвореніе это было впервые напечатано П. И. Бартеневымъ въ его статьяхъ: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи» («Московск. Вѣдомости» 1855 г., № 142, литерат. отд., стр. 581) со словъ какого-то близкаго Пушкину лица. Семья Пушкиныхъ отправилась на лѣто 1817 г. въ Михайловское. «Они ѣхали»—разсказываетъ П. И. Бартеневъ—«по большой дорогѣ на городъ Лугу, о чемъ упоминалъ Александръ Сергѣевичъ къ кому-то въ письмѣ, въ которомъ, вѣроятно описывалъ это путешествіе, и отъ котораго сохранились въ памяти одного изъ друзей его слѣдующіе забавные стихи»... Несмотря на довольно точную датировку, пьеса въ разныхъ изданіяхъ относилась къ разнымъ годамъ. П. В. Анненковъ (т. VII, стр. 90) отнесъ ее къ 1824 г., И. О. Морозовъ (изд. Литерат. фонда, т. VII, стр. LVII)—къ 1818 или 1819 гг., П. А. Ефремовъ (изд. А. С. Суворина, т. I, 1903 г., стр. 309) къ 1818 г. Въ примѣчаніяхъ П. А. Ефремовъ (цит. изд., т. VIII, стр. 109) выразилъ вскользь сомнѣніе въ принадлежности этого «апокрифа» Пушкину. Между тѣмъ на такой источникъ, какъ статья Бартенева, начавшаго собирать свѣдѣнія о Пушкинѣ черезъ немного лѣтъ послѣ его смерти и добывавшаго ихъ, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ, отъ близкихъ поэту людей, можно положиться,—тѣмъ болѣе, что юморъ и веселость этихъ стиховъ совершенно пушкинскіе. Не усомнился въ авторствѣ Пушкина и разобравшій вопросъ о хронологіи пьесы В. Е. Якушкинъ («Сочиненія Пушкина», изд. Имп. Академіи Наукъ, т. II, СПБ., 1906 г., прим., стр. 58—59).

Отголосокъ этой шутки можно было бы усмотрѣть въ словахъ Пушкина, будто бы сказанныхъ имъ много лѣтъ спустя А. О. Смирновой. По разсказу ея дочери («Записки» А. О. Смирновой, ч. I, СПБ., 1895 г., стр. 212, прим. 2), Пушкинъ, говоря какъ-то съ своей пріятельницей о путешествіяхъ и объ однообразіи русской природы, воскликнулъ: «Некрасивыхъ пейзажей нѣтъ! Жизнь есть вездѣ, даже подъ снѣгомъ и среди самой убогой природы. Некрасивыми могутъ быть только города, и хуже всѣхъ ихъ Новоржевъ, ближайшій городъ къ Михайловскому». Но объ Смирновы такъ безцеремонно сочиняли по разнымъ печатнымъ источникамъ, что весьма возможно, что и неуклюжая и высокопарная рѣчь Пушкина создана на основаніи эпиграммы.

152. ПРОСТИТЕ, ВѢРНЫЯ ДУБРАВЫ...

Впервые стихотвореніе это было напечатано М. И. Семевскимъ въ «С.-Петербургск. Вѣдом.» 1866 г., № 175 («Прогулка въ Тригорское») и перешло въ изданіе 1880 г. (т. I, стр. 197—198) подъ заглавіемъ: «Прощаніе съ Тригорскимъ». По словамъ Л. Н. Майкова (2-ое акад. изд. I т., стр. 409), оно «сохранилось на листкѣ, вклеенномъ въ альбомъ П. А. Осиповой, которая переписала на немъ стихи Пушкина взамѣнъ вырѣзаннаго автографа поэта; на конѣ стоитъ находившійся, безъ сомнѣнія, и на подлинникѣ помѣта: «1 сентября 1817 г.». Между тѣмъ, на другой, тоже сдѣланной П. А. Осиповой копіи

пьесы, сохранившейся у ея внучки баронессы С. Б. Вревской, въ с. Голубовѣ Псковской губерніи, но словамъ видѣвшаго этотъ списокъ Б. Л. Модзалевскаго (Н. Лернеръ, «Труды и дни Пушкина» изд. 2-е, СПБ., 1907 г., стр. 37), имѣется помѣта: «17 августа». Вѣроятно, дата «1 сентября» относится къ позднѣйшему списку. 1 сентября Пушкинъ не могъ написать Осиповой эти стихи, такъ какъ былъ въ этотъ день уже въ Петербургѣ и писалъ князю П. А. Вяземскому: «Я очень недавно пріѣхалъ въ Петербургъ».

Лѣтомъ 1817 г., которое Пушкинъ провелъ на лонѣ «безпечнаго мира» михайловскихъ и тригорскихъ полей, завязалась его дружба съ семействомъ П. А. Осиповой, хозяйки Тригорскаго. О Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой и о членахъ ея семьи будетъ сказано больше въ другихъ примѣчаніяхъ. Дружба Пушкина съ этой семьею съ годами крѣпла; въ его «печальный пріѣздъ» изъ шумной, веселой Одессы «въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ» онъ пошелъ въ ней ласковый привѣтъ и искреннюю дружбу. Свою благодарность и любовь къ этой славной семьѣ онъ выразилъ необыкновенно тепло и нѣжно, посвятивъ своимъ тригорскимъ друзьямъ въ «Странствіи Онѣгина» великолѣпную строфу (XXXI):

О, гдѣ бъ судьба ни назначала
Мнѣ безыменный уголокъ,
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ ни мчала
Она смиренный мой челнокъ,
Гдѣ поздній миръ мнѣ бъ ни сулила,
Гдѣ бъ ни ждала меня могила,—
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей.
Нѣтъ, нѣтъ! Нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей.
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибережныхъ ивъ,
Васъ, миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ...

Н. Лернеръ.

---

153. ЭКСПРОМПТЫ.

Оба экспромта, написанные на отдѣльномъ листкѣ, хранящемся въ Импер. публичной библіотекѣ, въ бумагахъ В. А. Жуковскаго, были впервые напечатаны въ составленномъ П. А. Бычковымъ описаніи «Бумагъ В. А. Жуковскаго поступившихъ въ Имп. публичную библіотеку въ 1884 г.», СПб., 1887 г., стр. 162—163. Къ описанію приложенъ снимокъ этого листка, воспроизведенный и въ настоящемъ изданіи. Затѣмъ стихотвореніе было перепечатано Л. Н. Майковымъ («Сочиненія К. Н. Батюшкова», т. I, СПб., 1887 г., «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова», стр. 255—256). По разсказу Майкова, «Батюшковъ и Пушкинъ день 4-го сентября (1817 г.) провели вмѣстѣ и въ сообществѣ съ Жуковскимъ и А. А. Плещеевымъ въ Царскомъ Селѣ. Во время этой загородной прогулки всѣ четверо, между прочимъ, сочинили два экспромпта, въ томъ числѣ одинъ, посвященный кн. Вяземскому, который въ то время собирался изъ Москвы въ Варшаву на службу». Сбоку второй пьесы написано А. А. Плещеевымъ: «Плещеевъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ. Плещеевъ». У Майкова шестой и седьмой стихи второй пьесы переданы невѣрно: «сердцу» вмѣсто «такъ же» и «несомнѣнно» вмѣсто «несомнѣнно»; эти ошибки, полагаясь на вѣрность майковской передачи, повторили, П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 528) и П. А. Ефремовъ (изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1903 г., стр. 102—103).

Въ первомъ экспромптѣ Пушкину принадлежатъ два стиха, во второмъ — три. Молодой поэтъ, пользуясь свободой, предоставляемой шуткой, подтрунивалъ надъ приторностью сентиментальной поэзіи, надъ нѣнюмъ чувства Жуковскимъ. Впослѣдствіи, въ письмѣ къ Рылѣеву, отъ 25 января 1825 г., не соглашаясь съ строгимъ приговоромъ А. А. Бестужева о Жуковскомъ, Пушкинъ писалъ: «зачѣмъ кусать намъ груди кормилицы нашей, потому что зубки прорѣзались?» Тонъ Жуковскаго въ обоихъ экспромптахъ обычно-серьезенъ, а остальные авторы, очевидно, дурачились, и пуще всѣхъ Пушкинъ, явно покусывавшій груди своей литературной кормилицы.

Александръ Алексѣевичъ Плещеевъ (род. около 1775 г., умеръ въ 1827 г.), любитель театра и музыки и немного писатель и композиторъ, частый посѣтитель Карамзиныхъ, былъ въ большой дружбѣ съ Жуковскимъ, которому писалъ французскіе стихи, въ отвѣтъ на его русскія посланія, и много пѣсенъ котораго положилъ на музыку. Въ 1817 г. онъ вступилъ въ члены «Арзамаса», гдѣ за смуглый цвѣтъ своего лица получилъ прозвище «Черный арапъ», (изъ баллады Жуковскаго). (О Плещеевѣ см.

«Сочиненія Батюшкова», т. III, стр. 751—752. «Остаф. архивъ кн. Вяземскихъ», т. I, стр. 439—440; «Рус. Ст.» 1883 г., т. XXXVII, стр. 99,106; т. XXXIX, стр. 235; 1901 г. ноябрь 392—393; «Рус. Арх.» 1900 г. III, 20).

Н. Лернеръ.

154. Е. С. ОГАРЕВОЙ, КОТОРОЙ МИТРОПОЛИТЪ ПРИСЛАЛЪ ПЛОДОВЪ ИЗЪ СВОЕГО САДА.

Мадригалъ Е. С. Огаревой дошелъ до насъ въ собственноручномъ автографѣ Пушкина, сохранившемся въ тетради Московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 41). На немъ помѣта: «1817, С.-Петербургъ». Пьеса была напечатана въ первый разъ въ «Библіографич. Записках» 1858 г., ст. 337, съ пропусками, и въ болѣе полномъ видѣ— въ «Русс. Арх.» 1876 г., т. III, стр. 221, съ невѣрной датой, съ неправильнымъ указаніемъ, будто стихотвореніе посвящено А. А. Оленинной, и съ замѣной «митрополита» спеціально на этотъ случай выдуманнымъ «агрономитомъ». Въ собранія произведеній Пушкина пьеса стала включаться, начиная съ изданія 1880 г., (т. I, стр. 198). Печатаемъ ее съ подлинной рукописи Пушкина.

Въ мадригалѣ отразился всегдашній взглядъ Пушкина на представителей духовенства и его обычное легкое отношеніе къ установленному культу. В. В. Никольскій («Историч. Вѣсти.» 1899 г., іюнь, стр. 213) остроумно подмѣтилъ, что въ сопоставленіи дряхлаго старца съ богомъ садовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сладострастія Пріапомъ кроется забавный намекъ. Конечно, со стороны старика было «безстыднымъ хвастовствомъ» выставлять себя «богомъ садовъ».

О Е. С. Огаревой см. выше, примѣчаніе къ «Экспромту на Огарева» (стр. 374).

155. А. И. ТУРГЕНЕВУ.

Пьеса эта, напечатанная впервые въ «Русс. Архивѣ» 1895 г., т. III, стр. 498—499, сохранилась въ принадлежащемъ графу С. Д. Шереметеву Остафьевскомъ архивѣ князей Вяземскихъ. Въ собранія произведеній Пушкина она стала входить, начиная съ I тома академическаго изданія, въ которомъ воспроизведена по совсѣмъ вѣрно такъ, въ концѣ второго стиха напечатано: «спротъ» вмѣсто «скопцовъ», что испортило рѣчь. Подлинникъ—писарской руки, съ нѣсколькими поправками Пушкина, проставленной имъ датой: «8 ноября 1817» и припискою «Сверчокъ» къ подписи: «Пушкинъ», принадлежащей рукѣ Тургенева. Ср. «Литерат. Вѣсти.» 1901 г., т. I, стр. 79, 350.

Рукою кн. П. П. Вяземскаго впослѣдствіи сверху надписано: «Пушкинъ А. И. Тургеневу—Посланіе».

Александръ Ивановичъ Тургеневъ—одинъ изъ лучшихъ друзей Пушкина, братъ знаменитаго публициста-эмигранта Н. И. Тургенева, замѣчательный дѣятель царствованій Александра I и Николая I. Имя его тѣсно связано съ именемъ Пушкина, въ біографіи котораго Тургеневъ займетъ почетное мѣсто. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, сами мало занимаясь или вовсе не занимаясь литературою, служатъ проводниками литературныхъ идей и направленій и являются могучими возбудителями литературныхъ интересовъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ Тургеневъ, внимательно слѣдившій за европейской мыслью былъ въ своемъ родѣ представителемъ ея въ Россіи,—а что касается до русской литературы онъ и тутъ былъ, какъ выразился Вяземскій, «посредникомъ, агентомъ, но собственной волѣ уполномоченнымъ и аккредитованнымъ повѣреннымъ въ дѣлахъ ея при предержащихъ властяхъ и образованномъ обществѣ».

Пушкинъ любилъ и уважалъ Тургенева; въ своемъ посланіи къ нему поэтъ далъ въ шутливой формѣ высокую оцѣнку его ума, энергіи и душевной доброты. Въ этой блестящей поэтической характеристикѣ Пушкинъ полно очертилъ привлекательную фигуру своего стариаго друга. (О Тургеневѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину еще будетъ рѣчь въ настоящемъ изданіи). Пушкинъ подшучиваетъ надъ его разнообразной служебной и общественной дѣятельностью. «Вѣрнымъ покровителемъ поповъ, евреевъ и скопцовъ» либеральный, гуманный Тургеневъ являлся въ качествѣ директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій и члена комиссіи для устройства евреевъ. «Гонителемъ іезуитовъ» называетъ его поэтъ, какъ автора указа 20 декабря 1815 г. объ изгнаніи изъ Россіи членовъ ордена Іисуса. Какъ членъ Арзамаса, гдѣ онъ прозывался «Эоловой Арфой» и чуткій литературный цѣнитель, Тургеневъ былъ «гонителемъ глупцовъ». Стихи 21—25 намекаютъ на дѣятельность

Тургенева въ библейскомъ обществѣ, секретаремъ котораго онъ былъ, и въ женскомъ патріотическомъ обществѣ.

Обозначенная въ подлинной рукописи только инициалом (С.) пассія Тургенева принадлежала къ извѣстной дворянской семьѣ Саломирскихъ. Екат. Серг. Лунина (ст. 24), въ замужествѣ Уварова, по словамъ одного современника, «была лучше, чѣмъ красавица: умна, мила и пляшна» (Рус. Арх. 1877 г., I, 525). Графъ Ив. Степ. Лаваль, французскій эмигрантъ, открыто и богато жившій баринъ, былъ одной изъ замѣтныхъ фигуръ тогдашняго петербургскаго большого свѣта.

«Поэма», которая «не стоитъ улыбки сладострастныхъ устъ»—«Руслань и Людмила». Пушкинъ началъ ее еще въ Лицеѣ и загѣмъ писалъ урывками три года, то надолго бросая ее и охладѣвая къ труду, то принимаясь за нее съ лихорадочнымъ рвеніемъ. Тургеневъ внимательно слѣдилъ, какъ подвигалась пушкинская работа и не разъ писалъ о ней своему всегдашнему корреспонденту князю П. А. Вяземскому. Когда поэма была почти окончена, онъ въ письмѣ къ Вяземскому, 25 февраля 1820 г., выразилъ надежду, что Пушкинъ, «увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и, слѣдовательно, уважаемыхъ авторовъ, и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится». А поэтъ лукаво, очевидно въ пику Тургеневу, писалъ съ комической увѣренностью, что «поэма никогда не стоитъ улыбки сладострастныхъ устъ». Черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ писалъ ему изъ Одессы: «зная вашу старую привязанность къ шалостямъ окаянной музы, я было хотѣлъ прислать вамъ нѣсколько строфъ моего Онѣгина, да лѣнь». Въ 1823 г. въ письмѣ къ нему Пушкинъ назвалъ Христа «умѣреннымъ демократомъ». Всѣ письма Пушкина къ Тургеневу, извѣстныя намъ, написаны въ такомъ шутливомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ почтительномъ тонѣ. Въ 1817 г. Тургеневъ сближалъ у себя протестантскихъ и реформатскихъ пасторовъ, чтобы потолковать съ ними о соглашеніи вѣроисповѣданій. «Пушкинъ»—записалъ онъ впослѣдствіи въ своемъ дневникѣ—«угощалъ ихъ пуншемъ и ужиномъ, а подъ конецъ и бичевалъ веселымъ умомъ своимъ виномъ разогрѣтаго пастора». (А. Н. Веселовскій, «В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія», Спб., 1904, стр. 297—298). «Навѣкъ оставленные труды» напоминаютъ немало разсѣянныхъ у Пушкина тамъ и сямъ аналогичныхъ увѣреній—то, что его «слабый даръ какъ легкій скрылся дымъ», то, что отъ него «скрылась навѣкъ богиня тихихъ нѣсенопѣній», то, что его «даръ къ поэзіи погасъ», «умеръ гласъ въ безчувственной струнѣ», и т. д.

«Улыбку Пиѳеты» (ст. 40) напоминаетъ посвященіе «Руслана и Людмилы» «царицамъ души—красавицамъ»:

> Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
> Что дѣва съ трепетомъ любви
> Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
> На нѣсни грѣшныя мои.

Н. Лернеръ.

156. Къ ***.

Въ рукописи (тетрадь № 2364 въ Моск. Публ. музеѣ, л. 72 оборотъ) стихотвореніе носитъ заглавіе: «Упырье» и сбоку имѣется помѣта: «27 ноября 1817 года». Руководствуясь этой помѣтой, большинство комментаторовъ относитъ стихотвореніе къ 1817 году, только Морозовъ приводитъ свои соображенія въ пользу отнесенія его къ 1819 году. Полемика Морозова (изд. Пушкина, т. I., 1903 г., стр. 546) съ Майковымъ (Акад. изд. Пушкина (второе), т. I, стр. 414) и Ефремова (изд. Пушкина, т. VIII 1905 г., стр. 98—99) съ Морозовымъ—относится къ критикѣ текста. (См. дальше). Стихотвореніе напечатано впервые подъ заглавіемъ «К***» въ изданіяхъ 1826 и 1829 г. и потому, конечно, и здѣсь сохранено позднѣйшее заглавіе, данное самимъ Пушкинымъ.

«Этою граціозною элегіей, говоритъ Поливановъ (изд. Пушкина, т. I, изд. 2-е, стр. 65), убѣждаемся, что тотъ вихрь столичной жизни, который захватилъ Пушкина въ первое время его пребыванія въ Петербургѣ, не оставлялъ всей жизни его и не изгладилъ хорошихъ чувствъ прошлаго. Въ душѣ его жила всегда потребность чистыхъ чувствованій, и это стихотвореніе есть голосъ того же здороваго душевнаго настроенія, которое незадолго передъ тѣмъ внушило ему стихотвореніе «Къ ней...»

Точно также находитъ нужнымъ заступиться за нравственность Пушкина и Майковъ, который говоритъ, что «объ означенныя (Поливановымъ) пѣсы могутъ служить сильнымъ возраженіемъ противъ мнѣнія, неоднократно высказывавшагося, что ранняя молодость поэта была посвящена только разгулу».

157. КРАЕВЪ ЧУЖИХЪ НЕОПЫТНЫЙ ЛЮБИТЕЛЬ...

(Кн. Е. П. Голицыной).

Въ хранящемся въ Императорской Публичной Библіотекѣ альбомѣ С. Н. Батюшковой, рожд. Кривцовой, находится автографъ этой пьесы, которая впервые была напечатана въ газетѣ «Молва» 1857 г., № 3, стр. 29—30, съ объяснительнымъ примѣчаніемъ П. Б. (Бартеневъ?). Анненковъ, перепечатавъ ее въ своемъ изданіи (т. VII, стр. 21—22), замѣтилъ, что «сама пьеса не представляетъ ни малѣйшей важности ни въ какомъ смыслѣ, будучи только свѣтской любезностію, доведенной до гиперболы. Пушкинъ и прежде 1817 года зналъ гражданъ съ возвышенной душою, какъ, напримѣръ, учителя своего Куницына, котораго такъ глубоко уважалъ съ самаго дѣтства, не говоря уже о Карамзинѣ, Жуковскомъ и многихъ другихъ». Нѣкоторая рѣзкость отзыва Анненкова объ этомъ мадригалѣ объясняется его страхомъ предъ цензурою, которая приложила немало бичей и скорпіоновъ къ его изданію. «Непатріотическое» стихотвореніе Пушкина пугало его. Какъ разсказываетъ П. А. Ефремовъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VII, Спб., 1903 г., стр. 100—101), Анненковъ не помѣтилъ этой пьесы въ первомъ томѣ своего изданія, «боясь привести въ ужасъ цензуру и тѣмъ повредить болѣе существеннымъ вещамъ». Когда стихотвореніе появилось въ «Молвѣ», Анненковъ уже не могъ обойти его, но, сверхъ обычнаго цензурнаго хода, возбудилъ особое ходатайство о пропускѣ его въ цензурномъ комитетѣ, да еще прибѣгъ къ протекціи служившаго тогда по цензурному вѣдомству поэта П. Ѳ. Щербины. О кн. Евд. Ив. Голицыной, см. дальше особую статью.

158. КРИВЦОВУ («НЕ ПУГАЙ НАСЪ...»).

Эта пьеса дошла до насъ въ двухъ собственноручныхъ автографахъ поэта. Одинъ изъ нихъ, черновой набросокъ, находится въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 78); о немъ почему-то вовсе не упомянаетъ В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи музейныхъ рукописей («Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, стр. 662). Другой, содержащій бѣловую редакцію, написанъ на листкѣ, вклеенномъ въ хранящійся въ Импер. публичной библіотекѣ альбомъ С. Н. Батюшковой, дочери Н. И. Кривцова. Этотъ списокъ носитъ заглавіе: «Къ Анакгарону», помѣту: «1817, дек.» и подписанъ иниціалами: «А. П.». Въ первый разъ стихотвореніе подъ заглавіемъ «Кривцову» напечатано въ изданіи 1826 г., стр. 151—152, съ датой 1819 г., повторенной въ изданіи 1829 г. Съ этой помѣтой оно значится въ Плетневскомъ спискѣ произведеній поэта, служившемъ для изданія 1826 г. («Переписка Пушкина», изд. Академіи Наукъ, ред. В. И. Саитова, т. I, Спб., 1906 г., стр. 296). Посылая Пушкину этотъ списокъ, Плетневъ, приготовлявшій изданіе съ помощью Л. С. Пушкина и В. Л. Пушкина и В. А. Жуковскаго, писалъ поэту (ibid., 297): «мы много ставили годовъ наобумъ». Мы принимаемъ печатный текстъ пьесы, и дату бѣлового автографа. По сообщенію П. В. Анненкова («Сочиненія» П., изд. 1855 г., т. II, стр. 264), это «посланіе особенно замѣчательно тѣмъ, что одна случайная замѣтка товарища подала поводъ къ такому поэтическому возраженію со стороны Пушкина». В. И. Гаевскій («Вѣстн. Европы» 1887 г., декабрь, стр. 457) справедливо замѣтилъ, что это примѣчаніе Анненкова «не вполнѣ понятно». Въ самомъ дѣлѣ, какую это «замѣтку», пугающую «гроба» близкимъ новосельемъ, могъ сдѣлать Кривцовъ, вольнодумецъ, эпикуреецъ, читавшій не менѣе, чѣмъ самъ Пушкинъ, «благочестивою душой» Веперу и Купидона?... Свѣтлый оптимизмъ Пушкина самую смерть дѣлалъ прекрасной. Никогда она не представлялась ему безобразной, чудовищной силой, наводящей ужасъ на душу. Еще въ 1815 г. («Мечтатель»), полный силъ и надеждъ, жизнерадостный мальчикъ, онъ говорилъ о нѣжной истомѣ смертнаго обморока какъ о «сладкомъ снѣ», который въ «мирную сѣнь» поэта принесетъ «смерти добрый геній»... Жизнь Пушкина сложилась не такъ легко и просто, какъ мечталъ онъ, но въ 7—8 стихахъ послапія онъ словно предчувствовалъ, что лишь съ нею отлетитъ его юность. Приходятъ на память прекрасныя слова А. В. Дружинина, которыми заканчивается его статья объ Анненковскомъ изданіи («Библіотека для чтенія» 1855 г., т. 130, № 3—4, стр. 104): «Пусть сердцу знакомый образъ рано умершаго нѣжа вѣчно носится передъ нами въ образѣ вѣчнаго юноши, какимъ онъ сошелъ въ преждевременную могилу!»...

159. МОЛИТВА ЛЕЙБ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

См. дальше статью о приписываемыхъ П. стихахъ.

160. КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

См. тамъ же.

161. ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

«Другу отъ друга»—собственно, не заглавіе стихотворенія, а надпись, сдѣланная Пушкинымъ на первомъ бѣломъ листѣ переплетеннаго экземпляра поэмы Вольтера «Pucelle d'Orléans», подаренной П. П. Кривцову, который уѣзжалъ въ 1818 г. въ Лондонъ на дипломатическую службу и съ которымъ Пушкинъ не могъ лично проститься, потому что былъ боленъ. Самое же стихотвореніе, присланное вмѣстѣ съ книжкой, было написано на отдѣльномъ листкѣ и только впослѣдствіи вклеено Кривцовымъ въ книжку. Этотъ экземпляръ «Pucelle» съ автографомъ Пушкина перешелъ къ дочери Кривцова, Софьѣ Николаевнѣ Батюшковой и хранится теперь въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Напечатано оно впервые въ посмертномъ изданіи (т. IX, стр. 472), съ измѣненіями и пропусками. Въ настоящемъ изданіи печатается согласно автографу.

«Библія харитъ», эта «книжка славная, золотая, несравненная», была давно и хорошо знакома Пушкину: въ первый разъ она упоминается въ его стихотвореніяхъ въ 1815 г. («Бова»); но, вѣроятно, онъ читалъ ее еще раньше, въ отцовской библіотекѣ. Въ Лицеѣ и позже—въ томъ кругу молодыхъ «вольнодумцевъ», въ которомъ вращался поэтъ по окончаніи учебнаго курса, поэма Вольтера пользовалась неувядающей популярностью. Какъ прежде ею восторгались «отцы», даже такіе строгіе и «нашудренные», какъ напр. Херасковъ, не говоря уже о Радищевѣ, такъ теперь ею зачитывались «дѣти». Въ извѣстной пѣснѣ Рылѣева и Бестужева: «Ахъ, гдѣ тѣ острова...» рисуется счастливое общество,

Гдѣ читаютъ «Pucelle»
И летятъ подъ постель
Святцы.

Пушкинъ, при своей выдающейся памяти, конечно, зналъ, наизусть многія мѣста поэмы Вольтера—и не разъ «молился» по ней «своей Венерѣ». Слѣды ея вліянія не разъ мелькаютъ передъ нами въ раннихъ созданіяхъ поэта, особенно—въ «Русланѣ», а впослѣдствіи, въ уединеніи своей вынужденной деревенской жизни, онъ задумываетъ даже ея переводъ, не поднимавшійся, впрочемъ, дальше первыхъ строкъ вступленія...

Но, помимо своего чисто-литературнаго значенія, «Дѣвственница» Вольтера имѣла для Пушкина и его сверстниковъ еще и другое значеніе—политическое: религіозное вольнодумство Вольтера и Парни было несомнѣнно противовѣсомъ противъ того неудержимаго мракобѣсія, которымъ охвачены были въ концѣ второго десятилѣтія XIX вѣка наши правящія сферы, выдвинувшія дѣятелей въ родѣ Серафимовъ, Фотіевъ, Магницкихъ, «библистовъ» и т. п. Если въ XVIII столѣтіи «вольтерьянство» было для образованныхъ русскихъ людей интересной и пикантной новостью, которою не могъ не увлекаться и не удержался, чтобы не похвастаться, самъ оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, то въ началѣ XIX столѣтія оно явилось уже общественнымъ протестомъ. Онъ былъ какъ бы обязательнымъ для той либеральной молодежи, которая, мечтая о политическихъ преобразованіяхъ въ духѣ «свободной Англіи», съ негодованіемъ видѣла въ «руководящихъ» сферахъ только

украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ
И мистика придворнаго кривлянья.

Въ этихъ общественныхъ условіяхъ кроется, конечно, главная причина запоздалаго успѣха у насъ Вольтера и Парни, «Дѣвственницы» и «Гавріліады»...

П. Морозовъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ КРИВЦОВЪ (1791—1843).

Николай Ивановичъ Кривцовъ родился въ 1791 году въ Болховскомъ уѣздѣ, Орловской губерніи, въ родовомъ имѣніи своихъ родителей, «Тимоѳеевскомъ». Получивъ весьма поверхностное домашнее образованіе, онъ былъ опредѣленъ въ корнеты лейбъ-егерскаго полка, стоявшаго въ то время въ Петербургѣ, и принималъ участіе въ отечественной войнѣ. Въ битвѣ подъ Бородиномъ онъ былъ раненъ въ руку, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Москву, гдѣ его помѣстили вмѣстѣ съ непріятельскими офицерами въ лазаретѣ Воспитательнаго Дома.

Наполеонъ, искавшій въ то время посредниковъ для переговоровъ съ имп. Александромъ, обратился черезъ Коленкура къ П. П., думая сдѣлать его своимъ парламентеромъ. Однако, изъ личной бесѣды съ Кривцовымъ Наполеонъ убѣдился, что П. П. не сможетъ удачно исполнить миссію, предназначавшуюся для него.

ВОЛЬТЕРЪ.

Рисунокъ Пушкина (позднѣйшій).

161. ДРУГУ ОТЪ ДРУГА.

Когда сожмешь ты снова руку
Которая тебѣ даритъ
На скучной путь и на разлуку,
Святую Библію Харитъ?
Амуръ нашелъ ее въ Цитерѣ
Въ Архивѣ шалости младой.
По ней молись своей Венерѣ
Благочестивою душой—
Прости, Эпикурееца мой!
Останься вѣкъ, каковъ ты нынѣ:
Лети во мрачной Альбіонъ!—
Да сохранятъ тебя въ чужбинѣ
Христосъ и вѣрной Купидонъ!
Песи въ чужой предѣлъ Пената,
Но помня прежни дни свои,
Люби недѣйственнаго Брата,
Страдальца чувственной любви!

Марта 2. А. П.

Годъ спустя (16 августа 1813 г.), Н. И., уже совершенно оправившійся отъ раны, участвовалъ въ битвѣ подъ Кульмомъ, въ которой у него оторвало ногу [1]). Тяжко страдая, онъ долго лѣчился въ Прагѣ, но не отсталъ отъ арміи, испросивъ у имп. Александра разрѣшеніе слѣдовать за ней [2]).

Въ 1815 г. Кривцовъ прибылъ въ Парижъ, вскорѣ послѣ взятія его союзными войсками; здѣсь онъ жилъ въ одномъ домѣ съ воспитателемъ императ. Александра, Лагарпомъ, который полюбилъ умнаго и живого молодого человѣка и отрекомендовалъ его государю [3]).

Физическій недостатокъ лишилъ Кривцова возможности продолжать военную службу; будучи еще въ 1815 г. переведенъ въ армію подполковникомъ и причисленъ къ свитѣ государя, вскорѣ онъ перемѣнилъ военное поприще на гражданское, оставшись, по заключеніи мира, при русскомъ посольствѣ въ Парижѣ.

Сознавая недостаточность своего образованія, Кривцовъ всячески старался пріобрѣсти познанія, которыя могли бы его сдѣлать полезнымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ.

Пребываніе на Западѣ уже само по себѣ расширило кругозоръ молодого инвалида; но Кривцовъ не ограничился однимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ западной жизнью, а постарался глубже вникнуть въ бытовыя и экономическія условія тѣхъ государствъ, которыя ему пришлось посѣтить. Онъ побывалъ въ Германіи, Австріи, Бельгіи, Англіи и Франціи, заводилъ, гдѣ только было возможно, полезныя знакомства, входилъ въ сношенія съ представителями науки и литературы и слушалъ лекціи по различнымъ отраслямъ знанія.

Въ дневникѣ Кривцова начатомъ въ 1814 году и доведенномъ до 1817 года, сохранилось много цѣнныхъ данныхъ для характеристики слагавшагося міросозерцанія молодого человѣка, сумѣвшаго трезво взглянуть на окружающую его дѣйствительность и запастись полезными знаніями.

Онъ «не только восторгался красотами и образованнымъ бытомъ тѣхъ странъ, черезъ которыя довелось ему ѣхать,—разсказываетъ Б. И. Чичеринъ,—пытливый умъ его вникалъ во всѣ хозяйственныя подробности: онъ осматривалъ фабрики, различныя заведенія, собиралъ самыя точныя свѣдѣнія и все записалъ въ свой дневникъ. Въ Женевѣ и Парижѣ онъ слушалъ лекціи психологіи, физики, политической экономіи, литературы, права, сближался съ замѣчательными людьми, много читалъ, учился англійскому языку».

Дольше всего пробылъ Кривцовъ въ Парижѣ, гдѣ сошелся съ Шатобріаномъ, аббатомъ Грегуаромъ, съ публицистами Коттъ и Дюнойе, съ литераторомъ Андріе и съ Жанъ-Батистомъ Сей [1]).

Во Франціи же сложился тотъ образъ мыслей Кривцова, за который на родинѣ его причислили къ «вольтерьянцамъ» и окрестили «якобинцемъ».

Онъ, дѣйствительно, не былъ чуждъ передовыхъ идей Запада, и съ его живымъ умомъ, чуждымъ предразсудковъ, съ его характеромъ, не терпѣвшимъ никакихъ преградъ, онъ могъ быть, не безъ основанія, причисленъ къ «якобинцамъ», въ русскомъ значеніи этого слова [2]).

Кривцовъ возвратился въ Россію въ 1817 г. и вскорѣ сталъ своимъ человѣкомъ какъ въ московскихъ, такъ и въ петербургскихъ литературныхъ кружкахъ. Онъ познакомился съ Н. М. Карамзинымъ, съ В. А. Жуковскимъ, съ кн. П. А. Вяземскимъ, съ А. И. Тургеневымъ, съ П. П. Дмитріевымъ и со всей семьей С. Л. Пушкина. Съ А. С. Пушкинымъ Кривцовъ познакомился лѣтомъ 1817 г., вскорѣ послѣ того, какъ поэтъ окончилъ царскосельскій Лицей. Хотя Онъ былъ почти на десять лѣтъ старше Пушкина, это не помѣшало ему быстро подружиться съ поэтомъ и остаться навсегда его пріятелемъ.

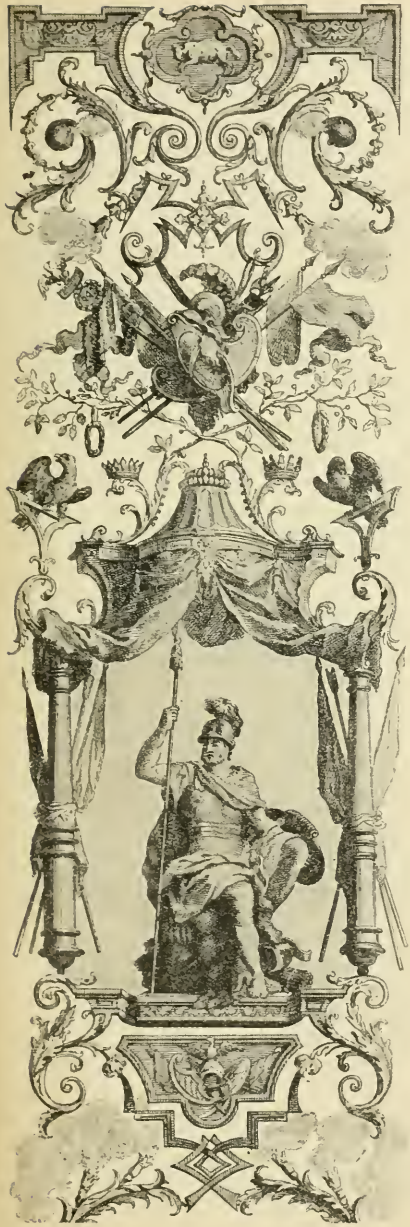
Послѣ первой же встрѣчи съ Пушкинымъ, Кривцовъ оцѣнилъ дарованіе поэта и его блестящій умъ.

28 іюня 1817 г. онъ отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ то впечатлѣніе, которое произвелъ на него «молодой Пушкинъ». «Le soir,—говоритъ Кривцовъ,—je fus chez le Tourguéneff ou il y avait le jeune Pouchkine rempli d'esprit et prometant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment» [3]).

Уже въ декабрѣ того же года Пушкинъ пишетъ стихотвореніе—Кривцову («Не пугай насъ, милый другъ» № 158) въ которомъ называетъ его «милымъ другомъ» и,

[1]) В. Гаевскій, Пушкинъ и Кривцовъ. В. Е. 1887 г., кн. 12, стр. 451.
[2]) Я. И. Сабуровъ. Р. Ст., т. LX. стр. 722.
[3]) ibid.

[1]) Б. Чичеринъ. «Изъ воспомин.». Русск. Арх. 1890 г., тетр. 4, стр. 502—503.
[2]) Ibid., стр. 503.
[3]) В. Гаевскій. Пушк. и Кривц. В. Евр. 1870, кн. 12, стр. 455.



162. СКАЗКИ.

(Noël).

Ура! въ Россію скачетъ
Кочующій деспотъ,
Спаситель горько плачетъ,
А съ нимъ и весь народъ.
Марія въ хлопотахъ Спасителя стращаетъ:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вотъ бука, бука—русскій царь!»
Царь входитъ и вѣщаетъ:
Узнай народъ россійскій,
Что знаетъ цѣлый міръ:
И прусскій и австрійскій
Я сшилъ себѣ мундиръ.
О радуйся, народъ: я сытъ, здоровъ и тученъ;
Меня газетчикъ прославлялъ;
Я ѣлъ, и пилъ, и обѣщалъ—
И дѣломъ не измученъ.
«Узнай еще въ прибавку,
Что сдѣлаю потомъ:
Лаврову дамъ отставку,
А Сопа—въ жолтый домъ;
Законъ поставлю на мѣсто вамъ Горголи
И людямъ всѣ права людей,
По царской милости моей,
Отдамъ изъ доброй воли».
Отъ радости въ постелѣ
Запрыгало дитя:
«Неужто въ самомъ дѣлѣ?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «бай, бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть бы наконецъ,
Послушавши, какъ царь-отецъ
Разсказываетъ сказки!»

видимо, даетъ отповѣдь его пессимистическому настроенію.

Въ началѣ слѣдующаго года Кривцовъ получилъ службу при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ и вновь долженъ былъ покинуть Россію. Пушкинъ, едва оправившійся отъ горячки, отправилъ отъѣзжавшему другу поэму Вольтера «Pucelle», вмѣстѣ съ стихотворнымъ посланіемъ, въ которомъ прощался съ пріятелемъ, просилъ его остаться такимъ, какимъ онъ былъ, и сохранить прежнія чувства къ нему, поэту, «недѣйственному брату, страдальцу чувственной любви».

Во время своего пребыванія въ Англіи Н. И. переписывался съ Пушкинымъ, но изъ этой переписки сохранилось только одно письмо поэта изъ Михайловскаго, писанное въ 1819 году [1]); въ немъ Пушкинъ спрашиваетъ «жителя свободной Англіи» помнитъ ли онъ, «что есть на свѣтѣ Псковская губернія», и признается, что «каждый день груститъ» о друзьяхъ. «Я не люблю писать,—заключаетъ свое письмо Пушкинъ:—языкъ и голосъ едва достаточны для выраженія нашихъ мыслей и чувствъ, а перо еще глупѣе, такъ глупо, такъ медленно; письмо не можетъ замѣнить разговора. Какъ бы то ни было, я виноватъ, знавши, что мое письмо можетъ на минуту напомнить тебѣ о нашей Россіи, о вечерахъ у Тургенева и Карамзина, и не исполнивъ дружескаго долга».

Между тѣмъ въ Англіи сказался тотъ неуравновѣшенный характеръ Кривцова, который вынудилъ его впослѣдствіи совершенно оставить государственную дѣятельность и еще молодымъ человѣкомъ уединиться въ деревенской глуши.

Мы не знаемъ, изъ-за чего Кривцовъ не поладилъ съ кн. Лиевеномъ, русскимъ посломъ въ Англіи, но онъ и двухъ лѣтъ не пробылъ въ Лондонѣ, возвратившись въ Петербургъ въ половинѣ 1820 г.

Однако, уже кратковременное пребываніе въ Англіи наложило печать на образъ мыслей Кривцова. Онъ ревностно сталъ изучать англійскія учрежденія, въ особенности административныя, окончательно влѣпился англійскимъ бытомъ, «жизнью въ замкахъ, которая казалась ему идеаломъ частнаго существованія» [2]). Въ Россію возвратился онъ ярымъ англоманомъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Н. И. женился на Екатеринѣ Осодоровнѣ Вадковской, внучкѣ гр. Н. Г. Чернышева, и исходатайствовалъ у императора, знавшаго его лично, различныя милости: «сто тысячъ въ заемъ безъ залога... и мѣсто губернатора на выборъ» [1]).

Въ 1823 г. Кривцовъ получилъ должность тульскаго губернатора.

Его познанія, опытность и нравственныя качества, несомнѣнно, являлись залогомъ его полезной дѣятельности на новомъ поприщѣ, но раздражительность, необузданность нрава, неумѣнье ужиться съ людьми, наконецъ, различныя случайныя обстоятельства не дали Кривцову возможности осуществить свои благія намѣренія.

Въ Тулѣ онъ сталъ заводить порядки и кое въ чемъ успѣлъ, но перессорился съ дворянствомъ и высѣкъ почтмейстера, который отказался дать ему лошадей, приготовленныхъ для государя [2]). Было начато дѣло, и англомана на русской подкладкѣ перевели «для поправленія губерніи» въ Воронежъ. Здѣсь, однако, онъ попалъ въ среду ябедниковъ, взяточниковъ и крючкотворцевъ и, благодаря своей прямотѣ и честности, немилуемо долженъ былъ столкнуться съ своими подчиненными.

Въ его губерніи завязалась какая-то тяжба. «Одинъ изъ тяжущихся,—разсказывали братья Н. И.,—былъ совершенно правъ. Кривцовъ увѣрялъ его, что его дѣло не можетъ быть проиграно. Тѣмъ не менѣе онъ проигралъ и пошелъ жаловаться губернатору. «Какъ, вскричалъ Кривцовъ, я только вчера подписалъ его въ вашу пользу!» Онъ немедленно поѣхалъ въ присутствіе и узналъ, что черновое рѣшеніе дѣйствительно было въ пользу того человѣка, но при переписке и снятіи копіи чиновники измѣнили рѣшеніе, а Кривцовъ, ничего не подозрѣвая, подписалъ. Взбѣшенный губернаторъ разорвалъ журналъ и уѣхалъ домой»... [3]).

«Чиновники составили протоколъ, въ которомъ свидѣтельствовали, что губернаторъ передъ зеркаломъ позволилъ себѣ неприличныя выраженія, объясняя это сумасшествіемъ» [4]).

По всей вѣроятности, чиновники надѣялись на поддержку генералъ-губернатора

1 Академич. изд. переписки поэта рец. В. И. Сантова, т. I, стр. 10.

2 Б. Чичеринъ. Рус. Арх. 1890, т. 4, стр. 503.

1 Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. Спб. 1866 г., стр. 293.

2 Я. И. Сабуровъ. Р. Ст., т. LX, стр. 722.

3 Рус. Арх. 1864 г., стр. 976 «Два письма Пушкина къ И. И. Кривцову».

4 Б. Чичеринъ. «Изъ воспомин.». Рус. Арх. 1890 г., тетр. 4, стр. 504 и сл.

163. МЕЧТАТЕЛЮ.

Ты въ страсти горестной находишь наслажденье;
Тебѣ пріятно слезы лить,
Напраснымъ пламенемъ томить воображенье
И въ сердцѣ тихое уныніе таить;
Повѣрь, не любишь ты, неопытный мечтатель.
О если бы тебя, унылыхъ чувствъ искатель,
Постигло страшное безуміе любви;
Когда бъ весь ядъ ея кипѣлъ въ твоей крови;
Когда бы въ долгіе часы безсонной ночи,
На ложѣ медленно терзаемый тоской,
Ты звалъ обманчивый покой,
Вотще смыкая скорбны очи,
Покровы жаркіе рыдая обнималъ
И сохнулъ въ бѣшенствѣ безплоднаго желанья:
Повѣрь, тогда бъ ты не питалъ
Неблагодарнаго мечтанья.
Нѣтъ, нѣтъ: въ слезахъ упавъ къ ногамъ
Своей любовницы надменной,
Дрожащій, блѣдный, изступленной,
Тогда бъ воскликнулъ ты къ богамъ:
Отдайте, боги, мнѣ разсудокъ омраченный,
Возмите отъ меня сей образъ роковой;
Довольно я любилъ; отдайте мнѣ покой!...
Но мрачная любовь и образъ незабвенный
Остались вѣчно бы съ тобой.

Балашева, о неладахъ Кривцова съ которымъ они были хорошо освѣдомлены.

Начато было слѣдствіе и Кривцова перевели губернаторомъ въ Нижегородскую губернію.

Дѣло рѣшилось не въ пользу Кривцова. Онъ былъ отставленъ отъ губернаторства и причисленъ къ департаменту герольдіи. Оскорбленный такой несправедливостью и лишившись своего защитника въ лицѣ имп. Александра, Кривцовъ вышелъ въ отставку и уже больше не возвращался къ государственной дѣятельности.

Всю остальную часть своей жизни онъ провелъ въ имѣніи «Любичахъ», Кирсановскаго уѣзда, Тамбовской губерніи, лишь изрѣдка пріѣзжая въ столицу, гдѣ въ 1834 году послѣ долгой разлуки вновь встрѣтился съ А. С. Пушкинымъ и жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ на Гагаринской набережной [1]).

Во время губернаторства Кривцова въ Тулѣ и Воронежѣ Пушкинъ находился въ ссылкѣ на югѣ Россіи.

Въ годы своего «изгнанія» поэтъ не разъ вспоминалъ своего пріятеля, слухи о которомъ доходили до него.

Изъ Одессы въ концѣ декабря 1823 года Пушкинъ освѣдомляется въ своемъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому о томъ, что дѣлаетъ Кривцовъ, бывшій въ то время воронежскимъ губернаторомъ, и говоритъ, что «его превосходительство могъ бы ему аукнуть» [2]).

Изъ Михайловскаго, въ октябрѣ 1824 г. онъ посылаетъ письмо Кривцову въ которомъ сообщаетъ ему, что пишетъ къ нему, не впервые, но, очевидно, письма не доходили по назначенію; тутъ же поэтъ сообщаетъ, что о П. П. доходятъ до него темные слухи, спрашиваетъ его, «правдали, что онъ сталъ аристократомъ (очевидно, намекая на англоманство, не понравившееся воронежскому дворянству), и проситъ его не забывать «демократическихъ друзей 1818 года».

«Всѣ мы разбрелись,—заключаетъ свое письмо Пушкинъ.—Всѣ мы измѣнились. О дружба, дружба!» [3]).

Не задолго до своей свадьбы Пушкинъ получилъ отъ кн. П. А. Вяземскаго письмо Кривцова, писанное имъ еще въ 1824 году.

Прошлое, которому приходилось подводить итогъ въ преддверіи новой жизни, вновь воскресло въ памяти Пушкина. Онъ послалъ старому пріятелю своего «Бориса Годунова» и написалъ грустное письмо, являющееся послѣднимъ, по времени, дошедшимъ до насъ.

Въ этомъ письмѣ поэтъ проситъ стараго друга, баловавшаго первые его опыты, быть благосклоннымъ къ произведеніямъ «болѣе зрѣлымъ»; говоритъ о томъ, что нынѣшнею осенью (1831 г.) былъ недалеко отъ него (въ с. Болдинѣ), но что карантины помѣшали ему свидѣться съ нимъ.

«Богъ вѣдаетъ, когда и гдѣ судьба сведетъ насъ опять, пишетъ далѣе Пушкинъ. Мы не такъ-то легки на подъемъ. Ты безъ ноги, а я женатъ или почти. Все, что бы ты могъ сказать мнѣ въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго... Будущность является мнѣ не на розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня. Онѣ входятъ въ мои домашніе расчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью. У меня сегодня spleen. Прерываю письмо мое, чтобы тебѣ не передать моей тоски» [4])...

Пріятели, какъ было сказано, увидѣлись въ 1834 году въ Петербургѣ, куда пріѣхалъ Кривцовъ.

Черезъ три года не стало поэта.

Послѣдніе годы своей жизни П. П. провелъ въ Любичахъ, окруженный интереснымъ и пріятнымъ для него сосѣдствомъ. Умеръ онъ въ 1843 году и погребенъ въ Любичахъ, въ часовнѣ, выстроенной имъ самимъ въ открытомъ полѣ.

О Ник. Ив. Кривцовѣ ср.: Б. Н. Чичеринъ. Изъ воспоминаній. Р. Арх. 1890 т. 4 стр. 501—525; В. Гаевскій, «Пушкинъ и Кривцовъ» В. Е. 1887 г. кн. 12, стр. 453—463; «Два Письма Пушкина къ П. П. Кривцову». Р. Арх. 1864 г., стр. 972—976; Пушкинъ и Скобельцынъ. Ист. Вѣстн. 1880 г. № 6 стр. 391.; Я. П. Сабуровъ, «П. П. Кривцовъ». Р. Ст. т. LX, стр. 721—730.; Полное собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго. Спб. 1883 г. т. VIII, стр. 265—268; Письма Н. М. Карамзина къ П. П. Дмитріеву. Спб., 1866 г. Остафьевскій архивъ кн. Вяземскихъ. Спб. 1899 г. т. I.

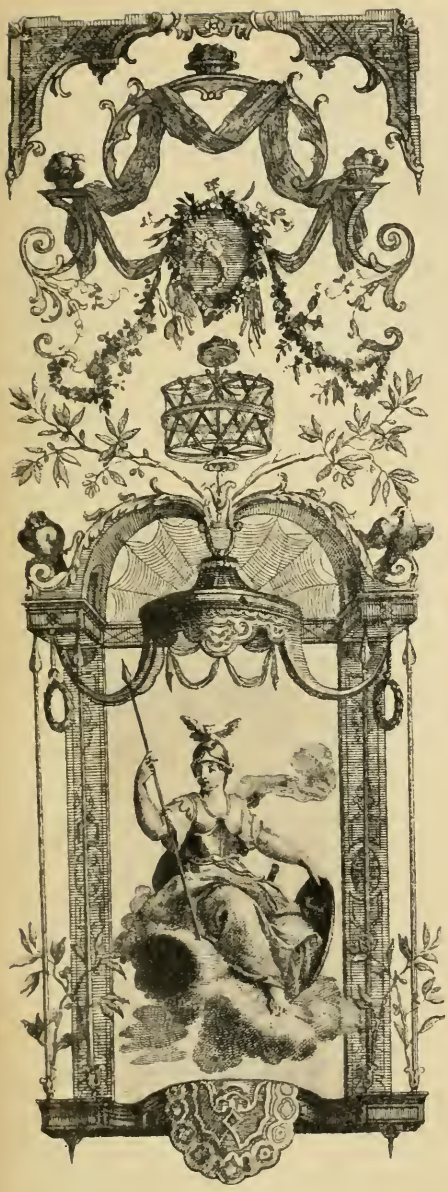
Г. Карасикъ.

1) Пушкинъ и Скобельцынъ. Ист. Вѣстн. 1880, № 6 стр. 391.

2) Академ. изд. переписки, т. I, стр. 93.

3) ibid. стр. 135.

4) ibid стр. 392.



164. ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Тебя ль я видѣлъ, милый другъ?
Или невѣрное то было сновидѣнье,
Мечтанье смутное, и пламенный недугъ
Обманомъ волновалъ мое воображенье?
Въ минуты мрачныя болѣзни роковой,
Ты ль, дѣва нѣжная, стояла надо мной
Въ одеждѣ воина съ человѣкостью пріятной?
Такъ, видѣлъ я тебя; мой тусклый взоръ узналъ
Знакомыя красы подъ сей одеждой ратной:
И слабымъ шопотомъ подругу я назвалъ...
Но вновь въ умѣ моемъ тѣснились мрачны грезы:
Я слабою рукой искалъ тебя во мглѣ...
И вдругъ я чувствую твое дыханье, слезы
И влажный поцѣлуй на пламенномъ челѣ...
Безсмертные, съ какимъ волненьемъ
Желанья, жизни огнь по сердцу пробѣжалъ!
Я закипѣлъ, затрепеталъ:
И скрылась ты прелестнымъ привидѣньемъ.
Жестокій другъ, меня томишь ты уноснемъ:
Приди, меня мертвитъ любовь!
Въ молчаньи благосклонной ночи
Явись, волшебница: пускай увижу вновь
Подъ грознымъ киверомъ твои небесны очи,
И плащъ, и поясъ боевой,
И бранной обувью украшенныя ноги...
Не медли, поспѣшай, прелестный воинъ мой
Приди, я жду тебя: здоровья даръ благой
Мнѣ снова ниспослали боги,
А съ нимъ и сладкія тревоги
Любви таинственной и шалости младой.

---

162. СКАЗКА.

Noël).

Подлинная рукопись этого стихотворенія неизвѣстна. Оно печаталось, съ разныхъ списковъ, въ заграничныхъ изданіяхъ, а въ послѣднее время и въ русскихъ. Напечатано впервые въ лондонской «Полярной Звѣздѣ» 1859 г., ч. V, стр. 20. Въ Россіи цѣликомъ Noël появляется въ настоящемъ изданіи въ первый разъ.

По своему содержанію Noël представляетъ подражаніе французскимъ рождественскимъ пѣсенкамъ сатирическаго характера и вмѣстѣ съ тѣмъ является первымъ по времени политическимъ стихотвореніемъ Пушкина, если считать, что ода «Вольность» относится не къ 1817, а къ 1819 г., о чемъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Пушкинъ насмѣшливо относится къ постояннымъ разъѣздамъ Александра I (извѣстна приписываемая нашему поэту позднѣйшая эпиграмма: «Всю жизнь провелъ въ дорогѣ — и умеръ въ Таганрогѣ»), далѣе упоминаетъ о приверженности государя къ Священному Союзу («И прусскій, и австрійскій я сшилъ себѣ мундиръ») и сатирически сопоставляетъ съ реакціонными основами этого Союза тѣ либеральныя конституціонныя обѣщанія, какія даны были въ тронной рѣчи 15/27 марта 1818 г. въ Варшавѣ, при открытіи перваго сейма Царства Польскаго, не только въ отношеніи Польши, но и въ отношеніи всей Имперіи. «Образованіе, существовавшее въ вашемъ краю»,—сказано было въ этой достопамятной рѣчи,—«дозволяло Мнѣ ввести немедленно то, которое Я вамъ даровалъ, руководствуясь правилами законно-свободныхъ учрежденій, бывшихъ непрестанно предметомъ Моихъ помышленій, и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь Я, при помощи Божіей, распространить и на всѣ страны. Провидѣніемъ вѣренныя. Такимъ образомъ, вы мнѣ подали средство явить Моему отечеству то, что Я уже съ давнихъ лѣтъ ему приуготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости».

Эта рѣчь произвела въ свое время сильное впечатлѣніе въ Европѣ и въ Россіи. Брюссельскій журналъ «Le Vrai Libéral» писалъ, а нашъ «Вѣстникъ Европы» повторялъ съ его словъ, что она «возбуждаетъ движеніе гнѣва въ ненавистникахъ просвѣщенія и благородства душевнаго. Они трепещутъ при мысли о томъ, что обладатель 50-ти милліоновъ съ высоты престола своего вѣщаетъ о законно-свободныхъ мысляхъ и уставахъ, какъ объ основаніи главныхъ законовъ государства. Можно надѣяться, что примѣру сему будутъ слѣдовать и въ Германіи, гдѣ народъ уже довольно созрѣлъ для подобныхъ уставовъ». Сперанскій писалъ изъ Пензы А. А. Столыпину: «Вамъ, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣ припадки страха и унынія, коими поражены умы московскихъ жителей варшавскою рѣчью. Припадки сіи, увеличенные разстояніемъ, проникли и сюда. И хотя теперь все еще здѣсь спокойно, но за спокойствіе сіе долго ручаться невозможно... Если помѣщики—классъ людей, безъ сомнѣнія, просвѣщеннѣйшій, ничего болѣе въ сей рѣчи не видятъ, какъ свободу крестьянъ, то какъ можно требовать, чтобъ народъ простой могъ что-либо другое тутъ видѣть?...» Лицейскій наставникъ Пушкина, Куницынъ, напечаталъ въ «Сынѣ Отечества» (1818, № 18) статью «О конституціяхъ», въ которой, между прочимъ, указывалъ, что мы не только теперь начинаемъ помышлять о «свободныхъ понятіяхъ», но уже давно о нихъ помышляли, и въ доказательство своей мысли ссылался на древнія вѣча, боярскія думы, судъ присяжныхъ и т. п. Съ другой стороны, Карамзинъ, ближе знавшій натуру Александра и потому скептически относившійся къ либеральнымъ толкамъ, писалъ Дмитріеву: «Варшавскія рѣчи сильно отозвались въ молодыхъ сердцахъ: слятъ и видятъ конституцію; судятъ и рядятъ; начинаютъ и писать... Иное уже вышло, иное готовится. И смѣшно, и жалко! Пусть молодежь тѣшится: мы улыбаемся». Отраженіемъ того же скептическаго взгляда на либеральныя обѣщанія является и пѣсенка Пушкина.

Въ третьей строфѣ стихотворенія упомянуто три лица, хорошо извѣстныя тогдашнему Петербургу: Лавровъ, Соцъ и Гоголи. Иванъ Павловичъ Лавровъ былъ директоромъ исполнительнаго департамента въ министерствѣ полиціи; Василій Ивановичъ Соцъ занималъ должность секретаря въ особомъ цензурномъ комитетѣ при томъ же министерствѣ; Иванъ Саввичъ Гоголи (1770—1862) былъ въ 1811—1821 гг. с.-петербургскимъ оберъ-полиціймейстеромъ.

Пѣсенка Пушкина, наряду съ другими его политическими стихами, въ свое время «предрѣвшими печать», быстро распростра-

165. ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

Къ чему нескромнымъ симъ уборомъ,
Умильнымъ голосомъ и взоромъ
Младое сердце распалять
И тихимъ, сладостнымъ укоромъ
Къ побѣдѣ легкой вызывать?
Къ чему обманчивая нѣжность,
Стыдливости притворный видъ,
Движеній томная небрежность,
И трепетъ устъ и жаръ ланитъ?
Напрасны хитрыя старанья:
Въ порочномъ сердцѣ жизни нѣтъ...
Невольный хладъ негодованья
Тебѣ мой роковой отвѣтъ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владѣлъ во тмѣ почной?
Скажи: у двери оцѣпенной
Твоей обители презрѣнной
Кто смѣлой не стучалъ рукой?
Нѣтъ, нѣтъ, другому свой завялый
Неси, прелестница, вѣнокъ:
Ласкай неопытный порокъ,
Въ твоихъ объятіяхъ усталый;
Но гордый замыселъ забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь.
Неси другимъ наемны узы,
Своей любви постыдный торгъ,
Корысти хладныя лобзанья
И принужденныя желанья,
И златомъ купленный восторгъ!

пилась по всей грамотной Россіи. По свидѣтельству декабриста П. Д. Якушкина, «въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи, который бы не зналъ ихъ наизусть». «Noël», по словамъ того же современника, «распѣвали чуть не на улицѣ». Тѣмъ страннѣе кажется, что до насъ дошелъ одинъ только этотъ «Ноэль», между тѣмъ какъ, по указаніямъ современниковъ, да—косвенно—и самого Пушкина, ихъ написано было нѣсколько. Арк. Родзянко, въ сохранившихся двухъ стихахъ изъ пасквиля на Пушкина, прямо говоритъ:

... всѣ его права: иль два иль три Ноэля...

«Noël» приписывался князю П. А. Вяземскому («Русск. Архивъ» 1902 г., III, 365). О «Noël»'ѣ, приписывавшемся кн. Д. П. Горчакову, см. выше, стр. 184, 186; см. также «Щукинскій Сборникъ», ч. II, стр. 260—262.

Пушкинъ, въ декабрѣ 1824 г., писалъ брату Льву изъ Михайловскаго, что въ письмѣ, пересланномъ черезъ сосѣда по имѣнію Рокотова, была вложена «святочная нѣсенка», о судьбѣ которой поэтъ безпокоился: «Вѣтреный юноша Рокотовъ можетъ затерять, а мнѣ чуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons»... Конечно, тутъ рѣчь идетъ не о «Ноэлѣ» 1818 г., который давнымъ-давно и хорошо былъ извѣстенъ Л. С. Пушкину, а о какой-то новой нѣсенкѣ, можетъ быть, и не Пушкина, которую затерялъ Рокотовъ вмѣстѣ съ порученнымъ ему письмомъ. Какъ бы то ни было, кромѣ одного «Ноэля» 1818 г. мы не знаемъ другихъ стихотвореній Пушкина въ этомъ родѣ.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ поэтъ говоритъ, что онъ «подсвистывалъ Александру до самаго гроба». Эти подсвистыванія выражались въ эпиграммахъ, изъ которыхъ несомнѣнно принадлежащею Пушкину считается только одна, относимая къ 1824 году: «Воспитанный подъ барабаномъ». Графъ М. А. Корфъ, въ своей запискѣ о Пушкинѣ («Русск. Старина 1899, т. XCIX, стр. 306) приводитъ, со ссылкой на нѣмецкую книжку Treumund Welp (Pelz), Petersburger Skizzen (B., 184), еще одну эпиграмму, отчасти напоминающую основной мотивъ «Ноэля»:

Хотѣлъ издать Ликурговы законы—
И что же издалъ онъ? Лишь кантъ на панталоны.

Похожая на эту эпиграмма попадается, также съ именемъ Пушкина, и въ старинныхъ рукописныхъ сборникахъ:

Желали правъ они,—права имъ и даны:
Изъ узкихъ сдѣланы широкіе штаны.

О подобныхъ стихотвореніяхъ Пушкина П. В. Анненковъ («Пушкинъ», Спб., 1874, стр. 83—84) говоритъ: «Его оды, эпиграммы, посланія, особенно извѣстная нѣсенка, сильно распространенная въ оппозиціонныхъ кругахъ обѣихъ столицъ, слушались съ одобреніемъ и такими людьми, которые нисколько не сочувствовали ихъ духу и, конечно, при случаѣ не задумались бы показать автору самымъ ощутительнымъ образомъ, какъ далеко они расходятся съ его образомъ мыслей. Памфлеты Пушкина, видимо, составляли тогда для всѣхъ нѣчто въ родѣ запрещенной политической игры, за которой слѣдить позволялось только до извѣстнаго предѣла. Пушкину, однакожъ, казалась дѣятельность эта и важной, и почетной. Соблазнительными, но остроумными произведеніями отчасти эротической, а отчасти революціонной своей музы онъ устраивалъ себѣ какое-то особенное положеніе, создавалъ изъ себя какое-то подобіе силы, правда, ничтожной до крайности, ребячески-безпомощной и легко устранимой при первомъ движеніи противниковъ, но все же такой, мимо которой нельзя было долго проходить безъ вниманія...» Къ этой характеристикѣ слѣдовало бы еще прибавить, что памфлеты Пушкина являлись выраженіемъ личныхъ ощущеній поэта, отзывчиваго на факты окружавшей его жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отражали въ себѣ общее настроеніе не только ближайшаго къ нему дружескаго кружка, но и всей молодой Россіи. Справедливо замѣчаетъ уже цитированный нами выше П. Д. Якушкинъ, что поэтъ «вообще былъ отголоскомъ своего поколѣнія со всѣми его недостатками и со всѣми добродѣтелями. И вотъ, можетъ быть, почему онъ былъ поэтъ истинно народный, какимъ прежде не было въ Россіи».

П. Морозовъ.

163. МЕЧТАТЕЛЮ.

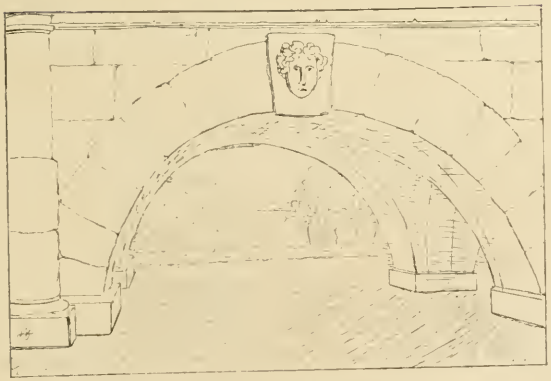
Пьеса эта извѣстна въ двухъ автографахъ поэта. Одинъ, черновой, находится въ хранящейся въ Московскомъ Румянцевскомъ музеѣ тетради № 2364 (л. 43); другой, исправленный,—въ тетради графа

166. ЖУКОВСКОМУ.

Когда, къ мечтательному міру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на колѣнахъ лиру
Нетерпѣливою рукой;
Когда смѣняются видѣнья
Передъ тобой въ волшебной мглѣ,
И быстрый холодъ вдохновенья
Власы подъемлетъ на челѣ:
Ты правъ, творишь ты *для немногихъ*,
Не для завистливыхъ судей,
Не для сбирателей убогихъ
Чужихъ сужденій и вѣстей,
Но для друзей таланта строгихъ,
Священной истины друзей.
Не всякаго полюбитъ щастье,
Не всѣ родились для вѣнцовъ.
Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ,
Кто наслажденіе прекраснымъ
Въ прекрасный получилъ удѣлъ
И твой восторгъ уразумѣлъ
Восторгомъ пламеннымъ и ясным!

167. ПОСЛУШАЙ, ДѢДУШКА.

Послушай, дѣдушка, мнѣ каждый разъ
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что если это проза,
Да и дурная?...



РИСУНОКЪ ЖУКОВСКАГО.
(*Арка въ Царскосельскомъ паркѣ*).

П. И. Капниста, съ помѣтой: «1818». Къ 1818 г. посланіе отнесено и въ плетневскомъ спискѣ стиховъ, предназначенныхъ для изданія 1826 г. Появилось оно впервые въ «Сынѣ Отечества» 1818 г., ч. 50, № 51, стр. 273, Пушкинъ подписалъ его сокращеннымъ арзамасскимъ прозвищемъ своимъ: «Св. ч. к.». (Сверчокъ). Затѣмъ Пушкинъ, исправивъ текстъ, перепечаталъ стихотвореніе въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг.; воспроизводимъ посланіе по этому послѣднему изданію. (Ср. дальше ст. о текстѣ).

Кому посвящено посланіе, неизвѣстно. П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина» (2-ое изд., 1873 г., стр. 241—242) разсказываетъ, что оно «вызвано было любовью одного молодого человѣка, утверждавшаго, что онъ не ищетъ взаимности и доволенъ чувствомъ своимъ. Пушкинъ не понималъ этого извороста сердца, ищущаго успокоенія въ обманѣ, и отвѣчалъ на него своимъ стихотвореніемъ». Нигдѣ Анненковъ не называетъ имени этого «мечтателя», и В. Е. Якушкинъ безъ достаточнаго основанія вставилъ въ слова Анненкова неупоминаемое біографомъ поэта имя Кюхельбекера (акад. изд. «Сочиненій П.», II, прим., 14). Неизвѣстно почему давно стали этимъ «мечтателемъ» считать Кюхельбекера; правда, что образъ «мечтателя» очень близокъ къ восторженной, экспансивной фигурѣ вѣчно горѣвшаго въ лирическомъ жару Кюхельбекера. Недаромъ въ 1825 г. Пушкинъ обращался къ нему:

Приди, огнемъ волшебнаго разсказа
Сердечныя преданья оживи;
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славѣ, о любви...

Ѳ. Е. Коршъ («Разборъ вопроса о подлинности окончанія «Русалки» по записи Д. П. Зуева», Спб., 1898 г., стр. 130) указалъ сходство перваго стиха разсматриваемаго посланія съ 337—338 стихами «Городка» (1814 г.):

И въ грусти томный духъ
Находитъ наслажденье.

Бѣлинскій называетъ эту пьесу «чисто-пушкинской», одною изъ тѣхъ, въ которыхъ виденъ уже зрѣлый талантъ.

Посланіе любопытно для характеристики Пушкина съ психологической стороны. Здоровый, пылкій юноша считалъ «любовной чепухою» то сладкое, томное, разслабляющее душу чувство, которое «мечтатель» выдавалъ за любовь. Въ любви для Пушкина было не «тихое уныніе», а «страшное безуміе», не «напрасный пламень» пріятныхъ слезъ, а настоящая душевная буря. Эти стихи говорятъ о проведенныхъ поэтомъ безсонныхъ, полныхъ тоски, мучительныхъ ночахъ. Въ нихъ слышится отголосокъ пережитыхъ сердечныхъ страданій.

Н. Лернеръ.

164. ВЫЗДОРОВЛЕНІЕ.

Подлинная пушкинская рукопись «Выздоровленія» сохранилась въ тетради, принадлежавшей графу П. И. Капнисту, гдѣ пьеса носитъ помѣту: «1818». Подъ этой же датою стоитъ она въ плетневскомъ спискѣ предназначенныхъ для изданія 1826 г. стихотвореній поэта («Переписка П.», ред. В. И. Саитова, т. I, Спб., 1906, стр. 293). Впервые появилась она въ изданіи 1826 г., стр. 10—11, а затѣмъ вошла въ изданіе 1829 г., ч. I, стр. 47—48. Одинъ старый списокъ «Выздоровленія» напечатанъ П. А. Ефремовымъ («Сочиненія П.», изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 120—121). Ср. о немъ въ статьѣ о текстѣ.

Пьеса отличается автобіографическимъ характеромъ. Въ пушкинскихъ наброскахъ предположенной въ 1826 г. статьи о П. М. Карамзинѣ встрѣчаемъ воспоминаніе Пушкина о перенесенной имъ въ 1818 г. болѣзни. «Я занемогъ гнилою горячкою. Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи; но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто; ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хотя это время года наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своей прелестью. Это было въ февралѣ 1818 г.». По словамъ П. В. Анненкова («Матеріалы для біографіи П.», Спб., 1873 г., стр. 41: «П. въ Александровскую эпоху», Спб., 1874 г., стр. 63), Пушкинъ былъ «на краю гроба, въ горячкѣ, по милости постоянныхъ возбужденій организма, не выдержан-

ЖУКОВСКІЙ.

Портретъ (рис. П. Соколовъ, грав. А. Флеровъ), приложенный къ «Вѣстн. Европы» 1817 г., № 20.

168. КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость.

шаго всей удали богатырскаго кутежа»,— «почти безъ надежды и приговоренный къ смерти докторами». П. И. Бартеневъ («Матеріалы для біографіи Пушкина», М., 1855 г., гл. 3-я, стр. 22) разсказываетъ, что «необходимо было употребить мѣры чрезвычайныя для его излѣченія. Придворный медикъ Лейтонъ сажалъ больного въ ванну со льдомъ». Въ февралѣ же Пушкинъ сталъ выздоравливать, о чемъ П. И. Дмитріевъ писалъ А. И. Тургеневу («Сочиненія» Дмитріева, Спб., 1898 г., II, 230). О болѣзни Пушкина писалъ также Батюшковъ Жуковскому («Сочиненія», Б., III, 488).

Бартеневымъ (ор. с., 25) было указано, что «Выздоровленіе» написано подъ вліяніемъ стихотворенія Батюшкова (1809 г.), носящаго то же заглавіе и напечатаннаго въ его «Опытахъ въ прозѣ и стихахъ». Дѣйствительно, нѣсколько стиховъ пушкинскаго «Выздоровленія» очень напоминаютъ эти стихи Батюшкова:

Но ты приближилась, о жизнь души моей,
И алыхъ устъ твоихъ дыханье,
И слезы пламенемъ сверкающихъ очей,
И поцѣлуевъ сочетанье,
И вздохи страстные, и сила милыхъ словъ
Меня изъ области печали,
Отъ Орковыхъ полей, отъ Леты береговъ
Для сладострастія призвали...

Въ данномъ случаѣ, конечно, нужно видѣть не подражаніе, а невольную реминисценцію, объясняющуюся тождественностью положеній героевъ обѣихъ пьесъ. Возможно, что больного Пушкина навѣстила какая-нибудь «вѣтреная Лаиса»; скрывшаяся отъ внимательныхъ очей родныхъ поэта подъ «одеждой ратной». Недаромъ онъ впослѣдствіи такъ весело вспоминалъ время своего выздоровленія. Но всего вѣроятнѣе, что странный образъ дѣвы «подъ грознымъ киверомъ», дѣйствительно, являлся поэту въ бреду. Вся пьеса пронизана свѣжимъ чувствомъ здоровой, юношеской радости бытія.

Бѣлинскій отнесъ «Выздоровленіе» къ числу тѣхъ «переходныхъ» пьесъ, въ которыхъ видитъ «поэтъ даровитый, но еще несамостоятельный, обѣщающій Пушкина, но еще не Пушкина».

Н. Лернеръ.

165. ПРЕЛЕСТНИЦѢ.

Впервые напечатано въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820, апрѣль, стр. 68—69, подъ заглавіемъ: «Къ прелестницѣ», и затѣмъ вновь внесено въ изданіе 1826 г. подъ нынѣшнимъ заглавіемъ.

Въ числѣ стихотвореній Баратынскаго имѣется однородное по содержанію и близкое по выраженіямъ посланіе «Дориднѣ» (напеч. въ «Новостяхъ Литературы» 1822):

Зачѣмъ нескромностью двусмысленныхъ рѣчей,
Руки всечасными пожиманьемъ,
Притворнымъ пламенемъ коварныхъ сихъ очей,
Для всѣхъ увлаженныхъ желаньемъ,
Знакомить юношей съ волненіемъ любви, и пр.

Это наводитъ на мысль о переводѣ съ какого-нибудь иностраннаго (вѣроятнѣе всего—французскаго) подлинника, которымъ пользовались оба поэта, но который намъ не удалось разыскать. По своему тону, это стихотвореніе не отвѣчаетъ другимъ обращеніямъ Пушкина къ «молодымъ красоткамъ», которыхъ онъ въ ту пору называлъ «Лаисами» и къ которымъ относился вообще гораздо снисходительнѣе. Такъ, напр., кромѣ извѣстныхъ стихотвореній «Выздоровленіе» и «Ольга, крестница Киприды», мы находимъ среди черновыхъ его набросковъ слѣдующіе стихи:

Лаиса, я люблю твой смѣлый взоръ,
Жаръ откровеннаго желанья,
И непрерывныя лобзанья,
И страсти полный разговоръ.
. . . . . .
Люблю твоихъ очей и вызовы нѣмые,
Восторги бурные, живые...

Несмотря на свое, казалось бы, правоучительное содержаніе, посланіе «Прелестницѣ», напечатанное къ тому же въ «Невск. Зрителѣ» съ пропускомъ 14-го и 15-го стиховъ, вызвало рѣзкую критику со стороны извѣстнаго Вас. Наз. Каразина, который, въ письмѣ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубею отъ 4 іюня 1820 г., указывалъ на это стихотвореніе, какъ на образецъ безнравственности современной молодежи: «Вообразите, что все это пишутъ и печатаютъ безстыдно не развратники, запечатлѣнные уже общимъ мнѣніемъ, но молодые люди, едва вышедшіе изъ царскихъ училищъ,—и подумайте о слѣдствіяхъ такого воспитанія!» (Русск. Стар. 1899, т. XCVIII, стр. 278—279).

П. Морозовъ.

LE BAISER.

Рисунокъ Пушкина, относящійся къ 1818 году (тетрадь Румянцевск. музея № 2364). Впервые воспроизводится въ настоящемъ изданіи.

166. ЖУКОВСКОМУ.

Посланіе не дошло до насъ въ автографѣ. Оно напечатано впервые въ «Сынѣ Отечества» 1821, № 52, подъ заглавіемъ: «Къ Ж.... По прочтеніи изданныхъ имъ книжекъ Для немногихъ». Подъ стихотвореніемъ не было подписи автора, а въ примѣчаніи было сказано: «Сочинитель не подписалъ своего имени, но кто не узнаетъ здѣсь того Поэта, который—въ такія лѣта, когда другіе еще учатся правиламъ стихотворства—сталъ на ряду съ нашими первоклассными Писателями?» При перепечаткѣ стихотворенія въ изданіи 1826 г. Пушкинъ исключилъ изъ него 5 стиховъ, а затѣмъ, въ изданіи 1829 г., отбросилъ еще 17. Первоначальную помѣщенную въ журналѣ редакцію стихотворенія см. дальше, въ статьѣ о текстѣ.

«Чудесный талантъ! Какіе стихи! Онъ мучитъ меня своимъ даромъ, какъ привидѣніе!»—писалъ Жуковскій, посылая кн. Вяземскому это посланіе (17 апрѣля 1818 года—«Стихи чертенка-племянника чудесно хороши», отвѣчалъ Вяземскій (25 апрѣля): «Въ дыму столѣтій! это выраженіе—городъ: Я все отдалъ бы за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ: не то, этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь ли, что Державинъ испугался бы дыма столѣтій? О прочихъ и говорить нечего». Любопытно, что Пушкинъ, при позднѣйшей (1829 г.) перепечаткѣ стихотворенія, выкинулъ изъ него не только это выраженіе, приводившее въ восторгъ Вяземскаго, но и вообще заключительные 17 стиховъ, въ которыхъ отражалось первое впечатлѣніе только что появившейся въ 1818 г. «Исторіи Государства Россійскаго». Это исключеніе сдѣлано было, вѣроятно, не столько потому, что взглядъ Пушкина на Карамзина успѣлъ уже измѣниться, сколько потому, что откинутая часть посланія, дѣйствительно, не имѣетъ непосредственной связи съ его началомъ и заключаетъ въ себѣ какой-то неясный призывъ, обращенный къ Жуковскому, искать вдохновенія въ русской исторіи и, въ частности,—въ томъ «свиткѣ геніевъ», какимъ представлялась юношѣ-поэту книга Карамзина. Для самого Пушкина время такого обращенія къ Карамзину наступило гораздо позже, семь лѣтъ спустя въ уединеніи деревенскаго житья, когда онъ задумалъ и быстро выполнилъ своего «Бориса Годунова»,—«сей трудъ, геніемъ Карамзина вдохновленный». Съ психологической стороны посланіе необыкновенно интересно изображеніемъ (въ первыхъ 8 стихахъ) творческаго процесса, какъ наблюдалъ его Пушкинъ, конечно, въ себѣ самомъ. Вспоминается геніальное описаніе въ «Египетскихъ ночахъ» поэтическаго экстаза, объявшаго итальянца-импровизатора, когда онъ почувствовалъ «приближеніе бога».

Книжки съ нѣмецкимъ и русскимъ заглавіемъ: «Для немногихъ—Für Wenige» издавались Жуковскимъ въ Москвѣ для великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Александры Ѳеодоровны, при которой онъ состоялъ учителемъ русскаго языка. Всѣхъ книжекъ издано было шесть, изъ которыхъ Пушкинъ, ко времени написанія своего стихотворенія, могъ видѣть только четыре. Онѣ состояли изъ стихотвореній нѣмецкихъ поэтовъ—въ подлинникахъ и въ стихотворныхъ переводахъ Жуковскаго en regard. Въ продажу эти книжки не поступали, печатались въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ и раздавались лишь «немногимъ»—избраннымъ лицамъ, чѣмъ объясняется и ихъ заглавіе. П. Морозовъ.

167. ПОСЛУШАЙ, ДѢДУШКА...

Пародія на начальные 4 стиха пьесы Жуковскаго «Тѣнь», напечатанной въ III книжкѣ «Для немногихъ»:

Послушай, дѣдушка: мнѣ каждый разъ,
Когда взгляну на этотъ замокъ Ретлеръ,
Приходитъ въ мысль: что, если то же случится
И съ нашей хижиной?

Въ печати шутка Пушкина впервые была сообщена въ воспоминаніяхъ Л. С. Пушкина, въ «Москвитянинѣ» 1853, № 10, съ замѣчаніемъ, что «въ то время Пушкинъ не постигалъ стиховъ нерномованныхъ и по этому случаю смѣялся надъ нѣкоторыми сочиненіями Жуковскаго и пародировалъ «Тѣнь». Жуковскій этому смѣялся, но не увѣрилъ Пушкина, что это стихи».

Дѣйствительно, въ первую пору своей дѣятельности Пушкинъ, подобно Батюшкову, Вяземскому и другимъ поэтамъ начала XIX столѣтія, считалъ рифму необходимою принадлежностью русскаго стиха. Въ ту пору бѣлый стихъ не пользовался вниманіемъ въ нашей поэзіи: гекзаметръ

169. (НА КАЧЕНОВСКАГО).

Безсмертною рукой раздавленный зоилъ,
Позорнаго клейма ты вновь не заслужилъ!
Безчестью твоему нужна ли перемѣна?
Напъ Тацитъ на тебя захочетъ ли взглянуть?
Уймись—и прежнимъ ты стихомъ доволенъ будь,
Плюгавый выползокъ изъ гузна Дефонтена.

---

170. ЮРЬЕВУ.

Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ,
Прелестный баловень Киприды—
Умѣй снесть, мой Адонисъ,
Ея минутныя обиды!
Она дала красы младой
Тебѣ въ удѣлъ очарованье,
И черный усъ, и взглядъ живой,
Любви улыбку, и молчанье.
Съ тебя довольно, милый другъ,
Пускай, желаній пылкихъ чуждый,
Ты поцалуями подругъ
Не наслаждаешься, что нужды?
Въ чаду веселій городскихъ
На легкихъ крыльяхъ Терпсихоры,
Къ тебѣ красавицъ молодыхъ
Летятъ задумчивые взоры.—
Увы! языкъ любви нѣмой,
Сей вздохъ души краснорѣчивой,
Быть долженъ сладокъ, милый мой,
Безпечности самолюбивой.
И счастливъ ты своей судьбой.—
А я, повѣса вѣчно праздный,
Потомокъ Негровъ безобразный,
Взращенный въ дикой простотѣ,
Любви невѣдая страданій,
Я нравлюсь юной красотѣ,
Безстыднымъ бѣшенствомъ желаній;
Съ невольнымъ пламенемъ лаптъ
Украдкой, Нимфа молодая,
Сама себя не понимая,
На Фавна иногда глядитъ.

былъ «пригвожденъ къ позорному столбу» неудачной попыткой Тредьяковскаго, и понадобилась продолжительная полемика для того, чтобы оправдать смѣлое предпріятіе Гнѣдича—перевести «Иліаду» размѣромъ подлинника; если нѣкоторые стихотворцы—Державинъ, Херасковъ, Львовъ, Радищевъ—и пользовались иногда нерномованнымъ стихомъ, то дѣлали это исключительно въ такъ называвшемся «русскомъ складѣ» (4-стопный и 5-стопный хорей); иногда писалъ бѣлые стихи Карамзинъ, но онъ, какъ извѣстно, вовсе и не причислялъ себя къ поэтамъ. Вообще, формальное вліяніе французской литературы было настолько исключительно, что правила французской версификаціи считались единственно возможными для русскаго стиха, причемъ, повидимому, вовсе не чувствовалась существенная разница въ рнемѣ обоихъ языковъ. Для эпопеи и трагедіи безусловно обязательнымъ признавался александрійскій стихъ; въ прочихъ видахъ поэзіи прививались легкіе размѣры французскихъ эротиковъ, съ ихъ причудливымъ и игривымъ чередованіемъ рнемъ. Поворотъ въ другую сторону начинается, собственно, только съ Жуковскаго, который, наперекоръ господствовавшему литературному вкусу, пошелъ по слѣдамъ не французскихъ, а нѣмецкихъ поэтовъ и усвоилъ небывалые до того времени въ нашей литературѣ размѣры и формы нѣмецкаго стиха. Пушкинъ впослѣдствіи также измѣнилъ свое первоначальное мнѣніе о бѣломъ стихѣ какъ о «дурной прозѣ» и, по образцу Шекспира и нѣмецкихъ драматурговъ, узаконилъ для русской трагедіи, вмѣсто прежняго александрійскаго стиха, пятистопный бѣлый ямбъ. Но въ остальныхъ областяхъ поэзіи онъ навсегда остался вѣренъ рнемѣ, и только въ послѣдніе годы своей жизни два-три раза обращался къ бѣлому стиху («Мицкевичъ», «Вновь я посѣтилъ...», да и то въ произведеніяхъ, имѣющихъ характеръ драматическаго монолога. Попытки писать гекзаметры (переводъ изъ Шенье) и переводить безъ рнемъ изъ Соути («Мелокъ») были брошены въ самомъ началѣ и не удостоились оттѣлки.

П. Морозовъ.

168. КЪ ПОРТРЕТУ ЖУКОВСКАГО.

Надпись къ портрету Жуковскаго, неизвѣстная въ автографѣ, появилась впервые въ «Благонамѣренномъ» 1818 г., III, № 7, стр. 24, съ полною подписью поэта; время ея созданія можно приблизительно установить по датѣ цензурнаго дозволенія книжки «Благонамѣреннаго»—2 іюля 1818 г. Въ исправленной редакціи пьеса появилась въ изданіяхъ 1826 г. (стр. 109) и 1829 г., ч. II, стр. 149; печатаемъ ее по этой редакціи (варіанты см. въ статьѣ о текстѣ).

Въ «Русской Старинѣ» за 1884 г., апрѣль, стр. 219—220, престарѣлый поэтъ А. И. Подолинскій сообщилъ первоначальную редакцію по памяти и не совсѣмъ вѣрно и, подвергнувъ объ редакціи сличенію, рѣшительно одобрилъ первоначальную, находя, что «времянъ выразительнѣе, чѣмъ вѣковъ; завистливая даль—черезчуръ замысловато» и т. под., и что, стало быть, эта редакція «вѣрнѣе». Подолинскій просто забылъ, что объ редакціи были напечатаны самимъ Пушкинымъ. Интересно замѣчаніе Подолинскаго, что онъ потому удержалъ въ памяти пушкинскую надпись, что «появлявшіеся стихи Пушкина встрѣчались восторженно, и многіе заучивались незамѣтно». Портретъ Жуковскаго былъ приложенъ въ октябрѣ 1817 г. къ № 20-му «Вѣстника Европы», и, кромѣ Пушкина, надписи къ нему написали К. Н. Батюшковъ, В. Л. Пушкинъ, Н. Д. Иванчинъ-Писаревъ. Пьеса молодого поэта, конечно, самая лучшая. Жуковскій, по мнѣнію замѣчательнаго знатока и изслѣдователя его поэзіи, незабвеннаго А. Н. Веселовскаго (В. А. Жуковскій, «Поэзія чувства и сердечнаго воображенія», Спб., 1904 г., стр. 29—30), «весь въ характеристикѣ, которую, объединяя свои юношескія впечатлѣнія, далъ Пушкинъ. Это цѣльный образъ, и вмѣстѣ, программа: вздохнетъ, задумается, безмолвная печаль, сладость: одна «слава» какъ будто не на мѣстѣ. Нѣтъ энергическихъ тоновъ, нѣтъ бури и напора: есть—сентиментализмъ». (Интересно, что слава не понравилась и Подолинскому, который замѣтилъ, что «вздохъ понятнѣе о прошломъ, чѣмъ о будущемъ»). Л. Н. Поливановъ говоритъ, что «это стихотвореніе характеризуетъ какъ нельзя лучше и форму, и содержаніе поэзіи Жуковскаго, и то нравственное дѣйствіе, которое она производила на молодыхъ читателей, въ томъ числѣ—на Пушкина».

171. ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Вы съединить могли съ холодностью сердечной
Чудесный жаръ плѣнительныхъ очей.
Кто любитъ васъ, тотъ очень глупъ, конечно;
Но кто не любитъ васъ, тотъ во сто разъ глупѣй.

172. КЪ ЧААДАЕВУ.

Любви, надежды, гордой славы
Не долго тѣшилъ насъ обманъ:
Исчезли юныя забавы,
Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
Но въ насъ кипятъ еще желанья:
Подъ гнетомъ власти роковой
Нетерпѣливою душой
Отчизны внемлетъ призыванья.
Мы ждемъ съ томленьемъ упованья
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья.
Пока свободою горимъ,
Пока сердца для чести живы,
Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
Души прекрасные порывы.
Товарищъ, вѣрь: взойдетъ она,
Заря плѣнительнаго счастья,
Россія вспрянетъ ото сна,
И на обломкахъ самовластья
Напишетъ наши имена.

173. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ты правъ, несносенъ Өирсъ ученый,
Педантъ надутый и мудреный:
Онъ важно судитъ обо всёмъ,
Всего онъ знаетъ понемногу.
Люблю тебя, сосѣдъ Пахомъ:
Ты просто глупъ, и слава Богу!

Приложенный къ «дали вѣковъ» эпитетъ: «завистливая»—быть можетъ, реминисценція изъ Горація, который напоминалъ своей Левконоѣ (Оды, I, 11), что надо пользоваться жизнью, не теряя дней, потому что быстро проходитъ invida aetas—«завистливое время».

Н. Лернеръ.

---

169. НА КАЧЕНОВСКАГО.

Академикъ и профессоръ московскаго университета, Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій (о немъ еще будетъ рѣчь въ настоящ. изданіи) съ 1805 по 1830 г. былъ издателемъ и редакторомъ «Вѣстника Европы», журнала въ литературномъ отношеніи строго консервативнаго, осуждавшаго всякія отступленія отъ «классическихъ» правилъ. Это направленіе съ самаго начала вызвало цѣлый рядъ нападокъ на него со стороны литературныхъ новаторовъ, давшихъ ему прозвище «Зоила». Сначала Дмитріевъ, а затѣмъ—члены «Арзамаса» наперерывъ другъ передъ другомъ осыпали его эпиграммами. Эти нападки еще усилились, когда, послѣ выхода въ свѣтъ Исторіи Карамзина, Каченовскій, вообще не одобрявшій полемики «карамзинистовъ» и «шишковистовъ» по вопросу о «старомъ и новомъ слогѣ», позволилъ себѣ въ нѣсколькихъ статьяхъ непочтительно отозваться о пріемахъ исторіографа. Князь Вяземскій, одинъ изъ постоянныхъ литературныхъ противниковъ Каченовскаго, въ помѣщенной въ «Сынѣ Отечества» замѣткѣ «О двухъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», говоритъ, что этотъ журналъ, «съ тѣхъ поръ, какъ онъ составляемъ г. Каченовскимъ, сдѣлался, какъ бы для оправданія сего выраженія, составомъ оскорбленій, изливаемыхъ щедрою рукою на имена, почтенѣйшія въ области литературы нашей». Въ письмѣ къ А. И. Тургеневу изъ Варшавы, отъ 31 августа 1818 г., кн. Вяземскій, между прочимъ, говоритъ: «Скажи поэту Пушкину, что ему непремѣнно должно вылѣчь мстительнымъ стихомъ мерзавца Каченовскаго... Не надобно личностей, но сильный приговоръ къ смерти: la mort sans phrases». Вскорѣ негодованіе Вяземскаго противъ Каченовскаго принимаетъ «истинно-русскія» очертанія: «Ради Бога, скажи», говоритъ онъ въ другомъ письмѣ,—«какъ позволяютъ Каченовскому такъ ругаться Карамзинымъ, и въ журналѣ, почти правительственномъ, ибо онъ издается университетомъ? Я вовсе не приверженецъ самовластныхъ мѣръ; но у насъ, гдѣ свобода печатанія не разрѣшена, гдѣ объ актерѣ придворномъ говорить запрещается, не само ли собою разумѣется, что честь писателя, снискавшаго уваженіе сограждан, и отличные знаки благоволенія государя и званіемъ государственнаго исторіографа причисленнаго къ чинамъ государства, должна быть ограждена законами отъ ругательствъ презрѣннаго мерзавца. Критикуй, разсуждай, обличай въ ошибкахъ, но языкомъ пристойнымъ и съ должнымъ уваженіемъ къ человѣку, уже утвердившему права свои на признательность отечества и въ лицѣ государя уже ознаменовавшаго надъ нимъ свою признательность. Грязь грязью останется, конечно, и не судъ Каченовскаго рѣшитъ о достоинствѣ творенія, лежащаго передъ глазами просвѣщенной Европы; но мнѣ досадно видѣть эту нелѣпость правительства, которое кричитъ караулъ, когда дотронешься до Злова, (современный актеръ. *Ред.*) а Карамзина предаетъ на поруганіе площадной черни...» (Остафьевскій Архивъ, I, 115). Отвѣчая на это письмо (18 сентября), Тургеневъ сообщилъ, что «маленькій Пушкинъ давно уже плюнулъ въ Каченовскаго эпиграммою», и привелъ ея текстъ, воспроизводимый въ настоящемъ изданіи.

«Прежній стихъ», приводимый Пушкинымъ въ заключеніи этой эпиграммы, принадлежитъ Дмитріеву и взятъ изъ его эпиграммы «Отвѣтъ», написанной еще въ 1806 г. по поводу критики на него Каченовскаго. Вотъ эта эпиграмма, появившаяся въ печати только въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 г. (стр. 985):

Нахальство, Аристархъ, таланту не замѣна:
Я буду все поэтъ, тебѣ наперекоръ.
А ты останешься все тотъ же крохоборъ,
Плюгавый выползокъ изъ гузна Дефонтена.

Аббатъ Дефонтенъ—одинъ изъ литературныхъ противниковъ Вольтера. Эпитетъ «плюгавый», въ примѣненіи къ Каченовскому, не разъ повторяется въ перепискѣ кн. Вяземскаго съ Тургеневымъ (Остафьевскій Архивъ) и вообще былъ тогда въ ходу. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ эпиграммъ на Каченовскаго этотъ эпитетъ употребилъ и Пушкинъ:

Такой-то не старикъ,
Козелъ въ очкахъ, плюгавый клеветникъ.

174. ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Я люблю вечерній пиръ,
Гдѣ веселье предсѣдатель,
А свобода, мой кумиръ,
За столомъ законодатель:
Гдѣ до утра слово пѣй
Заглушаетъ крики пѣсень,
Гдѣ просторенъ кругъ гостей,
А кружокъ бутылокъ тѣсенъ.

175. УЕДИНЕНІЕ.

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни,
Вдали взыскательныхъ невѣждъ,
Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни,
Воспоминаній и надеждъ;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрытъ, по милости Творца,
Отъ усыпителя глупца,
Отъ пробудителя нахала.

Въ эпиграммахъ и полемическихъ статьяхъ Пушкина Каченовскому принадлежитъ первое мѣсто по количеству направленныхъ на него ударовъ. Къ нему относятся эпиграммы: 1820 г.—«Хавронія», ругатель закосиѣлый»; 1821 г.—«Клеветникъ безъ дарованья»; 1824 г.—«Охотникъ до журнальной драки»; 1825 г.—«Живъ, живъ курилка!»; 1829 г.—«Обиженный журналами жестоко»; «Тамъ, гдѣ древній Кочерговскій»; «Какъ сатирой безымянной». Кромѣ того, Каченовскому посвящены стихи въ посланіи къ Чаадаеву 1831 г.:

Ораторъ Лужниковъ, шикѣмъ не замѣчаемъ,
Намъ мало досаждалъ своимъ невиннымъ лаемъ.

Въ эпиграммѣ 1828 г. «Собраніе насѣкомыхъ»—«Вотъ Каченовскій, злой наукъ». Во всѣхъ этихъ эпиграммахъ точно такъ же, какъ и въ прозаическихъ замѣткахъ («Литературное общество», «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей» и пр.), Пушкинъ остается вѣрнымъ старому «арзамасскому» преданію—высмѣивать литературныхъ враговъ. Къ нападкамъ Пушкина на заслуженнаго во многихъ отношеніяхъ Каченовскаго наше изданіе еще вернется.

170. КЪ ЮРЬЕВУ.

Автографа этого стихотворенія не сохранилось, но оно дошло до насъ въ видѣ отдѣльнаго печатнаго листка, единственный экземпляръ котораго, принадлежавшій самому Юрьеву, находится нынѣ у П. А. Ефремова. Текстъ посланія напечатанъ на сложенномъ въ четвертку листѣ ватманской бумаги съ водянымъ знакомъ «1819» и имѣетъ заглавіе «Ю—ву»; по этому unicum'у посланіе воспроизведено въ Академическомъ изданіи (т. II, стр. 15—16) и въ нашемъ.

Въ 1829 году посланіе было напечатано, безъ вѣдома Пушкина, въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина († 1832) «Сѣверная Звѣзда» (стр. 305—306), съ подписью Ан. и съ произвольными и неудачными измѣненіями нѣкоторыхъ стиховъ (см. въ исторіи текста). При этомъ Бестужевъ-Рюминъ, благодаря г. Ан. за сообщеніе этого и другихъ стихотвореній, просилъ авторовъ неподписанныхъ пьесъ впредь сообщать свои имена: была ли это хитрость со стороны Бестужева-Рюмина, или онъ дѣйствительно не зналъ имени автора,—неизвѣстно, но появленіе посланія и другихъ его стихотвореній въ печати вызвало неудовольствіе Пушкина: «Г-нъ Ан.», писалъ онъ въ черновыхъ своихъ наброскахъ въ 1830 г., «не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему и отсылать въ альманахъ г. Бестужева вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные не для печати или которые простительно мнѣ было написать на 19-мъ году, но непростительно признать публично въ возрастѣ, болѣе зрѣломъ и степенномъ (напримѣръ, Посланіе къ Ю.)» (Соч., изд. Морозова 1903, т. VI, стр. 270 и 630). Эти слова Пушкина подтверждаютъ, между прочимъ, датировку стихотворенія, установленную еще Анненковымъ въ его изданіи.

Послѣ смерти Пушкина посланіе къ Юрьеву было напечатано въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1841 г., т. XV, № 4, отд. IV, стр. 284, въ посмертномъ изданіи, т. IX (1841 г.), стр. 453—454, изданіи Анненкова, т. II, стр. 237—238, Геннади, т. I, (1859 г.), стр. 185—186 (гдѣ впервые было раскрыто, что оно обращено къ Ѳ. Ф. Юрьеву), изд. 1870 г., т. I, стр. 186—187, изд. 1880 г., т. I, стр. 201—202 и 1882 г., т. I, стр. 191—192, въ изд. Литер. Фонда, т. I, стр. 187, «Матеріалахъ» Л. Н. Майкова, 1902 г., стр. 6—7, изд. Морозова 1903 г., т. I, стр. 228—229, изд. Ефремова-Суворина, т. I, стр. 303—304 и въ Академическомъ изданіи, т. II, стр. 15—16.

Ѳедоръ Филипповичъ Юрьевъ, происходившій изъ дворянъ Московской губерніи, родился въ 1796 году; во время Отечественной войны онъ поступилъ на службу (1-го сентября 1812 г.) пятидесятнымъ начальникомъ въ конный полкъ Нижегородскаго ополченія и въ 1813, 1814 и 1815 гг. находился въ походахъ въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ Пруссіи, Богеміи, Австріи, Саксоніи, Ганноверѣ, Брауншвейгѣ, Вестфаліи и Англіи, участвовалъ въ блокадѣ Магдебурга и Дрездена, въ сраженіяхъ съ французами подъ Дрезденомъ (5-го октября 1813 г.), у мѣст. Донау (10-го октября), подъ крѣп. Торгау (14-го) и подъ Нейстрицемъ (17-го). Вернувшись въ Россію съ чиномъ корнета, Юрьевъ, послѣ того какъ ополченіе было распущено, поступилъ въ Литовскій уланскій полкъ, въ февралѣ 1817 г. произведенъ въ поручики и 8-го августа 1818 г. переведенъ въ Ямбургскій уланскій полкъ, откуда черезъ годъ (20-го сентября 1819 г.) переведенъ былъ, за

176. ПРО СЕБЯ.

(Приписывается Пушкину).

Великимъ быть желаю,
Люблю Россіи честь;
Я много обѣщаю.
Исполню ли—Богъ вѣсть.

177. ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЪ...

(Приписывается Пушкину).

Она тогда ко мнѣ придетъ,
Когда весь міръ угомонится,
Когда все доброе ложится
И все недоброе встаетъ.

178. НАДЕНЬКѢ.

(Приписывается Пушкину).

Съ тобой пріятно удѣлить
Часокъ—два—три уединенью:
Одинъ желаньямъ посвятить,
А два послѣднихъ наслажденью.

179. ЗА УЖИНОМЪ ОБЪѢЛСЯ Я.

(Приписывается Пушкину).

За ужиномъ объѣлся я.
Да Яковъ заперъ дверь оплошно—
Такъ было мнѣ, мои друзья,
И Кюхельбекерно и тошно.

отличіе по службѣ, въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ и былъ назначенъ старшимъ адъютантомъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи. Пробывъ затѣмъ недолго во фронтѣ полка (авг. 1823—февр. 1824 г.), Юрьевъ былъ опредѣленъ адъютантомъ къ командующему 1-ю уланскою дивизіею генералу князю Лопухину, 20-го октября 1824 г. произведенъ въ штабсъ-ротмистры и назначенъ бригаднымъ адъютантомъ при Лопухинѣ, 6-го декабря 1827 г. получилъ чинъ ротмистра, а въ маѣ 1830 г. снова вернулся въ полкъ, но прослужилъ въ немъ уже недолго: 10-го января 1833 г. онъ вышелъ въ отставку. Причисливнись, спустя два года, къ министерству внутреннихъ дѣлъ (29-го января 1835 г.), Юрьевъ былъ назначенъ (2-го іюня 1836 г.) чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ, въ апрѣлѣ 1839 г. перешелъ въ министерство юстиціи, но уже 5-го октября, назначенный директоромъ депозитной кассы при коммерческомъ банкѣ, перешелъ въ министерство финансовъ, по вѣдомству котораго и прошла вся дальнѣйшая его служба; такъ, онъ послѣдовательно занималъ должности: товарища управляющаго коммерческимъ банкомъ (съ 20-го августа 1843 г.), управляющаго (въ 1848, 1849 и 1851 г.) временными рыбинской и нижегородской банковыми конторами, управляющаго экспедиціею государственныхъ кредитныхъ билетовъ (съ 22-го января 1854 г.), государственнымъ коммерческихъ банкомъ (съ 15-го октября 1854 г.), при чемъ исполнилъ нѣсколько служебныхъ командировокъ. Произведенный въ 1848 г. въ дѣйствительные статскіе совѣтники, Юрьевъ скончался въ Петербургѣ 30-го марта 1860 года.

Въ концѣ 1820-хъ или началѣ 1830-хъ годовъ Ѳ. Ф. Юрьевъ женился на фрейлинѣ в. к. Елены Павловны—Маріи Павловнѣ Ушаковой (род. 21-го августа 1802 г. † 7-го декабря 1858), дочери воспитателя наслѣдника Александра Николаевича—генералъ-адъютанта Павла Петровича Ушакова (род. 1759 † 1840 г.); сестра ея, Варвара Павловна (вышедшая впослѣдствіи за Барыкова и умершая въ 1862 г.), фрейлина при в. к. Александрѣ Ѳеодоровнѣ, была въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Жуковскимъ, который въ 1819 г. написалъ ей, совмѣстно съ нѣсколькими другими фрейлинами, шуточное посланіе въ стихахъ [1]).

Посланіе Ѳ. Ф. Юрьеву относится къ циклу тѣхъ пьесъ Пушкина въ эпикурейскомъ духѣ, которыя вызваны были и тогдашнимъ настроеніемъ юнаго поэта, и средою въ которой онъ вращался въ то время. Центромъ, въ которомъ собиралась тогдашняя золотая молодежь, было извѣстное дружеское общество «Зеленой Лампы», основанное братьями А. В. и П. В. Всеволожскими [1]); въ этотъ кружокъ попалъ и уланскій поручикъ Юрьевъ. Онъ увлекался вопросами литературы и театра и бывалъ одно время постояннымъ посѣтителемъ литературныхъ собраній у извѣстнаго драматурга князя А. А. Шаховского, гдѣ встрѣчался со всѣми тогдашними писателями, а въ 1822 г. принималъ участіе въ праздничномъ спектаклѣ, устроенномъ Ѳ. П. Глинкой, П. П. Арановымъ, П. П. Хмельницкимъ, А. Н. Верстовскимъ, П. Б. Мансуровымъ и др. въ честь Вс. Андр. Всеволожскаго въ его имѣніи «Рябово» близъ Петербурга [2]). Съ братьями Всеволожскими и Мансуровымъ у Юрьева сохранились дружескія отношенія до самой смерти. Насколько намъ извѣстно, самъ онъ ничего не писалъ; бумаги его перешли къ П. А. Ефремову; въ нихъ, кромѣ указаннаго выше листка, оказались автографы стихотвореній «Здорово, Юрьевъ имянинникъ», посланія къ Всеволожскому и «Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей».

Анненковъ передаетъ любопытный разсказъ, что «Батюшковъ судорожно сжалъ въ рукахъ листокъ бумаги, на которомъ читалъ «Посланіе къ Юрьеву» и проговорилъ: «О! какъ сталъ писать этотъ злодѣй!» [3]).

Б. Модзалевскій.

171. ВЪ АЛЬБОМЪ Е. Я. СОСНИЦКОЙ.

Впервые напечатано въ дополнительномъ (VII) томѣ изд. Анненкова, который и отнесъ это четверостишіе къ 1818 г. В. Е. Якушкинъ («Соч. Пушкина», акад. изд., т. II, прим. 33) указываетъ, что въ этомъ году, 29 іюля, данъ былъ бенефисъ Сосницкихъ: шла романтическая опера «Жильблазъ въ вертепѣ разбойниковъ», перевед-

[1]) Ср. нашу замѣтку въ III выпускѣ «Пушкинъ и его современники». Спб. 1905, стр. 92—95.

[1]) Ср. дальше статьи «Отъ Лицея до ссылки» и «Періодъ Зеленой Лампы»; въ нашихъ статьяхъ «Я. П. Толстой», Спб. 1899, стр. 5—8 и «В. П. Зубковъ и его записки» «Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 98, прим. 3.

[2]) П. П. Арановъ, лѣтопись русскаго театра. Спб. 1861, стр. 330 и 331.

[3]) Матеріалы, изд. 1873, стр. 50.

денная однимъ изъ друзей Пушкина, Никитой Всев. Всеволожскимъ.

Елена Яковлевна Сосницкая, рожденная Воробьева, дочь извѣстнаго въ свое время пѣвца, была женою актера Ив. Ив. Сосницкаго (1794—1871). Одна изъ лучшихъ ученицъ кн. Шаховского, она выступила на сценѣ еще въ 1814 г. и пользовалась большимъ успѣхомъ въ разнообразныхъ роляхъ. Такъ, «лѣтописецъ» русскаго театра, Пименъ Арапов, сообщаетъ, что она была «превосходна» въ комедіи Грибоѣдова «Молодые супруги», «съ тріумфомъ» исполняла роль Алеши Сусанина въ операѣ Шаховского «Иванъ Сусанинъ» и т. д. П. П. Куликовъ, въ своихъ театральныхъ воспоминаніяхъ («Рус. Старина» 1892 г. № 8) говоритъ о Сосницкой, какъ о красавицѣ и талантливой актрисѣ, и прибавляетъ: «Она была кокетка, любила, чтобы всѣ влюблялись въ нее и ухаживали за нею, а сама была холодна. Пушкинъ сразу понялъ ее и написалъ ей въ альбомъ стихи, которые разбирая въ настоящее время, удивляешься, какъ въ четырехъ строкахъ онъ сумѣлъ выразить всю ея характеристику: влюбленныхъ въ нее назвалъ дураками, да и не обращающихъ вниманія на ея очаровательныя улыбки, на огненные глазки—тоже...»

Оставаясь неразлучною спутницею своего мужа на сценѣ, Е. Я. прошла черезъ всѣ «амплуа», до комической старухи включительно, и умерла въ 1855 году.

172. КЪ ЧААДАЕВУ.

Подлинная рукопись этого посланія до насъ не дошла, печаталось же оно, до послѣдняго времени, цѣликомъ только въ заграничныхъ изданіяхъ, а въ русскихъ—(см. статью о текстѣ) съ различными пропусками и искаженіями. Впервые появилось оно въ отрывкѣ въ альманахѣ «Сиріусъ» 1827 г., стр. 31, и полнѣе въ альманахѣ «Сѣверная Звѣзда» на 1829 г., Спб., стр. 50.

Дружескія отношенія Пушкина съ Чаадаевымъ, нашедшія себѣ такое краснорѣчивое выраженіе въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, а также и въ перепискѣ, начались въ то время, когда Пушкинъ былъ еще лицеистомъ, а Чаадаевъ—офицеромъ лейбъ-гусарскаго полка, расквартированнаго по сосѣдству съ Лицеемъ, въ Царскомъ Селѣ. «То было», говоритъ біографъ Чаадаева, Жихаревъ («Вѣстн. Европы» 1871, № 7, стр. 192), «золотое время Лицея, взлелѣяннаго высокою царственною заботой и во главѣ имѣвшаго Энгельгардта, человѣка, и по сію пору еще не оцѣненнаго въ лѣтописяхъ русской педагогіи. Воспитанники ежеминутно пропадали въ садахъ державнаго жилища, промежду его живыми зеркальными водами, въ тѣнистыхъ вѣковыхъ аллеяхъ... Шумныя скитанія щеголеватой, утонченной, богатой самыми драгоцѣнными надеждами молодежи очень скоро возбудили внимательное, бодрствующее чутье Чаадаева и еще скорѣе сдѣлались пѣлью его вѣрнаго, мѣткаго, исполненнаго симпатическаго благоволенія охарактеризованія. Юныхъ разгульныхъ любомудрцевъ онъ сейчасъ же прозвалъ «философами-перипатетиками». Прозваніе было принято воспитанниками съ большимъ удовольствіемъ, но ни одинъ изъ нихъ не сблизился столько съ его творцомъ, сколько тотъ, которому впослѣдствіи было суждено сдѣлаться неоцѣненнымъ сокровищемъ, лучшею гордостію и лучезарнымъ украшеніемъ Россіи...»

Ср. во II т. статью «Пушкинъ и Чаадаевъ».

173. ДОБРЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Академическимъ изданіемъ эта эпиграмма отнесена къ 1817 г., но правильнѣе относить ее къ 1818 г., такъ какъ въ рукописи Моск. Музея № 2364, л. 58 об., она находится рядомъ съ черновыми стихами изъ III пѣсни «Руслана и Людмилы». Подъ именемъ «ученаго Өирса», можетъ быть, разумѣется, М. Т. Каченовскій, нападки котораго на Исторію Карамзина, начавшіяся въ 1818 г. такъ раздражали Пушкина и его друзей.

Послѣдній стихъ, по увѣренію А. О. Смирновой («Записки», I, 20) вошелъ въ поговорку у Пушкина, который часто говаривалъ: «Онъ просто глупъ, и слава Богу». Но Смирнова слишкомъ явно пригоняетъ свои «воспоминанія» къ фактамъ, прямо почерпнутымъ изъ разныхъ біографій, чтобы ей можно было довѣрять.

174. ВЕСЕЛЫЙ ПИРЪ.

Черновикъ «Веселаго пира» сохранился въ тетради московскаго публичнаго музея № 2364 (л. 52). Напечатана была пьеса впервые въ альманахѣ «Мнемозина» 1824 г., ч. II, стр. 85, подъ заглавіемъ «Вечеръ» и съ очень глупой опечаткой во 2-мъ стихѣ, гдѣ веселье было на-

звано «засѣдателемъ». Подъ настоящимъ своимъ названіемъ она была помѣщена Пушкинымъ въ сборникѣ его стихотвореній 1826 и 1829 гг.: воспроизводимъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была напечатана самимъ поэтомъ въ изданіи 1829 г. Черновой набросокъ дастъ еще нѣсколько стиховъ («Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, 652); о нихъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Самъ Пушкинъ печаталъ «Веселый пиръ» безъ всякой датировки. П. В. Анненковъ (т. II, стр. 361) отнесъ его къ 1824 г.; въ изданіяхъ П. О. Морозова и академіи наукъ онъ отнесенъ къ 1819 г. на томъ основаніи, что черновикъ его въ музейной тетради находится среди черновыхъ набросковъ начала четвертой пѣсни «Руслана и Людмилы». Эту пѣсню Пушкинъ писалъ еще въ концѣ 1818 г. 3 декабря 1818 г. А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому, что «Пушкинъ уже на четвертой пѣснѣ своей поэмы», а 18 декабря уже сообщилъ ему, что Пушкинъ «кончаетъ четвертую пѣснь поэмы». Свѣдѣнія, сообщаемыя Тургеневымъ, не всегда точны, Пушкинъ исписывалъ свои тетради не сряду сплошь, и «Веселый пиръ» можно отнести поэтому только приблизительно къ концу 1818 или началу 1819 г.

В. Е. Якушкинъ (академ. издан., т. II, прим., стр. 91) въ примѣчаніи къ «Веселому пиру» съ непонятнымъ довѣріемъ отнесся къ сообщенію какого-то А. Распопова («Русс. Стар.» 1876 г., февраль, 464—467). Этотъ господинъ увѣряетъ, что проѣзжая въ 1824 г. изъ Одессы въ Михайловское, Пушкинъ, остановившись по дорогѣ въ Могилевѣ-на-Днѣпрѣ, «пировалъ» тамъ съ лубенскими гусарами и декламировалъ имъ «Веселый пиръ». О достовѣрности разсказа Распопова можно судить по тому, что разсказчикъ заставилъ своихъ гусаръ предлагать Пушкину ванну изъ шампанскаго, интересоваться «Евгеніемъ Онѣгинымъ», который тогда еще даже не печатался (первая глава романа вышла въ 1825 г.), и пить за упокой души Ленскаго, о смерти котораго говорится въ шестой главѣ, вышедшей въ 1828 г. (ср. «Былое» 1906 г., іюнь, 304).

Врагъ Пушкина—П. П. Надеждинъ (Никодимъ Надоумко) вложилъ «Веселый пиръ» въ уста «Одному изъ собесѣдниковъ» въ «Сонмищѣ нигилистовъ» («Вѣстн. Европы» 1829 г., № 2; «Полн. собр. сочин. В. Г. Бѣлинскаго, изд. С. А. Венгерова, т. I, Спб., 1900 г., стр. 483): «славный Угаровъ», живое олицетвореніе философскаго напра-

вленія «Московскаго Телеграфа», гдѣ участвовалъ Пушкинъ, съ «пылающими щеками и разстегнувшимся сверху жилетомъ», декламируетъ эти стихи «сѣвернаго нашего Байрона». Н. Лернеръ.

175. УЕДИНЕНІЕ.

Черновикъ «Уединенія» находится въ тетради московскаго Румянцевскаго музея № 2364 (л. 51). Впервые пьеса была напечатана въ изданіи 1826 г., стр. 105, и потомъ перепечатана въ изданіи 1829 г., ч. II, стр. 159. О варіантахъ см. въ концѣ тома.

Въ изданіяхъ 1826 и 1829 гг. пьеса не была датирована. П. В. Анненковъ напечаталъ ее (т. II, стр. 334) почему-то подъ 1822 г., и лишь въ послѣднихъ изданіяхъ—«Просвѣщенія» и академическомъ — она была перенесена въ 1819 г. на томъ основаніи, что черновикъ въ музейной тетради находится послѣ начала четвертой пѣсни «Руслана и Людмилы». 4-ая пѣсня писалась въ концѣ 1818—началѣ 1819 г. (см. выше примѣчанія къ «Веселому пиру»).

Тремя годами раньше, въ 1816 г., Пушкинъ писалъ изъ лицея кн. П. А. Вяземскому (см. выше, стр. 309, 310): «увѣряю васъ, что уединенье въ самомъ дѣлѣ вещь очень глупая, на зло всѣмъ философамъ и поэтамъ, которые притворяются, будто бы живали въ деревняхъ и влюблены въ безмолвіе и тишину...». Вскорѣ жизнь научила его иначе цѣнить блага уединенія. Сидя въ Михайловскомъ, онъ писалъ брату въ концѣ 1824 г.: «Кто думаетъ ко мнѣ заѣхать? Избави меня

Отъ усмирителя глупца,
Отъ прибудителя нахала!

Считая «Уединеніе» пьесой 1822 г., П. П. Бартеневъ («Пушкинъ въ Южной Россіи»—«Русс. Архивъ» 1886 г., ст. 1190) неправильно видѣлъ въ немъ «отраженіе его кишиневской жизни».

Предпослѣдній стихъ пьесы напоминаетъ слова Гете: «изъ всѣхъ воровъ дураки самые вредные: они одновременно похищаютъ у васъ время и настроеніе».

Н. Лернеръ.

176—179. ПРО СЕБЯ. ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЪ. ПАДЕНЬКѢ. ЗА УЖИНОМЪ ОБЪѢЛСЯ Я.

См. дальше статью «Приписываемыя Пушкину стихотворенія 1818—1819 гг.».

ПЕТЕРБУРГЪ ОКОЛО 1820 г.
(*Литографія Мартынова. Изъ коллекціи Е. Н. Тевяшева*).

ОТЪ ЛИЦЕЯ ДО ССЫЛКИ.

«...Цѣлый годъ еще плюсовъ, минусовъ, правъ, налоговъ, высокаго, прекраснаго!.. Цѣлый годъ еще дремать передъ каоедрой... это ужасно. Право, съ радостью согласился бы я 12 разъ перечитать всѣ 12 пѣсенъ пресловутой Россіады, даже и съ присовокупленіемъ къ тому премудрой критики г. Мерзлякова, съ тѣмъ только, чтобы гр. Разумовскій сократилъ время моего заточенья»...

Такъ восклицалъ арзамасскій Сверчокъ въ письмѣ къ своему старшему брату во Арзамасѣ Асмодею (Вяземскому) изъ стѣнъ царскосельскаго «монастыря», къ которомъ онъ такъ томился, воспѣвая «вино водяными стихами« и мечтая о возможности ласкать свою любовницу не во снѣ, а наяву.

Вожделѣнный день, наконецъ, насталъ, и притомъ—на цѣлые три мѣсяца раньше положеннаго срока; «вѣроятно»,—говоритъ біографъ Пушкина, — «несомнѣнные признаки возмужалости лицеистовъ ускорили этотъ послѣдній актъ» [1]). Въ торжественный день 9 іюня 1817 г. государь явился въ лицей въ сопровожденіи новаго министра народнаго просвѣщенія, кн. А. Н. Голицына, и послѣ предварительнаго экзамена воспитанниковъ, «походившаго, вслѣдствіе взаимныхъ соглашеній всѣхъ его участниковъ, скорѣе на домашнее представленіе, чѣмъ на экзаменъ», роздалъ призы и аттестаты. Затѣмъ лицеисты пропѣли прощальный гимнъ Дельвига съ музыкой Теппера-де-Фергюсона: «Шесть лѣтъ минуло, какъ мечтанье»—и на слѣдующій день вышли «на волю» и разсыпались во всѣ стороны.

Простившись съ своими ближайшими товарищами въ цѣломъ рядѣ альбомныхъ «памятокъ» и оставивъ также теплое слово признательности въ альбомѣ своего директора Энгельгардта, юный поэтъ промѣнялъ

1) Анненковъ, Пушкинъ въ Алекс. эпоху, 54.

лицейскую куртку на вицъ-мундиръ «коллежскаго секретаря, причисленнаго къ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ», и, переѣхавъ въ Петербургъ, поселился въ квартирѣ своихъ родителей, на Фонтанкѣ, у Калинкина моста. Здѣсь онъ едва успѣлъ осмотрѣться и оправиться: въ самомъ началѣ іюля онъ уже уѣхалъ съ родителями въ псковскую деревню,—въ то самое Михайловское, въ которомъ, семь лѣтъ спустя, ему пришлось коротать зимніе вечера въ обществѣ старухи-няньки. Въ тѣ дни, о которыхъ мы теперь говоримъ, Пушкину «были новы всѣ впечатлѣнья бытія»; онъ самъ вспоминалъ впослѣдствіи, какъ обрадовался русской банѣ, клубникѣ и т. п. «Но все это нравилось мнѣ недолго»,—прибавляетъ онъ:—«я любилъ и донынѣ люблю шумъ и толпу».

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ ужъ наводили сонъ...

Онъ не выдержалъ — и вернулся въ Петербургъ раньше, чѣмъ кончился срокъ взятаго отпуска. «Міра новый блескъ и шумъ обворожали юный умъ»—и въ этотъ новый, блестящій и привлекательный міръ поэтъ бросился со всѣмъ пыломъ страстной своей натуры и со всѣмъ любопытствомъ новичка. Ему не нужно было никакихъ особенныхъ усилій для того, чтобы войти въ кругъ тогдашняго свѣтскаго общества: старыя связи его отца, всегда очень дорожившаго своими аристократическими знакомствами, и дружба съ товарищами-лицеистами и офицерами, принадлежавшими къ «золотой» молодежи, открыли передъ нимъ двери петербургскихъ салоновъ. И вотъ, Пушкинъ становится на нѣкоторое время однимъ изъ представителей той «шпалеры» молодыхъ людей, которая считалась необходимою принадлежностью свѣтскихъ вечеровъ и собраній. Какъ къ Онѣгину, къ нему съ утра несутъ «записочки»: «тамъ будетъ балъ, тамъ—дѣтскій праздникъ», и его зовутъ въ числѣ другихъ юнцовъ для того, чтобы «попрыгать» съ барышнями, поболтать и въ то же время «поучиться, на старшихъ глядя» и прислушиваясь къ ихъ бесѣдамъ. Ему приходится сталкиваться съ самыми разнообразными типами пестраго петербургскаго «свѣта» той эпохи, безсмертнымъ зеркаломъ которой явилось «Горе отъ ума»; приходится разбираться въ томъ смутномъ хаосѣ настроеній и сужденій, на одномъ полюсѣ котораго уже очень замѣтно собиралась готовая разразиться надъ Россіей туча мистицизма и безпощадной реакціи, а на другомъ группировалась либеральная оппозиція, уже близкая къ образованію тайныхъ обществъ. Въ этомъ калейдоскопѣ фигуръ, чувствъ и мнѣній наблюдательный юноша скоро сумѣлъ выдѣлить двѣ-три личности, не подходившія къ общему свѣтскому шаблону и притягивавшія его къ себѣ своимъ умомъ и оригинальностью. Такова была, напримѣръ, извѣстная princesse Nocturne—княгиня Авдотья Ивановна Голицына, въ ту пору уже почти сорокалѣтняя красавица, съ которою Пушкинъ познакомился у Карамзиныхъ и сразу въ нее влюбился (о ней см. дальше особую статью), или Елизавета Сергѣевна Огарева, отличавшаяся своей красотой, умомъ и образованностью и воспѣтая Дмитріевымъ и Вяземскимъ. Таковы были, далѣе, представители высшаго военнаго круга—Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ, Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ и другіе, выдѣлявшіеся изъ толпы своею политическою зрѣлостью; таково, наконецъ, было то «общество умныхъ», къ которымъ Пушкинъ, въ позднѣйшемъ наброскѣ программы ненаписаннаго романа, причислялъ Илью Долгорукова, Сергѣя Трубецкого, Никиту Муравьева и другихъ—будущихъ декабристовъ. Но эти люди и еще немногіе, имъ подобные, являлись, конечно, только единичными исключеніями въ той средѣ, въ которой они по своему общественному положенію должны были вращаться. Общее же впечатлѣніе, вынесенное Пушкинымъ изъ этой среды, было рѣшительно отрицательное. Поэтъ, по собственному его признанію, «опасною прельщенный суетой, угорѣлъ въ чаду большого свѣта»—и, больше всего цѣня личную свободу и непринужденность, «убрался» въ иной кругъ, гдѣ могъ чувствовать себя вполнѣ дома и на-распашку.

Для Пушкина только что начиналась та пора жизни, которую онъ впослѣдствіи называлъ своею «минутною молодостью». Навѣянный мотивами легкой французской поэзіи (см. статью «Пушкинъ и Парни») идеалъ независимаго мудреца-эпикурейца, «празднаго сына безпечной нѣги», поэта-лѣнивца, который находитъ счастье въ незатѣйливой обстановкѣ своего «чердака»,

среди тѣснаго круга подобныхъ ему друзей, казался близкимъ къ осуществленію:

. . . Мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мыслях воленъ я,
Гдѣ спорю вслухъ, гдѣ чувствую сильнѣе
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья,—
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены...

Въ характерѣ Пушкина—не только въ это время, но и гораздо позже,—была своего рода ребячливость, склонность пошутить, подурачиться въ кругу близкихъ людей, гдѣ можно держаться безъ стѣсненій, и онъ особенно цѣнилъ такое общество, въ которомъ чувствовалъ себя вполнѣ свободно. «Угрюмый и молчаливый въ многочисленномъ обществѣ»,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ А. М. Каратыгина,—«Саша Пушкинъ, бывая у насъ, смѣшилъ своею рѣзвостью и ребяческой шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ, вертится, прыгаетъ, пересаживается, переростъ рабочій ящикъ матушки, спутаетъ клубокъ гаруса въ моемъ вышиваньѣ, разбросаетъ карты въ гранъ-пасьянсѣ, раскладываемомъ матушкою. «Да уймешься ли, стрекоза?»—крикнетъ, бывало, моя Евгенія Ивановна:—«перестань, наконецъ!» Саша минуты на двѣ пріутихнетъ, а тамъ опять начнетъ проказничать. Какъ-то матушка пригрозилась наказать неугомоннаго Сашу: остричь ему «когти»,—такъ называла она его огромные, отпущенные на рукахъ ногти. «Держи его за руку»,—сказала она мнѣ, взявъ ножницы,—«а я остригу»! Я взяла Пушкина за руку: онъ поднялъ крикъ на весь домъ, началъ притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижаютъ, и до слезъ разсмѣшилъ насъ...» Цѣлый рядъ разсказовъ о подобныхъ же шуткахъ относится и къ позднѣйшему періоду,—ко времени житья Пушкина въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Вырываясь изъ чиннаго, скованнаго всевозможными условностями, «свѣта» въ интимную, пріятельскую сферу, молодой поэтъ какъ бы старался вознаградить себя за вынужденную сдержанность и пускался въ такія проказы, которыя отъ людей болѣе пожилыхъ и солидныхъ доставили ему названіе «бѣснующагося». Товарищами этихъ проказъ и шумнаго веселья оказался десятокъ-другой представителей богатой и праздной свѣтской молодежи. Такъ же, какъ и Пушкинъ, скучая въ гостиныхъ и на балахъ, они охотно «исчезали» оттуда въ укромные уголки, гдѣ ничто не мѣшало вольной игрушкѣ, чаще всего—въ обществѣ тѣхъ «молодыхъ красотокъ»,

Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя
По петербургской мостовой

и которыхъ Пушкинъ называлъ «Лаисами». Естественное въ юношѣ желаніе, при первомъ вступленіи въ самостоятельную жизнь, все извѣдать и всѣмъ насладиться сказалось у пылкаго и страстнаго поэта бурнымъ увлеченіемъ всѣми приманками веселой жизни, и онъ привелъ свою рѣзвую музу:

На шумъ пировъ и буйныхъ споровъ
Грозы полупочныхъ дозоровъ,
И къ нимъ въ безумные пиры
Она несла свои дары
И какъ вакханочка рѣзвилась,
За чашей пѣла для гостей,
И молодежь минувшихъ дней
За нею буйно волочилась...

Основной мотивъ этихъ застольныхъ пѣсенъ и дружескихъ посланій—наслажденіе жизнью и молодостью, которая «не приходитъ вновь» и отъ которой поэтому надо взять все, что только она можетъ дать «вѣрному сыну пафосской вѣры», поклоннику Вакха, Киприды и Момуса.

Мгновенью жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

читаемъ въ одномъ изъ этихъ стихотвореній;

Пусть наша вѣтреная младость
Потонетъ въ нѣгѣ и винѣ!

говорится въ другомъ, и т. д.

«Младость», «радость» и «сладость»—вотъ обычныя пушкинскія рифмы этой поры; жажда свободы и наслажденій—вотъ преобладающая тема его стихотвореній. Въ дружеской перепискѣ его современниковъ и пріятелей не разъ попадаются указанія на такъ называемое «разсѣянное» время препровожденіе поэта. «Свернокъ прыгаетъ по бульвару и по б-мъ»,—читаемъ въ одномъ изъ писемъ А. С. Тургенева къ Вяземскому 1818 г. «По утрамъ разсказываетъ Жуковскому, гдѣ онъ всю ночь не спалъ, цѣлый день дѣлаетъ визиты б—мъ, мнѣ и кн. Голицыной, а ввечеру иногда играетъ въ банкъ»,—пишетъ тотъ же Тургеневъ въ другомъ письмѣ. «Жизнь его проходитъ у

пріема билетовъ, по которымъ пускаютъ смотрѣть привезенныхъ сюда звѣрей... Онъ влюбился въ пріемщицу билетовъ и сдѣлался ея cavalier servant», сообщается въ третьемъ письмѣ, и т. д. Самъ поэтъ рисуетъ эти свои увлеченія въ посланіяхъ къ разнымъ «прелестницамъ» и говоритъ откровенно о томъ «безстыдномъ бѣшенствѣ желаній», которымъ онъ правился «юной красавицѣ»... За эти успѣхи въ «наукѣ страсти нѣжной» Пушкинъ поплатился довольно серьезно: въ теченіе одного какого-нибудь года онъ былъ боленъ три раза, причемъ въ послѣдній разъ — настолько опасно захворалъ гнилой горячкой, что врачъ не отвѣчалъ за его жизнь, и только молодость и отъ природы крѣпкое здоровье помогли ему «ускользнуть отъ Эскулапа» живымъ. Характерно объясненіе этой послѣдней болѣзни, данное Тургеневымъ въ письмѣ къ Вяземскому отъ 18 іюня 1819 г.: Пушкинъ «простудился, дожидаясь у дверей одной б — и, которая не пускала его въ дождь къ себѣ, для того, чтобы не заразить его своею болѣзнью...»

Любовныя похожденія, однако, едва ли занимали первое мѣсто среди радостей молодой жизни Пушкина. Гораздо больше времени и вниманія удѣлялъ онъ театру; недаромъ же въ «Онѣгинѣ» онъ говоритъ, что его младые дни неслись подъ сѣнью кулисъ. Эта любовь къ театру не ослабѣла у него и впослѣдствіи, въ болѣе зрѣломъ возрастѣ. Надо помнить, что въ ту пору, о которой мы говоримъ, да и много лѣтъ спустя, интересъ къ театру былъ почти единственнымъ у насъ общественнымъ интересомъ, и связь литературы со сценой была несравненно тѣснѣе и живѣе, чѣмъ во второй половинѣ XIX столѣтія. Въ исторіи нашего театра царствованіе Александра I представляетъ, въ особенности — для Петербурга, одну изъ самыхъ блестящихъ страницъ. Если въ 1827 г. знаменитый химикъ Бунзенъ могъ сказать, что современный ему Берлинъ все свое образованіе получаетъ только въ театрѣ, то съ гораздо большимъ правомъ можно примѣнить подобную фразу къ Петербургу первыхъ десятилѣтій минувшаго вѣка. Въ ближайшемъ управленіи нашего тогдашняго театра нашлись люди, не только хорошо знакомые съ дѣломъ, но и душевно ему преданные. Таковы были, напримѣръ, кн. Шаховской и Кокошкинъ. Шаховской стоялъ во главѣ цѣлаго кружка, исключительно интересовавшагося театральнымъ дѣломъ и имѣвшаго сильное вліяніе также и на драматическую нашу литературу, и на воспитаніе сценическихъ талантовъ. Достаточно сказать, что въ домѣ Шаховского, бывшаго въ ту пору начальникомъ репертуара, постоянно собирались самые выдающіеся драматическіе писатели: Грибоѣдовъ, Бѣлинчевъ, Жандръ, Хмѣльницкій, Лобановъ, Катенинъ и др. Здѣсь читались авторами и переводчиками пьесы, здѣсь же обсуждались подробности постановки и игра актеровъ. Члены этого кружка являлись руководителями артистовъ: такъ Гнѣдичъ занимался съ Семеновой, а Катенинъ былъ учителемъ Колосовой и Каратыгина. Къ этому же кружку примыкала и молодежь—литературная и свѣтская. Въ то время однимъ изъ признаковъ хорошаго тона считалось—быть театраломъ. Присяжные посѣтители ежедневно являлись въ театръ, гдѣ имѣли абонированныя кресла на лѣвой сторонѣ, въ первыхъ рядахъ, отчего и назывались въ шутку «лѣвымъ флангомъ». Къ этому «флангу» скоро примкнулъ и Пушкинъ, нашедшій здѣсь, рядомъ съ строгими цѣнителями и судьями, «злыми законодателями театра», болѣе симпатичный ему кружокъ молодыхъ «новѣсъ», для которыхъ въ увлеченіи театромъ на первомъ мѣстѣ стояло ухаживанье за актрисами и танцовщицами. Въ своихъ «замѣчаніяхъ объ русскомъ театрѣ», набросанныхъ въ 1819 г., поэтъ даетъ не лишенную юмора характеристику этого рода театраловъ:

«Предъ началомъ оперы, трагедіи, балета молодой человѣкъ гуляетъ по всѣмъ десяти рядамъ креселъ, ходитъ по всѣмъ погамъ, разговариваетъ со всѣми знакомыми и незнакомыми. «Откуда ты?»—«Отъ Семеновой, отъ Сосницкой, отъ Колосовой, отъ Истоминой...»—«Какъ ты счастливъ!»—«Сегодня она поетъ—она играетъ—она танцуетъ—похлопаемъ ей—вызовемъ ее! Она такъ мила! У ней такіе глаза! такія ножки! такой талантъ!...» Занавѣсъ поднимается. Молодой человѣкъ, его пріятели, переходя съ мѣста на мѣсто, восхищаются и хлопаютъ...»

Припомнимъ также, для сравненія, первую главу «Евгенія Онѣгина».

Среди этихъ-то молодыхъ театраловъ нашлось человѣкъ 10—15, образовавшихъ болѣе тѣсный, интимный кружокъ, извѣстный подъ названіемъ «Зеленой Лампы». Во главѣ этого кружка стоялъ богачъ-ари-

ВЕСЕЛЯЩІЙСЯ ПЕТЕРБУРГЪ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ЭПОХИ.

(*Возвращеніе изъ Краснаго Кабачка, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ*).
Съ рѣдкой гравюры изъ собранія П. Я. Дашкова.

стократъ, Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, въ домѣ котораго, на Екатерингофскомъ проспектѣ (нынѣ—домъ финляндскаго статсъ-секретаріата) и происходили собранія. Ближайшими участниками этихъ собраній были: родственникъ Всеволожскаго и адъютантъ генерала Депрерадовича Пав. Бор. Мансуровъ, офицеръ лейбъ-егерскаго полка, много писавшій для театра, Дм. Ник. Барковъ, офицеръ генеральнаго штаба Мих. Андр. Щербининъ, лейбъ-уланъ Юрьевъ, лейбъ-гусаръ Каверинъ—знакомый съ Пушкинымъ еще по Царскому Селу, извѣстный дуэлистъ Якубовичъ, Вас. Вас. Энгельгардтъ, прославившійся своими открытыми балами, Як. Ник. Толстой и нѣк. др. Въ ту пору масонскихъ ложъ и разнаго рода явныхъ и полу-тайныхъ обществъ «Зеленая Лампа» успѣла для своихъ собраній, происходившихъ обыкновенно по субботамъ, нѣкоторый шутливый ритуалъ; «амфитріонъ Никита» кормилъ своихъ пріятелей обѣдами и поилъ шампанскимъ съ извѣстными веселыми обрядами. Такъ, напримѣръ, его приближенный слуга калмыкъ обязанъ былъ слѣдить за разговорами и, чуть кто-нибудь изъ гостей обмолвится непечатнымъ словомъ, тотчасъ же подносить ему «штрафной» бокалъ съ восклицаніемъ: «Здравія желаю!» Иногда, вѣроятно, въ пирушкахъ «Зеленой Лампы» принимали участіе и актрисы, а еще чаще—«Лансы» въ родѣ Штейнгель, Ольги Массонъ, Наденьки и др., которыхъ упоминаетъ Пушкинъ въ своихъ дружескихъ посланіяхъ къ членамъ кружка. По поводу этихъ «пировъ Вакха и Киприды» въ обществѣ ходили самые преувеличенные и невѣроятные розсказни: благочестивыя кумушки съ ужасомъ передавали другъ другу слухи объ «оргіяхъ», «аѳинскихъ» вечерахъ, о представленіяхъ какихъ-то въ высшей степени непристойныхъ мистерій» въ родѣ изгнанія Адама и Евы изъ рая, гибели Содома и Гоморры и т. п. Всѣ эти разсказы невольно приводятъ на память «сороковыя бочки», которыми Чацкій «тянулъ шампанское». Въ дѣйствительности—болѣе. чѣмъ вѣроятно, что «оргіи» «Зеленой Лампы» не переходили границъ самыхъ обыкновенныхъ кутежей. Чаще же всего это были простые ужины, веселые, непринужденные, во время которыхъ обсуждались разныя театральныя новости и похожденія, при чемъ сужденія заносились даже въ особые протоколы. Очень можетъ быть, что Грибоѣдовъ, бывшій также однимъ изъ посѣтителей вечеровъ «Лампы», пошутилъ надъ пріятельскимъ кружкомъ въ извѣстномъ разсказѣ Репетилова о томъ, какъ онъ, въ дружеской компаніи, вшестеромъ, сочиняетъ водевиль:

Другіе шестеро на музыку кладуть
Другіе хлопаютъ, когда ее дають...

Сочиненіемъ водевилей, между прочимъ, занимались Д. П. Барковъ, Я. И. Толстой и нѣкоторые другіе члены кружка, дарившіе свои произведенія на бенефисные спектакли той или другой актрисѣ. А такъ какъ это занятіе было, пожалуй, единственнымъ сколько-нибудь серьезнымъ ихъ дѣломъ, то Репетиловъ имѣлъ право глубокомысленно воскликнуть отъ ихъ имени: «Да, водевиль есть вещь, а прочее все—гиль!»

Пушкина привлекала къ этотъ пріятельскій кружокъ та свобода и непринужденность, которую онъ въ особенности цѣнилъ. Отзываясь изъ далекаго Кишинева на письмо одного изъ своихъ старыхъ друзей-«лампистовъ», Як. Толстого, онъ рисуетъ домъ Всеволожскаго—

пріютъ гостепріимный,
Пріютъ любви и вольныхъ музъ,
Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
Садилось милое равенство,
Гдѣ своенравный произволъ
Мѣнялъ бутылки, разговоры,
Разсказы, пѣсни шалуна,
И разгорались наши споры
Отъ искръ и шутокъ, и вина...

Черновые варіанты этого стихотворенія даютъ еще нѣсколько подробностей, рисующихъ кружокъ и отношенія къ нему Пушкина:

Я вижу васъ, друзья-обжоры!
Примите брата-шалуна...
. . . . . .
Ты здѣсь, амфитріонъ веселый,
Счастливецъ, добрый, умный враль...
Благословите мой возвратъ!
Но гдѣ же онъ, твой милый братъ,
Недавній рекрутъ Гименея?
Гдѣ ты, предестный Адонисъ,
Жилецъ Пафоса и Киоеры,
Любимецъ вѣтреныхъ Лаисъ,
Счастливый баловень Венеры?
Приди, счастливый царь кулисъ,
Театра злой лѣтописатель,
Младыхъ трагическихъ актрисъ
Непостоянный обожатель!
Вы оба въ прежни времена
Любимой лестью баловали
Шнура свободы и вина...

Пушкинъ былъ поэтомъ этого веселаго кружка. Здѣсь, вмѣстѣ съ винонъ и такъ же свободно, лились его экспромпты, пѣсни, дружескія посланія къ собутыльникамъ; здѣсь сообща придумывались разныя театральныя «шалости» и планы атакъ на Театральное училище, помѣщавшееся въ тѣ годы неподалеку отъ Большого театра, на Екатерининскомъ каналѣ, у Львинаго мостика. Военная и штатская молодежь, поставившая себѣ цѣлью ухаживанье за воспитанницами училища, то и дѣло устраивала катанья верхомъ и въ экипажахъ мимо оконъ, за которыми «томились плѣнницы младыя» подъ строгимъ надзоромъ своей начальницы, г-жи Казасси; офицеры переодѣвались полотерами или трубочистами, чтобы проникнуть въ этотъ завѣтный уголокъ, подкупали прислугу, подстерегали театральныя кареты, въ которыхъ воспитанницъ возили на репетиціи, иногда ухитрялись даже забираться въ эти кареты и т. д. Бывали случаи даже и похищеній воспитанницъ слишкомъ пылкими любовниками; чаще же бывало такъ, что молодые театралы только намѣчали себѣ будущихъ подругъ и терпѣливо ожидали окончанія ими курса, чтобы потомъ прямо изъ училища взять ихъ на свое попеченіе. Такъ, пріятель Пушкина Мансуровъ намѣтилъ себѣ воспитанницу Крылову,—и поэтъ, въ шуточномъ стихотвореніи, утѣшаетъ нетерпѣливаго воздыхателя, что его возлюбленная «скоро счастливой рукой набойку школы скинетъ» и предоставитъ себя въ полное его распоряженіе. Всеволожскій, съ своей стороны, ухаживалъ за будущей танцовщицей Овошниковой,—и Пушкинъ напоминаетъ ему, въ письмѣ уже 1824 г., изъ Михайловскаго, какъ однажды, въ страстную пятницу, онъ отрезвилъ влюбленнаго друга «и привелъ подъ руку въ церковь театральной дирекціи, да помолишься Господу Богу и насмотришься на госпожу Овошникову». Такія экскурсіи въ церковь училища, подъ предлогомъ говѣнья, были однимъ изъ обычныхъ пріемовъ тогдашнихъ театраловъ. Въ подобныхъ продѣлкахъ, по свидѣтельству автора «Лѣтописи русскаго театра» Арапова, особенно отличался Якубовичъ, часто пріѣзжавшій съ этою цѣлью изъ Стрѣльны. Однажды, узнавъ, что на Большомъ театрѣ приготовляется великолѣпный балетъ, онъ взялъ себѣ билетъ въ кресла и поутру, когда шла репетиція, пробрался въ залу и сѣлъ на свое мѣсто. Директоръ, кн. Тюфякинъ, бывшій въ это время на сценѣ, замѣтилъ Якубовича, сидящаго въ креслахъ, и послалъ чиновника сказать ему, чтобы онъ вышелъ, потому что на репетиціи никто не допускается. «Я сижу на своемъ мѣстѣ»,—отвѣчалъ Якубовичъ, показывая билетъ.—«Да это билетъ для вечера, а теперь утро, идетъ проба».—«Такъ что жъ такое»?—возразилъ театралъ:—«я пріѣхалъ въ Петербургъ нарочно для балета: я ужъ отобѣдалъ

и дождусь здѣсь представленія, потому что не увѣренъ, что не попаду подъ арестъ до вечера, а въ такомъ случаѣ не попаду въ театръ, и деньги мои пропадутъ». Директоръ покачалъ головой и велѣлъ оставить Якубовича на его мѣстѣ. Были,—говоритъ тотъ же писатель,—его проказы и еще забавнѣе. Театральныя кареты, возившія воспитанницъ, находились тогда въ самомъ жалкомъ положеніи: онѣ тянулись всегда на тощихъ, по суткамъ некормленныхъ клячахъ, одна за другою. Якубовичъ, передъ разъѣздомъ изъ театра, обыкновенно раздавалъ деньги кучерамъ этихъ каретъ, чтобы они слушали его команду, и забавлялся тѣмъ, что, пролетая на рѣзвой своей парѣ въ дрожкахъ мимо цѣлой вереницы каретъ, кричалъ: «Стой, равняйся!» По этой командѣ всѣ кареты и фургоны останавливались. Неоднократно появлялся онъ и за кулисами и выходилъ въ русскихъ дивертисментахъ переодѣтый сбитенщикомъ, съ бородою и запачканнымъ лицомъ, такъ что его съ трудомъ можно было узнать, и съ самоваромъ, изъ котораго наливалъ танцовщицамъ шоколадъ, раздавая имъ съ калачами бисквиты. Вообще,—заключаетъ Араповъ,—«много происходило забавныхъ сценъ и внѣ театра». Въ этихъ забавныхъ сценахъ Пушкинъ если и принималъ участіе, то, повидимому, только ради друзей, самъ же предпочиталъ ухаживать за актрисами, постоянно посѣщая Колосову, Семенову, для которой написалъ «Замѣчанія объ русскомъ театрѣ», и др. По свидѣтельству Гнѣдича, эта «пьеса, вообще сумасбродная, писана Пушкинымъ, когда онъ приволакивался, но безполезно, за Семеновой, которая тогда же отдала ее» Гнѣдичу. Здѣсь находимъ о Семеновой восторженный отзывъ: о молоденькой же «Сашенькѣ» Колосовой, которая только что выступила на сценѣ въ концѣ 1818 г. и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, должна была сдѣлаться сильной соперницей нашей трагической премьерши, Пушкинъ насмѣшливо замѣчаетъ, что она занимается не столько своими ролями, сколько флигель-адъютантами Его Величества... Извѣстна также эпиграмма его на Колосову въ роли «Эсфири»,—эпиграмма, въ которой поэтъ «въ дыму пылающихъ кадилъ хвалы свистомъ заглушилъ» и за которую онъ впослѣдствіи извинялся. Указаній на какія-нибудь болѣе близкія отношенія Пушкина къ актрисамъ у насъ нѣтъ. Зато поэтъ въ самомъ театрѣ охотно присоединялся къ разнымъ «проказамъ» и «заговорамъ» своихъ друзей, съ цѣлью устроить какую-нибудь демонстрацію—«обшикать Федру, Клеопатру, Монну вызвать» и т. п. По этой части свидѣтелями той поры жизни Пушкина сохранено нѣсколько анекдотовъ, указывающихъ на его «озорничества» въ театрѣ. Такъ, разсказываютъ, что однажды Пушкинъ сталъ аплодировать... но лысинѣ своего сосѣда; въ другой разъ у него вышла крупная ссора съ какимъ-то маіоромъ Денисевичемъ, котораго поэтъ даже вызвалъ на дуэль, но стараніями пріятелей дѣло было улажено безъ кровопролитія. По этому поводу вообще надо замѣтить, что извѣстное «ухарство» и бреттерство считались тогда однимъ изъ неопровержимыхъ доказательствъ принадлежности къ высшему обществу; дуэли не только между офицерами, но и между штатскими молодыми людьми далеко не были рѣдкостью и происходили иногда по причинамъ, совершенно ничтожнымъ, какъ, напр., извѣстная дуэль Шереметева съ Завадовскимъ и Грибоѣдова съ Якубовичемъ изъ-за танцовщицы Истоминой,—дуэль, имѣвшая для Шереметева трагическій исходъ. «Кто тогда не вызывалъ на поединокъ и кого тогда не вызывали на него»?—говоритъ Анненковъ.—«Человѣкъ, сдѣлавшій изъ дуэли свою спеціальность, Якубовичъ, пользовался необычайной популярностью въ свѣтѣ и пріобрѣлъ въ воображеніи молодыхъ людей размѣры и очертанія почти-что эпическаго героя», котораго Пушкинъ даже въ 1825 г. называлъ «героемъ своего воображенія», прибавляя, что въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, много «романтизма». Такую окраску чего-то поэтическаго, «романтическаго», получали въ глазахъ тогдашней молодежи не только дуэли, но даже и самыя заурядныя ночныя похожденія, съ избіеніями будочниковъ; недаромъ Пушкинъ не безъ гордости называетъ кружокъ своихъ пріятелей «грозой полуночныхъ дозоровъ». Анненковъ приводитъ характерный анекдотъ, сохранившійся въ семействѣ Пушкина. Однажды, на упреки въ излишней распущенности, которая могла имѣть для него роковыя послѣдствія, поэтъ просто отвѣчалъ: «Безъ шума никто не выходилъ изъ толпы». Такимъ образомъ, «шумъ» до нѣкоторой степени входилъ въ программу...

Впрочемъ, этотъ разсказъ едва ли слѣдуетъ принимать буквально. Положеніе молодого поэта въ родительскомъ домѣ было вообще далеко не завидно. Денежныя дѣла

отца были въ разстройствѣ; домъ Пушкиныхъ, по разсказу барона Корфа, «представлялъ какой-то хаосъ: въ одной комнатѣ—богатыя старинныя мебели, въ другой—пустыя стѣны, даже безъ стульевъ; многочисленная, но оборванная и пьяная дворня, ветхіе рыдваны съ тощими клячами, пышные дамскіе наряды и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три лишнихъ, то всегда присылали къ намъ за приборами». Сергѣй Львовичъ, поклонникъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, постоянно искавшій знакомствъ и связей въ высшей аристократіи, былъ очень недоволенъ поведеніемъ сына, ворчалъ на него, дѣлалъ ему сцены изъ-за двугривеннаго, когда Пушкинъ, «больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, бралъ извозчика отъ Аничкова моста»; мать была больше занята свѣтскими выѣздами, чѣмъ семейною жизнью; сестра Ольга, годомъ старше поэта, горячо его любила, но, конечно, какъ свѣтская барышня, къ тому же вполнѣ завистливая отъ родителей, ничѣмъ не могла облегчить его положенія; наконецъ, младшій братъ, Левъ, былъ еще совсѣмъ мальчикъ. Такимъ образомъ, Пушкину приходилось въ родительскомъ домѣ испытывать то тяжелое чувство, которое впослѣдствіи онъ такъ живо выразилъ въ рѣчахъ молодого Альберта въ «Скупомъ Рыцарѣ»,—стыдъ горькой бѣдности среди богатства расточительной «золотой» молодежи, его окружавшей. Этимъ чувствомъ поддерживалась въ немъ и страсть къ азартной игрѣ, которая хоть изрѣдка могла доставлять ему средства, необходимыя для того, чтобы сколько-нибудь поддерживать свое положеніе въ кругу независимыхъ друзей; этимъ же чувствомъ питалось и враждебное, озлобленное отношеніе его къ отцу. Племянникъ поэта разсказываетъ, что Пушкинъ,—вѣроятно, подъ вліяніемъ непріятныхъ объясненій съ отцомъ о своихъ расходахъ,—доставъ откуда-то нѣсколько червонцевъ, въ присутствіи Сергѣя Львовича, съ лодки швырялъ ихъ въ воду, любуясь ихъ блескомъ, потухающимъ въ прозрачной рѣчной глубинѣ... Разсказъ этотъ едва-ли имѣетъ подъ собою фактическую почву. Но придуманъ онъ стильно: несомнѣнно, что въ родномъ кругу Пушкинъ чувствовалъ себя одинокимъ и, встрѣчая непріязнь, испытывалъ своеобразное удовольствіе дѣлать что-нибудь «назло». Его неудержимо влекло въ глубь жизни, — туда, гдѣ веселые собесѣдники встрѣчали шумными рукоплесканіями его юную «вакханочку»-музу, съ ея острыми экспромтами и застольными пѣснями, туда, гдѣ его чувства могли питаться разнообразными впечатлѣніями и умъ—находить себѣ пищу въ живыхъ мыслях.

Обширный и пестрый кругъ знакомствъ Пушкина былъ несравненно шире незначительнаго кружка «Зеленой Лампы» [1]). Но и въ этомъ послѣднемъ встрѣчались такіе люди, интересы которыхъ далеко не исчерпывались веселыми затѣями и театральными похожденіями. Достаточно вспомнить, что видное мѣсто среди «лампистовъ» принадлежало гвардейскимъ офицерамъ, въ числѣ которыхъ были такіе люди, какъ, напримѣръ, Каверинъ, студентъ геттингенскаго университета, несомнѣнно, привезшій оттуда «вольнолюбивыя мечты», или Якубовичъ, впослѣдствіи игравшій видную роль въ кружкѣ декабристовъ. Гвардія, принимавшая участіе въ европейскомъ походѣ 1814—1815 гг., возвратилась въ Петербургъ въ 1818 году, послѣ кратковременнаго пребыванія въ Москвѣ, уже съ готовымъ уставомъ «Союза Благодѣянія». Н. И. Тургеневъ, въ своихъ запискахъ, свидѣтельствуетъ, что люди, не бывавшіе нѣсколько лѣтъ въ Петербургѣ, по возвращеніи чрезвычайно удивлялись перемѣнамъ, происшедшимъ въ образѣ жизни, разговорахъ и дѣйствіяхъ молодежи этой столицы. «Казалось»,—говоритъ онъ,—«она проснулась для того, чтобы зажить новой жизнью, чтобы воспринять въ себя все благородное и чистое изъ нравственной и политической области: свободой и смѣлостью своихъ выраженій привлекали вниманіе, главнымъ образомъ, гвардейскіе офицеры, мало заботившіеся о томъ, говорятъ ли они въ общественномъ мѣстѣ или въ салонѣ, передъ своими единомышленниками или передъ врагами... Подцольная литература, замѣчательная по силѣ эпиграммъ и высотѣ политическаго вдохновенія, показывала господствующее направленіе умовъ въ Россіи. Эти небольшія произведенія, неизвѣстныя до тѣхъ поръ, вѣрно опредѣляютъ дни своего появленія, какъ эпоху, полную надежды и размышленій. Періодическая печать сильно интересовалась происходившимъ за границей и особенно—во Франціи, гдѣ пытались создать новыя учре-

[1]) Еще о «Зеленой Лампѣ» см. дальше въ статьяхъ Алексѣя Веселовскаго и Б. Л. Модзалевскаго.

жденія: имена знаменитыхъ французскихъ публицистовъ были такъ же популярны въ Россіи, какъ и въ своемъ отечествѣ, и даже русскіе военные, позабывъ навшаго военнаго генія, вполнѣ освоились съ именами Бенжамена Констана и другихъ ораторовъ и писателей, руководившихъ тогда политическимъ воспитаніемъ европейскаго континента...» Самъ Пушкинъ, вспоминая объ этой эпохѣ десять лѣтъ спустя, говоритъ устами гвардейскаго офицера, что 1818 г. отличался «умозрительными и важными разсужденіями»: «въ то время строгость нравовъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шпагъ; намъ неприлично было танцовать и некогда заниматься дамами». Отраженіе этихъ настроеній мы находимъ и въ первой главѣ «Онѣгина»: герой Пушкина, хотя и не военный, шелъ вровень съ вѣкомъ, «бранилъ Гомера, Ѳеокрита, за то читалъ Адама Смита и былъ великій экономъ» и могъ пускаться въ разсужденія и споры «о Байронѣ и Бенжаменѣ, о карбонарахъ» и пр. Такъ называемые «гомерическіе» кутежи Каверина или бреттерскія выходки Якубовича были только вспышками крупной внутренней силы, не находившей себѣ правильнаго примѣненія; суть лежала гораздо глубже и, конечно, была несравненно серьезнѣе. Представители стараго поколѣнія, къ которому принадлежали Орловы, Киселевъ и другіе знакомцы Пушкина изъ высшей военной среды, серьезностью своихъ идей не могли, конечно, не воздѣйствовать на молодежь, которая, увлекаясь иногда разгуломъ, далеко не была чужда, какъ и показали событія, высшихъ интересовъ и стремленій.

Въ развитіи рукописной политической литературы и особенно—политической поэзіи, о которой говоритъ И. Тургеневъ, Пушкину принадлежала самая крупная, самая выдающаяся роль, вскорѣ сдѣлавшая имя поэта извѣстнымъ далеко за предѣлами обѣихъ столицъ. Его шутки и эпиграммы на самыхъ сильныхъ представителей тогдашней власти сдѣлались достояніемъ всѣхъ сколько-нибудь грамотныхъ людей въ Россіи. Пущинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что Пушкинъ чрезвычайно обрадовался намѣренію И. Тургенева приняться за изданіе политической газеты, въ которой поэтъ, конечно, готовъ былъ участвовать. Мы знаемъ, что онъ и впослѣдствіи всю жизнь мечталъ о возможности такого изданія, по тогдашнимъ условіямъ, однако, неосуществимаго... Среди той «мертвой области рабовъ, капральства, прихотей и моды», въ которой приходилось вращаться молодому поэту при первомъ его вступленіи въ самостоятельную жизнь, политическіе разговоры и создаваемыя ими настроенія были единственной пищей для души... То была пора политическаго романтизма, юношески пылкихъ, хотя и смутныхъ и черезчуръ, можетъ быть, отвлеченныхъ мечтаній о всеобщемъ освобожденіи и братствѣ народовъ, когда низверженіе наполеоновской тиранніи казалось только прологомъ къ близкому и окончательному разрушенію всѣхъ средневѣковыхъ традицій въ жизни европейскаго общества. Друзья Пушкина изъ военной молодежи съ увлеченіемъ неофитовъ предавались этого рода мечтамъ и надеждамъ, и бесѣды съ этими людьми оставили глубокій слѣдъ въ воспріимчивой душѣ поэта. Въ числѣ этихъ офицеровъ находился одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ навсегда сохранилъ дружеское чувство и искреннее уваженіе ученика къ учителю. Чаадаевъ былъ всего на три года старше Пушкина; но его блестящій умъ, обширная начитанность, ѣдкое, подчасъ парадоксальное остроуміе не могли не дѣйствовать на его младшаго друга обаятельнымъ и подчиняющимъ образомъ. Въ политическомъ воспитаніи Пушкина ему, безъ сомнѣнія, принадлежитъ видная роль. Юношеская вѣра въ возможность осуществленія свободныхъ идеаловъ на русской почвѣ была темою безконечныхъ бесѣдъ объ этомъ предметѣ среди передовыхъ представителей общества, осужденныхъ тогдашнимъ строемъ на безплодную праздность,—людей, которые при иныхъ условіяхъ дѣйствительно могли бы проявить богатыя умственныя и нравственныя силы. Эти «молодые якобинцы», какъ называлъ ихъ Пушкинъ, съ восторгомъ привѣтствовали первые звуки его поэтической лиры и заставляли ее звенѣть все сильнѣе и сильнѣе по мѣрѣ того, какъ все больше и больше сгущался мракъ надвигавшейся на Россію реакціи.

Вращаясь въ кругу военной молодежи, Пушкинъ, естественно, началъ снова, какъ и въ лицейскіе дни, мечтать о военномъ мундирѣ. Въ половинѣ 1819 г. близкіе къ поэту люди сообщили другъ другу положительно, что онъ «идетъ въ военную службу», «бредитъ войной» и уѣзжаетъ въ

Грузію или въ Тульчинъ, гдѣ находилась въ то время главная квартира 1-й арміи, штабомъ которой начальствовалъ П. Д. Кисслевъ. Однако, эти замыслы не получили осуществленія, можетъ быть, оттого, что Пушкинъ, по зрѣломъ размышленіи, не захотѣлъ промѣнять свою поэтическую свободу на мундиръ и саблю, а можетъ быть и потому, что отецъ отказался дать ему необходимыя средства для поступленія въ полкъ. Изъ словъ самого Пушкина мы знаемъ, что А. Ѳ. Орловъ также высказался противъ «гусарскихъ» мечтаній поэта, который и послушался совѣта «пламеннаго питомца Беллоны».

Въ числѣ друзей Пушкина изъ военной среды, кромѣ уже названныхъ выше, видное мѣсто занимаютъ еще П. П. Раевскій и П. А. Катенинъ. Первый—сынъ знаменитаго героя 1812 года—познакомился съ Пушкинымъ еще въ бытность поэта въ Лицеѣ. Вмѣстѣ съ своимъ старшимъ братомъ Александромъ, Николай Раевскій принадлежалъ къ тому кругу передовой военной молодежи, изъ котораго вышли впослѣдствіи декабристы, и, безъ сомнѣнія, имѣлъ свою долю вліянія на развитіе политическихъ идей поэта. Въ болѣе позднюю пору, въ пору ссылки, семья Раевскихъ сыграла выдающуюся роль въ жизни Пушкина на Кавказѣ и въ Крыму. Что касается Катенина, то это былъ человѣкъ иного склада мыслей: далекій отъ интересовъ политическихъ, онъ былъ всецѣло преданъ интересамъ театра и литературы. Классикъ по литературнымъ своимъ убѣжденіямъ, безусловный поклонникъ и впослѣдствіи переводчикъ Расина и Корнеля, Катенинъ былъ однимъ изъ выдающихся представителей небольшого кружка литераторовъ и театраловъ, собиравшагося у кн. Шаховского. Пушкинъ, какъ вѣрный «арзамасецъ», въ ранней юности издѣвался надъ Шаховскимъ, сочинялъ на него эпиграммы, заносилъ въ свою записную книжку игривые куплеты «на Шутовскаго», но впослѣдствіи имѣлъ, конечно, случай по достоинству оцѣнить и дѣйствительныя заслуги Шаховского передъ нашимъ театромъ, и самостоятельность сужденій Катенина. И вотъ, молодой поэтъ, «условій свѣта свергнувъ бремя», прямо явился въ Преображенскія казармы къ Катенину, съ которымъ раньше не былъ знакомъ, и сказалъ ему: «Я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисѳену: побей, но выучи!»—«Умнаго учить—только портить», отвѣчалъ Катенинъ. Съ этихъ поръ между нимъ и Пушкинымъ установились прочныя дружескія отношенія. Катенинъ прозвалъ поэта le jeune m-r Arouet, и Пушкинъ восхищался заключающимся въ этомъ прозвищѣ каламбуромъ (Arouet—à rouer). Ихъ бесѣды, конечно, имѣли преимущественно литературный характеръ; Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ, могъ многому научиться у своего «преображенскаго пріятеля», который былъ гораздо (на семь лѣтъ) его старше и самъ успѣлъ уже пріобрѣсти основательныя литературныя знанія; вліяніе Катенина на литературные взгляды нашего поэта чувствуется и въ эти ранніе годы, въ особенности же замѣтнымъ становится впослѣдствіи.

Наконецъ, остается еще одинъ обширный кругъ знакомства и дружбы самой прочной и продолжительной,—кругъ, съ которымъ Пушкина уже съ дѣтства связывали и семейныя отношенія, и собственное призваніе,—кругъ литераторовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Здѣсь юный поэтъ съ самыхъ первыхъ своихъ шаговъ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями. Къ нему одинаково радушно относились и старики, сверстники и пріятели его отца и дяди—Нелединскій, Крыловъ, Олениныъ, затѣмъ Карамзинъ и «арзамасцы», рано принявшіе «Сверчка» въ свою среду, и молодежь—кн. Вяземскій, Батюшковъ, Баратынскій и др. «Восторженныя и неумолкаемыя привѣтствія встрѣчали его при каждомъ появленіи между собратами, какъ бы различны ни были ихъ убѣжденія»,—говоритъ Анненковъ. «Пушкина носили здѣсь на рукахъ и тѣ люди, которые не протягивали ему руки, когда стояли на другой почвѣ. Онъ былъ балованное дитя современныхъ ему писателей, которые старались избѣгать его эпиграммъ и домогались отъ него посланій, какъ отличія...» Въ домѣ президента Академіи Художествъ Оленина, широко открытомъ для писателей и художниковъ, Пушкинъ былъ своимъ человѣкомъ; на мызѣ Олениныхъ «Пріютино», недалеко отъ Сиверской, еще лѣтъ 20 тому назадъ сохранялась бесѣдка, всѣ стѣны которой, говорятъ, были исписаны друзьями хозяевъ, литераторами, въ томъ числѣ и Пушкинымъ. Бесѣдка эта теперь уничтожена, и отъ надписей, конечно, не осталось никакого слѣда. Лѣтомъ въ Пріютинѣ, а зимой въ петербургскомъ домѣ Олениныхъ Пушкинъ постоянно встрѣчался съ Крыловымъ, Карамзинымъ, Жуков-

скимъ, братьями Тургеневыми; въ этой средѣ онъ, конечно, чувствовалъ себя вполнѣ свободно и, несмотря на свою молодость, держался, какъ равный съ равными.

Отъ Оленина, который, будучи въ свое время близокъ къ Державину, оставался вѣрнымъ членомъ «Бесѣды любителей россійскаго слова», этой хранительницы ветхозавѣтныхъ литературныхъ преданій, надъ которою такъ безпощадно смѣялись молодые писатели,—Пушкинъ переходилъ въ среду, совершенно противоположную по литературнымъ вкусамъ и симпатіямъ,—въ среду «Арзамаса». Какъ общество, собиравшееся періодически съ опредѣленными цѣлями, «Арзамасъ» переталъ существовать уже въ 1818 г., когда нѣкоторыми изъ его членовъ сдѣлана была неудавшаяся попытка отвлечь его отъ невиннаго препровожденія времени и нерѣдко шутовскихъ забавъ на болѣе серьезный политическій путь. Но, не смотря на этотъ распадъ, дружескія связи между «арзамасцами» не прекращались, какъ не прекратился и обычай отмѣчать эпиграммами тѣ явленія жизни литературной и общественной, отъ которыхъ вѣяло затхлымъ духомъ старовѣрства и реакціи. Въ этомъ отношеніи сатирическое негодованіе арзамасцевъ получило обильную пищу, съ одной стороны, въ нападкахъ «зоила» Каченовскаго на только что вышедшую въ свѣтъ «Исторію Государства Россійскаго» Карамзина, а съ другой стороны, въ тѣхъ проявленіяхъ юродства и мракобѣсія, которыя стали все чаще и чаще повторяться въ послѣдніе годы царствованія Александра I. Эпиграммы Пушкина на Каченовскаго, на князя Голицына, Фотія и др. служатъ вѣрнымъ отраженіемъ этихъ арзамасскихъ настроеній.

Появленіе Исторіи Карамзина, бывшее въ свое время крупнымъ событіемъ—не только литературнымъ, но и общественнымъ, вызвало самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Одинъ изъ ревностныхъ сторонниковъ исторіографа, В. Измайловъ, задавшійся цѣлью собрать эти отзывы, свидѣтельствуетъ, что одни обвиняли Карамзина въ безграмотности и трудъ его считали недостойнымъ имени исторіи, другіе же называли его «побѣдителемъ Тацитовъ, Юмовъ, Вольтеровъ» и говорили, что онъ «пристыдилъ всѣхъ древнихъ, новыхъ и даже предбудущихъ историковъ». Таковы были крайности въ сужденіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Что же касается мнѣнія общественнаго, то его въ то время не существовало, потому что публика, говоря словами Измайлова, состояла «изъ великой толпы лѣнивцевъ, равно бѣгущихъ отъ умной рѣчи и отъ умной книги, для нихъ отяготительной, изъ сельскихъ дворянъ, заслоняющихся книгою отъ скуки, и свѣтскихъ баръ, по слуху знакомыхъ съ россійскою словесностью; наконецъ, изъ такого ограниченнаго числа судей просвѣщенныхъ безъ обмана и ученыхъ безъ педантства, что исключенія кажутся неважными...»

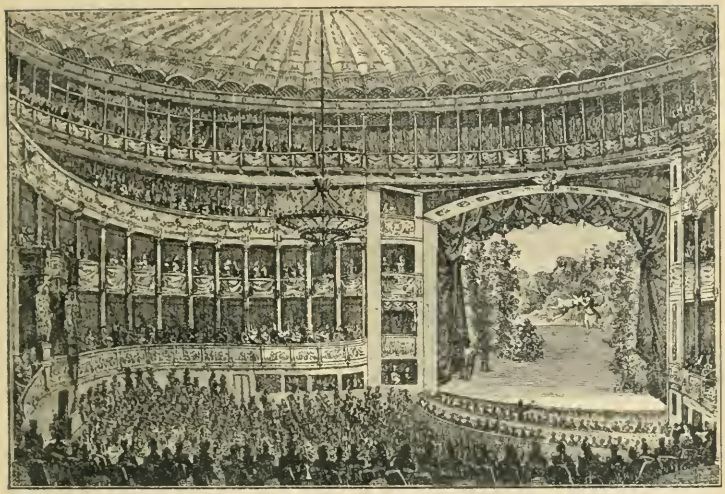
Исторія Карамзина произвела сильное впечатлѣніе на Пушкина. Въ случайно сохранившемся въ рукописяхъ поэта небольшомъ автобіографическомъ отрывкѣ, вспоминая объ этомъ времени уже послѣ смерти Карамзина, Пушкинъ говоритъ о себѣ, что онъ въ ту пору велъ разсѣянную свѣтскую жизнь и что его произведенія были «запечатлѣны печатью вольномыслія». Неожиданно приключившаяся болѣзнь остановила на время этотъ образъ жизни. «Я занемогъ гнилою горячкою»,— разсказываетъ Пушкинъ:—«Лейтонъ за меня не отвѣчалъ. Семья моя была въ отчаяніи: но черезъ шесть недѣль я выздоровѣлъ. Сія болѣзнь оставила во мнѣ впечатлѣніе пріятное. Друзья навѣщали меня довольно часто; ихъ разговоры сокращали скучные вечера. Чувство выздоровленія—одно изъ самыхъ сладостныхъ. Помню нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я весны, хоть это время года обыкновенно наводитъ на меня тоску и даже вредитъ моему здоровью. Но душный воздухъ и закрытыя окна такъ мнѣ надоѣли во время болѣзни моей, что весна являлась моему воображенію со всею поэтическою своею прелестью. Это было въ февралѣ 1818 года. Первые восемь томовъ исторіи Карамзина вышли въ свѣтъ. Я прочелъ ихъ въ своей постели съ жадностью и вниманіемъ... Всѣ, даже свѣтскія женщины, бросились читать исторію своего отечества, дотолѣ имъ неизвѣстную... Когда, по моемъ выздоровленіи, я снова явился въ свѣтъ, толки были во всей силѣ»...

Далѣе Пушкинъ разсказываетъ объ этихъ толкахъ, о томъ, какъ негодовали на Карамзина «молодые якобинцы» за его «размышленія въ пользу самодержавія», какъ Никита Муравьевъ, одинъ изъ «общества умныхъ», разбиралъ предисловіе, а «нѣкоторые остряки» за ужиномъ перелагали первыя главы Тита Ливія карамзинскимъ слогомъ. Кстати вспоминаетъ Пушкинъ и о томъ, какъ онъ самъ поддался

этому настроенію «якобинцевъ»—и сочинилъ эпиграмму, которую онъ называетъ «одной изъ лучшихъ русскихъ эпиграммъ», тутъ же прибавляя, впрочемъ: «это—не лучшая черта моей жизни»...

Политическія убѣжденія исторіографа, строго-консервативныя и монархическія, конечно, не встрѣчали сочувствія со стороны Пушкина, который не разъ пытался ему возражать. Карамзинъ относился къ этимъ возраженіямъ снисходительно, подтрунивая надъ юнымъ «либерализмомъ» и не придавая его словамъ серьезнаго значенія. Но эта коренная разница во взглядахъ, вполнѣ понятная при различіи возраста и общественнаго положенія, не мѣшала Пушкину уважать прекрасныя душевныя качества Карамзина. Поэтъ самъ вспоминаетъ, въ упомянутой выше автобіографической запискѣ, объ этихъ своихъ спорахъ съ Карамзинымъ. «Однажды»,—говоритъ онъ,—«началъ онъ примѣръ излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?» Карамзинъ вспыхнулъ и назвалъ меня своимъ клеветникомъ. Я замолчалъ... Разговоръ перемѣнился. Я всталъ. Карамзину стало совѣстно, и, прощаясь со мной, онъ ласково упрекалъ меня, какъ бы самъ извинялся въ своей горячности: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили»... Однажды, отправляясь въ Павловскъ и надѣвая свою ленту, онъ посмотрѣлъ на меня накосясь. Я прыснулъ, и мы оба расхохотались»... О своей эпиграммѣ на Исторію Государства Россійскаго Пушкинъ впослѣдствіи, отвѣчая на упреки Вяземскаго, писалъ, что она была сочинена въ такую пору, когда Карамзинъ «отстранилъ его отъ себя, глубоко оскорбивъ его честолюбіе и сердечную къ нему приверженность». Здѣсь подъ словомъ «честолюбіе», конечно, слѣдуетъ понимать понятія Пушкина о чести: вѣроятно, именно къ этому случаю и относится разсказанный выше эпизодъ, когда Карамзинъ, разсердившись на поэта, назвалъ его «клеветникомъ». Вообще же, несмотря на эти размолвки, Карамзинъ оставался пензнѣнимымъ покровителемъ и заступникомъ Пушкина, что и доказалъ своимъ участіемъ въ избавленіи поэта отъ грозившей ему большой бѣды.

Однако, при всей добротѣ Карамзина, при всей его терпимости къ задорному юношескому либерализму и при всей заботливости о судьбѣ даровитаго «чертенка-племянника» его старшаго пріятеля Василія Львовича, Пушкинъ никакъ не могъ чувствовать себя къ нему особенно близкимъ: въ домѣ Карамзиныхъ его встрѣчали привѣтливо, но, все-таки, какъ чужого. Несравненно ближе стоялъ Пушкинъ къ другому выдающемуся представителю тогдашней нашей литературы—къ Жуковскому, который, кстати припомнить, былъ почти настолько же моложе Карамзина, насколько старше Пушкина. Добродушный, всегда ровный, съ наклонностью къ шуткамъ и сатирическимъ, хотя бы и безобиднымъ выходкамъ, Жуковскій уже по самому складу своего характера былъ гораздо родственнѣе Пушкину и могъ лучше понимать и оцѣнивать настроенія молодого поэта. Близость его къ семьѣ Пушкиныхъ, дружеское расположеніе и всегдашнее живое участіе къ юношѣ, въ которомъ онъ едва ли не раньше другихъ подмѣтилъ поэтическій геній и постоянно старался его ободрять и поощрять, наконецъ, простота въ обращеніи,—все это привлекало Пушкина къ Жуковскому, и скоро между ними установились на всю жизнь тѣ отношенія, которыя можно безъ преувеличенія назвать родственными: Пушкинъ смотрѣлъ на Жуковскаго какъ на старшаго своего брата, раскрывалъ передъ нимъ всѣ свои мысли, дѣлился съ нимъ всѣми своими чувствами, обращался къ нему во всѣхъ сколько-нибудь серьезныхъ случаяхъ своей жизни. Тотъ возвышенный взглядъ на поэзію и призваніе поэта, который всегда такъ горячо проповѣдывался идеалистомъ Жуковскимъ, находилъ себѣ сочувственный откликъ въ душѣ Пушкина уже и въ эту раннюю пору, какъ это видно изъ его поэтическихъ обращеній къ Жуковскому же, а впослѣдствіи былъ имъ вполнѣ усвоенъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ Жуковскаго складывались литературныя симпатія Пушкина; ему онъ былъ обязанъ своимъ раннимъ, еще на школьной скамьѣ, пріемомъ въ «Арзамасъ», который сообщилъ его литературнымъ понятіямъ вполнѣ опредѣленное направленіе. Изъ числа «арзамасскихъ» друзей поэта, кромѣ Жуковскаго, ближе другихъ стоялъ къ нему кн. П. А. Вяземскій, тѣсная дружеская связь съ которымъ осталась прочной на все время жизни Пушкина. Къ составу Арзамаса принадлежалъ также пензнѣнный пріятель Вяземскаго Александръ Ивановичъ Тургеневъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ представителей Александровскаго царствованія,



БОЛЬШОЙ ТЕАТРЪ ВЪ 1815—1820 гг.

(*Съ рѣдкой гравюры изъ собранія П. Я. Дашкова*).

пользовавшійся, благодаря своему общительному характеру и широкимъ связямъ въ различныхъ кругахъ общества, значительнымъ вліяніемъ въ правительственныхъ сферахъ. Тургеневъ, въ 1811 г. помогъ помѣстить мальчика-Пушкина въ лицей; на его же долю выпала впослѣдствіи печальная обязанность проводить тѣло Пушкина въ Святогорскій монастырь... Когда, въ сентябрѣ 1817 г., Вяземскій переѣхалъ на службу въ Варшаву, Тургеневъ велъ съ нимъ оживленную переписку, сообщая всевозможныя петербургскія новости — придворныя, свѣтскія и литературныя; видное мѣсто въ этой перепискѣ занимаютъ разныя свѣдѣнія о Пушкинѣ, которымъ Вяземскій всегда очень интересовался. У Тургенева Пушкинъ познакомился и сошелся съ его младшими братьями, Николаемъ и Сергѣемъ, изъ которыхъ первый служилъ въ то время въ государственномъ совѣтѣ и въ 1819 г. напечаталъ свой замѣчательный экономическій трудъ: «Опытъ теоріи налоговъ», а второй—дипломатъ, въ томъ же 1819 г. былъ назначенъ драгоманомъ при нашемъ посольствѣ въ Константинополѣ. Какъ того, такъ и другого Пушкинъ прозвалъ «двумя Мирабо» за ихъ либеральныя убѣжденія; Сергѣя, кромѣ того, онъ называетъ въ одномъ изъ писемъ «мятежнымъ драгоманомъ». Николай Тургеневъ, какъ извѣстно, былъ членомъ образовавшагося въ 1818 г. Союза Благоденствія и однимъ изъ самыхъ убѣжденныхъ сторонниковъ преобразованія Россіи на конституціонныхъ началахъ и особенно освобожденія крестьянъ. Въ томъ тѣсномъ дружескомъ кругу, въ которомъ онъ могъ вполнѣ свободно выражать свои мысли и къ которому, несомнѣнно, принадлежалъ и Пушкинъ, хотя и не входившій въ составъ тайнаго общества, обсуждались самые жгучіе для Россіи политическіе вопросы. По выраженію Тургенева, «нашъ богатый и красивый языкъ, носившій на себѣ отпечатокъ дурного общественнаго строя, облагораживался идеями истины, свободы и человѣческаго достоинства». Здѣсь шла рѣчь о современномъ положеніи отечества, о бѣдствіяхъ и злоупотребленіяхъ, которыя все сильнѣе и сильнѣе давали себя чувствовать среди тяжелой реакціи, и высказывалась пылкая, подчасъ мечтательная увѣренность въ лучшемъ будущемъ, которое, какъ многимъ казалось, не заставитъ себя долго ждать. Къ событіямъ въ

Европѣ прислушивались съ большимъ вниманіемъ и радостно привѣтствовали всякій шагъ къ свободѣ. Общество Тургеневыхъ, безъ сомнѣнія, оказало значительное вліяніе на проясненіе политическихъ идей Пушкина. По преданію, знаменитая Ода «Вольность» была написана въ квартирѣ Тургеневыхъ, изъ оконъ которой поэтъ могъ любоваться на «забвенью брошеный дворецъ» Павла I.

Такова была та обширная и разнообразная среда, въ которой очутился 18-лѣтній Пушкинъ по выходѣ своемъ изъ учебнаго заведенія. Пылкій и впечатлительный юноша, жаждалъ узнать свѣтъ во всѣхъ его сферахъ и жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. То и дѣло перебѣгалъ онъ изъ свѣтской гостиной на шумную и непринужденную холостую пирушку, изъ скромнаго кабинета Жуковскаго или изъ того «низкаго домика» въ Семеновскомъ полку, гдѣ «жилъ поэтъ Баратынскій съ Дельвигомъ, также поэтомъ»,—въ пеструю толпу театральной или бальной залы или въ будуаръ «Ланскы», изъ кружка «молодыхъ якобинцевъ», гдѣ раздавались пламенныя рѣчи о вольности и гдѣ поэтъ, можетъ быть, импровизировалъ свои «зажигательные» стихи,—въ чинное и старомодное общество Оленина или Карамзина, а оттуда—опять къ Чаадаеву, Катенину, къ Семеновой или Колосовой... «Я любилъ шумъ и толпу»,—говоритъ поэтъ, какъ будто безсознательно слѣдовавшій завѣту Гете: «занукайте руку глубже въ полноту человѣческой жизни; всякій ее знаетъ, но немногимъ она извѣстна, и тамъ, гдѣ вы ее захватите, тамъ она интересна». Можетъ быть, въ эти ранніе годы молодости Пушкинъ и не придавалъ еще серьезнаго значенія пестрому калейдоскопу окружавшихъ его впечатлѣній, но несомнѣнно, что не всѣ они легко скользили по поверхности его души; многія западали и глубже, и оставляли слѣдъ, вспоминавшійся въ иную, болѣе зрѣлую пору жизни поэта, когда онъ научился «удерживать вниманье долгихъ думъ». Не всегда же владѣла имъ одна только веселая беззаботность, хотя въ то время и составлявшая главную черту его характера...

Закружившись въ этомъ вихрѣ, среди «минутныхъ друзей минутной молодости» и болѣе зрѣлыхъ «наставниковъ», Пушкинъ рѣдко оставался наединѣ съ самимъ собою, въ той маленькой комнаткѣ отцовской квартиры, гдѣ, среди разбросанныхъ тетрадей, хранившихъ его поэтическія впечатлѣнія, ждала его начатая еще на школьной скамьѣ и туго подвигавшаяся впередъ поэма—«Русланъ и Людмила», отъ которой не столько онъ самъ, сколько его старшіе друзья ожидали для него громкой славы. Къ этому произведенію Пушкинъ могъ возвращаться только урывками, мимоходомъ набрасывая небольшіе кусочки среди черновыхъ стихотвореній совершенно иного склада и содержанія. Только болѣзнь, вынуждая его сидѣть дома, создавала, противъ его воли, обстановку, болѣе благопріятную для продолжительнаго труда. «Первая болѣзнь была и первою кормилицею его поэмы»,—писалъ Тургеневъ Вяземскому въ декабрѣ 1818 г. «Венера приговаривала его къ поэмѣ и къ постели»,—читаемъ въ другомъ письмѣ. Пушкинъ «слегъ» пишетъ тотъ же Тургеневъ въ февралѣ 1819 г.: «старое пристало къ новому, и пришлось ему опять за поэму приниматься». При такихъ-то обстоятельствахъ, «за старые грѣхи наказанный судьбой, съ поэмой въ головѣ, съ лѣкарствами въ желудкѣ, съ Меркуріемъ въ крови, съ раскаяньемъ въ разсудкѣ», поэтъ-затворникъ отдавался своему вдохновенію, и работа быстро подвигалась впередъ. Интересное изображеніе больного Пушкина за поэмой находится въ изданной еще при его жизни и, вѣроятно, извѣстной ему книжкѣ: «Новыя русскія повѣсти, сказки и стихотворенія, изданныя В. Эртелемъ, или Русскій Альманахъ» (Спб. 1833). Здѣсь, между прочимъ, помѣщенъ беллетристическій разсказъ подъ заглавіемъ: «Выписка изъ бумагъ дяди Александра», въ которомъ авторъ упоминаетъ о своемъ близкомъ знакомствѣ съ барономъ Дельвигомъ и Баратынскимъ. Оба поэта условились познакомить «дядю Александра» съ Пушкинымъ, и всѣ вмѣстѣ отправились къ нему. «Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста... Мы взошли на лѣстницу: слуга отворилъ двери, и мы вступили въ комнату П.—У дверей стояла кровать, на которой лежалъ молодой человѣкъ въ полосатомъ бухарскомъ халатѣ, съ ермолкою на головѣ. Возлѣ постели, на столѣ, лежали бумаги и книги. Въ комнатѣ соединялись признаки жилища молодого свѣтскаго человѣка съ поэтическимъ безпорядкомъ ученаго. При входѣ нашемъ П. продолжалъ писать нѣсколько минутъ; потомъ, обратясь къ намъ, какъ будто уже зналъ, кто пришелъ, подалъ обѣ

руки моимъ товарищамъ со словами: «Здравствуйте, братцы!» Вѣдь за симъ онъ сказалъ мнѣ съ ласковою улыбкою: «Я давно желалъ знакомства съ вами, ибо мнѣ сказывали, что вы большой знатокъ въ винѣ и всегда знаете, гдѣ достать свѣжія устрицы». Я не зналъ, радоваться ли мнѣ этому привѣтствію, или сердиться на него, однако жъ отвѣчалъ съ усмѣшкою: «Развѣ вы думаете, что способность ощущать физическія наслажденія, опредѣлять истинное ихъ достоинство и гармонически соединять ихъ проистекаетъ изъ того же источника, какъ и нравственное чувство изящнаго, которое, вѣроятно, по сей причинѣ на всѣхъ языкахъ означается однимъ и тѣмъ же словомъ—вкусъ?» По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ себѣ я нахожу такое мнѣніе совершенно правильнымъ, ибо иначе не могъ бы съ такимъ удовольствіемъ читать ваши прелестныя произведенія». Такъ какъ П. увидѣлъ, что я могу судить не объ однихъ винѣ и устрицахъ, то разговоръ обратился скоро къ другимъ предметамъ. Мы говорили о древней и новой литературѣ и остановились на новѣйшихъ произведеніяхъ. Сужденія П. были вообще кратки, но мѣтки, и даже когда они казались несправедливыми, способъ изложенія ихъ былъ такъ остроуменъ и блистателенъ, что трудно было доказать ихъ неправильность. Въ разговорѣ его была большая наклонность къ насмѣшкѣ, которая часто становилась язвительною. Она отражалась во всѣхъ чертахъ лица его, и думаю, что онъ способенъ возвыситься до той истинно поэтической ироніи, которая подъемлется надъ ограниченною жизнію смертныхъ и которой мы столько удивляемся въ Шекспирѣ. Хозяинъ нашъ оканчивалъ тогда романтическую свою поэму. Я зналъ уже изъ нея нѣкоторые отрывки, которые совершенно плѣнили меня и исполнили нетерпѣніемъ узнать цѣлое. Я высказалъ это желаніе; товарищи мои присоединились ко мнѣ, и П. принужденъ былъ уступить нашимъ усильнымъ просьбамъ и прочесть свое сочиненіе.»

Въ эпилогѣ къ «Руслану» Пушкинъ вспоминаетъ о томъ, сколько наслажденія доставляло ему созданіе этой поэмы. Въ минуты вдохновенія онъ былъ всегда одинокъ со своей музой, становился равнодушнымъ зрителемъ суетливаго міра и легко забывалъ «обиды слѣпого счастья и враговъ, измѣны вѣтреной Дориды и сплетни шумныя глупцовъ». Трудъ уносилъ его «за край земной» и отвлекалъ отъ впечатлѣній подчасъ очень суровой дѣйствительности...

Оправившись отъ послѣдней своей болѣзни, Пушкинъ, «худой, обритый, по-живой», уѣхалъ въ іюлѣ 1819 г. въ псковскую деревню—и черезъ мѣсяцъ вернулся оттуда въ Петербургъ съ VI пѣснью «Руслана». Поэма, однако, требовала еще поправокъ и передѣлокъ, такъ что «послѣднюю точку» авторъ могъ поставить только въ страстную пятницу, 26 марта 1820 г., къ великому удовольствію всѣхъ своихъ друзей и въ особенности Жуковскаго, сейчасъ же подарившаго ему свой портретъ на память о «семъ высокоторжественномъ днѣ». Послѣ Пасхи началось печатаніе поэмы.

Между тѣмъ, надъ Пушкинымъ уже собиралась гроза. Его либеральныя стихотворенія—«Деревня», «Ода на свободу», «Сказки» («Ноэль»), а въ особенности язвительныя эпиграммы на властныхъ тогда людей получили широкое распространеніе во всѣхъ кругахъ общества; ихъ переписывали, выучивали наизусть, передѣлывали и, какъ водится, распространяли подъ именемъ Пушкина много и такихъ вещей, которыя вовсе не принадлежали ему, хотя и были написаны въ его духѣ. Однажды императоръ, при свиданіи съ бывшимъ директоромъ лицея Энгельгардтомъ, сказалъ ему: «Пушкина надо сослать въ Сибирь. Онъ взволновалъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ...» Друзья предостерегали поэта: но эти предостереженія мало на него дѣйствовали. Разсказываютъ, что однажды, въ пору ледохода, онъ съ хохотомъ отвѣтилъ на подобный совѣтъ: «Теперь самое время либеральничать,—мосты разведены, съ крѣпостью сообщенія нѣтъ!» Пушкинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что «его остроты и продѣлки были всѣмъ извѣстны. Конечно, болтовня эта—вздоръ; но этотъ вздоръ, похожій нѣсколько на подразниванье, переходилъ изъ устъ въ уста и порождалъ разные толки, имѣвшіе дальнѣйшее свое развитіе...» Одна изъ этихъ сплетенъ, злорадно повторяемая даже знакомыми поэта, утверждала, будто Пушкинъ былъ высѣченъ въ тайной канцеляріи. «До меня этотъ слухъ дошелъ только тогда, когда уже всѣ о немъ говорили»,—писалъ поэтъ впослѣдствіи. «Я видѣлъ себя уничтоженнымъ въ глазахъ общества; я упалъ духомъ, терзался... Вѣдь мнѣ было тогда всего 20 лѣтъ! Я раздумывалъ, слѣдуетъ ли мнѣ покончить съ со-

бою или убить государя. Но въ первомъ случаѣ я только подтвердилъ бы опозорившую меня сплетню, а во второмъ я все-таки не отомстилъ бы за себя, ибо на самомъ дѣлѣ я не былъ оскорбленъ; я только совершилъ бы преступленіе, пожертвовавъ мнѣнію презираемой мною толпы—жизнью человѣка, нѣкогда мною уважаемаго. Эти соображенія были мною сообщены одному изъ моихъ друзей (вѣроятно—Чаадаеву), который вполнѣ со мною согласился. Онъ посовѣтовалъ мнѣ сдѣлать попытку оправдаться передъ правительствомъ. Я чувствовалъ безполезность такого шага. Я рѣшился выказать въ своихъ рѣчахъ и сочиненіяхъ столько наглости и буйства, чтобы правительство, наконецъ, вынуждено было отнестись ко мнѣ, какъ къ преступнику; я жаждалъ Сибири или крѣпости, какъ возстановленія чести...»

Къ этому-то времени и относится, напримѣръ, обращеніе Пушкина къ всесильному Аракчееву: «Ты стоишь лавровъ Геростратa иль смерти нѣмца Коцебу...» Пушкинъ высказывалъ громкое одобреніе «подвигу» студента Занда, убившаго Коцебу за его дѣятельность въ реакціонномъ духѣ Священнаго Союза и русскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ восторгался также и дѣяніемъ фанатика Лувеля, который, рѣшивъ «искоренить» родъ Бурбоновъ, какъ враговъ Франціи, убилъ (13 февраля 1820) герцога Шарля Беррійскаго, второго сына графа д'Артуа и отца извѣстнаго впослѣдствіи претендента на французскій престолъ графа Шамбора. Одинъ изъ пріятелей Пушкина, Аркадій Родзянко, увѣрялъ знакомыхъ, что «самъ видѣлъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находившимся подлѣ него лицамъ портретъ Лувеля съ надписью: Урокъ царямъ!» Тотъ же Родзянко не постыдился сочинить на своего пріятеля сатиру, въ которой находились стихи:

> И всѣ его права—иль два, иль три Ноэля,
> Гимнъ Занду—на устахъ, въ рукѣ—портретъ Лувеля.

Повидимому, послѣдней каплей, переполнившей чашу снисхожденія къ его «шалостямъ», была эпиграмма на Аракчеева. По всей вѣроятности, императоръ Александръ былъ также возмущенъ описаніемъ смерти его отца—въ одѣ «Вольность». Одинъ изъ благонамѣренныхъ мемуаристовъ того времени, А. Н. Михайловскій, конечно, со словъ тогдашнихъ гонителей Пушкина, называетъ поэта «корифеемъ мятежниковъ» и прибавляетъ къ этому эпитету слѣдующую характеристику: «Изъ царскосельскаго лицея вышелъ Пушкинъ, мерзкими, развратительными, но вмѣстѣ щегольскими стихами осмѣивающій императора Александра, правительство и основанія, на которыхъ опочіетъ величество Россіи. Стихи сіи въ устахъ, а слѣдовательно—и въ сердцахъ мальчиковъ. Меня увѣряли, что воспитанникъ лицея кн. Безбородко, который въ нѣжинѣ, будучи выпѣшимъ лѣтомъ у своихъ родителей, привезъ цѣлыя тетради ругательныхъ стиховъ Пушкина, ими наизусть выученныхъ...»

Узнавъ, что государь сильно гнѣвается на Пушкина и что поэту грозитъ, можетъ быть, даже ссылка въ Соловецкій монастырь, друзья принялись дѣятельно хлопотать за него. «Надъ здѣшнимъ поэтомъ Пушкинымъ»,—писалъ Карамзинъ Дмитріеву,—«если не туча, то, по крайней мѣрѣ, облако, и громоносное: служа подъ знаменами либералистовъ, онъ написалъ и распустилъ стихи на вольность, эпиграммы на властителей и пр. Это узнала полиція... Хотя я уже давно, истощивъ всѣ способы образумить эту безпутную голову, предалъ несчастнаго Року и Немезидѣ, однако жъ, изъ жалости къ таланту, замолвилъ слово, взявъ съ него обѣщаніе уняться. Не знаю, что будетъ. Мнѣ уже поздно учиться сердцу человѣческому; иначе я могъ бы похвалиться новымъ удовольствіемъ, что либерализмъ нашихъ молодыхъ людей совсѣмъ не есть геройство и великодушіе...» Первое извѣстіе о грозившей Пушкину бѣдѣ Карамзинъ получилъ отъ Чаадаева, который, кромѣ него, просилъ за поэта своего начальника кн. Васильчикова; съ другой стороны, Гнѣдичъ въ слезахъ бросился къ Оленину, умоляя его спасти поэта; наконецъ, въ хлопотахъ приняли участіе Жуковскій, уважаемый государемъ Энгельгардтъ и Ѳ. Н. Глинка. Послѣдній, встрѣтивъ Пушкина на улицѣ, узналъ отъ него, что его вызвали къ генералъ-губернатору Милорадовичу—очевидно, для объясненій по поводу стиховъ; а наканунѣ къ Пушкину, въ его отсутствіе, явился какой-то неизвѣстный и предлагалъ слугѣ пятьдесятъ рублей, прося дать ему на время почитать сочиненія барина; вѣрный старикъ не согласился, все разсказалъ Пушкину, и тотъ поспѣшилъ уничтожить все, что могло бы его компрометировать въ глазахъ власти. Обсудивъ съ Пушкинымъ эту исторію, Глинка

сказалъ ему: «Идите прямо къ Милорадовичу, не смущаясь и безъ всякаго опасенія. Онъ не поэтъ, но въ душѣ и рыцарскихъ его выходкахъ много романтизма и поэзіи; его не понимаютъ!» Поговоривъ еще немного, они разстались. Пушкинъ отправился къ генералъ-губернатору, и о томъ, что тамъ произошло, Глинка разсказываетъ такъ: «Часа черезъ три явился и я къ Милорадовичу, при которомъ, какъ при генералъ-губернаторѣ, состоялъ я, по Высочайшему повелѣнію, по особымъ порученіямъ. Лишь только ступилъ я на порогъ кабинета, Милорадовичъ, лежавшій на своемъ зеленомъ диванѣ, окутанный дорогими шалями, закричалъ мнѣ навстрѣчу: «Знаешь, душа моя, у меня сейчасъ былъ Пушкинъ. Мнѣ, вѣдь, велѣно взять его и забрать всѣ его бумаги; но я счелъ болѣе деликатнымъ пригласить его къ себѣ и ужъ отъ него самого вытребовать бумаги. Вотъ, онъ и явился, очень спокоенъ, съ свѣтлымъ лицомъ, и когда я спросилъ о бумагахъ, онъ отвѣчалъ: Графъ, всѣ мои стихи сожжены, у меня ничего не найдется на квартирѣ, но, если вамъ угодно, все найдется здѣсь (указалъ пальцемъ на свой лобъ). Прикажите подать бумаги,—я напишу все, что когда-либо написано мною (разумѣется, кромѣ печатнаго), съ отмѣткою, что мое и что разошлось подъ моимъ именемъ.—Подали бумаги. Пушкинъ сѣлъ и писалъ, писалъ... и написалъ цѣлую тетрадь. Вотъ она (указывая на столъ у окна)—полюбуйся! Завтра я отвезу ее къ государю. А знаешь ли? Пушкинъ плѣнилъ меня своимъ благороднымъ тономъ и манерою обхожденія!»... На другой день я постарался придти къ Милорадовичу пораньше и ждалъ его возвращенія отъ государя. Онъ возвратился, и первымъ словомъ его было: «Ну, вотъ, дѣло Пушкина и рѣшено!» Разоблачившись потомъ отъ мундирной формы, онъ продолжалъ:» Я вошелъ къ государю со своимъ сокровищемъ, подалъ ему тетрадь и сказалъ: «Здѣсь все, что разбрелось въ публикѣ, но вамъ, государь, лучше этого не читать!» Государь улыбнулся на мою заботливость. Потомъ я разсказалъ подробно, какъ у насъ дѣло было. Государь слушалъ внимательно, а наконецъ спросилъ: «А что жъ ты сдѣлалъ съ авторомъ?»—Я? Я объявилъ ему отъ имени Вашего Императорскаго Величества прощеніе.—Тутъ мнѣ показалось (продолжалъ Милорадовичъ), что государь слегка нахмурился. Помолчавъ немного, государь съ живостью сказалъ: «Не рано ли?» Потомъ, еще подумавъ, прибавилъ: «Ну, коли ужъ такъ, то мы распорядимся иначе: снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и съ соотвѣтствующимъ чиномъ и съ соблюденіемъ возможной благовидности отправить его на службу на югъ!» Вотъ какъ было дѣло».

Пушкинъ былъ переведенъ на службу въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, генерала И. Н. Инзова, находившуюся тогда въ Екатеринославѣ. «Его простили за эпиграммы и за оду на вольность»,—писалъ Карамзинъ Дмитріеву.—«Я просилъ о немъ изъ жалости къ таланту и молодости: авось, будетъ разсудительнѣе; по крайней мѣрѣ, далъ мнѣ слово на два года». «Если онъ и теперь не исправится»,—замѣтилъ Карамзинъ въ другомъ письмѣ,—«то будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ».

Переводъ этотъ состоялся по просьбѣ непосредственнаго начальника Пушкина, графа Ив. Ант. Каподистрія, къ которому обратился съ ходатайствомъ за поэта Карамзинъ. При этомъ, по Высочайшему повелѣнію, Пушкину выдано было на проѣздъ 1000 р. асс. «изъ наличныхъ въ коллегіи на курьерскія отправленія денегъ», а министромъ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде послано Инзову слѣдующее, утвержденное государемъ, письмо (подлинникъ на французскомъ языкѣ):

«Настоящее письмо будетъ имѣть честь вручить вашему превосходительству г. Александръ Пушкинъ, воспитанникъ Царскосельскаго лицея, недавно причисленный къ министерству иностранныхъ дѣлъ.

«Въ письмѣ этомъ названный молодой человѣкъ перемѣщается подъ ваше начальство, и для него испрашивается благосклонное ваше покровительство.

«Позвольте мнѣ сообщить о немъ нѣкоторыя подробности.

«Исполненный горестей въ продолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ покинулъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Его сердце, лишенное всякой сыновней привязанности, могло чувствовать одно лишь страстное стремленіе къ независимости. Этотъ ученикъ уже въ раннемъ возрастѣ проявилъ геніальность необыкновенную. Успѣхи его въ лицеѣ были быстры, его умъ возбуждалъ удивленіе, но его характеръ, повидимому, ускользнулъ отъ вниманія наставниковъ.

«Онъ вступилъ въ свѣтъ, сильный пла-

меннымъ воображеніемъ, но слабый полнымъ отсутствіемъ тѣхъ внутреннихъ чувствъ, которыя служатъ замѣною принциповъ до тѣхъ поръ, пока опытъ не дастъ намъ истиннаго воспитанія.

«Нѣтъ той крайности, въ какую бы не впадалъ этотъ несчастный молодой человѣкъ, какъ нѣтъ и такого совершенства, котораго онъ не могъ бы достигнуть превосходствомъ своихъ дарованій.

«Своимъ поэтическимъ произведеніямъ онъ обязанъ своего рода знаменитостью, весьма серьезными проступками и покровительствомъ почтенныхъ друзей, которые открыли для него путь къ исправленію, если это еще не поздно и если онъ рѣшится слѣдовать по этому пути.

«Нѣсколько стихотвореній, а въ особенности ода на свободу, обратили на г. Пушкина вниманіе правительства.

«На ряду съ величайшими красотами замысла и исполненія, это послѣднее стихотвореніе обнаруживаетъ опасныя начала, почерпнутыя въ современной школѣ или, лучше сказать, въ той анархической системѣ, которую люди неблагонамѣренные называютъ системою правъ человѣка, свободы и независимости народовъ.

«Тѣмъ не менѣе, гг. Карамзинъ и Жуковскій, узнавъ объ опасности, угрожавшей молодому поэту, поспѣшили преподать ему свои совѣты, побудили его сознаться въ своихъ заблужденіяхъ и взяли съ него торжественное обѣщаніе навсегда отъ нихъ отказаться.

«Г. Пушкинъ кажется исправившимся, если только можно вѣрить его слезамъ и увѣреніямъ.

«Впрочемъ, его покровители полагаютъ, что его раскаяніе искренне и что, удаливъ его на нѣкоторое время изъ Петербурга, доставивъ ему занятія и окруживъ его добрыми примѣрами, можно сдѣлать изъ него прекраснаго слугу государства или, по крайней мѣрѣ, писателя первостепеннаго.

«Удовлетворяя ихъ желаніямъ, государь дозволилъ мнѣ дать молодому Пушкину отпускъ и поручить его вашему вниманію. Онъ будетъ прикомандированъ къ особѣ вашего превосходительства и будетъ заниматься въ вашей канцеляріи въ качествѣ причисленнаго. Его судьба будетъ зависѣть отъ вашихъ добрыхъ совѣтовъ.

«Благоволите же преподать ему таковые. Благоволите просвѣтить его неопытность, внушая ему, что достоинства ума безъ достоинствъ сердца являются почти всегда гибельнымъ преимуществомъ, и что весьма многіе примѣры показываютъ, что люди, одаренные прекраснымъ геніемъ, но не искавшіе въ религіи и нравственности охраны противъ опасныхъ уклоненій, были причиною несчастій какъ для себя самихъ, такъ и для своихъ согражданъ.

«Г. Пушкинъ, повидимому, желаетъ служить на дипломатическомъ поприщѣ; онъ началъ свою службу въ канцеляріи министерства.

«Я желалъ бы перевести его къ себѣ, но эту милость онъ можетъ получить только по вашему предстательству и только тогда, когда вы засвидѣтельствуете, что онъ ея заслуживаетъ.

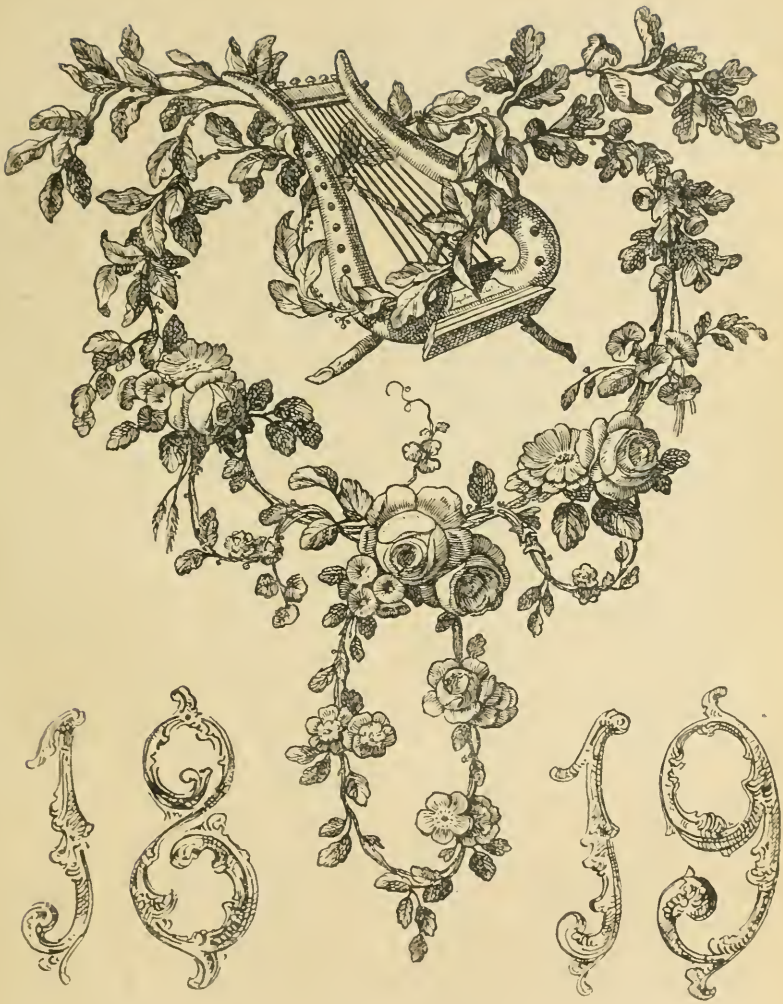
«Вы не ожидали подобнаго порученія. Если оно для васъ стѣснительно, такъ это лишь оттого, что здѣсь о васъ составилось—вполнѣ справедливо—хорошее мнѣніе».

Подлинное письмо, датированное 4 мая 1820 г., носитъ на себѣ Высочайшую надпись: «Быть по сему».

Все это сдѣлано было, какъ удостовѣряетъ П. В. Анненковъ, «съ вѣдома и совѣта» Карамзина, который извѣстилъ Вяземскаго, что Пушкинъ «былъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ нѣмецкомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ, далъ мнѣ слово учиться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять».

Пушкинъ выѣхалъ изъ Петербурга 5-го мая, оставивъ «вѣнки шировъ и блескъ Лонгъ» для далекаго и невѣдомаго ему края. Такъ окончился первый петербургскій періодъ жизни поэта.

П. Морозовъ.


1819

180. ЭПИГРАММА НА А. М. КОЛОСОВУ.

Напечатана впервые въ Русской Старинѣ 1879, т. XXV, стр. 380.

Александра Михайловна Колосова (1802—1880), дочь извѣстной въ свое время танцовщицы Евгеніи Ивановны Колосовой-«большой» и впослѣдствіи—жена трагика В. А. Каратыгина (1802—1853), дебютировала подъ руководствомъ кн. Шаховского 16 декабря 1818 г. въ роли Антигоны въ трагедіи Озерова «Эдипъ въ Аѳинахъ». Второю ея ролью была Монна въ трагедіи Озерова же «Фингалъ» (30 декабря 1818 г.), въ которой она, по словамъ Аранова, была «пластично прелестна». Для третьяго своего дебюта Колосова приготовила, подъ руководствомъ П. А. Катенина, роль Эсоири, въ которой и выступила 3 января 1819 г. съ полнымъ успѣхомъ, несмотря на то, что въ Эсоири превосходна была Семенова. Поклонники послѣдней, къ числу которыхъ принадлежалъ и Пушкинъ, были недовольны этимъ соперничествомъ юной дебютантки съ заслуженною и всѣми признанною артисткою,— и Пушкинъ отразилъ это настроеніе въ своей эпиграммѣ, а затѣмъ и въ своихъ «Замѣчаніяхъ объ русскомъ театрѣ». Вотъ что писалъ онъ въ этой небольшой статейкѣ (которая—это надо имѣть въ виду—предназначена была для Семеновой).

«Въ скромной одеждѣ Антигоны, при плескахъ полнаго театра, молодая, милая, робкая Колосова явилась недавно на поприщѣ Мельпомены. Семнадцать лѣтъ, прекрасные глаза, прекрасные зубы (слѣдовательно—частая пріятная улыбка), нѣжный недостатокъ въ выговорѣ обворожили судей трагическихъ талантовъ. Приговоръ, почти единогласный, назвалъ Сашеньку Колосову наслѣдницей Семеновой. Во все продолженіе игры ея рукоплесканья не прерывались. По окончаніи трагедіи она была вызвана криками вступленія, и когда г-жа Колосова-большая, filiae pulchrae mater pulchrior, въ русской одеждѣ, блистая материнскою гордостью, вышла въ послѣдующемъ балетѣ,— все загремѣло, все застучало. Счастливая мать плакала и молча благодарила упоенную толпу. Примѣръ, единственный въ исторіи нашего театра. Разсказываю просто, не дѣлая на это никакихъ замѣчаній. Три раза сряду Колосова играла три разныя роли съ равнымъ успѣхомъ. Чѣмъ же все кончилось? Восторгъ къ ея таланту и красотѣ мало-помалу охолодѣлъ, похвалы стали умѣреннѣе, рукоплесканія утихли; перестали ее сравнивать съ несравненною Семеновой; вскорѣ стала она являться предъ опустѣлымъ театромъ...»

Пушкинъ въ ту пору часто бывалъ у Колосовыхъ и былъ принятъ ими, какъ родной. Конечно, онъ и ухаживалъ за «Сашенькой», несмотря на свое платоническое увлеченіе Семеновой, и очень можетъ быть, что его рѣзкая выходка была подсказана ревнивымъ чувствомъ. На эту мысль наводитъ, между прочимъ, упрекъ, сдѣланный имъ Колосовой въ «Замѣчаніяхъ объ русскомъ театрѣ», что она болѣе занимается флигель-адъютантами Его Величества, нежели своими ролями. Сама Колосова, въ своихъ воспоминаніяхъ, разсказываетъ, что Пушкинъ былъ къ ней расположенъ, исписалъ нѣсколько страницъ ея альбома мелкими стихотвореніями, и что за эпиграмму его очень упрекали друзья, и онъ хотѣлъ извиниться, но не успѣлъ, такъ какъ вскорѣ былъ высланъ изъ Петербурга. Дѣйствительно, Пушкинъ извинялся за эпиграмму впослѣдствіи, въ 1821 г., въ письмѣ къ Катенину: «Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ...» См. Воспоминанія А. М. Каратыгиной: «Мое знакомство съ Пушкинымъ» въ Рус. Старинѣ 1880, т. XXVIII, стр. 565—574; П. П. Арановъ, Лѣтопись русскаго театра, Спб., 1861, стр. 271—274 и письма къ Колосовой П. А. Катенина въ Рус. Старинѣ 1893, тт. LVII и LVIII.

Несомнѣнно къ Колосовой, а не къ Семеновой, относится сохранившійся въ рукописи Моск. Музея № 2364, л. 48, неотдѣланный черновой набросокъ, въ которомъ можно разобрать слѣдующіе стихи:

Надежда Парнаса
Самъ Фебъ тебя готовилъ
(Амуръ тебя обрѣлъ)
На славу нашей сцены;
Ты будешь (надежда)
Монна Слава нашей сцены;
На пышныхъ играхъ Мельпомены
У тихихъ алтарей любви
Явилась ты предъ нами въ первый разъ...

Что касается настоящей эпиграммы, то О. Е. Коршъ («Разборъ вопроса о подлинности окончанія Руслана») отмѣчаетъ въ ней «одинъ изъ нечастыхъ случаевъ у Пушкина слабой рифмы—рука и нога. Можно было бы отмѣтить еще также довольно рѣдкій у Пушкина случай повторе-

А. М. КОЛОСОВА-КАРАТЫГИНА.

180. (НА А. М. КОЛОСОВУ).

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ:
Голосъ нѣжный, взоръ любови...
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И широкая нога!

нія въ позднѣйшемъ стихотвореніи риомъ и выраженій, заимствованныхъ изъ стихотворенія болѣе ранняго: во II главѣ «Онѣгина» (1823 г.) поэтъ говоритъ о Ленскомъ, что онъ привезъ изъ Германіи «всегда восторженную рѣчь и кудри черныя до плечъ».. 1)

П. Морозовъ.

181. ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ Е. И. В. ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

«Отвѣтъ» дошелъ до насъ въ двухъ автографахъ поэта: черновомъ, который находится въ хранящейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ тетради № 2364 (л. 42), и бѣловомъ, который Пушкинъ въ 1820 г. подарилъ И. А. Маркевичу (см. «Кур. для всѣхъ» 1896 г., № 8, стр. 482). Впервые онъ появился въ издававшемся вольнымъ обществомъ любителей россійской словесности журналѣ: «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія» 1819 г., ч. VIII, кн. 10, стр. 70—71, съ подписью: «А. П . . . въ». Въ сборники своихъ стиховъ Пушкинъ этой пьесы не вносилъ, и въ собраніи его произведеній она стала входить лишь начиная съ изданія П. В. Анненкова (т. VII, стр. 25). Въ Плетневскомъ спискѣ произведеній поэта, предназначавшихся для изданнаго въ 1826 г. сборника, въ числѣ посланій значится, подъ № IV, пьеса: «Къ Н. Я. П. 1818». Но всей вѣроятности, это «Отвѣтъ на вызовъ», затѣмъ исключенный Пушкинымъ изъ списка. Какъ увидимъ далѣе эта дата, конечно, ошибочна. Всѣми изданіями до академическаго пьеса печаталась съ различными измѣненіями (ср. статью о текстѣ).

О времени созданія пьесы мы имѣемъ показаніе А. И. Тургенева, писавшаго 12 марта 1819 г. князю П. А. Вяземскому: «Пушкинъ, котораго вчера видѣлъ у кн. Голицыной, написалъ нѣсколько прекрасныхъ стиховъ о Елизаветѣ Алексѣевнѣ, Императрицѣ»(«Остафьевскій архивъ князей Вяземскихъ», I, 202). Книжка «Соревнователя», гдѣ былъ напечатанъ «Отвѣтъ», дозволена цензурою 14 апрѣля 1819 г. 25 сентября того же года Дельвигъ читалъ его въ засѣданіи вольнаго общества любителей словесности («Русс. Стар.» 1899 г., май, 472—473). По весьма вѣроятному замѣчанію Л. Н. Майкова («Матеріалы для академическаго изданія сочиненій П»., Спб., 1902 г., стр. 18—19; «Пушкинъ», 1899 г., стр. 88), можетъ быть, къ «Отвѣту» относится записанный на 72 листѣ той же (№ 2364) музейной рукописи недоконченный стихъ:

Я клялся на свободной [лирѣ],

при которомъ стоитъ помѣта: «1819, 8 mars». Надо думать, что отвѣтъ написанъ въ началѣ марта 1819 г.

Симпатичная личность несчастной въ бракѣ жены Александра I была въ тѣ времена весьма популярна. Еще въ лицеѣ Пушкинъ привыкъ довольно часто и близко видать «царей», какъ выражались лицеисты, т. е. царскую семью. По разсказу П. Н. Пушшина (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 49), Елизавета Алексѣевна, присутствовавшая на торжествѣ открытія лицея, «тогда же насъ, юныхъ, плѣнила непринужденною своею привѣтливостью ко всѣмъ: она какъ-то умѣла и успѣла каждому изъ профессоровъ сказать пріятное слово. Тутъ, можетъ быть, зародилась у Пушкина мысль стиховъ къ ней: На лирѣ скромной, благородной и проч. Г. Анненковъ напрасно относитъ эти стихи къ 1819 г.; они написаны въ лицеѣ въ 1816». Между тѣмъ какъ справедливо замѣтилъ Л. Н. Майковъ (ор. с., 88—89), въ музейной тетради № 2364, гдѣ записанъ черновикъ «Отвѣта» среди стиховъ 1819 г., вообще нѣтъ пьесъ ранѣе 1817 г. И. А. Ефремовъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина 1880 г. (I, 340) предположилъ, «не смѣшалъ ли его [«Отвѣтъ»] Пушкинъ съ тѣмъ утраченнымъ стихотвореніемъ, о которомъ упоминается въ настоящемъ:

«Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елисавету въ тайнѣ пѣлъ»?

Намъ кажется, нѣтъ достаточныхъ основаній для предположенія о какихъ-то утраченныхъ стихахъ Пушкина, посвященныхъ Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ бѣловомъ автографѣ стихотвореніе озаглавлено: «Къ Н. Я. П.». Эти инициалы разъяснилъ Л. Н. Майковъ (ор. с., 89). По его словамъ, «надпись эта, безъ сомнѣнія, означаетъ

1. Совпаденіе можно объяснить и иначе. Текста эпиграммы нѣтъ. Она лишь со словъ Колосовой-Каратыгиной записана П. П. Каратыгинымъ. Весьма возможно, что Колосова, по ошибкѣ памяти, и хватила бѣлкомъ стихъ изъ «Евгенія Онѣгина». *Ред.*

ИМПЕРАТРИЦА ЕЛИСАВЕТА АЛЕКСѢЕВНА.
Съ портрета Бенера.

181. ОТВѢТЪ НА ВЫЗОВЪ НАПИСАТЬ СТИХИ ВЪ ЧЕСТЬ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

На лирѣ скромной, благородной,
Земныхъ Боговъ я не хвалилъ:
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.
Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожденъ Царей забавить
Стыдливой Музою моей.
Но, признаюсь, подъ Геликономъ,
Гдѣ Касталійской токъ шумѣлъ,
Я, вдохновенный Аполлономъ,
Елисавету втайнѣ пѣлъ.
Небеснаго земной свидѣтель,
Воспламененною душой
Я пѣлъ на тронѣ Добродѣтель
Съ ея привѣтною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу Гимнъ простой;
И неподкупный голосъ мой
Былъ эхо Русскаго народа.

умную и образованную фрейлину императрицы Елисаветы Алексѣевны Наталью Яковлевну Плюскову, проживавшую въ Царскомъ Селѣ и коротко знакомую съ семействомъ Карамзиныхъ, П. И. Дмитріевымъ, А. И. Тургеневымъ и княземъ П. А. Вяземскимъ [1]). Изъ записокъ Пущина видно, что лицеисты знали ее, а въ особенности Пушкинъ еще въ то время посѣщавшій Карамзина; весьма возможно, что это царскосельское знакомство и дало поэту первый поводъ написать «Отвѣтъ на вызовъ». Поэтому Майковъ и находилъ, что Пушкинскимъ показаніемъ «вполнѣ пренебречь нельзя». Повидимому, слѣдующее соображеніе достаточно примиряетъ объ даты: 1816 г. и 1819. «Небесная земной свидѣтель, Елисавету втайнѣ пѣлъ» Пушкинъ еще въ Лицеѣ, когда не разъ видалъ ее и слыхалъ проникнутые общимъ сочувствіемъ разсказы о несчастной царицѣ. Въ 1819 г., получивъ отъ Плюсковой «вызовъ написать стихи» въ честь Елизаветы Алексѣевны, Пушкинъ могъ лишь передѣлать написанные раньше в тайнѣ стихи, извѣстные прежде лишь въ тѣсномъ кругу школьныхъ товарищей поэта, одинъ изъ которыхъ, Пущинъ, и узналъ давно знакомыя строки въ анненковскомъ изданіи. Въ черновикѣ посланія къ А. А. Шишкову, 1816 г. (Румянцевс. муз., тетр. № 2364, л. 34) Пушкинъ раскаивается въ какихъ-то «придворныхъ куплетахъ»:

> Простятъ ли (?) мнѣ мой страшный грѣхъ поэты:
> Я написалъ придворные куплеты,
> Кадиломъ дерзостнымъ я счастію кадилъ...

Скорѣе рѣчь идетъ здѣсь о куплетахъ, посвященныхъ принцу Оранскому, или о гимнѣ: «Боже, царя храни!», чѣмъ о «гимнѣ простомъ», который Пушкинъ пѣлъ «неподкупнымъ голосомъ» на лонѣ «тайной свободы». Весьма вѣроятно, что въ 1819 г., услышавъ «вызовъ», Пушкинъ вспомнилъ свои старые стихи, и часть ихъ вошла въ его «Отвѣтъ».

На «придворные» стихи пьеса совсѣмъ не похожа. За это говоритъ неподдѣльная искренность тона. Несомнѣнно, Пушкину нравилась Елисавета Алексѣевна своей «привѣтною красой», и поэтъ сочувствовалъ ея горькой долѣ. Въ стихахъ Пушкина есть, правда, аксессуары старой классической оды: Геликонъ, Аполлонъ, Касталійскій токъ, но есть и теплое лирическое чувство, внушенное не льстивой, а дѣйствительно «стыдливой Музою». (Замѣтимъ, что въ изданіяхъ Анненкова и Геннади 7-ой стихъ «по независящимъ обстоятельствамъ» напечатался безъ слова «Царей», замѣнявшагося словомъ «людей» или точками). Именно съ этой стороны стоитъ сравнить пушкинскій «Отвѣтъ» съ написанной Державинымъ въ 1813 г. холодной и напыщенной одой. «На отбытіе императрицы Елисаветы Алексѣевны къ государю въ заграничную армію».

Н. Лернеръ.

182. В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Посланіе къ Энгельгардту, не дошедшее до насъ въ автографѣ, появилось впервые въ сборникѣ стихотвореній Пушкина въ 1826 г., стр. 160—161, подъ заглавіемъ: «N. N.»; такъ же оно было перепечатано въ изданіи 1829 г., ч. I, стр. 75—76. Въ такомъ же видѣ оно было воспроизведено въ изданіяхъ посмертномъ и П. В. Анненкова. Въ VII, дополнительномъ томѣ своего изданія Анненковъ напечаталъ, безъ указанія источника, «Вынужденный конецъ посланія къ Энгельгардту». Затѣмъ пьеса была еще не разъ дополнена по различнымъ спискамъ. (См. статью о текстѣ).

Василій Васильевичъ Энгельгардтъ (род. 14 іюня 1785 г., умеръ 20 октября 1837 г.), внучатный племянникъ Потемкина, отставной полковникъ, богачъ и страстный игрокъ, былъ членомъ кружка «Зеленой лампы». Князь П. А. Вяземскій, учившійся вмѣстѣ съ Энгельгардтомъ въ іезуитскомъ пансіонѣ, разсказываетъ («Сочиненія» Вяземскаго, I, XVII—XVIII), что онъ былъ «хорошо и всенародно знакомъ Петербургу. Расточительный богачъ [1]), не пренебрегающій веселіями жизни, крупный игрокъ, впрочемъ, кажется, на вѣку своемъ болѣе проигравшій, нежели выигравшій, построитель въ Петербургѣ дома, сбивающагося немножко на парижскій Пале-Рояль, со своими публичными увеселеніями, кофейнями, ресторанами. Построеніе этого дома было событіемъ въ общественной жизни столицы. Пушкинъ очень любилъ Энгель-

1) О Плюсковой см. 2-ое акад. изд. «Сочиненій Державина», II, 318; «Остафьевскій Архивъ», I, 585—586; К. Я. Гротъ, «Къ біографіи П. И. Дмитріева», Спб., 1902, стр. 6—7, 15—16.

1) Ему принадлежали большія имѣнія на югѣ «Записки» Ф. Ф. Вигеля. М., 1893, VI, 86; VII, 178). См. о немъ также «Остафьевскій архивъ», II, 495.

182. В. В. ЭНГЕЛЬГАРДТУ.

Я ускользнулъ отъ Эскулапа
Худый, обритый, но живой:
Его мучительная лѣпа
Не тяготѣетъ надо мной.
Здоровье, легкій другъ Пріапа,
И сонъ, и сладостный покой,
Какъ прежде, посѣтили снова
Мой уголъ тѣсный и простой.
Утѣшь и ты полубольнаго!
Онъ жаждетъ видѣться съ тобой,
Съ тобой, счастливый беззаконникъ,
Лѣнивый Пиндa гражданинъ,
Свободы, Вакха вѣрный сынъ,
Венеры набожный поклонникъ
И наслажденій властелинъ!
Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ прелестей Невы,
Отъ вредной сплетницы молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Меня зовутъ холмы, луга,
Тѣнисты клены огорода,
Пустынной рѣчки берега
И деревенская свобода.
Дай руку мнѣ—пріѣду я
Въ началѣ мрачномъ октября:
Съ тобою пить мы будемъ снова,
Открытымъ сердцемъ говорить,
На счетъ глупца, вельможи злаго,
На счетъ холопа записнаго,
На счетъ небеснаго Царя,
А иногда на счетъ земнаго.

гардта за то, что онъ охотно игралъ въ карты, и за то, что очень удачно игралъ словами. Острыя выходки и забавные куплеты его ходили по городу. Домъ Энгельгардта много лѣтъ былъ очень популяренъ въ Петербургѣ; упоминаніе о немъ сохранилось въ «Маскарадѣ» Лермонтова [1]).

Къ 1819 г. пьеса отнесена изданіемъ 1826 г.; въ Плетневскомъ спискѣ стихотвореній, которыя должны были войти въ это изданіе, она значится въ числѣ посланій подъ № XII и помѣчена 1819 г. («Переписка П.», ред. В. И. Саитова, I, 296). Изъ самаго посланія видно, что оно написано по выздоровленіи и передъ отъѣздомъ на лѣто въ деревню. 18 іюня 1819 г. А. И. Тургеневъ писалъ изъ Петербурга князю П. А. Вяземскому о схваченной Пушкинымъ серьезной простудѣ, а черезъ недѣлю сообщалъ, что Пушкину уже лучше; еще черезъ недѣлю писалъ ему, что Пушкинъ выздоравливаетъ. 9 іюля Пушкинъ писалъ А. И. Тургеневу уже изъ деревни. Очевидно, посланіе къ Энгельгардту написано въ концѣ іюня или въ началѣ іюля. 13 августа А. И. Тургеневъ спрашивалъ Вяземскаго: «Послалъ ли я тебѣ посланія Пушкина Орлову, Энгельгардту и Щербинину? Увѣдомь. Если нѣтъ, то пришлю два первыя».

Посланіе къ Энгельгардту одного тона съ стихами, посвященными въ этомъ же году И. В. Всеволожскому (см. ниже). Пушкинъ бранитъ суету и скуку Петербурга такъ же, какъ въ посланіи къ Всеволожскому смѣется надъ старой столицей. «Вечера, гдѣ льются пуншъ и эпиграммы», и о которыхъ говорилъ одинъ изъ варіантовъ посланія къ Энгельгардту, конечно, — собранія «Зеленой лампы», гдѣ Энгельгардтъ разсыпалъ свои остроты и шутки. Въ Энгельгардтѣ Пушкинъ цѣнилъ «счастливаго беззаконника», «гражданина Пинда», «вѣрнаго сына свободы» натуру свободную, артистическую, непошлую, которая не выносила всего, что было противно и Пушкину, всего, что отзывалось глупостью, надменностью и холопствомъ. Энгельгардтъ повидимому, былъ изъ тѣхъ милыхъ Пушкину людей, которыхъ онъ назвалъ (въ 1824 г., въ письмѣ къ П. П. Кривцову) своими «демократическими друзьями». Этимъ благороднымъ демократизмомъ вѣетъ отъ пушкинскаго посланія къ Энгельгардту, которое насквозь пропитано хмелемъ здоровой молодости, полной силъ и надеждъ. И вполнѣ правильно Бѣлинскій отнесъ его къ числу «чистопушкинскихъ» пьесъ.

Объ отношеніяхъ Пушкина и Энгельгардта ничего болѣе неизвѣстно. Въ 1824 г. Пушкинъ посылалъ ему, изъ Михайловскаго, черезъ своего брата поклонъ. Нѣкоторое время спустя поэтъ писалъ брату: «Пришли мнѣ цвѣтовъ да Эду, да поѣзжай къ Энгельгардтову обѣду».

Н. Лернеръ.

[1]) См. дневникъ А. И. Вульфа—«Пушкинъ Л. Н. Майкова, Спб., 1899 г., стр. 214.

183. ВОЛЬНОСТЬ.

Впервые напечатано во 2-й книжкѣ лондонской «Полярной Звѣзды» 1856 г. и затѣмъ много разъ перепечатывалось въ заграничныхъ изданіяхъ. Въ русской печати отрывки стали появляться только съ 1880 г., полный текстъ данъ только въ академическомъ изданіи Сочиненій Пушкина, т. II (Спб. 1905).

О времени написанія этой оды высказаны разныя мнѣнія. Самъ Пушкинъ, въ воображаемомъ своемъ разговорѣ съ Александромъ I, приписываетъ государю слѣдующія слова: «Я читалъ вашу оду Свобода; (прекрасно, хоть) она писана немного сбивчиво, мало обдуманно (вамъ, вѣдь, было 17 лѣтъ, когда вы написали эту оду? — Ваше Величество, я писалъ ее въ 1817 году...).—Ахъ, В. В., зачѣмъ упоминать объ этой дѣтской одѣ?...» Хронологическое опредѣленіе, однако, зачеркнуто въ этомъ отрывкѣ, а по всѣмъ другимъ даннымъ, о которыхъ сказано будетъ ниже, оду относили къ 1819 г. Но въ самое послѣднее время въ бумагахъ А. И. Тургенева найденъ автографъ оды, съ подписью Пушкина и имъ же самимъ выставленной датой: 1817. На этомъ основаніи В. Е. Якушкинъ (акад. изд., II, прим., 489—496) увѣренно заявляетъ, что «ода Вольность должна быть перенесена въ 1817 годъ». Несмотря, однако, на собственное показаніе автора, несомнѣнные факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что «Вольность» не могла быть написана раньше 1819 года.

Во-первыхъ, ода только въ 1819 г. стала извѣстна ближайшимъ друзьямъ Пушкина — Тургеневу и Вяземскому, отъ которыхъ онъ, конечно, не сталъ бы скрывать ея въ теченіе двухъ лѣтъ. Первое упоминаніе о ней въ перепискѣ только что названныхъ лицъ относится къ 5 августа 1819, причемъ

МИХАЙЛОВСКІЙ (ИНЖЕНЕРНЫЙ) ЗАМОКЪ.

11-го Марта 1801 г. здѣсь былъ убитъ Павелъ I.

Съ рѣдкой гравюры Патерсона, 1800 г., изъ собранія П. Я. Дашкова. По бокамъ видны подъемные мосты, при помощи которыхъ Павелъ думалъ сдѣлать неприступной свою резиденцію.

183. ВОЛЬНОСТЬ.

ОДА.

Бѣги, сокройся отъ очей,
Цитеры слабая Царица!
Гдѣ ты, гдѣ ты, гроза Царей
Свободы гордая Жрица?—
Приди, сорви съ меня вѣнокъ,
Разбѣй изнѣженную лиру—
Хочу воспѣть Свободу міру
На тронахъ поразить порокъ.

Открой мнѣ благородной слѣдъ
Того возвышеннаго Галла
Кому сама средь славныхъ бѣдъ
Ты гимны смѣлые внушала.
Питомцы вѣтреной Судьбы,
Тираны міра! трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Возстаньте, падшіе рабы!

Увы! куда ни брошу взоръ
Вездѣ бичи, вездѣ желѣзы.
Законовъ гибельной позоръ
Неволи немощныя слезы;
Вездѣ неправедная Власть
Въ сгущенной мглѣ предразсужденій
Возсѣла—Рабства грозный Геній
И Славы роковая страсть.

Лишь тамъ надъ Царскою главой
Народовъ не легло страданье
Гдѣ крѣпко съ Вольностью Святой
Законовъ мощныхъ сочетанье;
Гдѣ всѣмъ простертъ имъ твердой щитъ
Гдѣ сжатый вѣрными руками
Гражданъ надъ равными главами
Ихъ мечь безъ выбора скользитъ

Тургеневъ даетъ и объясненіе тѣхъ условій, которыя вызвали въ Пушкинѣ настроеніе, создавшее оду: «Вообрази себѣ,—говоритъ онъ,—двѣнадцатилѣтняго юношу, который шесть лѣтъ живетъ въ виду дворца и въ сосѣдствѣ съ гусарами, и послѣ обвиняй Пушкина за его оду на свободу» (Остафьевскій Архивъ, I, 280). Въ дальнѣйшемъ письмѣ, отъ 22 октября того же года, Тургеневъ сообщаетъ, что Пушкинъ переписалъ для Вяземскаго с т а н с ы на с в о б о д у,—«но я боюсь и за него, и за тебя посылать ихъ къ тебѣ. Les murs peuvent avoir des yeux, et même des oreilles!»—«Приписай же нѣсню Пушкина», отвѣчаетъ Вяземскій 1 ноября: «что ты за трусишка такой? Смѣлымъ Богъ владѣетъ. Я никого и ничего не боюсь; совѣсть — вотъ мое право». (Тамъ-же, стр. 335, 342). Можно предположить, что теперь въ бумагахъ Тургенева нашлась именно та рукопись, которую онъ не рѣшался послать своему другу. Точно такъ же и другія лица, близко знавшія Пушкина, какъ напр. Карамзинъ, начинаютъ говорить о «Вольности» только въ самомъ концѣ 1819 или даже въ слѣдующемъ году, когда ее начинаютъ разыскивать и гр. Милорадовичъ, которому, по преданію, сообщаемому Анненковымъ, удалось достать ее «не безъ труда». Очевидно, что если бы ода была написана за два слишкомъ года передъ тѣмъ, то она успѣла бы стать гораздо болѣе извѣстною.

Во-вторыхъ, въ этой одѣ Пушкинъ впервые упоминаетъ «возвышеннаго галла» Андре Шенье, съ сочиненіями котораго онъ могъ познакомиться не ранѣе начала 1819 г., такъ какъ только въ этомъ году вышло въ Парижѣ ихъ собраніе.

Въ-третьихъ, самый тонъ этой оды, весь ея складъ совершенно не подходитъ къ тону и складу лицейскихъ или близкихъ къ лицейской порѣ стихотвореній нашего поэта.

Чѣмъ же, однако, объяснить выставленную Пушкинымъ дату 1817 г.? Повидимому, Пушкинъ и въ 1819 г., какъ впослѣдствіи въ 1825, хотѣлъ смягчить рѣзкое впечатлѣніе своей оды, представивъ ее произведеніемъ «дѣтскимъ», написаннымъ уже давно. Въ этомъ убѣждаетъ и его обращеніе къ кн. А. П. Голицыной, «посылая ей оду Вольность», написанное на одномъ листѣ съ самой одой, гдѣ Пушкинъ говоритъ: «Такъ я, бывало, воспѣвалъ мечту прекрасную свободы». Слово: «бывало», по прямому его значенію, не можетъ относиться къ событію, совершившемуся въ недавнее время, и, слѣдовательно, должно было указывать на то, что ода—вещь уже не новая. По смыслу обращенія къ Голицыной, оно не могло быть написано одновременно съ одой; между тѣмъ, Пушкинъ переписалъ для Тургенева оба стихотворенія подъ рядъ и внизу листа выставилъ 1817 г.—очевидно, совершенно произвольно. Подобный же пріемъ Пушкинъ примѣнилъ впослѣдствіи и къ вызвавшей непріятныя для него объясненія «Гавріліадѣ»; поэма эта, какъ извѣстно, была написана имъ въ 1821—1822 гг., между тѣмъ, въ своихъ объясненіяхъ онъ говорилъ, что получилъ рукопись еще въ бытность свою въ Лицеѣ, не упомнитъ, отъ кого изъ офицеровъ гусарскаго полка, и сжегъ ее въ 1820 г.

Такимъ образомъ, не имѣя фактическихъ основаній принимать выставленную Пушкинымъ на спискѣ «Вольности» дату за дѣйствительный годъ ея сочиненія и, наоборотъ, имѣя весьма вѣскія данныя, побуждающія относить эту оду къ 1819 г., мы должны относительно времени ея сочиненія остаться при ранѣе высказанномъ мнѣніи.

Объ обстоятельствахъ, при которыхъ была написана эта ода, мы имѣемъ подробный, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ точный, разсказъ Ф. Ф. Вигеля («Записки», ч. VI, прил. къ Рус. Архиву 1892, № 11, стр. 10). «Изъ людей, которые были его старѣе»,—пишетъ Вигель,—«Пушкинъ всего чаще посѣщалъ братьевъ Тургеневыхъ. Они жили на Фонтанкѣ, противъ Михайловскаго замка, что нынѣ Инженерный, и къ нимъ, т. е. къ меньшому, Николаю, собирались нерѣдко высокоумные молодые вольнодумцы. Кто-то изъ нихъ, смотря въ открытое окно на пустой тогда, забвенью брошенный дворецъ, шутя предложилъ Пушкину написать на него стихи. Онъ по матери происходилъ отъ арапа генерала Ганнибала, и гибкостью членовъ, быстротою тѣлодвиженій нѣсколько походилъ на негровъ и на человѣкообразныхъ жителей Африки. Съ этимъ проворствомъ вдругъ вскочилъ онъ на большой и длинный столъ, стоявшій передъ окномъ, растянулся на немъ, схватилъ перо и бумагу и со смѣхомъ принялся писать...»

Если въ этомъ разсказѣ отдѣльныя детали выдуманы то, во всякомъ случаѣ, очень вѣроятно, что «Вольность» написана была подъ вліяніемъ происходившихъ у Тургеневыхъ бесѣдъ на политическія темы и въ частности—разсказовъ о событіи 11 марта

ПАВЕЛЪ I.

Портретъ Тончи, находящійся въ Гатчинскомъ дворцѣ.

1801 г. Это событіе было извѣстно Пушкину во всѣхъ подробностяхъ, въ ту пору еще свѣжихъ въ памяти стараго поколѣнія. Для того, чтобы убѣдиться въ точности описанія Пушкина, достаточно сравнить его съ показаніями ближайшихъ свидѣтелей, какъ, напр., Саблукова или Бенигсена, или съ записками декабриста Фонвизина, передающаго свидѣтельства очевидцевъ. Приведемъ, для сравненія съ строфами X и XI, отрывокъ изъ этихъ записокъ:

«Въ замкѣ гарнизонная служба отправлялась, какъ въ осажденной крѣпости, со всею военною точностью. Послѣ пробитія вечерней зори весьма немногія довѣренныя особы, извѣстныя швейцару и дворцовымъ сторожамъ, допускались въ замокъ по малому подъемному мостику, который и опускался только для нихъ. Въ числѣ этихъ немногихъ былъ адъютантъ лейбъ-батальона Преображенскаго полка Аргамаковъ... Мостикъ для пѣшеходовъ всегда опускался по его требованію...

«Въ этотъ день графъ Паленъ пригласилъ всѣхъ заговорщиковъ къ себѣ на вечеръ. По призыву его собрались всѣ главные его сообщники, Зубовы, Бенигсенъ, многіе гвардейскіе и армейскіе генералы и офицеры въ полномъ мундирѣ, въ шарфахъ и орденахъ. Гостямъ разносили шампанское, пунши и другія вина... Восторженные рѣчами, а еще болѣе—виномъ и пуншемъ, заговорщики требуютъ, чтобы тотчасъ вели ихъ на славный подвигъ спасенія отечества... Подошли къ замку. Аргамаковъ впереди безпрепятственно провелъ ихъ по мостику» и пр.

Безъ сомнѣнія, именно точное и сильное описаніе исторической ночи всего болѣе огорчило Александра I. въ Пушкинской «Вольности» Въ этихъ строфахъ, по замѣчанію П. И. Бартенева (Рус. Архивъ 1899, № 12, стр. 616—617), «послышался Александру голосъ потомства, и ему было горько, что ничѣмъ не выражена была его неповинность». Въ цитированномъ выше разговорѣ Пушкина съ императоромъ, Александръ говоритъ: «Тутъ есть три строфы очень хорошія... Я замѣтилъ, вы старались очернить меня въ глазахъ народа распространеніемъ нелѣпой клеветы; вижу, что вы можете имѣть мнѣнія неосновательныя, что вы не уважали правду, личную честь даже въ царѣ...» Впослѣдствіи, говоря о своихъ литературныхъ заслугахъ, Пушкинъ упоминалъ, между прочимъ, о томъ, что «послѣдъ Радищева возславилъ онъ свободу». Дѣйствительно, многія мѣста «Вольности» довольно близко воспроизводятъ мысли, высказанныя авторомъ «Путешествія изъ С.-Петербурга въ Москву» въ одѣ подъ тѣмъ же заглавіемъ въ главѣ «Тверь». Вотъ нѣсколько параллельныхъ мѣстъ изъ оды Радищева къ соотвѣтствующимъ строфамъ пушкинской.

Къ строфѣ I:

О даръ небесъ благословенный,
Источникъ всѣхъ великихъ дѣлъ,
О вольность, вольность, даръ безцѣнный!
Позволь, чтобъ рабъ тебя воспѣлъ.

Къ строфѣ II:

Но мститель—трепещи!—грядетъ.
Онъ молвитъ, вольность прорекая,
И се—молва отъ край до края,
Глася свободу, протечетъ.

Къ строфамъ IV и V:

Возводитъ строгія зѣницы,
Льетъ радость, трепетъ вкругъ себя,
Равно на всѣ взираетъ лицы,
Ни ненавидя, ни любя.
Онъ лести чуждъ, лицепріятства,
Породы, знатности богатства;
Гнушаясь мертвенныя тли,
Родства не знаетъ, ни пріязни,
Равно дѣлитъ и мзду, и казни:
Онъ—образъ Божій на земли!

Ср. слова о законѣ въ главѣ «Хотиловъ»: «Первый властитель въ обществѣ есть законъ, ибо онъ для всѣхъ одинъ».

Къ строфамъ VI и VII:

Возстанетъ рать повсюду брани,
Надежда всѣхъ вооружитъ,
Въ крови мучителя вѣнчанна
Омыть свой стыдъ ужъ всякъ спѣшитъ.
Мечь остръ—я зрю—вездѣ сверкаетъ,
Въ различныхъ видахъ смерть летаетъ,
Надъ гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы!
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

Радищевъ говоритъ о казни Карла I; Пушкинъ вспоминаетъ болѣе близкіе къ своему времени историческіе факты,—смерть Людовика и Павла I.

Послѣдній стихъ строфы XI также взятъ изъ оды Радищева:

Вѣщай, злодѣй, мной уловленный!
Противъ меня возстать какъ смѣлъ?

Въ строфѣ X. стихъ: «Онъ слышитъ Кліи мрачный гласъ» напоминаетъ стихъ

УБІЙЦЫ «ВЪ ЛЕНТАХЪ И ЗВѢЗДАХЪ».

ГР. ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ПАЛЕНЪ.

ГР. ЛЕОНТІЙ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ БЕННИГСЕНЪ.

И преступленье съ высока
Сражаетъ праведнымъ размахомъ;
Гдѣ не подкупна ихъ рука
Ни алчной скупостью, ни страхомъ
Владыки! вамъ вѣнецъ и тронъ
Даетъ Законъ—а не Природа—
Стоите выше вы Народа—
Но вѣчный Выше васъ Законъ.

И горе, горе племенамъ
Гдѣ дремлетъ онъ неосторожно,
Гдѣ иль Народу иль Царямъ
Закономъ властвовать возможно!
Тебя въ свидѣтели зову
О мученикъ ошибокъ славныхъ
За предковъ въ шумѣ бурь недавныхъ
Сложившій Царскую главу.

Восходитъ къ смерти Людовикъ
Въ виду безмолвнаго потомства.
Главой развѣнчанной приникъ
Къ кровавой плахѣ Вѣродомства.

Молчитъ Законъ—Народъ молчитъ,
Падетъ преступная сѣкира...
И се—злодѣйская порфира
На Галлахъ скованныхъ лежитъ—

Самовластительной Злодѣй
Тебя твой тронъ я ненавижу
Твою погибель, смерть дѣтей
Съ жестокой радостію вижу
Читаютъ на твоемъ челѣ
Печать проклятія Народы
Ты ужасъ міра, стыдъ природы
Упрекъ ты Богу на землѣ.

Когда на мрачную Неву
Звѣзда полуночи сверкаетъ
И безъ заботную главу
Спокойный сонъ отягощаетъ
Глядитъ задумчивой вѣнецъ
На грозно спящій средь тумана
Пустынной памятникъ тирана
Забвенію брошенный дворецъ—

Батюшкова въ посланіи «Къ другу»: «И Кліо мрачныя скрижали». Перепечатывая впослѣдствіи сочиненія любимаго поэта, Пушкинъ замѣтилъ на поляхъ противъ этого стиха: «Кліо, какъ дело, не склоняется, но это правило было бы затруднительно». (Майковъ, Пушкинъ, стр. 312). Объ общемъ настроеніи оды см. статью «Отъ лицея до ссылки» и «Періодъ зеленой лампы».

П. Морозовъ.

184. КН. А. П. ГОЛИЦЫНОЙ.

Стихотвореніе было впервые напечатано въ альманахѣ 1844 г. «Молодикъ» (II, 7) подъ заглавіемъ: «Въ альбомъ г. К.». Поэтому Лицецковъ и другіе издатели относили это стихотвореніе къ графинѣ Кочубей, а временемъ его написанія считали 1827 г. Въ настоящее время мы знаемъ изъ подлинной рукописи (см. примѣч. къ одѣ «Вольность») какъ лицо, къ которому относятся стихи, такъ и ихъ дату. Выраженіе: «бывало воспѣвалъ» поставлено, повидимому, только для прикрытія времени сочиненія «Вольности»; на самомъ же дѣлѣ стихи Голицыной, вѣроятно, были написаны вскорѣ послѣ сочиненія оды и представлены ей вмѣстѣ съ послѣднею.

ПУШКИНЪ и КН. Е. П. ГОЛИЦЫНА.

Съ именемъ кн. Е. П. Голицыной связано два стихотворенія Пушкина: 1) мадригалъ, начинающійся словами: «Краевъ чужихъ неопытный любитель»... (стр. 441 и 2) стихотвореніе (стр. 519) которымъ поэтъ сопроводилъ свою знаменитую оду «Вольность», посылая ее княгинѣ («Простой воспитанникъ природы»...). Мадригалъ относится къ 1817 г.,—періоду наибольшаго увлеченія Пушкина кн. Голицыной. Прошло, однако, немного времени—какой-нибудь годъ, и поэтъ, по свидѣтельству А. П. Тургенева, не былъ уже влюбленъ въ княгиню: нѣсколькими годами позже, Пушкинъ, по припоминаніямъ кн. П. А. Вяземскаго, которыя, какъ кажется, не противорѣчатъ и письмамъ самого поэта, едва-ли не посмѣивался надъ ней. Какъ бы то ни было, но личность кн. Е. П. Голицыной была незаурядной среди тѣхъ женщинъ, которымъ молодой Пушкинъ платилъ дань увлеченія, и отношенія къ ней поэта, по крайней мѣрѣ «къ медовый мѣсяцъ его вступленія въ свѣтъ», да и позднѣе, заслуживаютъ вниманія.

Кн. Евдокія Ивановна Голицына, или какъ въ то время было принято называть ее, по выраженію кн. Вяземскаго,—«такимъ прозаическимъ именемъ», какъ Авдотья Ивановна, род. 4-го авг. 1780 г. и была дочерью ген.-м. (впослѣдствіи д. т. с., сенатора) Ивана Михайловича Измайлова (род. въ 1724 г., ум. въ 1787 г.) и Александры Борисовны рожд. кн. Юсуповой (ум. въ 1791 г.). Потерявъ родителей, она поселилась у своего роднаго дяди Мих. Мих. Измайлова, въ то время сенатора въ Москвѣ, а затѣмъ—московскаго главнокомандующаго; въ домѣ его Е. П. получила прекрасное образованіе. По желанію императора Павла I-го, красавица и умница Е. П. была выдана (19-го іюля 1799 г.) замужъ за некрасиваго, ограниченнаго и расточительнаго кн. Сергѣя Михайловича Голицына, въ то время камергера, а потомъ—почетнаго опекуна въ Москвѣ. Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I-го, она пошла возможнымъ оставить нелюбимаго мужа и зажила независимой, своеобразной жизнью, «не очень-то справляясь», какъ выразился кн. Вяземскій, «съ уставомъ свѣтскаго благочинія, которому подчинилъ себя нѣсколько чопорный и боязливый Петербургъ. Впрочемъ,—оговаривается князь—эта, независимость, это свѣтское отшельничество держались въ строгихъ границахъ чистѣйшей нравственности и существеннаго благоприличія. Никогда ни малѣйшая тѣнь подозрѣнія, даже злословія не отемняли чистой и свѣтлой свободы ея». Въ описываемое время (1817—1818 гг.) кн. Голицыной было уже подъ сорокъ лѣтъ, но, по свидѣтельству современниковъ, она еще «плѣняла» своей красотой. «Трудно кому-нибудь превзойти васъ»—писалъ К. Н. Батюшковъ А. И. Тургеневу, въ іюнѣ 1818 г.—«въ добротѣ, точно такъ, какъ кн. Голицыну, Авдотью Ивановну, въ красотѣ и пріятности; вы оба никогда не состаритесь: Вы—душою, она—лицомъ. Это не я говорю: Жуковскій...» «Кн. Голицына была въ свое время замѣчательная и своеобразная личность въ Петербургѣ... Она была очень красива и въ красотѣ ея выражалась своя особенность. Она долго пользовалась этимъ преимуществомъ»,—писалъ въ свое время кн. Вяземскій, набросавшій, между прочимъ, и портретъ княгини въ слѣдующихъ чертахъ: «не знаю, какова она была

УБІЙЦЫ «ВЪ ЛЕНТАХЪ И ЗВѢЗДАХЪ».

КН. ПЛАТОНЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ.

Съ портрета Левицкаго (Акад. Художествъ). Воспроизводится здѣсь впервые.

ГР. НИКОКАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗУБОВЪ.

Нанесъ Павлу рѣшительный ударъ табакеркой.

И слышетъ Кліи страшной гласъ
За сими страшными стѣнами
Калигуллы послѣдній часъ
Онъ видитъ живо предъ очами
Онъ видитъ—въ лентахъ и звѣздахъ
Виномъ и Злобой упоенны
Идутъ убійцы потаенны
На лицахъ дерзость въ сердце страхъ

Молчитъ невѣрной часовой,
Опущенъ молча мостъ подъемной,
Врата отверзты въ тьмѣ ночной
Рукой предательства наемной...
О стыдъ! о ужасъ нашихъ дней!
Какъ звѣри вторглись Янычары!...
Падутъ безславные удары—
Погибъ увѣнчанный злодѣй!

И днесь учитеся Цари
Ни наказанья, ни награды,
Ни кровь темницъ, ни олтари
Не вѣрныя для васъ ограды,
Склонитесь первые главой
Подъ сѣнь надежную закона
И станутъ вѣчной стражей трона
Народовъ вольность и покой.

въ первой молодости, но и вторая и третья молодость ея плѣнили какою-то свѣжестью и вдохновеніемъ дѣвственности. Черные выразительные глаза, густые темные волосы, падающіе на плечи извилистыми локонами, южный матовый колоритъ лица, улыбка добродушная и граціозная; придайте къ тому голосъ, произношеніе необыкновенно мягкіе и благозвучные,—и вы составите себѣ приблизительное понятіе о внѣшности ея»... Пушкинъ смотрѣлъ на княгиню, какъ на женщину «не съ мертвой красотой, но съ огненной, плѣнительной, живой». Впрочемъ, Карамзинъ, быть можетъ и не безъ основанія, расходился съ поэтомъ въ оцѣнкѣ красоты княгини: «признаюсь»,—писалъ онъ,—«я не влюбился бы въ Пиою (кн. Голицыну: отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ». Повидимому, не идетъ противъ такой характеристики и кн. Вяземскій: «вообще красота ея»,—припоминаетъ онъ,—«отзывалась чѣмъ-то пластическимъ, напоминавшимъ древнее греческое изваяніе... въ ней было что-то яспое, спокойное, скорѣе лѣнивое, безстрастное». Какъ бы то ни было, но красота княгини Голицыной плѣняла многихъ, и въ числѣ ея горячихъ поклонниковъ находились и нѣкоторые пріятели Пушкина, между ними и «рыцарь любви и чести»—красавецъ М. Ѳ. Орловъ [1]. Но не одна красота княгини влекла «небольшое, но избранное общество» въ ея домъ, «артистически украшенный кистью и рѣзцомъ лучшихъ изъ современныхъ русскихъ художниковъ». (Она жила въ Петербургѣ на Большой Милліонной, д. № 6, по набережной Мойки, а лѣтомъ на собственной дачѣ на р. Невѣ). Въ ея салонѣ, или, какъ выразился кн. Вяземскій, «въ этой храминѣ» «тѣмъ болѣе, что и хозяйку можно было признать не обыкновенной свѣтской барыней, а жрицей какого-то чистаго и высокаго служенія») Пушкинъ находилъ «разговоръ непринужденный, плѣнительный, веселый, просвѣщенный», вращавшійся,—по дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ,—на литературныхъ и политическихъ темахъ. Между прочимъ, по отзыву кн. Вяземскаго, «разговоръ» самой княгини Авдотьи Ивановны «дѣйствовалъ на душу какъ Россиніева музыка»... Бесѣды длились далеко за полночь («княгиня не любила рано ложиться спать»), до трехъ-четырехъ часовъ утра, и за любовь Е. П. къ такимъ продолжительнымъ «всенощнымъ» ее прозвали «la princesse Nocturne» и «la princesse Minuit» [1]. Что касается Пушкина, то по припоминаніямъ кн. Вяземскаго—онъ, при вступленіи своемъ въ свѣтъ, т. е. въ 1817 г., «былъ маленько приворожень» княгинею, а въ декабрѣ того же года, какъ свидѣтельствуетъ Карамзинъ, юный поэтъ уже «смертельно влюбленъ въ Пиою и теперь проводитъ у нея вечера: лжетъ отъ любви, сердится отъ любви, только еще не пишетъ отъ любви». Переписка кн. П. А. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ («Остафьевскій Архивъ», т. I) даетъ возможность установить, что Пушкинъ бывалъ у кн. Голицыной и въ 1818 и 1819 гг., но тотъ же источникъ удостовѣряетъ, что увлеченіе поэта княгиней, по крайней мѣрѣ къ концу 1818 г. (а можетъ быть и ранѣе), уже миновало, о чемъ А. И. Тургеневъ въ свое время не могъ не посѣтовать: «жаль»,—писалъ онъ 2-го декабря т. г. кн. Вяземскому,—«что Пушкинъ уже не влюбленъ въ нее, а то бы онъ передалъ ее потомству въ поэтическомъ свѣтѣ, который и для насъ былъ бы очаровательнѣе, особливо въ нѣкоторомъ отдаленіи во времени». Охлажденіе поэта намъ представляется вполнѣ понятнымъ. Поклонникъ красоты, Пушкинъ не могъ устоять передъ чарами не старѣющей красоты кн. Голицыной; юный другъ Тургенева, кн. Вяземскаго, Жуковскаго, Карамзина, Батюшкова, М. Ѳ. Орлова, онъ, конечно, могъ поддаться обаянію женщины, уважаемой людьми, которыхъ онъ цѣнилъ и которые открыли ему двери роскошнаго салона изящной княгини, при первомъ его вступленіи въ свѣтъ. Но могло-ли долго продолжаться увлеченіе 18-лѣтняго Пушкина 37-лѣтней княгиней, если даже предположить, что это увлеченіе было и страстнымъ? Какъ бы ни любилъ Пушкинъ атмосферу салона кн. Голицыной, но именно

1 Увлекая другихъ, кн. Е. П. не избѣжала, однако, и сама увлеченій: говорятъ, что она была очень влюблена въ образованнаго и умнаго кн. М. П. Долгорукова (убитъ въ 1808 г. при Иденсальми), она даже просила у мужа развода, но получила отказъ. Впослѣдствіи, впрочемъ, княгиня отплатила мужу тѣмъ, что въ свою очередь отказала ему въ разводѣ, когда тотъ задумалъ жениться на А. Ѳ. Россетъ.

1 Говорятъ, что княгиня находилась подъ вліяніемъ предсказанія какой-то цыганки, предрекшей ей смерть ночью и будто бы изъ страха передъ смертью княгиня не ложилась спать до утра.

КНЯГИНЯ ЕВДОКІЯ ИВАНОВНА ГОЛИЦЫНА.

(*Портретъ кисти Виже-Лебренъ, относящійся приблизительно къ 1801 г. Позднѣйшій портретъ приложенъ къ стр. 441).*

184. КН. Г — ОЙ (ГОЛИЦЫНОЙ).

Посылая ей оду Вольность.

Простой воспитанникъ природы
Такъ я бывало воспѣвалъ
Мечту прекрасную Свободы
И ею сладостно дышалъ
Но васъ я вижу, вамъ внимаю
И что же?... Слабый человѣкъ!...
Свободу потерявъ навѣкъ
Неволю сердцемъ обожаю.

А. П.

«въ медовый мѣсяцъ своего вступленія въ свѣтъ» (да даже и немного ранѣе) его едва ли не сильнѣе влекла иная обстановка, о чемъ достаточно свидѣтельствуютъ и его произведенія, и факты изъ біографіи, и что неопровержимо доказываютъ многія мѣста изъ упомянутой переписки кн. Вяземскаго съ А. И. Тургеневымъ (см. «Остафьевскій Архивъ», т. I, напр., стр. 119). Пушкинъ того времени,—этотъ «бѣшеный сорванецъ», котораго знали «только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ», этотъ «преступный въ своей праздности геній», и «полулиточный бутошникъ», «испьянился», «прыгая по бульварамъ», ведя «безпутный образъ жизни», дѣлавшій его подчасъ «страдальцемъ чувственной любви». Правда, Пушкинъ—«повѣса вѣчно-праздный», не очень-то склонный въ то время мѣнять «на лампаду Эпиктета златой Горація» фіалъ» и предпочитавшій «веселый пиръ, гдѣ веселье предсѣдатель», любилъ и «просвѣщенный разговоръ» и вообще умныя бесѣды; но могла ли кн. Голицына надолго остаться для юнаго поэта собесѣдницей, «внимая» которой онъ былъ бы въ то же время плѣнникомъ ея чаръ, «обожающимъ неволю», хотя бы только сердцемъ? «Она—благородная»—аттестовалъ ее А. И. Тургеневъ, но тутъ же прибавилъ:—«и когда не на треножникѣ, а просто на стулѣ—умная женщина». «Она была не обыкновенной свѣтской барыней»,—писалъ кн. Вяземскій,—«а жрицей какого-то чистаго и высокаго служенія»; друзья ея звали ее «Ниоісй» и это прозвище за ней утвердилось; а Карамзинъ, какъ мы имѣли случай замѣтить, находилъ, сверхъ того, что «отъ ея трезубца пышетъ не огнемъ, а холодомъ». Княгиня была женщина образованная и, какъ увидимъ, не безъ покушеній на ученость: но если Пушкинъ и въ болѣе зрѣлые годы не могъ терпѣть «семинаристовъ въ желтой шалѣ или академиковъ въ чепцѣ», то въ описываемое время увлеченіе «простого воспитанника природы» «ниоіей», хотя бы она была и въ образѣ очаровательной княгини А. И. Голицыной, во всякомъ случаѣ, едва-ли могло быть продолжительнымъ [1]. Но этого мало: дѣйствительную причину охлажденія поэта, намъ кажется, слѣдуетъ искать гораздо глубже. Припомнимъ, что одной изъ главныхъ темъ, трактовавшихся въ салонѣ кн. Голицыной, была политика. Но какова была политическая физіономія княгини? Извѣстно, что кн. Е. П. Голицына была въ то время, и осталась на всю жизнь, большой патріоткой въ томъ смыслѣ, что любила говорить о «nationalité», любила «духъ русскій» и словомъ и дѣломъ ревновала о его «сохраненіи». Разсказываютъ, напр., что вскорѣ по окончаніи Отечественной войны она появилась въ Москвѣ на балу Благороднаго Собранія въ сарафанѣ и кокошникѣ, оплетенномъ лаврами... Впрочемъ, внѣшнія проявленія своего патріотизма она простерла еще далѣе: «она составила предложеніе петербургскому дворянству ходатайствовать предъ императоромъ Александромъ I о возведеніи на стѣнѣ московскаго Кремля знамени съ изображеніемъ креста въ память Отечественной войны». Между прочимъ, въ бумагахъ В. А. Жуковскаго сохранилось и ея «Мнѣніе», о включеніи въ русскій государственный гербъ изображенія знамени съ крестомъ [1]). Ко времени увлеченія ею Пушкина мы кстати застаемъ княгиню и ярой противницей автономіи Польши и конституціоннаго образа правленія вообще... Выяснять политическую «платформу» Пушкина того времени, когда имъ, между прочимъ, были написаны: «Къ Чаадаеву», «Деревня», ода «Вольность», и пр.—излишній трудъ. Отмѣтимъ лишь, что княгинѣ Голицыной были извѣстны его стансы на вызовъ написать стихи въ честь государыни императрицы Елизаветы Алексѣевны, но поэтъ былъ ей извѣстенъ еще болѣе, какъ «краевъ чужихъ неопытный любитель и своего всегданній обвинитель», каковымъ онъ имѣлъ честь представиться княгинѣ Е. П. въ посвященномъ ей мадригалѣ. «Отечество почти я ненавидѣлъ»,—писалъ Пушкинъ, но закончилъ «мадригалъ» такъ, какъ его и надлежало кончить:

Но я вчера Голицыну увидѣлъ,—
И примиренъ съ отечествомъ моимъ.

Но поэтъ, вообще не любившій скрывать своихъ политическихъ взглядовъ, сдѣлалъ еще болѣе откровенный шагъ: онъ послалъ ей оду «Вольность», не забывъ, впрочемъ, пояснить спеціально для кн. Е. П., что хотъ онъ и другъ свободы,

1 Между прочимъ, кн. Вяземскій, хорошо помня, что Пушкинъ былъ «приворожень» княгиней и даже «неправдоподобно» sic не запомнилъ, надолго-ли чары княгини имѣли свое дѣйствіе надъ поэтомъ.

1) Изъ переписки Жуковскаго видно, что княгиня настойчиво добивалась, чтобы ея «Мнѣніе» было представлено государю.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

185. ОРЛОВУ.

О ты, который сочеталъ,
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и Рускій Генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенной;
О ты, который, съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ, верьхомъ
Преподаешь Царей науку:
Но не безславишь сгоряча
Свою вонисственную руку
Презрѣнной палкой палача;
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Саломономъ восклицаю:
«Мундиръ и сабля—суеты!»
На Генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ;
Онъ очень милъ, о томъ ни слова,
Онъ врагъ коварства и невѣждъ;
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ,
Доночи слушать радъ его;
Но онъ придворный: обѣщанья
Ему не стоятъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана, безъ усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ,
Надъ озеромъ, въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ,
Я буду пѣть моихъ Боговъ,
И буду ждать.—Когда жъ возстанетъ
Съ одра покоя Богъ мечей
И брани громкій вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей:
Питомецъ пламенной Беллоны,
У трона вѣрный Гражданинъ!
Орловъ, я стану подъ знамены
Твоихъ вонисственныхъ дружинъ!
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ
Съ мечемъ и лирой боевой
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ.

1819. іюль.

но въ ея присутствіи онъ «все-же слабый человѣкъ»: «свободу потерявъ навѣкъ, неволю сердцемъ обожаю» — заканчиваетъ поэтъ свое послѣсловіе къ одѣ «Вольность». Если сопоставить съ этимъ его характеристику княгини, сдѣланную нѣсколько лѣтъ спустя, въ письмѣ къ А. И. Тургеневу, именно:—«constitutionelle ou anti-constitutionelle, mais toujours adorable comme la liberté»,—станетъ яснымъ, что, каковы бы ни были политическія воззрѣнія княгини, въ которыхъ онъ, конечно, съ ней расходился,—«какъ женщина она могла быть для него настолько же милой (adorable), какъ свобода (въ особенности въ періодъ ссылки). Отсюда же ясно, почему въ пріятельскомъ кружкѣ ее называли—и совершенно искренно — «милой кн. Авдотьей Ивановной», «милой Nocturne», но не опускали при случаѣ и ироническаго эпитета—«конституціонной». Такъ называлъ ее и Пушкинъ, что видно изъ его писемъ къ А. И. Тургеневу изъ Одессы. «Благодарю Васъ за то»—писалъ поэтъ отъ 1-го дек. 1823 г. «что Вы успокоили меня на счетъ П. М. и К. А. Карамзиныхъ. Но что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, антипольская, небесная княгиня Голицына. Возможно-ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ» [1]). «Обнимаю всѣхъ, т. е. немногихъ»,—заключаетъ Пушкинъ свое письмо отъ 14-го іюля слѣдующаго года,—«цѣлую руку К. А. Карамзиной и княгини Голицыной constitutionelle ou anti-constitutionelle, mais toujours adorable comme la liberté».

На этомъ прощальномъ привѣтѣ обрывается дошедшая до насъ въ отрывкахъ лѣтопись отношеній Пушкина къ кн. Голицыной. Какъ видимъ, они были не очень продолжительны, но обаяніе княгини имѣло надъ поэтомъ силу: онъ посвящалъ ей домъ вплоть до своего изгнанія и вспоминалъ ее не разъ въ дни ссылки. Однако въ эти отношенія, равно какъ и въ стихотворенія поэта, было вложено, по удачному выраженію кн. Вяземскаго, не столько страсти, сколько «воодушевленія» [2]); Пушкинъ воодушевлялся при взглядѣ на не старѣющую красоту всегда цвѣтущей кн. Е. И. Голицыной, надѣленной къ тому же добрымъ сердцемъ и искреннимъ чувствомъ. Изъ своихъ отношеній къ княгинѣ, какъ къ женщинѣ, поэтъ скоро исключилъ страсть, но онъ не могъ и не хотѣлъ сдерживать ея въ выраженіи передъ Е. И. своихъ политическихъ взглядовъ и не щадилъ патріотизма княгини, направленію котораго не симпатизировалъ [1]). Быть можетъ, не безъ цѣли Пушкинъ, «своего всегдашній обвинитель», препроводилъ княгинѣ-патріоткѣ и свою оду «Вольность». Княгиня должна была понять, что какъ бы у ногъ ея Пушкинъ ни «обожалъ неволю сердцемъ», но передъ ней былъ нѣвещъ «прекрасной мечты Свободы», который «сладостно дышалъ» этой мечтой и ждалъ

. . . . . съ томленьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья... [2]

1) Въ данномъ случаѣ едва-ли ошибается (какъ думаетъ П. А. Ефремовъ) кн. Вяземскій; относя именно къ кн. Голицыной слѣдующую замѣтку поэта по поводу появленія въ свѣтъ первыхъ восьми томовъ «Исторіи Государства Россійскаго»: «Ничего не могу вообразить глупѣе свѣтскихъ сужденій, которыя удалось мнѣ слышать насчетъ духа и слога Исторіи Карамзина. Одна дама, впрочемъ весьма почтенная въ первоначальномъ текстѣ сказано: милая, при мнѣ открывъ вторую часть (Исторіи), прочла вслухъ: Владиміръ усыновилъ Святополка, однако не любилъ его... Однако! Зачѣмъ не и о? Однако! Какъ это глупо! Чувствуете ли вы всю ничтожность вашего Карамзина?» Очевидно,—замѣчаетъ Л. Н. Майковъ, княгиня въ, качествѣ пламенной патріотки, считала долгомъ судить о Карамзинѣ, какъ о писателѣ, по шишковски; но это не мѣшало ей посвящать домъ исторіографа, и не тамъ очень любили, хотя и хорошо знали крайность ея сужденій. Любопытно,—прибавляетъ Л. Н Майковъ,—что строгость ея приговора объ «Исторіи государства Россійскаго» внесла даже рознь въ среду арзамасцевъ: между тѣмъ какъ влюбленный въ Авдотью Ивановну Пушкинъ посмѣвался втайнѣ надъ ея сужденіями о сочиненіи Карамзина, другой страстный ея поклонникъ, тоже арзамасецъ, М. Ѳ. Орловъ, по словамъ нашего поэта, «пенялъ Карамзину, зачѣмъ въ началѣ своего творенія не помѣстилъ онъ какой-нибудь блестящей гипотезы о происхожденіи славянъ...»

2) Посланіе Пушкина «Къ Чаадаеву» (1818 г.), изъ котораго взяты эти строки, было напечатано довольно поздно, но его могла знать кн. Голицына если не непосредственно отъ поэта, то черезъ вторыя руки, такъ какъ оно было распространено въ свое время во множествѣ списковъ и пользовалось самой широкой извѣстностью.

1) Напомнимъ контекстъ: этимъ строкамъ предшествуетъ набросанное въ этомъ письмѣ,—какъ выразился самъ поэтъ,—его «подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа» «Свободы сѣятель пустынный»...

2) Въ сочиненіяхъ его Пушкина,—писалъ кн. Вяземскій,—встрѣчаются стихи, на имя ея написанныя, если не страстно, то довольно воодушевленно. Правда, въ этихъ же сочиненіяхъ есть и оборотная сторона медали...

186. ВЪ АЛЬБОМЪ М. А. ЩЕРБИНИНУ.

Житье тому, любезный другъ,
Кто страстью глупою не боленъ,
Кому влюбиться не досугъ,
Кто занятъ всѣмъ и всѣмъ доволенъ:
Кто Пашиньку подъ вечерокъ
За тайнымъ ужиномъ ласкаетъ,
И жирный Стразбургскій пирогъ
Виномъ душистымъ запиваетъ;
Кто, удаливъ заботы прочь,
Какъ вѣрный сынъ Наѳосской вѣры,
Проводитъ набожную ночь
Съ младой монашенкой Цитеры.
По утру сладко дремлетъ онъ,
Читая листикъ *Инвалида*;
Весь день веселью посвященъ,
А въ ночь виновъ царствуетъ Киприда!

И мы не такъ ли дни ведемъ,
Щербининъ, рѣзвый другъ забавы,
Съ Амуромъ, шалостью, виномъ,
Покамѣстъ молоды и здравы?
Но дни младые пролетятъ,
Веселье, нѣга насъ покинутъ,
Желаньямъ чувства измѣнятъ,
Сердца изсохнутъ и остынутъ.
Тогда, безъ пѣсень, безъ подругъ,
Безъ наслажденій, безъ желаній,
Найдемъ отраду, милый другъ,
Въ туманномъ снѣ воспоминаній!
Тогда, качая головой,
Скажу тебѣ у двери гроба:
«Ты помнишь Фанни, милый мой?»
И тихо улыбнемся оба.

Какъ бы то ни было, кн. Е. П. Голицына занимаетъ по праву видное мѣсто въ галереѣ женщинъ, увѣковѣченныхъ поэтомъ [1]), и для насъ понятнымъ становится свѣтованіе Тургенева на то, что Пушкинъ разлюбилъ княгиню: «онъ передалъ бы ее потомству въ поэтическомъ свѣтѣ, который и для насъ былъ бы очарователенъ, особливо въ нѣкоторомъ отдаленіи во времени». Однако этого не случилось: поэтъ не оставилъ цѣльнаго портрета кн. Голицыной. По въ стихотвореніяхъ его, связанныхъ съ именемъ княгини, между строкъ этого свѣтскаго мадригала («Краевъ чужихъ неопытный любитель») и послѣсловія къ одѣ «Вольность», также сбивающагося на мадригалъ, просвѣчиваютъ, однако, черты «очаровательныя». Для біографіи Пушкина имѣетъ большую цѣнность и этотъ мадригалъ; недаромъ Л. Поливановъ далъ о немъ такой отзывъ: «Въ легкихъ стихахъ этого свѣтскаго мадригала, заключающаго выраженіе тѣхъ качествъ, какихъ искалъ въ обществѣ только что вступившій въ него Пушкинъ, дополняется нравственный идеалъ, который можемъ извлечь изъ стихотвореній юношеской эпохи поэта». Въ дополненіе къ этой замѣткѣ, съ своей стороны, напомнимъ, что къ порѣ увлеченія Пушкина кн. Голицыной относится и одно изъ лучшихъ по задушевности стихотвореній поэта, граціозная элегія Къ *** («Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой»...), въ которой звучитъ «голосъ здороваго душевнаго настроенія» [2]).

Кн. Е. П. Голицына на 13 лѣтъ пережила поэта, почти не измѣнивъ своему прежнему образу жизни, занятіямъ и чувству патріотизма, какъ она его подчасъ весьма своеобразно понимала. Между прочимъ, съ пристрастіемъ къ русской исторіи, у ней обнаружилась склонность къ математикѣ въ связи съ метафизикой. Она вела знакомства съ многими математиками (напр., съ акад. М. В. Остроградскимъ) и даже написала сочиненіе «De l'Analyse de la force», въ двухъ частяхъ, дважды перепзданное [1]). Философско-математическія занятія княгини продолжала и въ Парижѣ, гдѣ она живала подолгу въ свои послѣдніе годы. Между прочимъ, въ Парижѣ ее посѣтилъ, въ апрѣлѣ 1844 г., А. И. Тургеневъ: княгиня въ то время только что выпустила 2-мъ изд. 1-ю часть своего «De l'Analyse de la force». Вотъ какими чертами зарисовалъ сцену свиданія съ ней Тургеневъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому (отъ 28 апрѣля 1844 г.): «Вчера заѣхалъ я къ княгинѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Голицыной въ три часа. Она еще не вставала, но приняла; выслала съ дѣвушкой рюмочку троицкой святой воды, которую я выпилъ съ должнымъ чувствомъ; потомъ явилась, и подали утренній чай. На столѣ нашелъ я нѣсколько экземпляровъ «De l'analyse de la force, par m-me la princesse Eudoxie Golitzine, née Ismailoff. Première partie du 1-r livre», съ эпиграфомъ русскимъ: «Ангелъ Господень ополчится окрестъ боящихся его и избавитъ ихъ». Paris. 1844, 42 страницы. Послѣ предисловія начинается «Résumé des 1 et 2 conversations» въ разговорахъ съ m-r D., m r O. и проч. и цѣлый вопросъ княгини Голицыной: «Voudriez-vous, messieurs, me dire ce que l'on entend par une question absurde и т. д. Она не хотѣла давать мнѣ экземпляръ, но я унесъ и посылаю въ Москву. Совершенное сумасбродство!» [2]). Въ другомъ письмѣ Тургеневъ сообщаетъ своему другу о какомъ-то «Посланіи къ нэрамъ», составленномъ княгиней. Вотъ что онъ пишетъ объ авторѣ этого «Посланія»: «Жаль ее и стыдно за русское имя. Теперь собирается она объявить войну

1) Между прочимъ, имя Кн. Авдотіи стоитъ пятымъ именемъ въ такъ назыв. «донъ-жуанскомъ» спискѣ поэта, найденномъ въ альбомѣ Е. П. Уваковой.

2) Она написана 27-го ноября 1817 г., т. е. за 3 дня до того, какъ былъ написанъ мадригалъ княгинѣ. Л. Н. Майковъ, вслѣдъ за Л. Поливановымъ сближаетъ эту элегію съ стих. Къ цепи: «Въ печальной праздности и лиру забываю» и замѣчаетъ, что объ означенныя пѣсы могутъ служить сильнымъ возраженіемъ противъ мнѣнія, неоднократно высказывавшагося, что ранняя молодость поэта была посвящена разгулу».

1) «De l'Analyse de la force». I-re partie, p. VIII(72)XII (съ эпиграфомъ: «Ангелъ Господень ополчится окрестъ боящихся его и избавитъ его». S.-Pbrg., 1835; 2-me partie, S.-Pbrg., 1837.

2) Кстати замѣтимъ, что акад. Буняковскій, ознакомившись съ этимъ сочиненіемъ, нашелъ, что «Голицына—барыня умная, но въ сочиненіяхъ своихъ, къ сожалѣнію, не обнаруживаетъ ничего математическаго» «Рус. Арх.» 1891, кн. I, стр. 157—158. Впрочемъ, по отзыву другого нашего извѣстнаго математика и частаго гостя въ салонѣ Е. П., именно академика М. В. Остроградскаго, кн. Голицына въ этомъ трудѣ «проявила такой собственно ей принадлежащій взглядъ на вещи, который не можетъ не показаться крайне новымъ и имѣетъ справедливымъ по глубокомысленнымъ выводамъ. Природа,—говоритъ княгиня,—основана на силахъ. Все въ природѣ—жизнь и сила, ничтожества нѣтъ...

187. ДЕРЕВНЯ.

Привѣтствую тебя, пустынный уголокъ,
Пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья.
Гдѣ льется дней моихъ невидимый потокъ
На лоно счастья и забвенья!
Я твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубровъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.
Я твой: люблю сей темный садъ
Съ его прохладой и цвѣтами,
Сей лугъ, уставленный душистыми скирдами,
Гдѣ свѣтлые ручьи въ кустарникахъ шумятъ.
Вездѣ передо мной подвижныя картины:
Здѣсь вижу двухъ озеръ лазурныя равнины,
Гдѣ парусъ рыбаря бѣлѣетъ иногда,
За ними рядъ холмовъ и нивы полосаты,
Вдали разсыпанныя хаты,
На влажныхъ берегахъ бродящія стада,
Овины дымные и мѣльницы крылаты:
Вездѣ слѣды довольства и труда.
Я здѣсь, отъ суетныхъ оковъ освобожденной,
Учуся въ истинѣ блаженство находить,
Свободною душой законъ боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвѣщенной,
Участьемъ отвѣчать застѣнчивой мольбѣ
И не завидовать судьбѣ
Злодѣя, иль глупца въ величіи неправомъ.
Оракулы вѣковъ, здѣсь вопрошаю васъ!
Въ уединеньи величавомъ
Слышнѣе вашъ отрадный гласъ;
Онъ гонитъ лѣни сонъ угрюмый,
Къ трудамъ раждаетъ жаръ во мнѣ,
И ваши творческія думы
Въ душевной зрѣютъ глубинѣ.
Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:

Араго. Постараюсь отклонить ее, по удастся-ли. Съ примѣсью сумасшествія она и очень проста и упряма; все это съ очень добрымъ сердцемъ»... Патріотизмъ кн. Голицыной, подозрѣваемый частыми бесѣдами съ такими же, какъ она, патріотами, на темы «о православіи и народности» [1], принялъ съ теченіемъ времени, еще болѣе странныя формы. Такъ, кн. Вяземскій разсказываетъ, что въ 1840-хъ гг., когда мин. гос. имущ. гр. П. Д. Киселевъ прилагалъ заботы о разведеніи въ Россіи картофеля, то Голицына предприняла противъ него цѣлый походъ, считая это нововведеніе посягательствомъ на русскую національность... Кн. П. П. Голицынъ подозрѣваетъ кн. Е. П. и въ соучастіи ея въ трудѣ нѣкоего «отчасти шарлатана и магнетизера» L. Hagewald'a [2]: «De l'origine de la nation russe» (S.-Pbrg., 1850). Безмолвнымъ памятникомъ патріотическаго воодушевленія княгини служитъ сохранившаяся доселѣ надпись на камнѣ, прикрывающемъ ея могилу на Лазаревскомъ кладбищѣ Ал.-Невской Лавры. «Прошу православныхъ русскихъ и проходящихъ здѣсь помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь мои теплыя молитвы у престола Всевышняго для сохраненія духа Русскаго». Она скончалась 18-го января 1850 г. въ Петербургѣ. Время, какъ говорятъ, стерло, наконецъ, долго не поддававшуюся его разрушительному вліянію красоту княгини и сдѣлало ее «страшной» старухой, замѣнившей вкусъ къ изящнымъ туалетамъ страстью рядиться въ яркіе цвѣта... [3].

Ср. Сочиненія Пушкина—изд. II. Академіи Наукъ (т. I и II), А. С. Суворина, ред. П. А. Ефремова (т. VIII), т-ва «Просвѣщеніе», ред. П. О. Морозова (т. I и II), Л. Поливанова (т. I); Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго (т. VIII и IX), К. П. Батюшкова, ред. Л. П. Майкова (т. VIII); «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», ред. В. П. Саитова (т. I и IV); «Письма В. А. Жуковскаго къ А. П. Тургеневу», М., 1895; «Старина и Новизна», кн. I; Г. Геннади, «Справочный Словарь»; «Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій», изд. в. кн. Николая Михаиловича, т. II, Спб., 1907; Кн. П. П. Голицынъ, «Библіограф. Словарь рус. писательницъ», Спб., 1889; его же, «Матеріалы для полн. родосл. росписи кн. Голицыныхъ», Кіевъ, 1880; его же, «Родъ кн. Голицыныхъ», Спб., 1892, т. I: «Рус. Арх.» 1878, кн. 3: 1891, кн. I; 1895, кн. 6; А. Е. Заринъ, «Увлеченія А. С. Пушкина женщинами», Спб., 1901; «Москвитянинъ» 1843, № 12 (отд. оттискъ статьи: «Книга кн. А. М. Голицыной и вечерняя бесѣда ея въ Москвѣ», М., 1844; Книги адресовъ С.-Петербурга.

Ив. Кубасовъ.

185. ОРЛОВУ.

Напечатано въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сѣверная Звѣзда» 1829 г., подъ заглавіемъ: «Къ***, отсовѣтовавшему мнѣ вступить въ военную службу» и съ подписью: *Ан.*, съ значительными пропусками и искаженіями. Оттуда перепечатано Анненковымъ, II, 238; поправки и дополненія даны въ Библіографическихъ Запискахъ 1858, ст. 337—338, и Рус. Архивѣ 1876, № 10; въ полномъ видѣ, по автографу, напечатано П. А. Ефремовымъ въ Рус. Старинѣ 1880, т. XXVIII, 539.

Стихотвореніе было прислано Пушкинымъ А. И. Тургеневу при письмѣ отъ 9 іюля 1819 г. изъ Михайловскаго: «Вотъ вамъ посланіе къ Орлову. Примите его въ вашъ отеческій карманъ, напечатайте въ собственной типографіи и подарите одинъ экземпляръ пламенному питомцу Беллоны, у трона вѣрному гражданину».

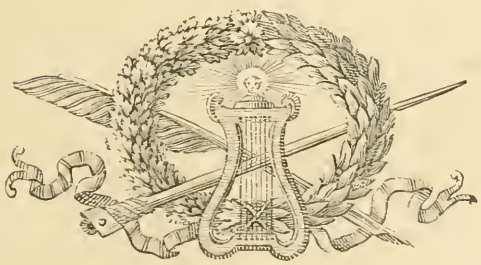
Алексѣй Оедоровичъ Орловъ (1787—1862), младшій братъ арзамасскаго «Рейна»—Михаила Оедоровича, и сынъ генералъ-поручика Оедора Григорьевича (брата Екатерининскаго фаворита). Въ то время, когда написано было это посланіе, А. Ѳ. Орловъ былъ генералъ-адъютантомъ. Онъ принималъ участіе во всѣхъ наполеоновскихъ войнахъ, съ 1805 г. до взятія Парижа. Впослѣдствіи, въ званіи командира л.-гв. коннаго полка, участвовалъ въ усмиреніи бунта 14 декабря 1825 г. и за это былъ возведенъ въ графское достоинство. Послѣ русско-турецкой войны 1828—1829 гг. онъ былъ полномочнымъ министромъ при заключеніи Адріанопольскаго трактата, въ 1833 г. былъ назначенъ посломъ въ Константинополь и

[1] Ср. брошюру С. П. Глинки: «Книга кн. А. М. Голицыной и вечерняя бесѣда ея въ Москвѣ», М. 1844.

[2] Въ послѣдніе годы княгиня онъ проживалъ въ ея домѣ.

[3] Ср. Воспоминанія Остафьева (В. Ленца) въ «Рус. Арх.», 1878, № 3. Впрочемъ, этотъ источникъ малонадеженъ.

Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительныя позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ;
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить!
Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ непротивленной
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря?



главнокомандующимъ черноморскимъ флотомъ и всѣми десантными войсками, затѣмъ исполнялъ рядъ дипломатическихъ порученій въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Съ 1837 г. онъ сопровождалъ императора Николая во всѣхъ его путешествіяхъ по Россіи и за границей; въ 1844 г. былъ назначенъ шефомъ жандармовъ, а въ 1856 г. возведенъ въ княжеское достоинство и сдѣланъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ.

Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ (1788—1872) былъ тогда генералъ-майоромъ и состоялъ при императорѣ, исполняя различныя дипломатическія порученія. Семейство Киселевыхъ принадлежало къ высшему московскому кругу. Отецъ его, Дмитрій Ивановичъ (1761—1820), главноприсутствующій въ мастерской Оружейной Палатъ, женатый на Прасковьѣ Петровнѣ, рожд. княжнѣ Урусовой (1767—1841), имѣлъ большія связи и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ. Онъ находился въ дружбѣ съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ и былъ знакомъ съ Дмитріевымъ, И. И. Тургеневымъ, Карамзинымъ и кн. Андр. Пв. Вяземскимъ. Изъ писемъ кн. П. А. Вяземскаго къ П. Д. Киселеву видно, что въ молодости они были большими пріятелями. Въ 1819 г. Киселевъ былъ назначенъ начальникомъ штаба 2-й арміи, квартировавшаго въ м. Тульчинѣ, Подольской губ., гдѣ подъ его начальствомъ служили будущіе декабристы,— Пестель, кн. Волконскій, кн. Трубецкой и др. Туда же собирался и Пушкинъ; но Орловъ убѣдилъ его отказаться отъ военной службы (ср. статью «Отъ лицея до ссылки» и «Періодъ зеленой лампы»). Впослѣдствіи П. Д. Киселевъ былъ возведенъ въ графское достоинство и сдѣланъ (1838) министромъ государственныхъ имуществъ, а въ 1856—1862 гг. былъ посломъ въ Парижѣ. О немъ см. обширное сочиненіе А. Н. Заблоцкаго-Десятовскаго: «Графъ П. Д. Киселевъ и его время», Спб. 1882.

186. ВЪ АЛЬБОМЪ ЩЕРБИНИНУ.

При жизни поэта стихотворенія ни разу не печаталось, хотя и было предназначено самимъ поэтомъ ко включенію въ изданіе 1826 года (См. Л. Майковъ. Автографы Пушкина, принадлежащіе графу Н. Н. Каннисту, С.-Пб. 1896, стр. 4). Появившись впервые въ «Москвитянинѣ» 1841 г. (ч. II, № 4, стр. 320—321) (съ заглавіемъ «Въ альбомъ Мих. Андр. Щербининой»), съ пропускомъ восьми стиховъ (9—12, 16, 19 и 22—23), оно въ томъ-же году и съ тѣми же пропусками было перепечатано въ посмертномъ изданіи (т. IX, 1841 г., стр. 139—140), а затѣмъ у Анненкова; въ полномъ же видѣ напечатано было въ изданіи 1859 г. (т. I, ст. 189—190). Въ автографѣ извѣстно по рукописи Московскаго Публичнаго Музея № 2364, л. 71 об.,—въ черновомъ, съ многочисленными поправками, наброскѣ, по которому напечатано въ «Матеріалахъ» Л. Н. Майкова (С.-ПБ. 1902, стр. 36—37).

О варіантахъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Анненковъ относитъ это стихотвореніе къ 1818 году,—и подъ нимъ оно печаталось во всѣхъ дальнѣйшихъ изданіяхъ (1859, 1870, 1880, 1882 и 1887 гг.). Въ статьѣ своей объ Я. Н. Толстомъ («Русск. Стар.» 1899 г., № 9, стр. 594) мы высказали мнѣніе, что посланіе къ Щербинину должно быть отнесено къ 1819 году. И дѣйствительно, 1) весь почти 1818 годъ Щербининъ былъ въ отсутствіи изъ Петербурга, тогда какъ 2) въ 1819 г. онъ большую половину года жилъ въ столицѣ; 3) о посланіи этомъ упоминаетъ, какъ о новинкѣ, наряду съ посланіями Пушкина къ В. В. Энгельгардту и А. Ѳ. Орлову (несомнѣнно относящимися къ 1819 г.) А. И. Тургеневъ въ письмѣ своемъ къ князю П. А. Вяземскому изъ Петербурга отъ 13 августа 1819 г. («Послалъ-ли я къ тебѣ посланія Пушкина Орлову, Энгельгардту и Щербинину? Увѣдомь. Если нѣтъ; то пришлю два первыя»—«Ост. Арх.», т. I, стр. 288); 4) въ словахъ Посланія къ Пушкину Я. Н. Толстого:

> . . . вотъ проходитъ ужъ вторая
> Недѣля съ вечера того,—
> Я слышу, пишешь ты къ многимъ,
> Ко мнѣ-жъ покамѣстъ ничего...

находимъ указаніе, что поэтъ писалъ свои посланія къ пріятелямъ—членамъ Зеленой Лампы въ теченіе небольшого промежутка времени; 5) въ тетради Румян. Музея № 2364 черновикъ посланія находится рядомъ съ наброскомъ письма къ Кривцову, несомнѣнно относящимся къ іюлю—августу 1819 г.; 6) въ бумагахъ Пушкина, находящихся въ Академіи Наукъ, имѣется автографъ стихотворенія «Къ Каверину» 1817 г., при чемъ надъ заглавіемъ надписано: «Къ Щерб. 1819» («Пушкинъ и его современники», вып. IV, стр. 3, статья В. И. Срезневскаго; та-же помѣта: «1819» находится въ спискѣ

АЛЕКСАНДРЪ СКАРЛАТОВИЧЪ СТУРДЗА.

188. РАЕВСКІЙ, МОЛОДЕНЕЦЪ ПРЕЖНІЙ.

(Записка къ Жуковскому).

Раевскій, *молоденецъ* прежній,
А тамъ уже *отважный сынъ*,
И Пушкинъ, школьникъ непрілежный
Парнасскихъ дѣвственницъ-Богинь,
Къ тебѣ, Жуковскій, заѣзжали
Но, къ неописанной печали,
Поэта дома не нашли— —
И увѣнчавшись кипарисомъ
Съ французской повѣстью *Борисомъ*
Домой уныло побрели.
Какой святой, какая сводня
Сведетъ Жуковскаго со мной?
Скажи—не будешь-ли сегодня
Съ Карамзинымъ, съ Карамзиной?
На всякій случай—ожидаю!
Тропися прозьбою моей
Тебя зоветъ на чашку чаю
Раевскій, слава нашихъ дней.

189. (КЪ Ѳ. Ф. ЮРЬЕВУ).

Здорово, Юрьевъ именинникъ
Здорово, Юрьевъ лейбъ-уланъ
Сегодня для тебя пустынникъ
Осушитъ пѣнистый стаканъ.
Здорово и пр.

Здорово, рыцари лихіе
Любви, Свободы и вина!
Для насъ союзники младые
Надежды лампа зажжена.
Здорово и пр.

Здорово, молодость и щастье,
Застольный кубокъ и б.....
Гдѣ съ громкимъ смѣхомъ сладострастье
Ведетъ насъ пьяныхъ на постель!
Здорово и пр.

190. (НА А. С. СТУРДЗУ).

Я вкругъ Стурдзы хожу
Вкругъ библическаго
Я на Стурдзу гляжу
Монархическаго.

стихотвореній, назначенныхъ для изданія 1826 г. (Л. Майковъ. Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. П. Каннину, СПБ. 1896, стр. 4); наконецъ, 7) по настроенію своему посланіе къ Щербинину тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ циклу стихотвореній, написанныхъ въ періодъ увлеченій поэта утѣхами вольной, разгульной жизни въ кругу пріятелей, членовъ Зеленой Лампы.—Л. П. Майковъ въ своихъ «Матеріалахъ» (стр. 36) и отнесъ посланіе къ 1819 году, подъ которымъ оно вошло въ изданія Ефремова, Морозова и Академическое. В. Е. Якушкинъ (т. II, примѣч., стр. 126) находитъ возможнымъ датировать посланіе еще болѣе точно, пріурочивая его къ первой п о л о в и н ѣ іюля: по слѣдуетъ замѣтить, что уже 9—10 числа этого мѣсяца поэтъ уѣхалъ въ Михайловское.

Выраженіе стиха 10-го «Пафосская вѣра» дало поводъ рецензенту изданія Пушкина 1870 г. въ «Вѣстникѣ Европы» утверждать, по указанію В. Е. Якушкина (т. II, примѣч., стр. 126), что этотъ эпитетъ данъ цензурою, тогда какъ самъ поэтъ сказалъ: «Какъ вѣрный сынъ м а с о н с к о й вѣры»; между тѣмъ и подлинная рукопись, и авторитетные списки даютъ именно эпитетъ «Пафосскую». Независимо отъ этого, эпитетъ «м а с о н с к у ю» здѣсь былъ бы неумѣстенъ, ибо Пафосъ (Πάφος)—городъ на островѣ Кипрѣ (нынѣ Баффа) былъ извѣстенъ рѣдкимъ по великолѣпію храмомъ Венеры, почему и сама она иногда называется Пафіей. Сравни у Пушкина въ стихотвореніи «Фіалъ Анакреона» (1816 г.):

Когда на поклоненье
Ходилъ я въ древній Пафосъ,
Повѣрьте мнѣ, я видѣлъ
Въ уборной у Венеры
Фіалъ Анакреона:

въ посланіи къ Каверину (1817 г.) поэтъ называетъ Венеру «Пафосской царицей».

Ст. 12-й: Монашенка Цитеры—жрица Венеры: на островѣ Цитерѣ (Киферѣ) былъ также храмъ Аѳродиты, которая имѣла прозвище Киферы, Кипріи.

Ст. 15—16-й:

Весь день веселью посвященъ,
А въ ночь вновь царствуетъ Киприда

сравни со стихами изъ посланія къ А. П. Вульфу (20 сентября 1824 г.):

Дни любви посвящены,
Ночью—царствуютъ стаканы.

Біографія Михаила Андреевича Щербинина, къ которому обращено настоящее посланіе Пушкина, до сихъ поръ не выяснена съ достаточною обстоятельностью, почему и приходится ограничиваться лишь сообщеніемъ вновѣшнихъ фактовъ его жизни. Дѣдъ его, кол. сов. Петръ Андреевичъ Щербининъ (ум. въ 1791 г.), женатый на богатой Харьковской помѣщицѣ княжнѣ Татьянѣ Кропоткиной, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ Украинскимъ философомъ Г. С. Сковородой: его сынъ (отецъ Пушкинскаго пріятеля) Андрей Петровичъ (род. въ 1760 г.) воспитывался подъ наблюденіемъ извѣстнаго мистика и гернгутера,—впослѣдствіи профессора Московскаго Университета,—пастора Іоганна Виганда («Русск. Стар.» 1892, № 6, стр. 549 и сл.), путешествовалъ съ нимъ за границей, потомъ служилъ въ военной службѣ, въ 1790-хъ гг. вышелъ въ отставку полковникомъ, живалъ въ Петербургѣ, гдѣ и умеръ 28 февраля 1820 г. Онъ былъ очень богатый помѣщикъ (1400 душъ крестьянъ) Слободско-Украинской (нынѣ Харьковской) и Московской губерній, но хозяинъ былъ плохой и съ женою жилъ не въ ладахъ, такъ-что въ 1802 г. имѣніе его было отдано въ опеку. У него было три сына, изъ которыхъ Михаилъ Андреевичъ былъ младшимъ: онъ родился въ 1794 или 1795 г., въ 1811 г. былъ воспитанникомъ пансіона, учрежденнаго при недавно передъ тѣмъ открытомъ Харьковскомъ Университетѣ, обучался русскому, французскому и нѣмецкому языкамъ и части математики (такъ значится въ его послужномъ спискѣ) и 28 февраля 1812 г. поступилъ колонновожатымъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части (гдѣ служилъ братъ его Александръ, пріятель А. П. Михайловскаго-Данилевскаго); понявъ сразу же на съемки въ Финляндію, Щербининъ въ августѣ 1812 г. былъ командированъ въ десантный корпусъ, съ которымъ принималъ участіе въ сраженіяхъ противъ французскихъ войскъ при Десау и подъ Семлевомъ, гдѣ былъ контуженъ ядромъ въ плечо (за это онъ былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена); по вылечившись отъ раны, онъ въ декабрѣ отправленъ былъ въ дѣйствующую армію и состоялъ при начальникѣ Главнаго Штаба генералъ-адъютантѣ князѣ Волконскомъ. Произведенный въ февралѣ 1813 г. за отличіе въ сраженіи, въ прапорщики, онъ участвовалъ въ извѣстныхъ битвахъ при

СЕМЕЙСТВО ВСЕВОЛОЖСКИХЪ.

Картина Лезарно, принадлежащая теперь И. А. Всеволожскому. Впереди на гнѣдой лошади Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій; на сѣрой лошади, въ шапкѣ, сынъ его—пріятель Пушкина Никита Всеволодовичъ; за ними, въ цилиндрѣ, Павелъ Борисовичъ Мансуровъ - тоже пріятель Пушкина.

191. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Прости, счастливый сынъ пировъ,
Балованный дитя свободы,
Итакъ, отъ нашихъ береговъ,
Отъ мертвой области рабовъ,
Капральства, прихотей и моды
Ты скачешь въ мирную Москву,
Гдѣ наслажденьямъ знаютъ цѣну,
Безпечно дремлютъ наяву
И въ жизни любятъ перемѣну.
Въ сей азіатской сторонѣ,
Насъ увѣряютъ, жизнь игрушка!
Въ почтенной бичкѣ, шушунѣ,
Москва премилая старушка.
Разнообразной и живой
Она плѣняетъ пестротой,
Старинной роскошью, пирами,
Невѣстами, колоколами,
Забавной, легкой суетой,
Невинной прозой и стихами.
Ты тамъ на шумныхъ вечерахъ
Увидишь важное бездѣлье,
Жеманство въ тонкихъ кружевахъ,
И глупость въ золотыхъ очкахъ,
И тучной знатности похмѣлье,
И скуку съ картами въ рукахъ.
Всего минутный наблюдатель,
Ты посмѣешься подъ рукой;
Но вскорѣ, вѣрный обожатель
Забавъ и лѣни золотой,
Держася моего совѣта
И волю всей душой любя,
Оставишь кругъ большаго свѣта
И жить рѣшишься для себя.
Уже въ пріютѣ отдаленномъ
Я вижу мысленно тебя:
Кипитъ въ бокалѣ опѣненномъ
Аи холодная струя:
Въ густомъ дыму лѣнивыхъ трубокъ,
Въ халатахъ, новые друзья
Шумятъ и пьютъ: задорный кубокъ
Обходитъ ихъ безумный кругъ,
И мчится въ радостяхъ досугъ:
А тамъ Египетскія дѣвы
Летаютъ, вьются предъ тобой:
Я слышу звонкіе напѣвы,
Стонъ нѣги, вопли, дикій вой:
Ихъ изступленныя движенья,
Огонь нечистовыхъ очей
И все, мой другъ, въ душѣ твоей
Раждаетъ трепетъ упоенья....
Но вспомни, милый: здѣсь одна,
Тебя всечасно ожидая,
Вздыхаетъ плѣнница младая:
Весь день уныла и томна,

Люценѣ, Бауценѣ и подъ Лейпцигомъ,—за что получилъ чинъ подпоручика (4 октября 1813 г.), а отъ императора Австрійскаго—орденъ Леопольда 3 степени,—наконецъ, при Брієннѣ и, 18 марта 1814 г., при занятіи Парижа. По окончаніи наступательныхъ дѣйствій Щербининъ 1 августа 1814 г. переведенъ былъ въ Гвардейскій Генеральный Штабъ и съ конца марта 1815 г. находился при начальникѣ Главнаго Штаба. Въ Вѣнѣ, во время бывшаго тамъ конгресса союзныхъ государей, и въ Парижѣ, со вступленія во Францію русскихъ войскъ, двинутыхъ туда для дѣйствій противъ Наполеона. Бѣжавшаго съ Эльбы, а съ сентября 1815 г. по іюль 1816 г. состоялъ при 4 корпусѣ, послѣ чего отправился въ Персію, въ составѣ посольства, посланнаго туда во главѣ съ А. П. Ермоловымъ (о посольствѣ этомъ см. «Русск. Стар.» 1877 г., т. XIX, стр. 258, 397, 400); отъ шаха Персидскаго Щербининъ получилъ орденъ Льва и Солнца 2-й степени съ алмазами. Вернувшись въ Петербургъ, онъ былъ командированъ къ начальнику Главнаго Штаба, при которомъ и находился во время «вояжей» императора Александра по Россіи и заграницей въ 1818 (съ февраля по конецъ декабря) и 1819 (съ конца іюля) годахъ, будучи за это время произведенъ въ поручики (10 мая 1818) и штабсъ-капитаны (30 іюля 1819). Въ это-то время, т.-е. съ января до іюля 1819 г., и могъ Щербининъ, при посредствѣ своего сослуживца Я. И. Толстого, войти въ кружокъ членовъ Зеленой Лампы, познакомиться здѣсь съ Пушкинымъ и получить отъ него посланіе. Будучи командированъ въ канцелярію генералъ-квартирмейстера Главнаго Штаба, Щербининъ съ сентября 1819 по январь 1820 г. пробылъ въ отпуску, въ серединѣ октября 1820 г. былъ переведенъ въ л.-гв. Московскій полкъ, съ назначеніемъ адъютантомъ къ Малороссійскому Военному Генералъ-губернатору князю Н. Г. Репнину, 1-го января 1822 г. произведенъ былъ въ капитаны, а 12 декабря 1823 г. получилъ чинъ полковника съ назначеніемъ въ Муромскій пѣхотный полкъ. Однако, уже 22 марта 1824 г. онъ уволился отъ службы «по домашнимъ обстоятельствамъ». Дальнѣйшая его біографія намъ неизвѣстна: знаемъ только, что вскорѣ по выходѣ въ отставку онъ женился, что въ 1827 г. онъ былъ, въ томъ-же чинѣ полковника, предсѣдателемъ Слободско-Украинской Гражданской Палаты (въ Харьковѣ, гдѣ братъ его, полковникъ, Александръ предсѣдательствовалъ въ Уголовной Палатѣ) и что въ 1830 году онъ жилъ въ Харьковѣ-же; его имя намъ попалось, съ этимъ указаніемъ, въ числѣ подписчиковъ на собраніе сочиненій Д. И. Фонвизина (ч. IV, М. 1830, стр. 127). Самъ онъ, насколько намъ извѣстно, никакого причастія къ литературѣ не имѣлъ; никакихъ указаній на дальнѣйшія сношенія его съ Пушкинымъ также не имѣется.

Б. Модзалевскій.

187. ДЕРЕВНЯ.

Небольшой отрывокъ этого стихотворенія, въ искаженномъ видѣ, появился въ альманахѣ М. А. Бестужева-Рюмина «Сиріусъ», 1826 г., какъ эпиграфъ къ элегіи «Возвращеніе на родину»; въ томъ же году, въ собраніи стихотвореній Пушкина, были напечатаны первые 34 стиха подъ заглавіемъ: «Уединеніе». Полный же текстъ былъ помѣщенъ только въ Герценовской «Полярной Звѣздѣ» 1856, кн. 2. Отсюда въ печатавшихся въ Россіи изданіяхъ разновременно дано было нѣсколько дополненій, и, наконецъ, въ полномъ видѣ, хотя все еще съ заглавіемъ: «Уединеніе», стихотвореніе вошло въ изд. 1870 г. Настоящее заглавіе было возстановлено лишь въ Ефремовскомъ изд. 1880 г.

Стихотвореніе написано въ Михайловскомъ, лѣтомъ 1819 г. А. И. Тургеневъ, въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 26 августа того же года, сообщая объ этой литературной новости, отозвался, что въ ней «есть сильные и прелестные стихи, но и преувеличенія пасчетъ псковского хамства» (Остафьевскій Архивъ, I, 296). Выше, въ статьѣ «Пушкинъ и Парни» указано одно изъ писемъ французскаго поэта, въ которомъ отразилось аналогичное настроеніе. Здѣсь можно еще отмѣтить, что заключительныя строки «Деревни» нѣсколько напоминаютъ одно мѣсто изъ стихотворенія кн. Вяземскаго «Петербургъ»:

Съ чела оратая сотрется потъ неволи,
Природы старшій сынъ, ближайшій братьевъ другъ,
Свободно проведетъ въ поляхъ наслѣдный плугъ,
И свѣтлыхъ нивъ просторъ, пріютъ свободы мирной,
Не будетъ для него темницею обширной.

Мысль объ освобожденіи крестьянъ часто повторялась среди «вольнолюбивыхъ надеждъ и мечтаній» передовыхъ предста-

Въ своей задумчивости сладкой
Тихонько плачетъ подъ окномъ
Отъ грозныхъ аргусовъ украдкой,
И смотритъ на пустынный домъ,
Гдѣ мы такъ часто пировали
Съ Кипридой, Вакхомъ и тобой,
Куда съ надеждой и тоской
Ея желанья улетали.
О, скоро-ль милаго найдутъ
Ея потупленные взоры,
И предъ любовью упадутъ
Замковъ ревнивые затворы?
А нашъ осиротѣлый кругъ,
Товарищъ, скоро ль оживится?
Когда прискачешь, милый другъ?
Душа вослѣдъ тебѣ стремится.
Гдѣ бъ ни былъ ты, возьми вѣнокъ
Изъ рукъ младаго сладострастья,
И докажи, что ты знатокъ
Въ невѣдомой наукѣ счастья.

(1819, 27 ноября).

вителей Александровской эпохи. Однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ этой идеи былъ И. И. Тургеневъ, и Пушкинъ, посѣщая его, по всей вѣроятности, не разъ бывалъ свидѣтелемъ и участникомъ бесѣдъ на эту тему. Воспѣвая «Вольность», поэтъ обратился къ Радищеву; а извѣстно, что книга Радищева, отъ первой страницы до послѣдней, представляетъ обвинительную рѣчь противъ крѣпостного права. Такимъ образомъ, Пушкинъ въ своемъ стихотвореніи явился выразителемъ политической программы, уже вполнѣ опредѣлившейся въ умахъ лучшихъ его современниковъ,— программы, основными положеніями которой были: уничтоженіе рабства царскою властью и установленіе тою же властью гражданской свободы, основанной на просвѣщеніи. Этой программѣ Пушкинъ оставался вѣренъ всю свою жизнь.

«Деревня», вскорѣ послѣ ея написанія, стала распространяться въ спискахъ и получила, наряду съ другими ненапечатанными сочиненіями Пушкина, широкую извѣстность. М. И. Жихаревъ, въ своей статьѣ о Чаадаевѣ (Вѣстникъ Европы 1871, № 7, стр. 196) разсказываетъ, что императоръ Александръ Павловичъ, до котораго дошли слухи о какихъ-то недозволенныхъ произведеніяхъ Пушкина, пожелалъ познакомиться съ этими произведеніями и обратился къ кн. П. А. Васильчикову, при которомъ адъютантомъ состоялъ Чаадаевъ. Послѣдній, исполняя желаніе своего начальника, выбралъ для представленія государю именно «Деревню», такъ какъ имѣлъ основаніе предполагать, что мысли, заключающіяся въ этомъ стихотвореніи, не могутъ вызвать, по крайней мѣрѣ—явнаго, неудовольствія. Чаадаевъ не ошибся: «Деревня» понравилась государю, который сказалъ кн. Васильчикову: «Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent». Объ этихъ словахъ поэтъ вспомнилъ 17 лѣтъ спустя — въ своемъ «Памятникѣ»:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ...

Эти столь умѣренныя «добрыя чувства» не разъ выражались представителями русской общественной мысли. В. Е. Якушкинъ (акад. изд., II, прим., 135) замѣчаетъ, что «Деревня» Пушкина «для цѣлаго ряда поколѣній оставалась, съ одной стороны, рѣзкой обличительной картиной крѣпостного быта, съ другой—выраженіемъ завѣтной надежды на уничтоженіе рабства». Въ воспоминаніяхъ А. П. Милюкова о Достоевскомъ разсказывается, какъ на собраніяхъ у С. Ѳ. Дурова обсуждался вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Одни ожидали движенія снизу, другіе вѣрили въ рѣшеніе сверху. Особенно настойчиво высказывалъ послѣднее Достоевскій. «Я помню, какъ однажды съ обычной своей энергіей онъ читалъ «Деревню». Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ: «Увижу ль, о друзья, народъ неугнетенный» и пр. Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ». Далѣе г. Якушкинъ припоминаетъ, что 10 лѣтъ спустя, въ 1857 г., когда вопросъ объ освобожденіи былъ открыто поставленъ въ извѣстныхъ рескриптахъ Александра II, въ Москвѣ, на обѣдѣ, которымъ русское общество праздновало благую вѣсть, Погодинъ выразилъ общее настроеніе тѣми же заключительными строками «Деревни».

Въ «Русской Старинѣ» 1887, т. 53, стр. 237, указывается, что деревенскій пейзажъ въ началѣ стихотворенія списанъ съ натуры: Михайловская усадьба расположена къ сѣверу, на краю обрыва, внизу котораго находится озеро Лучаново, 150 десятинъ а, неподалеку, на западѣ, другое озеро, Маленецъ, десятинъ въ восемь. П. Морозовъ.

Въ статьѣ «Пушкинъ и Парни» (стр. 391), П. О. Морозовъ указалъ на отголоски поэзіи Парни въ такой, казалось, чисто-русской пьесѣ, какъ «Деревня». Для этой параллели можно прибавить еще одну деталь. Пушкинъ говоритъ о крѣпостномъ мужикѣ:

Склонясь на чуждый плугъ, покоряуя бичамъ.

Откуда здѣсь взялся бичъ, который никогда на русской барщинѣ не употреблялся? Но если заглянуть въ то полупрозаическое, полустихотворное письмо Парни къ Бертену, на которое указывается въ статьѣ «Пушкинъ и Парни», то мы увидимъ, что тамъ говорится не о «розгахъ», какъ неправильно перевелъ П. О. Морозовъ, а именно о «бичахъ» — fouets.

Къ тексту «Деревни» мы еще вернемся, пока-же скажемъ о стихѣ 5-мъ.

Въ изд. 1826 г. онъ читался:

Я—твой: я промѣнялъ порочный дворъ царей.

Въ Герценовской «Полярной звѣздѣ» вмѣсто царей появляется царей и,

192. ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Я знаю, Лидинька, мой другъ,
Кому въ задумчивости сладкой
Ты посвятила свой досугъ,
Кому ты жертвуешь украдкой
Отъ подозрительныхъ подругъ.
Тебя стращитъ проказникъ милый,
Очаровательь легкокрылый,
И хладной важностью своей
Тебѣ неспосенъ Гименей.
Ты молишься другому Богу,
Своей покорствуя Судьбѣ:
Восторги пылкіе къ тебѣ
Нашли пустынную дорогу.
Я понялъ слабый жаръ очей,
Я понялъ взоръ полузакрытый,
И поблѣднѣвшія ланиты,
И томность поступи твоей..
Твой богъ не полною отрадой
Своихъ поклонниковъ даритъ.
Его таинственной наградой
Младая скромность дорожитъ.
Онъ любитъ сны воображенья,
Онъ терпитъ на дверяхъ замокъ,
Онъ другъ стыдливый наслажденья,
Онъ братъ любви, но одинокъ.
Когда безсонницей унылой
Во тмѣ ночной томишься ты,
Онъ оживляетъ тайной силой
Твои неясныя мечты,
Вздыхаетъ нѣжно съ бѣдной Лидой
И гонитъ тихою рукой
И сны, внушенные Кипридой,
И сладкій, дѣвственный покой.
Въ уединенномъ наслажденьи
Ты мыслишь обмануть Любовь.
Напрасно!—въ самомъ упоеньи
Томишься и вздыхаешь вновь!
Амуръ ужели не заглянетъ
Въ не освященный твой пріютъ?
Твоя краса какъ роза вянетъ,
Минуты юности бѣгутъ.
Ужель мольба моя напрасна?
Забудь преступныя мечты,
Не вѣчно будешь ты прекрасна,
Не для себя прекрасна ты.

193. (П. Б. МАНСУРОВУ).

Мансуровъ, закадышный другъ,
Надѣнь вѣнокъ терновый,
Вздохни—и рюмку выпей вдругъ
За здравіе Крыловой.
Повѣрь, она вѣрна тебѣ...
Какъ дѣвственница Лассп,
Она покорствуетъ Судьбѣ
И Г-жѣ Казасси.—
Но скоро шастливой рукой
Набойку школы скинетъ
На бархатъ ляжетъ предъ тобой
И . . . . . .

начиная съ изд. 1870 г., это столь легко объясняемое цензурнымъ страхомъ чтеніе установилось. Приняли его и мы, не имѣя рѣшающихъ основаній отвергать его. Однако, и для чтенія «Царцей» намъ приходятъ на умъ нѣкоторыя основанія. Съ какой стати въ пьесѣ автобіографически-реалистическаго характера Пушкинъ вдругъ ввелъ-бы «дворъ царей», при которомъ онъ никогда не бывалъ? Затѣмъ: въ тѣ годы, когда писалась «Деревня», тихій и даже прямо мрачный русскій дворъ всего менѣе могъ-бы быть названъ «порочнымъ». Прошли времена, когда, по картинному выраженію Ровинскаго, Зимній дворецъ напоминалъ собою «слѣпую копюшню». Какъ-бы ни относиться къ Александру I, но «порочность» къ нему совершенно не идетъ. Наконецъ, мы знаемъ, что Александръ благосклонно отнесся къ «Деревнѣ», гдѣ дѣйствительно царская власть является въ ореолѣ. Но нашлось-ли-бы у Александра достаточно снисходительности, если-бы онъ въ первыхъ-же строкахъ наткнулся на «порочный дворъ царей». Чтеніе «порочный дворъ цирцей» гораздо правдоподобнѣе. «Цирцея»—это разновидность тѣхъ-же «лансъ», «монашенокъ Венеры», «прелестницъ» и т. д., которымъ Пушкинъ отдалъ дань молодости. *Ред.*

188. РАЕВСКІЙ, МОЛОДЕНЕЦЪ ПРЕЖНІЙ.

Рукопись сохранилась въ бумагахъ Жуковскаго и находится въ Публичной Библіотекѣ. Молоденецъ—Ник. Ник. Раевскій-младшій, которому Пушкинъ посвятилъ «Кавказскаго плѣнника». О немъ и семьѣ Раевскихъ еще будетъ рѣчь. Раевскій-отецъ, знаменитый генералъ 12 года, бралъ въ бой своихъ сыновей, и Жуковскій говорилъ въ «Пѣснѣ во станѣ Русскихъ воиновъ»:

> Раевскій, Слава нашихъ дней
> Хвала! передъ рядами
> Онъ первый грудь противъ мечей
> Съ отважными сынами.

Подчеркнутыя слова пародируетъ Пушкинъ въ своей шуткѣ.

Повѣсть «Борисъ», — Boris, nouvelle par A. Saint-Hippolyte, P. 1819 — попала къ Жуковскому послѣ 9 іюля, и такъ какъ Пушкинъ жилъ лѣтомъ въ деревнѣ, то записочка относится къ осени 1819 г. Ср. Академ. изд. т. II, примѣч. стр. 176—178.

189. ЮРЬЕВУ.

Въ автографѣ этого стихотворенія, принадлежащемъ нынѣ П. А. Ефремову и полученномъ имъ отъ самого Юрьева, заглавія нѣтъ; оно дано въ изданіи Геннади 1859 г. (т. I, стр. 213), въ которомъ напечатано впервые (въ не совсѣмъ исправномъ видѣ), по сообщенію Юрьева; затѣмъ пьеса перепечатывалась въ изд. 1870 г. (т. I, стр. 210), 1880 г. (т. I, стр. 227—228), 1882 г. (т. I, стр. 495—496) Литер. Фонда (т. I, стр. 198) и изд. Морозова 1903 г. (т. I, стр. 239—240, съ необъясненной датой «Февраль»).

Въ «Матеріалахъ» Л. Н. Майкова (стр. 29) и въ изд. Ефремова-Суворина (т. I, стр. 329) стоящія въ подлинникѣ послѣ каждаго куплета пѣсни слова «Здорово и проч.» раскрыты, и вмѣсто нихъ повторенъ 1-й куплетъ цѣликомъ. По справедливому замѣчанію редактора Академическаго изданія (т. II, примѣч., стр. 92) такое раскрытіе словъ «и проч.» совершенно произвольно, такъ какъ они могутъ означать «или повтореніе цѣликомъ всякаго куплета, или повтореніе только первыхъ двухъ стиховъ всякаго куплета, или наконецъ, повтореніе вездѣ двухъ стиховъ перваго куплета» (послѣднее, повидимому, вѣроятнѣе всего).

Дата піесы опредѣляется свидѣтельствомъ Юрьева, который помѣтилъ на автографѣ «1819 года. Спбургъ»; болѣе точно она устанавливается изъ сопоставленія съ временемъ перехода Юрьева въ лейбъ-уланы: сюда онъ переведенъ былъ 20-го сентября 1819 г.,—слѣдовательно, стихотвореніе должно быть отнесено къ послѣдней четверти 1819 года[1]). Въ 4-мъ стихѣ 2-го куплета Пушкинъ упоминаетъ «Надежды Ламиу»; это наводитъ на предположеніе, что празднованіе именинъ Юрьева и перевода его въ гвардію происходили въ «засѣданіи» общества «Зеленой Лампы», за которымъ членами его и могла быть исполнена эта пѣсня на какой-нибудь общеизвѣстный тогда мотивъ. О Юрьевѣ см. въ примѣчаніи къ посланію Пушкина къ Юрьеву 1818 года.

Б. Модзалевскій.

1) См. нашу замѣтку: «О. Ф. Юрьевъ и посланіе къ нему Пушкина 1819 г.» въ ж. «Пушкинъ и его современники», вып. III. Спб. 1905, стр. 92—93, и Акад. изд., т. II, примѣч., стр. 93.

ЯКОВЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТОЛСТОЙ.

194. СТАНСЫ ТОЛСТОМУ.

Философъ ранній, ты бѣжишь
Пировъ и наслажденій жизни,
На игры младости глядишь
Съ молчаньемъ хладнымъ укоризны.
Ты милыя забавы свѣта
На грусть и скуку промѣнялъ,
И на лампаду Эпиктета
Златый Гораціевъ фіалъ.
Повѣрь, мой другъ, она придётъ.
Пора унылыхъ сожалѣній,
Холодной истины заботъ
И безполезныхъ размышленій.
Зевесъ, балуя смертныхъ чадъ,
Всѣмъ возрастамъ даетъ игрушки:
Надъ сѣдинами не гремятъ
Безумства рѣзвыя гремушки.
Ахъ, младость не приходитъ вновь!
Зови же сладкое бездѣлье,
И легкокрылую любовь,
И легкокрылое похмѣлье!
До капли наслажденье пей,
Живи безпеченъ, равнодушенъ!
Мгновенно жизни будь послушенъ,
Будь молодъ въ юности твоей!

190. (НА А. С. СТУРДЗУ).

Впервые напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1874, I, 123. «Трудно сказать»,— говоритъ В. Е. Якушкинъ (акад. изд. соч. Пушк., II, прим., 97),—«имѣемъ ли мы здѣсь четырехстрочную эпиграмму, или это лишь начало болѣе длиннаго стихотворенія». Стихи Пушкина являются подражаніемъ извѣстной пѣснѣ: «Я вкругъ бочки хожу, вкругъ дубовенькія», а пѣсня эта довольно длинная.

Александръ Скарлатовичъ Стурдза (1791—1854)—сынъ молдавскаго выходца, впослѣдствіи правителя Бессарабіи, Скарлата Дмитріевича Стурдзы и княжны Султаны, рожд. Мурузи. Получивъ основательное домашнее образованіе, онъ въ 1809 г. поступилъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, гдѣ работалъ подъ руководствомъ гр. Каподистрія, съ которымъ находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, съ 1818 г., по приглашенію кн. А. Н. Голицына, Стурдза принималъ участіе въ трудахъ Главнаго Правленія Училищъ, занимаясь составленіемъ инструкцій, проектовъ и мнѣній, касавшихся народнаго просвѣщенія, и просмотромъ учебниковъ. Въ печати онъ выступилъ еще въ 1810 г. и вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность богословскими, философскими и публицистическими сочиненіями на французскомъ языкѣ, а впослѣдствіи—статьями историческаго и автобіографическаго содержанія, печатавшимися преимущественно въ Москвитянинѣ. Онъ былъ знакомъ почти со всѣми выдающимися литераторами своего времени—съ Олениннымъ, Гнѣдичемъ, Жуковскимъ, Дмитріевымъ, Карамзинымъ и др. Послѣдній, впрочемъ, относился къ его административной и литературной дѣятельности иронически и называлъ его сочиненія «мистическою вздорологіею». По своимъ религіознымъ и политическимъ убѣжденіямъ Стурдза былъ крайнимъ реакціонеромъ и строгимъ блюстителемъ православія. См. подробнѣе Остафьевскій Архивъ, I, 498.

191. ВСЕВОЛОЖСКОМУ.

Нѣсколько черновыхъ стиховъ этого посланія сохранилось въ находящейся въ московскомъ Румянцевскомъ музеѣ тетради № 2364 (л. 64), а полный автографъ, принадлежавшій Ѳ. Ф. Юрьеву, хранится у П. А. Ефремова: онъ носитъ помѣту: «1819—27 нояб.». Въ Плетневскомъ спискѣ стихотвореній, предназначенныхъ для изданія 1826 г., посланіе значится подъ 1819 г. («Переписка П.», ред. В. И. Саитова, I, 295). Напечатано оно было впервые въ изданіи 1826 г., стр. 141 — 144; затѣмъ появилось въ изданіи 1829 г., ч. I, стр. 69—72. Е. П. Якушкинъ напечаталъ его по бывшему въ его рукахъ списку въ «Библіографѣ. Записках» 1858 г., № 11, стр. 339, а П. А. Ефремовъ издалъ посланіе по Юрьевскому автографу въ «Рус. Старинѣ» 1880 г., январь, 191 — 193. По вопросу о томъ, какъ печатать пьесу—по автографу ли, по изданію ли 1829 г. или въ смѣшанной редакціи, составленной изъ автографа и изданія 1829 г., какъ это сдѣлалъ во II томѣ академическаго изданія В. Е. Якушкинъ, существуютъ разногласія. Считая, что измѣненія редакціи 1829 г. (въ общемъ, очень незначительныя) вызваны исключительно цензурными соображеніями, настоящее изданіе держится текста академич. изданія (ср. статью о текстѣ).

Никита Всеволодовичъ Всеволожскій, извѣстный въ 20-хъ годахъ представитель jeunesse dorée, страстный театралъ, балетоманъ, былъ однимъ изъ основателей кружка «Зеленой Лампы», къ которому принадлежали братъ Н. В. Всеволожскаго—Александръ, Д. П. Барковъ, М. А. Щербининъ, Ѳ. Ф. Юрьевъ, В. В. Энгельгардтъ, П. П. Каверинъ, А. П. Якубовичъ, П. Б. Мансуровъ, Я. Н. Толстой; «ламистомъ» былъ и Пушкинъ. Подробнѣе о «Зеленой Лампѣ» см. въ ст. «Отъ Лицея до ссылки», «Періодъ Зеленой Лампы» и въ примѣчаніяхъ къ «Стансамъ» Я. Н. Толстому 1819 г., и посланію къ нему же, 1822 г. Посланіе къ Всеволожскому отражаетъ тогдашнее веселое до самозабвенія настроеніе «бѣсующагося Пушкина», какъ назвалъ его А. И. Тургеневъ; оно очень богатый источникъ для характеристики пушкинской молодости. Все оно пропитано свѣтлымъ, «пушкинскимъ» міросозерцаніемъ; въ немъ разлитъ наивность влюбленности въ жизнь, со всѣми ея мелочами, легкій, беззаботный юморъ. Какъ въ посланіи къ Энгельгардту (см. выше) Пушкинъ бранитъ петербургскій свѣтъ, такъ здѣсь онъ весело подтруниваетъ надъ старушкой Москвою, съ ея характерными особенностями. Приблизительно также Пушкинъ характеризуетъ Москву въ «Онѣгинѣ», гдѣ называетъ ее «ярмаркой невѣстъ»: когда Евгеній пріѣзжаетъ въ первопрестольную столицу, Москва «слагаетъ въ честь его стихи и

ЛУБОЧНАЯ КАРТИНА 1890-хъ гг.

195. РУСАЛКА.

Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ,
Спасался нѣкогда монахъ,
Всегда въ занятіяхъ суровыхъ,
Въ постѣ, молитвѣ и трудахъ.
Уже лопаткою смиренной
Себѣ могилу старецъ рылъ,
И лишь о смерти вожделѣнной
Святыхъ угодниковъ молилъ.
Однажды лѣтомъ у порогу
Пустынной хижины своей
Анахоретъ молился Богу.
Дубравы дѣлались черней:
Туманъ надъ озеромъ дымился,
И красный мѣсяцъ въ облакахъ
Тихонько по небу катился.
На воды сталъ глядѣть монахъ.
Глядитъ, невольно страха полный:
Не можетъ самъ себя понять...
И видитъ: закипѣли волны,
И присмирѣли вдругъ опять...
И вдругъ... легка, какъ тѣнь ночная,
Бѣла, какъ раннiй снѣгъ холмовъ,
Выходитъ женщина нагая,
И молча сѣла у береговъ.

производитъ въ женихи». Въ характеристикѣ большого свѣта—бездѣлье, жеманство, глупость, скука—Пушкинъ, никогда не любившій свѣтскихъ гостиныхъ, вѣренъ себѣ. Зато—сколько яркости и силы въ описаніи «безумнаго круга», сколько знанія «невѣдомой науки счастья»! «Младая плѣянца», вѣроятно, Овошникова, воспитанница театральнаго училища, находившагося на Екатерининскомъ каналѣ, недалеко отъ дома Всеволожскаго, на Екатерингофскомъ проспектѣ (гдѣ нынѣ Финляндскій статсъ-секретаріатъ).

Личныя отношенія между Пушкинымъ и П. В. Всеволожскимъ были близкія и теплыя. Этотъ кутила и камеръ-юнкеръ (Всеволожскій числился на службѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ) былъ вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ образованный и умѣлъ быть серьезнымъ. Въ «Зеленой Лампѣ» не только «шумѣли и пили». «Протоколы» и «бумаги» этого общества, видѣнные когда-то у М. Н. Семевскаго П. А. Ефремовымъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1903 г., стр. 135), сохранили извѣстіе о литературныхъ занятіяхъ «ламинстовъ»; однажды «были читаны обширные очерки самого Всеволожскаго изъ русской исторіи, составленные не по Карамзину, а по лѣтописямъ». Это не мѣшало ему быть большимъ любителемъ картъ: «Всеволожскій N играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются»! писалъ Пушкинъ въ 1819 г. Мансурову. Пушкинъ, который самъ былъ страстный игрокъ, однажды проигралъ Всеволожскому тетрадь своихъ стихотвореній. «Въ 1820 г.»—писалъ онъ впослѣдствіи князю П. А. Вяземскому — «переписалъ я свое вранье и намѣренъ былъ издать его по подпискѣ, напечаталъ билеты и раздалъ около сорока. Я проигралъ потомъ рукопись мою Никитѣ Всеволожскому (разумѣется съ извѣстнымъ условіемъ). Между тѣмъ принужденъ былъ бѣжать изъ Мекки въ Медину; мой коранъ пошелъ по рукамъ, и донынѣ правовѣрные ожидаютъ его. Теперь поручилъ я брату отыскать и перекупить мою рукопись»... Издать свои стихи Пушкинъ собирался еще въ 1819 г.; 12 ноября 1819 г. А. И. Тургеневъ сообщалъ князю П. А. Вяземскому: «Бѣснующійся Пушкинъ печатаетъ уже свои мелочи, какъ увѣряютъ меня книгопродавцы». Эти-то мелочи, должно быть, Пушкинъ и проигралъ вскорѣ Всеволожскому, несмотря на розданные подписные билеты. Судьба проигранной тетради безпокоила Пушкина. 27 іюня 1821 г. онъ писалъ изъ Кишинева брату: «постарайся свидѣться съ Всеволожскимъ и возьми у него на мой счетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляровъ 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, Овошникову его, Ламну его—и все, елико друга моего». Всеволожскій самъ долгое время не могъ приступить къ изданію сборника и хотѣлъ продать его князю А. Я. Лобанову-Ростовскому. Узнавъ объ этомъ, Пушкинъ просилъ брата: «явись отъ меня къ Никитѣ Всеволожскому и скажи ему, чтобъ онъ, ради Христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года. Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику». Всеволожскій своего права, однако, никому не переуступилъ. Прошло еще два года, и Пушкинъ опять сталъ просить Всеволожскаго возвратить ему купленное право, о чемъ писалъ въ 1824 г. изъ Одессы А. А. Бестужеву и самому «Аристиппу Всеволодовичу», которому напомнилъ о проведенныхъ вмѣстѣ веселыхъ часахъ, о «кулинныхъ страстяхъ», объ Овошниковой. Рукопись была возвращена лишь въ слѣдующемъ году, когда Пушкинъ былъ уже въ Михайловскомъ. «Всеволожскій со мною шутитъ»—писалъ онъ брату:—«я долженъ ему 1000, а не 500; переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ, хоть и женится». Имя Всеволожскаго, котораго поэтъ назвалъ: «лучшій изъ минутныхъ друзей моей минутной молодости», мы встрѣчаемъ у Пушкина еще только въ программѣ «Русскаго Пелама», 1835 г.: въ обществѣ, въ которомъ вращается герой задуманнаго поэтомъ романа, фигурируютъ Всеволожскій и Овошникова. Все, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Пушкина къ этому умному и привлекательному человѣку говоритъ, что Всеволожскій не принадлежалъ къ числу тѣхъ «друзей презрѣнныхъ», «предательскій привѣтъ» которыхъ поэтъ съ тоскою вспоминалъ въ мучительныя, безсонныя ночи («Воспоминаніе», 1828 г.).

«Балованный дитя» (2-ой ст.) въ посланіи къ Всеволожскому напоминаетъ грамматической несогласованностью въ родѣ опредѣляемаго слова и опредѣляющаго два стиха изъ оды Державина «На рожденіе въ свѣтъ порфиророднаго отрока»:

Отрочa порфирородно
Въ царствѣ сверномъ рожденъ...

Н. Лернеръ.

Глядитъ на стараго монаха
И чешетъ влажные власы.
Святой монахъ дрожитъ со страха
И смотритъ на ея красы.
Она манитъ его рукою,
Киваетъ быстро головой....
И вдругъ надучею звѣздою
Подъ сонной скрылася волной.
Всю ночь не спалъ старикъ угрюмой
И не молился цѣлый день:
Передъ собой съ невольной думой
Все видѣлъ чудной дѣвы тѣнь.
Дубравы вновь одѣлись тмою;
Пошла по облакамъ луна,
И снова дѣва надъ водою
Сидитъ, прелестна и блѣдна.
Глядитъ, киваетъ головою,
Цѣлуетъ издали шутя,
Играетъ, плещется волною,
Хохочетъ, плачетъ, какъ дитя,
Зоветъ монаха, нѣжно стонетъ...
«Монахъ, монахъ! ко мнѣ, ко мнѣ!...»
И вдругъ въ волнахъ прозрачныхъ тонетъ:
И все въ глубокой тишинѣ.
На третій день отшельникъ страстной
Близъ очарованныхъ береговъ
Сидѣлъ и дѣвы ждалъ прекрасной,
А тѣнь ложилась средь дубровъ...
Заря прогнала тму ночную:
Монаха не нашли нигдѣ,
И только бороду сѣдую
Мальчишки видѣли въ водѣ.

---

196. ДОМОВОМУ.

Помѣстья мирнаго незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лѣсъ и дикій садикъ мой
И скромную семьи моей обитель!
Да не вредятъ полямъ опасный хладъ дождей
И вѣтра позняго осенніе набѣги;
Да въ пору благотворны снѣги
Покроютъ влажный тукъ полей!
Останься тайный стражъ въ наслѣдственной сѣни,
Постигни робостью полуночнаго вора
И отъ недружескаго взора
Счастливый домикъ охрани!
Ходи вокругъ него заботливымъ дозоромъ,
Люби мой малый садъ и берегъ сонныхъ водъ
И сей укромный огородъ
Съ калиткой ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ!
Люби зеленый скатъ холмовъ,
Луга, измятые моей бродящей лѣнью,
Прохладу липъ и кленовъ шумный кровъ:
Они знакомы вдохновенью.

ПЕРІОДЪ «ЗЕЛЕНОЙ ЛАМПЫ».

Фантастическій, возбуждающій полусвѣтъ большой шарообразной лампы, обдающей своими зелено-матовыми лучами разгорѣвшіяся, чувственныя лица молодыхъ героевъ кутежа съ ихъ вдохновительницами-вакханками, «наѳосскими жрицами», «вѣтреными Лаисами»; звонъ чашъ и безуміе оргіи, переходящей въ «ѳаонскія» процессіи и распутныя игры,—такова сбереженная пугливымъ и негодующимъ преданіемъ обстановка, въ которую (по стоустой молвѣ) страстный темпераментъ вовлекъ Пушкина съ первыхъ шаговъ его вступленія въ жизнь. Сколько бы ни возставали факты противъ разнузданности этихъ призрачныхъ картинъ и противъ огульныхъ приговоровъ надъ помыслами и влеченіями, единственно отданными будто бы чувственному удальству, какъ бы ни спорила неприкрашенная Wahrheit съ богатой мрачными эффектами Dichtung, требуя пересмотра и провѣрки,—преданіе не уступаетъ. Съ нимъ нужно вѣдаться, и въ предверіи боевой поэзіи, оппозиціонныхъ манифестацій, ссылки и страданій все еще таинственно льется свѣтъ пресловутой Зеленой Лампы...

Освобожденный отъ него или выведенный на дневной свѣтъ прологъ къ общественной и литературной жизни Пушкина получаетъ совершенно иныя очертанія,—и, основанныя на точныхъ данныхъ и на показаніяхъ современниковъ, они не мѣняютъ, рѣзко и діаметрально противоположно, отрицательной оцѣнки на безусловное обвиненіе, но распредѣляютъ свѣтъ и тѣни, и не прерываютъ эволюціоннаго хода басней о какомъ-то чуть не нравственномъ паденіи.

Когда, послѣ лѣтняго отдыха въ Михайловскомъ (въ іюлѣ и августѣ 1817 года), необыкновенно плѣнившаго его, словно заскучавшую взаперти, вдали отъ жизни, «монастырку», свѣжими толпами деревенской природы и простоты, явился въ Петербургъ къ мѣсту своего служенія, недавній лицеистъ и совершалъ первые свои дебюты въ свѣтскихъ и писательскихъ кругахъ, не банальный искатель скорыхъ и легкихъ успѣховъ, падкій на соблазны острословія, вольнодумства, эффектной порочности, не блестящій, не по годамъ развившійся виртуозъ краснаго, скользящаго по поверхности, стиха или звучнаго пѣснопѣнія вступалъ въ его лицѣ въ обычный составъ общественныхъ слоевъ, считавшихъ себя интеллигентными. Въ недавнемъ прошломъ у него еще могли слышаться отголоски старозавѣтныхъ убѣжденій его сословной среды, и будущій пѣвецъ вольности могъ въ 1815 г. написать (по желанію министра) оду на возвращеніе Александра, а въ 1816 (по желанію Карамзина)—стихотворное привѣтствіе принцу Оранскому по случаю его свадьбы. Но цинническое пробужденіе, совершавшееся въ немъ, вскорѣ оставило далеко за собой торжественную рутину, увлекая его впередъ, къ идеямъ высшаго порядка. Свѣжи были также въ памяти лицейской братіи и столичныхъ любителей игриваго остроумія и легкой поэзіи ходившія по рукамъ бойкія эпиграммы, свободныя отъ серьезной политической мысли, и анакреонтическія шалости молодого стихотворца, но передъ нимъ уже раскрывалось иное призваніе, имъ овладѣвали иныя влеченія. Въ сознаніе запали недавнія увлекательныя рѣчи Куницына, этого вдохновителя лицейской молодежи, заслужившаго восторженный отзывъ поэта:

Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень
Поставленъ имъ краеугольный камень.
Имъ чистая лампада возжена.

среди беззаконія и произвола проповѣдывавшаго «Естественное право» и въ недалекомъ будущемъ пострадавшаго за свою независимость. Царскосельская обстановка дала, вмѣ ученья, не одни только студенческія шалости, ночныя экскапады и пирушки, смѣнившіяся болѣе утонченнымъ эпикурействомъ, которое внесло съ собой знакомство съ лейбъ-гусарскимъ кутящимъ міркомъ. И не къ такимъ только веселымъ импровизаціямъ, какъ пушкинская «Молитва лейбъ-гусаровъ» съ мелькающими въ ней силуэтами всего полкового персонала, приводило первое соприкосновеніе поэта съ военною средой. Еще въ 1816 году, у Карамзина въ Царскомъ Селѣ, встрѣ-

197. НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Чья мысль восторгомъ угадала,
Постигла тайну красоты?
Чья кисть, о небо, означала
Сіи небесныя черты?
Ты, геній!... Но любви страданья
Его сразили. Взоръ нѣмой
Вперилъ онъ на свое созданье,
И гаснетъ пламенной душой.

198. ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Художникъ-варваръ кистью сонной
Картину генія чернитъ
И свой рисунокъ беззаконной
Надъ ней безсмысленно чертитъ.
Но краски чуждыя, съ лѣтами,
Спадаютъ ветхой чешуей:
Созданье генія предъ нами
Выходитъ съ прежней красотой.
Такъ исчезаютъ заблужденья
Съ измученной души моей,
И возникаютъ въ ней видѣнья
Первоначальныхъ, чистыхъ дней.

тился опять съ тѣмъ «Брутомъ или Периклесомъ», который «волей царской былъ просто офицеръ гусарскій», и подалъ его обаянію. Задумчивый, строго серьезный, съ московскимъ университетскимъ образованіемъ, широкой начитанностью, опредѣленными общественными запросами и вѣрнымъ пониманіемъ надвигавшейся реакціи, Чаадаевъ, можно сказать, принялъ на себя послѣ Куницына духовное руководительство Пушкинымъ. Гусарская «Молитва» просила объ избавленіи товарищей отъ «Чаадаева гордости»; но эта искусно переданная офицерская подстановка не подходящаго слова вмѣсто сосредоточенности, вдумчивой замкнутости въ себѣ, неослужила помѣхою къ сближенію. И тотъ лицеистъ, превратившійся въ аспиранта дипломатіи, котораго строгій и нравственно требовательный Чаадаевъ, послѣ своего служебнаго перехода въ Петербургъ все тѣснѣе приближалъ къ себѣ, дѣлясь съ нимъ помыслами, конечно, не казался ему заурядынымъ, плывущимъ по теченію, представителемъ столичной золотой молодежи.

Впечатлѣніе, произведенное Пушкинымъ при вступленіи въ общую жизнь на другого столь же надежнаго и развитого наблюдателя, сводилось къ такому же благопріятному выводу. Быстро сблизившійся и затѣмъ подружившійся съ нимъ Кривцовъ, много думавшій, испытавшій во время долгаго житья въ Европѣ и знакомства съ выдающимися дѣятелями современности сильное культурное вліяніе, встрѣтивъ Пушкина въ 1817 году у Тургеневыхъ, нашелъ его «rempli d'esprit et promettant encore plus qu'il ne fait tenir en ce moment». Но вѣдь этотъ отзывъ вполнѣ совпадаетъ съ тою оцѣнкой блестящей, хотя еще не проявившейся вполнѣ, талантливости Грибоѣдова, которую Пушкинъ впослѣдствіи, по воспоминаніямъ ранней молодости, сдѣлалъ въ задушевныхъ страницахъ, посвященныхъ трагически погибшему товарищу въ «Путешествіи въ Арзерумъ». Это сходство оцѣнокъ какъ-бы уравниваетъ легкомысленнаго, казалось, и безпечно увлекающагося стихотворца-новичка съ тѣмъ «необыкновеннымъ человѣкомъ», въ которомъ подъ оболочкой «меланхолическаго характера» и «озлобленнаго ума» скрывались «способности человѣка государственнаго» и великій «талантъ поэта». Обликъ иныхъ друзей ранняго періода жизни Пушкина тоже не мало напоминаетъ неподкупно требовательную въ нравственномъ и умственномъ отношеніи личность будущаго автора «Горя отъ ума», который способенъ былъ преклониться передъ пѣльнымъ и чистымъ, но неповинымъ ни въ какихъ писательскихъ дѣяніяхъ Бѣгичевымъ, помогшимъ ему незадолго передъ тѣмъ вырваться изъ кавалерійскаго омута. Близость Пушкина съ Грибоѣдовымъ, вступившимъ въ иностранную коллегію почти одновременно съ нимъ (9 іюля 1817 года), продолжавшаяся до отъѣзда Грибоѣдова годъ спустя въ Персію и совпадающая, стало быть, съ наиболѣе неустойчивой, переходной порой въ пушкинской жизни, даетъ существенную опору для пониманія его дѣйствительнаго настроенія и уровня въ тѣ дни.

Къ Периклесу-Чаадаеву, къ ославленному тогда «вольнодумцемъ и безбожникомъ» Кривцову, къ строгому и сатирически-насмѣшливому Грибоѣдову присоединяется еще культурно-цѣнная тургеневская семья, подъ эгидой которой Пушкинъ могъ всего легче сближаться съ представителями новыхъ общественныхъ теченій. Проницательный, танвшій подъ исполнительной департаментской внѣшностью большую отзывчивость на судьбы общества и литературы, Александръ Тургеневъ очень сблизился съ Пушкинымъ. Оказалъ должную долю вліянія и полный энергіи, безъ сомнѣнно, до настоящей манія, преданный освободительной идеѣ, бывшій сотрудникъ Штейна Николай Ивановичъ Тургеневъ, съ готовымъ уже вчернѣ знаменательнымъ его «Опытомъ теоріи налоговъ», направленнымъ противъ твердыни крѣпостничества, съ планомъ большого сочиненія о судѣ присяжныхъ, съ сильными впечатлѣніями воспитавшей его германской университетской науки, съ дарованіями публициста, которыя такъ свѣтятся даже въ интимной, всегда идейной, его перепискѣ и, конечно, еще болѣе сказывались въ увлекательныхъ бесѣдахъ. Когда впослѣдствіи (въ 1823 г.) Пушкинъ въ письмѣ къ Кривцову, уѣзжавшему въ Англію, вспоминалъ о былыхъ встрѣчахъ у Тургеневыхъ, прося своего корреспондента «не забывать о демократическихъ друзьяхъ 1818 года», этотъ возвратъ къ свѣтлому прошлому придастъ роли тургеневскаго кружка въ жизни Пушкина характеристическое значеніе.

Въ лицѣ Александра Тургенева соединялось, однако, въ глазахъ Пушкина, съ прогрессивными общественными стремле-

КН. А. М. ГОРЧАКОВЪ.

Портретъ кисти F. Vernet. Писанъ, видимо, около 1820. Въ печати появляется здѣсь въ первый разъ.

199. КНЯЗЮ А. М. ГОРЧАКОВУ.

Питомецъ модъ, большаго свѣта другъ,
Обычаевъ блестящихъ наблюдатель,
Ты мнѣ велишь оставить мирный кругъ,
Гдѣ красоты безпечный обожатель
Я провожу незнаемый досугъ.
Какъ ты, мой другъ, въ неопытныя лѣта,
Опасною прельщенный суетой,
Терялъ я жизнь и чувства и покой:
Но угорѣлъ въ чаду большаго свѣта
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе

ніями и участіе въ томъ литературномъ движеніи, которое еще недавно казалось главнымъ орудіемъ борьбы противъ застарѣлыхъ понятій и сковывающихъ творческую свободу правилъ, но въ данную пору клонилось къ упадку, видимо не поспѣвая за переставшими его требованіями времени. Арзамасъ не могъ не принять въ свою среду феноменально даровитаго стихотворца-лицеиста. Столпы дружескаго писательскаго общества, Жуковскій, Батюшковъ и весь окружавшій ихъ кружокъ, разступились передъ Пушкинымъ еще въ первой половинѣ 1817-го года, какъ вносящіе французскіе законодатели романтическаго cénacle склонились передъ блестящимъ даровитымъ Альфредомъ де-Мюссе, едва вышедшимъ изъ отрочества. Но вступленіе Пушкина въ избранный писательскій кругъ совпало съ тѣмъ движеніемъ въ его средѣ, которое тяготилось умѣреннымъ отвлеченнымъ либерализмомъ его политическихъ воззрѣній и остроумной шаловливостью поддразнивающей полемики съ старой партіей. Группа новыхъ членовъ Арзамаса—Мих. Орловъ, Никита Муравьевъ (другъ Чаадаева), возбудила настоятельный вопросъ о необходимости принять на себя серьезное руководство общественнымъ мнѣніемъ и развитіемъ и основать съ этой цѣлью періодическій органъ. Идейное броженіе, всколыхнувшее Арзамасъ, планы его журнала—въ связи съ тѣмъ общественно-политическимъ повременнымъ изданіемъ, къ которому одно время ревностно готовился Николай Тургеневъ, опираясь на силы, также близкія къ Арзамасу,—были по основной идеѣ живыми показателями того, что творилось даже въ томъ, казалось, преимущественно эстетическомъ мірѣ, который долженъ былъ первымъ признать права литературнаго гражданства за Пушкинымъ.

Обновленіе Арзамаса не удалось, и переживше себя общество распалось вскорѣ. Иныя формы и группировки передовыхъ силъ вызывались требованіями времени,—и тамъ, гдѣ зіяли развалины Арзамаса, возникъ съ опредѣленными общественными цѣлями, полный идеализма и культа народнаго блага, Союзъ Благоденствія, созданіе котораго совпало съ появленіемъ Пушкина въ кругахъ свѣта. Онъ не могъ не встрѣчать въ нихъ тайныхъ членовъ Союза (или «Зеленой Книги», какъ называли его въ просторѣчіи—отъ книги его устава, обвлеченной въ переплетъ зеленаго цвѣта), или же того тайнаго Военнаго Общества, которое основано было спѣшно и временно до окончательной выработки устава Союза. «У многихъ изъ молодежи,—говоритъ въ своихъ запискахъ Якушкинъ, было столько избытка жизни при догдашней ея ничтожной обстановкѣ, что увидѣть передъ собой прямую и высокую цѣль почиталось уже блаженствомъ, и потому немудрено, что всѣ порядочные люди изъ молодежи или поступали въ Военное Общество или сочувствовали ему». И въ ближайшей товарищеской средѣ поэта уже были убѣжденные приверженцы и дѣятели тайной организаціи,—прежде всего его пензмѣнный, прямодушный другъ Пущинъ. Не разъ склонялся онъ къ тому, чтобъ посвятить Пушкина въ свою тайну и ввести его въ Общество; вѣдь «всегда согласно со мною мыслилъ онъ о дѣлѣ общемъ (respublica)», вспоминалъ впослѣдствіи товарищъ-заговорщикъ; «онъ былъ либералентъ по своимъ воззрѣніямъ»; но «подвижность пылкаго его права и сближеніе съ людьми ненадежными пугала», и вступленіе въ Общество не состоялось.

Отовсюду, явно и тайно, въ дружескихъ связяхъ, общественныхъ и литературныхъ отношеніяхъ, Пушкина захватывало вѣяніе времени, усиленно направляя его среди печальныхъ русскихъ условій по тому пути чуткой боевой поэзіи, который уже обозначился передъ нимъ. Но «подвижность его пылкаго права» требовала себѣ исхода и удовлетворенія. Съ осени 1817 г., по возвращеніи изъ Михайловскаго, начинается его первый петербургскій періодъ, а уже въ сентябрѣ этого года зорко слѣдившая за нимъ и всевѣдающая переписка А. Тургенева съ Вяземскимъ сокрушенно отмѣчаетъ, что «Пушкинъ ночи напролетъ не спитъ, играетъ въ банкъ». Въ концѣ года говорится о серьезной простудѣ, которую онъ схватилъ «дожидаясь у дверей одной... которая не пускала его къ себѣ въ дождь, не желая заразить его своей болѣзнью»; разыгравшаяся въ горячку, болѣзнь продержала его въ своихъ когтяхъ все начало 1818 г.; избавленіе отъ нея было отпраздновано стихотвореніемъ «Выздоровленіе», а осенью тургеневскія свѣтованія о «разгульной жизни» возобновляются. Эксцентрическіе замыслы пронесятся и временами совсѣмъ завладѣваютъ. Такъ всколыхнувшаяся порою планъ вступленія въ военную службу; Пушкинъ «не на шутку собирается въ Тульчинъ, оттуда въ Гру-

Младыхъ повѣсъ счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ воленъ я,
Гдѣ спорю въ глухъ, гдѣ чувствую сильнѣе,
И гдѣ мы всѣ прекраснаго друзья,—
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ невольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены,
Гдѣ Бутурлинъ невѣждъ законодатель,
Гдѣ Шепингъ царь, а скука предсѣдатель,
Гдѣ глупостью единой всѣ равны.
Я помню сихъ дѣтей честолюбивыхъ,
Злыхъ безъ ума, безъ гордости спѣсивыхъ,
И разглядѣвъ тирановъ модныхъ залъ,
Чуждаюсь ихъ укоровъ и похвалъ!...
Когда въ кругу Лапсъ благочестивыхъ
Затянутый невѣжда-генералъ
Красавицамъ изношеннымъ и сонным
Съ трудомъ острит французскій мадригалъ,
Глядя на всѣхъ съ нахальствомъ благосклонным,
И всѣ вокругъ и дремлютъ и молчатъ,
Крутятъ усы, иль шпорами брянчатъ,
Да изрѣдка съ улыбкою зѣваютъ,—
Тогда, мой другъ, забытыхъ шалуновъ
Свобода, Бакхъ и Музы утѣшаютъ.
Не слышу я въ то время острыхъ словъ,
Политика смѣшнаго лепетанья,
Не вижу я украшенныхъ глупцовъ,
Святыхъ невѣждъ, почетныхъ подлецовъ,
И мистика придворнаго кривлянья!...
И ты Харитъ любовникъ своевольный,
Пріятный лжецъ, язвительный болтунъ,
По прежнему острякъ небогомольный,
По прежнему философъ и шалунъ,
И ты на мигъ оставь своихъ вельможъ—
И милый кругъ друзей моихъ умножь.

зію и бредитъ войной». Тургеневъ возъимѣлъ было «надежду отправить его въ чужіе края, но онъ и слышать не хочетъ». Вошственный пылъ смѣнился столь же страстнымъ влеченіемъ взять отъ жизни какъ можно больше острыхъ и горячихъ ощущеній. Въ томъ, что среди этой лихорадочности совершались часто сближенія съ людьми, которыхъ Пушкинъ презрительно заклеймилъ «ненадежными», сомнѣваться нельзя. Много лѣтъ спустя, когда подъ вліяніемъ романа Бульвера «Pelham or adventures of a gentleman», Пушкинъ задумывалъ своего «Русскаго Пелама», въ которомъ хотѣлъ дать обличительную, неприкрашенную картину общественной и свѣтской жизни двадцатыхъ годовъ въ ея закулисной наготѣ, и набрасывалъ для романа, одинъ за другимъ, нѣсколько плановъ, мысль его, видимо, переносилась въ пережитое и близко видѣнное въ ранней молодости. Краски и подробности, конечно, успѣлы; состязаніе съ повѣстью Бульвера, нагромоздившей для своей поучительной цѣли—раскрытія разврата, прикрашеннаго фарисейскимъ благоприличіемъ,—преступленія и пороки на преступленія, невольно чувствуется. Но реальная основа пробивается сквозь мрачную ея обдѣлку. «Пеламъ выходитъ въ большой свѣтъ и, паскуча имъ, вдается въ дурное общество». Въ немъ встрѣчаетъ онъ «литераторовъ, актрисъ, картежниковъ», кутящихъ свѣтскихъ людей (въ одномъ изъ плановъ прибавлено—les parasites, les actrices»). Нѣсколько дѣйствующихъ лицъ будущаго романа названы подлинными именами пушкинскихъ знакомцевъ изъ ранней поры,—это Никита Всеволожскій, это Завадовскій; Грибоѣдовъ, также намѣченный въ числѣ «характеровъ» и связанный съ Завадовскимъ извѣстною дуэлью послѣдняго съ Шереметевымъ, очевидно, требовалъ себѣ мѣста и въ числѣ вовлеченныхъ въ свѣтскій водоворотъ, и въ кругу выдающихся, положительныхъ личностей. Планъ «Пелама» характеристически обозначаетъ этотъ кругъ «обществомъ умныхъ», и вдается въ любопытное ихъ перечисленіе; это Илья Долгоруковъ, Сергѣй Трубецкой, Никита Муравьевъ и др.

Краски давно минувшей поры неопытности и молодыхъ увлеченій могли въ воспоминаніяхъ и оглядкахъ зрѣлаго періода принимать подобный преувеличенный оттѣнокъ. Рамка «Пелама», быть можетъ, прямо требовала этого: предполагалось же довести въ немъ одну изъ жертвъ царствующаго разврата, Ѳедора Орлова, не только до разоренія и тяжкаго семейнаго разлада, но и до разбойничества. Лирическія самоосужденія поэта, полныя сожалѣній о погубленной молодости, также далеко не свободны отъ преувеличеній; «пиршественные пиры» и «гибельная свобода» (не въ смыслѣ политической вольности, а какъ синонимъ нравственной распущенности), которыми опутана была эта молодость, конечно, гипербола. Когда съ старческой злопамятностью и нетерпимостью лицейскій товарищъ поэта, бар. Модестъ Корфъ, выступилъ съ совершенно непригляднои характеристикой жизни Пушкина послѣ выхода изъ лицея, другой, доживши до позднаго времени сотоварищъ, Мих. Яковлевъ, возсталъ противъ такой оцѣнки. «Пушкинъ велъ жизнь болѣе безъ заботную, чѣмъ разгульную, — говорилъ Яковлевъ,—такъ ли кутитъ большая часть молодежи»! И среди излишествъ и взрывовъ темперамента не смолкалъ никогда внутренній голосъ, осуждавшій ихъ, напоминая объ иныхъ, высокихъ основахъ и цѣляхъ жизни. «Пушкинъ часто скорбѣлъ о своихъ промахахъ, обличалъ ихъ въ откровенныхъ бесѣдахъ», но «кипучая природа не угомонялась»,—говоритъ въ своихъ запискахъ Пущинъ, печалясь вообще о томъ, что онъ способенъ былъ «профанировать себя». Созданію легендъ о необузданной жизни его способствовало также юношески-суетное кокетство своею порочностью. Якушкинъ, встрѣтившійся съ нимъ на югѣ, засталъ въ немъ, несмотря на вынесенный имъ искусъ гонимаго либерала, ту же слабость. «Онъ иногда корчилъ лихача, вѣроятно, вспоминая Каверина и другихъ своихъ пріятелей-гусаровъ въ Царскомъ Селѣ, при чемъ разсказывалъ про себя самые отчаянные анекдоты»; но непріятное впечатлѣніе, произведенное такими выходками, пропадало, когда «заходилъ разговоръ о чемъ-нибудь дѣльномъ», и тогда «Пушкинъ тотчасъ просвѣтлялся». Переходы отъ веселья къ думѣ, вызывавшіе въ чуткихъ наблюдателяхъ участіе къ нему и такъ опредѣленно подмѣченные у него въ кишиневскую пору, очевидно, восходили къ гораздо болѣе ранней времени. Такъ, въ Байронѣ, не менѣе Пушкина отдававшемся въ первой молодости страстному пользованію жизнью, столь же казалось, способномъ «профанировать себя» съ «ненадежными людьми», такъ же

200. БАЛЛАДА.

Что ты, дѣвица, грустна,
Молча присмирѣла,
Хороводъ забывъ одна
въ уголку присѣла
«Именинницу, друзья
«Нечемъ позабавить
«Думала въ балладѣ я
«Щастье наше славить.
«Но Ж(уковскій)—нашъ заснулъ
«Г(нѣдичъ)—заговѣлся,
«Пушкинъ бѣсомъ ускользнулъ
«А Крыловъ объѣлся».
Вотъ въ гостиной столъ накрытъ—
Поскорѣе сядемъ,
Въ рюмкахъ пѣна закипитъ
И балладу сладимъ:
Вотъ и слажена она—
Нужны-ли поэты?—
Рюмки высушивъ до дна
Скажемъ: многи лѣты
Той, которую друзьямъ
ввѣкъ любить неподно!
Многи лѣты также намъ
Только съ ней порозно.

склонномъ дразнить цѣломудріе свѣта своей преувеличенной порочностью, немолчно зрѣли и дума, и дарованіе.

Въ той двойной жизни, которая своеобразно и странно слагалась у Пушкина, соединяя крайнія противоположности, привлекавшія его къ себѣ, появляется одаренный также двумя фасами, кружокъ «Зеленой Лампы». Товарищескія и дружескія связи рѣшили его вступленіе въ это общество. Въ той же коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ состояли Пушкинъ и Грибоѣдовъ, служилъ и Никита Всеволожскій, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Александромъ основавшій кружокъ, который и собирался въ ихъ домѣ (въ программѣ «Недама» на видномъ мѣстѣ стоитъ «домъ Всеволожскихъ»); въ числѣ участниковъ «Лампы» видимъ перекрещенное любимаго поэтомъ Дельвига. И вскорѣ послѣ появленія Пушкина въ кружкѣ, послѣ того, какъ всѣ немногочисленные, но дружно сошедшіеся члены его обрисовались передъ нимъ въ ихъ личныхъ особенностяхъ, склонностяхъ и интересахъ, и кружковая жизнь захватила новичка въ свое теченіе, у него устанавливается, проявляющееся и въ стихотвореніяхъ, и въ письмахъ, полное ласковой симпатіи отношеніе къ озаряющей дружескія собранія «нашей лампадѣ». «Горишь ли ты, лампада наша!» любовно восклицаетъ онъ въ одномъ изъ кишиневскихъ стихотвореній.

Какъ случилось, что на всю организацію и замкнутую въ тѣсномъ кругу дѣятельность Зеленой Лампы палетла двусмысленная репутація не только распущенно-шаловливаго прожиганія жизни, но цинническаго разгула, трудно понять. То толкованіе, которое въ пушкинской литературѣ идетъ отъ П. Бартенева и Анненкова, называетъ кружокъ Лампы «оргіаческимъ», говоритъ объ устраивавшихся въ немъ играхъ и процессіяхъ, Изгнаніи Адама и Евы изъ рая, Содомѣ и Гоморрѣ и т. д. И при видѣ этихъ устрашающихъ фантасмагорій, авторитетно выдававшимся за подлинную дѣйствительность, у независимыхъ наблюдателей невольно являлась скептическая, недоумѣвающая усмѣшка. Такъ П. А. Ефремовъ ставилъ вопросъ, не смѣшалъ ли случайно Анненковъ собранія Зеленой Лампы съ извѣстными фанатическими радѣніями секты Татариновой, въ Инженерномъ Замкѣ, гдѣ подъ конецъ старъ и младъ, женщины и мужчины, кружились въ хлыстовской экстатической пляскѣ... Въ связи съ участіемъ Пушкина въ «Зеленой Лампѣ» опять напрашивается сравненіе съ фактами жизни Байрона—съ той басней, которая довела до чудовищныхъ размѣровъ веселыя пиршества товарищей поэта въ Ньюстэдскомъ аббатствѣ, съ самимъ Байрономъ въ костюмѣ аббата и «пафосскими дѣвами», вдохновительницами этого разгульно-монашескаго маскарада—съ басней, которая, какъ дознано на фактахъ, была безмѣрно далека отъ истины.

Когда въ гостиной палатѣ Всеволожскихъ, освѣщенной большой Зеленой Лампой, происходили сборища, вокругъ стола, за которымъ, какъ повелитель великой арміи бутылокъ, игралъ властную роль виночерпія какой-то любимецъ хозяина, калмыкъ, съ абсолютизмомъ петровскихъ ассамблейныхъ порядковъ настаивавшій на потребленіи шампанскаго, въ кругу гостей-сочленовъ можно было разглядѣть не совсѣмъ заурядныхъ, безъидейныхъ или безпечныхъ поклонниковъ наслажденія. Начиная съ амфитріона, Никиты Всеволожскаго, научно-начитаннаго, дилетанта исторіи, страстнаго любителя театра, переводчика комедій и оперъ для петербургской сцены, собесѣдники, насколько можно теперь выяснить, выдѣлялись своими интеллигентными интересами. На первомъ мѣстѣ, конечно, стоитъ Яковъ Толстой, сходный съ Кривцовымъ (также участникомъ пушкинскихъ оживленныхъ сборищъ), по разносторонней и серьезной подготовкѣ философа и политика. Среди «ламписговъ» его считали наиболѣе искуснымъ въ бесѣдахъ на умозрительныя темы. «Философъ ранній, онъ (по словамъ Пушкина въ посланіи къ нему) бѣжалъ пировъ», т. е. не давалъ себя отклонить въ сторону жертвоприношеній Вакху, которыя все же полагались по духу кружка; онъ смотрѣлъ на нихъ съ «молчаньемъ хладной укоризны»; онъ «златый Горацієвъ фіалъ» промѣнялъ на «лампаду Эпиктета» (вспомнимъ, что Кривцовымъ Пушкинъ придалъ прозвище Анаксагора),—и при всемъ томъ, когда Всеволожскій уѣзжалъ изъ Петербурга, кружокъ собирался у Толстого. На фигуру Каверина, одного изъ самыхъ ранніхъ знакомцевъ поэта (который сошелся одновременно съ нимъ и Чаадаевымъ еще передъ выходомъ изъ лицея), по прихоти случая палетъ однокрѣтный отпечатокъ спеціалиста и виртуоза въ дѣлѣ вина и веселья. Такимъ онъ является въ «Молитвѣ лейбъ-гусарской»; примчавшійся къ Talon Онѣгинъ знаетъ, «что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ: вошелъ—и пробка въ потолокъ,

АРХИМАНДРИТЪ ФОТІЙ.
Рисунокъ и гравюра Доу.

201. НА ФОТІЯ.

Полу-фанатикъ, полу-плутъ:
Ему орудіемъ духовнымъ—
Проклятье, мечъ и крестъ, и кнутъ.
Пошли намъ, Господи, грѣховнымъ,
Поменьше пастырей такихъ,
Полу-благихъ полу-святыхъ.

вина кометы брызнулъ токъ». Грибоѣдовъ, возвращаясь къ себѣ домой, «находитъ у себя каверинскихъ пенатовъ», и расположившійся по домашнему пріятель, «все такой же, любящій съ друзьями и наединѣ выпить или, какъ онъ выражается, «трикену задать», производитъ на него веселое впечатлѣніе. Но въ гусарѣ Каверинѣ скрыта была душа «прямо геттингенская»: нѣмецкіе студенческіе годы, предшествовавшіе кавалерійской службѣ, оставили неизгладимый слѣдъ на его мысляхъ и интересахъ. Если съ его личностью мы постоянно встрѣчаемся въ интимной жизни такихъ людей какъ Пушкинъ и нравственно-строгій Грибоѣдовъ, если въ дуэли Завадовскаго, на ряду съ Грибоѣдовымъ, снова не обошлось безъ Каверина, встрѣтившаго роковой ея исходъ печально-насмѣшливой шуткой, то съ другой стороны несомнѣнно, что въ оживленномъ, на распашку, товарищѣ, собесѣдникѣ и собутыльникѣ, живы были серьезныя общественныя требованія и интересы. Его вакхическая характеристика въ стихахъ Пушкина обидѣла Каверина, и поэтъ принесъ ему искреннее извиненіе, прося забыть «минутной рѣзвости нескромные стихи», вызывая его продолжать тотъ же образъ жизни и «презирать ревнивое роптанье черни», которая «не вѣдаетъ, что дружно можно жить съ Клеоѳой, съ Нортикомъ, и съ книгой, и съ бокаломъ, что умъ высокій можно скрыть безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ».

Дельвигъ, появлявшійся въ царствѣ Зеленой Лампы съ своей мечтательностью и вдумчивостью, конечно не могъ содѣйствовать разгульному и пошлому направленію сборищъ и занятій. Записи о дѣятельности кружка (его протоколы) сохранили за другимъ членомъ товарищеской дружины, офицеромъ Барковымъ, спеціальное назначеніе театральнаго критика, внимательно слѣдившаго за дѣятельностью петербургской сцены и въ своихъ сообщеніяхъ ведшаго что-то въ родѣ ея лѣтописи. Остальные члены, кромѣ посредственнаго стихотворца Аркадія Родзянки, занятнавшаго себя впослѣдствіи клеветой на поэта, неповинны въ литературныхъ вкусахъ. Таковъ красавецъ уланъ Юрьевъ, которому Пушкинъ написалъ два стихотворенія въ эротическомъ вкусѣ, Мансуровъ съ его похожденіями въ рядахъ балетной труппы и театральной школы, богачъ-затѣйникъ и фантазеръ В. Энгельгардтъ (школьный сверстникъ Виземскаго, славившійся долго въ Петербургѣ роскошнымъ убранствомъ своего дома, въ которомъ барство соприкасалось съ широкой публичностью увеселеній и маскарадовъ (они извѣстны были еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ; лермонтовскій Арбенинъ, вспомнивъ, что «нынче праздники, и, вѣрно, маскарадъ у Энгельгардта», идетъ туда съ княземъ навстрѣчу роковой завязки драмы). Всѣ они годились для декоративно шумной и эпикурейской стороны дружескихъ собраній. Но центръ, главный, жизненный нервъ ихъ, очевидно, былъ иной. Велась и карточная игра, и Пушкинъ именно тутъ могъ проиграть Ник. Всеволожскому готовую къ печати рукопись стихотвореній. Были и женщины, возбудительницы веселья, и «вина кометы» лились рѣкой, но дѣятельность мысли, обмѣнъ мнѣній, состязаніе въ поэтической работѣ и споры, споры безъ конца, не страдали отъ эпикурейской обстановки. Серьезная основа постоянно таилась подъ ея оболочкой.

Въ позднѣйшемъ, 1822 г., письмѣ (изъ Кишинева) къ Я. Толстому, переходящемъ изъ прозы въ стихи и полномъ воспоминаній о Зеленой Лампѣ, «подругѣ бдѣній и пировъ», о «кипящей въ рукахъ веселыхъ остряковъ златой чашѣ», союзу друзей придается значеніе «пріюта любви и вольныхъ музъ»; они названы «друзьями Киприды и стиховъ», «вѣрными поэтами», чей «очарованный языкъ» какъ будто слышится сиротливому изгнаннику; прославлено «блаженство дружбы», «милое равенство», съ которымъ всѣ садились за круглый столъ. И дѣйствительно, уцѣлѣвшіе протоколы говорятъ о постоянномъ чтеніи новыхъ поэтическихъ произведеній, о докладахъ и сообщеніяхъ историческихъ (ими занимался въ особенности Никита Всеволожскій, читавшій напримѣръ очерки русской исторіи по лѣтописямъ), литературныхъ, театральныхъ. Есть свѣдѣнія, что въ кружкѣ появлялся Гнѣдичъ, читавшій свои переводы изъ Гомера. Но за статьями и стихами, вставленными часто въ оригинальную оправу братскихъ пировъ видится то, о чемъ не скажутъ и протоколы,— отраженіе тѣхъ волновавшихъ русскую современность идей, тѣхъ сборовъ къ дѣлу, тѣхъ надеждъ и того гнѣва на застой, безъ которыхъ немыслимо было соединеніе даровитой молодежи, съ Пушкинымъ въ ея средѣ, уже столь затронутымъ освободительными стремленіями. Но многимъ признакамъ, главной темой сужденій и

КН. А. Н. ГОЛИЦЫНЪ.

Гравюра Райта, съ портрета К. П. Брюлова.

202. НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Вотъ Хвостовой покровитель,
Вотъ холопская душа,
Просвѣщенія губитель,
Покровитель Бантыша!

Напирайте, Бога ради,
На него со всѣхъ сторонъ!
Не попробовать ли сзади?
Тамъ всего слабѣе онъ.

преній споровъ были вопросы, связанные съ свободой и реакціонизмомъ гнетомъ. Фонъ содружества Зеленой Лампы является неизбѣжный во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ 1818—1824 годовъ кодексъ насущныхъ соціально-политическихъ требованій.

Въ запискахъ декабриста Михаила Фонвизина (или въ «Обзорѣ проявленій политической жизни въ Россіи», какъ онѣ названы въ рукописи автора *) находится цѣнное, характеристическое указаніе на связь непритязательной, казалось, братіи мнимо «оргіаческой» Лампы съ крупными факторами общественнаго движенія. «Члены Союза Благодѣтельства, говоритъ Фонвизинъ, учреждали отдѣльныя отъ него общества, подъ вліяніемъ его духа и направленія: общество военное, и литературныя, одно въ Москвѣ, другое въ Петербургѣ, послѣднее подъ названіемъ Зеленой Лампы, и двѣ масонскія ложи, гдѣ большинство братіи было изъ Союза Благодѣтельства».

Существованіе «Лампы», длившееся и послѣ вынужденнаго отъѣзда Пушкина изъ Петербурга, не ускользнуло отъ широкаго разслѣдованія о тайныхъ организаціяхъ, предпринятаго послѣ 14 декабря 1825 г. Ея имя встрѣчается въ «Алфавитѣ членамъ бывшихъ злоумышленныхъ тайныхъ обществъ». Состоялось и заключеніе слѣдственной комиссіи, которая, обративъ вниманіе на то, что «предметомъ сего общества было единственно чтеніе вновь выходящихъ литературныхъ произведеній», рѣшила, что, какъ неполитическое, оно должно быть оставлено безъ вниманія. Надъ нимъ, конечно, и не развѣвалось опредѣленнаго политическаго знамени, но, причастное къ общественному и литературному движенію, оно, очевидно, равнялось по роли своей тому, также тайному, литературному обществу, въ которое склоняли въ 1817 или 1818 г. вступить автора недавно найденныхъ записокъ Зубкова знакомца Пушкина, указывая, какъ на его цѣль, «распространеніе общеполезныхъ свѣдѣній, переводы лучшихъ иностранныхъ авторовъ» и т. д. Пушкинъ и его современники, вып. IV, 1906; эта оставшаяся совсѣмъ въ туманѣ ассоціація находилась въ Москвѣ, и была именно тою второю, московскою, литературною succursale Союза, о которой говоритъ Фонвизинъ). Несмотря на сильную примѣсь эпикурейства, Зеленая Лампа не шла въ разрѣзъ съ насущными для Пушкина идеями и стремленіями. Ему не пришлось вырваться потомъ изъ ея среды, какъ изъ тьмы кромѣшной, на свѣтъ и просторъ. Во все то время, какъ онъ вѣдался съ своими товарищами по Лампѣ, этими своеобразными рыцарями Круглаго Стола, въ его поэзіи, сквозь нѣсколько игривыхъ стихотворныхъ шалостей, уступокъ условному тону кружка, пробивается струя свѣтлаго и чистаго вдохновенія. Растетъ и развивается лицейскій замыселъ «Руслана и Людмилы», художественные запросы и основы все глубже осмысливаются (объ нихъ онъ въ состояніи выдерживать бесѣды и споры съ такимъ знатокомъ, какъ Катенинъ, сошедшимся съ нимъ въ ту пору), двигательной силой лирики становится ея послѣдовательная, выдержанная гражданственность, а убѣжденія поэта все рѣшительнѣе окрашиваются вызывающимъ, оппозиціоннымъ духомъ,—и какимъ пылкимъ, отважнымъ!

Освободившись отъ гнета легенды объ ужасахъ и разгулѣ Зеленой Лампы, стало легче слѣдить за успѣхами лицейскаго образованія Пушкина. Да и могло ли оно задержаться, надежно обусловленное серьезными задатками, когда факты жизни и слагавшіяся тяжелыя условія ея постоянно возбуждали къ отпору и протесту, когда всеобщая европейская реакція раскинулась и на русскую землю, а подъ знаменемъ возвратнаго (какъ называлъ его Чаадаевъ) направленія выступали на свое темное дѣло доморощенные враги «свободы просвѣщенной»? Съ одной стороны, послѣ недвусмысленныхъ правительственныхъ дѣяній въ обуздывающемъ духѣ, еще давались заманчивыя, странно звучавшія обѣщанія реформъ. Происходило частичное водвореніе народнаго представительства, и въ рѣчи при открытіи варшавскаго сейма въ 1818 году Александръ возвѣстилъ, что конституціонное устройство польскаго края будетъ распространено на другія части имперіи, «когда всѣ подготовленія этой важной работы будутъ окончены». Эти обѣщанія, въ связи съ непрекращавшимся еще поощреніемъ политическаго воспитанія при помощи обширной литературы переводовъ, часто выполненныхъ съ оффиціальнымъ клеймомъ, въ связи съ кажущейся терпимостью къ тайнымъ организаціямъ, о которыхъ зналъ

* Онѣ изданы въ первомъ томѣ «Общественныхъ движеній въ Россіи въ первую половину XIX столѣтія». Спб., 1905 г.

203. НА И. И. ГНѢДИЧА

Приписывается Пушкину.

Съ тобою въ споръ я не вступаю,
Что жесткое въ стихахъ твоихъ встрѣчаю.
Я руку наложилъ,
Погладилъ—заносилъ.

204—205. ЭПИГРАММЫ НА КАРАМЗИНА

Приписываются Пушкину.

1.

«Послушайте: я вамъ скажу про старину,
«Про Игоря и про его жену,
«Про Новгородъ, про время золотое,
«И наконецъ про Грознаго царя.»
—«Ахъ, бабушка, затѣяла пустое:
«Окончи лучше намъ Илью-богатыря».

2.

Въ его «Исторіи» изящность, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастья
Необходимость самовластья
И прелести кнута.

206. ТЫ и Я.

Приписывается Пушкину.

Ты богатъ, я очень бѣденъ,
Ты прозаикъ, я поэтъ;
Ты румянъ, какъ маковъ цвѣтъ,
Я какъ смерть и тощъ и блѣденъ.
Ты не знаешь вѣкъ заботъ,
Ты живешь въ огромномъ домѣ;
Я жъ, средь горя и хлопотъ,
Провожу дни на соломѣ.
Ѣшь ты сладко, цѣлый день
Тянешь вина на свободѣ,
И тебѣ нерѣдко лѣнь
Нужный долгъ отдать природѣ:

Я же съ черствато куска,
Отъ воды сырой и прѣсной,
Сажень за сто съ чердака
За нуждой бѣгу извѣстной
Окруженъ рабовъ толпой,
Съ грознымъ деспотизма взоромъ...
. . . . . .
. . . . . .
Я-же . . . . . .
Не балую дѣтской модой
И Хвостова жесткой одой
. . . . . .

императоръ, предпочитая невмѣшательство, разбивались практикой жизни, которая выставила уже Аракчеева и вскорѣ должна была привести къ Магницкому съ Фотіемъ. Но и въ общественной средѣ поднимались добровольные голоса, протестовавшіе противъ мнимаго избытка либерализма, противъ реформъ, въ сущности даже вчернѣ не проведенныхъ, противъ демонстративныхъ уступокъ Польшѣ. Протестъ противъ послѣднихъ имѣлъ источникомъ не желаніе потребовать для всей Россіи одинаковыхъ политическихъ нормъ, а стремленіе къ всеобщему, равному подчиненію старому порядку. Карамзинъ, чей домъ въ Царскомъ Селѣ былъ прежде для Пушкина гостепріимнымъ культурнымъ центромъ, выступилъ въ своей «Запискѣ о древней и новой Россіи» и въ меморандумѣ по польскому вопросу апостоломъ поворота назадъ, рѣзкимъ порицателемъ нововведеній, нетерпимымъ націоналистомъ, защитникомъ крѣпостничества. И это вѣковое, позорнѣйшее зло оставалось нетронутымъ, и первоначальные, нерѣшительные подходы къ его уничтоженію заглохли,— хотя стихотворныя освободительныя заявленія Пушкина въ родѣ «Деревни», доведенныя до свѣдѣнія Александра, и вызывали порою съ его стороны, въ духѣ прежней человѣчности, милостивую благодарность «pour les bons sentiments que ses vers inspirent«.

Карамзинъ былъ озабоченъ тѣмъ, что «варшавскія событія сильно дѣйствуютъ на умы молодые», возбуждая большія надежды, но не предвидѣлъ того, что отсутствіе естественнаго и справедливаго отраженія этихъ «событій» на общерусскихъ дѣлахъ должно было въ еще большей степени подѣйствовать, раздражая и волнуя. Пушкинскій «Noel», осмѣявшій ничтожныя послѣдствія мнимо благотворныхъ намѣреній императора, выдержанъ былъ въ тонѣ французскихъ политическихъ пѣсенокъ, могъ быть читанъ при «звонѣ чашъ» Зеленой Лампы, все же былъ зажигательнымъ снарядомъ, мѣтко направленнымъ. Эпиграммы его на Карамзина и нѣсколько нетерпѣливо-обличительныхъ выходокъ, брошенныхъ Пушкинымъ въ лицо именитому исторіографу, какъ поклоннику самовластія, звучали мятежнымъ вызовомъ вліятельной средѣ, интеллигентно-консервативнымъ вершинамъ. Желчныя стихотворныя нападки на такихъ представителей обскурантизма, какъ Фотій или кн. Александръ Голицынъ, врывались въ ряды поборниковъ застоя. Но среди подобныхъ нападокъ и боевыхъ наѣздовъ вдругъ слышится благородная, идеалистическая рѣчь поклонника свободы, полная вѣры въ ея конечное торжество, готовности посвятить ей «души прекрасные порывы»,—посланіе къ Чаадаеву. Снова образъ «товарища», виновника духовнаго подъема, возстаетъ въ сіяніи гражданской доблести: вмѣстѣ они «нетерпѣливою душой отчизны внемлютъ призыванья», ждутъ «минуты вольности святой». Призывъ къ дѣлу превращается въ торжественную клятву, и роскошное видѣніе зари плѣнительнаго счастья, встающей надъ очнувшейся отъ вѣкового сна Россіей и надъ лежащимъ въ обломкахъ самовластіемъ заканчиваетъ чудную импровизацію, дышащую искреннимъ юношескимъ лиризмомъ, ни въ чемъ не пострадавшимъ отъ одновременныхъ съ нимъ возбужденій Зеленой Лампы.

«Картина генія» скрывалась все время подъ «рисункомъ беззаконнымъ», подъ «красками чуждыми», наложенными жизнью, людьми, собственными увлеченіями. Настала пора, когда «въ измученной душѣ» возникли «видѣнья первоначальныхъ чистыхъ дней», и прославившее этотъ окончательный выходъ на волю «Возрожденіе» (1819) тѣсно, идейно связано съ гуманнымъ заступничествомъ «Деревни» за коснѣющій въ рабствѣ народъ. Снова оживляется завѣтная радищевская тема, рѣзко сопоставляется миръ тихой сельской природы съ гнетомъ, жестокостью, беззаконіемъ крѣпостного быта, и все заканчивается страстнымъ призывомъ и свѣтлою мечтой о «зарѣ свободы просвѣщенной» и «рабствѣ падшемъ», въ духѣ той грезы, что пронеслась въ первомъ посланіи къ Чаадаеву. Изящно-шаловливый замыселъ «Руслана и Людмилы» можетъ и въ эту пору подвигаться время отъ времени въ своей разработкѣ; Тургеневъ можетъ даже послѣ окончанія поэмы побуждать Пушкина напечатать ее, ожидая, что «увидавъ себя въ числѣ напечатанныхъ и слѣдовательно уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится»: онъ можетъ увѣрять Вяземскаго (письмо 25 февр. 1820), что «теперь Пушкина знаютъ по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ», — но не аріосто-вольтеровскій разсказъ про Черномора, Руслана, Фарлафа, Людмилу, не перспектива вступить съ печатной книгой въ рукахъ въ кругъ признанныхъ, уважаемыхъ авторовъ

РИСУНКИ ПУШКИНА 1818—1819 ГОДОВЪ.

Воспроизводятся здѣсь впервые по тетради Румянц. Музея № 2364. Анненковъ усматривалъ въ большой фигурѣ портретъ гр. Милорадовича, но это явное недоразумѣніе.

опредѣлили и духовное содержаніе, и значеніе, и вліяніе восходящей великой поэтической силы. Тотъ же строгій судья легкомыслія Пушкина, считающій его «первостепеннымъ повѣсой», но искренно расположенный къ нему, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ своимъ письмомъ объ оздоровляющемъ вліяніи, котораго онъ ожидаетъ отъ «Руслана», говоритъ своему привычному корреспонденту (5 августа 1819) сочувственно и горячо въ защиту оды къ свободѣ, написанной Пушкинымъ. Онъ оправдываетъ ее тѣмъ, что шестилѣтній періодъ пушкинскаго житья въ Царскомъ Селѣ о-бокъ съ дворомъ Александра долженъ былъ воспитать въ немъ отрицательное отношеніе къ власти, на вызовъ Вяземскаго добыть ему это стихотвореніе отвѣчаетъ невольнымъ отказомъ («Пушкинъ переписалъ для тебя стансы о свободѣ, но я боюсь за него и за тебя посылать ихъ. Les murs peuvent avoir des yeux et même des oreilles), и этимъ самъ признается, что надъ мелкими стихами поэта поднималось что-то высокое, смѣлое, сильное.

Въ одѣ «Вольность» живъ и силенъ духъ Радищева и чувствуется непосредственное вліяніе такой же патетической оды, включенной въ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Если же въ наиболѣе напряженный періодъ своего политическаго возбужденія Пушкинъ снова пронѣлъ дионирамбъ вольности, эти «стансы» должны были служить еще большимъ оправданіемъ позднѣйшаго его заявленія, что «вслѣдъ Радищева возславилъ онъ свободу».

Горячность политическаго возбужденія, охватившаго Пушкина, дѣлала немолчные успѣхи. Оглядывая вокругъ себя усиленную тайную агитацію, мучимый сознаніемъ невозможности войти въ ея ряды и раздѣлить съ единомышленниками ихъ дѣло и его опасность, онъ единичными своими силами нападаетъ на врага. Вся печатная, нелегальная его поэзія разносится въ множествѣ списковъ по странѣ; въ годы ссылки ему придется изумляться необыкновенной популярности своихъ политическихъ стихотвореній. Каждое рѣзкое его заявленіе, малѣйшая обличающая эпиграмма подхватываются на лету. Удары направляются все выше и разятъ наконецъ самого Аракчеева вмѣстѣ съ его вѣрнѣйшимъ другомъ. Свѣжая вѣсть изъ Парижа объ убійствѣ наслѣднаго принца, герцога Беррійскаго, поднимаетъ въ поэтѣ демонстративный энтузіазмъ. У многихъ лицъ въ кружкѣ Пушкина и вообще въ петербургскихъ кругахъ очутились портреты Лувеля, убившаго принца; онъ чуть не становится героемъ дня въ русскомъ обществѣ, но во главѣ сочувственнаго ему движенія идетъ Пушкинъ. Онъ одинъ изъ первыхъ распространяетъ портретъ Лувеля, подписавъ подъ нимъ восклицаніе «урокъ царямъ!»—совсѣмъ въ духѣ того «урока», которымъ онъ закончилъ свою оду Вольность. Но за нимъ уже неотступно слѣдятъ; эпизодъ съ портретомъ становится ближайшимъ предлогомъ для вмѣшательства и кары. Весь составъ пушкинской политической лирики, отъ выдающихся твореній до перекатной стрѣльбы эпиграммъ, становится объектомъ государственнаго преступленія. Тяжелыя тучи нависаютъ; Сибирь и Соловки грозятъ вольнодумцу. Его геніи-хранители, Тургеневъ и Чаадаевъ, напряженными усиліями отклоняютъ непосредственную опасность,— и, какъ извѣщалъ Вяземскаго Александръ Тургеневъ, «Пушкинъ отправляется (6 мая 1820 г.) курьеромъ къ Инзову и остается при немъ»... Опускается занавѣсъ надъ тревожнымъ, юношески-страстнымъ отдѣломъ жизни поэта, приходитъ къ концу ранняя, вдохновенная молодость, познавшая и эпикурейство Зеленой Лампы и высокое назначеніе поэтическаго творчества.

Алексѣй Веселовскій.

НИМФОДОРА СЕМЕНОВНА СЕМЕНОВА.

НИМФОДОРѢ СЕМЕНОВОЙ

(Приписывается Пушкину).

Желалъ-бы быть твоимъ, Семенова, покровомъ
Или собачкою постельною твоей
Или поручикомъ Барковымъ.
Ахъ, онъ поручикъ! ахъ, злодѣй!

НА ГРАФА ХВОСТОВА

(Приписывается Пушкину).

Сожалѣнье не поможетъ,
Все жъ мнѣ жаль, что графъ Хвостовъ
Удержать въ себѣ не можетъ
Ни у—ны, ни стиховъ.

192. ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ.

Впервые напечатано въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., № 11, стр. 341, подъ заглавіемъ: «Платонизмъ».

По бѣловому автографу Остафьевскаго Архива напеч. Л. Н. Майковымъ въ «Матеріалахъ», стр. 44. Этотъ автографъ—очевидно, тотъ самый, который былъ полученъ кн. Вяземскимъ отъ Пушкина черезъ А. И. Тургенева. Послѣдній въ письмѣ отъ 10-го декабря 1819 г., сообщалъ Вяземскому, что Пушкинъ «написалъ посланіе à une branleuse,—и, право, первой стыдливости читать можно».—«Давай мнѣ Пушкина и его трясучку»,—отозвался Вяземскій 19 декабря. «Стихи Пушкина—прелесть!»—писалъ Вяземскій по полученіи ихъ, 6 февраля 1820: «Не моей ли Минервѣ похотливой онъ ихъ написалъ? Она, говорятъ, этимъ дѣдомъ промышляетъ». (Рѣчь идетъ о графинѣ Софьѣ Потоцкой, см. Остаф. Арх. I, 371, 377; II, 14).

Стихотвореніе представляетъ подражаніе одному отрывку изъ поэмы Парни: «Coup d'oeil sur Cythère (1787), гдѣ дѣвица, о которой идетъ рѣчь, носитъ имя Noeris. Тому же стихотворенію подражалъ въ 1821 г. и К. Ѳ. Рылѣевъ:

Повѣрь, я знаю ужь, Дорида,
Про то, что скрыть желаешь ты...

Любопытно, что въ черновой рукописи Рылѣева вмѣсто Дориды было, какъ и у Пушкина, поставлено имя Лидіи:

Повѣрь, о Лиденька, я знаю

(исправлено:

«Повѣрь, ужь мнѣ извѣстно, Лида»).

П. М.

193. П. Б. МАНСУРОВУ.

По автографу, находящемуся въ Имп. Публ. Библіотекѣ, первая строфа этого стихотворенія напечатана въ «Отчетѣ» Библіотеки за 1871 г., стр. 69; затѣмъ въ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина» Л. Н. Майковъ напечаталъ двѣ строфы, а П. А. Ефремовъ, въ изд. 1903 г.,—всѣ три, кромѣ послѣдняго стиха, совершенно нецензурнаго.

Павелъ Борисовичъ Мансуровъ, родственникъ Никиты Всеволожскаго и членъ кружка «Зеленой Лампы», былъ адъютантомъ при гр. Депрерадовичѣ. Въ 1812—1814 гг. былъ ординарцемъ у Раевскаго, въ 1815 поступилъ въ конно-егерскій полкъ; въ 1825 г. женился и вышелъ въ отставку; впослѣдствіи служилъ одно время въ министерствѣ финансовъ. Умеръ въ глубокой старости, въ началѣ 80-хъ годовъ. Въ 1819 г. онъ уѣхалъ зачѣмъ-то (вѣроятно, въ командировку по военнымъ поселеніямъ) въ Новгородскую губернію, куда Пушкинъ и написалъ ему, 27 октября, шутливое письмо. Здѣсь, между прочимъ, говорится и о Крыловой: это была танцовщица, кончавшая въ то время курсъ въ Театральномъ Училищѣ. «Каждое—утро», сообщаетъ Пушкинъ,—«крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты; по-прежнему, подымаются на нее телескопы и..., но увы! ты не видишь ея, она не видитъ тебя...» Стихотвореніе, можетъ быть, приложено было къ этому же письму или предназначалось для его дополненія. Упоминаемая здѣсь «дѣвственница Лассп»—французская актриса въ Петербургѣ, въ которую былъ влюбленъ и сватался за нее актеръ Яковлевъ, но получилъ отказъ. Казасси, Антонъ Ивановичъ, былъ театральный антрепренеръ, державшій при Павлѣ I итальянскую оперу, а жена его, Марья Францевна (ум. 1827), служила въ Театральномъ Училищѣ главною надзирательницею и была очень строга съ воспитанницами.

П. М.

194. СТАНСЫ ТОЛСТОМУ.

Въ автографѣ стихотвореніе это неизвѣстно, но при жизни Пушкина было напечатано дважды (однако, безъ полной фамиліи Толстого: «Стансы Т-му», «Стансы Т***му»): въ изданіяхъ 1826 г. (стр. 72—73) и 1829 г. (ч. I, стр. 61—63); въ посмертномъ изданіи помѣщено въ т. III (стр. 37—38, съ заглавіемъ «Стансы Т***му»), затѣмъ—въ изданіи Анненкова (т. II, стр. 257—258) и послѣдующихъ. Здѣсь перепечатывается по изданію 1829 г., откуда текстъ взятъ и для академическаго изданія (т. II, стр. 35—36).

Въ изданіи 1826 г. 2-й стихъ 5-й строфы сопровождается ссылкой на любопытное примѣчаніе, помѣщенное въ концѣ книги (стр. 191): «Какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ поэтъ шутитъ надъ философіей эпикурейцевъ. Читатель, безъ сомнѣнія, не будетъ смѣшивать чистыхъ душевныхъ наслажденій съ удовольствіями чувственными». Оно любопытно для сужденія о строгостяхъ тогдашней цѣломудренной цен-

ГРАФИНЯ А. А. ОРЛОВА-ЧЕСМЕНСКАЯ.

209. НА ГРАФИНЮ ОРЛОВУ.

(Приписывается Пушкину).

Благочестивая жена
Душою Богу предана,
А грѣшной плотію—
Архимандриту Фотію.

210. РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ОРЛОВОЙ.

(Приписывается Пушкину).

«Внимай, что я тебѣ вѣщаю:
«Я тѣломъ свинъ, мужъ душой.
— Но что жъ ты дѣлаешь со мной?
«Я тѣло въ душу превращаю».

зуры, для которой, по справедливому соображенію В. Е. Якушкина (Акад. изд., т. II, примѣч., стр. 94), примѣчаніе и было сдѣлано (ибо слова поэта, по существу его тогдашняго настроенія, должны быть здѣсь понимаемы безъ всякаго «иносказанія», въ прямомъ ихъ смыслѣ) печатавшимъ книгу П. А. Плетневымъ. Плетневъ въ письмѣ своемъ отъ 26 сентября 1825 г. (Переписка Пушкина, I, стр. 296) говоритъ только о двухъ «примѣчаніяхъ», присланныхъ для изданія самимъ поэтомъ: къ «Андрею Шенье» и къ «Подражаніямъ Корану». «И дѣйствительно, говоритъ г. Якушкинъ,—въ изданіи 1826 г. кромѣ этихъ примѣчаній имѣются только два: одно говоритъ о пропускахъ,—сдѣланныхъ въ дѣйствительности цензурой,—будто бы всѣ они сдѣланы самимъ авторомъ,—и это примѣчаніе сдѣлано для цензуры Плетневымъ, какъ мы узнаемъ изъ того-же письма его (стр. 298); второе примѣчаніе и есть приведенное сейчасъ примѣчаніе къ «Стансамъ Толстому»... Въ изданіи 1829 г. это примѣчаніе не было повторено Пушкинымъ.

Къ 1819 году стансы отнесены уже изданіемъ 1826 года. По мнѣнію г. Якушкина (т. II, примѣч., стр. 94, 95, 96), «болѣе точно время ихъ написанія опредѣлить нельзя». Мы думаемъ, однако, что ихъ можно датировать нѣсколько точнѣе, отнеся къ августу—декабрю 1819 года, по слѣдующимъ соображеніямъ. Изъ приводимаго далѣе посланія Толстого видно, что въ то время, къ которому относятся стихи, авторъ еще не «бѣжалъ пировъ и наслажденій жизни», предавался имъ достаточно усердно (замѣтимъ, что съ пирушки они возвращались на дрожкахъ,—слѣдовательно, дѣло было не зимой); что въ то время, какъ Пушкинъ написалъ посланія уже «ко многимъ», стансы Толстому написаны еще не были; друзей-же своихъ подарилъ Пушкинъ стихами до отъѣзда своего въ деревню, т. е. до 9—10 іюля 1819 г.; изъ Михайловскаго поэтъ вернулся въ серединѣ августа, а въ концѣ ноября Всеволожскій, у котораго происходили собранія Зеленой Лампы, уѣхалъ въ Москву, и пріятели собирались у Толстого; поэтому мы полагаемъ, что «Стансы» могли быть написаны, вѣроятнѣе всего, именно въ это время, т.-е. въ концѣ года, когда Пушкинъ видался съ Толстымъ на его квартирѣ и когда, слѣдовательно, Толстой могъ болѣе настойчиво добиваться исполненія обѣщанія, даннаго ему поэтомъ.

Объ обстановкѣ, при которой было дано ему это обѣщаніе, Толстой съ чрезвычайной обстоятельностью разсказываетъ въ своемъ «Посланіи къ А. С. Пушкину», напечатанномъ въ сборникѣ его произведеній, «Мое праздное время» (СПБ. 1821. стр. 48—51):

О ты, который съ юныхъ лѣтъ
Прельщаешь лирой золотою,
Направя къ Пинду свой полетъ,
Летишь во храмъ его стрѣлою
И тамъ, въ бесѣдѣ Аонидъ,
То гимны страстны и веселы
Поешь, какъ истинный піитъ,
То громозвучные глаголы
Текутъ, какъ пламенна рѣка,
Изъ устъ твоихъ обильнымъ токомъ,—
Разсѣкши черны облака
Въ своемъ паренін высокомъ,
Дивятъ и трогаютъ сердца!
Склонись, о Пушкинъ, Феба ради
На просьбу слабаго пѣвца
И вспомни, какъ, къ моей отрадѣ,
Ты мнѣ посланье обѣщалъ;
Припомни также вечеръ ясный,
Когда до дому провождалъ
Тебя, піитъ мой сладкогласный,
И ты мнѣ руку съ словомъ далъ,
Когда, стихами и шампанскимъ
Свои разсудки начиня
И дымомъ окурясь султанскимъ,
Едва топли мы до коня,
Усѣлись кое-какъ на дрожкахъ,
Качаясь, ѣхали въ тѣни,
И гасли медленно въ окошкахъ
Чуть-чуть замѣтные огни;
Зыбясь, въ Фонтанкѣ отражалась
Столбомъ серебрянымъ луна,
И отъ строеній разстилалась
Густая тѣнь, какъ пелена;
И слышенъ былъ, подобно грому,
Повозокъ шумъ издалека;
По своду темно-голубому
Прозрачны плыли облака,
И Веспери теплился порою,
Двоясь трепетно въ струяхъ:
Въ то время мчались мы съ тобою
Въ пустыхъ Коломенскихъ краяхъ...
Ты вспомни, какъ, тебя терзая,
Согласье выпросилъ тогда,
Какъ сонмымъ голосомъ, звѣзда,
На просьбу мнѣ ты молвилъ: «да!»
Но вотъ проходитъ ужъ вторая
Недѣля съ вечера того,—
Я слышу, шепчешь ты ко многимъ,
Ко мнѣ-жъ покамѣстъ—ничего;

И я перомъ своимъ убогимъ
Тебѣ рѣшился докучать,
Доколѣ ты не сдержишь слово.
Буздѣлку трудно-ль написать?
Искусство для тебя не ново:
Тебѣ плетутъ давно вѣнецъ
На Пиндѣ Музы, для примѣра.
Возьми-жъ свой пламенный рѣзецъ,
Владыко риѳмы и размѣра,
И имъ изобрази мнѣ живо
Предестный образъ Музы той,
Что нѣтъ тебя краснорѣчиво
Такъ научила, милый мой;
Открой искусство мнѣ столь сладко
Писать, какъ вѣчно пишешь ты,
Чтобъ могъ изображать я кратко
И сохранялъ бы красоты;
Чтобъ нѣжность, вкусъ, витійства сила,
Что отъ боговъ тебѣ даны
И коими Руслань, Людмила
Удачно такъ облечены,—
Въ моихъ стихахъ являлись съ блескомъ
Такимъ-же точно, какъ въ твоихъ:
Во вкусѣ медленномъ нѣмецкомъ
Отвадь меня низать мой стихъ:
Въ моихъ стихахъ излишество слога
Рѣзцомъ своимъ ты отколи,
И отъ таланта хоть немного
Ты своего мнѣ удѣли!
На что мнѣ длинное посланье?
Твоихъ стиховъ десятка три—
Вотъ, Пушкинъ, все мое желанье,
Меня ты ими подари!
Пускай трудится мрачный мистикъ
Надъ кипой древнихъ теоремъ.—
Ты напиши одинъ мнѣ листикъ,
И я доволенъ буду тѣмъ.
Давно въ враждѣ ты съ педантизмомъ
И съ пустословіемъ въ войнѣ,
Такъ научи жъ, какъ съ лаконизмомъ
Ловчѣе подружиться мнѣ...
Прошу, очисти мнѣ дорогу
Кратчайшую во вкуса храмъ,
И, твоего держася слогу,
Пойду пѣшта по стопамъ!

Посланіе это, при всемъ своемъ поэтическомъ убожествѣ, любопытно по тѣмъ фактическимъ указаніямъ, которыя мы въ немъ находимъ. Напримѣръ, сообщеніе Лишенкова (Матеріалы, изд. 1855 г., стр. 63—64) о томъ, что «Пушкинъ жилъ въ это время съ семействомъ своимъ на Фонтанкѣ у Калинкина моста» подтверждается словами Толстого, что онъ, провожая Пушкина «до дому», ѣхалъ съ нимъ по Фонтанкѣ «въ пустыхъ Коломенскихъ мѣстахъ»; цѣнно указаніе, что Толстой долго не могъ добиться отъ Пушкина посланія, между тѣмъ какъ онъ уже написалъ ихъ «ко многимъ»; мы находимъ здѣсь подтвержденіе того мнѣнія, что на дружескихъ пирушкахъ пріятели «начинали свои разсудки» не только шампанскимъ, но и стихами; что поэма «Руслань и Людмила» (тогда еще не законченная) была уже извѣстна пріятелямъ поэта и вызывала въ нихъ восторгъ. Наконецъ, посланіе это цѣнно, какъ лишнее свидѣтельство того преклоненія предъ талантомъ юнаго поэта, какимъ окружали его пріятели уже въ эту раннюю эпоху его литературной дѣятельности: Толстой называетъ лиру Пушкина золотою, рѣзецъ его—пламеннымъ, а самого его—«владыкой риѳмы и размѣра», «истиннымъ пѣвцомъ», говоря, что онъ «стрѣлою летитъ» во храмъ Музъ, которыя уже давно плетутъ ему вѣнецъ на Пиндѣ; что онъ одаренъ искусствомъ «сладко» писать, избѣгая длиннотъ; что онъ давно во враждѣ съ педантизмомъ; что «нѣжность, вкусъ, витійства сила» даны ему отъ боговъ и т. д. Тронутый всѣми этими комплиментами Толстого, Пушкинъ и отвѣтилъ ему своими «Стансами». Изъ нихъ видно, что въ это время въ «раннемъ философѣ» по какимъ-то причинамъ произошло охлажденіе къ «играмъ младости» (въ письмѣ своемъ къ Н. Б. Мансурову отъ 27 октября 1819 г. Пушкинъ говоритъ о болѣзни Толстого), и онъ отвратился отъ нихъ. Пушкинъ, конечно, не могъ съ серьезнымъ осужденіемъ относиться къ настроенію своего пріятеля, но, призывая его къ наслажденію жизнью, лишь высказывалъ тотъ-же взглядъ, что и раньше (1817 г.), когда, въ посланіи къ Каверину, говорилъ:

. . . . . черни презирай ревнивое роптанье:
Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
Съ Киѳерой, съ Портикомъ и съ книгой, и съ бокаломъ,
Что умъ высокій можно скрыть
Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.—

или позже, въ «Онѣгинѣ», въ словахъ:

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей...

Призывъ, обращенный къ Толстому въ 5 и 6-й строфахъ, такимъ образомъ, становится понятенъ: поэтъ старается убѣдить своего пріятеля только въ томъ, что, предаваясь серьезнымъ занятіямъ, не слѣдуетъ забывать и про свою молодость, ко-

торая никогда не возвращается: что можно и должно соединять одно съ другимъ, и что такое соединеніе вполнѣ достойно человѣка съ возвышенной душой. На себѣ самомъ поэтъ доказалъ, какъ гармонично можно сочетать «милыя забавы свѣта» если и не съ лампадой стоика Эпиктета, то съ высокой духовной и умственной работой...

Дальнѣйшія личныя сношенія поэта съ Толстымъ,—котораго онъ называетъ однимъ изъ «минутныхъ друзей своей минутной молодости»,—вскорѣ прервались, и прежніе пріятели увидѣлись снова лишь много лѣтъ спустя въ обстановкѣ, нимало не похожей на ту, въ которой они встрѣчались прежде. Пріѣхавъ въ январѣ 1837 г. въ Петербургъ изъ-за-границы хлопотать о поступленіи на службу, Толстой навѣстилъ поэта за недѣлю до его роковой дуэли; встрѣча ихъ была, конечно, нерадостна, хотя Толстой и разсказываетъ, что, вспоминая съ нимъ старое время, онъ говорилъ съ Пушкинымъ и о посвященныхъ ему «Стансахъ» («Современникъ» 1857 г., № 4, отд. V, стр. 265: сообщеніе въ письмѣ Толстого къ М. П. Лонгинову). Слѣдомъ-же заочныхъ сношеній пріятелей является письмо опальнаго поэта къ Толстому изъ Кишинева, отъ 26 сентября 1822 г.: оно касается изданія сборника новыхъ стихотвореній Пушкина, который передалъ право на него Толстому еще въ бытность свою въ Петербургѣ (подробности объ этомъ, несостоявшемся изданіи см. въ примѣчаніяхъ къ названному письму), и заключаетъ въ себѣ стихотвореніе

Горишь-ли ты, лампада наша,
Подруга бдѣній и пировъ...,

на которое Толстой отвѣтилъ стихами-же, говоря:

Ахъ! Лампа погасла,
Не стало въ ней масла!..

Біографія Толстого любопытна по превратностямъ судьбы этого человѣка: задѣвшее его своимъ широкимъ размахомъ дѣло декабристовъ совершенно исковеркало его жизнь и изъ «ранняго философа», блестящаго гвардейскаго офицера и члена тайнаго общества сдѣлало тайнаго-же агента Русскаго правительства за границей...

Яковъ Николаевичъ Толстой родился въ семьѣ богатаго тверского помѣщика въ 1791 году, воспитывался сперва въ частномъ пансіонѣ, а затѣмъ — въ Пажескомъ Корпусѣ, откуда былъ выпущенъ въ концѣ 1808 г. прапорщикомъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ, черезъ два года вышелъ въ отставку «для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ», подготовился къ экзамену на право полученія чина 8 класса, выдержалъ испытаніе при Педагогическомъ Институтѣ, но, съ началомъ Отечественной войны, снова вступилъ въ военную службу—въ Мингрельскій пѣхотный полкъ (9 апрѣля 1812 г.). Онъ принялъ участіе въ многихъ дѣлахъ съ непріятелемъ, при чемъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 4 степени съ бантомъ, 16 октября 1814 г. переведенъ былъ въ л.-гв. Павловскій полкъ съ назначеніемъ адъютантомъ къ генералу Л. О. Роту, произведенъ въ подпоручики (октябрь 1816 г.), а съ 27 января 1817 г. опредѣленъ старшимъ адъютантомъ къ дежурному генералу Главнаго Штаба А. А. Закревскому (впослѣдствіи графъ), 30 декабря 1818 г. произведенъ въ поручики, а затѣмъ назначенъ (въ 1821 г.), уже въ чинѣ штабсъ-капитана, старшимъ адъютантомъ въ Главный Штабъ. Страдая какою-то болѣзнью ногъ, Толстой 23 апрѣля 1823 г. взялъ заграничный отпускъ и отправился въ Парижъ.

Еще въ раннемъ юношествѣ начавъ упражняться въ писаніи стиховъ (на французскомъ языкѣ), Толстой выступилъ на литературное поприще въ 1818 году переводомъ въ стихахъ V-й элегіи Тибулла (напечатанъ въ «Журналѣ древней и новой словесности» 1818 г., октябрь, стр. 22—25). Въ 1819 г. онъ издалъ небольшое сатирическое «Посланіе къ Петру Михайловичу Каменскому» (С.-Пб.), а въ 1821 г., по совѣту друзей, выпустилъ въ свѣтъ упомянутый выше сборникъ своихъ стихотворныхъ произведеній подъ заглавіемъ: «Мое праздное время, или собраніе нѣкоторыхъ стихотвореній Якова Толстого» (С.-Пб.), въ который вошли его сатиры, посланія (въ одномъ изъ нихъ—«Посланіи къ Петербургскому жителю» — находятся строфы, содержаніемъ своимъ весьма напоминающія строфы XV—XXXVI главы I «Евгенія Онѣгина»), эпиграммы, элегіи и т. под. Затѣмъ онъ напечаталъ, уже живя за границей, «Письмо къ А. А. Бестужеву въ Москву»—по поводу статьи А. А. Жандра «Разговоръ отъ Полярной Звѣзды» — въ «Сынѣ Отечества» 1823 г. (№ 12), стр. 223—229; дальнѣйшая, весьма скучная полемика его съ Жандромъ—тамъ-же, № 15, стр. 32—35 и № 17, стр. 124—128); письмо къ А. А. Бестужеву изъ Парижа (о Парижскомъ об-

ществѣ, театрахъ, политическихъ партіяхъ и т. под.)—въ «Сынѣ Отечества» 1823 г., ч. 90, № 42, стр. 243—259 и 1824 г., ч. 94, № 24, стр. 145—167; и «Quelques pages sur l'Anthologie Russe, pour servir de réponse à une critique de cet ouvrage, insérée dans le Journal de Paris» (Paris. 1825)—по поводу «Антологіи», изданной Dupré de St.-Maure'омъ.

Увлекаясь, вмѣстѣ съ другими членами Зеленой лампы, театромъ, Толстой и самъ пробовалъ силы на поприщѣ драматическаго писателя; но опыты его и здѣсь были неудачны и ограничились лишь двумя піесами: 8 декабря 1819 г., въ бенефисъ А. М. Колосовой (на которую сперва такъ нападали «ламписты», въ томъ числѣ и Пушкинъ), была поставлена въ переводѣ Толстого съ французскаго языка опера-водевиль «Мнимые разбойники, или суматоха въ трактирѣ», съ музыкой Сапіенца (не изд.), а 25 іюля 1821 г., въ бенефисъ четы Сосницкихъ,—комедія въ 1 д., въ стихахъ, «Нетерпѣливый» (изд. С.-Пб. 1821), заимствованная изъ старинной 1724 г. французской комедіи Буасси «L'Impatient». Литературные и театральные интересы Толстого доставили ему широкій кругъ знакомыхъ среди писателей и артистовъ; онъ вращался въ ихъ обществѣ и былъ близко знакомъ, кромѣ Пушкина, съ Грибоѣдовымъ, А. А. Бестужевымъ-Марлинскимъ, Ѳ. П. Глинкой, Д. Н. Бѣгичевымъ, Ѳ. Ѳ. Кокошкинымъ, кн. А. А. Шаховскимъ, Гнѣдичемъ, Гречемъ, А. А. Жандромъ, П. П. Хмѣльницкимъ, П. А. Катенинымъ, братьями Тургеневыми, кн. П. А. Вяземскимъ, Жуковскимъ и др.

Уѣхавъ въ Парижъ, Толстой разсчитывалъ прожить тамъ годъ или полтора; но возвратиться на родину ему удалось лишь черезъ 13 слишкомъ лѣтъ; замѣшанный въ дѣло декабристовъ и скомпрометированный въ глазахъ правительства обнаруженными на слѣдствіи знакомствами со многими дѣятелями тайныхъ обществъ, Толстой не рѣшился вернуться въ Россію и остался во Франціи. «Свѣдѣнія о Толстомъ, какъ членѣ тайнаго общества»,—говоритъ П. Е. Щеголевъ, обслѣдовавшій этотъ вопросъ («Пушкинъ и его современники», вып. II, 1904 г., стр. 65—76),—«крайне скудны и глухи. Достовѣрно, во всякомъ случаѣ, что онъ былъ членомъ общества и притомъ—однимъ изъ старѣйшихъ и авторитетныхъ»,—о чемъ можно заключать по дѣламъ Слѣдственной Комиссіи, записямъ кн. Е. П. Оболенскаго (принявшаго Толстого въ общество въ концѣ 1820 г.) и по письму къ Толстому А. А. Бестужева (отъ 3 марта 1824 г.—«Русск. Стар.» 1889 г., т. 64, стр. 375—377). Показанія декабристовъ на слѣдствіи были очень осторожны, и дѣло о Толстомъ, по приказанію имп. Николая, было прекращено, при чемъ приказано было лишь учинить за нимъ секретный надзоръ. Какъ ни малозначительны, такимъ образомъ, были для Толстого послѣдствія его прикосновенности къ движенію,—онъ совершенно растерялся, быть можетъ преувеличивая, по невѣдѣнію, степень грозившей ему опасности. Онъ рѣшился остаться въ Парижѣ (при чемъ до 25 ноября 1826 г. числился на службѣ), а когда для него выяснилась возможность возвращенія,—онъ не могъ ѣхать, т. к. весь былъ въ долгахъ... Для возстановленія своей репутаціи въ глазахъ правительства Толстой избралъ путь, который могъ вызвать къ нему лишь презрѣніе со стороны его друзей и знакомыхъ и той самой власти, отъ которой зависѣла его судьба: онъ сталъ сперва добровольнымъ и явнымъ, а потомъ—наемнымъ и тайнымъ агентомъ, на обязанности котораго лежало, по мѣткому выраженію М. К. Лемке («Былое» 1907 г., № 2, стр. 114), наблюденіе «за достодолжной высотой престижа Николаевскаго правительства, чутко относившагося къ общественному мнѣнію Европы вообще и въ частности Франціи». Путемъ долголѣтнихъ и унизительныхъ стараній, печатая различныя книги, брошюры и статьи въ защиту Россіи и ея правительства, все болѣе и болѣе запутываясь въ долгахъ, на покрытіе коихъ ему не хватало его личныхъ скромныхъ средствъ и вспомоществованія родныхъ, Толстой только въ 1837 г. добился оффиціальнаго прощенія, былъ вызванъ въ Петербургъ и 29 января (въ день смерти Пушкина) былъ назначенъ, по представленію гр. Бенкендорфа, корреспондентомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ Парижѣ. Должность эта, зависѣвшая отъ III отдѣленія, при которомъ Толстой состоялъ «по особымъ порученіямъ», была создана тогда впервые, съ цѣлью «защищенія Россіи въ журналахъ» и опроверженія статей, противныхъ Россіи»; кромѣ того, слѣдя за «духомъ» и направленіемъ правительства Франціи, государственныхъ ея дѣятелей и различныхъ партій, за ходомъ наукъ, литературы и учебнаго преподаванія во Франціи, а

равно и за пріѣзжавшими въ Парижъ русскими, Толстой посылалъ въ Петербургъ, особенно въ концѣ каждаго года, оффиціальныя депеши и сообщенія, направляя ихъ въ Министерство или въ III отдѣленіе, откуда онѣ доставлялись имп. Николаю. Позднѣе (1856 г.) на него была возложена обязанность доставлять министру замѣчательнѣйшія новыя книги по наукамъ и литературѣ, а также русскія книги, выходившія за границей. Зависимость отъ III отдѣленія, не могшая долго оставаться тайной, ставила Толстого въ ложное положеніе и среди иностранцевъ, и среди русскихъ, пріѣзжавшихъ въ Парижъ, такъ что, несмотря на всѣ его старанія доказать противное, онъ, по собственнымъ словамъ, «слылъ за подозрительнаго повѣреннаго, а въ глазахъ нѣкоторыхъ французовъ — даже за тайнаго агента». Впрочемъ, нѣкоторые соотечественники, какъ, напр., Вяземскій, пригласившій его еще въ 1827 г. къ сотрудничеству въ «Московскомъ Телеграфѣ» (здѣсь помѣщены его «Отрывки писемъ изъ Парижа», 1827 г., ч. XVII, отд. 2, стр. 52—54 и 106—111 и 1828 г., ч. XX, № 5, стр. 113—118) и бывшій съ нимъ въ постоянной перепискѣ А. И. Тургеневъ (за которымъ онъ слѣдилъ въ Парижѣ) и др., не прерывали съ нимъ сношеній. По словамъ Вяземскаго, «всѣ русскіе, посѣщавшіе Парижъ, находили въ Толстомъ усерднаго и многосвѣдущаго путеводителя; онъ во многомъ совершенно «онаружился», но оставался русскимъ до сердцевины, до мозга костей». Изъ другихъ русскихъ, бывавшихъ у Толстого въ Парижѣ, въ разное время, назовемъ еще Плетнева, Шевырева, Греча, Погодина. Тяготясь своимъ фальшивымъ и щекотливымъ положеніемъ и мечтая о какомъ-нибудь болѣе прочномъ и почетномъ мѣстѣ въ Парижѣ (напр., генеральнаго русскаго консула; съ 29 декабря 1848 г. онъ былъ причисленъ къ мѣстному Русскому Посольству) или въ Россіи, хлопоталъ о которомъ онъ неоднократно пріѣзжалъ въ Петербургъ (1839, 1840, 1844, 1845, 1863—1864), онъ такъ и не добился желаемаго и, наконецъ, 19 іюня 1866 г. вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника, а 15 (27) февраля 1867 г., въ полномъ одиночествѣ, скончался въ Парижѣ.

Плодомъ его своеобразной литературной дѣятельности за границей являются до двухъ десятковъ книгъ и брошюръ на французскомъ языкѣ и множество статей въ повременной печати; перечислять ихъ не стоитъ, такъ какъ, сколь-ни разнообразны онѣ по своимъ темамъ,—всѣ онѣ служатъ одной цѣли, вытекавшей изъ служебнаго положенія автора.

Болѣе подробно см. о Толстомъ наши статьи въ «Русск. Стар.» 1899 г., т. 99, № 10, стр. 587—614 и т. 100, № 11, стр. 175—199 и отд. отт., С.-ПБ. 1899; къ біографіи Я. Н. Толстого, статья П. Е. Щеголева («Пушкинъ и его современники», вып. II, СПБ. 1904, стр. 65—76); см. также статью М. К. Лемке о князѣ П. В. Долгоруковѣ («Былое» 1907, № 2, стр. 144—146, 154, 156—157, напечатаны доносы Толстого, и № 3, стр. 166—167) и объ И. Г. Головинѣ (тамъ-же, № 5, стр. 27—донось на Головина); записки Д. П. Свербеева, СПБ. 1899 ч. II, стр. 307—308; «Остаф. Архивъ», т. III, СПБ. 1899, стр. 12, 166, 167—168, 169, 173, 300; «Старина и Новизна», кн. VIII, стр 32; Prince P. Dolgoroukow. La vérité sur la Russie, Paris 1860, p. 208.

Б. Модзалевскій.

195. РУСАЛКА.

Напечатано въ изданіи стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 44, и тотчасъ же было перепечатано А. Ѳ. Воейковымъ въ его журналѣ «Новости Литературы» (янв., стр. 36), съ приписки: «Изъ прекраснаго собранія мелкихъ стихотвореній, на сихъ дняхъ только отпечатаннаго. Сія книга продается у коммисіонера Россійской Академіи Слепина по 10 р. за экземпляръ, а съ пересылкою по 11 рублей». Въ этой перепечаткѣ послѣдній стихъ читается: «Русалки дергали въ водѣ», какъ въ черновой рукописи Пушкина (тетрадь Румянц. Музея, № 2364, л. 76 об. и 77); такимъ образомъ, Воейковъ напечаталъ стихотвореніе или съ доставленнаго ему списка, или съ корректурнаго листа, желая дать своимъ читателямъ эту новинку, по возможности, одновременно съ выходомъ книги Пушкина.

Первоначально это стихотвореніе, можетъ быть, называлось «Монахъ». Кн. Вяземскій писалъ Тургеневу 4 октября 1819 г.: «Сдѣлай милость, скажи племяннику (т.-е. Пушкину), чтобы онъ далъ мнѣ какого-то своего «Монаха» и все, что есть новаго». Въ запискѣ, представленной

Бенкендорфомъ государю въ 1826 г. по поводу «Бориса Годунова», между прочимъ, говорится, что «до 1818 года въ повѣстяхъ, пѣсняхъ и романахъ выводили въ дѣйствіе монаховъ, и даже не всегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистицизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось строго упоминать; нельзя было сказать: «отецъ мой»! Но паденіи мистицизма и уничтоженіи монашескаго вліянія показались двѣ піесы, гдѣ монахи выведены въ дѣйствіе: «Черноризецъ», поэма, соч. Козлова и «Русалка» Пушкина. Объ піесы подвергались гоненію духовенства, и на нихъ были приносимы жалобы министру просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія... (Дѣла III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи объ А. С. Пушкинѣ, изд. П. Балашова, СПБ. 1906, стр. 25). Цензура, въ свое время, дѣйствительно запретила «Русалку», которой пришлось цѣлыхъ семь лѣтъ ждать печати. «Читалъ ли ты «Русалку»?— спрашивалъ Тургеневъ кн. Вяземскаго въ письмѣ отъ 15 янв. 1824 г. («Остафьевскій Архивъ», III, 3): «если нѣтъ, то пришлю; старая пьеса, прелестная, неодобренная еще Тимковскимъ». Черновой текстъ «Русалки» очень исчирканъ и даетъ множество варіантовъ (см. статью о текстѣ).

П. Морозовъ.

196. ДОМОВОМУ.

Пьеса эта не дошла до насъ въ автографѣ. Впервые она появилась въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1824 г., стр. 318, съ полною подписью поэта, затѣмъ была перепечатана въ собраніяхъ стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 78, и 1829 г., ч. II, стр. 67—68. Въ первоначальной редакціи было: «нашъ добрый домовой» (ст. 2-ой) и «полунощнаго вора» (ст. 10-й); тексты изданій 1826 и 1829 гг. вполнѣ сходны. Къ 1819 г. пьеса отнесена изданіемъ 1826 г. Въ изданіи 1829 г. она помѣщена непосредственно послѣ «Уединенія» («Деревни»). По мнѣнію П. И. Бартенева («Матеріалы для біографіи П.», М., 1855 г., ст. 3-ья, стр. 41), она написана «лѣтомъ 1819 г. въ Михайловскомъ», и въ ней «изображены картины тамошней мѣстности». В. Е. Якушкинъ почему-то тоже относитъ ее къ іюлю мѣсяцу (акад. изд. «Сочиненій» П., II, прим., 137), какъ будто стихи, навѣянные деревней, должны были непремѣнно быть написаны въ деревнѣ и не могли быть написаны позднѣе.

П. О. Морозовъ указываетъ связь, существующую между этимъ стихотвореніемъ и сохранившимся въ тетради московскаго Румянцевскаго музея № 2364 (л. 43) черновымъ наброскомъ, начинающимся словами: «Могущій Богъ садовъ...» (Сочиненія П., изд. «Просвѣщенія», I, 556; см. дальше черновые наброски 1818—1819 гг.) Мысль дѣйствительно та же, но образы различные. Въ наброскѣ пастухъ «своенравныхъ козъ» обѣщаетъ украсить «вѣнкомъ изъ дикихъ розъ», «уродливый ликъ» божества садовъ «при пѣсняхъ мирныхъ и веселыхъ»... Пастухъ, козы, вѣнокъ изъ розъ, мирныя пѣсни (вспоминаются «пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ» изъ «Музы» 1821 г.), бюстъ Фавна—все это дышитъ древней антологіей; все это идиллическіе образы античной поэзіи. Весьма вѣроятный источникъ заимствованія этихъ внѣшнихъ чертъ— Горацій. Его ода «Къ Фавну» (Оды, кн. III, 18) начинается такъ (переводъ А. А. Фета):

О, Фавнъ, любовникъ Нимфъ, бѣгущихъ
предъ тобою!
Границы знойныхъ жатвъ и вивъ моихъ
шади
И молодыхъ ягнятъ ты бережной стопою
Безвредный обходи...

«Римскій Фавнъ»,—замѣтилъ при этомъ Фетъ («К. Горацій Флаккъ», М., 1883 г., стр. 107, прим. 1),—«похожъ, съ одной стороны, на нашего лѣшаго или домового. Вспомнимъ о стихотвореніи Пушкина къ Домовому, которое есть явное подражаніе нашей одѣ». Пушкинъ замѣнилъ «уродливый ликъ» античнаго сельскаго божества близкимъ русскому воображенію домовымъ, къ тому же болѣе подходящимъ къ нарисованной въ пьесѣ картинкѣ чисто-русской, скромной природы. «Въ своемъ деревенскомъ уединеніи»,—говоритъ Л. П. Поливановъ,—«поэтъ проникся тѣми животрепещущими въ жизни русской деревни простыми интересами и чувствами, которые становились ему близки каждый разъ, когда онъ окунался въ эту жизнь... Общее значеніе этого стихотворенія состоитъ въ художественномъ воспроизведеніи той гармоніи, которая охватываетъ душу поэта среди родной ему обстановки, въ согласіи съ общенародными чувствами его окружающихъ». Отзвуки этой гармоніи слышатся во многихъ мѣстахъ пушкинской поэзіи. «Убромный огородъ съ калиткой

ветхою, съ обрушеннымъ заборомъ» (ст. 15—16) приводятъ на память геніальное описаніе деревни въ «Шалости» 1830 г. или полныя русской тоски слова изъ «Онѣгина»:

Люблю пасчаный косогоръ,
Передъ избушкой двѣ рябины,
Калитку, сломанный заборъ...

Бѣлинскій отнесъ «Домовому» къ числу первыхъ по времени «чисто-пушкинскихъ пьесъ, въ которыхъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшей примѣси прозы, какъ старое крѣпкое вино безъ малѣйшей примѣси воды».

Н. Лернеръ.

---

197. НЕДОКОНЧЕННАЯ КАРТИНА.

Появилась впервые въ «Москов. Вѣст.» 1828 г. Печатаемъ по изд. 1829 г. О варіантахъ см. въ статьѣ о текстѣ. Къ 1819 г. отнесено изданіемъ 1829 г. Ср. въ дальнѣйшихъ томахъ о взглядахъ Пушкина на поэта и поэтическое творчество.

---

198. ВОЗРОЖДЕНІЕ.

Впервые напеч. въ «Нев. Альманахѣ» 1828 г. Печатаемъ по изд. 1829, которое его относитъ къ 1819 и помѣщаетъ вслѣдъ за «Недоконченной Картиной». Настроеніе этой превосходной пьесы находится въ тѣсной связи съ періодомъ «Зеленой Лампы». См. выше статьи П. О. Морозова и Алексѣя Веселовскаго.

---

199. КН. А. М. ГОРЧАКОВУ.

Впервые напеч. въ «Раутѣ» 1854 г., а въ полномъ видѣ въ изд. Анненкова т. VII, стр. 22 (Ср. статью о текстѣ). О Шешинѣ см. при посланіи Чаадаеву 1821 г. Военный историкъ (писалъ по французски) Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ 1790—1849, впослѣдствіи пріобрѣлъ печальную знаменитость въ эпоху «цендурнаго герора» 1848—49 гг., когда онъ былъ предсѣдателемъ грознаго «Бутурлиновскаго Комитета». О Горчаковѣ и его отношеніяхъ къ Пушкину см. выше стр. 230—238.

200. ЧТО ТЫ ДЕВИЦА ГРУСТНА...

Пьеса эта, изъ двадцати четырехъ стиховъ которой первые два принадлежатъ Жуковскому, а остальные двадцать два написаны Пушкинымъ, впервые появилась въ академическомъ изданіи произведеній Пушкина т. II, стр. 72, прим. 178—179. Она сохранилась на отдѣльномъ листкѣ, находящемся среди бумагъ А. П. Олениной въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Печатаемъ пьесу по подлиннику,—съ прибавленіемъ (въ скобкахъ) въ 9-мъ и 10-мъ стихахъ фамилій, обозначенныхъ въ подлинникѣ только буквами Ж. и Г.: Ж. означаетъ, конечно, Жуковскаго, а Г.—Гнѣдича, постояннаго посѣтителя и друга Олениныхъ.

На листкѣ есть еще надписи, по мнѣнію П. А. Бычкова, принадлежащія А. П. Олениной и его дочери Варварѣ Николаевнѣ Олениной. Первый написалъ: «Сочинено на случай рожденія Ели: Марк: Олениной во 2 день Маія 1819 Жуковскимъ и Пушкинымъ для шарады, изобрѣтенной П. А. Крыловымъ Баллада». В. Н. Оленина написала: «Читалъ самъ Жуковскій во время шарады».

Е. М. Оленина «добрая Элиза», какъ назвалъ ее К. Н. Батюшковъ (въ «Посланіи къ А. И. Тургеневу»), въ дѣвичествѣ Полторацкая, родилась 2 мая 1768 г., умерла 3 іюля 1838 г. (О ней см. «Рус. Стар.» 1890 г., августъ, арт. стат. П. Устимовича, «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», «Сочиненія» К. Н. Батюшкова изд. Л. Н. Майкова). Графъ С. С. Уваровъ писалъ объ Е. М. Олениной: «образецъ женскихъ добродѣтелей, нѣжнѣйшая изъ матерей, примѣрная жена, одаренная умомъ вспыльчивымъ и кроткимъ нравомъ, она оживляла и одушевляла общество въ своемъ домѣ... Ей хотѣлось, чтобы всѣ у нея были веселы и довольны, и желаніе ея безпрестанно выполнялось».

Симпатичную и радушную семью Олениныхъ Пушкинъ посѣщалъ часто. А. П. Олениной набросалъ рисунокъ для картинки къ «Руслану и Людмилѣ» (см. дальше). Одну изъ дочерей Олениныхъ, Анну Алексѣевну, Пушкинъ, одно время неравнодушный къ ней, обезсмертилъ своими стихами: о ней будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. Въ ихъ домѣ Пушкинъ познакомился съ А. П. Керн, племянницей Е. М. Олениной. По разсказу Керн, у Олениныхъ «играли въ разныя занимательныя игры и преимущественно въ charades en action, въ

РИСУНОКЪ ПУШКИНА 1818—1819 гг.

Впервые воспроизводится здѣсь по рукописи Румянцевскаго Музея № 2364. Изображается характерный для періода «Зеленой Лампы» кутежъ петербургской золотой молодежи. Въ сидящей фигурѣ узнавали пріятеля Пушкина Каверина. Смерть, которая тутъ вертится, дала Анненкову поводъ предполагать въ неистовой плясуньѣ Истомину, изъ-за которой состоялась трагическая дуэль между Шереметевымъ и Завадовскимъ. (Ср. Анненковъ, Пушкинъ въ Александр. эпоху, стр. 65).

которыхъ принимали иногда участіе и наши литературныя знаменитости — Иванъ Андреевичъ Крыловъ, Н. М. Муравьевъ-Апостолъ и другіе... На одномъ изъ вечеровъ у Олениныхъ я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его; мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе» (Л. Н. Майковъ, «Пушкинъ», Спб., 1899 г., стр. 235). П. М. Устимовичъ, знававшій А. А. Оленину, разсказываетъ («Русс. Стар.» 1890 г., августъ, 389), что «особенно весело проводилъ время Олениискій кружокъ въ Приютинѣ — такъ называлась дача Елизаветы Марковны около Нетербурга; дача эта отличалась прекраснымъ мѣстоположеніемъ: барскій домъ стоялъ здѣсь надъ самою рѣкою и прудомъ, окаймленными дремучими лѣсами. Здѣсь-то и веселилась молодежь Олениискаго кружка, ничѣмъ не стѣсняясь, съ чисто-юношескимъ увлеченіемъ. Изъ забавъ была здѣсь особенно въ ходу игра въ шарады, которая въ даровитой семьѣ являлась особенно интересною; по разсказамъ очевидцевъ, особенно уморителенъ былъ въ этой игрѣ Крыловъ, когда онъ изображалъ различныхъ героевъ своихъ басенъ»... Шарада, о которой говорится въ стихахъ Пушкина, составлена вѣроятно изъ словъ: Балъ-Лада. Очень курьезны мимолетныя характеристики, которыя Пушкинъ даетъ себѣ и Крылову. Поэтъ самъ говоритъ о своей «бѣсовской» непосѣдливости и живости, которыми такъ отличался онъ въ молодости, пока, наконецъ, его сердце «опытъ остудилъ и забываться запретилъ». Обжорство Крылова всегда было предметомъ шутокъ его друзей.

Н. Лернеръ.

201. НА ФОТІЯ.

Архимандритъ новгородскаго Юрьева монастыря Фотій (Спасскій) знаменитъ какъ вдохновитель реакціи послѣднихъ лѣтъ Александровскаго царствованія. Наиболѣе обстоятельная біографія его составлена С. Н. Мирополькимъ, напеч. въ Вѣстникѣ Европы 1878, №№ 11 и 12.

Эпиграмма впервые напечатана въ берлинскомъ изданіи стихотвореній Пушкина 1861 г.

202. НА КН. А. Н. ГОЛИЦЫНА.

Впервые напечатано въ берлинскомъ изд. стихотвореній Пушкина, 1861.

Печально-знаменитый князь Александръ Николаевичъ Голицынъ (1773—1844) былъ съ 1816 до мая 1824 г. министромъ народнаго просвѣщенія; онъ же былъ учредителемъ, въ 1813 г., и первымъ президентомъ Россійскаго Библейскаго Общества. Въ запискахъ Д. В. Давыдова (Лондонъ, 1863, стр. 33) о Голицынѣ говорится, что онъ «отличался и подлостью, и придворнымъ интригантствомъ, и порочными вкусами, на Востокѣ столь распространенными».

Александра Петровна Хвостова, племянница Хераскова, о которой упоминаетъ, между прочимъ, и Вигель въ своихъ запискахъ (изд. Рус. Архива 1891—1893, ч. II, стр. 225—227), была въ большой дружбѣ съ извѣстнымъ писателемъ-обскурантомъ графомъ Жозефомъ де-Местромъ, имѣвшимъ значительное вліяніе на Голицына. Она принадлежала также къ основанному баронессой Крюднеръ обществу «мечтательницъ».

Историкъ Николай Николаевичъ Бантышъ-Каменскій (1737—1814) былъ однимъ изъ вице-президентовъ Библейскаго Общества и устроителемъ московскаго его отдѣленія. Общество, благодаря составу главныхъ своихъ дѣятелей, скоро сдѣлалось центромъ реакціоннаго мистицизма. Какъ главный начальникъ цензуры, кн. Голицынъ строго преслѣдовалъ всякія свободныя проявленія мысли и всякіе протесты противъ мистическихъ увлеченій; наоборотъ, сочиненія мистическаго содержанія при немъ разрѣшались безпрепятственно.

203—210. НА ГНѢДИЧА. ЭПИГРАММЫ НА КАРАМЗИНА. ТЫ И Я. НИМФОДОРѢ СЕМЕНОВОЙ. НА ГРАФА ХВОСТОВА. НА ГРАФИНЮ ОРЛОВУ. РАЗГОВОРЪ ФОТІЯ СЪ ОРЛОВОЙ.

См. во II т. статью «Приписываемыя Пушкину стихотворенія 1818—1819 гг.».

РУСЛАНЪ

и

ЛЮДМИЛА

ПОЭМА

ВЪ ШЕСТИ ПѢСНЯХЪ.

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Н. Греча.

1820.

«РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА».

Поэма «Руслан и Людмила» была первымъ большимъ по объему произведеніемъ Пушкина, взявшимъ у него много времени и труда. Начата поэма была въ 1817 г. въ царскосельскомъ Лицеѣ. Преданіе говоритъ, будто поэтъ началъ писать свою поэму въ карцерѣ, стѣны котораго долго сохраняли стихи изъ «Руслана и Людмилы». Продолжалъ поэму Пушкинъ по выходѣ изъ Лицея, въ 1818 и 1819 годахъ, и въ Петербургѣ, «среди самой разсѣянной жизни», и въ Михайловскомъ, во время лѣтняго пребыванія въ этомъ родовомъ имѣніи своей матери. Но мѣрѣ того, какъ отдѣльныя части или пѣсни поэмы получали свою обработку, онѣ читались и обсуждались на вечерахъ у Жуковскаго и Дельвига, въ кружкѣ друзей, руководителей и поклонниковъ таланта поэта. Благодаря тому, что «трудъ» поэта не былъ исключительно «молчаливымъ спутникомъ ночи, другомъ Авроры златой», а проходилъ и совершался, такъ сказать, на глазахъ его друзей, мы имѣемъ опредѣленныя указанія на постепенный ходъ созданія поэмы. По словамъ А. И. Тургенева, къ 3-му дек. 1818 года Пушкинъ «былъ уже на четвертой пѣснѣ своей поэмы», именно, «кончалъ эту пѣснь». Въ августѣ 1819 г. Пушкинъ читалъ А. И. Тургеневу и другимъ лицамъ своего кружка «пятую пѣснь поэмы, въ деревнѣ сочиненную» (Остафьевскій Арх., I, 296). Въ томъ же мѣсяцѣ была готова и шестая пѣснь. Передѣлки и поправки заняли зиму 1819—20 года. 25 февр. 1820 г. А. И. Тургеневъ писалъ кн. П. А. Вяземскому: «Племянникъ почти окончилъ свою поэму, и на сихъ дняхъ я два раза слушалъ ее. Пора въ печать». 26 марта 1820 г. «въ великую пятницу» поэма была окончена. «Эпилогъ» къ поэмѣ былъ написанъ позднѣе, именно на Кавказѣ въ іюлѣ 1820 г. Появившееся только во 2-мъ изд. «Вступленіе», называвшееся прежде «Прологомъ», къ поэмѣ («У лукоморья дубъ зеленый») написано было еще позже, именно въ 1825 или 1826 годахъ, во время пребыванія поэта въ Михайловскомъ, по возвращеніи съ юга Россіи. Въ журналѣ «Сынъ Отечества» за 1820 г. ч. 61, съ разрѣшенія цензуры отъ 23 марта 1820 г., въ книжкахъ XV и XVI впервые былъ напечатанъ отрывокъ изъ третьей пѣсни поэмы «Людмила и Руславъ». Первое изданіе поэмы, порученное Пушкинымъ, по случаю его высылки изъ Петербурга, Гнѣдичу вышло въ концѣ 1820 года. Къ этому изданію особымъ дополненіемъ была приложена виньетка, заключавшая изображеніе главныхъ дѣйствующихъ лицъ и нѣкоторыхъ эпизодовъ поэмы. Идея виньетки (приложена и къ настоящему изданію) принадлежала А. Н. Оленину; рисованіе и гравированіе—Н. Иванову. Въ этомъ изданіи не было, какъ выше сказано, ни эпилога, ни вступленія. Въ 64 ч. «Сына Отечества», съ разрѣшенія цензора отъ 17 авг. 1820 г. были напечатаны прибавленія къ поэмѣ «Руслан и Людмила» съ эпилогомъ, подъ которымъ было обозначено: «26 іюня 1820 г. Кавказъ». Второе изданіе поэмы съ исправленіями и дополненіями и съ «Предисловіемъ» появилось въ 1828 году. Это изданіе было украшено снимкомъ съ портрета поэта, писаннаго О. Кипренскимъ, гравированнаго Н. Уткинымъ. Третье изданіе поэмы вышло въ 1835-мъ году. Въ этомъ изданіи поэтъ выбросилъ предисловіе къ 2-му изданію [1]).

Появленіе поэмы произвело на русскую публику впечатлѣніе чрезвычайное. «Ни съ чѣмъ нельзя сравнить восторга и негодованія, возбужденныхъ первою поэмою Пушкина»,—говоритъ Бѣлинскій. Слишкомъ немногимъ геніальнымъ твореніямъ удавалось производить столько шуму, сколько произвела эта дѣтская и нисколько не геніальная поэма. Поборники новаго увидѣли въ ней колоссальное произведеніе, и долго послѣ того величали они Пушкина забавнымъ титломъ «пѣвца Руслана и Людмилы». Представители другой крайности, слѣпые поклонники старины, были оскорблены появленіемъ «Руслана и Людмилы». Они увидѣли въ ней все, чего въ ней нѣтъ—чуть не безбожіе, и не увидѣли въ ней ничего изъ того, что именно есть въ ней... Перелистуйте отъ скуки журналы 1820 года, и вы съ грудомъ повѣрите, что все это писалось и читалось не болѣе какихъ-нибудь 24 года назадъ... И это относится не

1) Въ настоящемъ изд. поэма печатается по окончательному тексту 1835 г., но съ сохраненіемъ предисловія ко 2-му изд. См. статью о текстѣ.
Ред.

къ однимъ порицательнымъ, но и хвалительнымъ статьямъ».

Противоположные отзывы и впечатлѣнія вызваны были поэмой Пушкина среди писателей, близкихъ къ поэту и его семьѣ. Восторгъ Жуковскаго трогательно выразился въ подаркѣ имъ Пушкину своего портрета съ надписью:

«Побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя въ тотъ высокоторжественный день, когда онъ окончилъ свою поэму «Руслант и Людмила», 1820 г., марта 26, великая пятница». Батюшковъ находилъ, что «поэма исполнена красотъ и надежды» (Соч. II., Акад. изд., II, 281). В. Л. Пушкинъ просто «восхищался поэмой» (тамъ же, 280). Карамзинъ находилъ, что «въ поэмѣ много живости, легкости, остроумія, вкуса, но мало интереса; все сметано на живую нитку». Плетневъ находилъ въ «Русланѣ и Людмилѣ» «погрѣшности въ планѣ; главныя лица могли бы явиться занимательнѣе, полнѣе и болѣе обнаружить силы въ характерахъ; но сіи ошибки неразлучны съ первыми опытами въ родѣ эпическаго, требующаго величайшихъ соображеній и зрѣлости» (Поливановъ, 14, со ссылкой на Труды Вольн. Общ. люб. рос. слов., XX, 24). Строже всѣхъ былъ отзывъ Дмитріева, несмотря на то, что послѣдній питалъ несомнѣнное уваженіе къ таланту Пушкина (Анненковъ, Матеріалы, 59): «Что скажете вы о нашемъ «Русланѣ», о которомъ такъ много кричали?—писалъ онъ кн. П. А. Вяземскому 20 окт. 1820 г. «Мнѣ кажется, что это недоносокъ пригожаго отца и прекрасной матери (музы). Я нахожу въ немъ очень много блестящей поэзіи, легкости въ разсказѣ, но жаль, что часто впадаетъ въ бюрлескъ, и еще больше жаль, что не поставилъ въ эпиграфъ извѣстный стихъ съ легкою перемѣною: La mère en défendra la lecture à sa fille. Безъ этой предосторожности поэма его съ четвертой страницы выпадетъ изъ рукъ добрыя матери» (тамъ же, стр. 280). Опредѣленіе другихъ изъ близкихъ къ Пушкину лицъ былъ взглядъ П. А. Катенина: «анахронизмы—недостатокъ, который холодитъ Руслана и Людмилу вопреки обольщенію стиховъ; читателю хочется того времени, того быта, тѣхъ повѣрій и лицъ: вокругъ ласковаго князя Владимира собирастъ онъ мысленно Илью Муромца, Алешу Поповича, Чурилу, Добрыню, мужиковъ. За станомъ видитъ ихъ сражающихся съ Соловьемъ Разбойникомъ, съ Ягой-бабой, съ Кащеемъ безсмертнымъ, со Змѣемъ Горынычемъ и, встрѣтя вмѣсто тѣхъ незнакомцевъ, не знаетъ, гдѣ онъ, и ничему не вѣритъ» (И. В. Владимировъ, Отношеніе къ Пушкину русской критики. Памяти Пушкина. Кіевск. Унив. изв. 1899 г., май, 15).

Современные журналы въ отношеніи къ поэмѣ «Руслант и Людмила» раздѣлились на два лагеря: въ одномъ сосредоточивались восторженные, хвалебные или сочувственные и благожелательные поэту отзывы и статьи, содержавшіе и указанія на недостатки поэмы; въ другомъ находили себѣ мѣсто статьи, порицавшія рѣзко поэму. Къ первому лагерю относились «Благонамѣренный» Измайлова, «Сынъ Отечества», «Рецензентъ», а позднѣе «Московскій Вѣстникъ» и «Телеграфъ»; второй составляли «Вѣстникъ Европы» Каченовскаго и «Невскій Зритель».

Въ ч. 63, № 32 за 1820 г. журнала «Сынъ Отечества», въ отдѣлѣ библіографіи, помѣщено было извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ поэмы «Руслант и Людмила», при чемъ она названа «прекраснымъ произведеніемъ». Редакція обѣщала «въ будущей книжкѣ напечатать подробный разборъ ея». Дѣйствительно, въ ч. 64 того же журнала, въ №№ 34—37 за тотъ же годъ, была напечатана ст. В. (т.-е. Воейкова): «Разборъ поэмы «Руслант и Людмила, сочин. А. Пушкина». Приведемъ существенныя положенія этой статьи: «Происшествіе, здѣсь воспѣваемое, почерпнуто изъ старинныхъ русскихъ сказокъ. Онѣ всѣ, сколько до сихъ поръ извѣстно, писаны прозою; нашъ молодой поэтъ поступилъ очень хорошо, написавъ сію богатырскую повѣсть стихами, и предпочелъ пѣти по слѣдамъ Аріоста и Виланда, а не Флоріана. Хорошіе судіи, истинные знатоки изящнаго не одобряютъ такого рода твореній въ прозѣ. Они не знаютъ до сихъ поръ, какъ назвать ихъ, ибо прозаическая поэма есть противорѣчіе въ словахъ, чудовищное произведеніе въ искусствѣ; они также не называютъ ихъ романами, ибо величественный ходъ и возвышенный языкъ эпопеи не допускаютъ въ сіи страннаго рода сочиненія ни простоты подробностей, ни описанія простонародныхъ обычаевъ и обыкновенныхъ страстей, составляющихъ достоинство хорошихъ романовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что стихотвореніе, нами разсматриваемое, по всей справедливости названо поэмою. Оно заключаетъ въ себѣ описаніе героическаго подвига, движется пружинами сверхъесте-

ственными, раздѣлено на пѣсни и написано свѣжими, яркими красками. Однако, поэма «Руслань и Людмила» не эпическая, не описательная и не дидактическая. Какая же она?—Богатырская: въ ней описываются богатыри Владимировы, и основаніе ея почерпнуто изъ старинныхъ русскихъ сказокъ; волшебная, ибо въ ней дѣйствуютъ волшебники; шуточная, что доказывается многочисленными изъ нея выписками. Нынѣ сей родъ поэзіи называется Романтическимъ». Затѣмъ критикъ даетъ обозрѣніе содержанія поэмы. Говоря о чудесномъ и характерѣ силъ сверхъестественныхъ въ поэмахъ вообще, В. отмѣчаетъ отмѣнное благоразуміе сочинителя Руслана и Людмилы «въ выборѣ чудеснаго для своей поэмы». «Онъ, подобно Аріосту, Виланду и отчасти Тассу, выбралъ самое приличное, чудесное для сего рода поэмъ—добрыхъ и злыхъ волшебниковъ и волшебницъ». Характеры существъ сверхъестественныхъ (Финна, Черномора, Головы его брата и Наины) критикъ находитъ хорошо нарисованными и ровно выдержанными. Также выдержанными «отъ начала до конца» В. считаетъ характеры героевъ, въ поэмѣ дѣйствующихъ: Руслана, Рогдая, Ратмира, Фарлафа, Владимира, Людмилы. По его мнѣнію, «въ этой части, одной изъ труднѣйшихъ, молодой стихотворецъ торжествуетъ». «Онъ... умѣлъ выставить героевъ въ дѣйствіи, показать ихъ образъ мыслей въ рѣчахъ, дать каждому его особенную, ему только приличную физіономію, которая противъ воли обнаруживается въ рѣшительныя минуты опасности, несчастія, сильной страсти. Герои Пушкина не выходятъ изъ натуры, дѣйствуютъ прилично, ровно, не похожи одинъ на другого, но согласно съ ихъ особенными характеромъ». Слѣдуетъ затѣмъ характеристика дѣйствующихъ лицъ поэмы: Руслань—великодушенъ, храбръ, чувствителенъ, рѣшимъ, вѣренъ любви своей, чести и добродѣтели, но вспыльчивъ и истерикъ; Владиміръ—благочестивый, великодѣпный, могущій монархъ, солнце подданныхъ, нѣжный отецъ дѣтей своихъ, изображенъ здѣсь такъ точно, какъ представляетъ его намъ правдивая исторія. Въ Рогдаѣ «мы видимъ передъ собою одного изъ тѣхъ хладнокровныхъ воиновъ-убійцъ, которые не умѣютъ прощать, для которыхъ кровопролитіе есть забава, а слезы несчастныхъ—пища».

Ратмиръ — «женолюбивый», «изнѣженный»; «для начертанія его характера нашъ стихотворецъ взялъ перо сладострастнаго Парни». Отношеніемъ поэта къ Людмилѣ В. не совсѣмъ доволенъ: Людмила «веселонравна, рѣзва, вѣрна любви своей: нѣжна и сильна душа ея, непорочно сердце. Жаль только, что авторъ не кстати шутитъ надъ ея чувствительностью; его долгъ вселить въ читателя уваженіе къ сей героинѣ; это не Фарлафъ, паяцъ поэмы. Совсѣмъ неприлично блистать остроуміемъ надъ человѣкомъ, убитымъ несчастіемъ, а Людмила несчастна». Много говоритъ авторъ о планѣ, построеніи и изложеніи поэмы и о ея слогѣ. Въ поэмѣ нѣтъ, по его мнѣнію, «начала т. е. изложенія или призыванія; поэтъ какъ будто съ неба упадаетъ на пиръ Владиміровъ; переходы также какъ у Аріоста, слишкомъ скоры изъ тона въ тонъ въ нѣкоторыхъ хотя немногихъ мѣстахъ; но ходъ ея живъ, правиленъ, не запутанъ: завязка безъ хитростей, приключенія развертываются легко, развязка проста, естественна, удовлетворительна. Эпизоды занимательны, разнообразны, хорошо привязаны къ главному дѣйствію; но повѣсть объ любви Финна и Наины авторъ желалъ бы видѣть замѣненной чѣмъ нибудь «не столько грубымъ и низкимъ»: «эпическій поэтъ ни на минуту не долженъ выпускать изъ виду своихъ слушателей, передъ коими онъ обязанъ вести себя вѣжливо и почтительно: просвѣщенная публика оскорбляется площадными шутками. Основаніе поэмы взято изъ простой народной сказки, скажутъ мнѣ; но и между простымъ народомъ есть своя благопристойность, свое чувство изящности»... «Самый приличный, самый цѣломудренный и самый лучшій по содержанію и слогу во всей поэмѣ есть эпизодъ объ отреченіи отъ міра хана хазарскаго». Талантъ поэта критикъ находитъ «гибкимъ, разнообразнымъ, ко всему готовымъ». «Въ слогѣ юнаго поэта, уже теперь занимающаго почтенное мѣсто между первоклассными отечественными писателями, видна вѣрная рука, водимая вкусомъ: нѣтъ ничего неяснаго, неопредѣленнаго, запутаннаго, печальнаго. Почти вездѣ точность выраженій, съ разборчивостью поставленныхъ; стихи, плѣняющіе легкостью, свѣжестью, простотою и сладостью, кажется, что они нестоили никакой работы, а сами собою скатывались съ лебединаго пера нашего поэта». «Сравненія, уподобленія новы, разительны, объясняютъ мысль, придаютъ ей силу, оживляютъ сухое описаніе и всегда приведены кстати». Слѣдуетъ подборъ при-

мѣровъ удачныхъ оборотовъ рѣчи. Критикъ приводитъ и маленькія погрѣшности противъ языка»: «натянутыя остроты», «вялые стихи» и «мужицкія рюмы». Въ заключеніе своего разбора В. говоритъ: «Заключимъ: «поэма «Руслань и Людмила» есть новое прекрасное явленіе въ нашей словесности. Въ ней находимъ: совершенство слога, правильность чертежа, занимательность эпизодовъ, приличный выборъ чудеснаго, и выдержанные отъ начала до конца характеры существъ сверхъестественныхъ, разнообразность и ровность въ характерахъ дѣйствующихъ героевъ и выдержанность каждаго изъ нихъ въ особенности. Прелестныя картины на самомъ узкомъ холстѣ, разборчивый вкусъ, тонкая, веселая острая шутка; но всего удивительнѣе то, что сочинитель сей поэмы не имѣетъ еще двадцати пяти лѣтъ отъ рожденія. Окончивъ литературныя наши замѣчанія, съ сожалѣніемъ скажемъ о злоупотребленіи столь отличнаго дарованія, и это не въ осужденіе, а въ предосторожность молодому автору на будущее время. Понятно, что я намѣренъ говорить о нравственной цѣли, главномъ достоинствѣ всякаго сочиненія. Вообще въ цѣлой поэмѣ есть цѣль нравственная: злодѣйство наказано, добродѣтель торжествуетъ; но, говоря о подробностяхъ, нашъ молодой поэтъ имѣетъ право называть стихи свои грѣшными. Онъ любитъ проговариваться, изъясняться двусмысленно, намекать, если сказать ему не позволено, и кстати и не кстати употреблять эпитеты: нагія, полунагія, въ одной сорочкѣ; у него даже и холмы нагія и сабли нагія. Онъ безпрестанно томится какими-то желаніями, сладострастными мечтами, во снѣ и наяву ласкаетъ младыя прелести дѣвъ, вкушаетъ восторги и проч. Какое несправедливое понятіе составятъ себѣ наши потомки, если по нѣсколькимъ грубымъ картинамъ, между прелестными картинами разставленнымъ, вздумаютъ судить о испорченности вкуса нашего въ XIX столѣтіи!»

Статья В. вызвала краткую замѣтку въ журналѣ «Благонамѣренный» и «Замѣчанія П. К-ва въ защиту Пушкина, помѣщенныя въ № 42, ч. 65 «Сына Отечества». К—въ Пушкина называетъ «юнымъ гигантомъ въ словесности нашей» и возражаетъ по существу на многія замѣчанія В. «Разсужденія и сентенціи», послѣдняго онъ считаетъ «либо ничего незначущими, либо совершенно ложными». Намайловъ назвалъ «Руслана и Людмилу» «прекраснымъ феноменомъ въ нашей словесности». «Главное достоинство этой поэмы, или, какъ другіе не менѣе строгіе критики говорятъ,— повѣсти, сказки, составляютъ по нашему мнѣнію, картинныя описанія, живость и пріятность разсказа и легкая, непринужденная версификація». (Зелинскій «Русская критическая литер. о произвед. Пушкина» ч. I).

Рѣзко отрицательнымъ отношеніемъ къ поэмѣ «Руслань и Людмила» отличалась статья помѣщенная въ № 11 журнала «Вѣстникъ Европы» за 1820 годъ, имѣющая форму «Письма къ редактору», подписанная «Житель Бутырской слободы» и принадлежавшая самому Качановскому.

Не приводимъ ее здѣсь, потому что она цѣликомъ приведена дальше въ предисловіи Пушкина ко 2-му изданію поэмы. Какъ претили слуху закоснѣлаго литературнаго старовѣра незначительные элементы народнаго стиля и языка, робко пока еще введенные Пушкинымъ въ его поэму!

Столь же отрицательно, хотя менѣе рѣзко и враждебно, отнесся къ поэмѣ «Невскій Зритель». «Чрезвычайная легкость и плавность стиховъ — отмѣнная версификація—составили бы существенное достоинство сего произведенія», говорится въ «Замѣчаніяхъ на поэму «Руслань и Людмила», помѣщенныхъ въ № 7 этого журнала за 1820 г., «если бы пінтическія красоты, въ немъ заключающіяся, не были перемѣшаны съ низкими сравненіями, безобразнымъ волшебствомъ, сладострастными картинами и такими выраженіями, которыя оскорбляютъ хорошій вкусъ»... «Должно отдать справедливость г. Пушкину: какою смѣлою и роскошною рукой раскидываетъ онъ красоты поэзіи? въ стихахъ его то живость, то легкость—кажется, будто онѣ выливались у него сами собою. Такъ велико и непримѣтно искусство! Имъ одушевлены описываемые предметы; многія картины прекрасны. Все показываетъ въ немъ поэта. При всемъ томъ надобно пожалѣть, что дарованіе не избрало для себя болѣе благороднаго и возвышеннаго предмета, а обратилось на такой, который могъ занимать тогда только, когда умъ и знанія были еще въ младенчествѣ. Кто бы подумалъ до появленія сего произведенія, что при нынѣшнемъ состояніи просвѣщенія, старинная сказка Еруслань Лазаревичъ найдетъ себѣ подражателей?» (Зелинскій. тамъ же, стр. 17—18).

Первые критическіе отзывы о поэмѣ Пушкина вызвали нѣсколько возраженій, о которыхъ говоритъ Пушкинъ въ предисловіи ко 2-му изд. Эти возраженія сосредоточились, главнымъ образомъ, въ «Сынѣ Отечества», а частію и въ «Вѣстникѣ Европы» за тотъ же годъ. Существуетъ эпиграмма И. А. Крылова, передающая впечатлѣніе отъ всей этой «критики»:

Напрасно говорятъ, что критика легка:
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы,
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

Самъ Пушкинъ, работавшій долго и напряженно надъ своей первой поэмой, не былъ ею доволенъ ни тотчасъ по ея окончаніи, ни впослѣдствіи. Извѣщая кн. П. А. Вяземскаго объ окончаніи «Руслана и Людмилы», Пушкинъ въ концѣ марта или въ началѣ апр. 1820 г. писалъ ему вотъ что: «Поэму свою я кончилъ, только послѣдній, т.-е. окончательный, стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе»... «Она такъ мнѣ надоѣла, что не могу рѣшиться переписывать ее клочками для тебя (Соч. Пушкина. Переписка изд. А. Н., т. I, стр. 15). Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву отъ 30 ноября 1825 г., говоря о готовящемся изданіи своихъ поэмъ, Пушкинъ снова говоритъ: «И отѣ мнѣ надоѣли: Руслань—молокосось...» (тамъ же, стр. 308). Тѣмъ не менѣе неблагопріятными сужденіями журнальной критики о Руслань и Людмилѣ поэтъ былъ задѣтъ за живое. Въ письмѣ къ Гнѣдичу изъ села Каменки, отъ 4 декабря 1820 года, поэтъ, между прочимъ, писалъ: «нѣкоторые №№ «Сына Отечества» доходили до меня»... «Вдохновенныя строфы» (перевода Андромахи Гнѣдича, слышанныя поэтомъ еще въ Петербургѣ) «оживили во мнѣ воспоминанія объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя я нашелъ въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В., который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ бездѣтствіи, говоритъ мнѣ: «краснѣй, нещастной! (Что, между прочимъ, очень неучтиво), говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этого нѣжнаго, чувствительнаго Кирпеджіо и смѣлою кистью Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да кирпичныхъ лошадей? Согласенъ съ мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграмматиста. «критика его для меня ужасно какъ тяжка. Допрощикъ умнѣе, а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону) умнѣе всѣхъ» (тамъ же, 23). Подъ допрощикомъ Пушкинъ разумѣетъ Зыкова, напечатавшаго въ № 38 «Сына Отечества» за 1820 г. ч. 64 «Письмо къ сочинителю критики на поэму Руслань и Людмила», изложенное въ формѣ вопросовъ (Зелинскій, стр. 80—81), а подъ отвѣтчикомъ К-ва, напечатавшаго, въ защиту поэта и его произведенія, ст. «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе г. К-ва» въ. Сынѣ Отечества за 1820 г., № 43, ч. 65 (Зелинскій тамъ же, I, 73—78).

Второму изданію своей поэмы Пушкинъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ признаетъ недостатки въ поэмѣ и приводитъ выдержки изъ критическихъ отзывовъ о ней г. В., Д. П. Зыкова, Бутырскаго критика, и Дмитріева, упоминаетъ и объ отвѣтахъ г. К-ва, называя его «антикритику остроумной и забавной». «Миѣнія обвиненія допроса» NN т.-е. Зыкова. Пушкинъ въ предисловіи скромно признаетъ «основательными», а статью В. охарактеризовалъ опредѣленіемъ «благонамѣренной». Недостатки своей поэмы Пушкинъ объясняетъ своей молодостью и разсѣянной жизнью. «Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго лицея, и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки». Въ 1830-мъ году Пушкинъ вновь коснулся воспоминаній объ отношеніи критики къ Русланъ и Людмилѣ. Въ замѣткахъ, относящихся къ этому времени находится слѣдующая: «Руслана и Людмилу вообще приняли благосклонно. Кромѣ одной статьи въ Вѣстникѣ Европы, въ которой побранили весьма неосновательно, и весьма дѣльныхъ вопросовъ, изобличавшихъ слабость созданія поэмы, кажется, не было о ней сказано худого слова. Никто не замѣтилъ даже, что она холодна. Обвиняли ее въ безнравственности за нѣкоторыя слегка сладострастныя описанія, за стихи, мною вопущенные во второмъ изданіи:

О страшный вѣкъ! волшебникъ хилый
Ласкаетъ сморщенной рукой etc.

за вступленіе, не помню которой пѣсни:

Напрасно вы въ тѣни таились, etc.

и за пародію «двѣнадцати спящихъ дѣвъ». За послѣднюю можно было меня пожурить порядкомъ, какъ за недостатокъ эстетическаго чувства. Непростительно было (особенно въ мои лѣта) пародировать, въ угожденіе черни, дѣвственное поэтическое созданіе. Были прочіе упреки, довольно пустые. Есть ли въ Руланѣ хоть одно мѣсто, которое въ вольности шутокъ могло быть сравнено съ шалостями хоть, напр., Аріоста, о которомъ помянуто твердили мнѣ? Да и вынужденное мною мѣсто было смягченное подражаніе Аріосту» (соч. П., изд. Ефремова т. V, 499—500).

Второе изданіе поэмы уже не вызвало такихъ ожесточенныхъ нападокъ на поэта, какія сопровождали первое появленіе въ свѣтъ его поэмы. Поэтъ становился кумиромъ русскаго общества; восторги и похвалы получали характеръ согласнаго, шумнаго хора. Но естественный ростъ генія поэта, проявлявшійся въ созданіи болѣе и болѣе совершенныхъ твореній, велъ за собою и ростъ русской критической мысли. Является потребность сознательно разобраться въ тайнѣ вліянія Пушкина на общество, и вмѣстѣ съ тѣмъ открывается возможность, на основаніи произведеній самого же Пушкина опредѣленнѣе и яснѣе оцѣнить значеніе «Руслана и Людмилы». Въ журналѣ «Московскій Вѣстникъ», въ статьѣ «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина», напечатанной въ № 6 за 1828 г. о поэмѣ «Руланъ и Людмила» сказано слѣд.: Ни одна изъ его поэмъ не имѣетъ той полноты и окончености, какую замѣчаемъ въ Руланѣ; каждая пѣснь, каждая сцена, каждое отступленіе живетъ самобытно и полно; каждая часть такъ необходимо вплетается въ составъ цѣлаго созданія, что нельзя ничего прибавить или выбросить, не разрушивъ совершенно его гармоніи... Черноморъ, Наина, Голова, Финнъ, Рогдай, Фарлафъ, Ратмиръ, Людмила, словомъ каждое изъ лицъ, дѣйствующихъ въ поэмѣ (выключая, можетъ быть, одного: самого героя поэмы), получило характеръ особенный, рѣзко образованный и вмѣстѣ глубокій... «Если строгая критика и найдетъ въ поэмѣ иное слабымъ, невыдержаннымъ, то, конечно не сыщетъ ничего лишняго, ничего неумѣстнаго. Рыцарство, любовь, чародѣйство, пиры, война, русалки, дѣйствующія стихіи волшебнаго міра совокупились здѣсь въ одно созданіе, и, несмотря на пестроту частей, въ немъ все стройно, согласно, цѣло. Самые приступы къ пѣснямъ, занятые у пѣвца Іоанна, сохраняя вездѣ одинъ тонъ, набрасываютъ и на все твореніе одинъ общій оттѣнокъ веселости и остроумія» (Зелинскій, II, 115—116). Кс. Полевой въ журналѣ «Московскій Телеграфъ», въ ст. «О сочиненіяхъ Пушкина», помѣщенной въ № 10, ч. 27, за 1829 годъ, писалъ: «Въ русской публикѣ давно слышны жалобы на безотчетныя похвалы сочиненіямъ Пушкина... Понимаемъ, отчего сочиненія Пушкина мало подвергались печатной критикѣ. Причина сего заключается въ томъ, что для критики недоставало данныхъ, на коихъ бы она могла основать свои выводы. Поэма «Руланъ и Людмила», русская по своему названію, по многимъ картинамъ и собственнымъ именамъ, напоминаетъ не Россію, а поэму Аріоста. Въ Руланѣ также странствующіе рыцари ищутъ красавицу, дерутся за нее и питаютъ въ душѣ своей чувства не русскихъ витязей и даже не героевъ нашего сказочнаго міра, происходящихъ, въ свою очередь не по прямой линіи отъ русскихъ богатырей, но чувства рыцарей среднихъ вѣковъ. Несообразность сія тѣмъ страннѣе въ поэмѣ Пушкина, что авторъ имѣлъ передъ глазами превосходный образецъ стараго времени въ пѣснѣ о полку Игоря. Если читатель приметъ на себя трудъ сравнить безсмертное произведеніе древняго Барда нашего съ Русланомъ и Людмилой, то онъ увидитъ, какъ несообразенъ духъ новой поэмы съ временемъ, въ немъ изображаемымъ. Что же причиною этого? Вліяніе итальянскаго поэта, котораго Пушкинъ передѣлалъ на русскіе нравы. Руланъ и Людмила имѣетъ высокое достоинство по отдѣльнымъ картинамъ и стихосложенію, удивившему читателей новостью и силою; но вообще поэма сія столько же сообразна съ древнимъ духомъ, какъ Orlando furioso съ какимъ-нибудь историческимъ лицомъ старой нашей Руси» (Зелинскій, II, 138, 142—143). Въ 1833-мъ году въ томъ же журналѣ, по поводу появленія въ свѣтъ Бориса Годунова, Полевой писалъ: «Имя А. С. Пушкина безпрерывно встрѣчалось читателямъ въ листкахъ Телеграфа съ самаго начала его изданія. Должно ли сему удивляться! Нѣтъ! Ибо, что замѣчательнѣе Пушкина представляла во все это время русская словесность?.. Пушкинъ рѣшительно не призналъ ли первымъ изъ современныхъ русскихъ поэтовъ?.. Оцѣните же дарованіе этого поэта, читая Руслана и Людмилу. Мысль объ Аріостовой эпопеѣ въ русскомъ духѣ, мысль создать поэму изъ русскихъ преданій, самое исполненіе сей мысли стихами плѣ-

нительными, когда поэту не было еще и двадцати лѣтъ,—какое начало блестящее, прекрасное, исполненное упованій! Безспорно въ Русланѣ и Людмилѣ нѣтъ и тѣни народности, и когда потомъ Пушкинъ издалъ сію поэму съ новымъ введеніемъ (У лукоморья дубъ зеленый...), то введеніе это рѣшительно убило все, что находили русскаго въ самой поэмѣ. Руссизмъ поэмы Пушкина была та несчастная, щеголеватая народность, Флоріановскій манеръ, по которому Карамзинъ написалъ Илью Муромца, Наталью боярскую дочь и Марфу Посадницу, Парѣжный Славянскіе вечера, а Жуковскій обрусилъ Ленору, Двѣнадцать спящихъ дѣвъ и сочинилъ Марьину рощу. Не хотите ли понять превосходство прелестной поэмы Пушкина? Забудьте, что она изображаетъ Русь; прочитайте, что тогда писали другіе и что писали критики тогдашніе именно о Русланѣ и Людмилѣ. Мы такъ уже удалились отъ 1820 года, когда вышла въ свѣтъ первая поэма Пушкина, такъ разрознились духомъ, направленіемъ, сущностью съ поэзіею, эстетикой и критикой тогдашними, что намъ даже трудно теперь стать на тогдашнюю точку зрѣнія, которая можетъ показать весь блескъ дарованій Пушкина относительно ко времени изданія Руслана и Людмилы. Далѣе критикъ отмѣчаетъ «превышающую всѣхъ другихъ современныхъ русскихъ поэтовъ степень, на которую сталъ Пушкинъ съ самаго появленія «Руслана и Людмилы», и обработку «нашего стиха»; «стихъ русскій гнулся въ рукахъ его, какъ мягкій воскъ въ рукахъ искуснаго ваятеля; онъ пѣлъ у него на всѣ лады, какъ струна на скрипкѣ Паганини». Идея народности въ самой поэмѣ не проявляется вообще: «Его Руслань... тѣнь, которую можете перенести куда угодно», и только во Вступленіи къ Руслану и Людмилѣ видно проявленіе самобытной народности, при чемъ критикъ полагаетъ, что изображенныя во Вступленіи картины народныхъ сказокъ дѣйствительно народны (Зелинскій, III, 171, 180, 189).

Изъ послѣдующихъ критическихъ отзывовъ мы остановимся на взглядахъ Бѣлинскаго, Анненкова и Фармакена фанъ Энде. Бѣлинскій находилъ въ Русланѣ и Людмилѣ хорошіе звучные стихи, умъ, эстетическій вкусъ и мѣстами проблески поэзіи. «Поэма эта—плодъ сильнаго, еще недрѣлаго таланта, который, кипя жаждою дѣятельности, схватился безъ разбора за первый предметъ, мысль о которомъ какъ то промелькнула предъ нимъ въ веселый часъ. Весь тонъ поэмы шуточный. Поэтъ не принимаетъ никакого участія въ созданныхъ его фантазіею лицахъ. Онъ просто—чертилъ арабески и потѣшался ихъ забавною странностію. Оттого, какъ самъ Пушкинъ справедливо замѣчалъ впослѣдствіи, она холодна. Въ самомъ дѣлѣ въ ней много граціи, игривости, остроумія; есть живость, движеніе и еще больше блеска, но очень мало жара. Въ эпизодѣ о Финнѣ проглядываетъ чувство; оно вспыхиваетъ на минуту въ воззваніи Руслана къ усѣянному костьми полю, но это воззваніе оканчивается нѣсколько риторически. Все остальное холодно». «Причиною энтузіазма, возбужденнаго Русланомъ и Людмилой, было, конечно, и предчувствіе новаго міра творчества, который открывалъ Пушкинъ всѣми своими первыми произведеніями; но еще болѣе это было просто обольщеніе невиданною дотолѣ новинкою... Въ этой поэмѣ все было ново: и стихи, и поэтъ, и шутка, и сказочный характеръ съ серьезными картинами». «Негодованія, возбужденнаго сказкою Пушкина, нельзя было бы совсѣмъ понять, если-бъ мы не знали о существованіи старовѣровъ, дѣтей привычки... Забавнѣе всего, что «Душенька» Богдановича была признаваема старовѣрами за произведеніе классическое т. е. такое, которое уже выдержало пробу времени... Несмотря на всю незначительность «Руслана и Людмилы» какъ художественнаго произведенія, смѣшно было бы доказывать неизмѣримое превосходство этой поэмы передъ «Душенькой». Сверхъ того она навѣяна была на Пушкина Аріостомъ, и русскаго въ ней, кромѣ именъ, нѣтъ ничего; романтизма, столь ненавистнаго тогдашнимъ словесникамъ ни искорки; романтизмъ даже осмѣянъ въ ней, и очень мило и остроумно въ забавной выходкѣ противъ «Двѣнадцати спящихъ дѣвъ»... Бутырскіе критики... особенно оскорбились въ Русланѣ и Людмилѣ тѣмъ, что показалось имъ въ этой поэмѣ колоритомъ мѣстности и современности въ отношеніи къ ея содержанію. Но этого-то именно совсѣмъ и нѣтъ въ сказкѣ Пушкина... Кирша-Даниловъ не пиналъ въ ней ни духомъ, ни тѣломъ, ибо въ самой худшей изъ собранныхъ имъ русскихъ пѣсенъ больше русскаго духа, чѣмъ во всей поэмѣ Пушкина»... «О прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ» дѣйствительно можно сказать: «Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ»; но этотъ прологъ явился только при второмъ изданіи поэмы, т. е. черезъ восемь

лѣтъ послѣ перваго ея изданія, стало быть, тогда, когда Пушкинъ уже настоящимъ образомъ вникъ въ духъ народной поэзіи. Первые семнадцать стиховъ, которыми начинается «Руслань и Людмила», отъ стиха «Дѣла давно минувшихъ дней» до стиха «Нидко кланяясь гостямъ» дѣйствительно пахнутъ Русью, но ими начинается и ими же оканчивается «Русскій духъ всей поэмы».

Хорошо знавшій русскую литературу умный нѣмецъ Фарнгагенъ-фонъ-Энде, писалъ въ своей статьѣ о Пушкинѣ (конецъ 1830 гг.) по поводу «Руслана и Людмилы»: «Поэма отличается въ высочайшей степени прелестью разсказа и возрастающею занимательностью; свѣжесть и краткость выраженія здѣсь весьма у мѣста... Однако же, сказкѣ недостаетъ высшаго содержанія: она ограничивается однимъ фантастическимъ, и при всемъ достоинствѣ, которое имѣетъ въ семъ отношеніи, должны мы сознаться, что поэтъ является въ ней не въ полной своей силѣ» (Зелинскій IV, 118—119). «Появленіе «Руслана и Людмилы», по словамъ Анненкова, встрѣчено было съ восторгомъ публикой и съ недоумѣніемъ тѣми людьми, которые видѣли въ ней униженіе поэзіи и вообще достоинства литературы, въ чемъ, какъ извѣстно, упрекали и преобразованія «Карамзина»... «Дѣло шло собственно о русской сказкѣ, какъ о предметѣ для эпопеи. Теперь всякому ясно, что поэма Руслань и Людмила весьма далеко отстоитъ—по духу, выраженію и облику самихъ героевъ—отъ народной сказки; но тогда разница эта не вполнѣ понималась и подала поводъ къ весьма любопытнымъ спорамъ»... «Вѣстникъ Европы» сдѣлался эхомъ ужаса, возбужденнаго въ нѣкоторыхъ людяхъ этимъ вводомъ сказочнаго русскаго міра въ область поэзіи»... «Въ «Русланѣ и Людмилѣ» заключалось и другое зерно вражды, именно тайная насмѣшка поэмы надъ чопорностью прежнихъ такъ называемыхъ русскихъ нѣсенъ и разсказовъ изъ народной жизни»... «Самъ авторъ какъ будто шутитъ надъ сказочными мотивами, которые употребляетъ въ дѣло, надъ собственными пріемами и образами. При нѣкоторомъ вниманіи легко можно замѣтить сатирическое направленіе поэмы, которое вышло разъ наружу само собой и весьма ярко именно въ 4 главѣ, гдѣ помѣщена пародія на «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ» Жуковскаго. Все это имѣетъ взятое казалось многимъ не только дерзкимъ нововведеніемъ, но почти разрывомъ со всѣми преданіями «искусства»... «Въ поэмѣ все молодо, свѣжо, исполнено порывовъ чувства, а не страсти, игривой насмѣшливости, а не ироніи. Это былъ, по нашему мнѣнію, послѣдній блестящій метеоръ того же французскаго вліянія, подъ которымъ Пушкинъ находился такъ долго. Пушкинъ впослѣдствіи удивлялся, что незамѣтили холодности его поэмы; по этому была весьма основательная причина: прелесть картинъ, свѣжесть молодыхъ ощущеній отводили глаза и мѣшали видѣть, что за всѣмъ этимъ нѣтъ истиннаго чувства». «Необычайно тщательная отдѣлка липила ее, быть можетъ, и послѣднихъ его проблесковъ. Отдѣлка эта выказалась еще строже во второмъ изданіи 1828 года, съ котораго печатались всѣ послѣдующія: тамъ было пропущено и передѣлано болѣе 12 мѣстъ, по за то присоединено вступленіе, которое по сказочному духу и народнымъ краскамъ, превосходитъ всю поэму» (Матеріалы для біогр. Пушкина. Спб. 1873, 59—61).

Всѣ приведенные до сихъ поръ отзывы о поэмѣ «Руслань и Людмила» отличаются общностью сужденій, имѣющихъ характеръ приговоровъ. Сопровождавшія ихъ изрѣдка историко-литературныя справки и указанія носили характеръ большею частью гадательный, или не отличались доказательностью и точностью. Это, въ особенности, сказывается въ статьѣ Бѣлинскаго. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ совершился замѣтный переворотъ въ отношеніи изученій Пушкина. Юбилейныя торжества, сопровождавшія исполненіе столѣтія со дня рожденія великаго поэта, вызвали необходимость поставить изученіе произведеній Пушкина на строго историко-литературную почву. Это отразилось очень выгодно на изученіи отдѣльныхъ произведеній Пушкина. Изученія приняли характеръ историко-литературныхъ монографій, углубившихъ изслѣдованіе, сообщившихъ ему детальность разработки подробностей и сообщившихъ извѣстнымъ взглядамъ и приговорамъ характеръ и значеніе научныхъ выводовъ. Въ частности поэмѣ «Руслань и Людмила» было посвящено нѣсколько монографій и статей, въ которыхъ былъ привлеченъ къ сравненію разнообразный историко-литературный матеріалъ, освѣтившій въ достаточной степени вопросъ объ отношеніи Пушкина къ современной ему литературѣ русской и западно-европейской, къ тѣмъ вліяніямъ, которыя испытывалъ поэтъ въ ту пору своего творчества, когда писалась поэма «Руслань и Людмила». Главными трудами, посвящен-

ными изученію нашей поэмы являются: Л. Поливанова, Предисловіе къ поэмѣ «Русланъ и Людмила» въ его изданіи «Сочиненій Пушкина съ объясненіями ихъ и сводомъ критики» «для семьи и школы» т. II, стр. 1—22. М. 1887 г. П. В. Владимірова «Происхожденіе «Руслана и Людмилы» А. С. Пушкина», Кіевскія универс. изв. 1895 г. № 6, и его же «Пушкинъ и его предшественники въ русской литературѣ», тамъ же, 1899 г., май, и отдѣльно; «Памяти Пушкина, научно-литературный сборникъ, составленный профессорами и преподавателями Императорскаго университета св. Владиміра», Кіевъ, 1899 г.; А. И. Кирпичникова, «Очерки по исторіи новой русской литературы», изд. 2-ое, М., 1903 г.; П. И. Черняева, «Критическія статьи и замѣтки о Пушкинѣ», Харьк., 1900 г., ст. XX «О Русланѣ и Людмилѣ»; П. И. Шеффера, Изъ замѣтокъ о Пушкинѣ, «Русланъ и Людмила» (въ Сборникѣ Памяти Л. И. Майкова и отдѣльно. Спб. 1902); М. Г. Халанскаго, «Къ созданію поэмы Русланъ и Людмила», стр. 411—415, Харьковскій Университетскій Сборникъ въ память Пушкина, Харьковъ, 1900 г.; В. В. Сиповскаго «Русланъ и Людмила» (къ литературной исторіи поэмы), въ академическомъ изданіи «Пушкинъ и его современники», т. I, вып. IV, стр. 59—84 и др.

При свѣтѣ новыхъ изслѣдованій затрагивавшіеся предшествующей критикой историко-литературные вопросы, связанные съ «Русланомъ и Людмилой», главнымъ образомъ вопросы объ отношеніяхъ Пушкина къ русскому сказочному эпосу, къ русскому народному творчеству, съ одной стороны, къ Аріосту, Виланду, Флоріану, Вольтеру, съ другой—получаютъ иное рѣшеніе. Предлагаемъ здѣсь посильный сводъ того, что добыто совокупными усиліями названныхъ изслѣдователей.

Самъ Пушкинъ въ «Посвященіи» характеризуетъ свою поэму словами «временъ минувшихъ небылицы». Въ текстѣ поэмы онъ называетъ ея содержаніе «преданьями старины глубокой» (пѣснь I, ст. 2), «старинными былями» (VI, 3), «пѣснями правдивыми» (V, 426), въ эпилогѣ—«преданьями темной старины», а во «вступленіи», написанномъ черезъ 5—6 лѣтъ послѣ самой поэмы, называетъ ее просто «сказкой». Характеризуя тонъ поэмы, онъ называетъ ее «повѣстью забавной» (IV, 94), «легкимъ вздоромъ», «трудомъ игривымъ» и даже «пѣснями грѣшными». Такимъ образомъ, самъ поэтъ относилъ «Руслана и Людмилу» къ категоріи произведеній сказочно-богатырскаго характера, съ примѣсью кое-какихъ историческихъ ассоціацій или намековъ, или мотивовъ. Такія произведенія существовали въ русской литературѣ въ концѣ XVIII и самомъ началѣ XIX ст. и назывались на языкѣ ихъ авторовъ «богатырскими пѣснотвореніями», «сказками» «волшебными повѣстями» и проч. Укажемъ Попова Михаила «Славенскія древности или приключенія славенскихъ князей» (Спб. 1770—1771); Чулкова Михаила «Русскія сказки, содержащія древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и прочія, оставшіяся черезъ пересказываніе въ памяти приключенія» (М., 1780—1783); Карамзина «Илья Муромецъ» (1795 г.); Николая Радищева «Альоша Поповичъ» и «Чурила Пленковичъ»—богатырскія пѣснотворенія (М., 1801 г.); «Славянскіе вечера» Парѣжнаго; Жуковскаго «Вадимъ» (1803); Львова «Добрыня» (1804 г.); «Три пояса» Жуковскаго же (1808 г.) и друг. Названныя произведенія русской литературы примыкаютъ къ аналогичнымъ произведеніямъ сказочнаго, героическаго и волшебно-фантастическаго содержанія западно-европейской литературы, опредѣлявшимъ ихъ характеръ и даже до извѣстной степени содержаніе. Изъ этой современной Пушкину литературы, которую онъ прекрасно усвоилъ еще до поступленія въ Лицей при посредствѣ библіотекъ своего отца и дяди Василія Львовича, нашъ поэтъ заимствовалъ какъ сюжетъ поэмы, такъ и отдѣльные мотивы ея. Что касается стиля и тона поэмы, то и въ этомъ отношеніи она примыкаетъ къ тому, небольшому еще сравнительно въ XVIII в., числу произведеній, въ которыхъ свѣжей и сильной струей пробивался народный языкъ, веселость и непринужденность тона и которыя привлекали къ себѣ симпатіи юнаго поэта, можетъ быть, не безъ вліянія въ данномъ случаѣ В. Л. Пушкина, служившаго практически именно этому роду поэзіи. Таковы поэмы В. И. Майкова «Елисей или раздраженный Вакхъ», Богдановича «Душенька», Хераскова «Бахаріана», В. Л. Пушкина «Опасный Сосѣдъ» и нѣкоторыя другія. Мысль о сказочной поэмѣ, относящейся къ русской старинѣ, у Пушкина первоначально концентрировалась около личности Игоря и Ольги: въ Лицеѣ у него былъ планъ поэмы «Игорь и Ольга», оставшійся неосуществленнымъ; въ 1815—16 г.г. у него

же была мысль о литературной обработкѣ сказки «Бова», осуществленная въ написанномъ отрывкѣ изъ этой поэмы. Отсутствіе продолженія «Бовы» объясняется (ср. выше примѣч. къ «Бовѣ») слѣдующими строками письма Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 27 марта 1816 г.: «Обнимите Батюшкова за того больного, у котораго онъ годъ тому назадъ завоевалъ Бову королевича».

Основнымъ мотивомъ поэмы «Руслан и Людмила», какой ея, служитъ литературно-сказочный мотивъ похищенія невѣсты и отысканія ея героемъ: этотъ мотивъ поэтъ сочеталъ съ историческими преданіями о Владимірѣ и набѣгахъ на Кіевъ при немъ печенѣговъ. На фонѣ этого основного мотива фантазія юнаго поэта, напитанная образами и мотивами современной литературы волшебно-рыцарскихъ романовъ, дала рядъ картинъ, сценъ и положеній, «вышла новые узоры», которые составляютъ содержаніе поэмы. Представляя въ историко-литературномъ отношеніи завершеніе у насъ въ русской литературѣ вѣковой исторіи «волшебно-рыцарскаго романа», поэма является и высшимъ пунктомъ этой исторіи, дальше котораго литературная эволюція въ данномъ направленіи прекратилась. Изъ указанной «массовой», какъ говоритъ В. В. Сиповскій, литературы Пушкинъ заимствовалъ большинство какъ собственныхъ именъ своихъ героевъ, такъ и самыхъ отдѣльныхъ сюжетовъ. Изъ произведеній иностранной литературы, отразившихся на поэмѣ «Руслан и Людмила», несомнѣнно вліяніе сказокъ «рѣзваго» Гамильтона, Ліостовскаго «Orlando furioso и «Жанны Орлеанской», («La Pucelle») Вольтера, которую самъ Пушкинъ-лицеистъ называлъ «книжкой славной, золотой, незабвенной, катехизисомъ остроумія» (въ стихотвореніи «Бова»).

Собственное имя героини поэмы, задуманной поэтомъ, кажется, ранѣе героя—Людмила—одно изъ излюбленныхъ именъ русской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка; такъ называются: героиня въ балладѣ Карамзина «Раиса», написанной въ 1791 г.; главная героиня поэмы Николая Радищева «Альона Поповичъ», сказки Жуковскаго «Три пояса» и баллады «Людмила» его же. Имя Людмилы впервые называетъ Пушкинъ въ посланіи «Къ сестрѣ» 1814 г., намекая на балладу Жуковскаго:

И быстрою стрѣлой
На Невскій брегъ примчуся,
Съ подругой обнимуся
Весны моей златой
И какъ пѣвецъ Людмилы,
Мечты невольникъ милый,
Взошедъ подъ отчій кровъ,
Несу тебѣ не злато—
Чернецъ я небогатой—
Въ подарокъ цукъ стиховъ.

Имя главнаго героя поэмы—Руслан, вѣроятно, заимствовано изъ повѣсти Богдановича «Славяне» (1787 г.), въ которой выведенъ Руслан, посолъ славянскій, защитникъ славянскихъ доблестей передъ Александромъ Македонскимъ, влюбленный въ Доброславу и соединяющійся со своей возлюбленной послѣ цѣлаго ряда препятствій. Богдановичъ въ своей повѣсти имѣлъ въ виду очевидно свидѣтельство русскихъ хронографовъ XVII вѣка о дипломатическихъ сношеніяхъ славянскихъ князей Асана, Великосана и Авенхасана съ Александромъ Македонскимъ. Мало вѣроятнымъ представляется теперь мнѣніе о томъ, что имя Руслан есть измѣненіе Еруслана сказки объ Еруслан Лазаревичѣ.

Черномор, врагъ Руслана и похититель Людмилы, взятъ изъ «богатырской пѣсни» Карамзина «Илья Муромецъ», въ которой разсказывается, между прочимъ, объ усыпленіи злымъ, хитрымъ волшебникомъ Черномором красавицы и о пробужденіи ея при помощи талисмана доброй волшебницы Веславы. Съ другой стороны, своимъ пребываніемъ въ полношныхъ горахъ (I, 227) онъ напоминаетъ Змѣя Горыныча былинъ, съ которыми могъ познакомиться поэтъ по сборнику Кирши Данилова. Именемъ богатыря Рогдая, взятымъ изъ Никоновской лѣтописи, ранѣе Пушкина воспользовались Нарѣжный въ «Славянскихъ вечерахъ» и Жуковскій въ повѣсти «Марьина роща». Ратмиръ въ формѣ Радмиръ и въ роли болгарскаго князя былъ выведенъ Батюшковымъ въ пов. «Предслава и Добрыня».

Этнографическое имя вмѣсто какого-либо собственнаго добродѣтельнаго волшебника, помогающаго Руслану Финна могло быть, подсказано Пушкину желаніемъ придать своей поэмѣ черты древне-русской исторической дѣйствительности, указаніемъ на тѣсныя связи съ финнами, которые, по словамъ исторіи Карамзина, «славились мнимымъ волшебствомъ еще болѣе, нежели храбростію» (гл. II).

Кіевскій князь Владиміръ среди богаты-

рей и 12-ти своихъ сыновей, нѣвещъ Баянъ, враги печенѣги фигурируютъ въ сказкахъ Чулкова, съ которыми Пушкинъ былъ хорошо знакомъ. Но вполнѣ возможно, что Пушкинъ успѣлъ познакомиться въ періодѣ созданья «Руслана и Людмилы» и съ лѣтописью Никоновской, и съ древними русскими стихотвореніями Кирши Данилова, и со словомъ о Полку Игоревѣ при помощи или посредствѣ Карамзина и Жуковскаго.

Изъ современной литературы конца XVIII и начала XIX в. заимствовалъ Пушкинъ большинство отдѣльныхъ эпизодовъ поэмы..

«Вступленіе» къ поэмѣ, написанное черезъ 5—6 лѣтъ послѣ самой поэмы, отражаетъ, во 1-хъ, начало одной изъ сказокъ, слышанныхъ поэтомъ отъ няни Арины Родіоновны (У морь-моря, у лукоморья стоитъ дубъ, и на томъ дубу золотыя цѣпи, и по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ: вверхъ идетъ—сказки сказываетъ, внизъ идетъ—пѣсни поетъ); во-вторыхъ, слѣдующее мѣсто изъ Посланія «учителя» поэта—Жуковскаго къ Воейкову, написанное въ 1814 году:

Какъ за прозрачной пеленою
Я вижу древни чудеса.
Вотъ наше солнышко краса
Владиміръ князь съ богатырями,
Вотъ Днѣпръ кипитъ между скалами,
И басурмановъ тьмы какъ пруги
Вокругъ зубчатыхъ стѣнъ кипятъ:
Сверкаютъ шлемы и кольчуги;
Отъ кликовъ, топота коней,
Отъ стука палицъ, свиста пращей
Далеко слышенъ гулъ дрожащій;
Вотъ дивной облеченъ броней,
Добрыня богатырь могучій
И конь его Златокопытъ
Чрезъ степи и лѣса дремучи
Не скачетъ витязь, а летитъ,
Громя Зилантовъ и Полкановъ
И вѣдьмъ и чудъ и великановъ
И въ тайнѣ дѣвица краса
За дальни стени и лѣса
Во слѣдъ ему летитъ душою;
Склонясь на руку головою
На путь изъ терема глядитъ
И такъ въ раздумьи говоритъ:
«О вѣтеръ, вѣтеръ, что ты вьешься?
Ты не отъ милаго несешься,
Ты не принесъ веселья мнѣ,
Играй съ косаткой въ вышинѣ,
Но поднебесью съ облаками,
Но синю морю съ кораблями —
Стрѣлу пернатую отвѣй
Отъ друга—радости моей».
Краса-дѣвица поетъ—плачетъ;
А другъ по долямъ, холмамъ скачетъ,
Летя за тридевять земель...
Тамъ бьется съ бабою-ягой...
И вотъ внезапно занесенъ
Въ жилище чародѣевъ онъ:
Предъ нимъ черньетъ лѣсъ ужасный;
Сіяетъ блескъ вдали прекрасный
Чѣмъ ближе онъ—тѣмъ далѣ свѣтъ:
То тяжкій филина полетъ,
То врановъ раздается рокотъ;
То слышится русалки хохотъ;
То вдругъ изъ-за сѣдого пня
Выходитъ лѣшій коздоногій;
И вдругъ стоятъ предъ нимъ чертоги.
Какъ будто слиты изъ огня—
Дворецъ Волшебный царь-дѣвицы;
Красою бѣлыя колницы,
Двѣнадцать дѣвъ къ нему идутъ
И пѣснь привѣтствія поютъ.

Сходство отдѣльныхъ образовъ «Вступленія» и «Посланія» дополняется тождествомъ стихотворнаго размѣра обоихъ произведеній.

Похищеніе Людмилы Черноморомъ, самый способъ и моментъ похищенія—обычная завязка русскихъ волшебно-рыцарскихъ романовъ; встрѣчается этотъ мотивъ и въ Оберонѣ Виланда и отчасти въ Неистовомъ Орландѣ Аріосто. Въ русскомъ романѣ «Незверженный Зелуль», напр., говорится»: «Въ первый еще день брачнаго союза, когда Гименъ готовился уже увѣнчать взаимную любовь Клеоринда и его жены), безчеловѣчный Зелулъ «гнусный эфіонъ» исторгъ ее изъ нѣжныхъ объятій своего супруга и разрушилъ готовый совершиться бракъ» (В. В. Сиповскій, I, с. 71). Въ III пѣснѣ «Оберона» Виланда разсказываетъ такъ о похищеніи исполиномъ Ангулаферомъ, «безопаснымъ отъ ударовъ меча и копья» своей жены князь горы Ливанской: «Въ ночь моего брака, когда я уже, какъ супругъ, готовился развязать ея поясъ, пришелъ сей хищный волкъ, вырвалъ изъ объятій моихъ сію невинную агницу и унесъ» (Оберонъ, перев. сочинителя русскихъ сказокъ, М., 1787 г., стр. 47). Въ «Неистовомъ Орландѣ», сходно съ «Русланомъ и Людмилой», разсказывается о похищеніи Брадаманты. Образъ встрѣча «цыплятъ селенья похитителя» напоминаетъ сравненіе похитителя съ коршуномъ, похищающимъ цыпленка, у Аріосто въ той-же сценѣ.

Помѣщеніе Черномором похищенной Людмилы въ роскошныхъ чертогахъ, гдѣ она окружена всяческимъ довольствомъ, гдѣ всѣ прихоти ея исполняются безъ замедленія—одно изъ «общихъ мѣстъ» волшебно-рыцарскихъ русскихъ романовъ XVIII в.

Безсиліе Черномора овладѣть Людмилой находитъ объясненіе въ той-же литературѣ: «чародѣи и волшебники могли наслаждаться любовью своихъ плѣнницъ только тогда, когда онѣ отдавались имъ добровольно: надъ любовью была безсильна ихъ наука» (В. В. Сиповскій, I. с. 64). Общимъ мѣстомъ является и сцена въ концѣ IV пѣсни, гдѣ разсказывается объ уловкѣ, къ которой прибѣгнулъ Черноморъ, чтобы «поймать» Людмилу и овладѣть ею (ст. 288—327).

Характеристика Людмилы сдѣлана Пушкинымъ подъ непосредственнымъ и сильнымъ вліяніемъ La pucelle Вольтера, что доказалъ приведеніемъ параллелей П. И. Шеффферъ (I. с. стр. 4—5 примѣч. 2).

Встрѣча Руслана съ добродѣтельнымъ волшебникомъ старцемъ Финномъ, живущимъ въ пещерѣ, ближе всего напоминаетъ встрѣчу Алеши Поповича со старцемъ — волшебникомъ, выведеннымъ П. Радищевымъ въ его поэмѣ «Альона Поповичъ» пѣснь 2-ая (изд. 1801 стр. 44—49), а затѣмъ аналогичные эпизоды съ добродѣтельными волшебниками и волшебницами въ тогдашней литературѣ волшебно-рыцарскихъ романовъ. Герои этихъ повѣстей «передъ долгими и опасными блужданіями по бѣлу свѣту встрѣчаютъ поддержку у добрыхъ волшебниковъ и волшебницъ, мудрецовъ и отшельниковъ, къ которымъ попадаютъ случайно или нарочно. Обозрѣвъ героя, ихъ покровители обыкновенно открываютъ имъ имя похитителя ихъ женъ или невѣстъ, снабжаютъ совѣтами и вооружаютъ различными талисманами» (В. В. Сиповскій I. с. 67).

Исторія отношеній Финна къ Наинѣ отражаетъ вліяніе «рѣзваго» Гамильтона[1]. Въ его «Зенандѣ» является красавица Альбофледъ, которой также тщетно выражаютъ любовь юноши и умираютъ отъ любви къ ней; ее не трогаетъ ничто, кромѣ красоты и блеска ея собственныхъ глазъ. Но оборотень (богъ любви) побѣждаетъ ее и она теряетъ свою красоту и превращается въ уродливую старуху и впослѣдствіи дѣлается волшебницей. «Въ цвѣткѣ терновника» старая колдунья Данто преслѣдуетъ своей страстью юнаго принца Фениксъ, требуя, чтобы онъ женился на ней, подобно Наинѣ, которая посылала страстью къ Финну» (Поливановъ I. с. 9).

Прототипъ коварнаго и трусливаго Фарлафа В. В. Сиповскій видитъ въ хозарскомъ ханѣ Трухтарѣ, женихѣ Милославы, въ «Славянскихъ древностяхъ» Попова (I. с. 68). Встрѣча его съ «неукротимымъ Рогдаемъ» напоминаетъ описаніе встрѣчи Алеши съ неизвѣстнымъ витяземъ, оказавшимся переодѣтой Людмилой въ богатырской поэмѣ Николая Радищева.

Превосходная картина поля, усѣяннаго человѣческими костями, на которое вступаетъ Руславъ, и думы его о суетности человѣческихъ мечтаній о славѣ и о смерти, видъ живой головы, снятой съ неизвѣстнаго героя-исполина, покоившейся сномъ на томъ полѣ,—все это мотивы, заимствованные изъ подобныхъ сценъ и положеній въ «Русскихъ сказкахъ» Чулкова: «Сильславъ, безъ оружія носца и копья, грустный бредетъ куда глаза глядятъ; странствуя очень долго, нашелъ онъ многочисленное порубленное воинство. Обширное и пространное поле все покрыто было мужскими тѣлами. Такое зрѣлище смутило его духъ и вселило въ него любопытство. Онъ очень долго разсматривалъ трупы, которые находились въ разныхъ положеніяхъ; наконецъ по серединѣ сего умершвленнаго ополченія увидѣлъ онъ голову, подлѣ которой находилось тѣло, котораго платье и вооруженіе показывали его военачальникомъ... Голова сія открывала и закрывала глаза свои истомленные. Герой вступаетъ въ разговоръ съ головой» (В. В. Сиповскій I. с. 74). Герой другой сказки Булатъ тоже «очутился на пространномъ полѣ, покрытомъ мертвыми человѣческими костями; переломанное или заржавѣвшее оружіе всюду разбросанное показывало бывшее нѣкогда на мѣстѣ ономъ кровопролитное сраженіе. Въ уединеніи оставляютъ человѣка всякія пристрастія и предаютъ сердце его естественнымъ разсужденіямъ. Булатъ размышлялъ о суетности человѣческихъ дѣйствій, объ ослѣпленіяхъ мщенія и ложной славы, принуждающихъ ихъ ненавидѣть, гнать и убивать другъ друга, и можетъ быть извлекъ бы заключеніе, что нѣтъ для нихъ лучшаго, какъ жить въ покоѣ». Булатъ увидѣлъ богатырскую голову, валяющуюся въ безчестіи и лишенную погребенія; онъ захотѣлъ предать кости погре-

[1] Ср. выше стр. 78—79.

бенію и «подъ черепомъ богатырскимъ нашелъ великій мечъ вмѣсто возглавія» (l. c.).

Пребываніе Ратмира въ очарованномъ замкѣ, населенномъ «милыми отшельницами» и чувственныя утѣхи, имъ встрѣченныя, какъ преграды къ цѣли его странствованій, по указанію В. В. Сиповскаго—также общее мѣсто романовъ волшебно-рыцарскаго типа. Такъ напр., «Силославъ во время поисковъ своей возлюбленной попадаетъ въ роскошный замокъ населенный красавицами. Въ этомъ замкѣ, «домѣ угощенія» все роскошно. «Началъ бить благовонный водометъ и орошать всѣ стѣны, отъ чего поднялся легкой и пріятной паръ, наполнивъ все зданіе теплотою; тогда казалось, что будто теплые зефиры обмахивали крыльями Силославово тѣло. Въ такой покоясь роскоши, почувствовалъ Силославъ нѣжнѣйшее разслабленіе членовъ и сладкое млѣніе души». «Послѣ легкаго сна красавицы повели его обѣдать: кушанья, разговоры, собесѣдницы, музыка,—все наполнено было великолѣпіемъ и нѣжностью». Красавицъ 3000 и всѣ прелестны. Онѣ ему заявили, что замокъ ихъ весь наполненъ женщинами, что ихъ «должность принимать чужестранцевъ и оныхъ угощать по ихъ соизволенію». «Ежели ты имѣешь намѣреніе препроводить здѣсь свой вѣкъ, то можешь пользоваться всѣми этими красавицами: онѣ будутъ всѣ во власти твоей»,—сказала ему одна изъ красавицъ... Силославъ съ восторгомъ остался въ замкѣ, «препровождавъ время, получая всякой день новыя благосклонности отъ перемѣняющихся красавицъ. Восхищался роскошами, услаждалъ зрѣніе свое разными великолѣпіями сего замка, и такъ не оставалось ему ничего иного думать, какъ только, что онъ во всемъ свѣтѣ не можетъ найти увеселенія лучшаго и достойнѣйшаго»... Какъ у Пушкина «и этотъ замокъ оказался волшебнымъ, и когда разрушены были горы, онъ исчезъ со всѣми красавицами и роскошью (l. c. 72, со ссылками на «Пересмѣшника» въ «Русскихъ Сказкахъ» Чулкова, стр. 159, 160, 161, 165, 166, 174). Баня въ замкѣ двѣнадцати дѣвъ близко подходитъ къ соотвѣтствующему мѣсту La Pucelle, въ I пѣснѣ (Чернявъ 611).

Увлеченіе Ратмира именно какъ хазарскаго хана чувственными удовольствіями могло быть подтомъ задумано въ зависимости отъ указанія исторіи Карамзина на многоженство хазарскихъ кагановъ («у царя хозаръ или кагана 25 женъ и 60 наложницъ», прмѣч. 90 къ I т.); оно является до извѣстной степени для Ратмира возвращеніемъ къ привычной обстановкѣ жизни; можетъ быть въ связи съ этимъ стоитъ и превращеніе Радмира болгарскаго князя повѣсти Батюшкова, въ хазарскаго князя Ратмира. Увлеченіе Ратмира пастушкой и идиллическая жизнь его на лонѣ природы тоже напоминаетъ сходный эпизодъ въ русскихъ сказкахъ Чулкова, именно разсказъ о жизни Добра и Милостаны послѣ ряда треволненій, въ бѣдности, рыбаками и въ счастіи. Добръ о жизни своей говоритъ: «Предались мы всѣмъ пріятностямъ нѣжнаго союза. Мы любили другъ друга съ горячностію и посреди пустыни, удаленной отъ сообщества съ прочими человѣками, не видали скуки. Мы раздѣляли труды рыболовства; любовь рождала намъ ежечасно новые предлоги къ разговорамъ; каждая рощица, всякій лужокъ приглашали насъ; мы считали себя единою четою на свѣтѣ и привыкли къ нашему уединенью» (l. c. 68 съ ссылкой на Русскія сказки, стр. 119. 120). Несомнѣнно въ образѣ Ратмира впервые Пушкинымъ представлены тѣ черты, которыя позднѣе дали матеріалъ для образовъ Кавказскаго Плѣнника и Алеко. Роскошный садъ Черномора, чудесно устроенный въ сѣверныхъ горахъ, напоминаетъ чудесные сады въ сказкахъ Гамильтона напримѣръ въ Le Bélier и въ другихъ (Поливановъ, 10). Усыпленіе Людмилы Черноморомъ въ виду опаснаго врага, какимъ для него являлся Русланъ—нерѣдкій мотивъ волшебно-рыцарскихъ романовъ: въ нихъ злые чародѣи или погружаютъ героинь въ волшебный сонъ или превращаютъ ихъ въ какіе-либо иные предметы или существа, и это происходитъ обыкновенно передъ развязкой романа.

Шапка-невидимка, при помощи которой Людмила скрывается отъ Черномора—образъ взятый изъ русскихъ сказокъ. Ср., напр., сказку объ Иванѣ-Царевичѣ и его супругѣ царь-дѣвицѣ, напечатанной въ «Лѣкарствѣ отъ задумчивости и безсонницы» въ 1819 г. Были и другія изданія (ср. Ровинскій, Рус. нар. картинки, I, № 36). Полетъ Руслана съ Черноморомъ въ сценѣ ихъ битвы встрѣчается въ волшебныхъ повѣстяхъ и романахъ. Такъ напр. «Чародѣй Зелулъ летитъ, а въ него вцѣпился Клеоронтъ. Зелулъ обращается въ разныхъ чудовищъ, но герои не выпускаетъ его» (В. В. Сиповскій l. c. 71).

Поѣздка Руслана съ Людмилой въ Кіевъ, убійство перваго и отнятіе второй ковар-

ВИНЬЕТКА ОЛЕНИНА КЪ «РУСЛАНУ и ЛЮДМИЛѢ».

Приложеніе къ 1 изданію (*Спб. 1820*).

нымъ Фарлафомъ и исцѣленіе Руслана Финномъ при помощи мертвой и живой воды—мотивы сказокъ; напр., Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, жаръ-птицѣ и сѣромъ волкѣ (Ровинскій, Рус. нар. карт., I, № 40), первыя печатныя изданія которой относятся къ нач. XVIII в. и 20-мъ годамъ XIX-го.

Осада Кіева печенѣгами, битва съ ними Руслана и освобожденіе Кіева отъ нихъ—лѣтописный мотивъ, ассоціировавшійся съ мотивомъ сказки объ Иванѣ-богатырѣ крестьянскомъ сынѣ, именно съ сюжетомъ о битвѣ этого богатыря съ войскомъ Полкана богатыря, напавшаго на Китайское царство (Ровинскій, I, 167).

Произведенное подробное, детальное сравненіе мотивовъ поэмы съ мотивами современной Пушкину литературы даетъ основаніе приблизительно точно уже опредѣлить ея источники и вообще историко-литературныя отношенія. Несмотря на значительную зависимость содержанія поэмы отъ содержанія русской литературы волшебно-рыцарскихъ повѣстей, все-таки трудно согласиться съ утвержденіемъ В. В. Сиповскаго, «что почти все содержаніе поэмы «Руслан и Людмила» еще въ XVIII в. было у насъ сплошнымъ «общимъ мѣстомъ»; что «въ ней нѣтъ ни одного эпизода, который не нашелъ бы себѣ нѣсколькихъ прототиповъ даже въ одной русской волшебной романистикѣ»; что «русскій читатель въ «Русланѣ и Людмилѣ» увидѣлъ все давно знакомое, по изложенное не въ грубой прозѣ XVIII в. архаистическимъ топорнымъ стилемъ, а въ легкихъ, прекрасныхъ стихахъ, плавныхъ и звонкихъ, сверкающихъ то юношески-дерзкимъ юморомъ, то граціозною фривольностью» (I. с. 73, 75, 76). Если бы дѣйствительно русскій читатель 20-хъ годовъ въ «Русланѣ и Людмилѣ» увидѣлъ все давно знакомое,—критика поставила бы поэту это на видъ; но этого не было; напротивъ, враждебная поэту критика отмѣтила въ поэмѣ интересъ новизны. Несомнѣнно, въ самомъ содержаніи, въ самыхъ эпизодахъ поэмы были нѣкоторые мотивы, впервые усвоенные Пушкинымъ русской литературѣ (напр., расиря Финна и Наины). Затѣмъ поэму Пушкина отличаетъ чувство мѣры и изящнаго въ подборѣ волшебно-сказочнаго содержанія и выборъ изъ наслѣдія литературнаго XVIII в. того, что ближе подходило къ русскому сказочному міру. Наконецъ, у Пушкина мы видимъ и больше серьезнаго вниманія къ историческому національному преданію и къ указаніямъ и голосу «трезваго историка»: Пушкинъ стремился стать «печальной истины поэтомъ» (IV, 24), стремился къ тому, чтобы его пѣсни были «правдивыми» (V, 426), и чтобы содержаніе поэмы заключало «старинныя были» (VI, 3). Этими чертами поэма примыкаетъ уже къ литературѣ XIX в., къ тому направленію творчества Пушкина, которое выразилось позднѣе и въ пѣснѣ о вѣщемъ Олегѣ, и въ изложеніяхъ народно-поэтическихъ мотивовъ, и въ «Капитанской дочкѣ». Провозглашенные въ поэмѣ и хотя и въ слабой степени оправданные, насколько позволяло состояніе русскихъ народно-поэтическихъ и историческихъ изученій, принципы правды и народности литературы дѣлали ее «романтической поэмой». Она отражала наиболѣе ясно и рельефно, чѣмъ это было у кого-либо изъ современниковъ, тѣ задачи новаго литературнаго направленія, которыя частію сложились, частію слагались въ теоретическихъ предположеніяхъ членовъ Арзамаса, нашихъ первыхъ романтиковъ. Въ самомъ тонѣ поэмы, въ отношеніи поэта къ ея содержанію было много такого, что дѣлало ее боевой, что имѣло характеръ протеста противъ напыщенности, модульности, искусственности господствовавшаго тогда направленія; словомъ, были элементы того направленія, которое ярко и во всей полнотѣ выразилось позднѣе и которое самъ Пушкинъ называлъ «парнасскимъ аѳеизмомъ». Это публика и почувствовала и отмѣтила въ прозваніи Пушкина «пѣвцомъ «Руслана и Людмилы».

Мы отмѣтили выше слѣды несомнѣннаго вліянія на поэму мотивовъ и образовъ, взятыхъ изъ русскихъ сказокъ: по среди нихъ не было сказки о Еруланѣ Лазаревичѣ. Предположеніе, твердо державшееся въ литературѣ, о вліяніи сказки объ Еруланѣ Лазаревичѣ на поэму «Руслан и Людмила» нужно теперь считать окончательно устраненнымъ. По несомнѣнно также, что знакомство Пушкина съ русскимъ сказочнымъ міромъ было очень слабое, ограничивавшееся нѣсколькими печатными изданіями сказокъ. Несомнѣнно также, что Пушкинъ свободно обращался съ сказочнымъ матеріаломъ, не отличая дѣйствительно фольклорныхъ мотивовъ отъ мотивовъ книжныхъ и сочиненныхъ. И это касается не только самой поэмы, но и знаменитаго вступленія къ ней или пролога, о которомъ Бѣлинскій со свойственнымъ ему паѳосомъ сказалъ, что о немъ «дѣйствительно можно сказать: тутъ русскій духъ, тутъ Русью пах-

петъ». Съ современной точки зрѣнія можно сказать, что и въ прологѣ столько же русскаго духу и столько же пахнетъ Русью, сколько и во всей поэмѣ. Даже знаменитые «Лукоморье» и «Котъ ученый» пролога объясняются вѣроятнѣе изъ литературныхъ, книжныхъ источниковъ. Но нужно помнить, что самое содержаніе русскаго фольклора раскрывалось медленно и современныя научныя воззрѣнія на фольклоръ и на вопросъ объ отношеніи его къ книжной словесности въ сущности сходятся съ тѣмъ практическимъ рѣшеніемъ его, какое далъ Пушкинъ въ «Русланѣ и Людмилѣ». Универсальность сюжетовъ фольклора и зависимость его отъ творчества книжнаго или индивидуальнаго—результатъ только новѣйшихъ изученій. Въ ихъ свѣтѣ свободное отношеніе Пушкина къ чудесно-фантастическимъ сюжетамъ и пріуроченіе ихъ къ національному преданію—есть актъ геніальнаго предвидѣнія, проявленіе той черты геніальности, которая сказывается въ освобожденіи отъ узкихъ теорій, что самъ поэтъ такъ чудесно выразилъ въ XI—XII строфахъ «Родословной моего героя»:

Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ,
Передъ кумирами златыми
Проходишь ты уныль и нѣмъ.
Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
Ни нужды, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда.
Глупецъ кричатъ: куда, куда?
Дорога здѣсь! Но ты не слышишь
Идешь куда тебя влекутъ
Мечтанья тайныя (вар. мечты
свободныя).

Таковы результаты современнаго намъ историко-литературнаго изученія поэмы «Руслан и Людмила». Какъ видимъ, поэма оказывается по своему составу произведеніемъ довольно сложнымъ, можно сказать даже мозаичнымъ. Но эта пестрота состава нисколько не мѣшаетъ ея стройности, какъ художественнаго цѣлаго. Въ ней нѣтъ ненужныхъ длиннотъ, излишнихъ отступленій, все кстати, на своемъ мѣстѣ. Заимствованные эпизоды изложены оригинальнымъ языкомъ, освѣщены одной общей идеей, проникнуты свѣтлымъ и жизнерадостнымъ настроеніемъ молодого поэта, выступавшаго на поэтическое поприще съ опредѣленнымъ и ясно сложившимся кругомъ литературныхъ воззрѣній. Впрочемъ, отъ заимствованій не бываетъ свободенъ ни одинъ поэтъ даже въ пору полной зрѣлости своего таланта. Для современныхъ Пушкину читателей, повидимому, даже вовсе не интересовала сторона заимствованій въ поэмѣ Пушкина, ея литературные источники. Они были увлечены занимательностью содержанія поэмы, красотами ея языка и поэтическаго стиля и общимъ тономъ и характеромъ ея. Никому не было дѣла до вялыхъ, тяжелыхъ и аляповатыхъ по содержанію и языку процзведеній, которыми, по предположеніямъ, Пушкинъ могъ пользоваться какъ источниками для своей поэмы.

Для того, чтобы понять восторгъ первыхъ читателей «Руслана и Людмилы», нужно имѣть въ виду, что поэма появилась въ періодъ борьбы послѣдователей «стараго слога» или ложно-классицизма съ послѣдователями «новаго слога» или съ представителями сентиментализма и романтизма въ русской литературѣ. Первые имѣли за собой полвѣка литературнаго развитія, стройную, устойчивую теорію, значительную по количеству литературу и цѣлый штатъ авторитетовъ. Послѣдніе, при несомнѣнной талантливости своихъ отдѣльныхъ представителей, не могли указать на такое произведеніе, которое ярко выражало бы ихъ литературные взгляды и вкусы и импонировало бы литературными достоинствами и вліяніемъ на читающую публику. Поэма «Руслан и Людмила» и была такимъ произведеніемъ, котораго долго ожидали наши нервые романтики, къ созданію котораго нѣкоторые изъ нихъ сознательно подходили. «Руслан и Людмила» была сознательнымъ и яркимъ отрицаніемъ правилъ ложно-классической пінтики, и не только по отношенію къ одинмъ такъ назыв. героическимъ поэмамъ. И хвалители поэмы и ея хулители увидѣли въ ней произведеніе романтическое. Сердитый старовѣръ Вѣстника Европы, «Житель Бутырской слободы», рѣшительно признавъ въ ней «начало романтизма германскаго» для нашей литературы (Вѣсти. Евр. 1820 г. № 20. Въ поэмѣ было напнсано и ярко выражено все то, о чемъ толковали, спорили, горячились защитники новаго слога—Карамзинъ, Василій Пушкинъ, кн. П. Вяземскій, Батюшковъ, Жуковскій и др.,—разрывъ съ требованіями старой школы относительно формы, проповѣдь свободы творчества, простоты, естественности и правды, стремленіе къ народности содержанія и языка, доходившее до апоѳеоза простой сказки и воззрѣнія ея

сюжета въ героическую поэму и допущенія въ поэмѣ «низкихъ словъ» и «мужицкихъ рѣчей». Это было дѣйствительное начало того литературнаго свѣтопреставленія, которое предсказывалъ Жуковскій въ посланіи къ Воейкову еще въ 1815-мъ году! Появленіе «Руслана и Людмилы» было тріумфомъ для горсти передовыхъ русскихъ литераторовъ, видѣвшихъ въ сближеніи съ нѣмецкимъ романтизмомъ средство дать толчокъ литературному движенію на Руси. Въ «Русланѣ и Людмилѣ» они имѣли произведеніе, которое могли смѣло противопоставить библіи русскихъ старовѣровъ, ложно-классиковъ—«Россіадѣ» Хераскова. Въ этомъ несомнѣнное и огромное значеніе «Руслана и Людмилы» для русской литературы; ея появленіе дѣйствительно «сдѣлало эпоху въ исторіи русской литературы», какъ справедливо сказалъ Бѣлинскій. Съ ея появленіемъ началась переоцѣнка русскихъ литературныхъ цѣнностей, насталъ тотъ Аполлоновъ судъ, который предсказывалъ Жуковскій въ упомянутомъ уже посланіи къ Воейкову 1815 г. Поэмы XVIII в. Петріада, Россіада, Владиміръ и даже Душенька отступили далеко на задній планъ, и поэтическое значеніе Ломоносова, Хераскова и другихъ писателей XVIII в. начало опредѣляться яснѣе и рѣшительнѣе. Первый крупный трудъ поэтическаго Мессіи русской литературы принесъ съ собой осужденіе всему напыщенному, неестественному, ходульному и надутому въ русской литературѣ.

Средній русскій читатель, не зараженный предразсудками ложно-классической литературной школы, былъ очарованъ достоинствами содержанія и языка поэмы, возвышавшими ее надъ всей совокупностью произведеній русской литературы первыхъ 20-ти лѣтъ XIX вѣка. И въ балладахъ Жуковскаго, и въ элегіяхъ Батюшкова, и въ стихотвореніяхъ Василія Пушкина и Дмитріева были литературныя достоинства, обезпечившія имъ успѣхъ среди русской читающей публики. Но вся совокупность произведеній названныхъ писателей, въ которыхъ болѣе или менѣе ярко проявились стремленія къ простотѣ и естественности, до появленія «Руслана и Людмилы», въ количественномъ отношеніи едва-ли равнялась половинѣ содержанія этой послѣдней. Въ борьбѣ литературныхъ школъ и направленій и количество литературнаго матеріала должно быть принимаемо въ разсчетъ! Но у Пушкина къ этому количественному превосходству содержанія поэмы присоединились его художественныя достоинства, которыми онъ, едва достигшій 20-тилѣтняго возраста, не только сравнялся съ корифеями новой русской поэзіи, но и превзошелъ ихъ во многомъ.

Читателямъ поэмы нравилось «очаровательное разнообразіе» ея содержанія, «не уничтожающее единства дѣйствія». Прелесть разнообразія содержанія усиливалась эпизодами, отступленіями, картинами, образами, мыслями, примѣненіями и проч.». Заимствованные изъ произведеній XVIII в. эпизоды въ изложеніи Пушкина получали печать оригинальности, свѣжести и новизны. Этому способствовали въ 1-хъ, чувство художественной мѣры, благодаря которому юный поэтъ умѣлъ выбирать въ массѣ литературнаго хлама и старья сюжеты, способные занять воображеніе и мысль новаго читателя, а во 2-хъ, удивительное искусство владѣть языкомъ и стилемъ, благодаря которому старый или даже избитый сюжетъ пріобрѣталъ выдающійся интересъ. Стоитъ ближе сравнить изложеніе однихъ и тѣхъ же сюжетовъ, напр., у Радищева, Нарѣжнаго или у Чулкова и у Пушкина, чтобы ясно увидѣть безконечную разницу между предполагаемымъ оригиналомъ и спискомъ. Списокъ является неизмѣримо выше своего оригинала. И читатели «Руслана и Людмилы» были правы въ своемъ предпочтеніи списка оригиналу. Дѣйствіе, развиваемое въ поэмѣ, читатели и критики находили «истинно-художественнымъ»: «оно не запутано, просто, поэтически естественно и мастерски оживлено, разцвѣчено разнообразіемъ, мастерски сосредоточеннымъ въ единствѣ» (Галатея 1839 г. ч. 3, № 19, 20. Зелинскій, ibid, IV, 56—57).

Въ заслугу поэту ставили и то, что онъ въ своей поэмѣ «вывелъ на сцену людей, а не тѣни», т.-е. большею частью изобразилъ характеры опредѣленные, индивидуальные и развитые, «сколько позволялъ объемъ поэмы». Слабость обрисовки характеровъ извинялась самой новизной этого искусства въ нашей литературѣ. «Нельзя сказать,—говорилъ критикъ въ Галатеѣ,—что каждый изъ нихъ (изъ характеровъ) рѣзко обрисованъ; но этого нельзя строго требовать отъ нашего поэта,—онъ почти первый у насъ выступилъ на эпическое поприще... Эпическіе характеры образуются вѣками и переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ поэмы въ поэму. Въ Италіи напр. положилъ имъ основаніе Пульчи, воспроизв-

ведши Карла Великаго, Морганте и пр. Боярдо безъ перемѣны внесъ его характеры въ свою поэму Orlando innamorato, и создалъ нѣсколько своихъ новыхъ характеровъ, Аріосто воспользовался характерами, созданными воображеніемъ своихъ предшественниковъ, и досоздалъ нѣсколько своихъ; такимъ образомъ, три поэта нарисовали цѣлую галлерею характеровъ, сотворили маленькій міръ идеаловъ» (Галатея 1839 г. Зелинскій IV, 58).

Высоко ставили современники форму поэмы—«аріостовскую», «самую приличную для живого разсказа, для обрисовки событій полуважныхъ, полусмѣшныхъ», восхищавшую оригинальностью, обѣщавшую освобожденіе отъ стѣснительныхъ оковъ ложноклассическаго законодательства. «Здѣсь поэтъ не связанъ условіями такъ назыв. классическихъ поэмъ: онъ собственно говоря не поетъ, а разсказываетъ. Такъ и должно быть,—время древняго эпоса прошло невозвратно; цѣль его была религіозная и политическая, цѣль новѣйшаго эпоса—просто забава воображенія, отдыхъ ума, утомленнаго такъ называемою положительностью» (Галатея 1839 г. Зелинскій IV, 59).

Особенно же поразилъ современниковъ языкъ поэмы, ея художественный стиль, «свободный, развязный, текучій, звонкій, гармоническій» (Галатея тамъ же, Зелинскій IV, 56) «чуждый пестроты и непосредѣленности» (Зелинскій I, 58) и стихъ, плѣнявшій «легкостью, свѣжестью, простотой и сладостью» (тамъ же, изъ Сына Отечества 1820 г.). Въ особенности обращали на себя вниманіе сравненія, въ которыхъ Пушкинъ былъ и остался дѣйствительно неподражаемъ: «сравненія, уподобленія новы, разительны, объясняютъ мысль, придаютъ ей силу, оживляютъ сухое описаніе и всегда приведены кстати» (тамъ же стр. 58).

Резюмируя свой разборъ «Руслана и Людмилы», авторъ критической статьи помѣщенной въ Галатеѣ за № 1839-й годъ надалъ эту поэму «прелестнымъ вѣчно душистымъ цвѣткомъ въ нашей поэзіи» (Зелинскій IV, 56). Многіе русскіе читатели остались при такой высокой оцѣнкѣ первой поэмы Пушкина даже и тогда, когда Пушкинъ далеко переросъ своихъ современниковъ и первыхъ восторженныхъ поклонниковъ своего таланта и критиковъ и далъ гораздо зрѣлыя и совершенныя произведенія своего генія, передъ которыми поблѣднѣли художественныя достоинства его перваго поэтическаго труда.

Художественныя достоинства содержанія поэмы опредѣлены, въ общемъ, вѣрно эстетической критикой Бѣлинскаго. Но суровый приговоръ знаменитаго критика наше время должно значительно смягчить. Многіе мотивы поэмы и нѣкоторые характеры и образы ея, благодаря усвоенію ихъ оперой въ произведеніи геніальнаго Глинки, останутся безсмертными въ русскомъ искусствѣ и трудно даже сказать, сколько времени будутъ служить источникомъ высокаго эстетическаго удовольствія.

Стиль поэмы и языкъ ея не были еще подвергнуты детальному изученію. «По своему содержанію и отдѣлкѣ «Руслань и Людмила» принадлежитъ къ числу переходныхъ пьесъ Пушкина, которыхъ характеръ составляетъ подновленный классицизмъ: въ нихъ Пушкинъ является улучшеннымъ, усовершенствованнымъ Батюшковымъ», говоритъ Бѣлинскій. «Даже со стороны формы, какъ ни много она выше обветшавшихъ формъ прежней поэзіи, есть звенья, соединяющія «Руслана и Людмилу» съ прежнею школой поэзіи: мы разумѣемъ здѣсь употребленіе словъ «брада», «глава» и произвольное употребленіе усѣченныхъ прилагательныхъ, которыхъ въ поэмѣ Пушкина найдется больше десятка» (Поливановъ, 18). По мнѣнію Анненкова, «стихъ поэмы сохранитъ постоянно хрустальную прозрачность и плавность удивительную, но линіямъ точности, поэтическаго лаконизма и долго извивается вокругъ предмета граціозными кругами, прежде чѣмъ успѣетъ охватить его со всѣхъ сторонъ» (Матеріалы, 61). Въ посвященныхъ изученію языка Пушкина спеціальныхъ работахъ академика Ѳ. Е. Корша (Разборъ вопроса о подлинности окончанія Русалки Пушкина Спб., 1898 г.) и профессора Е. Ѳ. Будде (Опытъ грамматики языка Пушкина, Спб., 1904 г.) поэма «Руслань и Людмила» привлекается къ наблюденію наравнѣ съ прочими произведеніями поэта и не выдѣляется особо ей посвященныхъ замѣчаній. Тѣмъ не менѣе, среди высказанныхъ названными учеными общихъ положеній относительно языка Пушкина, нѣкоторыя имѣютъ болѣе близкое отношеніе къ нашей поэмѣ, и мы не можемъ не упомянуть о нихъ. Въ сущности они мало отличаются отъ того, что было подмѣчено и высказано уже Бѣлинскимъ. По наблюденію профессора Будде, «языкъ Пушкина къ первую пору его литературной

дѣятельности не отличается существенно отъ языка современныхъ его молодости писателей. Этотъ языкъ какъ бы сливается съ языкомъ образованнаго общества того времени приблизительно до 1818 года и остается на той же степени своего литературнаго развитія, на которой мы видимъ языкъ Державина, Жуковскаго и Батюшкова» (IX). «Приблизительно съ 1818 года языкъ Пушкина становится языкомъ эманципированнымъ отъ элементовъ русской рѣчи «классиковъ». Пушкинъ проникаетъ глубже и глубже въ лексикологію, морфологію и синтаксисъ русской народной рѣчи, и изъ всего прежняго балласта на долю языка поэзіи остаются лишь тѣ церковно-славянскія слова, которыя съ этихъ поръ, въ отличіе отъ чисто-русскихъ, служатъ принадлежностью поэтической рѣчи. Синтаксисъ же идетъ по пути національнаго развитія и сближенія съ рѣчью чисто-русскаго человѣка значительно быстрѣе лексикологіи и морфологіи» (X). Весьма цѣннымъ и вѣрнымъ является наблюденіе профессора Будде относительно источниковъ языка Пушкина: «Пушкинъ не составлялъ искусственно ни словъ, ни формъ, ни оборотовъ для нашего языка литературы: онъ пользовался тѣмъ живымъ матеріаломъ, который усвоивалъ, собиралъ и воспринималъ въ практическомъ обиходѣ у различныхъ лицъ, съ которыми говорилъ и сталкивался» (13). Въ эпоху созданія «Руслана и Людмилы» Пушкинъ пользовался разговорнымъ языкомъ русскаго образованнаго общества. Характеризуя этотъ языкъ, акад. О. Е. Коршъ говоритъ, что русскій 20-хъ, 30-хъ гг. XIX-го столѣтія сильно да рядомъ былъ по-французски изященъ и вѣжливъ, какъ маркизъ временъ Людовика XV, а по-русски—неразборчивъ и грубъ въ выраженіяхъ, потому что французскому языку онъ учился по писателямъ классической эпохи, а русскому изъ разговора прислуги» (Разборъ Русалки, 269). Въ языкѣ Руслана и Людмилы акад. Коршъ отмѣтилъ галлицизмы: онъ обольстилъ меня, несчастный, (тамъ же, 66) взглядъ вперилъ на витязя въ молчаньѣ 68; провинціализмы или вульгаризмы заржавый щитъ съ трясучей головой, неправильныя конструкціи внимать съ вин. вм. слушать, 71, неправильныя въ этимологическомъ отношеніи формы настоящее-будущее падетъ, 76—77, натяжки въ порядкѣ словъ къ объятой головѣ смущеньемъ, 80, своеобразное употребленіе нѣкоторыхъ словъ витязь томимый, воспаленный, 81, и даже одно совершенно непонятное мѣсто все слышитъ голосъ ихъ ужасный, 55). Но на ряду съ указанными несовершенствами стиха и языка въ Русланѣ же и Людмилѣ встрѣчаются и настоящіе перлы чисто пушкинскаго поэтическаго языка, понимая подъ послѣднимъ, согласно съ О. Е. Коршемъ, правильность и изящество стиха, поэтичность содержанія и его логическую и эстетическую умѣстность и необходимость (93). Эти искры пушкинскаго поэтическаго генія блестятъ въ описаніяхъ природы и въ распространенныхъ сравненіяхъ:

Ужъ поблѣднѣлъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землей;
Дымятся сизые туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь... (II п. 215—219).
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ II, 259—261).
Чернѣетъ лѣсъ, темна гора,
Встаетъ луна, все тихо стало (II. V, 405—406).
Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ,
Луна во мглѣ перебѣгала
Изъ тучи въ тучу и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла (V 440—444).

Примѣры сравненій: Убѣганіе Фарлафа отъ Рогдая сравнивается съ побѣгомъ зайца отъ гончихъ псовъ:

Такъ точно заяцъ торопливый
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса (II, 56—59).

Состояніе богатырской головы, пораженной Русланомъ «въ дерзостный языкъ» рисуется сравненіемъ съ бездарнымъ актеромъ, неожиданно освистаннымъ театромъ:

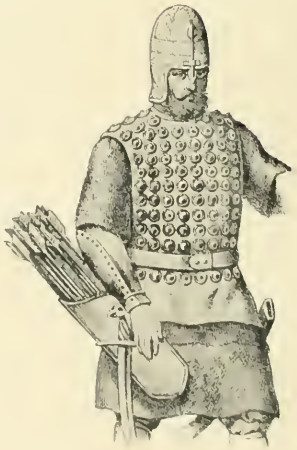
Отъ упоенья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На плечи голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены
Внезапнымъ свистомъ отдушенъ
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, роль забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И запинаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой (III, 317—329).

Смѣна настроеній въ душѣ человѣка—гнѣва и мщенья — прощеньемъ сравнивается съ таяньемъ льда подъ вліяніемъ жгучихъ лучей солнца:

Въ немъ (Русланѣ) гнѣвъ свирѣпый умираетъ
И мщевье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной:
Тамъ на долинѣ таетъ ледъ
Лучемъ полудня пораженный. (III, 334—338).

Народный элементъ въ языкѣ и стилѣ «Руслана и Людмила» почти отсутствуетъ. Геніальному поэту нужны были еще годы усиленной работы, направленной къ сближенію съ источниками литературной рѣчи-заключающимися въ народномъ языкѣ. Нужно было окончательно отрѣшиться отъ искусственности, характеризовавшей русскій литературный языкъ первой четверти XIX в., чтобы достигнуть той степени въ пользованіи средствами народнаго языка, при которой личность поэта сливалась съ народомъ до такой степени, что становилось иногда невозможнымъ разграничить, «разобрать, которыя пѣсни поетъ народъ, и которыя смастерилъ самъ Пушкинъ.» (Л. Майковъ. Пушкинъ 418).

М. Халанскій.



ПРЕДИСЛОВІЕ ПУШКИНА КО 2-МУ ИЗДАНІЮ ПОЭМЫ (СПБ. 1828).

Автору было двадцать лѣтъ отъ роду, когда кончилъ онъ Руслана и Людмилу. Онъ началъ свою поэму, будучи еще воспитанникомъ Царскосельскаго Лицея и продолжалъ ее среди самой разсѣянной жизни. Этимъ до нѣкоторой степени можно извинить ея недостатки.

При ея появленіи въ 1820 году тогдашніе журналы наполнились критиками болѣе или менѣе снисходительными (*). Самая пространная писана г. В. (Воейковымъ) и помѣщена въ Сынѣ Отечества. Вслѣдъ за нею появились вопросы неизвѣстнаго. Приведемъ изъ нихъ нѣкоторые.

«Начнемъ съ первой пѣсни. Commencons par le commencement:

«Зачѣмъ Финнъ дожидался Руслана?.

«Зачѣмъ онъ разсказываетъ свою исторію, и какъ можетъ Русланъ въ такомъ несчастномъ положеніи съ жадностію внимать расказы (или по-русски расказамъ) старца?

«Зачѣмъ Русланъ присвистываетъ, отправляясь въ путь? Показываетъ ли это огорченнаго человѣка? Зачѣмъ Фарлафъ съ своею трусостію поѣхалъ искать Людмилы? Иные скажутъ: за тѣмъ, чтобы упасть въ грязный ровъ: et puis on en rit, et cela fait toujours plaisir.

«Справедливо ли сравненіе, стр. 46, которое вы такъ хвалите? Случалось ли вамъ это видѣть?

«Зачѣмъ маленькій карла съ большою бородою (что, между прочимъ, совсѣмъ не забавно) приходилъ къ Людмилѣ? Какъ Людмилѣ пришла въ голову странная мысль схватить съ колдуна шапку (впрочемъ въ испугѣ чего не надѣлаешь?), и какъ колдунъ позволилъ ей это сдѣлать?

«Какимъ образомъ Русланъ бросилъ Рогдая, какъ ребенка въ воду, когда

Они схватились на коняхъ;
. . . . . .
Ихъ члены злобой сведены;
Обьяты, молча костенѣютъ, и проч.?

Не знаю, какъ Орловскій нарисовалъ бы это.

«Зачѣмъ Русланъ говоритъ, увидѣвши поле битвы (которое совершенный hors d'oeuvre), зачѣмъ говоритъ онъ:

О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
. . . . . .
. . . . . .
Зачѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья! и проч.?

«Такъ ли говорили Рускіе богатыри? И похожъ ли Русланъ, говорящій о травѣ забвенья и вѣчной темнотѣ временъ, на Руслана, который чрезъ минуту послѣ восклицаетъ съ важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!
. . . . . .
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду не свищу,
А какъ наѣду, не спущу!
. . . . Знай нашихъ! и проч.?

«Зачѣмъ Черноморъ, доставши чудесный мечь, положилъ его на полѣ, подъ головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

«Зачѣмъ будить двѣнадцать спящихъ дѣвъ и поселять ихъ въ какую-то степь, куда, не знаю какъ, заѣхалъ Ратмиръ? Долго ли онъ пробылъ тамъ? Куда поѣхалъ? Зачѣмъ сдѣлался рыбакомъ? Кто такая его новая подруга? Вѣроятно ли, что Русланъ, побѣдивъ Черномора и пришедъ въ отчаяніе, не находя Людмилы, махалъ до тѣхъ поръ мечомъ, что сшибъ шапку съ лежащей на землѣ супруги?

*) Одна изъ нихъ подала поводъ къ эпиграммѣ, приписываемой К*** (Крылову):

Напрасно говорятъ, что критика легка;
Я критику читалъ Руслана и Людмилы:
Хоть у меня довольно силы;
Но для меня она ужасно какъ тяжка.

А. П.

«Зачѣмъ карла не вылѣзъ изъ котомки убитаго Руслана? Что предвѣщаетъ сонъ Руслана? Зачѣмъ это множество точекъ послѣ стиховъ:

Шатры бѣлѣютъ на холмахъ?

«Зачѣмъ, разбирая Руслана и Людмилу, говорить объ Иліадѣ и Энеидѣ? Что есть общаго между ними? Какъ писать (и кажется серіозно), что рѣчи Владиміра, Руслана, Финна и проч. нейдутъ въ сравненіе съ Омеровыми? Вотъ вещи, которыхъ я не понимаю, и которыхъ многіе также не понимаютъ. Если вы намъ объясните ихъ, то мы скажемъ: cujusvis hominis est errare; nullius, nisi insipientis, in errore perseverare (Philippis. XII, 2)».

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais

Конечно многія обвиненія сего допроса основательны, особенно послѣдній. Нѣкто взялъ на себя трудъ отвѣчать на оныя. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочемъ, нашлись рецензенты совсѣмъ инаго разбора. На прим. въ Вѣстникѣ Европы, № 11, 1820, мы находимъ слѣдующую благонамѣренную статью:

«Теперь прошу обратить ваше вниманіе на новый ужасный предметъ, который, какъ у Камоэнса Мысъ бурь, выходитъ изъ нѣдръ морскихъ и показывается посреди океана россійской словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо: быть можетъ, люди, которые грозятъ нашему терпѣнію новымъ бѣдствіемъ, опомнятся, разсмѣются и оставятъ намѣреніе сдѣлаться изобрѣтателями новаго рода Рускихъ сочиненій.

«Дѣло вотъ въ чемъ: вамъ извѣстно, что мы отъ предковъ получили небольшое бѣдное наслѣдство литературы, т.-е. сказки и пѣсни народныя. Что о нихъ сказать? Если мы бережемъ старинныя монеты, даже самыя безобразныя: то не должно ли тщательно хранить и остатки словесности нашихъ предковъ? Безъ всякаго сомнѣнія. Мы любимъ воспоминать все, относящееся къ нашему младенчеству, къ тому счастливому времени дѣтства, когда какая-нибудь пѣсня или сказка служила намъ невинною забавой и составляла все богатство познаній? Видите сами, что я не прочь отъ собиранія и изысканія Рускихъ сказокъ и пѣсень: но когда узналъ я, что наши словесники приняли старинныя пѣсни совсѣмъ съ другой стороны, громко закричали о величіи, плавности, силѣ, красотахъ, богатствѣ нашихъ старинныхъ пѣсень, начали переводить ихъ на Нѣмецкой языкъ, и наконецъ такъ влюбились въ сказки и пѣсни, что въ стихотвореніяхъ XIX вѣка заблистали Еруслапы и Бовы на новый манеръ; то я вамъ слуга покорный.

Чего добраго ждать отъ повторенія болѣе жалкихъ, нежели смѣшныхъ лепетаній?... Чего ждать, когда наши поэты начинаютъ пародировать Киршу Данилова?

«Возможно ли просвѣщенному, или хоть немного свѣдущему человѣку терпѣть, когда ему предлагаютъ новою поэму, писанную въ подражаніе Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть въ 15 и 16 №№ «Сына Отечества». Тамъ неизвѣстный піитъ на образчикъ выставляетъ намъ отрывокъ изъ поэмы своей Людмила и Русланъ (не Еруслапъ ли?). Не знаю, что будетъ содержать цѣлая поэма: но образчикъ хоть кого выведетъ изъ терпѣнія. Піитъ оживляетъ мужичка самъ съ ноготь и борода съ локоть, придаетъ ему еще безконечные усы (С. От. стр. 121), показываетъ намъ вѣдьму, шапочку невидимку и проч. Но вотъ, что всего драгоцѣннѣе: Русланъ наѣзжаетъ въ полѣ на побитую рать, видитъ богатырскую голову, подъ которой лежитъ мечь-кладенецъ; голова съ нимъ разглагольствуетъ, сражается... Живо помню, какъ все это, бывало, я слушалъ отъ няньки моей; теперь, на старости, сподобился вновь то же самое услышать отъ поэтовъ нынѣшняго времени!... Для большей точности, чтобы лучше выразить всю прелесть стариннаго нашего пѣснословія, поэтъ и въ выраженіяхъ уподобился Еруслапову раскащику, напримѣръ:

...Шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!...

Каково?

... Объѣхалъ голову кругомъ,
И сталъ предъ носомъ молчаливо.
Щекотитъ ноздри копіемъ...

Картина достойная Кирши Данилова! Далѣе: чихнула голова, за нею и эхо чихаетъ...

Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ наѣду, не спущу...

Потомъ витязь ударяетъ въ щеку тяжкой рукавицей... Но увольте меня отъ подробнаго описанія, и позвольте спросить: если бы въ московское благородное собраніе какъ нибудь втерся (предполагаю

невозможное возможнымъ) гость съ бородою, въ армякѣ, въ лаптяхъ, и закричалъ бычьимъ голосомъ: здорово, ребята! Неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться? Бога ради, позвольте мнѣ, старику, сказать публикѣ, посредствомъ вашего журнала, чтобы она каждый разъ жмурила глаза при появленіи подобныхъ страшностей. Зачѣмъ допускать, чтобы плоскія шутки старины снова появлялися между нами? Шутка грубая, не одобряемая вкусомъ просвѣщеннымъ, отвратительна, а нимало не смѣшна и не забавна. Dixi».

Долгъ искренности требуетъ также упомянуть и о мнѣніи одного изъ уважаемыхъ, первоклассныхъ отечественныхъ писателей, который, прочитавъ Руслана и Людмилу, сказалъ: я тутъ не вижу ни мыслей, ни чувства, вижу только чувственность. Другой (а можетъ быть и тотъ же) уважаемый, первоклассный отечественный писатель привѣтствовалъ сей опытъ молодаго поэта слѣдующимъ стихомъ:

Мать дочери велитъ на эту сказку плюнуть.

12 февраля 1828.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Для васъ, души моей царицы,
Красавицы, для васъ однихъ
Временъ минувшихъ небылицы,
Въ часы досуговъ золотыхъ,
Подъ шопотъ старины болтливой,
Рукою вѣрной я писалъ;
Примите жъ вы мой трудъ игривой!
Ни чьихъ не требуя похвалъ,
Счастливъ ужъ я надеждой сладкой,
Что дѣва съ трепетомъ любви
Посмотритъ, можетъ быть, украдкой
На пѣсни грѣшныя мои.

КАРТИНА Н. Н. КРАМСКОГО.
(*Третьяковская Галлерея въ Москвѣ*).

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

У лукоморья дубъ зеленый;
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.
Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынутъ волны
На брегъ песчаный и пустой,

И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ,
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;
Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужитъ,
А бурый волкъ ей вѣрно служитъ;
Тамъ ступа съ Бабою Ягой
Идетъ, бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кащей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ Русской духъ... Тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медъ я пилъ:
У моря видѣлъ дубъ зеленый;
Подъ нимъ сидѣлъ, и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорилъ.
Одну я помню: сказку эту
Повѣдаю теперь я свѣту...

1828.

Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.
Съ очень рѣдкой литографіи 1840-хъ гг., изъ коллекціи В. И. Яковлева.

ГРИДНИЦА ВЛАДИМИРА.

Декорація К. Коровина. Изъ новѣйшей постановки оперы Глинки «Русланъ и Людмила» на сценѣ Маріинскаго театра въ Спб.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Въ толпѣ могучихъ сыновей,
Съ друзьями, въ гридницѣ высокой
Владиміръ-солнце пировалъ;
Меньшую дочь онъ выдавалъ
За князя храбраго Руслана,
И медъ изъ тяжкаго стакана
За ихъ здоровье выпивалъ.
Не скоро ѣли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.
Они веселье въ сердце лили,
Шипѣла пѣна по краямъ,
Ихъ важно чашники носили
И низко кланялись гостямъ.
Слилися рѣчи въ шумъ невнятный;
Жужжитъ гостей веселый кругъ;
Но вдругъ раздался гласъ пріятный
И звонкихъ гуслей бѣглый звукъ:
Всѣ смолкли, слушаютъ Баяна:

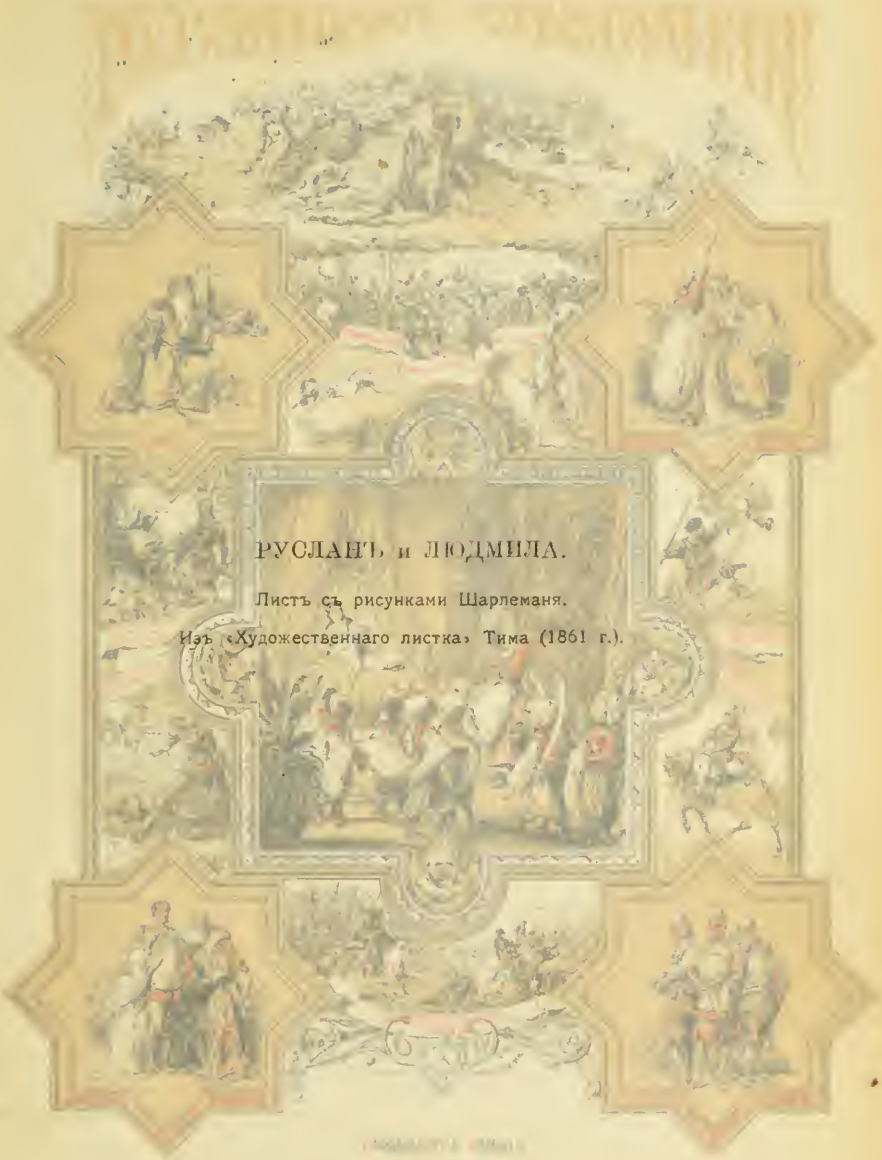
И славитъ сладостный пѣвецъ
Людмилу-прелесть и Руслана
И Леля съ свитой ихъ вѣнецъ.
Но, страстью пылкой утомленный,
Не ѣстъ, не пьетъ Русланъ влюбленный;
На друга милаго глядитъ,
Вздыхаетъ, сердится, горитъ
И, шпиля усъ отъ нетерпѣнья,
Считаетъ каждыя мгновенья.
Въ унынiи, съ насмурнымъ челомъ,
За шумнымъ свадебнымъ столомъ
Сидятъ три витязя младые;
Безмолвны, за ковшемъ пустымъ,
Забыли кубки круговые
И брашна непріятны имъ;
Не слышатъ вѣщаго Баяна,
Потупили смущенный взглядъ:
То три соперника Руслана;
Въ душѣ несчастные таятъ
Любви и ненависти ядъ.
Одинъ—Рогдай, воитель смѣлый,
Мечемъ раздвинувшій предѣлы
Богатыхъ Кіевскихъ полей;

Другой—Фарлафъ, крикунъ надменный,
Въ пирахъ никѣмъ непобѣжденный,
Но воинъ скромный средь мечей;
Послѣдній, полный страстной думы,
Младой Хазарскій ханъ Ратмиръ:
Всѣ трое блѣдны и угрюмы,
И пиръ веселый имъ не въ пиръ.
Вотъ кончены они; встаютъ рядами,
Смѣшались шумными толпами,
И всѣ глядятъ на молодыхъ:
Невѣста очи опустила
Какъ будто сердцемъ пріуныла,
И свѣтелъ радостный женихъ.
По тѣнь объемлетъ всю природу,
Ужъ близко къ полночи глухой;
Бояре, задремавъ отъ мёду,
Съ поклономъ убрались домой.
Женихъ въ восторгѣ, въ упоеньѣ:
Ласкаетъ онъ въ воображеньѣ
Стыдливой дѣвы красоту;
Но съ тайнымъ, грустнымъ умиленьемъ
Великій князь благословленьемъ
Даруетъ юную чету.
И вотъ невѣсту молодую
Ведутъ на брачную постель;
Огни погасли... и ночную
Лампаду зажигаетъ Лель.
Свершились милыя надежды,
Любви готовятся дары;
Надутъ ревнивыя одежды
На Царьградскіе ковры...
Вы слышите ль влюбленный шопотъ,
И поцѣлуевъ сладкій звукъ
И прерывающійся ропотъ
Послѣдней робости?.. Супругъ
Восторги чувствуетъ заранѣ;
И вотъ, они настали... Вдругъ
Громъ грянулъ, свѣтъ блеснулъ въ туманѣ,
Лампада гаснетъ, дымъ бѣжитъ,
Кругомъ все смерклось, все дрожитъ,
И замерла душа въ Русланѣ...
Все смолкло. Въ грозной тишинѣ
Раздался дважды голосъ странной,
И кто-то въ дымной глубинѣ
Взвился чернѣе мглы туманной...
И снова теремъ пустъ и тихъ;
Встаетъ испуганный женихъ,
Съ лица катится потъ остылой;
Трепеща, хладною рукой
Онъ вопрошаетъ мракъ нѣмой...
О горе: нѣтъ подруги милой!
Хватаетъ воздухъ онъ пустой;
Людмилы нѣтъ во тмѣ густой,
Похищена безвѣстной силой.
Ахъ, если мученикъ любви
Страдаетъ страстью безнадёжно;
Хоть грустно жить, друзья мои,
Однако жить еще возможно.
Но послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ
Обнять влюбленную подругу,
Желаній, слезъ, тоски предметъ,
И вдругъ минутную супругу
Навѣкъ утратить... о друзья,
Конечно лучше бъ умеръ я!
Однако живъ Руланъ несчастной.
Но что сказалъ великій князь?
Сраженный вдругъ молвой ужасной,
На зятя гнѣвомъ распалясь,
Его и дворъ онъ созываетъ:
«Гдѣ, гдѣ Людмила?» вопрошаетъ
Съ ужаснымъ, пламеннымъ челомъ.
Руланъ неслышитъ. «Дѣти, други!
«Я помню прежнія заслуги:
«О, сжалътесь вы надъ старикомъ!
«Скажите, кто изъ васъ согласенъ
«Скакать за дочерью моей?
«Чей подвигъ будетъ награжденъ,
«Тому—терзайся, плачь, злодѣй!
«Не могъ сберечь жены своей!—
«Тому я дамъ ее въ супруги
«Съ полцарствомъ прадѣдовъ моихъ.
«Кто жъ вызовется, дѣти, други?...»
— Я! молвилъ горестный женихъ.
«Я! я!» воскликнули съ Рогдаемъ
Фарлафъ и радостный Ратмиръ:
Сей часъ коней своихъ сѣдлаемъ;
Мы рады весь изъѣздить міръ.
Отецъ нашъ, не продлимъ разлуки;
Не бойся, ѣдемъ за Княжной.»
И съ благодарностью нѣмой
Въ слезахъ къ нимъ простираетъ руки
Старикъ, измученный тоской.
Всѣ четверо выходятъ вмѣстѣ:
Руланъ унынъемъ какъ убитъ;
Мысль о потерянной невѣстѣ
Его терзаетъ и мертвитъ.
Садятся на коней ретивыхъ:
Вдоль береговъ Днѣпра счастливыхъ
Летятъ въ клубящейся пыли;
Уже скрываются вдали;
Ужъ всадниковъ не видно болѣ...
Но долго все еще глядитъ
Великій князь въ пустое поле,
И думой имъ во слѣдъ летитъ.
Руланъ томился молчаливо,
И смыслъ и память потерявъ.
Черезъ плечо глядя сѣдлово
И важно подбочась, Фарлафъ
Надувшись ѣхалъ за Русланомъ.
Онъ говоритъ: «наспалу я
«На волю вырвался, друзья!
«Ну, скоро ль встрѣчусь съ великаномъ?
«Ужъ то-то крови будетъ течь,

ОТЪѢЗДЪ ВИТЯЗЕЙ НА ПОИСКИ ЛЮДМИЛЫ.
Рисунокъ К. А. Савицкаго.

«Ужъ то-то жертвъ любви ревнивой!
«Повеселись, мой вѣрный мечъ,
«Повеселись, мой конь ретивой!»
Хазарскій Ханъ, въ умѣ своёмъ
Уже Людмилу обнимая,
Едва не пляшетъ надъ сѣдломъ;
Въ немъ кровь играетъ молодая,
Огня надежды полонъ взоръ:
То скачетъ онъ во весь опоръ,
То дразнитъ бѣгуна лихаго,
Кружитъ, подъемлетъ на дыбы,
Иль дерзко мчитъ на холмы снова.
Рогдай угрюмъ, молчитъ—ни слова...
Страшась невѣдомой судьбы
И мучась ревностью напрасной,
Всѣхъ больше безпокоенъ онъ,
И часто взоръ его ужасной
На князя мрачно устремлёнъ.
Соперники одной дорогой
Все мчатся ѣдутъ цѣлый день.
Днѣпра сталъ теменъ брегъ отлогой;
Съ востока льется ночи тѣнь:
Туманы надъ Днѣпромъ глубокимъ;
Пора конямъ ихъ отдохнуть.
Вотъ подъ горой путемъ широкимъ
Широкій пересѣкся путь.
«Разъѣдемся, пора!» сказали,
Безвѣстной вѣрнмся судьбѣ.»
И каждый конь, не чуя стали,
Но волѣ путь избралъ себѣ.
Что дѣлаетъ, Руслань несчастный,
Одинъ въ пустынной тишинѣ?
Людмилу, свадьбы день ужасный,
Все, мнится, видѣлъ ты во снѣ!
На брови мѣдный шлемъ надвинувъ,
Изъ мощныхъ рукъ узду покинувъ,
Ты шагомъ ѣдешь межъ полей,
И медленно въ душѣ твоей
Надежда гибнетъ, гаснетъ вѣра.
Но вдругъ предъ витяземъ пещера:
Въ пещерѣ свѣтъ. Онъ прямо къ ней
Идетъ подъ дремлющіе своды,
Ровесники самой природы.
Вошелъ съ унынъемъ: что-же зритъ?
Въ пещерѣ старецъ; ветхій видъ,
Спокойный взоръ, брада сѣдая:
Лампада передъ нимъ горитъ:
За древней книгой онъ сидитъ,
Ее внимательно читая.
«Добро пожаловать, мой сынъ!»
Сказалъ съ улыбкой онъ Руслану:
Ужъ двадцать лѣтъ я здѣсь одинъ
Во мракѣ старой жизни кину;
Но наконецъ дождался дня,
Давно предвидѣннаго мною.
Мы вмѣстѣ сведены судьбою;
Садись и выслушай меня.

Руслань, лишился ты Людмилы;
Твой твердый духъ теряетъ силы;
Но зла промчится быстрый мигъ:
Навремя рокъ тебя постигъ.
Съ надеждой, вѣрою веселой
Иди на все, не унывай:
Впередъ! мечемъ и грудью смѣлой
Свой путь на полночь пробивай.
«Узнай, Руслань: твой оскорбитель—
Волшебникъ страшный Черноморъ,
Красавицъ давній похититель,
Полночныхъ обладатель горъ.
Еще ничей въ его обитель
Не проникалъ допытъ взоръ;
Но ты, злыхъ козней истребитель,
Въ нее ты вступишь, и злодѣй
Погибнетъ отъ руки твоей.
Тебѣ сказать не долженъ болѣ:
Судьба твоихъ грядущихъ дней,
Мой сынъ, въ твоей отнынѣ волѣ.»
Нашъ витязь старцу палъ къ ногамъ,
И въ радости лобзаетъ руку.
Свѣтлѣетъ міръ его очамъ.
И сердце позабыло муку.
Вновь ожилъ онъ; и вдругъ опять
На вспыхнувшемъ лицѣ кручина...
«Ясна тоски твоей причина,
Но грусть не трудно разогнать.
Сказалъ старикъ: тебѣ ужасна
Любовь сѣдаго колдуна;
Спокойся, знай: она напрасна
И юной дѣвѣ не страшна.
Онъ звѣзды сводитъ съ небосклона,
Онъ свиснетъ—задрожитъ луна:
Но противъ времени закона
Его наука не сильна.
Ревнивый, трепетный хранитель
Замковъ безжалостныхъ дверей,
Онъ только немощный мучитель
Прелестной плѣнницы своей.
Вокругъ нея онъ молча бродитъ,
Клянетъ жестокій жребій свой...
Но, добрый витязь, день проходитъ,
А нуженъ для тебя покой.
Руслань на мягкій мохъ ложится
Предъ умирающимъ огнёмъ:
Онъ тщетъ позабыться сномъ,
Вздыхаетъ, медленно вертится...
Напрасно! Витязь наконецъ:
«Не спится что-то, мой отецъ!
Что дѣлать: болезнь и душою,
И сонъ не въ сонъ, какъ тошно жить.
Позволь мнѣ сердце освѣжить
Твоей бесѣдою святою.
Прости мнѣ дерзостный вопросъ,
Откройся: кто ты, благодатный,
Судьбы напереникъ непонятныя?



РУСЛАНЪ и ЛЮДМИЛА.

Листъ съ рисунками Шарлеманя.

Изъ «Художественнаго листка» Тима (1861 г.).

РУЗВАНТ и ЛЮДМИЛА.

Лист с рисунками Шварцмана.

Изд. «Художественного листка». Тифлис (1861 г.).

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПЛЯЯТИ
А С ПУШКИНА

Лит. И. Кадушина С.П.Б.

Въ пустыню кто тебя занесъ?»
Вздохнувъ съ улыбкою печальной,
Старикъ въ отвѣтъ: «любезный сынъ,
Ужъ и забылъ отчизны дальной
Угрюмый край. Природный Финнъ,
Въ долинахъ, намъ одним извѣстныхъ,
Гоняя стадо сель окрестныхъ,
Въ безпечной юности я зналъ
Одне дремучія дубравы,
Ручьи, пещеры нашихъ скалъ,
Да дикой бѣдности забавы.
Но жить въ отрадной тишинѣ
Дано не долго было мнѣ.
Тогда близъ нашего селенья,
Какъ милый цвѣтъ уединенья,
Жила Наина. Межъ подругъ
Она гремѣла красотою.
Однажды утренней порою,
Свои стада на темный лугъ
Я гналъ, волынку надувая;
Передо мной шумѣлъ потокъ.
Одна, красавица младая
На берегу плела вѣнокъ.
Меня влекла моя судьбина...
Ахъ, витязь, то была Наина!
Я къ ней—и пламень роковой
За дерзкій взоръ мнѣ былъ наградой,
И я любовь узналъ душой
Съ ея небесною отрадой,
Съ ея мучительной тоской.
«Умчалась года половина:
Я съ трепетомъ открылся ей.
Сказалъ: люблю тебя, Наина.
Но робкой горести моей
Наина съ гордостью внимала,
Лишь прелести свои любя;
И равнодушно отвѣчала:
Пастухъ, я не люблю тебя!
И все мнѣ дико, мрачно стало:
Родная куща, тѣнь дубровъ,
Веселы игры пастуховъ—
Ничто тоски не утѣшало.
Въ унынии сердце сохло, вяло.
И наконецъ задумалъ я
Оставить Финскія поля:
Морей невѣрныя пучины
Съ дружиной братской переплыть,
И бранной славой заслужить
Вниманье гордое Наины.
Я вызвалъ смѣлыхъ рыбаковъ
Искать опасностей и злата.
Впервые тихій край отцовъ
Услышалъ бранный звукъ булата
И шумъ немирныхъ челноковъ.
Я вдаль уплылъ, надежды полный,
Съ толпой безстрашныхъ земляковъ;
Мы десять лѣтъ снѣга и волны
Багрили кровію враговъ.
Молва неслась: цари чужбины
Страшились дерзости моей:
Ихъ горделивыя дружины
Бѣжали сѣверныхъ мечей.
Мы весело, мы грозно бились,
Дѣлили дани и дары,
И съ побѣжденными садились
За дружелюбные пиры.
Но сердце, полное Наиной,
Подъ шумомъ битвы и пировъ,
Томилось тайною кручиной,
Искало Финскихъ береговъ.
Пора домой, сказалъ я, други!
Повѣсимъ праздныя кольчуги
Подъ сѣнью хижины родной.
Сказалъ—и весла зашумѣли;
И, страхъ оставя за собой,
Въ заливъ отчизны дорогой
Мы съ гордой радостью влетѣли.
Сбылись давнишнія мечты,
Сбылися пылкія желанья!
Минута сладкаго свиданья,
И для меня блеснула ты!
Къ ногамъ красавицы надменной
Принесъ я мечъ окровавленной,
Кораллы, злато и жемчугъ;
Предъ нею, страстью упоенный,
Безмолвнымъ роемъ окруженный
Ея завистливыхъ подругъ,
Стоялъ я плѣнникомъ послушнымъ;
Но дѣва скрылася отъ меня,
Примолвя съ видомъ равнодушнымъ:
Герой, я не люблю тебя!
Къ чему разсказывать, мой сынъ,
Чего пересказать нѣтъ силы?
Ахъ, и теперь одинъ, одинъ,
Душой уснувъ, въ дверяхъ могилы,
Я помню горесть, и порой,
Какъ о минувшемъ мысль родится,
По бородѣ моей сѣдой
Слеза тяжелая катится.
Но слушай: въ родинѣ моей,
Между пустынныхъ рыбарей
Наука дивная таится.
Подъ кровомъ вѣчной тишины,
Среди лѣсовъ, въ глуши далёкой
Живутъ сѣдые колдуны;
Къ предметамъ мудрости высокой
Всѣ мысли ихъ устремлены:
Все слышитъ голосъ ихъ ужасный,
Что было и что будетъ вновь,
И грозной волѣ ихъ подвластны
И гробъ и самая любовь.
И я, любви искатель жадной,
Рѣшился въ грусти безотрадной
Наину чарами привлечь,

И въ гордомъ сердцѣ дѣвы хладной
Любовь волшебствами зажечь.
Спѣшилъ въ объятія свободы;
Въ уединенный мракъ лѣсовъ;
И тамъ, въ ученьи колдуновъ,
Провелъ невидимые годы.
Насталъ давно желанный мигъ,
И тайну страшную природы
Я свѣтлой мыслію постигъ:
Узналъ я силу заклинаньямъ.
Вѣнецъ любви, вѣнецъ желаньямъ!
Теперь, Наина, ты моя!
Побѣда наша: думалъ я.
Но въ самомъ дѣлѣ побѣдитель
Былъ рокъ, упорный мой гонитель.
Въ мечтахъ надежды молодой,
Въ восторгѣ пылкаго желанья,
Творю поспѣшно заклинанья,
Зову духовъ — и въ тмѣ лѣсной
Стрѣла промчалась громовая,
Волшебный вихорь поднялъ вой,
Земля вздрогнула подъ ногой...
И вдругъ сидитъ передо мной
Старушка дряхлая, сѣдая,
Глазами вялыми сверкая,
Съ горбомъ, съ трясучей головой,
Печальной ветхости картина.
Ахъ, витязь, то была Наина!...
Я ужаснулся и молчалъ,
Глазами страшный призракъ мѣрилъ,
Въ сомнѣньи все еще не вѣрилъ,
И вдругъ заплакалъ, закричалъ:
Возможно ль! ахъ, Наина, ты ли!
Наина, гдѣ твоя краса?
Скажи, уже ли небеса
Тебя такъ страшно измѣнили?
Скажи, давно ль, оставя свѣтъ,
Разстался я съ душой и съ милой?
Давно ли?... «Ровно сорокъ лѣтъ,
Былъ дѣвы роковой отвѣтъ:
Сегодня семьдесятъ мнѣ было.
Что дѣлать, мнѣ пищитъ она,
Толпою годы пролетѣли,
Прошла моя, твоя весна —
Мы оба постарѣть успѣли.
Но, другъ, послушай: не бѣда
Невѣрной младости утрата.
Конечно, я теперь сѣда,
Немножко, можетъ быть, горбата:
Не то, что встарину была,
Не такъ жива, не такъ мила;
Зато (прибавила болтунья)
Открою тайну: я колдунья!»
И было въ самомъ дѣлѣ такъ.
Немой, недвижный передъ нею,
Я совершенный былъ дуракъ
Со всей премудростью моею.

Но вотъ ужасно: колдовство
Вполнѣ свершилось по несчастью.
Мое сѣдое божество
Ко мнѣ пылало новой страстью.
Скрививъ улыбкой страшный ротъ,
Могильнымъ голосомъ уродъ
Бормочетъ мнѣ любви признанье.
Вообрази мое страданье!
Я трепеталъ, потупя взоръ;
Она сквозь кашель продолжала
Тяжелый, страстный разговоръ:
«Такъ, сердце я теперь узнала;
Я вижу, вѣрный другъ, оно
Для нѣжной страсти рождено;
Проснулись чувства, я стараю,
Томлюсь желаньями любви...
Приди въ объятія мои...
О милый, милый! умираю...»
И между тѣмъ она, Руслань,
Мигала томными глазами;
И между тѣмъ за мой кафтанъ
Держалась тощими руками;
И между тѣмъ—я обмиралъ,
Отъ ужаса, зажмуря очи;
И вдругъ терпѣть не стало мочи;
Я съ крикомъ вырвался, бѣжалъ.
Она во слѣдъ: «о недостойный!
Ты возмутилъ мой вѣкъ спокойный,
Невинной дѣвы ясны дни!
Добился ты любви Наины,
И презираешь—вотъ мужчины!
Измѣнной дышутъ всѣ они!
Увы, сама себя винш;
Опъ обольстилъ меня, несчастной!
Я отдалась любови страстной...
Измѣнникъ, извергъ! о позоръ!
Но трепещи, дѣвичій воръ!»
Такъ мы разстались. Съ этихъ поръ
Живу въ моемъ уединеньѣ
Съ разочарованной душой;
И въ мірѣ старцу утѣшенье
Природа, мудрость и покой.
Уже зоветъ меня могила;
По чувства прежнія свои
Еще старушка не забыла,
И пламя поздное любви
Съ досады въ злобу превратила.
Душою черной зло люби,
Колдунья старая конечно
Возненавидитъ и тебя;
По горе на землѣ не вѣчно.»
Наинъ витязь съ жадностью внималъ
Разсказы старца; ясны очи
Дремотой легкой не смыкалъ,
И тихаго полета ночи
Въ глубокой думѣ не слыхалъ.
По день блистаетъ лучезарный...

Со вздохомъ витязь благодарный
Объемлетъ старца-колдуна;
Душа надеждою полна;
Выходитъ вонъ. Ногами стиснулъ
Руслань заржавшаго коня;
Въ сѣдлѣ оправился, присвистнулъ.
«Отецъ мой, не оставь меня».
И скачетъ по пустому лугу.
Сѣдой мудрецъ младому другу
Кричитъ во слѣдъ: «счастливый путь!
Прости, люби свою супругу,
Совѣтовъ старца не забудь!»

БАЯНЪ.

Рисунокъ В. Шварца. (*Воспроизведено по подлиннику, принадлежащему брату художника—Е. Г. Шварцу*).

МѢСТО ВСТРѢЧИ НАИНЫ И ФАРЛАФА.

Декорація К. Коровина. Изъ новѣйшей постановки оперы Глинки «Руслань и Людмила» на сценѣ Маріинскаго театра въ Спб.

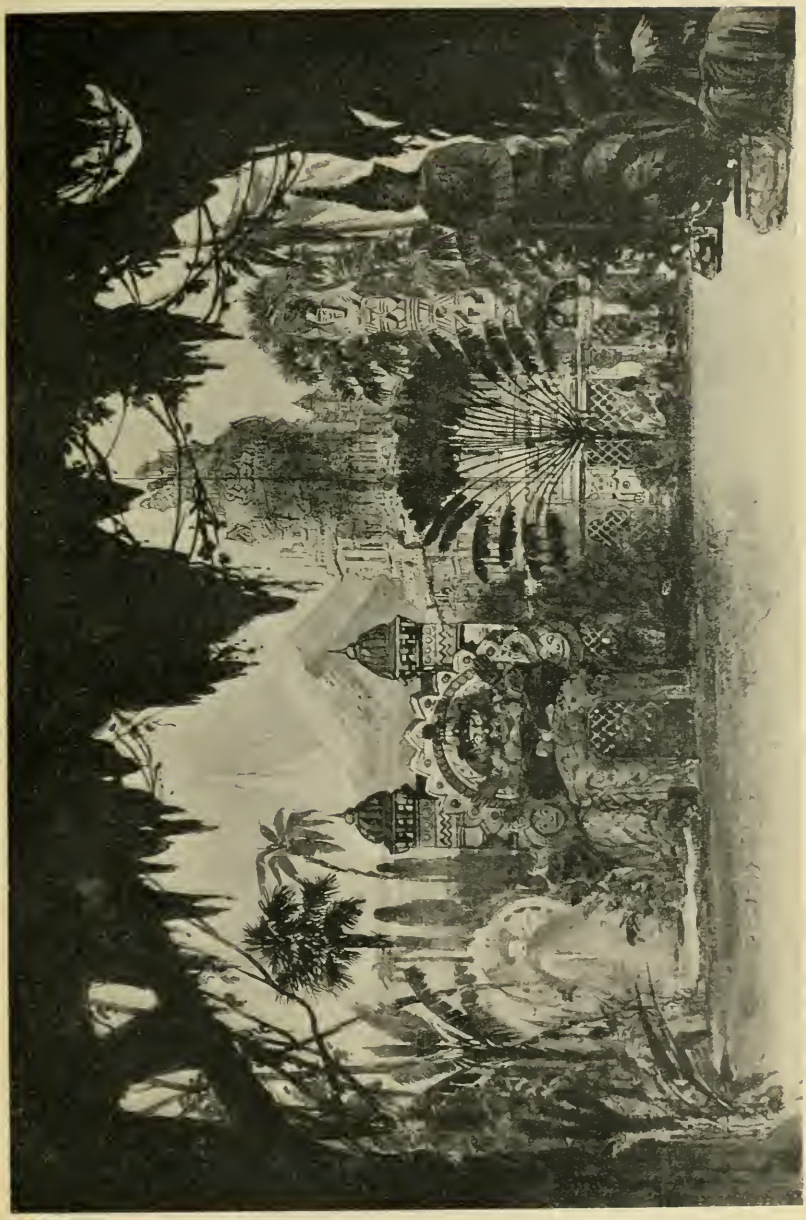
ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Соперники въ искусствѣ брани,
Не знайте мира межъ собой:
Несите мрачной славѣ дани
И упивайтеся враждой!
Пусть міръ предъ вами цѣпенѣетъ,
Дивяся грознымъ торжествамъ:
Никто о васъ не пожалѣетъ,
Никто не помѣшаетъ вамъ.
Соперники другаго рода,
Вы, рыцари Парнасскихъ горъ.
Старайтесь не смѣшить народа
Нескромнымъ шумомъ вашихъ ссоръ:
Бранитесь—только осторожно.
Но вы, соперники въ любви,
Живите дружно, если можно!
Повѣрьте мнѣ, друзья мои:
Кому судьбою непремѣнной
Дѣвичье сердце суждено,
Тотъ будетъ милъ на зло вселенной;
Сердиться глупо и грѣшно.
Когда Рогдай неукротимый,
Глухимъ предчувствіемъ томимый,
Оставя спутниковъ своихъ,
Пустился въ край уединенный
И ѣхалъ межъ пустынь лѣсныхъ,
Въ глубокую думу погруженный—
Злой духъ тревожилъ и смущалъ
Его тоскующую душу,
И витязь пасмурный шепталъ:
«Убью!... преграды всѣ разрушу...
Руслань!... узнаешь ты меня...
Теперь-то дѣвица поплачетъ»...
И вдругъ, поворотивъ коня,
Во весь опоръ назадъ онъ скачетъ.
Въ то время доблестный Фарлафъ,
Все утро сладко продремавъ,
Укрывшись отъ лучей полдневныхъ,
У ручейка, надвинѣ,
Для подкрѣпленья силъ душевныхъ
Обѣдалъ въ мирной тишинѣ.
Какъ вдругъ, онъ видитъ: кто-то въ полѣ,
Какъ буря, мчится на конѣ;
И, времени не тратя болѣ,
Фарлафъ, покинувъ свой обѣдъ,
Коньe, кольчугу, шлемъ, перчатки,
Вскочилъ въ сѣдло, и безъ оглядки
Летитъ—а тотъ за нимъ во слѣдъ.
«Остановись, бѣлецъ бесчестный!»

ФАРЛАФЪ.

Рисунокъ М. С. Нестерова.

Кричитъ Фарлафу неизвѣстный.
«Презрѣнный, дай себя догнать!
Дай голову съ тебя сорвать!»
Фарлафъ, узнавши гласъ Рогдая,
Со страха скорчась, обмираль,
И, вѣрной смерти ожидая,
Коня еще быстрѣе гналъ.
Такъ точно заяцъ торопливой,
Прижавши уши боязливо,
По кочкамъ, полемъ, сквозь лѣса
Скачками мчится ото пса.
На мѣстѣ славнаго побѣга
Весной растопленнаго снѣга
Потоки мутные текли
И рыли влажну грудь земли.
Ко рву примчался конь ретивой,
Взмахнулъ хвостомъ и бѣлой гривой,
Бразды стальныя закусилъ
И черезъ ровъ перескочилъ;
Но робкій всадникъ вверхъ ногами
Свалился тяжко въ грязный ровъ,
Земли не взвидѣлъ съ небесами,
И смерть принять ужъ былъ готовъ.
Рогдай къ оврагу подлетаетъ;
Жестокій мечь ужъ занесёнъ;
«Погибни, трусъ! умри! вѣщаетъ...
Вдругъ узнаетъ Фарлафа онъ;
Глядитъ, и руки опустились;
Досада, изумленье, гнѣвъ
Въ его чертахъ изобразились;
Скрипя зубами, онѣмѣвъ,
Герой, съ поникшею главою
Скорѣй отъѣхавъ ото рва,
Бѣсился... по едва-едва
Самъ не смѣялся надъ собою.
Тогда онъ встрѣтилъ подъ горой
Старушечку чуть-чуть живую,
Горбатую, совсѣмъ сѣдую.
Она дорожною клюкой
Ему на сѣверъ указала.
Ты тамъ найдешь его, сказала.
Рогдай весельемъ закипѣлъ
И къ вѣрной смерти полетѣлъ.
А нашъ Фарлафъ? Во рву остался,
Дохнуть не смѣя; про себя
Онъ, лежа, думалъ: живъ ли я?
Куда соперникъ злой дѣвался?
Вдругъ слышитъ прямо надъ собой
Старухи голосъ гробовой:
«Встань, молодецъ; все тихо въ полѣ;
«Ты никого не встрѣтишь болѣ;
«Я привела тебѣ коня;
«Вставай, послушайся меня.»
Смущенный витязь по неволѣ
Подъкомъ оставилъ грязный ровъ:
Окрестность робко озирая,
Вздохнулъ и молвилъ оживая:
«Ну, слава Богу, я здоровъ!»
«Повѣрь! старуха продолжала:
«Людмилу мудрено сыскать;
«Она далеко забѣжала;
«Не намъ съ тобой ее достать.
«Опасно разъѣзжать по свѣту:
«Ты, право, будешь самъ не радъ.
«Послѣдуй моему совѣту,
«Ступай тихохонько назадъ.
«Подъ Кіевомъ, въ уединеньѣ,
«Въ своемъ наслѣдственномъ селеньѣ
«Останься лучше безъ заботъ:
«Отъ насъ Людмила не уйдетъ.»
Сказавъ, изчезла. Въ нетерпѣньѣ
Благоразумный нашъ герой
Тотчасъ отправился домой,
Сердечно позабывъ о славѣ
И даже о княжнѣ младой;
И шумъ малѣйшій по дубравѣ,
Полетъ синицы, ропотъ водъ
Его бросали въ жаръ и въ потъ.
Межъ тѣмъ Руслань далеко мчится;
Въ глуши лѣсовъ, въ глуши полей
Привычной думою стремится
Къ Людмилѣ, радости своей,
И говоритъ: «найду ли друга?
«Гдѣ ты, души моей супруга?
«Увижу ль я твой свѣтлый взоръ?
«Услышу ль нѣжный разговоръ?
«Иль суждено, чтобъ чародѣя
«Ты вѣчной плѣнницей была,
«И, скорбной дѣвою старѣя,
«Въ темницѣ мрачной отцвѣла?
«Или соперникъ дерзновенный
«Придетъ?... Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ безцѣнный:
«Еще при мнѣ мой вѣрный мечь,
«Еще глаза не нала съ плечъ.»
Однажды, темною порою,
По камнямъ берегомъ крутымъ
Нашъ витязь ѣхалъ надъ рѣкою.
Все утихало. Вдругъ за нимъ
Стрѣлы мгновенное жужжанье,
Кольчуги звонъ и крикъ и ржанье
И топотъ по полю глухой.
Стой! грянулъ голосъ громовой.
Онъ оглянулся: въ полѣ чистомъ,
Поднявъ копье, летитъ со свистомъ
Свирѣпый всадникъ, и грозой
Помчался князь ему на встрѣчу.
«Ага! догналъ тебя! постой!»
Кричитъ наѣздникъ удалой:
«Готовься, другъ, на смертну сѣчу;
«Теперь ложись средь здѣшнихъ мѣстъ;
«А тамъ ищи своихъ невѣстъ».
Руслань вспылалъ, вздрогнулъ отъ гнѣва:
Онъ узнаетъ сей буйный гласъ...



САДЫ ЧЕРНОМОРА.

Декорація В. Гартмана. Изъ постановки 1870-хъ гг. оперы Глинки «Руслан и Людмила» на сцене Маріинскаго театра въ Спб.
(Воспроизведено по акварели Гартмана, принадлежащей Д. В. Стасову).

Друзья мои, а наша дѣва?
Оставимъ витязей на часъ;
О нихъ опять я вспомню вскорѣ.
А то давно пора бы мнѣ
Подумать о младой княжнѣ
И объ ужасномъ Черноморѣ.
Моей причудливой мечты
Наперсникъ иногда нескромной,
Я разсказалъ, какъ ночью темной
Людмилы нѣжной красоты
Отъ воспаленнаго Руслана
Сокрылись вдругъ среди тумана.
Несчастная! когда злодѣй,
Рукою мощною своей
Тебя сорвавъ съ постели брачной,
Взвился, какъ вихорь, къ облакамъ
Сквозь тяжкій дымъ и воздухъ мрачной,
И вдругъ умчалъ къ своимъ горамъ—
Ты чувствъ и памяти лишилась
И въ страшномъ замкѣ колдуна,
Безмолвна, трепетна, блѣдна,
Въ одно мгновенье очутилась.
Съ порога хижины моей
Такъ видѣлъ я, средь лѣтнихъ дней,
Когда за курицей трусливой
Султанъ курятника сѣвшвой,
Пѣтухъ мой по двору бѣжалъ
И сладострастными крылами
Уже подругу обнималъ;
Надъ ними хитрыми кругами
Цыплятъ селенья старый воръ,
Пріявъ губительныя мѣры,
Носился, плавалъ коршунъ сѣрый,
И палъ какъ молнія на дворъ.
Взвился, летитъ. Въ когтяхъ ужасныхъ
Во тму разсѣлинъ безопасныхъ
Уноситъ бѣдную злодѣй.
Напрасно, горестью своей
И хладнымъ страхомъ пораженный,
Зоветъ любовницу пѣтухъ...
Онъ видитъ лишь летучій пухъ,
Летучимъ вѣтромъ занесенный.
До утра юная княжна
Лежала, тягостнымъ забвеньемъ,
Какъ будто страшнымъ сновидѣньемъ,
Объята— наконецъ она
Очнулась, пламеннымъ волненьемъ
И смутнымъ ужасомъ полна;
Душой летитъ за наслажденьемъ,
Кого-то ищетъ съ умоленьемъ:
Гдѣ жъ, милый, шепчетъ, гдѣ супругъ?
Зоветъ и помертвѣла вдругъ.
Глядитъ съ боязнію вокругъ.
Людмила, гдѣ твоя свѣтлица?
Лежитъ несчастная дѣвица
Среди подушекъ пуховыхъ,
Подъ гордой сѣнью балдахина;
Завѣсы, пышная перина
Въ кистяхъ, въ узорахъ дорогихъ;
Повсюду ткани парчевыя;
Играютъ яхонты, какъ жаръ;
Кругомъ курильницы златыя
Подъемлютъ ароматный паръ;
Довольно... благо мнѣ не пала
Описывать волшебный домъ:
Уже давно Шехеразада
Меня предупредила въ томъ.
По свѣтлый теремъ не отрада,
Когда не видимъ друга въ немъ.
Три дѣвы красоты чудесной
Въ одеждѣ легкой и прелестной
Княжнѣ явились, подошли,
И поклонились до земли.
Тогда неслышными шагами
Одна поближе подошла;
Княжнѣ воздушными перстами
Златую косу заплела
Съ искуствомъ, въ наши дни не новымъ,
И обвила вѣнцомъ перловымъ
Окружность блѣднаго чела.
За нею, скромно взоръ склоняя,
Потомъ приближилась другая;
Лазурный, пышный сарафанъ
Одѣлъ Людмилы стройный станъ;
Покрылись кудри золотыя,
И грудь, и плечи молодыя
Фатой, прозрачной, какъ туманъ.
Покровъ завистливый лобзаетъ
Красы, достойныя небесъ,
И обувь легкая сжимаетъ
Двѣ ножки, чудо изъ чудесъ.
Княжнѣ послѣдняя дѣвица
Жемчужный поясъ подаетъ.
Межъ тѣмъ незримая пѣвица
Веселы пѣсни ей поетъ.
Увы, ни камни ожерелья,
Ни сарафанъ, ни перловъ рядъ,
Ни пѣсни лести и веселья
Ея души не веселятъ;
Напрасно зеркало рисуетъ
Ея красы, ея наряды;
Потупя неподвижный взглядъ,
Она молчитъ, она тоскуетъ.
Тѣ, кои, правду водлюби,
На темномъ сердца днѣ читали,
Конечно знаютъ про себя,
Что если женщина въ печали
Сквозь слезъ, украдкой, какъ нибудь,
На зло привычкѣ и радсудку,
Забудетъ въ зеркало взглянуть—
То грустно ей ужъ не на шутку.
Но вотъ Людмила вновь одна.
Не зная, что начать, она
Къ окну рѣшетчату подходитъ,

ЛЮДМИЛА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

Рисунокъ С. Соломки.

И взоръ ея печально бродитъ
Въ пространствѣ насмурной дали.
Все мертво. Снѣжныя равнины
Коврами яркими легли;
Стоятъ угрюмыхъ горъ вершины
Въ однообразной бѣлизнѣ,
И дремлютъ въ вѣчной тишинѣ;
Кругомъ не видно дымной кровли,
Не видно путника въ снѣгахъ,
И звонкій рогъ веселой ловли
Въ пустынныхъ не трубитъ горахъ;
Лишь изрѣдка съ унылымъ свистомъ
Бунтуетъ вихорь въ полѣ чистомъ
И на краю сѣдыхъ небесъ
Качаетъ обнаженный лѣсъ.
Въ слезахъ отчаянья, Людмила
Отъ ужаса лице закрыла.
Увы, что ждетъ ее теперь!
Бѣжитъ въ серебряную дверь:
Она съ музыкой отворилась,
И пана дѣва очутилась
Въ саду. Плѣнительный предѣлъ:
Прекраснѣе садовъ Армиды
И тѣхъ, которыми владѣлъ
Царь Соломонъ иль князь Тавриды.
Предъ нею зыблются, шумятъ
Великолѣпныя дубровы,
Алеи пальмъ и лѣсъ лавровый,
И благовонныхъ миртовъ рядъ,
И кедровъ гордыя вершины,
И золотые апельсины
Зерцаломъ водъ отражены;
Пригорки, рощи и долины
Весны огнемъ оживлены;
Съ прохладой вьется вѣтеръ майскій
Средь очарованныхъ полей,
И свищетъ соловей Китайскій
Во мракѣ трепетныхъ вѣтвей;
Летятъ алмазные фонтаны
Съ веселымъ шумомъ къ облакамъ;
Подъ ними блещутъ истуканы,
И, мнится, живы; Фидій самъ,
Питомецъ Феба и Паллады,
Любуясь ими, наконецъ
Своей очарованной рѣзецъ
Изъ рукъ бы выронилъ съ досады.
Дробясь о мраморны преграды,
Жемчужной, огненной дугой
Валятся, плещутъ водопады;
И ручейки въ тѣни лѣсной
Чуть вьются сонною волной.
Пріютъ покоя и прохлады,
Сквозь вѣчну зелень здѣсь и тамъ
Мелькаютъ свѣтлыя бесѣдки;
Повсюду розъ живыя вѣтки
Цвѣтутъ и дышутъ по тропамъ.
Но безутѣшная Людмила
Идетъ, идетъ и не глядитъ:
Волшебства роскошь ей постыла,
Ей грустенъ нѣги свѣтлый видъ:
Куда, сама не зная, бродитъ,
Волшебный садъ кругомъ обходитъ.
Свободу горькимъ давъ слезамъ,
И взоры мрачные возводитъ
Къ неумолимымъ небесамъ.
Вдругъ освѣтился взоръ прекрасный;
Къ устамъ она прижала перстъ:
Казалось, умыселъ ужасный
Раждался... Страшный путь отверстъ:
Высокій мостикъ надъ потокомъ
Предъ ней вспятъ на двухъ скалахъ;
Въ унынье тяжкомъ и глубокомъ
Она подходитъ—и въ слезахъ
На воды шумныя взглянула,
Ударила, рыдая, въ грудь,
Въ волнахъ рѣшилась утонуть—
Однако въ воды не прыгнула
И далѣ продолжала путь.
Моя прекрасная Людмила,
По солнцу бѣгая съ утра,
Устала, слёзы осушила,
Въ душѣ подумала: пора!
На травку сѣла, оглянулась—
И вдругъ надъ нею сѣнь шатра,
Шумя, съ прохладой развернулась;
Обѣдъ роскошный передъ ней;
Приборъ изъ яркаго кристалла;
И въ тишинѣ изъ-за кустей
Незримъ арфа заиграла.
Дивится плѣнная княжна,
Но втайнѣ думаетъ она:
«Вдали отъ милаго, въ неволѣ,
Зачѣмъ мнѣ жить на свѣтѣ болѣ?
О ты, чья гибельная страсть
Меня терзаетъ и лелѣетъ,
Мнѣ не страшна злодѣя власть:
Людмила умереть умѣетъ!
Не нужно мнѣ твоихъ шатровъ,
Ни скучныхъ пѣсень, ни пировъ—
Не стану ѣсть, не буду слушать,
Умру среди твоихъ садовъ!»
Подумала—и стала кушать.
Княжна встаетъ, и вмигъ шатёръ,
И пышной роскоши приборъ,
И звуки арфы... все пропало:
Попрежнему все тихо стало;
Людмила вновь одна въ садахъ
Скитается изъ рощи въ рощи;
Межъ тѣмъ въ лазурныхъ небесахъ
Плываетъ луна, царица нощи,
Находитъ мгла со всѣхъ сторонъ
И тихо на холмахъ почила;
Княжну невольно клонитъ сонъ,
И вдругъ не вѣдомая сила

ШЕСТВІЕ ЧЕРНОМОРА.

Рисунокъ П. Панова.

Нѣжнѣй, чѣмъ вешній вѣтерокъ,
Ее на воздухъ поднимаетъ,
Несетъ по воздуху въ чертогъ
И осторожно опускаетъ
Сквозь опміамъ вечернихъ розъ
На ложе грусти, ложе слёзъ.
Три дѣвы вмигъ опять явились
И вкругъ нея засуетились,
Чтобъ на ночь пышный снять уборъ:
Но ихъ унылый, смутный взоръ
И принужденное молчанье
Являли въ тайнѣ сострадане
И немощный судьбамъ укоръ.
Но иосиѣшимъ: рукой ихъ нѣжной
Раздѣта сонная княжна:
Прелестна прелестью небрежной,
Въ одной сорочкѣ бѣлоснѣжной
Ложится почивать она.
Со вздохомъ дѣвы поклонились,
Скорѣй какъ можно удалились
И тихо притворили дверь.
Что жъ пана плѣнница теперь!
Дрожитъ какъ листъ, дохнуть несмѣетъ;
Хладѣютъ перси, взоръ темнѣетъ;
Мгновенный сонъ отъ глазъ бѣжитъ:
Не спитъ, удвоила вниманье,
Недвижно въ темноту глядитъ...
Все мрачно, мертвое молчанье!
Лишь сердца слышитъ трепетанье...
И мнится... шепчетъ тишина;
Идутъ—идутъ къ ея постелѣ:
Въ подушки прячется княжна—
И вдругъ... о страхъ!... и въ самомъ дѣлѣ
Раздался шумъ; озарена
Мгновеннымъ блескомъ тма ночная,
Мгновенно дверь отворена;
Безмолвно, гордо выступая,
Нагими саблями сверкая,
Арапокъ длинный рядъ идетъ
Попарно, чинно, сколь возможно,
И на подушкахъ осторожно
Сѣдую бороду несетъ:
И входитъ съ важностью за нею,
Подъявъ величественно шею,
Горбатый карликъ изъ дверей:
Его-то головѣ обритой,
Высокимъ колпакомъ покрытой,
Принадлежала борода.
Ужъ онъ приближился: тогда
Княжна съ постели соскочила,
Сѣдаго карлу за колпакъ
Рукою быстрой ухватила,
Дрожащій занесла кулакъ,
И въ страхѣ завизжала такъ,
Что всѣхъ Арапокъ оглушила.
Трепеща, скорчился бѣдникъ,
Княжны испуганной блѣднѣе:
Зажавши уши поскорѣе,
Хотѣлъ бѣжать, но въ бородѣ
Запутался, упалъ и бьется;
Встаетъ, упалъ; въ такой бѣдѣ
Арапокъ черный рой мятется:
Шумятъ, толкаются, бѣгутъ,
Хватаютъ колдуна въ охапку,
И вонъ распутывать несутъ,
Оставя у Людмилы шапку.
Но что-то добрый витязь нашъ?
Вы помните ль нежданну встрѣчу?
Бери свой быстрый карандашъ,
Рисуй, Орловскій, ночь и сѣчу!
При свѣтѣ трепетномъ луны
Сразились витязи жестоко:
Сердца ихъ гнѣвомъ стѣснены
Ужъ копья брошены далёко,
Уже мечи раздроблены,
Кольчуги кровію покрыты,
Щиты трещатъ, въ куски разбиты...
Они схватились на коняхъ:
Взрывая къ небу черный прахъ,
Подъ ними борзы кони бьются;
Борцы, недвижно сплетены,
Другъ друга стиснувъ, остаются,
Какъ бы къ сѣдлу пригвождены;
Ихъ члены злобой сведены;
Перевлелись и костенѣютъ;
Но жиламъ быстрый огнь бѣжитъ;
На вражьей груди грудь дрожитъ—
И вотъ колеблются, слабѣютъ—
Кому-то пасть... Вдругъ витязь мой,
Вскипѣвъ, желѣзною рукой
Съ сѣдла наѣзника срываетъ,
Подъемлетъ, держитъ надъ собой
И въ волны съ берега бросаетъ.
«Погибни! грозно восклицаетъ;
Умри, завистникъ злобный мой!—
Ты догадался, мой читатель,
Съ кѣмъ бился доблестный Руслань:
То былъ кровавыхъ битвъ искатель,
Рогдай, надежда Кіевлянъ,
Людмилы мрачный обожатель.
Онъ вдоль Днѣпровскихъ береговъ
Искалъ соперника слѣдовъ:
Нашелъ, настигъ, но прежня сила
Питомцу битвы измѣнила,
И Руси древній удалецъ
Въ пустынѣ свой нашелъ конецъ.
И слышно было, что Рогдая
Тѣхъ водъ Русалка молодая
На хладны нѣрси приняла,
И, жадно витязя лобзая,
На дно со смѣхомъ увлекла,
И долго послѣ, ночью тёмной,
Бродя близъ тихихъ береговъ,
Богатыря призракъ огромной
Пугалъ пустынныхъ рыбаковъ.

БИТВА РУСЛАНА СЪ РОГДАЕМЪ.
Неизданный рисунокъ В. Г. Шварца. (Изъ собранія брата художника Е. Г. Шварца).

ЧЕРНОМОРЪ и НАИНА.

Неизданный офортъ Е. И. Тевяшова. (Изъ Пушкинскаго собранія П. Е. Гейнбота).

ПѢСНЬ ТРЕТІЯ.

Напрасно вы въ тѣни таились
Для мирныхъ, счастливыхъ друзей,
Стихи мои! Вы не сокрылись
Отъ гнѣвныхъ завистн очей.
Ужъ блѣдный критикъ, ей въ услугу,
Вопросъ мнѣ сдѣлалъ роковой:
Зачѣмъ Русланову подругу,
Какъ бы на смѣхъ ея супругу,
Зову я дѣвой и княжной?
Ты видишь, добрый мой читатель,
Тутъ злобы черную печать!
Скажи, Зоилъ, скажи, предатель,
Ну, какъ и что мнѣ отвѣчать?
Краснѣй, несчастный, Богъ съ тобою!
Краснѣй, я спорить не хочу:
Довольный тѣмъ, что правъ душою,
Въ смиренной кротости молчу.
Но ты поймешь меня, Климена,
Потупишь томные глаза,
Ты, жертва скучнаго Гимена...
Я вижу: тайная слеза
Падетъ на стихъ мой, сердцу внятный:
Ты покраснѣла, взоръ погасъ:
Вздохнула, молча... вздохъ понятный!
Ревнивецъ: бойся, близокъ часъ;
Амуръ съ Досадой своенравной
Вступили въ смѣлый заговоръ,
И для главы твоей безславной
Готовъ ужъ мстительный уборъ.
Ужъ утро хладное сіяло
На темени полнощныхъ горъ:
Но въ дивномъ зáмкѣ все молчало.
Въ досадѣ скрытой Черноморъ,
Безъ шапки въ утреннемъ халатѣ,
Зѣвалъ сердито на кровати.
Вокругъ брады его сѣдой
Рабы толпились молчаливы,
И нѣжно гребень костяной
Разчесывалъ ея извивы.
Межъ тѣмъ, для пользы и красы,
На безконечные усы
Лились восточны ароматы,
И кудри хитрые вились:
Какъ вдругъ, откуда ни возьмись,

Въ окно влетаетъ змій крылатый:
Гремя желѣзной чешуёй,
Опъ въ кольца быстрыя согнулся
И вдругъ Наиной обернулся
Предъ изумленною толпой.
«Привѣтствую тебя, сказала,
Собратъ, издавна чтимой мной!
Досель я Черномора знала
Одною громкою молвой;
Но тайный рокъ соединяетъ
Теперь насъ общею враждой:
Тебѣ опасность угрожаетъ,
Нависла туча надъ тобой;
И голосъ оскорбленной чести
Меня къ отмщенію зоветъ».
Со взоромъ, полнымъ хитрой лести,
Ей карла руку подаетъ,
Вѣщая: «дивная Наина!
Мнѣ драгоцѣненъ твой союзъ.
Мы посрамимъ коварство Финна:
Но мрачныхъ козней не боюсь:
Противникъ слабый мнѣ не страшенъ;
Узнай чудесный жребій мой:
Сей благодатной бородой
Недаромъ Черноморъ украшенъ.
Доколь власовъ ея сѣдыхъ
Враждебный мечъ не перерубитъ,
Никто изъ витязей лихихъ,
Никто изъ смертныхъ не погубитъ
Малѣйшихъ замысловъ моихъ;
Моею будетъ вѣкъ Людмила,
Руланъ же гробу обреченъ!»
И мрачно вѣдьма повторила:
«Погибнетъ опъ! погибнетъ опъ!»
Потомъ три раза прошипѣла;
Три раза топнула ногой,
И чернымъ зміемъ улетѣла.
Блистая въ ризѣ парчевой,
Колдунъ, колдуньей ободренной,
Развеселясь, рѣшился вновь
Нести къ ногамъ дѣвицы плѣнной
Усы, покорность и любовь.
Разряженъ, карликъ бородатый
Опять идетъ въ ея палаты;
Проходитъ длинный комнатъ рядъ:
Княжны въ нихъ нѣтъ. Опъ далѣ въ садъ,
Въ лавровый лѣсъ, къ рѣшеткѣ сада,
Вдоль озера, вкругъ водопада,
Подъ мостики, въ бесѣдки... нѣтъ!
Княжна ушла, пропалъ и слѣдъ!
Кто выразитъ его смущенье,
И ревъ, и тренетъ вступленья!
Съ досады дня не взвидѣлъ опъ.
Раздался карлы дикій стонъ:
«Сюда, невольники, бѣгите!
Сюда, надѣюсь я на васъ!
Сей часъ Людмилу мнѣ сыщите!
Скорѣе, слышите ль? сей часъ!
Не то—шутите вы со мною—
Всѣхъ удавлю васъ бородою!»
Читатель, разскажу ль тебѣ,
Куда красавица дѣвалась!
Всю ночь она своей судьбѣ
Въ слезахъ дивилась и—смѣялась.
Ее пугала борода,
Но Черноморъ ужъ былъ извѣстенъ,
И былъ смѣшонъ, а никогда
Со смѣхомъ ужасъ несовмѣстенъ.
Навстрѣчу утреннимъ лучамъ
Постель оставила Людмила,
И взоръ невольный обратила
Къ высокимъ, чистымъ зеркаламъ:
Невольно кудри золотыя
Съ лилейныхъ плечъ приподняла:
Невольно волосы густые
Рукой небрежной заплела:
Свои вчерашніе наряды
Печально въ углу нашла;
Вздохнувъ, одѣлась и съ досады
Тихонько плакать начала;
Однако съ вѣрнаго стекла
Вздыхая не сводила взора.
И дѣвицѣ пришло на умъ,
Въ волненьи своенравныхъ думъ,
Примѣрять шапку Черномора.
Все тихо, никого здѣсь нѣтъ;
Никто на дѣвушку не взглянетъ...
А дѣвушкѣ въ семнадцать лѣтъ
Какая шапка не пристанетъ!
Рядиться никогда не лѣнь!
Людмила шапкой завертѣла:
На брови, прямо, на бекрень,
И задомъ напередъ надѣла.
И что жъ? О чудо старыхъ дней!
Людмила въ зеркалѣ пропала:
Перевернула—передъ ней
Людмила прежняя предстала:
Назадъ надѣла—снова нѣтъ;
Сняла—и въ зеркалѣ! «Прекрасно!
Добро, колдунъ, добро мой свѣтъ!
Теперь мнѣ здѣсь ужъ безопасно;
Теперь избавлюсь отъ хлопотъ!»
И шапку стараго злодѣя
Княжна, отъ радости краснѣя,
Надѣла задомъ напередъ.
Но возвратимся же къ герою.
Не стыдно ль заниматься намъ
Такъ долго шапкой, бородою,
Руслана поруча судьбамъ?
Сверпувъ съ Рогдаемъ бой жестокій,
Проѣхалъ опъ дремучій лѣсъ;
Предъ нимъ открылся долъ широкій
При блескѣ утреннихъ небесъ.
Трепещетъ витязь по неволѣ:

Онъ видитъ старой битвы поле.
Вдали все пусто; здѣсь и тамъ
Желтѣютъ кости; по холмамъ
Разбросаны колчаны, латы;
Гдѣ збруя, гдѣ заржавый щитъ;
Въ костяхъ руки здѣсь мечь лежитъ;
Травой обросъ тамъ шлемъ косматый
И старый черепъ тлѣетъ въ немъ;
Богатыря тамъ остовъ цѣлый
Съ его поверженнымъ конемъ
Лежитъ не движный: копья, стрѣлы
Въ сырую землю вонзены,
И мирный плющъ ихъ обвиваетъ...
Ничто безмолвной тишины
Пустыни сей не возмущаетъ,
И солнце съ ясной вышины
Долину смерти озаряетъ.
Со вздохомъ витязь вкругъ себя
Взираетъ грустными очами.
«О поле, поле, кто тебя
Усѣялъ мертвыми костями?
Чей борзый конь тебя топталъ
Въ послѣдній часъ кровавой битвы?
Кто на тебѣ со славой палъ?
Чьи небо слышало молитвы?
За чѣмъ же, поле, смолкло ты
И поросло травой забвенья?...
Временъ отъ вѣчной темноты,
Быть можетъ, нѣтъ и мнѣ спасенья!
Быть можетъ на холмѣ нѣмомъ
Поставятъ тихій гробъ Русланову,
И струны громкія Баяновъ
Не будутъ говорить о немъ!»
Но вскорѣ вспомнилъ витязь мой,
Что добрый мечь герою нуженъ
И даже панцырь; а герой
Съ послѣдней битвы безоруженъ.
Обходитъ поле онъ вокругъ;
Въ кустахъ, среди костей забвенныхъ,
Въ громадѣ тлѣющихъ кольчугъ,
Мечей и шлемовъ раздробленныхъ
Себѣ доспѣховъ ищетъ онъ.
Проснулись гулъ и степь нѣмая,
Поднялся въ полѣ трескъ и звонъ;
Онъ поднялъ щитъ, не выбирая,
Нашелъ и шлемъ, и звонкій рогъ;
Но лишь меча сыскать не могъ.
Долину брани объѣзжая,
Онъ видитъ множество мечей,
Но всѣ легки, да слишкомъ малы,
А князь красавецъ былъ не вялый,
Не то, что витязь нашихъ дней.
Чтобъ чѣмъ нибудь играть отъ скуки,
Коньe стальное вдялъ онъ въ руки,
Кольчугу онъ надѣлъ на грудь,
И далѣе пустился въ путь.
Ужъ побѣдительъ закатъ румяный
Надъ усыпленною землёй;
Дымятся синія туманы
И всходитъ мѣсяцъ золотой;
Померкла степь. Тропою тёмной
Задумчивъ, ѣдетъ панъ Руланъ,
И видитъ: сквозь ночной туманъ
Вдали чернѣетъ холмъ огромной,
И что-то страшное хранитъ.
Онъ ближе къ холму, ближе—слышитъ:
Чудесный холмъ какъ будто дышитъ.
Руланъ внимаетъ и глядитъ
Безтрепетно, съ покойнымъ духомъ:
Но, шевеля пугливымъ ухомъ,
Конь упирается, дрожитъ,
Трясетъ упрямой головою,
И грива дыбомъ поднялась.
Вдругъ холмъ, безоблачной луною
Въ туманѣ блѣдно озаряясь,
Яснѣетъ; смотритъ храбрый князь—
И чудо видитъ предъ собою.
Найду ли краски и слова?
Предъ нимъ живая голова.
Огромны очи сномъ обьяты;
Храпитъ, качая шлемъ мохнатый,
И перья въ темной высотѣ,
Какъ тѣни ходятъ, развѣваясь.
Въ своей ужасной красотѣ
Надъ мрачной степью возвышаясь,
Безмолвіемъ окружена,
Пустыни сторожъ безымянной,
Руслану предстоитъ она
Громадой грозной и туманной.
Въ недоумѣньи хочетъ онъ
Таинственный разрушить сонъ.
Вблизи осматривая дико,
Объѣхалъ голову кругомъ
И сталъ предъ носомъ молчаливо:
Щекотитъ ноздри конёмъ,
И, сморщась, голова зѣвнула.
Глаза открыла и чихнула...
Поднялся вихорь, степь дрогнула,
Взвилася пыль; съ рѣсницъ, съ усовъ,
Съ бровей слетѣла стая сновъ.
Проснулись рощи молчаливы,
Чихнуло эхо—конь ретивый
Заржалъ, запрыгалъ, отлетѣлъ,
Едва самъ витязь усидѣлъ,
И вслѣдъ раздался голосъ шумный:
«Куда ты, витязь неразумный?
Стунай назадъ; я не шучу!
Какъ разъ нахала проглочу!»
Руланъ съ презрѣньемъ оглянулся,
Браздами удержалъ коня,
И съ гордымъ видомъ усмѣхнулся.
«Чего ты хочешь отъ меня?»
Нахмурясь, голова вскричала;
«Вонъ, гостя мнѣ судьба послала!

ЛЮДМИЛА ОДѢВАЕТЪ ШАПКУ ЧЕРНОМОРА.

Рисунокъ А. Лебедева (1862).

«Послушай, убирайся прочь!
«Я спать хочу, теперь ужъ ночь,
«Прощай!» Но витязь знаменитой,
Услыша грубыя слова,
Воскликнулъ съ важностью сердитой:
—Молчи, пустая голова!
Слыхалъ я истину, бывало:
Хоть лобъ широкъ, да мозгу мало!
Я ѣду, ѣду, не свищу,
А какъ паѣду, не спущу!—
Тогда, отъ ярости нѣмѣя,
Стѣснѣнной злобой пламенѣя,
Надулась голова; какъ жаръ,
Кровавы очи засверкали:

Пашѣпясь, губы задрожали,
Изъ устъ, ушей поднялся паръ—
И вдругъ она, что было мочи,
Навстрѣчу князю стала дуть:
Напрасно конь, зажмуря очи,
Склонивъ главу, натужа грудь,
Сквозь вихорь, дождь и сумракъ ночи
Невѣрный продолжаетъ путь;
Объятый страхомъ, ослѣпленный,
Онъ мчится вновь, изнеможенный,
Далече въ полѣ отдохнуть.
Вновь обратиться витязь хочетъ—
Вновь отраженъ, надежды нѣтъ!
А голова ему вослѣдъ,
Какъ сумасшедшая, хохочетъ,
Гремитъ: «ай, витязь! ай, герой!
«Куда ты? Тише, тише, стой!
«Эй, витязь, шею сломишь даромъ;
«Не трусь, пѣздникъ, и меня
«Порадуй хоть однимъ ударомъ,
«Пока не заморилъ копя».
И между тѣмъ она героя
Дразнила страшнымъ языкомъ.
Руслашъ, досаду въ сердцѣ кроя,
Грозитъ ей молча копіёмъ,
Трясетъ его рукой свободной,
И, задрожавъ, булатъ холодной
Вонзился въ дерзостный языкъ.
И кровь изъ бѣшенаго зѣва
Рѣкою побѣжала вмигъ.
Отъ удивленья, боли, гнѣва,
Въ минуту дерзости лишась,
На князя голова глядѣла,
Желѣзо грызла и блѣднѣла.
Въ спокойномъ духѣ горячась,
Такъ иногда средь нашей сцены
Плохой питомецъ Мельпомены,
Внезапнымъ свистомъ оглушёнъ:
Ужъ ничего не видитъ онъ,
Блѣднѣетъ, роли забываетъ,
Дрожитъ, поникнувъ головой,
И занкаясь умолкаетъ
Передъ насмѣшливой толпой.
Счастливымъ пользуясь мгновеньемъ,
Къ обычной головѣ смущеньемъ,
Какъ ястребъ, богатырь летитъ
Съ подъятой, грозною десницей,
И въ щеку тяжкой рукавицей
Съ размаха голову разитъ;
И стонъ ударомъ огласилась:
Кругомъ росистая трава
Кровавой пѣной обагрилась,
И, запнувшись, голова
Перевернулась, покатилась,
И шлемъ чугунный застучалъ.
Тогда на мѣстѣ опустѣломъ
Мечь богатырскій засверкалъ.

Нашъ витязь въ трепетѣ веселомъ
Его схватилъ, и къ головѣ
По окровавленной травѣ
Бѣжитъ съ намѣреньемъ жестокимъ
Ей носъ и уши обрубить:
Уже Руслашъ готовъ разить,
Уже взмахнулъ мечемъ широкимъ —
Вдругъ, изумленный, внемлетъ онъ
Главы молящей жалкій стонъ...
И тихо мечь онъ опускаетъ,
Въ немъ гнѣвъ свирѣпый умираетъ,
И мщенье бурное падетъ
Въ душѣ, моленьемъ усмиренной:
Такъ на долинѣ таетъ ледъ,
Лучемъ полудня пораженной.
«Ты вразумилъ меня, герой,
Со вздохомъ голова сказала:
Твоя десница доказала,
Что я виновенъ предъ тобой;
Отнынѣ я тебѣ послушенъ:
Но, витязь, будь великодушенъ!
Достоинъ плача жребій мой.
И я былъ витязь удалой!
Въ кровавыхъ битвахъ супостата
Себѣ я равнаго не зрѣлъ;
Счастливъ, когда бы не имѣлъ
Соперникомъ меньшаго брата!
Коварный, злобный Черномортъ,
Ты, ты всѣхъ бѣдъ моихъ виною!
Семейства нашего позоръ,
Рожденный карлой, съ бородою,
Мой дивный ростъ отъ юныхъ дней
Не могъ онъ безъ досады видѣть,
И сталъ за то въ душѣ своей
Меня, жестокій, ненавидѣть.
Я былъ всегда немного простъ,
Хотя высокъ; а сей несчастной,
Имѣя самый глупый ростъ,
Умелъ какъ бѣсъ—и золъ ужасно.
Притомъ же, знай, къ моей бѣдѣ,
Въ его чудесной бородѣ
Таится сила роковая,
И, все на свѣтѣ презирая—
Доколѣ борода цѣла—
Пдмѣшникъ не страшится зла.
Вотъ онъ, однажды, съ видомъ дружбы,
Послушай, хитро мнѣ сказалъ,
Не откажись отъ важной службы:
Я въ черныхъ книгахъ отыскалъ,
Что за восточными горами,
На тихихъ моря берегахъ,
Въ глухомъ подвалѣ, подъ замками
Хранится мечь—и что же? страхъ!
Я разобралъ во тмѣ волшебной,
Что волею судьбы враждебной
Сей мечь извѣстенъ будетъ намъ;
Что насъ онъ обоихъ погубитъ:

РУСЛАНЪ и ГОЛОВА.
Рисунокъ М. С. Нестерова.

Мнѣ бороду мою отрубитъ,
Тебѣ главу; суди же самъ,
Сколь важно намъ пріобрѣтенье
Сего созданья злыхъ духовъ!
«Ну, что же? гдѣ тутъ затрудненье?
Сказалъ я карлѣ, я готовъ;
Иду, хоть за предѣлы свѣта.»
И сосну на плечо взвалилъ,
А на другое для совѣта
Злодѣя брата посадилъ;
Пустился въ дальнюю дорогу,
Шагалъ, шагалъ и, слава Богу,
Какъ бы пророчеству на зло,
Все счастливо сначала шло.
За отдаленными горами
Нашли мы роковой подвалъ;
Я разметалъ его руками
И потаенный мечъ досталъ.
Но нѣтъ! судьба того хотѣла:
Межъ нами ссора закипѣла —
И было, признаюсь, о чемъ!
Вопросъ: кому владѣть мечемъ?
Я спорилъ, карла горячился;
Бранились долго; наконецъ
Уловку выдумалъ хитрецъ,
Притихъ и будто бы смягчился.
— Оставимъ безполезный споръ,
Сказалъ мнѣ важно Черноморъ:
Мы тѣмъ союзъ нашъ обезславимъ;
Разсудокъ въ мирѣ жить велитъ;
Судьбѣ рѣшить мы предоставимъ,
Кому сей мечь принадлежитъ.
Къ землѣ приникнемъ ухомъ оба
(Чего не выдумаетъ злоба!),
И кто услышитъ первый звонъ
Тотъ и владѣй мечемъ до гроба.—
Сказалъ и легъ на зёмлю онъ.
Я сдуру также растянулся;
Лежу, не слышу ничего,
Смѣюсь: обману его!
Но самъ жестоко обманулся.
Злодѣй въ глубокой тишинѣ,
Привставъ, на цыпочкахъ ко мнѣ
Подкрался сзади, размахнулся;
Какъ вихорь свиснулъ острый мечь,
И прежде, чѣмъ я оглянулся,
Ужъ голова слетѣла съ плечъ—
И сверхъестественная сила
Въ ней жизни духъ остановила.
Мой остовъ терніемъ обросъ;
Вдали, въ странѣ людьми забвенной,
Истлѣлъ мой прахъ непогребенной;
Но злобный карла переѣсъ
Меня въ сей край уединенной,
Гдѣ вѣчно долженъ былъ стеречь
Тобой сегодня взятый мечь.
О витязь, ты хранимъ судьбою!
Возьми его, и Богъ съ тобою!
Быть можетъ, на своемъ пути
Ты карлу-чародѣя встрѣтишь—
Ахъ, если ты его замѣтишь;
Коварству, злобѣ отомсти!
И наконецъ я счастливъ буду,
Спокойно міръ оставлю сей—
И въ благодарности моей
Твою пощечину забуду.»

РУСЛАНЪ и ГОЛОВА.

Неизданная акварель В. Г. Шварца (изъ собранія брата художника Е. Г. Шварца)

САДЫ ЧЕРНОМОРА.

Декорація А. И. Роллера для оперы Глинки «Русланъ и Людмила». Впервые воспроизводится по картинѣ Роллера, теперь находящейся въ Публичной Библіотекѣ.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я каждый день, возставъ отъ сна,
Благодарю сердечно Бога
За то, что въ наши времена
Волшебниковъ не такъ ужъ много.
Къ тому-же—честь и слава имъ!—
Женитьбы наши безопасны...
Ихъ замыслы не такъ ужасны
Мужьямъ, дѣвицамъ молодымъ.
Но есть волшебники другіе,
Которыхъ ненавижу я:
Улыбка, очи голубыя
И голосъ милый—о друзья!
Не вѣрьте имъ: они лукавы!
Страшитесь, подражая мнѣ,
Ихъ упоительной отравы,
И почивайте въ тишинѣ.

Поэзіи чудесный геній,
Пѣвецъ таинственныхъ видѣній,
Любви, мечтаній и чертей,
Могилъ и рая вѣрный житель,
И музы вѣтреной моей
Наперсникъ, пѣстунъ и хранитель!
Прости мнѣ, сѣверный Орфей,
Что въ повѣсти моей забавной
Теперь вослѣдъ тебѣ лечу,
И лиру музы своенравной
Во лжи прелестной обличу.
Друзья мои, вы всѣ слыхали,
Какъ бѣсу въ древни дни злодѣи
Предалъ сперва себя съ печали,
А тамъ и души дочерей:
Какъ послѣ щедрымъ подаяньемъ,

Молитвой, вѣрой и постомъ
И непритворнымъ покаяньемъ
Спасалъ заступника въ Святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей:
И пасъ плѣнили, ужасцули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Пхъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душой Вадима призывали,
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто шопкинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали.
И чтожъ, возможно ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?..

Младый Ратмиръ, направя къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
По день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучь горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ,
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
Ночлега межъ деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Черпѣютъ башни на углахъ;
И два по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы нѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой.

«Ложится въ полѣ мракъ почной;
Отъ волнъ подпялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!
«Здѣсь почью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ, и шпровапье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!
«У насъ найдешь красавицъ рой;
Пхъ нѣжны рѣчи и лобзанье,
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой!
«Тебѣ мы съ утренней зарёй
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

«Ложится въ полѣ мракъ почной:
Отъ волнъ подпялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»
Она манитъ, она поетъ:
И юный ханъ ужъ подъ стѣною:
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ.
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой:
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечь беретъ, та пышный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной Рускої бани.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладные фонтаны;
Разостланъ роскошью ковёръ;
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится.
Потуня нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ нпая машетъ
Вѣтвями молодыхъ берёзъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пашетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ:
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.

Но вотъ выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды Греческихъ дружинъ,
И звонъ и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе, по слѣдамъ Парни,

ЧЕРНОМОРЪ.

Акварель Гартмана. (Изъ собранія Д. В. Стасова. Воспроизводится впервые).

Монахиней. Опрос и потомъ
Съ непритворнымъ покаяньемъ
Снискалъ заступника въ Святомъ;
Какъ умеръ онъ, и какъ заснули
Его двѣнадцать дочерей:
И насъ плѣнили, ужаснули
Картины тайныхъ сихъ ночей,
Сіи чудесныя видѣнья,
Сей мрачный бѣсъ, сей Божій гнѣвъ,
Живыя грѣшника мученья
И прелесть непорочныхъ дѣвъ.
Мы съ ними плакали, бродили
Вокругъ зубчатыхъ замка стѣнъ,
И сердцемъ тронутымъ любили
Ихъ тихій сонъ, ихъ тихій плѣнъ;
Душою Вадима призывали,
И пробужденье зрѣли ихъ,
И часто инокинь святыхъ
На гробъ отцовскій провожали.
И чтожъ, возможно ль?... намъ солгали!
Но правду возвѣщу ли я?..
Младый Ратмиръ, направя къ югу
Нетерпѣливый бѣгъ коня,
Ужъ думалъ предъ закатомъ дня
Нагнать Русланову супругу.
Но день багряный вечерѣлъ;
Напрасно витязь предъ собою
Въ туманы дальніе смотрѣлъ:
Все было пусто надъ рѣкою.
Зари послѣдній лучъ горѣлъ
Надъ ярко-позлащеннымъ боромъ.
Нашъ витязь мимо черныхъ скалъ
Тихонько проѣзжалъ и взоромъ
Ночлега между деревъ искалъ.
Онъ на долину выѣзжаетъ
И видитъ: замокъ на скалахъ
Зубчаты стѣны возвышаетъ;
Чернѣютъ башни на углахъ;
И дѣва по стѣнѣ высокой,
Какъ въ морѣ лебедь одинокой,
Идетъ, зарей освѣщена;
И дѣвы пѣснь едва слышна
Долины въ тишинѣ глубокой:
«Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный;
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!
Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ и пированье.
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!
У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное призванье,
Приди, о путникъ молодой!
Тебѣ мы съ утренней зарею
Наполнимъ кубокъ на прощанье.
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!
Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный;
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!»
Она манитъ, она поётъ;
И юный ханъ ужъ подъ стѣною;
Его встрѣчаютъ у воротъ
Дѣвицы красныя толпою;
При шумѣ ласковыхъ рѣчей
Онъ окруженъ; съ него не сводятъ
Онѣ плѣнительныхъ очей;
Двѣ дѣвицы коня уводятъ;
Въ чертоги входитъ ханъ младой,
За нимъ отшельницъ милыхъ рой;
Одна снимаетъ шлемъ крылатый,
Другая кованыя латы,
Та мечь беретъ, та пыльный щитъ;
Одежда нѣги замѣнитъ
Желѣзные доспѣхи брани.
Но прежде юношу ведутъ
Къ великолѣпной Русской банѣ.
Ужъ волны дымныя текутъ
Въ ея серебряные чаны,
И брызжутъ хладные фонтаны;
Разостланъ роскошью коверъ;
На немъ усталый ханъ ложится;
Прозрачный паръ надъ нимъ клубится;
Потупя нѣги полный взоръ,
Прелестныя, полунагія,
Въ заботѣ нѣжной и нѣмой,
Вкругъ хана дѣвы молодыя
Тѣснятся рѣзвою толпой.
Надъ рыцаремъ иная машетъ
Вѣтвями молодыхъ березъ,
И жаръ отъ нихъ душистый пышетъ;
Другая сокомъ вешнихъ розъ
Усталы члены прохлаждаетъ,
И въ ароматахъ потопляетъ
Темнокудрявые власы.
Восторгомъ витязь упоенной
Уже забылъ Людмилы плѣнной
Недавно милыя красы;
Томится сладостнымъ желаньемъ;
Бродящій взоръ его блеститъ,
И, полный страстнымъ ожиданьемъ,
Онъ таетъ сердцемъ, онъ горитъ.
Но вотъ выходитъ онъ изъ бани.
Одѣтый въ бархатныя ткани,
Въ кругу прелестныхъ дѣвъ, Ратмиръ
Садится за богатый пиръ.
Я не Омеръ: въ стихахъ высокихъ
Онъ можетъ воспѣвать одинъ
Обѣды Греческихъ дружинъ,
И звонъ, и пѣну чашъ глубокихъ.
Милѣе, по слѣдамъ Парни,

Лит. И. Кадышина, С.П.Б.

Мнѣ славить лирою небрежной
И наготу въ ночной тѣни,
И поцѣлуй любови нѣжной!
Луною замокъ озарёнъ:
Я вижу теремъ отдаленный,
Гдѣ витязь томный, восхищенный
Вкушаетъ одинокій сонъ;
Его чело, его ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ горятъ;
Его уста полуоткрыты
Лобзанье тайное манятъ;
Онъ страстно, медленно вздыхаетъ,
Онъ видитъ ихъ—и въ пылкомъ снѣ
Покровы къ сердцу прижимаетъ.
Но вотъ въ глубокой тишинѣ
Дверь отворилась: полъ ревнивой
Скрипитъ подъ ножкой торопливой.
И при серебряной лунѣ
Мелькнула дѣва. Сны крылаты,
Сокройтесь, отлетите прочь!
Проснись—твоя настала ночь!
Проснися—дорогъ мигъ утраты!...
Она подходитъ; онъ лежитъ,
И въ сладострастной нѣгѣ дремлетъ:
Покровъ его съ одра скользитъ
И жаркій пухъ чело объемлетъ.
Въ молчаньи дѣва передъ нимъ
Стоитъ недвижна, бездыханна,
Какъ лицемѣрная Діана
Предъ милымъ пастыремъ своимъ:
И вотъ она, на ложе Хана
Колѣномъ опершись одинмъ,
Вздохнувъ, лицо къ нему склоняетъ
Съ томленьемъ, съ трепетомъ живымъ,
И сонъ счастливца прерываетъ
Лобзаньемъ страстнымъ и нѣмымъ...
  Но, други, дѣвственная лира
Умолкла подъ моей рукой;
Слабѣетъ робкій голосъ мой—
Оставимъ юнаго Ратмира;
Не смѣю нѣсней продолжать:
Руслану пасъ должень занимать,
Руслань, сей витязь безпримѣрный,
Въ душѣ герой, любовникъ вѣрный,
Упорнымъ боемъ утомлёнъ,
Подъ богатырской головою
Онъ сладостный вкушаетъ сонъ.
Но вотъ ужъ ранней зарёю
Сіяетъ тихій небосклонъ;
Все ясно; утра лучь игривый
Главы косматый лобъ златитъ.
Руслань встаетъ, и конь ретивый
Ужъ витязя стрѣлою мчитъ.
  И дни бѣгутъ; желтѣютъ нивы;
Съ деревъ спадаетъ дряхлый листъ:
Въ лѣсахъ осенній вѣтра свистъ
Нѣвидъ пернатыхъ заглушаетъ:
Тяжелый, насмурный туманъ
Нагіе холмы обвиваетъ;
Зима приближилась—Руслань
Свой путь отважно продолжаетъ
На дальній сѣверъ; съ каждымъ днемъ
Преграды новыя встрѣчаетъ:
То бьется онъ съ богатыремъ,
То съ вѣдьмою, то съ великаномъ,
То лунной ночью видитъ онъ,
Какъ будто сквозь волшебный сонъ,
Окружены сѣдымъ туманомъ,
Русалки, тихо на вѣтвяхъ
Качаясь, витязя младаго
Съ улыбкой хитрой на устахъ
Манятъ, не говоря ни слова...
Но тайнымъ промысломъ храним,
Безстрашный витязь невредимъ;
Въ его душѣ желанье дремлетъ;
Онъ ихъ не видитъ, имъ не внемлетъ,
Одна Людмила всюду съ нимъ.
  По между тѣмъ, никѣмъ незрима,
Отъ нападеній колдуна
Волшебной шапкою хранима,
Что дѣлаетъ моя княжна,
Моя прекрасная Людмила?
Она, безмолвна и уныла,
Одна гуляетъ по садамъ,
О другѣ мыслитъ и вздыхаетъ,
Иль, волю давъ своимъ мечтамъ,
Къ родимымъ Кіевскимъ полямъ
Въ забвеньи сердца устремляетъ:
Отца и братьевъ обнимаетъ,
Подружекъ видитъ молодыхъ
И старыхъ мамушекъ своихъ—
Забыты нѣтъ и разлученье!
Но вскорѣ бѣдная княжна
Свое теряетъ заблужденье,
И вновь уныла и одна.
Рабы влюбленнаго злодѣя,
И день и ночь, сидѣть не смѣя,
Межъ тѣмъ по замку, по садамъ
Прелестной плѣнницы искали.
Металисъ, громко призывали,
Однако все попустякамъ.
Людмила ими забавлялась:
Въ волшебныхъ рощахъ иногда
Безъ шапки вдругъ она являлась,
И кликала: «сюда, сюда!
И всѣ бросались къ ней толпою,
Но въ сторону—незрима вдругъ—
Она неслышною стопою
Отъ хищныхъ убѣгала рукъ.
Вездѣ всечасно замѣчали
Ея минутныя слѣды:
То позлащенные плоды
На шумныхъ вѣтвяхъ исчезали,
То капли ключевой воды

На лугъ измятый упадали:
Тогда навѣрно въ замкѣ знали,
Что цвѣтъ пль кушаетъ княжна.
На вѣтвяхъ кедра иль берёзы
Скрываясь по ночамъ, она
Минутнаго искала сна—
Но только проливала слезы,
Звала супруга и покой,
Томилась грустью и зѣвотой,
И рѣдко-рѣдко предъ зарёй,
Склонясь ко древу головой,
Дремала тонкою дремотой.
Едва рѣдѣла ночи мгла,
Людмила къ водопаду шла
Умыться хладною струёю:
Самъ карла утренней порою
Однажды видѣлъ изъ палатъ,
Какъ подъ невидимой рукою
Плескалъ и брызгалъ водопадъ.
Съ своей обычною тоскою
До новой ночи, здѣсь и тамъ,
Она бродила по садамъ;
Нерѣдко подъ вечеръ слыхали
Ея пріятный голосокъ;
Нерѣдко въ рощахъ поднимали
Иль ею брошенный вѣнокъ,
Или клочки Персидской шали,
Или заплаканной платокъ.
Жестокой страстью уязвленный,
Досадой, злобой омраченный,
Колдунъ рѣшился накопецъ
Поймать Людмилу непремѣнно.
Такъ Лемноса хромый кузнецъ,
Пріявъ супружескій вѣнецъ
Изъ рукъ прелестной Цитереи,
Раскинулъ сѣть ея красамъ,
Открывъ насмѣшливымъ богамъ
Киприды нѣжныя затѣи...

Скучая, бѣдная княжна
Въ прохладѣ мраморной бесѣдки
Сидѣла тихо близъ окна,
И сквозь колеблемыя вѣтки
Смотрѣла на цвѣтущій лугъ.
Вдругъ слышитъ—кличутъ: «милый другъ!»
И видитъ вѣрнаго Руслана.
Его черты, походка, станъ:
Но блѣденъ онъ, въ очахъ туманъ
И на бедрѣ живая рана—
Въ ней сердце дрогнуло. «Руслань!
Руслань!... онъ, точно!» И стрѣлою
Къ супругу плѣнница летитъ,
Въ слезахъ, трепеща, говоритъ:
«Ты здѣсь... ты раненъ... что съ тобою?»
Уже достигла, обняла:
О ужасъ... призракъ исчезаетъ!
Княжна въ сѣтяхъ; съ ея чела
На землю шапка упадаетъ.
Хладѣя, слышитъ грозный крикъ:
«Она моя!» и въ тотъ же мигъ
Зритъ колдуна передъ очами.
Раздался дѣвы жалкій стонъ,
Надетъ безъ чувствъ—и дивный сонъ
Объялъ несчастную крылами.
Что будетъ съ бѣдною княжной!
О страшный видъ: волшебникъ хилый
Ласкаетъ дерзостной рукой
Младыя прелести Людмилы!
Уже ли счастливъ будетъ онъ?
Чу... вдругъ раздался рога звонъ.
И кто-то карлу вызываетъ.
Въ смятеньи, блѣдный чародѣй
На дѣву шапку надѣваетъ;
Трубятъ опять; звучнѣй, звучнѣй!
И онъ летитъ къ безвѣстной встрѣчѣ,
Закинувъ бороду за плечи.

САДЫ ЧЕРНОМОРА.

Декорація И. И. Горностаева для постановки «Руслана и Людмилы» Глинки въ Праги. Впервые воспроизводится здѣсь по акварели Горностаева, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ.

ТРОНЪ ЧЕРНОМОРА.

Акварель В. Гартмана; принадлежитъ В. Д. Стасову. Воспроизводится здѣсь впервые.

ПѢСНЬ ПЯТАЯ.

Ахъ, какъ мила моя княжна!
Мнѣ нравъ ея всего дороже:
Она чувствительна, скромна,
Любви супружеской вѣрна,
Немножко вѣтрена... такъ что же?
Еще милѣе тѣмъ она.
Всечасно прелестію новой
Умѣетъ насъ она плѣнить;
Скажите: можно ли сравнить
Ее съ Дельфирою суровой?
Одной—судьба послала даръ
Обворожать сердца и взоры;
Ея улыбка, разговоры
Во мнѣ любви раждаютъ жаръ.
А та—подъ юпкою гусаръ,
Лишь дайте ей усы да шпоры!
Блаженъ, кого подъ вечерокъ
Въ уединенный уголокъ
Моя Людмила поджидаетъ
И другомъ сердца назовётъ!
Но, вѣрьте мнѣ, блаженъ и тотъ,
Кто отъ Дельфиры убѣгаетъ
И даже съ нею незнакомъ.
Да впрочемъ, дѣло не о томъ!
Но кто трубилъ? Кто чародѣя
На сѣчу грозно вызывалъ?
Кто колдуна перепугалъ?
Русланъ. Онъ, местью пламенѣя,
Достигъ обители злодѣя.
Ужъ витязь подъ горой стоитъ,
Призывный рогъ, какъ буря, воетъ,
Нетерпѣливый конь кипитъ
И снѣгъ копытомъ мощнымъ роетъ.
Князь карлу ждетъ. Внезапно онъ
Но шлему крѣпкому стальному
Рукой незримой поражёнъ;
Ударъ упалъ подобно грому:
Русланъ подъемлетъ смутный взоръ
И видитъ—прямо надъ главою—
Съ подъятой, страшной булавою
Летаетъ карла Черноморъ.
Щитомъ покрывшись, онъ нагнулся,
Мечемъ потрясъ и замахнулся;
Но тотъ взвился подъ облака;
Мигнулъ исчезъ—и свысока
Шумя летитъ на князя снова.
Проворный витязь отлетѣлъ,
И въ снѣгъ съ размаха роковаго
Колдунъ упалъ—да тамъ и сѣлъ;
Русланъ, не говоря ни слова,
Съ коня долой, къ нему спѣшитъ,
Поймалъ, за бороду хватаетъ,
Волшебникъ силится, кряхтитъ,
И вдругъ съ Русланомъ улетаетъ...
Ретивый конь во слѣдъ глядитъ;
Уже колдунъ подъ облаками;
На бородѣ герой виситъ;
Летятъ надъ мрачными лѣсами,
Летятъ надъ дикими горами,
Летятъ надъ бездною морской;
Отъ напряженья костенѣя,
Русланъ за бороду злодѣя
Упорной держится рукой.
Межъ тѣмъ, на воздухѣ слабѣя
И силѣ Русской изумясь,
Волшебникъ гордому Руслану
Коварно молвитъ: слушай, князь!
Тебѣ вредить я перестану;
Младое мужество люблю,
Забуду все, прошу тебя,
Спущусь—но только съ уговоромъ ..
«Молчи, коварный чародѣй!
Прервалъ нашъ витязь: съ Черноморомъ,
Съ мучителемъ жены своей,
Русланъ не знаетъ договора!
Сей грозный мечъ накажетъ вора,
Лети хоть до ночной звѣзды,
А быть тебѣ безъ бороды!»
Боязнь объемлетъ Черномора;
Въ досадѣ, въ горести пѣмой,
Напрасно длинной бородой
Усталый карла потрясаетъ:
Русланъ ея не выпускаетъ
И щиплетъ волосы порой.
Два дня колдунъ героя носитъ,
На третій онъ пощады проситъ:
«О рыцарь, сжалься надо мной;
Едва дышу: нѣтъ мочи болѣ:
Оставь мнѣ жизнь, въ твоей я волѣ:
Скажи—спущусь, куда велишь...»
— Теперь ты нашъ: ага, дрожишь!
Смирись, покорствуй Русской силѣ!
Неси меня къ моей Людмилѣ.—
Смиренно внемлетъ Черноморъ;
Домой онъ съ витяземъ пустился;
Летитъ—и мигомъ очутился
Среди своихъ ужасныхъ горъ.
Тогда Русланъ одной рукою
Взялъ мечъ сраженной головы,
И, бороду схвативъ другою,

БОЙ РУСЛАНА СЪ ЧЕРНОМОРОМЪ.

Рисунокъ А. Кившенко.

Отсѣкъ се, какъ горсть травы.
«Знай наших!» молвилъ онъ жестоко.
Что, хищникъ, гдѣ твоя краса?
Гдѣ сила?» и на шлемъ высокой
Сѣдые вяжетъ волоса;
Свистя зоветъ копя лихаго;
Веселый конь летитъ и ржетъ;
Нашъ витязь карлу чуть живаго
Въ котомку за сѣдло кладетъ,
А самъ, боясь мгновенья траты,
Спѣшитъ на верхъ горы крутой,
Достигъ, и съ радостной душой
Летитъ въ волшебныя палаты.
Вдали завидя шлемъ брадатый,
Залогъ погибели роковой,
Предъ нимъ Араповъ чудный рой,
Толпы невольницъ боязливыхъ,
Какъ призраки, со всѣхъ сторонъ
Бѣгутъ—и скрылись. Ходитъ онъ
Одинъ средь храминъ горделивыхъ,
Супругу милую зоветъ—
Лишь эхо сводовъ молчаливыхъ
Руслану голосъ подаетъ;
Въ волненьи чувствъ истерпѣливыхъ
Онъ отворяетъ двери въ садъ—
Идетъ, идетъ—и не находитъ;
Кругомъ смущенный взоръ обводитъ—
Все мертво: рощицы молчатъ,
Бесѣдки пусты; на стремнинахъ,
Вдоль береговъ ручья, въ долинахъ,
Нигдѣ Людмилы слѣду нѣтъ,
И ухо ничего не внемлетъ.
Внезапный князя хладъ объемлетъ,
Въ очахъ его темнѣетъ свѣтъ,
Въ умѣ возникли мрачны думы...
«Быть можетъ, горесть... плѣнъ угрюмый...
«Минута... волны...» Въ сихъ мечтахъ
Онъ погруженъ. Съ нѣмой тоскою
Поникнулъ витязь головою;
Его томитъ невольный страхъ;
Недвижимъ онъ, какъ мертвый камень;
Мрачится разумъ: дикій пламень
И ядъ отчаянной любви
Уже текутъ въ его крови.
Казалось—тѣнь княжны прекрасной
Коснулась трепетнымъ устамъ...
И вдругъ, неистовый, ужасной,
Стремится витязь по садамъ;
Людмилу съ воплемъ призываетъ,
Съ холмовъ утесы отрываетъ,
Все рушитъ, все крушитъ мечемъ—
Бесѣдки, рощи упадаютъ,
Древа, мосты въ волнахъ ныряютъ,
Огнь обнажается кругомъ!
Далеко гулы повторяютъ
И ревъ, и трескъ, и шумъ, и громъ:
Повсюду мечъ звенитъ и свищетъ,
Прелестный край опустошенъ—
Безумный витязь жертвы ищетъ,
Съ размаха вправо, влѣво онъ
Пустынный воздухъ разсѣкаетъ...
И вдругъ—нечаянный ударъ
Съ княжны невидимой сбиваетъ
Прощальный Черномора даръ...
Волшебства вмигъ исчезла сила:
Въ сѣтяхъ открылася Людмила!
Не вѣря самъ своимъ очамъ,
Нежданнымъ счастьемъ упоенной,
Нашъ витязь падаетъ къ ногамъ
Подруги вѣрной, незабвенной,
Цѣлуетъ руки, сѣти рветъ,
Любви, восторга слезы льетъ.
Зоветъ ее—но дѣва дремлетъ,
Сомкнуты очи и уста,
И сладострастная мечта
Младую грудь ея подъемлетъ.
Руланъ съ нея не сводитъ глазъ,
Его терзаетъ вновь кручина...
Но вдругъ знакомый слышитъ гласъ,
Гласъ добродѣтельнаго Финна:
«Мужайся, князь! Въ обратный путь
Ступай со спящею Людмилой;
Наполни сердце новой силой,
Любви и чести вѣренъ будь.
Небесный громъ на злобу грянетъ,
И воцарится тишина—
И въ свѣтломъ Кіевѣ княжна
Передъ Владиміромъ возстанетъ
Отъ очарованнаго сна.»
Руланъ, снялъ гласомъ оживленной,
Беретъ въ объятія жену,
И тихо съ ношей драгоцѣнной
Онъ оставляетъ вышину,
И сходитъ въ долъ уединенной.
Въ молчаньи, съ карлой за сѣдломъ,
Поѣхалъ онъ своимъ путемъ;
Въ его рукахъ лежитъ Людмила,
Свѣжа, какъ вешняя заря,
И на плечо богатыря
Лицо спокойное склонила.
Власами, свитыми въ кольцо,
Пустынный вѣтерокъ играетъ;
Какъ часто грудь ея вздыхаетъ!
Какъ часто тихое лицо
Мгновенной розою пылаетъ!
Любовь и тайная мечта
Русланову образъ ей приносятъ,
И съ томнымъ шопотомъ уста
Супруга имя произносятъ...
Въ забвеньи сладкомъ ловитъ онъ
Ея волшебное дыханье,
Улыбку, слезы, нѣжный стонъ
И сонныхъ персей волнованье...
Межъ тѣмъ по доламъ, по горамъ,

РУСЛАНЪ И УМИРАЮЩАЯ ГОЛОВА.

И въ бѣлый день, и по ночамъ,
Нашъ витязь ѣдетъ непрестанно.
Еще далекъ предѣлъ желанной,
А дѣва спитъ. Но юный князь,
Безплодными пламенемъ томясь,
Ужель, страдалецъ постоянной,
Супругу только сторожилъ,
И въ цѣломудренномъ мечтаньѣ,
Смиривъ нескромное желанье,
Свое блаженство находилъ?
Монахъ, который сохранилъ
Потомству вѣрное преданье
О славномъ витязѣ моёмъ,
Насъ увѣряетъ смѣло въ томъ:
И вѣрю я! Безъ раздѣленья
Унылы, грубы наслажденья:
Мы прямо счастливы вдвоёмъ.
Наступишь, сонъ княжны прелестной
Не походилъ на ваши сны,
Порой томительной весны,
На муравѣ, въ тѣни древесной.
Я помню маленькой лужокъ
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерокъ,
Я помню Лиды сонъ лукавый...
Ахъ, первый поцѣлуй любви
Дрожащій, легкій, торопливой
Не разогналъ, друзья мои,
Ея дремоты терпѣливой...
Но полно, я болтаю вздоръ!
Къ чему любви воспоминанье?
Ея утѣха и страданье
Забыты мною съ давнихъ поръ;
Теперь влекутъ мое вниманье
Княжна, Руслань и Черноморъ.
Предъ ними стелется равнина,
Гдѣ ели изрѣдка взошли;
И грознаго холма вдали
Чернѣетъ круглая вершина
Небесъ на яркой синевѣ.
Руслань глядитъ—и догадался,
Что подъѣзжаетъ къ головѣ;
Быстрѣе борзый конь помчался;
Ужъ видно чудо изъ чудесъ;
Она глядитъ недвижнымъ окомъ;
Власы ея какъ черный лѣсъ,
Поросшій на челѣ высокомъ;
Ланиты жизни лишены,
Синицовой блѣдностью покрыты;
Уста огромныя открыты,
Огромны зубы стѣснены...
Надъ полумертвой головою
Послѣдній день ужъ тяготѣлъ.
Къ ней храбрый витязь прилетѣлъ
Съ Людмилой, съ карлой за спиною.
Онъ крикнулъ: «здравствуй, голова!
«Я здѣсь! наказанъ твой измѣнникъ!
«Гляди: вотъ онъ, злодѣй нашъ плѣнникъ!»
И князя гордыя слова
Ее внезапно оживили,
Напиткъ въ ней чувство разбудили,
Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала...
Узнала витязя она,
И брата съ ужасомъ узнала.
Надулись ноздри; на щекахъ
Багровый огнь еще родился,
И въ умирающихъ глазахъ
Послѣдній гнѣвъ изобразился.
Въ смятеньи, въ бѣшенствѣ нѣмомъ
Она зубами скрежетала,
И брату хладнымъ языкомъ
Укоръ невнятный лепетала...
Уже ея въ тотъ самый часъ
Кончалось долгое страданье:
Чела мгновенный пламень гасъ,
Слабѣло тяжкое дыханье,
Огромный закатился взоръ,
И вскорѣ князь и Черноморъ
Узрѣли смерти содроганье...
Она почила вѣчнымъ сномъ.
Въ молчаньѣ витязь удалился;
Дрожащій карликъ за сѣдломъ
Не смѣлъ дышать, не шевелился,
И чернокнижнымъ языкомъ
Усердно демонамъ молился.
На склонѣ темныхъ береговъ
Какой-то рѣчки безымянной
Въ прохладномъ сумракѣ лѣсовъ
Стоялъ пошикшей хаты кровъ,
Густыми соснами вѣнчанной.
Въ теченьи медленномъ рѣка
Вблизи плетень изъ тростника
Волною сонной омывала,
И вкругъ него едва журчала
При легкомъ шумѣ вѣтерка.
Долина въ сихъ мѣстахъ таилась,
Уединенна и темна;
И тамъ, казалось, тишина
Съ начала міра воцарилась.
Руслань остановилъ коня.
Все было тихо, безмятежно;
Отъ разсвѣтающаго дня
Долина съ рощею прибрежной
Сквозь утренній сивла дымъ.
Руслань на лугъ жену слагаетъ,
Садится близъ нея, вздыхаетъ
Съ унынъемъ сладкимъ и нѣмымъ;
И вдругъ онъ видитъ предъ собою
Смиренный парусъ челнока,
И слышитъ пѣсню рыбака
Надъ тихоструйною рѣкою.
Раскинувъ неводъ по волнамъ,
Рыбакъ, на весла наклоненной,

Плыветъ къ лѣсистымъ берегамъ,
Къ порогу хижины смиренной.
И видитъ добрый князь Руслан:
Челнокъ ко брегу пристаетъ:
Изъ темной хаты выбѣгаетъ
Младая дѣва; стройный станъ,
Власы, небрежно распущенны,
Улыбка, тихій взоръ очей,
И грудь, и плечи обнаженны,
Все мило, все плѣняетъ въ ней.
И вотъ они, обнявъ другъ друга,
Садятся у прохладныхъ водъ,
И часъ безпечнаго досуга
Для нихъ съ любовью настаётъ.
По въ изумленьи молчаливомъ
Кого же въ рыбакѣ счастливомъ
Нашъ юный витязь узнаётъ?
Хазарскій ханъ, избранный славой,
Ратмиръ, въ любви, въ войнѣ кровавой
Его соперникъ молодой,
Ратмиръ въ пустынѣ безмятежной
Людмилу, славу позабылъ,
И имъ навѣки измѣнилъ
Въ объятіяхъ подруги нѣжной.
Герой приближился, и вмигъ
Отшельникъ узнаетъ Руслана,
Встаетъ, летитъ. Раздался крикъ...
И обнялъ князь младаго хана.
Что вижу я! спросилъ герой,
Зачѣмъ ты здѣсь, зачѣмъ оставилъ
Тревоги жизни боевой,
И мечь, который ты прославилъ?
«Мой другъ, отвѣтствовалъ рыбакъ,
Душѣ наскучилъ бранной славы
Пустой и гибельный призракъ.
Повѣрь: невинныя забавы,
Любовь и мирныя дубравы
Милѣе сердцу во сто кратъ—
Теперь, утративъ жажду брани,
Престалъ платить безумству дани,
И, вѣрнымъ счастіемъ богатъ,
Я все забылъ, товарищъ милый,
Все, даже прелести Людмилы.»
— Любезный ханъ, я очень радъ!
Сказалъ Руслан: она со мною.—
«Возможно ли, какой судьбою?
Что слышу? Руская княжна...
Она съ тобою, гдѣ жъ она?
Позволь... но нѣтъ, боюсь измѣны;
Моя подруга мнѣ мила;
Моей счастливой перемѣны
Она виновницей была;
Она мнѣ жизнь, она мнѣ радость!
Она мнѣ возвратила вновь
Мою утраченную младость,
И миръ, и чистую любовь.
Напрасно счастье мнѣ сулили
Уста волшебницъ молодыхъ:
Двѣнадцать дѣвъ меня любили:
Я для нея покинулъ ихъ;
Оставилъ теремъ ихъ веселый,
Въ тѣни хранительныхъ дубровъ;
Сложилъ и мечь и шлемъ тяжелый,
Забылъ и славу и враговъ.
Отшельникъ мирный и безвѣстный,
Остался въ счастливой глуши,
Съ тобой, другъ милый, другъ прелестный,
Съ тобою, свѣтъ моей души!»
Пастушка милая внимала
Друзей открытый разговоръ,
И, устремивъ на хана взоръ,
И улыбалась и вздыхала.
Рыбакъ и витязь на брегахъ
До темной ночи просидѣли
Съ душой и сердцемъ на устахъ—
Часы невидимо летѣли.
Черифетъ лѣсъ, темна гора:
Встаетъ луна—все тихо стало;
Герою въ путь давно пора—
Накинувъ тихо покрывало
На дѣву спящую, Руслан
Идетъ и на коня садится;
Задумчиво безмолвный ханъ
Душой восхѣдъ ему стремится,
Руслану счастія, побѣдъ
И славы и любви желаетъ...
И думы гордыхъ, юныхъ лѣтъ
Невольной грустью оживляетъ...
Зачѣмъ судьбой не суждено
Моей непостоянной лирѣ
Геройство воспѣвать одно,
И съ нимъ (незнаемыя въ мірѣ)
Любовь и дружбу старыхъ лѣтъ?
Печальной истины поэтъ,
Зачѣмъ я долженъ для потомства
Порокъ и злобу обнажать,
И тайны козни вѣроломства
Въ правдивыхъ пѣсняхъ обличать?
Книжны искатель недостойный,
Охоту къ славѣ потерявъ,
Никѣмъ незнаемый Фарлафъ
Въ пустынѣ дальной и спокойной
Скрывался и Наины ждалъ.
И часъ торжественный насталъ.
Къ нему волшебница явилась,
Вѣщая: «знаешь ли меня?
«Ступай за мной; сѣдлай коня!»
И вѣдьма кошкой обратилась:
Осѣдланъ конь, она пустилась;
Тропами мрачными дубравъ
За нею слѣдуетъ Фарлафъ.
Долина тихая дремала,
Въ ночной одѣтая туманъ:
Луна во мглѣ перебѣгала

Изъ тучи въ тучу, и курганъ
Мгновеннымъ блескомъ озаряла.
Подъ нимъ въ безмолвіи Руланъ
Сидѣлъ съ обычною тоскою
Предъ усыпленною княжною.
Глубоку думу думалъ онъ,
Мечты летѣли за мечтами,
И непримѣтно вѣялъ сонъ
Надъ нимъ холодными крылами.
На дѣву смутными очами
Въ дремотѣ томной онъ взглянулъ,
И, утомленною главою
Склонясь къ ногамъ ея, заснулъ.
И снится вѣщій сонъ герою:
Онъ видитъ, будто бы княжна
Надъ страшной бездны глубиною
Стоитъ недвижна и блѣдна...
И вдругъ Людмила исчезаетъ,
Стоитъ одинъ надъ бездной онъ...
Знакомый гласъ, призывный стонъ
Изъ тихой бездны вылетаетъ...
Руланъ стремится за женой;
Стремглавъ летитъ во тмѣ глубокой...
И видитъ вдругъ передъ собой:
Владиміръ, въ гридницѣ высокой,
Въ кругу сѣдыхъ богатырей,
Между двѣнадцатью сынами,
Съ толпою названныхъ гостей,
Сидитъ за бранными столами.
И такъ же гнѣвенъ старый князь,
Какъ въ день ужасный разставанья,
И всѣ сидятъ не шевелясь,
Не смѣя перервать молчанья.
Утихъ веселый шумъ гостей,
Не ходитъ чаша круговая...
И видитъ онъ, среди гостей,
Въ бою сраженнаго Рогдая:
Убитый, какъ живой, сидитъ;
Изъ опѣненнаго стакана
Онъ, веселъ, пьетъ и не глядитъ
На изумленнаго Руслана.
Князь видитъ и младаго хана,
Друзей и недруговъ... и вдругъ
Раздался гуслей бѣглый звукъ
И голосъ вѣщаго Баяна,
Пѣвца героевъ и забавъ.
Вступаетъ въ гридницу Фарлафъ,
Ведетъ онъ за руку Людмилу;
Но старецъ, съ мѣста не привставъ,
Молчитъ, склонивъ главу унылу,
Князья, бояре—всѣ молчатъ,
Душевныя движенья кроя.
И все исчезло—смертный хладъ
Объемлетъ спящаго героя.
Въ дремоту тяжко погруженъ,
Онъ льетъ мучительныя слезы,
Въ волненьи мыслитъ: это сонъ!
Томится, по зловѣщей грезы,
Увы, прервать не въ силахъ онъ.
Луна чуть свѣтитъ надъ горою;
Объяты рощи темнотою,
Долина въ мертвой тишинѣ...
Измѣнникъ ѣдетъ на конѣ.
Предъ нимъ открылася поляна;
Онъ видитъ сумрачный курганъ;
У ногъ Людмилы спитъ Руланъ,
И ходитъ конь кругомъ кургана.
Фарлафъ съ боязнію глядитъ;
Въ туманѣ вѣдьма исчезаетъ,
Въ немъ сердце замерло, дрожитъ,
Изъ хладныхъ рукъ узду роняетъ,
Тихонько обнажаетъ мечь,
Готовясь витязя безъ боя
Съ размаха надвое разсѣчь...
Къ нему подъѣхалъ. Конь героя,
Врага почуя, заигралъ,
Заржалъ и топнулъ. Знакъ напрасный!
Руланъ не внемлетъ; сонъ ужасный,
Какъ грузъ, надъ нимъ отяготѣлъ!...
Измѣнникъ, вѣдьмой одобренный,
Герою въ грудь рукой презрѣнной
Вонзаетъ трижды хладну сталь...
И мчится боязливо вдаль
Съ своей добычей драгоцѣнной.
Всю ночь безчувственный Руланъ
Лежалъ во мракѣ подъ горою.
Часы летѣли. Кровь рѣкою
Текла изъ воспаленныхъ ранъ.
Поутру, взоръ открывъ туманной,
Пуская тяжкій, слабый стонъ,
Съ усильемъ приподнялся онъ,
Взглянулъ, поникъ главою бранной—
И палъ недвижный, бездыханной.

ЛЮДМИЛА ВЪ ОЧАРОВАННОМЪ СНѢ.

Декорація А. И. Роллера къ оперѣ Глинки «Руслань и Людмила.»

ПѢСНЬ ШЕСТАЯ.

Ты мнѣ велишь, о другъ мой нѣжной,
На лирѣ легкой и небрежной
Старинны были напѣвать
И музѣ вѣрной посвящать
Часы безцѣннаго досуга...
Ты знаешь, милая подруга:
Поссорясь съ вѣтреной молвой,
Твой другъ, блаженствомъ упоенный,
Забылъ и трудъ уединенный,
И звуки лиры дорогой.
Отъ гармонической забавы
Я, нѣгой уноенъ, отвыкъ...
Дышу тобой—и гордой славы
Невнятенъ мнѣ призывный кликъ!
Меня покинулъ тайный геній
И вымысловъ, и сладкихъ думъ:
Любовь и жажда наслажденій
Одинъ преслѣдуютъ мой умъ.
Но ты велишь, но ты любила
Разсказы прежніе мои,
Преданья славы и любви;
Мой богатырь, моя Людмила.
Владиміръ, вѣдьма, Черноморъ,
И Финна вѣрныя печали
Твое мечтанье занимали;
Ты, слушая мой легкій вздоръ,
Съ улыбкой иногда дремала:
Но иногда свой нѣжный взоръ
Нѣжнѣе на пѣвца бросала...
Рѣшусь: влюбленный говорунъ,
Касаюсь вновь дѣтскихъ струнъ;
Сажусь у ногъ твоихъ, и снова
Бренчу про витязя младаго.
Но что сказалъ я? Гдѣ Руслань?
Лежитъ онъ мертвый въ чистомъ полѣ:
Ужъ кровь его не льется болѣ.
Надъ нимъ летаетъ жадный вранъ,
Безгласенъ рогъ, недвижны латы,

Не шевелится шлемъ косматый!
Вокругъ Руслана ходитъ конь,
Поникнувъ гордой головою,
Въ его глазахъ исчезъ огонь!
Не машетъ гривой золотою,
Не тѣшится, не скачетъ онъ,
И ждетъ, когда Руславъ воспрянетъ...
Но князя крѣпокъ хладный сонъ,
И долго щитъ его не грянетъ.
А Черноморъ? Онъ за сѣдломъ.
Въ котомкѣ, вѣдьмою забытый,
Еще не знаетъ ни о чёмъ;
Усталый, сонный и сердитый
Княжну, героя моего
Бранилъ отъ скуки молчаливо;
Не слыша долго ничего,
Волшебникъ выглянулъ—о диво!
Онъ видитъ, богатырь убитъ;
Въ крови потопленный лежитъ;
Людмилы нѣтъ, все пусто въ полѣ;
Злодѣй отъ радости дрожитъ
И мнитъ: свершилось, я на волѣ!
По старый карла былъ не правъ.
Межъ тѣмъ, Панной осѣненный
Съ Людмилой тихо усыпленной,
Стремится къ Кіеву Фарлафъ:
Летитъ, надежды, страха полный;
Предъ нимъ уже Днѣпровски волны
Въ знакомыхъ пажитяхъ шумятъ;
Ужъ видитъ златоверхій градъ;
Уже Фарлафъ по граду мчится,
И шумъ на стогнахъ возстаётъ;
Въ волненьи радостномъ народъ
Валитъ за всадникомъ, тѣснится;
Бѣгутъ обрадовать отца:
И вотъ измѣнникъ у крыльца.
Влача въ душѣ печали бремя,
Владиміръ-солнышко въ то время
Въ высокомъ теремѣ своёмъ
Сидѣлъ, томясь привычной думой.
Бояре, витязи кругомъ
Сидѣли съ важностью угрюмой.
Вдругъ внемлетъ онъ: передъ крыльцемъ
Волненье, крики, шумъ чудесный;
Дверь отворилась; передъ нимъ
Явился воинъ неизвѣстный;
Всѣ встали съ шопотомъ глухимъ,
И вдругъ смутились, зашумѣли:
«Людмила здѣсь! Фарлафъ... ужели?»
Въ лицѣ печальномъ измѣнясь,
Встаетъ со стула старый князь,
Спѣшитъ тяжелыми шагами
Къ несчастной дочери своей,
Подходитъ, отчими руками
Онъ хочетъ прикоснуться къ ней;
Но дѣва милая не внемлетъ,
И очарованная дремлетъ
Въ рукахъ убійцы—всѣ глядятъ
На князя въ смутномъ ожиданьи;
И старецъ безпокойный взглядъ
Вперилъ на витязя въ молчаньи.
Но, хитро перстъ къ устамъ прижавъ,
«Людмила спитъ», сказалъ Фарлафъ:
«Я такъ нашелъ ее недавно
«Въ пустынныхъ Муромскихъ лѣсахъ
«У злаго лѣшаго въ рукахъ;
«Тамъ совершилось дѣло славно;
«Три дня мы бились; луна
«Надъ боемъ трижды подымалась;
«Онъ палъ, а юная княжна
«Мнѣ въ руки сонною досталась;
«И кто прерветъ сей дивный сонъ?
«Когда настанетъ пробужденье?
«Не знаю—скрытъ судьбы законъ!
«А намъ надежда и терпѣнье.
«Одни остались въ утѣшенье.»
И вскорѣ съ вѣстью роковой
Молва по граду полетѣла;
Народа пестрою толпой
Градская площадь закипѣла;
Печальный теремъ всѣмъ открытъ;
Толпа волнуется, валитъ
Туда, гдѣ на одрѣ высокомъ,
На одѣялѣ парчевомъ
Княжна лежитъ во снѣ глубокомъ;
Князья и витязи кругомъ
Стоятъ уныло; гласы трубны,
Рога, тимпаны, гусли, бубны
Гремятъ надъ нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь,
Къ ногамъ Людмилы сѣдинами
Приникъ съ безмолвными слезами;
И блѣдный близъ него Фарлафъ
Въ нѣмомъ раскаяньи, въ досадѣ,
Трепещетъ, дерзость потерявъ.
Настала ночь. Никто во градѣ
Очей безсонныхъ не смыкалъ;
Шумя, тѣснились всѣ другъ къ другу;
О чудѣ всякой толковалъ;
Младой супругъ свою супругу
Въ свѣтлицѣ скромной забывалъ.
Но только свѣтъ луны двурогой
Исчезъ предъ утренней зарёй,
Весь Кіевъ новою тревогой
Смутился. Клики, шумъ и вой
Возникли всюду. Кіевляне
Толпятся на стѣнѣ градской...
И видятъ: въ утреннемъ туманѣ
Шатры бѣлѣютъ за рѣкой;
Щиты, какъ зарево, блистаютъ,
Въ поляхъ наѣздники мелькаютъ,
Вдали подъемля черный прахъ,
Идутъ походныя телеги,
Костры пылаютъ на холмахъ.

Бѣда: возстали Печенѣги!
Но въ это время вѣщій Финнъ,
Духовъ могучій властелинъ,
Въ своей пустынѣ безмятежной,
Съ спокойнымъ сердцемъ ожидалъ,
Чтобъ день судьбины неизбѣжной,
Давно предвидѣнный, возсталъ.
Въ нѣмой глуши степей горючихъ,
За дальней цѣпью дикихъ горъ,
Жилища вѣтровъ, бурь гремучихъ,
Куда и вѣдьмы смѣлый взоръ
Проникнуть въ поздній часъ боится,
Долина чудная таится,
И въ той долинѣ два ключа:
Одинъ течетъ волной живою,
По камнямъ весело журча,
Тотъ льется мертвою водою:
Кругомъ все тихо, вѣтры спятъ,
Прохлада вешняя не вѣетъ,
Столѣтни сосны не шумятъ,
Не вьются птицы, лань не смѣетъ
Въ жаръ лѣтній пить изъ тайныхъ водъ;
Чета духовъ съ начала міра,
Безмолвная на лонѣ мира,
Дремучій берегъ стережетъ...
Съ двумя кувшинами пустыми
Предсталъ отшельникъ передъ ними;
Прервали духи дивный сонъ,
И удалились страха полны.
Склонившись, погружаетъ онъ
Сосуды въ дѣйственныя волны;
Наполнилъ, въ воздухѣ пропалъ,
И очутился въ два мгновенья
Въ долинѣ, гдѣ Руслан лежалъ
Въ крови, безгласный, безъ движенья;
И сталъ надъ рыцаремъ старикъ,
И вспрыснулъ мертвою водою,
И раны засіяли вмигъ,
И трупъ чудесной красотою
Процвѣлъ; тогда водой живою
Героя старецъ окропилъ,
И бодрый, полный новыхъ силъ,
Трепеща жизнью молодою,
Встаетъ Руслан, на ясный день
Очами жадными взираетъ,
Какъ безобразный сонъ, какъ тѣнь,
Предъ нимъ минувшее мелькаетъ.
Но гдѣ Людмила? Онъ одинъ!
Въ немъ сердце вспыхнувъ замираетъ.
Вдругъ витязь вспрянулъ: вѣщій Финнъ
Его зоветъ и обнимаетъ:
«Судьба свершилась, о мой сынъ!
Тебя блаженство ожидаетъ;
Тебя зоветъ кровавый пиръ;
Твой грозный мечъ бѣдою грянетъ;
На Кіевъ спидетъ кроткій миръ,
И тамъ она тебѣ предстанетъ.
Возми завѣтное кольцо,
Коснися имъ чела Людмилы,
И тайныхъ чаръ исчезнутъ силы,
Враговъ смутитъ твое лицо,
Настанетъ миръ, погибнетъ злоба.
Достойны счастья будьте оба!
Прости надолго, витязь мой!
Дай руку... тамъ, за дверью гроба—
Не прежде—свидимся съ тобой!»
Сказалъ, исчезнулъ. Уноенный
Восторгомъ пылкимъ и нѣмымъ,
Руслан, для жизни пробужденный,
Подъемлетъ руки вслѣдъ за нимъ...
Но ничего не слышно болѣ!
Руслан одинъ въ пустынномъ полѣ;
Запрыгавъ, съ карлой за сѣдломъ,
Русланов конь истерзѣливой
Бѣжитъ и ржетъ, махая гривой:
Ужъ князь готовъ, ужъ онъ верхомъ,
Ужъ онъ летитъ живой и здравый
Черезъ поля, черезъ дубравы.
Но между тѣмъ какой позоръ
Являетъ Кіевъ осажденный!
Тамъ, устремивъ на нивы взоръ,
Народъ, унынемъ пораженный,
Стоитъ на башняхъ и стѣнахъ,
И въ страхѣ ждетъ небесной казни;
Стенанья робкія въ домахъ,
На стогнахъ тишина боязни;
Одинъ, близъ дочери своей,
Владиміръ въ горестной молитвѣ;
И храбрый сонмъ богатырей
Съ дружиной вѣрною князей
Готовится къ кровавой битвѣ.
И день насталъ. Толпы враговъ
Съ зарею двинулись съ холмовъ:
Неукротимыя дружины,
Волнуясь, хлынули съ равнины
И потекли къ стѣнѣ градской;
Во градѣ трубы загремѣли,
Бойцы сомкнулись, полетѣли
Навстрѣчу рати удалой,
Сошлись—и заварился бой.
Почуя смерть, взыграли кони,
Пошли стучать мечи о брони;
Со свистомъ туча стрѣлъ взвилась,
Равнина кровью залилась:
Стремглавъ паѣздники помчались,
Дружины конныя смѣшались;
Сомкнутой, дружною стѣной
Тамъ рубится со строемъ строй:
Со всадникомъ тамъ нѣшій бьется:
Тамъ конь испуганный несется;
Тамъ Рускій палъ, тамъ печенѣгъ;
Тамъ клики битвы, тамъ побѣгъ;
Тотъ опрокинутъ булавою;
Тотъ легкой пораженъ стрѣлою:

Другой, придавленный щитомъ,
Растоптанъ бѣшенымъ конемъ...
И длился бой до темной ночи:
Ни врагъ, ни нашъ не одолѣлъ!
За грудами кровавыхъ тѣлъ
Бойцы сомкнули томны очи,
И крѣпокъ былъ ихъ бранный сонъ:
Лишь изрѣдка на полѣ битвы
Былъ слышенъ надшихъ скорбный стонъ,
И Русскихъ витязей молитвы.
Блѣднѣла утренняя тѣнь,
Волна серебрилася въ потокѣ,
Сомнительный раждался день
На отуманенномъ востокѣ.
Яснѣли холмы и лѣса
И просыпались небеса.
Еще въ бездѣйственномъ покоѣ
Дремало поле боевое;
Вдругъ сонъ прервался: вражій станъ
Съ тревогой шумною воспрянулъ,
Внезапный крикъ сраженій грянулъ;
Смутилось сердце Кіевлянъ;
Бѣгутъ пестрой ными толпами
И видятъ: въ полѣ межъ врагами,
Блистая въ латахъ, какъ въ огнѣ,
Чудесный воинъ на конѣ
Грозой несется, колетъ, рубитъ,
Въ ревущій рогъ, летая, трубитъ...
То былъ Руслань. Какъ Божій громъ,
Нашъ витязь палъ на басурмана;
Онъ рыщетъ съ карлой за сѣдломъ,
Среди испуганнаго стана.
Гдѣ ни просвищетъ грозный мечъ,
Гдѣ конь сердитый ни промчится,
Вездѣ главы слетаютъ съ плечъ,
И съ воплемъ строй на строй валится;
Въ одно мгновенье бранный лугъ
Покрытъ холмами тѣлъ кровавыхъ,
Живыхъ, раздавленныхъ, безглавыхъ,
Громадой копій, стрѣлъ, кольчугъ...
На трубный звукъ, на голосъ боя
Дружины конныя Славянъ
Помчались по слѣдамъ героя,
Сразились... гибнетъ, басурманъ!
Объемлетъ ужасъ Печенѣговъ;
Питомцы бурные набѣговъ
Зовутъ разсѣянныхъ коней,
Противиться не смѣютъ болѣ,
И съ дикимъ воплемъ въ пыльномъ полѣ
Бѣгутъ отъ Кіевскихъ мечей,
Обречены на жертву аду;
Идетъ сонмы Русскій мечъ казнитъ;
Ликуетъ Кіевъ... Но по граду
Могучій богатырь летитъ;
Въ десницѣ держитъ мечъ побѣдной;
Копье сіяетъ какъ звѣзда;
Струится кровь съ кольчуги мѣдной;
На шлемѣ вьется борода;
Летитъ, надеждой окрыленный,
Но стогнамъ шумнымъ въ княжій домъ.
Народъ, восторгомъ упоенный,
Толпится съ кликами кругомъ,
И князя радость оживила.
Въ безмолвный теремъ входитъ онъ,
Гдѣ дремлетъ чуднымъ сномъ Людмила;
Владиміръ, въ думу погруженъ,
У ногъ ея стоялъ унылый.
Онъ былъ одинъ. Его друзей
Война влекла въ поля кровавы.
Но съ нимъ Фарлафъ, чуждаясь славы,
Вдали отъ вражескихъ мечей,
Въ душѣ презрѣвъ тревоги стана,
Стоялъ на стражѣ у дверей.
Едва злодѣй узналъ Руслана,
Въ немъ кровь остыла, взоръ погасъ,
Въ устахъ открытыхъ замеръ гласъ.
И палъ безъ чувствъ онъ на колѣна...
Достойной казни ждетъ измѣна!
Но, помня тайный даръ кольца,
Руслань летитъ къ Людмилѣ спящей,
Ея спокойнаго лица
Касается рукой дрожащей...
И чудо—юная княжна,
Вздохнувъ, открыла свѣтлы очи!
Казалось, будто бы она
Дивилася столь долгой ночи;
Казалось, что какой-то сонъ
Ее томилъ мечтой неясной:
И вдругъ узнала—это онъ!
И князь въ объятіяхъ прекрасной.
Воскреснувъ пламенной душой,
Руслань не видитъ, не внимаетъ,
И старецъ въ радости нѣмой,
Рыдая, милыхъ обнимаетъ.
Чѣмъ кончу длинный мой разсказъ?
Ты угадаешь, другъ мой милой!
Неправый старца гнѣвъ погасъ;
Фарлафъ предъ нимъ и предъ Людмилой
У ногъ Руслана объявилъ
Свой стыдъ и мрачное злодѣйство:
Счастливый князь ему простилъ;
Лишенный силы чародѣйства,
Былъ принятъ карла во дворецъ;
И, бѣдствій праздныя концы,
Владиміръ въ гриднице высокой
Запировалъ въ семьѣ своей.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

ВОЛШЕБНЫЙ ЗАМОКЪ.

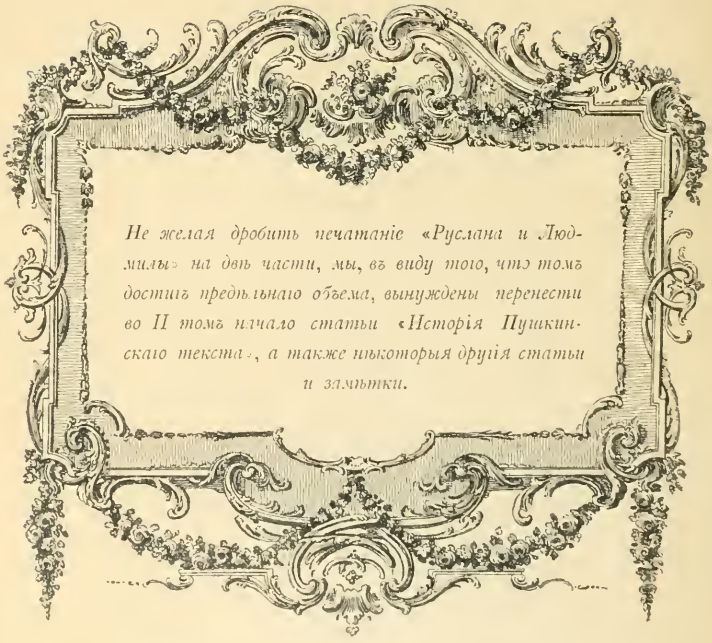
Декорація А. Н. Роллера для «Руслана и Людмилы» Глинки.
(Воспроизводится впервые по картинѣ Роллера, нах. въ Публичной Библіотекѣ).

ВОЛШЕБНЫЙ ЗАМОКЪ.

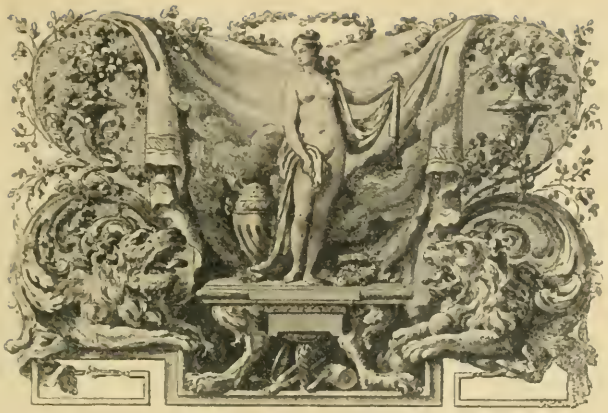
Декорація Л. И. Поллерт для 1-го акта «Русалки и Домовыхъ Тишки».
(Воспроизведенія декорацій по картинамъ Поллерт, изд. въ Щукинской Библіотекѣ).

ЭПИЛОГЪ.

Такъ, міра житель равнодушной
На лонѣ праздной тишины,
Я славилъ лирою послушной
Преданья темной старины.
Я пѣлъ—и забывалъ обиды
Слѣпого счастья и враговъ,
Измѣны вѣтреной Дориды
И сплетни шумныя глупцовъ.
На крыльяхъ вымысла носимой,
Умъ улеталъ за край земной;
И между тѣмъ грозы незримой
Сбиралась туча надо мной!...
Я погибалъ... Святой хранитель
Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
О дружба, нѣжный утѣшитель
Болѣзненной души моей!
Ты умолила непогоду;
Ты сердцу возвратила миръ;
Ты сохранила мнѣ свободу,
Кипящей младости кумиръ!
Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ береговъ Невы,
Теперь я вижу предъ собою
Кавказа гордыя главы.
Надъ ихъ вершинами крутыми,
На скатѣ каменныхъ стремнинъ,
Питаюсь чувствами нѣмыми
И чудной прелестью картинъ
Природы дикой и угрюмой;
Душа, какъ прежде, каждый часъ
Полна томительною думой—
Но огнь поэзіи погасъ.
Ищу напрасно впечатлѣній:
Она прошла, пора стиховъ,
Пора любви, веселыхъ сновъ,
Пора сердечныхъ вдохновеній!
Восторговъ краткій день протекъ—
И скрылась отъ меня навѣкъ
Богиня тихихъ нѣснопѣній...



Не желая дробить печатаніе «Руслана и Людмилы» на двѣ части, мы, въ виду того, что томъ достигъ предъльнаго объема, вынуждены перенести во II томъ начало статьи «Исторія Пушкинскаго текста», а также нѣкоторыя другія статьи и замѣтки.



Рисунки I тома.

I.

Фототипіи и хромолитографіи.

стр.

1. Сергѣй Львовичъ Пушкинъ. Рисунокъ гуашью, неизвѣстнаго художника. Собственность Л. Н. Павлищева. Хромолитографія И. Кадушина. Въ краскахъ здѣсь воспроизводится впервые 8

2. Мать Пушкина Надежда Осиповна Пушкина. Миніатюра на слоновой кости; рисовалъ гр. Ксавье де Местръ. Собственность Л. Н. Павлищева. Хромолитографія И. Кадушина. Въ краскахъ здѣсь воспроизводится впервые 32

3. Сестра Пушкина Ольга Сергѣевна Павлищева. Акварель работы Варвары Ѳедоровны Черновой, 1844. Собственность Л. Н. Павлищева. Хромолитографія И. Кадушина. Воспроизводится здѣсь впервые. 86

4. Пушкинъ въ первые годы пребыванія въ Лицеѣ. Рисовалъ либо лицейскій гувернеръ Чириковъ либо К. Брюловъ. Гравюра Гейтмана, приложенная къ «Кавказскому Альбому» (Спб., 1822). Литогр. И. Кадушина . 136

5. Сѣверная Минерва — Екатерина II. Картина Торелли. Воспроизводится впервые . 192

6. Пушкинъ въ послѣдніе годы пребыванія въ лицеѣ. Портретъ (рисовалъ цвѣтными карандашами, принадлежавшій директору лицея Е. А. Энгельгардту 248

7. Александръ I. Портретъ Бенера . . 292

8. Кн. Евдокія Ивановна Голицына. Портретъ Егорова (Третьяковск. галлерея 441

9. Руслан и Людмила. Листъ съ рисунками Шарлемана. Изъ Художественнаго Листка Тима (1861) 601

10. Черноморъ. Акварель В. Гартмана. (изъ собранія Д. В. Стасова. Хромолитографія И. Кадушина. Воспроизводится здѣсь впервые 623

11. Волшебный замокъ. Декорація А. П. Роллера. По картинѣ Роллера воспроизводится здѣсь впервые 636

II.

Автотипіи на отдѣльныхъ листахъ.

1. Побѣдоносный Александръ I. Изъ медаліоновъ гр. Ѳедора Толстого 198

2. Наполеонъ передъ отъѣздомъ на Эльбу Napoléon à Fontainebleau. Картина Деларошa 218

3. Екатерина Павловна Бакунина-Полторацкая въ 1832 году 288

4. «Прелесть Альбана» Галатея, окруженная Амурами 290

5. Принцъ Оранскій и Вел. Кн. Анна Павловна 336

6. Нарцисъ. Съ гравюры 1820-хъ гг. . . . 385

7. Торжество Вакха. Рисунокъ Эйдена . 397

8. Виньетка Оленина къ «Руслану и Людмилѣ». Приложеніе къ Изданію. Спб., 1820 584

III.

Рисунки и автографы въ текстѣ.

1. Стрѣлецъ. Рисунокъ шведскаго капитана Эрика Пальмквиста 1673. Изъ альбома путешествія Пальмквиста 11

стр.

2. Портретъ Петра I, гравированный Шхонебекомъ 15

3. Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ. Въ возрастѣ около 92 (?) лѣтъ. Не вполнѣ достовѣрный портретъ, находящійся въ моск. главномъ архивѣ мин. иностр. дѣлъ 17

4. Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ, строитель Херсона. Портретъ, принадлежащій семьѣ Перфильевыхъ въ Москвѣ 19

5. Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ. Портретъ, находящійся въ Гатчинскомъ дворцѣ. 21

6. Гербъ Пушкиныхъ. Изъ «Общаго Гербовника» т. V (въ полную величину) . 24

7. Домъ Клюгиныхъ на Нѣмецкой улицѣ въ Москвѣ. Считается, что въ надворномъ флигелѣ этого дома родился Пушкинъ. Поэтому къ дому прибита доска (направо отъ вывѣски парикмахера). Съ фотографіи П. К. Остроумова, снятой для настоящаго изданія 26

8. Флигель дома Клюгиныхъ. Въ немъ, по преданію, родился Пушкинъ. Съ рѣдкой фотографіи, принадлежавшей Л. Н. Майкову (теперь находится въ Академіи Наукъ) . . 27

9. Отецъ поэта въ 1807 г. Карандашный портретъ St. Aubin'a, принадлежащій внучкѣ его (дочери Ольги Сергѣевны) П. П. Пане, урожденной Павлищевой 28

10. Отецъ поэта въ старости. Карандашный портретъ, доставленный на Пушкинскую выставу 1880 г. его внукомъ Л. Н. Павлищевымъ 29

11. Подмосковное сельцо Захарово, гдѣ Пушкинъ въ дѣтствѣ проводилъ лѣто. Съ картины А. Киселева, писанной въ 1870-хъ гг. 31

12. Метрическая запись о рожденіи Пушкина. Впервые воспроизводится здѣсь по фотографіи, снятой для настоящаго изданія П. К. Остроумовымъ 34

13. Видъ на Лицей съ Садовой улицы. Съ рѣдкой, временъ пребыванія Пушкина въ Лицеѣ, литографіи Мартынова изъ коллекціи Е. Е. Рейтерна 39

14. Лицей и директорскій домъ. Со старинной литографіи. Лицей занималъ правый флигель дворца 41

15. Видъ на Лицей со стороны главнаго входа. Налѣво Лицейскій садъ и Лицейская (Знаменская) церковь. 43

16. Лицейскій залъ. Рисунокъ Бореля въ «Памятной книжкѣ Александровскаго лицея на 1836—37 годъ». Помѣщимому, въ юношѣ, сидящемъ на стулѣ, художникъ хотѣлъ изобразить Пушкина 45

17. «Грибокъ» въ Лицейскомъ саду. Съ акварели, рисованной однимъ изъ лицеистовъ изъ бумагъ Я. К. Грота, теперь собственность К. Я. Грота) 47

18. О. М. Гауэншильдъ, второй директоръ Лицея. Литографія съ рис. О. Кипренскаго . 49

19. Егоръ Антоновичъ Энгельгардтъ, Директоръ Лицея. Акварель, принадлежащая бар. О. Остенъ-Сакену 51

20. Лицейскіе профессора, ищущіе милости у гр. Разумовскаго. Карикатура Илличевскаго въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій мудрецъ». (собственность К. Я. Грота) . 53

21. Группа лицейскихъ профессоровъ и служащихъ. Карикатура лицеиста Илличевскаго въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій мудрецъ», Карикатура вызвана попыткою Кюхельбекера утопиться) 55

22. Группа буянящихъ лицеистовъ. Карикатура въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій мудрецъ». (Собственность К. Я. Грота) . 57

23. Лицейскій рисунокъ Пушкина—продавецъ кваса. (Пушкинскій музей при Александровскомъ Лицеѣ въ Спб.) 59

24. Лицейскій рисунокъ Пушкина—собака (Пушкинскій музей при Александровскомъ лицеѣ въ Спб.) 60

25. Автографъ Пушкина—заглавная страница лицейской тетради (Румянцевскій музей въ Москвѣ). Въ эту тетрадь вошли стихи 1812—1817 гг., извѣстные подъ именемъ «Лицейскихъ стихотвореній» 61

26. Первый автографъ Пушкина. (Чешскій музей въ Прагѣ) 65

27. Литографія, по семейному преданію, чрезвычайно похожая на сестру Пушкина въ раннеі молодости. Принадлежитъ теперь сыну Ольги Сергѣевны—Л. Н. Павлищеву. Воспроизводится здѣсь въ первый разъ . . 73

28. Антоній Гамильтонъ. Съ гравюры Fessard'a 79

29. Ольга Сергѣевна Павлищева. Карандашный портретъ, рисованный однимъ глухонѣмымъ въ Варшавѣ въ 1833 г. Находится теперь у сына Ольги Сергѣевны—Л. Н. Павлищева. Портретъ воспроизводится здѣсь впервые 81

30. Рисунокъ Ольги Сергѣевны Павлищевой. Находится у сына ея—Л. Н. Павлищева. Воспроизводится здѣсь впервые . . . 83

31. Ольга Сергѣевна Павлищева въ 1862 г. Съ фотографіи, принадлежащей Л. Н. Павлищеву. Воспроизводится здѣсь впервые. 85

32. Нѣсколько изъ Оссіана. Съ виньетки на заглавномъ листѣ Макферсоновскаго изданія Оссіана 1762 года 89

33. Юные ратники и дѣвы оссіановскихъ поэмъ. Изъ иллюстраціи Макферсоновскаго изданія 1762 года 93

34. Джемсъ Макферсонъ. Съ портрета въ лондонской національной портретной галлереѣ. 101

35. Оссіанъ. Рѣдкая гравюра изъ собранія П. Е. Рейнбота. Pinx. N. Abilgard, grav. I. F. Clemens (London, 1787) 105

36. Русскія иллюстраціи на оссіановскія темы. Виньетка къ трагедіи Озерова «Фингалъ». Pinx. И. Ивановъ, grav. М. Ивановъ. 109

37. Русскія иллюстраціи на оссіановскія темы. Сцена изъ II дѣйствія трагедіи Озерова «Фингалъ». Pinx. И. Ивановъ, grav. М. Ивановъ 111

38. Нѣсколько изъ Оссіана. Виньетка изъ изд. Кэмбеля (1822) 114

39. Леда и лебедь. Картина Theolon'a (1739—1780) въ гравюрѣ J. Marchand'a, посвящена русскому послу въ Дрезденѣ, кн. Бѣлосельскому—Бѣлозерскому 115

40. Леда и Юпитеръ. Миніатюрная гравюра Boillard'a (18 вѣка) 117

41. Красота и зеркало. Аллегорическая картина Cipriani (1726—1787) въ гравюрѣ T. Ryder'a и J. E. Cofsé 119

42. Знаменитая французская актриса Клеронъ. Съ рѣдкой цвѣтной гравюры изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота . . . 129

стр.

43. Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, въ лицейскую пору 136

44. Вино. Рисунокъ и гравюра Bartolozzi . 135

45. Автографъ Пушкина 141

46. Портретъ Батюшкова, рисованный имъ самимъ для Е. Г. Пушкиной, приблизительно около 1820 года. Вставленъ здѣсь въ рамку 18 вѣка 145

47. Батюшковъ въ 1815 г. Съ гравюры Пожалостина. Рисованный масляными красками оригиналъ находится въ Публичной Библіотекѣ 153

48. Заглавная виньетка альманаха Пушкинымъ изданія Батюшковскихъ «Опытовъ» (Спб., 1817, ч. I) 154

49. Счастье. Съ рис. Cipriani, грав. Bartolozzi 155

50. Первая изъ лубочныхъ обработокъ «Романса». Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота 159

51. Заглавная виньетка альманаха Бориса Федорова «Памятникъ Отечественныхъ Музъ», на 1827 годъ 160

52. «Романсъ» въ лубочныхъ картинахъ: 1 литографія 1839 и 2 литографія 1852 г. Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота. 161

53. «Романсъ» въ лубочныхъ картинахъ: 1 лубочная гравюра 1848 и 2 лубочная гравюра 1857 года. Изъ Пушкинской коллекціи. П. Е. Рейнбота 163

54. «Романсъ» въ лубочныхъ картинахъ: 1 лубочная картина 1866 и 2 новѣйшая хромолитографія, изд. Сытинымъ въ 1894 Москва. Изъ Пушкинской коллекціи П. Е. Рейнбота 165

55. Тихій уголокъ Царскаго Села 1810—1820 гг. Рис. Лангера 171

56. Царскосельское озеро въ пушкинскіе дни. Современный рисунокъ лицеиста Лангера. Спб. 1820) 177

57. Фронтисписъ соч. Вержье, съ его портретомъ изд. 1750 г. 178

58. Аббатъ Грекурь. Съ гравюры 18 вѣка. 180

59. Графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій. Портретъ, находящійся въ Академіи Наукъ. 183

60. Царскосельскій паркъ въ концѣ XVIII вѣка. Съ рѣдкой акватинты Мейера (отдѣленіе гравюръ Эрмитажа 185

61. «Водопады» царскосельскаго парка. Изъ альбома «Двѣнадцать видовъ Царскаго Села». Снималъ и на камнѣ рисовалъ воспитанникъ Императорскаго Лицея Валеріанъ Лангеръ (1820) 187

62. Памятникъ въ честь побѣдъ Орлова и Румянцева на Царскосельскомъ озерѣ. Рисунокъ лицеиста Валеріана Лангера (1820. 189

63. Медаліоны гр. Ѳедора Толстого въ память событій 1812 — 1815 гг. Народное ополченіе. Съ гравюры П. Мецова . . . 191

64. Медаліоны гр. Ѳедора Толстого въ память событій 1812—1815 гг. Бородинская битва. Съ гравюры П. Мецова 193

65. Медаліоны гр. Ѳедора Толстого въ память событій 1812—1815 гг. Освобожденіе Москвы. Съ гравюры П. Мецова . . . 195

66. Медаліоны гр. Ѳедора Толстого въ память событій 1812—1815 гг. Покореніе Парижа. Съ гравюры П. Мецова. 197

67. Бова-Королевичъ. Лубочная картинка изъ собранія Ровинскаго 203

стр.

68. Жанъ Шандэнь. Съ гравюры 18 вѣка. 205

69. Автографъ Пушкина заключительныя стихи къ Дельвигу 217

70. Резиденція Наполеона на Эльбѣ. Рисунокъ Ораса Верне 219

71. Наполеонъ на Эльбѣ. Рисунокъ Рафе (Raffet 221

72. Клеманъ Маро (Marot 223

73. Рисунокъ Cipriani въ гравюрѣ Bartolozzi 229

74. Кн. А. М. Горчаковъ лицеистомъ . . 231

75. Рисунокъ Cipriani въ гравюрѣ Bartolozzi 233

76. Николай Ѳедоровичъ Комаискій. Карикатурный портретъ. Выдѣленъ въ увеличенномъ видѣ изъ карикатурной группы лицейскихъ профессоровъ 257

77. Шанель. Съ гравюры 18 вѣка . . . 260

78. Шолье. Съ гравюры 18 вѣка 264

79. Анакреонъ. Заглавная виньетка «Анакреонтической поэзіи» Державина Спб., 1804 . 265

80. Грессе. Съ гравюры 18 вѣка . . . 266

81. Амуры, плящущіе вокругъ статуи Купидона. Одна изъ наиболѣе характерныхъ для художественной манеры Альбани картинъ Дрезденская галлерея 281

82. Пастораль Буше. 297

83. Пастораль Буше 313

84. Бесѣдка въ Царскосельскомъ паркѣ. Рисунокъ лицеиста Лангера Спб., 1820 . 353

85. У клавесина. Акварель Тропинина 1776—1857, изъ собранія И. С. Остроухова. По фотографіи, снятой для настоящаго изданія И. К. Остроумовымъ 369

86. Карикатура Иличевскаго на Кюхельбекера въ лицейскомъ журналѣ «Лицейскій Мудрецъ» 375

87. Праздникъ въ честь Вакха, рис. Жило (Fête de Bachus. par Gilot 397

88. Вакханка (La joyeuse bacchante, par M-me le Sieur) 399

89. Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ. Въ гусарскомъ мундирѣ 405

90. Лицей. Рисунокъ (позднѣйшій) Пушкина 413

91. Домъ барона Теппера въ Царскомъ Селѣ. Рисунокъ лицеиста Лангера 429

92. Лицейскій товарищъ Пушкина С. С. Есаковъ. (портретъ 1817) 531

93. Рисунокъ академика В. Максимова. Окружающія Тригорское поля 433

94. Александръ Ивановичъ Тургеневъ 439

95. Николай Ивановичъ Кривцовъ . . 443

96. Баболовскій лѣтній дворецъ возлѣ Царскаго Села. Рис. лицеиста Лангера Спб. 1820 447

97. Пушкинъ-лицеистъ. Статуя Р. Р. Бача. (Верхняя часть памятника Пушкину, въ Лицейскомъ садикѣ, въ Царскомъ селѣ). Фотографія снята со статуи, когда она еще была въ мастерской художника 449

98. Вольтеръ. Рисунокъ Пушкина позднѣйшій 459

99. Рисунокъ Жуковскаго парка въ Царскосельскомъ паркѣ 469

100. Жуковскій. Портретъ рис. И. Соколовъ, грав. А. Флеровъ, приложенный къ «Вѣстн. Европы» 1817 г., № 20 471

101. Le Baiser. Рисунокъ Пушкина, относящійся къ 1818 году тетрадь Румянцевскаго

стр.
музея № 2364). Впервые воспроизводится въ настоящемъ изданіи 473
102. Петербургъ около 1820 г. (литографія Мартынова. Изъ коллекціи Е. П. Тевяшева) 485
103. Веселящійся Петербургъ Александровской эпохи (Возвращеніе изъ Краснаго Кабачка, гдѣ часто бывалъ Пушкинъ). Съ рѣдкой гравюры изъ собранія П. Я. Дашкова 489
104. Большой театръ въ 1815—1820 гг. (съ рѣдкой гравюры изъ собранія П. Я. Дашкова) 497
105. А. М. Колосова-Каратыгина 505
106. Императрица Елисавета Алексѣевна. Съ портрета Бенера. 507
107. Михайловскій Инженерный замокъ 11-го марта 1801 г., здѣсь былъ убитъ Павелъ I. Съ рѣдкой гравюры Патерсона, 1800 г., изъ собранія П. Я. Дашкова. По бокамъ видны подъемные мосты, при помощи которыхъ Павелъ думалъ сдѣлать неприступной свою резиденцію 511
108. Павелъ I. Портретъ Тончи, находящійся въ Гатчинскомъ дворцѣ 513
109. Гр. Петръ Алексѣевичъ Палевъ . . 515
110. Гр. Леонтій Леонтьевичъ Бенигсенъ. 515
111. Кн. Платонъ Александровичъ Зубовъ. Съ портрета Левицкаго (Акад. Художеств). Воспроизводится здѣсь впервые . 517
112. Гр. Николай Александровичъ Зубовъ. 517
113. Княгиня Евдокія Ивановна Голицына, (портретъ кисти Виже-Лебренъ, относящійся приблизительно къ 1801 г.) 519
114. Александръ Ѳедоровичъ Орловъ . . 521
115. Александръ Скарлатовичъ Стурдза . 529
116. Семейство Всеволожскихъ. Картина Дезарно, принадлежащая теперь П. А. Всеволожскому 531
117. Яковъ Николаевичъ Толстой . . . 537
118. Монахъ. Лубочная картина 1890-хъ гг. 539
119. Кн. А. М. Горчаковъ. Портретъ кисти F. Vernet. Писанъ, видимо, около 1820 г. Въ печати появляется здѣсь въ первый разъ. 545
120. Архимандритъ Фотій 551
121. Кн. А. П. Голицынъ. Гравюра Рейта, съ портрета К. П. Брюлова 553
122. Рисунки Пушкина 1818—1819 годовъ. Воспроизводятся здѣсь впервые по тетради Румянцевскаго Музея № 2364 557
123. Графиня А. А. Орлова-Чесменская . 561
124. Рисунокъ Пушкина 1818—1819 гг. Впервые воспроизводится здѣсь по рукописи Румянцевскаго Музея № 2364 569
125. Руслань и Людмила. Заглавный листъ 1820 г. 571
126. Древне-рус. рыцарь 590
127. Картина П. П. Крамского.—«У лукоморья дубъ зеленый» 595
128. Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.—Пушкинъ и котъ ученый 596
129. Гридница Владиміра. Декорація К. Коровина 597
130. Отъѣздъ витязей на поиски Людмилы. Рис. К. А. Савицкого 599
131. Баянъ. Рисунокъ В. Шварца . . . 603
132. Мѣсто встрѣчи Наины и Фарлафа. Декорація К. Коровина 604
стр.
133. Фарлафъ. Рисунокъ М. С. Нестерова. 605
134. Сады Черномора. Съ акварели В. Гартмана 607
135. Людмила передъ зеркаломъ. Рисунокъ С. Соломки 609
136. Шествіе Черномора. Рисунокъ П. Нанова 611
137. Битва Руслана съ Рогдаемъ. Неизданный рисунокъ В. Г. Шварца. Изъ собранія брата художника Е. Г. Шварца . . 613
138. Черноморъ и Наина. Неизданный офортъ Е. П. Тевяшева (изъ Пушкинскаго собранія П. Е. Рейнбота) 614
139. Людмила одѣваетъ шапку Черномора. Рисунокъ А. Лебедева (1862) 617
140. Руслань и Голова. Рисунокъ М. С. Нестерова 619
141. Руслань и Голова. Неизданная акварель В. Г. Шварца (изъ собранія брата художника Е. Г. Шварца) 620
142. Сады Черномора. Декорація А. П. Роллера для оперы Глинки «Руслань и Людмила». Впервые воспроизводится по картинѣ Роллера, теперь находящейся въ Публичной Библіотекѣ 621
143. Сады Черномора Декорація П. П. Горностаева для постановки «Руслана и Людмилы» Глинки въ Прагѣ. Впервые воспроизводится здѣсь по акварели Горностаева, хранящейся въ Публичной Библіотекѣ . . 624
144. Тронъ Черномора. Акварель В. Гартмана; принадлежитъ В. Д. Стасову Воспроизводится здѣсь впервые 625
145. Бой Руслана съ Черноморомъ. Рисунокъ А. Кившенко 627
146. Руслань и умирающая Голова Рисунокъ К. А. Савицкаго 629
147. Людмила въ очарованномъ снѣ. Декорація А. П. Роллера къ оперѣ Глинки «Руслань и Людмила» 633

IV.

ОРНАМЕНТЪ.

148. Заставка старо-русская. Изъ «Славянскаго орнамента» В. В. Стасова . . . III
149. Боковикъ старо-русскій. XVIII вѣка (Стасовъ) VIII
150. Заставка старо-русская (Стасовъ) . 1
151. Заставка старо-русская (Стасовъ). 9
152. Заставка старо-русская (Стасовъ). 12
153. Рамка 18 вѣка (французская) . . 25
154. Рамка 18 вѣка (французская) . . . 35
155. Концовка Эйзена (18 в.) 37
156. Виньетка (Стихотворенія Сергѣя Глинки Спб. 1807) 38
157. Декоративное пано Ватo (Wateau) 63
158. Рамка (французская 18 в.) . . . 66
159. Концовка Эйзена (Фебъ-Аполлонъ). 71
160. Концовка (французск. 18 в.) . . . 75
161. Концовка (французск., 18 в.) . . . 75
162. Концовка Эйзена (18 в.) 87
163. Концовка изъ летурнеровскаго перевода Оссіана 96
164. Концовка оттуда-же 97
165. Концовка изъ летурнеровскаго изданія Оссіана 106
166. Концовка изъ летурнеровскаго изданія Оссіана 107

стр.
167. Концовка изъ летурнеровскаго изданія Оссіана 108
168. Пѣснопѣнье Оссіана.—Виньетка изъ изд. Кэмбеля (1822) 114
169. Декоративное пано Вато (Wateau) . 121
170. Декоративное пано Вато (Wateau) . 123
171. Концовка (франц. 18 вѣка) . . . 123
172. Заставка Le barbier (эпоха Людовика XVI) 125
173. Концовка Эйзена (Eisen, 1720—1780). 127
174. Заставка (франц., 18 вѣка) . . . 131
175. Концовка изъ летурнеровскаго перевода Оссіана 131
176. Изъ виньетокъ Эйзена (1720—1780). 133
177. Концовка Le barbier (18 вѣкъ) . . 137
178. Концовка, напом. лицейскую эмблему (сова) 139
179. Виньетка Эйзена (1720—1780) 147
180. Боковикъ (франц. 18 вѣка) 181
181. Концовка начала 19 вѣка 197
182. Картушъ извѣстнаго французскаго декоратора 18 вѣка Ranson'a 201
183. Русскій лубочный орнаментъ. Изъ собранія Ровинскаго 209
184. Концовка начала 19 в 213
185. Боковикъ (Аполлонъ, гравюра Герца; 18 вѣкъ). 225
186. Виньетка А. Брюлова, въ гравюрѣ Галактіонова 235
187. Пано Вато (Wateau) 239
188 КонцовкаSaitNon'a(18в.)грав.Berthould. 249
189. Концовка Berthould (18 вѣка) . . . 263
190. Концовка начала 19 в. 267
191. Пано Вато (сады Вакха) 269
192. Рисунокъ Cauvet (18 в.) 271
193. Концовка Эйзена (18 в.) 277
194. Заставка Эйзена (18 в.) 273
195. Книжная рамка 18 вѣка 289
196. Концовка Eisen'a (18 вѣкъ) 291
197. Концовка Bachelier (18 вѣкъ) . . . 309
198. Рамка 18 в. (французская) 305
199. Концовка Bichelier (18 вѣкъ) . . . 311
200. Концовка Эйзена (18 в.) 317
201. Заглавная виньетка «Идиллій» Вл. Панаева (Спб. 1820) 319
202. Концовка Эйзена 321
203. Концовка Тончи изъ «Анакреонтической поэзіи» Державина (СПБ., 1804) . . 323
204. Рисунокъ Эйзена 325
205. Заставка начала 19 вѣка 327
206. Заставка начала 19 вѣка 329
207. Концовка Эйзена 333
208. Концовка. начала 19 вѣка 335
209. Боковикъ. (франц. 18 вѣка) 337
210. Боковикъ. (франц. 18 вѣка 341
211. Концовка. Эйзена 347
212. Рисунокъ Эйзена 349
213. Боковикъ Герца (18 вѣка) 361
214. Концовка. 373
215. Виньетка. (франц. 18 вѣка; цифры стилизованы) 393
216. Концовка. (франц. 18 вѣка 395
217. Боковикъ. Герца (18 вѣка) 401
218. Виньетка изъ сборника стихотвореній Илличевскаго (СПБ., 1827), рисованная лицеистомъ Лангеромъ, грав. Галактіоновымъ 409
219. Концовка. Cipriani 419
220. Виньетка лицейскаго журнала Илличевскаго 422
221. Концовка Эйзена 447
222. Виньетка (франц. 18 вѣка) 457
223. Боковикъ Герца (18 вѣка) 461
224. Концовка (франц. 18 вѣка) 463
225. Боковикъ Герца 465
226. Заставка. Cipriani 467
227. Заставка. Эйзена 479
228. Концовка (франц. 18 вѣка) 481
229. Виньетка (франц. 18 вѣка) 503
230. Концовка начала 19 вѣка 523
231. Концовка начала 19 вѣка 527
232. Концовка начала 19 вѣка 533
233. Концовка (франц. 18 вѣка) 547
234. Концовка начала 19 вѣка 549
235. Концовка начала 19 вѣка 593
236. Заставка франц. 18 в. 639
237. Концовка Le Barbier (18 в. 643

V.

Буквы.

П (стр. 1), А (2), Г (3), М (6), Т (7), Р (10), И (12). Изъ азбуки Коріона Истомина 17 вѣка.

П. (стр. 14) изъ «Славян. орнамента» В. В. Стасова.

А. (стр. 25), М, С, Д. (стр. 36) С (стр. 353)—франц. буквы 18 в.

Оглавленіе I тома.

I. СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

	стр.
1. Отъ редакціи. С. Венгерова . .	III
2. Родъ Пушкина. Б. Модзалевскаго.	1
3. Дѣтство Пушкина. В. Спиовскаго.	25
4. Пушкинъ въ Лицеѣ. П. Лернера.	39
5. Антоніи Гамильтонъ. Зин. Венгеровой	76
6. Сестра Пушкина. П. Лернера . .	81
7. Пушкинъ и Оссіанъ. Е. Балобановой и П. Никсанова . .	98
8. Пушкинъ и Батюшковъ. П. Морозова.	144
9. Кн. Д. П. Горчаковъ. П. Никсанова	180
10. Кн. А. М. Горчаковъ и Пушкинъ. П. Щеголева	230
11. А. П. Галичъ. Э. Радлова . . .	241
12. П. Ѳ. Конанскій. П. Никсанова.	250
13. Первая любовь Пушкина. Валерія Брюсова	284
14. Литературные замыслы Пушкина 1813—1815 гг. П. Лернера . .	302
15. Пушкинъ и Парни. П. Морозова.	000
16. А. Д. Илличевскій. П. Лернера .	414
17. П. П. Кривцовъ. Г. Карасинка .	458
18. Отъ Лицея до ссылки. П. Морозова.	485
19. Пушкинъ и Кн. Е. П. Голицына. Н. Кубасова	516
20. Періодъ Зеленой Лампы. Алексѣй Веселовскаго.	542
21. Русланъ и Людмила. М. Халанскаго	572

II. СТИХОТВОРЕНІЯ и ПРИМѢЧАНІЯ КЪ НИМЪ.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
1—5	—	С. Венгерова	35

СТИХОТВОРЕНІЯ 1812—1813 гг.

	стр.		стр.
6. Рыцарская баллада	—	С. Венгерова	62-68
7. Описаніе розы	—		
8. О, Делія драгая	63		
9. Делія	63		
10. Романъ «Цыганъ»	—		
11. Такъ водится на свѣтѣ	—		

СТИХОТВОРЕНІЯ 1814 года.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
12. Къ другу стихотворцу	67	П. Лернера и Ред.	68
13. Къ сестрѣ	73	П. Лернера.	72
14. Кольна	89	С. Венгерова	88
15. Эвлега	93	С. Венгерова	90
16. Остаръ	95	С. Венгерова	94
17. Леда	115	С. Венгерова	116
18. Вечеръ отъ Лапсы	119	А. Маленна	120
19. Красавицѣ, которая нюхала табакъ.	121	С. Венгерова	124
20. Stances	123	С. Венгерова	126
21. Посланье къ Наталѣ	125	С. Венгерова	126

* поставлена передъ стихотвореніями, *приписываемыми* Пушкину.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
22. Къ молодой актрисѣ	131	С. Венгерова	130
23. Опытность	133	П. Морозова	132
24. Блаженство	135	П. Морозова	132
25. Пирующіе студенты	139	П. Морозова и Ред.	132
26. Къ Батюшкову	145	С. Брандловскаго	142
27. Къ П. Г. Ломоносову	155	С. Венгерова	156
28. Романсъ	157	С. Венгерова	156
29. Казакъ	167	П. Сумцова и Ред.	162
30. Mon portrait	169	С. Венгерова	168
31. Городокъ	171	С. Венгерова, З. В. и Ю. В.	170
32-34. Эпиграммы	181	С. Венгерова	140
35. На Гр. А. К. Разумовскаго	183	С. Брандловскаго и Ред.	190
36. Эпиграмма на поэму князя С. А. Ширинскаго-Шихматова	183	С. Брандловскаго и Ред.	188
37. Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ	185	П. Морозова и Ред.	196

СТИХОТВОРЕНІЯ 1815 года.

	стр.		стр.
38. Бова	203	П. Лернера и Ред.	202
39. Лицинію	211	А. Маленина и Ред.	212
40. Къ Дельвигу	215	Валерія Брюсова и Ред.	216
41. Наполеонъ на Эльбѣ	219	С. Венгерова	220
42. Старикъ	223	П. Гливенко	224
43. Вода и Вино	225	Редакціи	226
44. Батюшкову	225	С. Венгерова	228
45. Эпиграмма	227	Редакціи	228
46. Къ Пущину	227	Редакціи	230
47. Къ Галичу	229	Редакціи	230
48. Князю А. М. Горчакову	231	Редакціи	230
49. Мечтатель	233	Валерія Брюсова	233
50. Посланіе къ Галичу	237	С. Венгерова	246
51. Моему Аристарху	247	Ю. В., З. В. и Ред.	259
52. Сраженный Рыцарь	261	П. Лернера	268
53. Разсудокъ и любовь	263	Редакціи	270
54. Гробъ Анакреона	265	А. Маленина	272
55. Мое завѣщаніе друзьямъ	267	Валерія Брюсова	276
56. Погребъ	269	П. Лернера	276
57. Воспоминаніе	271	П. Лернера	278
58. Посланіе къ Юдину	273	Валерія Брюсова и Ред.	280
59. Слеза	279	Валерія Брюсова	284
60. Къ Живописцу	281	П. Лернера	288
61. Роза	283	Валерія Брюсова	290
62. Измѣны	289	В. Л.	292
63. На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа	291	Б. В.	294
64. Моя эпитафія	295	П. Лернера	298
65. Къ баронессѣ М. А. Дельвигъ	295	П. Лернера	298
*66. Вишня	297	П. Лернера	303
67. И я такъ щастливъ былъ	301	Р.	300
68. Угрюмыхъ тройка есть пѣвцовъ	301	П. Лернера	300
69. Фатамъ или человѣческій разумъ	—	П. Лернера	302
70. Философъ	—	П. Лернера	302
*71. Отъ всеношной, вечоръ, идя домой	303	П. Лернера	303

СТИХОТВОРЕНІЯ 1816 ГОДА.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
72. Къ Машѣ	305	Н. Лернера	306
73. Усы	307	Н. Лернера	306
74. Блаженъ, кто въ шумѣ городскомъ	309	Н. Лернера	308
75. Желаніе	311	Редакціи	310
76. Фавнъ и пастушка	313	Н. Лернера	312
77. Амуръ и Гименей	321	Б. Л.	316
78. Фіалъ Анакреона	323	Редакціи	316
79. Посланіе Лидѣ	325	Н. Лернера	318
80. Пущшевая нѣня	327	Н. Лернера.	318
81. Заздравный кубокъ	327	Н. Никсанова.	322
82. Истина	329		324
83. Наѣздники.	329	Валерія Брюсова	324
84. Посланіе къ кн. А. М. Горчакову.	331	Александра Блока.	326
85. Къ принцу Оранскому	335	Н. Никсанова.	328
86. Сонъ.	337	Валерія Брюсова	332
87. Любовь одна веселье жизни хладной	345	Александра Блока.	332
88. Окно.	347	Александра Блока.	336
89. Наслажденіе	349	Александра Блока.	338
90. Твой и мой	349		340
91. Къ Морфею	351	А. Б.	340
92. Пробужденіе	351	Валерія Брюсова	342
93. Къ письму	351		342
94. Унынье (Желанье).	351	Александра Блока.	342
95. Надпись къ бесѣдкѣ	353	Н. Лернера.	346
96. Къ ней.	355	Александра Блока.	342
97. Мѣсяцъ.	355	Валерія Брюсова	348
98. Унынье (Разлука)	355	Н. Лернера.	348
99. Цѣвецъ	357	Н. Лернера.	350
100. Элегія (Я видѣлъ смерть)	357	Александра Блока.	350
101. Элегія (Счастливъ кто въ страсти самъ себѣ)	359	Валерія Брюсова	354
102. Осеннее утро.	359	Александра Блока	354
103. Къ Наташѣ	361	Александра Блока	354
104. Княжнѣ Волконской	361	Александра Блока.	358
105. Элегія (Опять я вашъ, о юные друзья)	361		360
106. Друзьямъ	363	Валерія Брюсова	362
107. Шишкову	363	П. Щеголева	362
108. Боже царя храни	365	Н. Лернера	366
109. Элегія (Я думалъ, что любовь погасла навсегда)	367	Александра Блока	368
110. Слово милой	369	Александра Блока.	370
111. Лилѣ	371	Александра Блока.	370
112. Къ молодой вдовѣ	371	Н. Лернера.	372
113. Больны вы, дядюшка	371		372
114. Заутра съ свѣчкой трощевою.	373		374
115. Завѣщаніе	373		374
116. Экспромтъ на Агареву	373	Н. Лернера.	374
117. Она	373		376
118. Вотъ Вилѣ—онъ любовью дышетъ.	375		378
119. На смерть стихотворца	375		378
120. Скажи, что новаго	375		378
121. На Пучкову	377	Б. Модзалевскаго	378

СТИХОТВОРЕНІЯ 1817 ГОДА.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
122. В. Л. Пушкину (Тебѣ, о Несторъ Арзамаса)	395	П. Лернера	394
123. Торжество Вакха	397	А. Маленина	394
124. Сновидѣніе	401	Александра Блока	398
125. Стансы (изъ Вольтера)	401	Александра Блока	402
126. Письмо къ Лидѣ	403	Александра Блока	404
127. Добрый совѣтъ	403	. . . . .	406
128. Именины	403	. . . . .	406
129. Къ портрету П. Я. Чаадаева	405	. . . . .	406
130. Къ портрету И. И. Каверина	405	. . . . .	408
131. Къ И. И. Каверину	407	П. Лернера	408
132. Въ альбомъ А. И. Зубову	407	. . . . .	412
133. Дельвигу (Любовью, дружествомъ и лѣнью)	407	А. Б.	412
134. Въ альбомъ Илличевскому	409	. . . . .	414
135. Въ альбомъ И. И. Пущину (Взглянувъ когда-нибудь на тайный сей листокъ)	409	. . . . .	428
136. Вѣнецъ желаніямъ	411	. . . . .	430
137. Разлука	411	Александра Блока	430
138. Товарищамъ	413	П. Лернера	432
139. Гауэншильдъ и Энгельгардтъ	413	. . . . .	434
140. Посланіе къ В. Л. Пушкину (Скажи, парнасскій мой отецъ)	415	П. Лернера	436
141. Безвѣріе	417	Валерія Брюсова	438
142. Къ ней	421	Александра Блока	440
143. Къ Жуковскому	421	П. Пиксанова и П. Лернера	442
144. Штабсъ-капитану Гете, Грею	425	. . . . .	446
145. Couplets	427	. . . . .	448
146. К. А. Б.	431	П. Лернера	448
147. И останешься съ вопросомъ (С. С. Есакову)	431	. . . . .	450
148. Портретъ	431	. . . . .	451
149. Исторія стихотворца	431	. . . . .	451
150. Вотъ здѣсь лежитъ больной студентъ	431	. . . . .	452
151. Есть въ Россіи городъ Луга	433	. . . . .	452
152. Простите, вѣрныя дубравы (Прощаніе съ Тригорскимъ)	433	П. Лернера.	453
153. Экспромпты	435	П. Лернера.	453
154. Къ О... (Е. С. Огаревой)	437	. . . . .	454
155. А. И. Тургеневу	437	П. Лернера.	454
156. Къ *** (Не спрашивай, зачѣмъ унылой думой)	441	. . . . .	455
157. Краевъ чужихъ неопытный любитель (Кн. Евд. Ив. Голицыной)	441	. . . . .	456
158. Кривцову (Не пугай насъ, милый другъ)	443	. . . . .	456
*159. Молитва лейбъ-гусарскихъ офиц.	445	. . . . .	456
*160. Къ Баболовскому дворцу	447	. . . . .	456

СТИХОТВОРЕНІЯ 1818 ГОДА.

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
161. Другу отъ друга (Кривцову)	459	П. Морозова.	458
162. Сказки (Noël)	461	П. Морозова.	466

Текстъ.	стр.	Примѣчанія.	стр.
163. Мечтателю	463	П. Лернера.	468
164. Выздоровленіе.	465	П. Лернера.	470
165. Прелестницѣ.	467	П. Морозова.	472
166. Жуковскому (Когда къ мечтательному міру)	469	П. Морозова.	474
167. Послушай, дѣвушка.	469	П. Морозова.	474
168. Къ портрету Жуковскаго	471	П. Лернера.	476
169. (На Каченовскаго)	475		478
170. Юрьеву	475	Б. Модзалевскаго	480
171. Въ Альбомъ Е. Я. Сосницкой	477		482
172. Къ Чаадаеву (Любви, надежды, гордой славы).	477		483
173. Добрый человѣкъ	477		483
174. Веселый пиръ	479	П. Лернера.	483
175. Уединенье	479	П. Лернера.	484
*176. Про себя	481		484
*177. Она тогда ко мнѣ придетъ	481		484
*178. Наденькѣ	481		484
*179. За ужиномъ объѣлся я	481		484

СТИХОТВОРЕНІЯ 1819 ГОДА.

180. (На А. М. Колосову)	505	П. Морозова.	504
181. Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь Ея Имп. Вел. Государыни Имп. Елизаветы Алексѣевны	507	П. Лернера.	506
182. В. В. Энгельгардту	509	П. Лернера	508
183. Вольность. Ода	511	П. Морозова	510
184. Кн. Г-ой (Голицыной), посылая ей оду Вольность	519		516
185. Орлову	521		526
186. Въ альбомъ М. А. Щербинину	523	Б. Модзалевскаго	528
187. Деревня	525	П. Морозова и Ред	532
188. Раевскій, молодецъ прежній (записка къ Жуковскому)	529		536
189. (Къ Ѳ. Ф. Юрьеву). Здорово, Юрьевъ именинникъ	529	Б. Модзалевскаго	536
190. (На А. С. Стурдзу)	529		538
191. Всеволожскому	531	П. Лернера	538
192. Платоническая любовь	535	П. М.	560
193. (П. Б. Мансурову)	535	П. М.	560
194. Стансы Толстому	537	Б. Модзалевскаго	560
195. Русалка	539	П. Морозова	566
196. Домовому	541	П. Лернера	567
197. Недоконченная картина	543		568
198. Возрожденіе	543		568
199. Князю А. М. Горчакову	545		568
200. Баллада. (Что ты, дѣвица грустна)	549	П. Лернера	568
201. На Фотія	551		570
202. На кн. А. Н. Голицына	553		570
*203. На Н. И. Гнѣдича	555		570
*204—205. Эпиграммы на Карамзина	555		—
*206. Ты и Я	555		—
*207. Нимфодорѣ Семеновой	559		—
*208. На графа Хвостова	559		—
*209. На графиню Орлову	561		—
*210. Разговоръ Фотія съ Орловой	561		—
*211. Руслань и Людмила (1817—1820)	571		—

МОГИЛ
МАГАЗИН № 7
р. 700 р.

PG
3340
A1
1907
t.1

Pushkin, Aleksandr Sergeevich
Pushkin

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY